

ХУЛИЯ НАВАРРО

Стреляй,
я уже
мертв

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО
ГРУППА «ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН»

Бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись — это умереть или убить. В конце XIX века, на последнем этапе царизма в России, семье Цукеров преследуемой за иудейскую веру, приходится бежать из страны, от кошмара и несправедливости. Прибыв на Землю Обетованную, Самуэль Цукер приобретает землю у арабской семьи Зиядов, возглавляемой Ахмедом. Между ним и Самуэлем возникает тесная связь, крепкая дружба, которая, несмотря на политические и религиозные различия, сохраняется поколение за поколением. На фоне угроз, мести и многих других страстей жизнь Цукеров и Зиядов сплетается в мозаику предательства и страданий, любви возможной и невозможной, полное удивительных событий совместное существование на территории нетерпимости. Пронзительная и трогательная хроника, две семейные саги — новый роман Хулии Наварро погружает нас в жизнь реальных людей, которые борются за то, чтобы исполнить свои мечты, которые сами ответственны за выбранный путь.

Алексу, который всегда дарит мне радость
И как всегда Фермину

1. Иерусалим, наши дни

«Бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись – это умереть или убить». Эти слова Мухаммеда Зияда мучили ее с той самой секунды, когда она услышала их из уст его сына — Вади Зияда. Она не могла не думать об этих словах, пока вела машину под неумолимым солнцем, золотящим камни на пути. Дома, сгрудившиеся в новом квартале Иерусалима, были того же золотистого цвета, построенные из этого обманчиво мягкого камня, но на самом деле твердого, как скалы в тех каменоломнях, на которых его добыли.

Она вела машину медленно, скользя взглядом по горизонту, где казались такими близкими Иудейские горы.

Да, она ехала медленно, хотя и торопилась, просто ей нужно было прочувствовать эти мгновения тишины, чтобы совладать с охватившими ее эмоциями.

Еще два часа назад она не знала, куда приведет ее этот путь. Не то чтобы она не была готова, нет. Но ее, тщательно планирующую каждую деталь собственной жизни, удивила та легкость, с которой Жоэль устроил встречу. Хватило всего десятка слов.

— Готово, он тебя примет в полдень.

— Так скоро?

— Сейчас десять, времени хватит с избытком, это недалеко. Я покажу на карте, добраться несложно.

— Ты хорошо знаешь это место?

— Да, и их тоже знаю. В последний раз я был там три недели назад с Миссией во имя мира.

— Даже не знаю, почему они тебе доверяют.

— А почему бы им мне не доверять? Я француз, у меня хорошие связи, а невинные души неправительственных организаций нуждаются в том, кто бы сориентировал их в бюрократических хитросплетениях Израиля, человеку, который взял бы на себя хлопоты по получению пропусков в Сектор Газа и Западный берег реки Иордан, который добился бы встречи с министром, где они могли бы выразить протест по поводу условий проживания палестинцев, кто добывал бы для них грузовики по сходной цене, чтобы перевозить гуманитарную помощь с одного места на другое... Моя организация делает большую работу. Уж в это можешь поверить.

— Ага, ты живешь за счет добрых чувств всего остального человечества.

— Я живу, оказывая услуги тем, кто живет за счет угрызений совести остальных. Не жалуйся, вы не провели без нас ни единого месяца, и за это время я устроил тебе встречи с двумя министрами, с депутатами парламента из всех фракций, с секретарем гистадрута [\[1\]](#), помог добраться на оккупированные территории, устроил интервью с кучей палестинцев... Ты здесь четыре дня, а уже выполнила половину предусмотренной программы.

Жоэль раздраженно посмотрел на женщину. Она ему не нравилась. С тех самых пор, как он забрал ее в аэропорту четыре дня назад, он заметил, как она напряжена и чувствует себя не в своей тарелке. Раздражала его и дистанция, на которой она предпочитала держаться, попросив называть себя госпожой Миллер.

Она выдержала взгляд. Ведь он прав. Я выполнила свою программу, а его услугами пользовались и другие неправительственные организации. Не существовало ничего, чего

Жоэль не мог бы добиться из своего офиса с видом на старый Иерусалим вдалеке. Вместе с ним работала жена, израильянка, и еще четверо молодых людей. Он руководил компанией, наиболее ценной для всех НКО [2].

— Я расскажу тебе кое-что об этом человеке. Это настоящая легенда, — сказал Жоэль.

— Я бы предпочла поговорить с его сыном, именно об этом я тебя просила.

— Но он сейчас в США по приглашению Колумбийского университета, участвует в семинаре, а когда вернется, ты уже уедешь. У тебя не будет сына, но будет отец, поверь мне, от этого ты только выиграешь. Это потрясающий старик. У него есть своя история...

— Ты так хорошо его знаешь?

— Временами работники министерства отправляют людей вроде тебя. По сравнению со своим сыном он что-то вроде голубя мира.

— Именно по этой причине я и хотела поговорить с Аароном Цукером, он один из основных приверженцев политики израильских поселений [3].

— Да, но его отец гораздо интересней, — настаивал Жоэль.

Они замолчали, чтобы избежать очередного дурацкого спора, которые они время от времени вели. Они плохо ладили. Жоэль видел в ней лишь требовательность, она же — лишь его цинизм.

И сейчас она уже на пути к цели, с каждой минутой ощущая всё большее напряжение. Она прикурила сигарету и, нахмурившись, вдыхала дым, сосредоточив взгляд на волнистой поверхности земли, которая вздымалась по обеим сторонам шоссе, словно специально для того, чтобы взгромоздить повыше несколько современных и функциональных зданий. А коз нет, подумала она, увлекшись библейским образом, да и с какой стати им здесь быть? У этих громад из стекла и стали не было места для коз, они были знаком процветания современного Израиля.

Еще через несколько минут она свернула с шоссе на дорогу, ведущую к группе расположенных на холме домов, припарковала машину у каменного трехэтажного здания, идентичного остальным, возвышавшимся на каменистой земле. Отсюда в ясный день можно было увидеть стены старого города.

Она потушила сигарету в пепельнице и сделала глубокий вздох.

Это место казалось зажиточным кварталом, как и многие другие. Дома в несколько этажей, окруженные садами с качелями и горками для детей, а вдоль чистейших тротуаров выстроились в линию машины. Она дышала спокойно и уверенно. Не трудно было вообразить живущие в этих домах семьи, хотя она знала, как выглядело это место несколько десятилетий назад, старые палестинцы с затуманенным от воспоминаний взглядом рассказали ей о тех временах, когда они жили на этом клочке земли, потому что те, другие, еще не явились. Евреи.

Она поднялась по лестнице и только прикоснулась к звонку, как дверь открылась. Молодая женщина не старше тридцати приняла ее с улыбкой. Она была одета в свободном стиле — в джинсы, широкую футболку и спортивные туфли, и походила на многих других девушек, но ее можно было узнать среди тысяч других по искренней улыбке и приветливому взгляду.

— Проходите, мы вас ждем. Вы ведь госпожа Миллер?

— Да.

— А я Ханна, дочь Аарона Цукера. Сожалею, что отец в отъезде, но поскольку министр так настаивал, дедушка вас примет.

Из крошечной прихожей они прошли в широкую и светлую гостиную.

— Садитесь, я сообщу дедушке.

— В этом нет необходимости, я уже здесь. Я Изекииль Цукер, — раздался голос из глубины дома. Секундой спустя показался и сам говоривший.

Госпожа Миллер впиалась в него взглядом. Он был высоким, с седыми волосами и серыми глазами, несмотря на возраст, выглядел очень бодрым.

Он с силой пожал руку и пригласил ее сесть.

— Так значит, вы хотели увидиться с моим сыном...

— Вообще-то я хотела познакомиться с вами обоими, хотя в особенности с вашим сыном, поскольку он является одним из основных зачинщиков политики расселения...

— Да, причем он настолько умеет убеждать, что министерство присылает к нему самых критически настроенных посетителей, чтобы он объяснил им политику расселения. Что ж, слушаю вас, госпожа Миллер.

— Дедушка, — вмешалась Ханна, — если я не нужна, то я пойду. У меня собрание в университете. Йонас тоже собирается уйти.

— Не волнуйся, я и сам справлюсь.

— Сколько вам нужно времени? — спросила Ханна госпожу Миллер.

— Постараюсь его не утомлять... Час, может, чуть больше... — ответила та.

— Нет нужды спешить, — заверил старик, — в моем возрасте время уже не имеет значения.

Они остались одни, и он почувствовал напряжение. Он предложил чай, но гостья отказалась.

— Так значит, вы работаете на одну из этих НКО, которые субсидирует Европейский Союз.

— Я работаю в организации по делам беженцев, мы на месте изучаем проблемы, от которых страдают перемещенные лица в результате военных конфликтов и природных катастроф... Мы пытаемся оценить их состояние, как и причины, вызвавшие конфликт и пути к их решению, сколько продлится эта ситуация, мы также призываем международные организации принять меры для уменьшения страданий беженцев. Мы проводим очень тщательные исследования, и потому получаем помощь от общественных институтов.

— Да, я знаком с отчетами вашей организации относительно Израиля. Всегда критические.

— Речь идет не о точке зрения, а о реальности, а реальность в том, что с 1948 года палестинцам пришлось покинуть свои дома, они были лишены своей земли. Наша работа — оценить политику израильских поселений, по причине которой сейчас в основном и возникают беженцы. Там, где мы находимся сейчас, на этом самом холме, когда-то была палестинская деревня, от которой ничего не осталось. Вы в курсе, какая судьба ожидала ее обитателей? Где они сейчас? Как выживают? Смогут ли однажды вернуться в то место, где родились? Что вы знаете об их страданиях?

Она тут же пожалела о своих словах, это неверный путь. Нельзя так открыто демонстрировать собственные чувства. Нужно постараться вести себя как можно нейтральнее. Никакой уступчивости, но и без враждебности.

В ожидании ответа она прикусила губу.

— Как вас зовут? — спросил старик.

— Что-что?

— Я спросил ваше имя. Слишком неудобно называть вас госпожой Миллер. А меня можете звать Изекиилем.

— Что ж, не уверена, что это правильно... мы стараемся обходиться без фамильярности во время работы.

— Я и не собираюсь с вами брататься, просто давайте обращаться друг к другу по имени. Мы же не в Букингемском дворце в конце концов! Вы в моем доме, моя гостья, и я прошу вас называть меня Изекииль.

Этот человек сбил ее с толку. Она хотела было отказаться называть его по имени, поскольку не собиралась позволить ему поступать так же, но если он решит закончить на этом разговор... Тогда она пропустит лучшую возможность добиться того, что ее так мучило.

— Мариан.

— Мариан? Ну надо же...

— Распространенное имя.

— Не извиняйтесь за то, что вас зовут Мариан.

Ее охватил гнев. Он был прав, она извинялась за свое имя, хотя не могла понять, почему.

— Если вас это устроит, я приготовила список вопросов, которые станут основой для моего доклада.

— Полагаю, вы поговорите и с другими людьми...

— Да, у меня длинный список для интервью: чиновники, депутаты, дипломаты, члены других НКО, религиозные деятели, журналисты...

— И палестинцы. Полагаю, что вы и с ними поговорите.

— Кстати, я это уже сделала, они — причина моей работы. Перед тем как приехать в Израиль, я побывала в Иордании и имела возможность поговорить со многими палестинцами, которым пришлось бежать после каждой войны.

— Вы спрашивали меня о страданиях беженцев... Что ж, я мог бы говорить об этом много часов, дней и недель.

Трудно было поверить, что этот высокий и сильный мужчина, несмотря на возраст излучающий уверенность, с этим взглядом стальных серых глаз, отмечающих внутреннюю умиротворенность, и правда знает, что такое страдание. Она не собиралась отрицать, что он страдал, но это не означало, что он мог почувствовать боль других.

— Откуда вы знаете, что здесь была арабская деревня? — спросил старик, быстро уловив ее недоверие.

— В нашей организации есть детальная информация обо всех палестинских деревнях и городках, включая те, которые перестали существовать со времен оккупации.

— Оккупации?

— Да, с тех пор как прибыли первые еврейские иммигранты и до провозглашения государства Израиль, а в особенности всего того, что произошло потом.

— И что же вы хотите узнать?

— Хочу, чтобы вы мне рассказали о политике оккупационных властей, о нелегальных поселениях, об условиях жизни палестинцев, дома которых разрушены в качестве мести... почему по-прежнему продолжают возводить поселения на не принадлежащих им территориях... Обо всем этом я собиралась поговорить с вашим сыном. Я знаю, что Аарон Цукер — один из самых рьяных защитников политики расселения, его статьи и конференции сделали его знаменитым.

— Мой сын — честный человек, храбрый военный в те времена, когда служил в армии,

и всегда был известен тем, что громко говорит то, что думает, не заботясь о последствиях. Проще всего жаловаться на политику расселения или просто молчать, но тайно ее поддерживать. У нас в семье мы предпочитаем говорить в лицо, что думаем.

— Потому я и здесь, потому министерство иностранных дел и прислало меня поговорить с вашим сыном. Он — один из лидеров общественного мнения Израиля.

— Вы считаете, что те, кто защищают политику расселения, почти что чудовища...

Мариан пожала плечами. Она не собиралась говорить, что именно так и думает. Интервью пошло не по тому пути, который она планировала.

— Скажу вам, что думаю я: я не сторонник создания новых поселений. Я защищаю право палестинцев иметь собственное государство.

— Да, но ваш сын Аарон считает по-другому.

— Но вы ведь со мной разговариваете. И не смотрите на меня, как на старого деда, я вовсе не наивен.

Дверь гостиной открылась, и появился высокий молодой человек в военной форме, на его плече висел автомат. Мариан вздрогнула.

— Это мой внук Йонас.

— Так это вы из НКО... Простите, но я невольно подслушал последние слова. Я бы тоже хотел высказать свое мнение, если дедушка позволит.

— Йонас — сын Аарона, — объяснил Иезекииль Цукер.

— Политика расселения — это не просто какой-то каприз, речь идет о нашей безопасности. Взгляните на карту Израиля, посмотрите на наши границы... Поселения составляют часть того фронта, за который нам приходится бороться, — убежденно произнес Йонас, вызвав у Мариан приступ раздражения. Этот молодой человек инстинктивно вызывал у нее неприязнь.

— Бороться с женщинами и детьми? Какая слава в том, чтобы разрушать дома, где еле сводят концы с концами палестинские семьи? — спросила Мариан.

— Может, нам стоит позволить, чтобы нас убили? Камни причиняют боль. А в этих деревнях, где, как вам кажется, живут мирные семьи, есть и террористы.

— Террористы? Вы называете террористом того, кто защищает свое право жить в том месте, где родился? И вообще, политика расселения — это лишь попытка оставить за собой чужую территорию. Резолюции ООН относительно границ Израиля кристально ясные. Но ваша страна ведет политику, настаивая на свершившемся факте. Вы строите поселения в тех зонах, где живут палестинцы, окружаете их, делаете их жизнь невыносимой, пока не добиваетесь их отъезда.

— Вы такая страстная натура, не понимаю, зачем вы вообще пришли сюда для написания вашего доклада. Вам же всё уже ясно, это очевидно, и никакие слова моего отца или дедушки не изменили бы ваше мнение, я прав?

— Я обязана выслушать все стороны.

— Это просто для отвода глаз, ничего больше.

— Хватит, Йонас, госпожа Миллер делает свою работу, — голос Иезекииля Цукера ясно давал понять, что не стоит ждать новой реплики от его внука.

— Ладно, ухожу.

И молодой человек исчез, не попрощавшись.

Мариан прочитала в серых глазах Иезекииля Цукера, что он готов закончить этот

разговор, с которым она не справилась. Но она не могла уйти. Еще не время.

— Пожалуй, я выпью предложенный вами чай.

Теперь ошарашенным выглядел он. Цукер не хотел продолжать разговор с этой женщиной, но и не желал проявлять грубость.

Когда он вернулся с чаем, она смотрела в окно. Она была привлекательна, хотя и не красавица. Среднего роста, стройная, с уложенными черными волосами. Он посчитал, что ей уже перевалило за сорок, вероятно, ближе к пятидесяти. Он ощутил ее беспокойство, и это беспокойство, казалось было заразным.

— В том направлении — Иерусалим, — сказал он, поставив поднос с чаем на низкий столик.

— Я знаю, — отозвалась Мариан.

Она выдавила из себя улыбку, но старик, похоже, не был расположен разговаривать.

— Вы сказали, что могли бы неделями разговаривать о страданиях...

— Мог бы, — сухо ответил он.

— Откуда вы родом, Иезекииль? Из какой страны?

— Я израильтянин. Это моя родина.

— Могу себе представить, что для еврея нет ничего более важного, чем чувствовать, что у него есть родина, — сказала она, не обращая внимания на отстраненный тон собеседника.

— Наша родина, да. Никто ее нам не дарил. У нас она по праву. И я ниоткуда не приезжал, я здесь родился.

— В Палестине?

— Да, в Израиле. Удивлены?

— Нет...

— Вообще-то мои родители были из России, а их родители — из Польши. В России много людей польского происхождения, как вы знаете, Польша всегда находилась под пристальным вниманием русских, и каждый раз, когда им доставался кусок польской территории, польские евреи пытались прикинуться русскими. Жизнь евреев в России была непростой, как, впрочем, и в любом другом месте Европы, хотя французская революция облегчила наше положение. Войска Наполеона распространяли идеи свободы везде, куда бы ни приходили, но эти идеи были задушены в царской России. Если в Западной Европе условия нашей жизни изменились, многие евреи превратились в выдающихся граждан и ведущих политиков, в России этого не произошло.

— Почему?

— Русский император и его правительство были крайне реакционными и боялись всего, что казалось им чуждым. Так что евреи жили в районах, называемых «чертой оседлости», расположенных в городах юга России, в Польше и Литве, на Украине, которые тогда составляли часть Российской империи. Даже верность евреев в то время, когда Наполеон вторгся в страну, не изменила настроения при императорском дворе.

Екатерина нас не любила, хотя трудно найти царя или царицу, которые бы желали видеть нас в качестве подданных.

— Вы говорите о Екатерине Великой.

— Именно. Она сделала всё возможное, чтобы нас изгнать.

— Но у нее не вышло...

— Не вышло, пришлось удовлетвориться тем, чтобы ограничить деятельность евреев. В те времена немногие евреи жили достойно: некоторые купцы, процентщики, врачи... Да, им

выдавали специальные разрешения, так что они могли жить почти как обычные граждане. Вы слышали о погромах?

— Конечно, я знаю про погромы.

— В 1881 году на царя Александра II совершили покушение, и среди участников заговора оказалась одна еврейка, Гесья Гельфман. На самом деле она практически и не участвовала, но послужила спусковым крючком для разразившегося по всей империи насилия против евреев. Погром начался в Елизаветграде, а потом перекинулся на Минск, Одессу, Бельцы... были убиты тысячи евреев. Год спустя многим выжившим пришлось бросить всё свое имущество, потому что новый царь, Александр III, подписал указ об их изгнании.

— Ваша семья пострадала от погромов?

— Вам это интересно?

— Да, — пробормотала она. Она хотела, чтобы Цукер расслабился. Да и ей самой не помешало бы.

— Если у вас есть время, чтобы услышать эту историю...

— Возможно, так я лучше всё пойму.

2. Санкт-Петербург — Париж

Мой дед по отцовской линии торговал шкурами, как и его отец Симон. Они разъезжали по Европе, продавая русские меха скорнякам, которые шили из них роскошные шубы для богатых дам. Лучшие клиенты жили во Франции. В Париже у Симона был друг скорняк, месье Элиас. Когда Симон скончался, мой дедушка Исаак продолжил и расширил его дело. Он вложил часть средств в изготовление шуб и продавал их придворным в Санкт-Петербурге. Шубы понравились приезжающим в Париж русским аристократам.

Моя бабушка Эстер была из Франции, дочь месье Элиаса, который не смог, как ни старался, помешать своей дочери уехать с юным Исааком. Месье Элиас остался вдовцом, а Эстер была его единственной дочерью. Исаак и Эстер поженились в Париже и оттуда отправились в городок неподалеку от Варшавы, в тот дом, где Исаак жил со своей овдовевшей матерью Софией. У них родилось трое детей — Самуэль, Анна и самый младший, Фриде. Все родились с разницей в год. Месье Элиас всегда жаловался, что дочь с внуками живут так далеко, и когда моему отцу Самуэлю исполнилось десять, дедушка Исаак решил послать его во Францию, чтобы познакомить с дедом. Самуэль не отличался отменным здоровьем, и мать расставалась с ним с тревогой. Она знала, что для месье Элиаса будет настоящим праздником познакомиться со старшим внуком, но спрашивала себя, способен ли Самуэль перенести неудобства такого длинного путешествия.

— Не волнуйся, наш Самуэль уже почти мужчина, — утешала ее свекровь, София, — а Исаак знает, как о нем позаботиться.

— В особенности я беспокоюсь, как бы он не простыл, а если простудится, то остановитесь в какой-нибудь гостинице и дай ему эту микстуру, — настаивала Эстер.

— Я знаю, как позаботиться о нашем сыне, займись лучше остальными, не выпускай их из вида, в особенности Фриде, младший уж слишком большой шалун. Мне будет спокойней, если я буду уверен, что вы не одни, что вы под присмотром моей матери.

Для Исаака было большим облегчением, что Эстер хорошо ладила с его матерью. София была женщиной с характером, но не могла не сдаться перед добротой Эстер. Свекровь с невесткой больше походили на мать с дочерью.

Через несколько недель путешествия Исаак и Самуэль прибыли в Париж, там они получили известия о беспорядках, охвативших всю Россию.

— Убили царя. Я слышал, что в заговоре винят евреев, — сообщил месье Элиас.

— Не может быть! Царь улучшил условия жизни нашего народа. Что выиграют евреи от его исчезновения? — ответил Исаак.

— Похоже, что некоторые решили взять правосудие в свои руки и напали на еврейские поселения в черте оседлости, — добавил месье Элиас.

— Это просто предлог для тех, кто недоволен политикой царя в отношении евреев! Надеюсь, их вразумят, и правда восторжествует.

— Просто ужасно, что в России евреям не разрешают покидать черту оседлости, — посетовал Элиас. — Во Франции мы по меньшей мере можем жить в городах, даже прямо здесь, в сердце Парижа.

— Идеей проклятой черты оседлости мы обязаны императрице Екатерине. Ее советники хотели подрезать крылья нашим ремесленникам и купцам. Но теперь многие

евреи живут в самом Санкт-Петербурге. Необходимо получить специальное разрешение, но этого можно добиться, — объяснил Исаак.

— Да, но это не для всех, — отозвался месье Элиас. — Хорошо хоть вы живете недалеко от Варшавы. Если бы вы жили в Москве или Санкт-Петербурге, я бы сильно о вас беспокоился.

Они не могли скрыть свою тревогу. Новости из России были столь спутанными, что они начали опасаться за судьбу своей семьи.

— Мы с Самуэлем немедленно возвращаемся. Я не успокоюсь, пока не увижу жену и детей. Я знаю, что матушка о них позаботится, но больше не могу оставить их одних.

— Я тоже не найду покоя, пока не узнаю о вашем прибытии и не получу от тебя весточку с сообщением о том, что всё в порядке. Поезжай как можно скорее.

Два дня спустя их посетил старый друг месье Элиаса, человек с хорошими связями при российском дворе.

— Вы не можете вернуться. Убили сотни евреев. Погромы начались в Елизаветграде, но распространились по всей России, — объяснил гость.

Месье Элиас терзался из-за этой ситуации.

— Возможно, вам опасно возвращаться... — сказал он без особой убежденности, поскольку в глубине души жаждал как можно скорее узнать, что с его обожаемой Эстер и внуками, не в опасности ли они.

— Мы не можем остаться здесь, нужно вернуться. Жена и дети во мне нуждаются, — без колебаний ответил Исаак.

— Возможно, тебе следует оставить Самуэля со мной. Он не прекращает кашлять, а иногда у него жар, и он весь день лежит в постели.

— Знаю, но не могу его здесь оставить. Эстер мне этого не простит. Она хочет, чтобы все дети были в одинаковом положении, но очень переживает за Самуэля из-за его хрупкого здоровья. Если мы вернемся не вместе, то она решит, что произошло что-то плохое.

— Я знаю свою дочь, знаю, что она предпочла бы, чтобы Самуэль остался здесь в безопасности.

Месье Элиас так и не смог убедить моего дедушку Исаака, который тут же отправился в путь. Они с Самуэлем ехали в почтовой карете, с хорошими лошадьми, вместе с двумя другими торговцами, следующими в Варшаву, которые, столь же встревоженные, возвращались домой.

— Отец, с мамой всё хорошо? А с Фриде и Анной? С ними ведь ничего не произошло? — Самуэль не переставал спрашивать отца о судьбе матери и других детей.

Поездка показалась им вечностью. Они едва могли сомкнуть глаза во время остановок на постоянных дворах, где евреев не всегда принимали дружелюбно. В некоторых случаях даже пришлось спать под открытым небом, потому что им отказывались предоставить ночлег.

— В чем мы отличаемся от других? — спросил Самуэль однажды вечером, когда они отдыхали рядом друг с другом на узкой кровати жалкого пансиона в Германии.

— А почему ты думаешь, что мы отличаемся? — добродушно отозвался Исаак.

— Себе я кажусь таким же, как все остальные, но я знаю, что они смотрят на нас, как на чужаков, и не знаю, по какой причине. Я не знаю, почему некоторые ребята не хотят с нами играть, почему мы редко ездим в город, а когда едем, то вы с мамой, похоже, чего-то боитесь. Мы всегда ходим с опущенной головой, словно не хотим, чтобы нас заметили или

побеспокоили. Вот потому я и думаю, что мы другие, в нас есть что-то такое, что не нравится остальным, но я не знаю, что именно, вот и спрашиваю.

— Мы ничем не отличаемся, Самуэль, это другие хотят нас такими видеть.

— Но они думают, что быть евреем — это что-то плохое... — осмелился сказать Самуэль. — говорят, что мы убили Иисуса.

— Иисус был евреем.

— И почему мы его убили?

— Мы его не убивали, и не волнуйся, нет ничего плохого в том, чтобы быть евреем, как быть христианином или мусульманином. Не стоит думать о таких вещах. Когда подрастешь, ты поймешь. А теперь спи, завтра нам рано уезжать.

— Когда мы прибудем в Варшаву?

— Если повезет, то через пять или шесть дней. Варшава тебе нравится больше Парижа?

— Я просто хочу знать, сколько времени понадобится, чтобы вернуться домой, я скучаю по маме.

Когда они прибыли в Варшаву, то остановились в доме Габриэля, дальнего родственника Исаака. Самуэль кашлял, у него была температура и припадки, вызванные утомлением от столь долгого путешествия.

Отцу пришлось пролежать несколько дней в постели, несмотря на нетерпение бабушки Исаака.

— Сохраняй спокойствие, твой сын не в состоянии путешествовать. Можешь оставить его с нами, моя супруга о нем позаботится, а потом заедешь за ним, когда будешь уверен, что с твоей семьей всё в порядке, это всего лишь день пути, — настаивал родственник.

Но бабушка и слышать не хотел о том, чтобы оставить сына в Варшаве, в особенности когда они были так близко от дома.

Наконец, несмотря на слабость Самуэля, кашель которого всё никак не прекращался, они тронулись в путь.

— Быть евреем — это наверняка дурно, — настаивал Самуэль, борющийся с жаром.

— Вовсе нет, сынок, вовсе нет. Ты должен гордиться тем, кто ты. Зло не в нас, а лишь в тех, кто не считает нас человеческими существами.

Бабушка Исаак был человеком образованным, последователем учения Моисея Мендельсона — немецкого философа, который столетием ранее стал зачинщиком движения «Хаскала» («Просвещение»), призывающего евреев влиться в европейскую культуру.

Мендельсон перевел Тору на немецкий и противостоял наиболее радикальным течениям иудаизма. Он утверждал, что можно быть одновременно евреем и немцем, и предлагал своему народу полностью интегрироваться в местное сообщество. Под влиянием этих идей бабушка пытался убедить свое окружение, что можно быть евреем и глубоко русским. Хотя некоторые ортодоксы и отвергали подобную ассимиляцию, они не переставали ощущать себя русскими и не смогли бы жить в любом другом месте кроме России. Мой дед говорил, что нельзя замыкаться в себе, нужно открыть себя другим, узнать их и дать познать себя. Так он воспитывал и детей, так хотел жить, но Россия, которую он обнаружил по возвращении из Парижа, еще больше отвергала евреев.

Они добрались уже затемно, дорожная пыль покрывала их одежду и кожу. Штетл ^[4] со временем разросся и находился неподалеку от другого поселения, и совместное существование евреев и людей другой веры всегда было проникнуто недоверием и бессильной ненавистью, которая время от времени прорывалась в форме ярости. Виновника

любого происшествия всегда находили среди евреев, и невозможно было объяснить, что причина их несчастий — в жадности и царской политике, изгнавшей их со своей земли.

Когда они прибыли с свой квартал на окраине городка, то испытали потрясение. Похоже, что здесь бушевал пожар. Следы пламени превратились в измазанные сажей стены домов. Как ни боялся дедушка увидеть свой дом, он всё равно попросил извозчика, чтобы поторопился.

Окна в доме были разбиты, а в ноздри ударил густой запах гари и трагедии, еще до того, как они сошли с экипажа.

— Подождать вас? — спросил извозчик.

— Нет, поезжай, — ответил Исаак.

По пути им попались соседи, их мрачные лица предсказывали худшее.

— Исаак, друг мой... — Мойша, опирающийся на трость, вцепился в Исаака, чтобы тот не входил туда, что еще недавно было его домом.

— Что произошло? Где моя жена? Мои дети? Мать? Что случилось с домом?

— Это было ужасно... ужасно... — пробормотала с ног до головы замотанная в одеяло женщина.

— Что произошло? — повторил Исаак.

— Твоя жена и дети... они погибли... Их убили. Как и твою мать. И не только их, толпа набросилась на всех. Мне жаль... — объяснил сосед, пытаясь задержать Исаака, порывавшегося войти в остатки дома.

Исаак вырвался из рук соседа.

— Идите к нам домой, там я расскажу, что случилось, и вы сможете отдохнуть. Жена приготовит вам что-нибудь поесть.

Но Исаак и Самуэль побежали к дому, не желая ничего слушать. Они толкнули дверь, надеясь обнаружить свою семью. Эстер раскроет им объятия, Анна спросит, не привезли ли ей подарок из Парижа, маленький Фриде запрыгает от радости, а София поспешит на кухню, чтобы приготовить поесть. Но дом был погружен в тишину. Зловещую тишину, прерываемую лишь далеким завыванием кота и треском, который издавала валяющаяся на полу посуда, когда на нее наступали. Кто-то вывернул наружу буфет, а кресло, где Исаак обычно курил после длинного дня, было распорото, пружины торчали наружу. Его книги, те, что он унаследовал от отца и деда, книги, которые покупал сам в каждой поездке, вытащили из шкафа, а вырванные страницы разлетелись по углам.

Комната, которую он столько лет делил с Эстер, где родились их дети, походила на поле битвы, где враг разбил всю мебель и прочую утварь.

Самуэль вошел в комнату, которую занимал вместе с маленьким Фриде, и увидел, что всё превращено в руины. «А где же деревянная лошадка?» — подумал мальчик, вдруг заскучавший по игрушке, которую его дед изготовил собственными руками, а Фриде так любил на ней кататься.

Исаак обхватил сына и прижал его к себе, пытаясь облегчить отчаяние, отражающееся на лице мальчика.

Комната, которую занимали маленькая Анна с бабушкой Софией, тоже не избежала кошмарного разгрома. Некоторые платья девочки оказались порванными в клочья, а другие исчезли.

Сосед молча следовал за ними, пока они страдали от страшной боли.

— Думаю, ты слышал об убийстве царя. С его жизнью покончила группа террористов, и

в ней была одна еврейка. Похоже, она не играла там важную роль, но была знакома с террористами. Ты ведь знаешь, что в газетах многие месяцы твердят, что евреи представляют опасность. А покушение это подтвердило, — объяснил сосед, задыхающимся от нахлынувших чувств голосом.

— Но какое отношение ко всему этому имеет моя семья? Где они? — спросил Исаак полным боли голосом.

— В газетах написали, что в убийстве царя принимали участие евреи. В «Новом времени» нас назвали виновниками. Это распалило людей, во многих городах начались погромы. Сначала отдельные инциденты, напали на нескольких евреев. Потом... подожгли дома, разгромили магазины, набрасывались на евреев повсюду, где видели.

Власти уверяют, что это отдельные законопослушные граждане дали волю своему горю из-за смерти царя. На самом же деле полиция не обращает внимания на нападения на наши дома и наш народ, демонстрируя изощренную жестокость. Многие погибли, мы все горюем из-за потерь.

— А моя мама? Где мой брат с сестрой и бабушка София? — спросил маленький Самуэль, желая поскорей узнать ответ.

— В тот день, когда начались погромы, твоя мать с двумя малышами пошла на рынок. Моя жена и другие соседки отправились вместе с ними. Женщины с детьми... Кто мог предполагать, что случится...

— И что произошло? — спросил Исаак.

— На рынке их стали оскорблять другие женщины. Называли убийцами из-за смерти царя. Началось криками и оскорблениями, а закончилось нападением. Одна женщина дала Анне пощечину, другая последовала ее примеру и стала бросать в них мусор и гнилые овощи. Анна не выдержала этого унижения, подняла с земли картошку и начала бросать ее в тех женщин. Эстер схватила Анну за руку и велела ей не отвечать на провокацию. Наши женщины испугались и решили вернуться в свой поселок, помчавшись со всей скоростью, преследуемые толпой. Дети падали, не поспевая, матерям пришлось взять на руки самых маленьких, чтобы уберечь их от ударов. Некоторые упали, и их растоптали, другие смогли добраться сюда, но всё было напрасно. Не знаю, откуда они их взяли, но некоторые нападавшие начали избивать палками всех, кого встречали на пути, кидать камнями в окна наших домов и выбивать двери, а ворвавшись внутрь, так распалились, что потеряли всякий разум. Моей жене сломали руку и ударили в висок, так что она потеряла сознание. Теперь у нее головокружение, а взор затуманен. А мне, как видите, сломали ногу, поэтому приходится пользоваться тростью при ходьбе, мне хоть повезло, потому что помимо ноги сломали всего шесть ребер. Двигаться трудно, но зато я жив.

Толпа начала громить наши дома, разрушать всё подряд. Они уже не были похожи на людей, просто какие-то зверюги, лишённые всякой человечности. Их даже не трогали ни жуткие крики детей, ни мольбы матерей.

Появилась полиция, но вмешиваться не стала. Как мы ни просили помощи, они просто бесстрастно смотрели на происходящее.

— Где моя мама? — воскликнул Самуэль.

Сосед развел руками в отчаянии.

— Она столкнулась с этими дикарями. Группа мужчин ворвалась в ваш дом вслед за Анной, за то, что та осмелилась противостоят их женам на рынке. Один из мужчин схватил ее, а Эстер как волчица набросилась на него, пытаясь защитить дочь, она кусала его и

царапала. Бабушка София попыталась защитить Фриде, которого ударили палкой по голове, так что он лишился чувств... Не знаю, как это произошло, но они опрокинули на пол канделябр, и пожар не только спалил ваш дом, но и перекинулся к соседям... Лишь много часов спустя мы смогли его потушить и среди обугленных остатков нашли вашу семью. Мы захоронили их на кладбище.

Услышав рассказ соседа, они испытали такую боль, что не могли проронить ни единой слезы. Самуэль с силой стиснул отцовскую руку, прижавшись к нему и пытаясь сдержать тошноту.

Они не могли ни пошевелиться, ни сказать что-либо, чувствуя, что им вырвали сердце.

Сосед подождал некоторое время, чтобы немного утихла охватившая их боль, а потом приблизился к Исааку и мягко потянул его в сторону.

— Вы не можете здесь оставаться. Вам нужно отдохнуть. Могу предложить вам кров в своем доме.

Как ни настаивала жена соседа, они не могли ничего проглотить, как и не желали больше слышать никаких подробностей случившегося кошмара. Женщина провела их в комнату и оставила поднос с парой чашек молока.

— Это поможет вам отдохнуть. Завтра наступит другой день. Вам нужно найти в себе силы, чтобы начать всё с начала.

Хоть они и вымотались в поездке, но той ночью почти не сомкнули глаз. Исаак чувствовал, как сын ворочается, да и ему самому постель, которую они делили, не показалась удобной.

Еще не рассвело, когда Исаак увидел, что сын пристально на него смотрит.

— Быть евреем — плохо. За это убили маму, Анну, Фриде и бабушку. Я не хочу быть евреем, и не хочу, чтобы ты им был, иначе нас тоже убьют. Пап, как можно перестать быть евреем? Что нужно сделать, чтобы больше не быть евреем и чтобы остальные об этом узнали?

Исаак обнял Самуэля и зарыдал. Мальчик попытался утереть отцовские слезы, но тщетно. Он тоже хотел заплакать вместе с отцом, но не смог, настолько был взбудоражен.

Уже встало солнце, когда они слышали тихий стук в дверь. Добрая соседка спросила, не нужно ли им чего-нибудь, и не спустятся ли они завтракать. Самуэль сказал отцу, что голоден.

Они встали и привели себя в порядок, прежде чем присоединиться к остальным.

— Я провожу вас на кладбище, — сказала соседка. — Думаю, вы хотите посмотреть, где их похоронили.

— И твой муж?

— Он пошел на работу.

— Хозяин фабрики несмотря ни на что не выгнал его с работы?

— Он ведет себя так, будто ни о чем и не подозревает, а Мойша — хороший печатник, которому мало платят.

— Потому что он еврей, так ведь? — спросил Самуэль.

— Что ты такое говоришь? — удивилась женщина.

— Что ему мало платят, потому что он еврей. Может, если бы он перестал быть евреем, то и платили бы больше, — настаивал мальчик.

— Замолчи, сынок, замолчи! Не говори так! — взмолился Исаак.

Женщина посмотрела на Самуэля и погладила его по голове, а потом пробормотала:

— Ты прав, так и есть, но всё равно мы должны быть довольны — мы живы, и у нас есть еда на столе.

Когда они подошли к могиле где покоились обгорелые тела Софии, Эстер, Анны и Фриде, то похолодели.

Исаак взял горсть земли, покрывавший тела любимых, и с силой сжал, пока она не просыпалась между пальцами.

— Они вместе? — поинтересовался Самуэль.

— Да, мы подумали, что лучше похоронить их вместе, — извинилась соседка.

— Они бы этого хотели, как и я, — подтвердил Исаак.

— Нас тоже похоронят здесь, когда убьют? — спросил Самуэль с нотками ужаса в голосе.

— Никто нас не убьет! Бога ради, не говори так! Ты будешь жить, разумеется, ты будешь жить. Твоя мать не желала бы ничего другого.

— Он еще ребенок, и это такая тяжкая потеря, — сказала соседка, сочувствуя Самуэлю.

— Но он будет жить, и никто не причинит ему вреда. Эстер мне бы этого не простила, — Исаак зарыдал и обнял сына.

Женщина сделала несколько шагов назад, оставив их наедине. Она тоже всё это время плакала, чувствуя боль Исаака и Самуэля, как собственную.

— Мы хотели бы остаться одни, — попросил ее Исаак.

Женщина кивнула, поцеловала Самуэля и удалилась. Она тоже искала одиночества, чтобы оплакать свои потери.

Исаак сел на край могилы и погладил неровную поверхность земли, словно лаская лица жены и детей. Самуэль отошел на несколько шагов и тоже сел на землю, глядя на отца и холмик, где навеки упокоились бабушка, мать, брат и сестра.

Он знал, что отец, хотя и выглядел молчаливым, тихо бормотал молитву. Но что он мог сказать Богу? Может, это они виноваты, что их не было дома и они не предотвратили убийство своей семьи. Если бы тогда они были здесь, то могли бы попросить Господа что-нибудь сделать, но сейчас?

Через некоторое время Самуэль сказал, что у него болит голова, и они решили вернуться, чтобы он не заболел.

Остаток дня они провели, копаясь в руинах того, что когда-то было их домом.

Самуэль нашел обложку и несколько страниц из семейной Торы. Он осторожно попытался их соединить, зная, что для отца очень важна эта старая книга, принадлежащая еще его деду, который, в свою очередь, получил ее от своего отца, и так многие поколения.

Исаак нашел на полу пару вышитых Эстер платков, запачканные, но целые. Серьги и кольцо жены пропали из шкатулки, в которой хранились, хотя там обнаружился ее наперсток, как и наперсток Софии.

Пара книг сохранили все страницы. Они также отыскивали остатки картины с улыбающимся портретом Эстер. Это был свадебный подарок от друга семьи, увлекающегося живописью. Художник достоверно передал красоту Эстер, ее карие глаза с зеленоватыми отблесками, темно-русые волосы, белую, почти прозрачную кожу.

Исаак чуть не разрыдался, но сдержался из-за Самуэля. Он не хотел, чтобы сын видел его сломленным, поэтому глубоко вздохнул и сдержал слезы, очистив платком то, что осталось от картины. Потом он попытался найти еще какой-нибудь нетронутый предмет, который мог бы пригодиться или хотя бы послужить воспоминанием.

— Отец, вот твоя Тора, — аккуратно передал книгу Самуэль. — Многие страницы вырваны, но думаю, что я их все нашёл.

— Спасибо, сынок, однажды эта Тора станет твоей.

— Мне она не нужна, — отозвался Самуэль, тут же пожалевав о своих словах.

Они замолчали. Исаака удивили слова сына, Самуэль думал о том, как объяснить отцу, почему он не хочет получить эту книгу.

— Мне дал ее отец, а ему — его отец, а я отдам ее тебе. Надеюсь, что когда придет этот день, ты ее не отвергнешь.

— Мне не нужна еврейская книга, потому что я не хочу быть евреем, — искренне ответил мальчик.

— Самуэль, сынок, люди не выбирают, кем им быть, это нас выбирают. Ты не выбирал родиться евреем, как и я, но мы евреи и изменить этого не можем.

— Конечно же, можем. Мы можем перестать быть евреями, если объявим об этом всему свету, и тогда нас оставят в покое. А если останемся евреями, нас убьют.

— Сынок... — Исаак обнял Самуэля и заплакал. Они плакали вместе в объятьях друг друга, пока не почувствовали, что слез уже не осталось.

Исааку больно было видеть горе сына, он понимал его отчаяние и почему в детском разуме быть евреем стало синонимом смерти и разрушения. Он не винил сына в том, что Самуэль хотел избавиться от того, что считал причиной гибели семьи.

Они продолжали поиски на руинах своего бывшего дома. Потом они направились к сараю, служившему складом шкур. Там не осталось ничего. Перед отъездом во Францию Исаак отобрал лучшие меха для продажи, но оставил остальное, чтобы продать позже. Толпа их унесла.

Он лишился всего, что имел. Матери, жены, детей, дома, предприятия. И за что? За что Господь решил с ними так поступить? Что дурного они сделали? Исаак прикусил губу, чтобы не застонать. Вся та боль, что им причинили, это лишь за то, что они евреи? Но он не мог сдаться. Рядом был Самуэль, притихший, прижавшийся к его руке, созерцая то небольшое, что лежало у его ног в сарае.

«По крайней мере, у меня остался сын», — подумал Исаак. Он еще крепче сжал руку Самуэля. Да, у него остался сын. По крайней мере, у него есть Самуэль, и ради него нужно быть сильным и продолжать жить.

Истощенные, они вернулись в дом соседей.

— Что вы будете делать? — спросил Мойша, человек, который так щедро их принял.

— Начну всё сначала, — ответил Исаак.

— Останетесь здесь? — поинтересовался Мойша.

— Не знаю, хочу поговорить с Самуэлем. Возможно, будет лучше, если мы переедем в другой город.

— Понимаю. Каждый раз, выходя на улицу, я думаю, что в любой момент с моими детьми и внуками может случиться то же самое... Иногда боль так сильна, что я порываюсь сбежать, но куда мы можем податься? Мы уже старые, и несмотря на все несчастья, у меня всё-таки есть работа печатника. С моим жалованьем мы с женой можем сводить концы с концами. Мы не можем сбежать, старость привязала нас к этому месту.

Исаак поблагодарил Мойшу за всё.

— Не благодари, ты ведь знаешь, что моя жена была подругой твоей матери. Она оплакивала Софию как члена нашей семьи. Мы сделали лишь то, что подсказало сердце. Мы

не слишком богаты, но всё, что мы имеем — ваше, наш дом — это ваш дом, оставайтесь, сколько понадобится.

Той ночью Исаак спросил Самуэля, хочет ли он восстановить дом.

— Мы можем всё отстроить заново. На это потребуется время, но это возможно. У меня есть деньги, в Париже хорошо заплатили за шкуры, которые я там продал. Что думаешь?

Самуэль молчал, не зная, что ответить. Он скучал по дому, но скучал не просто по четырем стенам. Дом означал для него бабушку, маму, брата и сестру, если их не будет, ему всё равно, где жить.

— Ты не хочешь жить здесь? — спросил отец.

— Не знаю... я... я хочу к маме, — заплакал он.

— И я тоже, сынок, — пробормотал Исаак, — я тоже, но нам придется принять то, что ее уже нет. Я знаю, что это нелегко, мне тоже. Я тоже потерял мать... бабушку Софию.

— Мы можем уехать? — спросил Самуэль.

— Уехать? Куда бы тебе хотелось поехать?

— Не знаю, куда-нибудь в другое место, может быть, к дедушке Элиасу.

— В Париж? Ты говорил, что он тебе не особо нравится.

— Но это только потому, что я скучал по маме. А еще мы можем поехать в Варшаву к кузену Габриэлю.

Исаак понял, что сыну нужна семья, что он один не сможет унять боль Самуэля.

— Давай подумаем над этим. Уверен, что дедушка Элиас нас с радостью примет, как и Габриэль, но мы должны поразмыслить о том, на что будем жить, чтобы не стать для семьи обузой.

— Ты не можешь продавать шкуры?

— Да, но этим я могу заниматься, находясь здесь. Именно в России можно найти лучшие меха, которые так любят дамы в Париже и Лондоне.

— А ничем другим ты не можешь заниматься?

— Это единственное ремесло, которое я знаю, меня научил ему отец, а я научу тебя. Покупать и продавать. Покупать здесь и продавать там, где нет товаров, которые мы предлагаем. Потому все эти годы я возил меха в Париж, в Лондон, в Берлин... Мы торговцы, Самуэль. Мы могли бы переехать в другой город. Как тебе Санкт-Петербург?

— И нам позволят там жить? Ты добудешь разрешение?

— Возможно, Самуэль, по крайней мере, можно попробовать. При дворе всегда любили парижскую моду, а в наших чемоданах есть готовые шубы от твоего дедушки Элиаса. Мы уже не в первый раз продаем меха светским дамам Москвы и Санкт-Петербурга.

— А я чем займусь?

— Ты будешь учиться, ты должен учиться, только знания помогут тебе преуспеть в будущем.

— Я лишь хочу быть с тобой, ты мог бы научить меня быть хорошим торговцем.

— Научу, конечно же, научу, но после того, как закончишь школу и если ты этого захочешь. Сейчас ты еще слишком мал, чтобы знать, чего хочешь.

— Я знаю, что не хочу быть ростовщиком. Все ненавидят ростовщиков.

— Да, в особенности те, кто имеет долги, которые не хотят платить.

— Я тоже ненавижу ростовщиков. Ненавижу тех, кто разрушает жизнь людей.

— Это власти нагнетают ненависть к тем, кто дает деньги под проценты.

— Да, но мне всё равно не нравятся ростовщики. Это мерзко.

На следующее утро Исаак поговорил с Мойшей и его женой.

— Через несколько дней мы уедем. Хочу попытаться счастья в Санкт-Петербурге. У отца был друг, посвятивший себя химии, и его средства весьма ценят аристократы императорского двора. Попрошу его выхлопотать мне разрешение на проживание в городе.

— Ты уезжаешь отсюда? Но земля под домом всё равно останется за тобой, а семья покоится на нашем кладбище, — посетовала соседка.

— Мы всегда будем хранить их в своем сердце. Но сейчас мне нужно думать о Самуэле. Ему трудно жить там, где раньше он имел семью, бабушку, мать, брата и сестру, а теперь у него нет ничего. Я обязан дать сыну возможность. Я чувствую, что с моей жизнью покончено, но ему всего десять, у него вся жизнь впереди. Мы никогда не забудем свою семью, но я должен помочь сыну преодолеть охватившую его боль. Если мы останемся здесь, это будет сложнее. Всё будет напоминать ему о матери.

— Понимаю, — ответил Мойша, — на твоём месте я поступил бы так же. Как я уже говорил, можете оставаться у нас, сколько потребуется. Хочешь, чтобы я поискал покупателя на твою землю?

— Нет, я не хочу продавать этот клочок земли. Он останется для Самуэля, может, однажды он захочет вернуться, кто знает. Но я прошу тебя присмотреть за этой землей, если хочешь, можешь занять ее под огород. Я подпишу бумагу, чтобы ты распоряжался землей, пока ее не потребует Самуэль.

Неделю спустя Исаак и Самуэль оставили поселок и погрузились в экипаж, запряженный двумя мулами. С собой они взяли наполненные парижской одеждой баулы. Кроме того, под рубашкой, прямо у тела, Исаак держал кожаный кошелек со всеми оставшимися у них деньгами.

Жена Мойши вручила им корзинку с припасами.

— Здесь немного, но по крайней мере, утолите голод, пока не прибудете в Санкт-Петербург.

Было холодно и сыро. Ночью пошел дождь. Они тронулись в путь в молчании, зная, что проедут мимо кладбища. Исаак не хотел смотреть на то место, где покоились их родные. Он глядел прямо перед собой, молча попросившись с матерью, женой, Анной и Фриде. Ему удалось сдержать слезы, но Самуэль разревелся. Исаак не стал его утешать, он просто не мог, не находил слов.

Через некоторое время Самуэль свернулся калачиком под боком и задремал. Исаак накрыл его отороченным мехом одеялом. На небе мелькнула молния, за которой последовали раскаты грома. Начался дождь.

Это было долгое и утомительное путешествие, во время которого Исаак едва мог позволить себе отдых. Он старался закрыть сына от дождя и соорудил в экипаже что-то вроде постели, чтобы ему было удобно.

Многие ночи они спали рядом внутри экипажа, потому что не осмеливались просить ночлег в гостиницах, которые встречали по пути. Ненависть к евреям стала сильнее, чем когда-либо, и новый царь, Александр III, потворствовал погромам, которые распространились по всей империи. Наиболее реакционные газеты оправдывали преследования евреев, называя их спонтанным выражением негодования народа. Но негодования чем? Почему? — спрашивал себя Исаак, и всегда приходил к одному и тому же заключению: нас воспринимают не как русских, а как инородное тело, людей, лишь отнимающих у них работу. Он также подумал, что евреи должны прежде всего ощущать себя

русскими, а уж потом евреями, а не наоборот, и в особенности должны вести себя как русские.

По дороге в Санкт-Петербург ему представилось достаточно возможностей задать себе вопрос: как их примет Густав Гольданский, друг его отца. Возможно, он вообще не захочет их видеть, в конце концов, он едва их знал, а судя по тому, что Исаак слышал от отца, его старый друг не то чтобы перешел в христианскую веру, но отказывался вести себя как иудей. Возможно, он не захочет их принять или почувствует неловкость из-за того, что вынужден это делать.

Но все эти сомнения он держал при себе, не желая беречь раны Самуэля.

Они говорили о Санкт-Петербурге, как о конечной точке путешествия, том месте, где найдут покой, в котором оба нуждались, и в особенности возможность всё начать сначала.

Они прибыли утром, в ветреный осенний день.

Найти дом Густава Гольданского оказалось не слишком сложно — он жил в самом центре города, в элегантном здании с двумя лакеями у парадного входа, которые осмотрели их с видом превосходства, удивляясь, как это человек с плохо постриженной бородой и непрерывно кашляющий мальчишка осмелились просить, чтобы господин их немедленно принял.

Один из лакеев задержал их в дверях, а другой отправился извещать господина о странных посетителях.

Время, пока они дожидались возвращения лакея, показалось Исааку вечностью. Самуэль выглядел испуганным.

— Господин вас примет, — провозгласил лакей, казавшийся удивленным таким исходом.

Второй лакей занялся мулами и повозкой, столь же пораженный, что этот странный человек с мальчишкой может знать его господина.

Самуэль огляделся, восхищаясь роскошью дома. Стулья, обитые шелком, сияющие позолоченные канделябры, толстые портьеры, изысканная мебель. Всё казалось новым и нереально великолепным.

Они довольно долго прождали в гостиной с покрытыми голубым шелком стенами, а на потолке — фресками с изображением причесывающихся около озера с кристальной водой нимф.

Густав Гольданский к этому времени уже был человеком зрелого возраста, даже пожилым. У него были седые, как снег, волосы и голубые глаза, слегка выцветшие от времени. Не особо высокий, но и не низкий, однако статный. «Чуть моложе моего отца, если бы он еще был жив», — подумал Исаак.

— Ну надо же, не ожидал визита сына Симона Цукера. Мы уже столько лет не встречались. Припоминаю, как видел вас однажды, когда вы сопровождали отца в Санкт-Петербург. Я знаю, что добряк Симон скончался, я посылая открытку с соболезнованиями вашей матери... Мы с вашим отцом познакомились во время одной поездки. Не знаю, рассказывал ли он...

— Я знаю, что вы познакомились на одной безлюдной дороге, неподалеку от Варшавы. Ваш экипаж застрял в снегу, и мой отец, ехавший тем же путем, обнаружил вас и помог.

— Так оно и было. Я возвращался из Варшавы после того, как навещал матушку. Стояла зима, и дороги покрылись снегом и льдом. Колеса экипажа завязли в снегу, а одна из лошадей сломала ногу. Нам повезло, что ваш отец ехал той же дорогой и помог, иначе мы бы

сейчас не разговаривали. Я предложил ему свое гостеприимство, если он когда-нибудь придет в Санкт-Петербург. Хотя он и отказался остановиться в моем доме, но навестил меня при случае, и с тех пор мы стали добрыми друзьями. Мы были такими разными, с разными интересами, но соглашались в том, что единственный способ покончить с преследующим евреев проклятием — это ассимилироваться в то общество, в котором нам довелось жить, хотя ваш отец полагал — ощущение себя русским не имеет ничего общего с религией.

— Да, отец вселил эту идею и в меня, хотя временами это от нас не зависит, а зависит лишь от остальных.

— Думаете, что мы сделали достаточно? А я так не считаю... Но простите меня, я ведь так и не спросил о причинах вашего визита. Этот мальчик — ваш сын?

По указанию Исаака Самуэль протянул этому человеку руку и улыбнулся после рукопожатия.

— Это мой сын Самуэль, единственный сын. Я потерял всю семью, — объяснил Исаак лишь с намеком на чувства в голосе.

Гольданский оглядел отца и сына, а потом спросил:

— По причине какой-то эпидемии?

— Ненависть и безумие приводят к тому же результату, что и эпидемии. Убийство царя Александра II вызвало нападки на евреев по всей империи. Вы не хуже меня знаете, что на наше сообщество совершены многочисленные жестокие нападения, в особенности в черте оседлости, но также и в Москве и Варшаве, хотя главным образом в штетлах, где пришлось осесть евреям, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

— Знаю, знаю... С апреля и всё лето приходили ужасные новости о погромах. Я уже давно покинул то место, где жили мои предки, не то чтобы я перешел в христианство, но и не следую законам Моисея, но всё же я приложил все усилия, чтобы власти прекратили погромы, правда, мои просьбы всегда отвергали. Что случилось с вашей семьей?

— Мой дом более не существует, его спалила обезумевшая толпа, а моя мать, супруга и двое детей погибли в пожаре.

— Сочувствую. Примите мои соболезнования.

— Я потерял всё, за исключением двух баулов с шубами, привезенными из Парижа, и денег, вырученных от продажи мехов во время последней поездки. С этим я должен начать всё заново. Но самое главное — у меня есть Самуэль. Это единственная причина, чтобы продолжать жить.

— Что я могу для вас сделать?

— В Санкт-Петербурге я никого не знаю, но именно здесь собираюсь начать новую жизнь, и потому осмелюсь попросить вашего совета, какими должны быть наши первые шаги в столице.

— Вам есть где остановиться?

— Нет, по правде говоря, мы только что прибыли, наш багаж — в экипаже, который мы оставили в руках вашей прислуги.

— Я знаю одну вдову, которая может предоставить вам жилье, она зарабатывает на жизнь, сдавая пару комнат, обычно студентам. Вы не найдете там роскоши, но дом удобен, а хозяйке можно доверять. Ее муж был моим помощником многие годы, бедняга умер от сердечного приступа. Я напишу ей записку, и если у нее есть свободная комната, уверен, что она сдаст ее за умеренную плату.

— Благодарю вас, нам нужен кров и отдых. Много дней мы едва могли сомкнуть глаза, и, как видите, мой сын постоянно кашляет.

— Я не врач, всего лишь химик, ставший аптекарем. Большую часть жизни я посвятил созданию лекарств, а этот кашель не предвещает ничего хорошего... Дам вам мою микстуру, ему станет лучше.

— Благодарю вас.

— Что ж, что я еще могу сделать?

— Вы такой могущественный человек, знакомы со многими людьми при дворе, возможно, вы могли бы добиться того, чтобы они взглянули на привезенные из Парижа вещи... Это шубы и меховые жакеты, сделанные по парижской моде. Возможно, какая-нибудь дама заинтересуется...

— Я сделаю это во имя дружбы с вашим отцом. Поговорю с супругой, она найдет лучший способ, как сделать ваши шубы известными среди петербургских дам. Подождите немного, я напишу записку вдове, о которой говорил.

Раиса Карлова приняла их холодно, пока не прочитала подписанную Густавом Гольданским записку. Тогда она уверенно улыбнулась и пригласила пройти в гостиную, нагретую огнем в широком камине.

— Раз вы прибыли по рекомендации профессора Гольданского... лучших рекомендаций и быть не может, но сейчас я не могу вас принять. Одну комнату я сдаю молодому человеку из университета, а другую занимает моя сестра, она овдовела и поселилась у меня. У нас с бедняжкой не осталось больше никого на всем белом свете. Детей у нее нет, как и у меня. Для меня это было не очень удобно, потому что я лишилась платы, но что я могла поделать? Я не была бы доброй христианской, если бы ей не помогла. К тому же она составляет мне компанию, я ведь тоже вдова, всегда лучше иметь рядом члена семьи.

На лице Исаака мелькнул огонек надежды. Его беспокоил кашель Самуэля, он вспомнил, что Гольданский настаивал, что мальчику необходим отдых и тепло, помимо склянки с микстурой и пилюль, которые он им дал.

— В таком случае, не могли бы вы рекомендовать какое-нибудь место, где я мог бы поселиться вместе с сыном?

— Не знаю... ни одного надежного не могу посоветовать... Дома-то есть, но не могу их порекомендовать, хотя... Ладно, есть у меня еще одна комната, только очень маленькая, там я храню всякий хлам и никогда не сдаю жильцам...

— Прошу вас! — взмолился Исаак.

— Как я сказала, она очень маленькая, и вам придется мне помочь вытащить оттуда вещи, ее нужно вычистить и подготовить для вас.

— Я помогу вам вытащить хлам, помогу во всё. Мой сын совершенно истощен, мы проделали долгий путь. Профессор Гольданский заверил нас, что здесь мы будем чувствовать себя как дома.

— Профессор вечно меня перехваливает. Ладно, я покажу вам комнату, а вы решите, хотите ли остаться. В таком случае вам придется дать мне время, чтобы там прибраться. А мальчик может остаться здесь, я дам ему чего-нибудь попить, и пусть согреется.

Исаак помог вдове Карловой вытащить из комнаты старую мебель. Женщина занялась уборкой, и не прошло и двух часов, как комната была готова.

Она была действительно маленькой, как и предупреждала вдова. Почти всё пространство занимала кровать, дополняли меблировку шкаф, стол и стул. Исаак заплатил

условленную цену, за два месяца вперед.

— Она слишком маленькая, — сказала вдова, желая услышать возражения Исаака, потому что знала, что эти неожиданные деньги превышали истинную цену такой комнаты.

— Уверяю вас, мы прекрасно устроимся, — ответил Исаак.

Вдова показала ему комнату еще меньшего размера, служившую общей ванной.

— Мой муж был фанатичным приверженцем гигиены, профессор Гольданский объяснил ему, что многие заболевания происходят от грязи, и потому он устроил у нас в доме место, где можно искупаться. Полагаю, что вы захотите привести себя в порядок после столь долгого путешествия. Но, конечно, не расходуйте воду попусту.

Исаак тихо вздохнул, когда Самуэль наконец-то устроился в постели под одеялом. Мальчик устал и беспрерывно кашлял.

Вдова Карлова проявила сострадание и принесла Самуэлю чашку молока с куском пирога, а Исаака пригласила на чашку чая.

Он рухнул на кровать рядом с сыном, и оба крепко уснули. Уже наступил день, когда их разбудил стук в дверь.

— Господин Цукер... Вы не спите?

— Да-да, сейчас иду.

— Жду вас в гостиной...

— Исаак тут же поднялся, обеспокоенный тем, как выглядит его помятая одежда, после того, как он заснул прямо в ней. В гостиной его ждала Раиса Карлова и женщина постарше.

— Это моя сестра Алина, я уже ей сказала, что вы по рекомендации профессора Гольданского.

— Сударыня, — Исаак поклонился и протянул Алине руку.

Сестры были похожи. Раиса — моложе, около пятидесяти, а Алине, вероятно, уже за шестьдесят. Но у обеих были одинаковые зеленые глаза, квадратное лицо, обе крепкие и очень высокие.

Раиса вручила ему конверт.

— Это только что принес лакей профессора Гольданского.

— Благодарю.

Исаак не знал, как ему поступить перед вопросительными взглядами женщин.

— Я поговорила с сестрой, — сказала Раиса, словно Алины здесь не было, — и нам интересно, как вы собираетесь присматривать за сыном. В конце концов, если желаете, мы можем за небольшую плату кормить вас с сыном здесь. Для нас это будет дополнительная работа, но...

— О! Благодарю вас, лучше и быть не могло!

— Ведь ваша жена умерла, да? — спросила Алина, а Раиса дернула ее за юбку.

— Я уже говорила тебе, что мне это написал профессор Гольданский в рекомендательном письме, — прервала ее Раиса.

Исаак не имел ни малейшего желания удовлетворять любопытства двух женщин, но знал, что другого выбора у него нет.

— Моя семья погибла при пожаре. Жена, дети и мать... Мы с Самуэлем были в отъезде... Мы не можем жить в том же месте... Поэтому и приехали в Санкт-Петербург, с намерением начать новую жизнь, а вы с такой щедростью нас приняли.

— Какая трагедия! Как я вам сочувствую! — воскликнула Алина, и похоже, искренне.

— Бедный мальчик! — посетовала Раиса. — Потерять мать — это самое худшее, что может случиться с ребенком.

— Так и есть. А кроме того, у Самуэля слабое здоровье, и хотя я стараюсь окружить его заботой, он очень скучает по матери.

— Так вас устраивает наше предложение?

— Да, конечно, да, скажите, во сколько обойдется наше питание...

Они пришли к устраивающему обе стороны соглашению, хотя деньги Исаака таяли гораздо быстрее, чем он предполагал. Но им в любом случае нужно было где-то питаться, и уж лучше в этом доме.

Он ответил на вопросы любопытных женщин, и как только смог, попросил разрешения уйти, поскольку горел нетерпением прочесть письмо профессора Гольданского.

Самуэль уже проснулся и улыбался.

— Как же я крепко спал! Теперь мне намного лучше.

Исаак приложил руку к его лбу. Похоже, температура понизилась.

— Тебе нужно умыться, — сказал он. — Сегодня вечером мы будем ужинать с госпожой Карловой и ее сестрой. Они обещали приготовить какой-то совершенно необыкновенный суп, от которого ты сразу поправишься.

Затем Исаак распечатал конверт и прочитал письмо:

«Я поговорил с женой. Она готова вам помочь. Приходите к нам на чай в ближайший четверг, и приносите эти ваши манто и шубы, о которых вы говорили; возможно, кто-нибудь из подруг моей жены ими заинтересуется».

Был вторник, до назначенного времени оставалось два дня, и нужно было вытащить шубы из баула, проветрить и привести в порядок после такого длинного путешествия. Всё его будущее заключалось в этих шубах, если удастся заинтересовать ими петербургских дам.

Оставшиеся до встречи в доме Гольданского дни показались Исааку бесконечными, но Раиса Карлова настояла на том, чтобы показать ему город, несмотря на то, что Самуэль еще не совсем поправился.

— Чистый воздух ему не повредит, только одеться нужно потеплее, — напирала вдова Карлова, вытаскивая их на одну из нескончаемых прогулок.

Зимний дворец привел отца с сыном в восторг. Их также поразила красота некоторых улиц, напоминающих парижские.

Вдова Карлова очень гордилась своим городом и почитала настоящим счастьем быть его жительницей.

— Душа города — это студенты, они наполняют улыбками трактиры и улицы. Некоторые считают их задирами, но могу вас заверить, что жильцы они хорошие и платят всегда вовремя. За десять лет мне пришлось выгнать из дома всего одного.

Другой жилец вдовы оказался серьезным молодым человеком мрачноватого вида, который проводил всё свое время в университете или запершись у себя в комнате за книгами. Он оказался не слишком разговорчивым, но вежливым. Вдова Карлова рассказала, что Андрей — сын кузнеца, истратившего все свои скудные сбережения, чтобы его первенец смог выучиться.

Обе вдовы были привязаны к Андрею, как и он к ним — женщины делали всё возможное, чтобы жильцы чувствовали себя как дома.

Раиса и ее сестра Алина помогали Исааку развешивать и проветривать одежду; Алина даже предложила сшить пару чехлов для особо дорогих манто.

— Конечно, развешивать их — довольно хлопотное дело, но если оставить вещи в баулах, они приобретут неприятный запах, — пояснила Алина.

С помощью Самуэля ему удалось разместить в повозке манто и жакеты. Вдова Карлова одолжила несколько старых простыней, чтобы защитить товар от грязи и жадных взглядов воров.

Наконец, ровно в четыре часа четверга, в разгар русской зимы, Исаак в сопровождении Самуэля предстал перед элегантным особняком Гольданского.

На сей раз прислуга уже не смотрела недоверчиво. Хозяин приказал лакеям немедленно проводить гостей в дом.

Пока они ждали в гостиной профессора Гольданского, Исаак нервничал и проводил ладонью по развешанным на стульях шубам.

Его сердце бешено забилося при появлении Гольданского в сопровождении женщины помоложе.

— Позвольте представить вам мою супругу, графиню Екатерину.

Отец и сын склонились в глубоком поклоне, замороженные не столько высоким титулом, сколько неотразимой элегантностью этой дамы.

«Какая кожа — чистый фарфор, — подумал Исаак, любуясь белоснежной кожей графини. — А фигура — прямо как у молоденькой...»

— Я знала вашего отца, — произнесла графиня. — Он всегда был в нашем доме желанным гостем, и вас мы тоже очень рады видеть. А этот малыш — ваш сын?

— Да, графиня... Самуэль, поздоровайся с графиней.

Самуэль попытался отвесить неуклюжий поклон, однако графиня взяла его за руку и почти силой заставила подняться.

— Моему внуку примерно столько же лет, — сказала она. — Ты непременно должен с ним познакомиться.

— Ну что ж, дорогая, может быть, ты сначала сама посмотришь вещи нашего друга Исаака, прежде чем предлагать их своим подругам?

Исаак стоял, затаив дыхание, пока графиня вынимала и рассматривала одну вещь за другой.

— Очень красивые манто, — произнесла она наконец. — Думаю, что я сама куплю кое-что. И я не сомневаюсь, что и другим дамам, которые сейчас ждут с нетерпением, они тоже очень понравятся.

Спустя несколько минут в гостиную вошли подруги графини. Все они были одеты весьма элегантно и беззаботно болтали, предвкушая увидеть чудесный шубы, которые им обещала графиня Екатерина.

Вечер превзошел самые смелые ожидания. В пансион вдов они вернулись налегке, распродав всё до последнего. Графиня с подругами разобрали всё подчистую и наказали Исаака привезти из Парижа еще.

— А также материи, кружева, платья, — наперебой тараторили дамы — горячие поклонницы парижской моды.

На обратном пути Исаак купил вдовам букет цветов. В этот вечер их ужин был роскошным, как никогда прежде.

Санкт-Петербург не казался враждебным, хотя газеты всё еще продолжали публиковать статьи, направленные против евреев. Но поскольку здесь ничего не напоминало об их несчастье, рана понемногу начала заживать. Если бы они остались в своем штетле под

Варшавой, их жизнь вряд ли бы так скоро наладилась.

Нет, они, конечно, не могли забыть ни Софию, ни Эстер, ни мятежницу Анну, ни маленького Фриде, но, по крайней мере, в Санкт-Петербурге наступили времена, когда они перестали думать о них каждую минуту, что сделало их жизнь более или менее сносной.

Продав манто, Исаак решил купить новые шкуры и отвезти их в Париж, не только для продажи, но также и для того, чтобы месье Элиас сделал новые шубы для Санкт-Петербурга. Он также подумывал вложить деньги в ткани. Если дела пойдут хорошо, Самуэль сможет поступить в университет. Исаак был уверен, что профессор Гольданский даст ему рекомендацию, поскольку в университетах существовала квота для евреев.

Евреям разрешалось составлять не более трех процентов от учеников петербургского университета, но Гольданский имел известность среди выдающихся семей. Его знания химии и ботаники позволили ему производить лекарства. Этим он восстановил против себя некоторых аптекарей, но эффективность его средств была такова, что его профессионализм уважали даже при дворе, где настояли на том, что знаменитый химик должен поделиться своими знаниями в университете, настойчиво его приглашая, и потому многие называли его профессором.

Шли дни, и жизнь Исаака и Самуэля становилась всё более приятной. Они не желали ничего кроме того, что имели. Вдовы Карловы заботились о них, и Самуэль, похоже, поправился от кормежки Раисы и микстур профессора Гольданского, которого они время от времени посещали.

— Итак, вы направляетесь в синагогу...

— Да, профессор, я не хочу, чтобы мой сын забыл о том, кто мы такие.

— Я думал, мы договорились, что для евреев лучше всего стать жителями той страны, где мы живем. В нашем с вами случае, русскими.

— Я с вами согласен, но почему быть русским — значит перестать верить в нашего Бога? Почему мы должны отказаться от наших священных книг? Почему мы должны отказаться от нашей мечты, что в недалеком будущем вновь обретем свой дом в Иерусалиме? Раньше я думал, что для того, чтобы стать благонравными российскими подданными, мы должны отречься от всего этого, но теперь считаю, что вполне возможно быть русским — и в то же время оставаться иудеем, не предавая при этом нашей родины и Бога нашего.

— Мечты, слова и книги! Исаак, жизнь коротка, на многое ее не хватит. Не стоит выставлять свою веру напоказ. Взгляните на меня... Я родился в Варшаве и если бы не настояния отца, то до сих пор бы смешивал микстуры в аптеке... Я приехал в Санкт-Петербург, выучился, и предо мной открылись все пути, потом я познакомился в графиней, женился... и вот я богат. Думаете, я мог бы иметь жену-графиню, если бы решил оставаться просто евреем? Она и так весьма смело выступила против своей семьи, чтобы выйти за меня замуж. Хотя бы я ради нее я должен вести себя так, как она того ожидает.

— А она не ожидала, что еврей будет евреем?

Задав этот вопрос, Исаак немедленно о нем пожалел. Это было неуместно, и профессор его благодетель, такого не заслуживал.

Густав Гольданский внимательно посмотрел на собеседника, прежде чем ответить. Блеск в его глазах показывал, что он раздражен, но тон голоса не отражал никаких эмоций.

— Она ожидала, что я не буду отличаться от других или, по крайней мере, эти отличия не сделают нашу жизнь невыносимой. Я русский, ощущаю себя русским, думаю по-русски,

плачу по-русски, чувствую как русский, люблю как русский. Я давно уже позабыл язык своей семьи, те слова, которые служили только для общения между евреями. Я вручил свое сердце Господу и попросил его о милосердии, но не что его бесконечными молитвами или соблюдением субботы.

— Закон Божий нерушим, — осмелился произнести Исаак.

— Я не уверен, что Бог дал указания о таких мелочах, как организовать каждый час нашей жизни. думаю, он ожидает от нас совсем другого. Гораздо труднее творить добро, быть щедрым с неимущими, ощущать жалость к страдающим, помогать нуждающимся... Так я что Господа, я не могу сказать, что у меня всегда получается, ведь я всего лишь человек.

— Я не хочу, чтобы мой сын рос, не зная, кто он такой, — повторил Исаак.

— Ваш сын — тот, кто он есть; он тот, кем ощущает себя в своем сердце. Только не поймите меня неправильно, я вовсе не считаю, что для того, чтобы стать русскими, мы должны перестать быть евреями; я говорю лишь о том, что до сих пор нам так и не удалось найти способ совместить то и другое без взаимного ущерба. Что до меня, то я давно уже отказался от этой идеи, но, может быть, вам повезет. В добрый путь!

Они стали добрыми друзьями, и теперь почти каждую неделю Исаак встречался с профессором. Они обожали поговорить, поспорить, порассуждать о жизни.

При любой возможности графиня Екатерина дарила Самуэлю старые игрушки своего внука. А вскоре Самуэль познакомился и с самим Константином, который оказался таким же открытым и щедрым, как его дед.

У Густава Гольданского и графини Екатерины был единственный сын по имени Борис, посвятивший себя государственной дипломатии. В свое время он женился на некоей Гертруде, немецкой дворянке, и подарил родителям двух внуков: старшего, Константина, и маленькую Катю. Они были счастливы, пока беда не перешла им дорогу, когда Борис и Гертруда участвовали в санных гонках. Сани перевернулись; Гертруда скончалась на месте, а Борис — несколько дней спустя, оставив сиротами Катю и Константина, которые с тех пор жили с бабушкой и дедом..

Самуэль обожал профессора Гольданского. Он мечтал стать похожим на него, добиться таких же успехов на жизненном поприще и, главное, найти в себе силы порвать с иудаизмом. Исаак с сожалением отмечал, что достижения профессора представляются его сыну более значимыми, чем заслуги его собственного отца. Его это весьма огорчало, но он ничем не обнаруживал своего недовольства, поскольку в глубине души всё понимал. Можно ли не восхищаться человеком, получившим всё благодаря уму и таланту, и который никогда никого не обижал? Нет, ему не в чем было винить профессора Гольданского. Не винил он и Самуэля, что тот хочет отказаться от веры предков. В конце концов, мальчик в одночасье потерял мать, сестру и брата, которые погибли именно потому, что были евреями; к тому же с самого раннего детства он видел, что другие относятся к евреям, как к самым злокозненным существам и не желают иметь с ними ничего общего. Самуэль хотел быть таким, как все, и это в полной мере удалось доброму Густаву Гольданскому: он перестал быть евреем и сделался самым настоящим русским.

Возможно, благодаря этому восхищению профессором Гольданским и дружбе с Константином Самуэль мечтал изменить свою судьбу. Он знал, что несмотря на желание отца отправить его в университет, для Исаака будет лучше, если сын продолжит семейное дело по торговле мехами.

Спустя год после убийства царя Александра II его преемник, Александр III, обнародовал

Временный свод законов, направленных в том числе и на то, чтобы еще более усложнить и без того непростое положение евреев в Российской империи. После этого многие евреи начали всерьез подумывать об эмиграции; некоторые уехали в Соединенные Штаты, другие — в Англию; многие отправились в Палестину. Однако ни один из этих вариантов не устраивал Исаака, который слишком дорожил своей меховой торговлей.

— Если бы я был евреем, я бы уехал отсюда, — однажды заявил Андрей, чем поверг в изумление обеих вдов Карловых, а также Исаака и Самуэля.

Вдовы и их жильцы собрались за воскресным обедом. Алина сообщила, что ее знакомые евреи продали всё имущество и отправились в Соединенный Штаты, и тут Андрей, который всегда вел себя осторожно, сделал это заявление, проглотив мясо из приготовленного Раисой рагу.

— Почему? — спросила Алина.

— Потому что здесь их никто не любит. Здесь даже русских за людей не считают, а уж евреев... их здесь не любят еще больше, чем нас, — пояснил Андрей.

— Андрей! Как ты можешь так говорить? Не дай Бог кто услышит... — запротестовала Раиса.

— Ох! Обычно я стараюсь не говорить, что не следует, но меня удивляет, что господин Исаак доволен теми крошками, что получает со стола нашей империи, — сказал он, переведя взгляд с Исаака на Самуэля.

— Матерь Божия! Не смей так говорить! — в испуге воскликнула Раиса.

— Простите меня, госпожа Карлова, — извинился Андрей. — Вы совершенно правы, я не должен был этого говорить.

— Отчего же? — возразила Алина Карлова. — Мне, например, интересно послушать твое мнение.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Раиса. — Нет уж, сестричка, есть вещи, о которых нельзя даже заикаться ни при каких обстоятельствах, в том числе и критиковать правительство. Так что я никому не позволю говорить подобное.

— Не волнуйтесь, мнение Андрея нас нисколько не задевает, — примиряюще заверил Исаак.

— Зато оно весьма задело бы нашего царя, если бы тот его услышал. Я не потерплю в этом доме никаких разговоров о политике. А ведь я считала тебя разумным человеком, — добавила Раиса, укоряюще глядя на Андрея.

— Простите, если я вас расстроил, — повинился Андрей. — Больше это не повторится.

Извинившись перед хозяйкой, Андрей попросил разрешения выйти из-за стола и удалиться в свою комнату — учиться.

Вдова Карлова разрешила ему уйти, оставшись явно в дурном расположении духа.

— А тебе, Алина, не следовало бы поддерживать столь опасные темы для разговора, — бросила Раиса, недовольно глядя на старшую сестру.

— А почему, собственно, мы не можем спокойно разговаривать в своем собственном доме? — возразила та. — Здесь охранка нас не услышит.

— У охранки везде есть уши. Хватит с нас и того, что наши жильцы — евреи, — ответила Раиса, делая вид, что не замечает горькую гримасу, исказившую лицо Самуэля.

Пока сестры спорили, Исаак по-прежнему молчал. Он боялся, что разговор заведет так далеко, что навредит и ему, и его сыну. В последние дни он заметил беспокойство Раисы. Временный свод законов, выпущенный правительством Александра III, уменьшил и без того

скудные права евреев, так что теперь их могли изгнать из собственных домов под любым предлогом, а также затруднить им доступ к образованию в университетах и даже запретить определенные профессии. Но несмотря на всё это, Исаак чувствовал себя в безопасности под покровительством Густава Гольданского и предпочитал многого не замечать и просто жить.

Тем же вечером, когда они уединились у себя в комнате, Самуэль спросил у отца, не уехать ли им тоже в Соединенные Штаты.

— Никуда мы не уедем, — ответил тот. — Нам и здесь неплохо. К тому же, чем бы мы стали там зарабатывать?

— Но Андрей сказал, что евреев с каждым днем ненавидят все сильнее... А я слышал, что и царь ненавидит нас, а иные мои одноклассники давно шушукаются о том, что происходит... Папа, почему бы нам не перестать быть евреями — раз и навсегда?

Исаак снова начал объяснять сыну, что те, кто преследуют евреев из-за их религии — недостойные люди, и что нужно научиться уважать право каждого верить в своего бога и произносить молитвы, как научили отцы.

— Твоя мать не похвалила бы тебя за такие слова, — сказал он строго. — Или ты забыл, чему она тебя учила?

— Ее убили только за то, что она была еврейкой, — ответил Самуэль, еле сдерживая слезы.

Отец ему не ответил, лишь крепко обнял и погладил по голове, а потом велел ложиться спать, но Самуэль не мог уснуть.

— Я знаю, что в Соединенных Штатах тоже бывает зима, и там людям тоже нужны шубы. Ты и там мог бы ими торговать.

— Не так всё просто, — вздохнул отец. — Я не знаю, как там пойдет торговля. К тому же, мы никого там не знаем. Нет, мы никуда не уедем; я не хочу навлечь на твою голову новых бед. Да, это правда, что в России евреев с трудом терпят, но здесь у нас хотя бы есть профессор Гольданский, и благодаря ему дела идут так хорошо, что грех жаловаться. Так что всё, что от нас требуется — вести себя разумно и не лезть на рожон.

— Папа, ты боишься?

Исаак не знал, что ответить на вопрос Самуэля. Да, он боялся. Боялся неизвестности и того, что не сможет защитить сына. Пока он находился в том возрасте, когда мог начать всё с начала — чуть за тридцать, но не мог рисковать.

— Когда повзрослеешь, то поймешь, что остаться здесь было правильным решением. Мы русские, Самуэль, и будем скучать по родине.

— Мы евреи, вот кто мы такие, такими нас видят остальные.

— Но при этом мы — русские, ведь мы говорим по-русски, мы чувствуем и страдаем, как русские.

— Но мы не молимся, как русские, и ты сам, отец, настаиваешь на том, чтобы я не забывал идиш, и заставляешь посещать синагогу, чтобы раввин учил меня древнееврейскому, — ответил Самуэль.

— Да, и я настаиваю, чтобы ты посещал уроки английского и немецкого. Когда-нибудь, Самуэль, никто не будет спрашивать, во что ты веришь или кому молишься, все люди станут равными.

— И когда же это произойдет?

— Когда-нибудь... Быть может, очень нескоро. Но произойдет обязательно.

— Помнится, так говорил дедушка Элиас.

— И это действительно так. А теперь — спать!

Следующие несколько лет прошли под покровительством Густава Гольданского.

Раз в год, в начале весны, Исаак ездил в Париж. Самуэль всегда его сопровождал, чтобы доставить удовольствие дедушке Элиасу.

Тот так и не смог оправиться от смерти своей дочери Эстер и умолял Исаака, чтобы они переехали в Париж, но Исаак всегда отклонял просьбу тестя.

— И на что мы будем жить? Нет, несправедливо стать для вас тяжелой ношей. Каждый сам должен выбирать свою судьбу, а наша судьба — в России, мы русские, а здесь будем иностранцами.

— Но в России мы тоже иностранцы, — отвечал Самуэль, — там мы просто пустое место.

Не то чтобы Самуэль действительно хотел уехать из Санкт-Петербурга. Он успел полюбить этот город, как никакое другое место во всем мире; однако его сны были наполнены кошмарами, он то видел окровавленное лицо матери, то слышал крики сестры и брата. Сердце его разрывалось между стремлением стать похожим на Густава Гольданского и тягой к спокойной жизни в Париже, под крылышком бабушки Элиаса. И, конечно, он по-прежнему мечтал о Соединенных Штатах — о той далекой стране, куда уехал вместе с семьей один из его друзей.

Именно во время этих поездок во Францию он начал принимать идеи Карла Маркса и одного из его последователей, Михаила Бакунина. Оба уже умерли, но посеяли семена своих идей по всей Европе.

Элиас дал ему почитать труды этих людей, и неудивительно, что он ставил в затруднительное положение некоторых друзей деда во время долгих споров в подсобке его мастерской. Некоторые отстаивали идеи Карла Маркса, другие оказались пылкими сторонниками Бакунина, и, несмотря на то, что и те, и другие, были приверженцами равенства, их споры были столь ожесточенными, что мгновенно можно было сделать заключение о непримиримости позиций. В этой самой подсобке Самуэль получил неожиданное политическое образование в виде социализма и анархизма.

Со временем он понял, что отец и дед разделяли взгляды Маркса, но старались скрывать это от окружающих.

Каждое лето он проводил во Франции, в доме бабушки Элиаса, что давало ему возможность не забыть французский язык — родной язык матери. Именно там, в Париже, он впервые влюбился, когда ему только исполнилось шестнадцать. У Брижит были две длинные косы цвета пшеницы и огромные карие глаза, один взгляд которых заставлял его замирать от восторга. Она работала в пекарне своего отца, которая находилась по соседству с мастерской бабушки Элиаса, и Самуэль настоял, чтобы за хлебом каждый день посылали именно его.

Латунный прилавок отделял его от Брижит, и он смотрел, как она хлопчет возле печи, вся запорошенная мукой.

Ни разу они не обменялись ни единым словом, лишь молча улыбались друг другу; но всякий раз, когда Самуэль ее видел, у него сладко замирало сердце.

Однако влюбился не только Самуэль. Однажды вечером бабушка Элиас попросил Самуэля помочь ему отнести заказанные шубы в дом жены адвоката, жившего на правом берегу Сены, и по дороге они неожиданно столкнулись с Исааком. Его сопровождала незнакомая женщина средних лет, с которой его, видимо, связывали достаточно близкие отношения, поскольку они шли под руку. Они непринужденно болтали, смеялись и

выглядели вполне счастливыми. Однако улыбка тут же сбежала с лица Исаака, когда он столкнулся с сыном и тестем, которым сказал, что отправился в дом одного из клиентов.

Исаак не смог скрыть своего замешательства перед ошеломленным взглядом Элиаса и любопытным — Самуэля.

— Самуэль! — только и смог он вымолвить.

— Здравствуй, папа...

— Исаак!.. — еле выдохнул дедушка Элиас.

С минуту они молчали, не зная, как сгладить неловкость, пока, наконец, женщина не заговорила.

— Так ты и есть Самуэль? Я давно хотела с тобой познакомиться: твой отец столько о тебе рассказывал! Он очень гордится тобой: только и говорит, как много ты всего знаешь и как далеко пойдешь. А вы, я полагаю, месье Элиас? Для меня большая честь познакомиться с вами, ведь вы не только лучший скорняк во всем Париже, но и просто хороший человек.

С этими словами женщина улыбнулась деду и внуку, совершенно обезоружив их этой улыбкой.

— А вы кто будете? — поинтересовался дедушка Элиас.

— Я — Мари Дюпон, модистка, работаю в ателье месье Мартеля, там и познакомилась с Исааком.

Мари не была красавицей, но обладала приятным лицом. Нужно было приглядеться, чтобы оценить ее привлекательность, ибо с первого взгляда ее каштановые волосы, карие глаза и чуть полноватая фигура не вызывали особого интереса. Но при этом она была интересным собеседником, чем, несомненно, привлекала к себе мужчин.

Когда Элиас извинился, сказав, что ему нужно отдать заказанные манто, Мари предложила составить им компанию, так что все четверо значительную часть дня гуляли по Парижу. Когда настала пора прощаться, Мари снова всех удивила, пригласив перекусить вместе в следующее воскресенье.

— Я живу в Маре вместе с матерью. И хотя мы живем очень скромно, никто не умеет печь такие яблочные пироги, как она.

Они не согласились прийти, но и не отвергли приглашение. Как только Мари ушла, Исаак попытался объяснить перед тестем и сыном.

— Мари — мой хороший друг, и не более того, — заявил он.

— Меня это не касается, — ответил дедушка Элиас, не скрывая своего негодования.

Когда они наконец вернулись домой, Элиас заперся в своей комнате и даже не пожелал выйти к ужину. Исааку и Самуэлю пришлось ужинать вдвоем, и поначалу их трапеза проходила в полном молчании.

Наконец, Самуэль решил заговорить.

— Папа, почему дедушка так рассердился?

— Полагаю, из-за Мари, — честно признался Исаак.

— То есть... — растерялся Исаак. — В смысле, ты собираешься на ней жениться?

— Я не собираюсь жениться ни на ком. И сказать могу лишь одно: Мари — мой хороший друг, и не более того.

— Но я видел, как она держала тебя под руку, — напомнил Самуэль.

— Да, держала, но это еще не значит, что мы собираемся пожениться. Когда ты станешь постарше, ты меня поймешь.

Самуэля раздражала эта манера отца заявлять, что лишь в будущем он сможет понять то, что происходит сейчас, и потому он осмелился возразить.

— Я хочу понять сейчас.

— Ты еще слишком молод, — ответил Исаак, давая понять, что вопрос исчерпан.

Прошло несколько дней, а Элиас почти не разговаривал с Исааком. Самуэль начала тревожить та неловкость, что разделяла отца и деда. Во время ужина в субботу Самуэль решил спросить, что происходит, но не получил ответа.

— Мне разонравилось в Париже, — признался он в скором времени.

— Разонравилось? — удивился Элиас. — И в связи с чем, позволь спросить?

— Потому что вы с отцом все время сердитесь и без отдыха ругаетесь. Нам всем тут плохо. Я хочу вернуться в Санкт-Петербург.

— Да, это было бы лучше всего, — согласился Исаак. — На самом деле моя работа здесь подходит к концу, да и лето заканчивается.

Они замолчали, не имея сил даже завершить ужин. Они уже поднимались из-за стола, когда Элиас сделал жест рукой.

— Самуэль прав, давайте будем честны друг с другом. Я знаю, что не имею права вмешиваться в твою жизнь, ты еще молодой человек, но воспоминания об Эстер лишили меня разума. Она была моей дочерью, и я никогда не оправлюсь от потери.

— Эстер была моей женой, матерью Самуэля. Как вы могли подумать, что я ее забыл? Да я каждый день молю за нее Бога, и знаю, что после смерти соединюсь с ней навеки. Я никогда не предаю ее, никогда.

— Дедушка, ну почему ты так рассердился из-за того, что Мари прогулялась под ручку с папой? Вот меня это совсем не смущает, ведь это не значит, что он разлюбил маму. Отец любил маму, сестру и брата и будет любить их всегда. Никто не сможет заменить маму, никто. И отец никогда так не поступит.

— Да, это так, — заверил Исаак.

— Мне жаль, очень жаль, что я стал причиной этого недопонимания, я... знаю, что не имею права тебя упрекать, но видеть под руку с тобой женщину, это как... как будто ты предал Эстер.

— Но я так не поступил. Я лишь прогуливался с другом, ничего более. Я не солгал относительно Мари. Она хорошая женщина, приятная и искренняя, с которой жизнь обошлась неласково. Ее отец заболел, когда она была еще маленькой, и ей пришлось заботиться о нем и своем младшем брате, пока мать зарабатывала на пропитание для всей семьи. К несчастью, брат подхватил лихорадку и умер через несколько месяцев после отца. Она не хотела бросать мать на произвол судьбы и отказала нескольким ухажерам. Она честно зарабатывает на жизнь шитьем, а ее мать печет пироги и продает их в своем квартале. Их не в чем упрекнуть, и уж тем более мне. По правде говоря, мы время от времени встречаемся, чтобы прогуляться вместе и поговорить о несчастьях, которые выпали на нашу долю, но мы оба знаем, что будущего у нас нет, моя жизнь — в Санкт-Петербурге, а ее — в Париже, но мы всё равно наслаждаемся тем временем, что проводим вместе. Должны ли мы этого стыдиться?

— Разумеется, нет! — воскликнул Самуэль, прежде чем дед успел что-то ответить.

— Ты прав. Иногда дурное — только в глазах смотрящих, а не в тех, на кого смотрят. Прости меня, и ты тоже прости, Самуэль.

На следующий день Самуэль объявил, что собирается вместе с отцом пойти в гости к

Мари и попробовать яблочный пирог, который она ему обещала. Элиас извинился, что не может пойти вместе с ними, однако проводил их с большой сердечностью, пожелав хорошо провести вечер.

Мансарда, которую Мари делила со своей матерью, была маленькой, но чистой и опрятной; здесь упоительно пахло яблоками.

Женщины прилагали все усилия, чтобы Исаак и Самуэль чувствовали себя как дома, а когда настал вечер, они простились и пообещали снова встретиться.

Элиас встретил их, поинтересовавшись, как всё прошло, и Самуэль успокоился, поскольку дедушка вел себя совершенно обычно.

Со временем он привязался к Мари, с которой они встречались каждое лето, и даже дедушка Элиас в конце концов принял ее с радушием, поскольку она не пыталась получить больше того, что ей могли дать, хотя Самуэль всегда подозревал, что дедушкина оборона дрогнула, потому что Мари умела читать, более того, тоже выказывала симпатию к тем, кто выступал за эмансипацию людей вроде нее. Дедушка Элиас ценил и одежду, которую Мари неплохо шила в мастерской месье Мартеля.

На исходе лета Исаак и Самуэль вернулись в Санкт-Петербург, нагруженные баулами с шубами дедушки Элиаса и огромным количеством модных нарядов, сшитых Мари. Исаак не сомневался, что при содействии графини Екатерины сможет продать все это придворным дамам по самой высокой цене.

Ни Исаак, ни Самуэль даже не помышляли о том, чтобы найти другое жилье, несмотря на то, что их комнатка в доме вдовы Карловой была совсем маленькой. Раиса и ее сестра Алина относились к ним, как к родным.

Раиса спустила с чердака две старые кровати, еще в хорошем состоянии, чтобы заменить ту, на которой до сих пор спали отец с сыном.

— Пора Самуэлю спать в собственной постели — сказала она однажды, попросив Исаака сопровождать ее на чердак.

А Алине пришло в голову, что мальчик может заниматься в гостиной, которая до ужина совершенно пустует, поскольку обе женщины предпочитали тепло кухни.

— Когда Андрей отсюда съедет, вы сможете перебраться в его комнату, — пообещала Раиса.

Но Андрей, похоже, не собирался покидать пансион. Он закончил курс ботаники и зарабатывал, помогая разбирать книги в университетской библиотеке. Платили ему мало, едва хватало на независимую от отца жизнь, который гордился сыном.

Самуэлю нравился Андрей, когда никто не слышал, они разговаривали о политике. Самуэль очень скоро открыл, что студент — горячий последователь марксистской теории, хотя сам не осмеливался признаться, что читал коммунистический Манифест.

Исаак всегда велел ему быть благоразумным и не вмешиваться в политику.

— Осторожней, вспомни о том, что твою мать убили из-за того, что евреев обвинили в убийстве царя Александра.

Но Самуэль всё же был менее благоразумным, чем хотелось бы Исааку, и вскоре после поступления в университет для изучения химии он начал встречаться с другими студентами, которые, подобно ему, грезили о мире без социальных классов.

В университет Самуэль поступил благодаря Густаву Гольданскому. Он хотел стать аптекарем, но профессор Гольданский убедил его заняться химией.

— Будучи химиком, ты сможешь стать фармацевтом, но будучи фармацевтом, никогда

не станешь химиком, а кто знает, что уготовала для тебя жизнь, — сказал он.

Последовав его совету, Самуэль решил стать химиком. Он не хотел изучать ничто другое, настолько восхищался своим покровителем. Хотя профессор уже отошел от дел, он по-прежнему занимался изготовлением лекарств для самых близких друзей. По случаю его внук Константин и Самуэль посетили лабораторию, находящуюся в глубине особняка. Самуэль заворуженно наблюдал, как профессор замачивает растения и смешивает жидкости, что казалось ему почти волшебством, фильтрует полученную смесь и превращает ее в сиропы или пилюли для спасения от болезней. Константин не выказывал особого интереса к занятиям деда и ограничивался тем, что помогал, когда тот попросит, но не более того, но Самуэль без устали засыпал его вопросами, пораженный тем, что этими жидкостями можно исцелять.

— Меня всегда интересовали целебные вещества. Врачи ставят диагнозы, по после этого для лечения заболевания необходимы лекарства. Я мог бы посвятить жизнь другим отраслям химии, без сомнения, более прибыльным, но всегда был зачарован результатами, которые можно получить от альянса химии и ботаники. Ни единого дня в своей жизни я не провел без экспериментов, но еще столько всего предстоит открыть...

При каждой возможности Константин выскальзывал из дедушкиной лаборатории, но Самуэль оставался с профессором и часами его слушал, хотя это время всё равно казалось ему слишком коротким.

Отец тоже был благодарен старику-профессору.

— Не знаю, как отблагодарить вас за всё, что вы для нас сделали, и за тысячу лет я не смогу оплатить этот долг вам и вашей семье, — повторял своему благодетелю Исаак.

— Делая добро людям, ты приносишь добро и самому себе. Меня утешает мысль, что когда я предстану перед лицом Господа, он простит все мои ошибки за то добро, которое я принес людям.

— Я знаю, вы делаете то, что диктует сердце.

— А в особенности то, что требует от меня мой внук Константин. Он никогда бы меня не простил, если бы не смог учиться в университете вместе со своим лучшим другом, твоим сыном. Вот увидишь, они преуспеют в жизни. Не стану отрицать, что я бы предпочел, чтобы внук последовал по моим стопам, но он решил посвятить себя дипломатии, как и его отец, мой дорогой Борис. Так что мне доставит удовольствие передать твоему сыну те знания, что я приобрел за всю свою жизнь. У него есть талант, уверяю тебя, и он смелый экспериментатор.

«Кто знает, быть может, однажды мы с вами породнимся, мой дорогой Исаак, — подумал он. — Ты никогда не замечал, как загораются глаза моей внучки Кати, когда она видит Самуэля?»

— Я не смею даже мечтать об этом, — ответил Исаак. — Я и так не устаю благодарить Всевышнего за то, что он послал мне такого друга, как вы. Вы столько для меня сделали, сколько и родной отец не сделал бы для своего сына.

Густав Гольданский умер в ту же зиму, когда Самуэль поступил в университет. Старый профессор не смог справиться с пневмонией, которую тщетно пытался вылечить. Исаак горевал, как будто потерял родного отца.

— Даже не знаю, что мы станем делать без него, — прошептал он во время похорон. не в силах сдержать слезы.

— Мы обязаны ему всем, — ответил молодой Самуэль, который тоже ощущал в душе

невыносимую пустоту.

После смерти Густава Гольданского Самуэль стал много времени проводить с Константином. Теперь его друг стал главой семьи Гольданских, хотя по-прежнему прислушивался к советам своей бабушки, графини Екатерины.

— Ничего не изменилось, — говорила она. — Ты, как и собирался, станешь дипломатом на службе у царя и Отечества; это самое лучшее, что ты можешь сделать для памяти отца и деда; а ты, Самуэль, не беспокойся: если что, я всегда приду к тебе на помощь, ведь именно этого хотел мой муж.

И Константин, и Самуэль почувствовали себя осиротевшими. Для обоих Густав Гольданский был образцом, они считали, что лучшего человека не найти. Несколько месяцев они соблюдали положенный траур и редко выходили из дома, но потом начали расширять круг друзей. К удивлению Самуэля, они познакомились с молодыми людьми, считавшими, что нужно покончить с царским режимом. Конечно, они соглашались с тем, что России необходимо правительство, которое не будет подавлять народ, но даже не представляли, что существуют люди, отстаивающие необходимость революции, которая покончит с самой монархией.

Самуэль тоже увлекся социалистическими идеями, но старался этого не афишировать и по возможности избегать контактов с молодыми людьми, слишком захваченными теорией Михаила Бакунина. Разумеется, как и Константин, он прочел несколько запрещенных книг, попавших ему в руки, но дальше этого его мятеж не заходил.

— Бакунин шагнул еще дальше, чем Маркс, — убеждал Константин Самуэля. — Он доказал, что государство должно быть упразднено. И я с ним согласен, ведь государство ограничивает свободу личности. А ты что об этом думаешь?

Самуэль отвергал идеи Бакунина, выступая за порядок в государстве.

— Идеи Бакунина не приведут ни к чему хорошему, лишь вызовут хаос. Народ хочет, чтобы его положение изменилось, но ему нужно указать направление.

Его удивило, что Константин настаивает на необходимости перемен, что его волнует бедность крестьянства и возмущает отсутствие свободы.

Он не знал, как бы поступил, будь он внуком Гольданского, если бы унаследовал его имя и состояние, а также положение в обществе.

— Ты понимаешь, что если однажды восторжествуют идеи социализма, ты останешься без наследства?

— В таком случае мне придется доказать, чего я стою сам. Иногда я думаю, что одни имеют так много, а другие — так мало. То, что заработал своим трудом дедушка, не должно стать моим. Да у нас и так слишком всего много. Думаешь, всё это нам необходимо? Нет, разумеется, нет. Ты делишь с отцом комнату, в которой вы едва можете пошевелиться, а я живу во дворце с видом на Балтийский залив. Добрейшая Раиса Карлова чинит тебе рубашки, а я никогда не надеваю шпопаную одежду. Почему я должен иметь больше, чем ты? Что я такого сделал, чтобы это заслужить? Мы равны, и должны жить одинаково и обладать одинаковым состоянием.

— Да, так утверждает Маркс, но это всё равно утопия, — ответил Самуэль, восхищаясь добросердечием Константина.

— Что ж, в любом случае, даже если бы захотел, то не смог бы отказаться от своего имущества. Бабушка мне бы этого не простила, к тому же я несу ответственность за свою сестру Катю. Вообще-то, я лишь могу желать, чтобы царь изменил положение народа,

народа, который верен ему и его обожает.

Несмотря на свои слова, Константин был верным подданным царя и вел себя как аристократ, хотя и не остался в стороне от проникших в Россию новых идей.

Среди друзей Самуэля обращал на себя особое внимание другой молодой еврей, Ёзя Сильверманн, с которым он познакомился вскоре после приезда в Санкт-Петербург. Дед Ёзи был раввином и обучал детей ивриту. Исаак следил за тем, чтобы его сын ни на минуту не забывал о том, что он — еврей, поэтому каждую неделю Самуэль отправлялся в дом раввина, где и подружился с его внуком Ёзей.

Семья Сильверманнов, равно как и семья Гольданских, а также Исаак и Самуэль Цукеры, перебралась сюда из Польши, но, в отличие от них, Сильверманны жили в Санкт-Петербурге уже не один десяток лет.

В отличие от Константина и Самуэля, молодой Ёзя был фанатично религиозен и старался свято соблюдать все законы иудаизма.

— Если я не буду ходить в синагогу, дедушка обидится, — оправдывался он перед своими друзьями.

Тем не менее, несмотря на свою религиозность, Ёзя полностью разделял их стремление коренным образом изменить жизнь в России, но при этом резко отвергал как идеи Бакунина, так и Маркса.

— Идеи социализма звучат хорошо, но куда они нас приведут? Меня охватывает страх, когда я вижу некоторых наших друзей на манифестациях, идущих туда без капли сомнения. Не знаю почему, но иногда я чувствую в них пыл фанатиков.

— А почему они должны сомневаться? — как-то спросил Самуэль у Ёзи. — Разве ты сам сомневаешься в том, во что веришь?

— Единственное, во что я по-настоящему верю — это в Бога, — ответил Ёзя.

— Но это не значит, что ты должен цепляться за все предписания нашей веры, даже самые абсурдные, — упрекнул его Самуэль. — По-моему, это уже фанатизм.

— Давай оставим в покое Бога и его предписания, — попросил Жозе. — Скажи лучше, ты тоже стал социалистом?

— Ну, я полагаю, что во многом они правы, — осторожно ответил Самуэль.

Обычно именно Константин примирял Самуэля и Ёзю.

Хотя все трое были неразлучны, они выбрали совсем разные курсы в университете: Самуэль решил стать химиком, Константин — дипломатом, а Ёзя изучал ботанику, чтобы не разочаровать дедушку. Но они всё равно всегда находили время, чтобы побыть вместе, что нравилось Исааку, убежденному в том, что внук раввина в конце концов вобьет в голову Самуэля немного здравого смысла.

Исаак тревожился, когда Самуэль пересказывал ему разговоры с друзьями. Он тоже мечтал о бесклассовом обществе, но боялся сделать хотя бы один шаг, чтобы этого добиться. Он слишком много всего потерял — мать, жену и двоих детей, чтобы рисковать еще потерять и Самуэля.

Однажды вечером, после занятий в университете, Самуэль столкнулся с Андреем; его сопровождал незнакомый мужчина.

— Это мой друг Дмитрий Соколов, — представил Андрей своего спутника.

Лицо этого человека показалось Самуэлю знакомым. Он был высоким и грузным; у него была черная с проседью борода и почти совершенно седые волосы. С первого взгляда этот человек привлекал внимание, а его глаза, глядевшие прямо в душу, казалось, прожигали ее.

насквозь.

— Ты еще увидишься с ним в университете, — заверил Андрей.

— Да, я его знаю, слышан, — ответил Самуэль, вспомнив, что действительно уже встречал этого человека, причем именно в университете. Соколов не был преподавателем, он был всего лишь старшим помощником библиотекаря, однако пользовался немалым авторитетом среди некоторых молодых людей, считающих, что России необходима революция. Ему также было известно, что Соколов когда-то был иудеем, но даже после того, как отрекся от иудаизма, он продолжал окружать себя студентами-евреями, которые учились в том же университете. Ему показалось довольно странным, что Андрей подружился с таким человеком, но он промолчал.

— Я тоже знаю, кто ты такой, — ответил Соколов, чем привел Самуэля в замешательство.

— Но я просто никто...

— В университете немало глаз и ушей, но не все они принадлежат охранке... Кроме нашего общего друга Андрея, мне рассказывали о тебе и другие мои знакомые. Они считают тебя храбрым молодым человеком, стремящимся изменить нашу жизнь, хотя иные полагают, что ты чересчур осторожен, что для нас не слишком желательно.

— Нежелательно? И для кого же я нежелателен — такой, как есть?

— Андрей говорил, что ты нам сочувствуешь.

— Кому именно? — сухо спросил Самуэль, которому совсем не нравился такой поворот дел.

— Нас гораздо больше, чем ты думаешь — тех, кто стремится изменить жизнь. Россия умирает. Аристократия тянет страну назад. Наше положение немногим лучше, чем положение крепостных или рабов. Ты не находишь, что настало время что-то с этим делать?

Самуэль не знал, чему отдать предпочтение — то ли тому пылу, который сейчас почувствовал, то ли благоразумию, к которому его столько раз призывал отец. Он решил промолчать.

— Я поручился перед Соколовым, что тебе можно доверять, так что, если хочешь, можешь пойти с нами... Мы как раз идем на встречу с нашими товарищами, кое с кем из них ты знаком... Но решение остается за тобой. Если ты станешь одним из нас — пути назад уже не будет: мы не можем допустить, чтобы среди нас оказался человек, способный изменить нашим идеалам.

— Вы не случайно со мной столкнулись...

— Да, это я так решил. Я уже давно уговариваю Соколова, чтобы он разрешил тебе присоединиться к нам. Я знаю твой образ мыслей, мы разговаривали о том, в чем нуждается Россия. Это положение не будет вечным, так что либо ты с нами, либо против нас.

— Андрей за тебя поручился. Так ты готов? — поинтересовался Соколов.

— Я не знаю... — честно ответил Самуэль. — Я не представляю, что я должен буду делать, чего от меня ждут...

— Сам увидишь, если к нам примкнешь. Ты только должен четко понять, что если мы попадем в лапы охранки, то рискуем жизнью... Но разве ты не считаешь, что ради свободы и справедливости можно рискнуть?

Лицо Соколова покраснелось.

— Я пойду с вами.

С этого дня Самуэль стал частью группы Соколова, деятельность которой состояла в основном в долгих дебатах о правах крестьян, рабочих и евреев. Временами Самуэль горячо спорил с теми, кто отстаивал необходимость перейти к действиям. Он категорически отрицал насилие.

— Мы все равны. Между людьми нет различий. Долой религию! — повторял Соколов во время собраний. Из всех лозунгов самый большой энтузиазм вызывал у Самуэля именно этот — избавление от религии.

Он так и не зарегистрировался в качестве иудея, это было бы для него слишком тяжелой ношей, потому что все остальные стали бы считать его чужаком. Сейчас он увидел возможность, что в новом обществе, которое они построят, ни один человек не будет отличаться от другого. Евреи станут жить, как христиане, и те, и другие станут свободными, отделавшись от религии, которая лишь затуманивает разум.

Он рассказал Константину и Ёзе, что вступил в группу Соколова, и предложил им сделать то же самое.

— Ты наполовину еврей и тоже выступаешь за перемены, — сказал Самуэль, пытаясь убедить своего друга.

— Да, это так, но вы просто идиоты, если всерьез верите, что идеи Маркса или Бакунина могут прижиться в России. Кроме того, мне не нравятся твои новые друзья: они ведут себя, как фанатики.

— Фанатики? Ёзя, ты же знаешь Андрея, он едва сводит концы с концами, давая уроки отстающим студентам. Он что, похож на фанатика?

— Мне не доводилось иметь дела с этим Андреем — кроме тех случаев, когда я встречался с ним у тебя дома. Так что я ничего не могу о нем сказать, — ответил Ёзя.

— Соколов был бы рад с тобой познакомиться, — продолжал настаивать Самуэль.

— Дружище, одно дело — спросить об идеях, и совсем другое — превратиться в заговорщиков. Я не могу такого себе позволить. Давай забудем об этом, — решительно произнес Константин.

— Если в России произойдет революция, то только потому, что за нее борются марксисты и бакунинцы, мы можем повлиять на то, чтобы стать похожими на Германию или даже Великобританию. Пусть русские сами выбирают свою судьбу. Я понимаю, что мы должны соблюдать осторожность, но в будущем России понадобятся люди вроде вас, — настаивал Самуэль.

— Я несу ответственность перед семьей и не могу рисковать. Ты тоже должен быть осторожным, не думаю, что охранка будет терпеть группу евреев, собирающихся, чтобы обсудить, как изменить Россию, — предупредил его Константин.

— Но... я больше всего в жизни доверяю вам.

— Слушай, если я к вам присоединюсь, то первым против меня восстанет Соколов. В его глазах я всегда останусь аристократом. Давай сохраним нашу дружбу. Мы оба хотим друг другу только лучшего. Пусть так и остается.

Убедить Ёзю Сильверманна ему тоже не удалось. Внук раввина оказался слишком упрямым.

— Нет, дружище, не рассчитывай, что я вступлю в группу Соколова. Хотя я и сочувствую некоторым социалистическим идеям, их фанатизм вызывает отвращение... в общем, я не могу стать заговорщиком. К тому же мне кажется опасным, что эта группа состоит из стольких евреев. Однажды вас обвинят в заговоре против царя. По правде говоря,

из-за вас обвинят и всех нас. Подумай об этом.

— Да как ты можешь это говорить! Не понимаю, почему ты не хочешь сотрудничать с Соколовым, когда я лично слышал, как ты критикуешь текущее положение дел... — посетовал Самуэль.

— Мне не нравятся окружающие Соколова люди, они хотят и в религии устроить революцию, а я, как и ты, верю в Бога.

Константин и Ёзя были правы. Когда Соколов узнал, что они оба отказались присоединиться к группе, то попытался посеять в Самуэле семена недоверия к друзьям.

— Буржуи не желают никаких перемен. Да и с какой стати им этого желать? Они терпеть не могут партии или другие организации, не приверженные монархии. Тогда они потеряют все свои привилегии. Они хотят, чтобы русские остались в том же положении, что и теперь? Мы же хотим стать свободными людьми, хотим добиться общества без классов, хотим, чтобы с евреями перестали обращаться, как с прокаженными, хотим справедливости, — заявил Соколов.

— Мой друг Ёзя Сильверманн — вовсе не буржуй, — ответил Самуэль.

— Его дед — еврей, давно живущий в столице, и его семья благодарна царю за то, что им, как псам, позволили лизать руку хозяина, бросившую им кость. Ты говоришь, что Ёзя Сильверманн симпатизирует социалистам, но не может быть никакого социализма без обязательств.

Самуэль и Андрей много часов проводили вместе. По вечерам, когда они возвращались к своим будничным делам и встречались в доме вдовы Карловой, обычно они уединялись в комнате Андрея и редактировали там прокламации, читали запрещенные книги и готовились к подпольным собраниям, которые проходили каждую неделю.

Вдов Карловых не удивляло, что они запираются в комнате Андрея, поскольку Самуэль объяснил, что он помогает Андрею с диссертацией по ботанике. Но этот предлог не убедил Исаака, который видел в глазах сына блеск страстей и нетерпение, каких он никогда прежде не видел. Дошло даже до того, что в последнее лето Самуэль отказался сопровождать отца в Париж. Исаак напомнил ему, что дедушка Элиас очень стар и в любой день может приболеть. Но Самуэль остался непреклонным и в то лето, в 1893 году, не поехал вместе с Исааком.

Помимо увлечения политикой, Самуэль был охвачен иной страстью; он был глубоко и безнадежно влюблен в одну молодую женщину, с которой его познакомил Константин.

Ирина Кузнецова была на несколько лет старше Самуэля; ей было около тридцати, и она обучала музыке маленькую Катю, сестру Константина.

Не совсем обычное занятие для женщины; но ее отец сам был известным профессором музыки, пока несколько лет назад не пал жертвой паралича, и теперь был прикован к постели. Ирина, которую отец обучил всему, что знал и умел сам, смогла убедить графиню Екатерину позволить ей давать Кате уроки вместо отца. И хотя графине не слишком нравилась идея доверить образование внучки этой девице, которая к тому же держалась чуть более высокомерно, чем допускало ее положение, в конце концов она всё же уступила — благодаря настойчивости Константина.

— Но, бабушка, Ирина мне представляется вполне достойной барышней; во всяком случае, она действительно умеет играть на фортепиано. Катя слишком неусидчива; возможно, Ирина своим примером изживет ее упрямство и сможет привить любовь к музыке.

На самом же деле Константин просто хотел помочь своему старому учителю и его семье. Его не слишком волновало, научится Катя игре на фортепиано или нет; он и сам знал, что его сестренка не отличается особыми талантами и не питает большой любви к музыке, как бы бабушка ни пыталась убедить себя в обратном.

А кроме того, немалую роль здесь сыграла красота Ирины.

Среднего роста, стройная, со светлыми волосами и огромными голубыми глазами, Ирина была очень хороша собой и знала это лучше, чем кто-либо другой.

С тех пор как заболел ее отец, она приняла на себя все заботы по дому и до того, как прибыть к Гольданским, испытала такое, что повлияло на всю ее жизнь. Ее мать была добропорядочной женщиной, хотя и слишком мечтательной. До такой степени, что в детстве убеждала Ирину, что та благодаря своей красоте превратится к аристократку.

— Вот увидишь, все князья и графья будут прямо-таки драться за тебя, — говорила она. — А нам с отцом останется лишь выбирать, кто из них наиболее достоин твоей руки.

Она не сомневалась, что красота дочери откроет перед ней двери в высший свет, и не уставала твердить мужу, что Ирина должна получить самое лучшее образование, какое они только могут ей дать. Вскоре отец обнаружил, что Ирина обладает хорошим слухом и особой чувствительностью пальцев; теперь он и сам старался научить ее всему, что знал сам, и вскоре убедился, что не ошибся в дочери.

Вот только князья и графья отчего-то не толпились у дверей дома Кузнецовых и даже не подозревали о существовании Ирины.

Когда ей исполнилось семнадцать лет, отец предложил ей место гувернантки у дочерей графа, которым давал уроки два раза в неделю.

— Графиня просила меня порекомендовать ей барышню достойного поведения и с хорошими манерами, чтобы опекать ее дочерей. Я тебе о них рассказывал, это просто чудесные девочки, и очень хорошо воспитанные. Старшей восемь лет, младшей — пять. Обе они очень привязаны к своей бонне, но она должна на время вернуться к себе в Германию, чтобы ухаживать за больной матерью. Она пробудет там два или три месяца. Ну, что ты на это скажешь?

Мать Ирины была в восторге. Это был первый шаг в высшее общество Санкт-Петербурга; уж теперь о ее дочери узнает весь свет! Кроме того, должность гувернантки при маленьких девочках представлялась ей весьма почетной.

Когда Ирина переступила порог дома графа Новикова, она тоже верила, что это — лишь первый шаг по дороге, которая приведет ее к тому фантастическому будущему, которое обещала мать.

Графине Ирина, мягко говоря, не слишком понравилась. С первой минуты она стала относиться к ней, как к обычной прислуге. Оказалось, Ирина должна не только присматривать за девочками, но еще и содержать в порядке их гардероб, стирать и гладить платья, а также причесывать обеих. Разумеется, она должна была сопровождать их в гости, однако всё то время, пока девочки играли в гостиной, ей приходилось дожидаться в людской. В довершение всего, к обеим она должна была обращаться не иначе как «госпожа графиня», что было для нее особенно унижительно.

Ирина никак не была готова к тому, что к ней будут относиться, как к прислуге, и уж тем более не ожидала, что станет игрушкой в руках хозяина, графа Новикова.

Когда ее представили хозяину дома, Ирина вздрогнула от страха. Да, от страха, который она испытала, заглянув в глаза этого человека.

Однажды вечером, когда графиня Новикова отправилась с визитами, Ирина была чрезвычайно удивлена, что хозяин дома пожелал ее видеть. Он велел ей прийти, и она тут же явилась; ей было так страшно, что у нее вспотели ладони.

Новиков затащил ее в свою спальню и велел раздеться. Она пыталась сопротивляться, но ничего не смогла поделать. Вне себя от страсти, он сорвал с нее одежду и изнасиловал. И это был лишь первый раз, а потом изнасилования стали обычным делом.

Через два месяца девушка заметила странные изменения в собственном теле. Месячных не было; кроме того, грудь набухла и отвердела, и каждое утро ее мучила тошнота. Когда она сказала об этом графу, тот ее ударил.

— Идиотка! Ты что, не знала, что нужно делать, чтобы избежать беременности? В таком случае, ты просто дура!

На следующий день он дал ей адрес, по которому она должна была отправиться в воскресенье после церковной службы.

— Скажешь моей жене, что тебе нужно проведать родителей, — велел он. — Потом отправишься в этот дом. А там уж знают, что с тобой делать. Вот, возьми деньги, отдашь их хозяйке. И смотри, никому ни слова!

Ирине страшно было вспомнить о том, что произошло в том доме, куда она отправилась в воскресенье по приказу хозяина. Всё внутри у нее сводило болью, когда она вспоминала ту женщину, которая открыла ей дверь и велела лечь на кухонный стол. Женщина приказала ей снять нижнее белье и, когда Ирина запротестовала, влепила ей звонкую пощечину. Ирине ничего не оставалось, как подчиниться. Женщина привязала ее руки и ноги к выступающим по краям стола скобам. То, что произошло дальше, впоследствии долго являлось ей в самых кошмарных снах. Эта женщина вырвала из ее утробы ребенка, которого она носила под сердцем. Ирина не знала, должна ли радоваться, что избавилась от ребенка человека, которого всей душой ненавидела, или же, напротив, должна просить прощения у Бога, что не сумела избежать изнасилования.

Когда через несколько месяцев возвратилась семейная бонна, Ирина смогла вернуться домой. Но это была уже не прежняя Ирина. Когда мать снова завела свою песню о том, что настанет день, когда ее дочка станет женой аристократа, она в ужасе закричала:

— Никогда! Никогда этот день не настанет! Ты меня слышишь? Никогда!

— Что случилось, дочка? — растерялась мать.

Она ничего не рассказала матери ни об изнасиловании, ни о том, что сделала аборт. А также обо всех тех унижениях, которые пережила за последние месяцы, что показались ей бесконечными.

Как ни настаивала мать, пытаясь разузнать, со сколькими графами и князьями она познакомилась, Ирина хранила молчание. Она могла бы ответить, что познакомилась и хорошо узнала единственного графа, настолько хорошо, что по ночам просыпается, ощущая соленый вкус его кожи и запах перегара изо рта.

Других аристократов, друзей Новикова, она видела только издалека. Прислуга, какой бы ни была особенной, не путалась с аристократией. Что знала ее мать о графах и князьях? Как она могла вообразить, что они остановят взгляд на Ирине? Она благодарила Господа за то, что больше не познакомилась ни с одним графом.

Вскоре после этого отец нашел для нее другую работу. На сей раз это было место няни в

доме вдовца-скрипача с годовалым ребенком. Его жена умерла при родах, и младенца взяли к себе ее родители, но теперь бабушка тоже умерла, и бедный скрипач не знал, что ему делать с малышом.

— Он — хороший человек и великий скрипач, мы вместе работали, и я ему доверяю, — сказал Ирине отец.

Мать Ирины долго спорила с мужем по этому поводу. Она никак не могла согласиться, чтобы ее дочь служила в доме вдовца, к тому же еврея. Поползут слухи, и репутация Ирины будет погублена. Но Ирине не было до этого дела. Она-то знала, что никакой репутации у нее нет, и поэтому на ней никто никогда не женится.

— Я доверяю нашей дочери, она никогда не позволит себе ничего такого, чего впоследствии будет стыдиться. К тому же, ей не придется ночевать в этом доме, только присматривать за ребенком в течение дня.

Юрий Васильев был известным скрипачом, неоднократно выступавшим при дворе. Он был настолько талантлив, что слушатели поневоле забывали о его еврейском происхождении. Но при этом он и сам на протяжении многих лет прилагал все мыслимые усилия к тому, чтобы стать настоящим русским: начиная с того, что сменил имя, и кончая тем, что почти избавился от еврейского акцента.

Он был высоким, стройным, темноволосым и кареглазым; обладал холеными белыми руками с длинными пальцами, именно они прежде всего привлекли внимание Ирины.

С первой же минуты он показался ей необыкновенно дружелюбным и деликатным.

— Вы даже не представляете, насколько важна для меня ваша помощь, — повторял он. — Если мне самому придется нянчить моего сына, я просто не смогу работать. По ночам у меня нет этой проблемы: за ним присматривает одна добрая женщина, наша привратница. Но вот днем... Когда умерла жена, о ребенке заботились теща с тестем, но теперь теща умерла тоже, и его совершенно не с кем оставить. Мои родители живут далеко отсюда, под Москвой; они требуют, чтобы я отвез ребенка к ним. Но я обещал жене, что никому его не отдам. Михаил — очень славный мальчик, он не доставит вам особых хлопот.

Поначалу Ирина опасалась, как бы этот человек не решил воспользоваться ее зависимым положением. Однако Юрия Васильева, казалось, совершенно не волновала ее красота. Со временем их отношения стали более доверительными, но при этом они продолжали сохранять определенную дистанцию.

Однажды Ирина делала уборку в комнате Юрия, где он обычно занимался, и заметила на столе стопку каких-то бумаг; ей сразу бросилось в глаза одно слово, отпечатанное красным: «революция».

Сколько Ирина ни убеждала себя, что не должна читать чужих бумаг, однако любопытство пересилило. Она так увлеклась чтением, что не услышала, как вошел Юрий.

— Бог мой, что вы здесь делаете? — воскликнул он.

Ирина вздрогнула и выронила бумаги, которые в беспорядке рассыпались по полу.

— Простите... простите... — забормотала она. — Я не должна была...

Она не знала, куда деваться, чувствуя, как краска стыда обжигает ей кожу.

Юрий принялся собирать бумаги с пола. Он казался еще более растерянным, чем сама Ирина.

Они долго молчали, не зная, что сказать. Он выглядел обеспокоенным, она — смущенной.

— Эти бумаги не мои, — заговорил наконец Васильев. — Один мой друг передал мне их на хранение.

Ирина кивнула, но не могла сказать, что, по ее мнению, он соврал, тем более не могла попросить разрешения дочитать эти бумаги, где говорилось о том, что все люди равны, что религия не может быть причиной дискриминации, что нужно покончить с привилегиями дворянства и что России необходимо правительство свободных людей.

— Я как раз собирался их забрать и вернуть владельцу.. С моей стороны было весьма неразумно оставить их на столе.

— Нет, это я виновата, я не должна была их читать, но... простите, но я ничего не могла с собой поделать.

— Вы помните, что случилось с женой Лота?

Она виновато опустила глаза и молча кивнула. Конечно, она помнила этот эпизод из Библии.

— Так вот, я надеюсь на вашу сдержанность. У моего друга могут возникнуть серьезные проблемы, если кто-нибудь... в общем, если эти бумаги попадут в неподходящие руки. Поэтому я очень надеюсь, что вы сохраните это в тайне.

— Не волнуйтесь, я никому ничего не скажу. И потом...

— Что — потом?

— Я... я согласна с тем, что написано в этих бумагах...

— Вот как? — оживился Васильев. — И что же вы об этом знаете?

— Знаю? Ничего, но мне хотелось бы, чтобы все в России стали равными, что мы, прислуга, стали кем-то большим, чем просто пустое место... Мне бы хотелось, чтобы аристократы прекратили обращаться с народом как им заблагорассудится. У них есть всё, а нам достаются крошки со стола, да еще от нас требуют за это благодарности. Я знаю, что есть люди в еще более тяжелом положении, чем я, у них нет почти ничего.

— У вас, по крайней мере, есть родители, которые вас любят и заботятся о вас, — ответил он, — вам всегда хватало еды на столе. Музыканты зарабатывают немного, но на жизнь хватает.

— Я не жалею, я знаю, что могло быть и хуже. Но я представляю тот мир, как описан в этих бумагах, мир, где мы все станем равными, где царит справедливость. Как можно не желать подобного?

Юрий Васильев, похоже, успокоился. Он никогда не слышал, чтобы отец Ирины выступал простив несправедливости в стране, но кто бы на это осмелился? Он не знал, произносит ли эти слова девушка под отцовским влиянием или это ее собственные мысли. В любом случае Ирина могла стать для него и его друзей опасной. Он решил за ней понаблюдать, и если придет к выводу, что она готова на него донести, то... он сказал себе, что должен поделиться этим с товарищами, пусть они и решат, что делать.

Но вскоре он понял, что не только может ей полностью доверять, но и что Ирина тоже жаждет сделать нечто большее, чем просто тайком читать про революцию. Поначалу они избегали разговоров, которые могли коснуться тех бумаг, но однажды, к удивлению Юрия, она подошла к нему и прямо спросила:

— Я всего лишь прислуга, но как вы думаете, я могла бы познакомиться с вашим другом? Возможно, я была бы ему чем-то полезна, хотя я мало что умею кроме как готовить, заниматься уборкой и играть на фортепиано, я бы сделала что угодно, чтобы... в общем, чтобы изменить порядок вещей.

Юрий поверил ей. Эта девушка вела себя совершенно искренне, и чуть подсказывало ему, что ей можно доверять.

— Ваш отец говорит, вы хорошо играете на фортепиано, — заметил Юрий.

— Это он научил меня играть.

— Охотно верю. Не желаете выступить в следующую субботу на музыкальном вечере?

Вы могли бы сыграть на фортепиано.

— Простите, я вас не понимаю...

Но вскоре она поняла, что представляли собой эти музыкальные вечера, которые посещал Юрий в свободное время. Они проводились в доме преподавателя игры на скрипке, пожилого мужчины по имени Федор Волков.

Через обучение у Волкова прошли многие музыканты Санкт-Петербурга, и некоторых он вдохновил не только в музыке, но и в политических идеях. Волков объехал полсвета и играл перед богачами Лондона, Берлина и Парижа, даже прожил довольно долгое время в Швейцарии.

Самые близкие друзья знали, что он был знаком с Марксом и Энгельсом, а в Швейцарии беседовал с Бакуниным, несмотря на то, что не разделял идеалов анархизма. Волков был убежденным марксистом, и весьма пылким, так что, находясь в Гамбурге в конце 1867 года, получил привилегию на покупку первого тома «Капитала», вышедшего в издательстве Отто Майснера.

Будучи обреченным на жизнь отверженного еврея, благодаря своему музыкальному таланту он добился успеха, поскольку был действительно выдающимся скрипачом, в течение нескольких десятилетий для него и его музыки были открыты двери царских дворцов.

Сейчас он жил, отдалившись от публичной жизни, но посвятил себя обучению молодых музыкантов. И посреди музыкальных ключей, гамм и интервалов всматривался в глаза своих учеников — не зажжется ли там иная страсть помимо музыки. Многие также превратились и в его политических последователей. Юрий Васильев был одним из них.

Жизнь Ирины переменилась в тот вечер, когда она вместе с Юрием Васильевым отправилась в дом Федора Волкова.

В этот вечер, когда она слушала речи Волкова о равенстве и братстве, с ее отцом случился удар.

Она вернулась домой счастливая от того доверия, оказанного Васильевым, и от воодушевляющих слов, с которыми эти люди обсуждали будущее.

С тех пор ее жизнь уже никогда не была прежней. Она знала, что Юрий Васильев ей доверяет, и благодаря этому между ними установились дружеские отношения. Хотя больше он ни разу не просил ее прийти на другие собрания, они разговаривали о будущем России. К тому же Юрий Васильев стал источником единственного дохода, на который теперь жила ее семья.

Врач объяснил, что правая сторона тела ее отца навсегда останется неподвижной, к тому же он ослеп на правый глаз. И тогда Ирине пришлось взять на себя нелегкую роль главы семьи.

— Мама, не беспокойся, — сказала она. — Ты сейчас должна ухаживать за папой, а я буду работать, чтобы вы ни в чем не нуждались.

Так она и сделала. Решив обеспечить семью, она поговорила с Юрием.

— Отцу нужен уход и лекарства. Моего жалованья здесь недостаточно, мне нужно работать где-то еще.

Юрий молчал. Он не мог платить больше, но и не хотел ее терять, маленький Михаил уже к ней привык. Однако Ирина уже обо всем подумала.

— Я повидаюсь с графиней Екатериной. Три раза в неделю отец давал уроки ее внучке Кате. Он сказал, что у девочки нет таланта, но платят там хорошо. Я попрошу, чтобы мне разрешили занять место отца. Мне всего лишь понадобится один час два раза в неделю. Как думаешь, ты мог бы устроить так, чтобы с Михаилом это время проводила привратница? Всего один час.

Юрий почувствовал облегчение, что не потеряет Ирину, хотя сомневался, что графиня примет ее вместо отца.

— Я поговорю с привратницей, полагаю, это всего лишь вопрос небольших дополнительных денег...

— Я не могу предложить вычестить их из моего жалования, потому что мне оно необходимо. Мне необходимо всё, что я могу заработать, — откровенно ответила она.

— Привратница — хорошая женщина, она много не возьмет, а я предпочел бы, чтобы ты осталась с Михаилом, мальчик уже к тебе привык.

Вместе с бабушкой ее принял Константин, и молодой человек тут же размяк перед просьбой Ирины, он ценил искренность и смелость, а Ирина обладала обоими качествами. На него также произвело впечатление, с каким достоинством она держалась. Ирина не пыталась вызвать жалость, а лишь заявила, что отец хорошо ее обучил, так что она способна выполнять эту работу.

На исходе месяца, когда графиня Екатерина, поинтересовалась, как продвигаются Катин занятия, она ответила ей по-французски:

— К сожалению, у вашей внучки нет музыкального слуха, и это еще одна причина, чтобы усердно заниматься.

Вскоре Константин приобрел привычку бродить рядом с музыкальным салоном, где проходили Катин уроки.

Он не мог остаться равнодушным к красоте Ирины, которую та, казалось, презирала, но больше всего его завороживала личность девушки. Он с нетерпением ждал тех дней, когда Ирина давала уроки его сестре, и потом предлагал подвезти ее в своем экипаже до дома Юрия Васильева, но она всегда отказывалась. Она боялась мужчин, особенно аристократов. Хотя Константин был таким любезным, он всё равно оставался графом.

Именно в доме Гольданских Самуэль впервые увидел Ирину — и влюбился в нее с первого взгляда. Таким образом, из трех друзей лишь один Ёзя остался равнодушным к чарам молодой женщины.

— Видели бы вы оба свои физиономии, когда появляется Ирина... — насмехался он. — Конечно, она очень красива, но у нее такие холодные глаза... В душе этой женщины таится адская бездна. Сомневаюсь, что она может сделать счастливым кого-либо из мужчин.

Как Константин, так и Самуэль протестовали против таких заявлений Ёзи, но, хотя они и не признавались в этом сами себе, но их тоже удивляла суровость во взгляде Ирины.

От библиотекаря Соколова Самуэль знал о существовании Федора Волкова, а также то, что хозяин Ирины Юрий Васильев симпатизирует социалистам.

Ирина знала, что молодые люди борются за право ее сопровождать, чтобы оказаться к ней поближе, но предпочитала делать вид, что не замечает их ухаживаний. Для нее в жизни было важно лишь одно: поддерживать на плаву свою семью. В ее планах не оставалось места для любви. Она не признавалась в этом даже самой себе, но ей была противна сама мысль о

том, чтобы иметь интимные отношения с женщиной. Ее первый любовник, граф Новиков, навсегда нанес ей серьезную травму.

Исаак отчаянно переживал, видя, как молодые люди соперничают из-за внимания Ирины.

— Послушай, мне это не нравится, — пытался он робко выговаривать сыну. — Вы с Константином просто с ума посходили из-за этой женщины.

— Но, папа, — отвечал Самуэль. — Ирина — просто Катина учительница музыки, и мы с ней подружились. так что не нужно выдумывать то, чего нет.

— Я вижу лишь то, что она не любит никого из вас, и не могу понять, почему вы так упорно продолжаете за ней таскаться. Она же просто бессовестно водит вас за нос. Послушай меня, эта женщина — не для вас. К тому же она тебя старше.

— Отец, я уже не ребенок, мне двадцать три года.

— А ей уже почти тридцать.

— Ради Бога, отец! Ирине всего двадцать восемь.

— Вот я и говорю, что ей уже почти тридцать; для женщины это много. Кстати, почему она до сих пор не замужем? Она очень красива, ей следовало бы иметь мужа и детей.

— Она работает, папа, — горячился Самуэль. — Она работает и содержит всю семью. Или ты считаешь, что замужество — единственный путь для женщины?

— Разумеется! Что может быть достойнее для женщины, чем роль жены и матери? Или ты уже забыл свою мать? Встречал ли ты в своей жизни женщину достойнее, чем она? Встречал ли ты когда-либо женщину, которая могла бы с ней сравниться?

Самуэль всегда сдавался после сетований отца. Он знал, что Исаак хотел для него только лучшего и что с тревогой думал о его будущем, и потому с сомнением относился к его занятиям с Андреем и желанию сделать Россию похожей на Германию или Великобританию.

— Если бы профессор Гольданский был жив, уж он бы разъяснил тебе, что к чему.

— Отец, никто не имеет на меня такого влияния, как ты, уверяю тебя, что нет нужды беспокоиться. Ирина ничего для меня не значит, как и для Константина.

Но в глубине души Исаак прекрасно понимал, что его сын лжет, просто чтобы его не расстраивать.

Раиса Карлова, постоянно слышащая эти разговоры отца с сыном, попыталась утешить Исаака.

— Не донимайте его, это у него пройдет. Самуэль еще очень молод, а какой юноша может сопротивляться любви? Но он человек разумный и учится. Какая удача, что он может рассчитывать на помощь Андрея. Вы же видите, сколько часов они проводят взаперти, разговаривая о растениях. Андрей — хороший человек и изо всех сил старается помочь Самуэлю.

— Да, вы правы, хотя Андрей на него хорошо влияет. Надеюсь, что он не даст красоте Ирины себя завлечь.

На самом деле Андрей интересовался лишь тем, как сблизиться с библиотекарем Соколовым, тот служил примером русского, сумевшего выковать из себя нового человека, поднявшегося над предрассудками и разделившего идеалы других людей, чье единственное отличие состояло в том, что они родились евреями.

— Не стоит слишком рисковать, — настаивал Соколов на каждом подпольном собрании, — если мы окажемся в застенках охранки, это не принесет никакой пользы.

Многих студентов задерживали, пытали, или они просто исчезали, попав в лапы жуткой секретной полиции. Некоторые друзья Самуэля и Константина стали жертвами агентов охраны и, хотя и выжили, так и не оправились от пыток. Некоторые спаслись только благодаря принадлежности к влиятельным семьям и заплатили за свою дерзость заговорщиков изгнанием. Но царь не собирался позволять, чтобы какие-то удачливые молодые люди его империи замыслили смену режима, он приказал не делать исключений для заговорщиков. Он желал дать понять родителям, какую цену заплатят их сыновья, да и они сами, за попытку измены.

Однажды вечером Ирина неожиданно явилась в дом вдовы Карловой. Она держала за руку Михаила и, несмотря на то, что она старалась держаться со всей учтивостью, Раиса увидела у нее в глазах что-то похожее на страх.

— Самуэль занимается, он не может вас принять, — заявила она. — А вы, должно быть...

— Ирина Кузнецова. Я уверена, что он примет меня, это очень срочно.

— Не сомневаюсь, если вы решились выйти на улицу в такой холод, да еще с ребенком. Пройдете на кухню, я налью вам чаю.

— Прошу вас, мне просто необходимо увидеться с Самуэлем!

Раиса неохотно позволила молодым людям уединиться в гостиной. Ей хотелось бы подслушать разговор, но из-за двери она разобрала лишь неясное бормотание.

— Нам не следует подслушивать, — запротестовала ее сестра Алина. — Молодым людям нужно поговорить о своих делах...

— В такое время? Уже больше восьми... Приличные женщины в этот час сидят по домам.

— А зачем бы неприличная пришла в наш дом повидать Самуэля? Чем, по-твоему, они могут заниматься в гостиной в присутствии ребенка? Ладно, сестренка, не будь такой же недоверчивой, как господин Исаак. Даже он не вышел из своей комнаты, чтобы разузнать, что стряслось.

— У господина Исаака лихорадка, а завтра ему рано вставать; ты же знаешь, он собирается на север — закупать новые меха. Возможно, он спит и не знает, что сюда заявилась эта девица.

— Ты же сама защищала ее перед господином Исааком, — напомнила Алина.

— Да, но я и представить себе не могла, что она так скоро появится в нашем доме. Это просто неприлично, когда барышня заявляется к мужчине, как к себе домой.

— Но ведь она хочет просто поговорить с ним...

— На ночь глядя? К чему такая спешка?

Тем временем в гостиной Ирина изливала Самуэлю свои тревоги.

— Вот уже два дня, как Юрий не появлялся дома. Он не оставил мне никаких указаний. Боюсь, как бы не случилось самое худшее...

— Ты говорила с профессором Федором Волковым?

— Нет, я не хочу его зря беспокоить, — ответила Ирина.

— И чем я могу помочь?

— Ты можешь поговорить с Константином. Он — граф, у него большие связи; если Юрия арестовали, он сможет все разузнать. Я не могу расспрашивать сама — графиня не любит Юрия, она даже может отказать мне от места. Но ты — друг Константина, и никто не удивится, если ты придешь его повидать.

— В такой час?

— Пожалуйста, Самуэль, помоги мне!

— Ну, хорошо, хорошо, — ответил Самуэль, не в силах ни в чем отказать любимой женщине. — Я провожу тебя домой, и ты останешься там вместе с Михаилом. А я пойду к Константину. Я уверен, что он нам поможет.

Самуэль не знал, что именно известно Ирине о деятельности Юрия Васильева. Сам он знал о его идеях от Андрея и библиотекаря Соколова, который упрекал Юрия, что тот никак не решается активно выступить против притеснения евреев. Кроме того, он мог лишь гадать, что за отношения на самом деле связывают Ирину и Юрия. Он всё больше склонялся к мысли, что здесь кроется нечто большее, нежели обычные взаимоотношения между служащей и работодателем. Порой он прямо сходил с ума от ревности, понимая, что такой еще молодой мужчина, как Юрий, никак не сможет устоять перед красотой Ирины, да и сама она питала очевидную привязанность к музыканту. Но он упрямо гнал от себя эти мысли, зная, что Ирина вынуждена у него работать, потому что должна содержать семью.

Самуэль схватил свое пальто и попросил Раису присмотреть за отцом.

— У него жар, хотя сейчас он спит. Если он проснется, дайте ему ложку этой микстуры, это облегчит кашель.

— Куда ты собрался в такой поздний час? — в тревоге спросила Раиса.

— Провожу Ирину, в такое время девушке опасно ходить одной. Но я скоро вернусь, я должен готовиться к экзамену, к тому же мне нужно посоветоваться с Андреем.

— Что-то Андрей задерживается... — обеспокоенно произнесла Раиса Карлова.

— Должно быть, он на занятиях, ведь экзамены на носу.

Самуэль проводил Ирину до дома, а потом быстрым шагом направился к особняку Константина. Его друг оказался дома, этим вечером он не ходил ни на одну из вечеринок, которые обычно посещал. Лакей провел его в кабинет Константина, и Самуэль тут же рассказал другу о дурных предчувствиях Ирины.

— Если в течение двух дней Юрий не подает признаков жизни — это значит, что его арестовали.

— И что мы можем сделать? — обеспокоенно спросил Самуэль.

— Сегодня — уже ничего. Подождем до завтра. Завтра я найду человека, который сможет расспросить в полиции об исчезновении Юрия, не вызывая при этом подозрений.

— А ты сам не можешь это сделать?

— Да ты с ума сошел! Я и так ввязался в это дело только ради тебя. Если я заявлюсь в охранку и начну расспрашивать о Юрии, то сразу же попаду под подозрение. Не волнуйся, если его и впрямь арестовали, я найду способ это выяснить. Кстати, как ты думаешь, Ирина знает о деятельности Юрия?

— Не знаю... А ты как думаешь?

— Я тоже не знаю. Но она — умная девушка, не исключено, что заметила что-то подозрительное.

— Может быть, нам стоит посоветоваться с профессором Волковым?..

— Давай подождем до утра, Самуэль. Уверю тебя, это разумнее всего.

Вскоре выяснилось, что ничего страшного не произошло. Юрий объявился рано утром. Оказалось, что два дня назад его пригласили в дом богатого купца играть на скрипке на музыкальном вечере. Неожиданно в дом ворвались полицейские. Оказалось, что они ищут одного из партнеров хозяина дома, которого подозревают в подрывной деятельности и в

заговоре против царя. Охранка была крайне раздосадована, не найдя искомого человека, и арестовала нескольких гостей, в том числе и Юрия. Сначала он был потрясен, испугавшись, что полиция пронюхала о его собственных делах, но потом с облегчением обнаружил, что арестовали его главным образом для устрашения. Они искали совершенно другого человека, а их задержали лишь с целью показать, что бывает с теми, кто бунтует против царя.

Два дня и две ночи он провел в тюрьме, стараясь вести себя так, как и должен себя вести перепуганный музыкант, который ничего не знает и знать не может ни о каких делишках партнера хозяина дома. В конечном счете, Юрия вместе с другими задержанными выпустили на свободу, наградив на прощание парочкой синяков. А впрочем, молодчики из охранки не сомневались, что эти несчастные музыканты не имеют никакого отношения ни к продаже взрывчатки, ни к революционной деятельности. Юрий считал, что еще легко отделался, в полной мере испытав на собственной шкуре тяжесть полицейских кулаков. Другим повезло несколько меньше, и Юрий благодарил Бога за то, что ему не сломали руку, как виолончелисту.

Их вызывали на допросы в любое время дня и ночи. Первый вопрос всегда был один и тот же: что они делали в доме купца? За ним шел следующий: что им известно о деятельности делового партнера хозяина дома и его политических взглядах?

У Юрия не было причин лгать. Его, как и других музыкантов, пригласили выступить на музыкальном вечере. Никогда прежде он в глаза не видел ни хозяина этого дома, ни его делового партнера, ни кого-либо еще из гостей. Он ничего не знал об их деятельности и взглядах и никогда ими не интересовался. Он повторял это снова и снова, получая в ответ всё новые оплеухи.

Руки спасти удалось, но ему разбили нос и, видимо, сломали переносицу. В глазах стоял кровавый туман, было больно смотреть.

Когда же ему наконец объявили, что он свободен, он поневоле вознес благодарственную молитву. Он давно изгнал Бога из своей жизни, которую подчинил исключительно доводам рассудка, а тут в памяти неожиданно всплыли слова давно забытой детской молитвы.

Весь в синяках, шатаясь от голода, он побрел домой. Привратница сообщила, что Ирина все эти дни оставалась с маленьким Михаилом.

Услышав скрежет ключа в замке, Ирина бросилась к дверям. Увидев Юрия, она замерла на пороге, не узнавая его изуродованное побоями лицо.

— Я жив... — прошептал он. — Я жив...

Больше он ничего не успел сказать. Слезы радости брызнули у него из глаз при виде сына и женщины, которая давно уже стала частью его жизни.

Ирина согрела воды и промыла его раны. Затем подала чистую одежду в последней отчаянной попытке узнать в нем того прежнего Юрия, каким тот был до ареста.

Он рассказал ей о том, что произошло, опустив некоторые детали — побои, унижения, собственный страх оказаться трусом. Лицо Ирины исказил ужас.

— Я попросила Самуэля о помощи, — сказала она. — Сегодня утром Константин собирался в охранку, чтобы расспросить о тебе...

— Хорошо, что он еще туда не отправился. Беги к нему немедленно, скажи, что я уже дома. Беги, а я побуду с Михаилом, я хочу обнять своего сына.

Ирина опроретью бросилась в дом Константина. Она боялась встретиться с графиней

Екатериной, но всё же решила рискнуть. К счастью, графиня еще не проснулась.

— Вы пришли на урок к юной графине Кате? — осведомилась любопытная горничная. — Но ведь сегодня не четверг.

— Нет-нет, — ответила она. — Я принесла весточку графу Константину от одного друга.

— Ах, вот оно что! Хорошо, я сообщу графу, — неохотно протянула горничная.

Немедленно появился Константин в сопровождении Самуэля и Ёзи, сообщение предназначалось и им. Увидев неожиданно появившуюся Ирину, трое друзей встревожились еще больше.

— Юрий вернулся.

Выслушав рассказ Ирины, оба содрогнулись, представив, какие муки пришлось пережить бедному скрипачу.

— Сегодня с самого раннего утра я отослал записку отцовскому другу, пользующемуся доверием царя. Я собирался встретиться с ним, чтобы попросить найти Юрия. Я в любом случае к нему пойду и найду какой-нибудь благовидный предлог, чтобы объяснить, чего ради просил этой встречи. Может, попрошу совета по поводу какой-нибудь сделки... А ты, Ирина, возвращайся к Юрию, ты же, Самуэль сообщи друзьям, что он появился, чтобы не совершили чего-нибудь неразумного. Ёзя, возвращайся домой, твой дед наверняка уже готовится к субботе.

— Думаю, что сейчас я всем сердцем присоединюсь к дедушкиным молитвам. Как же мы перепугались! Просто чудо, что с Юрием всё обошлось! — откликнулся Ёзя.

Задержание Юрия изменило Самуэля. Он вдруг понял, что подпольные собрания, листовки и прокламации, долгие разговоры о будущем — всё это несет опасность, которую он пока не мог оценить. И не потому что не знал о постоянных арестах и жестоких репрессиях всех тех, кто осмеливался задаваться вопросами о царском режиме.

Исаак продолжал ежегодно ездить в Париж, и каждый раз проводил там всё больше времени. Он чувствовал, что больше не нужен Самуэлю, что хотя сын его любит, но строит собственную жизнь, где нет места для отца.

Самуэль больше времени проводил в комнате Андрея, чем с отцом. Он постоянно стремился с ним поговорить под предлогом помощи в учебе и никогда не рассказывал, с кем или куда идет, хотя иногда упоминал Константина и Ёзю. Исаак утешался тем, что сын хотя бы по-прежнему дружит с этими молодыми людьми, считая их настоящими друзьями Самуэля.

Он не осмеливался в этом признаться даже себе самому, но Андрей ему не нравился. Когда они с Самуэлем прибыли в пансион Раисы Карловой, Андрей был для них чем-то вроде тени. Исаак даже не помнил, как в их жизни появился Андрей, точнее сказать, в жизни Самуэля, но с тех пор он начал терять сына.

— Что вы имеете против Андрея? — спросила однажды старая Алина.

Исаак не знал, что и ответить. Женщина уже давно замечала, как кривились его губы, когда Андрей выходил к ужину, и какой мукой искажалось его лицо, когда он видел, с каким интересом Самуэль ловит каждое слово этого студента-ботаника.

Алина была самой умной из сестер и лучше разбиралась в людях, а Раиса, прежде всего, была женщиной практичной, но неспособной читать души себе подобных.

Обе были добры и щедры с Самуэлем и Исааком, но в Алине последний чувствовал родственную душу и доверял ей. Однако вскоре Алина умерла.

Ее смерть стала для Исаака более тяжким ударом, чем он предполагал. Два последних месяца жизни она не вставала с постели, и Исаак проводил рядом с ней всё свободное время. У Алины почти не осталось сил разговаривать, но время от времени она открывала глаза и улыбалась, а если чувствовала себя лучше, то уверяла Исаака, что он будет счастлив и начнет новую жизнь.

— Когда Самуэль станет химиком, вы должны начать думать о себе. Что насчет той Мари, что шьет изумительные платья, которые вы привозите из Парижа?

— Она всего лишь мой добрый друг, — отвечал он.

— Добрый друг... А чего ж еще желать, как не разделить жизнь с добрым другом?

Он кивал. Алина была права, ему бы хотелось провести остаток жизни с Мари, но поймет ли это Самуэль или решит, что это предательство его матери?

Мари и Самуэль хорошо ладили друг с другом с самого первого дня. Но Самуэль видел в ней просто хорошего человека, как тетю, десятую воду на киселе, с которой иногда приятно увидеться.

Исаак не мог представить, как попросит Мари выйти за него замуж, хотя и предполагал, что она ответит согласием. Она никогда не была замужем и, похоже, посвящала большую часть времени шитью платьев. Исаак считал, что даже дедушка Элиас его благословит.

— Когда я умру, — сказал ей как-то при случае месть Элиас, — ты унаследуешь мою клиентуру и помимо платьев сможешь шить меховые манто.

Да, Алина была права, но Исааку не хватало смелости, чтобы начать новую жизнь вдали от Самуэля, несмотря на то, что сын едва уделял ему время.

За день до смерти Алина проснулась с удивительно оптимистичным настроением и захотела поговорить со всеми жильцами пансиона. Казалось, что она почти поправилась.

Самуэль не рассказал отцу, о чем разговаривал с Алиной, но вышел из комнаты больной глубоко растроганным и начиная с этого дня попытался сблизиться с отцом, хотя очень скоро будничные дела снова отдалили их друг от друга.

Почему же Андрей ему так не нравился? Исаак так и не нашел, что сказать Алине, но сам с каждым днем чувствовал, как растет в его душе неприязнь к этому студенту-ботанику, которую он всеми силами старался скрыть от Раисы и собственного сына.

1897 год изменил всю их жизнь. Исаак привез из Парижа брошюру, которую тут же вручил своему сыну.

— Это издали в прошлом году, прочти как можно внимательнее, — сказал он. — Ее написал один венгерский журналист по имени Теодор Герцль.

— «Еврейское государство». Что это, папа? Ты, и вдруг с памфлетом, — Самуэль весело улыбнулся при виде выражения отцовского лица.

— Никакой это не памфлет, прочти это внимательно. Герцль утверждает, что нам, евреям, нужен собственный дом, собственное место для жизни. Он собирается выступить на конгрессе в Базеле, чтобы объявить во всеуслышание об этом проекте и детально обсудить этот вопрос.

— А ты спросил этого Герцля, что по этому поводу думают турки? Напоминаю, отец, что бывшая еврейская земля сейчас принадлежит Османской империи. Ты же не хочешь сказать, что тебя вдохновило то, о чем говорит этот оглашенный в брошюре?

— Теодор Герцль — вовсе не оглашенный. Это весьма разумный человек, который наконец понял, что пора евреям иметь свой собственный дом. Дело Дрейфуса ^[5] произвело на него неизгладимое впечатление.

— Ах вот как? И он до сих пор не понял, что быть евреем — это всё равно что приговор? Может, он не знает, что происходит в России? Не слышал об убийствах евреев в нашей стране? Да, Дрейфуса обвинили в измене и приговорили только потому, что он еврей, и что, в этом есть что-то странное? Здесь такое происходит каждый день.

— Герцль — тоже еврей, и ему хорошо известно, что такое антисемитизм. По Европе прокатилась новая волна ненависти к евреям. Страшно подумать, чем это может закончиться. Если дело Дрейфуса стало возможным во Франции, то теперь может произойти что угодно.

— Что угодно? А что еще может произойти? Многие столетия евреев преследуют, нас метят, как скот, чтобы мы не смешивались с остальными, заставляют жить подальше от своих городов и поселков... Да, время от времени некоторым вроде нас позволяют жить как людям, правда, до этого нам пришлось заплатить дань кровью, чтобы не забыли, кто мы такие на самом деле. Может, мне напомнить тебе, что произошло с мамой, братом, сестрой и бабушкой?

— Именно поэтому, сынок, именно поэтому пришло время найти свой собственный дом, а для меня нет другого, кроме того, откуда произошли наши предки. Нет места лучше, чем Палестина. Много столетий евреи повторяют: «В следующем году мы будем в Иерусалиме». Что ж, пришла пора туда вернуться.

— Вернуться? Ты что, решил отправиться в Палестину? Папа, я тебя умоляю! Что ты там будешь делать? На что ты там будешь жить? Ты же не говоришь ни по-турецки, ни по-арабски.

— Мы должны были отправиться туда еще в те дни, когда убили твою мать. Многие из наших так и поступили...

— Да, я в курсе, слышал разговоры о группе под названием «Ховевей Сион», приверженцы Сиона, и еще об одной, Билу ^[6].

— Билу были смелыми и уехали в решимости работать на земле, они стали фермерами. Это оказалось непросто, но они были там не одни, в Палестине всегда жили евреи — в Иерусалиме, в Хевроне и других городах...

— А мы остались здесь и добились немало, а можем добиться...

— И чего же мы можем добиться? — спросил Исаак у сына.

— Мы русские, это наша страна, хоть и жить в ней так тяжело. Мы должны бороться за то, чтобы здесь был наш дом, а не где-то еще. Мы изменим Россию. С самого детства я слышал, как вы с дедушкой говорите о мире без сословий, где все будут равны, где не имеет значения, кто где родился и во что верит. Вы всегда считали, что только за равенство стоит бороться, чтобы ни один человек не был выше другого.

— Маркс был прав, но ведь это Россия. Знаешь, что произойдет, если кто-нибудь услышит такие речи? Тебя арестуют, объявят революционером и убьют.

— В России многие люди думают так же — как я и ты. Многие хотят изменить эту страну, потому что она наша, мы ее любим. Если ты задумал уехать в Палестину... прости, но я не поеду с тобой.

— Там мы сможем быть евреями и не стыдиться этого, ни перед кем не каяться. Турки терпимы к евреям.

— В том будущем, которое мы собираемся построить, не будет ни евреев, ни христиан, а будут лишь свободные люди.

— Ты — еврей и навсегда им останешься. От такого не отречешься.

— Знаешь что, папа? Мне кажется, ты просто не понимаешь, что я — прежде всего человек и ненавижу все те штучки, которые придуманы, чтобы разделять нас, людей.

— И всё же я надеюсь на твое благоразумие. Идеи Маркса запрещены.

— В России позапрещали всё, что только можно; но ты не волнуйся, я буду благоразумен.

— Самуэль...

— Не говори ничего, папа, молчи, оставим эту тему. И не задавай мне вопросов, ответы на которые принесут тебе боль.

Зима 1897 года выдалась на редкость холодной. От Соколова Самуэль узнал, что еще одна группа евреев основала Бунд — всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России, который, как и все остальные, имел целью создать массовую рабочую партию, чтобы бороться за перемены в положении евреев без необходимости ассимилироваться.

— Речь идет о том, чтобы каждый оставался самим собой, но не забывая о том, что у нас общего — что все мы люди, имеющие права, и мы должны работать вместе с другими социалистами, чтобы добиться перемен в России, — объяснил Соклов своим сторонникам.

Вместе с Ёзей и Константином Самуэль окончил учебу и готовился начать работать.

Все трое получили отличные оценки. Константин занял предназначенное ему место в императорской канцелярии, чтобы со временем стать дипломатом, как его отец. Ёзя собирался посвятить себя ботанике, а Самуэль, благодаря протекции графини Екатерины, получил место помощника у Олега Богданова, известного химика и фармацевта.

Однажды вечером Андрей попросил Самуэля прийти на завтрашнее собрание, на котором должны были присутствовать Соколов и профессор Волков.

— Ты только представь себе эту парочку! — говорил он Самуэлю. — Наш Соколов — больше практик, а Волков — больше теоретик, но оба они стремятся к одной цели: покончить раз и навсегда с этим репрессивным режимом.

— Весьма сожалею, но завтра я не смогу там быть: я должен сопровождать Богданова в больницу. Они собираются опробовать новый антисептик, над которым уже давно работают. Сейчас они собираются опробовать его на правительственном чиновнике, которому предстоит сложная операция на желудке.

— Пойдем, Самуэль! — настаивал Андрей. — Это очень важная встреча, она продлится до поздней ночи. Ты вполне можешь ненадолго улизнуть из больницы, хотя бы на полчаса. От тебя ведь всё равно не зависит, выживет этот чиновник или помрет. Так что не бери в голову!

— Я должен был в больнице, профессор Богданов велел мне его сопровождать. Я не могу ни отказаться, ни оставить его одного в такой важный момент.

Глаза Андрея сверкнули гневом, но он не показал виду, что сердится.

— Да, жизнь человека, безусловно, важна; но вы спасаете одну жизнь, а мы — многие тысячи и миллионы жизней, избавляя их от позорного прозябания под царской пятой. Именно в этом состоит наша цель, наша миссия. Мы в ответе за наше дело, мы отвечаем за него перед миллионами людей и мы не можем их подвести. Что там одна жизнь — против миллионов других жизней!

— Что ты такое говоришь? — воскликнул изумленный Самуэль.

— Да ладно. не трус! Жизнь этого чиновника, конечно, важна, как и миллионов несчастных, которые нынешней зимой, как и в прежние зимы, погибнут от холода и голода. Или их жизни тебе кажутся менее важными? Наверняка эта жидкость, которую собирается

опробовать Богданов, будет иметь успех, тебе не на что жаловаться.

— Я не понимаю тебя, Андрей. Ты же знаешь, сколько я учился, и как мне повезло, что удалось сразу найти такую работу. Я никак не могу пренебречь своими обязанностями.

Однако Андрей не отставал.

— Увидимся в доме Федора Волкова. Тебе известно, что он уже немолод и неважно себя чувствует, поэтому Дмитрий Соколов не возражает, чтобы мы провели собрание на его территории. Главное, что вы, евреи, готовы взять на себя ответственность за дело революции.

— А я-то считал, что наша группа — это не просто кучка евреев, ты ведь и сам — пример того, что мы хотим того же самого, что и другие социалисты. Я прошу меня извинить, ты сможешь рассказать мне о принятых решениях позже.

— У тебя есть обязательства, Самуэль; ты не можешь бросить нас в беде.

— Я не собираюсь бросать никого в беде; я лишь делаю то что должен, а завтра я должен сопровождать Олега Богданова.

В тот день они впервые поссорились. Прежде Самуэль никогда не вступал в споры с Андреем, поскольку знал его с детства. До этой минуты мнение ботаника значило для Самуэля даже больше, чем мнение его родного отца. Дело в том, что Самуэля весьма уязвляло, когда его считали ребенком; Андрей же относился к нему, как к равному.

В доме Волкова было холодно, несмотря на исходящий от потрескивающих в камине дров жар, так что все протянули руки к огню.

Собравшиеся с жаром отстаивали необходимость революции. Десять мужчин и три женщины горячо обсуждали судьбу России.

И Соколов, и Волков неоднократно спрашивали о Самуэле, поскольку Андрей много раз повторял, что тот придет.

— Главное, чтобы он был здесь, когда придет время действовать.

Но они так и не пришли к согласию относительно того, в чем будут заключаться эти действия. Некоторые последователи профессора Волкова склонялись к поддержке других ячеек, выступающих за насильственные методы, но Соколов возражал против этого.

— Не стоит вступать на кровавый путь, это ошибка, народ нас не простит, наоборот, станет бояться. Нет, это не выход.

Профессор Волков, похоже, заколебался, заявив, что, возможно, пришло время для чего-то большего.

Они решили собраться в последний вечер года. Каждая ячейка представит свой план действий, его обсудят и решат, как поступить, хотя библиотекарь Соколов четко объявил, что ни под каким предлогом не станет принимать участие в насилии.

— Мы, евреи, и так уже достаточно натерпелись от насилия, так что сами в нем принимать участия не будем. Рабочие и крестьяне не последуют за теми, кто не способен победить только с помощью слова. Речь идет об убеждении, а не об уничтожении противников, в этом случае мы сами превратимся в подобных им. К насилию прибегают лишь те, кто недостаточно уверен в своих идеях.

Позднее Юрий Васильев пересказал Ирине подробности этой встречи, отметив при этом, что Соколов так и не перестал думать, как еврей.

— Но ты же не хочешь, чтобы пострадали невинные люди! — воскликнула Ирина, не на шутку испугавшись, что Юрий решит примкнуть к сторонникам радикальных мер.

— Да, я не считаю, что в этом есть необходимость — по крайней мере, сейчас, —

ответил Юрий. — Но при этом не думаю, что их следует полностью отвергнуть. Тем не менее, Соколову противна сама мысль о том, чтобы участвовать в каких-либо действиях, которые могут обернуться кровопролитием. Он считает, что именно это и роднит его с другими социалистами, но на самом деле он думает и говорит, как еврей. Ах, дорогая моя Ирина, боюсь, что ты не поймешь, о чем я говорю: ведь ты не еврейка.

— Но ты...

— В течение долгих лет я был не более, чем просто человеком, извлекающим звуки из скрипичных струн. Человеком, который всего-то и хотел жить в мире с другими людьми, и единственным моим желанием было стереть все различия между ними. Мы, евреи, резко отличаемся от остальных уже тем, что мы — евреи. Однако Соколов считает, что вполне возможно построить такое общество, где все люди будут равны, и каждый сможет молиться, кому захочет, это станет личным делом каждого. Я же лишь хочу раз и навсегда покончить с идеей единого Бога, который заставляет людей воевать друг с другом лишь потому, что кто-то привык молиться и совершать обряды иначе, чем они сами. Соколов хочет отменить в стране официальную религию; я же хочу запретить вообще любую религию.

— Боюсь, у вас это не получится, — прервала Ирина. — Крестьяне не отрекутся от Бога, ведь это единственное, что у них есть, что помогает им оставаться людьми.

— Вот именно, Ирина — единственное. И с этим мы тоже должны бороться. Религия — это не более чем суеверия. Свободный человек — это, прежде всего, человек образованный, и не имеет значения, крестьянин он или ремесленник. Так что мы должны изгнать из жизни устаревшие обряды и прочие библейские сказки. Люди должны научиться думать и обрести чувство собственного достоинства.

— Но... я... — растерялась Ирина. — Ты уж меня прости, но я не верю, что такое в принципе возможно: запретить людям верить в Бога. К тому же... это и само по себе просто ужасно: запретить Бога.

— Я не сказал «запретить Бога». Я сказал «отменить религию», а это разные вещи. Понимаешь, Ирина? Нет, боюсь, тебе никогда не стать настоящей революционеркой. У тебя слишком доброе сердце, это мешает мыслить логически.

Несколько секунд они хранили молчание. Ирина не хотела ему противоречить, чтобы не потерять завоеванное доверие. Временами она спрашивала себя, почему Юрий больше не приглашает ее на собрания вроде того, на котором она была в доме профессора Волкова, но не осмеливалась задать этот вопрос. Тишину, в которой они оба начали чувствовать себя неловко, первым нарушил Юрий.

— Вот если бы я попросил твоей руки — по какому обряду прикажете нам венчаться? Я — еврей и должен сочетаться браком согласно требованиям моей религии. Но раввин потребует, чтобы ты отреклась от своей веры и перешла в мою. Но беда в том, что потребуются несколько месяцев, а может быть, и лет, чтобы тебя признали настоящей иудейкой. Подойдем к делу с другой стороны. Ты — православная, и должна венчаться по законам твоей веры. И что же, думаешь, патриарх даст свое благословение на такой брак? Да он придет в ярость от одной мысли, что православная девушка может выйти замуж за еврея. Он потребует, чтобы я отрекся от своей веры и перешел в православие. Именно поэтому мы не можем пожениться, и единственный оставшийся для нас путь — стать любовниками. Но я считаю, что наше желание быть вместе не касается ни раввина, ни патриарха, а только нас с тобой, и никто не вправе решать за нас. И однажды наступит день, когда для брака между мужчиной и женщиной будет достаточно одной лишь их доброй воли.

Ирина покраснела от этих слов; кровь застучала у нее в висках, ладони вспотели. Она невольно отшатнулась от Юрия; тот посмотрел на нее и понимающе улыбнулся.

— Не волнуйся, я не стану принуждать тебя стать моей любовницей. Это я так сказал, для примера.

— Я так это и поняла, — ответила Ирина, стараясь вести себя так, чтобы Юрий не заметил ее волнения.

— А вот если бы я не был иудеем, а ты — православной, вот тогда, быть может, я и попросил бы тебя выйти за меня замуж, — продолжал он. — Михаил любит тебя, как родную мать; ты и есть единственная мать, которую он знал. И я боюсь, что однажды настанет день, когда ты захочешь нас покинуть.

Она не ответила. Этот разговор был ей неприятен, если бы Ирине хватило смелости, она тут же бы ушла.

— Я хочу попросить тебя об одном одолжении: если когда-нибудь со мной что-то произойдет, обещаешь, что позаботишься о Михаиле? Ценностей у меня немного, и все хранятся в этой шкатулке. Я дам тебе ключ, чтобы ты могла ее открыть, если...

Ирина не дала ему продолжить. Слова Юрия ее чрезвычайно смутили.

— Я понимаю, что прошу от тебя огромной жертвы, но ты — мой единственный друг в этом мире, и единственный человек, которому я могу доверять. Я знаю тебя и могу быть спокойным, зная, что ты не оставишь Михаила, если что-то вдруг со мной случится. Я знаю, что не вправе требовать от тебя такой жертвы, но всё же...

— Хватит, Юрий! — крикнула она. — Хватит уже!

— Обещай мне, что позаботишься о Михаиле, — голос Юрия звучал умоляюще.

— С тобой ничего не случится. Ты — его отец, и ты ему нужен.

— Но если со мной всё же что-нибудь случится...

— Хорошо, я даю тебе слово, что позабочусь о Михаиле. В конце концов, я тоже его люблю.

Юрия обещание Ирины, похоже, удовлетворило.

Тем временем Соколов и профессор Волков всё свободное время посвящали написанию планов будущих действий. Андрей передавал их предложения своим товарищам и даже предложил Самуэлю тоже написать свои идеи.

— У меня нет времени, к тому же я не очень-то уверен, что следует предпринять, — объяснил Самуэль.

— По крайней мере, приходи на собрание в последний день года. Выпьем водки и поговорим. Мы должны проголосовать за план действий.

— Не уверен, смогу ли прийти, я обещал присутствовать на празднике по случаю окончания года, который устраивают графиня Екатерина и мой друг Константин.

— Похоже, ты предпочитаешь проводить время со своими друзьями-богатеями, а не с нами. Ты меня разочаровываешь, Самуэль. Что с тобой происходит? Ты изменился.

В конце концов, Самуэль обещал зайти на собрание к профессору Волкову.

В тот год 31 декабря Санкт-Петербург завалило снегом. Снег шел с самого раннего утра и продолжался до тех пор, когда город стали окутывать сумерки.

Самуэль тревожился. Он плохо спал, и у него болела голова. В полдень зашел Ёзя, чтобы поздравить вдову Карлову.

Раиса предложила ему чашку горячего бульона и кусок миндального пирога, который Ёзя тут же съел.

— Что такого случилось, что нынче вечером ты не собираешься приходить к Константину? Наш друг устроил в честь проводов года бал-маскарад. Моя мама несколько дней шила костюм Арлекина, хотя из-за мороза я бы скорее попросил твоего отца что-нибудь из его мехов, чтобы нарядиться медведем.

— Я пойду, но надолго не останусь.

— Что у тебя за важные дела? Ты, случаем, не свиданье ли скрываешь?

— Нет, уверяю тебя, что это не нечто столь приятное, как бал или любовное свидание. Не спрашивай, Ёзя, тебе лучше не знать.

— Не могу поверить, что твои друзья социалисты устроили собрание в этот вечер!

В своем ответе Самуэль дал волю охватившему его раздражению, от которого даже свело живот.

— Мои друзья, как ты их называешь, принимают будущее России близко к сердцу. Вы с Константином много говорите, но что вы делаете для того, чтобы изменить положение? Ничего, вы не делаете ничего. Только всё болтаете и болтаете... Константин — аристократ, а ты — внук раввина, и это служит вам предлогом, чтобы сидеть сложа руки. Как же вы можете запачкаться? Конечно же нет, пока народ в России мрет от голода и нищеты, вы сытно обедаете, пьете шампанское, которое подает прислуга, кланяющаяся при вашем приближении.

Эти слова задела Ёзю, он и не представлял, что друг полон негодования.

— В чем ты винишь Константина? Что он аристократ? Что он богат? Он не выбирал, где ему родиться. Как, по-твоему, он должен был поступить? Подложить бомбу в собственный сад? У него есть обязательства, и они священны, например, оберегать бабушку и сестру. А я что, по-твоему, должен сделать? Хочешь, чтобы я вошел в синагогу с криком, что не верю в Бога? Это будет ложью. Да, временами религия меня тяготит, это правда, но я не уверен, что мир без Бога будет лучше нынешнего.

— Что же вы за люди? — зло буркнул Самуэль.

— А ты, что ты за социалист такой?

— Я не живу во дворце и не устраиваю бал-маскарад, чтобы, держа в одной руке бокал с шампанским, разглагольствовать между глотками о мягкосердечии новой России.

— Да как ты можешь высмеивать нашего друга? Ты описываешь его, как легкомысленного и лишённого морали человека. Константин — лучший из нас, он щедрый, заботливый, всегда приходит на помощь слабым и пользуется положением семьи, чтобы помогать нуждающимся, ты же знаешь, сколько людей он вырвал из лап охранки. Как ты можешь его осуждать?

Ёзя был зол и разочарован словами Самуэля.

— Что случилось? — в гостиную вошла вдова Карлова, встревоженная тоном голосов молодых людей.

— Ничего... ничего... простите, госпожа Карлова. Ёзя уже уходит, правда ведь?

— Ухожу. Зайти к тебе было неудачной мыслью, ты в дурном расположении духа, тебя что-то взбудоражило, и поэтому ты ополчился на друзей. Я ничего не скажу Константину, он всё равно не воспримет упреков, граничащих с предательством. Думаю, ты просто забыл, что семья Гольданских сделала для тебя и твоего отца. Хотя бы по этой причине ты не должен позволять себе критику в их адрес. Но чтобы не причинять ему боль, я ему об этом не расскажу.

Самуэль почувствовал себя мерзавцем, но не знал, как взять свои слова обратно и задержать друга, чтобы попросить у него прощения. Он рассердился на самого себя и понимал, что должен попросить у всех прощения. Завтра он поговорит с отцом, который расстроился, что сын не пойдет на прием к Гольданским. Сейчас он обидел Ёзю и Константина, и чуть не поступил так же с Раисой Карловой, которая смотрела на него, прищурив глаза, в готовности устроить хороший нагоняй.

— Это не мое дело, но то, что я только что услышала, меня удивило. Что ты такого сказал, что твой друг настолько обиделся, что вот так уходит? И в чем ты винишь семью Гольданских, которая столько сделала для тебя и твоего отца, да, кстати, и для меня? Неблагодарные не попадают в царство божие.

Самуэль не ответил. Он развернулся в надежде укрыться в комнате, которую по-прежнему делил с отцом.

Исаак вышел за дровами, поскольку вдова Карлова беспокоилась, что их не хватит при таком морозе, который, по ее словам, проникал сквозь кожу до самых косточек.

В прошлую ночь Андрей вручил Самуэлю бумаги с предложениями от товарищей.

— Вот, почитай. В конце концов, ты должен знать, что предлагают наши друзья.

Самуэль нашел бумаги, спрятанные среди страниц старой книги по ботанике, подарку графини Екатерины. Она напомнила о том дне, когда он, переполненный чувствами, взял книгу из рук графини, сопровождаемый веселым взглядом Константина. Томик принадлежал профессору Гольданскому. Как он мог обвинять в чем-то Константина? Он его лучший друг, такой же щедрый, каким был его дедушка, всегда готовый отдавать, не ожидая ничего взамен, а он объявил его легкомысленным аристократом. Ему стало стыдно за себя. Он лишь надеялся, что Ёзя ничего не скажет Константину.

Он был в таком плохом настроении, что несмотря на уговоры отца и Раисы, не стал есть мясное рагу с картошкой и приготовленный вдовой яблочный пирог.

— Ты собираешься провожать старый год на пустой желудок? Это ничего хорошего тебе не сулит. Знаю, что с тобой происходит, ты встревожен спором со своим другом Ёзей. Вы молоды, и нет ничего такого, что невозможно было бы уладить, хотя мне и не понравились слова Ёзи о том, что ты попрекал в чем-то семью Гольданских, — сказала Раиса.

— Сынок... Что ты такое сказал? — воскликнул отец.

— Не волнуйся, папа, мы с Ёзей поспорили по глупости.

— Но ты что-то сказал о Гольданских? Ведь мы обязаны им всем, мы должны быть им благодарны по гроб жизни...

— Я знаю, папа, я знаю... Не волнуйся.

К облегчению Самуэля, неприятный разговор был прерван появлением Андрея. Он вошел в столовую, всё еще поеживаясь от холода.

— Простите за позднее возвращение, но там такой снегопад, что я еле добрался до дома, — извинился он.

— Хочешь есть? — спросила хозяйка. — Я надеюсь, что хотя бы ты попробуешь мое рагу. А то Самуэль так и не съел ни ложечки, — пожаловалась вдова.

— Я голоден, как волк, а ваше рагу пахнет просто восхитительно. Что еще нужно для того, чтобы встретить Новый год после утомительного рабочего дня! А тебе повезло, — кивнул он Самуэлю, — у тебя сегодня выходной.

— Но ведь я работал всю неделю, — оправдывался Самуэль.

Отдав должное несравненному рагу Раисы, Андрей поманил Самуэля в свою комнату.

Заперев дверь, он с беспокойством взглянул на него.

— Что с тобой случилось? Ты весь на нервах, и даже есть не хочешь. Право, это глупо. Я сказал библиотекарю Соколову, что мы с тобой договорились, и ты придешь сегодня вечером.

— Я уже сказал тебе, что приду. А теперь прости, я должен идти к отцу, он хочет сыграть со мной в шахматы, — нашел он предлог, чтобы поскорее убраться из комнаты Андрея.

Около десяти вечера Самуэль распрощался с отцом. Андрей ушел несколько раньше — не простившись, чем вызвал огромное недовольство Раисы.

— Можно было бы, по крайней мере, пожелать нам спокойной ночи и поблагодарить за ужин, — бросила женщина.

Исаак между тем начал уговаривать Самуэля отправиться в дом графини.

— Сынок, ты должен сегодня быть у Гольданских; не обязательно сидеть весь вечер, но хотя бы ради приличия ты должен там появиться.

— Я уже тебе сказал, что на сегодня у меня другие планы, но я непременно поздравлю их с Новым годом.

— Мы не можем обидеть графиню. Сам я неважно себя чувствую, но ты должен пойти, мы слишком многим обязаны этой семье.

— Прошу тебя, папа, не настаивай, я и сам понимаю, что должен к ним пойти. Но имей в виду, я не смогу задержаться там надолго.

— Сынок, мне не нравится, как ты выглядишь... Я... даже не знаю, что и сказать... Может быть, тебе стоит мне объяснить, что случилось?

— Нет, папа, ничего такого не случилось. Не жди меня, я приду поздно.

— Я буду болтать с Раисой, пока не погаснут последние дрова в камине.

Самуэль уже собирался выйти из комнаты, но развернулся и обнял отца. Исаак обнял его в ответ, но посмотрел на сына с тенью удивления.

— Папа, ты же знаешь, как я тебя люблю, ведь правда?

— Как же мне этого не знать! Больше у нас никого нет, с тех пор как...

— С тех пор как убили маму и брата с сестрой... Да, с тех пор мы с тобой не разлучались. Ты — лучший отец на свете.

Слова Самуэля заставили Исаака крепче обнять сына. Он чувствовал — что-то произошло, и эти объятия наполнили его не столько радостью, сколько беспокойством.

Самуэль вышел из дома, поцеловав на прощание Раису. Для нее он по-прежнему оставался всё тем же мальчиком, который много лет назад поселился в их доме.

На улице было холодно. Даже слишком, подумал Самуэль. Ему не хотелось никуда идти. Он бы с удовольствием провел вечер с Исааком и Раисой. Отец был прав, он раздражен и злится на себя самого, не понимая причины. Ему не нравился повелительный тон Андрея. И хотя Самуэль не хотел этого признавать, он устал от этих долгих собраний с библиотекарем Соколовым, где они всё говорили и говорили об утопическом будущем.

Возможно, он был эгоистом, и поэтому в это время его больше беспокоило, как правильно выполнить задания его учителя Олега Богданова. Самуэлю повезло, что тот принял его в помощники, и он не хотел упустить такую возможность чему-то научиться и чего-то добиться. Самуэль сказал себе, что если станет хорошим химиком, то Санкт-Петербург его примет как своего. Этот город сурово обходился с теми, кто ничего не

добился, но стать кем-то значительным означало и получить признание, пусть даже ты не выходец из семей аристократов или богачей.

Он находился уже у самых дверей особняка Гольданских, когда, выступив из тени, перед ним возникла Ирина. На голове у нее была шляпка, полностью скрывавшая волосы, и, хотя на ее лице была вуаль, Самуэль разглядел застывший в ее глазах ужас.

— Самуэль... — прошептала она.

— Что ты здесь делаешь? — воскликнул он. — Ты должна быть дома, со своими родными...

— Юрий просил меня присмотреть за Михаилом, потому что он... Он собирается что-то сделать сегодня ночью. Что-то очень важное... Мы с ним договорились, что мальчик переночует у меня дома, а завтра он его заберет, но с ним что-то случилось...

Голос Ирины задрожал. Самуэль не на шутку встревожился.

— Скажи мне, что случилось?..

— Как мы и договорились, я забрала Михаила и повела его к себе домой.. Юрий хотел поужинать вместе с сыном, так что нам удалось выйти из дома лишь в восемь вечера. Я не знаю, в чем тут дело, но сдается мне, он что-то затевал... На полпути я вдруг вспомнила, что не взяла никаких вещей для Михаила, даже пижаму. Мы вернулись обратно и вдруг увидели возле подъезда толпу народа. Я... хорошо, что я не бросилась сразу в подъезд, а сначала решила присмотреться, что же происходит. Это... это было ужасно! Я увидела, как какие-то люди выводят Юрия из подъезда. Один из них ударил его, и он вскрикнул. Михаил заплакал, начал звать отца... Мне пришлось зажать ему рот. Юрий увидел нас, но сделал вид, будто знает нас не знает. Я ждала, когда они уйдут... И теперь я не знаю, что мне делать, я боюсь туда возвращаться... Михаила я оставила с матерью — мне пришлось рассказать ей о случившемся. Думаю, что Юрия забрала охранка.

— О Боже! — воскликнул напуганный Самуэль.

— Я не осмелилась беспокоить Константина, но я вспомнила, что тебя пригласили к ним на праздник, и решила дожидаться тебя здесь.

Самуэль молчал, не зная, что и сказать. Он был напуган не меньше Ирины: ведь если полиция забрала Юрия — значит, они напали на след группы профессора Федора Волкова. И, скорее всего, им известно и о подпольном собрании, которое должно состояться сегодня вечером и на котором он должен присутствовать. Он подумал об Андрее, который хранил у себя часть бумаг группы Соколова. Дрожь охватывала его при мысли, что охранка могла задержать Андрея. Он взглянул на Ирину, которая всё ждала от него совета, но он был настолько охвачен паникой, что и сам не знал, что ей сказать и что теперь делать.

— Ты должна вернуться домой и присмотреть за Михаилом, — произнес он наконец.

— Ах, нет! Я должна предупредить друзей Юрия!

— А что будет с Михаилом, случись что с тобой? Так и останется — висеть на шее у твоей матери? Ты не можешь взвалить на нее такую ответственность.

— Нет... Конечно же, нет, но... Боже, я не знаю, что мне делать!

— Я тоже не знаю... Право, я даже не знаю, чем можно тебе помочь, хотя... Ирина, а ты точно уверена, что это охранка?

— Поверь мне, Самуэль, ради Бога! — воскликнула она. — Я знаю, что ты, как и Юрий принадлежишь к тем людям, которые считают, что Россия нуждается в реформах; я знаю, что сегодня у вас было собрание.

— Это он тебе об этом сказал?

— Да. Юрий мне доверяет, он знает, что я разделяю его убеждения, и однажды я даже была вместе с ним в доме профессора Волкова... Ну, придумай же что-нибудь, надо же что-то делать!

— Ты не должна лезть в это дело; хватит с тебя и того, что ты прячешь у себя в доме сына Юрия.

— Я не хочу возвращаться домой! — голос Ирины поднялся до визга.

— Я должен подумать... Мне нужно вернуться домой.

— Тебе нельзя возвращаться домой; если вас разоблачили, охранка придет и за тобой тоже.

— Но я же ни в чем не виноват! — запротестовал Самуэль.

— А Юрий? По-твоему, он в чем-то виноват?

Они не успели сделать и нескольких шагов, когда ночную тишину внезапно разорвали чьи-то крики и неистовый топот копыт.

Они попытались укрыться в тени, опасаясь, что их схватит полиция. Казалось, весь Санкт-Петербург встрепелся, несмотря на поздний час.

Внезапно Самуэля осенила блестящая мысль.

— Скорее в дом Константина! Это единственное место, где мы будем в безопасности.

Ирина заколебалась. Да, Самуэль был прав, особняк Гольданских — и в самом деле единственное место, где они могли укрыться; но ее беспокоило, что же скажет графиня.

Они не решились войти через парадную дверь, а пробрались в дом через черный ход, которым пользовались слуги, когда им нужно было пройти в кухню или в людскую. Дверь была приоткрыта, и они скользнули в темный коридор, по которому добрались до освещенной передней. Из кухни доносились упоительный запах жаркого, свежего хлеба и сладостей; слышался гул голосов многочисленной прислуги.

Из передней они неторопливо направились в бальный зал.

Константин обхаживал какую-то красивую женщину, которую Самуэль видел и прежде на балах и вечерах. Ёзя не отставал от него, угощая шампанским очаровательную брюнетку.

Ирина и Самуэль так и не успели подойти к друзьям: снизу послышались бесцеремонные удары в дверь и испуганные крики слуг.

Какой-то лакей ворвался в зал с криком: «Охранка!»

Самуэль бросил на Константина умоляющий взгляд.

— Боюсь, они ищут нас, — прошептал он, кивнув в сторону Ирины, стоявшей чуть поодаль.

На миг его друг, казалось, растерялся, но сразу взял себя в руки, велел оркестру исполнять вальс, а сам приказал лакею, чтобы он как можно дольше задержал в передней этих ужасных полицейских.

— Я знаю, куда вас спрятать! — прошептал Константин. — Самуэль, ты помнишь, где мы всегда прятались в детстве, когда играли в прятки?

Самуэль кивнул в ответ и бросился прочь из зала, таща за собой Ирину. Они спустились в подвал, где он открыл маленькую дверцу, ведущую в подсобку, где хранился уголь. В детстве они с Константином частенько прятались здесь то от Кати, которая без конца ныла и канючила, требуя поиграть с ней, то от старших, с интересом предвкушая, как их станут искать по всему дому.

Самуэль втолкнул Ирину внутрь; притаившись за кучей угля, они прижались друг к

другу, затаив дыхание.

Время на часах, казалось, застыло. Самуэль воображал, как полицейские проверяют гостей Константина, а потом обыскивают дом, пока не наткнутся на них.

Дверь распахнулась, явив их взорам фигуру Константина и двух незнакомых людей с перекошенными от ярости лицами.

— Я вам еще раз говорю, в этом помещении мы держим уголь! — сказал Константин. — А впрочем — ищите, если хотите! Даже интересно, что вы тут найдете... Ищите!..

Совсем рядом послышались грозные мужские голоса и смех Константина, они не решались вздохнуть, пока дверь снова не закрылась.

Вместе с полицейскими Константин вернулся в бальный зал, и в его голосе зазвучал праведный гнев:

— Имейте в виду, я подам жалобу министру, где подробно изложу, как вы вели себя в моем доме.

— Будь вы хоть трижды граф Гольданский, однако среди ваших знакомых есть личности, замешанные в весьма опасных делах, и не исключено, что они проникли в дом под видом гостей. Кроме того, я знавал многих дворян, слишком заигравшихся в революционные игры, — произнес полицейский тем же тоном, каким привык отдавать приказы подчиненным.

— Да как вы смеете! — чуть не задохнулся Константин. — Я не потерплю подобных заявлений ни в свой адрес, ни в адрес моих предков, которые на поле боя доказали свою преданность царю.

И тут появилась графиня Екатерина. После ужина она удалилась в свои покои, однако, услышав, что в доме полиция, поспешила вернуться в бальный зал. Гости в недоумении молчали. Полицейские велели им встать к стене. Музыканты в ужасе застыли, боясь даже представить, что может их ожидать.

Графиня деликатно отстранила внука и попыталась прояснить ситуацию:

— Господа, потрудитесь объяснить, что здесь происходит и по какому праву вы нарушаете наш покой в такой час?

Полицейский собрался было ей возразить, но под ледяным и уверенным взглядом графини ответил, попытавшись сдержать гнев.

— Сегодня вечером должна состояться встреча группы революционеров, где они собираются обсудить свои преступные планы. Эта группа замышляет государственный переворот против царя.

— Революционеры? — удивилась графиня. — Господа, вы ошиблись. Ни я, ни члены моей семьи не имеют никакого отношения к революционерам.

— У нас везде есть глаза и уши, так что нам известно, что сегодня должна состояться встреча, где будут обсуждаться преступные замыслы, — ответил старший из полицейских.

— Но почему вы ищите их здесь, в моем доме?

— Мы подозреваем, что кто-то из них может оказаться среди ваших гостей.

— Как вы смеете в чем-то обвинять моих гостей! — воскликнула графиня. — Все они — почтенные и достойные люди, и даже сами их имена говорят о том, что все они — верные подданные царя.

— Разумеется, — согласился полицейский. — Но не может ли статься, что среди этих бесспорно достойных людей затесался кто-то еще?

— Я подам жалобу в министерство, — пригрозила графиня. — И лично уведомя царя

об этом безобразии.

— Можете жаловаться, кому хотите. А мы должны обеспечивать мир и порядок в Империи, — глаза полицейского вспыхнули откровенной ненавистью.

— Так ли уж необходимо вести подобные разговоры на глазах у всех? — спросил Константин.

— То есть, вы хотите сказать, что вам есть что скрывать от ваших гостей? — ехидно поинтересовался полицейский.

— Полагаю, что вам это сложно понять.

Офицер закатился громовым хохотом, чем вконец перепугал бедных гостей.

— Я вам уже сказал: у нас везде есть глаза и уши. Сегодня вечером все заговорщики будут наши. Собственно, они уже наши, мы уже арестовали почти всех... и они заплатят за измену, никто им не поможет. Так что будьте осторожны. Якшаться с людьми, замешанными в делах, недостойных дворянина — то же самое, что самим быть в них замешанными. Особенно это касается вас; ведь вы лишь наполовину дворянин, а на другую половину — еврей.

— Вон из моего дома, и немедленно! — графиня побледнела, как мел, но голос ее звучал по-прежнему властно. — Будьте уверены, я обо всем доложу царю.

— И царь, конечно, будет в восторге, что у вашей полуеврейской семейки есть друзья, которые замышляют против него всякие контры, — усмехнулся полицейский. — Россия всегда была чересчур милосердна к своим врагам. Но теперь мы наконец уничтожим эту заразу. Евреи — вот корень всех бед, и мы должны вырвать этот корень, как злостный сорняк.

— Я прошу вас покинуть мой дом, — повторила графиня уже спокойнее. — Вас уже попросил об этом мой внук, а теперь прошу я.

Полицейские уши. Ёзя и Константин даже удивились, как легко они послушались.

— Продолжайте танцевать, — произнесла графиня Екатерина, обращаясь к гостям. — Или давайте еще выпьем по бокалу шампанского.

Праздник был безнадежно испорчен. Тем не менее, никому не хотелось навлекать на себя подозрения, покинув особняк в такую минуту, так что большинство гостей решили остаться.

Графиня поманила за собой Константина и Ёзю, чтобы поговорить с ними подальше от посторонних глаз.

— А теперь вы расскажете мне правду, — потребовала она.

— Бабушка, уверяю тебя, я и сам не вполне понимаю, что происходит... — замаялся Константин. — Хотя... Незадолго до прихода охраны к нам явились Ирина и Самуэль, донельзя перепуганные. Сожалею, что втянул нас всех в неприятности, но я спрятал их в подсобке, где хранится уголь.

Графиня надолго замолчала, стараясь осмыслить услышанное.

— Приведи их сюда, — сказала она наконец. — Только смотри, чтобы они не попались на глаза кому не следует.

Вскоре перед графиней предстали Ирина и Самуэль в перепачканной углем одежде.

— Ну и как это понимать? — глаза графини сверкнули гневом. — Я жду объяснений.

— Право, мне очень жаль. Я не должен был приходить, не должен был вас в это вмешивать...

— Самуэль, скажи правду: ты революционер? — прервала графиня.

— Нет, — ответил Самуэль. — На самом деле — нет... Хотя я считаю, что Россия действительно нуждается в реформах, но никак не силой...

— Перестань морочить мне голову и отвечай начистоту! — прикрикнула графиня.

— Я и говорю начистоту, сударыня. Сегодня вечером я действительно собирался принять предложение Константина и чудесно провести время в вашей гостиной. Но правда также и то, что сегодня меня ждали друзья. Сегодня должно было состояться собрание, на котором предстояло обсудить вопрос, как сделать Россию похожей на другие страны — такие как Германия или Великобритания, и как вытащить наш народ из нищеты. Это действительно правда. Но я клянусь, что никогда и ни за что даже пальцем не шевельнул бы против царя.

— А ты, Ирина? — обратилась графиня к девушке.

— Я? — переспросила та. — Поверьте, я не сделала ничего плохого. Но я согласна с тем, что Россия нуждается в реформах. Народ страдает, графиня...

— Ну, конечно... Я полагаю, ты тоже собиралась на это собрание, куда должен был отправиться Самуэль после того, как покинет мой дом?

— Нет, меня туда не приглашали, — ответила Ирина. — Я всего лишь присматриваю за Михаилом, сыном Юрия Васильева, но Юрия арестовала охранка, и я не знала, что делать, и потому бросилась искать Самуэля...

На миг графиня прикрыла глаза, словно раздумывая, что же ей теперь делать.

— Мой муж был бы весьма разочарован, глядя на теперешнее твое поведение, — произнесла она наконец, сверля Самуэля неумолимым взглядом.

— Простите меня, сударыня, — вздохнул Самуэль. — Мне очень стыдно, что из-за меня вы попали в столь неприятное положение. Сейчас мы уйдем, но я надеюсь, что когда-нибудь вы сможете меня простить.

— Даже не знаю, смогу ли я это сделать, — ответила графиня. — Мы приняли тебя, как члена нашей семьи, а ты... ты посмел поставить нас в такое положение, обмануть наше доверие, подвергнуть нас опасности. Ты не заслуживаешь нашего уважения. Мне очень жаль твоего отца: он хороший человек, как и твой дед.

Самуэль опустил голову. На душе у него скребли кошки; у него едва хватило сил сдержать слезы.

— Бабушка, Самуэль не сделал ничего плохого, — заступился за него Константин. — Разве это плохо — желать счастья России?

— То, что он сделал, называется предательством, — покачала головой графиня. — предав царя, он предал всех нас. Но позволь мне сказать тебе правду, Самуэль. Я не стану доносить на твоего отца и не выдам его охранке. А тебя я прошу покинуть мой дом и никогда больше не возвращаться. Я не желаю тебя видеть. А тебе, Константин, я запрещаю встречаться с Самуэлем, а также с кем-либо еще, кто может представлять опасность для нашего доброго имени и безопасности нашего дома. И тебя, Ирина, я тоже попрошу покинуть мой дом и больше не возвращаться. Нам не нужны такие учителя, как ты. Кстати, Катя давно уже просит освободить ее от занятий музыкой. Они ее совершенно не интересуют.

— Бабушка... позволь мне ему помочь, — произнес Константин умоляющим голосом. — Он — мой лучший друг, мы не можем допустить, чтобы его схватила охранка.

— Нет уж, Константин, — заявила та. — Я не позволю тебе якшаться с революционерами. Так что попрощайся с ним навсегда и не надейся, что со временем я

передумаю. Если уж я что-то решила — значит, так тому и быть.

Они вышли из комнаты; ни Константин, ни Самуэль не решались сказать друг другу слова прощания.

— Тебе грозит опасность, Самуэль, — сказал Ёзя, возвращая их к тревожной реальности. — Ты должен бежать.

— Бежать? — переспросил Самуэль, чувствуя, как мурашки ползут по его спине. — Но... я не могу бежать. Мне некуда идти, и я не могу бросить отца.

— Поверь, Самуэль, ты должен бежать, у тебя нет выбора. И ты, Ирина, тоже в опасности. Привратница сообщила полицейским, что ты работаешь у Юрия и что взяла к себе его сына. Они заберут Михаила и поместят его в приют, — изрек свой приговор Ёзя.

— Но я не могу его бросить! — воскликнула Ирина. — Я не сделала ничего плохого! Они не посмеют отобрать у меня ребенка!

— Я не знаю, что тебе известно о делах Юрия, но у охраны достаточно средств, чтобы вытянуть из тебя всё до последнего слова, — заверил Ёзя. — И уж поверь мне, в средствах они не погнушаются.

— Хватит, Ёзя, кончай их пугать, — вмешался Константин. — Хотя я тоже советовал бы вам послушать Ёзю. Я сделаю все, что в моих силах, но вам необходимо бежать. И не обольщайтесь: уж если полиция арестовала Юрия, а потом явилась ко мне домой искать тебя — уж не сомневайся, им известны имена всех членов группы, и вас тоже арестуют. Так что решайте: либо вы остаетесь в России и оказываетесь в застенках охраны, либо бежите за границу и остаетесь на свободе. Но это значит, что тебе, Самуэль, придется расстаться с отцом, а тебе, Ирина, — с матерью. Что же касается Михаила, то бедного мальчика наверняка поместят в приют; а впрочем, не исключено, что пока его оставят в покое: Охранка слишком занята задержанием заговорщиков, а ты, Ирина, была всего лишь прислугой в доме Юрия. Так что беги скорее домой — может быть, ты еще успеешь забрать Михаила.

Вместе они составили план действий. Ёзя вызвался проводить Ирину до дома и забрать Михаила, а Самуэль заявил, что не может уехать, не простившись с отцом. Потом они все соберутся в конюшне у Константина, где их будет ждать карета, в которой они сегодня же вечером покинут Санкт-Петербург.

— Но это же просто безумие! — воскликнул Ёзя. — Тебе нельзя возвращаться домой. Кому будет лучше, если тебя арестуют?

— Я не могу уехать, не поговорив с отцом.

Самуэль не заметил никого подозрительного в окрестностях дома. Он быстро поднялся по лестнице на свой этаж. Самуэль вспомнил про Андрея. Его задержали?

Квартира была погружена в тишину и сумрак, но он тут же понял — что-то произошло. В прихожей была оторвана портьера, рядом валялась разбитая ваза, а со стены сорваны и растоптаны акварели.

Раиса Карлова сидела в гостиной, с пустым взглядом и покрасневшими от слез глазами. Женщина вся дрожала и, казалось, даже не заметила его прихода.

Всё в доме было перевернуто вверх дном — мебель сдвинута, шторы сорваны, семейные портреты, вырванные из своих хрупких рамок чьей-то грубой рукой, валялись на полу.

Самуэль закрыл глаза, невольно вспомнив тот далекий день много лет назад, когда они обнаружили на месте своего дома пепелище, груды головешек и разбитые надежды. Тогда он был всего лишь ребенком, но эта картина навсегда врезалась в его память. В тот день он

утратил детскую невинность и, что еще хуже, всякое доверие к Богу. Что это за Бог, который даже пальцем не пошевелил, чтоб остановить негодяев, убивших его мать, сестру и брата? И теперь Бог ему отомстил, разрушив своей беспощадной рукой всю его жизнь.

— А мой отец? Где мой отец? — встряхнул он вдову за плечи, чтобы привести ее в чувство.

Но Раиса, казалось, его не слышала. Она даже не взглянула в его сторону.

Комната, где он жил вместе с отцом, была совершенно разгромлена. По полу была разбросана одежда вперемешку с отцовскими книгами, которые он хранил, как святыню. Кроме книг по всей комнате валялось множество бумаг, при виде которых сердце Самуэля бешено заколотилось. Он бросился к своему письменному столу, который в свое время купил для него отец, один за другим выдвинул ящики. Все они были пусты; забрали даже перо, которое подарил ему профессор Гольданский в день поступления в университет.

«Я пропал», — подумал он. В одном из ящиков стола он хранил бумаги, которые могли бы изобличить его принадлежность к подпольщикам. При этом он наивно считал, что достаточно запереть ящик на ключ — и он в полной безопасности.

Как он мог быть таким идиотом? Как мог держать у себя дома подобные вещи, которые столь убедительно доказывают его участие в заговоре против царя?

И те самые компрометирующие бумаги, хотя в них и содержались всего лишь размышления о нищете крестьянства и необходимости более внимательного к нуждам народа правления. Он вернулся в гостиную и взял руки вдовы Карловой в свои.

— Простите меня, — прошептал он. — Мне очень жаль, но я должен знать, что здесь произошло. Прошу вас! — взмолился он в надежде, что женщина его все-таки услышит.

Но мысли Раисы витали где-то далеко, словно ее самой здесь не было. Самуэль вдруг осознал что это приветливая и жизнерадостная женщина, с которой он простился всего несколько часов назад, превратилась в старуху.

Он разыскал успокоительное, налил стакан воды, заставил ее проглотить то и другое. Пока Раиса пила воду, он гладил ее по голове, стараясь успокоить. Затем довел хозяйку до ее спальни и уложил на кровать, с которой чья-то недобрая рука сорвала покрывало.

— Прошу вас, я должен знать, где сейчас мой отец, — продолжал он допытываться.

Он сел рядом, обняв ее в терпеливой надежде, что она как-то отреагирует.

— Они его забрали, — пробормотала она наконец.

— Куда?

— Я не знаю... Это были люди из охранки...

— Что им здесь надо? — допытывался Самуэль. — По какому праву они забрали моего отца?

— Они искали тебя. Андрей сказал им, что ты отправился в дом Гольданских и, должно быть, прячешься у них.

— Андрей? — воскликнул Самуил. — Так он был здесь, когда нагрянула охранка?

Она снова замолчала, и Самуэль крепче сжал ее руку, умоляя вспомнить, что произошло.

— Андрей вернулся домой. Он спрашивал о тебе. Твой отец уже лег спать, а я вязала. Мне не спалось, поэтому я и не ложилась. Я спросила, почему он вернулся так рано; я была уверена, что вечеринка затянется надолго. Он ответил, что устал и потому вернулся пораньше. И он вел себя как-то странно... очень нервничал, все метался по комнате из стороны в сторону, то и дело выглядывал в окно сквозь занавески. Часы пробили полночь, и

я уже собралась идти спать, когда какие-то люди начали стучать в дверь, требуя, чтобы мы немедленно открыли. Я открыла дверь, и несколько человек ворвалось внутрь, оттолкнув меня... сказали, что они из полиции, и что они ищут тебя... Стуки и крики разбудили твоего отца, и он выглянул из своей комнаты. Он спросил, что происходит, его оттолкнули прочь... когда он спросил, кто они такие и что здесь делают, один из них его ударил. Твой отец предъявил им документы, спросил, что им нужно и сказал, что они, должно быть, ошиблись адресом. Но они не захотели его слушать и стали крушить все вокруг... Вот посмотри, они даже перины выпотрошили...

— А Андрей? — допытывался Самуэль. — Что в это время делал Андрей?

— Он притих и был напуган, хотя эти люди не обращали на него никакого внимания. Я стала кричать, умоляя их не разрушать моего дома. Тогда один из них ударил меня, сбив с ног и сказал, что если я не заткнусь, они меня арестуют, и я никогда больше не увижу света. Твой отец попытался помочь мне подняться, и тогда его тоже ударили... Полицейские направились в вашу комнату и вскоре вернулись. Один из них держал в руках какие-то папки и бумаги. «Чьи это бумаги?» — спросил он.. Доказательства участия в заговоре — налицо», — добавил другой. «Где Самуэль Цукер?» — допытывался третий. — Он — террорист, а с террористами, бунтующими против царя, у нас разговор короткий». Твой отец с трудом поднялся и вдруг сказал нечто такое, что меня прямо-таки поразило. Он сказал: «Эти бумаги — мои, мой сын не имеет к ним никакого отношения. Самуэль — химик, политика его не интересует. Андрей, скажи им... Скажи, что это мои бумаги...» Андрей сперва побледнел, а потом вдруг кивнул и сказал: «Да, это его бумаги». Полицейские захохотали и сказали, что зря папаша морочит им головы, потому что его сыночка они все равно поймают. Исаак продолжал клясться, что это его бумаги. «Андрей, — сказал он, — ты же меня знаешь, ты знаешь, тебе известны все мои помыслы — так скажи этим людям, что мой сын ни в чем не виноват, что это мои бумаги, что я один виноват во всем — скажи им это...» Тогда один из полицейских снова его ударил, сбив с ног, а потом еще раз ударил — ногой по голове... Мне сначала даже показалось, что они его убили... Андрей... Андрей даже не шелохнулся — только молча стоял и смотрел... Они перетряхнули весь дом, опустошили буфет, вывалив на пол всю посуду... Разгромив дом, они ушли и увели с собой твоего отца.

— А Андрей?

— Они сказали ему, чтобы он шел с ними. Перед уходом один из полицейских начал мне угрожать. «Это дом террористов, — сказал он. — Имей в виду, старая карга, скоро мы придем и за тобой». С этими словами он ударил меня с такой силой, что я упала.

Раиса Карлова немного пришла в себя, начало действовать успокоительное, и ее глаза закрылись. Самуэль решил, что она проспит еще несколько часов, прежде чем ей придется вновь столкнуться с учиненным разгромом. Глядя на то, как вдова засыпает, он размышлял о странном поведении Андрея.

Самуэль вышел из комнаты Раисы, не зная, куда направиться и понимая, что отец пожертвовал собой ради него, и что, не вмешайся Константин, он бы тоже сейчас находился в подвалах охраны. Лишь графиня и Константин могли узнать, что произошло с отцом, но графиня Екатерина вполне ясно заявила, что думает о его семье.

Он переоделся в чистое и умылся остатками мыла, решив сам явиться в охранку. Он сдастся и тем спасет отца. Тот хотел пожертвовать собой, отдать свою жизнь взамен жизни сына, но Самуэль не мог такого позволить. Он сам должен заплатить за содеянное и больше ни на секунду не может оставить отца в лапах кошмарного Охранного отделения. Отец в

очередной раз показал, как его любит, и Самуэль стыдился, что не мог защитить его от страданий.

Он уже собирался выйти, когда услышал тихий стук в дверь и слабый голос, повторяющий его имя.

Самуэль открыл и впустил Ёзю под руку с Ириной, а та, в свою очередь, держала Михаила.

Он провел их в гостиную, и с одного взгляда Ёзя понял, что произошло.

— Ну что за варвары! — воскликнул он, вне себя от гнева.

— Моего отца забрали. Они нашли кое-какие бумаги о наших собраниях. Отец заявил, что они принадлежат ему, чтобы спасти меня. Я собираюсь сдать. Не могу позволить, чтобы он заплатил за то, чего не делал.

— Но тебя будут пытаться! Заставят признаться! — голос Ирины был переполнен ужасом.

— Признаться? Клянусь, что я никого не выдам, но уверяю тебя, что признаю свою ответственность и не позволю, чтобы за мою вину заплатил отец.

— Мой дом перевернули вверх дном, ничего не оставили на своих местах. Родители в ужасе, но хотя бы не забрали мальчика... Я попросила родителей сегодня же уехать из Петербурга, мамина сестра живет в провинции, — сказала Ирина.

— Ты точно не хранила у себя ничего такого, что может представлять для вас угрозу?

— Я? — удивилась она. — Нет. Я ни в чем не замешана, я знаю лишь то, что мне рассказывал Юрий, и... хорошо, признаюсь начистоту: мне кажется, что вас кто-то предал...

— Я думаю, что это Андрей, — ответил Самуэль.

— Андрей? Но это невозможно! — воскликнула Ирина. — Он же правая рука библиотекаря Соколова.

— Андрей был здесь сегодня вечером, когда к нам нагрянула охранка. И, как говорит Раиса Карлова, он вел себя очень странно. К тому же... По всей видимости, Андрей был прекрасно знаком с этими головорезами. Ведь именно он сказал им, что меня следует искать в доме графини Екатерины.

— Не может быть! — повторила Ирина.

— Если позволишь, Самуэль, я провожу тебя до полицейского участка, там мы расспросим о твоём отце и посмотрим, какова ситуация, а потом решим, что делать, — предложил Ёзя.

— Нет, дружище, я не хочу тебя впутывать. Ты же знаешь, что меня арестуют, и если пойдешь со мной, то начнут подозревать и тебя. Что до того, что я собираюсь сделать... А ты бы позволил, чтобы твой отец несправедливо страдал по твоей вине? Я не герой и не знаю, что произойдет, но должен принять на себя ответственность. Но ты можешь кое-что для меня сделать: спаси Ирину, рано или поздно придут и за ней. Я... не знаю, сколько времени я смогу выдерживать пытки... Говорят, что охранка всем в конце концов развязывает языки...

Маленький Михаил молча слушал разговор взрослых. Ему еще не исполнилось и четырех, но, похоже, он понимал, что это решающий момент в жизни друзей отца и его собственной.

— Позволь мне пойти с тобой, — настаивал Ёзя. — Вдруг я чем-то смогу помочь?

— Единственное, чего ты этим добьешься — тебя тоже арестуют, — возразил Самуэль. — К тому же мы не можем бросить Ирину на произвол судьбы.

— Мы ее и не бросим. Я предлагаю вернуться в дом Гольданских — надеюсь, графиня еще отдыхает. Константин нам поможет. Ирина должна как можно скорее уехать из России.

— Что ты такое говоришь! — воскликнула Ирина. — Я не могу уехать — куда я поеду? И я должна позаботиться о Михаиле... Юрий арестован, и я до сих пор не знаю, что с ним случилось...

— Ты прекрасно знаешь, что его не ждет ничего хорошего. Если ты так переживаешь за Юрия — увези отсюда его сына; это единственное, что ты можешь для него сделать, — сказал Ёзя не терпящим возражений тоном.

— Я хочу к папе! — вдруг произнес Михаил, потянув Ирину за юбку; в глазах мальчика стоял глубокий страх потерять отца.

— Пошли в дом Константина — это самое лучшее, что мы можем придумать, — сказал Ёзя, давая понять, что разговор окончен.

Самуэль направился в комнату Раисы Карловой, чтобы попрощаться. Он обрадовался, увидев ее спящей, хотя во сне она ворочалась, вероятно, ей снился кошмар о том, как охранка разрушает ее жилище. Самуэль почувствовал себя мерзавцем из-за того, сколько боли принес дому, в котором вырос в отцовской любви и под присмотром вдов Карловых, проницательной Алины, ныне покойной, и замечательной Раисы, всегда готовой помочь.

Она проснется еще не скоро, и Самуэль подумал, что хотел бы помочь ей привести в порядок то, что осталось от квартиры, но он знал, что через несколько часов окажется в руках полиции.

Когда переулками они добрались до дома Гольданских, Самуэль и Ирина спрятались, как велел им Ёзя. Им повезло, что еще не настал рассвет, и большая часть прислуги крепко спала, от души напившись в честь празднования нового года. Ёзя направился к парадному входу, где лакей объявил, что семья отдыхает. Но Ёзя настоял на том, чтобы разбудить Константина. Праздник закончился раньше, чем намечалось. После вторжения охранки никто не был в настроении веселиться. Константин последовал за Ёзей в переулок.

— Арестовали моего отца, — произнес Самуэль.

Затем он вкратце рассказал, что произошло за последние несколько часов.

Константин слушал молча, с сокрушенным видом и покрасневшими от усталости глазами.

— Я разбужу бабушку. Она очень ценит твоего отца, возможно, она воспользуется своим влиянием при дворе... Хотя не знаю, сам видел, как она рассердилась... Она запретила мне с тобой встречаться.

— Твоя бабушка права, я лишь доставляю вам неприятности. А теперь я должен идти, не могу не думать о том, что эти дикари пытаются папу, я немедленно должен идти.

Однако Константин настоял на том, чтобы разбудить бабушку, и заставил их довольно долго дожидаться, пока в гостиной не появилась графиня Екатерина.

Она уже была в преклонном возрасте и этим утром выглядела какой-то съезжившейся и измотанной ночными событиями.

— А я-то думала, что больше никогда тебя не увижу. Внук объяснил мне, что случилось. Мне не следовало бы впутывать в это свою семью, но я сделаю это ради твоего отца. Ближе к полудню я схожу повидаться с одной близкой подругой, чей муж имеет хорошие связи при дворе. В более раннее время было бы неприлично явиться к ним без приглашения. Вообще-то эта семья в родственных отношениях с Константином Победоносцевым, учителем царя. Ничего не обещаю. Ты и сам прекрасно знаешь, что Победоносцев может повлиять на царя Николая, которому советует твердо расправляться с любыми попытками устроить перемены.

С революционерами обращаются как с самыми ужасными преступниками, и помилования добиться сложно. Ты знаешь, Самуэль, что мой муж был человеком справедливым и образованным, он прекрасно знал российские проблемы, но знал также и границы, так что делал всё возможное, чтобы помочь нуждающимся и кое-что изменить... и ты знаешь, что он помог многим людям, но никогда не подвергал опасности свою семью. Что бы он от этого приобрел?

Самуэль не ответил. Он понурил голову и кусал губы, чувствуя на себе пристальный взгляд графини.

— Тебя арестуют, Самуэль, а я не хочу, чтобы это произошло в моем доме, так что тебе придется уйти. Что касается Ирины, то тут я согласна с Ёзей, ей нужно как можно быстрее бежать из страны. Константин, дай ей всё необходимое и найди экипаж, чтобы она добралась в безопасности, но только не наш, это слишком опасно...

— Я никуда не поеду! — воскликнула Ирина, а Михаил, вцепившись в ее юбку, расплакался.

— В таком случае, деточка, мы не можем больше ничего для тебя сделать, как и для мальчика, за которого ты теперь несешь ответственность. Если останешься, тебя арестуют, будут пытаться и... подумай о своей жизни. Если ты этого хочешь, так тому и быть, но ты не оставляешь мне другого выбора, кроме как попросить тебя немедленно покинуть этот дом. И не возвращайся, — произнесла графиня Екатерина совершенно спокойно.

— Бабушка, я этим займусь, а теперь давай озаботимся спасением Исаака... И... хочу тебе напомнить, что дедушка также водил дружбу с дядей царя, Сергеем Александровичем, возможно, у него влияния при дворе еще больше...

— Я не могу предстать перед Сергеем Александровичем вот так, ни с того, ни с сего.

— Я пойду в полицейский участок. Графиня, умоляю, скажите вашим друзьям правду, что я — единственный виновный, а мой отец принял на себя вину, чтобы меня спасти. Если вы скажете правду, то будет легче его вытащить.

— Он в руках охраны, так что... нет, вряд ли его будет легко вытащить, а уж тем более тебя, — ответила графиня.

— Бабушка, умоляю, сотвори чудо! — Константин приложил руку графини к сердцу.

— Лишь Господь может творить чудеса. Самуэль, если ты решишь идти в полицию, я не стану тебя осуждать. Не хочу даже воображать, какие муки терпит твой отец... Что же до тебя, Ёзя, то думаю, что ты не должен в это ввязываться, если не хочешь ставить семью в опасное положение. Мне больно это говорить, но ты еврей, а твой дед — известный раввин. Нет нужды напоминать, что это означает в России... Да ты еще и друг Самуэля с Ириной... Нет, тебе не следует впутываться.

— Это мой долг, — твердо ответил Ёзя. — Я не могу отречься от друзей.

— Ты всё равно ничего не сможешь сделать. Я даю тебе совет, как собственному внуку, но не могу остановить. А теперь я настаиваю, чтобы вы покинули мой дом, не хочу стать сообщницей в ваших безумствах.

Как только они ушли от графини, Михаил снова разревелся. Мальчик просил Ирину отвести его к отцу, но она его не слушала.

Константин решил помочь другу и потому ослушался бабушку, убедив Самуэля спрятаться до полудня на конюшне, до тех пор пока графиня не выяснит что-нибудь об Исааке.

— А тем временем нужно разработать план побега Ирины. Я найму экипаж.

Необходимо соблюдать предельную осторожность, чтобы не привлекать внимания. Мой слуга будет кучером — на него вполне можно положиться.

— Но куда она поедет? — спросил Ёзя у Ирины, которая стояла молча и с потерянным взглядом.

— В Швецию, — ответил Константин. — Оттуда она сможет перебраться во Францию или в Англию. С определенной суммой денег перед ней все дороги открыты.

— А не проще ли добраться до Одессы, и уже там сесть на корабль и отправиться в Англию?

— Швеция намного ближе, — возразил Константин. — Через Швецию — самый лучший путь.

— А ты не забыл о Михаиле? — напомнил Ёзя.

— Он поедет с ней, ожидая пока Юрий... Хотя решать Ирине — брать ли Михаила с собой или отыскать какого-нибудь дальнего родственника Юрия, или, может, поместить мальчика в какое-нибудь учреждение...

— Нет! — выкрикнула Ирина. — Я не разлучусь с мальчиком! Я поклялась Юрию, что, если что-то случится, позабочусь о Михаиле. Но я останусь здесь: что бы со мной ни произошло, хоть бы и смерть, это случится здесь.

— Не настаивай на встрече со смертью, от нее мы всё равно не сможем увильнуть, но не стоит ее провоцировать. А если ты теперь несешь ответственность за Михаила, то тем больше у тебя причин для отъезда. Если тебя арестуют, то мальчика отправят в приют, мы все знаем, что Юрий не вернется...

Слова Ёзи подействовали на всех, как пощечины.

Несколько часов показались им вечностью. Константин принес еду и питье и настоял на том, чтобы они сидели тихо. Иван, главный конюх, был человеком преклонного возраста и относился к хозяину с большим почтением. Когда-то он был его учителем верховой езды, но потом упал с лошади и охромел, и Константин упросил бабушку предоставить ему кров и работу, чтобы Иван мог заработать на жизнь. За это тот отвечал безграничной верностью, и заверил, что никто не побеспокоит гостей Константина в конюшне.

Вскоре после часа дня Константин вернулся.

— Мне жаль... Я не принес хороших новостей. Супруг бабушкиной подруги оказался непреклонен и прямо заявил, что помогать врагам царя — безрассудство. Он сказал, что ближайшие дни аресты продолжатся, и — как быстро разлетаются новости! — к этому часу он уже знал, что ночью охранка побывала у нас дома. Он весьма любезно напомнил, что дедушка был евреем, и что уже не в первый раз евреи участвуют в заговоре против царя, так что он попросил нас соблюдать благоразумие. Он попрощался в не слишком вежливой манере, мы явно поставили его в неловкое положение своим визитом. Ах, и еще он сказал, что охранка прекрасно информирована о революционных ячейках, предположительно, в них всегда есть человек, служащий глазами и ушами полиции... И потому тебя обязательно арестуют. Твоего отца забрали, зная, что он невиновен, это просто их способ тебя помучить. Ты должен бежать, уезжайте вместе с Ириной и никогда не возвращайтесь.

— Нет, я не могу этого сделать. Лучше я пойду и сдамся полиции. Тогда они освободят отца. Они должны его освободить, он же ни в чем не виноват.

Константину так и не удалось уговорить Самуэля не ходить в полицию, а Ёзю — не провожать его.

Наконец, Константин распрощался с друзьями, заверив их, что наилучшим образом устроит побег для Ирины, чтобы она смогла уехать в ближайшее время.

Самуэль и Ёзя отправились дальше вдвоем. Оба молчали, погруженные в тягостные думы. В двух кварталах от участка они неожиданно столкнулись с Андреем. Самуэль бросился к нему и крепко схватил за плечо.

— Ах ты, предатель! Где мой отец? — кричал он, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих.

— Тихо, безумец! Молчи! — прошипел Андрей. — Или ты хочешь, чтобы нас всех задержали? Отпусти меня!

Андрей оттолкнул Самуэля, а Ёзя бросился между ними, пытаясь остановить драку.

— Вы с ума сошли! Сейчас не время привлекать внимание. А ты, Андрей, будь любезен всё объяснить, и если ты действительно нас предал... рано или поздно ты за это поплатишься, — пообещал Ёзя.

— Я искал тебя, чтобы предупредить. Тебе нужно бежать. Кроме того, что сделано, то сделано, — вздохнул Андрей, обращаясь к Самуэлю.

Ёзя схватил его за руку и потащил за собой, пока Самуэль пытался справиться со своим гневом.

Они направились в соседний парк, где сейчас было пусто, потому что начинался снегопад. Там они укрылись от снега под ветвями какого-то дерева и Ёзя, дрожа от холода, потребовал от Андрея объяснений.

— Как бы то ни было, а ты всё равно предатель, — отрезал он.

Андрей стоял, опустив голову. Наконец, он решился поднять глаза и посмотрел на обоих с невыносимой мукой.

— Я никогда не был революционером, — начал он. — Но я работал вместе с библиотекарем Соколовым, и охранка решила, что я с ними связан. Однажды они забрали меня в участок. Вы даже не представляете, что это такое: я был на волосок от смерти. Меня бросили в камеру, всю пропитанную духом человеческих страданий. Там были лишь голые каменные стены и застарелый запах мочи. Негде было даже сесть. Я провел там несколько бесконечных часов, слушая крики несчастных, молящих о смерти, потому что у них больше не осталось сил терпеть эти муки. Я знал, что скоро меня тоже начнут пытаться, и приготовился к самому худшему. Но я боялся не только пыток. Более всего меня угнетало то, что я страдаю безвинно, ведь я вовсе не революционер.

Через несколько часов за мной пришли. Меня проводили в кабинет, где ждал какой-то человек. Он сказал, что один из его информаторов в университете сообщил, будто Соколов пользуется большим авторитетом среди молодежи, а потом спросил, бывал ли я на собраниях, где вершатся заговоры против царя. Я сказал ему правду, что группу Соколова составляют главным образом студенты-евреи, а я вовсе не еврей. Тогда мне объяснили, что если я хочу доказать свою благонадежность, то должен стать их новым информатором. Они меня даже пальцем не тронули, но мне хватило одного взгляда этой гиены, чтобы я чуть не умер от страха.

«Твой отец — всеми уважаемый кузнец, и твоя мать тоже — вполне достойная женщина, — продолжал он. — Как ты думаешь, если бы они вдруг оказались здесь — им бы это понравилось? И конечно, они во всем признаются, как только ими займутся мои люди. Они скажут всё, что угодно, лишь бы их перестали мучить. А впрочем, много ли стоит жизнь

какого-то кузнеца и какой-то деревенской бабы? И какой смысл держать их в тюрьме и тратить казенные деньги на содержание, после того как мы получим от них нужные сведения? Куда проще просто прикончить и выбросить трупы собакам, да и дело с концом! Ты хочешь для них такой участи?»

Я ничего не мог поделать. Я поклялся, что буду им помогать. Этот человек слушал меня довольно безразлично, но потом вдруг встал и подошел так близко, что я ощутил его зловонное дыхание. И тогда он сказал, что я сделал правильный выбор, выбор между жизнью и смертью, причем, уберег тем самым от неприятностей не только себя, но и своих родителей. Он вышел из кабинета, а потом вошли двое мужчин, которые повели меня в другую комнату. Они открыли дверь, за которой я увидел свою мать. Она стояла, прижавшись к стене, и плакала. Трое полицейских издевались над ней, тыча в нее пальцами. Они заставили ее раздеться, и она тщетно пыталась прикрыть свои иссохшие груди. Там же был и отец, связанный по рукам и ногам. Не знаю, видела ли меня тогда мать, но я до сих пор не могу забыть, какими глазами взглянул на меня отец, сколько в них было стыда и горя.

Затем меня снова отвели в тот же кабинет, который, как я уже понял, принадлежал начальнику.

Я заплакал и стал умолять его отпустить родителей; мне это пообещали, но взамен потребовали сделать одну вещь. До сих пор им не удалось арестовать никого из группы Соколова, но им нужен был наглядный пример, который бы доказывал, что никто не может чувствовать себя в безопасности. Они знают о тебе, Самуэль, я назвал твое имя. Вчера вечером они собирались тебя арестовать, но не застали дома. Они рассвирепели и стали рыться в ваших бумагах. Твой отец поклялся, что это он — борец против власти, а ты ни в чем не виноват. В итоге они забрали нас обоих. Твой отец шепотом попросил меня передать, что он просит у тебя прощения, а еще... — Андрей не смог сдержать рыданий. — Еще он сказал, что ни в чем меня не винит, но просит спасти тебя. Он даже пригрозил, что достанет меня из могилы, если я не исполню его просьбы.

Потом его увели, а мне велели оставаться на месте. Они были в ярости, что не удалось тебя арестовать. Потом они отправились за Ириной, но тоже ее не нашли. Твоего отца стали избивать еще более остервенело, но он продолжал клясться, что ты ни в чем не замешан, а во всем виноват только он один. И тогда я... я знаю, мне нет прощения, но я сказал, что ты играл в этом деле совсем незначительную роль, и что это отец сбивал тебя с толку, вбивая тебе в голову революционные идеи... Тогда полицейский мне сказал: «К сожалению, мы уже не можем ни о чем спросить этого еврея. Только что он сдох, так и не сказав правды. Я вижу, ты тоже не желаешь ее говорить. Так что же, хочешь последовать за ним?»

Самуэль с воплем стиснул низко нависающие ветви. Ёзя едва успел схватить друга, который впился в горло Андрея обеими руками. В глазах Самуэля была лишь ненависть, всепоглощающая ненависть, утопленная в слезах.

— Последовать за ним! Последовать за ним, подумать только! — повторял Самуэль. — Или ты думаешь, что попал бы туда же, куда и он? Бог мой, последовать за ним!

Ёзе наконец удалось оторвать руки Самуэля от шеи Андрея. Лицо Андрея посинело, он едва мог дышать. Затем Ёзя обнял друга за плечи, стараясь успокоить.

— Твой отец отдал свою жизнь, чтобы спасти твою. Ты не можешь допустить, чтобы его жертва оказалась напрасной.

Андрей в испуге взглянул на них и продолжил свой рассказ.

— А еще полицейский сказал, что перед смертью твой отец совсем тронулся и все повторял: «Сынок, не забудь, в будущем году встретимся в Иерусалиме». Это были его последние слова — прежде чем его в очередной раз окунули головой в ведро с водой, а потом... потом у него случился разрыв сердца. «В следующем году встретимся в Иерусалиме», — так он говорил. Для вас, евреев, это означает что-то важное, ведь так?

Но Самуэль не ответил, он не знал, как подобрать слова, даже не понимал, как еще дышит. Ёзя изо всех сил сжимал его, так что Самуэль не мог пошевелиться, пытаясь утешить его и защитить.

— Ты — мразь, убить тебя мало! — выкрикнул Самуэль, вырываясь из объятий Ёзи.

— Да, я знаю, — вздохнул Андрей. — Я трус, я мразь. Я предал вас, чтобы избавиться от пыток родителей, а также себя самого; я до сих пор слышу крики несчастных, которых они пытали; эти крики отдаются болью у меня в мозгу.

— Так значит, ты теперь работаешь на охранку? — подвел итоги Ёзя, хотя это уже и так было ясно.

— Я в ней служу, — поправил тот.

— Ты думаешь, что спас свою шкуру? — усмехнулся Ёзя. — Ничего подобного! Скоро все узнают, что ты предал своих друзей, все увидят твое настоящее лицо. И что, ты думаешь, тогда сделает твоя драгоценная охранка? Зачем ты ей нужен, если перестал быть полезным? — слова Ёзи заставили Андрея вздрогнуть.

— Пока я жив, и мои родители — тоже, — ответил он. — Но завтра... Кто может знать, что ждет нас завтра?

— А библиотекарь Соколов, Юрий? Все наши друзья? Что с ними? — спросил Самуэль стараясь побороть свое отвращение к этому человеку.

— Их всех арестовали, — ответил тот. — Они больше не увидят дневного света. Некоторые не пережили пыток. У Юрия не выдержало сердце...

Самуэль снова попытался придушить Андрея, но на этот раз тот увернулся, а Ёзя снова сжал Самуэля в объятьях.

— Не стоит пачкать руки об эту мразь, — поморщился Ёзя.

— Я знаю, вы меня презираете, — вздохнул Андрей. — Но вы уверены, что сами поступили бы иначе, окажись вы на моем месте? Самуэль, прошу тебя, уезжай из России, если это возможно, и никогда не возвращайся: ты здесь погибнешь! Этот твой друг Константин мало чем сможет помочь: он хоть и богатый аристократ, но всем известно, что он тоже наполовину еврей, и кто знает, чем это может обернуться. А теперь мне пора к родителям: я должен убедиться, что с ними всё в порядке.

Они отпустили Андрея. Самуэль долго рыдал, а Ёзя не стал его останавливать. Он знал что другу необходимо выплеснуть сжигающее его изнутри горе, и он просто ждал, когда тот соберется с силами, чтобы вновь отправиться в путь.

— Возвращаемся в дом Константина, — объявил Ёзя. — Ты поедешь с Ириной, это будет лучше всего.

— Я должен проститься со вдовой Карловой, заплатить за разгром, учиненный по моей вине. Отец хранил меха на чердаке дома Раисы. Я заберу оставшиеся для продажи.

— Я отдам тебе всё, что у меня есть, но не взыщи, ты же знаешь, что мы не слишком богаты.

— Ты подарил мне самое большое сокровище, о каком только можно мечтать: свою

дружбу, — ответил Самуэль.

Ёзя проводил его до дома. Раиса Карлова прикорнула в гостиной, но Самуэль разбудил ее, чтобы рассказать о случившемся и сообщить, что Андрей оказался предателем.

— Я скажу ему, чтобы он убирался из этого дома, — прошептала Раиса, еле сдерживая слезы. — Я не желаю его больше видеть.

Затем она передала Самуэлю ключ от чердака, который носила на шее на тонкой цепочке.

— Твой отец хранил там свои меха, — сказала она. — И я думаю, ты знаешь, он держал там особую шкатулку, в которой держал сбережения. Он рассказал мне о ней, когда ты был еще маленьким — чтобы я знала об этих деньгах, если с ним вдруг что-то случится. Ты же знаешь, как он мне доверял. Найди эти деньги, они твои. Найди их и уходи как можно скорее, Охранка не удовольствуется одной лишь жизнью твоего отца, она придет и за твоей тоже.

При помощи Ёзи Самуэль отобрал для себя кое-какие меха, а остальные решил поделить между вдовой и своим другом; ведь он всё равно не смог бы увезти с собой все, и в то же время он рад был выразить близким людям свою признательность.

В отцовской шкатулке оказалось достаточно денег, чтобы вполне достойно жить в течение двух или трех лет. Их хватило бы даже на путешествия, подобные тем поездкам в Париж, к Мари, которые совершали они с отцом из года в год. Однако сейчас эти деньги послужат ему для того, чтобы начать новую жизнь, и теперь он спрашивал себя, где именно сможет ее начать.

— Самуэль, отец указал тебе путь: в следующем году ты должен быть в Иерусалиме, — убеждал его Ёзя. — Именно этого он хотел для тебя, именно об этом были его последние слова.

— Иерусалим, Иерусалим!.. — повторял Самуэль. — Ты же знаешь, я никогда не хотел быть евреем.

— Не в твоей власти решать, кем тебе быть, Самуэль. Ты — еврей, нравится тебе это или нет. Ты — еврей, и всегда им будешь, как бы ни противился. Уже недалек тот день, когда Иерусалим возродится, и я надеюсь, однажды мы там встретимся.

Когда они прибыли в особняк Гольданских, оказалось, что Константин уже всё приготовил к отъезду Ирины. Самуэль и Ёзя рассказали другу о случившемся и с предупреждении Андрея.

— Так значит, это Андрей всех предал? — воскликнул Константин. — Какой мерзавец!

— Тебе тоже лучше на время уехать, — посоветовал Ёзя Константину.

— Мне? — возмутился Константин. — Уехать? Но у них нет против меня никаких улик. Да, им известно, что я — друг Самуэля, но это еще не причина, чтобы бежать; кроме того, я не могу оставить бабушку и Катю.

— Уж позволь своей бабушке самой решать. Кстати, ты должен ей сказать, что Андрей на нас донес.

Константин пообещал Ёзе, что так и сделает. Затем рассказал своим друзьям план побега. Прежде всего, он велел Ивану нанять экипаж и доставить их в Швецию по самой малолюдной дороге. А в Швеции они смогут сесть на корабль и отправиться в Англию.

Однако Самуэль, не желавший подвергать своего друга еще большему риску, заявил, что будет править каретой сам.

— Но ты же никогда не имел дела с лошадьми! — возразил Константин.

— Если уж я смог стать химиком, то думаю, с ремеслом кучера тоже справлюсь, — заявил Самуэль. Ирина и Михаил поедут в карете, скрывшись от посторонних глаз. В случае чего, скажем, что мы — купцы, едем в Англию продавать пушнину.

— Никто не поверит, что купец потащил в деловую поездку всю свою семью, тем более — через Швецию. Придумай лучше что-нибудь другое. Скажи, например, что вы едете навестить пожилого родственника, который дышит на ладан... — посоветовал Ёзя.

Трое друзей обнялись, не скрывая слез, не зная, когда еще доведется увидеться. Ирина тоже присоединилась к дружеским объятьям.

Снег сыпал без перерыва, и солнечный свет уже угасал, когда они тронулись в путь. Самуэль совершенно вымотался, но решил править всю ночь, чтобы как можно дальше отъехать от Петербурга. Когда им завладеет усталость, он свернет с дороги и немного поспит в экипаже. Он не хотел останавливаться на постоянных дворах, чтобы не привлекать внимания, несмотря на то, что это было тяжело для Ирины, а в особенности для мальчика. Самуэль не знал, как ему сказать, что больше он никогда не увидит отца.

Отдаляясь от Санкт-Петербурга, он спрашивал себя, не следует ли за ними по пятам охранка. Уже начало светать, когда он почувствовал себя полностью истощенным и решил остановиться. Лошади тоже нуждались в отдыхе. Они скрылись в леске на берегу ручья, неподалеку от дороги.

— Лошадям тоже нужно есть и пить, — заметила Ирина.

Она вышла из экипажа, оставив Михаила завернутым в шкуры, и помогла распрячь и напоить лошадей. Это оказалось непросто, ни один из них раньше ни разу таким не занимался, но Самуэль вспомнил указания Ивана на конюшне. Понадобилось довольно много времени, чтобы их исполнить.

— У нас есть немного еды, — сказала Ирина. — Константин дал мне с собой несколько корзин с провизией, ее должно хватить на несколько дней.

Они поели, стоя рядом с экипажем и лошадьми. Потом Ирина велела Самуэлю отдохнуть внутри.

— Я присмотрю за лошадьми, а заодно покараулю; в случае чего — разбужу.

— Тебе нельзя оставаться снаружи, — запротестовал Самуэль.

— Я справлюсь. Ты должен отдохнуть, всё станет проще, если мы будем делить заботы на двоих. Не обращай со мной, как со слабой женщиной, я сильная, уверяю тебя, что вполне смогу выдержать снежок на голове.

Самуэль забрался в экипаж, пристроился рядом с Михаилом и тут же уснул. Ирина разбудила их через пару часов.

Михаил проголодался, да и Самуэль тоже не прочь был перекусить перед дорогой; тем не менее, кашель Ирины не на шутку его беспокоил.

— С твоей стороны довольно безрассудно выходить из кареты, — заметил он. — Больше так не делай.

— Нет, сделаю. Я не стану править экипажем, потому что это привлечет внимание, но по крайней мере буду делать всё, что в моих силах. Мы должны как можно быстрее покинуть Россию, а для этого понадобятся совместные усилия.

Вот так, правя экипажем, который вез их к свободе по бескрайним заснеженным полям, Самуэль простился с Россией, убежденный в том, что больше никогда не вернется. Он был таким наивным, считая, что можно свергнуть царя. Но он и не мог выбросить из головы последних слов отца: «Иерусалим... Иерусалим».

Он говорил себе, что перестал быть евреем, не ходил в синагогу со времен своей бармицвы — церемонии, во время которой мальчики превращаются в членов общины. С тех самых пор, как убили его мать, он порвал с Господом. Он выбросил бога из жизни, потому что не нуждался в нем. Для чего нужен бог, который позволил убить мать, брата, сестру и бабушку? Он не сделал ничего и для спасения отца. Бог повернулся к нему спиной, и он последовал его примеру. Так какой же смысл думать про Иерусалим? Отец был настоящим евреем, всегда исполнял божьи заповеди, и молча грезил, что однажды отправится на Землю Обетованную. Однако никогда ничего для этого не предпринимал. Чтение Торы вселило в него тоску по Иерусалиму, но на самом деле он был русским и только русским. Думал, чувствовал, любил и плакал как русский. Да он и сам это знал.

Ирина и Михаил заболели. Их трясло в лихорадке, оба не переставая кашляли. Тем не менее, Ирина настояла, чтобы Самуэль позволил ей править лошадьми, и просидела на козлах в течение нескольких часов, пока Самуэль отдыхал. Они по-прежнему старались держаться подальше от людных мест, а между тем провизия и фураж подошли к концу.

Ирина разделила еду между Самуэлем и Михаилом, а сама довольствовалась крохами, понимая, что Самуэлю нужны силы, чтобы вывезти их из страны. Что же до Михаила, то он неожиданно стал ее сыном, которому ей предстояло посвятить всю свою жизнь. Она знала, что именно этого хотел бы Юрий. Ирине не оставалось другого выхода, кроме как сказать мальчику, что его отец мертв, и если кто спросит, он должен называть ее мамой, а Самуэля — отцом, иначе его навсегда у них отберут.

Однажды Самуэль заявил, что не удивится, если окажется, что они уже в Финляндии.

— Ты прав, мы уже в Финляндии, но ведь это еще территория Империи, — сказала Ирина.

— Да, конечно, но осталось совсем немножко. Скоро мы будем в Швеции, и тогда сможем вздохнуть свободно.

Несколько дней управляя экипажем на обледеневших дорогах, вдали от деревень и городов, Самуэль безмерно устал. Он спал всего по несколько часов, мечтая как можно быстрее добраться до Швеции, и не просто ради того, чтобы избавиться от угрозы со стороны полиции, но и потому что его беспокоило состояние Ирины, даже больше, чем состояние Михаила. Он знал, что Ирина старалась сделать так, чтобы Самуэль не слышал ее кашель, но хоть он и не был врачом, обмануть его не удалось. Самуэль знал, что она больна и нуждается в отдыхе.

Михаил не вызывал такого беспокойства — он был сильным мальчиком, почти уже не кашлял и победил лихорадку. Михаил напоминал Самуэлю самого себя во время долгого путешествия из Парижа в Варшаву вместе с отцом. Тогда он тоже кашлял, у него был жар. Та поездка запечатлелась у него в памяти, как не мог он и забыть, что когда они достигли места назначения, то обнаружили его мать убитой.

Самуэль заметил среди деревьев несколько покрытых снегом домов. Они походили на хижины лесозаготовщиков, но он решил проехать мимо, хотя в тот день удача была не на его стороне.

В сумерках он, должно быть, задремал, и экипаж наткнулся на камень, так что Самуэль потерял контроль над лошадьми, и карета завалилась на бок, два колеса бесполезно вращались.

Когда опомнился, то обнаружил, что лежит на земле, голова раскалывается от боли, а одной ногой он едва может пошевелить. Самуэль услышал, как хрипят лошади, а плач

Михаила вернул его к действительности. Он попытался подняться, но не смог.

— Ирина! Михаил! — закричал он.

Он их не видел.

Никто не ответил. Самуэль подполз к экипажу и, ухватившись за подножку, сумел подняться, чтобы открыть дверцу, но ее запечатал снег и лед. Поначалу ничего не получалось, но потом он заметил, что кто-то пытается сделать то же самое изнутри. Стояла кромешная тьма, но в конце концов ему удалось открыть дверцу. Ирина лежала без сознания, с окровавленной головой. Михаил сидел рядом с ней, именно он пытался открыть дверцу.

— Можешь идти? — спросил Самуэль у мальчика.

Михаил кивнул и дал Самуэлю руку, чтобы выбраться из экипажа. Последовал рывок, и оба вывалились на снег. Самуэль обнял мальчика и велел ему перестать плакать.

— Послушай, Михаил, мы должны помочь Ирине, а если будешь плакать, мы ничего не сможем сделать. Мне нужна твоя помощь.

Мальчик бросился в объятия Самуэля и громко разрыдался.

— Она молчит, — еле выговорил Михаил, указывая на Ирину.

— Должно быть, она ударилась головой и потеряла сознание. Но ты не волнуйся, с ней всё будет в порядке; ты пострадал гораздо сильнее, когда вывалился из кареты.

Самуэль сделал над собой нечеловеческое усилие, потому что боль в голове и в ноге была невыносимая.

Внезапно он напрягся. Кто-то приближался к ним твердыми, уверенными шагами, которые ломали ледяную корку. И тут он заметилдвигающийся в их направлении огонек. Он обнял мальчика, толком не зная, что предпринять. Вскоре свет уже слепил ему глаза, так что Самуэль не видел, кто стоит перед ним.

— У вас всё в порядке? — окликнул его грубый мужской голос.

— Да... В общем, с нами произошел несчастный случай...

— Мы слышали какой-то шум и ржание коней, — сказал незнакомец.

— Боюсь, что я сломал ногу... — простонал Самуэль. — А моя жена, она... она в карете, без сознания. Вы можете помочь ее вытащить?

Незнакомец подошел ближе и поставил фонарь на землю. Затем велел Самуэлю подвинуться и ловким движением забрался в карету. Через минуту он выбрался обратно с бесчувственной Ириной на руках.

— Мой дом совсем рядом, всего в ста шагах отсюда. Если хотите, я отнесу туда вашу жену, а потом вернусь и помогу вам.

— Спасибо, — облегченно вздохнул Самуэль.

Когда незнакомец растворился в ночном сумраке, Самуэль напомнил Михаилу, что и как он должен говорить.

— Итак, не забудь: Ирина — твоя мать, а я — твой отец; если ты об этом забудешь, нас ждут большие неприятности. Мы даже можем потерять друг друга навсегда.

Вскоре вернулся незнакомец и помог Самуэлю подняться, велел ему опереться на свою руку, как на костыль.

Он привел их в дом, где две женщины уже хлопотали вокруг Ирины, лежавшей на тюфяке возле камина, в котором жарко горели дрова. Мальчик чуть старше Михаила наблюдал из угла за незнакомыми людьми, которые неожиданно обосновались у них в доме.

— Жена и дочь позаботятся о вашей жене, — заверил незнакомец.

— Спасибо, — ответил Самуэль.

— А вам надо наложить шину, — сказал незнакомец.

— Вы умеете накладывать шину? — удивился Самуэль.

— Здесь нет врачей. Мы рождаемся и умираем без их помощи.

Он быстро притащил несколько деревяшек и обтесал их, а потом попросил дочь найти кусок чистой ткани. Наташа, так звали девочку, тут же подчинилась, пока ее мать продолжала смывать кровь с раны на голове Ирины.

Когда Самуэль подошел к Ирине, то убедился в том, что рана весьма глубокая, и ее нужно очень аккуратно зашить. Крестьянин, должно быть, подумал о том же и попросил жену принести тонкую нитку и иглу. Затем под встревоженным взглядом Самуэля, который знал, что ему лишь остается положиться на этого человека, он очень осторожно соединил края пореза,

Ирина пришла в сознание нескоро, а когда наконец очнулась, ее взгляд остекленел от жара, она безостановочно дрожала. Самуэль понял, что она больна гораздо серьезней, чем ему казалось. Тем временем хозяин дома довольно надолго вышел.

— Лошади в порядке, хотя у одной сломана нога, но я уже наложил шину, как и вам. Экипажем займусь завтра. Можете остаться здесь на ночь, но удобств здесь нет, особенно учитывая ваше состояние, — сказал он, когда вернулся.

— Как вас зовут? — спросил Самуэль.

— Меня зовут Сергей, а это моя жена Маша и дочь Наташа. А моего внука зовут Николай, как нашего царя-батюшку.

— Я от всей души вам благодарен, Сергей, и охотно воспользуюсь вашим гостеприимством. Моя жена нездорова, и ей нужен покой.

— У нее грудная горячка, боюсь, что жить ей недолго, — слова крестьянина повергли Самуэля в ужас.

— Нет! — воскликнул он. — Она не умрет. Вы правы, она больна, но она поправится. Ей только нужен покой.

Сергей пожал плечами и начал готовить травяной отвар. Когда жидкость закипела, он снял ее с огня и дал Ирине выпить.

— Эти травы успокоят ее и смягчат кашель.

— Вы умеете лечить травами? — спросил Самуэль.

— И я, и мой отец, и отец моего отца, и все мои предки... Мы используем то, что дает нам лес; и даже если мы не всегда можем вылечить, то в наших силах хотя бы облегчить страдания. А пока поешьте и отдохните; еда у нас, правда, не бог весть какая, уж не взыщите, но голодными не останетесь.

Самуэль не смог сдержать любопытства и принялся расспрашивать Сергея о травах, при помощи которых он лечит всякие болезни. Затем они молча поели. Михаил так устал, что уснул прямо за столом, едва успев проглотить кусочек.

Солнце уже встало, когда Самуэль проснулся. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, что произошло и где он находится. Он успокоился, ощутив рядом Михаила и увидев спящую у печи Ирину.

Маша, жена Сергея, сидела в углу и чистила репу. Наташи и ее сына нигде не было видно, так же, как и самого Сергея.

— Простите меня... по-моему, я проспал, — пробормотал Самуэль, пытаясь сесть.

Женщина улыбнулась и помогла ему.

— Сон тоже лечит. Не беспокойтесь, вашей жене лучше. Этим утром она поела хлеба и выпила чашку чая. Рана на голове хорошо затянулась.

— А где ваш муж? — спросил он обеспокоенно.

— Пытается починить ваш экипаж. Там сломаны колеса, и он сделает всё, что в его силах. Он уже задал корм лошадям. Ах да, и вытащил ваш багаж, там никто не ходит, но лучше держите его при себе, что бы вас никто не ограбил.

— А ваша дочь?

— Наташа помогает отцу, а мой внук пошел в хлев кормить кроликов.

— Я даже не знаю, как вас благодарить за всё, что вы для нас сделали.

— Бог всё видит, вот мы и делаем то, что он велит.

— Бог?

— Конечно, а вы часом не сомневаетесь ли? Если бы мы вам не помогли, он бы отверг нас, когда мы перед ним предстанем.

— Так вы творите добро, чтобы угодить Богу.

Женщина удивленно посмотрела на него, словно другого и предположить было нельзя.

— Вон в том углу стоит кувшин с водой, можете умыться.

Сергей закончил сооружать для Самуэля костыль из сломанной ветки. Прихрамывая и опираясь на костыль, он поковылял к обочине, где перевернулся экипаж.

Самуэль с удивлением увидел, что тот уже стоит как ни в чем ни бывало, гигант смог его поднять, и Самуэль только тут обратил внимание, что Сергей был без малого два метра ростом, с широкой спиной и такими огромными ручищами, каких Самуэль в жизни не видел. К тому же на помощь ему пришли мул и терпеливая Наташа.

Как Самуэль ни настаивал, что он тоже должен помочь, Сергей не обращал на эти просьбы внимания.

— И много осей вы починили? — с иронией спросил крестьянин.

— Нет, конечно же, но я могу помочь.

— Экипаж нуждается в ремонте. Дело не только в колесах. Придется чем-то заколотить окна, чтобы не дуло, и не знаю, получится ли исправить вмятины с правой стороны, где он ударился об лед.

— Мы должны немедленно собираться в дорогу.

— К чему такая спешка?

— Мать моей жены тяжело больна. Жена хочет быть с ней рядом.

— Но вы не можете выехать прямо сейчас, я не способен сотворить чудо. Починка экипажа займет какое-то время. Мне придется съездить в город и купить нужные детали.

Самуэль постарался, чтобы Сергей не заметил тревоги, охватившей его при этих словах.

— В этом нет необходимости. Умоляю, сделайте всё возможное, чтобы починить колеса, что до самого экипажа, то вмятины нас не особо беспокоят... Моя супруга никогда не простит, если не окажется рядом с умирающей матерью.

Сергей посмотрел на него сверху вниз с долей любопытства и пожал плечами.

— Вам виднее. Я сделаю всё, что в моих силах, но не знаю, сумею ли закончить до заката.

— Больше мы не сможем ждать... — взмолился Самуэль.

Целебные травы Ирине и впрямь помогли; во всяком случае, она стала меньше кашлять и смогла спокойно уснуть. Маша настояла, чтобы она хоть немного поела, и ей пришлось съесть немножко овощного супа и кусочек жареной крольчатины. Михаил все это время

вместе с хозяйским внуком катался с горы на салазках, сделанных Сергеем.

Самуэль не спускал глаз с хозяев и их домочадцев, опасаясь, как бы кто-нибудь из них тайком не отлучился в деревню и не привел сюда, скажем так, нежелательных гостей. Однако Маша была целиком поглощена хлопотами по хозяйству и уходом за больной Ириной, а Наташа не отходила от отца.

— После моей смерти кто-то должен продолжить мое дело, — объяснил он Самуэлю, почему его дочь занимается столь неподходящим для женщины делом.. — У меня нет сыновей, а у Наташи нет мужа, так что она должна уметь сама о себе позаботиться, а также сберечь то небольшое, что у нас есть — избу, сарай... Если вы научитесь понимать лес, если вы с ним подружитесь, он сам обеспечит вас всем необходимым для жизни.

Сергей весь день провозился с его каретой, однако с наступлением темноты работу пришлось остановить.

— Закончу завтра, — сказал он Самуэлю.

— Я бы очень вас попросил не мешкать, чтобы мы как можно скорее могли отправиться в путь.

Потом они сидели возле печки; Ирина лежала на соломенном тюфяке, который дала ей Наташа. Ее все еще лихорадило, но кашель стал слабее благодаря отварам Сергея. Что касается Михаила, то они с Николаем по-прежнему всюду резвились. Тяжелое путешествие изрядно вымотало мальчика, а теперь после отдыха и вкусной горячей еды он снова взбодрился. Да и сам Самуэль признавал, что почувствовал себя намного лучше, после того как отдохнул и поел машинного горячего супа.

При этом его по-прежнему беспокоило здоровье Ирины; ее высокая температура и грудной кашель уже давно его тревожили. Теперь он уже не сомневался: у нее пневмония. Сопровождая Олега Богданова в петербургскую больницу, он научился определять симптомы многих заболеваний. Он и сам считал, что Ирине было бы лучше остаться в этом теплом уютном доме под присмотром Маши. Но если бы они остались, очень скоро пошли бы слухи, что в доме лесоруба Сергея поселились какие-то подозрительные путники, и очень скоро эти вести достигли бы ушей людей царя. Поэтому они должны были покинуть этот дом, даже рискуя при этом жизнью Ирины. Тем не менее, Самуэль был уверен, что, если уж ей суждено умереть, то пусть лучше она умрет свободной, чем в застенках охранки.

Когда он проснулся следующим утром, ни Сергея, ни Наташи в избе не было. Он подошел к Ирине — та спала спокойным сном. Михаила нигде не было видно — как, впрочем, ни Маши, ни ее внука Николая.

Он вышел из избы, и в лицо ему ударил пронизывающий ветер, заставив пошатнуться. Мело так сильно, что он с трудом различал очертания предметов сквозь снежную мглу. Наконец, он добрался до Сергея, который с помощью Наташи уже почти закончил чинить дверцу кареты.

— Простите меня, я проспал, вместо того, чтобы помочь..., — сказал он Сергею.

— Не стоит беспокойства, мы с Наташей справились, — ответил тот. — Колеса уже готовы. Осталось поставить их на место, и уж тут мы бы не отказались от вашей помощи. Вот только дверца... Наташа затянула разбитое окошко куском старой кожи, но это не спасет от холода.

— Не волнуйтесь, у нас есть меховые одеяла.

— Тут никакие одеяла не спасут, тем более, что ваша жена простужена. Думаю, вам пока не следует пускаться в путь, это не пойдет ей на пользу.

— Но мы не можем остаться. Кстати, где мой сын?

— В хлеву. Жена задает корм скотине, а внук и ваш мальчуган ей помогают.

Самуэль устроил для Ирины в карете удобное гнездышко, постелив несколько шкур, в которые она смогла бы закутаться.

Маша настояла, чтобы они хотя бы поели перед тем, как отправиться в путь.

— Впереди нет ни одной гостиницы, да к тому же еще и снег пошел, — заметила Маша.

— Я, конечно, не хочу настаивать, но вашей жене было бы лучше остаться здесь.

— Молчи, жена, человек сам знает, что делает, — отрезал Сергей.

Усадив в карету Ирину и Михаила, Самуэль на прощание обнял Сергея. Он даже хотел заплатить ему из отцовских денег, но лесоруб с негодованием отказался.

— Мы помогли вам не ради награды, — ответил он. — Вы нам ничего не должны. Поезжайте с миром, и хотя бы иногда вспоминайте нас.

— Я доставил вам столько хлопот, позвольте мне хотя бы помочь вам...

— Не стоит благодарности, мы и сами были рады вам помочь. Поезжайте с Богом, только будьте осторожны: впереди по ходу есть еще одна деревня, гораздо больше нашей, к тому же неподалеку стоит полк.

Самуэль даже не знал, что ответить на слова лесоруба — настолько он был удивлен, обнаружив под грубоватой личиной доброго и умного человека.

— Я бы на вашем месте не торопился в такую погоду к смертному одру тещи, — сказал он напоследок. — И дело не в том, что она дурная женщина, а в том, что это просто безрассудно. Поэтому я считаю, что у вас должны быть куда более серьезные причины, чтобы отправиться в столь опасный путь. А впрочем, это не наше дело.

Маша дала Самуэлю корзину, в которой лежали банка меда, буханка хлеба и травы от кашля.

Прощаясь с этой щедрой гостеприимной семьей, Самуэль едва сдерживал слезы. Никогда не забудет он славного лесоруба Сергея.

Они продвигались с большой осторожностью, избегая ям и колдобин; сквозь густой снегопад трудно было разглядеть дорогу. К тому же одну из лошадей пришлось оставить у лесоруба, поскольку она сломала ногу.

Михаил, несмотря на свой юный возраст, уже понял, что Ирина больна, и старался как можно меньше ее беспокоить. Самуэль же, несмотря на усталость, старался останавливаться как можно реже. По ночам, даже если шел снег, он спал возле кареты, закутавшись в одеяло. Он старался не спускать глаз с лошадей, ведь без них им ни за что не добраться до Швеции.

Они, конечно, могли бы сесть на корабль и раньше, но Самуэль не хотел соваться на побережье, где было слишком многолюдно, слишком много посторонних глаз и ушей, а главное, стояли гарнизоны солдат; поэтому он выбрал пусть более долгий, но зато и более безопасный путь.

Самуэль столько часов провел в тишине, что иногда ему начинало казаться, будто он слышит собственные мысли, и по ночам, перед тем, как заснуть на несколько часов, он разговаривал с Михаилом, словно со взрослым.

Самуэль тянул до самых последних лучей света, чтобы остановиться и отдохнуть, спал несколько часов и тут же трогался в путь, гораздо раньше рассвета. И как-то раз на закате он наткнулся на охотника. Тот был высоким и коренастым и нес кожаную сумку. Самуэль поприветствовал его, и мужчина пожал плечами, похоже, не поняв ни слова. Самуэль остановил экипаж и спустился, чтобы спросить охотника, где они, и чуть не разрыдался,

поняв, что уже пару дней как они находятся в Швеции. Совершенно случайно они оказались на дороге, которая вилась вдоль границы, избегая таможни и застав. Охотник знаками объяснил, что недалеко есть поселение, где можно найти фураж для лошадей.

Деревушка мало чем отличалась от тех, которые встречались им в Финляндии, хотя местная церковь поразила своей красотой и изяществом.

При помощи жестов они расспросили какую-то встречную женщину, где могут купить корм для лошадей и снять комнату. Женщина провела их на другой конец деревни, к старому почерневшему бревенчатому дому, в котором располагалась деревенская гостиница. Возможно, Самуэль и не стал бы здесь задерживаться, но его очень беспокоила Ирина. Она совсем расхворалась, и он всерьез опасался за ее жизнь.

В их комнате был камин, который хозяин тут же растопил, и большая кровать, казавшаяся весьма удобной. Жена хозяина показала, где можно умыться. Самуэль знаками попросил принести бадью с горячей водой. Он вознамерился искупать Ирину, рассудив, что ванна пойдет ей на пользу.

Поскольку они были единственными постояльцами, горячую воду доставили в кратчайшее время, и хозяйка предложила ему самой искупать Ирину. Самуэль облегченно вздохнул.

Ирина без возражений позволила себя выкупать. Ее и саму весьма угнетало, что волосы слиплись от грязи, а вся одежда пропиталась дорожным запахом. Хозяйка также предложила выстирать ее одежду, намекнув при этом, что возьмет совсем недорого.

Самуэль был прямо-таки счастлив, увидев Ирину в постели с чистыми простынями, возле теплой печки, окруженную домашним уютом. Он пристально взглянул на нее. Она казалась совсем крохотной — так исхудала. И даже ее сияющие голубые глаза выглядели потухшими.

Хозяйка также взяла на себя заботу о Михаиле. Она сама его вымыла, не обращая внимания на протесты мальчика.

В эту ночь, впервые после того, как покинули Санкт-Петербург, они спокойно уснули. И дело было даже не в теплой печке или удобной постели — хотя и это было немаловажно — а в том, что здесь они впервые почувствовали себя в безопасности, зная, что до них уже не дотянутся длинные руки людей Николая II.

Самуэль решил остаться в этой деревне, пока Ирина не поправится. Весь следующий день он вместе с хозяйкой ухаживал за больной. Михаилу было скучно, но он не жаловался. Самуэль объяснил ему, что Ирина нуждается в отдыхе.

— Так значит, она умрет, если не отдохнет? — испугался Михаил. — Я не хочу, чтобы она умерла; иначе мне придется умереть вместе с ней, ведь у меня никого больше нет, кроме нее.

— Не волнуйся, Михаил, — заверил он. — Ирина не умрет, но ей необходим покой. Да и тебе он тоже не помешает.

Они оставались в деревне около месяца, пока Ирина не поправилась.

Хозяева постоялого двора оказались очень славными людьми, да и вообще местные жители держались очень дружелюбно. Они привыкли к проезжим, ведь до Империи было не так далеко. Таким образом, на супружескую пару с ребенком никто не обратил особого внимания, разве что все жалели больную Ирину. Тем не менее, в глубине души Самуэль по-прежнему стремился к своей цели: «В Иерусалим!» Он должен сделать это ради памяти отца.

Да, сделать это будет непросто, но все же возможно. Он знал других эмигрантов из России, таких же евреев, как он сам, которые уехали в Палестину и обрели там новую родину. Во многих уголках Российской Империи уже существовали филиалы известной организации «Возлюбленные Сиона», конечной целью которой было возвращение на землю предков. Некоторые из ее приверженцев уже достигли этой земли и основали там сельскохозяйственные колонии и стремились собственным трудом обеспечить себе средства к существованию.

Турецкие чиновники, похоже, не стремились чинить особых препятствий; они лишь собирали дань и отправляли ее в Стамбул. Как говорится, живи сам и давай жить другим, и тогда у тебя не будет проблем.

Первым делом они собирались отправиться в Париж, где он должен был продать Мари меха, которые хранил в сундуке.

Самуэль не видел ее больше двух лет, но вспоминал о ней как о доброй и неунывающей женщине, которая молча любила его отца и ничего у него не просила, зная, что между ними стоит Эстер, покойная жена Исаака, которую Исаак никогда не забудет.

Из Парижа их путь лежал в Марсель, где они должны были сесть на корабль, идущий в Палестину, хотя Самуэль до сих пор не был уверен, захочет ли Ирина поехать с ним.

Пока он так и не сказал ей, что уже несколько дней назад твердо решил ехать в Иерусалим, боясь услышать ее ответ. Ирина не была еврейкой; правда, евреем был Михаил, но это еще не значило, что они с Ириной обязаны его сопровождать. Да, он боялся услышать ответ Ирины, потому что знал, что не сможет бросить их на произвол судьбы — ни ее, ни маленького Михаила, которого полюбил всей душой.

Михаил был всего лишь ребенком, на которого он прежде почти не обращал внимания — только если видел, как он обнимается с Юрием, своим отцом, или с той же Ириной. Но за время путешествия они сблизились. Михаил оказался необычайно смышленным и разумным для своего возраста; казалось, он сразу понял, что от его поведения зависит их жизнь.

Но имел ли Самуэль право требовать, чтобы они отказались от подданства Николая II и стали подданными султана? Не лучше ли было и в самом деле начать новую жизнь в Париже? На многие вопросы он так и не смог найти ответа и отложил их до того времени, когда Ирина достаточно поправится, чтобы можно было их с ней обсудить. Здоровье Ирины понемногу шло на поправку, но она была еще слишком слаба, чтобы двигаться дальше.

Однажды вечером она все-таки заявила, что готова продолжать путь.

— Я уже поправилась и вполне могу ехать, — сказала она. — Нам больше нет смысла здесь задерживаться, мы уже и так потратили достаточно денег за время моей болезни, а у нас их не так и много. Нам нужно как можно скорее добраться до Парижа и найти какую-нибудь работу. Думаю, для тебя это не составит большого труда, ты ведь наполовину француз.

— Вот увидишь, тебе понравится Париж, и Мари тебе тоже понравится. Она — потрясающая модистка. Она купит наши меха, а потом...

Но она не дала ему продолжать. Казалось, она и сама была в восторге от его предложения.

— Я всегда мечтала побывать в Париже. Мы будем работать, а Михаила отдадим в школу. Право, единственное, за что мы можем благодарить царя — это французский язык, который мы знаем, как свой родной.

— Вот только знают его лишь образованные слои населения, — добавил Самуэль.

— Ну, ты, положим — наполовину француз; помнится, ты говорил, что твоя мать была парижанкой. А мои родители считали, что я должна получить самое лучшее образование; они отчего-то вбили себе в голову, что я стану по меньшей мере герцогиней, — произнесла она с непонятной горечью.

Самуэль хотел было признаться, что Париж — вовсе не конечная точка их путешествия, однако потом предпочел дожидаться более подходящего момента, чтобы сообщить ей об этом.

Он старался беречь деньги, однако решил, что в Париже он все-таки будет ближе к Палестине, так что через два дня они отправились в Гётеборг. Там Самуэль собирался сесть на корабль, идущий во французский порт Кале.

Путь до Гётеборга оказался почти приятным. Ирина выглядела поздоровевшей, а когда у них кончились припасы, Михаил стал ловить рыбу в бесчисленных озерах, которые встречались на пути. Теперь у них больше не было причин скрываться, поминутно ожидая, что вот сейчас их настигнут слуги царя. Встречные крестьяне были весьма дружелюбны и всегда готовы помочь.

— Мне бы хотелось побывать в Стокгольме, — призналась однажды Ирина.

— Мне тоже, но хозяин посоветовал нам отправиться в Гётеборг, там мы сможем найти подходящий корабль, вот увидишь.

Корабль они нашли. Его капитаном оказался старый торговец; он согласился доставить их во Францию, однако потребовал за это гораздо больше денег, чем рассчитывал Самуэль. Но потом удача снова повернулась к Самуэлю лицом: капитан подсказал, где он сможет продать лошадей и карету, так что в конце концов они смогли-таки сесть на корабль.

Самуэль плохо переносил качку и почти не выходил из каюты во время путешествия, но Ирина и Михаил наслаждались плаванием. Мальчик расхаживал по палубе, не вызывая протестов моряков, а Ирина проводила целые часы, вглядываясь в море. Ей бы хотелось, чтобы это плавание никогда не заканчивалось, но, к ее сожалению, настал день, когда один из матросов объявил о том, что на горизонте появился порт.

— Даже на берегу моя голова все еще идет кругом, — пожаловался Самуэль, когда они сошли на берег.

Они сели в дилижанс, который в недолгом времени доставил их в Париж. Ирина не желала терять ни единой лишней минуты, стремясь как можно скорее попасть в город своей мечты. И как раз по дороге в Париж Самуэль признался ей, что собирается ехать в Палестину.

— В Палестину? — переспросила она. — И что мы там будем делать? Я понимаю, ты все еще не выбросил из головы эту безумную идею?

— Правильно понимаешь, — ответил он. — Я ничего тебе не говорил, но я думал об этом с тех самых пор, как мы покинули Санкт-Петербург. Я в долгу перед моим отцом. Я понимаю, что у тебя нет никакого желания ехать туда со мной. Поэтому я оставлю тебя в Париже, у Мари; это очень хорошая женщина, она позаботится о вас с Михаилом и поможет найти работу. И, конечно, я никуда не уеду, пока вы будете нуждаться в моем присутствии.

После этих слов Ирина с ним не разговаривала до самого Парижа. Между ними повисло тягостное молчание; обоим оно весьма угнетало, но при этом ни один не решался его нарушить. А бедный Михаил просто не находил себе места от беспокойства, что они могут серьезно поссориться. Он, безусловно, тосковал по отцу, однако уже успел привыкнуть, что теперь он сам, Ирина и Самуэль — одна семья.

Мари радушно приняла их у себя дома. В действительности это был тот самый дом, где прежде жил месье Элиас, дед Самуэля. Под конец жизни он искренне привязался к этой серьезной и честной женщине, к тому же прекрасной портнихе. Таким образом, мало-помалу, не без помощи Исаака, он начал помогать ей в делах, а в один прекрасный день предложил ей партнерство, что привело ее в полный восторг. Незадолго до своей смерти месье Элиас продал ей помещение своего магазина, который располагался на первом этаже его собственного дома.

Мари вполне могла себе это позволить, поскольку месье Элиас продал ей магазин совсем недорого; в последние годы жизни он полюбил ее, как родную дочь, которую потерял навсегда. Так Мари переехала с тесного чердака на площади Возго, который делила с матерью, в один из самых фешенебельных районов Парижа, куда к ней приходили дамы из самых высоких кругов общества, чтобы заказать платье или манто из русского меха, которым они смогут хвастаться перед подругами.

Самуэль по-прежнему считал этот дом своим; несмотря на то, что Мари обставила его по своему вкусу, для Самуэля он по-прежнему оставался домом его детства.

— Она хорошая девочка, — сказала Мари, когда познакомилась с Ириной поближе. — Ты должен жениться на ней.

— Но я вовсе не влюблен в нее, Мари; подумай, если бы это было так — разве мог бы я уехать в Иерусалим, оставив ее здесь?

— Конечно, ты в нее влюблен! Но ты считаешь себя виновным в смерти отца; эта вина тяжким бременем лежит у тебя на сердце, и бремя это сильнее, чем любовь. Ты едешь в Иерусалим, потому что считаешь, что должен это сделать ради памяти своего отца, а вовсе не потому, что сам этого хочешь. Я хорошо помню, как в детстве ты постоянно спорил с отцом, что не желаешь быть евреем. Знаешь, что я тебе скажу, дорогой мой? Тебе нужно примириться с самим собой. Я уверена, что твой отец, который умер, чтобы спасти тебя, сделал это не для того, чтобы ты изводил себя чувством вины. Так что не мучай себя, Самуэль, а лучше поговори с Ириной и, если она согласится, женись на ней. Подумай о Михаиле: малыш так боится тебя потерять.

— Я знаю лишь одно: что должен отправиться в Иерусалим, я и это сделаю, — ответил Самуэль. — Возможно, я найду там свое место и стану настоящим евреем, а быть может, и нет. Но я должен хотя бы попытаться — ради моего отца. Я причинил ему много страданий, отрекаясь от нашей веры. А что касается Ирины... — задумался он. — Ирина не любит меня — не любит так, как женщина любит мужчину.

— В ней есть что-то странное, — заметила Мари. — Порой мне кажется, что в прошлом какой-то мужчина причинил ей боль; возможно, даже разбил ей сердце. Но она еще молода; когда-нибудь она захочет выйти замуж, иметь детей.

— Ты тоже не замужем, и детей у тебя нет, — напомнил Самуэль.

— Да, я так и не вышла замуж, — призналась она. — А знаешь, почему? Потому что я много лет любила твоего отца и все надеялась, что когда-нибудь он полюбит меня так же, как я люблю его. Твой отец стал мне хорошим другом, но он так и не полюбил меня, потому что продолжал любить твою мать, а ты был единственным, что у него от нее осталось. Он считал, что для вас лучше жить в России, что вы даже сможете быть счастливыми в доме этой вдовы, Раисы Карловой. Он так гордился тобой. «Самуэль стал химиком!» — говорил он мне.

— Он никогда не видел от меня ничего, кроме горя, — повинился Самуэль. — Я был

эгоистичным ребенком, которого интересовали только собственные занятия, идеи, друзья. Да, я любил отца, но уделял ему слишком мало внимания; меня не слишком волновали его желания и чувства.

— Он знал, как сильно ты его любишь, — покачала головой Мари. — Не вини себя, дети редко признаются родителям, как сильно они их любят; зачастую мы даже сами не отдаем себе отчета, как велика наша любовь. Я тоже никогда не говорила маме, как сильно я ее люблю, и теперь, когда она умерла, я очень жалею, что не выказывала ей больше нежности. Так что, Самуэль, продолжай жить и не терзай себя, твоему отцу этого бы не хотелось.

— Я еду в Иерусалим, Мари, я еду в Иерусалим.

Мари в ответ лишь пожала плечами. Она уже поняла, что ей не убедить Самуэля, как бы она ни настаивала. Но при этом она считала, что Самуэль совершает ошибку, собираясь расстаться с Ириной. Ей очень нравилась эта молодая женщина — в том числе и тем, что напоминала Мари ее саму. Разве что Ирина была более сдержанной и не столь открытой, как Мари.

Маленький Михаил нашел в Мари любящую бабушку, которой у него никогда не было, и уже через несколько дней они прониклись друг к другу самой нежной привязанностью.

Мальчик заявил, что устал скитаться по свету и хочет остаться с Мари, даже если для этого ему придется разлучиться с Ириной и Самуэлем. Эти его слова глубоко ранили сердце Ирины.

Как любой честный торговец, Мари настояла на том, чтобы заплатить хорошую цену за меха, которые Самуэль привез из России.

Однако сумма, которую вручила ему Мари, превзошла все его ожидания.

— Здесь слишком много. Я не могу взять этих денег, — отказывался он.

— Ты думаешь, что я собралась подарить тебе эти деньги? Нет, Самуэль, ты ошибаешься. Посмотри мои счетные книги, и сам убедишься, что я столько же платила за меха и твоему отцу, и твоему деду, месье Элиасу. Француженки готовы заплатить любую сумму, лишь бы иметь шубу из русского меха. Среди моих клиенток есть даже несколько английских аристократок.

— Но мне вовсе не нужно столько денег, а вам они пригодятся для Ирины и Михаила. Мальчик должен учиться.

— Да, они останутся здесь. Этот дом слишком велик для меня одной, и они скрасят мое одиночество. Они могут жить здесь, сколько пожелают. К тому же я думаю, что Ирина сможет мне помочь. Если она умеет шить, я возьму ее на работу. Конечно, я не смогу ей много платить, но все же у нее будет собственный доход, и она не будет ни от кого зависеть. А мне не помешает еще одна пара рабочих рук — особенно теперь, когда мои глаза уже не столь зорки, как раньше. Я обучу ее своему делу, а потом, когда меня не станет... как знать...

Самуэль обнял Мари. Он искренне любил ее и в глубине души до сих пор сожалел, что его отец так на ней и не женился; ведь он заслуживал того, чтобы быть счастливым.

Но вот Самуэль начал готовиться к последнему этапу своего путешествия. Он направился в Марсель, где должен был сесть на корабль, идущий в Палестину. Мари познакомила его с одним человеком, семья которого поддерживала самые дружеские отношения со старым Элиасом.

Это был торговец-еврей по имени Бенедикт Перец. Он был последователем Теодора Герцля и в 1897 году отправился в Базель, чтобы присутствовать на первом сионистском

конгрессе.

Бенедикт производил впечатление человека, хорошо знающего Палестину, и с восторгом отзывался о молодежном движении «Возлюбленные Сиона», многие последователи которого там поселились. Они бежали от погромов и преследований и обрели на этой земле свою вторую родину.

— Да, отец говорил мне о них, — вспомнил Самуэль.

— Многие из них осели в Иерусалиме, в Хевроне, по берегам Тверии. Иные посвятили свою жизнь Богу и проводят дни в молитвах и чтении Талмуда, занимаясь при этом благотворительностью. Другие стали фермерами и пытаются выращивать на этих пустынных землях фрукты, которые позволили бы людям здесь выжить, — рассказывал Бенедикт.

Он честно предупредил Самуэля о трудностях, которые могут подстергать его на пути в Палестину. И дело было не только в том, что добиться от турецких властей разрешения на въезд становилось все труднее, поскольку турки были не в восторге, что евреи заволокли принадлежащие им территории, но и в том, что сами евреи, успевшие там обосноваться, принимают новичков без особой, мягко говоря, теплоты, считая, что страна и так переполнена всевозможными иммигрантами, которые хоть и называют себя их братьями, но при этом говорят на других языках и придерживаются совершенно иных обычаев.

— Турки не всегда позволяют евреям высаживаться на своей земле, так что многим приходится делать крюк через Египет. Да, и еще: опасайтесь малярии, новичку ничего не стоит ее подхватить.

Саму же Землю Обетованную он описал как выжженную пустыню, полную лишений и опасностей, где выжить можно с большим трудом.

— Как могло случиться, что священная земля Палестины пришла в такой упадок? — поразился Самуэль.

— Когда мамелюки разгромили крестоносцев и навсегда изгнали их с Востока, был издан закон, согласно которому запрещалось обрабатывать землю в долинах, чтобы у крестоносцев не возникло соблазна вернуться, ибо в бесплодной пустыне они не смогли бы найти пищи для себя и корма для своих коней. Большую часть земель, принадлежавших крестоносцам, султан раздарил своим фаворитам, а те, поглощенные служением своему владыке, не слишком заботились о процветании этих пустынных земель, расположенных так далеко от Константинополя. Так что в конце концов большая их часть оказалась в руках феллахов — арабских крестьян. Им было нетрудно купить там землю — турки продали им ее с большой охотой.

— И что же, все эти земли теперь — в собственности турецких семей? — продолжал допытываться Самуэль.

— Они по-прежнему остаются в собственности султана. Однако там живут и арабы, приехавшие из Сирии и Ливана, да и в самой Палестине они всегда жили. Все они пользуются благосклонностью султана и никоим образом не претендуют на эти бесплодные земли, которые все равно не приносят никакого дохода.

— Я думаю, что в таком случае евреям не составит большого труда выкупить эти земли, — настаивал Самуэль.

— Как вы можете догадаться, евреи, бежавшие из Российской империи, не привезли с собой больших денег. Они и так платят немалые пошлины. Барон Ротшильд делает всё возможное, чтобы как-то облегчить положение поселенцев; он помог встать на ноги нескольким сельскохозяйственным общинам, и даже оказал содействие, когда пришлось

выяснить отношения с турецкими властями, — продолжал объяснять Бенедикт.

Самуэль попросил старого друга своего деда, чтобы тот порекомендовал ему кого-нибудь, кто мог бы давать ему уроки арабского языка.

— Я знаю, что мне там в любом случае придется нелегко, но я хотя бы смогу объясниться с местными жителями.

Перец познакомил его со своим другом, который в молодости много путешествовал по Востоку и знал многие языки тех далеких стран.

В первую минуту Самуэль впал в ступор от такого обилия непонятных закорючек, составляющих арабский алфавит. Поначалу ему казалось совершенно безнадежным делом хоть как-то в них разобраться. Но со временем ему удалось выучить несколько фраз, которые могли бы помочь объясниться.

Тем временем Мари делала все возможное, чтобы убедить Самуэля остаться с ней. Она не сомневалась, что в Палестине он просто погибнет, и очень старалась помочь ему примириться с самим собой.

Самуэль же, со своей стороны, всё оттягивал свой отъезд; однако вовсе не увещевания Мари были тому причиной, и даже не слишком скромные успехи в изучении арабского языка. Тяжелее всего была для него неизбежность расставания с Ириной; одна мысль об этом причиняла ему невыносимую боль.

Молодая женщина была полна решимости начать новую жизнь в Париже, и не могло быть и речи о том, чтобы она отправилась с ним в Палестину.

Поскольку Ирина не желала сидеть на шее у Мари, она устроилась работать в цветочный магазин — впрочем, тоже по рекомендации модистки. Платили ей не так много, но все же достаточно, чтобы хватало на скромную жизнь и образование Михаила. По вечерам она помогала Мари шить пальто и шубы. Шить Ирина никогда не любила, но считала, что должна хоть чем-то отблагодарить эту женщину, которая так радушно их приняла.

Погожим сентябрьским утром Самуэль отбыл в Марсель, снабженный рекомендательными письмами к некоторым палестинским евреям, хорошим знакомым Бенедикта Переца. Прошло чуть больше года с тех пор, как он покинул Санкт-Петербург, и теперь, в последней трети 1899 года, он собирался открыть новую страницу своей жизни.

Впервые в жизни он отвечал лишь за себя самого и страшно боялся встречи с «Землей Обетованной».

Средиземное море оказалось куда беспокойнее, чем он ожидал, хотя в последние дни перед прибытием качка стала слабее, и корабль стал медленно приближаться к порту под названием Яффа.

Первой трудностью, которая могла его подстергать, был возможный запрет турецких властей сойти на берег. Он надеялся, что ему удастся подкупить таможенников, хотя Бенедикт Перец предупреждал его, что уже были случаи, когда таможенники брали взятки, а сойти на берег так и не позволяли.

Тем не менее, все обошлось благополучно.

— Завтра мы прибываем в Палестину, объявил капитан. — Будьте готовы завтра утром ступить на землю Яффы.

В эту ночь Самуэль так и не смог уснуть. Ему не давали покоя мысли о том, что ждет

его завтра утром. Он перебирал в памяти свое прошлое — все то, что оставил позади.

Перед рассветом он вышел на палубу, где с нетерпением ждал, когда покажется палестинский берег. Синий цвет морской воды здесь был глубже и ярче, а запах — острее и насыщеннее, чем на Балтике — как она ему помнилась. И все же он невольно вздрогнул, когда он услышал крик матроса, возвещавший о прибытии.

— Земля!

В одном этом слове слились все его мечты и надежды. Он достиг Земли Обетованной.

Когда корабль прибыл в порт, Самуэль бросил взгляд в сторону пристани. Его внимание привлек молодой человек примерно его возраста, державший за руку мальчика чуть старше Михаила; должно быть, ему было около семи или восьми лет. Оба они с большим интересом рассматривали корабль. Чуть позади шла женщина, закрывая лицо краем головного покрывала. На руках она держала младенца, а рядом с ней шла маленькая девочка, вцепившись в складки ее юбки, боясь их выпустить даже на секунду. Женщина выглядела грузно из-за беременности, но Самуэлю она показалась поистине прекрасной — таким счастьем светились ее огромные и бездонные черные глаза.

3. Земля Обетованная

Внезапно Изекииль замолчал, и у Мариан это вызвало раздражение. Она вся превратилась в слух. Ее захватила история Исаака, Самуэля, Константина и Ирины, и захотелось узнать, что случилось дальше. Узнать, что почувствовал Самуэль, ступив на Землю Обетованную. Она не знала его прошлое, как их жизни сплелись с жизнями других мужчин и женщин. Но Изекииль, сын Самуэля, вдруг замолчал, вернув ее в реальность, в это утро, когда они встретились в квартире каменного дома на окраине Иерусалима. Мариан вспомнила, зачем здесь находится, и снова овладела собой.

— Такова история моего дедушки Исаака и отца, Самуэля, — заключил Изекииль, — но как я вижу, вы так и не выпили чай, и он остыл.

— Простите, я слушала с большим интересом, — искренне призналась Мариан.

— Если хотите, могу сделать еще чая или кофе, — дружелюбно сказал старик.

— Если не сложно... — ответила она. Ей нужно было время. Время подумать. Она хотела знать больше и не могла довольствоваться лишь образом Самуэля, спускающегося на землю Яффы.

Когда зазвонил телефон, снова разорвав тишину, Мариан вздрогнула. Изекииль поднялся, его старые суставы хрустнули.

— Простите, — сказал он, выходя из гостиной.

Когда он вернулся, Мариан сидела очень тихо, перелистывая блокнот, который достала из сумки, в котором своим четким почерком делала заметки о людях, о которых только что рассказал ей Изекииль Цукер.

— Я вам помешал? — спросил он с налетом иронии в голосе.

— Нет, конечно же, нет. Дело в том... В общем, я просто проверяла свои заметки. Я уже сказала вам, что разговаривала со многими людьми, некоторые из них — живущие здесь палестинцы, как раз рядом с вашим домом. И... у них есть своя версия этой истории.

— Разумеется. А как же иначе. Хотите найти соответствие между их историей и моей?

— Ну, не совсем. А впрочем... Судите сами: эти две версии отличаются друг от друга.

— Давайте мы с вами поступим так: вы мне расскажете, как трактуют факты эти люди, а потом сравним, в чем наши версии совпадают. Думаю, результат может оказаться весьма любопытным.

— Вас действительно интересует версия палестинцев?

— Боюсь, вы пребываете во власти предрассудков. Так вы мне расскажете или нет?

Мариан начала рассказывать историю, которую слышала от Вади Зияда.

***

Мальчик ощутил на себе взгляд незнакомого человека, стоявшего на самом носу корабля. Его заинтересовал этот человек, одетый во все черное, но вскоре он позабыл о нем, заглядевшись, как парят чайки над их головами.

— Когда-нибудь ты тоже отправишься в путь на таком же корабле, — сказал сыну Ахмед Зияд.

— И куда же я поплыву? — спросил мальчик, крепко сжимая руку отца. — Я не хочу никуда ехать, я хочу быть с тобой.

— Разве ты не хочешь стать врачом? — спросил отец. — Нам бы с мамой очень хотелось, чтобы ты учился. Врачом быть хорошо.

— Чтобы лечить тебя, если ты заболеешь?

— Да, конечно, чтобы лечить меня и твою маму, и твоих братьев, и сестренку, и еще многих людей, которые нуждаются в помощи врача.

— Но мне нравится пасти наших коз и ухаживать за апельсиновым садом.

— Это ты сейчас так думаешь. А когда ты вырастешь, ты будешь счастлив, что стал врачом. Вот увидишь.

— Если для того, чтобы стать врачом, я должен буду уехать, тогда лучше я не буду врачом, — ответил мальчик, которого ввергала в тоску одна мысль о том, что ему придется расстаться с родителями.

Между тем, семейство продолжало прогуливаться вдоль пирса, вдыхая не сентябрьски раскаленный воздух.

Они встали еще до рассвета, чтобы прибыть в порт одними из первых. Ахмед нагрузил тележку фруктами из своего сада — теми знаменитыми круглыми и сладкими яффскими апельсинами, выручка от продажи которых составляла немалую часть их бюджета. Кроме апельсинов он вез на продажу бурдюк с оливками, а также овощи, которые вместе со своей женой Диной любовно вырастил у себя в саду.

Ахмед чрезвычайно гордился своими овощами и радовался, что их так охотно раскупают. Его отец всю жизнь проработал на земле, и он с детства восхищался его мудростью и знаниями, когда лучше сеять, как бороться с вредителями, как правильно выбрать время для сбора урожая.

Ахмед любил свой надел почти с такой же страстью, с какой Дина любила своих детей, и нередко говорил себе, что, когда дети подрастут, трудно будет представить лучших помощников. С гордостью смотрел он на растущее чрево своей жены, готовое дать жизнь новому отпрыску — а, быть может, и еще многим другим. Они с Диной мечтали, что один из сыновей станет врачом, и самые большие надежды возлагали на первенца, Мухаммеда. А пока он радовался, что Аллах благоволит к нему, посылая обильные урожаи, чтобы он мог выплачивать аренду хозяину этой земли. Да, этот участок земли, который давал ему пропитание и который он любил, как свой собственный, на самом деле ему не принадлежал. Так же, как и карьер, где он вместе с другими односельчанами добывал камень, которому искусные руки мастера-каменотеса давали новую жизнь. И карьер, и сад — все это принадлежало одной вифлеемской семье, которая еще несколько десятилетий назад переехала жить в Каир — своего рода филиал Константинополя, великой столицы мира, где и несла свою службу султану.

Семейство Абан было очень богатым; они владели двумя торговыми кораблями, бороздившими Средиземное море. Ахмед только один раз в жизни видел представителя этой семьи — да и то очень давно. Он был еще подростком, когда однажды отец объявил за ужином, что их собирается посетить хозяин этих земель.

Когда настал этот великий день, Ахмеду довелось сопровождать отца на встречу с этим всемогущим Абаном, который всё жаловался, что все эти сады близ Священного города не приносят почти никакого дохода.

Ахмед был прямо-таки поражен роскошью наряда господина Абана. Голубой тюрбан, расшитый золотой нитью, кафтан, покрытый богатой вышивкой, туфли из тонкой кожи. Но более всего поразили Ахмеда белые холеные руки с длинными пальцами и ухоженными

ногтями; он даже представить не мог, что бывают такие руки.

Господин Абан был богатым человеком, незнакомым с тяжелым трудом крестьян, в поте лица растящих лучшие на свете земные плоды. Ахмед невольно перевел взгляд на руки отца — мозолистые, сильные, с искривленными пальцами, с черной каймой под ногтями, запорошенные белой пылью карьера. Его собственные руки уже сейчас мало чем отличались от отцовских, а в скором времени им предстояло стать такими же мозолистыми и грубыми, как у отца.

Ахмед плохо помнил, о чем же, собственно, они говорили; ему лишь запомнилось, что тот человек посоветовал отцу быть более старательным, ибо он собирается в недалеком будущем повысить арендную плату, и, если отцу она покажется слишком высокой, то придется искать другого арендатора. Что касается цен на камень, то они не слишком интересовали владельца, заявившего, что он все равно собирается продать каменоломню.

В тягостном молчании отец и сын вернулись домой. Отец был совершенно раздавлен услышанным, а сын чувствовал жгучую ненависть к этому человеку, претендующего на плоды этой земли, которую он не обрабатывал. Хотелось бы знать, известно ли этому господину, что такое саранча или песчаная буря, сметающая все на своем пути?

Тем не менее, отец не сказал по этому поводу ни единого слова ни ему, ни братьям, и лишь ночью о чем-то долго шептался с матерью.

Теперь Ахмед работал на этой земле вместе со своим шурином Хасаном, братом Дины.

У Ахмеда были четыре замужние сестры. Две старшие вместе с мужьями жили в Хевроне, в то время как две младшие вышли замуж за местных жителей — каменотесов, как и Ахмед. Он считал настоящим благословением Божим, что они вместе со своими семьями не претендуют на его сад: иначе он бы не смог выплачивать аренду господину Абану.

Он любил эти земли, расположенные между Иерусалимом и Иудейской пустыней. Каждый день, на закате, он выходил на порог своего дома и любовался картиной Священного города.

Ахмед любил кормившую его землю, но ничуть не меньше он любил Иерусалим. Он искренне верил, что ни один город не может с ним сравниться, даже Дамаск или Каир. Ведь не случайно именно Иерусалим выбрал пророк Мухаммед, чтобы вознестись на небеса. И он гордился тем, что имеет возможность молиться в Куполе Скалы ^[7], ступать по ее каменным плитам, освященным благословением самого Пророка.

Этим утром Ахмед любовался пришвартованным французским судном, ожидая, когда на горизонте покажется силуэт хозяйского корабля — красивой шхуны, возившей товары в Каир, Дамаск и многие другие города, названий которых Ахмед даже не слышал.

Сегодня Ахмеду предстояло дать отчет некоему Али — человеку, которого из года в год присылал Ибрагим, сын того самого господина Абана, которого он видел в детстве. Али, его доверенный слуга, был пожилым египтянином, скупавшим и продававшим товары от имени своего хозяина, а также взимавшим арендную плату со здешних крестьян.

— Смотри, папа, вон там, слева! Там — корабль господина Абана! — закричал Мухаммед, указывая на смутную тень, мелькнувшую на горизонте.

— Где? Не вижу... — ответил Ахмед, пытаясь разглядеть силуэт корабля.

Лишь спустя какое-то время стало понятно, что это действительно шхуна, которая приближается к берегу, покачиваясь на волнах, готовясь войти в порт Яффы.

Тем временем Ахмед разговорился с молодым человеком, сошедшим на берег с

французского торгового судна. Он был среднего роста, стройный, с темно-русыми волосами и серо-голубыми глазами, которые сейчас казались совсем синими. Он был скромно одет и приветливо улыбался.

Молодой человек спросил у Ахмеда, как добраться до Иерусалима.

Ахмед объяснил знаками, как удобнее всего добраться в Священный город. Он без труда понял, о чем его спрашивают, несмотря на то, что незнакомец разговаривал на чужом языке, которого Ахмед совершенно не знал. С некоторых пор на палестинский берег стали во множестве высаживаться евреи из Европы, говорившие на странном языке, который они называли «идиш». Кроме того, этот иностранец пытался бормотать какие-то фразы на ломаном арабском. Ахмед посоветовал ему гостиницу, в которой останавливались иностранцы, ступившие на землю Яффы — главным образом, англичане.

Молодой человек, казалось, не вполне его понял, потому что снова спросил, где он сможет остановиться, если уж не получается сегодня уехать в Иерусалим.

Ахмеда ждал долгий и трудный день. Ему предстояло дожидаться прибытия шхуны, а затем он должен был встретиться с Али, чтобы в черед других арендаторов отчитаться перед управляющим господина Ибрагима Абана.

Сегодня они переночуют в доме кухни жены, а завтра на рассвете отправятся домой с пустой тележкой и частью выручки от продажи овощей на яффском базаре, которая останется у них после выплаты арендной платы.

— Он еврей? — спросил Мухаммед после того, как незнакомец, поговорив с его отцом, направился своей дорогой.

— Похоже на то. Бедняга, он выглядит совсем потерянным. Надеюсь, что по дороге его не ограбят.

Ахмед оставил Дину и детей в доме ее кухни. Там они будут в безопасности, а пока он рассчитается с Али, женщины отправятся на рынок, смеясь и болтая, а потом, как всегда, приготовят что-нибудь вкусное на ужин. Кухина Дины была непревзойденной кулинаркой.

Али поприветствовал арендаторов с некоторой сдержанностью, которая должна была напомнить, что он выступает от имени господина Ибрагима Абана.

Арендаторы как всегда нервничали, боясь рассердить всемогущего управляющего. Кто-то нервно сжимал край туники, другие заламывали руки; тот переминался с ноги на ногу, этот что-то бормотал сквозь зубы. И каждый отчаянно надеялся услышать из уст Али благодатное известие, что господин Абан согласен продлить аренду, и, следовательно, им не придется покидать свои жилища.

Ахмед знал, что семейство Абан владеет большим домом в Каире, неподалеку от берегов Нила, а также другим большим домом — в Стамбуле. Именно там находились истоки их удачи и благоденствия, поскольку их предки верой и правдой служили султану.

Брата господина Ибрагима звали Абдул Абан, и он жил неподалеку от двора султана. Это был высокопоставленный чиновник, управляющий финансами самого султана, в то время как господин Ибрагим проживал в Каире, занимаясь строительством.

Доходы от палестинских владений, доставшихся им от отца, братья делили пополам; впрочем, Ибрагим всегда проявлял особый интерес к маленькой каменоломне неподалеку от Иерусалима, камень из которой под солнечными лучами казался золотистым.

Мухаммед очень злился, что ему не позволили сопровождать отца в контору, где тот должен был встретиться с Али — причем, не только потому, что его одолевало любопытство; прежде всего, его до крайности раздражало, что его считают маленьким, и из-

за этого он вынужден сидеть дома вместе с женщинами. Мухаммеду уже надоело слушать бесконечные пересуды матери с кухней; его совершенно не интересовало, как готовить то или иное блюдо или как делать припарки от кашля. Иногда они выпроваживали Мухаммеда поиграть во двор, а сами начинали о чем-то шептаться. Мухаммед пытался подслушивать, но так и не смог в их тихом шепоте разобрать ни слова.

Дети материнской кухни были еще слишком маленькими, и играть с ними ему тоже было скучно.

— Пока ты, конечно, еще мал и несколько лет проведешь со мной, но — кто знает — быть, может, когда-нибудь ты поедешь в Каир изучать медицину, — сказал отец, выпустив его руку, чтобы выйти навстречу жене.

И Ахмед, и другие арендаторы отдали Али годовую аренду; многие так и не смогли собрать нужной суммы. Одни плакались на недород, другие жаловались, что заморозки и вредители погубили урожай. Лишь Ахмед и еще двое арендаторов смогли оправдать ожидания хозяина, выплатив все сполна; однако, когда до них дошла очередь, настроение Али было уже безнадежно испорчено.

— Ну и как, по-вашему, я предстану перед господином Ибрагимом с пустым кошельком? — возмутился Али. — Если вы не в состоянии как следует обрабатывать эту землю, хозяин ее продаст. Кстати говоря, в последние дни я только тем и занимаюсь, что ищу покупателя на один из этих садов, с которого ты — он ткнул пальцем в одного из арендаторов — не можешь получить ни единого апельсина. И что, по-твоему, я должен сказать хозяину? Ты думаешь, его волнует, что ты уже стар и больше не можешь как следует обрабатывать землю? Господин Ибрагим, да продлит Аллах его дни, как и дни его брата, господина Абдула, не станет терпеть нахлебников. Если ты не можешь работать — убирайся вон с его земли!

Старик бросился на колени перед Али, умоляя оставить ему апельсиновый сад, ведь не его вина, что в этом году саранча уничтожила весь урожай.

— Аллах не благословил меня сыновьями, послав мне лишь дочерей, которые теперь принадлежат своим мужьям. Мне некому помочь, но я сделаю все, что в моих силах, лишь бы порадовать господина Ибрагима.

— Добросердечие нашего господина имеет свои пределы, — отрезал Али. — В конце концов, у него тоже есть семья, о которой он должен заботиться. У меня с собой его приказ, согласно которому я должен выставить на продажу один из земельных участков, а для других найти новых арендаторов. Не сомневаюсь, что дочери будут рады взять тебя с женой. Аллах не велит детям бросать престарелых родителей.

Один за другим крестьяне выслушивали распоряжения хозяина относительно их участков земли, на которых жили и работали многие поколения их предков. Али оставался совершенно безучастным к мольбам и просьбам, один за другим оглашая приговоры.

Ахмед почувствовал, как по спине его стекает холодный пот. Несмотря на жару, он вдруг поежился, словно от холода.

Али, казалось, не обращал на него внимания. Тем не менее, Ахмед не сомневался, что, когда до него дойдет очередь, приговор будет столь же суровым. Он вспомнил, сколько денег у него в кошельке. Сумма, конечно, была смехотворной, но, по крайней мере, он пришел не с пустыми руками. Что же касается карьера, то, пусть даже продать камень сейчас и впрямь труднее, чем в былые годы, но карьер по-прежнему приносит доход, хотя, возможно, владельцу он и кажется недостаточным.

Когда же Али решил наконец отпустить работников, Ахмед, облегченно вздохнув, направился к выходу, радуясь, что гроза миновала и его не постигла участь товарищей. Но он рано обрадовался. Сердце замерло у него в груди, когда Али повелительным жестом приказал ему вернуться.

— Наши хозяева всегда выказывали особую привязанность к твоей семье, — начал Али, глядя в испуганные глаза Ахмеда.

— Мы все им верно служили, — ответил тот. — И я, и мой отец, и отец моего отца, и многие до него; и, надеюсь, после меня так же верно будут им служить мои дети.

— Да, твой отец служил ему верой и правдой, и ты тоже, а вот твои дети... лишь Аллах ведает...

— Я научу их всему, что знаю сам, и они будут служить хозяевам так же верно, — ответил Ахмед.

— Господин Ибрагим уже весьма и весьма немолод. Он уже не тот, что прежде, и последние годы жизни хочет провести в тишине и покое. Торговля камнем отнимает много сил, которых у него уже нет. Перевозка каменных блоков обходится слишком дорого. Он говорит, что иерусалимский камень — особенный, что само солнце напоило его своим золотым сиянием. Да, этот камень очень красив, но даже его красота не окупает стоимости разработки карьера. С каждым годом торговля идет все хуже, а доходов, полученных за последние годы, едва хватает, чтобы покрыть издержки.

Ахмед вздрогнул. Он не хотел унижаться перед этим человеком, не хотел показывать ему, какую боль причиняют ему эти слова. Он боялся, что Али заметит капли пота, выступившие у него на лбу, или как он переминается с ноги на ногу, не находя себе места от волнения. Внезапно он ощутил острую боль в желудке и непреодолимое желание оказаться как можно дальше отсюда, лишь бы не слышать тех ужасных слов, которые вот-вот должен был произнести Али.

— Господин Ибрагим уже давно просил меня найти человека, который купил бы этот карьер, — продолжал между тем Али. — Человека, который будет заинтересован в его дальнейшей разработке. Быть может, новый владелец карьера захочет, чтобы ты продолжал на него работать. Господин попросил меня рекомендовать тебя покупателю как отличного работника — просто из расположения к тебе и твоей семье, а также ко всем твоим предкам, которые им верно служили. Ну что ж, я все сказал, ты можешь идти. Я на несколько дней задержусь в Палестине. Спустишь в карьер, увидимся там; мне хотелось бы решить этот вопрос прежде, чем я уеду, иначе мне придется возвращаться, а мне бы не хотелось колесить по этой пыльной выжженной пустыне больше, чем это необходимо.

Ахмед хотел что-то ответить, но слова застряли у него в глотке — настолько он был ошеломлен услышанным. Али смерил его нетерпеливым взглядом.

— Ступай, — повторил он.

— Не могу, — ответил Ахмед, все больше холодея под безразличным взглядом Али.

— То есть как не можешь? Чего ты не можешь?

— Я не могу потерять этот карьер: это всё, что у нас есть. Мы будем работать из последних сил, будем долбить этот камень, мы поможем вам его продавать... Но пусть хозяин не отнимает у нас карьер.

— Отнимает карьер? У кого это? Он принадлежит господину и его брату, как прежде принадлежал его отцу, а еще раньше — отцу его отца. Как и вся эта земля, по которой ты ходишь каждый день. Ты должен быть благодарен нашему господину уже за то, что он

оставил тебе хотя бы твой сад, который, кстати, тоже не приносит почти никакого дохода. А теперь ступай, Ахмед, ты же знаешь, у меня много дел.

Выйдя из конторы, Ахмед прислонился к стене, устало закрыв глаза, подставив лицо иссушающему ветру пустыни, от дуновения которого трескались даже камни. Он не знал, куда ему идти и что делать. Он чувствовал себя слишком подавленным, чтобы предстать сейчас перед Диной. Как он сможет ей объяснить, что судьба повернулась к нему спиной — и может быть, навсегда?

Он долго и бесцельно бродил по пирсу, равнодушно глядя, как снуют туда-сюда пассажиры. Он даже не представлял, как будет теперь содержать семью. Доходов от продажи фруктов из сада явно недостаточно, чтобы выплачивать аренду хозяину. Конечно, он мог бы попытаться найти другую работу, но что он умел делать, кроме как тесать камень? Он мог бы перебраться в Хеврон, где жила его старшая сестра, но на что они стали бы там жить?

До самого позднего вечера он бесцельно бродил по городу, и лишь на закате вернулся домой, к жене и детям.

Кузина Дины уже накрывала ужин в маленьком белом дворике. Мухаммед бросился навстречу отцу.

— Папа, почему ты так поздно? — упрекнул его малыш.

Дина радостно встретила его с маленьким Измаилом на руках.

— Смотри, он уснул, — произнесла она шепотом.

— А как Айша? — справился Ахмед о дочери.

— Айша на кухне, помогает моей кузине... то есть, это она так думает, что помогает, а на самом деле она уже разбила тарелку с хумусом, — улыбнулась Дина. — Посиди пока с мужем кузины, сейчас будем ужинать.

Весь вечер Ахмед был неразговорчив. На все вопросы он отвечал односложно, и вскоре удалился в свой угол, где им постелили на полу.

— Завтра придется встать очень рано, мы должны выйти из дома еще до рассвета, — сказал он.

— К чему такая спешка? — удивились родные.

Когда чуть позже к нему пришла Дина, Ахмед притворился спящим. Ему и самому нужно было поговорить с женой, но он собирался сделать это у себя дома, где никто не увидит ее слез, ибо он не сомневался, что она заплачет.

Ахмед так и не смог уснуть и все ворочался с боку на бок; в конце концов, он решил встать — очень осторожно, стараясь не разбудить Дину. Он вышел на улицу, где его окутала ночная мгла. Не было видно ни звездочки, а небо казалось таким же черным, как их собственное будущее.

Чтобы скоротать время, он решил запрячь мула в повозку и погрузить в нее покупки жены. Он еще не успел покончить с этим, когда увидел, что жена проснулась и отправилась на его поиски.

— Что ты здесь делаешь? Сестра сказала, что Измаил плачет не умолкая и не дает ей спать. У нашего сына жар, а когда он кашляет... вот посмотри, он снова кашляет кровью.

Слова Дины не на шутку его обеспокоили. Измаилу не было еще и года, и он был склонен к простудам.

Малыш горел, словно в огне, и действительно плакал не умолкая, несмотря на то, что Дина не спускала его с рук.

Они приготовили для малыша травяной отвар, однако они с большим трудом смогли заставить его сделать пару глотков.

Дина пыталась унять лихорадку при помощи кусочков ткани, смоченных в холодной воде.

— Чистое безумие — куда-то ехать, когда ваш ребенок в таком состоянии, — решительно заявила кузина. — Оставайтесь у нас, а я пошлю за врачом.

— Нам лучше вернуться домой, — ответил Ахмед.

— Но малыш... — начала Дина, но, взглянув на мужа, опустила глаза и замолчала. По его глазам она поняла, что возражать бессмысленно. Он решил ехать — значит, так тому и быть.

Мухаммед помог отцу устроить в повозке маму и брата Измаила. Затем втащил туда же сестренку Айшу и велел ей замолчать.

Прощание было кратким: Ахмеду, обеспокоенному состоянием Измаила, не терпелось отправиться в дорогу. Из дома они выехали еще до рассвета.

Мухаммед сидел на облучке рядом с Ахмедом, весьма обеспокоенный угрюмым молчанием своего отца, который на все вопросы отвечал односложно и весьма неохотно.

Они как раз покидали дом дининой кузины, когда вдруг увидели бегущего к ним человека. Ахмед узнал того самого юношу, который накануне спрашивал, как добраться до Иерусалима. Ахмед остановил повозку исключительно из вежливости; в эту минуту ему совершенно не хотелось ни с кем разговаривать, а тем более кого-то подвозить.

Молодой человек, которого, как оказалось, звали Самуэль, спросил, не позволят ли ему поехать с ними. Ахмед даже не знал, что и сказать, и попытался знаками объяснить, что один из его детей болен. Услышав это, юноша попросил показать ему ребенка. Дина отказывалась показывать малыша, у которого снова поднялась температура, и он опять начал кашлять кровью. Однако Самуэль продолжал настаивать, и в конце концов Ахмед велел Дине показать Измаила.

Тот довольно долго осматривал малыша, а затем достал из сумки флакон с какой-то жидкостью и велел Дине дать Измаилу ложку этого снадобья. Дина поначалу отказывалась: слишком уж подозрительным казался ей незнакомец. Ахмед с трудом разбирал, о чем он говорит, и смог понять лишь то, что его сын тяжело болен, и что снадобье облегчит его страдания. Он отчаянно боялся за жизнь Измаила и все раздумывал, продолжать ли им путь в Иерусалим или все-таки вернуться в Яффу. В Священном городе был один очень хороший врач, пожилой еврей, который когда-то лечил его отца, когда у него парализовало левую сторону тела. Этот еврей сразу честно сказал, что средства от этой напасти не существует, но честно старался облегчить страдания больного при помощи лекарств, собственноручно им приготовленных. Позднее он часто навещал отца, и тот питал к нему глубокое уважение.

Этот молодой человек, похоже, тоже был евреем; во всяком случае, он говорил на том же языке, что и другие евреи, во множестве прибывавшие из стран столь далеких, что Ахмед даже представить не мог, где они находятся. Все они были полны решимости стать земледельцами, хотя было ясно с первого взгляда, что ни один из них никогда в жизни не брался за плуг и не держал в руках лопаты. Этот, кстати, тоже был мало похож на крестьянина; скорее его можно было принять за аптекаря, судя по тому, как спокойно и властно он велел Дине дать Измаилу микстуру.

Кашель действительно успокоился, два малыша проглотил ложку густой желтоватой жидкости, которую незнакомец налил из флакона.

— Как ты можешь доверять этому человеку? — запротестовала Дина. — Мы его знать не знаем. А что, если он отравит нашего сына?

— Он — аптекарь, а возможно, даже врач, — ответил Ахмед.

— Но пойми ты наконец, мы не знаем этого человека! — не сдавалась Дина. — А вдруг он — шарлатан? Мы должны вернуться в Яффу...

— Молчи, жена! Мы поедem в Иерусалим и покажем Измаила врачу-еврею. Он скажет, что можно сделать. Вот посмотри, лекарство, которое он дал нашему сыну, уже действует: он меньше плачет.

— Но он снова стал кашлять, и опять с кровью.

Ахмед, несмотря на то, что чувствовал себя совершенно разбитым, не желал останавливаться ни на минуту. Даже ночью, забыв об отдыхе, они продолжали путь, невзирая на все опасности, что таились во мгле, подстерегая неосторожных путников. Хорошо что незнакомец предложил Ахмеду сменить его на козлах, так что тот смог ненадолго вздремнуть.

Только к вечеру следующего дня они достигли Священного города. Дыхание Измаила стало не таким затрудненным. Самуэль говорил, что нужно давать ему побольше микстуры.

Несмотря на поздний час, Ахмед решил отвезти Измаила к врачу-еврею. Мухаммед и Айша выглядели совсем измученными, как, впрочем, и Дина — но для той важнее всего было вылечить малыша.

— Сейчас мы идем к этому еврею, — пояснил Ахмед Дине, когда они подошли к Дамаскским воротам, ведущим в Старый город.

— А этот? — спросила она, кивая на Самуэля.

— Он пойдет с нами; если он врач, то поможет или хотя бы что-то посоветует.

Вскоре они добрались до дома врача, который находился совсем недалеко от Стены Плача. Ахмед постучал в дверь; на стук вышла пожилая женщина и попросила их немного подождать в прихожей, пока она предупредит врача. Вскоре она вернулась и поманила их за собой.

Старый Абрам Йонах сердечно обнял Ахмеда, сразу признав в нем сына своего хорошего друга, чью кончину он так искренне оплакивал. Но он не стал тратить время на обмен любезностями и сразу приступил к осмотру Измаила. Тем временем Ахмед признался, что не уверен, действительно ли этот молодой человек — аптекарь, однако он дал малышу сироп и какие-то капли, от которых ему на какое-то время стало лучше. Но теперь ребенок вновь начал кашлять кровью.

Врач обратился к Самуэлю на идиш.

— Вы — врач? Если это так, то вам должно быть ясно: у ребенка — туберкулез. В подобных случаях очень мало что можно сделать.

— Я химик, учился в Санкт-Петербурге, — ответил Самуэль. — Мой учитель, ко всему прочему, был еще и фармацевтом, и я иногда помогал ему в больнице. Там я часто наблюдал те же симптомы, которые вижу у этого мальчика.

— Так вы — русский?

— Да, из Царства Польского. Мое имя — Самуэль Цукер.

— Значит, вы — еврей.

— Да, — подтвердил Самуэль. — А вы? Вы откуда приехали?

— Ниоткуда. Я здесь родился, так же, как и мой отец, и отец моего отца, и отец отца моего отца. Наша семья никогда не покидала этих мест. Все мои предки рождались, жили и

умирали на этой земле. Они не склонялись перед захватчиками, они страдали, терпели лишения, но не переставали молить Всевышнего о возвращении Иерусалима. Вас это удивляет?

— Я не слишком много знаю о Палестине, — осторожно признался Самуэль.

— Скажите, что вы давали Измаилу? — продолжал расспрашивать старик.

— Травяной отвар от кашля и жаропонижающие капли. Вот только боюсь, все это не слишком ему помогло. А вы сможете ему помочь?

— К сожалению, нет; вы ведь и сами знаете, туберкулез нельзя вылечить. Я могу сделать лишь то, что уже сделали вы: прописать ему лекарство от кашля. Да и то, ваше средство оказалось действеннее.

Затем Абрам объяснил Ахмеду, что молодой человек, которого он привел — действительно химик, и микстура, которую тот давал Измаилу, действительно успокаивает кашель. При этом старик честно признался Ахмеду, что не в его власти вылечить Измаила.

Затем он дал Ахмеду несколько склянок с лекарствами и подробно рассказал, как и в каких дозах давать их малышу.

— Он выживет? — допытывалась Дина, крепко сжимая сына в объятиях.

— Одному Богу это известно, — ответил Абрам.

В воздухе повисло скорбное молчание. Ахмед и Дина с тоской смотрели друг на друга, гадая, выживет ли их сын. Самуэль, видя их горе, не решался спросить, где он мог бы найти ночлег.

К счастью, Абрам спросил об этом сам.

— Где вы собираетесь ночевать?

— Не знаю. Я впервые в этом городе и надеюсь, что вы мне что-то посоветуете, — ответил Самуэль.

— Но ведь уже совсем поздно. Я попрошу Ахмеда, он устроит вас на чердаке.

Ахмед не решился отказать в убежище человеку, которого одобрил столь уважаемый им врач; человеку, который помог Измаилу и впредь тоже мог оказаться весьма полезным. Быть может, Ахмед и выставил бы чужака из дома, если бы не опасался, что ночью Измаилу снова может стать хуже. Поэтому он пригласил Самуэля под свой кров, предупредив при этом, что дом у него совсем маленький, и спать ему придется в тесной комнатухе на чердаке, где хранится садовый инвентарь и семена для огорода.

Самуэль охотно согласился.

— Приходите завтра, — сказал врач Самуэлю. — Расскажите мне о своих планах, и может статься, что я чем-то вам помогу. Ах, да, и присматривайте за малышом, у него опять может начаться жар. Да что я вам говорю, вы и сами все знаете, — закончил он с глубокой печалью во взгляде.

Было уже совсем поздно, когда они добрались до дома Ахмеда. Ночная тишина окутала землю, когда они разглядели притаившийся среди деревьев небольшой каменный дом, а затем проследовали во внутренний дворик, наполненный запахом цветов.

Ахмед показал Самуэлю, где он будет спать, а Дина дала кусок сыра и горсть инжира, Самуэль принял угощение с большой благодарностью, поскольку не ел уже несколько часов и успел проголодаться.

Однако, едва он успел уснуть, как его разбудил Мухаммед.

— Отец вас зовет, моему брату совсем худо, — сказал мальчик.

Страхнув с себя сон, Самуэль последовал за Мухаммедом в дом, где горько плакала Дина, сжимая в объятиях Измаила.

Самуэль попросил положить ребенка на кровать и подложить ему под голову подушку, чтобы облегчить дыхание. Затем поинтересовался на своем примитивном арабском, давали ли ребенку какие-либо лекарства. Она кивнула, указывая на флаконы, которыми снабдил ее Абрам. Самуэль попросил нагреть воды и принести немного муки, чтобы, смешав ее с разными травами, запарить кипятком и сделать компресс, который затем приложил ребенку на грудь.

Ахмед молчал, как и его старший сын Мухаммед, которому передалась мрачная тревога отца.

Остаток ночи они провели, обсуждая состояние маленького Измаила, который по-прежнему кашлял кровью. Бедный малыш так и не сомкнул глаз до самого рассвета.

— Температура упала, но весьма незначительно, — сказал Самуэль Ахмеду, — зато теперь он будет спать спокойно. Тебе с женой тоже нужно отдохнуть — хоть немножко. Я присмотрю за малышом.

Дина не хотела даже слышать о том, чтобы оставить ребенка, но Ахмед сказал, что перед работой ей нужно поспать. Айшу и Мухаммеда тоже сморил сон.

Сам Ахмед растянулся на полу возле кровати Измаила, закрыл глаза и заснул.

Самуэль вместе с Диной остался присматривать за малышом. Она, казалось, была искренне благодарна ему за помощь. Старый врач-еврей заверил их, что этот человек — химик, то есть почти что аптекарь, и теперь Дина немного успокоилась: уж он-то знает, как облегчить кашель Измаила! Воистину, сам Аллах послал им этого человека!

Дина не могла не признать, что благодаря ему у Измаила прошел жар, из-за которого она так терзалась, так винила себя! Вне всяких сомнений, ей с больным ребенком следовало остаться дома. Но Измаил, казалось, чувствовал себя не так уж плохо, и она в конце концов решилась сопровождать мужа в Яффу. Помимо всего прочего, ей не хотелось огорчать Мухаммеда, для которого поездка в Яффу вместе с отцом стала настоящим праздником, и он был бы очень расстроен, если бы его этого праздника лишили. То же самое касалось и Айши: девочке было всего пять лет, и даже кратковременная разлука с матерью стала бы для нее настоящим горем.

И, конечно, она переживала за Ахмеда. Она сердцем чуяла: надвигается беда. После встречи с Али, управляющим господина Ибрагима, ее муж вернулся совершенно подавленным. Весь вечер он почти не разговаривал с гостями мужа кухни, и даже спать ушел раньше, чем позволяли приличия. Она знала, что муж проснулся, когда она легла рядом, но не стала донимать его своими расспросами. Ахмед был добрым и заботливым мужем, но очень не любил, когда Дина начинала приставать к нему с вопросами, на которые он не хотел отвечать. Ей пришлось научиться ждать, и она знала, что мужу нужно время, чтобы дозреть до серьезного разговора, и тогда он сам ей все расскажет. Нужно только подождать — и он сам откроет ей свою душу, как всегда делал в подобных случаях.

Самуэль не спеша потягивал чай, который приготвила для него Дина. Она выглядела усталой, но все же нашла в себе силы улыбнуться, чтобы поблагодарить его за бессонную ночь, проведенную у изголовья маленького Измаила. Ребенку теперь и в самом деле стало легче дышать. Время от времени Самуэль клал ему на лоб влажную ткань, чтобы снизить температуру.

Через некоторое время Дина разбудила Ахмеда. Ему пора было вставать, чтобы идти на

работу в карьер. Она гордилась тем, что господа Абан доверили ему пост бригадира. Ее муж был весьма достойным человеком и по праву считался самым лучшим работником. Он всегда самым первым приходил на работу в карьер и последним его покидал. Остальные рабочие его уважали и относились к нему как к родственнику.

Дина принесла ему таз с водой. Ахмед умылся, выпил чашку чаю, после чего жестами выразил Самуэлю свою благодарность. Затем увел Дину в дальний угол комнаты.

— Этот человек должен уйти, — сказал он. — Ты не можешь оставаться наедине с незнакомцем.

Дина стала его уговаривать, чтобы он позволил Самуэлю остаться с Измаилом.

— Не нужно за меня бояться, Мухаммед не отойдет от меня ни на шаг. Кроме того, я могу попросить мою мать, чтобы она побыла с нами. Она чувствует себя совсем потерянной с тех пор, как овдовела, к тому же ты знаешь, она не ладит с женой моего брата. Она будет рада погостить у нас; только нужно прямо сейчас отправить за ней Мухаммеда, чтобы она пришла к нам до того, как ты уйдешь.

Саида, мать Дины, жила неподалеку вместе со своим старшим сыном Хасаном и его женой. Дома Ахмеда и Хасана разделяло лишь несколько сотен метров; эти два дома мало чем отличались друг от друга — с той лишь разницей, что дом Хасана принадлежал ему самому. Хасан сделал неплохую карьеру, работая от зари до зари; начал он с должности помощника одного пожилого иерусалимского торговца, который обучил его всему, что знал и умел сам, и в конце концов проникся к нему таким доверием, что поставил во главе своего бейрутского, а затем и стамбульского торгового дома. Таким образом, он сумел заработать весьма приличное состояние, что дало ему возможность жениться на Лейле, дочери другого купца, а также купить в Иерусалиме собственный дом с хорошим садом.

Ахмед по-прежнему колебался, полагая, что все равно негоже оставлять жену в обществе незнакомца.

Дина молча ожидала, что решит муж. Если Ахмед не позволит Самуэлю остаться в доме, она не посмеет возражать, но он знал, что ее это расстроит. Однако его беспокоила не столько Дина, или что подумают соседи, а прежде всего Измаил. Этот человек как будто знал, как справиться с жаром, а Ахмед боялся, что в его отсутствие с ребенком случится что-то страшное.

Не в силах больше видеть безмерную тоску в глазах Дины, он разбудил Мухаммеда и велел ему немедленно бежать в дом бабушки и передать, чтобы она пришла как можно скорее. Он решил, что не уйдет из дома, пока не прибудет Саида, пусть даже это будет стоить ему опоздания на работу в карьер, куда в любую минуту мог навеститься Али, управляющий господина Абана. Но честь семьи была для него превыше всего, поэтому он дождался возвращения Мухаммеда, за которым следовала бабушка.

После традиционного обмена приветствиями Ахмед попросил тещу не спускать с Дины глаз. Саида пообещала, что никуда не уйдет из дома, и даже предложила остаться, пока Измаил не поправится.

Для нее было настоящим облегчением покинуть дом невестки — необычайно ленивой женщины. Однако та была женой старшего сына и, согласно обычаю, Саида должна была жить в ее доме, хотя сама она предпочла бы жить с Диной. Она уже давно склонялась к мысли попроситься жить к дочери и зятю, но при этом боялась обидеть своего первенца, и поэтому молчала. Теперь же болезнь Измаила дала ей отличный повод покинуть богатый и уютный дом своей невестки, где она вынуждена была жить.

Хасан, ее сын, очень любил и уважал мать, но при этом был слишком влюблен в свою жену Лейлу, очень красивую женщину, которая вила из него веревки, так что Саиде оставалось лишь помалкивать, вести домашнее хозяйство и присматривать за внуками Халедом и Салахом, двумя очаровательными мальчиками. Саида неоднократно задавалась вопросом, позволит ли ей невестка остаться в доме, когда мальчики вырастут и обзаведутся своими семьями.

Ахмед отправился в карьер, весьма недовольный тем, что в доме у него остался посторонний мужчина. Но поскольку вместе с ним и Диной в доме была Саида, по крайней мере, приличия были соблюдены.

Ахмед вернулся домой лишь поздно вечером, сходя с ума от беспокойства. Неподалеку от дома он увидел маленькую Айю, играющую с другими девочками.

Мухаммед встретил его в дверях. При виде отца его личико озарилось счастливой улыбкой.

— Я все сделал, как ты просил, — доложил он отцу прямо с порога. — Ни на шаг не отходил от мамы.

Улыбнувшись в ответ, Ахмед растрепал ему волосы. Славный парнишка растет, с гордостью подумал о нем отец. Он сделает все, чтобы отправить его в Стамбул или Каир — учиться на врача.

Самуэль сидел возле кровати Измаила, пока Дина вместе с матерью готовила ужин.

Женщины наперебой принялись рассказывать, что Самуэль весь день не отходил от ребенка, которому не стало ни лучше, не хуже.

Ахмед от души поблагодарил гостя и предложил разделить с ними ужин. Самуэль не стал отказываться. Он совершенно не представлял, куда ему идти и что делать.

Дина попросила мужа, чтобы он позволил Саиде пожить у них еще несколько дней, пока Измаил хоть немножко поправится.

— Поговори об этом с Хасаном, ладно? Скажи ему, что мне очень нужна мамина помощь. Она присматривает за домом, за Айшой, к тому же она знает, как успокоить Измаила. Я думаю, мой брат согласится — если ты, конечно, не против...

Разумеется, он был не против. Он очень ценил и уважал Саиду и прекрасно знал, как нуждается Дина в присутствии матери.

— Завтра я схожу к твоему брату и постараюсь его уговорить, чтобы он отпустил к нам твою мать насовсем.

— О большем я и мечтать не могла! — воскликнула Дина. — Вот только боюсь, Хасан не согласится, ведь ему известно, как ленива его жена, и для них обоих очень удобно, что мама делает всю работу, которой брезгует Лейла.

— Я с ним поговорю, — твердо произнес Ахмед, давая понять, что вопрос исчерпан.

Пока мужчины ужинали, Саида присматривала за детьми.

— Дине нужно поспать, — сказала она. — Если ребенку станет хуже, я вас разбужу.

В конце концов Ахмеду удалось уговорить Дину лечь, хоть ей и не хотелось оставлять больного ребенка.

— Твоя мать права. Ты должна набраться сил, Абрам сказал, что малыш совсем плох, и один Аллах ведает, сколько он еще пробудет с нами, но в любом случае он нуждается в твоей помощи. Так что тебе нужно поспать, а мама присмотрит за малышом. Да и я за ним пригляжу, если что.

Еврей молча наблюдал за ними. Казалось, он чрезвычайно обеспокоен судьбой

Измаила.

— Ты весь день работал, тебе нужно отдохнуть, — сказал Самуэль. — Твоя теща тоже сбилась с ног, помогая твоей жене по хозяйству. Если ты позволишь остаться мне еще на одну ночь, я посижу с твоим сыном.

Ахмед задумался над словами еврея. Он по-прежнему не был уверен, можно ли ему доверять, однако до сих пор тот вел себя корректно и соблюдал все приличия, как и договаривались.

— Хорошо, можешь остаться еще на одну ночь, поскольку ты — химик, и знаешь, как облегчить страдания моего сына; но я буду спать здесь же, на полу, возле его кровати. Обещай, что разбудишь меня, если ему станет хуже.

Так они и поступили. Ахмед сразу уснул, но через два часа снова проснулся от ночной прохлады и увидел, как еврей дает его сыну ложку микстуры. При этом он заметил, как бледен его сын. Как он мог быть настолько слеп, чтобы не замечал раньше, что его сын тяжело болен? Никак нельзя было трогать его с места и увозить из Яффы; это его вина, что малыш совсем разболелся.

Самуэль, казалось, прочел его мысли.

— Не вини себя. Туберкулез коварен. Бывают дни, когда больному кажется, что он идет на поправку, но потом ему становится еще хуже. С этим можно бороться, но невозможно победить. Главное, что Измаил не страдает, эти лекарства и впрямь принесли ему облегчение.

Ахмед понял, что больше не сможет уснуть, и предложил молодому человеку сменить его у постели сына. Самуэль растянулся на полу и тут же уснул.

Дина подошла к кровати Измаила; малыш все никак не мог успокоиться. Ахмед знал, что бесполезно уговаривать ее лечь.

Утром мальш, измученный лихорадкой, едва смог открыть глаза. Ахмед послал Мухаммеда в карьер, чтобы тот предупредил, что отец сегодня задержится. Ему нужно было отнести Измаила к врачу-еврею. Ахмед готов был сделать все от него зависящее, лишь бы спасти сына. Он не желал примириться с тем, что его сын может умереть, тем более — задохнуться во время приступа кашля.

К счастью, с ними была Саида, которая могла присмотреть за домом и маленькой Айшей. Мухаммед, вернувшись из карьера, тут же отправился в дом дяди, чтобы предупредить, что бабушка останется у них еще по меньшей мере на один день. Потом Ахмед улучит минутку и поговорит с шурином. Сейчас главное — Измаил. И, тем не менее, дрожь пробегала по его телу всякий раз, когда он вспоминал об Али, который в любую минуту мог объявить, что продал карьер и его сад. Что тогда будет с ними со всеми? А ведь он еще ничего не сказал Дине о своем разговоре с Али. Он понимал, что она должна всем узнать — но позднее. Не сейчас, когда ее сын так тяжело болен.

Самуэль увязался за ним следом. Ахмед был не в восторге от его компании и по дороге решил, что непременно поговорит с Абрамом Йонахом, чтобы тот куда-нибудь пристроил этого парня, которого он не желал терпеть в своем доме. Нечего ему здесь делать. Ахмед уже исполнил свой долг гостеприимного хозяина, позволив этому чужаку задержаться у себя на две ночи. А теперь пусть идет своей дорогой!

Когда они добрались до дома Абрама, дверь им открыла Рахиль, его жена.

— Мой муж ушел проведать больного, но он скоро вернется.

Она оказалась права. Старый врач-еврей действительно вернулся через несколько минут и тут же осторожно осмотрел Измаила, спрашивая у Самуэля, что он думает о состоянии ребенка. Когда он закончил осмотр, лицо его стало строгим и печальным.

— К сожалению, Ахмед, я ничего не могу поделать. Жизнь твоего сына в руках Божьих; в этих краях нет врачей, обладающих достаточными знаниями и мудростью, чтобы спасти его. Я могу лишь попытаться облегчить его страдания.

Дина зарыдала. Ей до боли хотелось услышать от Абрама другие слова; пусть он даже обманет, но пусть не отнимает надежду. Как он мог сказать, что ее сын умирает? Почему он должен умереть? Чем успел провиниться Измаил, чтобы карать его так жестоко? Да, он отправится в рай, но не слишком ли рано ему туда: ведь он еще так мал? Воистину неисповедимы пути Аллаха, и, если бы она посмела, она возроптала бы против него: зачем он отнимает у нее любимого сына?

Врач-еврей предложил родителям кое-какие лекарства для Измаила, но при этом не нашел ни единого слова, чтобы их обнадежить; Самуэля он попросил подождать в соседней комнате.

Перед самым уходом до Ахмеда из соседней комнаты донесся чей-то голос, который показался ему знакомым. Несколько мужчин что-то горячо обсуждали, а один голос... не принадлежал ли он Али? Ахмед постарался себя убедить, что это невозможно. В самом деле, что Али делать в доме врача-еврея? Разве что он заболел и пришел к врачу за советом и лекарствами. Но Али не был похож на больного — так что Ахмед, должно быть, просто ослышался.

Они простились с Абрамом. Врач попросил разрешения навещать Измаила.

— Конечно, заходите, когда пожелаете, мы будем вам очень рады, — ответил Ахмед, без всякого, впрочем, энтузиазма.

Отвезя домой Дину и Измаила, он быстрым шагом направился в карьер, где провел весь день, каждую минуту ожидая дурных вестей, что Измаилу вновь стало хуже. К тому же его весьма удивляло, что Али так и не появился, однако оба шурина уверяли, что никто его не спрашивал.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда Ахмед, снедаемый тревогой за Измаила, наконец вернулся домой. Еще издали он увидел, что перед дверью его дома толпятся какие-то незнакомые люди. Ускорив шаг, Ахмед пересек сад и оказался в маленьком домашнем палисаднике, где увидел Дину и Мухаммеда, они разговаривали с какими-то чужими людьми. Он разглядел троих изможденных мужчин, одетых в поношенные рубахи, сплошь покрытые заплатами, светловолосую женщину и девочку примерно одних лет с Мухаммедом.

Ахмед сделал шаг в сторону Дины.

— Папа... — голос Мухаммеда звенел от бессильной ярости.

— Что здесь происходит? — спросил Ахмед.

— Вскоре после полудня пришел господин Али, — еле выговорила Дина сквозь слезы. — Оказалось, что он продал наш сад, наш дом, нашу землю...

— Позвольте мне объяснить, — с этими словами Самуэль шагнул навстречу Ахмеду, глаза которого сверкнули гневом.

— Итак, ты решил присвоить мой дом... — начал тот.

— Нет, вовсе нет. Видишь ли, когда мы были у врача, я вышел в другую комнату, где встретил этих людей; они беседовали с египетским торговцем по имени Али. По-видимому,

Али знал, что еврейские переселенцы хотят купить эту землю, чтобы обосноваться здесь. Уж не знаю, что он делал в доме Аврама Йонаха, но, так или иначе, врач познакомил его с этими людьми — кстати, они приехали из Вильно. Али рассказал, что его хозяин желает продать кое-какие не нужные ему участки, а именно: твой сад и его окрестности. Абрам Йонах очень расстроился и сказал, что ты — хороший человек, что у тебя большая семья, что вам некуда идти, и хозяин не может выбросить вас на улицу. На это Али ответил, что хозяин поручил ему продать землю, и что, если он не продаст ее этим людям, то все равно должен будет продать кому-то другому. Уверяю тебя, Абрам сделал все возможное, чтобы убедить Али продать другую землю, но тот ничего не хотел знать. И тогда я... Понимаешь, у меня не так много денег, но я честно пытался выкупить вашу землю, чтобы вы не остались без крова, но моих скромных средств оказалось недостаточно. В конце концов я договорился с этими людьми, что мы купим эту землю в складчину. Я поставил им лишь одно условие: что вы по-прежнему останетесь жить в своем доме и работать в своем саду. А мы все будем жить и работать по соседству, на тех землях, которые вы еще не обрабатывали.

— Господин Али сказал, что он уже сообщил тебе о решении господина Абана и что завтра он пойдет в карьер... — произнесла Дина, не смея поднять на мужа виноватых глаз.

Ахмед протянул руку, и Самуэль передал ему купчую. Тот едва взглянул на бумагу и тут же вернул ее Самуэлю.

— Итак, теперь мой дом принадлежит вам, и сад тоже, — сказал он. — Так чего же вы еще хотите от нас?

— Ничего, Ахмед, — поспешил ответить Самуэль. — Ровным счетом ничего. Уверяю тебя, что ни я, ни эти люди не причиним тебе никакого вреда. Ты знаешь, что многие евреи приезжают в Палестину, чтобы поднимать собственное хозяйство. Именно это мы и собираемся делать, но даю тебе слово, что твой сад мы не тронем.

— Сколько я должен заплатить, чтобы вернуть свой дом?

— Прошу тебя, Ахмед, не стоит считать нас врагами...

— В доме вас негде положить, так что вам придется спать во дворе — если, конечно, вы не собираетесь вышвырнуть нас на улицу.

— Ты же знаешь, что мы не собираемся этого делать. Прошу тебя, поверь мне! Я понимаю, ты не знаешь меня, у тебя нет причин мне доверять, но я клянусь тебе, что не причиню вам зла.

Ахмед ничего не ответил. Не глядя на Самуэля, он вошел в дом; за ним последовали Дина и Мухаммед. Они не закрыли за собой дверь, но и не пригласили его войти. Измаил плакал на руках у своей бабушки Саиды, а Айша разводила огонь в очаге.

— У мальчика жар, его снова лихорадит, — обеспокоенно заметила Саида.

Ахмед тронул пылающий от жара лобик сына.

— Измаил, сынок, — прошептал он, забирая ребенка у тещи и укачивая его на руках.

— Лихорадка его совсем измучила, — сказала Саида, кладя ему на лоб смоченный в холодной воде платок.

— Присмотрите пока за мальчиком, я должен поговорить с женой, — сказал он, увлекая Дину в спальню.

— Ты ведь давно знал, что это случится? — упрекнула его жена. — И ничего мне не сказал!..

— Я не хотел говорить об этом в доме твоей сестры, хотел подождать, когда мы вернемся домой. Но потом Измаилу стало хуже...

— И что же нас теперь ждет? Или ты веришь, что этот еврей, Самуэль, сказал тебе правду?

— Не знаю. Но так или иначе, теперь все наше имущество принадлежит ему и его друзьям. Был бы Измаил здоров, мы могли бы перебраться в другое место, но что мы можем сделать сейчас? Хотим мы этого или нет, а нам придется оставаться здесь. Будем надеяться, что наш малыш поправится.

— Он сказал нам с Мухаммедом, что не собирается отнимать у нас землю, что он сделал это лишь для того, чтобы помочь. Другие тоже что-то говорили, но я не смогла понять, ведь я не знаю их языка.

— А женщины?

— Самуэль сказал, что старшая — жена одного из этих людей, а девочка — его дочь. Они пожимали мне руки, стараясь успокоить, и очень дружелюбно улыбались. Женщину зовут Кася, а девочку — Марина. Мы ведь позволим им здесь переночевать?

— Теперь это его дом, и я надеюсь, что он позволит мне здесь ночевать, — ответил Ахмед, и по его тону Дина поняла, как унизительна для него эта ситуация.

— Не расстраивайся, быть может, они окажутся даже лучшими хозяевами, чем господин Абан. Но скажи, что теперь будет с карьером? Али сказал, что хочет завтра повидаться с тобой...

— Карьер господин Абан тоже собирается продавать, если уже не продал...

— Аллах этого не допустит! Тебя уволят!

— Али сказал, что найдет мне другое место.

— И ты поверил? После того, что он с нами сделал? Чем мы ему не угодили? Сколько лет мы исправно платили за эту землю, отказывая себе в самом необходимом, а теперь он продал ее этим евреям!

— Тише, Дина. К чему все эти вопросы? Ты все равно не получишь на них иного ответа, кроме того, что уже дал нам Али. Господа Абан желают, чтобы их дела процветали, а карьер и сад не дают почти никакого дохода; прибыль, которую они дают, едва покрывает расходы на их содержание. Эта земля едва способна прокормить лишь тех, кто на ней работает.

Обняв жену, он вместе с ней прошел в комнату, где стояла кровать Измаила — возле самого очага, чтобы ребенок все время был в тепле. Там же сидели Саида, Айша и Мухаммед, в угрюмом молчании дожидаясь возвращения родителей.

Ахмед вышел из дома, чтобы поговорить с Самуэлем и остальными новыми владельцами своего дома.

— Мне собирать пожитки — или как? — угрюмо спросил он.

— Мне бы хотелось, чтобы ты позволил женщинам переночевать в вашем доме. Об остальных не беспокойтесь — мы вполне можем ночевать и во дворе. А еще мы бы хотели купить у вас какой-нибудь еды...

Касю и Марину Дина поместила в той же комнате, которую Айша делила со своей бабушкой Саидой; конечно, здесь было несколько тесновато, но, по крайней мере, им не пришлось ночевать под открытым небом.

Кася знаками предложила Дине помочь чем-нибудь по хозяйству, однако та отказалась. При этом она не слишком охотно дала женщине буханку хлеба, ломоть козьего сыра и кувшин воды. Ей совсем не хотелось делиться своими драгоценными припасами неизвестно с кем.

Наутро Ахмед увидел, как чужаки осматривают землю, которая теперь стала их законной собственностью. Весь участок земли, кроме дома и небольшого апельсинового сада, теперь захватил Самуэль со своими оборванцами. Ахмед нехотя подошел к ним, не скрывая своего дурного настроения. Он чувствовал себя совершенно измученным. Всю ночь он не спал, укачивая Измаила. Саида и Дина тоже нуждались в отдыхе, но жена не даже слышать не желала о том, чтобы хоть на минуту оставить ребенка. К рассвету Саида уже едва держалась на ногах, и Ахмеду удалось уговорить ее прилечь. Самому же ему удалось поспать не более пары часов.

— Мы собираемся построить здесь дома, где будем жить, — пояснил Самуэль. — Первым делом мы построим дом для Якова, Каси и Марины. А нам с Луи и Ариэлем вполне хватит пока и одной комнаты на троих. Кроме того, мы построим загон и хлев для наших животных, а также сарай для хранения инвентаря.

— Короче говоря, сколько я должен заплатить?

— Ты мог бы помочь нам, одолжив кое-какие инструменты и материалы на первое время. Но мы вовсе не хотим вас стеснять. А еще ты мог бы поделиться с нами овощами и фруктами из твоего сада. Только не подумай ничего такого, мы вовсе не собираемся вас эксплуатировать. Мы сами ненавидим тех, кто эксплуатирует крестьян — таких, как ты. Уверяю тебя, мы не те люди, которые вас угнетают.

— Мой дом остается только моим лишь до тех пор, пока я плачу аренду, — гордо ответил Ахмед.

— Не хочу тебя обидеть, но я не знаю, сколько ты можешь платить.

В конце концов они договорились, что он будет выплачивать им столько же, сколько платил господину Абану.

— А эти люди? — осведомился он напоследок.

— Мне кажется, это хорошие люди. Я познакомился с ними вчера, так же, как и ты. Видишь, как безоглядно я вручил им собственную судьбу. Они мечтают лишь о том, чтобы жить и работать на земле наших предков и питаться плодами своих трудов. Яков прежде был учителем в деревне недалеко от Вильно; Ариэль и Луи жили в Москве, работали на заводе.

— Ты точно уверен, что с ними незнаком?

— Поверь мне, я вчера их впервые увидел.

— И тем не менее, ты заключаешь сделки с людьми, которых впервые видишь...

— Не думаю, что мы заключили такую уж выгодную сделку, купив эту землю, — ответил Самуэль. — Пройдут многие месяцы, прежде чем мы сможем разгрести эти камни и заложить собственный сад. А ты поможешь нам и научишь работать на земле... Это и будет твоей платой.

Что касается Али, то Ахмед вновь увидел его лишь спустя два дня, когда тот появился в карьере в сопровождении незнакомого высокого человека с большими и сильными руками.

— Позвольте представить вам Иеремию, вашего нового хозяина. Я сказал ему, что вы — хорошие работники, но окончательное решение будет принимать он.

Али казался весьма довольным, что ему удалось так выгодно продать земли господина Абана.

Иеремия сказал, что причиной столь низкого дохода, который приносил карьер в последние годы, было неумелое его использование, и объявил, что отныне все будет иначе.

— Я не собираюсь никого увольнять — по крайней мере, сейчас, — заявил он. — Но я потребую от вас настоящей работы. Я сам буду приходить сюда каждый день, и ни от кого не

потребую ничего такого, чего не делал бы сам. Что же касается тебя, Ахмед, то Али говорит, что ты — хороший мастер; если это и в самом деле так, ты останешься на своей должности; если же нет, то я возьму вместо тебя другого.

Ахмед вернулся домой, весьма озадаченный. Иеремия показался ему довольно угрюмым. Весь день он провел в карьере, таская камни вместе с остальными рабочими и делясь с ними собственным обедом, но никому это не доставило никакой радости, ибо за весь день он ни разу не улыбнулся.

У себя в саду Ахмед застал Самуэля и Касю — они носили воду из колодца. Ахмед был весьма раздражен появлением этих людей в его владениях, которые он все еще считал своими.

— Потом мы выроем собственный колодец, — заверил Самуэль. — Или хотя бы проведем водопровод в наши дома, чтобы не было проблемы с водой.

— И тогда нам не придется бегать туда-сюда с кувшинами, — добавила Кася на том странном языке, на котором говорили евреи.

Он молча кивнул. Слишком много перемен произошло за этот день. Он должен был привыкнуть, что у него теперь новый хозяин, и хозяин этот — не господин Абан.

— Как дела в карьере? — спросил Самуэль.

— Господин Абан продал карьер, так что у нас теперь новый хозяин — такой же еврей, как ты, его зовут Иеремия.

— Я знаю, — кивнул Самуэль. — Я с ним познакомился в доме Аврама. Мне кажется, он хороший человек. Вся его семья погибла во время погрома, и это, быть может, испортило его характер, но можно ли осуждать человека, у которого убили всех близких?

— И кто же их убил?

— Видишь ли, евреев не любят ни в России, ни в других землях, принадлежащих Империи, да и в остальных местах нас тоже не жалуют.

— И чем же вы им так насолили?

— Чем насолили? Да ничем — ну разве что мы молимся Яхве, а наши обряды несколько отличаются и от христианских, и от ваших, мусульманских.

Исмаил умер декабрьским утром. Дина всю ночь поддерживала огонь, но озноб у малыша так и не прошел. Накануне вечером пришел старый Аврам, чтобы осмотреть ребенка, и шепнул Ахмеду, что малыш уже одной ногой в могиле.

Дина и Саида накрыли покрывалом умершего ребенка, пока Ахмед сидел, закрыв лицо руками, чтобы Айша и Мухаммед не видели, как он плачет.

После смерти Исмаила Дина слегла. Ей оставалось всего несколько дней до родов, и мать уговаривала ее съесть хоть что-нибудь, вразумляя, что скоро у нее появится еще один ребенок, и ей понадобятся силы. Но Дина мечтала лишь о том, чтобы уснуть, чтобы ее душа хотя бы во сне могла встретиться с Исмаилом.

Кася, как могла, старалась ее утешить, но Дина едва понимала тот чудовищный набор слов, который та называла арабским языком. Марина тоже предложила свою помощь — хотя бы присмотреть за Айшой.

Исмаила похоронили в углу сада среди азалий. Через три дня у Дины начались роды, и Саида послала за повитухой. Два дня и две ночи весь дом не смыкал глаз. Роды оказались очень тяжелыми.

Самуэль предложил послать за Аврамом в надежде, что тот поможет Дине родить. Однако Ахмед колебался. Испокон веков роды принимали исключительно женщины, и он не

мог понять, в чем проблема. Дина рожала уже не в первый раз, и Ахмед никак не мог взять в толк, чем же эти ее роды отличаются от предыдущих. В конце концов он все же разрешил Самуэлю послать за врачом. Однако, когда Абрам наконец пришел, оказалось, что уже поздно. и сделать ничего нельзя.

Это была настоящая трагедия. Ребенок родился мертвым. Дина тоже стояла на пороге могилы, и все дрожали от страха, готовясь услышать ее полный отчаяния вопль, когда она узнает, что этот ее ребенок тоже умер.

Ахмед был уверен, что чем-то прогневал судьбу, и она повернулась к нему спиной. Он не сомневался, что всему виной этот чужак. Ведь именно с тех пор, как он встретил этого еврея, на его голову посыпались все эти несчастья; хотя он не мог не признать, что новый владелец его земли оказался намного лучше, чем когда-либо был господин Абан. Самуэль обращался с ним, как с равным, прислушивался к его советам, как вспахать землю, построить загон или чем кормить коз.

Дом, который построили для себя эти люди, был таким же скромным, как и его собственный. Они работали от зари до зари и всегда были готовы поделиться всем, что имели. Самуэль считался их главой, но он ни разу не принял ни одного решения, не посоветовавшись с другими членами общины, включая Касю. Эта женщина, по-видимому, пользовалась у них большим уважением, и ее мнение имело немалый вес.

«Мы — социалисты» — изо дня в день повторял Яков.

Слыша эти слова, Ахмед лишь пожимал плечами. Он не вполне понимал, что означает это слово, но ему казалось, что оно относится не только к тем людям, что живут в нескольких шагах от него, но и вообще ко всем евреям, приезжающим в Палестину, чтобы основать так называемые «земледельческие колонии», где все будет общим и не будет частной собственности.

Самуэль вызывал у Ахмеда противоречивые чувства. С одной стороны, Ахмеду не в чем было его упрекнуть; напротив, Самуэль относился к нему, как к другу. Но с другой стороны, почему Ахмед должен ему доверять? Ведь Самуэль был чужаком, который думал, говорил и действовал совершенно иначе, чем он сам. К тому же он был чрезвычайно удивлен, обнаружив, что ни Самуэль, ни его друзья не ходят в синагогу. Они называли себя евреями, но при этом не соблюдали законов Божьих.

Что же касается Каси, то, по мнению Ахмеда, она не питала к мужу должного почтения, споря с ним на глазах у всех и публично отстаивая собственное мнение. Она, конечно, не была дурной женщиной; напротив, очень заботились о Дине, и в конце концов даже Саида невольно прониклась к ней симпатией. Однако сам Ахмед был не в восторге, что она постоянно толчется у него дома. Не то чтобы Кася ему чем-то мешала, но ему казалось, что она оказывает дурное влияние на его женщин. Он бы ни за что не потерпел, если бы Дина на глазах у всех начала бы ему возражать. Он всегда прислушивался к советам своей супруги и порой даже им следовал, но эти разговоры никогда не выходили за пределы их супружеской спальни.

Да и вообще соседство этих евреев его угнетало. Они не знали даже азов земледелия, не в состоянии были отличить одни семена от других, не могли справиться с плугом, не имели представления, как построить даже самую убогую хижину. Но, как бы то ни было, ему пришлось смириться с тем, что они все равно никуда не денутся и нипочем не признают

своего поражения.

Со временем он привык к своим странным соседям и искренне привязался к Самуэлю.

4. Некоторое время спустя

Мариан замолчала. Ей очень хотелось закурить, и она задавалась вопросом, как отнесется к этому Изекииль, но вслух спросить не решалась. Кроме того, она знала, что курение в общественных местах в Израиле не приветствуется.

— Учитывая, как жили эти люди, когда мой отец приехал в Палестину... — сказал Изекииль, сверля Мариан пронзительным взглядом. — Ну что ж, в общем и целом это вполне совпадает с тем, что он мне рассказывал.

— Они не лгут, — ответила она, несколько задетая его язвительным замечанием.

— Я тоже не лгу. Но скажите, с кем вы разговаривали в семье Ахмеда Зияда?

— Я не могу вам об этом сказать.

— Ну что ж, ваше право. Хотя, конечно, интересно было бы знать.

— Зачем вам это? Что от этого изменится? Вы живете на той земле, где когда-то стояла их деревушка, и они для вас — не более, чем тени из прошлого.

— А знаете, меня заинтересовала ваша история. Причем гораздо больше, чем вы можете себе представить.

— Рада слышать. Только теперь ваша очередь продолжать историю — в собственной версии.

***

Неоднократно Самуэль задумывался, от каких мелочей порой зависит жизнь. Ведь если бы Исмаил не заболел, и он не напросился бы сопровождать в дом врача эту крестьянскую семью, он никогда не встретился бы с Али и своими нынешними друзьями-евреями, в складчину с которыми купил эту землю.

Вскоре он заметил, что в дом Абрама Йонаха часто навещают еврей-иммигранты. Всем было известно, что врач никогда не откажет в помощи тем, кто изъявил желание стать частью Земли Обетованной.

Абрам Йонах был знаком с сэром Мозесом Монтефиори — выдающейся личностью, английским евреем, который много помогал своим братьям, обосновавшимся в Палестине, щедро ссужая средства на развитие мелких предприятий и сельскохозяйственных колоний. Врач также рассказывал, что многие палестинские евреи не видят ничего хорошего в том, что в страну прибывают все новые иммигранты. Но, разумеется, к Абраму это не имело отношения: как раз он-то делал все, чтобы помочь Монтефиори в его благотворительной деятельности, которой, кстати, несколько позднее занялись ставленники барона Ротшильда, который также делал все возможное, чтобы помочь евреям обосноваться на Земле Обетованной.

В тот день, когда умер Исмаил, Абрам помог Якову, Луи и Ариэлю окончательно оформить сделку с Али, управляющим господина Абана, который согласился продать землю и карьер. Кстати говоря, многие палестинские арабы прибежали к помощи врача, когда искали покупателя на свои владения. В основном это были богатые и могущественные люди, жившие в Дамаске, Каире и даже далеком Стамбуле, которые были только рады избавиться от палестинских угодий. Кому нужны эти засушливые земли, где люди мрут от малярии, словно мухи? Только этим чудакам-евреям, понаехавшим из Европы в глупой надежде

превратить эту пустыню в цветущий сад. Так что пусть забирают, если им так приспичило, а прежним владельцам, живущим в Дамаске или Каире, от этих земель все равно нет никакого прока, одна головная боль.

Самуэль часто задавался вопросом, что же заставило его соединить судьбу с судьбами Якова, Ариэля и Луи. Тогда еще он не знал, согласятся ли они выкупить участок земли, где жил Ахмед со своей семьей. Пусть тогда земли у них будет больше, но ведь и расходов это потребует немалых.

Али был чрезвычайно доволен сделкой; он не сомневался, что господин Абан щедро его отблагодарит.

Нет, он нисколько не раскаивался и ни о чем не жалел, но каждую ночь он проклинал свою поясницу, которая просто разламывалась от боли после целого дня пахоты, выворачивания камней и выдирания сорняков.

В первые годы его также сильно уязвляла подчеркнутая отстраненность Ахмеда; казалось, он провел между ними невидимую черту. Заслужить его дружбу и доверие оказалось весьма нелегко. А вот Кася и Дина, напротив, очень скоро стали хорошими подругами. Марина присматривала за Айшой, как за младшей сестрой, и делилась с Мухаммедом своими детскими тайнами. Но Ахмед упорно не желал их принимать, пусть даже они и никогда не относились к нему так, как другие землевладельцы относятся к своим арендаторам, а держались на равных.

Кася убедила Самуэля, что, помимо работы на земле, он должен продолжать готовить лекарства.

— Ты же химик и мог бы неплохо зарабатывать на своих лекарствах. Старый Абрам жалуется, что ему не всегда удается найти необходимые медикаменты.

— Но я вовсе не аптекарь, — запротестовал он.

— Так это почти то же самое.

Он был благодарен за этот совет, ибо он позволил создать свое личное пространство, свой собственный уголок частной жизни. Никто не стал возражать, что он оборудовал себе маленький сарайчик, где занимался составлением лекарств. Он даже положил тюфяк в углу — на случай, если вдруг заработается допоздна.

По совету Абрама, Луи прожил все лето в одной сельскохозяйственной общине, основанной евреями из России. Там он научился всему, что должен знать и уметь земледелец. Когда он вернулся из кибуца [\[8\]](#), то предложил дать их колонии имя.

— Давайте назовем ее Садам надежды, в честь одной из первых наших общин, которая, увы, приказала долго жить после эпидемии малярии, — сказал он.

— Но это слишком уж напоминает «Врата надежды», — возразила Кася.

— Да, конечно, но разве мы все не исполнены надежды, что однажды здесь расцветут сады? — ответил Луи.

Те первые годы были нелегкими для Самуэля и его новых друзей. Земля Палестины не источала молоко и мед, как это сказано в Библии.

Иерусалим окружали полунищие жалкие деревушки, о былом величии которых напоминали одни лишь громкие названия: Хеврон, Цфат, Тверия, Хайфа, Назарет, Иерихон...

Палестина принадлежала турецкой империи, а наместники султана были сплошь коррумпированными чиновниками, которые предпочитали не замечать нападений бедуинов, или старостами в поселениях, расположенных на дороге в Иерусалим, которые втридорога

драли пошлину с прибывающих.

Так что Самуэлю весьма нелегко было приспособиться к новой жизни, как и его друзьям. Яков происходил из семьи торговцев из Вильно. Отец во что бы то ни стало хотел, чтобы сын получил образование, и не пожалел сил и средств, чтобы тот стал учителем. Правда, законы в России были таковы, что учить он мог только других евреев; но при этом он твердо решил, что будет обучать детей русскому языку, чтобы они имели возможность расширить свой кругозор, а не ограничивать свое существование тем тесным мирком, где говорили на идиш. Кроме того, Яков мог изъясняться и на иврите; этому священному языку его обучил в свое время дядя-раввин. Когда Яков твердо решил, что уедет в Палестину, он настоял, чтобы Кася и Марина выучили хотя бы несколько фраз на турецком. Однако сам Яков этим не ограничился; хотя днем он разговаривал главным образом по-русски или на иврите, а со своими друзьями — еще и на идиш, но по вечерам, когда Кася ложилась спать, он изучал другие языки и помимо турецкого выучил еще немецкий и арабский.

В своем дорожном сундуке он привез несколько романов Достоевского, а когда выдавалась свободная минутка, охотно читал Марине о приключениях Одиссея, о которых поведал Гомер.

Кася требовала, чтобы Яков не переставал читать и учиться. Сама она работала рядом с ним от рассвета до заката, и если муж заявлял, что сделает что-то вот так и вот этак, Кася всегда выслушивала, но, если была не согласна, не боялась вступать с ним в спор, и почти всегда ей удавалось его убедить. Яков почти во всем ей уступал, потому что в глубине души отлично знал, что жена гораздо лучше разбирается в сельском хозяйстве, причем, не потому, что родилась крестьянкой, а потому, что всеми силами старалась ею стать и наилучшим образом усвоить все то, чему учили ее Дина и Саида.

Дина и Саида от души восхищались светлыми волосами и голубыми глазами Каси и Марины. Мухаммеду Марина тоже очень нравилась, и вскоре они стали неразлучны — к великому неудовольствию Ахмеда.

Ахмеду очень не нравилась манера Каси подтыкать юбку, когда она полола траву, равно как и ее привычка расстегивать одну или две верхние пуговицы на блузке, если было слишком жарко, или закатывать рукава, оголяя руки выше локтей. Ахмед ничего не говорил по этому поводу, но Самуэль прямо кожей ощущал исходящее от него негодование, глядя, как Ахмед сжимает челюсти и отворачивается. Однако Кася упорно делала вид, будто ничего не замечает, причем вовсе не потому, что была глупа, а потому что считала, что лучший способ избежать неприятностей — просто не замечать неудовольствия Ахмеда.

Не вызывало сомнений, что со временем Марина станет настоящей красавицей. От отца она унаследовала стройную фигуру, длинные ноги и изящные руки; от матери — светлые волосы и ярко-синие глаза. Но было в ней также нечто такое, чего явно недоставало обоим ее родителям: жизнерадостность и ни с чем не сравнимый дар сопереживать всем вокруг.

Однажды Мухаммед признался подруге, что его отец хочет, чтобы он стал врачом, и собирается отправить его учиться в Стамбул или в Каир, и что это очень огорчает Мухаммеда. Марина постаралась его утешить, заявив, что, если он будет врачом, она станет его помощницей.

Самуэль очень подружился с Яковом и Касей, а также с Луи, а вот с Ариэлем, бывшим рабочим из Москвы, отношения оставались несколько натянутыми.

Луи был сыном какого-то французского бонвивана, который обрюхатил молодую еврейку. Отец Луи занимал видное положение в обществе и частенько наведывался в

Россию, в том числе и в Москву. Во время одной из таких поездок он и встретил будущую мать Луи. Незадолго до этой встречи он приехал в Москву и остановился в доме своих друзей. В один прекрасный день он вернулся домой с горящими от возбуждения глазами и признался хозяйке дома, что увидел на улице некую девушку. Очень красивую девушку, уточнил он. Он был прямо-таки одержим этой незнакомкой и дал себе слово, что не уедет из Москвы, пока не добьется ее взаимности. Надо сказать, это оказалось совсем непросто, но в конце концов девушка не устояла перед чарами француза, всегда столь галантного и внимательного.

Француз соблазнил девушку, и вскоре выяснилось, что она забеременела. Разумеется, пожениться они не могли, но он обещал заботиться о ребенке. Он купил довольно скромный домик, где и поселил их с матерью. Он навещал их по меньшей мере раз в год, но в конце концов настал день, когда отец больше не вернулся. Мать объяснила Луи, что его отец женился на девушке своего круга, и теперь они встречаться не будут. К счастью, он не забыл о них, и мать Луи каждый раз облегченно вздыхала, когда от него по почте приходили деньги. Конечно, она не могла дать сыну такое образование, о котором тот мечтал, но, по крайней мере, он выучил французский язык. «По крайней мере, — говорила ему мать, — ты говоришь по-французски. Тебе очень повезло, что отец всегда говорил с тобой на своем родном языке».

Луи был высоким, темноволосым и очень сильным. Он был моложе Самуэля — ему еще и двадцати пяти лет не исполнилось — и свято верил в социализм, как, впрочем, и Ариэль, с которым он познакомился на заводе.

Самуэль не понимал, как мог Луи подружиться с таким человеком, как Ариэль — настолько разными они были. Однако Луи всей душой был предан Ариэлю, которого считал своим наставником в вопросах политики. Это Ариэль открыл ему мир социализма, это Ариэль изо дня в день твердил, что он не должен оставаться в стороне, когда люди в царской России живут лишь немногим лучше, чем рабы. Это Ариэль уверял его, что проблема вовсе не в том, что они — евреи, а в том, что Россия оказалась в руках расточительных и бессовестных аристократов, но однажды настанет день, когда рабочие и крестьяне восстанут плечом к плечу, невзирая на религиозные взгляды. В конце концов оба дошли до такого отчаяния, что вслед за многими другими молодыми людьми решили последовать по стопам группы «Билу» и отбыть из России в Палестину, на родину своих предков, которых в давние времена оттуда изгнали. Друзья скопили немного денег, на которые и совершили довольно рискованное путешествие, которое закончилось в Яффе.

Каждую неделю Самуэль навещал Абрама. Врач стал его хорошим другом и охотно покупал у него лекарства. Кроме того, Самуэлю очень нравился сын Абрама, Иосиф, как и его жена Юдифь. Самуэль очень любил слушать, как Рахиль и Юдифь болтают на ладино — Мы с невесткой — испанки, — с гордостью поведала Рахиль.

Рахиль не переставала беспокоиться о Самуэле и без конца рассказывала ему разные истории об испанских евреях, изгнанных со своей родины и нашедших приют в Османской империи.

— Нам не в чем обвинить турок. Когда мои предки приехали в Салоники, они обрели там вторую родину. Там, неподалеку от двора султана, жило много влиятельных евреев, которые сумели заслужить доверие султанов. Ах, Салоники! Вы должны были о них слышать.

Абрам снисходительно улыбнулся: его всегда забавлял несокрушимый энтузиазм жены,

оживавший в ней всякий раз, когда заходил разговор о Сфараде ^[9].

— Мы родом из Дароки, это недалеко от Сарагосы, — говорила Рахиль, водя пальцем по старой карте, на которой отыскивала этот город в провинции Арагон, который ее предкам когда-то пришлось покинуть. — Там наш дом, и когда-нибудь мы туда вернемся. Со стороны испанцев было большой ошибкой выгнать нас из страны; султан Баязид принял нас, и к его услугам оказались золотые руки наших мастеров, мудрость наших ученых, предприимчивость наших торговцев. Султан был рад, когда мы обосновались в Салониках, и защитил нас. Кстати, вы знаете, что это наши предки шили форму для янычар — элитных войск турецкой армии? Представляете, насколько велико было его к нам доверие? Он доверил нам даже сбор налогов с купцов. Мы обладали более бурным темпераментом, чем другие евреи, и Салоники вскоре стали походять на испанский город.

— Вовсе не мусульман нам нужно бояться, а христиан, — добавила Юдифь. — Это они повинны во всех наших несчастьях. Османы никогда не требовали, чтобы мы отреклись от нашей веры; напротив, они уважают нас, ибо мы чтим одного с ними Бога и его пророков. Моя семья вынуждена была бежать из Толедо. Родители рассказывали, что их деды, а также деды их дедов на протяжении многих лет спокойно жили и процветали в Салониках. Один из моих предков даже служил в королевском архиве Блистательной Порты в Стамбуле.

Обе они — и свекровь, и невестка — обладали открытым и веселым характером, и Самуэль знал, что они всегда рады видеть его в своем доме, где Рахиль угощала его вкуснейшими блюдами испанской кухни, которые она умела готовить, как никто другой. Особенно любил Самуэль ее «испанский хлеб» — то есть миндальный бисквит, рецепт которого достался Рахили в наследство от матери, а той — от ее матери, и так до бесконечности.

— Тебе просто необходимо жениться, — советовал ему Абрам.

Однако Самуэль даже помыслить не мог о том, чтобы последовать совету врача: лицо Ирины, как живое, стояло у него перед глазами.

Ирина довольно часто ему писала, как, впрочем, и Михаил, и Мари. Писали ему и друзья — Ёзя и Константин Гольданский; благодаря им он знал, что происходит в Санкт-Петербурге.

Для Мари оказалось настоящим счастьем, что Ирина и Михаил живут с ней. Ирина стала для нее дочерью, которой у нее никогда не было, а Михаил — обожаемым внуком. Все были довольны, хотя Ирина жаловалась, что Мари слишком балует Михаила.

Мари умоляла его вернуться в Париж и наконец-то серьезно поговорить с Ириной: согласна ли она выйти за него замуж. Однако Самуэль все никак не решался. Письма Ирины были дружелюбны и вежливы, но в них не было ни единого намека на любовь. Самуэль не хотел себя обманывать; он знал, что Ирина не любит его, и что она счастлива в своей новой жизни, которую столь неожиданно обрела рядом с Мари.

Однажды вечером, во время одного из визитов к Абраму, старый врач спросил у Самуэля, не сможет ли тот принять группу вновь прибывших русских евреев.

— Они приехали несколько дней назад — бежали после неудачной попытки революции, — пояснил Абрам. — Им нужно где-то приклонить голову — так же, как ты нуждался в приюте, когда прибыл сюда шесть лет назад.

Самуэль кивнул. Вот уже шесть лет он жил в Палестине, и все это время в Иерусалим приходили новости из России. Так, он узнал, что в 1905 году в России произошло восстание против царя, которое было безжалостно подавлено. Константин Гольданский в одном из

писем подробно описал, что тогда произошло:

«Каким унижением было для нас проиграть войну японцам! Многие наши друзья считают, что не было смысла вообще ввязываться в эту войну, но как мы могли ее избежать? Мы не могли спустить японцам с рук всего того, что они себе позволяли, пусть даже в итоге это и привело к катастрофе. При посредничестве Соединенных Штатов, весьма многообещающей страны, было подписано соглашение о мире. Но, согласно этому самому Портсмутскому договору, как его называют, мы вынуждены были уступить Ляоян и Потр-Артур, а также отдать половину Сахалина и Манчжурскую равнину. Можешь ли ты представить себе худшую беду? Все это подняло волну народного недовольства, и революционеры этим воспользовались. Повсюду вспыхнуло множество бунтов. Самым страшным оказалось то, что теперь называют «Кровавым воскресеньем» — бойня, устроенная казаками императорской гвардии: когда толпа безоружных людей явилась к Зимнему дворцу, от имени царя был дан приказ открыть по ним огонь. Это была поистине роковая ошибка! Погибло двести человек и, чуется мое сердце, эта кровь — не последняя».

Письма Константина по-настоящему взволновали Самуэля; он много работал, и у него не оставалось ни времени, ни сил на размышления. Но сейчас он вдруг вспомнил, что ему уже тридцать четыре года, и руки его покрыты мозолями после пахоты. Лицо его утратило прежнюю бледность, потемнев от солнца и ветра. Он так и не признался Абраму, как удручает его то, что ни одна его мечта не сбылась. Порой он чувствовал себя автоматом, словно проживал не свою, а чью-то чужую жизнь, ибо сердце его навсегда осталось в Санкт-Петербурге.

— Они могут поселиться у нас и оставаться здесь, сколько пожелают, — ответил он. — Сколько их?

— Это довольно большая группа, — сказал Абрам. — Но кое-кто из них уже решил отправиться в Галилею, там есть наши колонии; другие хотят обосноваться на побережье, там легче купить землю: меньше проблем с властями. Но среди них есть люди, которые хотят остаться в Иерусалиме — по крайней мере, на какое-то время, и этим людям нужна работа.

— Мы уже обработали большую часть земли, которую купили у господина Абана; остался, правда, еще изрядный кусок, который мы еще не успели обработать. А впрочем, если Луи, Яков и Ариэль согласятся, эти люди могут остаться с нами.

— Не забудь про Касю, ведь последнее слово всегда остается за ней, — с улыбкой заметил Абрам.

Самуэль тоже улыбнулся. Разумеется, Абрам был прав: Кася была настоящим серым кардиналом их странной маленькой общины, и никто из них не посмел бы ей возражать.

Самуэль с первого взгляда проникся глубоким сочувствием к этим людям, которых представил ему Абрам. Их было одиннадцать человек: семеро мужчин и четыре женщины. Все они называли себя социалистами. Каким-то чудом им удалось выжить, несмотря на беспощадную травлю, устроенную царем после подавления революции 1905 года.

— Вы даже представить себе не можете эту картину: как тысячи людей, скованные цепью, бредут пешком в Сибирь, — рассказывал один из прибывших.

— Царская власть теперь сильна, как никогда, — заметил другой.

— Мы приняли на себя главный удар, — добавила одна из женщин. — Были страшные погромы в Киеве и Кишиневе... Убили сотни евреев.

— А всего хуже то, что мы ничего не сделали для того, чтобы защитить себя. По какому

праву мы позволяем нас убивать? Почему мы должны скрываться в надежде, что ярость наших палачей утихнет, и они забудут о нас?

Человека, который произнес эти слова, звали Николаем, и он производил впечатление главного в этой группе. Николай оказался писателем — во всяком случае, прежде он зарабатывал себе на жизнь, публикуя свои произведения о жизни евреев. Он вынул из кармана какие-то бумаги и протянул их Самуэлю.

— Вот, почитайте, это поэма Бялика. Вы знаете, кто такой Бялик?

Самуэль не знал, кто такой Бялик, но все же прочел его поэму под названием «В городе резни».

— Бялик в этой поэме возмущается пассивностью евреев, которые безропотно терпят, когда их убивают только за то, что они евреи. Вот почитай, почитай, что он пишет в этой поэме. Если мы сами себе не поможем, то нам никто не поможет. Но мы трусим, и совесть нас не мучает.

— Не требуй от нас героизма, — ответил Самуэль. — Достаточно и того, что мы делаем, чтобы здесь выжить.

— И это говоришь мне ты, которому самому пришлось бежать? — возмутился Николай. — Абрам рассказывал нам, как ты потерял всю семью: сначала мать, сестру и брата, а потом и отца.

— Если бы не это, я бы никогда не уехал из России. Не проходит и дня, чтобы я не тосковал по Санкт-Петербургу. Я так и остался здесь чужим.

— Чужим? Да ты с ума сошел! Это — земля наших предков, мы все отсюда родом, и мы не вправе никому ее уступать. Нас нигде не считали за людей — ни в России, ни в Германии, ни в Испании, ни во Франции, ни в Англии... Мы — евреи, этим все сказано, и наше место — здесь.

— Смотри, как бы тебя не подслушала турецкая полиция. Не забывай, что Палестина — это часть турецкой империи. Не стоит закрывать глаза на правду: мы всего лишь променяли одну империю на другую, и не более того. Когда-то эта земля была нашей, но теперь это, увы, не так, и лучше нам с этим смириться.

— А я думал, что султан Абдул-Хамид относится к нам благосклонно. Разве он не принимал у себя Теодора Герцля?

— Герцль действительно был в Стамбуле в 1901 году, и султан действительно оказал ему теплый прием, но мне кажется, что это был знак вежливости, и не более того. Герцль пытался добиться у турецкого правительства разрешения для евреев беспрепятственно селиться в Палестине. Однако ему это не удалось. Судя по тому, сколько препятствий чинят нам турки, едва ли им так уж нужны еврей-иммигранты, да еще в таких количествах. Герцль умер, так и не достигнув своей цели, а Давид Вольфсон, занявший место Герцля во главе Сионистской организации, оказался немногим удачливее.

Николай считал Теодора Герцля величайшим из людей. Он от души восхищался этим венгерским журналистом, который, будучи евреем, никогда не жил по иудейским законам. В Вене он изучал право и там же стал свидетелем роста антисемитизма в Австрии. Судьба заставила его держать при себе свои взгляды, ведь иначе он не смог бы стать ни адвокатом, ни, тем более, корреспондентом одной из венских газет, и уж совершенно точно не получил бы места в парижской торговой фирме. В Париже он стал свидетелем дела Дрейфуса, которое потрясло его до глубины души. Ведь если Франция обвинила в государственной измене одного из самых верных своих солдат лишь потому, что он был евреем, то чего

хорошего можно ждать от такой страны?

Слова Самуэля пропали втуне. Николай ничего не хотел слушать, равно как и остальные члены его группы.

— Пришел час, когда мы, евреи, можем сказать, что прибыли в Палестину не как трусы, бежавшие со своей родины, а вернулись в свой настоящий дом, который наконец обрели. Кроме того, здесь, в Палестине, мы сможем доказать всему миру, что построить социализм действительно возможно. Россия умирает, — пылающие глаза Николая были полны гнева.

— Россия — вечна, — угрюмо ответил Самуэль.

— Что ты об этом знаешь? — отмахнулся Николай. — Видел бы ты драму «На дне» в московском Художественном театре, которую написал Максим Горький. Ты его знаешь? Зрители не могли поверить, что бывает такая жизнь. Горький вывел на сцену простой народ, который цари и аристократы совсем не знают.

Группу вновь прибывших со всеми удобствами разместили в Саду Надежды, как Самуэль и его друзья называли свой участок земли, купленный у господина Абана.

Якову очень понравился Николай; Ариэль и Луи тоже быстро нашли с ним общий язык, и теперь они всю обсуждали политику, в то время как Кася рассказывала женщинам о суровой жизни в этих краях.

— Мы вынуждены работать не покладая рук, чтобы хоть что-то вырастить на этой земле, — говорила она. — Мы здесь не можем даже соблюдать шаббат, потому что нам приходится работать наравне с мужчинами.

— А когда же было иначе? — улыбнулась в ответ одна из женщин, которая представилась как Ольга, жена Николая. — Моя мать тоже работала от рассвета до заката: хлопотала по дому, нянчила детей, пока отец все свое время посвящал чтению Талмуда.

— Что же касается безопасности... — продолжала Кася. — Здесь нам, конечно, повезло, у нас хорошие соседи. Но нам известно, что в других колониях часто устраивают погромы.

— Погромы? Но почему? — ахнула одна из прибывших — совсем юная девушка, почти подросток.

— Думаю, всему виной — соседская зависть, — призналась Кася.

Затем она рассказала, что колония евреев, обосновавшаяся в долине Ришон-Ле-Сион, занимается виноделием, а те, что осели в других местах, выращивают апельсины. Земледельческие колонии были разбросаны по всей Палестине — от реки Иордан до Средиземного моря. У всех этих земледельцев, таких же евреев, как они сами, был, в сущности, один, но страшный враг: малярия.

Однако новички были решительно настроены приспособиться и выжить в этих тяжелых условиях. Следуя указаниям Ариэля, они построили еще одну хижину. Луи и Самуэль рассказали, какие культуры лучше всего удаются на этой бесплодной земле.

Но приспособиться им оказалось не так легко. Среди них не было ни крестьян, ни даже ремесленников. Оказалось, что никто из них даже в глаза не видел мотыги и уж тем более не держал ее в руках. Но они не роптали и не жаловались. Стиснув зубы, они старались делать все, что что велел Самуэль.

Ахмед был весьма раздосадован приездом этих евреев, что так упорно пытаются обрабатывать какой-то бесполезный кусок земли, который все равно потом придется бросить.

Самуэль, как мог, постарался его успокоить.

— Они что, собираются остаться здесь навсегда? — допытывался Ахмед.

— Не знаю, там будет видно, — ответил Самуэль. — Но у тебя нет причин беспокоиться: они не причинят зла ни тебе, ни твоей семье.

Ахмед молчал, но Самуэль понимал, чего стоил ему весь этот разговор.

— Иные из них говорят, что собираются ехать на север, другие хотят остаться здесь. Им некуда идти, и мы должны им помочь, — пытался объяснить Самуэль.

— Они вам не родственники и даже не друзья, и, тем не менее, вы терпите их у себя в доме, — удивлялся Ахмед.

Самуэль не знал, что и сказать. Он и сам задавался вопросом, почему жизнь свела его с этими людьми, с которыми его не связывает ровным счетом ничего, кроме того факта, что они — такие же евреи, как и он сам. Но он по-прежнему не желал смириться с тем, что быть евреем — это означает отличаться ото всех остальных.

— Скажи мне, пустил бы ты их в свой дом, если бы они не были евреями? — спросил Ахмед. — Пустил бы ты их на свою землю, как этих?

Самуэль, конечно, мог бы ответить, что — да, пустил бы. Но он промолчал, ибо на самом деле вовсе не был в этом уверен, но при этом ему не хотелось обманывать друга. Поэтому он лишь молча улыбнулся и пожал плечами.

— Не знаю... — признался он наконец. — Я действительно не знаю. Когда-то давно вся моя жизнь пошла кувырком, и все, что я мог сделать — это плыть по течению. Я не хотел сюда ехать, я хотел жить в Санкт-Петербурге. Я мечтал посвятить себя химии, быть может — создавать новые лекарства; я хотел учиться дальше, как это делал мой учитель, который всегда утверждал, что наши знания слишком ничтожны. Но мне пришлось бежать, Ахмед, и вот я здесь, и теперь ты учишь меня обрабатывать землю.

— Мне больше нечему тебя учить, — ответил тот. — Ты был хорошим учеником.

— Не беспокойся, Ахмед. Они не причинят тебе зла, даю слово.

— Ну а если приедут еще какие-нибудь евреи, и им тоже потребуется земля — что тогда? — допытывался Ахмед. — Тогда ты нас выгонишь? Ну что ж, твое право: в конце концов, это твоя земля, ты купил ее у господина Абана.

— И ты веришь, что я на такое способен? — оскорбился Самуэль. — Разве до сих пор ты не убедился в моей искренней дружбе? Я думал, у тебя ко мне больше доверия.

Пристыженный Ахмед опустил голову. Ведь ему и в самом деле не в чем было упрекнуть Самуэля, который к нему всегда относился, как к другу.

Тем не менее, несмотря на все заверения в любви и дружбе, Ахмед все же не поверил ему до конца, что причиняло Самуэлю большую боль.

Наутро их навестил Абрам. Самуэль был удивлен его визитом, поскольку врач был уже далеко не молод и не слишком любил покидать стены Священного города.

Врач был в полном восторге от Сада Надежды. Он никак не ожидал увидеть столь любовно ухоженные поля и фруктовые сады, да и три наскоро построенные хижины, где жили поселенцы, оказались хоть и скромными, но чистыми и опрятными.

— Я гляжу, вы тут славно потрудились, — заметил он. — А вот другим не так повезло. На днях до меня дошли весьма печальные новости о группе колонистов, обосновавшихся на берегу неподалеку от Хайфы: тамошняя земля показалась им весьма плодородной. Увы, они жестоко обманулись: эти земли окружают гнилые болота, колыбель смертоносных испарений. За считанные недели всех поселенцев скосила лихорадка. Малярии все равно, кого убивать — мужчин, женщин, детей...

Известие об этой трагедии чрезвычайно расстроило Абрама Йонаха; особенно угнетало

его то, что он был знаком кое с кем из погибших колонистов, и даже помог с покупкой этих злополучных земель. Но еще больше его расстроило известие о нападении на другую колонию — в Галилее.

— В этой потасовке погибли и арабы, и наши, — рассказывал он. — Судя по всему, началось с того, что бандиты напали на двоих колонистов, которые выехали из своей деревни, чтобы купить семян. Колонисты защищались, но один из них погиб от ножевых ран. В колонии было более тридцати семей — можете представить себе их негодование? Они требовали правосудия, но местные власти даже пальцем не пошевелили — равно как и владелец этих земель.

— Мы не имеем права расслабляться. Мы должны уметь защитить себя, — слова Николая были полны гнева и страсти.

— Защитить себя? — переспросил Самуэль. — И как же мы должны себя защищать? По-моему, это власти должны защищать нас.

— Многие галилейские колонисты думают так же, как ты, Николай: что никак нельзя спускать подобных нападений и грабежей, которые устраивают эти мерзавцы. Поэтому они едут в Иерусалим, чтобы купить здесь оружие и все остальное, необходимое для обороны. Это может создать серьезные проблемы с турками. Пока мне трудно что-то сказать, но боюсь, что грядут тяжелые времена, — посетовал Абрам.

— А я боюсь, что скоро ты пожалеешь, что помог нам обосноваться здесь, — заметила Кася, как всегда, не стесняясь в выражениях. — У вас, палестинских евреев, не было никаких хлопот, пока здесь не появились мы.

Абрам кивнул, одарив ее теплой улыбкой. Кася была права, несколько лет назад его жизнь была куда как более спокойной. Но совесть не позволила бы ему отказать в помощи любому еврею, приехавшему в Землю Обетованную, чтобы обрести здесь новую родину.

Да, эта земля не источала молоко и мед, как гласит Библия; но каждый ее уголок напоминал об их общем прошлом, о потерянной истории, которую они теперь возрождали. С некоторых пор в Стамбуле забеспокоились, что слишком уж много евреев потоком хлынуло в Палестину. Но, с другой стороны, зачем турецким властям нужна эта земля? Совершенно незачем. Кому нужны эти Богом забытые задворки империи, эта заброшенная пустыня, где к тому же свирепствует малярия?

— Меня очень тревожит наше будущее, — признался врач. — Мы должны научиться жить в мире с соседями. Вот, например, вы, Кася. Я знаю, что вы относитесь к Ахмеду, как к другу, однако он несколько раз обмолвился, что не вполне одобряет ваше поведение и манеру одеваться.

— Да ну, что он еще мог сказать? — отмахнулась Кася.

Абрам тем временем продолжал рассказывать о многих других евреях, которые приехали сюда на поиски счастья, но не нашли ничего, кроме разочарований.

— Они получают самое ничтожное жалованье, работая на плантациях в Иудее. Этого едва хватает на кров и еду.

— Так это и есть Земля Обетованная? — жалобно всхлипнула одна из женщин.

Кася взглянула на нее с презрением. Она приехала сюда, чтобы любить эту землю, которой отдала последний цвет своей молодости. Ее руки — те самые руки, которые так любил целовать Яков, о которых он когда-то говорил, что они нежнее голубки — теперь огрубели и потрескались. Ее кожа загорела на солнце и покрылась россыпью мелких веснушек, а волосы теперь походили на растрепанный ворох соломы, кое-как заколотый

шпильками, чтобы не мешал работать.

— Не стоит думать, что у феллахов жизнь настолько уж лучше, чем у нас; они во всем зависят от воли эфенди — хозяина земли, которую обрабатывают, и точно так же страдают от произвола турецких чиновников, — пояснила Кася.

— Здесь тоже нужна революция, — заметил Николай.

— Мы должны совершить нечто большее, чем еще одна революция. Мы должны обустроить эту землю, превратить ее в уютный дом и доказать всему миру, что наши идеи, из-за которых мы вынуждены были бежать из своей страны — не пустая иллюзия. Иеремия — живой пример тому, о чем я говорю. Он одинаково заботится обо всех рабочих в своем карьере, не делая различий между иудеями и мусульманами; платит всем одинаковое жалованье, справедливое и заслуженное, — ответил Самуэль. — Он — лучший пример того, каким, по нашим представлениям, должно быть общество.

— Иеремия приходил ко мне на днях, — сказал Абрам. — Привел ко мне одного из своих рабочих, который жаловался на боли в шее и потерю силы в руках.

Иеремия был не слишком разговорчив; больше предпочитал слушать других. Он своими руками выстроил дом за стенами Священного города, Самуэль и время от времени навещал его там. Поначалу — просто чтобы удостовериться, что Иеремия не обижает Ахмеда и его зятьев. Но вскоре Самуэль понял, что Иеремия был по-настоящему справедливым человеком, и даже сам Ахмед не уставал это повторять.

Прошло немало времени, прежде чем Иеремия смог довериться Самуэлю и рассказать ему свою историю, на что Самуэль ответил, что истории всех, кто приехал в Палестину, очень похожи одна на другую, в том числе и на историю Иеремии.

От гибели при погроме в штетле неподалеку от Киева Иеремию спас несчастный случай. Упав с лестницы, он сломал обе ноги. Он как раз лежал в больнице, когда случился тот погром, во время которого были убиты его отец, мать, двое младших братьев, жена и сын. После их гибели Иеремию ничто больше не держало в России, поэтому он собрал все деньги и отправился в Одессу, где сел на старый грузовой пароход, идущий в Стамбул. Из Стамбула он уже по суше начал свой нелегкий путь в Палестину; по дороге ему неоднократно приходилось давать взятки чиновникам, чтобы те не помешали ему добраться до места назначения.

Еще в Киеве он примкнул к группе социалистов, которую составляли в основном молодые рабочие и интеллигенция; кроме него самого, лишь двое из этой группы были евреями, однако он вовсе не чувствовал себя там изгоем из-за своего еврейского происхождения, достаточно и того, что он был пролетарием.

— Моя жена была дочерью раввина, — рассказывал он Самуэлю. — Она очень любила читать. До замужества она жила в Киеве, однако решила перебраться в штетл, чтобы быть со мной. Она была такой утонченной... До сих пор удивляюсь, как она могла меня полюбить. Сын был очень на нее похож. Ему было всего четыре года, когда их всех убили; теперь он в раю вместе с матерью. Он был таким же хрупким и светловолосым, как она. Жена научила его читать и требовала, чтобы он каждый вечер читал мне вслух несколько строк из Торы. Меня это так трогало; я так гордился ими. Я отдал бы все на свете, лишь бы быть с ними вместе.

История Иеремии во многом напоминала Самуэлю его собственную. Оба они получили образование: Самуэль выучился на химика, а Иеремия, хоть и ценой немалых усилий, освоил

профессию инженера. Отец Иеремии был ростовщиком, и не было ни единого торговца, который не вернул бы ему долг. Когда Иеремия подрос, отец пообещал одному из клиентов простить долг, если тот поможет его сыну поступить в университет. Разумеется, купец сделал все возможное и невозможное, чтобы Иеремию приняли в хорошую школу, а потом — в университет.

Именно в университетских аудиториях Иеремия узнал о социализме. И с тех пор не было для него более благородной цели, чем освобождение рабочего люда от царского ига.

Иеремия часто встречался с другими иммигрантами, которые, как и он сам, были захвачены идеями марксизма. Вот только в Палестине им не приходилось скрывать своих убеждений. Самуэль отказался посещать эти собрания; он дал себе слово больше не лезть в политику, хотя это оказалось совсем непросто.

Что касается Ариэля и Луи, то они по-прежнему свято верили в дело революции. Иногда, после захода солнца, закончив работу в карьере, они собирались вместе с другими евреями, чтобы поговорить и помечтать о счастливом будущем.

— Речь ведь идет не только о будущем евреев, — отстаивал свою точку зрения Ариэль. — Мы хотим построить такое будущее, где все будут равны, где не будет ни угнетателей, ни угнетенных.

Все жадно следили за новостями, приходящими из России, и от души радовались, когда в одном из писем Константин сообщил Самуэлю о создании Думы, парламента.

«Царю Николаю II не осталось ничего другого, как уступить требованиям тех, кто желает видеть в русской монархии подобие английской. В этом году произошло несколько крестьянских восстаний и рабочих стачек; был даже бунт на броненосце «Потемкин». Правительство объявило о создании Думы, но даже этого оказалось недостаточно, чтобы унять инакомыслящих; видимо, это решение было принято слишком поздно. В каждом городе, начиная с Санкт-Петербурга, революционеры сформировали особые органы, которые называли «совета́ми». Министр Витте вернулся на свой пост, но у него слишком много врагов, многие считают его политику слишком уж либеральной. Я не знаю, чем это грозит, но я не строю иллюзий, особенно теперь, когда произошел раскол между большевиками и меньшевиками; эти последние утверждают, что в стране необходимы реформы, хотя при этом не поддерживают сторонников кровавой революции, но большевики...»

С тех пор, как прибыла группа Николая, Иеремия стал все чаще навещать в Саду Надежды. Ни от кого не укрылось, какие взгляды он тайком бросал на одну из девушек.

Анастасия, сестра Ольги, хрупкая с виду девушка, обнаружила такую силу воли, что даже мужчины удивлялись. Она не боялась никакой работы и очень сердилась, если кто-то пытался ей помочь. Когда она приехала в Иерусалим вместе с Ольгой и ее мужем Николаем, ей было чуть больше двадцати.

Однако, несмотря на свою молодость, она добилась немалого уважения у людей из Сада Надежды. Анастасия была немногословна, но при неизменной вежливости в обращении с другими людьми соблюдала известную дистанцию.

Все задавались вопросом, как будет жить на этой суровой земле такая тростиночка, которая, казалось, вот-вот переломится, едва подует ветер.

Нужно ли говорить, как всех удивило, что она решила остаться в Саду Надежды, когда Николай и Ольга объявили, что едут в Галилею, чтобы воссоединиться с какими-то своими друзьями, которые тоже приехали в Палестину.

Прошел почти год со времени приезда группы Николая, и в конце концов стало ясно,

что этот участок земли слишком мал, чтобы прокормить всех. Он пришел на эту землю, чтобы работать, чтобы строить новое будущее, и теперь оказалось, что Сад Надежды не в силах прокормить столько народу.

— Через несколько дней мы уезжаем, — объявил Николай. — Мы очень благодарны вам за теплый прием.

— Вам здесь всегда будут рады, — сказала Кася, чрезвычайно расстроенная отъездом этих людей, с которыми она уже успела подружиться, особенно с Ольгой. — Помните, что если в Галилее что-то пойдет не так, вы всегда можете вернуться. Вы же знаете, какая непростая там обстановка, да еще эти стычки с арабами...

— Я остаюсь, — сказала Анастасия.

— Что значит — остаешься? — возразила Ольга. — Конечно, ты поедешь с нами, я не могу оставить тебя здесь одну. Наши родители мне бы этого не простили.

Однако в ее голосе звучала такая безнадежность, что всем стало ясно: битва проиграна.

— Я остаюсь здесь, сестра, я хочу жить в Иерусалиме. Конечно, я уеду, если попросит Кася, но, если она не будет возражать, я останусь. Я не буду никому в тягость; я знаю, что в состоянии заработать себе на жизнь.

Ни Кася, ни Самуэль, ни, тем более, Яков, Ариэль и Луи не стали возражать против того, чтобы она осталась.

Все они обещали писать друг другу и при любой возможности ездить в гости. Ольга попросила Касю присмотреть за ее сестрой.

— Глядя на нее, можно подумать, что у нее каменное сердце, но это лишь видимость, — сказала Ольга. — Мы слишком рано потеряли родителей, и я сама ее растила. Я делала для нее всё возможное, но порой я задаюсь вопросом: не моя ли в том вина, что она выросла такой нелюдистой? Ведь у меня не было сил, чтобы научить ее смеяться или утешить в долгие зимние ночи, когда ей снились кошмары. Мне приходилось слишком много работать, чтобы не умереть с голоду. и вот потому...

Кася сжала ей руку и заверила, что Анастасия нисколько ее не стеснит и никаких хлопот не доставит.

— Анастасия — очень добрая девочка, просто нужно время, чтобы ее нежность по-настоящему раскрылась. — Не волнуйся, я о ней позабочусь.

— Я не переживу, если с ней что-нибудь случится... Ведь она — единственное, что у меня осталось.

— Не говори так! Ведь у тебя есть муж; Николай тебя обожает.

— Да, конечно. У меня есть Николай, а у тебя есть Яков, и еще Марина. Твоя дочка — просто прелесть! Как бы я хотела иметь такую же!

Какое-то время обе они молчали. Кася знала, что Ольга не может иметь детей; никто не знал, почему, однако за пять лет замужества она так и не смогла забеременеть.

Они уехали в начале осени 1907 года. Даже Ахмед сказал, что ему будет их не хватать.

Самуэль и сам не заметил, как это случилось, но очень скоро Анастасия стала его тенью. Началось с того, что она предложила ему помогать готовить лекарства. Самуэль не возражал. Анастасия сделала тщательную уборку в сарайчике, где он устроил маленькую лабораторию, и с тех пор все его лоточки, весы, гирьки, колбы и пузырьки всегда сверкали чистотой. А уж книги по фармакологии, которые Самуэль тоже держал в этом сарайчике, она хранила, как настоящую святыню. Это были «Элементы фармацевтики, основанные на

принципах современной химии» испанца Карбонеля, «Всеобщая фармакология» Журдена и «Исследования хинина» французов Кавенту и Пеллетье.

Самуэль, как и его учитель из Санкт-Петербурга, широко применял на практике полученные знания по химии, составляя всевозможные лекарства.

Все домашние настолько привыкли к тому, что они все время вместе, что никто даже не заподозрил перемен в их отношениях.

Это случилось в один из тех вечеров, когда в Сад Надежды неожиданно пожаловал Иеремия. Как всегда, ему оказали душевный прием, и Кася пригласила его поужинать. Самуэль в это время готовил какие-то лекарства, которые заказал ему Абрам, но тут же отложил работу, чтобы повидаться с другом.

Иеремия как раз вел горячий спор с Яковом, к какой партии им лучше примкнуть: то ли к «Поалей-Сиону» (что означает «Рабочие Сиона»), то ли к «Хапоэль-Хацаиру» («Молодой рабочий»), во главе которой стоял человек по имени Аарон Давид Гордон. На всех, кто его видел, он с первой минуты производил неизгладимое впечатление. Это был человек средних лет, который переезжал с места на место с маленьким рюкзачком на спине, благодаря которому производил впечатление большого чистюли.

Однако Якову этот Гордон, видимо, не слишком нравился.

— Согласен, у него довольно своеобразный подход, но он только и делает, что пытается отрицать социализм, которому на самом деле ничего не может противопоставить. Ему только и остается, что без конца цитировать Талмуд и Библию, и это, бесспорно, толстовские влияния.

— Нельзя же обвинять человека в том, что он — не фанатик социализма, — осторожно вставил Луи.

Яков, Ариэль и Иеремия больше склонялись к «Поалей-Сиону» — партии, которую составляли убежденные марксисты, которые во что бы то ни стало решили воплотить на этой земле то, чего не смогли сделать в России. Во главе «Поалей-Сиона» стоял другой человек, Бен Гурион, которого Самуэль обвинял в том, что его мечты о новом марксистском обществе имеют слишком уж явную иудейскую окраску.

— Бен Гурион, — сказал Самуэль, — хочет, чтобы эта земля стала воистину иудейской, чтобы вся документация Поалей-Сиона велась на иврите.

— Но сможем ли мы оставаться здесь, если не станем настоящими иудеями? — спросил Иеремия.

— Евреи бегут из России не только в Палестину. Сколько из нас уехало в Соединенные Штаты, в Англию, в страны Южной Америки. Однако мы выбрали Палестину, — сказал Самуэль.

Иеремия по-прежнему смущался, встречая взгляд Анастасии; а она, казалось, ничего не замечала и даже не видела, как он краснеет.

Когда каменотес распрощался, Самуэль напомнил девушке, что им нужно закончить приготовление лекарств, заказанных Абрамом, которые он собирался отнести врачу на следующий день. Анастасия, как всегда, последовала за ним в сарайчик, чтобы приступить к работе.

Черная безмолвная ночь опустилась на Сад Надежды; Самуэль задремал, в ожидании, пока будет готово очередное лекарство. Он прикорнул на своем тюфячке, пока Анастасия перемывала колбы и склянки. Он не знал, сколько времени прошло, когда вдруг проснулся,

чувствуя, как к нему прижимается горячее тело Анастасии. Он не стал сопротивляться...

На другой день никто из них ни единым словом не обмолвился о случившемся, словно ничего и не произошло. Анастасия вела себя, как всегда, и Самуэль даже решил, что ему лишь приснилось, что он обладал ее белым, как снег, телом.

Потом это стало повторяться каждую ночь. Они безмолвно любили друг друга, а наутро никто из них не позволял себе даже легким намеком напомнить о тех минутах близости.

Самуэль не любил Анастасию; в ее объятиях он думал лишь об Ирине, и Анастасия прекрасно знала об этом.

Так прошло несколько месяцев без каких-либо событий, лишь менялись времена года.

Однажды, когда уже почти стемнело, но Самуэль с Ариэлем еще не закончили работу в саду, они вдруг увидели бегущего к ним Ахмеда.

— Самуэль, Самуэль! — кричал он.

— Что случилось? — спросил он в тревоге, видя, как покраснел Ахмед.

— Революция! — ответил тот; он казался очень расстроенным.

— Какая революция? — Ариэль бросил мотыгу и подошел к ним. — Где? О чем ты говоришь?

— В Стамбуле. Гвардия взбунтовалась против султана. Никто не знает, что теперь будет... Может статься, что они вспомнят о нас...

— Завтра я съезжу в город: у Абрама наверняка есть новости, — ответил Самуэль. — Среди его пациентов есть очень важные иностранцы. Если ты сможешь пораньше освободиться, поезжай со мной.

Однако прошел почти месяц, прежде чем Абраму удалось выяснить, что именно произошло в Стамбуле.

— Судя по всему, группа молодых офицеров выразила недовольство положением в стране, в котором империя оказалась по причине бездействия султана. Трудно сказать, выльется ли это в настоящее восстание, но, по всей видимости, султану придется прислушаться к требованиям военных.

— И чего же они хотят? — спросил Ахмед, прямо-таки ошеломленный тем, что кто-то смеет противоречить султану.

— Как утверждают мои информаторы, эти молодые турки требуют, чтобы в империи был утвержден парламент, как у британцев, а также других реформ, — терпеливо разъяснил Абрам.

— И как это все отразится на нас? — спросил Ахмед, которого весьма тревожили грядущие перемены.

Старый врач, как мог, постарался его успокоить:

— Кому нужна наша Палестина? Здесь ничего нет, Ахмед, — ничего такого, что могло бы заинтересовать сильных мира сего; поверь мне, они оставят нас в покое, и мы сможем по-прежнему жить и молиться, как и многие годы до сих пор. Тебе не о чем беспокоиться.

Абрам оказался прав. Ничто так и не потревожило мирного течения их жизни — во всяком случае, до тех пор, пока в 1908 году Ирина не прислала Самуэлю письмо, в котором просила его немедленно приехать в Париж.

«Мари очень больна, — писала она. — Доктор говорит, что жить ей осталось недолго. Она только и говорит, что о тебе и о твоём отце, и я надеюсь, что ты не откажешь ей в этой последней радости — повидаться с тобой. Тогда она сможет умереть с миром...»

Читая это письмо, Самуэль не мог сдержать слез. Мари была последней ниточкой, что связывала его с отцом, с бабушкой Элиасом, с далекими днями детства. Она всегда была так добра и щедра, делилась всем, что имела, не требуя ничего взамен, и, конечно, он не мог отказать ей в такой малости: побыть с ней немного, прежде чем она соединится с вечностью.

Он сообщил своим друзьям, что уезжает во Францию, наказав им позаботиться о том, чтобы его отъезд никак не отразился на благополучии Ахмеда и его семьи.

— Он никак не может понять, что у нас нет иерархии, мы все равны, — говорил он. — И теперь не находит себе места, с тех пор как узнал, что я уезжаю.

— Мы очень любим Ахмеда, Дину и их детей, — сказала Кася. — Даже если ты уедешь, здесь ничего не изменится.

— Я это знаю, так что пусть Дина успокоится, — ответил Самуэль.

— Да, конечно, я с ней поговорю. Мы с Диной и Саидой так подружились, что я даже и не знаю, что бы я без них делала.

Анастасия ничего не сказала, но все те дни, пока Самуэль готовился к отъезду, она казалась взвинченной и очень расстроенной.

— Ты вернешься? — спросила она однажды вечером, когда они вместе готовили лекарства.

— Полагаю, что да, — честно ответил Самуэль.

Он и сам нередко задавал себе этот вопрос. Он провел в Палестине более восьми лет, и все эти годы были заполнены одним лишь ковырянием в земле вместе с совершенно чужими людьми, которые со временем хоть и стали для него почти родными, но он по-прежнему не хотел верить, что эти отношения смогут навсегда удержать его в Палестине, даже если бы Ирине и не потребовалось его присутствие. Он не собирался всегда вести такую жизнь, которая казалась ему пустой. Эта поездка должна была помочь ему примириться с самим собой, взглянуть со стороны на все эти годы, проведенные рядом с Иерусалимом, о котором так мечтал его отец.

Всё его время и силы уходили на борьбу с этой скудной землей; лишь работа с лекарствами давала ему хоть какое-то удовлетворение. Но к концу дня он чувствовал себя настолько выжатым, что у него уже не было ни сил, ни желания думать о чем-либо, кроме повседневных забот. Кроме того, он весьма тяготился отношениями с Анастасией, чувствуя себя перед ней виноватым. Девушка по-прежнему ничего от него не требовала, но он и сам понимал, что должен принять какое-то решение, и либо жениться на ней, либо позволить ей выйти замуж за другого. Он знал, что Иеремия давно уже заглядывается на девушку и постоянно ищет ее общества. Самуэль догадывался, что, возможно, Иеремия по-настоящему любит ее, но при этом ничего не мог с собой поделать, обзывая себя бессердечным эгоистом, который, нисколько не любя, а лишь пользуясь молчаливым упрямством Анастасии, продолжает с ней встречаться.

— Если ты не вернешься, я тоже уеду, — сказала она, и в голосе ее не прозвучало ни тени упрека.

— И куда же ты поедешь?

— В Галилею, к Ольге и Николаю. Там нам будет хорошо.

— Мне очень жаль, Анастасия, но я...

Она лишь пожала плечами, отстраняясь.

— Как бы я хотела, чтобы ты меня полюбил, но ты не можешь. Когда ты на меня

смотришь, то видишь совсем другое лицо. Я не в силах сражаться с призраками твоего прошлого, и не хочу вставать на пути твоего счастья. Я знаю, что ты не вернешься, поэтому я тоже уеду.

После этих слов между ними надолго повисло тягостное молчание; наконец, Самуэль решился снова заговорить.

— Есть один человек, который тебя любит, — сказал он.

— Иеремия, — ответила она, даже не задумываясь.

— Ну раз ты уже это знаешь... Он будет хорошим мужем.

— Я знаю.

— Возможно, ты будешь счастлива...

— Значит, ты считаешь, что я должна выйти замуж за Иеремию... — задумчиво протянула она. — Хорошо, я подумаю.

— Я... — замялся Самуэль. — Кто я такой, чтобы указывать тебе, что ты должна делать, а чего не должна... Просто... мне очень жаль... Жаль, что все так случилось... Я не должен был...

— Я ни о чем не жалею, — покачала головой Анастасия. — Что сделано, то сделано. Я сама искала твоего внимания — что еще тебе оставалось... Вы, мужчины, ни в чем не привыкли себе отказывать. Но я не считаю себя обманутой, ведь ты ничего мне не обещал. И ты никогда не говорил, что любишь. Мне не в чем тебя упрекнуть.

В эту ночь Анастасия не осталась ночевать в сарае-лаборатории Самуэля; закончив уборку и перемыв колбы и флаконы, она вернулась в дом.

Всю ночь он не мог уснуть, охваченный тоской по этой странной девушке, которую больше никогда не сможет обнять.

Однако куда больше Анастасии его беспокоил Ахмед. Расставание с ним далось ему нелегко.

— Ты не вернешься, — сказал Ахмед с упреком.

— Даже если меня здесь не будет, все останется по-прежнему, — утешал его Самуэль. — Ты можешь положиться на Якова, Луи, Ариэля: все они любят тебя так же, как я. И Кася стала Дине настоящей подругой. Не волнуйся, все будет хорошо.

Но Ахмед все равно не находил себе места, задаваясь вопросом, что произойдет после отъезда Самуэля.

Яков и Луи настояли на том, чтобы проводить Самуэля до Яффы, где ему предстояло сесть на корабль, идущий во Францию; по странному совпадению, он должен был отбыть в Марсель на том же принадлежащем старому купцу корабле, на котором восемь лет назад отправился на поиски Земли Обетованной.

Он уже стоял на причале, прощаясь с Яковым и Луи, когда вдруг увидел бегущего к нему Ахмеда.

— Что ты здесь делаешь? — спросил пораженный Самуэль.

— Иеремия отпустил меня проститься с тобой, — сказал тот. — Я... Я никогда не говорил этого раньше, но я очень благодарен тебе за все, что ты сделал для меня и моей семьи... Если бы мой сад купил не ты, а кто-то другой — скорее всего, новый хозяин выгнал бы нас из дома...

Самуэль горячо обнял его, растроганный этим признанием. Он-то знал, чего стоило такому гордому человеку, как Ахмед, высказать свои истинные чувства.

— Не стоит благодарностей. Ты — хороший друг, и потом, ведь не я один решил

оставить тебе твой сад. С этим решением согласились Ариэль, Луи, Яков и, конечно, Кася.

Ахмед махнул рукой, словно отмахиваясь от слов Самуэля. Он не желал мириться с тем, что ему не суждено больше увидеть этого еврея, которого он впервые встретил восемь лет назад на этом же причале.

Когда корабль отчалил, Самуэль готов был заплакать; он вдруг понял, как много значит для него эта скудная и негостеприимная земля, на которую ему, быть может, не суждено больше ступить.

5. Париж, Париж, Париж

Когда он постучал в дверь дома Мари, на стук вышла Ирина. С минуту она молча стояла на пороге, вспоминая, где могла прежде видеть этого человека, и вдруг бросилась к нему в объятия.

— Как ты изменился! — воскликнула Ирина, помогая ему снять пальто.

— А ты все такая же, — ответил он. — Словно и не было всех этих лет.

— Полно, ты мне льстишь! Разве ты не видишь седину в моих волосах? Я постарела.

Самуэль внимательно взглянул на нее. Приглядевшись как следует, он с трудом различил несколько белых прядей, затерявшихся в ее белокурых волосах, убранных в тяжелый узел. Но что в ней по-настоящему изменилось — так это взгляд; ее глаза лучились покоем и умиротворением.

Она сразу провела Самуэля в спальню Мари. Добрая женщина лежала среди подушек, которыми заботливо обложила ее Ирина.

Мари погладила Самуэля по щеке, а затем сжала его руку в своих ладонях.

— А ты знаешь, мне сперва показалось, будто я вижу твоего отца, — произнесла она. — Ты стал похож на него — намного больше, чем в детстве. Такой же красивый... Присядь рядом со мной.

Ирина забрала вещи Самуэля и вышла из комнаты, оставив их вдвоем, зная, что именно этого больше всего на свете хотела сейчас Мари.

До самого вечера она не решалась войти в комнату Мари, пока домой не вернулся Михаил после занятий музыкой.

Самуэля охватило волнение, едва он увидел Михаила — так он повзрослел за эти годы. Они пожали друг другу руки, но так и не решились обняться.

Несмотря на протесты Ирины, Мари настояла, чтобы ей помогли встать и спуститься к ужину.

— Мне ничуть не повредит, если я хорошо проведу время вместе с моими близкими — единственными родными мне существами в этом мире, — заявила Мари.

Михаил отнес ее в столовую на руках. Самуэль был поражен, увидев, какой она стала крошечной и хрупкой. У нее едва хватало сил, чтобы удержать в руке ложку, но глаза ее сияли безудержным счастьем. Она смогла усидеть за столом лишь несколько минут.

— Думаю, что Ирина права, и мне лучше было бы остаться в постели, — призналась она. — Но мне так хотелось сесть за стол вместе с вами!

— В таком случае, поужинаем все вместе! — предложил Михаил. — Поставим тарелки на подносы и сядем возле твоей кровати: будет почти то же самое, что за столом, но тебе будет намного удобнее.

— Нет-нет, — запротестовала она. — Я не хочу причинять вам таких хлопот.

Однако в голосе Мари прозвучало горькое отчаяние: ей вовсе не хотелось оставаться одной.

— Я приехал в Париж только для того, чтобы быть с тобой. Так что либо ты позволишь мне поужинать в твоей комнате, либо я вернусь обратно в Палестину, — с шутливой угрозой произнес Самуэль.

В первые дни Самуэль очень старался возобновить все свои прежние связи в городе, а также установить дружеские отношения с Ириной и Михаилом. Его духовная связь с Мари была по-прежнему необычайно сильна; несмотря на долгие годы разлуки им достаточно было взглянуть друг на друга, чтобы каждый без слов понял, о чем думает другой.

С приездом Самуэля Мари, казалось, почувствовала себя лучше; во всяком случае, она настаивала, чтобы ее хотя бы иногда по вечерам выносили в гостиную, чтобы она могла посидеть у камина и поговорить с Самуэлем. Тогда он брал ее за руку, и они беседовали: иногда вспоминали о прошлом, но чаще обсуждали будущее Михаила. Мари всей душой обожала этого мальчика.

Ему уже исполнилось четырнадцать, и он всеми силами стремился к тому, чтобы стать настоящим музыкантом, каким был его отец. Мари и Ирина делали все, чтобы он получил самое лучшее образование, однако он не скрывал своей явной нелюбви к чтению, предпочитая ему ежедневные занятия скрипкой и фортепиано.

— Он станет великим скрипачом, хотя сам и утверждает, что хочет быть дирижером оркестра; он мечтает, как будет дирижировать великими произведениями Чайковского, Римского-Корсакова и Бородина. И я тебе признаюсь, что он и сам написал несколько пьес; его учитель, месье Бонне, говорит, что у него настоящий талант.

— Юрий тоже был талантлив, — заметил Самуэль, вспомнив отца Михаила.

Поначалу мальчик относился к нему, как к чужому. Да, он помнил долгое и трудное путешествие из Санкт-Петербурга в Париж, но до сих пор не простил Самуэлю, что тот уехал. Его семью — единственную семью, которую он знал — составляли две женщины, которые любили его и о нем заботились. Больше у него никого не было, и он не желал, чтобы кто-то еще вторгнулся в его жизнь. Да, он был неизменно вежлив и предупредителен с Самуэлем, но относился к нему, как к гостю, а вовсе не как к члену семьи, какими стали для него Мари и Ирина.

— Дай ему время привыкнуть, — советовала Мари. — Он просто очень замкнутый мальчик; так оно, в сущности, и должно быть, иначе он не смог бы держать в голове всю эту музыку. Ты же видел, как он импровизирует на фортепиано; в голове у него одни ноты, которые складываются в мелодии.

Самуэль сжал ее руку и попросил ни о чем не беспокоиться. Он и сам понимал Михаила.

— Ты по-прежнему любишь Ирину? — однажды вечером спросила Мари.

Он промолчал, не зная, что ответить.

— Ну, признайся, уж мне-то ты можешь доверять! — настаивала Мари.

— Я знаю, Мари, я это знаю, — ответил Самуэль. — Но я и сам не могу понять тех чувств, которые теперь испытываю к Ирине. Все эти годы я не переставал думать о ней, и, глядя на других женщин, я видел ее лицо.

— Но теперь... — продолжила она за него.

— Но теперь она кажется мне такой далекой, такой холодной... Я для нее — по-прежнему лишь старый друг. Ни в ее взглядах, ни в жестах я не увидел даже намека на привязанность, кроме той, что она питала ко мне раньше.

— Я знаю, что у нее есть какая-то тайна, но мне она никогда ничего не рассказывала, — призналась Мари. — Что-то произошло с ней в юности — нечто такое, что воздвигло непреодолимую стену между ней и любым мужчиной, который решился бы приблизиться. Помнишь месье Переца — того купца, друга твоего дедушки, который помогал тебе

готовиться к отъезду в Палестину?

— Да, конечно, я его помню. Мне очень помогли его рекомендации, и он нашел для меня учителя арабского языка, который все-таки кое-чему меня научил, пусть и не слишком многому.

— Так вот, у Бенедикта Переца два сына; один из них сватался к Ирине, но она ему отказала. Другие молодые люди тоже пытаются за ней ухаживать, но она никого к себе даже близко не подпускает.

— И поэтому ты полагаешь, что она скрывает какую-то страшную тайну! — усмехнулся Самуэль.

— А ты зря смеешься, — ответила она. — Я уверена, что тайна есть, я даже пыталась расспрашивать ее об этом. Однажды она, кажется, даже хотела мне о ней рассказать, но так и не решилась. Может быть, тебе удастся заставить ее открыться?

— И как же я смогу ее на это сподвигнуть? Ведь если она даже тебе ничего не сказала, то мне тем более не расскажет.

— Я уверена, что однажды ты решишься с ней серьезно поговорить и открыть ей свои чувства.

— Не пытайся меня сватать. Я приехал в Париж, чтобы быть с тобой, и не более того. Так что давай оставим все как есть, а там — будь, что будет.

— А тем временем тебя охватила тоска, та, что вечно овладевает русскими. Вы можете притворяться веселым и что наслаждаетесь жизнью, но время от времени ваш взгляд затуманивает пелена тоски.

Ирина по-прежнему работала в цветочном магазине. Это давало ей возможность чувствовать себя независимой; с другой стороны, когда Мари, после того, как заболела, предложила Ирине взять на себя обслуживание ее клиентуры, та отказалась. Шитье всегда было для Ирины настоящей мукой, и ей совершенно не хотелось провести остаток жизни, соединяя между собой лоскуты кожи и ткани, к чему никогда не питала ни малейшего интереса. Еще меньше ей хотелось тратить свое время и силы, ублажая капризных дам, которые заказывали у Мари свои манто.

Увидев мастерскую дедушки Элиаса закрытой, Самуэль ощутил приступ ностальгии. Большой стол, на котором дедушка кроил манто, стулья, где он со своими помощниками превращал в манто меха, которые привозил отец. Полированные деревянные полки, где выстроились в ряд ножницы, иголки, нитки... Всё содержалось в порядке и чистоте, но Самуэль заметил, что уже долгое время никто не заходил в эту часть дома.

— Я предлагала Мари сдать мастерскую в аренду, — объяснила Ирина, — но она не хочет. Говорит, что не желает видеть в мастерской чужака. Мол, к счастью, она заработала достаточно, чтобы ни от кого не зависеть.

— А ты Ирина, ты счастлива?

Он тут же пожалел, что задал этот вопрос. Не стоило затевать разговор, который всколыхнет чувства.

Ирина улыбнулась так радостно, что Самуэль удивился. Ее трудно было назвать веселой, чаще она молчала и не слишком часто смеялась.

— Счастлива ли я? Ну конечно, я счастлива! Что ждало меня в нашей любимой России? Я бы окончила свои дни в застенках охраны — лишь потому, что была знакома с Юрием. А что касается будущего... Может ли девушка вроде меня желать себе лучшей судьбы? Да, я

здесь счастлива. Я люблю цветы, и мне нравится составлять букеты, особенно для невест. Я выбираю для них самые красивые розы, дополняю их зелеными ветками. Я чувствую себя свободной, я не обязана ни перед кем отчитываться, к тому же у меня есть Мари и Михаил.

— А твои родители?

— Они умерли. И это единственное, что омрачало мою жизнь все эти годы. Ты знаешь, им ведь пришлось уехать из Санкт-Петербурга, Охранка не оставила бы их в покое.

Самуэль замолчал, чувствуя себя виноватым, что потревожил горькие воспоминания в ее душе. Однако Ирина сама продолжила разговор.

— У меня ничего не осталось в России, так что я никогда туда не вернусь, — заявила она.

— «Никогда» — это слишком долго, тебе не кажется?

— И ты чем теперь собираешься заниматься? — спросила она.

— Время от времени я получаю письма от Константина. Он рассказывает о наших друзьях и о том, что делается в Санкт-Петербурге, я ведь очень скучаю по городу. Но я знаю, что мне нельзя туда возвращаться; вернее, это Константин так пишет, я-то сам не уверен... Как бы то ни было, после попытки переворота в 1905 году подозрительность охранки перешла всякие границы, так что я теперь — вечный изгнанник, такой же, как и ты.

— Разница в том, что я счастлива в своем изгнании, а вот ты, кажется, не очень.

— А Михаил? — спросил он. — Михаил не скучает по России?

— Ему до сих пор снятся кошмары. Сколько раз он звал во сне отца, просил взять его с собой, а потом просыпался в холодном поту. Он помнит, как мы бежали из России, как ты уговаривал его не плакать, вести себя, как настоящий мужчина, быть достойным памяти своих родителей... И как он может тосковать по прошлому? Что хорошего он там видел, кроме потери отца?

— Мари утверждает, что он станет великим музыкантом.

— Он прямо одержим музыкой; у него настоящий талант, великий талант. Когда ты уехал, он был настолько убит горем, что несколько дней ничего не ел. Мы очень беспокоились за него, и тогда Мари пообещала, что, если он начнет есть, она даст ему все, чего он захочет. И ты знаешь, о чем он попросил? Он сказал: «Я хочу стать музыкантом, как мой отец. Ты можешь сделать меня музыкантом?» Мари наняла для него лучшего во всем Париже учителя, месье Бонне. С тех пор он живет одной лишь музыкой, мечтает стать дирижером большого оркестра. А месье Бонне утверждает, что Михаил уже сейчас — настоящий скрипач-виртуоз, хотя он прекрасно играет на любом инструменте, какой попадет ему в руки.

— По-моему, ему не слишком нравится, что я здесь, — заметил Самуил.

— Это еще мягко сказано. Я же тебе говорила, что он очень страдал, когда ты уехал. За считанные месяцы ему сначала пришлось пережить смерть отца, а потом уехал ты. Думаешь, ему легко было смириться с этими потерями? По-моему, он боится, что ты опять уедешь, и поэтому старается не привязываться к тебе, чтобы не испытать новой боли. Так он защищается. Кстати... ты ведь и в самом деле уедешь?

— Не знаю, Ирина, не знаю. Сейчас я здесь, и здесь думаю остаться. Никаких планов на будущее у меня нет.

— Но ты же сказал, что купил участок в Палестине. Там теперь твой дом, разве не так?

— Этот участок я купил на паях с моими друзьями; сейчас у них все благополучно, но поначалу нам пришлось приложить немало усилий, чтобы выжить в тех условиях. Мы, евреи,

едем в Палестину, чтобы претворить в жизнь наши мечты о социализме, но в действительности это оказывается вовсе не так легко. Мы вынуждены были отказаться от своей частной жизни; ни у кого из нас нет ничего своего, а все только общее; все решения мы принимаем только сообща — даже такие пустяковые, как покупка мотыг.

— Просто не могу представить тебя в роли крестьянина.

— То же самое утверждает и Константин в своих письмах. Он обещал навестить меня в Палестине; говорит, что ему стоит туда приехать уже просто для того, чтобы полюбоваться на меня с мотыгой в руках. И все же смею тебя уверить, что я сейчас — не более, чем скромный крестьянин.

Самуэль навестил Бенедикта Переца, французского торговца. Тот был очень рад его видеть, с большим интересом расспрашивал об Иерусалиме, а потом, в свою очередь, рассказал о положении евреев во Франции.

— Пару лет назад, в 1906 году, военный суд был вынужден реабилитировать капитана Альфреда Дрейфуса. Вам ведь знакомо это дело, не так ли? Его обвинили в том, что он продавал немцам военные секреты. Однако обвинение было ложным, и это уже доказано. Но то, что Дрейфус был евреем, спровоцировало вспышку ненависти к нашему сообществу. В этом, конечно, нет ничего нового, хотя, казалось, еще во времена революции 1789 года во Франции были преодолены все предубеждения против евреев. Но в действительности оказалось, что предрассудки по-прежнему живы, иначе как могло случиться, что Франция, столь горячо пропагандирующая свободу и равенство, позволила очернить одного из своих самых преданных и блестящих солдат лишь потому, что он — еврей? А впрочем, не стоит беспокоиться, здесь вы все-таки можете быть евреем, хотя кое-кто и считает нас таким инородным телом, не желая при этом понимать, что мы — такие же французские патриоты, как и они сами. Да, мы — евреи, но прежде всего, мы — французы.

Оба они еще с прошлых времен прониклись друг к другу симпатией, и теперь стали регулярно встречаться. Самуэля радушно принимали в доме Переца — как он сам, так и его сыновья. Торговец, со своей стороны, время от времени навещал Мари и пытался убедить Ирину продолжить дело месье Элиаса.

— Очень жаль, что Ирина не пользуется той великолепной репутацией, которую создал своему делу ваш дед, а потом так блестяще поддерживала Мари, — жаловался Перец. — Дамы просто рыдают: говорят, что нигде больше не найдут таких манто, какие им шили здесь. Может быть, хоть вы, Самуэль, откроете новое ателье?

— Боюсь, у меня это не получится, — отказался Самуэль. — Во-первых, я не умею шить. Во-вторых, у меня нет возможности ввозить меха из России. Мой хороший друг, граф Константин Гольданский, решительно не советует мне туда соваться. Я ведь вам рассказывал, что моего отца обвинили в преступлении, которого он не совершал. Если я вернусь, то тоже окончу свою жизнь в застенках охранки. Та же участь ждет и Ирину, если бы ей пришлось в голову отправиться в Россию. Так что мне очень жаль, но это меня не интересует.

Бенедикт Перец спросил, каковы его дальнейшие планы на жизнь.

— Я учился на химика, но на самом деле всего лишь средней руки аптекарь. Стараниями моего благодетеля, профессора Гольданского, а позднее — моего учителя Олега Богданова, я понял, что химия — превосходная помощница в аптекарском деле. Мне нравится готовить лекарства, которые помогают облегчать боль. Но судьба посмеялась надо мной и сделала из меня фермера, который, впрочем, в свободное время тоже готовит

лекарства. Мой добрый друг Абрам заказывает их у меня и продает по мере надобности.

— Значит, вы вернетесь в Палестину?

Тот же вопрос задавали ему и Мари, и Ирина, а он так и не знал, что им ответить. У него было не так много денег и, когда они закончатся, ему придется решать, вернуться ли в тот негостеприимный край, ставший для него по-настоящему родным, или же остаться в Париже, о чем просила его Мари.

— Пусть судьба решит за меня, — ответил он, искренне веря в эти слова.

Мари казалась счастливой в его присутствии, они проводили время в воспоминаниях о прошлом. Самуэль попросил ее рассказать про Исаака.

— Я так любила твоего отца! Я все время представляю, как он жил в Санкт-Петербурге, в доме этих вдов... Он их очень уважал, а порой я даже приходила в ярость, если он говорил, что Раиса Карлова готовит лучше, чем я. Но однажды я его удивила, когда при помощи месье Элиаса приготовила для него борщ.

Самуэль провел в доме Мари уже два месяца и все эти дни невыносимо страдал, видя каждый день, как она медленно угасает. В первые дни после его приезда Мари, казалось, почувствовала себя лучше; по крайней мере, она находила в себе силы, чтобы встать с постели, хоть и не без посторонней помощи. Но вскоре она уже не смогла вставать. Она с трудом могла есть и постоянно жаловалась на сильные боли в суставах, но при этом упорно отказывалась принимать морфий, который прописал ей доктор.

— Если я буду пить этот ваш морфий, я, конечно, не буду чувствовать боли, — говорила она. — Но вся беда в том, что тогда я не буду чувствовать вообще ничего.

Тем не менее, боли были настолько сильными, что порой Ирина не выдерживала и по совету врача подливала ей в суп несколько капель. Однако Мари всегда об этом догадывалась и решительно протестовала.

— Что это вы мне принесли? — возмущалась она. — Только не нужно меня обманывать... Пожалуйста, Самуэль, я не хочу спать! Помоги мне!

Ирина и Самуэль постоянно спорили, что важнее: желание больной или облегчение ее страданий, и это выливалось в долгие и бессмысленные дискуссии о жизни и смерти.

— Нет больше сил видеть, как она страдает! — плакала Ирина.

— Но она сама предпочитает испытывать боль, лишь бы чувствовать себя живой, — возражал Самуэль, который и сам не знал, что делать.

Но однажды наступил день, когда Мари не смогла даже двигаться. У нее совершенно отнялись ноги, а в руке она не могла удержать даже ложку. Ирина ежедневно обмывала ее при помощи Самуэля, несмотря на протесты самой Мари.

— Я не хочу, чтобы ты видел меня такой... — шептала она.

— Ну что ты, Мари! — отвечал он. — Ты для меня, как мать, так что подвинься и позволь Ирине поменять тебе ночную рубашку. Я хочу видеть тебя красивой.

Она закрывала глаза, благодарно улыбалась и позволяла себя переодеть.

Однажды утром, после того, как Ирина и Самуэль умыли ее и причесали, Мари попросила Михаила привести к ней священника.

— Я хочу исповедаться, — прошептала она слабым голосом.

— И в чем тебе исповедоваться? — спросил Михаил, гладя ее по щеке. — Ты самый лучший человек на всем белом свете!

— Сынок, все мы должны держать ответ перед Господом, и мне тоже есть, в чем покаяться, прежде чем с миром отойти в Вечность. Так ты приведешь священника?

Юноша кивнул и со слезами на глазах вышел из комнаты.

— Что случилось? — в тревоге спросила Ирина.

— Мари попросила привести священника, она хочет исповедаться, говорит, что... — не в силах сдержать слез, он бросился в объятия Ирины, вздрагивая всем телом.

В течение нескольких минут она обнимала его, стараясь успокоить, а затем развернула к себе лицом, заставив посмотреть ей в глаза.

— Михаил, мы должны ей помочь, мы должны сделать то, о чем она просит, ведь может статься, что эта последняя ее просьба. Так что ступай в церковь и позови священника, да скажи ему, чтобы поторопился. Ах, да, и предупреди Самуэля, он в своей комнате.

Мари было все труднее дышать; она жаловалась на острые боли в груди. Ирина не пошла на работу. Едва Михаил привел священника, она попросила его сбегать в цветочный магазин, где она служила, и предупредить хозяйку, что она сегодня не придет. Сама она с нетерпением ожидала прихода врача, который ежедневно навещал больную. Доктор Кастель прибыл в то же время, что и всегда, и, осмотрев Мари, поманил Самуэля из комнаты, чтобы поговорить с ним наедине.

— Я не думаю, что это случится сегодня, — сказал он, — но у нее уже нет сил терпеть эти мучения. Я знаю, что она отказывается принимать морфий, но подобных мучений не в состоянии вынести ни один человек. Вы — аптекарь, и вам не привыкать к боли, так что советую вам при первой возможности дать ей дозу морфия, необходимую для того, чтобы она спокойно уснула, пока смерть не придет за ней.

— Она хочет исповедаться, — ответил Самуэль.

— Ну так пусть исповедуется, а потом дайте ей морфий. По мне — так просто бесчеловечно заставлять ее страдать. Будь на ее месте моя родная мать, я не допустил бы, чтобы она так мучилась. Я уже объяснял вам, что ее болезнь неизлечима, что сделать здесь ничего нельзя, можно лишь облегчить боль. А вы допустили, чтобы она отказалась принимать морфий.

Самуэлю нечего было ответить на упреки врача. Он знал, что тот прав. Но, даже зная, как страдает Мари, Самуэль все равно не мог заставить себя дать ей смертельную дозу этой жидкости, чтобы та растеклась по ее венам, погружая в непробудный сон, незаметно переходящий в смерть. Когда пришел Михаил, приведя с собой священника, он застал Мари чрезвычайно взволнованной. Оставив ее наедине с проводником Божьей воли, они погрузились в молчание, ибо не существовало слов, которые могли бы их утешить. Каждый замкнулся в коконе своей скорби перед лицом неизбежной утраты.

Покинув спальню Мари, священник отозвал Самуэля и сказал ему, что больная желает поговорить с ним наедине.

— Господь вот-вот примет в свое лоно эту добрую женщину, — сказал он. — Сейчас она хочет поговорить с вами, Самуэль, затем — с Михаилом, а потом — с вами, мадемуазель Ирина.

Войдя в комнату Мари, Самуэль заставил себя улыбнуться. Он не хотел, чтобы она видела его плачущим — ведь он знал, как это ее расстроит. Мари попыталась протянуть ему руку; он сел рядом с ней и поцеловал в лоб, затем сжал ее руки в своих ладонях.

— Я хочу попросить тебя об одном одолжении... — прошептала Мари.

— Только об одном? В таком случае — все, что ты захочешь, к твоим услугам, — пошутил он.

— Не торопись уезжать. Остайся здесь еще хоть ненадолго. Этот дом — по-прежнему

твой, твой дед просто разрешил мне здесь жить и работать.

— Но я думал...

— Ты думал, что он мне его продал? В каком-то смысле, так оно и есть, но не совсем. Месье Элиас всегда говорил, что ты — его единственный внук, сын его любимой дочери Эстер, и что плоды всей его жизни должны принадлежать тебе. Я дала ему слово, что после своей смерти передам дом тебе; но я в любом случае не могла бы поступить иначе: ведь ты мне как сын, которого у меня никогда не было. Кому еще я могла бы завещать этот дом, даже если бы он был моим собственным? У твоего деда были также и кое-какие сбережения, но он не хотел оставлять их тебе, пока ты не найдешь свой путь в жизни. Он считал, что ты должен найти свой собственный путь, а для этого необходимо, чтобы ты не думал, что у тебя есть какие-то средства, кроме тех, которые ты сможешь сам заработать. Твой отец знал об этих деньгах, но тоже считал, что не стоит пока о них тебе говорить... Я хотела рассказать тебе о них, когда ты приехал сюда после того, как бежал из России и собирался ехать в Палестину. Но в конце концов я ничего тебе не сказала, потому что тоже считала, что ты должен сначала найти самого себя. И вот теперь настала минута, когда ты можешь наконец получить свое наследство. Этот дом принадлежит тебе, как и мастерская. Все документы на недвижимость, а также деньги, которые завещал твой дед, ты сможешь получить у нотариуса, месье Фармана. В моем письменном столе ты найдешь большой конверт. Открой его, когда меня не станет. Ах, да, мое собственное завещание тоже хранится у месье Фармана.

Мари закрыла глаза, и Самуэль в испуге вскочил. Но она тут же открыла их снова.

— Не пугайся, я еще не умираю... Я хочу сказать тебе кое-что еще, это касается Михаила... Будь с ним терпелив, он все еще не может простить тебе, что ты уехал. Я знаю, что ты по-настоящему к нему привязан, но все же для тебя он — не более, чем сын твоего знакомого, которого тебе пришлось спасти. Но он в тебе видит отца, которого потерял и боится потерять снова. А я... видишь ли, я хочу, чтобы ты узнал это от меня, прежде чем тебе обо всем расскажет месье Фарман. Все свои сбережения я поделила между тобой, Ириной и Михаилом. После смерти моей матери, месье Элиаса и твоего отца вы — единственные близкие люди, которые у меня остались. Ирина и Михаил доставили мне столько радости, и теперь я чувствую себя ответственной за их судьбу, так что...

Она вновь замолчала, прикрыв глаза. Самуэль почувствовал, как вспотели его ладони: так страшно ему вдруг стало, что он вот-вот ее потеряет. Он замер, прислушиваясь к неровному дыханию Мари.

— Я так устала! — пожаловалась она. — Я, конечно, не могу просить тебя взять на себя ответственность за их судьбу, ты должен жить своей собственной жизнью, но позволь им остаться в этом доме, даже если ты женишься и решишь привести сюда жену. Ведь это их дом, единственный дом, который Михаил помнит... Ирина... Ирина — сильная женщина, она сможет начать все сначала, но Михаил... Ты вернешься в Палестину?

— Не знаю, Мари, — ответил он. — А ты считаешь, что я должен ли я туда вернуться?

— Я тоже не знаю, Самуэль... Просто я хочу, чтобы ты был счастлив, но я не знаю, что сделает тебя счастливым. Когда-то я хотела, чтобы ты женился на Ирине; не думай, не только из эгоизма, чтобы вы все трое были рядом со мной. Но обещай мне, что сделаешь все, что решил, не отступая и не сдаваясь...

— Обещаю, Мари.

— Михаил... его занятия музыкой... Обещай, что он будет продолжать заниматься... Бог

наградил его таким талантом...

У Самуэля сердце обливалось кровью при виде страданий этой женщины; было совершенно невыносимо видеть, как искажается болью ее лицо, каких усилий стоит ей каждое слово. Наклонившись над ней, он обнял ее и поцеловал в лоб.

— Не печалься обо мне... Я готова... Я давно ждала... Там я воссоединюсь с моей мамой и вновь увижусь с твоим отцом, моим дорогим Исааком...

Большую часть времени у постели Мари дежурил Михаил; иногда его сменяла Ирина. Мари было все труднее дышать; казалось, она вот-вот задохнется. Ирина послала за доктором и упорно не желала его отпускать, призвав на помощь Михаила и Самуэля.

Врач наскоро осмотрел больную и вышел из спальни.

— Если вы не дадите ей морфий, я просто откланяюсь — это все, что я могу сделать, — заявил доктор. — Она испытывает невыносимые боли, едва может дышать. Вы что, хотите, чтобы она умерла в мучениях?

На этот раз Самуэль дал больной полную дозу морфия, прописанную врачом. и вскоре Мари погрузилась в сон, от которого ей не суждено было пробудиться.

Они горько оплакивали Мари. После ее смерти они вдруг почувствовали себя чужими. Оказалось, что она была тем самым звеном, соединявшим их друг с другом, и теперь они внезапно обнаружили, что их больше ничего не связывает, и они даже не представляют, чего им ждать друг от друга.

Михаил совершенно замкнулся в себе. Он не хотел делить свою боль ни с Ириной, ни, тем более, с Самуэлем, несмотря на то, что обещал Мари дать шанс этому человеку, вместе с которым он когда-то бежал из России.

Как ни уговаривала его Ирина возобновить занятия с месье Бонне, Михаил не желал ничего слушать. Даже музыка не в состоянии была победить охватившую его депрессию.

— Мы должны что-то сделать... ведь он заболел, он даже есть отказывается... — рыдала Ирина.

— Оставь его в покое, — отвечал Самуэль. — Он должен сам справиться со своим горем. Мари стала для вас второй матерью, он не скоро сможет смириться с ее потерей.

Через несколько дней после смерти Мари Самуэль обнаружил в ящике ее стола большой конверт — именно там, где она и сказала. Это было письмо, адресованное ему.

«Дорогой Самуэль!

Я не знаю, когда ты прочтешь это письмо, и успею ли я к тому времени с тобой попрощаться. Палестина далеко, и, быть может, ты уже не застанешь меня в живых.

Самуэль, сынок, — уж позволь мне так тебя называть, ведь в душе я всегда считала тебя своим сыном, хоть никогда и не смела сказать об этом вслух. Если бы у меня был сын, как бы я хотела, чтобы он был похож на тебя! И вот теперь, когда меня с вами нет, я хочу попросить тебя позаботиться об Ирине и Михаиле. Пусть они оба и утверждают, будто бы им не нужна твоя забота, но я-то знаю, как на самом деле они в ней нуждаются. Все эти годы мы с Бенедиктом Перецом очень старались, чтобы Михаил не забыл о своем еврейском происхождении. Он уже прошел бар-мицву — обряд и праздник посвящения во взрослую жизнь — и я тогда сопровождала его в синагогу... Сам он, как и ты, был бы рад забыть о том, что он — еврей, но мне страшно подумать, что его ждет, если он забудет о том, кто он есть... Помоги ему найти свой собственный путь, а если потребуется, возьми его с собой в Палестину, чтобы он увидел эту святую землю, которую евреям пришлось покинуть две тысячи лет назад...»

Строчки были неровными, буквы наезжали одна на другую — видимо, когда Мари писала письмо, у нее дрожали руки.

Далее следовали распоряжения относительно завещанного ему наследства, а также о том, как она желает распорядиться своими личными вещами.. Свои немногочисленные драгоценности — а именно, тонкую золотую цепочку с крестиком, серьги с крошечными жемчужинками и браслет — она завещала Ирине. Ей же была оставлена коллекция фарфоровых статуэток и литографии в серебряных рамках. Что же касается одежды, то Мари просила раздать ее бедным.

Михаилу она завещала несколько картин, которые купила, когда дела пошли в гору. Эти картины были написаны в слишком уж современной манере, чтобы нравиться Самуэлю, но Мари всегда восхищалась современным искусством, так что Самуэлю тоже приходилось изображать восторг, когда она показывала ему очередные приобретения, развешанные на стенах ее комнаты. Она питала очевидную слабость к работам молодых художников, которым очень нравилось дробить предметы на части и создавать из их фрагментов причудливые композиции. Как раз один из подобных шедевров висел у Мари в столовой. Надо сказать, что вложить деньги в эти полотна ей посоветовал не кто иной, как Бенедикт Перец, заверивший ее, что когда-нибудь эти художники будут удостоены звания «мастеров», а их творения, которые сейчас кажутся просто непонятной мазней, окажутся в одном ряду с шедеврами парижского Салона.

Самуэль был просто ошарашен, увидев, сколько людей пришло на похороны Мари. Сколько здесь было элегантных дам, утверждавших, что Мари, помимо того, что шила для них роскошные манто, была при этом их самой близкой подругой. Все они знали, что могут ей полностью доверять, ибо ни одно слово, произнесенное с ней наедине, не вышло за пределы ателье.

Самуэлю потребовался почти месяц, чтобы он смог собраться с духом и пойти наконец к нотариусу, месье Фарману. Для Ирины и Михаила стало настоящим сюрпризом известие, что Мари оставила им значительную сумму денег, которые копила в течение всей жизни.

Месье Фарман разъяснил, что часть своих денег Мари, по совету Бенедикта Перца вложила в ценные бумаги, но остальные деньги были помещены в банк, где и дожидались своих новых владельцев.

По возвращении домой они все по просьбе Самуэля собрались в гостиной.

— Я обещал Мари, что буду заботиться о вас... Прошу тебя, Михаил, выслушай меня! — взмолился он, увидев, каким гневом полыхнули глаза юноши.

— Заботиться о нас? — переспросил тот. — Но мы не нуждаемся в твоей заботе. Что ты можешь сделать для нас такого, чего бы мы не могли сами?

— Я не знаю, что мог бы сделать для вас, — честно признался Самуэль. — Но сама Мари просила меня о вас заботиться. Как вам известно, этот дом и мастерская принадлежат мне, однако мне бы хотелось, чтобы вы по-прежнему оставались здесь. Что же касается мастерской... Есть у меня одна идея, вот только не знаю, подойдет ли это тебе, Ирина. В любом случае, я советую тебе подумать. Дело в том, что я не собираюсь заниматься ни скорняжным, ни швейным делом и, насколько мне известно, ты тоже не имеешь к этому склонности. Но я знаю, что ты стала хорошим флористом. Так вот, я подумал: что если тебе переоборудовать мастерскую в цветочный магазин и открыть собственное дело? Зачем тебе работать в чьем-то чужом магазине, если ты можешь открыть собственный? Подумай об

этом, Ирина.

Но Ирине вовсе не надо было ни о чем думать. Услышав эти слова, она вскочила со стула и бросилась обнимать Самуэля.

— Я в самом деле могу открыть цветочный магазин? О Боже, о таком я даже мечтать не могла! Свое собственное дело! Конечно, я буду тебе выплачивать арендную плату за помещение; теперь мне это вполне по средствам, благодаря тем деньгам, которые мне завещала Мари.

— Нет-нет, никакой арендной платы. Я вовсе не нуждаюсь в деньгах. С теми деньгами, что я получил от своего деда, и с теми, что оставила мне Мари, я чувствую себя почти богачом. Полагаю, что при разумном их использовании я смогу безбедно прожить по меньшей мере несколько лет. Что же касается тебя, Михаил, то ты знаешь, чего для тебя хотела Мари. Она всегда считала, что ты станешь лучшим в мире музыкантом. Ради уважения к ее памяти ты должен продолжать заниматься с месье Бонне. Это не говоря уже о тех деньгах, которые она тебе завещала. Я сделаю все возможное, чтобы ты стал настоящим музыкантом, каким хотели бы тебя видеть Мари и твой отец. Ты не можешь впустую растратить свой талант.

— Как вы можете рассуждать о таких вещах, когда Мари больше нет? — сердито выкрикнул Михаил. — Вы уже всюю строите планы на будущее, и вам уже нет дела, что ее больше нет с нами...

— Прекрати вести себя, как ребенок! — одернул его Самуэль. — Тебе уже четырнадцать лет, и тебе пора думать о будущем. Или ты считаешь, что Мари понравилось бы, что ты плачешь целыми днями, отказываешься от еды, забросил игру на скрипке? Умереть очень легко, намного труднее продолжать жить, и самое лучшее, что ты можешь сделать для Мари — это жить, жить такой жизнью, какой она бы для тебя хотела. Стать таким, каким она мечтала тебя видеть. Я знаю, что ты чувствуешь себя не в своей тарелке оттого, что я поселился в этом доме, но тебе придется к этому привыкнуть, потому что я все равно останусь здесь, и мне бы не хотелось, чтобы ты продолжал дуться и отказывался со мной разговаривать. Я не допущу, чтобы мечты Мари потерпели крах из-за твоей глупости и упрямства.

Со слезами на глазах Михаил выбежал из гостиной; Ирина ухватила Самуэля за рукав, чтобы тот не бросился за ним следом.

— Оставь его, он должен побыть один и обдумать все то, что ты ему сказал. Скоро он опомнится; он хороший мальчик, и любит тебя, но он боится, что ты снова уедешь и его бросишь.

— Я не собираюсь никуда уезжать, Ирина, по крайней мере, в ближайшее время. Но я должен подумать о своей дальнейшей жизни.

Самуэль подумал, что если бы здесь вдруг оказались Яков, Кася и их дочка Марина, а вместе с ними — Ариэль и Луи, ему не было бы необходимости тянуть дальше эту безрадостную жизнь с Ириной и Михаилом, которые без Мари становились все более и более чужими. Но он обещал Мари, что попытается начать в Париже новую жизнь и наберется наконец смелости сделать предложение Ирине. Но если первое не вызывало у него никакого протеста, и он готов был свернуть горы, чтобы найти свое место в новой жизни, то при мысли о том, чтобы сделать Ирине предложение, у него подкашивались колени и кружилась голова. Он уговаривал себя, что ему нужно время, чтобы собраться с духом, но в глубине души понимал, что сам себя обманывает.

Ему не составило труда найти средства к существованию — помимо тех денег, что достались ему от деда и Мари. Тот же Бенедикт Перец нашел для него работу у месье Шевалье, знаменитого фармацевта, который был еще и профессором Парижского университета. Самуэль стал его помощником и одновременно начал посещать его занятия в университете, где, закрывшись в лаборатории, они разрабатывали такие лекарства, о которых никто и никогда не слышал.

Самуэль и сам не заметил, как прожил несколько лет этой странной жизнью в одном доме с женщиной, которую любил, но которой так и не решился сказать об этом ни единого слова. Ирина, как и собиралась, превратила меховое ателье в цветочный магазин, где теперь проводила время с утра до вечера, не замечая ничего вокруг. Михаил тем временем превратился из ребенка-вундеркинда в знаменитого музыканта.

Самуэль регулярно писал своим друзьям из Сада Надежды; не забывал он и об Ахмеде и его семье. Отвечал на его письма обычно Яков, подробно описывая все, что делается в Палестине, и постоянно осведомляясь, когда же он вернется. В одном из писем он сообщил, что Анастасия уехала было в Галилею к сестре Ольге и Николаю, но через несколько месяцев вернулась, чуть ли не со слезами уговаривая ее принять. Конечно, они ее приняли, но в Саду Надежды она оставалась недолго, ибо в один прекрасный день к ним пожаловал Иеремия и на глазах у всех, смущаясь и краснея, попросил Анастасию выйти за него замуж. Кася на правах старшей сестры уже готова была отказать жениху, поскольку знала, что Анастасия его не любит. Однако эта странная девушка не позволила ей сказать ни слова и, ко всеобщему величайшему удивлению, согласилась выйти замуж за Иеремию. Они казались вполне счастливой парой и уже стали родителями очаровательной дочурки — по словам Каси, настоящей красавицы.

6. Палестина, 1912-1914

Изекииль замолчал. Мариан заметила, что он устал. Вспоминать оказалось утомительным занятием, и старик делал над собой усилия, чтобы продолжать рассказ о своем деде и отце. Мариан испытала искушение пощадить его и сказать, что вернется в другой день, подождет возвращения его сына, чтобы поговорить с ним о еврейских поселениях, но Изекииль ей не позволил.

— Между прочим, сейчас время трапезы, не хотите со мной пообедать? — осведомился он. — Мы могли бы продолжить разговор за столом.

— Пообедать? Ну что ж... Право, не знаю, будет ли это удобно..

— Полагаю, что в вашей НКО не сочтут изменой, если вы пообедаете со стариком, — в голосе Изекииля прозвучала ирония.

— Не смейтесь, мы действительно не имеем права...

— Заводить дружеские отношения? — прервал ее он. — Знаете что? Это упрямство кажется мне глупостью. Неужели свы потеряете объективность, если отведаете со мной немного хумуса? И позвольте спросить, отклоняли ли вы приглашение к столу от той палестинской семьи, отказывались ли разделить трапезу с этими людьми, когда расспрашивали их о том, что здесь происходит? Уверен, что нет. Поэтому сделайте такое одолжение и разделите со мной обед. Не ждите особых разносолов: как я уже сказал, будет хумус, салат из помидоров и огурцов, который готовится за одну минуту, да еще, думаю, в моем холодильнике найдется кусочек ростбифа. Хотите пива или, может быть, вина?

— Нет-нет, только воду... Не беспокойтесь, я не хочу есть.

— В таком случае увидимся в другой раз, вы могли бы вернуться, когда приедет мой сын. Мне необходимо поесть, я уже стар, и хотя ем мало, но необходимо поддерживать силы, а как вы понимаете, я не смогу обедать, пока вы просто смотрите.

Изекииль поднялся и протянул руку, чтобы попрощаться. Мариан больше не колебалась.

— Ну что ж, я принимаю ваше приглашение, но позвольте мне помочь.

— Тогда пойдемте со мной на кухню и поедим там; вы поможете мне порезать помидоры, пока я накрываю на стол. Да, кстати, теперь ваша очередь рассказывать. Так что расскажите мне про Ахмеда, а я пока отдохну.

— Так вам и в самом деле интересно, что думает и чувствует семья Ахмеда и другие палестинские семьи?

Мариан заглянула в усталые глаза Изекииля — серо-стальные, выцветшие от старости.

— Да, мне интересно знать, что они вам рассказали, и как они это изложили; в конце концов, когда ваш труд будет готов, именно их версия будет превалировать.

— Садитесь же...

— Да, вот еще: когда будете резать помидоры — осторожнее, этот нож очень острый.

***

Ахмед был обеспокоен. Ему хотелось бы поделиться своими тревогами с Самуэлем, но тот находился в Париже, и, судя по письмам, собирался там остаться. Он уехал уже четыре года назад, но словно до сих пор присутствовал здесь.

Не то чтобы Якову или Луи нельзя было довериться, да даже и Ариэлю, несмотря на

некоторую его черствость, но существовали семейные проблемы, которые он не мог обсуждать даже с друзьями, хотя в случае с Самуэлем всё было по-другому.

Однажды летним вечером, возвращаясь, как обычно, домой после работы, он увидел в глубине сада сидящих рядышком Марину и Мухаммеда.

Молодые люди смеялись и держались за руки, не беспокоясь о том, что их могут увидеть. Он не понимал, как это Кася не уследила за дочерью. Лишь при мысли об этом Ахмед ощутил раздражение по отношению к жене Якова, он знал, что она — хорошая женщина, но ее привычки всегда выводили его из себя. Яков был слишком снисходительным мужем и позволял супруге вести себя по-мужски.

Он уже обсуждал с Диной этот вопрос, но жена наотрез отказалась говорить об этом с Касей.

— Они и сами наверняка всё знают, — сетовал Ахмед.. — Благо, ни Марина, ни наш Мухаммед не скрывают своих чувств. Они безоглядно влюблены, и такое поведение кажется им естественным.

— И что, по-твоему, мы здесь можем поделаться? — спросила Дина. — Это ты должен найти для Мухаммеда хорошую жену, и тогда ему придется расстаться со своими мечтами о Марине.

— Ты должна поговорить с Касей... — настаивал Ахмед.

— И что я могу сказать ей такого, чего она и так не знает? К тому же я не хочу, чтобы она думала, будто я что-то имею против Марины. Она хорошая девочка, всегда была к нам добра и помогала нянчить Айшу. Наша дочка любит ее, как сестру.

— В таком случае, что мы, по-твоему, должны делать? — поинтересовался Ахмед.

— Женить Мухаммеда, я тебе уже говорила. Если мы найдем ему хорошую жену, он скоро забудет Марину.

— Но если его женить, он не сможет учиться, — возразил Ахмед. — Все эти годы мы тянули из себя жилы, лишь бы он стал врачом, а если мы его женим, ему не останется ничего иного, как вместе со мной долбить камень, чтобы прокормить семью.

— Врачом он в любом случае не станет: наш сын пожелал изучать юриспруденцию, — ответила Дина.

Ахмед смиренно вздохнул.

— Ну что ж, мы должны уважать его выбор, — сказал он. — В конце концов, для того, чтобы быть врачом, необходимо призвание, а у него его нет. Ему очень повезло, что он поступил в британскую школу Сент-Джордж, туда принимают лишь избранных. Хвала Аллаху, что некий английский дипломат заболел малярией, от которой его удалось вылечить только нашему старику Абраму, и он в благодарность открыл для нашего сына дорогу в Сент-Джордж.

— Этот врач-еврей всегда старался нам помочь, хотя и не смог спасти нашего сына, — вздохнула Дина, которая до сих пор не смогла забыть о безвременной смерти Измаила.

— Если бы Абрам не поговорил с нужными людьми, наш сын не смог бы поступить в английскую школу. Так что пока я не стану женить Мухаммеда, — резонно заявил Ахмед.

— В таком случае, поговори с ним сам, — сказала Дина. — В конце концов, ты — его отец, и он обязан тебе подчиняться. Напомни ему, что наступит время, когда он должен будет жениться на женщине, которую ты для него выберешь.

— Он и сам это знает.

— Знает, но не желает с этим мириться.

Этот спор продолжался каждый раз, когда Мухаммед и Марина проводили время вместе. Родители решили разлучить Мухаммеда с Мариной, послав его учиться в Стамбул, к компаньону Хасана. Брат Дины сохранил в этом городе добрых друзей, с которыми вел торговлю, а теперь они щедро предложили принять его племянника. Хасан лично предложил содержать племянника, и Ахмед поначалу от этого отказался, но настойчивые уговоры жены и тещи, а также самого Хасана закончились тем, что он уступил. Хотя разлука всё равно никакой роли не сыграла. Когда сын Ахмеда вернулся домой, он едва успел поприветствовать отца, так торопился к Марине.

Ахмед любил Марину не меньше, чем Дина, однако, признавая все достоинства этой девушки, никак не мог позволить Мухаммеду на ней жениться. Вот если бы Марина согласилась принять ислам... Но он прекрасно знал, что она никогда этого не сделает, а значит, не может быть и речи о том, чтобы она стала его невесткой.

Он очень медленно приблизился к молодым людям, которые не заметили его появления.

— Ах, папа, ты уже здесь! — с улыбкой воскликнул Мухаммед.

— Уже шесть часов вечера, — сухо ответил Ахмед.

— Ты прав, время так быстро бежит, что мы и не заметили. Марина считает, что я хорошо говорю по-английски, хотя не знаю, важно ли это, в конце концов, она его выучила безо всякой помощи.

— Благодаря моему отцу, — вставила она.

— У Якова всегда были способности к языкам, — кивнул Ахмед. — Тебе повезло.

— Так вот, благодаря своему таланту Марина выучила английский и немного французский, и это помимо арабского.

— Да ладно, Мухаммед, арабскому это ты меня научил, отец лишь обучил основам, не более того, а французский, хотя я его знаю плохо, я выучила с Самуэлем и Луи. Мой родной язык — идиш, хотя сейчас я с легкостью говорю на иврите и арабском. Дома у нас звучат все языки — Луи постоянно болтает по-французски, Ариэль — на идиш и русском... ну а мне нравится говорить по-арабски. Это такой красивый язык!

Ахмед опустил голову, и Мухаммеду сразу вдруг стало не по себе.

— Я провожу тебя домой, папа, — сказал он. — А потом мы еще погуляем, хорошо? — обратился он к Марине.

К дому они шли молча, пытаясь найти слова, чтобы как-то закрыть ту трещину, которая их разделяла, как понимали оба.

— Мухаммед, сынок, ты же знаешь, что у вас с Мариной не может быть никакого будущего, — с глубокой печалью в голосе произнес Ахмед.

— Папа, зачем ты так говоришь? Марина — она такая... такая... Я люблю ее, и я уверен, что она тоже...

— Да, согласен, она тоже тебя любит и не скрывает этого. Но ты должен учиться. Мы приложили столько усилий. Тебе выпала такая удача: ты сможешь учиться в Сент-Джордже. Неужели ты откажешься от такого шанса?

— Но когда-нибудь я всё равно женюсь...

— Ни слова больше! Сейчас, конечно, рано об этом говорить, но, когда придет время, я найду тебе подходящую жену, так что не беспокойся.

— Папа, прости меня, я не хочу тебя обидеть, но я предпочел бы сам выбрать себе невесту.

Они переглянулись, И Мухаммед встревожился, увидев на лице отца досаду.

— Ты сделаешь то, что должен, а не то, чего тебе хочется. Уж поверь, я знаю, как для тебя лучше.

— Ты хочешь сказать, что не позволишь мне жениться на Марине?

— Мне очень жаль, но ты не можешь на ней жениться. Марина — иудейка, а мы — мусульмане. Или ты надеешься убедить ее отречься от своей веры? Ты всерьез думаешь, что она согласится? Нет, она этого не сделает, да и родители ей не позволят.

— Касе и Якову наплевать на веру.

— Напрасно ты так думаешь. На самом деле вера для них очень важна. Они — иудеи. Если бы они могли отказаться от своей веры — думаешь, они бы сюда приехали?

— Они бежали от погромов...

— Допустим. И что же, они не смогли бы найти лучшего места, куда бежать? Нет, Мухаммед, не обольщайся: они не позволят Марине отречься от своей веры.

— А один мой друг-христианин из Сент-Джорджа утверждает, что сефарды — это как раз «Яхуд авлад араба», то есть еврейские дети арабов.

— Что за бред! Но в любом случае, Марина — не сефардка.

— Папа, но мы же отмечаем общие праздники; ты сам ходил к ним в гости на иудейский Пурим и меня водил на могилу Симона Справедливого в день его памяти. А они вместе с нами праздновали окончание Рамадана. Мы живем бок о бок, бок о бок трудимся на этой земле, и в сущности ничем не отличаемся друг от друга, за исключением того, что по-разному молимся Всевышнему.

— Замолчи! — в сердцах закричал Ахмед. — Как ты можешь так говорить?

— Я хочу сам решать свою судьбу! Я люблю Марину и не хочу никакой другой жены, кроме нее.

— Нет, Мухаммед, ты будешь делать то, что я тебе велю. И ты будешь жить так, как жил я, а до меня — мой отец и отец моего отца.

Ахмед развернулся и вышел из дома. Ему необходимо было глотнуть свежего воздуха. Он не хотел, чтобы этот разговор привел к ссоре с сыном. Тот обязан слушаться. Лучше всего как можно скорее отправить его обратно в Стамбул, чтобы продолжил изучение юриспруденции. Чем больше времени он проведет вдали от Марины, тем быстрее ее забудет. Но все равно он улучил момент, чтобы переговорить с Яковом. Он стыдился того, что пришлось к этому прибегнуть, но не мог в одиночку нести этот груз.

На следующее утро, прежде чем отправиться в карьер, он заглянул в Сад Надежды. Там он застал плачущую Касю и убитого горем Ариэля. Ни Якова, ни Луи не было.

Ариэль сообщил ему печальные новости. Оказалось, что этой ночью умер Абрам Йонах. Старый врач уже несколько месяцев был тяжело болен и каждое утро с большим трудом поднимался с постели; смерть настигла его во сне: он просто не проснулся однажды утром.

— Он был хорошим человеком, — вздохнул Ахмед, который и в самом деле ценил и уважал старого врача-еврея.

— Он свел нас с тобой, — прошептала Кася, еле сдерживая слезы.

Яков и Луи уже отправились в город, Марина пошла вместе с ними, — объяснил ему Ариэль. — А мы с Касей отправимся позже, нужно закончить работу.

Остаток дня Ахмед сдерживался, чтобы не зарыдать. Он едва смог сосредоточиться на работе, но Иеремия, всегда такой требовательный, ничего не сказал по этому поводу, поскольку тоже горевал из-за кончины Абрама.

Ахмед и Дина присоединились к похоронной процессии, чтобы проводить Абрама в последний путь, в вечность. Дина плакала, обнимая Касю, а Мухаммед как мог утешал Марину.

Горе разделяли как мусульмане, так и христиане. Абрам Йонах имел хорошую репутацию как врач, но в особенности заслужил искреннюю привязанность тех, с кем имел дело. Он не брал ни гроша с тех, кто не мог заплатить, а среди его пациентов были и мусульмане, и христиане, жители Иерусалима, как и дипломаты и путешественники, заезжающие в город.

Йосси, сын Абрама и Рахили, был безутешен. Юдифь, его жена, как могла, утешала свекровь, но та лишь молчала и плакала. Даже малютка Ясмин не в силах была утешить бабушку.

Йосси хотелось бы иметь больше детей, но Юдифь не могла снова забеременеть, так что Ясмин оставалась их единственной отрадой, так же как для Абрама и Рахили. Ясмин нравилось проводить время с дедом, она просила его обучить ее профессии врача, а тот улыбался и, несмотря на протесты Рахили, учил внучку, хотя и сетовал, что та никогда не станет врачом вроде него. Ясмин была примерно одного возраста в Мариной, их часто видели вместе.

Ахмед был очень привязан к этой семье, как, кстати, и ко всем обитателям Сада Надежды, но его отношение к евреям как таковым было, мягко говоря, настороженным. С каждым годом их все больше приезжало в Палестину, чтобы купить здесь землю; они скупали ее у всех, кто пожелает продать. Поначалу влиятельные арабские семьи не видели ничего опасного в этом неиссякающем потоке мигрантов, а некоторые из них — такие, как Хусейни, Халиди, Дахани и некоторые другие, даже вели с евреями торговые дела. Он слышал даже, что кое-кто из них имел связи с семьей Валеро — евреев-сефардов, владеющих сетью банков.

Не так давно Ахмед примкнул к группе противников массовой еврейской иммиграции; эти люди были весьма обеспокоены будущим той пустынной земли, на которой они родились. На первое собрание этой группы Ахмеда привел его шурин Хасан.

Много лет назад Хасан весьма успешно начал свое дело в Бейруте, а потом продолжил его в Стамбуле, сколотив состояние на торговле, во многом благодаря своему покровителю, преуспевающему иерусалимскому торговцу.

Сыновья Хасана, Халед и Салах, учились в христианской школе в Бейруте, где их, помимо всего прочего, учили ненавидеть евреев. Кое-кто из их священников-наставников откровенно проклинал евреев за то, что они, дескать, убили их Бога; этот Бог, как Халед потом пытался объяснить дяде, был не кто иной, как еврейский пророк по имени Иисус. При этом те же священники, не желавшие скрывать своей неприязни к евреям, не скрывали также и своей симпатии к арабам; время от времени им даже удавалось обратить некоторых из них в свою веру.

Когда Хасан решил покинуть Стамбул, чтобы вместе с семьей вернуться в Иерусалим, ему позволили совершить паломничество в Мекку. Там он примкнул к группе сторонников Хусейна-ибн-Али, губернатора Хиджаза, одной из османских провинций в Аравии.

Познакомившись с Хусейном, Хасан был впечатлен его бородой — белой как джелабба, в которой он был одет, она придавала ему особое достоинство. Хусейн был шарифом Мекки [10] и происходил от самого Пророка.

Друзей шарифа очень интересовало, разделяет ли Хасан их планы создать арабское

государство, свободное от турецкого ига. Хусейн, разумеется, станет новым калифом и будет править народом ислама.

Как Ахмед, так и его шури́н Хасан со своими сыновьями, были разочарованы результатом революции, устроенной группой турецких офицеров, которых на Западе прозвали «младотурками», а сами себя они именовали комитетом за единство и прогресс и пробудили большие надежды, но в конце концов никаких улучшений не наступило, по крайней мере в этом уголке империи султана.

Кроме того, Хасан считал, что новые хозяева империи ведут себя не как положено правоверным мусульманам.

Каждую пятницу они в мечети после молитвы, чтобы провести время за беседой.

— Евреи вооружаются, — сетовал Хасан. — Один мой друг из Галилеи рассказывал, что эти отряды боевиков — все эти «Ха-Шомеры», то есть «стражи», и другие — с каждым днем всё больше нагнетают, прикрываясь тем, что якобы защищают сельскохозяйственные колонии от бандитских нападений. Они носят куфии, подобно бедуинам, и забираются всё дальше за реку Иордан — будто бы в поисках этих самых бандитов. С каждым днем они набирают силу, и скоро настанет день, когда они захотят большего, чем то, что сейчас имеют.

— Мнение моих соседей относительно турков разделились, — рассказывал Ахмед. — Например, один из них, Яков, считает, что евреи должны поддерживать султана. Он считает, что евреи должны объединиться и иметь в Стамбуле своих представителей, которые будут защищать их интересы. Думаю, тот же Яков предпочитает видеть евреев подданными султана. Да и вообще я полагаю, что мои друзья из Сада Надежды даже не мечтают ни о чем другом, как жить под покровительством султана, как сейчас.

— С каждым днем евреи позволяют себе все больше, — пожаловался Халед, племянник Ахмеда. — Боюсь, что скоро они подомнут под себя всю Палестину.

Ахмед разрывался между дружбой которую питал по отношению к обитателям Сада Надежды, и семейными узами, но его шури́н Хасан не сомневался, что настанет время, когда палестинские арабы станут независимыми от Османской империи. Он был убежден, что если этого добиться, то новое положение дел спровоцирует напряженность с евреями, которые мало-помалу обустроивались на палестинской земле.

— Не думаю, что они к этому стремятся, — слегка запинаясь, ответил Ахмед. — Единственное, чего они хотят — это спокойно работать и жить в мире с нами.

— Но, дядя, ты же сам — пример того, как они всё захватывают. Ты вынужден делать с этими людьми землю, на которой живешь, — ответил Халед.

— Землю, которая принадлежала не мне, а господину Абану, и именно он решил ее продать. Я не могу винить этих евреев, потому что они ничего плохого мне не сделали. Они обращаются со мной, как с равным, выказывают уважение и дружелюбие к моей семье. У меня ничего не отбирали, ведь у меня ничего и не было.

— Ты полагаешь, у них есть право покупать нашу землю? — спросил Халед.

— Право? Они просто покупают то, что другие желают продать.

— Ты и представить себе не можешь, что это значит! — взорвался Халед.

— Ладно, ладно, давай не будем спорить. В главном мы согласны. В том, что все мы жаждем выйти из Османской империи и создать новое государство, свое, арабское, — вмешался в разговор своего зятя и сына Хасан.

— Ты занимаешь соглашательскую позицию, Ахмед. Халед же — реалист, — произнес еще один мужчина, Омар Салем, который верховодил в группе.

Ахмед не осмелился ответить Омару. Он уважал этого человека. Не только потому, что тот был выходцем из известной семьи, но и потому, что он был знаком со многими людьми при дворе султана в Стамбуле, а также в Каире и Дамаске, и входил в ближний круг шарифа Хусейна. Хотя он никогда не хвастался своим положением, все признавали за ним лидерство.

В тот день Омар пригласил их в свой особняк, расположенный вне стан Старого города. Самые известные семьи выбрали район Шейх-Джаррах, чтобы построить там новые дома, а особняк Омара был одним из лучших. В роскошно декорированном зале Ахмед ощутил себя съездившимся.

Омар вел себя как радушный хозяин, пытаясь доставить удовольствие гостям. Время от времени появлялся слуга с чаем и сладостями, а также кувшинами со свежей водой, где плавали лепестки роз.

— Султан тоже не доверяет прибывшей массе евреев и каждый раз накладывает всё больше ограничений на их проживание. Но я согласен с дядей Ахмедом, наша проблема — не евреи, а турки. Евреи могут жить рядом с нами и в тот день, когда мы перестанем быть подданными султана, — сказал Салах.

— Но они всё прибывают и покупают здесь собственность. В Иерусалиме их уже больше, чем нас, — ответил его брат Халед.

— Друзья мои, мы должны поработать над тем, чтобы однажды наши сыновья жили в великом государстве, управляемом людьми одной с нами крови, богобоязненными и следующими заповедям Пророка. Да, мы мечтаем об арабском государстве, — произнес Омар, и все остальные пылко закивали.

— Иерусалим стал совсем не тем святым городом, которым мы его знали, с каждым днем на улицах всё больше проституток. И некоторые наши девушки становятся безо всякого стыда любовницами евреев. Это сделали с городом русские и армяне, — посетовал Хасан.

— И не только они... Каждый день прибывает всё больше иностранцев — британцы, американцы, болгары... И большинство из них — нечестивые. Самые худшие — евреи из России, они приносят греховные идеи. Не хотят ни прислуживать, ни иметь хозяев, не ходят в синагогу и позволяют своим женам вести себя так, будто они мужчины. В сельскохозяйственных колониях, где они живут, нет руководства, и все равны, — напирал Халед.

— Да, они утверждают, что все люди равны, и никто не должен быть хозяином другого человека, — пытался объяснить ему Ахмед, не скрывая своего восхищения.

— Ты ведь и сам это прекрасно знаешь, так ведь, дядя? Ты живешь с ними бок о бок, ведь в Саду Надежды живут именно русские евреи, — заметил Салах, — и они никогда не ходят в синагогу и не соблюдают шабат.

Когда Ахмед вернулся домой, Дина бросилась ему навстречу. Ей не терпелось узнать, как ему понравился дом Омара. Ахмед постарался рассказать ей все как можно подробнее, не упустив ни одной мельчайшей детали. Жена слушала его, раскрыв рот от изумления.

Эти встречи поселили в Ахмеде беспокойство. Он спрашивал себя, что произойдет в тот день, когда Омар или Хасан решат, что пришло время действовать, а не только говорить. Как они поступят? Как поступит он сам?

Выслушав его рассказ, Дина, в свою очередь, поведала, как провела вечер.

— Сегодня пришла Лейла, жена моего брата, не предупредив заранее о своем приходе. Она видела Мухаммеда под руку с Мариной и устроила скандал по этому поводу.

— Опять все то же! — рассердился Ахмед. — Ну и сынок у нас — никакого уважения! Я же просил его не приближаться к этой девушке, а он снова ищет неприятностей на свою голову! Где он?

— Еще не вернулся, — ответила Дина. — Думаю, он остался ужинать в Саду Надежды. Я видела, как они вдвоем вошли в дом. Там ему всегда рады. Кася любит его, как родного сына, а Якову очень нравится вести с Мухаммедом беседы о Стамбуле. Ты должен поговорить с ним снова и поскорее найти ему невесту. Ему просто необходимо найти хорошую жену.

Когда Мухаммед вернулся, Айша и Саида уже спали, но полусонная Дина все еще сидела возле очага.

— Где ты был? — спросил Ахмед, не обратив внимания на приветствие сына.

— Кася пригласила меня ужинать, потом мы с Яковым играли в шахматы. Я выиграл у него две партии. Он говорит, что я хороший стратег. Наверное, это правда. Он учил меня играть, когда я был ребенком, а теперь я поставил ему мат.

— Заходила тетя Лейла, — сообщил Ахмед.

— Знаю, я ее видел. По-моему, она совсем зарвалась. Лейла обожает совать нос в чужие дела и постоянно грубит Касе и Марине. Смотрит на них с видом превосходства. Вечно всем недовольна!

— Ты хоть соображаешь, что творишь? — набросился на него Ахмед. — Ты считаешь, что твоя тетя может одобрить подобное поведение?

— Поведение? — переспросил Мухаммед, с вызовом глядя на отца. — И что же такого постыдного в моем поведении?

— Твои прогулки под руку с Мариной. Вы с ней не помолвлены. Или ты хочешь, чтобы про нее распускали сплетни?

— Сплетни? И что плохого они могут сказать о Марине? Да я придушу любого, кто посмеет сказать о ней хоть слово, даже тетю Лейлу.

— Мы уже говорили о Марине, и я не желаю к этому возвращаться. Итак, твои каникулы закончились, завтра ты отбываешь обратно в Стамбул.

— Но ведь еще несколько дней до начала занятий.

— И, тем не менее, ты едешь завтра. Так что собирай вещи.

— Папа, ты гонишь меня из дома?

— Нет, я лишь хочу спасти тебя и всех нас от большого несчастья. Ты должен понять, что Марина тебе не пара. Если потребуется, мы продадим дом и сад и переедем жить в другое место. Я не хочу ссориться с Яковым и остальными, в конце концов, эта земля принадлежит им. Но ты не оставляешь мне иного выбора, кроме как всё потерять. Ты этого хочешь?

Дина наблюдала за ними с беспокойством. У нее всё внутри переворачивалось при виде спорящих мужа и сына. Ее трогала боль Мухаммеда, она сочувствовала сыну и вместе с Касей строила планы о свадьбе детей, но такого всё равно не могло случиться.

Ей тоже хотелось бы выйти замуж по любви, но любовь пришла уже после свадьбы. Она едва знала Ахмеда, когда отец объявил, что пришел к соглашению с родителями жениха. Их семьи организовали брак, не спросив их согласия, и оба согласились с решением родителей, которое в конечном итоге привело к успешному браку. Ахмед был хорошим человеком, заботливым и внимательным мужем и всегда учитывал мнение жены. Ни разу он не посмотрел на другую женщину. Она тоже была хорошей женой и матерью. Она подарила

мужу четырех детей, хотя выжили лишь двое, Мухаммед и Айша. Она до сих пор оплакивала маленького Измаила. По другому сыну, родившемуся мертвым, она не так скучала. Ей не позволили даже увидеть его лица.

— Твой отец прав, — решила она сказать, понимая, что не должна вмешиваться в мужские разговоры.

— Однажды настанет день, когда религиозные предрассудки перестанут разделять людей, — заявил Мухаммед. — Ты ведь знаешь, мама, мы делим эту землю с разными людьми — с турками, евреями, армянами, русскими — со всеми, кто приезжает в Иерусалим, потому что считает этот город величайшей в мире святыней. Знаешь, сколько наших людей имеет жен-евреек? Многие этого даже не скрывают. Да, официально они не женаты, поскольку это запрещено законом, но знаешь ли ты, сколько аристократов держат гаремы, где проводят время с женщинами иных национальностей и вероисповеданий? Например, сын правителя Хусейна живет с одной из красивейших женщин Иерусалима, Персефой. Ты же слышала о ней, мама? Ну, конечно, слышала. Она гречанка, торгует нефтью и делит ложе с сыном правителя. Да что там, я тебе и не такое могу рассказать...

— Хватит! Как ты смеешь рассказывать такие истории своей матери? Нас не касается, как ведут себя другие. Собирай свои вещи, завтра на рассвете ты уезжаешь.

Едва рассвело, Мухаммед бросился в Сад Надежды, где сразу наткнулся на Касю и Ариэля, которые в этот час всегда доили коз. Кася тут же разбудила Марину, и она выбежала навстречу Мухаммеду — как была, растрепанная, с заспанными глазами. Они простились, не в силах сдержать слез.

С этой минуты Ахмед стал замечать растущее с каждым днем напряжение между его семьей и землевладельцами. Соседи были по-прежнему вежливы, но Кася больше не забегала поболтать с Диной и Саидой, а Яков лишь сдержанно кивал, когда встречался с Ахмедом на тропинке, петляющей среди апельсиновых деревьев. Ариэль сделался еще молчаливее, чем всегда, а Луи даже не скрывал своей неприязни. Больше всего Ахмед боялся встречи с Мариной, да и сама она, казалось, делала все возможное, лишь бы не встречаться с членами его семьи. Айша, к которой Марина всегда относилась, как к младшей сестренке, однажды спросила у матери, что случилось.

— Я видела Марину, — рассказывала Айя. — Она посмотрела на меня, как на пустое место, а когда я к ней обратилась, сказала, что ей некогда, она очень занята. Я не понимаю, что с ней случилось. Она всегда была со мной так ласкова...

Дина опустила глаза, не зная, что и ответить, но ее выручила Саида, которая всегда старалась сгладить все углы.

— Не расстраивайся, малышка, — сказала она. — У всех у нас случаются тяжелые дни. Бывают, знаешь ли, у людей неприятности, о которых не хочется никому рассказывать. Оставь пока Марину в покое, не приставай к ней, и все само собой наладится.

— Но, бабушка, я ведь чувствую: что-то случилось. Почему ты не хочешь мне рассказать?

— Нет, девочка, ничего такого не случилось, просто человеку иногда нужно побыть одному. Не трогай ее пока, потом она сама к тебе придет.

— Короче говоря, случилось нечто такое, о чем знают все, кроме меня, — не отставала Айша.

Саида взглянула на Дину, в надежде, что хоть та сможет что-то объяснить Айше. Ведь сама она была всего лишь бабушкой, и не ее ума дело вмешиваться в личные дела семьи.

Кроме того, она считала не вполне уместным посвящать Айю в причины конфликта с обитателями Сада Надежды. Сама она нипочем бы не призналась, как не хватает ей Каси, которая больше не приходила к ним по вечерам, чтобы поболтать за чашкой чая.

Пропать росла с каждым днем, и в конце концов Дина сказала мужу, что надо что-то с этим делать.

— Они — землевладельцы и наши соседи, — сказала она. — Им ничего не стоит выжить нас из нашего дома, достаточно назначить арендную плату, которую мы никак не потянем. Ты должен поговорить с Яковом; я думаю, он поймет, почему ты решил разлучить Мухаммеда и Марину.

— Ты уже говорила об этом с Касей? — спросил Ахмед.

— Нет, я так и не решилась. Я знаю, что она очень сердится на нас, ей тяжело видеть, как страдает дочь, но я уверена, что в конце концов она поймет, что мы правы. Моя мать говорит, что Кася — разумная женщина и сможет понять, что ее Марине лучше не встречаться с Мухаммедом — по крайней мере, в ближайшее время.

— Быть может, Саида и права... Ладно, в таком случае, я поговорю с Яковом. Надеюсь, он согласится меня выслушать.

Но Ахмеду никак не удавалось выбрать подходящую минуту, чтобы выяснить отношения с Яковом. Прошло несколько недель, прежде чем он решил взять-таки быка за рога и прояснить наконец ситуацию. Окончив работу в карьере, он, не заходя домой, отправился в Сад Надежды. Сердце сжалось у него в груди при виде этого дома, притаившегося среди олив; всего несколько лет назад он помогал Самуэлю и его друзьям строить этот дом. Подойдя ближе, он от души порадовался, видя, что оливы заботливо обрезаются, и ветви гнутся под тяжестью плодов. Эти евреи получали неплохую прибыль, продавая оливки на маслобойню, где из них делали зеленоватое ароматное масло с легкой кислинкой, которое так любят жители Иерусалима.

Дверь была приоткрыта; Ахмед слегка толкнул ее, деликатно прокашлявшись, чтобы возвестить о своем приходе.

Он тут же отступил назад, увидев незнакомую женщину и молодого человека, в то время как остальные непринужденно болтали. Но вот Кася взглянула на него, изменившись в лице.

— Добрый вечер, Ахмед, — произнесла она, но без прежней приветливости.

— Я вижу, у вас гости, не хотелось бы вам мешать... Ну что ж, зайду в другой раз.

Однако Ариэль, к величайшему изумлению Ахмеда, приветливо ему улыбнулся.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Это моя жена Руфь, а это мой сын Игорь.

Ариэль положил руку на плечо Ахмеда и слегка подтолкнул его вперед, принуждая войти в дом. Теперь Ахмед никак не мог уйти, даже если бы и захотел. Женщина, которую представили как Руфь, вышла ему навстречу и протянула руку.

— Так ты и есть тот самый Ахмед? — воскликнула она. — Я знаю о тебе и твоей семье из писем мужа. Надеюсь вскоре познакомится с твоей женой Диной и тещей Саидой, а также с твоими детьми. Как я поняла, им примерно столько же лет, сколько моему Игорю?

Ахмед растерялся, не зная, что ему делать с рукой, которую протянула Руфь. Он не одобрял подобных фамильярностей в отношении женщин, особенно незнакомых, хотя, конечно, знал, что так принято у европейцев.

— Поговорим в другой раз, — повторил Ахмед.

— Несколько часов назад Руфь и Игорь прибыли в Яффу, — сказал Ариэль. — Мне досих пор не верится, что они здесь. Я думал, что никогда их больше не увижу. Ты ведь и сам

понимаешь, что это такое — семья.

Затем он протянул Ахмеду стакан.

— Выпей, — настаивал Ариэль. — Выпьем за мою семью.

Ахмед не знал, что ему и делать. С одной стороны, ему не хотелось обижать друзей, а с другой, как он мог нарушить заповедь Корана, которая запрещает пить?

— Ну, смелее, Ахмед! — подбадривал Ариэль. — Твой народ ведь пьет травяные ликеры, считая их лекарством для улучшения пищеварения. Эту водку приготовили мы с Луи, и она тоже лечебная, так что можешь пить спокойно, никакого греха в этом нет.

Ахмед нехотя обмакнул губы в прозрачную, как вода, жидкость с резким запахом и обжигающим вкусом. С каждой минутой он чувствовал себя все неудобнее — в том числе и от этой непривычной обходительности, которой никак не ожидал от грубоватого Ариэля. Столь же дружелюбно вела себя и его жена — маленькая полная женщина с открытой и доброжелательной улыбкой. У нее были каштановые волосы, карие глаза, маленькие руки и смуглая кожа. Сын же Ариэля, Игорь, был, напротив, высоким и крепким, с таким же пристальным взглядом, как у отца — разве что чуть дружелюбнее. Но гораздо больше, чем эти взгляды, угнетало Ахмеда угрюмое молчание Каси и Якова, демонстративное безразличие Луи и, главное, неприступно-каменное лицо Марины, с каким она покинула помещение, едва он вошел.

Но Ариэль был слишком счастлив, чтобы заметить неловкость друзей. Целых четыре года он не видел свою семью. Он рассказал, что поначалу решили, что он отправится в Палестину первым, и дело тут было не только в преследовании со стороны царских властей, но и в том, что Ариэль тоже искал в жизни свой путь. Руфь и Игорь собирались со временем последовать за ним, но потом тяжело заболел отец Руфи, и им пришлось остаться. Руфь ухаживала за больным отцом до последних минут его жизни. И вот теперь, ко всеобщей радости, семья наконец-то воссоединилась.

Внимательно выслушав рассказ Ариэля, Ахмед решил, что теперь может распрощаться.

— Я найду в другой раз, — снова повторил он, уже стоя в дверях.

— Но ты ведь чего-то хотел? — допытывался Ариэль. — Тебе что-нибудь нужно?

В конце концов Ахмеду удалось преодолеть неловкость и заставить себя взглянуть на Якова.

— Собственно говоря, я хотел поговорить с Яковым, но дело не такое уж срочное.

Яков посмотрел на него, затем — на Касю, но та демонстративно отвернулась, как будто ее совершенно не интересовало, что скажет Ахмед. Луи, в свою очередь, неодобрительно посмотрел на Ахмеда и Якова.

— Думаю, что вам следует поговорить начистоту, — сказал он. — Если мы вам мешаем, то можем выйти. Уж лучше разобраться с проблемой сразу, чем пустить ее на самотек и позволить зайти в тупик. Уж лучше сразу откровенно поговорить и во всем разобраться.

— Хоть ты, Луи, не указывай, что нам делать, а чего не делать, — запротестовала Кася.

— Или вы решили всю оставшуюся жизнь не разговаривать с Ахмедом и его семьей? Да, он причинил нам неприятности, но я считаю, что следует позволить ему объяснить, почему он поступил так с нами и, прежде всего, с Мариной.

И Ахмед, и Яков обладали достаточно миролюбивым нравом и терпеть не могли ссор, так что эта ситуация угнетала их обоих. Тем не менее, Ахмед решил отклонить совет Луи.

— Да, я пришел, чтобы поговорить, но у вас праздник, и я не хочу омрачать вашу радость. Так что, если Яков не против, я приду завтра.

— Пожалуй, нам действительно лучше поговорить завтра, — поспешно согласился Яков, облегченно вздохнув, что ему не придется выяснять отношения на глазах у друзей.

На следующий день, дробя камень в карьере, он не переставал думать о том, как завести разговор с Яковом. Он не хотел обидеть его, но и лгать ему тоже не хотелось. Он был по-прежнему тверд в своем решении пресечь какие бы то ни было отношения между Мариной и Мухаммедом, и неважно, согласится с ним Яков или нет.

Быть может, потому, что его слишком угнетала мысль о встрече с Яковом, или по какой-то другой причине, Ахмед стал невнимателен и не заметил, как заложил слишком много динамита под скалу, которую они должны были расколоть на несколько кусков, и она взорвалась с такой силой, что куски камня полетели в разные стороны, и один попал в Ахмеда, придавив ему ногу, которую тут же пронзила такая боль, что он едва не потерял сознание.

Иеремия бросился к нему; спустя некоторое время ему, при помощи двоих сильных мужчин, удалось извлечь Ахмеда из-под завала.

— Повозку сюда! Немедленно! — велел Иеремия своим помощникам. — Скорее, не теряйте времени! Нужно срочно отвезти его в Иерусалим.

Поначалу Ахмед подумал, что не вынесет боли в ноге, а потом поморщился, увидев, что нога не только опухла, но и приобрела бордовый цвет. Он не мог пошевелить и руками и чувствовал, как кровь струится с головы. Он с трудом сдерживал крик и слезы при каждом вздохе, чтобы их не увидели другие. Он был мастером и должен подавать пример остальным, ведь несчастные случаи происходили постоянно, хотя он и хвалился тем, как хорошо и безопасно организовал работу, чтобы избежать ситуаций вроде той, которую сам, к несчастью, спровоцировал.

Ахмеда отвезли к пожилому врачу-сирийцу, жившему за стенами города, недалеко от Дамаскских ворот.

Врач осмотрел пострадавшего с каменным лицом. Ахмед приготовился к худшему.

— Перелом коленного сустава, голени и лодыжки, — объявил врач. — Посмотрим, что тут можно сделать.

Врач заставил его выпить отвратительно горькую жидкость, и через несколько минут Ахмед впал в странную дремоту, сквозь которую смутно слышал, как врач отдает распоряжения помощнику. Он почти не чувствовал ног — ну разве что ощущал, как к больной ноге прикасаются чьи-то руки, стараясь соединить сломанные кости. Сквозь туман полусна доносились голоса; из этих речей он смог понять, что навсегда останется хромым, а, возможно, даже придется отнять ногу, если не получится остановить воспаление.

Спустя несколько часов он проснулся. Во рту у него пересохло, голова кружилась. Кровь бешено стучала в висках, невыносимо болела сломанная нога. Он попытался пошевелиться, но безуспешно. Нога не слушалась, а все тело казалось деревянным. Он хотел что-то сказать, но не смог издать ни звука. Он все задавался вопросом, жив ли он еще или уже умер. Но нет, едва ли он умер; не может мертвый испытывать такую боль. Он огляделся вокруг и с облегчением увидел сидящую рядом Дину, а рядом с ней — свою любимицу Айшу. Собрав последние силы, он потянулся к ним. Дина, казалось, всё поняла, наклонилась и сжала его руку.

— Айша, скажи доктору, что твой отец проснулся.

Дина склонилась ниже и отерла ему лоб влажным полотенцем.

— Все хорошо, все хорошо... — повторяла она. — Не волнуйся... все хорошо. Тебе нужно

отдохнуть. Доктор даст тебе лекарство, и ты сможешь уснуть. Тебе не будет больно.

Но Ахмед больше не хотел спать. Он хотел открыть глаза и любоваться окружающим миром. Он предпочел бы терпеть любую боль, лишь бы чувствовать себя живым. Он не знал, слышит ли Дина его слова, которые пытаются произнести его губы.

— Я... Что со мной?... Ты здесь?... — пробормотал Ахмед. — Что со мной случилось?

Понизив голос, Дина рассказала, что доктору пришлось разрезать ему ногу, чтобы соединить кости, что было очень много крови, что он стоял на краю могилы, но его удалось спасти, вот только ходить, как раньше, он больше не сможет. Теперь он будет хромать, но, по крайней мере, он выжил. Но он не должен волноваться, Иеремия — хороший хозяин; он сказал, что, когда Ахмед поправится, он снова может вернуться на работу в карьер.

Вернулась Айша в сопровождении доктора, который спросил, как он себя чувствует, а затем снова осмотрел больного.

— Со временем он поправится, но вот нога... Теперь он всегда будет ее приволакивать, но, по крайней мере, удалось остановить гангрену, — сказала врач. — Аллах проявил милосердие.

Затем врач объяснил, что какое-то время Ахмед не сможет двигаться, и ему придется несколько дней провести здесь, прежде чем он сможет вернуться домой. При этом он очень хвалил Иеремию.

— Этот человек грозил мне всеми земными и небесными карами, если я посмею отрезать ногу. Он потребовал, чтобы тебе обеспечили самый лучший уход. Он оплатил все расходы из своего кармана и навещал тебя каждый день.

Врач сообщил, что, кроме ноги, у него сломаны несколько ребер, к тому же он получил удар по голове и ушиб руки. Просто невероятно, как он вообще остался жив после этого взрыва.

Как и говорил врач, вскоре пришел Иеремия. На лице его читалась несомненная озабоченность состоянием своего мастера.

— Просто уму непостижимо, как тебя угораздило заложить столько динамита, — начал он прямо с порога. — Ты же мог взорвать весь карьер, а с ним и всех нас.

Ахмед начал было оправдываться, но у него не хватило сил, чтобы произнести хоть слово.

— Молчи, когда тебе станет лучше, ты обо всем мне расскажешь. Хотя я и сам знаю, что у тебя что-то произошло: ты в тот день выглядел таким потерянным, как будто забыл свою голову дома. Я так и не смог добиться от твоей жены, что же у вас произошло.

Однако самым большим для него сюрпризом стал приход Ариэля, Якова и Луи. Все трое казались ошеломленными случившимся с ним несчастьем.

— Не волнуйся за свой сад: твои племянники, Халед и Салах, помогают Дине. Да и мы все делаем, что можем, — заверил Луи.

Ахмед не знал, как и выразить свою признательность. Дина уже рассказала ему, как помогали им соседи; даже Кася и Марина пришли к ней и спросили, чем они могут помочь. Хотя, по словам Дины, Кася все еще дулась, когда пришла к ним, чтобы узнать, что случилось. А Марина так и вовсе не сказала ни слова, лишь нехотя отвечала на вопросы Саиды.

Нет, он больше не мог спокойно смотреть, как растёт отчуждение между его семьей и друзьями-евреями из Сада Надежды и, несмотря на то, что еще не мог собраться с духом, он, тем не менее, понимал, что настало время, чтобы раз и навсегда разобраться с этой

проблемой.

— Мне хотелось бы объяснить, почему меня так тревожила эта дружба Марины и Мухаммеда... — начал он слабым шепотом.

— Брось, Ахмед, сейчас не время! — перебил Яков. — Сначала ты должен поправиться, а потом обсудим этот вопрос.

— Я ценю твою заботу, но мы не можем больше тянуть. Мы должны поговорить сейчас, и уж поверь, как бы плохо я себя ни чувствовал, я буду чувствовать себя гораздо хуже, если мы этого не поговорим.

Яков заерзал, ощутив себя не в своей тарелке; Ариэль и Луи как-то сразу притихли.

— Я знаю, что мой сын любит Марину. Он и должен любить ее — но лишь как сестру, ведь они выросли вместе, но он полюбил как мужчина женщину. Я думаю... да что там думаю, я уверен, что они с Мариной вполне подходят друг другу, и я был бы счастлив, если бы мой сын женился на такой девушке, как Марина — целомудренной, скромной, трудолюбивой, но... но, к сожалению, это невозможно, друзья мои. Это было бы возможно, если бы Марина согласилась принять нашу веру, но я знаю, что это исключено. Я просил сына не быть таким эгоистом и с самого начала прекратить эти отношения, которые не могут завершиться браком, ибо, как Марина никогда не станет мусульманкой, так и Мухаммед не перейдет в иудаизм. Они оба еще молоды и вполне способны пережить горечь разочарования, на которую их обрекла подобная ситуация. Но так лучше и для них, и для всех нас. Я никоим образом не хочу сказать, что пресек эти отношения потому, что я что-то имею против Марины, я люблю ее всей душой и действительно не желал бы большего счастья, чем назвать ее своей дочерью...

Ахмед не знал, что еще добавить. Он чувствовал, как краска стыда заливает его лицо под неотрывными взглядами троих мужчин, которые молча слушали его, не смея, казалось, даже вздохнуть.

Он закрыл глаза, чувствуя себя усталым. Лоб его горел огнем, но ладони были мокрыми от пота.

— Значит, ты полагаешь, что различие вероисповеданий является непреодолимым препятствием, — нарушил наконец молчание Яков.

— А ты считаешь иначе? И какой выбор ты можешь им предложить, чтобы они могли вести достойную жизнь?

— Мы не должны допускать, чтобы религиозные предрассудки оказывались непреодолимым препятствием на пути к счастью, заставляя страдать двух молодых людей, которые любят друг друга. Какой Бог может помешать достойным и честным людям любить друг друга? — спросил Яков потрясенного Ахмеда.

— Ты что же, готов усомниться в своем Боге? Но это... это же кощунство... я... Ваша сила в Торе, а наша — в Коране.

— Ты в самом деле думаешь, что Яхве или Аллах только и мечтают о том, как бы разлучить двух юных влюбленных? А может быть, как раз наоборот? До каких пор мы будем позволять религиозным предрассудкам разделять нас и сеять между нами вражду? Мы бежали из России от преследований; а ведь нас преследовали не только за то, что мы евреи, но и за то, что мы хотим построить новый мир, где все люди будут равны, где у всех будут равные права и обязанности, где каждый сможет молиться, как пожелает, не опасаясь преследований. Это будет мир без Бога, и никакой Бог, как его ни называй, больше не заставит людей убивать друг друга. И в этом новом мире Мухаммед и Марина смогут любить

друг друга, — закончил Яков.

— Но такого мира просто не может быть, — возразил Ахмед. — А в моем мире я никак не мог бы быть счастлив без Бога; мне очень жаль, Яков, но я... Я просто не могу вас понять. Вы — евреи, и утверждаете, что приехали в Палестину, потому что она — родина ваших предков — и при этом готовы отречься от вашего Бога. Я просто не могу этого понять...

— И тебе неприятно находиться среди богохульников, — закончил Луи.

— Аллах все милостив и всеведущ, ему ведомо все, что таится в самых темных уголках наших сердец. Я же всего лишь стараюсь следовать его заповедям, вдохновившим нашего Пророка, и быть хорошим мусульманином. Что же касается того мира, о котором вы говорите... Простите, но я не верю, что такое вообще возможно, ибо это против человеческой природы.

— Мы — социалисты и живем по нашим законам, — ответил Луи; теперь голос его звучал серьезно. — Разве мы не обращаемся с тобой, как с равным?

— Согласен, грех жаловаться, — нехотя согласился Ахмед. — Судьба моей семьи переменилась в тот день, когда мы встретили вашего друга Самуэля Цукера. Признаю, вы всегда были справедливы к нам и никогда не требовали такого, чего бы не делали сами. Вы всегда делились всем, что имели. Это закон Божий — помочь бедному и протянуть руку помощи слабому. И мы признаем, что видели от вас только добро.

— А мы благодаря вам стали настоящими земледельцами, — ответил Луи, а Ариэль молча кивнул в знак согласия. — Я, например, до того, как приехал сюда, видел оливку лишь на тарелке. Я даже не представлял, как это трудно и больно — целый день гнуть спину в поле, чтобы вырастить урожай. Вы тоже многое нам дали и многому нас научили. Сад Надежды вырос и расцвел благодаря тебе.

— Но мы должны придерживаться наших принципов и убеждений и вести себя, как достойные люди, — закончил Ахмед.

— Почему же тогда мы не можем позволить Марине и Мухаммеду самим решить свою судьбу? — воскликнул Яков, обращаясь неведомо к кому. — Почему мы должны их осуждать?

— Потому что одни вещи допустимы, а другие — нет. Если Марина и Мухаммед и вправду решили... решили пренебречь требованиями своей веры, то рано или поздно настанет день, когда они оба об этом пожалеют. Хотел бы я знать, сможет ли Мухаммед уважать Марину, если она согласится с ним жить, зная, что он не сможет на ней жениться? Он, конечно, мог бы сделать ее своей любовницей, но сделает ли это ее счастливой? Сможет ли она себя уважать?

— Любовницей? Да как у тебя язык повернулся? Ни за что на свете!

— Умоляю тебя, Яков, мы не должны позволять детям морочить себе головы и портить отношения между нашими семьями. Они молоды, у них это пройдет. В свое время Марина встретит хорошего еврейского мальчика, а Дина найдет Мухаммеду подходящую жену. Мой сын знает свой долг, и он его исполнит, даже если для этого должен будет расстаться с Мариной. Через несколько лет оба они будут смеяться, вспоминая о своей детской любви.

С большой печалью Ахмед смотрел, как они уходят. Эти люди, называющие себя социалистами, изгнали из своей жизни Бога и заменили его иным божеством, которое они называли Разумом. Как они не понимают, что никакого разума просто не может быть без дыхания Бога?

Прошло много времени, прежде чем Ахмед смог вернуться домой. Он был сам не свой

от волнения, переступая порог дома, через который ему теперь пришлось перетаскивать покалеченную ногу. По поводу его возвращения Дина устроила долгожданный прием. С севера приехали его старшие сестры, зятя и племянники. Прибыл Хасан в сопровождении своей жены, лентяйки Лайлы, и сыновей, Халеда и Салаха; даже Омар Салем, его высокопоставленный друг, прислал слугу, который принес огромную корзину, полную всевозможных лакомств.

Дина также пригласила и своих друзей из Сада Надежды. Несмотря на то, что они предпочли бы остаться дома, полагая, что им нечего делать на семейном торжестве, в конце концов они все же явились почти в полном составе: впереди выступали трое мужчин, а за ними следовали Кася, Марина и Руфь, жена Ариэля. Не было только Игоря, его сына который еще не вернулся из карьера, где работал под началом Иеремии.

Ахмед тоже чувствовал себя неловко в присутствии соседей, но все же поблагодарил их за то, что они пришли. Если бы они этого не сделали, он бы по-настоящему обиделся. Правда, пробыли они недолго, но все же достаточно, чтобы их уход не показался невежливым.

Ахмед страдал, видя, как Мухаммед и Марина отворачиваются друг от друга, избегая встречаться взглядом. Его сын приехал из Стамбула, еще ничего не зная о несчастье, постигшем отца, и им до сих пор не удалось побыть наедине.

Лишь на следующий день Ахмед и Мухаммед смогли откровенно поговорить, глядя друг другу в глаза, как мужчина с женщиной.

Он видел, что сын изменился. Казалось, он повзрослел за последние месяцы. Вскоре Ахмед понял, что причиной такой уравновешенности и серьезности Мухаммеда явилось его увлечение политикой.

Мухаммед вошел в группу палестинских мусульман, как и он, студентов, решившими сделать явью мечту Хусейна ибн Али о создании независимого от султана арабского государства. Мухаммед не только интересовался планами шарифа Мекки, но и считал Палестину не просто частью империи, а своим домом, своей родиной. Некоторых из его новых друзей тревожило, что евреи капля за каплей просачиваются в Палестину, и в особенности, что они скупают всё больше земель.

Ахмед с сыном считали удачей, что самые влиятельные семьи Иерусалима разделяют эти чувства, хотя в то же время оба не переставали задаваться вопросом, почему они продолжают продавать земли евреям. Хусейни и другие знатные семьи, обосновавшиеся в Египте или Ливане, совершенно не сомневались по поводу продажи земель и продолжали продавать, хотя и старались держать это в секрете.

Незадолго до отъезда Мухаммеда в Стамбул Ахмед попросил сына сопровождать его в дом Омара. Он хотел познакомить Омара с сыном, чтобы в будущем они могли вести беседы.

Особняк Омара произвел на Мухаммеда впечатление. Хозяин принял их как лучших друзей, усадил Ахмеда на почетное место и приказал слуге следить за каждым движением гостя, чтобы помочь ему подняться при необходимости.

Омар заинтересовался группой молодых палестинцев, друзей Мухаммеда, стамбульских заговорщиков, и велел ему прислушиваться к тому, что говорят в городе. Всё могло пригодиться. А еще он дал ему адрес своего друга, который, по его словам, был его глазами и ушами в Стамбуле.

Они покинули дом Омара, успокоенные и довольные, в полной уверенности, что непременно примут участие в устройстве совершенно иного будущего, чем то, какое их

ожидало. Когда они проходили мимо Сада Надежды, Мухаммед остановился и, виновато глядя отцу в глаза, попросил разрешения проститься с Мариной.

— Она не заслуживает такого обращения, — сказал он. — Не заслуживает моего молчания.

Ахмед кивнул и двинулся дальше один. Уже стоя на пороге своего дома, он обернулся, чтобы увидеть, как Мухаммед идет в сторону Сада Надежды на последнее свидание с Мариной. Теперь он доверял своему сыну и знал, что тот поступит так, как должен.

Мухаммед вернулся часа через два и после возвращения даже не взглянул в сторону родителей. Он поужинал в полном молчании, а потом заперся в своей комнате, отговорившись, что ему нужно собирать вещи, готовясь к возвращению в Стамбул. Ни Ахмед, ни Дина не осмелились его ни о чем спрашивать, но оба были уверены, что Мухаммед сделал то, чего они от него ожидали.

Мухаммед уехал на рассвете, ни с кем не простившись.

Он вернулся в Стамбул 23 февраля 1913 года, в тот самый день, которому суждено было войти в историю. В этот день некий турецкий офицер тридцати двух лет, успевший, несмотря на свою молодость, сделать хорошую военную карьеру, вошел в здание правительства и выстрелил в премьер-министра. После этого Исмаил Энвер занял пост убитого, захватив власть вместе с двумя сподвижниками, Мехметом Талатом и Ахметом Кемалем.

Ахмед следил за прибывающими из Стамбула новостями с тревогой. Он не успокоился до тех пор, пока не получил длинное письмо от сына, где тот заверял, что с ним всё в порядке.

Тем временем, Ахмед понемногу втягивался в русло прежней жизни. Иеремия в очередной раз доказал, что, несмотря на угрюмый нрав, он хороший человек.

— Я понимаю, что ты не сможешь работать, как раньше, но ничто не мешает тебе оставаться мастером. Ты можешь присматривать за рабочими, ставить им задачи, следить, чтобы они выполняли мои распоряжения. Как ты считаешь, ты справишься?

Ахмед ответил, что готов попробовать, и с того же дня продолжил заниматься своей прежней работой— с той лишь разницей, что теперь ходил, опираясь на костыль. Он вновь втянулся в рутину прежней жизни, которую несколько оживляли лишь подпольные собрания, где, как он полагал, закладывались основы их новой родины — родины, независимой от воли султана и прочих иностранных держав.

Аллах вознаградил Дину за все ее усилия и страдания, послав хорошего жениха для Айши.

С тех пор как Ахмед и его зять Хасан с сыновьями, Салахом и Халедом, стали часто встречаться в доме Омара, отношения между семьями стали более теплыми и непринужденными. Хасан чувствовал себя уютно рядом с матерью, ведь Саида, разумеется, осталась в доме Дины и Ахмеда, и его супруга Лейла больше не пыталась против этого возражать.

Омар попросил Хасана, чтобы тот отправил одного из сыновей на другой берег реки Иордан, превратив его в курьера между людьми шарифа и иерусалимцами. Поначалу Хасан сомневался, он боялся лишиться сыновей своей заботы, но Омар заверил его, что займется тем,

чтобы сын в любом случае получил профессию и даже пообещал найти ему жену среди дочерей тех знатный семей, что поддерживают Хусейна.

Хасан поговорил с Халедом и Салахом, объяснив им просьбу Омара, и предоставил им самим решать, кто присоединится к людям из «гвардии» Мекки. К удивлению Хасана, Халед отказался от этой чести в пользу Салаха.

Когда Салах в очередной раз наведлся в отчий дом, он привез с собой молодого человека по имени Юсуф. Лейла с большим любопытством смотрела на друга своего сына, особенно после того, как узнала, что он дружит с сыновьями шарифа. Она рассуждала, как мать, и откровенно радовалась, что у сына такие важные друзья.

Лейла даже смогла превозмочь свою вечную лень и устроила праздничный обед, на который пригласила Ахмеда и Дину: очень уж ей хотелось похвастаться перед невесткой успехами сына.

Дине достаточно было лишь раз взглянуть на Юсуфа, чтобы понять, что этот смуглый, среднего роста, сильный, как бык, молодой человек сможет стать хорошим мужем для ее дочери. Айшу уже пора было выдавать замуж. Она, конечно, была очень привязана к дочери, но при этом знала, что обязана удачно выдать дочь замуж, и сейчас как раз предоставилась хорошая возможность.

От Салаха они узнали, что Юсуф — верный сторонник семьи Хусейна ибн Али. Поговаривали, что однажды его даже избрали тайным курьером, чтобы отвезти письмо шарифа британскому посланнику в Египте, сэру Генри Макмагону. Юсуф никогда не признавался в этом Салаху, но что еще он мог делать в Каире? Дина считала, судя по тому, что рассказал племянник, что человека, которому доверили такое, несомненно ждет большое будущее, а она мечтала для своей дочери только о лучшем.

Когда ночью Дина поведала Ахмеду о своих планах относительно замужества Айши, тот едва не подскочил. Айша, его любимая Айша — она ведь еще совсем девочка! Однако Дина резонно возразила: где они смогут найти для нее лучшего жениха? Сейчас им выпала возможность выдать ее замуж за человека из ближайшего окружения самого шарифа, который всегда знает, откуда ветер дует.

Дине удалось убедить Ахмеда, что Юсуф не сводит с Айши глаз, но не решается открыть свои чувства из уважения к девушке и ее семье. Она не сомневалась, что, если действовать с умом, молодой человек в конце концов попросит руки ее дочери. Но, по всей видимости, ей придется заручиться помощью Лейлы.

Ахмед понимал, что Дина права, но он не представлял, как они будут жить без Айши, которая каждое утро дарила ему свою улыбку, которая так ловко помогала матери по хозяйству и так любила свою бабушку Саиду. Так зачем же выдавать ее замуж за незнакомца, который навсегда увезет ее из Иерусалима? Почему нельзя найти ей мужа в Святом городе? Однако Дина не желала задаваться этим вопросом; вместо этого она обсуждала с Саидой свои планы относительно очередного визита Юсуфа.

Однажды бабушка спросила у внучки, что она думает по поводу этого Юсуфа — и не смогла сдержать улыбку, видя, как Айша покраснела.

— Бабушка, я как раз хотела тебе сказать...

— Ты можешь сказать всё, что думаешь: ты же знаешь, я никому не расскажу.

— А вот в это я не поверю! Я знаю, что ты расскажешь обо всем маме. Признайся, это она просила тебя выведать, что я о нем думаю?

— Девочка моя, я просто хочу знать, что ты думаешь об этом юноше, и нравится ли он

тебе. И если нравится, тогда...

Айша выбежала из комнаты, не ответив бабушке. Она не знала, что сказать. Юсуф произвел на нее впечатление, он был так в себе уверен... но жил так далеко... Хотя она не могла удержаться от того, чтобы искоса на него поглядывать, но предпочитала о нем не думать.

«Как изменилась наша жизнь!» — думал Ахмед. Айша уже готова выйти замуж, а что касается Мухаммеда, то Аллах исполнил его мечты, превратив сына в человека образованного. Все жертвы и разочарования стоили того, чтобы Мухаммед выучился. Несмотря на сопротивление сына, который поначалу заявлял, что хочет стать лишь крестьянином, как отец. К счастью, Ахмед не переставал его убеждать и заставил учиться в английской школе, чтобы потом отправить в Стамбул. Какая удача, что у Хасана оказалось столько друзей в этом городе, и они щедро приняли Мухаммеда. Теперь Ахмед знал, что его сын вернется адвокатом, и его мечты сбудутся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Единственное, что омрачало его жизнь, так это то, что он отдалился от жителей Сада Надежды. Кася и Марина его избегали, Яков вел себя отстраненно, а Луи он почти не видел. Ариэль же вел себя вежливо и сухо, как и всегда. Лишь Руфь, жена Ариэля, была любезна с Ахмедом и всегда улыбалась. Их сын Игорь казался простым и трудолюбивым парнем. Иеремия его никак не выделял, обращаясь в точности так же, как и с остальными работниками. Молодой человек не жаловался и старался изо всех сил.

Жизнь, казалось, замерла, не происходило никаких событий, разве что однажды вместе с Салахом снова появился Юсуф, и Дина не оставляла своих планов на замужество дочери. Только в конце 1913 года Ариэль объявил, что в Сад Надежды возвращается Самуэль.

— Он должен прибыть со дня на день. В последнем письме он сообщил, что выехал из Парижа, чтобы сесть на корабль в Марселе.

— Когда он прибывает? — просиял Ахмед, обрадованный скорым возвращением друга. — На каком корабле?

— Мы не знаем. Так что не сможем встретить его в Яффе.

Прекрасный Тель-Авив, расположенный неподалеку от Яффы, был еврейским городом, заложенным в 1909 году. Еврей-иммигранты купили землю и построили его собственными руками. шестьдесят семей превратили эти земли в город, построили много школ и магазинов и сами управляли городом.

«Это еврейский город, и предназначен он только для евреев», — мрачно говорил Омар.

И он был прав. Эти трудолюбивые люди не переставая говорили о «возвращении», и среди друзей Ахмеда это вызвало всё возрастающую тревогу.

Но это тревога ни на миг не помешала искренней привязанности, которую Ахмед питал к Самуэлю, он уже начал считать его другом, с удивлением отметив, как ждет его возвращения, чтобы возобновить их неспешные беседы, которые они вели после заката.

Настала весна 1914 года, и Ахмед с нетерпением ждал, когда снова встретится с Самуэлем. Поймет ли друг его решение разлучить Мухаммеда и Марину?

7. Мир рушится

Мариан вздохнула. Она крайне устала. Изекииль с интересом ее рассматривал. Они закончили обедать, хотя Мариан едва попробовала салат и съела ломтик хлеба с хумусом. Она понимала, что вместе со стариком складывает кусочки мозаики чужих жизней, которые случайно пересеклись. Так ли одни кусочки отличаются от других, мысленно спрашивала она себя, виня себя за тон своего рассказа. Ей не следовало сомневаться, а тем более симпатизировать тем евреям, которые поселились в Палестине, требуя землю, что считали своей.

— Мы занимаемся интересным делом. Хотя я заметил, что вам это неприятно, — сказал Изекииль, вынимая табак из портсигара и начиная аккуратно сворачивать сигарету.

Разговаривая с Изекиилем, сыном Самуэля Цукера, человека, жизнь которого так тесно переплелась с жизнью Ахмеда Зияда, Мариан чувствовала, как отдаляется от реальности.

— Нет, дело не в этом, просто не так-то просто вспоминать, мне рассказывали столько историй...

— Но эта — нечто особенное, не так ли?

— Вообще-то я не ожидала, что разговор так далеко зайдет от изначальных целей, не думала, что вы поведаете мне о жизни своих предков.

— Как и я, что вы расскажете о жизни Зиядов. Информация в обмен на информацию.

— Это нечто большее, чем просто информация.

— Да, речь идет о судьбах... какими они были, какими могли бы стать. Хотите кофе? Чай?

— Нет, хотя, если не возражаете, я бы тоже закурила.

— Ну надо же! И представить себе не мог, что вы курите. В нынешние времена на это смотря плохо... но в моем возрасте...

— Я мало курю, только время от времени.

— Не знаю, хотите ли вы продолжать разговор...

— Что ж, мне хотелось бы узнать больше о вашем отце. Почему он вернулся в Палестину? Почему не остался в Париже с Ириной?

— Значит, вы хотите продолжать...

— Раз уж мы дошли до этого места...

— Конечно. Так слушайте.

***

Самуэль прибыл в порт Яффы в мае 1914 года. Несколько часов он провел на палубе в ожидании того мгновения, когда покажется на горизонте палестинский берег. Михаил, в свою очередь, не переставал засыпать его вопросами. Самуэль предпочел бы наслаждаться этим мгновением в одиночестве, но не мог попросить молодого человека замолчать. Не очень-то легко было завоевать его доверие, а кроме того, Михаил был чрезвычайно обидчив и чувствителен.

— Смотри, посмотри на пристань... Во время первого своего плавания я увидел с палубы Ахмеда и его семью. Конечно же, я не знал, кто они такие, как не знал и того, что скоро с ними познакомлюсь.

— Как думаешь, они меня поймут? Ты научил меня всего несколькими фразами на арабском.

— Конечно, поймут. Ахмед — умный человек, а с Мухаммедом (он примерно одного с тобой возраста) ты наверняка подружишься, хотя сейчас он в Стамбуле, изучает право. Я так хочу их увидеть! Они тебе понравятся, не сомневайся.

К ним подошел один из моряков, и Михаил не мог удержаться от вопроса, сколько осталось до прибытия.

— По меньшей мере час, — ответил тот.

— Но ведь мы так близко, — удивился Михаил.

Моряк не потрудился ответить — нетерпение юноши его, похоже, ничуть не тронуло.

— Надеюсь, ты не пожалеешь о том, что приехал, — сказал Самуэль.

— А ты жалеешь, что меня привез?

— Конечно, нет, но это не лучшее место для музыканта с твоими способностями. Иерусалим — всего лишь небольшой городок.

— Как ты можешь такое говорить! Это наша столица, столица нашего королевства.

— Я тебе уже сказал: забудь о том, что ты вычитал из Торы. Иерусалим — всего лишь запыленный городишко, задворки Османской империи, куда съезжаются люди со всего света в надежде отыскать след Божий. Ты будешь весьма разочарован, когда его увидишь, он далеко не так красив, как Париж.

Михаил ничего не ответил. Он до сих пор не мог поверить, что Иерусалим — далеко не самый красивый город на земле. С тех пор как он решил сопровождать Самуэля, он не выпускал из рук Тору и до сих пор находился под впечатлением сказочных описаний Священного города. Самуэль облегченно вздохнул, когда мальчик погрузился в свои мысли: это дало ему возможность насладиться долгожданными минутами встречи с Землей Обетованной.

Расставание с Парижем далось ему нелегко, не говоря уже о разлуке с Ириной: ведь он знал, что расстаются они навсегда.

Молодость Ирины осталась позади, но она по-прежнему была необычайно красива — во-всяком случае, так ему казалось. С возрастом она стала еще более хрупкой, чем прежде. Теперь ей было около пятидесяти, но она по-прежнему вызывала восхищение везде, где бы ни появлялась.

Поначалу совместная жизнь не очень ладилась. Михаил всячески отвергал Самуэля, а Ирина вела себя любезно, но между ними будто стояла стена. Много ночей Самуэль спрашивал себя, что делает в этой парижской квартире вместе с двумя людьми, которые никогда не имели с ним ничего общего. Но постепенно он привык. Какая удача, что он начал работать с месье Шевалье, аптекарем и другом Бенедикта Переса. Он многому у него научился и обрел смысл существования. Он без остатка погрузился в работу, а редкие свободные часы посвящал учебе. Он довольно бегло научился говорить по-английски и улучшил познания в немецком, который не казался ему иностранным благодаря знанию идиша.

Друзья и соседи считали их любовниками. Кое-кто даже завидовал Самуэлю, какую он отхватил красотку.

Он легко вписался в повседневную жизнь Ирины и Михаила. По утрам они все вместе завтракали, а затем каждый занимался своими делами. Михаил часами занимался музыкой, а Ирина проводила время в бывшей мастерской деда, а затем — Мари, которую переделала в

роскошный цветочный магазин. Таким образом, все свои дни Ирина проводила среди цветов, Михаил совершенно растворился в музыке, а Самуэль погрузился в изучение книг и формул лекарственных препаратов. Только к ужину они собирались все вместе и вели ничего не значащие разговоры. Им просто нечего было сказать друг другу. После ужина Михаил помогал Ирине убирать посуду, и Самуэль слышал из гостиной, как они непринужденно болтают и смеются между собой.

Да, это был дом Самуэля, но при этом он чувствовал себя здесь чужим. Он обещал Мари, что поговорит с Ириной, но все никак не мог дождаться подходящего момента. А быть может, он обманывал сам себя, а на самом деле просто не хотел начинать этот разговор, в глубине души зная, что ни к чему хорошему он не приведет, судя по тому безразличию, которое она даже не пыталась скрывать.

На протяжении этих лет он имел связи с несколькими женщинами, а одной из них даже увлекся, но все же не настолько сильно, чтобы попросить ее руки. Он решил для себя, что должен либо объясниться с Ириной, либо снова вернуться в Палестину. Но ему не хотелось никуда уезжать, он уже привык и к мягкой перине и к сдержанной элегантности этого дома а, главное, его совершенно захватила блестящая суэта парижской жизни.

Сад Надежды был суровым и негостеприимным местом. Каждый урожай оливок стоил многих часов нескончаемой работы. Он помнил, как болели руки после обрезки деревьев, как ломило поясницу после долгих часов работы в поле, как мучил страх, что град побьет урожай. Нет, он не скучал по Палестине, хотя порой ему доставало душевной теплоты, которой был пронизан Сад Надежды, где его кровать стояла между кроватями Луи и Ариэля. Да еще он часто вспоминал о своих долгих беседах с Ахмедом Зиядом. Он искренне полюбил этого простого и честного человека, который всегда держал данное слово. А по ночам, ворочаясь в своей постели, он часто думал, что настоящая его семья — там, в Саду Надежды, и что те люди нуждаются в нем гораздо больше, чем Ирина и Михаил.

Как могло случиться, что он столько лет прожил рядом с Ириной, так и не решившись с ней поговорить? Он и сам не в силах был ответить на этот вопрос. И если в конце концов он все же решился это сделать, то лишь потому, что однажды увидел, как она улыбается другому мужчине.

Это случилось однажды вечером, в конце октября 1913 года. В тот вечер Самуэль вернулся домой немного раньше обычного и вместо того, чтобы сразу подняться к себе, заглянул в магазин, услышав смех Ирины. Никогда прежде он не слышал, чтобы она так смеялась. В магазине Ирина была не одна: вместе с ней там обнаружился месье Бовуар, их сосед — высокий представительный мужчина. Он жил вместе со своими престарелыми родителями, о которых, по словам всех соседей, очень трогательно заботился. Самуэль был крайне удивлен, увидев, как сразу смутились Ирина и месье Бовуар.

— Ты здесь? — растерянно спросила Ирина. — Тебе уже лучше?

— Да... — ответил он. — То есть, не самом деле не так чтобы лучше. По-моему, у меня жар.

— Думаю, тебе лучше пойти прилечь, — посоветовала она. — Если хочешь, я приготовлю тебе травяной отвар.

— Нет-нет, не нужно. Пожалуй, я и в самом деле пойду прилягу, увидимся за ужином.

Ирина долго молчала, не сводя с него своих голубых глаз.

— Видишь ли... Месье Бовуар был так любезен, что пригласил меня в ресторан... Так

что, если я тебе не слишком нужна...

Месье Бовуар вежливо поклонился, мельком бросив пару фраз о гриппе, после чего Самуэль уединился в своей комнате.

Но если Самуэль просто удивился, что Ирина решила поужинать с мужчиной, то с Михаилом случилась настоящая истерика, когда он увидел, как Ирина, элегантно одетая, готовится выйти из дома.

— То есть как — в ресторан? Да еще с месье Бовуаром! Слышала бы ты, что о нем говорят!

— И что же о нем говорят? Что можно сказать про месье Бовуара? Это достойнейший человек, который никогда не давал ни малейшего повода плохо о нем думать.

— Перестань валять дурака, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду! Тебе и самой известно, что его неоднократно видели с одним молоденьким мальчиком, с которым он нежно обнимался. Даже слишком нежно!

— Как ты можешь повторять эти грязные сплетни! — возмутилась Ирина. — Месье Бовуар — безупречный джентльмен.

— К тому же холостой.

— Ну и что? Я тоже не замужем, и Самуэль не женат.

— Да, но Самуэль... Самуэль — совсем другое дело... Иной раз его видели с женщинами, но никак не с мальчиками.

Услышав эти слова, Самуэль застыл, словно громом пораженный. Никогда прежде он не обращал особого внимания на месье Бовуара, время от времени встречаясь с ним в подъезде, и который иногда заходил в магазин, чтобы купить цветы. Месье Бовуар всегда был вежлив — ну, может быть, несколько чопорен и чересчур уж обходителен.

— Михаил, ты не должен вмешиваться в дела Ирины; в конце концов, это ее жизнь, — вмешался Самуэль, пытаясь его урезонить.

Михаил повернулся — лицо его пылало от ярости.

— Какая тебе разница, что я делаю? Ирина... Ирина мне как мать, и я не хочу видеть рядом с ней всяких... всяких...

— Михаил, месье Бовуар вовсе не всякий. Он — адвокат, уважаемый человек, входящий в высшее общество. А теперь мне пора, завтра поговорим, — с этими словами Ирина вышла, даже не взглянув ни на кого из них.

Михаил заперся в своей комнате и, лишь когда Самуэль позвал его ужинать, слегка приоткрыл дверь и заявил, что вовсе не голоден и желает, чтобы его оставили в покое.

— Ну-ну, Михаил, ты уже не ребенок. Что плохого в том, что Ирина согласилась поужинать с месье Бовуаром? В конце концов, он — наш сосед, достойный человек, и ты знаешь его с самого своего приезда в Париж.

— Ты тоже его знаешь. Он кажется тебе нормальным?

— Нормальным? Не понимаю, что ты имеешь в виду. Нельзя сказать, что мы так уж близки, но мой дед хорошо знал и его родителей, и его самого; он всегда говорил, что они — хорошие люди. Отец месье Бовуара тоже был адвокатом, а его мать всегда была весьма учтивой дамой. Что же касается его самого, то тут я тоже не могу сказать ничего плохого.

— Ты что же, никогда не замечал, какой он изнеженный, какой женственный?

— Нет, не замечал. Во всяком случае, тебя это не должно волновать. Никогда не суди о людях по внешнему виду: очень легко ошибиться.

— Мне не о чем с тобой говорить, ты все равно не поймешь, — с этими словами Михаил захлопнул дверь.

Самуэль был даже рад, что ему придется ужинать в одиночестве. У него болела голова, его лихорадило, и он мечтал лишь об одном: поскорее лечь в постель. К тому же, хоть он и не хотел признаваться в этом Михаилу, он тоже был задет поведением Ирины. Как могло случиться, что он даже не заметил, что Ирина и месье Бовуар стали настолько близкими друзьями, что решили вместе поужинать?

Он пролежал без сна до десяти вечера, пока не услышал на лестнице шаги вернувшейся Ирины.

В последующие дни месье Бовуар почти ежедневно навещался в магазин, и два раза они с Ириной ходили на прогулку. Когда подошли выходные, Ирина объявила, что ее пригласили на обед в дом Бовуаров, и, хотя Самуэль ничего не сказал по этому поводу, он был весьма удивлен, видя, как она взволнована. Поминутно она спрашивала, что ей надеть, и подойдет ли к платью украшения, которые она унаследовала от Мари.

«Прямо как невеста перед смотринами», — подумал Самуэль и похолодел от этой мысли. Только сейчас он внезапно начал догадываться, что происходит.

Мало-помалу месье Бовуар занимал все больше места в ее жизни, хотя Ирина никогда не приглашала его в дом, все их встречи происходили в магазине. Вскоре все соседи заговорили о том, как Ирина прогуливается под ручку со своим кавалером, и оба выглядят совершенно счастливыми.

Михаил с каждым днем все больше злился на месье Бовуара; в конце концов дошло до того, что он даже перестал с ним здороваться. А однажды вечером вернулся домой растрепанный, в порванной рубашке и с синяком под глазом.

— О Боже, что с тобой случилось! — воскликнула Ирина, взглянув на него.

Михаил окинул ее сердитым взглядом, прежде чем ответить:

— Это по твоей милости.

Ничего не ответив, она выбежала из гостиной за аптечкой.

— Ты не имел права говорить с ней таким тоном, — заявил Самуэль, возмущенный поведением юноши.

— Я проходил мимо булочной и услышал, как булочник обсуждает с покупателем поведение Ирины, что она, мол, совсем отбилась от рук. «Эта женщина, — говорил он, — потеряла всякий стыд: живет с одним мужчиной, а с другим гуляет под ручку у него перед носом. Бедный месье Цукер, какие унижения ему приходится терпеть по милости этой штучки!»

Самуэль был весьма озадачен словами Михаила. Да, он давно знал, что все шушукуются у него за спиной, считая их с Ириной любовниками, потому что не понимают, что совместная жизнь еще не обязывает к общей постели, как не понимают и того, что их связывают исключительно братские отношения. Сама мысль о том, что кто-то может его жалеть, вызвала в его душе приступ гнева. Нет, теперь-то он непременно поговорит с Ириной и потребует, чтобы она вела себя прилично.

Однако прошло несколько дней, а он все еще не сказал ей ни слова, несмотря на то, что Михаил перестал с ней разговаривать. Он так и не мог найти в себе мужества начать разговор, пока однажды Михаил не заявил, что сегодня придет позже обычного, потому что будет заниматься музыкой на дому у своего учителя, месье Бонне.

Ирина сидела у себя в магазине за приходно-расходной книгой. Казалось, она очень занята; но Самуэль знал, что другого случая выяснить наконец отношения может и не представиться.

— Ирина... — окликнул он.

— Да? — ответила она безразличным тоном.

— Нам нужно поговорить.

— Поговорить? Ну, хорошо, — она внимательно взглянула на него. — О чем ты хочешь поговорить?

— Нам давно следовало поговорить начистоту. Еще Мари настаивала, что я должен во всем тебе признаться, но я никак не мог набраться смелости.

Она молчала, ожидая, что он скажет.

— Я прошу тебя выйти за меня замуж, — решился он наконец, и тут же пожалел об этом, видя, какое замешательство вызвало его предложение.

— Но, Самуэль, мы с тобой всего лишь друзья; ты самый дорогой мой друг, почти брат, которого у меня никогда не было. Я люблю тебя, я в самом деле тебя люблю, но я не влюблена. Мне нет нужды этого говорить, ты и сам это знаешь.

— Да, я всегда это знал, но я обещал Мари, что попрошу тебя об этом, — прошептал он, чувствуя себя растерянным и униженным.

Ирина села рядом и взяла его за руку.

— Мне жаль, Самуэль, я была бы рада полюбить тебя, как ты того заслуживаешь, но...

— Но ты любишь месье Бовуара, — закончил Самуэль.

— Я? — изумилась она. — Месье Бовуара? Что за глупости?

— Глупости? Да ничего подобного! Ты гуляешь с ним под ручку и смотришь ему в глаза с глупым счастьем на физиономии. Я никогда не слышал, чтобы ты смеялась, пока не увидел тебя с ним. Так что не пытайся отрицать то, что всем давно известно.

— Я не стану ничего отрицать, Самуэль. Ты прав, нам действительно давно нужно было поговорить. Дело в том, что я... Я была к тебе несправедлива, я вела себя как эгоистка. Прости меня.

— Я тебя слушаю, — еле выговорил он, чувствуя, как мурашки бегут у него по спине, когда она села рядом — так близко, что он мог расслышать ее дыхание.

— Я никогда не смогу принадлежать ни одному мужчине — ни одному, Самуэль. Я никого не могу любить иначе как братской любовью. У меня есть на это причины — только не спрашивай меня о них, есть вещи, о которых не вправе знать никто. Если бы я могла любить мужчину — возможно, я полюбила бы Юрия, отца Михаила, но даже с ним у меня не могло быть никакой близости. А к тебе я никогда не испытывала ничего, кроме братской любви. Я знала, что причиню тебе боль, если скажу об этом, и я бы никогда ничего тебе не сказала, если бы ты сам не завел этот разговор. Ты всегда был моим добрым и верным другом, и я порой злоупотребляла твоей добротой, что уж говорить. Я всегда знала, что ты любишь меня; я никогда не давала тебе повода надеяться на взаимность, но при этом пользовалась твоей любовью. Ты привез меня в Париж, дал мне новую семью в лице Мари, дал мне счастье иметь свой дом, свой магазин, и никогда ни о чем не просил. И ты знаешь, я всегда знала, что когда-нибудь настанет день, когда все изменится, и ничего нельзя будет вернуть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты все равно не смог бы ждать вечно, и рано или поздно потребовал бы от меня

ответа, хотя в душе ты всегда знал, каким он будет. И я тоже всегда знала, что однажды настанет день, когда ты попросишь меня выйти за тебя замуж, как это и случилось сегодня. Мне придется сказать тебе «нет», и мы расстанемся навсегда. Но я не была к этому готова. Ты думаешь, я не знала, что Мари всегда мечтала нас поженить? И... думаю, лучше сказать тебе сразу, Самуэль: я выхожу замуж. Да-да, я выхожу замуж за месье Бовуара. Я надеялась, что Михаил со временем примет его; но, примет он его или нет, я все равно выйду за него замуж.

От этих слов у Самуэля голова пошла кругом. Каждое новое слово Ирины ранило его еще сильнее, чем предыдущее. Но она продолжала говорить, словно не замечая, какую боль ему причиняет.

— Я тебя не понимаю, — еле выговорил Самуэль.

— Я тебе уже сказала: я не могу принадлежать ни одному мужчине, не могу иметь ни с кем интимных отношений. Именно поэтому я выхожу замуж за месье Бовуара. Этот брак устраивает нас обоих. В этом браке мы обретем ту респектабельность, которую дает супружество, но не будем жить как муж и жена. Я буду сопровождать его на разные мероприятия, где требуется присутствие супруги, и буду вести себя, как образцовая жена. А он обеспечит мне надежность и безопасность и будет обращаться со мной, как подобает.

— Я тоже мог бы дать тебе ту респектабельность, в которой ты так нуждаешься...

— Мой эгоизм все же не простирается настолько далеко, Самуэль. Конечно, я могла бы и дальше злоупотреблять твоими чувствами, выйдя за тебя замуж, а потом всячески уклоняться от супружеских обязанностей, но я считаю, что это недопустимо. Ведь я на самом деле люблю тебя, Самуэль, и знаю, что ты сможешь найти свое счастье с другой женщиной. Ты достоин того, чтобы иметь нормальную семью и детей. Еще не поздно, у тебя есть время. Никто не ждет, что я в своем возрасте смогу иметь ребенка, но ты — мужчина, а мужчина может стать отцом в любом возрасте.

— Ничего не понимаю... Просто ничего не понимаю... Даже в голове не укладывается, с чем ты говоришь... — повторял Самуэль, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

— Разумеется, не понимаешь. Мы слишком долго прожили под одной крышей. Я должна была давно во всем тебе признаться, но, как я уже сказала, я — эгоистка. Я была совсем юной, когда злые люди сломали мою жизнь, и, скажу тебе честно, я даже не надеялась, что ее удастся поправить, но ты вернул мне веру в себя и в людей, помог мне снова стать счастливой. Ты спас меня от охранки, привез в Париж, познакомил с Мари, которая так обо мне заботилась. Я обязана тебе своим душевным покоем и... да, я полагаю, что те чувства, которые я испытывала в течение этих последних лет, были ближе всего к счастью.

— А как же Россия? Неужели тебе никогда не хотелось когда-нибудь вернуться на родину?

— Поначалу — хотелось... Если бы не Мари, наверное, я не смогла бы прижиться здесь. Но теперь я знаю, что не смогу жить нигде, кроме Парижа. Теперь моя родина здесь, и я почти не тоскую по той, другой.

— А Михаил?

— Он уже не ребенок. Скоро у него будет своя жизнь. Я люблю его, как родного сына, но к месье Бовуару это отношения не имеет. Я выхожу за него замуж.

— А если он его не примет?

Ирина пожала плечами. В конце концов, как бы она ни любила близких, собственные

интересы всегда стояли у нее на первом месте. Она делала для других лишь то, что ей самой ничего не стоило и ничем не угрожало собственному удобству. Просто удивительно, что Самуэль понял это лишь сейчас.

— И когда же свадьба? — спросил он.

— Через три недели. Месье Бовуар не хочет откладывать, престарелые родители давно мечтают увидеть его женатым.

— По крайней мере, теперь между нами все ясно. В таком случае... я уезжаю.

— И куда же? — спросила она, и по ее тону Самуэль понял, что на самом деле для нее не столь уж и важно, куда он уедет, и что с ним будет.

— Возможно, в Палестину.

— В таком случае... Может быть, ты согласишься продать мне этот дом?

— Нет уж, это дом я тебе не продам, — ответил он сердито.

— Но ты же сказал, что возвращаешься в Палестину...

— В этом доме родилась моя мать. Здесь я провел самые счастливые минуты детства. Я не продал бы его даже Мари. Этот дом — единственное, что у меня осталось от семьи. Нет, я не продам его — ни сейчас, ни когда-либо потом.

— Месье Бовуар готов заплатить любую цену.

— Если Михаил не захочет здесь жить, я просто запру этот дом. А ты, разумеется, переедешь жить в дом мужа.

— Да, мы с ним это уже обсудили. У него достаточно места. Там у меня будет отдельная спальня и маленькая гостиная. Но мне бы хотелось иметь свой собственный дом, который принадлежал бы только мне... И мой магазин... Так ты продашь мне магазин?

— Я буду сдавать тебе магазин, но его я тоже тебе не продам.

Больше Ирина не настаивала. До этой самой минуты Самуэль был ее верным рыцарем человеком, который ее любил; теперь же он собирался покинуть ее, забыть о ней навсегда.

Какое-то время они обсуждали разные мелочи предстоящей свадьбы, говорили о будущем Михаила. Затем обсудили условия аренды магазина, и Самуэль сказал, что наймет рабочих, чтобы они заложили дверь, ведущую из магазина в жилые комнаты. Потом они составили договор аренды и заверили его у нотариуса.

— Нет никакой необходимости идти к нотариусу, я и так буду выполнять свои обязательства, — ответила уязвленная Ирина.

— Мне очень жаль, но тебе придется это сделать, иначе я отказываюсь сдавать тебе магазин.

Теперь оставалось только сообщить обо всем Михаилу. Ирина попросила было Самуэля помочь ей убедить юношу, но тот наотрез отказался.

— Это исключительно ваше с ним дело, — ответил он. — Конечно, я помогу мальчику, если он сам попросит о помощи, но я не стану брать на себя то, что должна сделать ты.

Ирина так и поступила. На следующий день, когда Самуэль ушел из дома, она рассказала обо всем Михаилу. Разговор получился еще более тяжелым, чем она ожидала. Молодой человек сначала слушал спокойно, но затем у него на лице проступило выражение невыносимой боли, с которой он не в силах был совладать и в конце концов расплакался.

— Зачем ты это делаешь? Ну зачем?

— Михаил, дорогой, я тебе уже все сказала, ничего не изменить. Месье Бовуар прекрасно знает, что ты значишь для меня, и готов принять тебя, как сына. В его доме

достаточно места, чтобы ты чувствовал себя там уютно; ты знаешь его родителей, они вежливы и дружелюбны, и ничем не будут тебе мешать. Но если ты не захочешь жить вместе с нами, Самуэль не станет возражать против того, чтобы ты и дальше жил в этом доме. Ведь на самом деле все останется по-прежнему, нас будет разделять одна лишь стенка, и я, как и прежде, буду о тебе заботиться. Хотя, конечно, было бы лучше, если бы ты переехал к нам.

— Замолчи! — кричал Михаил, расплакавшись.

Ирина попыталась его обнять, но он сердито вырвался. Это была единственная мать, которую он когда-либо знал, единственная ниточка, которая связывала его с отцом, с родной Россией. Потому что он ничего не забыл. В иные ночи его по-прежнему будили кошмары. Ему снилось, что он видит отца и хочет к нему подойти, но с каждым шагом тот все удаляется, и Михаил никак не может к нему приблизиться. А потом его вдруг охватывал ужасный холод, пробирающий до костей. Еще в детстве он с криками просыпался от этих снов, и тогда к нему бросалась Ирина и крепко обнимала. Так же поступала и Мари. Эти две женщины охраняли его сон, бросаясь к нему, едва слышали первый крик.

— Михаил, ты — тот человек, которого я люблю больше всех на свете, и я хочу, чтобы ты понял, почему я выхожу замуж, — произнесла она, тронутая слезами мальчика.

— Ты уже сказала, что выходишь замуж ради собственной безопасности и чтобы не иметь никаких забот. А еще для тебя важна респектабельность, тебе не дает покоя, что скажут другие. Как же, так я и поверил!

— И все же тебе придется поверить. Я уже в том возрасте, когда женщине не стоит дальше оставаться одной, ей нужна поддержка...

— Так значит, мне ты не доверяешь? — оскорбился Михаил. — Считаешь, что я могу тебя бросить? Ты говоришь, что я тебе как сын, но что же я за сын, если ты ищешь поддержку и безопасность в другом месте?

— Ты должен жить своей жизнью, и с моей стороны было бы просто непорядочно висеть у тебя на шее. Ты — необычайно талантливый музыкант, и впереди у тебя блестящая карьера. Ты не должен обременять себя заботами обо мне и, тем более, меня содержать. К тому же, когда-нибудь ты женишься... Мы прошли долгий путь вместе, но теперь для тебя настало время идти собственным путем, без ненужных долгов и обязательств, не оглядываясь назад.

— Ну что ж, в таком случае, я тоже уеду... Да, уеду, я не могу больше здесь оставаться...

— Что за глупости! — запротестовала Ирина, испугавшись внезапного взрыва эмоций у мальчика.

— Нет, я не хочу зависеть ни от милости Самуэля, не месье Бовуара. Ты сама говоришь: у меня есть музыка, и она меня прокормит.

— В этом нет необходимости; поверь, нам нет нужды расставаться.

— Ты сама так решила, Ирина.

С этими словами он встал и покинул гостиную.

Ужин прошел в полном молчании; каждый был погружен в свои мысли. Под конец ужина Самуэль сообщил о своих ближайших планах.

— Сегодня вечером я сказал у себя в лаборатории, что отправляюсь в долгое путешествие и неизвестно, когда вернусь. Меня попросили подождать, пока мне найдут замену. Не думаю, что на это потребуется много времени. Кроме того, я должен привести в порядок свои дела. Завтра я пойду к нотариусу, чтобы оформить аренду цветочного

магазина.

— А я? Что будет со мной? — в голосе Михаила звучал упрек. — Ты подумал, что будет со мной?

— Ты вправе делать все, что захочешь. Ты знаешь, что всегда можешь рассчитывать на меня, как и на Ирину, и что оба мы сделаем для тебя все, что в наших силах.

— В самом деле? — усмехнулся Михаил. — Что-то мне в это не верится. Ирина решила выйти замуж, думая лишь о своих интересах, ты снова собираешься в Палестину. И вот скажи, кто из вас двоих при этом подумал обо мне?

— Что ты собираешься делать, Михаил? — спросил Самуэль очень серьезно.

— Он тоже хочет уехать, хотя это чистое безумие... — ответила за него Ирина. — Собирается искать работу... хотя в этом нет никакой необходимости...

— Ты хочешь уехать? — удивился Самуэль. — Но почему? Тебе нужно закончить учебу, ты хороший музыкант и можешь стать по-настоящему великим. У тебя нет никакой необходимости искать работу.

— Теперь есть. Вспомни, я уже неоднократно давал концерты, и отзывы критиков были самыми благоприятными.

— Да, ты был ребенком-вундеркиндом, потом стал подростком-вундеркиндом, теперь ты — молодое дарование, и осталось лишь стать взрослым гением, — сказал Самуэль.

Ирина извинилась и ушла к себе. Ее так задело поведение Михаила, что она задавалась вопросом — иммет ли право заставляя его страдать.

Самуэль и Михаил остались наедине и несколько минут молчали. Потом Самуэль поднялся и когда уже собрался было выйти из столовой, услышал, как Михаил тихо спросил:

— Ты возьмешь меня с собой в Палестину?

Самуэль взглянул на него и ответил, даже не задумываясь:

— Конечно. Почему бы и нет?

И вот они стоят на палубе корабля, наблюдая за маневрами на пристани. Михаил горел желанием поскорей покинуть корабль и познакомиться с этой землей, о которой знал из библии, Самуэль задавался вопросом, сможет ли он вернуться к простой жизни Сада Надежды.

Они сошли на берег около полудня, когда солнце раскалило воздух, а от ветра почти ничего не осталось.

Они пробирались через толпу и на мгновение Самуэль смутился, такими разительными были перемены. Он нашел арабского крестьянина, который согласился доставить их в Тель-Авив на своей повозке — этот новый город располагался неподалеку от Яффы, и жили там только еврей-иммигранты.

— Останемся там на одну ночь, мне любопытно на него взглянуть.

Они нашли скромную гостиницу неподалеку от моря и, даже не отдохнув с дороги, вышли, чтобы осмотреть город. Они шли, не выбирая направления, преисполненные любопытства. Самуэль растрогался, увидев вереницу простых и небольших домов, с микроскопическими, но очень ухоженными садиками.

— Смотри, смотри! — восхищенно произнес он, указывая в сторону этих домиков, в которых Михаил не нашел ничего необычного.

В городе были школы, кафе, магазины — как и в Париже, вот только улицы в большинстве своем немощеные.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил Самуэль.

— Какая-то убогая деревушка, — ответил Михаил. — Если бы она не стояла на берегу моря, так и вовсе смотреть было бы не на что.

— Да что ты говоришь! Когда я уезжал, здесь просто ничего не было, а сейчас, как видишь — целый город. Смотри... Посмотри вон туда. Ну, что ты об этом скажешь?

Но Михаил не разделял его энтузиазма и там, где Самуэль видел город, замечал только большую деревню. Он в этом не признался, но Тель-Авив ему не понравился, он не находил привлекательными эти скромные дома, настолько же скромные, как и прохожие.

— Здесь все — рабочие? — спросил он у Самуэля.

— Рабочие? Нет, конечно; здесь есть разные люди: учителя, музыканты, врачи, юристы... Что за странный вопрос?

— Я имею в виду, они все так одеты... Даже не знаю... Похожи на рабочих...

Самуэль в очередной раз объяснил, что палестинские евреи создают внеклассовое общество, что здесь уважают любой, самый скромный труд, что адвоката, что фермера, поскольку жить на этой земле непросто, и у них просто нет времени на то, чтобы соблюдать социальные условности.

После долгой прогулки они сели в оживленном кафе. Самуэль слушал обрывки разговоров посетителей, и хотя Михаил сказал ему, что устал, они еще долго не возвращались в гостиницу.

— Здесь все говорят на иврите, — удивленно заметил Михаил.

— Что ж, таковы устремления всех иммигрантов — снова вернуть в обращение язык наших предков.

— К счастью, Мари настояла, чтобы раввин обучил меня ивриту, иначе я не смог бы понять ни единого слова.

— Гораздо больше тебе пригодился бы арабский, иначе ты не сможешь говорить с нашими соседями.

С тех пор, как Михаил попросил Самуэля взять его с собой в Палестину, тот начал давать ему уроки арабского языка. Обучение шло успешно, но полученных знаний все равно было недостаточно, к великому разочарованию Михаила, который настаивал, чтобы Самуэль продолжал с ним заниматься даже на корабле, по дороге в Иерусалим.

На следующий день с помощью хозяина гостиницы они нашли человека, который согласился отвезти их в Иерусалим. Михаил, не умолкая, болтал на протяжении всего пути, желая узнать как можно больше об этой стране. Когда же они прибыли в Иерусалим, Михаил был совершенно очарован этим городом; Самуэль никак не ожидал, что он произведет на мальчика такое впечатление. С той минуты, как они проехали Дамаскские ворота, Самуэль глаз не спускал с Михаила, опасаясь, что он захочет побродить по Старому городу и заблудится в бесчисленных переулках.

— Побудем здесь до завтра, а потом отправимся домой, — сказал Самуэль.

Уже начали сгущаться сумерки, когда Самуэль внезапно махнул рукой, указывая далеко вперед, где уже замаячил Сад Надежды.

— Смотри, смотри, вон там!

Сначала Михаил ничего не увидел, кроме оливковой рощи, да чуть дальше — фиговых и апельсиновых деревьев. Позади них тянулась составленная из каменных блоков стена высотой чуть более метра, а чуть подалее — два довольно больших, но примитивных строения в окружении нескольких хижин. Михаил не мог понять, почему Самуэль так восторгается подобным убожеством; ему казалось, что Сад Надежды должен быть все-таки

побольше.

Самуэль вышел из повозки, чтобы пройти до ворот своего жилища пешком. Ему нужны были несколько минут одиночества, чтобы припомнить пейзаж, запахи, свет заката, но Михаил безмолвно встал рядом, уважая молчание, в котором нуждался Самуэль.

Самуэль! — радостный крик Каси всполошил всех жителей Сада Надежды.

Женщина бросилась к ним навстречу и, не дав сказать ни слова, заключила Самуэля в объятия.

— Ты вернулся! Ты вернулся!

Кася и Самуэль смеялись и плакали от радости и все никак не могли наговориться. Самуэль расспрашивал ее о Якове, Марине, об Ахмеде и Дине, обо всех друзьях, которые, как он вдруг понял, значили для него намного больше, чем он думал. При этом они оба совсем забыли про Михаила, который, совершенно ошеломленный, наблюдал за этой сценой.

К ним подбежала девушка примерно его возраста. Она показалась Михаилу очень красивой. Она тоже, не переставая, повторяла имя Самуэля и плакала от радости.

Марина принялась порывисто обнимать то Самуэля, то Касю, а слезы все катились по ее щекам. За ней следом спешили Яков и Ариэль, а за ними — Руфь и ее сын Игорь.

Они заговорили все разом, словно желая наполнить словами годы разлуки. Руфь и Игорь с улыбкой наблюдали за встречами друзей, дожидаясь, пока Ариэль их представит. Так и не дождавшись, Игорь первым подошел к Михаилу и протянул ему руку.

— Меня зовут Игорь, я — сын Ариэля.

— А я — Михаил.

Затем Игорь представил Михаила своей матери. Руфь видела, что молодой человек чувствует себя неловко, что ему в этой всеобщей радости пока не нашлось места, и решила положить этому конец.

— Ну что ж, давайте знакомиться, — сказала она. — Меня зовут Руфь, я — жена Ариэля, это наш сын, Игорь. А этот молодой человек сказал, что его зовут Михаил.

Они направились к дому, не переставая смеяться и обниматься. Яков всё время задавал вопросы, а Ариэль прерывал его, желая ввести Самуэля в курс всего происходящего, тем временем Кася пригласила их к столу.

— Если бы мы знали, что ты приезжаешь сегодня, то приготовили бы что-нибудь особенное. Ты не представляешь, как нам повезло с Руфью, она прекрасно готовит, с тех пор как она здесь, мы все растолстели.

— Самуэль подумает, что все остальные не готовят. Ты же знаешь, что в Саду Надежды все занимаются всем. Кася не позволила бы другого, — засмеялся Ариэль.

— Ну уж если я могу обрезать оливковые деревья, то почему ты не сможешь сварить суп? — ответила Кася, широко улыбаясь.

— А Луи? Где Луи? — допытывался Самуэль.

— Ах, луи! Наш друг посвятил всего себя политике, Он ездит то туда, то сюда, пытаюсь организовать «Поалеи Сион», пишет статьи в газету «Адаут» на иврите, ответил Яков.

— На иврите?

— Да, вот только тираж у этой газеты совсем небольшой, всего несколько сотен экземпляров.

— Не лучше ли было бы печатать ее на идише? — спросил Самуэль.

— Мы все так и считали, но только не Бен Гурион, ты же знаешь его. Удивительный тип. Луи им просто восхищен, — ответила Кася.

— Да, до отъезда я кое-что о нем слышал. Раз уж Луи больше не живет в Саду Надежды... Мне так хотелось бы с ним увидеться...

— И увидишься, он уезжает и приезжает, здесь всё равно его дом. Просто время от времени он уезжает и не возвращается несколько месяцев. У него есть обязательства перед «Ха-Шомер», — объяснила Кася.

Друзья объяснили, что «Ха-Шомер», то есть «Страж», это группа евреев, занимающаяся самообороной.

— Да, до отъезда в Париж уже шли разговоры о том, что на севере колонисты организуются для защиты своего урожая...

Но «Ха-Шомер», к большому удивлению Самуэля, оказался чем-то большим. Рассказывая ему об этом, Яков стал серьезным.

— «Дружинники» ходят с винтовками, одеваются как бедуины и патрулируют северные деревни. Луи говорит, что это оказалось наилучшим решением: до сих пор колонисты вынуждены были нанимать охрану для защиты от воров, но гораздо лучше, если мы будем защищать себя сами.

— А что же делают власти? — допытывался Самуэль.

— Власти не возражают. «Ха-Шомер» имеет своих лидеров и свой кодекс правил... Они заслужили уважение даже у бедуинов. Те даже не представляли, что евреи в состоянии себя защитить, — объяснил Яков.

— Нужно сообщить Ахмеду и Дине. Будет нехорошо, если мы им ничего не скажем. Я сбегаю домой и заодно приведу их, — предложил Самуэль.

Вокруг повисла неловкая тишина, и Самуэль заподозрил неладное. Он увидел, как смущенно отвернулась Кася, какой болью исказилось лицо Марины. Яков сразу помрачнел, а Руфь и Ариэль выглядели встревоженными.

— Что случилось? Уж не заболел ли Ахмед?

— Нет, не в этом дело, — поспешил ответить Яков. — Просто в последнее время мы редко видимся.

— Как такое может быть? Наши дома разделяет не более двухсот метров, а путь от карьера до его дома лежит через наш сад. Так что же случилось?

В ответ все заговорили хором, но Самуэль так ничего и не смог разобрать в этом многоголосом гвалте. Тогда слова попросила Марина.

— Ахмед не позволяет нам с Мухаммедом... Ты же знаешь, мы с Мухаммедом всегда были друзьями, а сейчас... в общем, мы полюбили друг друга, а Ахмед потребовал, чтобы мы расстались. Он заявил, что либо я приму их веру, либо он слышать ничего не желает.

— А Мухаммед? — в голосе Самуэля прозвучала грусть.

— Он не может противиться воле отца. Ты же знаешь, для араба просто невыносимо, чтобы сын пошел против отца. Ахмед отослал его в Стамбул; накануне его отъезда он пришел, чтобы увидеться со мной. Мы весь вечер говорили, плакали, но между нами все было кончено. С тех пор мы избегаем встречаться с Ахмедом, а он — с нами.

Марина честно описала положение дел, ничего не приукрасив. Михаил искоса ее рассматривал. Хотя Самуэль рассказывал о ней, уверяя, что это очень красивая девушка, Михаил не предполагал, что настолько. Но это оказалось правдой. Красоту Марины трудно было не заметить, и он решил, что этот Мухаммед — просто дурак, раз ее бросил.

— Мы не перестали совсем иметь дел с Ахмедом, ведь Игорь каждый день ходит в карьер. Мы ведем себя, как добрые соседи, — попытался успокоить Самуэля Ариэль, видя

отразившееся на его лице беспокойство.

— Мне жаль, Марина, мне действительно жаль, я знаю, что для тебя значит Мухаммед. Но я должен повидаться с Ахмедом. Иначе это будет просто невежливо, он посчитает это оскорблением. В конце концов, мы — соседи, мы живем на одной земле и делим все радости и невзгоды.

— Конечно, сходи к нему и пригласи присоединиться к нашему празднику по случаю твоего приезда. Обо мне не волнуйся, мне уже лучше. А поначалу.. в общем, я думала, что не перенесу эту боль, даже просила родителей отправить меня обратно в Россию. Я бы предпочла жить там в бедности и без будущего, без надежды, чем продолжать жизнь здесь. Но теперь я успокоилась. Самуэль, ты должен к нему сходить.

Самуэль с благодарностью обнял ее. Он любил Марину, знал ее с детства, с тех пор, когда она была веселой девочкой. И теперь, когда она стала взрослой женщиной, он любил ее по-прежнему — за искренность и доброту.

— Не беспокойся, я не приведу его сюда, только ты дай мне слово, что никуда не уйдешь. Ни за что на свете я не допущу, чтобы ты страдала, — заверил Самуэль.

— Думаю, он не захочет прийти, и Дина тоже, — ответила Марина, изо всех сил стараясь улыбнуться. — Но даю слово, что, даже если они придут, я останусь. Я не собираюсь из-за них лишать себя праздника.

Самуэль вышел с камнем на душе. Он переживал за Марину. Шел он быстро и издалека заметил Ахмеда, который курил на пороге своего дома. Он наслаждался запахами цветов апельсиновой рощи и мягким закатным ветерком. Увидев Самуэля, он радостно выкрикнул его имя и бросился к нему, раскрыв объятия.

— Самуэль! Благослови тебя Аллах, и да будет благословен этот день, когда ты вернулся.

Двое мужчин горячо обнялись.

— А ты постарел, друг мой, — заметил Ахмед, похлопав его по спине.

— Ты тоже. Думаешь, я не вижу седины в твоих волосах? Но как же я рад тебя видеть. А как Дина? А Саида? А ваши дети? Как же я хочу поскорее увидеть их всех...

Ахмед пригласил его в дом, где его жена и теща встретили дорогого гостя радостными криками. Саида тут же налила ему чашку гранатового сока; Дина не скрывала своей радости, а Айша, ставшая совсем взрослой девушкой, застенчиво смотрела из-под ресниц.

— Ты уже совсем взрослая. Сколько тебе лет? Двадцать? Чуть меньше, чем Марине, да? Ты стала еще красивее, чем была, — сказал Самуэль, словно не замечая, как смутилась Айша.

Дина настояла, чтобы он попробовал фисташковый пирог, который она только что приготовила.

— Я думаю, будет лучше, если вы пойдете вместе со мной в Сад Надежды. Я буду очень рад, если мы все вместе отпразднуем мое возвращение. Кроме того, я хочу познакомить вас с Михаилом. Он тоже с нетерпением ждет этой минуты, ведь он знает, что вы для меня значите.

Самуэль увидел, как все они сразу смутились. Дина прикусила губу, Саида сделала вид, будто что-то ищет, и лишь Ахмед пристально взглянул на Самуэля.

— Видишь ли... — начал он.

Однако Самуэль не дал ему продолжить.

— Да, я все знаю, Марина мне рассказала. Кстати, именно она настаивала, чтобы я

немедленно позвал вас в гости. Да я и сам не смог бы праздновать возвращение, не пригласив всех друзей, так что очень надеюсь, что вы пойдете со мной. Не говоря уже о том, что я никак не смог бы отказаться от фисташкового пирога, поэтому я предлагаю взять его с собой и разделить между всеми нашими друзьями.

Несмотря на то, что им самим меньше всего этого хотелось, они все же не посмели отказать Самуэлю и отправились вместе с ним в Сад Надежды.

Если Марина показалась Михаилу красавицей, он даже не смог бы описать своих впечатлений, когда увидел Айшу. Черноволосая, с кожей цвета корицы, не слишком высокого роста, она обладала восхитительными формами, проступавшими сквозь длинное и просторное разноцветное платье.

Все обрадовались поступку Самуэля и прилагали максимум усилий, чтобы получить удовольствие от вечера, и потому вскоре уже шутили и рассказывали друг другу анекдоты, тем временем отдавая должное импровизированному ужину Каси и пирогу Дины.

Это был такой радостный вечер, что Самуэль даже забыл об Ирине.

Он заснул, думая лишь о том, сможет ли Михаил прижиться в Саду Надежды. Ему привыкшему к буржуазной парижской квартире, нелегко будет привыкнуть к жизни в общем доме, где слишком мало возможностей для уединения, и где в основе существования лежит общий труд.

— Через три дня, и ни минутой позже, вы должны будете впрягаться в работу, — заявила Кася, когда Самуэль выразил желание навестить своих старых друзей в Иерусалиме и показать Михаилу Старый город.

Первым делом они навестили семью Аврама Йонаха. В их доме теперь всем заправлял Йосси, сын Аврама, который взял на себя обслуживание пациентов отца.

Они вошли в город через ворота Ирода, которые вели в арабские кварталы. Михаил таращился вокруг изумленными глазами, но, по своему обыкновению, ни о чем не спрашивал. Затем Самуэль повел его улицей Скорби в христианский район, где они подошли к храму Гроба Господнего. Через несколько минут они добрались до дома Аврама, который находился в еврейском районе неподалеку от Стены Плача.

— Пожалуйста, позволь мне взглянуть на Стену, прежде чем мы пойдем в гости к твоим друзьям, — попросил Михаил.

Через полчаса они оба уже стояли у Стены. Самуэль был до крайности удивлен, увидев, что глаза Михаила подернулись слезами. Однако он ничего не сказал по этому поводу.

Рахиль Йонах, жена Аврама, радостно обняла Самуэля и пригласила их обоих войти. Она сильно постарела, ходила с трудом, а ее взгляд то и дело застилала слезы.

— Муж только и говорил, что о тебе, — сказала она. — Я думала, что ты больше не вернешься, но он всегда говорил, что вернешься обязательно. Да проходите же, а я позову сына и его жену. Юдифь помогает ему с пациентами.

— А внучка?

— Ясмин — наша радость. В последние дни жизни моего мужа девочка не отходила от его постели. Целыми часами она читала дедушке вслух. И представляешь, теперь она выросла и говорит, что хочет стать врачом, как дед и отец!

Йосси и Юдифь тоже очень обрадовались возвращению Самуэля и с большой сердечностью приняли Михаила.

— Раз уж ты виртуозный скрипач, надеюсь, что пригласишь нас послушать. Некоторые новые иммигранты — музыканты, как и ты, они собираются собрать оркестр. Конечно, до

этого еще далеко, сейчас прибывшие не имеют другого выбора кроме как работать на земле. Но я познакомлю тебя с пианистом, который мне кажется удивительным, его зовут Бенджамин, он недавно приехал из Салоников. Он сефард, как моя мама и жена.

Затем они долго обсуждали последние городские новости.

— Самые влиятельные семьи Иерусалима присоединились к арабским националистам. С каждым днем возникает всё больше тайных клубов, хотя вообще-то секреты здесь долго не держатся. Что касается политик султана по отношению к нам... ты ведь знаешь, как здесь всё происходит. Немного подавления, немного коррупции... Но в Стамбуле раздаются всё более многочисленные голоса против разрешения евреям селиться в Палестине, а в особенности получать в собственность землю. Знаешь, кто такой Рухи Халиди? Он был вице-председателем парламента в Стамбуле. Халиди никогда не были националистами, но... Похоже, он предложил парламенту закон о том, чтобы не позволять евреям покупать больше землю.

— Но ведь эмигранты по-прежнему скупают земли, разве нет? — допытывался Самуэль.

— Разумеется, а знатные семьи как всегда эти земли продают. Практичность, знаешь ли, часто берет верх над сердцем. В конце концов, Сад Надежды вы ведь тоже купили у семьи Абан, — напомнила Рахиль.

Самуэль попросил разрешения навестить их снова, чтобы увидеть Ясмин.

— Бог не благословил нас другими детьми, так что мы балуем ее без меры, — сказала Юдифь, а Йосси пожал плечами.

— Просто необыкновенная девушка! — повторяла ее бабушка Рахиль.

Выйдя дома на улицу, Михаил заметил:

— Рахиль больше похожа на арабку, чем на еврейку.

— У сефардов это не редкость, — ответил Самуэль. — Они внешне похожи на арабов, у них темные волосы и глаза, а потому, стоит им одеться, как арабы, их становится трудно отличить.

Остаток утра они бродили по городу. Когда Михаил увидел его впервые, Иерусалим его поразил, он сетовал на то, как плохо выглядят некоторые евреи, встречающиеся им по пути.

— Даже не представлял себе, что на свете существует такая нищета!

Самуэль отвел его повидаться с кое-какими друзьями. Уже настали сумерки, когда они направились к дому Иеремии. Самуэлю не хотелось туда идти — он знал, что встретится с Анастасией, теперь женой владельца карьера. Иногда он винил себя в том, что завел с ней отношения, чувствуя, что использовал ее в своих целях, не принимая во внимание ее чувства. Но она ни разу ни в чем его не укорила и приняла расставание, не проронив ни слезинки.

Когда они постучали в дом Иеремии, тот как раз мылся. Анастасия встретила их весьма любезно, но без особой радости. Она пригласила их войти и предложила чашку чая, пока муж не закончит мыться.

Самуэль искоса поглядывал на Анастасию, удивляясь, как она сумела сохранить такую стройную фигуру, родив троих детей. Старшей девочке было четыре или пять лет, а младшим, близнецам — едва сравнялось два года.

Дети играли и бегали, не обращая на них особого внимания, и только старшая девочка, спрятавшись за стулом матери, глядела на них с застенчивым любопытством.

Зато когда появился Иеремия, он, похоже, был искренне рад видеть Самуэля.

— Итак, ты решил вернуться. Это ты правильно сделал, именно сюда и должны

возвращаться евреи, чтобы поднять из руин свою родину.

Он рассказал, что прежде был активным участником «Хапоэль-Хацаира», но теперь присоединился к «Поалей-Сиону».

— У них лучше организация, — сказал он.

Самуэль поинтересовался, как работает в карьере Ахмеду, а также молодому Игорю, сыну Руфи и Ариэля.

— Игорь — сильный и трудолюбивый. Что касается Ахмеда, то он по-прежнему бригадир, мне не на что жаловаться. Он всегда готов работать без усталости и ни минуты не сидит без дела. Я правильно поступил, последовав твоему совету и сохранив его в должности, когда он сломал ногу. Он хорошо знает работников и как добиться от них всего, на что они способны.

Иеремия с большим интересом отнесся к Михаилу и предложил ему работу у себя в карьере. Самуэль поблагодарил, но не позволил Михаилу принять предложение. Он еще не знал, чему собирается посвятить себя юноша, но тот в любом случае не бросил бы музыку, хотя и прекрасно понимал, что профессия музыканта — далеко не самая востребованная в Палестине.

На третий день после приезда Самуэль встал на рассвете и пошел работать вместе с другими обитателями Сада Надежды. Кася сказала, что Михаил встал еще раньше и отправился доить коз вместе с Ариэлем.

— Он еще даже оглядеться не успел, а ты уже заставляешь его работать, — упрекнул Касю Самуэль.

— Он сам вызвался. Он хочет стать одним из нас — так позволь ему это сделать. Я понимаю твоё беспокойство: у него настоящий талант к музыке, который никак нельзя растратить впустую, но в таком случае он должен подумать — а то ли это место, где ему стоит жить?

— Михаил никогда не работал: он только учился, — запротестовал Самуэль.

— А ты? А Яков? На этой земле невозможно жить и нечего не делать. Так что сперва работа, а музыка — потом.

— Ты знаешь, что это такое, быть настоящим скрипачом? Еще в детстве он играл целыми днями, работал по несколько часов в день, не жалуясь на усталость.

— В таком случае, для чего ты его привез?

— Обстоятельства не всегда позволяют нам выбирать. Михаилу нужно было уехать из Парижа, а также осознать, что это такое — быть евреем. Он воспринимает это не как часть собственной личности, а как ярмо на шее, от которого он и хотел бы, да не может избавиться.

— Одним словом, та же история, что и с тобой.

— Думаю, что так оно и есть.

— Допустим, но ты все-таки уж позволь ему самому решать, как себя вести; в конце концов, он уже не ребенок.

— Он осиротел, едва научился ходить...

— Предположим. Но скажи, кто из нас не страдал в жизни? В конце концов, мы все приехали в Палестину для того, чтобы обрести себя. А кроме того, кто сказал, что здесь не нужны музыканты? Или ты думаешь, что мы не нуждаемся в духовной пище?

Самуэль с большим удивлением обнаружил, что хижина, которую он превратил в импровизированную лабораторию, осталась в точности такой, какой он ее помнил. Кася содержала ее в неприкосновенности и не позволила Ариэлю использовать ее под склад.

Самуэль снова погрузился в будничные дела, обеспокоенный тем, как помочь Михаилу найти свое место в Палестине.

— В каждой хижине полно места, ты можешь репетировать когда захочешь, никого не потревожив.

Михаил старался приспособиться к жизни на ферме вместе с этими простыми людьми, но это оказалось непросто. Он скучал по Парижу. В доме говорили об урожае, социализме и почти ни о чем больше. Музыка не была для них насущной необходимостью, хотя они время от времени любезно просили его сыграть. Лишь Яков и Марина явно получали удовольствие от этих кратких минут музыки. Ариэль нетерпеливо ерзал на стуле, а Руфь и Кася выглядели погруженными в свое шитье.

Но раз уж он приехал, но так легко не сдастся. Он вернется в Париж, но не раньше, чем пройдет достаточно времени, чтобы Ирина не приняла его приезд за признание своего поражения.

Марина предложила ему давать уроки музыки детям городской элиты.

— Иерусалим не таков, каким кажется, — сказала она. — Здесь есть много иностранцев, а влиятельные семьи обычно имеют много детей, есть и состоятельные евреи.

Марина, которая работала в школе для девочек, убедила некоторых матерей, что их дочерям необходимо брать уроки музыки. В скором времени у Михаила было уже несколько десятков учениц.

— Нам всем приходится обрабатывать землю, но мы умеем делать и многие другие вещи, — сказала она. — Отец убедил меня покинуть Сад Надежды, и с помощью семьи Абрама я получила возможность найти эту работу в школе для девочек.

— Но ведь для вас очень важно обрабатывать землю, — напомнил Михаил.

— Да, это лучший способ воссоединиться с нашим прошлым. Кстати... могу ли я попросить тебя об одном одолжении? Не мог бы ты и меня учить музыке? Меня охватывает такое волнение, когда я вижу, как рождаются звуки под твоим смычком. Если бы и я так могла...

— Ну, конечно, ты сможешь! Я покажу тебе, как они рождаются.

28 июня 1914 года Самуэль пришел в дом Йосси Йонаха, чтобы как всегда отдать ему заказанные лекарства. Йосси, как прежде его отец, тоже считал, что у Самуэля золотые руки и его лекарствам нет равных.

Друзья вели свои обычные разговоры, еще ничего не зная о том, что в далекой Европе только что был убит хорватским террористом эрцгерцог Франц-Фердинанд.

— Мой отец считал, что ты — хороший аптекарь, потому что не ограничиваешься тем, чему тебя учили, и не боишься экспериментировать.

— Так и есть, но за последние годы в Париже я по-настоящему овладел профессией аптекаря. Медики диагностируют болезнь, а мы, аптекари, готовим лекарства для ее излечения. Без нас, аптекарей, вы, медики, мало чем смогли бы помочь.

— Да, это так, друг мой. Мы нужны друг другу и должны работать плечом к плечу. Ты нуждаешься в моих медицинских познаниях, а я, в свою очередь, смогу у тебя узнать, какие травы лучше помогают при каких недугах.

Потом они заговорили о более насущных вещах. Йосси был весьма обеспокоен

здоровьем своей матери, старой Рахили.

— С тех пор как умер мой отец, она почти не выходит из дома. Говорит, что ей на этом свете нечего больше делать. Если бы не моя дочка Ясмин, думаю, она бы уже умерла.

Самуэль уже давно заметил особый интерес Михаила к дочери Йосси. Всякий раз, когда Самуэль отправлялся навестить семью Абрама, Михаил старался увязаться за ним. Несомненно, Михаил был сражен красотой этой девушки. Да и как он мог ее не заметить — высокую, стройную брюнетку с округлыми и женственными формами?

— Твоя дочь уже почти взрослая, — заметил Самуэль.

— На самом деле она еще совсем дитя, но выглядит старше своих лет. Это очень меня тревожит, друг мой. Иерусалим — не во всем святой город.

— Да что ты говоришь!

— Мама и жена не спускают с нее глаз и не выпускают из дома одну. Я и сам жду не дождусь, когда смогу выдать ее замуж, — признался Йосси.

— Ну а ты, Самуэль, еще не надумал жениться? — спросила Юдифь.

Самуэль лишь молча улыбнулся в ответ. Он был уже не в том возрасте, чтобы думать о женитьбе: в нынешнем, 1914 году, ему исполнилось сорок три. Даже сама мысль о женитьбе казалась ему смешной. Все эти годы он был влюблен в Ирину; да что там говорить — просто одержим ею. Теперь же, освободившись наконец от этого наваждения, он понял, что уже слишком стар, чтобы заводить семью. А кроме того, что мог он предложить женщине? Ежедневную каторжную работу в поле? Жизнь бок о бок с другими семьями, в которой у нее не будет ни собственного дома, ни своего имущества? При этом он никогда не испытывал особого желания иметь детей, хотя порой задавался вопросом: что бы чувствовал, если бы они у него были.

В этот вечер ни Самуэль, ни Йосси еще не знали, что в Европе уже началась война; и тем более они не могли знать, как эта далекая война отразится на них. Они узнали обо всем лишь спустя несколько месяцев, уже осенью, после того как Турция поддержала Германию и тоже ввязалась в войну.

В Сад Надежды эту новость принес Луи. Он объявился неожиданно, и Самуэль едва узнал друга в бедуинских одеждах.

— Мне сообщили, что ты вернулся, — начал он прямо с порога, заключив Самуэля в объятия. — Я хотел приехать раньше, но никак не мог вырваться.

Кася принялась бранить Луи, что так долго не возвращался.

— Могу я хотя бы узнать, почему тебя так долго не было? Ты же знаешь, как мы все волнуемся.

— Моя дорогая Кася, боюсь, что теперь тебе придется беспокоиться о куда более важных вещах, — ответил он. — Наш обожаемый султан Мехмед V Рашид объявил войну Великобритании, Франции и России. Мне известно, что в мечети Аль-Акса уже призывают к войне.

Несколько секунд никто не знал, что сказать. Каждый думал о том, как на них повлияет это чудовищное слово: война.

— А как же мы? — нарушила молчание Марина. — Что будет с нами?

— С нами? — переспросил Луи. — Нам ни к чему ссориться с турками, так что тоже придется воевать.

— Я так полагаю, ты и дальше собираешься поддерживать турецкую империю, — произнес Яков, не скрывая своего разочарования.

— Ты не понял, я вовсе не собираюсь поддерживать империю. Я говорю о том, что мы приехали на землю своих предков, чтобы построить здесь будущее, а под властью турков построить его невозможно. Так что лучше уж посмотреть правде в глаза.

— Я — русский и почти что француз, и не понимаю, почему должен поддерживать немцев и турок, — запротестовал Михаил.

— Так и Самуэль тоже. Но здесь, в Палестине, ты — еврей; и не может быть для нас худшей беды, чем если Палестина окажется втянутой в эту войну.

— А я не согласен, — ко всеобщему удивлению вставил Яков.

— Не согласен? — насмешливо переспросил Луи. — И что же ты намерен делать? Напоминаю тебе, что в армии султана, помимо всех прочих, служат и евреи.

— Эта война не принесет нам ничего хорошего, — покачал головой Ариэль.

Было уже далеко за полночь; все уже давно легли спать, а Луи и Самуэль все не ложились, куря сигареты и ведя нескончаемые разговоры.

— Итак, ты вступил в «Ха-Шомер», — сказал Самуэль.

— Ну да. Я считаю, что для нас будет лучше, если мы будем сами себя защищать.

— Вот только не надо строить из себя еврейского альтруиста, — с улыбкой заметил Самуэль. — Уж я-то знаю, сколько «Ха-Шомер» дерет с колонистов за свою защиту.

— Ну и что? А до этого они платили арабским охранникам. Кроме того, мы должны думать о будущем, — очень серьезным тоном произнес Луи.

— Разумеется, мы должны думать о будущем, но я не понимаю, почему евреи должны иметь монополию на защиту еврейских колоний? В конце концов, это всего лишь защита от воров, и не более того.

— Но и не менее. Для своего же спокойствия ты должен знать, что существуют подобные отряды, в которых состоят как евреи, так и арабы. Но я собираюсь пойти еще дальше. Когда-нибудь мы наберем такую силу, что сможем защищать не только себя, но и всех остальных.

— И кто же наши враги? Ты же сам уверяешь, что мы должны оставаться подданными султана? Таким образом, единственные, от кого мы должны защищаться — это бандиты.

— Друг мой, не стоит упускать из виду то, что происходит вокруг нас. Я думаю, что нам совсем неплохо в составе Османской империи. Турки всегда были к нам терпимы, никогда не преследовали нас из-за веры, не мешали строить синагоги и жить так, как мы считаем нужным; как ты и сам знаешь, многие евреи занимали важные посты при дворе султанов. В то время как европейцы на протяжении веков преследовали нас и изгоняли за пределы своих государств, султаны нас приветствовали и давали возможность жить так, как мы хотим.

— Не бесплатно, разумеется, — напомнил Самуэль.

— Не бесплатно? Разумеется. Согласен, мы платили налоги, как и другие иноверцы, но, по крайней мере, нас никто не беспокоил. Хорошо бы все европейские короли вели себя так же, как османские султаны.

— Ты вправду так думаешь? — спросил Самуэль.

— Разумеется. И я считаю, что мы должны очень хорошо подумать, прежде чем нарушать статус-кво.

— В последнее время мне не кажется, что Блистательная Порта так уж нами дорожит, — ответил Самуэль.

Они так и не пришли к согласию, зато убедились, что, несмотря на долгие годы разлуки, их дружба по-прежнему крепка и они по-прежнему могут быть откровенны друг с другом,

хотя Самуэль и заметил, что Луи изменился. Причем изменился не только внешне — теперь он носил огромные усы — но и внутренне: стал более серьезным, вдумчивым, а, главное, задался целью превратить Палестину в общий дом всех евреев с согласия Османской империи. И это согласие, по его словам, дал сам султан в Стамбуле.

— Посмотри вокруг, — говорил он. — Разве ты сам не видишь, как изменилась Палестина?

Самуэль понял, что Луи прав. Сейчас появилось много еврейских школ, и первые иммигранты превратились в новый класс — крестьян, но не только. Иврит получил новое рождение, превратившись в более популярный язык, чем идиш. Да и пейзаж изменился — с каждым днем за стенами Старого города появлялось всё больше новых зданий, был основан Тель-Авив, еврейский, и только еврейский город. Да, Луи был прав: за те годы, что он провел в Париже, Палестина стала совсем другой.

8. Первые слезы

К реальности их вернул скрип поворачивающегося в замочной скважине ключа. В гостиную вошла Ханна, дочь Аарона Цукера, удивившись, что Мариан до сих пор здесь.

— Ты уже здесь? Я думала, вы вернешься позже, — обратился Изекииль к внучке.

— Но, дедушка, уже почти шесть! А вы еще не закончили разговор? — спросила она Мариан, не скрывая раздражения от того, что обнаружила ее здесь.

— Простите... мы задержались.

— И ты не поел! — теперь она обратилась к дедушке с явным упреком в голосе.

— Ну разумеется, мы поели! Госпожа Миллер помогла мне приготовить салат.

Мариан извинилась. Она знала, что пора прощаться, но не могла бросить на полдороги то, ради чего сюда приехала. ей казалось, что этот человек ей манипулирует, втянул ее в бесконечный разговор, во время которого оба проливали слезы над двумя параллельными историями. Потому что таковыми они и были — параллельными, не сталкиваясь, хотя казались такими близкими.

Изекииль заметил ее досаду, но к удивлению Мариан именно он предложил ей вернуться на следующий день.

— Вы не хотели бы прийти завтра?

Она благодарно кивнула.

— Да, если это вас не обременит, иначе я не смогу завершить начатое.

— Знаю. Возвращайтесь завтра. Разговор с вами меня так бодрит.

— Но, дедушка, мне кажется, ты уже достаточно помог госпоже Миллер. Не забывайте, — сказала она Мариан, что дедушка не может весь день разговаривать. если хотите, я лично могу дать вам кое-какие сведения относительно политики еврейских поселений... хотя я отношусь к ним совершенно по-другому.

— Ладно, Ханна, позволь рассказать мне. Мне нравится беседовать с Мариан. Жду вас завтра к двенадцати. Это подойдет?

Ханна проводила Мариан Миллер к двери и на прощанье произнесла:

— Пожалуйста, не слишком его утомляйте, он еще не оправился от последнего инфаркта.

— Последнего? Я не знала...

— У него было три сердечных приступа. Врач велел ему не переутомляться. Всего пару дней назад он выписался из больницы.

— Обещаю, что постараюсь не слишком его утомлять и закончить как можно скорее.

— Так сделайте это.

Она почувствовала головокружение. Целый день она провела в этом доме, обмениваясь со стариком историями. Они вдвоем могли бы написать книгу. Эта мысль вызвала у нее улыбку.

Она вела машину медленно, пытаясь запомнить каждое слово. Изекииль открыл дверь к судьбам, которые она, казалось, отчетливо видела. В отель она приехала изнуренной, с деланием лишь принять душ и лечь спать, не прерывая при этом размышления.

Утром она пришла в назначенное время. Мариан встала рано с деланием прогуляться по Старому городу. Она покинула американский квартал примерно в восемь, когда Иерусалим

уже просыпался, и быстрым шагом направилась к Дамаскским воротам, в этот час сотни человек пересекали их в обоих направлениях.

Торговцы открывали свои магазины, на рынке останавливались перед лотками женщины, опытным взглядом осматривая только что выложенную зелень, прибывшую из окрестных деревень.

Мариан остановилась перед магазином, откуда исходил аромат ванили и фисташек. Она не могла устоять перед искушением и купила несколько сладостей.

Она шла по Старому городу, не выбирая направления, покинула арабский квартал, чтобы затеряться на улочках христианского, оттуда оказалась в армянском и, наконец, в еврейском.

Она не могла избавиться от ощущения неловкости при виде евреев, одетых в черные лапсердаки и со спускающимися из-под шляп пейсами.

Уже было десять часов, когда она быстро вышла через Дамаскские ворота, чтобы вернуться в отель и сесть во взятую напрокат машину. На этот раз к дому Изекииля она ехала быстро, предчувствуя, что старик из тех, кто стражайше блюдет пунктуальность. Дверь открыла его внучка Ханна.

— Мне пора идти, но постараюсь поскорее вернуться. Дедушка плохо спал, хотя уверяет, что чувствует себя хорошо.

Она протянула бумажку с написанным на ней номером мобильного.

— Хотя я буду на занятиях, телефон оставлю включенным. Я очень обеспокоена, если вы заметите, что он плохо себя чувствует, звоните, и пожалуйста, не утомляйте его, как вчера.

Мариан пообещала, что постарается завершить беседу в этот же день.

Изекииль сидел у окна, откуда обозревал Иудейские горы. Казалось, что его мысли витают где-то далеко.

— Я принесла вам кое-какие сласти, надеюсь, что вам понравятся, — сказала Мариан, выдавив из себя самую приветливую из своих улыбок.

— Садитесь. Хорошо отдохнули?

— Да, проспала больше восьми часов. Ханна сказала, что ваша ночь прошла не очень хорошо...

— У стариков чуткий сон, а моя внучка разволновалась без причины. Она даже хотела позвонить в университет и остаться дома, но я настоял на том, чтобы она ушла. Так будет лучше, вам не кажется? Чья очередь рассказывать? Ваша или моя?

— Я не хочу вас утомлять...

— И я не услышу вашу версию того, что случилось с семьей Зиядов? Ну уж нет. На чем мы остановились?

— Как раз должна была начаться Первая мировая война.

— В таком случае, теперь моя очередь говорить.

***

Дина тревожилась. В то утро она пошла на базар в сопровождении своей матери Саиды и дочери Айши, там ходили слухи о неминуемом приезде паши Ахмета Кемалья, министра по делам имперского флота, губернатора Сирии и главнокомандующего Четвертой Османской армией. Если слухи окажутся правдой, Кемаль — человек кровожадный и непредсказуемый, готовый обуздать тех арабов, что мечтают о создании собственного государства вне

империи.

Она боялась за Ахмеда и за своего брата Хасана, они так часто посещали собрания, где говорили о том, что скоро арабы обретут независимость от турков.

Она услышала, как кожевник шепчется с мясником, и оба предсказывали смутные времена.

— Женщины вечно придают слишком много значения слухам с рынка, — сказал ей Ахмед.

Несколько дней спустя вместе с мужем и матерью Дина наблюдала за триумфальным въездом в город Ахмета Кемалья. Они вернулись домой, замороженные окружающей пашу роскошью.

— Такого парада я в жизни не видела, ему кидали лепестки роз, а народ пел. Я плохо его рассмотрела, но он кажется очень высоким, — рассказала Дина дочери, которая жаждала узнать подробности.

Всего неделю спустя Ахмед присутствовал на одном из собраний, которые созывал Омар Салем.

— Кемаль-паша, похоже, верит только немцам, — с горечью произнес он.

— Да, с тех пор как правят три паши, все офицеры в их войсках — немцы, — прибавил Хасан.

Ахмед слушал их молча, обеспокоенный тревогой, которую читал на их лицах.

— Но в войсках султана много и арабов, и даже евреи есть, — осмелился он сказать, хотя и без особой убежденности.

— Но Кемаль нам не доверяет. Говорят, он прибыл сюда, чтобы подавить любую попытку мятежа, — вмешался Хасан.

Вошел слуга и что-то прошептал на ухо Омару, который тут же с улыбкой поднялся.

— Друзья мои, у нас неожиданный гость. Здесь Юсуф Саид.

Молодого человека, друга сыновей Хасана и Лайлы, и хозяин, и его гости приняли со всем дружелюбием. Он выглядел немного усталым, поскольку недавно прибыл из Каира.

— Я заходил к тебе домой, — обратился он к Хасану. — Твоя жена Лайла сказала, что ты здесь. Омар, надеюсь, ты простишь меня за вторжение без приглашения.

— Тебе всегда здесь рады. Расскажи о шарифе Хусейне и его сыновьях, Фейсале и Абдалле.

— Шариф ведет себя осторожно, но думает, что сейчас настал наш шанс. Не так давно Абдалла собственной персоной побывал в Каире, чтобы разузнать, что думают о будущем британцы.

— И что они думают? — спросил Омар.

— У них есть свои обязательства, они слушают с интересом, но ничего не обещают. Похоже, они убеждены, что выиграют войну. Мы должны быть готовы, если это случится.

Они разговаривали еще довольно долго, и несмотря на то, что Юсуф Саид осторожничал, пришли к выводу, что шариф Хусейн хорошо расположен к европейцам, если они гарантируют помощь в реализации мечты о большом арабском государстве.

— Поговаривают, что племя Саудов оспаривает лидерство Хусейна ибн Али, — бросил Хасан.

— Так и есть, но не забывай, что легитимность шарифа проистекает от его происхождения, он потомок самого Пророка, — заметил Юсуф.

Уже настала ночь, когда Ахмед отправился домой в сопровождении Юсуфа, Хасана и

двух сыновей последнего. Юсуф ночевал в доме Хасана. Он сказал, что хочет отдохнуть перед поездкой в Мекку.

Взгляд Дины зажегся, когда она узнала от Ахмеда, что в доме ее брата остановился Юсуф.

— Думаю, что этот юноша интересуется Айшой, вот увидишь, он сделает всё возможное, чтобы с ней встретиться.

— Женщина, в конце концов от его дома нас отделяют всего несколько метров. Тебе следует присматривать за дочерью и не оставлять ее одну, я не хочу, чтобы Юсуф подумал, будто мы хотим выдать ее замуж, — сказал Ахмед.

— Предоставь это мне, я буду действовать осторожно. надеюсь, что Лайла мне поможет, раз уж она моя невестка.

— Поможет в чем?

— Устроить встречу Юсуфу и Айши.

На следующий день ее племянник Халед явился к ним с приглашением на ужин.

— Мама хочет устроить прием в честь нашего гостя и задумала семейный ужин.

Саида и Дина с готовностью выполняли роль свах. Они настояли на том, чтобы Айше надела лучшее платье и лучший хиджаб.

— Ты должна вести себя благоразумно, не смотри ему в глаза и не заговаривай, пока он к тебе не обратится, — советовала ей бабушка Саида.

— Но, бабушка, ты что, меня за дурочку принимаешь? — возмутилась Айя.

— Я принимаю тебя за хорошую мусульманку. Не забывай, что мужчинам не нравятся бесстыдницы.

Вечер прошел как нельзя лучше. Салах и Халед были близки с Юсуфом и знали об интересе приятеля к своей двоюродной сестре. Они напомнили ему, что Айша — еще почти дитя, и он не должен даже смотреть в ее сторону, если не собирается жениться. Юсуф заверил, что именно этого и желает. Если Ахмед согласится, они поженятся, как только позволят нормы приличий.

Мужчины поговорили о последних событиях в городе, а женщины тем временем выставляли на стол приготовленные вкуснейшие блюда. Юсуф похвалил приготовленные Айшой сласти, и она покраснела.

На следующий день Ахмед сообщил дочери, что Юсуф хочет с ним поговорить.

— И мне кажется, я знаю, о чем пойдет разговор, — сказал он.

— Он хочет попросить у тебя руки Айши! — радостно воскликнула Дина. — Аллах услышал наши молитвы!

— А если и так, что ты на это скажешь, Айша? — спросил Ахмед у дочери.

— Да какая разница, что она скажет! — воскликнула Дина. — Это такая честь для нас — войти в семью Юсуфа Саида!

— Послушай, жена, я и сам знаю, что дети обязаны слушаться родителей, но я хорошо понимаю чувства Айши и не хочу отдавать ее человеку, который внушает ей отвращение. Если это так, то мы поищем для нее другого мужа, — заявил Ахмед.

Айша стояла, крепко вцепившись в руку бабушки. Да, ей очень льстило, что такой человек, как Юсуф, обратил на нее внимание, но любовь... Она и сама не знала, любит ли она его. Да, ей нравился этот смуглый молодой человек с глубокими сияющими глазами, ей было очень приятно сознавать, что она для него так много значит, но сказать, что она в него влюблена... Она ощутила, как у нее свело желудок от приступа внезапного страха. Да, она

хотела выйти замуж, но не думала, что это случится так скоро.

— Юсуф показался мне очень приятным, — произнесла она дрожащим голосом.

— Я не буду принуждать тебя к замужеству, ты вполне можешь подождать еще годок-другой, — настаивал Ахмед.

Однако Айша медлила с ответом, чувствуя на себе пристальный взгляд матери.

— Она уже не ребенок, — проворчала Саида.

— Если Юсуф хочет на мне жениться, я согласна, — произнесла наконец Айша, чувствуя, как охватывают ее одновременно радость и страх. Выйти замуж — значит навсегда покинуть дом, где она родилась, чтобы уехать на другой берег реки Иордан, где жила семья Юсуфа, а быть может — еще дальше, в Мекку. Ей придется жить в доме свекрови, и, собственно говоря, именно здесь и таилась главная причина ее страхов.

Ахмед вышел из комнаты, давая понять, что разговор окончен.

Тем же вечером пришел Юсуф и, как от него и ждали, попросил руки Айши.

Спустя несколько месяцев Старый город узнал, что такое настоящий кошмар. Кемаль-паша никому не доверял и повсюду разослал своих шпионов, которые даже чересчур добросовестно выискивали арабских националистов и просто недовольных политикой султана.

Обычным явлением в городе стали виселицы: паша приказывал вешать всех, кого считал врагами, и для пущего устрашения иерусалимцев превратил казни в публичный спектакль.

— Я проходил мимо Дамаскских ворот и едва смог пробиться сквозь толпу, чтобы узнать, что происходит, — возмущался Ахмед. — Люди стояли, храня гробовое молчание. Оказалось, что в этот раз повесили сразу пятерых.

— Сколько раз я тебе говорила, не надо туда ходить, — разволновалась Дина. — Ты же знаешь, как любит Кемаль-паша публичные казни, и чаще всего они как раз и проходят либо возле Яффских ворот, либо возле Дамаскских. Заклинаю, будь осторожен, не встречайся больше с Омаром Салемом. То же касается и моего брата Хасана, который к тому же подвергает опасности не только себя, но и своих сыновей.

— Это было просто ужасно; люди медленно умирали, и мы вынуждены были наблюдать за их агонией. Этот человек — настоящее чудовище, — сказал Ахмед, имея в виду, конечно же, Кемалю.

— Замолчи! Вдруг кто услышит. Даже подумать страшно, что случится, если Кемаль-паша узнает, какие вещи ты о нем говоришь.

— Евреям тоже грозит опасность. Я говорил с Самуэлем, и он мне сказал, что Кемаль встречался с несколькими старейшинами и пригрозил изгнать их из Палестины. А некоторые уже отправились в изгнание — в Дамаск, — объяснил Ахмед.

— Насколько мне известно, Самуэль весьма расположен к туркам, — ответила Дина. — Он говорит, что евреи чувствуют себя вполне неплохо под властью империи.

— Здесь они живут в мире и очень это ценят, но это не значит, что они поддерживают Кемалю. Самуэля, Ариэля Луи или Якова виселицы возмущают не меньше, чем нас. Но они тоже ни в чем не уверены. Самуэль говорит, что им придется приспособиться.

— Это еще что значит?

— Не портить отношения с Кемалем-пашой, чтобы не сомневался в лояльности местных евреев.

— Боюсь, это им не поможет, — заметила Дина.

Несмотря на горе, страх и неопределенность, поселившиеся в Иерусалиме, подготовка к свадьбе Айши шла полным ходом. Война шла где-то далеко, в Европе, и Дине казалось, что все эти города, о которых говорили, находятся где-то на краю света — Париж, Лондон, Петербург.. Однако разрушительные последствия этой войны затронули и Палестину. Кое-кто из ее подруг потерял мужей, служивших в турецкой армии и погибших на фронте. Каждый день она возносила хвалу Аллаху, что Ахмед охромел после несчастного случая в карьере, и ему теперь не грозил призыв на войну. Однако, даже зная, что муж теперь в безопасности, она не переставала беспокоиться о своем сыне Мухаммеде. Она отчаянно боялась, что его отправят на войну, которая не имеет к ним никакого отношения.

— Сегодня я ужинаю в доме Омара, — объявил Ахмед как-то осенним вечером 1915 года.

— Ты же так устал за день, — запротестовала Дина, обеспокоенная тем, что в последнее время эти встречи в доме Омара стали повторяться все чаще.

— Да, сегодня у нас в карьере был тяжелый день.

— Тогда попросил Хасана, пусть он за тебя извинится и скажет, что ты придешь в другой раз.

— Я пойду, потому что должен, — заявил Ахмед, прежде чем она успела сказать хоть слово.

Дина принесла ему воды для умывания и подала чистую рубашку.

«По крайней мере, — подумала она, — если уж он решил ужинать в доме Омара, пусть хотя бы отправится туда прилично одетым».

— Просто жуть, что творится в городе, — сказал один из гостей Омара.

— Я знаю, о чем ты говоришь, — ответил Халед, племянник Дины, прежде чем его отец успел вставить хоть слово.

— Улицы Старого города наводнили проститутки, — пояснил Хасан. — Многие вдовы продают себя за пару пиастров.

— И почти все они — еврейки, — добавил Салах, его старший сын.

— Не обманывайся, сынок, у большинства из них мужья погибли на фронте, — возразил Хасан. — Такое несчастье может произойти с любой женщиной, а не только с еврейкой.

— А сколько стариков бродит по улицам, прося подаяния, — добавил Омар.

— А Кемаль-паша, как ни в чем не бывало, пускает деньги на ветер. Каждый вечер у него то попойка, то вечеринка, где собираются турецкие беки и даже кое-кто из наших — скажем, градоправитель Хусейн Хусейни частенько там появляется, — возмутился Хасан.

— Мне рассказывали, что несколько дней назад Кемаль устроил прием в честь вступления на престол султана Мехмеда, и все турецкие офицеры явились туда в сопровождении проституток. Этот человек понятия не имеет, что такое уважение: к кому-либо или к чему-либо.

— Думаю, нам не стоит сплетничать, — осторожно возразил Ахмед.

— Но, дядя, об этом и так весь город знает, — ответил Салах. — Нигде больше нет такого количества проституток, как в Иерусалиме, а турки никогда не отличались особым целомудрием.

— Ахмед прав, не стоит навлекать на себя беду подобными разговорами, — поддержал Ахмеда Омар. — Хотя ты тоже прав: слишком много народу знает об этих сборищах, которые Кемаль-паша устраивает, чтобы развеять скуку. У меня есть друзья в Дамаске, и они

уверяют, что Кемаль и там вел столь же беспутную жизнь.

— Ну конечно, он устраивает праздники, а умирают от голода, — не унимался Салах.

— А что мы можем сделать? — спросил Халед, как всегда рассудительный.

— Как это что? Ты же слышал, что в прошлый раз говорил Юсуф: шариф Хусейн пытается заключить соглашение с британцами. Если они помогут нам создать собственное арабское государство, мы окажем им помощь в войне, — ответил Омар.

— Государство, простирающееся на весь Маширик ^[11], — с энтузиазмом вставил Хасан.

— Вот поэтому шриф разослал своих доверенных людей по всей империи, чтобы они вступили в переговоры с шейхами различных племен. Вот только боюсь, что на поддержку саудовских племен не стоит особо рассчитывать, — заметил Омар. — Слишком уж они амбициозны.

Тем временем слуга напомнил хозяину дома, что пора накрывать на стол. Гости надолго замолчали, отдавая должное жаркому из ягненка. И лишь под конец ужина, уже потягивая мятный чай, Омар вновь окинул взглядом гостей. Все они знали, что сегодняшняя встреча была особенной.

Хозяин дома слегка откашлялся, прежде чем заговорить.

— Итак, — начал он, — пришло время оставить жалобы и перейти от слов к делу. Вчера я навестил одного дальнего родственника, живущего в Бейруте. Он рассказал, что происходящее в их городе мало чем отличается от того, что мы терпим в Иерусалиме. Паша приказал вешать всех, кто попадет под подозрение, даже членов самых почтенных и знатных семей. Этот мой родственник тоже состоит в группе патриотов; они, как и мы, считают, что настало время сбросить турецкое иго. Он хотел бы знать: если в ближайшее время вспыхнет восстание, примем ли мы в нем участие.

— Восстание? — в голосе Ахмеда сквозил страх.

— Да, восстание, — пристально посмотрел на него Омар. — Вопрос стоит так: если британцы окажут нам поддержку, сможем ли мы выступить против армии султана?

— Я готов умереть, — пылко заявил Салах, прежде чем Ахмед успел что-то ответить.

— Чего они ждут от нас? — спросил Хасан, обеспокоенно взглянув на сына.

— Мы должны быть готовы к войне и, если призовет шариф, выступить на его стороне.

Ответ Омара рассеял последние сомнения.

— Даже не знаю, что и сказать... — произнес Ахмед, чувствуя устремленные на него враждебные взгляды. — Это не так-то просто — выступить против империи. Мы всегда жили под властью Стамбула. Кроме того, я не уверен, что мы, арабы, должны помогать англичанам в войне с турками: в конце концов, и мы, и турки — мусульмане.

— Но если ты не согласен с политикой шарифа Хусейна, что ты тогда делаешь здесь, среди нас? — слова Омара прозвучали, словно удар кинжала, пронзающего шелк.

— Ну.. Я, конечно, не согласен с политикой Стамбула. Но, в конце концов, какое нам дело до султана и каких-то других пашей. Сейчас мы страдаем конкретно от Кемалья-паши, и я считаю, что с этим надо что-то делать. Мне казалось, что молодые офицеры из комитета «За прогресс из единство» все же лучше, чем гвардия султана, но на поверку они оказались еще хуже, — попытался объяснить Ахмед, стараясь побороть чувство вины, что он не разделяет революционный энтузиазм друзей.

— В таком случае, что ты делаешь среди нас? — грозно спросил один из гостей Омара.

— Может быть, ты шпион?

— Я ручаюсь за зятя! — заявил Хасан, поднимаясь.

— Сядь! — приказал Омар. — Пусть Ахмед сам все объяснит.

— Я — простой человек, привыкший работать от рассвета до заката, — повинился Ахмед. — У меня нет ничего, кроме рабочих рук, честного имени и детей.

— Друзья считают тебя хорошим человеком, у которого можно попросить совета. Семьи, живущие рядом с вами, считают тебя примером, — добавил один из присутствующих.

— Но я не такой. Может, мне просто больше повезло, мой дом больше, а сад обширней, и я могу работать в карьере бригадиром, но я такой же, как и все остальные.

— Жители твоей деревни к тебе прислушиваются, а в карьере тебя уважают и считаются с твоим мнением. Потому ты и здесь, Ахмед, потому мы и попросили Хасана пригласить тебя, чтобы ты к нам присоединился, — подтвердил Омар.

— Дядя, для тебя нет пути назад, — упрекнул его Салах.

— Брат, уж позволь дяде самому решать, что ему делать, — вмешался Халед, заметив мелькнувшее в глазах Ахмеда беспокойство.

— Мы не призываем тебя воевать, да твоя нога и не позволила бы этого. Но ты мог бы помочь найти людей, которые согласились бы встать под знамена шарифа и бороться за наше дело. Людей, которые готовы сражаться. Людей, которые хотят быть свободными, — торжественно произнес Омар.

— Работники карьера тебя уважают. Ты мог бы поговорить с теми, кто больше тебя доверяет и создать группу, чтобы в нужный момент, когда попросит шариф Хусейн, присоединиться к борьбе за арабское государство, — с энтузиазмом произнес Хасан.

— Дядя, у тебя нет пути назад, — повторил Салах.

— Человеку свойственно сомневаться, — поддержал дядю Халед. — Мне тоже совсем не хочется воевать с нашими мусульманскими братьями, пусть даже у нас и есть с ними какие-то счеты. Но если долг велит мне воевать с ними — я буду воевать, пусть даже мое сердце разорвется от боли.

Они еще долго спорили по этому поводу, и в конце концов Ахмед вынужден был сдаться. Он ненавидел Кемаля-пашу, но при этом не имел ничего против турок как таковых. Он с детства привык жить, зная, что его жизнью из Стамбула управляет султан. Так же жили и все его предки. Он уже начал жалеть, что позволил шурина заморочить ему голову своими идеями.

«Я сам виноват, — думал он. — Ишь, обрадовался, что меня принимают в доме такого человека. А ведь стоило бы подумать, с какой стати они вдруг стали искать моего общества».

Когда он вернулся домой, Дина принялась было его расспрашивать, о чем говорили за ужином в доме Омара. Она очень гордилась, что ее мужа принимают в доме такого человека, и хотя не слишком этим хвасталась, но иной раз все же не могла удержаться, чтобы не упомянуть в разговоре с соседками, что ее Ахмед запросто бывает в доме Омара Салема.

Теперь же Дина не на шутку встревожилась, увидев, что Ахмед вернулся домой с каменным лицом и, не сказав ни слова, лег в постель и повернулся к ней спиной. Тем не менее, Дина знала, что он так и не смог уснуть, угнетенный тяжелыми думами.

— Почему ты не хочешь мне рассказать, что случилось? — прошептала она ему на ухо.

Но Ахмед ничего не ответил, и Дина не стала настаивать. Уж она-то знала, что в конце концов он все ей расскажет, но сначала он должен сам все обдумать.

На следующее утро она завела разговор об Айше. Та выглядела грустной и нервной, как будто предстоящая свадьба вовсе ее не радовала.

— Я понимаю, что пути назад нет, но порой меня одолевают сомнения: действительно ли наша дочка этого хочет? — призналась Дина мужу.

— Я и сам советовал тебе подождать, это ты торопила с ее замужеством, — хмуро бросил Ахмед. — Она совсем еще молода, вполне можно было и подождать год-другой.

— Я в ее возрасте уже была замужем, — сердито ответила Дина, задетая его упреком.

— Она выйдет замуж за Юсуфа, вот тебе мое слово, — заверил Ахмед, прежде чем отправиться на работу в карьер.

Утром он не хотел разговаривать даже с Игорем, сыном Руфи и Ариэля. День за днем они вместе отправлялись в карьер, болтая по дороге о разных пустяках. Игорь был отличным парнем, честным и трудолюбивым, вот только слишком уж он был повернут на идеях социализма, которые впитал с молоком матери, а для Ахмеда они так и оставались всего лишь пустыми словами.

Почти весь день он думал, кому может довериться. Он не был уверен, что несмотря на общее недовольство, среди рабочих в карьере найдутся люди, которые решились бы принять участие в бунте против турок. Жаловаться на жизнь — да, сколько угодно, проклинать Кемаля-пашу — за милую душу, но чтобы осмелиться на что-то большее...

Когда рабочие собрались обедать, к нему подошел Иеремия.

— Ты выглядишь расстроенным. Тебя что-то беспокоит?

Вопрос Иеремии застал Ахмеда врасплох; он мысленно обругал себя за то, что плохо скрывал свои чувства.

— Меня беспокоит замужество Айши, она еще так молода, — признался он со смущением в голосе.

— Дети всегда причиняют немало беспокойства. Судя по тому, что ты мне рассказывал, Айша выходит замуж по доброй воле, так что ты не должен себя винить.

— Я буду скучать по ней, когда она нас покинет, — с тоской признался Ахмед.

— Да, конечно, трудно представить дом без детей, но ведь скоро Айша подарит тебе внуков. Да и твоему сыну Мухаммеду не составит труда найти себе жену.

Ахмед был рад этой откровенности с Иеремией. Он считал его не только хорошим человеком, но и справедливым. Как он поступит, если кое-кто из работников карьера окажется заговорщиком, готовым восстать против турков с оружием в руках?

По окончании рабочего дня Игорь подошел к Ахмеду и предложил пойти домой вместе.

— Ты иди, а у меня еще много работы, — ответил тот, после чего Ахмед отправился домой в компании других рабочих.

Они шли молча, в ожидании того, что скажет Ахмед. Тот начал говорить, лишь когда они добрались до города и зашли в кафе. Он был уверен, что сделал правильный выбор, он знал этих людей с самого детства, дружил с ними, делил радости и тревоги, он знал их образ мыслей, но самое главное — был уверен, что они его не предадут. Они заказали кофе и стали слушать Ахмеда. Тот дал простые объяснения. Им просто нужно решить, когда придет время, присоединятся ли они к восстанию и будут ли бороться под знаменами шарифа Мекки за арабскую родину, свободную от турков.

Мужчины молча выслушали его, пораженные таким предложением, но больше всего

потому, что оно исходило из уст Ахмеда. Его считали человеком осторожным, далеким от какого-либо экстремизма. Они задавали ему вопросы, желая узнать больше, спрашивали, кто возглавляет восстание помимо шарифа Хусейна, и хотели понять, что их ждет, если они покинут работу в карьере, что будет с их семьями. Если они перестанут работать, на что будут жить близкие?

Ахмед ответил на все вопросы пылко, но не очень уверенно. Четверо оказались готовы на жертвы, а остальные колебались, но обещали, что поддержат все действия, хотя и не будут сами принимать в них участия. Они также пообещали прощупать почву среди родственников и друзей.

После этого вечера они собирались еще несколько раз. Ахмеда угнетала свалившаяся на него ответственность. Он рассказал обо всем Хасану, а тот, в свою очередь, передал Омару, и оба посоветовали Ахмеду соблюдать осторожность, но и быть наготове, потому что в любой момент могут последовать призывы действовать.

Он плохо спал и совсем потерял аппетит, но Дина не донимала его вопросами по этому поводу, поскольку была слишком занята подготовкой к свадьбе Айши.

Дина пригласила на церемонию бракосочетания всех своих друзей, и даже заглянула в Сад Надежды, чтобы лично пригласить соседей на свадьбу дочери.

— Конечно, мы все придем, — заверил Яков, несмотря на то, что Кася не выразила энтузиазма по этому поводу.

Самуэль уже пообещал Ахмеду, что придут все члены Сада Надежды, но Саида настояла на том, чтобы Дина, как мать невесты, прояснила отношения с Касей и Мариной.

За три дня до свадьбы Юсуф прибыл в Иерусалим в сопровождении матери-вдовы, трех сестер и двоих братьев, а также нескольких теток, кузин и кузенов, которых разместили в домах родственников и друзей.

Дина несколько не удивилась, когда за два дня до свадьбы обоих мужчин пригласили в дом Омара Салема. Она была рада провести с дочерью эти последние вечера, прежде чем передать человеку, который станет ее мужем. Вместе с Саидой они посвятили Айшу в тайны брачной жизни. Айша побледнела, услышав, что ее ждет, но мать и бабушка успокоили ее, пообещав обучить всему, что необходимо знать, чтобы муж остался доволен.

Айша жалела, что дала согласие на свадьбу, хотя ни за что на свете в этом бы не призналась. Да, ей льстило, что на нее обратил внимание такой человек, как Юсуф, но ведь замужество этим не ограничивалось. Айша часто плакала, когда думала, что никто ее не видит. Однажды вечером она столкнулась с Мариной и попыталась прощмыгнуть мимо, но та заметила слезы на глазах Айши и потребовала рассказать, что случилось.

Марина выслушала ее очень серьезно. Она попыталась ее успокоить и даже посоветовала поговорить с родителями и признаться им, что не хочет выходить замуж. Но Айша поклялась, что ничего и никому не скажет, ведь если ее слова дойдут до ушей Юсуфа, он смертельно обидится.

— Я не могу разорвать помолвку, ведь это опозорит родителей.

Марина сохранила ее тайну; теперь она стала еще внимательнее к Айше, чем прежде, и всячески старалась помочь в подготовке к свадьбе. Дина даже удивилась, глядя, как внезапно переменилась Марина.

— Мне кажется, она наконец излечилась от своей любви к Мухаммеду, — говорила она Айше. — Я так рада, что она больше не страдает. Да и твоему брату теперь ничто не мешает найти женщину, на которой он сможет жениться.

Ахмед едва обращал внимание на эти приготовления, он сосредоточился на своих новых заботах — найти людей для восстания. Первые шестеро друзей в свою очередь привели других, и встречи стали происходить всё чаще.

— ты должен с ними встретиться, — попросил Ахмед Хасана.

— Не вижу в этом необходимости, да и тебе не стоит так уж спешить. Омар воображает, что каждый из нас прямо-таки обязан положить голову за его идеи, — возразил Хасан.

— Но люди жаждут познакомиться с нашими лидерами...

— Для них лидер — ты, Ахмед. Когда придет их через сражаться, ты передашь им приказы, которые им следует выполнять. Омар Салем даст тебе инструкции. Сегодня вечером мы будем обедать в его доме. Юсуфу есть что нам рассказать.

— Я вижу, Лейла сегодня расстаралась, чтобы порадовать жен приглашенных гостей, — с благодарностью заметил Ахмед.

— Разумеется, ведь мы все же родня. Они встретятся, чтобы обсудить свои дела, и не будут по нам скучать. Кроме того, моя мать помогает Лейле готовить праздничный ужин.

«Бедняжка Саида!» — подумал Ахмед. Его теща совсем состарилась, хотя по-прежнему держится молодцом и всегда готова протянуть руку помощи.

Вернувшись домой, он заметил, что Дина чем-то расстроена.

— Мама весь день провела на кухне у Лейлы, готовя ужин, а теперь Айша говорит, что не пойдет на прием. Она такая нервная, взвинченная. Поговори с ней, скажи, что мы не можем так оскорбить жен наших гостей, и прежде всего — мать и сестер Юсуфа.

Айша находилась в комнате, которую делила с бабушкой, и аккуратно складывала покрывала на кровати.

— Дочка... — запинаясь, начал Ахмед, не зная, что и сказать.

— Ты здесь? — удивилась она. — Ты уже был в карьере? Как ты думаешь, Иеремия и Анастасия придут? Я сказала Анастасии, чтобы она привела всех своих детей.

Она сильно нервничала и из-за этого трещала, как сорока; однако на ее щеках еще не просохли следы слез.

Ахмед не решался ее обнять; ведь она уже не ребенок, хотя для него навсегда им останется.

— Ты непременно должна быть на торжестве, которое устраивает твоя тетя Лейла. Если не пойдешь, это будет очень невежливо, а ты ведь не хочешь оскорбить свою будущую свекровь?

— Я пойду, папа, не волнуйся. Я только маме сказала, что не пойду, но на самом деле я понимаю, что должна пойти, и я не сделаю ничего такого, за что мне потом будет стыдно. К тому же я пригласила Касю и Марину, и они согласились.

— Замечательно. Марина всегда была твоей хорошей подругой, да и Кася помнит тебя еще девочкой. Так что пусть на здоровье попразднуют!

— Знаешь, папа. Мухаммеда до сих пор нет, и это меня беспокоит...

— Твой брат должен приехать завтра. Не волнуйся, он не опоздает на твою свадьбу.

Из комнаты дочери он вышел расстроенным и озадаченным. Айша не выглядела счастливой, и он винил себя, видя слезы на ее щеках. Он не должен был идти на поводу у Дины, стремившейся во что бы то ни стало выдать Айшу замуж, но, к сожалению, пути назад больше не было.

Он наскоро умылся и оделся в приготовленную женой одежду.

— Ты должен выглядеть элегантно, — говорила ему Дина. — В конце концов, ты же отец невесты.

В доме Омара Салема гостей было больше, чем когда-либо прежде. Кроме тех, кого Ахмед знал, здесь были и другие, кого он видел впервые. Все они радовались предстоящей свадьбе.

Омар встретил Ахмеда и Хасана широкой улыбкой.

— Проходите, проходите! Хасан, твои сыновья уже здесь. Тебе очень повезло, что у тебя такие чудесные мальчишки. Скажу честно, мне очень нравится пыл твоего старшего, Салаха.

— Зато Халед более осторожен, — заметил польщенный Хасан.

— Слишком осторожен, я бы сказал — как, впрочем, и его дядя Ахмед.

Этот комментарий заставил их почувствовать себя неловко, но они не смогли возразить гостеприимному хозяину. Если прежде Омар лишь намекал на значительность своего положения в обществе, в тот вечер он старался показать, что его дом был одним из самых важных в Иерусалиме.

Юсуф был почетным гостем; остальные приглашенные собрались вокруг него, требуя рассказать последние новости о шарифе Хусейне.

— Я мало что могу рассказать, — признался Юсуф. — Все, что мне известно — это то, что шериф держит связь с сэром Генри Макмагоном, верховным комиссаром Британии в Египте.

— Таким образом, англичане нас поддерживают, — заключил Хасан.

— Не совсем так, — ответил Юсуф. — Я бы сказал, что это англичане весьма рассчитывают на нашу поддержку и в обмен на нее готовы принять кое-какие предложения шарифа Хусейна. А кроме того, у нас появился неожиданный союзник, британский офицер по имени Лоуренс, через которого Макмагон и держит связь с шарифом.

— Евреи тоже видят в англичанах союзников, — заметил один из гостей.

— Не все, — уточнил Юсуф. — Многие из них полны решимости оставаться подданными султана и не желают принимать ничего, что может создать угрозу их положению; другие же, действительно, стремятся заручиться поддержкой англичан и готовы воевать на их стороне. Однако, насколько мне известно, англичане не выражают ни малейшего энтузиазма по поводу таких союзников, хотя и позволили им создать Корпус военных сионистов.

— Кемаль-паша арестовал и депортировал сотни евреев, он им не доверяет, — подал голос Ахмед, поглядев на будущего зятя. — Евреям приходится несладко.

— Да, это так, — согласился Юсуф. — Поэтому я и надеюсь, что евреи в конце концов поймут, что у них нет другого пути, кроме борьбы с турками.

Они ели и болтали до поздней ночи; в конце концов, все распрощались с хозяином и друг с другом, поблагодарив за приятный вечер и договорившись встретиться через два дня на свадьбе Юсуфа.

В этот вечер Ахмед вернулся домой в лучшем настроении, чем в прошлый раз. Омар похвалил его, что ему удалось собрать группу людей, готовых поддержать их борьбу с турками.

— Когда наступит время, ты должен будешь отдать им приказ, — торжественно произнес Омар. — Они тебя послушают.

Проходя мимо Сада Надежды, Ахмед удивился, увидев, что, несмотря на поздний час, во всех окнах горит свет. Он постучал в дверь дома, чтобы справиться, не случилось ли какого

несчастья, и не нужна ли его помощь. Самуэль открыл дверь и пригласил его войти. Ахмед еще больше удивился, увидев в доме Анастасию.

— Мы узнали, что на днях арестовали Луи, — сказал Самуэль. — Его депортировали в Египет, но этим дело не кончилось. Сегодня ночью арестовали Иеремию и устроили разгром в его доме. Анастасия пришла к нам за помощью. Ее дети очень напуганы: солдаты Кемалья-паши избили Иеремию прямо у них на глазах. Сейчас мы ничем не можем помочь, но завтра попытаемся его освободить.

Анастасия бросилась к Ахмеду: не меньше, чем судьба мужа, ее сейчас волновала судьба карьера.

— Мой муж всегда тебе доверял, — сказала она. — Ты ведь сможешь присмотреть за работой в карьере, пока он не вернется?

Ахмед заверил ее, что все сделает, как надо, так что пусть она не беспокоится.

Едва рассвело, Ахмед отправился в карьер. Он мрачно курил, дожидаясь прихода рабочих. Первым пришел Игорь и тут же упрекнул Ахмеда, что тот его не дождал.

— Я тоже не спал всю ночь, — признался он. — Я бы пошел с тобой, если бы знал, что ты собрался в карьер так рано.

Когда подтянулись остальные рабочие, Ахмед рассказал о случившемся, и карьер наполнился негодующими возгласами. И прежде ходили слухи, что владелец карьера — один из лидеров сионистов, и всем было известно о его увлеченности социалистическими идеями, но никому даже в голову не приходило, что это может иметь столь катастрофические последствия, хотя в эти беспокойные времена гнев Кемалья-паши мог обрушиться на кого угодно.

Рассказав о несчастье, постигшем Иеремию, Ахмед велел каменотесам продолжать работу, как если бы ничего не случилось, и не тратить время на вздохи и проклятия. Рабочие выполнили его распоряжения, и дело пошло так, словно хозяин по-прежнему был с ними.

По окончании рабочего дня к нему подошли несколько встревоженных каменотесов. Все они были участниками тайных собраний.

— Мы должны быть осторожны, — заметил один из каменотесов, мужчина с огромными усами.

— Всё в порядке, — успокоил его Ахмед. — Не беспокойтесь, то, что случилось с Иеремией, не имеет никакого отношения к нашему делу. Кемаль-паша всегда видит опасность там, где ее нет.

— А если он и нас в чем-то заподозрит? — подал голос другой.

— Нам действительно необходимо соблюдать осторожность, — ответил молодой рабочий. — Кемаль-паша ненавидит патриотов. Если бы он мог читать наши мысли, он бы давно уже нас всех перевешал.

— Идите домой и ни о чем не беспокойтесь. Друзья Иеремии кое-кого подмажут, и его выпустят.

— А что будет завтра?

— Ничего, кроме выходного дня и свадьбы моей дочери, — ответил Ахмед, стараясь подбодрить друзей.

Обратно домой он шел один. Игорь был осторожным человеком и, увидев, что Ахмед отошел, чтобы поговорить с другими, понял, что ждать его не стоит. Кроме того, в тот вечер Ахмед и сам предпочел побыть в одиночестве. Он тревожился, не только из-за ареста

Иеремии, но и потому что с каждым днем Кемаль-паша действовал всё более жестоко. Кемаль не отказывал себе в роскоши и разных капризах, в то время как весь город терпел лишения.

По дороге домой он увидел Самуэля, сидящего на ограде Сада Надежды; он молча курил и казался весьма озадаченным. Ахмед подошел к нему.

— Есть какие-нибудь новости про Иеремию? — спросил он, надеясь услышать, что того освободили.

— Да, есть, и, увы, не слишком хорошие. Его собираются депортировать в числе других пятисот евреев. Кемаль-паша грозитя вообще выгнать всех евреев из империи. Ты сам видишь, нас не спасло даже то, что некоторые готовы были поддержать Блистательную Порту в этой абсурдной войне. Они депортировали даже одного человека, который вложил немало сил и средств в дело поддержки империи. Да, и еще мне сказали, что Бен Гуриона тоже депортировали.

— И что же нам теперь делать? — спросил Ахмед, на плечи которого так внезапно свалился весь груз ответственности за работу карьера.

— А что, по-твоему, мы можем сделать? Завтра Кемаль-паша может точно так же депортировать нас, как он поступил с Иеремией, Луи и многими другими. Яков настроен искать какие-то варианты, он верит британцам. Говорит, что если они выиграют эту войну, то решат будущее нашей земли.

— Не знаю... Быть может, Яков и прав. Так вы собираетесь просить их о помощи? — спросил Ахмед.

— О помощи? Скорее уж они заинтересованы в нашей помощи. Многие евреи уже воюют на их стороне. Как видишь, наш народ раскололся на два лагеря: одни служат в армии султана, а другие перешли на сторону французов и британцев.

— А русские евреи?

— Да, мне никогда не забыть Россию-матушку, откуда я родом, — ответил Самуэль с оттенком грусти.

— Мы должны всё это пережить...

— Мы постараемся, Ахмед, мы постараемся. Мы с Йосси Йонахом ходили в полицию по поводу Иеремии, и там нас самих чуть не арестовали. Ты ведь знаешь, что Рахиль, мать Йосси — сефардка. Она всегда с большой признательностью относилась к Османской империи, позволившей им обосноваться в Салониках после того, как сефардов изгнали из Испании католические монархи. Такова наша судьба: на протяжении веков нас изгоняли, депортировали, преследовали... А в империи Рахиль всегда чувствовала себя в безопасности и своего сына воспитала в преданности султану. Теперь Йосси утверждает, что его мать в большей степени турчанка, чем еврейка. Однако сейчас Рахиль стала чужой в собственной стране. Даже подумать боюсь, что бы сказал обо всем этом старый Абрам...

— Все мы — чужие в нашей стране, и не забывай, что Кемаль-паша не щадит и арабов: что ни день — то новые виселицы возле Дамаскских или Яффских ворот.

— Ты прав, друг мой, все мы страдаем под этим игом. Боюсь, Ахмед, что прежний мир, в котором мы жили, теперь рушится, и все мы теперь — пешки в чьей-то игре. И неважно, кто победит в этой войне: Германия с Турцией или Антанта: мир все равно уже не будет прежним.

— Ты вернешься во Францию? — спросил Ахмед.

— Нет, не вернусь, если, конечно, меня тоже не депортируют. Но даже если это

случится, я все равно вернусь сюда. Я не могу вечно скитаться в поисках родины; мое место здесь, и моя задача — возродить родину моих предков.

— Понимаю, ты ведь еврей.

— Иногда я задаюсь вопросом: а так ли это хорошо — быть евреем? Долгие годы я боролся со своей сущностью, хотел быть таким, как все, мечтал сбросить с себя это бремя, которое превращало меня в изгоя. Ты даже представить не можешь, как я старался вытравить из себя все, что было во мне еврейского. Все мои несчастья имели одну причину: еврейское происхождение. Моя семья погибла во время погрома, я потерял мать, бабушку, сестру и брата... Кто, пережив такое, захочет быть евреем? Вот и я не хотел.

— Ты не должен роптать на Всевышнего. Он знает, что делает.

— Ты считаешь, я могу простить его за то, что он допустил, чтобы какие-то мерзавцы убили мою семью лишь потому, что они были евреями?

— Друг мой, воистину неисповедимы пути Аллаха.

— А впрочем, мне не хотелось бы обременять тебя своими тревогами накануне свадьбы Айши. Давай лучше поговорим о чем-нибудь более приятном. Вот например, я еще не видел Мухаммеда.

— Он приезжает завтра. И я надеюсь, что все обойдется...

— Ты имеешь в виду Марину и Касю? Не беспокойся, они не станут скандалить на свадьбе Айши. Да, Марина очень страдала, когда ее разлучили с Мухаммедом. Они вместе росли, потом полюбили друг друга, и им было очень нелегко признать, что у них нет будущего.

— Я очень ценю Марину; более того, я и сам не желал бы для Мухаммеда лучшей жены, но при этом я знаю, что, даже если вы... если вы не слишком верите в своего Бога или, во всяком случае, не исполняете всех необходимых обрядов, она никогда не примет ислам.

— Ты прав, не примет. Но, по крайней мере, мы с тобой понимаем всю боль ее отчаяния, это ведь для нее первый настоящий удар судьбы. Вот видишь, какой на самом деле бред — эта самая вера, которая разлучает двух молодых людей и не дает им быть вместе. Когда-нибудь настанет день, когда эта помеха навсегда исчезнет, и я надеюсь, что я доживу до этого дня.

— Мухаммед тоже страдает, — хмуро ответил Ахмед.

— Я знаю. И вот что я тебе скажу, Ахмед. Мне кажется такой глупостью, что люди убивают друг друга только лишь потому, что считают, что их Бог лучше, чем чей-то еще.

— Мы с тобой не враждуем.

— Ты прав, это христиане не терпят евреев, хотя и мусульмане тоже депортировали сефардов. Вы тоже не позволили им остаться самими собой. В общем, нам пытались навязать свои истины и убивали за них, но по крайней мере иудеи и мусульмане способны уважать друг друга и жить в мире, хотя и вы и не позволяете нашим молодым людям влюбляться. Но мы хотя бы не убиваем друг друга.

Ночная мгла уже давно окутала Святую землю, а они все еще беседовали, куря одну сигарету за другой. Ни один так и не уснул до утра.

Но вот наступил день, полный ароматами праздника. Айша излучала красоту и скромность. Марина, Кася, Дина и Саида помогали ей облачаться в свадебное платье.

Мухаммед и Марина вполне вежливо поздоровались, но тут же стали избегать друг друга. Мухаммед сразу присоединился к гостям, а Марина не отходила от группы женщин. Заметив, как нервничает Айша, Марина взяла ее за руку, стараясь успокоить.

Дина с большой ответственностью занялась свадебными приготовлениями, заручившись помощью своего брата Хасана, как всегда щедрого. Она хотела произвести как можно лучшее впечатление на семью Юсуфа Саида. Она знала, как много значит для Юсуфа мнение его матери. Дина попросила Саиду оказать особое внимание этой женщине, чтобы та ни в чем не нуждалась. Что же касается Лейлы, то Дина вынуждена была признать, что ее невестка, когда пожелает, может быть весьма обходительной; так что Дина поручила ее заботам сестер Юсуфа.

Она с беспокойством смотрела на побледневшую Айшу, опасаясь, что та расплчется прямо во время церемонии. Она не выглядела счастливой, но Дина утешала себя тем, что в этом нет ничего страшного, все невесты перед свадьбой нервничают. Да и сама Дина, когда ее выдавали за Ахмеда, умирала от страха, а теперь она даже представить не может, что у нее мог быть другой муж. Они были счастливы все эти годы, и счастье омрачила лишь смерть детей. Дина еще оплакивала маленького Измаила другого ребенка, родившегося мертвым, и которого ей не позволили даже увидеть.

Но все прошло, как положено, и теперь ее дочь стала женой Юсуфа. Дина огляделась и с облегчением вздохнула, увидев, как женщины окружили Айшу. Мать Юсуфа держалась с ней очень ласково, а Марина ни на шаг не отходила от подруги. Как все-таки жаль, что эта еврейка никогда не примет ислам! Она была бы хорошей женой Мухаммеду.

За праздничной трапезой гости неустанно болтали и казались очень довольными. Дина без устали подносила все новые блюда, жадно вслушиваясь в обрывки разговоров. Кое-кто из гостей негромко переговаривался, вспоминая о повешенных арабах и высланных евреях. Дина невольно поморщилась: она не желала в такой день обсуждать подобные вещи, пусть даже всех интересующие.

Дина улыбнулась, когда вошли музыканты, которых нанял Хасан, чтобы развлечь гостей.

— Ты с ума сошла! — прошипел Ахмед. — Как тебе в голову взбрело нанять музыкантов?

— Это подарок от моего брата Хасана... Он ничего не сказал мне об этом...

— Ты бы мне тоже ничего не сказала, даже если бы и знала.

К ним подошла улыбающаяся Кася.

— Чудесная свадьба, не правда ли? Жаль, Анастасия не пришла, ей так хотелось увидеть вашу дочь в свадебном наряде...

— Вполне понятно, что она не захотела развлекаться, зная, что ее муж в тюрьме, — ответила Дина. — Но я соберу для нее тарелку сладостей, пусть тоже хоть немножко порадует.

В это минуту послышались шум и крики, и в дом, яростно расталкивая гостей, ворвались вооруженные люди. Это были полицейские Кемаля-паши. Один из них направился прямо в сторону Ахмеда.

— Ахмед Зияд, — объявил он, в то время как двое других заломили Ахмеду руки за спину. — Ты арестован за участие в заговоре против султана, а также в деятельности, направленной против империи.

— Но это невозможно! — воскликнул Мухаммед, вставая перед полицейскими. — Должно быть, это какая-то ошибка. Мой отец ни в чем не виноват. Мы — верные подданные султана.

— А ты, должно быть, Мухаммед Зияд? — осведомился офицер. — Знаем такого. Имей в виду, мы держим тебя на заметке. Пока у нас нет приказа тебя арестовать, но скоро и до тебя дойдет очередь. А твой отец — предатель, и его будут судить по закону. Так что лучше уйди с дороги, а не то...

Мухаммед не двинулся с места, и тогда один из полицейских толкнул его с такой силой, что он бы непременно упал, если бы Самуэль не поддержал его твердой рукой.

Самуэль вслед за Мухаммедом обратился к полицейским:

— Ахмед Зияд — мой арендатор, и я могу засвидетельствовать, что он — честный человек и верный подданный султана, как и мы все. Информаторы ввели вас в заблуждение.

— Ну надо же, вы ручаетесь за предателя? Так может быть, вы и сами такой же предатель?

— Я подам на вас жалобу...

Один из полицейских ударил его по лицу; из разбитой губы потекла кровь. Самуэль даже не дрогнул, но тут наперерез полицейским бросился Михаил.

— Довольно! — крикнул он. — Да как вы смеете? У нас свадьба. Этот человек, — кивнул он на Ахмеда, — не сделал ничего плохого, как и любой из нас. Это какое-то недоразумение...

Один из полицейских ударил его по лицу. Другой ударил Мухаммеда, который бросился на помощь отцу.

Всё без толку. Несмотря на всеобщие протесты, Ахмеда увели.

Дина и Айша рыдали в объятиях друг друга; ошеломленные гости спешили покинуть дом, в который пришла беда.

— Кто-то на него донес, — высказал свое предположение Юсуф, едва ушел последний гость.

— Донес? — спросил изумленный Самуэль.

— Да, кто-то на него донес. Должно быть, это один из тех людей, которые... — он замолчал. Он знал, что Самуэль был другом Ахмеда, но он не доверял этому еврею, потому не знал его и не был готов вверить свою жизнь иностранцу.

Самуэль отыскал взглядом Мухаммеда и обратился к нему.

— В чем обвиняют твоего отца? Расскажи правду, может быть, я смогу ему помочь?

— Ты не смог помочь ни Иеремии, ни Луи. Так чем же ты можешь помочь моему отцу? — в гневе выкрикнул Мухаммед.

— Ты же знаешь, что можешь мне доверять, — сказал Самуэль, уязвленный его словами.

— Да, я знаю, что могу, но сейчас... Короче, есть вещи, которые мы должны обсудить наедине. Мы никому не можем об этом рассказать, даже тебе. Мне очень жаль, Самуэль, я очень благодарен тебе за помощь, но сейчас мы должны сами принять решение: в конце концов, это наше семейное дело.

Самуэль развернулся и вышел из дома. За ним последовали Кася, Яков, Ариэль, Игорь, Михаил и Руфь. Только Марина осталась рядом с безутешно рыдающей Айшой. Мухаммед сделал ей знак, чтобы она уходила; она не двинулась с места, с вызовом глядя на Мухаммеда.

— Марина, тебе лучше уйти, — мягко произнес он. — Для твоего же блага, для твоей же безопасности. Есть вещи, которые... словом, о которых тебе лучше не знать.

— Значит, ты нам не доверяешь? — сердито спросила она.

— Разумеется, доверяю. Но сейчас вам действительно лучше уйти. Я поговорю с Самуэлем, как только будет возможно.

Она вышла, так и не простившись с Мухаммедом. Тот знал, что Марина никогда не ему простит, что он вел себя с ней, как с чужой.

В последующие дни обе семьи старались избегать друг друга. Прошла неделя, прежде чем они снова встретились.

Еще до рассвета возле Дамаскских ворот собралась огромная толпа в ожидании интересного зрелища. Этим утром собирались повесить нескольких человек, и как всегда в таких случаях, у места казни собрались их друзья и родные в надежде, что смогут с ними проститься или хотя бы обменяться последними взглядами, чтобы хоть чем-то утешить осужденных.

Дина пришла к месту казни вместе с Айшой, Мухаммедом и братом Хасаном; здесь же были ее племянники Салах и Халед, а также зять Юсуф. Пришли и несколько рабочих из карьера, которые смогли победить свой страх и явились поддержать своего бригадира в его последние минуты. Был здесь и Йосси, сын Абрама. Он пришел один, несмотря на протесты своей матери. Семья Йонах искренне сочувствовала семье Зиядов; Рахиль оплакивала их горе у себя дома вместе с невесткой Юдифью и внучкой Ясмин. Но Йосси был непреклонен: они никак не мог позволить, чтобы его старуха-мать видела, как на шее Ахмеда затянут веревку.

Самуэль, Яков и Ариэль тоже были здесь, но Мухаммед едва удостоил их сдержанного приветствия.

Но вот вывели осужденных, закованных в кандалы. Стражники Кемаля-паши грубо толкали их, принуждая идти быстрее.

Ахмед окинул взглядом толпу, надеясь увидеть Дину и детей, и слезы навернулись у него на глаза. Нет, их не должно здесь быть, они не должны видеть, как он умирает. Но он знал, что никто и ничто не может помешать Дине разделить с ним последние минуты его жизни. Он испытал минутную радость, увидев рядом с Айшой Юсуфа. Он смотрел на них вкладывая в этот взгляд всю свою бесконечную любовь, которую испытывал к ним. Вот Мухаммед, его обожаемый сын, в которого он вложил все свои мечты. Вот Дина, его любимая жена, готовая ради него на любые жертвы. Как ему хотелось их утешить, сказать, что не хочет умирать, но такова воля Аллаха, и он счастлив отдать жизнь за правое дело.

В то же время ему не давал покоя другой вопрос: кто же его предал? Кто из этих людей, которых он считал своими друзьями, мог на него донести? Он окинул взглядом товарищей по несчастью, которых должны были повесить вместе с ним. Некоторых он убедил вступить в борьбу против Османской империи. Неужели они действительно были так наивны? Или, правильное сказать, глупы? Однако в последние минуты жизни ему не хотелось думать о грустном.

Неожиданно он разглядел в толпе фигуру Самуэля и невольно улыбнулся. Он ничуть не удивился, увидев его, он знал, что Самуэль обязательно придет, чтобы проводить его в последний путь. На миг глаза их встретились, и этого взгляда им хватило, чтобы многое сказать друг другу без слов. Ведь они так хорошо друг друга знали.

Палач тем временем надевал петли на шеи осужденных. Всякий раз, когда веревка касалась шеи очередного смертника, в толпе слышались полные тоски женские стоны — стоны таких же женщин, как Дина или Айша.

Почему палач так медлит? Почему он так длит эту пытку, вместо того, чтобы покончить с ними сразу? Ахмеду казалось, что время остановилось в бессмысленном ожидании. Он спрашивал себя, попадет ли в рай? С детства он привык верить, что так оно и будет, но сейчас...

Петля со страшной силой сжала горло, и жизнь его оборвалась.

Мухаммед схватил за плечи рыдающую мать, которая отчаянно рвалась из рук сына к мертвому телу мужа. Ей не позволят даже похоронить его. Кемаль-паша предпочитал, чтобы тела казненных как можно дольше болтались на виселице на глазах у всего народа, в назидание другим мятежникам.

Айша потеряла сознание, и Юсуфу пришлось поднять ее и нести на руках, чтобы ее не раздавили в толпе.

Дина отказывалась вернуться домой; она заявила, что останется рядом с виселицей, пока ей не отдадут тело мужа, и ни Мухаммед, ни Хасан не могли ее отговорить.

— Я останусь с ним, — повторяла она сквозь слезы, — Я не двинусь с места, пока мне его не отдадут.

Мухаммед не стал спорить: он слишком хорошо знал свою мать, знал, что она не двинется с места, пусть даже ей придется провести здесь долгие часы или даже дни.

Целый день тело Ахмеда провисело в петле возле Дамаскских ворот. Позднее Мухаммед узнал, что лишь благодаря заступничеству Омара Салема им в конце концов отдали тело Ахмеда.

Хотя Кемалю-паше нравилось осознавать, что самые влиятельные семьи Иерусалиса знают, что командует здесь он, и потому он не прекращал свои жестокие выходки, время от времени он рассматривал какую-нибудь петицию, чтобы продемонстрировать свою снисходительность. Семья Салем была богатой и влиятельной, и потому он решил проявить великодушие и приказал снять тело повешенного. Но такие жесты он всегда сопровождал другими, внушающими ужас, и поэтому наслаждался долгим допросом Омара, которому не доверял и даже считал предателем, раз тот так интересуется повешенным заговорщиком.

Омар сдержал свою ярость и униженно попросил этого мерзавца выдать тело Ахмеда. Он должен был сделать для семьи Зияд хотя бы это.

Дина не находила себе места, пока тело Ахмеда не было предано земле. Вместе с Саидой она его обмыла и обрядила для похорон. Мухаммед настаивал, чтобы ему позволили самому это сделать, но Дина не согласилась. В эти минуты ей было совершенно неважно, что говорит закон.

Сразу же после похорон Ахмеда Юсуф увез Айшу в свой дом. Он от души разделял горе семьи Зияд, но теперь нужно было жить дальше. Он — служит у шарифа, и его место там, где он нужен. Он отвез Ацшу в дом своей матери, которая жила в Аммане, за рекой Иордан. Его семья позаботится о молодой жене. Им так и не удалось побыть наедине, да он к этому и не стремился. Он знал, что Айша не сможет принадлежать ему, пока рана от потери отца хоть немного не заживет.

Прошло несколько дней, прежде чем Мухаммед набрался решимости и пришел в Сад Надежды. Он считал, что должен все объяснить этим людям. Самуэль был другом его отца, Мухаммед знал его с детства и очень уважал. Но при этом Мухаммед считал, что свои семейные проблемы должен решать сам. И вот наконец он принял ряд решений. И первым из них было решение о мести.

Мухаммед резонно рассудил, что искать предателя нужно среди уцелевших членов отцовской группы. Вместе с отцом повесили еще нескольких крестьян и каменотесов, так что искать предателя следовало среди тех, кого полиция Кемаля-паши не тронула. Таковых оказалось пятеро.

Спустя два дня после похорон он вместе со своими кузенами, Халедом и Салахом, без предупреждения наведлся к ним домой. Первый из пятерых казался искренне убитым горем и клялся, что собственными руками задушит предателя, если только сможет его найти. Второй тоже, казалось, искренне горевал по казненному Ахмеду.

Очаг измены обнаружился в третьем доме.

В этом доме они застали не только хозяина, но и двоих оставшихся, чьи дома им еще предстояло посетить. Увидев на пороге дома сразу троих членов семьи казненного Зияда, они прямо онемели от ужаса. Мухаммед бросил им прямо в лицо обвинение в предательстве; один из них потупил глаза, не смея сказать ни слова, а двое других разразились потоком оскорблений. Халед и Салах сказали, что все трое — рабочие из карьера, и что у них есть приятель, который служит в полиции Кемаля-паши, так что никаких сомнений, все трое — предатели.

Те начали было спорить и оправдываться, но Мухаммед уже не сомневался в их виновности; выхватив нож, он одним ударом перерезал горло тому, кто молчал, потупив глаза. Остальные двое попытались бежать, но Халед и Салах встали у них на пути. Этих Мухаммед тоже не помиловал, и в доме на полу остались лежать в луже крови три трупа.

Так Мухаммед отомстил за отца, зная при этом, что тот никогда бы не согласился на подобное. Но отца больше не было на свете, а ему самому, чтобы продолжать жить, необходимо было лишить жизни тех, кто привел отца на виселицу.

Полиции, впрочем, не было особого дела до этих осведомителей, да и доказательств у них не было, так что убийство трех человек сошло Мухаммеду с рук — хотя рабочие в карьере шептались по углам, догадавшись без особого труда, кто именно совершил эту кровавую месть. Так что, когда Мухаммед появился в Саду Надежды, Самуэль уже знал обо всем.

Мухаммеда пригласили сесть за стол и разделить с ними ужин. Мухаммед хотел было отказаться, смущенный присутствием Марины, но в конце концов все же принял приглашение, он не мог вечно от нее бегать. За ужином они вспоминали Ахмеда, рассказывали разные забавные истории, пока Кася не поманила за собой Марину и Руфь, чтобы дать мужчинам возможность поговорить наедине. Уж она-то знала, что Мухаммед не станет говорить в присутствии женщин.

Едва женщины вышли, Самуэль без церемоний спросил напрямую, глядя ему прямо в глаза:

— Так это ты убил тех людей?

Мухаммед даже не стал этого отрицать.

— А что бы сделал ты на моем месте?

— Мою мать, сестру и брата убили, когда я был еще маленьким; а отца убили, когда я был уже взрослым. Что я тогда мог сделать? Ничего — только бежать. Именно так я и поступил. Не думаю, что мне стоит гордиться тем, что я бежал из России, и я до сих пор задаюсь вопросом: мог ли я сделать что-либо еще?

— Найти их убийц, — ответил Мухаммед.

— Да, полагаю, что я мог бы остаться и примкнуть к одной из тех партий, что выступали против царя, стремясь при помощи насилия положить конец несправедливости. Но мой отец не хотел бы этого. Он умер, чтобы я жил.

— Знаешь, Самуэль, бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись — это умереть или убить.. Я мог спасти свою душу, лишь отомстив за отца, даже если бы это и стоило мне жизни.

Они молча смотрели в глаза друг другу, все понимая без слов.

— Ахмеду бы не хотелось, чтобы ты погиб из-за него, — заметил Ариэль.

Мухаммед пожал плечами. Он гораздо лучше, чем эти люди, знал своего отца, каким он был и что чувствовал. Хотя они, конечно, правы: отец ни за что не стал бы мстить.

— Тебя могут арестовать, слишком многие обо всем догадались, — не отступал Самуэль. — Всех молчать не заставишь.

— И что же ты теперь собираешься делать? — спросил Яков.

— Останусь с мамой. Но мне нужна работа. Вы можете поговорить с Анастасией, чтобы она взяла меня на работу в карьер?

— Почему бы тебе не вернуться в Стамбул? — спросил Самуэль. — Твой отец всегда хотел, чтобы ты учился.

— И чем я стану платить за учебу? К тому же я не могу оставить маму и бабушку без защиты. Тогда им пришлось бы жить у дяди Хасана, а маме даже подумать об этом страшно. Я не хочу сказать, что дядя Хасан не будет о них заботиться, или что Лейла, его жена, будет плохо к ним относиться, но чужой дом — это чужой дом. Нет, я не оставлю маму.

— Мы будем им помогать, пока ты не закончишь учебу, — заверил Ариэль. — Твой отец так надеялся, что ты выбьешься в люди и станешь по-настоящему уважаемым человеком.

— Да, он хотел, чтобы я стал врачом, а потом согласился, чтобы я изучал право, но сейчас... сейчас все идет так, как должно быть. Так вы мне поможете?

— Анастасия уезжает в Галилею, к сестре Ольге и Николаю. Ты помнишь Ольгу, сестру Анастасии? Они живут вместе с друзьями в такой же коммуне, как наш Сад Надежды. Она останется с ними, пока Иеремия не сможет вернуться. Но я все равно поговорю с ней и скажу, что ты хочешь устроиться на работу в карьер, хотя... Я мог бы оплачивать твою учебу, потом рассчитаемся, — сказал он, опередив Ариэля, который хотел выступить с таким же предложением.

— Спасибо, но я не могу оставить маму. Скажи, кто заменит отца на должности бригадира?

— Анастасия хочет поручить это Игорю, — ответил Ариэль, с гордостью глядя на сына. — Правда, он слишком молод, зато работает без устали и заслужил уважение всего карьера.

— Ты меня возьмешь? — Мухаммед взглянул на Игоря, до сих пор молчавшего.

— Ты знаешь, что да, — кивнул тот. — Если Анастасия согласится, мы будем работать вместе.

— Тогда я завтра схожу к ней, она как раз собирает вещи. Я собираюсь проводить ее до Галилеи, — объяснил Самуэль.

— Значит, ты уезжаешь...

— Нет, я не уезжаю, я только провожу Анастасию, — поспешил успокоить его Самуэль. — С нами поедет Михаил. Сейчас для женщины небезопасно путешествовать одной с

детьми. Мы с Михаилом отвезем их к родственникам и вернемся. Наступают трудные времена.

— Да, это так, но жизнь продолжается. Через несколько месяцев я женюсь, — объявил Мухаммед.

Все так и замерли с открытыми ртами, ошеломленные таким известием. Первым опомнился Ариэль.

— Так, значит, ты женишься? А мы и не знали... Кто бы мог подумать...

— Я собирался объявить об этом на свадьбе сестры... Мама настаивала, чтобы я это сделал... Когда я приехал, она сказала, что они нашли для меня подходящую невесту. Она очень нравилась отцу; она — дочь одного его друга, который вместе с ним умер на виселице... Я давно ее знаю, знал еще девочкой... Отец спросил, хочу ли я на ней жениться. Я дал ему слово, что женюсь, и слово свое я сдержу. Правда, нам придется выждать по меньшей мере год, из-за траура мы не сможем пожениться раньше. Когда ее дядя и братья решат, что пора, они дадут мне знать. А я тем временем займусь устройством своего дома, куда приведу Сальму.

Они молча слушали, не зная, что и сказать. Сейчас любые поздравления были бы неуместны. Мухаммед косился в сторону Якова и не смел взглянуть на Марину, зная, как она страдает. Сам он страдал ничуть не меньше — и не только от того, что знал, как ей больно слышать эти слова, а прежде всего потому, что, несмотря ни на что, продолжал ее любить. Он так и не смог разлюбить ее, как ни пытался. Но он должен исполнить волю покойного отца.

Спустя неделю Мухаммед уже работал в карьере бок о бок с Игорем. Анастасия согласилась взять его на должность младшего мастера. Она тоже с большим уважением относилась к Ахмеду и его семье, а Мухаммед, хотя и считал эту слишком погруженную в себя женщину немного странной, всегда знал, что она — хороший человек.

С течением времени Мухаммед все больше втягивался в дело шарифа Хусейна. Он ненавидел турок, которых винил в убийстве отца, и примкнул к борцам за свободу по протекции своего зятя Юсуфа, мужа любимой сестры Айши.

Юсуф время от времени навещался в Иерусалим, чтобы встретиться с Омаром Салемом, Хасаном и остальными, мечтавшими о том же, что и он сам: о независимом арабском государстве, протянувшемся от Дамаска до Бейрута, от Мекки до Иерусалима.

К 1917 году шариф Хусейн наконец заключил соглашение с британцами. При этом каждая сторона преследовала собственные цели, и, хотя британцы уже не раз доказывали, что доверять им не стоит, шариф все же не сомневался, что они помогут ему свергнуть османское владычество и построить новое государство.

— Ты должен поехать со мной и познакомиться с Фейсалом, — убеждал Мухаммеда Юсуф, расхваливая достоинства сына шарифа. — Ты придешь от него в восторг; даже англичане прониклись к нему уважением.

— Я не могу бросить маму и бабушку на произвол судьбы, — сокрушался тот.

— Но ведь твой дядя Хасан — старший сын Саиды, и он обязан о ней заботиться, — не сдавался Юсуф. — Что же касается твоей матери, то я знаю, что твоя тетя Лейла очень ее любит.

Но Мухаммед знал, что ни Саида, ни Дина не хотят жить с Хасаном и Лейлой.

— Хорошо, я поговорю с дядей, — сдался в конце концов Мухаммед. — Может быть, он сумеет устроить так, чтобы он мог о них заботиться, а они остались бы жить в нашем доме. В

конце концов, такая была воля моего отца.

— Ты должен присоединиться к нам и сражаться с нами бок о бок. Ты не можешь оставаться в стороне, опекая двух женщин.

Мухаммеду и самому этому очень хотелось. Он восхищался Фейсалом, снискавшим себе славу столь же умного, сколь и отважного человека.

— Ты уверен, что британцам можно верить? — спросил Омар Салем у Юсуфа.

— Шариф держит связь с британской штаб-квартирой в Каире. Без нашей помощи англичане не смогут победить турок. Сэр Генри Макмагон подписал договор, согласно которому по окончании войны они поддержат создание нового арабского государства. Поэтому они снабжают нас оружием, а также людьми, которые воюют на нашей стороне. Сам Макмагон послал на помощь Фейсалу одного из своих офицеров, Лоуренс. Лоуренс стал его советником, и бедуины весьма его уважают.

Мухаммед решил поговорить со своим дядей Хасаном. Он так и рвался в бой.

— Дядя, мы с зятем решили вступить в отряд Фейсала, но вся беда в том, что я не могу оставить маму и бабушку без мужской поддержки.

— Ты же знаешь, что мы всегда рады видеть мою мать и сестру в своем доме, — ответил Хасан. — Моя жена их ценит и уважает. Так что можешь ехать спокойно.

Но Мухаммед хотел не этого, так что он долго уговаривал Хасана позволить женщинам жить в собственном доме, но под покровительством дяди. Хасан не соглашался. Но Мухаммед убедил его, что их дома находятся всего в нескольких метрах друг от друга, это всё равно, что жить вместе.

В конце концов Хасан согласился, хоть и не слишком охотно. Он знал, что Лейла начнет его упрекать в мягкотелости, что мать с сестрой выют из него веревки. Но он уже дал племяннику слово, и сдержит его.

Мухаммед уезжал не один; его сопровождали его кузены Салах и Халед. Они тоже были молоды и тоже мечтали сражаться за родину.

Хасан продолжал посещать дом Омара Салема, где он всегда мог узнать последние новости о том, как продвигается борьба шарифа против турок. Таким образом, в июле 1917 года они радостно отпраздновали взятие войсками Фейсала Акабы — города, построенного турками на берегу Красного моря: Фейсалу удалось застать их врасплох. Эхо этой победы разнеслось далеко за пределы Аравийской пустыни, взметнув вихрем ее пески. Это была важная победа: взяв Акабу, Фейсал давал британцам возможность высадиться в этом порту. Но, к сожалению, англичанам не хватило времени, чтобы выгрузить оружие и людей, которые должны были укрепить позиции генерала Эдмунда Алленби.

— Алленби возьмет Иерусалим, — уверял Хасана Омар Салем, — и отсюда пойдет на Дамаск. Вот увидишь, скоро мы избавимся от турок.

— Слава Аллаху, — ответил Хасан.

— Твои сыновья и племянник выжили в этой войне. Мне сказали, что они — отважные люди, не боятся смотреть в лицо смерти. Ты можешь гордиться ими.

Хасан ежедневно навещал мать и сестру, и в этот вечер он выглядел немного веселее, чем обычно.

— Сегодня я иду в дом Омара, мы должны отпраздновать эту победу, — сказал он сестре. — Наши дети сражались под Акабой и победили. Они проявили себя настоящими храбрецами.

— Когда они вернутся? — спросила Саида, которую не слишком заботили все эти битвы

и победы, она мечтала поскорее увидеть троих своих внуков.

— Война еще не кончилась, мы должны продолжать бороться.

— Я не хочу, чтобы моего сына убили, — ответила Дина, глядя Хасану в глаза.

— А кто хочет потерять сына? Или ты думаешь, что я или Лейла не страдаем оттого, что Салаха и Халеда нет с нами? Но если мы любим нашу родину, мы должны бороться.

— Мало того, что турки отняли у меня мужа, так теперь из-за них я могу лишиться и сына. Почему бы им не приехать нас навестить?

Хасан попытался объяснить женщинам, в каком великом деле участвуют их сыновья, но ни Дине, ни Саиде, ни Лейле не было дела ни до какого величия, они лишь хотели, чтобы их дети находились рядом.

9. Те двадцатые годы

Мариан молчала. На несколько секунд она закрыла глаза, а когда открыла их вновь, то почувствовала пристальный взгляд Изекииля.

— Но эту историю вам рассказал отец, — пробормотала она.

— Не настолько детально. Я всегда знал, что отец как-то тесно связан с семьей Зиядов, но вы заставили меня посмотреть на эти события под другим углом и другими глазами. Уверяю вас, что этот разговор для меня очень важен.

— Мы можем продолжить?

— Да, конечно. Но сначала надо что-нибудь поесть. Вы знаете, который час? Уже почти два.

— Простите! Я всё говорила и говорила, не отдавая себя отчета, сколько прошло времени.

— Не извиняйтесь. Я тоже не заметил, как пролетело время.

— Позвольте пригласить вас со мной пообедать? — произнеся эти слова, Мариан тут же о них пожалела.

Изекииль посмотрел на нее не то удивленно, не то радостно.

— А это не противоречит вашим правилам? Я думал, что вы не можете браться с врагом.

Она неловко вздохнула.

— Не смейтесь, мне просто хочется выслушать вашу часть истории, и... раз уж подошло время...

— Я принимаю приглашение.

— Что скажете насчет «Американского Квартала»?

— Я бы с удовольствием, но там дороговато, не думаю, что ваша НКО оплатит такие расходы.

— Приглашает не моя организация, а я.

— Слишком далеко отсюда, вам не кажется?

— В таком случае, предложите место сами.

— Согласен. Я отведу вас с прекрасный рыбный ресторан неподалеку от ворот Яффы.

— В еврейской зоне?

— В Иерусалиме.

Мариан повела машину, следуя указаниям Изекииля. Ресторан выглядел скромно, но чисто, и был полон народа. Официант улыбнулся им и указал на столик чуть в стороне от столпотворения.

— Это столик шеф-повара, но сегодня его нет, и вы можете его занять. Я сейчас вернусь с меню.

Они заказали хумус, рыбу и бутылку белого вина и болтали обо всякой ерунде, пока не подали заказ.

— Ваша внучка на меня рассердится, — сказала Мариан.

— Да, точно, она не понимает, ни почему я посвящаю вам столько времени, ни к чему приведет этот обмен историями.

— Спасибо, что уделяете мне время, — искренне поблагодарила она.

— Вы привнесли немного оживления в скучную стариковскую жизнь. Кто бы мог подумать, что сегодня я буду обедать с такой интересной женщиной, как вы. Нет, не стоит благодарности, эти беседы весьма интересны. Знаете что? Думаю, что одна из здешних проблем состоит в том, что мы неспособны влезть в шкуру другого человека. Вы показали мне произошедшие события совсем с другой стороны.

— А вы — мне, — в свою очередь прошептала Мариан.

— Что ж, хотите начать или подождем десерта?

***

Михаил не знал, как начать разговор. Сближение с Самуэлем ему давалось нелегко. Он прикурил сигарету, подбирая слова, чтобы сказать о своем отъезде.

Последние две недели он провел в Тель-Авиве, и за это время успел решить, что это именно то самое место, где он хотел бы жить.

— Да ладно уж, начинай, — подбодрил его Самуэль.

— Так ты знаешь, о чем я хочу с тобой поговорить? — спросил Михаил.

— Ты уже несколько часов, как приехал, и во время обеда упорно молчал, хотя Марина вовсю настаивала, чтобы ты рассказал, как провел эти дни в Тель-Авиве. Ты отделался какими-то общими фразами. А потом попросил меня выйти, чтобы немного прогуляться вместе.

— Ты прав, нетрудно было догадаться, что я хочу тебе что-то сказать. Видишь ли... Возможно, ты будешь сердиться, но я решил поселиться в Тель-Авиве. Дело в том, что Тель-авив — новый город, открывающий большие возможности. Там совершенно другая жизнь, не такая, как здесь... Мне не нравится Иерусалим, этот город меня угнетает, и я не разделяю того благоговения, которое питают к нему другие евреи. Мне гораздо интереснее та жизнь, которой живет Тель-Авив. Кроме того, там я смогу целиком посвятить себя музыке. Там формируются маленькие оркестры, музыкальные группы... Там идет настоящая жизнь, а здесь... Мне вообще кажется, что Иерусалим — мертвый город, вот только его жители об этом не догадываются.

Самуэль почувствовал, как у него заныло в груди. Михаил был тем единственным, кто связывал его со своим корнями, с Россией, с Санкт-Петербургом, с юношеской порой, все еще будоражащей сны

— Но постой, мне казалось, что Тель-Авив тебе не понравился. Когда мы находились там, ты сказал, что он мало чем отличается от обычной деревни... Хорошо, я понимаю, что ты хочешь уехать. Допустим, в Тель-Авиве и в самом деле больше возможностей, чем здесь, но, быть может, в таком случае тебе стоит подумать о возвращении в Париж? Там ты сможешь продолжать свою карьеру музыканта, которую вынужден был прервать. Так что подумай.

— Во Франции идет война, сейчас не лучшее время для возвращения.

— Во всей Османской империи сейчас война, а Палестина — часть этой империи, — возразил Самуэль.

— Ты прав, но здесь все по-другому. Знаю, что нам сложно понять друг друга, поэтому мои мотивы тебе незачем понимать. Не знаю, что я решу в будущем, но сейчас я хочу остаться в Палестине. Меня волнует все то, что происходит в Тель-Авиве. Этот город сам пишет свою историю, и у него большое будущее. Кроме того... думаю, время начать жить своей жизнью. Всегда, как смогу, буду приезжать в Сад Надежды. Для меня это все равно,

что вернуться домой.

Должно быть, у них возник один и тот же порыв, побудивший их обняться. Именно в этот миг они были как никогда близки.

В один из последних дней перед отъездом Михаил зашел попрощаться в дом Йосси и Юдифи и пообещал Ясмин, что непременно вернется. Зашел он попрощаться и в дом семьи Зиядов. Мухаммед как раз тоже приехал навестить свою мать и бабушку Саиду, которая больная лежала в постели.

В доме Мухаммеда царил скорбь. Дина замкнулась в своей горе, и с ее лица исчезла улыбка, которой она прежде одаривала всех родных и знакомых. Но, как и сказала Кася, Дина была сильной женщиной и знала, что не имеет права раскисать, поскольку близкие по-прежнему нуждаются в ее заботе.

В последнее же время больше всех в этой заботе нуждалась ее мать Саида.

— Тебе повезло, что ты можешь уехать, — прошептал Мухаммед.

— Мне очень жаль, что так случилось, — ответил Михаил. — Я не успел толком познакомиться с твоим отцом, но я знаю, что он был прекрасным человеком.

— Да, и за это поплатился жизнью.

Они долго говорили о войне и оба сошлись во мнении, что эта война будет началом конца Османской империи.

— Старики этого не понимают, более того, боятся исчезновения империи, они спрашивают себя, что бы случилось, если бы это произошло. Я говорю, что это наш звездный час, когда мы должны перестать быть чужаками на своей земле. Дамаск, Бейрут, Мекка... Поэтому я присоединился к войскам Фейсала; да, мы должны бороться во имя великого арабского государства.

— Ты надолго останешься? — спросил Михаил.

— Еще на день. Я не могу остаться дольше, хотя и очень беспокоюсь за бабушку. Но сейчас настало время для борьбы.

Михаил выслушал его с большим интересом. Ему нравился Мухаммед, он очень ему сочувствовал и даже рассказал, как сам потерял отца, а потом сбежал из России на руках у Ирины и Самуэля.

— Видишь ли, моего отца тоже убили. Я так и не оправился от его потери. Матери своей я не помню, но отца помню хорошо.

Они разговаривали до тех пор, пока небо не окутала беззвездная ночь, под конец взбодрив друг друга разговором о своих любимых. На следующий день каждый из них взял свой курс, Мухаммед обратно в ряды Фейсала для участия в сражениях, а Михаил — по направлению к тому городу, который евреи считали своим.

Теперь прощание с Михаилом далось Самуэлю с трудом. Он ценил его больше, чем ему казалось. Тель-Авив был близко, но еще оставалось ощущение утраты.

— Мне бы хотелось поближе познакомиться с Мухаммедом, — признался Михаил.

— Мухаммед — хороший парень, — заверил Самуэль.

— И знаешь, что я скажу? Я не виню его в том, что он отомстил за отца. Если бы я мог отомстить за своего...

— Теперь ему придется всю жизнь нести груз вины... за смерть этих людей.

— Но ведь он поступил правильно. Бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись — это умереть или убить, и Мухаммеду не оставалось ничего другого. Если

бы я был его другом, то пошел бы вместе с ним.

— Да, то же самое сказал мне и Мухаммед, но не забывай о самом главном: о совести.

Михаил ничего не ответил. Он не хотел ссориться с Самуэлем перед самым отъездом, а потому решил пойти попрощаться с другими обитателями Сада Надежды.

Яков подарил ему несколько книг Достоевского, а Ариэль весьма порадовал скрипкой, которую втайне от него сделал своими руками.

— Скрипка, конечно, не ахти какая, но зато она не позволит тебе нас забыть, — сказал Ариэль, вручая ему инструмент.

Михаил был растроган. Он успел проникнуться уважением к этому суровому человеку, который, как ему казалось, без всякого интереса слушал его игру на скрипке, а по вечерам при свете очага читал книги, который брал у Якова.

Кася подарила ему связанный собственными руками свитер, а Марина — шарф.

— Конечно, в Тель-Авиве не так холодно, как здесь, но я думаю, шарф и свитер все равно тебе пригодятся, — сказала Кася, обнимая его.

Руфь приготовила для него корзину с едой и несколько раз повторила, чтобы он непременно возвращался, если в Тель-Авиве дела не заладятся.

Никто не стал провожать Михаила до дверей, зная, что Самуэль хотел бы проститься с ним наедине.

— Я скоро вернусь, — пообещал Михаил.

— Попробуй только не вернуться, тогда я сам поеду за тобой в Тель-Авив, — угрожающим тоном ответил Самуэль.

— Еще чего не хватало!

— Не забывай писать Ирине, она всегда так беспокоится о тебе.

— Конечно, я всегда буду ей писать.

Они обнялись на прощание, и Самуэль отвернулся, чтобы Михаил не видел, как он расстроен.

А жизнь тем временем шла своим чередом.

1917 год оказался весьма щедрым на события. Однажды в Сад Надежды ворвался Яков, размахивая купленной в городе газетой и возбужденно крича:

— Царь отрекся от престола!

Самуэль и Ариэль тут же подступили к нему с расспросами, а Кася, ко всеобщему удивлению, расплакалась.

— Что с тобой, Касенька? — испугалась Руфь. — Тебе что, его жалко?

— Мне не царя жалко, — еле проговорила Кася сквозь слезы. — Мне нет дела до Николая. Мне нас жалко; нам всем пришлось бежать из дома, чтобы остаться в живых...

Тем временем Яков пересказал содержание статьи в газете: Николаю II ничего не оставалось, как отречься от престола. Теперь никто не мог сказать, что его ждет. В России победила революция, Советы набирают силу, и власти понимают, что с каждым днем все больше теряют контроль над ситуацией в стране.

— Так может, вернемся? — в голосе Каси прозвучали тревога и волнение.

— Вернемся? — ошеломленно переспросил Яков. — Ты хочешь вернуться в Россию? Нет, ни в коем случае, что мы станем там делать?

— Там же победила революция, а если так, то евреям нечего больше бояться. Многие

большевики — евреи... А если царь отрекся от престола — значит, он больше не станет преследовать евреев и социалистов — таких, как мы.

— Наш дом — здесь, — ответил Яков. Это — наша потерянная родина, которую мы наконец-то смогли вернуть. Мы — евреи, Кася.

— Вильно — такой красивый город, — прошептала она сквозь слезы.

Ни Самуэль, ни Ариэль, как и Руфь не смели вмешиваться в этот спор между Касей и Яковом. Честно сказать, они по-настоящему растерялись, увидев ее плачущей. Кася, которая никогда не жаловалась, работая от зари до зари, ободряя и поддерживая остальных; Кася, ставшая настоящим оплотом Сада Надежды, теперь беспомощно плакала, как ребенок. А Самуэль думал, что за все эти годы Кася ни разу не дала понять, что тоскует по своему родному Вильно.

— Я напишу моему другу Константину Гольданскому. Он подробно расскажет, что там происходит, а то я что-то не слишком доверяю тому, что пишут в газетах, — сказал Самуэль, пытаясь отвлечь внимание Каси.

— Россия сбросила иго тирана, мы должны это отпраздновать, — заявил Ариэль.

Они и в самом деле отпраздновали это событие, хотя и не столь радостно, как ожидалось. Война принесла слишком много бедствий, и одного лишь отречения царя оказалось недостаточно, чтобы вернуть людям покой. Никто, кроме Каси, не осмеливался повторять вслух, что отречение Николая II привело их на распутье: вернуться ли в Россию или забыть о ней навсегда. Да, на глаза у них наворачивались слезы, когда они вспоминали о родине, но сейчас, когда забрезжила возможность вернуться, глаза туманили те же слезы при мысли, что придется покинуть эту землю. Может ли человек любить две родины сразу? Каждый задавал себе этот вопрос, не смея произнести его вслух.

Вскоре пришло письмо от Константина. Когда Самуэль распечатал конверт цвета слоновой кости с гербом Гольданских, он прочитал следующее:

«Мой дорогой Самуэль!

Мое сердце преисполнилось радости, когда я получил твое письмо. Катя все время жалуется, что ты совсем нас забыл, хотя я не устаю ей повторять, что никакие расстояния не в силах помешать нашей дружбе.

Когда ты получишь мое письмо, ты уже будешь знать, что в России идет гражданская война. Не то чтобы я считал неправильным, что царь отрекся от престола. Его правление было для России настоящим бедствием, и миллионы погибших, и страдания их семей — целиком на его совести.

Эта война — настоящее безумие, обеим сторонам она не принесет ничего, кроме новой боли, и едва ли поможет исцелить чьи-то раны.

Я не знаю, что ждет Россию, как не знаю, что будет со всеми нами. Ты знаешь, что я всегда тяготел к социализму, но теперь многие большевики внушают мне такой ужас, какого никогда не внушала царская полиция.

Мне очень жаль, но первыми жертвами этой войны стали именно евреи. Бездарное царское правительство посчитало их козлами отпущения и повесило на них вину за свои военные поражения. Вспомнив, что большая их часть проживает в губерниях, граничащих с Германией, их обвинили в том, что они шпионят на кайзера Вильгельма. Да-да, на кайзера, «обожаемого кузена Вилли» нашего царя. Как будто мало бед принесла нам эта война — по стране прокатилась целая волна еврейских погромов. Такое впечатление, что царь и великий князь Николай Николаевич решили устроить новый исход евреев, только уже не из Египта.

Ты знаешь, я никогда не переставал чувствовать себя евреем — возможно, потому, что я действительно наполовину еврей, а быть может, потому что мой любимый дедушка всегда стремился к тому, чтобы стереть различия между людьми, которые положила религия.

Сегодня многие русские евреи мечтают, чтобы революция победила и навсегда уничтожила память о ненавистных царях, которые принесли им столько страданий.

Я не знаю, что ждет нас в будущем. Как я сообщил тебе в последнем письме, я женился, и моя жена, Вера, уговаривает меня на какое-то время уехать в Швейцарию, но Катя отказывается ехать с нами, а я не хочу оставлять ее одну в таких обстоятельствах.

Да, я знаю, что Катя давно уже не ребенок, но по-прежнему чувствую себя ответственным за ее судьбу, поэтому я остаюсь здесь, не зная ни минуты покоя и не представляя, что принесет нам завтрашний день...»

Не успел Самуэль дочитать письмо, как Яков набросился на Касю:

— Теперь ты хоть понимаешь, что могло бы случиться, если бы я послушал тебя и сунулся бы в Вильно? Все те же еврейские погромы! Да-да, все те же погромы!

— Но ведь большевики победили, — возразила Кася. — А мы — социалисты. Никто не сделает нам ничего плохого.

Яков ничего не ответил. Как бы ни тосковал он по России, теперь его родина — Иерусалим.

Декларация лорда Бальфура, подписанная в ноябре 1917 года, застигла их врасплох. Палестинским евреям было известно о симпатии, которая связывала доктора Хаима Вейцмана с британским правительством, однако им даже в голову не приходило, что эти симпатии так скажутся заявленных принципах, согласно которым бринацы соглашались создать в Палестине «национальный дом еврейского народа».

В Саду Надежды отметили это событие, хоть и не столь радостно, как победу большевицкой революции.

— Мы должны помочь британцам, — заявил Яков.

— И каким образом ты собираешься им помочь? Будем благоразумны, — ответил Самуэль.

— Разве ты ничего не слышал о Декларации Бальфура? Если Османская империя падет европейские державы отдадут нам эту землю.

— Никто и никогда не отдаст нам эту землю, — возразил Самуэль. — Они лишь обещают, что мы сможем по-прежнему жить на ней.

— Нет, они обещают гораздо большее. Ты считаешь, что декларация вроде той, что выпустило британское министерство иностранных дел — это просто бумага? Неужели ты не думал, что Палестина вновь станет нашей родиной? Нас выгнали, у нас ее отобрали, а мы вернулись, — вспыхнули глаза Якоба.

— Но она уже наш дом. Разве мы не здесь? Но это не значит, что она может быть более, чем домом, это просто местом, где мы могли бы жить, — возразил Самуэль.

— Родиной, Самуэль, — ответил Ариэль. — Мы все надеемся вновь обрести потерянную родину.

— А я считал, что гораздо важнее другие вещи — такие как равенство, свобода... Я приехал сюда не для того, чтобы найти здесь родину.

— В таком случае, почему же ты приехал именно сюда, а не в какое-нибудь другое место? Так я тебе отвечу: ты приехал сюда потому, что все мы созданы из того земного праха, что пылится под нашими ногами, потому что это — наша родина, и наши души

принадлежат лишь ей одной. И теперь пришло время возродить нашу родину, — настаивал Яков.

— Ты меня удивляешь, Яков, — ответил Самуэль. — Вот уж никогда не думал, что ты так на это смотришь. Мы называем себя социалистами, поскольку боремся за всеобщее равенство и мечтаем о свободе, где бы мы при этом ни жили, пусть даже вдали от родины.

— Но я всегда думал именно так. Я хочу, чтобы эта земля стала родиной для моей дочери и внуков. Я не хочу, чтобы они скитались по миру, везде оставаясь чужими, чтобы их высылали из страны и чтобы от них шарахались, как от зачумленных. Здесь — наша истинная родина, сюда мы и вернулись, а иные из нас никогда ее и не покидали.

— Ладно, ладно, не будем спорить. Давайте лучше выпьем за Декларацию лорда Бальфура: большего мы от этих британцев и желать не могли, — вмешалась Кася, чтобы положить конец спорам. — А ты, Яков, мог бы нам объяснить, с какой стати лорд Бальфур вдруг так расщедрился?

— Ну, насколько я знаю, доктор Вейцман и лорд Бальфур давно знают друг друга. Вейцман — очень важный человек в Англии: он профессор биохимии в Манчестерском университете. И он имеет весьма влиятельных друзей в высшем британском обществе. Говорят, он на дружеской ноге с самим премьер-министром, а также с Дэвидом Ллойдом Джорджем, с Гербертом Сэмюэлом и Уинстоном Черчиллем. Так что это весьма влиятельный человек.

— Не забывай, что он к тому же внес весьма ощутимый вклад в эту войну, — ехидно заметил Самуэль.

— Да, кажется, Вейцман открыл способ получения ацетона в промышленных масштабах, — с плохо скрываемой злостью в голосе произнес Яков. — Кому, как не тебе, химику, об этом знать.

— Ацетон? И для чего же британцам понадобился ацетон? — любопытствовала Руфь.

— Ацетон — необходимая составляющая для производства кордита — взрывчатого вещества, — объяснил Самуэль.

За несколько месяцев Самуэль постепенно начал ощущать трещину между собой и Яковом. Временами он внезапно заставал Якова и Ариэля за разговором, и переживал, что при его появлении они меняли тему. Он не смел спрашивать, о чем они шептались или что замыслили, но знал — что бы это ни было, с ним они не делились. Эта дистанция с друзьями из Сада Надежды привела его к большему сближению с Йосси, сыном Авраама и Рахиль, который, кроме прочего, служил еще и постоянным источником информации.

Среди пациентов Йосси, так же, как в свое время — его отца, было немало весьма влиятельных персон Иерусалима; эти люди не боялись доверять свою жизнь врачу-еврею и чувствовали себя в его обществе настолько свободно, что в конце концов распускали языки и выбалтывали намного больше, чем собирались.

— Почему ты так уверен, что Великобритания решила подарить нам дом? — спросил Самуэль.

— Думаю, что это отвечает их интересам, а кроме того, они весьма почитают Библию.

— Я тебя не понимаю...

— Для англосаксов Библия — неотъемлемая часть воспитания, поэтому они хорошо ее знают и нисколько не сомневаются, что Палестина — это земля евреев. Но, друг мой, не одни британцы решились на этот шаг; французы тоже согласились с декларацией Бальфура, и, как меня уверяют, президент Соединенных Штатов тоже дал свое согласие. Американцы

тоже чтят Библию, и они тоже считают, что Палестина должна принадлежать евреям.

— Весьма оригинальное объяснение, должен признать; вот только боюсь, что оно имеет мало общего с реальностью... — ответил Самуэль. — Я никак не могу поверить, что на этот шаг их толкнула святая вера в Библию.

— Порой самое простое объяснение и оказывается самым верным, — заметил Йосси.

Все свои силы Самуэль теперь отдавал работе в лаборатории, которую оборудовал вскоре после возвращения из Парижа. Йосси Йонах убедил его, что он должен заниматься изготовлением лекарств.

— Ты же больше фармацевт, чем химик, — говорил он. — Так почему бы тебе не воспользоваться своими знаниями, чтобы устроить жизнь? Нашим людям очень нужен человек, который готовил бы лекарства.

Таким образом, он снова переоборудовал старый сарай в лабораторию, где теперь проводил целые дни. Йосси рекомендовал ему в помощь одного фармацевта по имени Натаниэль, приехавшего из Москвы. Этот человек, как и многие другие, бежал от преследований царского режима. В столице он был известным фармацевтом. Это был вдовец с двумя сыновьями, которые примкнули к большевикам. В итоге один из них умер в тюрьме, а другому вскоре пришлось бежать из России.

— Когда революция победит, ты вернешься, но сейчас должен уехать отсюда, чтобы я мог продолжать борьбу, зная, что ты в безопасности, — сказал ему отец.

Самому же Натаниэлю не хотелось покидать свой дом и имущество, которое таяло с каждым днем, но еще меньше ему хотелось расставаться с единственным оставшимся сыном. В конце концов он сдался. Он не хотел жить, постоянно оглядываясь в ожидании полиции, видя, с какой злобой смотрят на него соседи, которые винили евреев во всех бедах, постигших Россию, а также в проигранных сражениях.

Он тайно готовился к поездке и не говорил об этом своим соседям вплоть до самого выезда в Одессу, чтобы далее отправиться в Палестину. Сейчас он благодарил Бога за то, что принял то решение, которое два года назад привело его в Иерусалим. Он приехал, не зная никого, с одним-единственным адресом пожилого врача по имени Абрам Йонах, который, как поговаривали, помогал евреям вроде него. У него земля ушла из под ног, когда он пришел к дому Абрама и открывшая дверь женщина сообщила, что старый врач умер; он вновь обрел надежду, лишь познакомившись с его сыном, Йосси Йонахом.

Самуэль был очень благодарен Йосси за то, что тот познакомил его с Натаниэлем. Тот очень напоминал Самуэлю собственного отца. На долю этого человека выпало немало страданий. С первой встречи они сразу нашли общий язык, и Самуэль предложил ему поселиться в Саду Надежды. С его помощью Самуэль смог построить настоящую лабораторию, где они работали от зари до зари. Кроме Натаниэля, Самуэль нанял себе еще одного помощника по имени Даниэль, племянника Юдифи, жены Йосси.

Даниэль был еще ребенком, но при этом весьма начитанным, благодаря усилиям своей матери, которая мечтала, чтобы ее сын стал раввином. Но мальчик не проявлял никакого интереса к религии и умолял мать, чтобы та не приставала к нему с учебой. Мириам приходила в отчаяние, но считала это простительным, списывая на то, что ребенок еще не пришел в себя после того, как потерял отца. Ее муж, служивший в турецкой армии, погиб еще в начале войны, и она осталась вдовой с сыном-подростком. Юдифь, как могла, помогала младшей сестре и уговорила мужа, чтобы тот рекомендовал племянника Самуэлю.

— Даниэль будет по-прежнему ходить в школу, но он не хочет быть ни раввином, ни,

тем более, торговцем, — сказала она. — Зато он сможет помогать Самуэлю в его лаборатории, так что поговори с ним насчет Даниэля.

Кроме Натаниэля и Даниэля, Самуэль взял в помощницы еще и Марину.

— Но я же ничего не понимаю в лекарствах, — говорила она.

— Ничего, научишься, — ответил Самуэль. — Нам нужен человек, который бы организовывал работу. Так что будешь нашим начальником, — пошутил он.

Кася тоже настаивала, чтобы Марина помогала Самуэлю в лаборатории. Ей совсем не хотелось, чтобы ее дочь провела остаток жизни, ковыряя мотыгой землю и собирая оливки. Марина заслуживала большего.

В скором времени все богатые и влиятельные люди в Иерусалиме стали покупать лекарства, изготовленные в маленькой лаборатории Самуэля.

— Я же говорил, что твоя лаборатория окажется весьма выгодным предприятием, — не уставал напоминать ему Йосси.

Если бы не война, Самуэль чувствовал бы себя почти счастливым. До сих пор до Сада Надежды доносились лишь отголоски этой войны, однако, настала минута, когда его жителям тоже пришлось испить до дна ее горькую чашу.

Однажды на рассвете в Сад Надежды ворвались полицейские Кемалья-паши. Они связали руки Ариэлю и Якову, нанеся перед этим несколько ударов женщинам.

— И тебе недолго гулять на свободе, — заявили они Самуэлю, когда он потребовал объяснений, после чего один из полицейских ударил его с такой силой, что он потерял сознание.

Затем полицейские увели Ариэля и Якова. Самуэль тщетно пытался успокоить Касю и Руфь, которые лишь молча плакали.

— Я сейчас же схожу и выясню, за что их арестовали, — пообещал он. — Должно быть, это какое-то недоразумение. Не далее, как два дня назад один из лейтенантов Кемалья-паши заказывал у меня лекарства. Не волнуйтесь, я уверен, скоро их освободят.

Когда совсем рассвело, он отправился в дом Йосси, чтобы попросить у него помощи и совета.

— Что, если я схожу к тому турецкому офицеру, с которым ты меня познакомил, и попрошу его освободить Якова с Ариэлем? — спросил Самуэль.

— С тех пор как генерал Алленби взял Газу, Кемаль-паша совсем потерял разум.

— Да уж, полагаю, что бомбардировка британцами немецкой штаб-квартиры и Форты Августы едва ли улучшила настроение офицерам Кемалья.

Вместе с Йосси он отправился в дом того офицера, который согласился их принять, хоть и не слишком охотно. Офицер выслушал их просьбу и велел прийти в казармы несколько часов спустя. Однако он ничего им не стал обещать.

Когда они явились в указанное время, офицер встретил их, весьма недовольный.

— Значит, мало того, что вы живете в одном доме со шпионами, — возмутился он, — так вы еще и явились сюда, чтобы просить об их помиловании?

— Шпионы? — растерялся Самуэль. — Нет-нет... Ты ошибаешься. Мои друзья...

Однако офицер не позволил ему продолжить. Отпихнув ногой стул, он схватил Самуэля за грудки.

— Так вот, — сказал он, — мы собираемся повесить твоих дружков, а если ты не перестанешь обивать пороги, то мы и тебя повесим тоже. Эти нечестивые собаки шпионили в пользу англичан.

— Это, должно быть, ошибка... Уверяю, мои друзья ни в чем не повинны.

Офицер открыл дверь, впус­тив невзрачного на вид человекка, который даже не взглянул в их сторону. Самуэлю показалось, что он уже где-то видел этого человека, только вот где? Или ему показалось?

— Расскажи, что тебе известно о тех людях, которых арестовали несколько часов назад, — потребовал офицер.

— Это шпионы. В течение нескольких месяцев они работали на британцев: передавали им информацию о стратегических точках обороны города, численности войск, приездах и отъездах Кемаль-паши. Всю эту информацию они сообщали одному еврею, который держит гостиницу неподалеку от Яф­фских ворот. А уже этот человек передавал ее собственно британцам.

— Ты ошибаешься, — убежденно заявил Самуэль.

— Я ошибаюсь? Это ты ошибаешься. Просто они тебе не доверяли, вот ты и не знал ничего об их делишках. Твое счастье, что ты ничего не знал, иначе ты бы отсюда не вышел, — равнодушно пожал плечами, ответил невзрачный человек.

— Что их ждет? — спросил Йосси.

— Их повесят. Предатели не заслуживают ничего другого.

Самуэль и Йосси начали умолять офицера спасти жизнь Ариэлю и Якову, даже предложили ему деньги, однако офицер их не взял.

— Они — предатели, и заплатят за свои грязные делишки, как предателям и положено.

Они молча покинули казармы, опасаясь самого худшего. За последнее время повесили немало евреев по обвинению в шпионаже в пользу Антанты. Одним из таких несчастных был некто Аарон Ааронсон, который организовал целую шпионскую группу под названием «Нили», работавшую на Антанту. Однако турки их всех разоблачили и арестовали. Не пощадили они и женщин, которые также принимали участие в шпионской деятельности.

— А ведь у нас с Яковым был об этом разговор, — вспомнил Самуэль. — Яков утверждал, что мы должны помочь Антанте.

— Они сделали то, что должны, — ответил Йосси. — Каждый из нас должен выбрать одну из сторон. Я тоже постоянно по этому поводу веду споры с матерью, женой и свояченицей Мириам; все они — сефардки, их предки с давних пор жили в Салониках и привыкли ладить с турками. В то время как в других странах евреев преследовали, султан отнесся к ним милостиво. Туркам никогда не было особого дела до того, как мы молимся, лишь бы исправно платили налоги, и никто не мешал им жить так, как они считали нужным. Так что я вполне понимаю своих родных. Однако сейчас времена изменились, империя гибнет, и турки теперь видят в нас врагов. Кемаль-паша — кровожадный деспот, скольких из нас он уже депортировал? Поэтому Яков и Ариэль выбрали Антанту: этот выбор давал им хоть какие-то надежды на будущее.

Самуэль был поражен словами Йосси, однако ничего не сказал; ему нужно было взять себя в руки: слишком уж невыносима была мысль, что Якова и Ариэля могут повесить.

Первым, с кем он столкнулся в Саду Надежды, был Игорь, который вышел ему навстречу, съедаемый тревогой за судьбу отца.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Самуэль. — Я же тебе сказал, чтобы ты шел в карьер, я сам позабочусь о твоём отце.

— Ты думаешь, я смогу работать, как ни в чем не бывало? Скажи хоть, в чем обвиняют отца?

Самуэль пересказал свой разговор с офицером, наблюдая, как с каждым его словом глаза Игоря все больше наполняются болью.

— Их повесят, как повесили тех несчастных из «Нили». Если уж у них не дрогнула рука накинуть петли на шеи женщинам, то что им стоит повесить моего отца и Якова?

— Так ты знал, что они работают на британцев? — спросил Самуэль.

Игорь все медлил с ответом; казалось, он не может подобрать слов.

— Было бы странно, если бы я этого не знал, — ответил он наконец. — Ты же сам слышал, как они это обсуждали. Только слепой мог не догадаться, что Яков и Ариэль связаны с британцами. Однажды я спросил у отца, замешан ли он в чем-то серьезном. Он всегда ненавидел ложь, поэтому просто попросил меня ни о чем его не спрашивать. Теперь я понимаю, что он не хотел подвергать меня опасности, поэтому делал все возможное, чтобы я ничего не знал об этих его делах.

— Сомневаюсь, что нам удастся спасти их от виселицы. Мы предложили офицеру все деньги, какие у нас были, но он отказался их взять. Завтра мы предложим ему еще больше денег — все, что сможем собрать. Если и это не поможет, я буду умолять на коленях самого Кемаль-пашу. Йосси обещал нам помочь; быть может, нам удастся их уговорить, чтобы смертный приговор заменили депортацией, как они поступили с Иеремией и Луи.

— Я знаю, что их уже не спасти. Но я знаю также, что мой отец предпочел бы умереть в борьбе, чем жить так, как живешь ты — пассивно наблюдая, что творится вокруг.

Лицо Самуэля залилось краской. На него нахлынули стыд и возмущение словами Игоря. Стыд, потому что ему было больно слышать правду, ведь он выбрал роль наблюдателя, и возмущение тем, что Игорь посмел его упрекать в этом.

— У всех своя история, — продолжал Игорь. — Мой отец никогда вам не рассказывал о всех наших лишениях в Москве. Мы страдали вдвойне от того, что были евреями и социалистами. Мы были двойным врагом для царя, и нам пришлось спасаться. Но отец никогда не сдавался. Он приехал сюда не только ради выживания, но и поскольку трудился над тем, чтобы воплотить свои социалистические идеи в жизнь. Я не уверен, что ты совсем не революционер, поскольку на самом деле ты социалист, раз уж в Саду Надежды мы реализовали то, что казалось утопией.

— Надеюсь, что мы сможем добиться депортации и этим спасти им жизнь, — вздохнул Самуэль, чувствуя себе очень усталым.

— Мы уже потеряли счет всем тем евреям, которых Кемаль-паша приказал депортировать, — надтреснутым голосом произнес Игорь. — Только не надейся: они возьмут наши деньги, а их все равно повесят.

Руфь и Кася изо всех сил сдерживали слезы, но это им плохо удавалось. Они провели бессонную ночь, и все это время рядом с ними были Дина и ее невестка Лейла.

— Мой брат Хасан утверждает, что британцы скоро займут город. Надеюсь, они освободят Якова и Ариэля, — сказала Дина, пытаясь утешить обеих женщин.

— Я слышала, что турки бегут из города, — заметила Лейла.

— Ненавижу этот город! — выкрикнула Кася.

— Успокойся, криком горю не поможешь, — сказала Руфь, сжав ее руку.

— Не выношу грохота бомбардировок, уже столько дней мы слышим над головой самолеты... Говоришь, британцы их освободят! Наверное, это те же, кто только что убивал нас своими бомбами, разрушая наш город! — В голосе Каси сочетались страх и ярость.

Марина поманила Самуэля в лабораторию, чтобы поговорить с ним вдали от

посторонних ушей.

— Скажи мне правду, ты можешь спасти Ариэля и моего отца? — спросила она.

— Не знаю. Мы с Йосси сделаем все, что в наших силах, но мы не можем ничего обещать. В городе жуткая неразбериха, турки вот-вот потеряют Иерусалим. Не хотелось бы тебя обманывать, но я совсем не уверен, что твоего отца удастся спасти.

Когда на следующий день он вместе с Йосси пошел на поиски офицера Кемал-паши, ему сказали, что тот отправился на передовую. Они спросили у солдата, что же случилось с заключенными, но тот лишь пожал плечами.

— Вчера вечером повесили нескольких человек, — ответил солдат. — У нас и без того хватает забот, чтобы еще беспокоиться о каких-то предателях.

Самуэль вздрогнул, услышав эти слова. Йосси принялся совать монеты солдату в ладонь, пытаясь узнать о судьбе Ариэля и Якова. Солдат поначалу лишь огрызался, но в конце концов сказал, что сейчас все выяснит, и вышел из приемной, оставив их в одиночестве. Вскоре он вернулся.

— Это были предатели, и их повесили, — сказал он. — Так что если вы не хотите, чтобы и вас постигла та же участь, советую убраться подобру-поздорову. Кемалю-паше давно следовало перевешать всех жидов или выгнать их из страны, как мы поступили с армянами. Вы не заслуживаете нашего милосердия.

Самуэль и Йосси молча ушли. Они не осмелились даже просить, чтобы им отдали тела Якова и Ариэля. Турки понимали, что англичане вот-вот возьмут город, и сейчас, накануне вынужденного отступления, они были опасны, как никогда.

Йосси сообщил Касе и Руфи, что их мужья погибли на виселице. Дина и Лейла бросились обнимать безутешных вдов, стараясь хоть как-то облегчить горе. Игорь и Марина молчали, глядя друг на друга сухими глазами, не в силах даже плакать.

Самуэль приблизился к ним, не зная, что сказать. Ему хотелось плакать и причитать, как это делала Кася, предполагая, что от этого станет легче. Но от него такого не ожидали, он должен был сохранять спокойствие, говорить каждому, что нужно делать, хотя он и сам не знал, что он мог или должен теперь делать.

Но тяжелее всего для вдов было известие, что они так и не смогут забрать тела мужей.

— Значит, нам придется плакать над пустыми могилами? — рыдала Кася.

Игорь пошел было в город, намереваясь найти кого-то, кто бы помог найти тела Ариэля и Якова, но в Иерусалиме царил смятение. Британские самолеты разбомбили штаб-квартиру турков. Никому не было дела до того, что стало с телами тех людей. Турецкие офицеры размышляли, отступить или продолжать сражаться. Иерусалим пал ночью девятого декабря. Союзники еще не выиграли войну, но по крайней мере у британцев в руках уже был Священный Город.

Йосси теперь не знал ни минуты покоя. Город превратился в настоящее поле боя. Сотни людей остались без крова. А сколько их за эту войну умерло от голода, да и сейчас голодная смерть продолжала взимать ежедневную дань.

— От этого недуга есть лишь одно средство, — говорила Юдифь, его жена, помогая ему оказывать помощь больным, толпившимся у дверей дома. — И зовется оно еда.

Однако людей косил не один лишь голод. В городе свирепствовали венерические болезни.

— И этот город еще называют Святым! — возмущалась Юдифь. — Нигде больше нет такого количества проституток, как здесь. Просто сил нет смотреть на этих девиц, а ведь они

еще совсем дети!

Она действительно болела душой за этих девушек, которые, как могли, старались выжить среди ужасов войны, продавая себя, а потом толпились возле дома врача в надежде, что им дадут лекарство, способное хоть немного облегчить печальные последствия сифилиса.

Конечно, Йосси и Юдифь остро нуждались в помощи Самуэля. У них не хватало лекарств для всех несчастных, что приходили к ним за помощью.

Самуэль, Даниэль и Натаниэль с утра до ночи работали в лаборатории.

Многие больные нашли убежище в монастырях, которые открыли свои двери сотням страждущих.

Марина погрузилась в молчание, но продолжала работать. Работа оказалась единственным средством, которое спасало ее от невыносимой боли, которая охватывала ее всякий раз, как она вспоминала, что отца больше нет. Кася тоже притихла и сделалась похожей на отрешенно бродящий по дому призрак и время от времени скорбно вздыхая.

Руфь, которая страдала ничуть не меньше, намного лучше держала себя в руках, а Игорь искал утешение в работе, целыми днями пропадая в карьере. Все они чувствовали, как их душит этот город — этот древний город, о котором на протяжении веков грезили их предки. Этот город таил в себе одни лишь страдания, одни лишь страдания и боль.

Самуэль все свои силы отдавал лаборатории. Он похудел и осунулся; всеми силами он старался избегать мрачных мыслей, но они продолжали неотвязно его преследовать.

«Мне уже сорок восемь, а что я видел в жизни, кроме горя? Неужели горе и боль — это единственное, что уготовано мне в жизни? Неужели мне до конца жизни суждено терять близких?»

Сколько раз задавал он себе эти вопросы, на которые не могло быть ответа, чувствуя себя совершенно опустошенным.

Когда однажды вечером он пришел в дом Йосси, нагруженный лекарствами, тот сообщил ему, что познакомился с капитаном Лоуренсом.

— Нас представили друг другу, но мы едва успели перекинуться несколькими словами.

— И какой же он из себя?

— Он небольшого роста, но крепкого сложения, выглядит, как типичный британец; у него голубые глаза, а взгляд холодный и отчужденный. Судя по тому, что я успел от него услышать, он весьма умен. Фейсал, сын шарифа, полностью ему доверяет. И Лоуренс, очевидно, вполне заслуживает этого доверия, хотя боюсь, что рано или поздно наступит момент, когда он вильнет хвостом.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Самуэль.

— Рано или поздно наступит момент, когда интересы британцев перестанут совпадать с интересами арабов. Тогда Лоуренсу придется выбирать между Англией и своими новыми друзьями.

— И что же он выберет?

— Трудно сказать, он человек весьма своеобразный. Но если бы мне пришлось биться об заклад, я бы поставил на то, что он выберет Англию.

— Его называют великим стратегом, и многие военные победы арабы одержали

благодаря его советам, — заметил Самуэль.

— У арабов есть причина сражаться, и у него тоже есть причина, — ответил Йосси, — а теперь, друг мой, хочу пригласить тебя на ужин в ближайшую субботу. Юдифь настаивает на угощении. Ее сестра Мириам тебе очень благодарна за то, что ты взял на работу Даниэля. Мальчик очень рад стать твоим ассистентом.

— Я вынужден извиниться перед Юдифью, но я не могу сейчас оставить Касю и Руфь. Обе почти обезумели от горя. В будни они еще как-то отвлекаются работой, но едва приходит суббота — и все. Игорь и Марина, как могут, стараются их развлечь, но ведь они и сами потеряли отцов, это и их горе тоже. Я тоже не самая лучшая компания, не могу перестать думать об Ариэле и Якове... Если бы нам удалось получить их тела...

— Перестань попусту терзаться, — ответил Йосси. — Хотя я понимаю, это нелегко пережить...

— Не в этом дело. Видишь ли, не проходит и дня, чтобы я не спросил, за что нам посланы все эти страдания? В чем их смысл?

— Я скажу Юдифи, что тебе нужно время. А пока расскажи мне, как дела у Натаниэля.

— Он хороший человек и отличный фармацевт. Лаборатория без него бы не функционировала. Он хорошо адаптировался к жизни в Саду Надежды и шутит, говоря, что мы — что-то вроде советов и что сын удивился бы, увидев его живущим среди большевиков. Думаю, что Натаниэль не особо им симпатизирует, в отличие от своего сына.

Когда они уже прощались у дверей, из дома выскочила встревоженная Юдифь.

— Йосси, беги скорее! — крикнула она. — Твоя мать потеряла сознание.

Йосси и Самуэль бросились в комнату старой Рахили. Женщина дышала с большим трудом, пульс едва прощупывался. Она умирала.

Йосси мало чем мог ей помочь. Рахиль уже давно была больна, и голод военного времени, не обошедший стороной и дом Йонахов, далеко не лучшим образом сказался на ее здоровье, хотя Йосси надрывался изо всех сил, лишь бы его мать и дочь Ясмин не голодали.

Самуэль остался дежурить возле умирающей Рахиль. И в тишине, наблюдая за ней, он вспомнил, как увидел ее в первый раз. Тогда он был моложе и только-только приехал в Иерусалим с Ахмедом, несущим на руках маленького Измаила, которого Абрам не смог спасти от неминуемой смерти. С тех пор прошло много лет, и сейчас он стал свидетелем угасания Рахиль, чувствуя, что в сердце уже не остается места, чтобы снести еще большие страдания.

Когда на землю спустились сумерки, Рахиль умерла. В последние часы ее жизни рядом с ней были два самых дорогих ей человека: сын Йосси и внучка Ясмин; они гладили ее лицо и руки, с трудом сдерживая слезы, опасаясь, как бы Рахиль их не увидела.

Между тем, в окрестностях Иерусалима все еще шла война, пока англичане пытались навести в городе хоть какой-то порядок.

Святой город вновь сменил хозяев. На протяжении многих веков Иерусалим переходил из рук в руки, и вот теперь оказался в руках британцев.

Единственной хорошей новостью, проникнувшей в эти дни в Сад Надежды, было известие о том, что Мухаммед жив. Он сражался в одном из отрядов Фейсала, который помогал генералу Алленби освободить Иерусалим.

Мухаммед пережил все сражения и продолжал воевать, а вот его кузен Салах погиб. Халед был тоже пока еще жив.

Теперь вновь пришла очередь обитателей Сада Надежды утешать семью Дины. Известие

о гибели старшего сына подкосило Хасана, а Лейла, казалось, и вовсе потеряла рассудок.

— Знаешь, Самуэль, — призналась Дина. — Я, конечно, оплакиваю гибель племянника, но при этом не перестаю благодарить Аллаха за то, что погиб он, а не Мухаммед.

— Война всех нас делает эгоистами, — ответил он. — Каждый мечтает лишь об одном: дожить до завтрашнего дня

— Я не могу спать по ночам, — призналась она. — Я все еще оплакиваю Ахмеда, и мне страшно представить, что со мной будет, если я потеряю еще и сына.

Лейла, казалось, сошла с ума. Она отказывалась вставать с постели и неустанно кричала, что хочет умереть. Хасан был в отчаянии, не зная, что делать.

Кася и Руфь большую часть дня провели в хлопотах по дому Хасана, взяв на себя часть забот Лейлы. Сочувствовали ей, ухаживали за ней, словно за ребенком.

— Дина сильнее нас всех, вместе взятых, — заявила Кася однажды вечером.

Это случилось во время ужина, когда они обсуждали новости дня.

— По-моему, Лейла сошла с ума, — сказала Руфь. — Когда я думаю об Ариэле, мне тоже кажется, что я вот-вот сойду с ума.

— Да, Дина — сильная и храбрая женщина, — сказал Самуэль. — Прежде чем потеряли Ахмеда, она похоронила двоих сыновей: маленького Измаила и еще одного, который родился мертвым. Она тоже много страдала.

У Мухаммеда едва оставалось время побыть в своем доме с бабушкой и матерью. Воинам Фейсала предстояло продолжить путь в Дамаск и истребить войска Кемалья-паши, который сейчас заправлял в том городе, но Мухаммед явился в Сад Надежды для встречи с Самуэлем. Они говорили недолго, просто поздравили друг друга с удачей, благодаря которой они еще живы.

Однако на этом сюрпризы еще не кончились. Однажды вечером в Сад Надежды неожиданно приехал Иеремия. Самуэль тут же бросился его обнимать, а женщины усадили за стол. Он очень похудел, а в его волосах появились седые пряди.

— Мне повезло, — сказал он, — что меня выслали в Египет. Оттуда я уехал в Англию. В Лондоне я познакомился с несколькими друзьями Владимира Жаботинского — вы должны были о нем слышать, это совершенно необыкновенный человек, его можно сравнить разве что с доктором Вейцманом — так вот, благодаря его усилиям британцы в конце концов разрешили создать еврейский батальон для борьбы с турками.

— Да, мы слышали о тридцать восьмом батальоне королевских стрелков, — кивнул Игорь.

— И сколько евреев погибло при Галлиполи? Насколько я знаю, британцы лишь признали существование нашего сообщества, — заявил Самуэль.

— Ты знаешь, сколько столетий прошло с тех пор, как мы, евреи, снова смогли сражаться за нашу землю? Вот, что важно, — раздраженно ответил Иеремия.

— Не будем спорить, ты же всегда считал, что мы должны сотрудничать с англичанами, — напомнил Игорь.

— И видите, я был прав. Кто сегодня заправляет в Иерусалиме? Кто будет управлять Палестиной по окончании войны? Давайте не будем забывать и о лорде Бальфуре. Англия согласилась с нами, — подчеркнул Иеремия.

— Англия согласилась со всем, что могло служить ее интересам, и первым делом, что помогло бы выиграть войну. Они договорились и с арабами. Ты веришь, что Англия сможет выполнить все свои обещания? — спросил Самуэль.

— Британцы сделали необратимый шаг, заявив, что у евреев должен быть свой дом. Но мы должны стремиться к большему: сделать этот самый дом нашей новой родиной.

— А арабы? Это и их дом тоже, — сказал Самуэль.

— И здесь нет противоречия с обещаниями, которые они дали арабам. Насколько я знаю, шариф Хусейн не чинит препятствий тому, чтобы мы имели родину в пределах арабского государства, и даже написал целую статью об этом. Англичане утверждают, что его сын Фейсал также не видит в этом никаких неудобств, — с уверенностью заявил Иеремия.

— Родина евреев внутри родины арабов... Как такое может быть? — спросила Марина.

— А почему такого не может быть? — ответила Кася. — Евреи и мусульмане всегда ладили друг с другом. У нас был один общий враг — христиане. И мне кажется, это наилучший выход.

— Думаю, что ты права, — поддержала Руфь.

— Вот только далеко не все евреи так думают. Некоторые из них даже слышать не желают ни о какой родине, они хотят просто жить здесь. Для других же быть евреем — значит иметь свою родину и при этом не делить ее больше ни с кем. Нет, далеко не все евреи думают так же, как вы.

Затем они оставили в покое политику и перешли на разговоры о своих бедах. Игорь был благодарен Иеремии за то, что после казни Ахмеда Зияда тот сделал его бригадиром в карьере.

— Это был хороший человек, работающий и честный, — сказал Иеремия. — Он был моим лучшим мастером.

— Скажи, тебе что-нибудь известно о Луи? — спросил Самуэль.

Иеремия слегка откашлялся, прежде чем ответить. Он сомневался, стоит ли слишком уж подробно рассказывать о деятельности Луи.

Наконец, он решился.

— Видите ли... На самом деле Луи... Короче говоря, он работает на британцев. Насколько я знаю, у него все в порядке, и я уверен, что он вернется, как только сможет.

Они поговорили о будущем. Иеремия собирался разыскать Анастасию и детей, невзирая на все предупреждения, как опасно сейчас для него ехать на север страны.

— Не было ни единой минуты, когда бы я не вспоминал о них, — признался он. — Я должен быть с ними.

Потом он заверил Игоря, что очень рассчитывает на него в роли бригадира.

— Завтра ты дашь мне полный отчет о работе карьера. А сейчас давайте выпьем за упокой души наших друзей.

Для Иеремии оказалось совсем непросто покинуть Иерусалим и отправиться на север страны на поиски Анастасии. Война продолжалась, и дороги становилось все опаснее. Но Иеремия не согласен был ждать. Он хотел устроить свою жизнь и знал, что не сможет это сделать вдали от жены и детей.

Игорь вызвался было его сопровождать, но Иеремия решил, что будет лучше, если он останется присматривать за карьером.

— Ты принесешь больше пользы, если останешься здесь, — сказал он.

— Но ты не можешь ехать один, тебя могут убить.

— О, нет, мой час еще не настал. Не волнуйся, у меня еще достаточно сил, чтобы жить.

Я вернусь вместе с Анастасией.

Но всё же понадобилось несколько дней, чтобы подготовиться к поездке, а тем временем он просвещал Самуэля по поводу разных сторон войны и ее последствий. Время от времени к их беседам присоединялся и Йосси, и Самуэля раздражало, что его друг всегда соглашается с Иеремией относительно британцев.

— Османская империя пала, — повторял Иеремия.

— Но для англичан мы — не более, чем балласт на корабле их интересов, — ответил Самуэль. — Слишком уж много они наобещали арабам.

— Я уже тебе говорил, Самуэль, мы лишь пешка в их игре, арабы — другая пешка, но для нас британцы тоже не более чем пешки. Мы живем в такое время, когда все играют краплеными картами. Так давайте же воспользуемся тем, что еврейские лидеры в Лондоне добились того, чтобы открыть двери Палестины для новых евреев, которые устали от скитаний, которых нигде в мире не желают видеть. Есть люди, способные заглянуть в будущее, и Вейцман — один из них, — объяснил Йосси.

— У нас тоже есть лидеры, утверждающие, что евреи должны иметь свою родину, и сейчас мы к этому уже готовы, — добавил Иеремия.

Самуэля беспокоили его отношения с Игорем. Сын погибшего Ариэля и Руфи превратился в серьезного и ответственного человека, но был пылким сионистом, как и его отец, как и Иеремия.

Игорь постоянно упрекал Самуэля в том, что тот не охвачен столь же ярким пламенем борьбы за родину, как они все.

— Что-то мне не верится, что ты социалист, — заявил он однажды в пылу спора.

— Может быть, ты и прав, — вполне искренне согласился Самуэль.

Он и сам задавался вопросом, во что верит, и решил, что вера — это плод обстоятельств, под влиянием которых формируются мысли и убеждения.

Но его беспокоила не только натянутость отношений с Игорем, но и то, что от него отдалился Михаил. С тех пор как тот устроился в Тель-Авиве, он почти не получал вестей. Молодой человек не чувствовал потребности с ним увидеться, даже не интересовался, всё ли в порядке. Это Самуэль искал способы разузнать о судьбе Михаила. И это привело его к размышлениям о собственной жизни. Иеремия не понял его, когда Самуэль поделился этими сомнениями вслух — ему хватало и своих забот, он искал способ, как воссоединиться с Анастасией. Когда он наконец уехал, Самуэль почувствовал облегчение. Хотя ему и хотелось остаться в одиночестве, ему это не удавалось. В Саду Надежды все жили в общем доме, где не было местечка, чтобы побыть наедине с собой.

Однажды вечером к нему в лабораторию неожиданно пришла Мириам, мать Даниэля.

— Мой сын с таким энтузиазмом рассказывает о своей работе, что мне захотелось своими глазами увидеть лабораторию, — сказала она.

Самуэль пригласил ее внутрь. Она была ему симпатична, и он с удовольствием слушал, как она разговаривает со своей сестрой Юдифью на сефардском наречии. Йосси говорил, что они болтают так быстро, что он с трудом их понимает, и что в детстве его мать Рахиль тоже говорила с ним на этом мелодичном языке, который их предки привезли с собой в Иерусалим из Салоников и Стамбула, после того как их изгнали из Испании, их обожаемого Сфарада.

— Я так тебе благодарна за то, что ты дал ему эту возможность, — призналась Мириам, разглядывая ряды пустых колб и пробирок и другие — те, в которых хранились образцы

лекарственных препаратов. — А то я уже не знала, что с ним делать.

— Даниэль очень хорошо разбирается в нашей работе; поверь, он знает, что делает, — ответил Самуэль. — Тебе не стоит считать своего сына никчемным лишь потому, что он не хочет быть раввином.

— Его отец так мечтал, что он станет раввином, — посетовала Мириам.

— Родители всегда считают, что они лучше знают, что будет лучше для их детей, но в конечном счете дети сами выбирают свою дорогу.

— И ты тоже сам выбрал свою?

— Я? Честно говоря, я всегда считал, что за меня все решили обстоятельства. Но, признаюсь, не никогда не был столь примерным сыном, какого заслуживал мой отец. И лишь когда... когда его убили... Только тогда я понял, как он страдал по моей вине.

С этого дня Самуэль стал искать общества Мириам. Теперь он чаще, чем прежде, навещался в дом Йосси и Юдифи, втайне надеясь, что и она заглянет к ним в гости. Почти каждый день он теперь провожал Даниэля до самого Старого города, где тот жил вместе с матерью, зная, что эта женщина непременно пригласит его выпить чаю. Однажды он спросил у Каси, не слишком ли ее затруднит пригласить в гости Йосси с семьей, чтобы всем вместе встретить субботу. Со дня смерти Якова и Ариэля суббота превратилась из праздника в тяжкую обязанность, и все с нетерпением ждали, чтобы она поскорее прошла.

— Конечно, милости просим! — неожиданно ответила Кася. — Мы всегда им рады. Мы с Руфью приготовим праздничный обед. А хочешь, мы пригласим и Дину тоже? Мы бы и Хасана с Лейлой позвали, но никак не решимся. Лейла еще не пришла в себя после гибели Салаха. Да и Саида... Ты же знаешь, она еле ходит — так постарела...

— Это было бы замечательно: мы так давно не собирались все вместе за общим столом!

Как ни горько было Касе в этот вечер, но она считала, что не вправе омрачать своим горем жизнь остальных обитателей Сада Надежды. Для нее, как и для Руфи, жизнь остановилась в ту минуту, когда оборвалась жизнь их мужей. Но у обеих были дети, Игорь и Марина, и они не обязаны были всю жизнь носить траур, как решили для себя их матери. Кроме того, в эту субботу Кася собиралась поговорить о недалекой уже свадьбе Марины и Игоря. Она знала, что Марина не любит Игоря так, как любила Мухаммеда, но при этом считала, что дочери следует устроить свою жизнь, а это значит, что Мухаммеда она должна забыть.

Этот обед доставил даже больше радости, чем они ожидали. Кася и Руфь приготовили несколько блюд по сефардским рецептам, которыми собирались удивить Юдифь и Мириам. Дина наготовила таких чудесных сладостей, что все пришли в восторг. Да, в эту субботу все чувствовали себя почти счастливыми, а Дина прямо-таки сияла: только что она узнала, что Марина скоро выйдет замуж за Игоря. Дина до сих пор чувствовала себя виноватой, и теперь у нее словно гора с плеч свалилась: она не сомневалась, что так будет лучше и для Марины, и для Мухаммеда.

Изекииль закрыл глаза. Мариан встревожилась, заметив, как он устал, и предложила отвезти его обратно домой.

— Да, думаю, на сегодня достаточно, — согласился он.

— Я не хочу иметь проблемы с вашей внучкой и тем более с вашим внуком Йонасом, — пошутила она.

— Не волнуйтесь. Внучка пытается защитить меня даже от самого себя, и я ей это позволяю. Что же касается Йонаса... В моем возрасте приятно, когда кто-то о тебе заботится.

Направляясь к машине, старик оглядел встревоженное лицо Мариан.

— Что с вами?

— Ничего... В общем, дело в том... эти разговоры — совсем не то, чего я ожидала, но они очень помогли мне понять.

— Ну надо же, вот это и правда сюрприз! Но я вам верю. Я уже вам говорил, когда мы только начали, что и евреям, и арабам не хватает способности влезть в шкуру другого. И вам тоже не повредит избавиться от некоторых предубеждений. Я ни в чем не собираюсь вас убеждать, просто рассказываю свою историю, которую вы сплетаете с другими историями. И раз уж вы встречались с семьей Зиядов, то должны понимать, что я говорю правду.

— Каждый проживает одни и те же события немного по-разному, — заметила Мариан.

— Конечно, даже сейчас эти беседы для вас имеют иное значение, чем для меня. Все человеческие существа уникальны.

— Как вы считаете, мы...?

— Могли бы мы продолжить беседу? Конечно же, да. Сейчас вы проводите меня домой, я приглашу вас на чай, а потом приедет внучка, и вы продолжите свой рассказ. И если мы не закончим сегодня, то продолжим завтра. У меня всё равно нет никаких важных дел, а у вас? Ваша организация согласна на то, что вы тратите время со стариком вроде меня?

— Речь идет не о трате времени, а о работе, ради которой я приехала. Мне нужно знать, понимать... — и произнося эти слова, она также говорила своим прямым и открытым взглядом, насколько ценит Иезекииля.

***

Айша родила сына, которого назвали Рами. Он появился на свет в Аммане, в последние дни Великой войны. Юсуф в те годы почти не видел жену. Он дрался вместе с Файсалом и перемещался из одного места к другому, от песков Акабы в Дамаск, из Дамаска в Иерусалим, и всегда, когда выдавалась возможность, старался тайно пробраться в Амман, чтобы повидаться с со своей овдовевшей матерью, братьями и Айшой, которая молча страдала, скучая по матери и бабушке, а ночами плакала в отчаянии, решив, что больше никогда с ними не встретится.

— Твоя жена не слишком-то счастлива, — сказала однажды Юсуфу мать.

Он об этом знал. Он не мог пожаловаться на Айшу, но замечал, что ее черные и когда-то блестящие глаза потухли и потеряли веселость, что она покорно его принимала, но не любила.

Однажды ночью, когда ему удалось добраться до дома в Аммане, он поговорил с

Айшой.

— Ты меня не любишь? — спросил он с упреком. — Ты жалеешь о нашей свадьбе?

Она больше не могла сдерживаться и разрыдалась. Она его любит, заверяла Айша, но скучает по матери и бабушке, вспоминает своего брата Мухаммеда, горюет по убитому отцу. Ей кажется, что от Аммана до Иерусалиса — как до луны.

— Я почти тебя не вижу... Твои родные добры ко мне, но...

— Но ты была бы намного счастливее, если бы могла вернуться к матери.

Айша обняла мужа. Она не осмеливалась сказать, что хочет этого больше всего на свете.

— Я отвезу тебя к матери. Ты останешься там до конца нашей борьбы. Твой брат о тебе позаботится. Когда всё закончится, мы вернемся сюда.

Юсуф выполнил обещание, несмотря на материнские упреки.

— Жена обязана жить в доме мужа, — заявила она. — Что скажут люди о тебе, обо всех нас, если ты позволишь ей вернуться в Иерусалим?

— Мой дом — там, где Айша. Если она захочет, то мы переедем в Иерусалим. Где такое написано, что она должна быть несчастна? Айша еще так молода.

— Ты же сам обращаешься с ней, как с ребенком, и не требуешь, чтобы она вела себя, как положено замужней женщине, имеющей обязательства.

— Мама, но ты же сама сказала, что Айша несчастна.

— Да, сказала. Потому что считаю, что ты должен об этом знать. Но это не значит, что ты должен потакать всем ее капризам.

— Я увезу ее в Иерусалим. Мы будем жить там.

Слова матери не убедили Юсуфа. Он любил Айшу и хотел, чтобы она была счастлива.

А Дина не могла бы быть более счастливой, когда все дети оказались рядом. Мухаммед только что вернулся домой после того как с честью и смело сражался в войсках Файсала. Ее сын участвовал в завоевании Ливана и Сирии. Дина растрогалась, узнав из уст Мухаммеда о том, с каким триумфом Файсал вошел в Дамаск.

— Ты бы только видела, мама... улицы полны народом — мужчины пришли с женами и детьми. Женщины радостно кричат. Мы вошли в город первыми, если бы не принц Файсала и арабские войска, город бы не сдался.

— Думаешь, нам будет лучше без турков? — спросила Саида, которая, похоже, чувствовала себя лучше и уже не проводила столько времени в постели, хотя еще была слаба.

— Отца убили из-за того, что он в это верил, — ответил бабушке Мухаммед.

— А этот человек, этот британский офицер, почему он питает такую симпатию к арабам? — поинтересовалась Дина.

— Ты имеешь в виду Лоуренса? Он друг Файсала и его советчик. Лоуренс — человек слова, к сожалению, начальство не всегда прислушивается к его словам. Он дрался как никто другой, всегда показывал храбрость в сражениях. Лоуренс поддерживает требования шарифа Хусейна и считает, что как только мы победим турков, то должны создать большое арабское государство.

Обе женщины слушали его с интересом, но и с тревогой. Они родились, выросли и жили в убеждении, что в Стамбуле правит султан, чья власть распространяется и на их город, и их беспокоило надвигающееся будущее.

Дина не осмелилась высказать это Мухаммеду, но в прошлом она обсуждала с мужем эту мечту о большом арабском государстве и винила своего брата Хасана в том, что он забил Ахмеду голову этими идеями, которые теперь угнездились и в голове ее сына.

Мухаммед старался лишний раз их не волновать и перевел разговор на тему скорого приезда Айши.

— Через пару дней сестренка со своим сыном будут с нами. Юсуф вряд ли сможет остаться больше, чем на несколько часов, ему нужно вернуться к Файсалу.

Дина безумно обрадовалась приезду дочери. Саида, хотя тоже очень хотела увидеть внучку, выглядела озабоченной.

— Для матери Юсуфа возвращение к нам Айши будет оскорблением, — заявила она.

— Юсуф попросил меня присмотреть за Айшой, он собирается поселиться в Иерусалиме, как только не будет нужен Файсалу, — сказал Мухаммед.

— И ты пообещал принять сестру и ее сына, не подумав о последствиях, — посетовала Саида.

— Бабушка, моя сестра очень худа, у нее нет молока для сына, и, похоже, она впала в меланхолию, от которой ее не может избавить даже материнство. Что я мог сказать зятю? Айшу всегда примут у нас с радостью.

— Но ты ведь и сам собираешься жениться, — напомнила Саида. — Положим, мне осталось недолго жить, но как по-твоему: захочет ли твоя будущая супруга жить вместе с твоей бабушкой, матерью и сестрой?

— Сальме известны мои обстоятельства. Ее отца повесили рядом с моим, а мать умерла вскоре после этого. С тех пор она живет в доме старшего брата и с нетерпением ждет, когда у нее будет собственный дом. Она относится к вам с большим уважением и станет Айше хорошей подругой. Надеюсь, у нас скоро появятся дети, и они смогут играть с сыном Айши и Юсуфа.

Мухаммеду хотелось бы вернуться в войска Фейсала, но его присутствие требовалось в Иерусалиме. Хасан заболел, его супруга Лейла просто обезумела после смерти своего сына Салаха, а Халед стал офицером в войсках Фейсала. Кроме того, в доме и саду требовались мужские руки. Война закончилась, хотя Юсуф говорил, что сейчас как раз настало время заставить британцев выполнить все обещания. Но он не верил европейцам, после того как шарифа Хусейна предали те двое — британец Марк Сайкс и француз Шарль-Франсуа Пико. Их назначили от имени двух стран вести переговоры о большом арабском государстве, о котором грезил Хусейн.

Принца Фейсала заверили, что договор Сайкса-Пико — это всего лишь бумага, подписанная на песках пустыни, и ничего не значит, но как теперь можно было доверять европейцам?

Увидев Айшу с ребенком, Дина не смогла сдержать слез. Пока Мухаммед помогал Юсуфу разгружать багаж, Дина и Саида спорили, кто из них первой возьмет на руки маленького Рами. Малышу было уже семь месяцев, но, по словам Саиды, он был очень уж худеньким.

— Ребенок совершенно здоров, — заверил Юсуф. — Моя мать очень о нем заботится, так что у него есть всё, что нужно.

— Конечно, конечно... но он такой маленький! Айша, я приготовила для вас свою комнату, а сама буду спать с бабушкой. Вам будет там удобно? — Дина беспокойно рассматривала дочь, которой, казалось, не было дела до того, что происходит вокруг.

— Мы прекрасно устроимся, надеюсь, что скоро у нас будет собственный дом, — ответил Юсуф.

Саида и Дина помогли Айше разобрать вещи, предоставив мужчинам говорить о своих

делах.

— Мне хотелось бы, чтобы ты сходил со мной к Омару Салему. Он пригласил на ужин нескольких друзей и попросил привести тебя. Он очень ценил твоего отца, — сказал Юсуф Мухаммеду.

Тот кивнул. Омар всегда выказывал у нему уважение и был влиятельным человеком в Иерусалиме, пренебречь просьбой которого он не мог. Пока зятя разговаривали, а Саида пыталась напоить молоком маленького Рами, Дина, помогавшая Айше разложить одежду малыша, поинтересовалась у дочери, почему она так несчастна.

— Каждую ночь мне снится, как полиция уводит отца. Ты помнишь то, мама? женщины разговаривали и пели. Я нервничала, как все невесты в день свадьбы. И вдруг ворвались эти люди, растолкали гостей, набросились на отца и увели его, не обращая внимания на просьбы подождать до конца свадьбы. Тот вечер превратился в вечер рыданий. Юсуф — лучший в мире мужчина, терпеливый и заботливый, но свадьба с ним всегда будет полна плохих воспоминаний, самых худших в моей жизни.

— Ты что, не любишь мужа? — спросила Дина, боясь услышать ответ.

— Не знаю, мама, не знаю. Думала, что люблю... Он казался таким красивым, мужчина, который много повидал, храбрый воин на службе у шарифа Хусейна и принца Фейсала. Чего еще я могла желать? Судьба женщины — выйти замуж, а я не могла найти мужа лучше. Люблю ли я его? Наверное, любила бы, если бы свадьбу не запятнала отцовская кровь.

— Твоему отцу больно было бы видеть тебя такой. Ты была светом его очей и ради его памяти должна постараться стать счастливой.

— Думаешь, что я не сделала всё от меня зависящее, чтобы не обмануть ожидания Юсуфа? Я уже сказала тебе, что он лучший мужчина в мире и не заслуживает жену вроде меня. Я знаю, что ему пришлось пойти против материнской воли, чтобы привезти меня сюда, потому что он считает, что рядом с тобой я обрету покой. Чем больше меня любит Юсуф, тем хуже я чувствую себя — ведь я не могу ответить ему такой же любовью.

— Мужское терпение безгранично... Он может с тобой развестись или взять другую жену, и тогда...

— Я не стану его в этом винить. Кто будет любить женщину, которая вечно плачет? Даже хорошей матери из меня не вышло, посмотри на Рами, я не могу его накормить, если бы не свекровь, не знаю, что бы с ним стало...

Дина обняла дочь, чувствуя ее боль как свою. Она погладила ее по голове и поцеловала, чтобы успокоить.

— Теперь ты дома, и вот увидишь, как потихоньку тебе станет лучше. Но ты должна и сама приложить усилия, у тебя есть муж и сын, и обязательства перед ними. У отца разорвалось бы сердце при виде твоих страданий.

Айша разрыдалась в объятьях матери. Но это были не только слезы горечи, но и облегчения. В теплых руках Дины она обрела дом, и если что и могло облегчить ее состояние, так это материнская забота.

Они по-прежнему обнимали друг друга, когда их настойчиво позвала Саида.

— Малыш голоден, ему не хватает молока. К тому же я устала и хочу прилечь.

***

Омар тепло обнял Мухаммеда и пожурил его за то, что не пришел раньше.

— Ты ведь знаешь, что тебя всегда тепло примут в этом доме, как и твоего отца, а твое

мнение оценят, как ценили его. Ты, как и он, боролся вместе с самыми храбрыми и вернулся домой, исполнив долг чести, — сказал он, зная, что Мухаммед тяготится тем, что покинул войска Фейсала.

За едой мужчины слушали новости, которые привез Юсуф, и наслаждались рассказом о покорении Дамаска.

— До нас дошли противоречивые слухи о конференции в Париже. Скажи, Юсуф, те силы, что выиграла войну, выполняют свои обязательства перед нами? — спросил Омар Салем.

Юсуф был настроен пессимистично.

— Мне мало что известно, я лишь знаю, что Франция хочет получить мандат на управление Сирией и Ливаном. Она требует Ливан для христиан-маронитов. В Париже давят на Фейсала, чтобы он согласился на раздел, предложенный Сайксом и Пико от имени их правительств, британского и французского, но принц сопротивляется и отстаивает дело, за которое мы боролись — арабское государство. Именно за это мы дрались с турками.

— И они этого добьются? — в тревоге спросил Омар.

— Нет, — заявил Мухаммед, прежде чем Юсуф смог ответить.

— Почему ты так считаешь? — поинтересовался один из гостей Омара.

— Потому что британцы лишь хотят покончить с Османской империей, а не заменить ее на другую. Юсуф уже объяснил, что у французов есть собственные интересы. Кончится тем, что земли разделят.

— С каждым разом в Палестину прибывает все больше евреев, — заметил другой приглашенный.

— Евреи Фейсала не беспокоят, они нам не враги, по крайней мере пока, когда согласны стать частью большого арабского государства. А кроме того, Фейсал встречался с еврейским лидером, доктором Вейцманом, — объяснил Юсуф.

— И они пришли к соглашению? — спросил Омар.

— Ни шарифа Хусейн, ни его сына Фейсала не волнует, что здесь живу евреи. Мы боролись за арабское государство. Если евреи поддержат наши требования, остальное не имеет значения, — снова вмешался Юсуф, устав от того, что друзья больше беспокоятся о Палестине, чем о создании большого арабского государства.

— Британцы дали евреям права на Палестину. Как они посмели? Они говорят, что это будет домом для всех евреев, а ведь это наша земля, — заявил один из гостей.

— Мы сами продали им земли, не стоит винить в этом евреев, — отозвался Мухаммед.

— Ты прав, Мухаммед, — согласился Юсуф, который знал о его близких отношениях с евреями, поселенцами Сада Надежды.

— Значит... — продолжал Омар Салем.

— Тебе следует знать, Омар, что на конференции в Париже Фейсал склонил на нашу сторону президента Вильсона. Американец настаивает на том, что нельзя предпринимать больше ни единого шага без консультаций с нами, и по его совету создали комитет, который займется землями, что желают получить арабы, — объяснил Юсуф.

— И кто входит в этот комитет? — спросил кто-то.

— Американцы: ректор университета, мистер Генри Кинг, и промышленник Чарльз Крейн.

— Это просто потеря времени! Что они такого могут выяснить, чего еще не знают? Шариф Хусейн ясно объяснил причины, по которым мы боролись с турками и помогли

выиграть войну. Нам нужно свое государство. Неужели Фейсал это забыл? — гневно поинтересовался один из гостей.

— Насколько я знаю, эти американцы, Крейн и Кинг, уже на пути в Дамаск, — сообщил Юсуф.

— И мы должны принять из рекомендации, невзирая на то, за что боролись? — в голосе Омара звучало раздражение.

Юсуф пожал плечами. Ему больше нечего было сказать, он верил в Фейсала, принцип знал, как себя вести.

— Завтра я возвращаюсь в Дамаск. Надеюсь, что в следующий раз привезу вам более отрадные новости.

Вернувшись домой, Мухаммед и Юсуф застали трех женщин за разговором. Юсуфу показалось, что выражение лица Айши переменилось. Это еще не была радость, но и боль страданий немного смягчилась.

Айша держала на руках Рами, и Юсуф растрогался, увидев, как она улыбается сыну, который никак не желал засыпать.

Когда они удалились к себе в комнату, Айша рассказала Юсуфу, что приходили Кася и Марина, чтобы познакомиться с Рами.

— Марина такая красивая... Я была бы счастлива назвать ее своей сестрой.

— Твой отец был прав, Айша. Мухаммеду лучше жениться на женщине, с которой у него общие корни.

— Но чем Марина так уж отличается от нас? — возразила Айша. — Мы знаем друга друга с детства. Она всегда была мне старшей сестрой. Мухаммед влюбился в нее с первого взгляда. И... Признаюсь честно, я уверена, что хотя он и собирается жениться на Сальме, он все еще продолжает ее любить.

— Это не наше с тобой дело, и мы не должны вмешиваться. Мухаммед — ответственный и мужественный человек, он знает, что делает. Поверь мне, он будет счастлив с Сальмой.

— Но намного счастливее он был бы с Мариной, — не сдавалась Айша, которая, казалось, немного ожила.

На рассвете Юсуф отправился в Дамаск, чтобы присоединиться к Фейсалу. Как и Мухаммед, он хотел, чтобы поскорее настал мир, чтобы он мог жить с Айшей. Он не получал удовольствия от своего брака. Арест тестя в день свадьбы омрачил начало совместной жизни с Айшой. Первые дни они провели в тоске, зная, что Ахмеда приговорят. После того как его повесили, Айша впала в депрессию, от которой ее не спало даже рождение Рами. Но Юсуф любил ее и хотел дать время, чтобы зажили раны.

Жизнь в прежнем доме была для Айши лучшим лекарством. Мать и бабушка баловали ее, как в детстве. Ее единственной заботой было наблюдать, как стареет бабушка — та почти не вставала и потеряла аппетит. Айша боялась, что она умрет, и молилась Аллаху, чтобы позволили Саиде прожить еще несколько лет.

Айша начала получать удовольствие от общения с сыном. Она винила себя не только в том, что ей не хватает молока, но и в том, что не любит его так же безумно, как другие матери своих детей. Всё еще пребывая в печали после гибели отца, она делала все машинально, не замечая ничего вокруг. Но теперь постоянно находилась рядом с Рами, и мальчик прибавлял в весе день ото дня и начал улыбаться.

Она возобновила отношения с Мариной, каждый вечер поджидая ее у дверей

лаборатории. Марине нравилось брать на руки Рами, она пела ему и щекотала, чтобы мальчик засмеялся.

— Ты любишь Игоря? — спросила однажды Айша.

— Достаточно, чтобы выйти за него замуж, — честно ответила Марина.

— А я почему-то думала, что ты выйдешь замуж за Михаила, — призналась Айша.

— За Михаила? Да, он очень красив, и я ему сначала понравилась, но с тех пор, как он увидел Ясмин, он больше ни на кого не смотрит.

— А тебе он нравился? — не отставала Айша.

— Да, он хороший парень, но с ним довольно трудно. А впрочем, это неважно. Так или иначе, а я выхожу замуж за Игоря.

— Думаю, вы будете счастливы. Мама говорит, что Игорь очень серьезный и ответственный, и что он будет о тебе заботиться.

Время от времени они вспоминали отцов, Ахмеда и Якова, и это их еще больше спланивало. Оба погибли по вине разгромленной Османской империи, Айша, как и Марина, ненавидела всех турков.

Они не осмеливались заговорить только о Мухаммеде. Айше хотелось бы этого, но она знала, что может причинить Марине боль, и потому ничего не рассказывала о приготовлениях к его свадьбе с Сальмой.

Мухаммед уже давно был бы женат, если бы не война. Ее брату уже исполнилось двадцать семь лет, как и Марине.

— Мухаммед хочет попросить Самуэля, чтобы тот позволил ему расширить дом, — сообщила Дина дочери.

— Расширить? Но, по-моему, здесь и так достаточно места.

— Боюсь, что уже недостаточно, — ответила мать. — Собственно говоря, это идея твоей бабушки, и, между прочим, совершенно правильная. Сальме не помешало бы иметь парочку собственных комнат, чтобы не наткаться на нас на каждом шагу.

— Но ведь они будут жить с нами! Мы же будем одной семьей! — возмутилась Айша, вспомнив, что и сама когда-то жила со свекровью.

— Да, мы будем жить одной семьей, но это не значит, что у Сальмы не должно быть своего личного пространства. И знаешь, дочка, что я тебе скажу? Конечно, это давняя традиция — чтобы невестка жила в доме свекрови, но вот сама я не уверена, так ли это хорошо, — призналась Дина.

Айша была совершенно с этим согласна, когда речь шла о ее свекрови, но когда дело касалось Дины, она даже представить себе не могла, что может быть лучше, чем жизнь под крылышком ее матери.

Мухаммед ухаживал за садом и работал в карьере. Но в отличие от отца он не трудился от рассвета до заката, таская камни — Иеремия сделал его бухгалтером.

— Мне нужен человек, которому я могу доверять, чтобы занимался продажей камня и вел счета. Ты учился в Стамбуле, знаешь законы и можешь выполнять эти функции.

Для Мухаммеда это оказалось удачей. Не потому, что он боялся тяжелой работы, в конце концов, на войне он привык к трудностям, но потому что знал — это понравилось бы отцу. Игорь хорошо воспринял это новое разделение обязанностей. Каждый был на своем месте, они хорошо ладили, хотя и не были друзьями. Но оба потеряли отцов от рук турков, и это создало между ними связь даже вопреки собственным желаниям.

Однажды вечером Мухаммед отправился в Сад Надежды, чтобы поговорить с Самуэлем.

Рут и Кася уговаривали его остаться на ужин, и он согласился. Он по-прежнему чувствовал неловкость в присутствии Марины, в особенности, когда видел ее рядом с Игорем, но прилагал усилия, чтобы вести себя естественно, как и она.

Ночь была теплой, и после ужина Самуэль пригласил Мухаммеда прогуляться и выкурить по сигарете.

Мухаммед ценил и уважал Самуэля, как и его отец. Ахмед считал его щедрым другом и справедливым человеком.

— Через несколько недель я женюсь.

— Знаю, и от всего сердца желаю тебе счастья. Отец гордился бы тобой. Иеремия не перестает тебя расхваливать, говорит, что дела пошли гораздо лучше, когда ты занялся счетами и переговорами с клиентами.

— Я хотел бы взять в аренду больше земли. Мне нужно расширить дом и сад, надеюсь, что ты не возражаешь.

Самуэль молчал, и это встревожило Мухаммеда, но он тоже ничего не говорил в ожидании ответа.

— Можешь на это рассчитывать, хотя мне нужно посоветоваться с Касей и Руфью, ты же знаешь, что Сад Надежды принадлежит и им тоже.

— Знаю... и хочу поблагодарить тебя, что ты ни разу не поднял арендную плату за все эти годы. Мы платим столько же, как когда вы купили землю...

— И будете платить столько же, ни единой монетой больше.

— Но если я расширю землю...

— Всё равно. Я уже сказал. Тебе нужно заботиться о семье, у вас с Сальмой скоро появятся дети.

Однако Самуэль не объяснил ему, что именно собирается сказать Касе и Руфь. Мухаммед страшно удивился, когда через несколько дней Самуэль появился в карьере. Он некоторое время разговаривал с Иеремией, и тот подозвал Мухаммеда.

— Как ты уже знаешь, по закону необходимо твое согласие, чтобы устроить дело, — рассмеялся он.

Мухаммед и представить себе не мог, что речь шла о том, чтобы владельца Сада Надежды отдали семье Зиядов несколько акров земли, ту, на которой находился их дом и сад и еще дополнительно. Если бы он так не зачерствел во время войны, Мухаммед разрыдался бы. Но он отказался принять подарок.

— Я предпочитаю выкупить землю. Если цена будет не очень большой и вы позволите выплачивать постепенно... Отец говорил, что ценно лишь то, что далось не без труда.

Самуэль понял, что для Мухаммеда выкупить собственный дом — это вопрос гордости и чести, так что он установил цену, которую тот мог себе позволить.

Подписав договор, они обнялись, а потом направились в Сад Надежды, где их ждали Кася и Руфь.

— Мы хотели, чтобы это была свадебным подарком, — улыбнулась Кася.

— Эта земля в такой же степени твоя, как и наша, — сказала Руфь. — Мы с вами работаем на ней с одинаковым усердием.

Игорь и Марина тоже порадовались новостям. Марина даже пошутила, сказав:

— Не забудь, что мы социалисты. А именно так и должен поступать настоящий социалист — экспроприировать свою же собственность, чтобы разделить ее, хотя, как видишь, ты нам этого не позволил.

С того дня, как повесили его отца, Мухаммед впервые чувствовал себя счастливым.

Дина и Саида расплакались от радости, а Айша побежала обнять Марину.

Дружба между Зиядами и обитателями общинного дома Сада Надежды, похоже, была вновь восстановлена и на более прочной основе, чем при жизни Ахмеда, а Мухаммед и Марина заключили перемирие, последовавшее за их свадьбами.

Мухаммед женился холодным февральским днем 1919 года. Свадьба была очень скромной. В сердце Сальмы, как и Мухаммеда, еще жива была боль утраты: их отцов повесили в один и тот же день, по одному и тому же обвинению.

У Сальмы были каштановые волосы с медным отблеском и карие глаза. Она была среднего роста и прекрасно сложена. Но более всего покоряла ее доброта. Это была необычайно добрая и нежная женщина, всегда готовая помочь ближнему.

— Ее невозможно не полюбить, — призналась Айша матери.

Айша боялась, что их встреча причинит Марине боль, но та была любезна с Сальмой, похвалила ее свадебное платье, встретила со всеми женщинами семьи и настояла на их присутствии на свадьбе.

Дина была крайне довольна невесткой. Та во всем слушалась свекровь, и хотя Мухаммед расширил дом, чтобы они могли побыть наедине, Сальма проводила все дни со свекровью и старой Саидой, а по мере возможности помогала Айше с малышом Рами, который уже начал делать первые шаги.

Эти спокойные дни были омрачены лишь болезнью Саиды. Та ходила с большим трудом; при малейшем усилии ее начинала мучить одышка, и она выглядела совершенно измученной.

А однажды утром Саида даже не смогла встать с постели. Пульс у нее почти не прощупывался. Дина отправила Айшу в дом Самуэля за лекарствами.

Самуэля на месте не оказалось, но к Саиде пришел молчаливый старик Натаниэль, недавно поселившийся в Саду Надежды, который, по словам Самуэля, был гораздо лучшим аптекарем, чем он сам. Он не был врачом, но знал о болезнях достаточно, чтобы понять, что сердце Саиды устало биться.

— Я пошлю Даниэля в город, пусть он сходит за дядей. В этот час Йосси обычно навещает больных, но я уверен, что он придет сразу, как только сможет.

Даниэль пустился бежать со всей скоростью, и уже через час вернулся вместе со своим дядей Йосси.

Саида открыла глаза и улыбнулась.

— Когда я смотрю на тебя, мне кажется, что я вижу твоего отца, нашего доброго Абрама, — произнесла она слабым шепотом. — Ты так похож на него...

Йосси осмотрел Саиду и прощупал пульс. Потом он прошептал что-то на ухо Натаниэлю, и тот вышел, направившись в лабораторию, поискать нужные препараты.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал Йосси Саиде.

— Мне уже ничего не поможет, — произнесла она. — Твой отец, наш добрый Абрам, никогда не обманывал своих пациентов. Абрам никогда не обещал, что сумеет вылечить человека, если точно знал, что на самом деле не может его спасти.

— Я тоже не хочу тебя обманывать. Твое сердце совсем изношено, и ты знаешь это лучше меня.

— Я достаточно долго жила на свете, и хотя я много страдала, жизнь того стоила. Теперь пришло мое время наконец-то воссоединиться с родителями, с отцом моих детей и

со всеми, кого я любила. У меня больше нет сил оставаться в этом мире...

Натаниэль вернулся с пузырьком, отдал его Йосси, а тот попросил Дину накапать пару капель в воду и дать Саиде.

— Если поднять голову повыше, вам будет легче дышать, — сказал он, поправляя подушку.

В течение двух дней и ночей Саида прощалась со своими родными и близкими, а сердце ее билось все тише. На третью ночь она впала в забытие и к рассвету умерла.

Дина оставалась рядом с матерью, как и Айша, которая доверила малыша Рами заботам Сальмы. Кася и Руфь часто заходили, стараясь не побеспокоить больную, но всеми силами помочь.

Они тоже оплакивали Саиду. Дина и ее брат почувствовали себя осиротевшими. Хасан оплакивал смерть матери, но эти слезы были и по Салаху, погибшему на войне, и по лишившейся разума Лейле. «Что у меня осталось в жизни?» — повторял он, не находя утешения даже в объятьях Халеда, единственного оставшегося сына.

Кася не находила слов, чтобы утешить Дину, но по крайней мере старалась не оставлять ее в одиночестве и каждый день ее навещала. Дина видела в морщинках Каси отражение своих собственных. Белая, как молоко, кожа, которая так ее восхищала в Касе, когда они только познакомились, теперь потемнела и огрубела, как и ее собственная. Они вместе состарились, и отчуждение, вызванное разрывом Мухаммеда и Марины, не продлилось долго.

Дина восхищалась силой воли Каси и ее готовности трудиться на их общей земле. Она была ей ближе, чем собственная невестка Лейла. С Касей они могли поделиться сокровенными мыслями, поплакать и посмеяться вместе. Она была подругой, самой близкой, самой любимой. Теперь Кася находилась рядом и молча ее поддерживала.

Дина старалась плакать только тогда, когда этого не видели Мухаммед и Айша. Она не хотела, чтобы дети испытали еще больше боли, они и так достаточно пережили. Лишь малыш Рами мог вызвать у нее улыбку. Мальчик с каждым днем становился всё непоседливее и не давал ни секунды отдыха.

В скором времени Сальма объявила, что ждет ребенка. Это произошло в день свадьбы Марины с Игорем.

За несколько часов до брачной церемонии она пришла в Сад Надежды, чтобы поздравить невесту и вручить ей свадебные подарки. Дина приготовила свои знаменитые сласти, которые Марина так любила. Вручив подарки, Сальма поспешила уйти, несмотря на все протесты Каси, которая требовала, чтобы она осталась.

— Не могу, Кася, не могу, я постоянно готова расплакаться, так что из меня выйдет плохая компания. Я попросила зайти Айшу и Мухаммеда, но из уважения к памяти Саиды они отказались. Еще не прошло достаточно времени, чтобы мы могли разделить с вами радость на свадьбе.

Они ее не винили. Когда Кася и Руфь носили траур по погибшим мужьям, они тоже не стали бы принимать участие в веселье. Но отсутствие Дины их огорчило.

— Вы все — часть нашей необычной семьи, — сказала Кася.

Марина была красива, как никогда, хотя и казалась немного грустной, а Дина заметила, как лихорадочно блестели ее глаза, когда она принимала поздравления от Мухаммеда и Сальмы.

Если бы это мгновение длилось вечно, если бы на их долю не выпали новые беды...

1920 год оставил глубокую трещину в жизни всех обитателей Сада Надежды.

11. Трагедия

Несколько секунд они молчали, погруженные в свои мысли. Эти краткие мгновения тишины до того, как вернуться к реальности, уже вошли в привычку.

— Думаю, на сегодня достаточно, — в голосе Изекииля звучала усталость.

— Вы правы, я... что ж, мне кажется, я злоупотребляю вашим гостеприимством.

— Не беспокойтесь, думаю, что этот долгий разговор был полезен нам обоим.

— Полезен? Мне бы не пришло в голову так выразиться...

— Поразмыслите над этим и поймете, что я прав. Как считаете, может завтра прогуляемся по Старому городу?

— Если хотите...

— Когда вы уезжаете? Думаю, что ваша организация не позволит вам задержаться здесь надолго.

— Мы разумно тратим время и деньги, но никто и не указывает нам, как делать свою работу.

— Так значит, время у вас есть.

Мариан пожала плечами. С тех пор как она приехала в Иерусалим, она ощущала, что время утекает сквозь пальцы, но не считала это проблемой, по крайней мере сейчас.

— Для чего вы хотите прогуляться по Иерусалиму?

— Потому что считаю, что вам стоит своими глазами увидеть те места, где все это происходило. Итак, завтра в десять, возле дверей храма Гроба Господня?

Она кивнула, удивленная, но в готовности попасть в положение, которое не сможет контролировать.

— Хорошо, я приду.

Приехав в отель, она позвонила в Брюссель. Мишель, исполнительный директор организации по делам беженцев, похоже, был не в духе.

— Аллилуйя, ты жива! — язвительно воскликнул шеф.

— Разумеется, жива, что еще за глупости? — ответила она, защищаясь.

— Мы три дня ничего о тебе не слышали. Ты что, думаешь, что ты в отпуске?

— Ладно, Мишель, не надо так, я была занята. Здесь не всё так просто. Я не могу закончить доклад, если не поговорю с людьми.

— Ты уже неделю в Израиле. Этого что, не хватило? Эту страну можно за день всю проехать.

— Не так всё просто... Ладно, первую часть задачи я выполнила. Палестинцы готовы сотрудничать, но израильтяне не слишком нас любят и не доверяют.

— Да, и что с того?

— А то, что мне показалось необходимым, помимо официальных бесед с министрами и депутатами, поговорить и с простыми израильтянами на месте, именно этим я и занимаюсь.

— Если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты вляпалась в какое-нибудь любовное приключение, хотя... Знаешь, что? Такое может произойти, когда занимаешься «полевой работой».

— Говори за себя, — раздраженно буркнула она.

— Хорошо, когда ты вернешься?

— Точно не знаю, думаю, денька через три-четыре.

— А это не слишком мало? — с иронией ответил он.

— Возможно. В этом случае я тебе позвоню.

— Два дня, и ни минутой больше. Или ты работаешь как следует, или можешь вообще не возвращаться. Два месяца ты провела в Руанде, месяц — в Судане, еще месяц...

— Я тебя умоляю!

— Мариан, это ведь просто работа, ничего более. Сделай ее как можно лучше, но не влезай в это, ты там не для того, чтобы урегулировать конфликт. Твой доклад должен быть у меня на столе утром в понедельник.

У Мариан не было времени для ответа, потому что Мишель повесил трубку.

В храм Гроба Господня хотели войти несколько групп туристов. Гид группы американцев просил их не отходить далеко. Священник вел многочисленную группу испанцев. Несколько скромно одетых женщин, которых Мариан приняла за монахинь, похоже, пришли в полный восторг, пока ожидали своей очереди, чтобы войти в церковь.

Она с нетерпением ожидала прихода Изекииля. Мариан встала рано и долгое время бродила по Старому городу. С самого раннего утра она поднялась до Купола скалы, где находится мечеть Омара. Потом у Стены плача наблюдала за проходящими и уходящими иудеями.

Направляясь к храму Гроба Господня, она разглядывала разномастные магазинчики с кучей всякого барахла для туристов.

Изекииль прибыл ровно в десять и застал Мариан врасплох.

— Я не заметила, как вы появилась.

— Знаю. Вы пребывали в такой задумчивости, и, я бы сказал, были чем-то озабочены.

— Я наблюдала за людьми.

Старик не настаивал, взял ее под руку и пригласил на прогулку.

— Давайте пройдемся по городу, а потом вернемся сюда. Думаю, вы уже были в храме Гроба Господня.

— Да, и не устаю удивляться набожности тех, кто посещает его впервые.

— Могу я спросить: вы верите в Бога?

Мариан взглянула на него раздраженно.

— Почему вы задаете этот вопрос? Вы злоупотребляете моим доверием.

— Не отвечайте, в этом нет необходимости, — сказал Изекииль, заметив ее дискомфорт.

— А вы? Во что верите вы? — спросила Мариан, и в ее тоне чувствовался вызов.

— Мне бы хотелось верить. Я нуждаюсь в вере. Но не знаю, верю ли.

На Мариан ответ произвел впечатление. Она чувствовала то же самое, именно это ее и беспокоило.

— Почему вы хотели, чтобы мы пришли сюда? — спросила она, чтобы положить конец этой теме.

— Потому что, как я уже сказал вчера, вы могли бы лучше понять мой рассказ, если мы прогуляемся по тем местам, где происходили некоторые события.

Изекииль шел медленно, чтобы Мариан двигалась с ним в ногу и слушала.

— Давайте вернемся в 1920-е годы, — начал он.

— Хорошо.

***

Самуэль и Натаниэль проводили нескончаемые часы у себя в лаборатории, составляя новые лекарства и проводя испытания. Тем не менее, от работы в поле их тоже никто не освобождал. Кася теперь твердой рукой правила Садам Надежды, не уставая всем напоминать, что у каждого есть свои обязанности перед общиной, которые заключаются в обработке земли и помощи по дому, а кроме того, никто не имеет права тратить ни единого гроша, не посоветовавшись с остальными членами общины.

Натаниэль, который привык к воцарившейся в Саду Надежды тишине, заметно оживился благодаря возможности обменяться мыслями и воспоминаниями с Руфью и Касей, этими двумя женщинами, потерявшими мужей.

Марина и Игорь, казалось, жили вполне счастливо, хотя и Самуэлю, и остальным членом общины они напоминали скорее двух друзей, нежели влюбленных. После стольких трагедий в общине наконец-то воцарился покой, особенно после того, как из Египта вернулся Луи. Он вернулся неожиданно, и все были рады его возвращению.

Луи в двух словах рассказал о времени, проведенном в Каире. Никто из его друзей не настаивал на том, чтобы он рассказал подробнее. Они привыкли к тому, что некоторыми сторонами своей жизни он не делился ни с кем, даже с ними.

— Мне достаточно, чтобы все осталось, как прежде, — признался Самуэль Натаниэлю.

Старый аптекарь всегда внимательно его выслушивал.

— Ты должен подыскать себе жену, — посоветовал он.

— Жену? Боюсь, я уже не в том возрасте, чтобы жениться. Да и кто захочет переехать сюда? Сад Надежды — это даже не дом, а кибуц.

— Не забывай, что некоторые наши женщины — коммунистки, другие — социалистки, а те, кто не принадлежат ни к тем, ни к другим, никогда не переставали работать и жертвовать собой. Сад Надежды — хорошее место для жизни, — ответил Натаниэль, искоса глядя на Даниэля, сына Мириам.

Натаниэль был достаточно стар и не мог не заметить, что Самуэль и Мириам искали предлог, чтобы быть вместе, но, боясь отказа, никто не решался сделать первый шаг. Кроме того, у Мириам был сын, и она ни за что на свете не хотела, чтобы Даниэль упрекнул ее в том, что она не носит траур по его отцу. Хотя Натаниэль думал, что мальчику нужен отец, и, если бы ему пришлось выбирать, единственный, кого бы он выбрал, был Самуэль, он никогда не решался заговорить об этом.

— Боюсь, что я уже слишком стар для женитьбы.

— Неужели ты не хочешь иметь детей?

— Даже и не знаю, — задумался он. — Жизнь никогда не давала мне возможности подумать об этом, хотя... Пожалуй, да, я хотел бы иметь детей.

— У тебя еще есть время.

— Ладно, ладно... Давай поговорим о серьезных вещах. Я беспокоюсь. Сегодня вечером я поговорю с Мухаммедом. Нам следует избегать стычек между арабами и евреями. Мы никогда не были врагами, с чего нам становиться ими сейчас? — Самуэль скорее спрашивал сам себя, чем Натаниэля.

— Ну, некоторые арабы так и не приняли декларацию Бальфура, они видят в ней угрозу своим интересам, — ответил фармацевт.

— Но, по всей видимости, принц Фейсал и доктор Вейцман наконец-то договорились, — не сдавался Самуэль. — Фейсала мало волнует, будет ли у евреев собственная земля. А уж теперь, когда его провозгласили королем Сирии...

— Проблема не в Фейсале, а в британцах и французах. Сомневаюсь, что премьер-министр Франции Жорж Клеменсо позволит Фейсалу править: он хочет, чтобы Сирия и Ливан принадлежали Франции. Но даже если британцы ему это позволят, то в состав его королевства войдет и Палестина, — Натаниэль нисколько не сомневался относительно намерений двух держав-победительниц в Первой мировой войне.

— Но они должны уважать договор с шарифом Хусейном и его сыновьями, Фейсалом и Абдаллой, — возразил Самуэль.

— Должны-то должны, но ты же не настолько наивен, чтобы предполагать, что они это сделают. Ни Великобританию, ни Францию не устроит большое арабское государство. Ты веришь в то, что они боролись против Османской империи, чтобы дать дорогу другой империи? Они ее поделят, и последствия аукнутся и арабам, и нам.

— Мы не можем позволить, чтобы нас втянули в эту войну, — настаивал Самуэль.

— Ладно, но существуют как еврей-националисты, так и арабы-националисты, считающие эту землю своей, видящие в нас угрозу, поэтому они давят на британцев, чтобы те не позволяли евреям из Европы эмигрировать в Палестину.

— И небезуспешно. К тому же военного губернатора Рональда Сторрза назвать приверженцем евреев можно лишь с большой натяжкой.

— Говорят, сейчас он проникся особой антипатией к Владимиру Жаботинскому, — заметил Натаниэль.

— Ну что ж, могу его понять, — ответил Самуэль. — Мне тоже не нравится этот Жаботинский. Он экстремист.

— Возможно. Но согласись, этот человек знает, чего хочет. Народ его слушает. Он — безусловный лидер, хотя у меня он тоже не вызывает доверия.

— Но сейчас речь идет о том, чтобы избежать столкновений с арабами. То, что случилось в Тель-Хае, не должно повториться. Мне не нравится, что он и его друзья разгуливают в форме, как павлины, — в голосе Самуэля слышалось беспокойство.

— Что ж, они сражались рядом с англичанами в составе Еврейского легиона. Напомню тебе, что они внесли свою крупную лепту в победу Антанты. И не забывай, что на сельское поселение в Тель-Хае напали бандиты, хотя некоторые и говорят, что это было столкновение еврейских крестьян с арабами и, к сожалению, не обошлось без жертв, — сказал Натаниэль.

— Всё это имеет отношение к напряжению в Галилее, которое не стихает после объявления Декларации Бальфура. К тому же Сирия и Ливан так близко, и палестинским арабам не нравится, во что их превратили французы, — возразил Самуэль.

— Я лишь хочу сказать, что некоторых из наших, а среди них и Жаботинский, настаивают на том, что нам следует подготовиться к защите и рассчитывать только на собственные силы, — ответил Натаниэль.

— В любом случае, Жаботинский мне не нравится. Нет у меня доверия к подобным людям, слишком уж он похож на европейских фашистов.

Но тут внезапно открылась дверь, и спорщикам пришлось замолчать. В лабораторию заглянула Мириам, и Марина, которая делала какие-то подсчеты, дружелюбно ей улыбнулась.

— Даниэль снова забыл свой обед? Не волнуйся, мы всегда рады его видеть за нашим

столом. У мамы всегда найдется для него лишний кусок..

— Кася очень щедра, но у вас достаточно своих ртов, — ответила Мириам. — По крайней мере, позвольте поделиться тем, что я приготовила ему на обед.

— Как дела у Юдифи? — поинтересовалась Марина.

— Все хорошо, вот только никак не могу заставить ее отдохнуть, — ответила Мириам. — Сестра всегда была такой: все бы ей работать да помогать Йосси.

— Ты тоже много работаешь, — сказала Марина.

— Да, я работаю, как могу: это самое меньшее, что я могу сделать, чтобы помочь сестре и зятю, и чем я могу отблагодарить их за щедрость. Кроме того, они прямо с ног сбились: с каждым днем к ним приходит все больше и больше народу. Абрам всегда держал открытой дверь для каждого, кому нужна была помощь, неважно, бедного или богатого. Вот и Йосси такой же, как отец. И, конечно, учитывая ситуацию в Иерусалиме, в наш дом потоком хлынули приезжие, зная, что никто не заставит их платить.

— Твоя сестра говорит, что ты умеешь лечить переломы лучше, чем медики-профессионалы.

— Йосси научил меня накладывать шины, — ответила Мириам. — Он говорит, что у меня легкая рука.

Но тут Самуэль вмешался в разговор женщин, чтобы пригласить Мириам к столу.

— Нет, я не могу остаться, я пришла только чтобы принести сыну обед, но должна вернуться. Йосси должен принять еще человек тридцать, они с Юдифью не справятся, — извинилась Мириам.

— Хорошо, в таком случае я тебя провожу, у меня всё равно нет аппетита, — сказал Самуэль, оглядываясь в поисках куртки.

Они довольно долго шли, болтая о всяких пустяках.

— Пахнет весной, — заметила Мириам.

— Разумеется, сейчас ведь апрель.

— Вы будете отмечать субботу? Йосси хотел бы повидаться с Луи.

— Ах, Луи! Он то приезжает, то уезжает, ничего не объясняя, но мы рады, что он снова с нами.

— Как думаешь, столкновения продолжатся? То, что произошло в Тель-Хае, просто ужасно, — прошептала Мириам.

— Да ну, не преувеличивай, — попытался успокоить ее Самуэль. — В конце концов, не в первый раз бандиты нападают на наши поселения. Луи говорит, что на самом деле эти арабы ничего не имели против евреев, а выступали они против насаждения французского языка в северной Галилее. А кроме того, напали и на несколько христианских поселений.

— Давайте вместе отпразднуем Пасху. Осталось всего несколько дней. Ясмин сказала, что Михаил приедет из Тель-Авива.

Самуэль расстроился, что ему пришлось узнать о том, что Михаил приедет на Пасху в Иерусалим, от Мириам. Он понимал, что Ясмин и Михаил влюблены и постоянно переписываются, но разве сложно было хоть изредка написать и ему?

— Мне хотелось бы праздновать Пасху вместе с вами, но это будет зависеть от того, что скажут Руфь и Кася.

— В этом году наша Пасха совпадает с христианской, а также с арабской Наби-Муса, — напомнила Мириам.

— Наби-Муса — почти что еврейский праздник, ведь это день памяти Моисея.

— Дина будет его отмечать? — спросила Мириам.

— Дина — просто потрясающая женщина, она умеет всех сделать счастливыми. Как только ей удастся всем угодить: и Мухаммеду, и невестке Сальме, и Айше, и малышу Рами. Рами улыбается всякий раз, как ее видит, а на днях он мне сказал, что бабушка — самое лучшее, что он видел в своей жизни.

— Рами — просто прелесть! — согласилась Мириам.

— Это точно, но прежде всего, он очень умный и веселый мальчик.

Они простились у ворот Старого города. Самуэль каждый день повторял себе, что общество Мириам нравится ему всё больше, и задавался вопросом, чувствует ли она то же самое.

Четвертого апреля 1920 года в Иерусалиме царил праздничная атмосфера. Арабы, евреи и христиане высыпали на улицы Старого города, так что яблоку некуда было упасть.

Луи проснулся в тревоге. Он провел в Саду Надежды несколько дней, и хотя всегда старался не волновать друзей, теперь не мог не поделиться своим беспокойством с Самуэлем.

— Не понимаю, почему губернатор Сторрз согласился на просьбу семьи Хусейни устроить шествие по городу.

— Ну все-таки Хусейни — влиятельная семья, сам мэр выходец из нее, не понимаю, что тебя беспокоит.

— Я волнуюсь, потому что с каждым днем возникает всё больше напряжения между арабами и евреями, а губернатор Сторрз должен стараться не допускать столкновений. И вообще, шествие всегда проходило вне города, никогда через него. Я знаю, что доктор Вейцман разговаривал с губернатором...

— Сэру Рональду Сторрзу не нравится, когда ему говорят, что делать, тем более, когда это говорит Хаим Вейцман, возглавляющий сионистов, — сказал Самуэль.

— После Тель-Хая Сторрсу следовало бы избегать любых конфликтов... Ты ведь знаешь об этой трагедии, сколько людей погибло...

— Да, знаю. Но в Иерусалиме не может случиться ничего подобного. Так что успокойся, Луи.

— Я собираюсь встретиться с друзьями, мы будем готовы, если что-то произойдет.

— Думаю, что лучший способ избежать неприятностей — это не раздражаться и не поддаваться на провокации, — заявил Самуэль. — Арабы нам не враги.

— А ты знаешь, я совсем не уверен, что это действительно так. Ты читал хоть одну из этих листовок? Они называют нас собаками...

— Не стоит поддаваться влиянию этих националистических группировок, которые считают нас опасностью. Мы же знаем, что живем на своей земле.

Вскоре после отъезда Луи Кася и Руфь сообщили Самуэлю, что хотят навеститься в Старый город.

— Не волнуйся, мы не задержимся там надолго, ты же знаешь, что Дина хочет праздновать Наби-Муса вместе с нами. Айша сказала Марине, что ее мать со вчерашнего дня не отходит от плиты. Я так рада, что наконец-то мы все сможем собраться за одним большим столом, — сказала Кася.

Самуэль тоже был этому рад. Сколько раз он с тоской думал, что, быть может, им больше не суждено собраться всем вместе. Несмотря на то, что Мухаммед, казалось, был вполне счастлив с Сальмой, а Марина — с Игорем, между ними все равно оставалось

некоторое напряжение, которое передавалось и всем остальным. Хотя теперь, потеряв Ахмеда и Саиду, Дина делала всё возможное, чтобы вернуться к прежним отношениям, и не было даже речи о том, чтобы отвергнуть ее приглашение. Ее внуки — Рами, сын Айши, и Вади, сын Сальмы и Мухаммеда, стали настоящим бальзамом для ее ран. Вади родился месяц назад, наполнив Мухаммеда радостью и гордостью. Что касается Сальмы, то для нее рождение сына было настоящим счастьем; ей казалось, что малыш по-настоящему привязал к ней Мухаммеда. У нее не было причин жаловаться на мужа, но порой ее сердце сжималось от боли, когда она видела, какими глазами он смотрит на Марину.

Натаниэль вызвался сопровождать Руфь и Касю в Старый город. Марина и Игорь ушли в город еще на рассвете, чтобы успеть к началу празднества. Самуэль заявил, что для него этот день — тоже настоящий праздник, и теперь от души наслаждался ясным погожим утром, предвкушая встречи с друзьями, в том числе и с семьей Йонахов. Йосси и Юдифь настояли, чтобы Пасху праздновали в их доме, но при этом согласились пригласить Дину и отпраздновать одновременно еврейскую Пасху и Наби Муса.

Самуэль остался в доме один, наслаждаясь выпавшими на его долю минутами счастливого уединения. Жизнь в общине давала не слишком много возможностей остаться в одиночестве, пусть даже все здесь относились друг к другу с уважением и пониманием. Теперь Самуэль собирался почитать в тишине, устроившись в кресле-качалке, сделанном для него Ариэлем.

Незадолго до полудня Самуэль узнал о разыгравшейся в городе трагедии. В Сад Надежды неожиданно примчался заплаканный Даниэль, сын Мириам, и начал умолять Самуэля пойти с ним.

— Мама говорит, что ты обязательно придешь... Это ужасно, это просто ужасно... Нас убивают...

Самуэль побежал за ним, пытаясь понять рассказ Даниэля, но молодой человек так и не дал внятного объяснения.

— Это был он, брат муфтия Хусейни, — дрожащим голосом произнес Даниэль.

— Но что такого сделал Амин аль-Хусейни? — допытывался Самуэль, с трудом поспевающий за Даниэлем. У него защемило в груди.

Толпа у входа в Старый город внезапно смешалась, и до испуганного Даниэля донеслись крики на арабском языке:

— Смерть евреям!

Для Самуэля эти крики были подобны удару ножом из-за угла. Они укрылись было в нише какого-то дома, но, едва успели перевести дух, как им снова пришлось бежать изо всех сил, пока Самуэль не стал задыхаться. Люди вокруг пс криками бежали. У Самуэля закружилась голова, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Он очнулся, лишь когда несколько молодчиков с палками в руках начали избивать двоих стариков, которые попытались найти убежище в еврейском квартале. Самуэль хотел вступить, убеждая их бросить палки, но один из молодчиков ударил и его тоже, продолжая кричать:

— Палестина наша!

Даниэля тоже кто-то стукнул, и юноша упал, обливаясь кровью. Это было последнее,

что увидел Самуэль, прежде чем новый удар по голове лишил его сознания.

Видимо, это удовлетворило нападавших, потому что они бросили их посреди улицы. Самуэль довольно долго приходил в себя, сидя рядом с рыдающим Даниэлем и пытаясь его утешить.

Он с трудом поднялся и попытался сбежать от творящегося в городе безумия. Послышались выстрелы, они заметили группы арабов с пистолетами, нападающих на других, тоже вооруженных людей.

— Это евреи! Вон там! — указал Даниэль.

Самуэль не ответил, потому что в нескольких метрах лежал десяток раненых, к ним-то он и направился.

— Но где же британцы? — этот вопрос он задал скорее себе, чем Даниэлю, ибо знал, что мальчик едва ли сможет на него ответить.

Они снова бросились бежать, смешавшись с другой группой арабов, направлявшихся в сторону еврейского квартала, откуда уже доносились крики обезумевших от страха жителей. Их снова начали избивать, а потом один из атакующих с саблей в руке бросился на Даниэля и полоснул его по бедру. Самуэль хотел было броситься на помощь, но не успел. Внезапно он услышал какой-то глухой щелчок, а потом вдруг ощутил острую боль в плече. Они оба снова упали на землю под градом ударов и оскорблений. Самуэль почувствовал, что ему приходит конец, и потерял сознание, успев перед этим понять, что странная боль в плече не случайна: в него кто-то выстрелил.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на полу в незнакомом доме. Он огляделся в поисках Даниэля. Он чувствовал такую слабость, что не силах был произнести ни слова.

Какая-то пожилая женщина отерла влажной тканью его лицо и попросила лежать спокойно.

— Не двигайся, здесь ты в безопасности, — сказала она.

Он попытался встать, но плечо и грудь тут же пронзила нестерпимая боль.

— Кое-кто из наших попытался им противостоять, но силы были слишком неравны, — сказала женщина.

Мужчина, тоже в годах, присел рядом с ним и протянул стакан воды.

— Пей, это тебе поможет, — сказал он. — С ногой у мальчика неважно, но мы сейчас не можем выйти из дома, чтобы привести врача. На улицах до сих пор идут бои, мы слышим крики и выстрелы. Вам просто повезло, что эти безумцы вас не убили: им так и не удалось взломать нашу дверь. Соседям повезло меньше: к ним ворвались и жестоко избили. Эти дикари не щадят ни детей, ни женщин. Как я уже сказал, вам повезло, что они посчитали вас мертвыми и бросили. Мы увидели вас со второго этажа, сквозь щели в ставнях и, как только смогли, втащили сюда.

Оказалось, что они здесь не одни. Самуэль разглядел еще двоих мужчин и трех женщин, лежащих на расстеленных на полу одеялах. Его спасители, как могли, ухаживали за ранеными.

Все тело отдавалось невыносимой болью, но он все же смог заставить себя поднять голову. Хозяин дома постарался ему помочь.

— Тише, тише... — заговорил он. — Тебе нельзя никуда идти. Здесь ты хотя бы в безопасности. Мой отец был кузнецом и по какой-то своей прихоти выковал для этого дома

железную дверь.

— Что произошло? — прошептал Самуэль.

— Я и сам не знаю, — ответил хозяин. — Могу лишь сказать, что мы уже собрались домой и вдруг увидели, как десятки арабов бегут по улицам и кричат: «Смерть евреям!» Еще они называли нас собаками. Мы поспешили спрятаться... Не хочу тебя пугать описанием того, что мы увидели...

— Но почему они вдруг так озверели? — снова спросил Самуэль, но незнакомец лишь развел руками.

— Я уже сказал: не знаю.

Но этих слов Самуэль уже не услышал, снова потеряв сознание.

Прошло несколько часов, которые обоим показались бесконечными, прежде чем всё утихло. Хозяин довольно долго осматривал улицу из окна верхнего этажа, прежде чем осмелиться выйти за помощью. Вскоре он вернулся в подавленном настроении. Не обращая ни к кому конкретно, он рассказал, что видел.

— Повсюду сотни раненых — арабы, евреи, христиане. Говорят, что погром был спровоцирован членом семьи Хусейни, братом градоначальника. Англичане ничего не смогли поделать. Неподалеку изнасиловали дочку одного моего хорошего друга... — при этих словах мужчина разрыдался, не в силах вынести весь груз свалившихся на него несчастий.

С помощью хозяина дома Даниэль смог дохромать до угла, где лежал Самуэль. Раненая нога невыносимо болела: сабля рассекла ее почти до кости. Самуэль, казалось, спал и выглядел совершенно отрешенным, так что им пока не удалось сказать друг другу слова утешения; но, по крайней мере, они были вместе. Затем хозяин спросил, есть ли у Даниэля родные и где их найти, чтобы сообщить, что они с Самуэлем живы. Даниэль попросил найти свою мать и дядю Йосси.

— Мой дядя — врач, он живет недалеко отсюда, всего в двух кварталах, — объяснил он.

— А, так ты племянник Йосси Йонаха! Как же я сразу не догадался? Абрам Йонах был моим другом, и с Йосси мы тоже хорошо знакомы. Тебя я тоже знаю: ты ведь сын Мириам.

— Да, это так.

Затем он узнал, что его нового знакомого зовут Барак, а его жену — Дебора, и оба делают все возможное, чтобы помочь тем, кто нашел приют в их доме.

Едва увидев дядю Йосси, Даниэль разрыдался.

— А мама? Где моя мама? — повторял он.

— С ней все в порядке, не волнуйся, — ответил Йосси. — Я пришел один, потому что не хочу подвергать ее опасности. Барак поможет перенести тебя к нам, и ты ее увидишь, — сказал он, наскоро осмотрев мальчика.

— Ты меня не обманываешь? — беспокоился Даниэль. — С мамой точно все в порядке?

— Разумеется. Поверь, я бы не стал тебя обманывать.

Йосси с Бараксом наскоро соорудили носилки, чтобы перенести Даниэля: ходить он по-прежнему не мог. Что же касается Самуэля, то он потерял слишком много крови и теперь был почти без сознания. К тому же у него начался жар, и Йосси беспокоился о его состоянии.

— Я бы посоветовал ему оставаться здесь, — сказал Йосси Бараксу. — Можете уложить его в постель?

Так и сделали, но прежде Йосси пришлось дать Самуэлю сильное снотворное, чтобы

извлечь пулю, застрывшую в плече, возле ключицы.

Сражение закончилось, и город понемногу пытался вернуться к нормальной жизни. Но тот апрельский день 1920 года развязал долгую войну между арабами и евреями.

В течение нескольких дней и ночей Самуэль боролся за свою жизнь. Йосси уже совсем было потерял надежду, что его друг выживет. Дом Йосси тоже был переполнен ранеными, и лишь благодаря помощи Мириам он успевал ухаживать за всеми. Лишь на третий день Самуэль открыл глаза и увидел рядом Йосси и Мириам. Оба выглядели озабоченными, их лица выражали безграничную усталость и боль.

— Что случилось? — еле выговорил он, слова, казалось, застревали в глотке.

— Ты жив, и это главное, — ответил Йосси, но в его голосе звучала печаль.

— Что случилось? — спросил Самуэль, ожидая услышать нечто страшное.

— Успокойся, тебе надо отдохнуть, — сказал Михаил, у которого дрожал голос.

— Это ты... Ты здесь... — облегченно вздохнул Самуэль, почувствовав наконец себя в безопасности.

— Я приехал в день Пасхи, рано утром, — объяснил Михаил. — Ясмин сказала, что Дина устраивает праздничный обед по случаю Наби-Муса и что ждет нас всех в гости. Я хотел сделать вам сюрприз, но Ясмин сказала, что вы и так наверняка знаете, что я приеду на Пасху.

— Тише, ему нельзя утомляться, — прервал его Йосси. — Потом мы все ему расскажем.

— Я должен знать, что произошло... — в голосе Самуэля зазвучала мольба.

— Тебе нельзя волноваться, — повторял Йосси.

— Он все равно будет волноваться, — послышался рядом чей-то очень знакомый голос.

— Он не сможет успокоиться, пока не узнает обо всем, — с этими словами из тени выступил Луи.

— Луи... — только и смог вымолвить Самуэль, сам не свой от радости.

— Амин аль-Хусейни воистину открыл ворота ада. Он встал перед толпой с портретом Фейсала в руках. Люди стали кричать: «Палестина — это наша земля!» Казалось, все просто походили с ума... Потом они отправились громить еврейские кварталы, круша все на своем пути, — начал рассказывать Луи.

— На самом деле не все так просто, — прервал его Михаил. — Понятно, что Амин аль-Хусейни хотел спровоцировать беспорядки. Но как могло случиться, что на улицах вдруг оказалось столько людей, вооруженных палками, ножами и ружьями? Все было подстроено заранее, а наш новый бездарный губернатор, сэр Рональд Сторрз, не смог справиться с ситуацией.

— А как он мог с ней справиться, если в его распоряжении было всего чуть больше сотни полицейских? — возразила Мириам. — Он укрылся в своей штаб-квартире, в Австрийском приюте.

— Он должен был прислушаться к советам доктора Вейцмана, — ответил Луи. — Тот с самого начала предупреждал, что это опасная идея — пустить процессию через Старый город. И что еще хуже, британцев заботила безопасность одних лишь христиан, которые праздновали день Гроба Господня и проводили церемонию Священного Огня, но в итоге там тоже начался ад крошечный. По всей видимости, там случилась какая-то заварушка между сирийцами и коптами... Не спрашивайте, из-за чего, я все равно не знаю. Нам известно только, что Жаботинский на свой страх и риск взял на себя ответственность и вместе с несколькими друзьями вышел на улицу, чтобы попытаться остановить арабов и защитить

еврейские кварталы. Но это оказалось большой ошибкой; попытка сопротивления лишь усугубила ситуацию и еще больше раззадорила арабов. Все они погибли — застрелены в упор. Пятеро евреев и четверо арабов были убиты, еще сотни — ранены, но хуже всех пришлось нам, поскольку большинство пострадавших — евреи.

— Теперь Сторрз ищет козла отпущения. Уже арестованы некоторые зачинщики беспорядков. Амин аль-Хусейни бежал из Иерусалима, а Жаботинский попал в тюрьму, — добавил Йосси.

— Надо же, до чего дошло! — в ярости выкрикнул Михаил. — Люди Сторрза теперь во всем винят большевиков.

Самуэль прикрыл глаза, пытаясь как-то переварить услышанное. Он очень устал, у него кружилась голова и совсем не хотелось жить.

— А Кася, Руфь? — спросил он в тревоге. — Они были в городе вместе с Натаниэлем.

— Руфь серьезно ранена, ее ударили ножом, как и Натаниэля, который пытался ее защитить. Кася более-менее в порядке, только рука сломана да несколько синяков.

— Марина... Марина ранена, а Игорь и вовсе при смерти, — сообщил Михаил.

— А мою сестру сбили с ног, когда она пыталась помочь каким-то старикам добраться до убежища, — Мириам не смогла сдержать слезы. — Швырнули ее на землю, ударили по голове и стали избивать...

Самуэль изо всех сил старался сосредоточиться на словах Мириам. Что она сказала? Кажется, она сказала, что Руфь и Кася ранены, но, может быть, он просто чего-то не понял? И Марина... Она еще что-то сказала про Марину...

Он увидел, как исказилось гневом лицо Йосси, как Мириам оттирает слезы рукой.

— Юдифь! Что с Юдифью?

— Она потеряла зрение, — ответил Йосси, сам не свой от ярости. — Даже не знаю, сможет ли она когда-нибудь снова видеть.

Самуэль снова закрыл глаза. Он не хотел ни о чем больше слышать, предпочитая вновь погрузиться в свои грезы и ничего больше не чувствовать.

— Ему нужно отдыхать, — сказал Йосси, видя, как исказились от боли губы Самуэля. От боли не телесной, а душевной, той же боли, что разрывала и его самого.

Но вореки собственной воле Самуэль большую часть времени бодрствовал. Он наслаждался сумраком бессознательного, хотя Йосси делать всё возможное, чтобы вернуть друга к жизни, а Мириам ему в этом помогала.

Самуэлю нравилось ощущать ее теплые руки у лба. Она грустно улыбалась и приносила еду в надежде, что Самуэль скоро поправится.

В действительности же Мириам не было никакой нужды находиться у Барака и Деборы, поскольку те и сами заботились о Самуэле. Они приняли его в своем доме и обращались как с членом семьи.

Дебора рассказала ему, что в Галилее у нее живет сын, который переехал туда после того, как влюбился в одну социалистку из России. Эта сильная и смелая женщина чуть не плакала, говоря о своей невестке, разбившей ей сердце, отняв единственного сына, который оставил отчий дом, чтобы сражаться с пустынными ветрами и ковырять бесплодную землю, пытаясь превратить ее в цветущий сад, вместе с другими такими же мечтателями, как она сама.

Самуэль не знал, сколько времени он провел в доме Барака и Деборы; несмотря на всю благодарность, которую он испытывал к этим людям, ему не терпелось вернуться в Сад

Надежды. Он хотел своими глазами посмотреть на разрушения, которые остались после Наби-Муса.

Сколько ни просил он Йосси отвезти его в Сад Надежды, друг был непреклонен.

— Подожди немного, ты еще слишком слаб, — говорил тот. — К тому же существует угроза новых беспорядков, я прочитал в газетах, что на конференции в Сан-Ремо решили отдать Палестину Великобритании. Премьер-министр Джордж Ллойд подписал мандат.

— Это плохо? — устало спросил Самуэль.

Йосси не знал, что ответить; он и сам не мог сказать, плохо это или нет.

Однажды вечером в комнату Самуэля вошла обеспокоенная Дебора. Приблизившись к кровати Самуэля, она прошептала:

— Тебя хочет видеть какой-то араб, говорит, что он твой друг. Там с ним еще женщина.

— Пусть войдут, — разрешил он, даже не задумываясь, кто бы это мог быть.

Дебора удивилась, увидев, какой радостью осветилось его лицо при виде молодого араба, что робко переминался, стоя в дверях и не решаясь войти, в то время как пришедшая вместе с ним женщина решительно направилась прямо к кровати Самуэля.

— Мухаммед! Дина! — воскликнул он, и из его глаз потоком хлынули слезы, копившиеся все эти дни.

Мухаммед положил руку на плечо Самуэля, слегка сжав. Он изо всех сил старался сдерживать слезы, но его глаза блестели соленой влагой. Зато Дина плакала навзрыд.

— Мы не приходили раньше, потому что в Иерусалиме еще слишком опасно, — сказал Мухаммед. — Я бы и сегодня не решился прийти, но ты же знаешь маму: она заявила, что если я сегодня не пойду вместе с ней, она пойдет к тебе одна. И потом... я не был уверен, захочешь ли ты нас видеть...

Самуэль сжал руку Дины в ладонях. Это была рука сильной женщины, знакомой с тяжелой работой, но также умевшей дарить друзьям тепло.

— Дина... спасибо... Я увидел вас, и мне сразу стало лучше, — улыбнулся Самуэль.

— А я тебе что говорила? — торжествующе заявила Дина, обращаясь к Мухаммеду. — Я же говорила, что никакие погромы и несчастья не смогут погубить нашу дружбу! Ничто на свете не может ее погубить! Уж поверь, я знаю Самуэля намного лучше, чем ты.

В словах Дины звучала истинная гордость — гордость человека, неопровержимо уверенного в своей правоте, а также безмерная любовь к этому человеку, которого так любил и уважал ее муж Ахмед и который лежал сейчас перед ней, жестоко избитый и почти беспомощный.

— Мне очень жаль, что так случилось, — Мухаммед, как мог, пытался объяснить другу, что произошло в день Наби-Муса. — Этого не должно было случиться...

— Мы тоже пострадали, — сказала Дина. — Хасан был ранен и чуть не умер, но сейчас уже поправляется, как и мой племянник Халед. Но кто пострадал больше всех — так это Лейла. Мало того, что в ней снова проснулась та боль, которую принесла гибель первенца, так теперь на нее еще и свалились все заботы по дому! Вот уж воистину несчастье излечило ее от лени: ведь ее муж и сын не в состоянии двигаться. Хасан так и вовсе потерял ноги, и теперь навсегда останется хромым, — в голосе Дины звучали печаль и тревога.

— Не волнуйся за Сад Надежды, — заверил Самуэля Мухаммед. — Мама, Айша и Сальма по-прежнему ухаживают за Касей и Мариной. Игорь еще очень плох, как и Руфь. Бедняга Натаниэль понемногу поправляется, но все еще не может двигаться. Анастасия

навещает их каждый день, а Иеремия ухаживает за вашими оливами и фруктовыми деревьями.

— Мы с Айшой и Сальмой совсем сбились с ног, разрываемся между Садам Надежды и домом Хасана, — продолжала Дина. — Но ты не волнуйся, мы справимся.

Самуэль, который не молился со времен детства, теперь вознес Всевышнему благодарственную молитву, что в разгар неистовой бури сохранил в целости все те ниточки, что связывали его с Садам Надежды.

— Йосси говорит, что ты уже завтра можешь вернуться домой. Иеремия собирался за тобой приехать, а я вас провожу, — пообещал Мухаммед.

В эту ночь Самуэль впервые спокойно уснул. Визит Дины и Мухаммеда помог ему примириться с самим собой.

Все утро следующего дня ему казалось, что часы и минуты тянутся с несвойственной им медлительностью. Самуэлю не терпелось вернуться в Сад Надежды, и он попросил Барака помочь ему одеться, чтобы в любую минуту быть готовым к переезду. Вскоре Мириам пришла его проведать.

— Нога у Даниэля почти зажила, и он собирается завтра вернуться в Сад Надежды, — объявила она.

— Он не должен этого делать: рана может загноиться, — ответил Самуэль.

— Йосси говорит, что он скоро поправится.

— А Юдифь?

Глаза Мириам наполнились слезами. Юдифь совершенно ослепла и почти не могла говорить. Она так и не отошла от потрясения, пережитого во время погрома. Она ничего не видела, молчала и почти не двигалась.

Ясмин дни и ночи проводила у постели матери; Йосси не мог уделять ей должного внимания, ведь ему приходилось оказывать помощь множеству пострадавших, толпившихся за дверями дома. Сначала арабы не решались к нему идти, опасаясь, что врач-еврей может их не принять. Но Йосси был сыном Аврама и коренным иерусалимцем, это был его город, а эти люди — его соседи, и он никогда не смотрел на них как на врагов из-за различия вероисповеданий. Даже теперь он не испытывал к ним ненависти, как ни горевал из-за несчастья, постигшего Юдифь и друзей.

Мириам трудилась, не покладая рук, помогая зятю. Она стала замечательной медсестрой, почти такой же, какой была Юдифь. Работа помогала ей успокоиться, заставляла забывать о собственных бедах в заботе о других. Она благодарила Бога, что с ее сыном все обошлось, но вновь начинала роптать, видя пустые глаза Юдифи и отчаяние Ясмин, которая, как могла, старалась утешить мать. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы Ясмин сопровождала Михаила в Тель-Авив, ей пришлось поставить крест на своих мечтах выйти замуж за этого дерзкого молодого человека, чья скрипка пела так пронзительно и печально.

В Саду Надежды пахло печалью; по крайней мере, если печаль имеет запах, то она должна пахнуть именно так. Во всяком случае, это ощутил Самуэль, когда с помощью Иеремии и Мухаммеда переступил порог своего дома. Кася со слезами бросилась его обнимать; одна рука у нее висела на перевязи; вслед за ней в объятия Самуэлю бросилась Айша. Дина тоже была здесь: готовила обед.

Самуэль настоял, чтобы ему помогли добраться до постели Руфи. На лице женщины виднелось несколько еще не заживших порезов, но гораздо хуже была ножевая рана — нож

бандита пронзил верхнюю часть правого легкого. Йосси до сих пор удивлялся, каким чудом Руфи удалось выжить.

Марина потеряла ребенка, которого носила под сердцем. Самуэль даже не знал, что она беременна, об этом ему сказала Кася. Он любил эту девушку, как родную дочь, и ему тяжело было видеть ее лицо, обезображенное синяками — один из негодяев ударил ее ногой; но еще больнее ему было видеть на этом лице выражение безнадежности.

Игорь, как шепнул ему на ухо Иеремия, был скорее мертв, чем жив. Он пытался заслонить Марину своим телом, но в итоге нападавшие все равно ранили обоих. Игорю, конечно, досталось больше, и теперь трудно было признать в этом изуродованном лице его благородные черты.

Состояние Натаниэля оказалось лучше, чем ожидал Самуэль. Натаниэлю сломали ногу и ударили ножом в лицо, и теперь у него навсегда останется шрам, тянущийся от правого глаза до самого подбородка.

К Самуэлю подошла Анастасия, глядя на него с мукой в глазах, и Самуэль увидел в этих глазах отголосок прежней любви, в которой она когда-то ему призналась.

— Ни о чем не беспокойся, — сказала она. — Мы содержим ваш дом в порядке. Дина взяла на себя все заботы, Айша и Сальма тоже очень нам помогли, несмотря на протесты детей. Как ни кричал Рами, требуя внимания матери, она ни на минуту не оставляла Руфь и Марину. Она и за Касей старалась ухаживать, а ты ведь знаешь Касю: никому не позволяет о себе заботиться, все хочет делать сама. Моя дочь тоже приходит каждый день и помогает, чем может.

— Мне уже намного лучше, и сломанная рука ничуть мне не мешает, — заверила Кася.

— Я не позволю тебе испытывать ее на прочность, — заявила Дина. — Имей в виду, я не отстану, пока не буду совершенно уверена, что твоя рука зажила.

Они очень привязались друг к другу. Обе были примерно одного возраста, последние двадцать лет прожили бок о бок, и знали друг друга, как никто.

Самуэль понимал, что без Дины и ее семьи они бы никак не справились. Ему было неловко, что Айша и Сальма целые дни проводят у них в доме, помогая всеми силами. Айша, как правило, появлялась у них в доме с самого утра, а Сальма отправлялась в дом Хасана и Лейлы, чтобы ухаживать за ним и его семьей. Дина наблюдала за обеими семьями, а Самуэль просто диву давался, как женщина ее возраста может быть столь неутомимой, глядя, как она стремится помогать всем, кто нуждается в помощи.

И Айша, и Сальма старались не брать детей в дом соседей. Им не хотелось еще больше расстраивать Марину, напоминая о потерянном ребенке.

Жизнь понемногу налаживалась. Самуэль шел на поправку, как и Натаниэль. Московскому аптекарю не терпелось поскорее вернуться к работе, невзирая на то, что он еще не успел оправиться от полученных травм. Мириам во время одного из своих визитов также сообщила, что ее сын Даниэль уже почти поправился и вполне готов вновь приступить к исполнению своих обязанностей в лаборатории.

— Как только Йосси позволит, он тут же приступит к работе, пусть даже на костылях.

Больше остальных Самуэля тревожила Руфь: не столько даже из-за ран, сколько из-за того, что она впала в глубокую депрессию, из которой вывести ее оказалось крайне трудно. Кася, как могла, старалась ее развеселить, но Руфь, казалось, совершенно утратила волю к жизни. Она ничего не говорила и ни на что не жаловалась, хотя глубокие порезы на руках и лице все никак не заживали. Она просто молчала, и это было хуже всего.

Когда однажды вечером Дина принесла им ужин, Самуэль попросил ее сказать Мухаммеду, что он хочет с ним поговорить.

— Я должен понять, Дина. Мне очень нужно, чтобы Мухаммед рассказал, почему же произошла эта трагедия.

Дина взглянула на него с некоторым сомнением, но все же кивнула. Она и сама старалась допытаться у сына, как могло произойти подобное безумие. Как и Самуэль, она стремилась понять, как такое могло случиться.

Она призналась Самуэлю, что, если бы не кровожадность Кемаля-паши, отнявшего жизнь у ее Ахмеда, она бы почти тосковала по былым временам, когда они жили под властью османского султана. Самуэль в ответ признался, что и он испытывает почти то же самое.

Мухаммед пришел к нему на следующий день после работы. Он выглядел усталым и обеспокоенным.

— Как дела в карьере? Всё хорошо?

— Да, все идет своим чередом, хотя люди и ропщут. После Наби-Муса у всех остались шрамы — у одних на лицах, у других — в душах.

— Мы не были бы людьми, если бы не испытывали боли и гнева, — ответил Самуэль. — Мы все пострадали.

— Да, среди нас тоже немало раненых.

— Мы... вы... Зачем ты так говоришь, Мухаммед? Кто такие «мы»? И кто такие «вы»? Разве мы и вы — не одно и то же? Чем мы так уж отличаемся друг от друга?

— Мы — арабы, вы — евреи, а те — христиане...

— Ну и что? Кому какое дело, кто как молится Богу, и молится ли вообще? — Самуэль неотрывно смотрел в глаза Мухаммеда.

— Когда я слушаю тебя, то думаю так же, — признался Мухаммед. — Но потом, выйдя на улицу, вижу, что на самом деле все по-другому, и что люди все разные.

— Разные? И в чем же заключается эта разница? У всех по две руки, по две ноги, одна голова... Всех нас родила мать... Всем свойственно чувствовать страх, любовь, ненависть, ревность, неблагодарность... Так как же можно говорить, что все мы разные? Никто не лучше и не хуже, чем остальные.

— А вот здесь ты ошибаешься, Самуэль. Есть люди хорошие, а есть и не очень. Мой отец был одним из лучших.

— Да, пожалуй, ты прав, некоторые лучше, чем другие.

— Например, ты, так говорил отец, — взгляд Мухаммеда был совершенно искренним.

— Твой отец мне польстил. На самом деле я совсем не такой, каким был он, хотя и не думаю, что меня можно назвать злодеем. Я просто человек, Мухаммед, такой же человек, как любой другой. Долгие годы я жил с клеймом еврея. В университете на меня смотрели косо — не потому, что я делал что-то не так, а потому что еврей. Одного этого было достаточно, чтобы на меня смотрели, как на прокаженного. Достаточно им было услышать одно только слово «еврей», как они начинали видеть во мне чуть ли не преступника. Кое-кто из друзей пытался меня утешать: не волнуйся, мол, для нас совершенно неважно, еврей ты или нет, но даже в этих словах отчетливо звучала снисходительность. И вот сейчас между нами легла непреодолимая пропасть лишь потому, что ты — араб, а я — еврей. Что за глупость! — в этом возгласе Самуэля прозвучала безмерная горечь.

Мухаммед понурил голову, совершенно обескураженный.

— Мы хотим получить ту же землю, — ответил он наконец.

— Мы делим эту землю с вами, — сказал Самуэль.

— Эта земля была нашей задолго до вашего прихода.

— До нашего прихода эта земля принадлежала туркам, которые правили здесь на протяжении четырех веков. Но, невзирая на это, Палестина все равно останется землей ваших предков — равно как и моих. Сам я не считаю эту землю своей, но здесь наши корни, поэтому мы сюда вернулись.

— А нам что прикажешь делать? — Мухаммед неотрывно смотрел ему в глаза. — Стоять и смотреть, как вы потихонечку подгребаете под себя наши земли?

— Разве мы захватываем ваши земли? Мы честно купили этот участок у семьи Абан, разве ты не помнишь? Евреи, которые приезжали сюда, честно покупали землю у тех, кто сам хотел ее продать; насколько мне известно, никто из них ее не украл. И мне очень не нравится, Мухаммед, что ты опять стал говорить «мы» и «вы». Разве мы не можем жить рядом? Разве мы не были добрыми соседями все эти годы? Твоя мать ухаживает за нами вот уже несколько недель; не проходит и дня, чтобы она не появилась в нашем доме с каким-нибудь своим кушаньем. Твоя сестра Айша не только помогает Касе делать самую тяжелую работу, но еще и ухаживает за Мариной. Они проводят вместе целые часы — иногда болтают, иногда молчат, но присутствие Айши действует на нее благотворно. В Саду Надежды нет никаких «нас» и «вас», здесь мы все равны. А если не согласен, то скажи: в чем ты видишь отличия между нами?

— Тебе надо было стать поэтом. Когда я слышу твои слова, то поневоле готов признать твою правоту. Но я уже сказал: есть вещи, которые невозможно совместить, и никакие твои мудрые слова и благие намерения не изменят реальность.

— Реальность такова, какой мы сами хотим ее видеть, — заявил Самуэль.

— Мне жаль, Самуэль, мне очень жаль, но на самом деле все не так просто. Среди моих соотечественников немало таких, кто видит в вас угрозу для наших интересов и будущего. Они весьма обеспокоены тем, что в Палестину с каждым годом приезжает все больше евреев, но прежде всего, оскорблены поведением британцев. Британцы обещают предоставить вам дом на земле, которая им не принадлежит. Многие наши проклинают министра Бальфура за его декларацию.

— Помоги мне встать, я хочу выйти на улицу, — попросил Самуэль. — Я чувствую, уже наступил вечер, в этот час жасмин пахнет особенно сладко. Я люблю запах жасмина. Когда мы только приехали в Сад Надежды, твоя мама подарила Касе саженец.

Мухаммед помог ему подняться, подивившись, как исхудал Самуэль за эти дни. Они вышли из дома, медленно дошли до ворот и сели на каменную скамью. Самуэль вынул кiset с табаком и свернул пару самокруток. Они молча закурили.

Им было хорошо вдвоем, и не нужны были никакие слова в эти минуты, когда солнце скрывалось за горизонтом, оставляя за собой полыхающее алое зарево.

Они уже почти докурили самокрутки, когда вдруг увидели идущего к ним Луи. Самуэль улыбнулся другу. Луи как всегда очень переживал за Сад Надежды. Каждую ночь он долго не мог уснуть, изнывая от тревоги, всё ли в порядке дома, оправились ли домашние от травм, полученных во время Наби-Муса.

— Тебе не следовало выходить, — сказал он Самуэлю вместо приветствия и дружески обнял Мухаммеда.

— Мне всегда был на пользу вечерний воздух, — ответил Самуэль, снова доставая кiset

и предложив Луи закурить. Тот охотно согласился, улыбаясь.

— Как себя чувствует Руфь? — обеспокоенно спросил он.

— Уже лучше. Она даже смогла поблагодарить Дину за фисташковый торт, который та для нее приготовила.

— Не понимаю, почему она чувствует себя такой несчастной, — в голосе Луи прозвучал упрек.

— Мы с Мухаммедом как раз говорили о том, почему это случилось, — сказал Самуэль, переводя разговор на другую тему.

— Не так уж сложно это понять — просто у тебя романтический взгляд на мир, и ты отказываешься смотреть на происходящее через призму реальности, — сказал Луи, похлопав Самуэля по плечу.

— Вот и я ему все время об этом твержу, — вмешался Мухаммед.

— Реальность — не что иное, как отражение наших действий, — ответил Самуэль, не желающий сдавать позиций. — Так что в наших силах ее изменить.

— Мир меняется, — голос Луи прозвучал очень важно, даже торжественно. — Согласен, что эти изменения происходят благодаря действиям людей, иначе и быть не может; но правда в том, что порой оказывается — мы не в состоянии повлиять на эти перемены. Вот, например, сейчас в Севре, во Франции, великие державы решили поделить между собой земли Ближнего Востока; договорились об этом между собой и теперь хотят навязать свое решение нам; кое-кто из нас готов это принять, другие же не согласны. Но в любом случае, это отразится на всех нас — на всех палестинцах, неважно, арабы они или евреи.

— Да, времена меняются, — согласился Мухаммед. — Теперь Палестиной правят британцы. С дня на день мы ждем прибытия Верховного Комиссара.

— Да, ты прав. Сэр Герберт Сэмюэл уже прибыл, и уверяю тебя, это было незабываемое зрелище. Британцы питают большую слабость к театральным эффектам. Его встретили залпом из семнадцати орудий. Насколько мне известно, его разместили в цитадели Августа, и теперь он собирается встретиться с городскими старейшинами, — сообщил Луи.

— Он — еврей, — заявил Мухаммед, и эти два слова касались не только вероисповедания Верховного Комиссара.

— Да, он еврей, но это не делает его ни лучше, ни хуже, — ответил Луи. — Возможно, тот факт, что сэр Герберт — еврей, для палестинцев только осложнит положение, поскольку он полон решимости доказать всем свою беспристрастность, а потому вполне может повести себя несправедливо по отношению к нам.

— Что-то жарко становится, — пожаловался Самуэль, отгоняя комара, который вился вокруг него, только и дожидаясь, когда сможет вонзить в него жало.

— Ну еще бы, — улыбнулся Луи. — Сегодня как-никак 30 июня, чего же ты хочешь? Кстати, не лучше ли нам пойти под крышу и продолжить беседу там, а не отвлекаться на комаров?

— Пойду я, пожалуй, домой, — заявил Мухаммед. — Мать и так уже будет сердиться, что я задержался. Может, мой маленький Вади еще не спит. Сальма знает, как я люблю играть с сыном после возвращения из карьера.

Распровавшись с соседями, Мухаммед облегченно вздохнул. Он чувствовал себя слишком усталым, чтобы продолжать эти бесконечные разговоры о политике, к тому же он прекрасно знал, что толку от них все равно не будет. И он сказал чистую правду, когда

заявил, что хочет поскорее увидеть Вади. Он и в самом деле жаждал увидеть сына и обнять его.

Самуэль тоже поднялся и, опираясь на Луи, медленно направился к дому. Он был еще слишком слаб, хотя прошло уже два месяца с того дня, как в него угодила шальная пуля.

Когда они вернулись в дом, Кася читала книгу. Игорь и Марина находились в своей комнате, Руфь дремала.

— Ужин на столе, — сказала Кася. — Дина принесла хумус, а я приготовила салат. А я собираюсь пойти отдохнуть, завтра много дел. Я отнесла ужин Натаниэлю и увидела, что лаборатория нуждается в хорошей уборке. Там нужно помыть пол и окна.

— Все в свое время, Кася, — ответил Самуэль. — Мы и так уже две недели работаем, не покладая рук.

— Этому надо положить конец, — заявила она. — Наша ферма и без того уже превратилась в больницу. Если так будет продолжаться, лаборатория мхом зарастет. Уж что случилось — то случилось, слезами горю не поможешь. Самое главное, мы живы, а все остальное не так и важно.

— Ты-то еще легко отделалась, — возразил Самуэль. — Тебе всего лишь сломали руку и поставили несколько синяков. Зато другим пришлось куда как хуже.

— Благодарю Бога, что та пуля тебя на убила, — ответила Кася. — Хуже всего нашей Марине: она все никак не может оправиться после потери ребенка, а бедняжка Юдифь... она совсем потеряла рассудок. Что касается остальных, то они отделались несколькими царапинами. Прошло уже два месяца, пора бы и перестать хныкать. Ты уже вполне способен снова работать в лаборатории. Натаниэль уже вернулся к работе, хотя он намного старше тебя. Я же не могу делать все сама. А Игорь уже вернулся в карьер, но в саду работать еще не может. Кстати, я уже давно собиралась кое о чем с тобой поговорить; думаю, что сейчас самое время.

Кася вздохнула, собираясь с духом, и пристально взглянула на Самуэля, а затем на Луи, отметив, как напряглись оба, ожидая, что она скажет.

— Нам нужны новые рабочие руки для работы в поле. В противном случае мы не успеем убрать урожай, и он сгниет на корню. Мириам сказала, что знает каких-то евреев, которые ищут работу. Мы вполне можем дать им и работу, и крышу над головой. Почему бы вам завтра не отправиться в город, чтобы познакомиться с ними?

Даже по прошествии многих лет голос Каси в общине по-прежнему был решающим.

— Так ты хочешь превратить Сад Надежды в кибуц? — спросил Луи.

— Но по сути Сад Надежды и есть кибуц, — ответила Кася.

— Вовсе нет, — возразил Луи.

— Даже не уверен, смогу ли я жить с незнакомыми людьми, — запротестовал Самуэль.

— Ну, мы ведь тоже были для тебя незнакомыми людьми, когда мы впервые встретились? К тому же мы можем построить еще один дом для новых соседей. Игорь работает в карьере, Марина — в лаборатории, а вы...

— Все мы работаем на земле, никто нас от этого не освобождал, — возразил Самуэль.

— Ты и сам знаешь, что раньше всю тяжелую работу в Саду Надежды делали Ариэль и Яков. Кроме того, мы все стареем, и нам нужны новые люди, полные надежды — той самой надежды, какой были преисполнены мы, когда приехали сюда, — заявила Кася не терпящим возражений тоном.

— Ты права, — согласился Луи. — Не следует быть эгоистами. Завтра мы отправимся к Йосси и познакомимся с этими людьми, а там уж будем решать. А что думают по этому поводу Игорь и Марина?

— Мы с детства внушали Марине, что никто не должен жить лучше, чем остальные; что у нас все общее, и мы должны делиться, — Кася рада была вспомнить о своих социалистических идеалах, о тех временах, когда был жив Яков, ее муж. Как могла бы она забыть о нем? Ведь именно Яков научил ее всему, что она знала.

— А Руфь с Игорем? — напомнил Самуэль. — Мы не можем принимать решений, не посоветовавшись с ними.

— Руфь не станет возражать, — убежденно заявила Кася. — Что же касается Игоря, то он — истинный социалист. Не так давно он сказал, что подумывает о том, чтобы вместе с Мариной перебраться в кибуц, — она произнесла это таким тоном, что Самуэль сразу догадался, почему она приняла решение: поселить в Саду Надежды посторонних.

— У нас здесь не так много места для кибуца, — возразил Самуэль. — На нашем участке может прокормиться только одна семья. Земля не может давать больше плодов, чем дает, сколько бы людей на ней ни трудилось.

Но несмотря на неопровержимость своих аргументов, Самуэль уже знал, что проиграл эту битву.

И вот их жизнь их снова пошла кувырком.

Вскоре Йосси представил им группу русских евреев, приехавших из Парижа. В этой группе было двое мужчин средних лет, три женщины, престарелая пара и трое детей.

Один из мужчин, которого звали Мойша, рассказал, через что им пришлось пройти, прежде чем они добрались до Палестины. Вскоре после революции им пришлось бежать из России — и это при том, что все они внесли свой вклад в создание нового режима, а сам Мойша признался, что даже сотрудничал с большевиками. Однако революция не решила всех проблем и не положила конец прежнему неравенству, и клеймо евреев, которое они носили прежде, никуда не делось.

— Мы жили в Киеве, где я был журналистом, а жена работала в типографии, — рассказывал Мойша. — Жили мы очень скромно, разве что книг у нас было побольше, чем у других, однако моим товарищам всё казалось, что мы живем слишком хорошо и должны поделиться имуществом с теми, кто живет беднее. Мы не стали возражать: ведь именно для этого мы и поддержали революцию. Однако этого им оказалось мало. Новая власть ненавидела евреев. Говорили, что среди нас много буржуев и сионистов; иных евреев упрекали за то, что они хранят верность старым традициям и посещают синагогу. В прошлом, 1919 году, официально запретили сионистские организации. Нас обвинили в поддержке империализма. И вот, как видите, мы, отдавшие все силы революции, оказались главными подозреваемыми. Любая демонстрация в пользу сионизма или иудаизма объявлялась контрреволюционной. Эву, мою жену, трое суток продержали под арестом: кто-то донес, что якобы слышал, как она говорила на иврите. Разумеется, это была ложь, поскольку иврит она знает крайне поверхностно. Один наш хороший друг, имеющий связи в Московском совете, добился ее освобождения. Да, не удивляйтесь: есть евреи, которые заняли высокие посты при новом режиме — те, что перестали быть иудеями и чьей единственной верой стала революция.

Таким образом, Эва спаслась, но вот наши родители... Видите ли, мы родом из Проскурова, а там Белая армия особенно лютовала. По всему краю прокатилась волна погромов и массовых убийств — и у нас, и в Деникине, Бердичеве, Житомире и много еще где... Как видите, евреи снова пострадали от погромов. Когда в деревню входила Красная армия, она вела себя точно так же, как и Белая, а уж для нас, евреев, конец был один. И уж если есть в России такое место, где евреям вовсе нет — так это Украина. И вот, нам пришлось бежать. Если б вы знали, чего мы натерпелись, сколько взяток пришлось дать, прежде чем мы смогли добраться до Одессы и сесть на пароход!

Мойша представил свою жену Эву и троих детей. Кроме них были еще учитель с женой, бежавшие вместе с пожилыми родителями. Третья женщина, которая все время молчала и глядела в одну точку, прибилась к ним по дороге. Белогвардейцы сожгли ее деревню, убили мужа и детей. Самой же женщине — ее звали Софья — каким-то чудом удалось выжить, хотя она и не могла объяснить, каким образом. Она казалась совсем потерянной, и семья Мойши взяла ее с собой. Что еще они могли для нее сделать?

Все молча слушали Мойшу, угнетенные его печальной историей. Не менее трагичными оказались и судьбы и остальных украинцев, но в отличие от Мойши, который мечтал остаться в Иерусалиме, остальные были полны решимости обосноваться в кибуце. Искоса наблюдая за поведением Самуэля и Луи, Йосси пришел к выводу, что ни один из них не будет возражать против пополнения в Саду Надежды.

Когда Самуэль и Луи вернулись в Сад Надежды, приведя с собой украинцев, оказалось, что Кася уже обустроила для них жилье, освободив от хлама пустующий сарай, где прежде держали инструменты и сельскохозяйственный инвентарь.

— Пока поживете здесь, — сказала она. — Потом вам придется самим построить дом, но мы поможем. Здесь мы все работаем наравне друг с другом, и нет такой работы, которую мужчины делали бы в одиночестве. Сад Надежды, конечно, не кибуц, но мы здесь живем по схожим правилам. Все решения принимаем сообща и делимся всем: и заботами, и радостями.

— А самое главное — постарайтесь подружиться с нашими соседями, — добавила Марина.

— Они — палестинские арабы, и нас с ними связывает давняя и глубокая дружба, — в голосе Самуэля прозвучало предостережение. — Мы многим им обязаны.

Остальные евреи, кроме Мойши, его супруги и их троих детей, решили отправиться в Изреельскую долину. По протекции Йосси им удалось найти место в кибуце.

Кася не скрывала своего разочарования по этому поводу. Ей хотелось, чтобы все остались здесь, но в то же время она уважала стремление этих людей вступить в кибуц, где они смогут реализовать свою несбыточную прежде мечту: построить равноправное общество.

Между тем, Самуэль заметил, что Мухаммеду не нравится, что в Саду Надежды поселились новые люди.

— Эта земля не сможет прокормить столько народу, — заявил Мухаммед.

— Так или иначе, мы должны были их принять, — ответил Самуэль. — Не могли же мы бросить их на произвол судьбы. Кася права: мы стареем, нам нужен напор и энергия молодости. Но вы не волнуйтесь: расширение нашего сообщества, никак не отразится на вас. Твой дом и сад по-прежнему будут принадлежать тебе.

— Да, вы были весьма великодушны, — признал Мухаммед — без особого, впрочем,

энтузиазма.

Руфь тоже не слишком обрадовалась появлению Мойши и Эвы.

— Мы уже немолоды, — призналась она Касе. — Когда-то давно в нас играл дух первопроходцев, тогда у нас была мечта, но теперь... Теперь было бы лучше, если бы все оставалось, как есть.

— Ты права, — согласилась Кася. — Но именно потому, что мы стареем, наше дело должны продолжать молодые. Игорь и Марина не могут тянуть на себе все хозяйство. Луи то приезжает, то уезжает, а Самуэль с Натаниэлем слишком заняты своей лабораторией.

— Однако лаборатория не мешает им обрабатывать землю, — напомнила Руфь.

— Не мешает, — согласилась Кася. — Но мы все равно не справляемся, рабочих рук не хватает.

— У Игоря и Марины будут дети, — сказала Руфь.

— Надеюсь, что будут, но пока ведь их еще нет...

К радости обеих бабушек, Марина вскоре объявила, что снова ждет ребенка. Игорь казался еще счастливее, чем Марина.

— Наконец-то в Саду Надежды появится ребенок! — радостно воскликнул Луи, когда узнал об этом.

— Но ведь здесь уже есть трое детей, — напомнила Марина. — Дети Мойши и Эвы.

— Они уже почти взрослые, — возразил Луи, обнимая Марину. — И потом, я имею в виду нашего собственного ребенка, рожденного в нашей семье.

После этих слов Самуэль поднялся.

— Итак, теперь, когда Марина забеременела, я сообщу еще одну потрясающую новость, — объявил он.

Все взгляды обратились на Самуэля; Кася смотрела с беспокойством, Луи — с недоумением, Руфь — с любопытством.

— Я женюсь на Мириам, — сказал он с улыбкой.

В ту же минуту дом наполнился разноголосым гвалтом: все заговорили хором, обсуждая столь потрясающую новость. Все, конечно, догадывались, что Самуэля и Мириам связывают совершенно особые отношения, хоть они оба и старались это скрывать; но при этом никому даже в голову не приходило, что они захотят пожениться. Мириам была вдовой, и у нее был сын, Даниэль, чьи интересы для нее стояли на первом месте, а Самуэля все привыкли считать убежденным холостяком. К тому же ему уже перевалило за пятьдесят, а в этом возрасте не многие мужчины решаются вступить в брак.

— Она переедет к нам? — поинтересовалась Кася.

— Полагаю, что да. Мириам считает, что Даниэлю бы не понравилось, если бы я поселился в доме его отца, так что будет лучше, если мы оба станем жить здесь. Ну, что вы на это скажете?

Его от души поздравили. Все его любили и с уважением относились к Мириам, да и к Даниэлю все очень привязались. Теперь у мальчика наконец-то будет отец!

— Нам придется расширить дом, — в волнении произнесла Кася.

— Наверное, не стоит, — возразил Самуэль. — Мы с Мириам будем спать в моей комнате, а Даниэль вполне может занять комнату Игоря, в которой он жил, пока не женился на Марине.

— А если у вас будут дети? — настаивала Кася. — Нет-нет, нужно расширить дом.

— Дети? О чем ты говоришь? Я уже не в том возрасте, чтобы иметь детей.

— Ты — может быть, и не в том, но у Мириам возраст вполне подходящий.

— Она тоже уже не девочка, — ответил Самуэль.

— Насколько я знаю, ей всего тридцать пять, — напомнила Руфь. — В этом возрасте женщины еще могут рожать. Мать родила меня в сорок.

Они сообщили радостные вести своим соседям Зиядам. Оказалось, что Айша знала с беременности Марины задолго до того, как подруга ей об этом сообщила. Она догадалась, глядя, как Марина прикрывает рукой живот, словно защищая ребенка, которого носит под сердцем. А Мухаммед поразился решению Самуэля жениться. Он никак не мог представить его женатым. Но был искренне рад и желал ему счастья. А Дина пообещала собственноручно приготовить свадебный торт — свой знаменитый фисташковый торт, который так любил Самуэль.

— Как я рада, что увижу тебя женатым, прежде чем умру, — призналась Дина Самуэлю.

— Ну, не настолько это ужасно — быть холостяком, — улыбнулся Самуэль. — Да и ты напрасно собралась умирать. Не такая уж ты и старая, хотя мы с тобой, конечно, старше всех остальных.

— В одиночестве нет ничего хорошего, — сказала Дина.

— Но я же не одинок, у меня есть вы, Кася, Руфь, Марина, Игорь и Михаил...

— Михаил? Насчет всех нас — полностью согласна, но вот насчет этого парня — сильно сомневаюсь. Да, он тебя любит, но очень уж неохотно это показывает. И ты знаешь, я очень рада, что ты женишься на Мириам, она хорошая женщина... И мне так жаль ее сестру Юдифь... Как ты думаешь, к ней когда-нибудь вернется зрение?

— Йосси в это не верит.

— Надо же было случиться этому безумию! — посетовала Дина, вспоминая злополучный Наби-Муса.

— Мы должны забыть об этом, мы все до сих пор страдаем от последствий этого кошмара.

— Юдифь никогда не сможет об этом забыть, — возразила Дина.

Несмотря на то, что решение о женитьбе было уже принято, Самуэль все еще сомневался. Ведь на самом деле это Мириам сделала ему предложение.

— Мы уже не в том возрасте, чтобы встречаться тайком, — сказала она. — Поэтому нам нужно пожениться. Ведь нам хорошо вместе, и хотя я вовсе не та женщина, о какой ты мечтал, мы вполне можем быть счастливы. Не хочу тебя обманывать, я никогда не забуду своего мужа, но его нет в живых.

Самуэль вынужден был признать, что Мириам права. Сам он тоже, как и она, устал прятаться. Они чувствовали себя подростками, которых вот-вот поймают с поличным на чем-то недозволенном. Конечно, она совсем не та женщина, о которой он мечтал, в его мечтах всегда царила Ирина, но она окончательно и бесповоротно дала ему отставку. А с Мириам они вполне могут быть счастливы.

Даниэль выслушал эту новость без особого восторга. Он неплохо относился к Самуэлю, но ему совсем не хотелось, чтобы тот занял место отца. Поэтому Мириам решила, что переедет жить в Сад Надежды. Таким образом, Даниэлю не придется видеть, как Самуэль укладывается в постель, где спал его отец. Единственное, что по-настоящему огорчало Мириам — это разлука с Юдифью, которая так нуждалась в ее присутствии. Но она смогла решить и эту проблему, договорившись с Самуэлем, что она будет работать в Саду Надежды,

но при этом станет каждый день наведываться в дом Йосси и Юдифи, чтобы присмотреть за сестрой и помочь зятю.

Они поженились в одной из синагог Старого города. На церемонию пригласили всех членов семьи Зиядов, хотя Самуэль знал, что друзьям Мухаммеда это не слишком понравится. Пришел даже брат Дины Хасан в сопровождении своей супруги Лейлы и сына Халеда. На церемонии присутствовал и Михаил. В последние месяцы молодой человек часте навещался в Иерусалим, чтобы повидаться с Ясмин, дочкой Йосси и Юдифи.

Молодые люди переживали, что трагические события в день Наби-Муса разрушили их планы на совместную жизнь в Тель-Авиве, но Ясмин не могла бросить свою беспомощную мать, а и Михаил не посмел бы от нее этого требовать, так что им пока приходилось довольствоваться краткими встречами два-три раза в месяц.

Самуэль боялся, что Михаил начнет смеяться, ведь он собрался жениться в столь почтенном возрасте, а потому долго не решался сообщить ему об этом; однако Михаил, несмотря на собственную печаль из-за вынужденной разлуки с Ясмин, от души его поздравил.

— Рано или поздно ты должен был жениться, — сказал Михаил. — И пусть уж лучше это будет Мириам, она — хорошая женщина.

— Я рад, что ты так считаешь, — ответил Самуэль с явным облегчением.

С минуту Михаил помолчал, а потом пристально посмотрел Самуэлю в глаза.

— Когда я был маленьким, я мечтал, что ты женишься на Ирине и навсегда останешься с нами, — признался он. — Но при этом я думал только о себе, только о себе одном. Я потерял всё — родителей, родину, судьбу, у меня оставались одни лишь вы. Когда ты уехал, я почувствовал себя преданным; я так и не смог тебе этого простить.

— Да, я знаю, что ты до сих пор мне этого не простил.

— Скажу тебе честно: когда ты уехал, я перестал тебе доверять. Правда, Мари говорила, что когда я вырасту, то смогу тебя понять.

— И как — смог? — спросил Самуэль, затаив дыхание в ожидании ответа.

— Да, со временем я тебя понял, но так и не смог до конца простить.

Они смотрели друг другу в глаза, едва сдерживая желания броситься друг другу в объятия, однако никто так и не решился этого сделать.

— Мари очень тебя любила, — сказал Самуэль, чтобы разрядить обстановку.

— Да, она была самым лучшим, что было в моей жизни после того, как я потерял родителей. И матерью, и бабушкой. Я никогда ее не забуду.

Этот разговор окончательно убедил Самуэля в решении жениться на Мириам.

Их совместная жизнь оказалась намного легче, чем он предполагал. Мириам обладала твердым характером, но при этом никогда не теряла самообладания и почти никогда не повышала голос. Самуэль, как и остальные жители Сада Надежды, был весьма удивлен, когда обнаружилось, что Мириам говорит со своим сыном Даниэлем по-сефардски.

Мириам рассказала Самуэлю, что научилась испанскому языку у бабушки. По отцовской линии Юдифь и Мириам были сефардками. Что касается матери, то ее предки испокон веков жили в Хевроне.

— Семья моей матери была не слишком богата, — рассказала она. — У них был небольшой дом с участком земли, да кое-какая скотина. Отец родился в Иерусалиме, как и его отец, дед и прадед, хотя родом они были из испанского города Толедо. Когда его предки после указа об изгнании евреев, изданного их католическими величествами, были

вынуждены покинуть Испанию, они поселились в Салониках, где и жили совсем неплохо, занимаясь торговлей.

— А почему они покинули Салоники? — спросил Самуэль.

— Кое-кто из моих предков решил, что коли уж они утратили одну родину, то должны вновь обрести другую, и переехали в Иерусалим. Здесь они стали торговать оливковым маслом. Отец говорил с бабушкой по-испански, а с нами она говорила еще и по-сефардски. Какой же это красивый язык! И ты знаешь, Юдифь до сих пор хранит, как святыню ключ от дома наших предков в Толедо. Мы всю жизнь мечтали когда-нибудь поехать туда... Бабушка говорила, что Толедо намного красивее Иерусалима, хотя она никогда не видела этого города. Но она много слышала о нем от своей матери, а та — от своей, и так на протяжении многих веков до сегодняшнего дня.

Родители Мириам познакомились случайно. Кто-то из родных ее матери, живших в Иерусалиме, заболел и стал постоянным пациентом Абрама, отца Йосси. Как раз в доме этого родственника мать Мириам и познакомилась со своим будущим мужем, когда вместе с родителями приехала в Иерусалим его навестить. У них было две дочери, старшая из которых, Юдифь, позднее вышла замуж за Йосси, а младшая, Мириам, стала женой офицера турецкой армии. Обе вышли замуж по большой любви и были счастливы в браке.

Однажды утром в Сад Надежды прибежал встревоженный Мухаммед и сообщил, что Дина заболела. Она вся горела и с трудом дышала.

Самуэль поспешно оделся, разбудил Даниэля и велел ему немедленно привести Йосси. Игорь вызвался сопровождать мальчика, сказав, что в это время ходить в одиночку по Старому городу слишком опасно.

Самуэль сделал все, что было в его силах, приготовив для Дины жаропонижающие лекарства; но он все-таки не был врачом и мало чем мог помочь; он уже и сам подозревал страшный диагноз, и теперь считал минуты до прихода Йосси.

— У нее пневмония, — сообщил врач и велел Самуэлю давать Дине одно из приготовленных им лекарств.

Айша побледнела и задрожала, страшась даже представить, как будет жить без матери. Она выбежала вслед за Йосси из комнаты Дины и схватила его за рукав.

— Но она не умрет, ведь правда? — спросила она в тревоге.

— Я сделаю все, что в моих силах, лишь бы ее вылечить, — заверил Йосси.

Дина была еще молода, хотя смерть мужа до срока ее состарила. Она чувствовала себя усталой и, будь у нее другой характер, давно бы сдалась.

Последующие недели прошли в тоске и тревоге. Айша не отходила от постели матери, Сальма тянула на себе все хозяйство и присматривала за Вади и Рами. Мухаммед в карьере считал минуты до того часа, когда сможет наконец-то закончить работу и вернуться домой. Хасан и Лейла каждый день навещали больную. Даже Халед, служивший в войсках Фейсала добился разрешения проведать больную тетю. Что же касается Каси, то она неотлучно дежурила у постели Дины, настаивая, чтобы Айша хоть немного отдохнула. Все обитатели Сада Надежды переживали болезнь Дины, как свою собственную. Все искренне любили Дину и старались хоть как-то отблагодарить ее за те бессонные ночи, что она провела, ухаживая за ними после трагедии в день Наби-Муса.

Когда Дина почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы встать с постели, Мухаммед пригласил соседей разделить с ними пятничный ужин.

Они болтали и смеялись бы до самого рассвета, если бы не здоровье Дины.

— Не стоит ее переутомлять, она еще не совсем поправилась, — сказал Йосси.

1 мая 1921 года случился новый погром — на сей раз в Яффе. С полного одобрения британцев еврейские рабочие решили провести первомайскую демонстрацию. Однако делать этого не следовало. Арабы восприняли демонстрацию как личное оскорбление. Как могло случиться, что безобидное на первое взгляд мероприятие обернулось адским побоищем? Самуэль не переставал задаваться этим вопросом. Не успел стихнуть ропот по поводу происшествия в Яффе, как пришли новости о новом погроме — в Тель-Авиве. Там все началось в старом порту, где группа палестинских арабов напала на евреев, а затем отправилась громить их дома и магазины. В итоге с обеих сторон оказалось немало погибших и раненых.

Луи пытался убедить Самуэля вступить в некую тайную военную организацию, которую создали в величайшем секрете, и членом которой он сам являлся, однако Самуэль отказался.

— Я тебе уже не раз говорил, что вооруженное противостояние арабам — это не выход, — ответил Самуэль. — К тому же я уже слишком стар для подобных приключений.

— Ты еще молод, тебе всего пятьдесят, — возразил Луи. — Или ты боишься воевать?

— Не знаю, я никогда не воевал. Просто я не хочу, чтобы на моей совести была чья-то смерть. Хотя... хотя был в моей жизни случай, когда мне захотелось убить человека... Да, я хотел убить того человека — за то, что он донес в охранку на моего отца.

— Так никто не требует, чтобы ты убивал людей без причины. Мы хотим лишь быть готовыми защитить себя и близких; мы должны уметь противостоять таким событиям, как на Наби-Муса или последний погром в Яффе. Ты думаешь, британцы пошевелили хоть пальцем, чтобы кого-то защитить? Когда они соизволили появиться, люди уже погибли.

— Мы должны положить конец этому безумию, — решительно заявил Самуэль. — Я попрошу Мухаммеда, чтобы он устроил мне встречу с Омаром Салемом. Этот человек имеет связи среди самых знатных палестинских семей. Он хорошо знаком с семьями Хусейни, Дахани, Халиди, да и с Нашашиви тоже. Думаю, лучше попробовать договориться, чем попусту ссориться.

— И от чьего имени ты собираешься говорить? Ты же даже не состоишь в Гистадруте.

Несколько дней спустя Мухаммед сообщил, что Омар Салем готов пригласить их к себе домой. Самуэль пришел в сопровождении Луи. Он хотел, чтобы ему объяснили, как могли допустить весь этот кошмар.

— Мне сказали, что арабские полицейские тоже принимали участие в нападениях. Я никак не могу понять, что происходит, — признался он хозяину дома.

Омар Салем очень уважал Самуэля. Он помнил, что Ахмед Зияд доверял ему, как самому себе, да и Мухаммед отзывался о нем с восхищением.

— Что я могу тебе на это сказать? — вздохнул он. — Я знаю столько же, сколько и ты. И сожалею, что все эти люди погибли. Но скажи: разве так уж необходимо, чтобы евреи маршировали по всей Яффе? Мы обеспокоены тем, что каждый год в Палестину приезжает все больше и больше евреев. Они скупают наши земли, а мы остаемся без работы... Наши крестьяне, феллахи, становятся в своей стране изгоями.

— Ну вот, опять всё та же песня! — рассердился Самуэль. — Ты прав, многие евреи решили вернуться на землю своих предков, но разве это причина, чтобы открывать стрельбу по беззащитным людям?

— Британцы не выполнили своих обещаний, — продолжал Омар. — Они обещали нам помочь в создании единого арабского государства. Они обещали это шерифу Хусейну,

обещали это Фейсалу — и что же? Нас подло обманули.

— Я сам воевал под знаменами Фейсала, сражался за родину, — сердито вмешался Мухаммед. — Мы помогли британцам разгромить турок.

— Но разве евреи виноваты в том, что британцы вас обманули? — в голосе Самуэля прозвучали разочарование и усталость. — Почему вы нападаете на наши поселения? Разве мы не можем вместе жить на этой земле? Разве мы не можем жить в мире?

— Ты должен понять, что мы никак не можем допустить, чтобы Еврейский национальный фонд продолжал свою политику скупать наши земли. Если так будет продолжаться, что у нас останется? Британцы бессовестно морочат нам головы. Да, они позволили Фейсалу стать королем Сирии, но что такое эта Сирия? Они нас обманули. Сирия должна включать в себя Ливан и Палестину, а они расчертили границы, разделив Машрик пополам. Британцы и французы поделили Османскую империю между собой. Мы хотели независимости, но они считают, что мы неспособны править самостоятельно, поэтому предпочли остаться здесь и проводить политику «разделяй и властвуй». Ты знаешь, что собой представляет этот Севрский договор? Само его подписание уже означает, что британцы предали арабов. Они считают, что победив турок, победили заодно и нас, — сердито закончил Омар Салем.

— Ждешь, чтобы я сказал, что ты прав? — ответил Самуэль. — Хорошо, я скажу: ты прав. Да, они не выполнили свои обещания, но при чем же тут мы? Почему арабы и евреи должны ссориться друг с другом?

Омар призадумался, прежде чем ответить, старательно подбирая слова, чтобы Самуэль мог лучше его понять.

Луи тоже молчал, внимательно глядя на Омара. Наконец, тот заговорил снова.

— А теперь я изложу тебе мою точку зрения, почему происходит то, что происходит. Европейцы, особенно британцы и французы, имеют множество своих колоний в Северной Африке — в Алжире, Ливии, Тунисе, Марокко... Оглянись назад, и скажи, стоит ли расстраиваться, что у нас, у арабов, нашлось достаточно сил, чтобы вновь стать теми, кем мы были прежде, до того, как наши земли захватили турки. У нас один и тот же Бог, одна вера, один язык, одни обычаи, общая история — так почему бы нам не стать единой нацией? — закончив свою тираду, Омар Салем выжидающе уставился на Самуэля.

— А какое отношение это имеет к нам? — не сдавался Самуэль.

— Британцам и французам оказалось на руку, что султан решил оказать поддержку Германии в Великой войне. Это явилось для них прекрасным поводом, чтобы расширить свои колонии в Африке и на Ближнем Востоке. Так что они охотно согласились на раздел земель Османской империи. Однако проблема британцев в том, что они понадавали слишком много обещаний и взяли на себя слишком много обязательств, что вошло в противоречие с их нынешними планами. С одной стороны, Великобритания и Франция пришли к соглашению о разделе Османской империи. Как ты и сам знаешь, этот план уже вовсю реализуется. С другой стороны, британцы пообещали шерифу, что поддержат его в деле основания единого арабского государства. Разумеется, они лгали; на самом деле они даже не собирались его поддерживать, поскольку уже договорились со своими друзьями-французами о разделе Сирии, Ирака, Машрика... Землю, которая должна стать родиной арабов, они собираются разрезать на части и установить новые границы. Но есть еще и третья проблема, и она как раз и заключается в том, что те же британцы пообещали евреям здесь, в Палестине, новый дом. А теперь скажи: какое право они имеют распоряжаться

землей, которая им не принадлежит? Таким образом, существуют три проблемы, решение которых никак невозможно совместить. На самом же деле они никогда и не собирались этого делать, они с самого начала собирались нас предать. Севрский договор — прямое доказательство моим словам. Они победили не только турок; они считают, что победили также и арабов, — после этих слов Омар замолчал, выжидая, что скажут гости.

Самуэль хотел было ответить, но его опередил Луи.

— Ну, вот мы и добрались до нынешней ситуации, и что же мы имеем на сегодняшний день?

— А на сегодняшний день мы имеем то, что французы выгнали Фейсала из Сирии и не желают иметь никаких дел с его отцом, шарифом Хусейном, — ответил Мухаммед.

— Да, не спорю, французы выгнали Фейсала, — согласился Луи. — Но ожидаемой поддержки от сирийцев он тоже не получил. А кроме того, не забывай, что он нарушил договоренность с доктором Вейцманом: ведь Фейсал обещал ему, что евреи смогут селиться в Палестине.

— Это лишь часть правды, — возразил Мухаммед. — Да, Фейсал проявил большую щедрость, позволив евреям селиться в Палестине; он бы и сейчас не возражал, чтобы вы жили на своей исторической родине — при условии, что эта родина будет частью его государства. Фейсал однозначно дает понять, что если все условия соглашения будут выполнены, то и свои обязательства он выполнит тоже. В противном же случае он не считает себя чем-то обязанным Вейцману.

Мухаммед знал, что говорил; ведь он воевал бок о бок с Фейсалом и хорошо знал этого человека.

— Что же касается проблем Фейсала в Сирии... Сирийские патриоты потратили несколько месяцев, составляя свою программу, чтобы представить ее на заседание комиссии, созданной этими американцами, Кингом и Крейном. Мы возлагали надежды на эту комиссию и на обещания Уилсона, президента Соединенных Штатов. Какую великолепную речь он произнес на конференции в Париже — о свободе народов и о праве на самоуправление! И снова нас обманули; они не пожелали принять во внимание решение Сирийского Генерального конгресса, так что им пришлось самим сделать первый шаг и провозгласить Фейсала королем Сирии. Так вот, это провозглашение — сущая малость по сравнению с тем, что было обещано, и в обмен на что мы оказали британцам поддержку в войне с Османской империей. К тому же британцы снова нас предали, умыв руки и бросив Сирию на растерзание французам. Они даже не потрудились выказать Фейсалу самого элементарного уважения, — закончил Омар.

— Если мы жили в мире на протяжении стольких веков — значит, вполне сможем уживаться и в будущем, — в голосе Самуэля прозвучала мольба.

— Трудно сказать, что ожидает нас в будущем, — ответил Омар. — Поверь, я никоим образом не сторонник насилия, но при этом понимаю разочарование моих братьев-арабов, а главное, их беспокойство, что британцы позволяют вам захватывать наши земли. Что же касается этого еврейского парада в Яффе, то ты и сам не можешь не понимать, что это была чистой воды провокация.

— Ты прав, — согласился Самуэль. — Демонстрацию не следовало проводить.

— Британцы заигрывают с обеими сторонами, — пояснил Луи. — Сторонники декларации Бальфура стараются привлечь на свою сторону арабов, создавая для нас

невыносимые условия жизни и ограничивая евреев въезд в Палестину.

— Итак, у нас один общий враг, — заключил Мухаммед.

— Мы должны найти решение, — настаивал Самуэль, но его слова так и остались без внимания.

Бен, сын Игоря и Марины, родился на четыре месяца раньше Далиды, дочери Самуэля и Мириам. Для всех стало настоящей неожиданностью, когда вскоре после свадьбы Мириам объявила, что беременна. Больше всех удивился сам Самуэль; он изо всех сил старался изображать радость, хотя в душе не был уверен, что хочет иметь ребенка.

Несомненно, семейная жизнь принесла ему гораздо больше радости, чем он ожидал, но он по-прежнему считал себя слишком старым, чтобы иметь детей.

Зато Даниэль воспринял рождение Далиды как настоящее оскорбление и никогда не упускал случая попрекнуть этим мать.

— Это же просто смешно: в твоём возрасте становиться мамочкой, — говорил он.

Но Мириам, казалось, не замечала ни раздражения сына, ни равнодушия Самуэля. Девочка стала для неё настоящей отрадой.

Между тем, с приходом нового губернатора, сэра Герберта Сэмюэла, в Палестине установилось шаткое перемирие, хотя арабы не слишком доверяли Сэмюэлу, поскольку он был евреем. Палестинские евреи скоро поняли, что сэр Герберт — не просто еврей, а прежде всего англичанин, и что он даже пальцем не шевельнет ради них, если их интересы пойдут вразрез с интересами Британской империи.

Его решения отвергались и евреями, и арабами. С одной стороны, он освободил Жаботинского; с другой стороны, помиловал Амина аль-Хусейни, которого евреи считали главным виновником разыгравшейся в день Наби-Муса трагедии. Последней же каплей стал указ об ограничении въезда в Палестину еврейских иммигрантов.

Тем не менее, этот шаткий мир все же позволил жизни хоть как-то устояться, хотя Самуэля и беспокоило, что Луи все глубже погружается в дела «Хаганы» — подпольной организации самообороны, пришедшей на смену «Ха-Шомеру».

— Тебе придется признать, что мы должны быть готовы постоять за себя, — убеждал его Луи. — Мы не можем доверить свою жизнь британцам.

— Нам нужно лишь примириться друг с другом, — возражал Самуэль. — Ты говоришь, что мы должны быть готовы к борьбе; я же говорю о том, что мы должны сделать борьбу ненужной.

— Наша цель — именно защита, а не агрессия. Ты хоть раз слышал, чтобы люди «Хаганы» напали хоть на одного араба?

Сколько они ни спорили, им так и не удалось договориться. Сам Луи с уважением относился к палестинским арабам, среди них у него были хорошие друзья, но в то же время он не питал ни малейших иллюзий относительно будущего. Тем не менее, он старался поддерживать отношения со своими друзьями-арабами и при любой возможности заглядывал в гости к Мухаммеду. Для него, как и для Самуэля, Зияды были почти родными.

К величайшему облегчению Самуэля и Луи британцы посадили Фейсала на трон Ирака — видимо, чтобы заставить его забыть о том, как сами сидели сложа руки, пока французы изгоняли его из Сирии. А также, вопреки опасениям Луи, чуть позже было основано королевство Трансиордания для Абдаллы, брата Фейсала. Самуэль посчитал, что, по крайней мере, семья шарифа Мекки получила свою награду за помощь британцам.

— Ну что ж, хоть они и не получили великое арабское государство, за которое столько

боролись, но по крайней мере, у каждого теперь есть свое королевство.

— Не думай, что британцы создали это королевство, чтобы как-то сгладить нарушенные обещания, — ответил Луи. — Им просто нужен своего рода буфер между Палестиной и Сирией. Британцы ничего не делают просто так, если это не служит их собственным интересам.

Позднее Самуэль вынужден был признать, что Луи прав. Они помогали Абдалле отбиваться от нападений ваххабитских племен на новое королевство, но умыли руки, когда в 1924 году саудовцы напали на Хиджаз, и остались безучастны, когда шариф обратился с просьбой о помощи. Шариф Хусейн, брошенный союзниками на произвол судьбы, чтобы избежать кровопролития, вынужден был отречься от престола в пользу своего сына Али.

Горько сетуя, Мухаммед рассказал Самуэлю о случившемся.

— Вот ведь предатели! — воскликнул он. — Они не выполнили ни одного обещания и окончательно предали нас, позволив саудовцам напасть на Хиджаз и изгнать шарифа в Амман. Этот Ибн-Саид — настоящий бандит, а его люди — просто фанатики!

— Ты прав, британцы много чего наобещали. Слишком много... С Ибн-Саидом они тоже в 1915 году подписали соглашение, где подтверждали его право на арабские территории. А Ибн-Саид, со своей стороны, обязался не допускать проникновения в свою страну иностранцев без согласия британских властей. Говорят, что солдаты Ибн-Саида — действительно настоящие фанатики; они называют себя ихванами и строго соблюдают Коран, — заметил Луи.

— Вот и конец всем нашим мечтам о великом арабском государстве, — продолжал сокрушаться Мухаммед.

— Еще не все потеряно, — ответил Самуэль, хотя и не очень уверенным тоном. — Говорят, шариф полон решимости, и ему нет нужды связываться с другими арабскими лидерами.

— Мои друзья говорят, что шариф Хусейн постоянно ссорится со своим сыном Абдаллой. Абдалла не хочет, чтобы отец вмешивался в дела его королевства. Не знаю, сколько времени это может продолжаться: в королевстве не может быть двух королей, — произнес Мухаммед все с той же горечью.

Самуэлю нечем было его утешить. Он хорошо знал о связях Мухаммеда с семьей шарифа Хусейна и его сыновьями. Он храбро воевал под знаменами Фейсала, а его кузен Салах погиб, сражаясь за великое арабское государство, обещанное англичанами. Так что Самуэль хорошо понимал, каково сейчас Мухаммеду, обманутому в своих надеждах.

С рождением Бена, сына Игоря и Марины, в Сад Надежды вернулась прежняя радость. Никто не в силах был устоять перед этим очаровательным ребенком с ангельской внешностью. Этот светловолосый малыш с огромными серо-голубыми глазами был всегда готов на любые проделки, однако ему все прощали, стоило ему обнять маленькими ручками шею того, кто его отчитывал.

Бен очень любил бывать в доме Зиядов. Вади, сын Мухаммеда и Сальмы, и Рами, сын Айши и Юсуфа, казались ему настоящими героями.

Вади и Рами охотно вовлекали Бена во все свои проказы, а малыш столь же охотно к ним присоединялся.

— Хорошо хоть Далида — спокойная девочка, — сетовала Кася.

— Ну, мальчики всегда более шаловливы, — отвечала Мириам, словно за что-то извиняясь. — Мой Даниэль, когда был маленьким, тоже ни минуты не мог усидеть на месте.

— Уж попомни мои слова, эти трое когда-нибудь попадут в беду.

Кася оказалась права. Однажды вечером дети исчезли. Рами было всего шесть лет, Вади — четыре, а Бену — вообще только три. Айша думала, что дети в Саду Надежды, но, когда она вечером отправилась за ними, Кася, перепугавшись до смерти, сказала, что осчитала, будто дети у Сальмы с Айшой.

— Но если бы они вернулись домой, мы бы увидели, как они открыли калитку, — ответила Айша, не находя себе места от беспокойства.

Все бросились искать детей. К поискам присоединились вернувшиеся из карьера Игорь и Мухаммед.

Детей нашли лишь наутро. Собственно говоря, нашел их крестьянин, который услышал чьи-то жалобные стоны, доносившиеся со дна старого арыка. Сперва он подумал, что это собака упала в арык, но затем расслышал детские голоса и поспешил на помощь. Все трое получили травмы: Рами сломал ногу, Вади — ногу и локоть, а маленький Бен вывихнул плечо и сильно рассек голову.

За эту проделку им устроили хорошую взбучку и строго наказали. В последующие дни им не разрешали играть вместе, но не успел Бен поправиться, как он тут же снова улизнул к Зиядам.

Кася чувствовала себя совершенно счастливой, когда дом наполнялся детскими голосами. Бен и Рами, как, впрочем, и Вади, были настоящими сорванцами. Кроме них, подрастали еще и три девочки: Далида, дочь Самуэля и Мириам; Нур, младшая дочка Айши; и, наконец, Найма, дочь Мухаммеда и Сальмы. Здесь же крутились трое детей Мойши и Эвы; они были постарше и вели себя намного благопристойнее, чем малыши из Сада Надежды.

Кася наставляла Марину, что им с Игорем нужно иметь как можно больше детей.

— Дети — это наше будущее, — не уставала она повторять.

Но Марину, казалось, призывы матери к многодетности лишь раздражали. Прежняя юная жизнерадостность угасла; теперь она часто умолкала, словно погружаясь в далекое и невозвратное прошлое.

Одной лишь Айше она поверяла свои сомнения, уединяясь с ней по вечерам в саду.

Игорь, со своей стороны, тоже стал замечать, что между ним и Мариной растет отчуждение. Он любил ее и убеждал себя, что и она его тоже любит, и они вполне счастливы вместе; но не мог не замечать, как глаза жены порой заволакивает туманная дымка, как она таинственно умолкает. Он знал, что она верна ему, и этого ему было достаточно. Она никогда не пыталась его обманывать относительно своих к нему чувств, и он смирился с этим.

Поначалу ему нелегко было сохранять дружелюбие по отношению к Мухаммеду; но он постоянно одергивал себя, напоминая, что Мухаммед — его друг и сосед, что они много лет работают в карьере бок о бок, что Мухаммед всегда относился к нему по-дружески и ничем перед ним не провинился. Игорь знал, что Мухаммед, в глубине души продолжая любить Марину, никогда не переступит запретной черты. «Они по-прежнему любят друг друга», — думал про себя Игорь, одновременно задаваясь вопросом, что же думает по этому поводу Сальма.

Ему самому очень нравилась жена Мухаммеда. Если Марина была красива, то Сальма казалась ему еще краше; а прежде всего, она была нежной, кроткой и доброжелательной ко всем окружающим. Порой Игорю вдруг приходило в голову, что, возможно, он был бы счастлив с Сальмой — и тут же он гнал от себя эти мысли, жестоко упрекая себя за то, что посягает на жену Мухаммеда, которого никак не хотел обманывать. Но его с неудержимой силой влекло к этой женщине, и он ничего не мог с этим поделать.

«Марина мечтает о Мухаммеде, Мухаммед мечтает о Марине, я мечтаю о Сальме, а она... О ком мечтает она?» — думал он, не смея открыться никому, даже матери.

А порой ему приходила в голову кощунственная мысль, которую он ни за что не осмелился бы произнести вслух: «Если бы я мог, то отдал бы Мухаммеду Марину, а себе взял бы Сальму».

И тут же казнил себя за подобные мысли, которые с каждым днем донимали его все больше, открывая перед ним еще одну печальную истину: что на самом деле не любит жену.

Между тем, семейная жизнь Самуэля понемногу налаживалась. Он искренне привязался к Мириам, хотя по-прежнему не чувствовал себя влюбленным, и начал испытывать какие-то отцовские чувства к Далиде. Он не хотел детей, и поначалу девочка не вызывала у него никаких эмоций, но, едва малышка научилась ходить, она стала повсюду следовать за ним с неизменной преданностью. Далида была красивой девочкой с темными, как у матери, волосами и серо-голубыми глазами, как у Самуэля. В отличие от мальчиков, Далида была очень тихой, почти не плакала и могла целыми часами молча сидеть на полу, играя с тряпичными куклами.

Но однажды идиллия была нарушена: Мириам объявила мужу, что снова беременна. На этот раз Самуэль даже не скрывал недовольства.

— Я уже не в том возрасте, чтобы становиться отцом. Мне уже пора быть дедушкой. Ты знаешь, сколько мне лет? В этом, 1925 году, исполнится пятьдесят четыре.

— Библейские патриархи становились отцами и в более зрелом возрасте, — ответила Мириам, еле сдерживая гнев. — И я не жалею, что у меня будет ребенок. Я с радостью ожидаю его появления.

Для остальных обитателей Сада Надежды беременность Мириам тоже оказалась неожиданностью. Все ее сердечно поздравили, не обращая внимания на недовольство Самуэля.

Даниэль, старший сын Мириам, услышав об этом, пришел в ярость.

— Мама, тебе почти сорок, не поздно ли рожать детей? — упрекнул он мать.

— Я буду рожать, сколько захочу, — ответила та. — Тебя это не касается.

Таким образом, вопреки недовольству Самуэля и возмущению Даниэля, Мириам в свой срок дала жизнь сыну. Он родился в конце 1925 года, и Мириам, несмотря на протесты Самуэля, назвала его Изекиилем.

— Да, не спорю, это твой сын, — сказала она. — Однако, учитывая твое к нему безразличие, я не понимаю, почему ты должен выбирать для него имя. Его будут звать Изекииль, как моего деда по материнской линии.

Самуэль вынужден был признать, что иметь сына-наследника совсем даже неплохо. Ему теперь все чаще вспоминался собственный отец. Как он любил, когда тот носил его на руках,

прижимая к груди; в эти минуты маленький Самуэль чувствовал себя в полной безопасности, зная, что рядом с отцом никто не посмеет его обидеть.

— Самуэль такой же, как и все мужчины, — говорила Кася Мириам. — Им кажется, что наличие сыновей делает их более мужественными.

В 1925 году был открыт Еврейский университет в Иерусалиме, и сердца палестинских евреев преисполнились гордостью; но в том же году саудовцы захватили Мекку, к отчаянию Мухаммеда и его друзей. Более всего угнетало их то, что Али, сын шарифа, вынужден был бежать, спасая свою жизнь.

Так саудовцы положили конец почти тысячелетней династии хашимитов, на протяжении многих веков правившей в самом святом для мусульман городе.

— Да, теперь и впрямь конец всем нашим надеждам на великое арабское государство, — горько жаловался Мухаммед Луи и Самуэлю.

— Мухаммед прав, — признал Луи. — Британцы на это согласились, потому что мы для них — лишь пешки на шахматной доске, которые они передвигают по своему усмотрению.

Самуэль вынужден был признать, что Мухаммед действительно прав — просто потому, что его правоту подтверждали факты. Самуэль и сам не мог понять, почему британцы позволили человеку, подстрекавшему к беспорядкам в день Наби-Муса, так высоко взлететь. Ведь именно благодаря англичанам Амин аль-Хусейни стал муфтием Иерусалима.

Мухаммед рассказал, что Омар Салем и большинство его друзей отдали предпочтение Хусейни, в то время как он сам больше склонялся к Рарибу аль-Нашашиби.

— Нарашибби — такие же патриоты, как и Хусейни, но они хотя бы готовы выслушать англичан и представителей вашей общины, — объяснил Мухаммед друзьям.

В августе 1929 года Далиде было семь лет, а Изекилию только что исполнилось четыре. Как всегда в августе, в Иерусалиме в это время стояла жара, просто невыносимая жара. Кстати, почему-то войны и революции чаще всего начинаются именно летом. Вот и сейчас напряжение между двумя общинами все нарастало, хотя и не достигло еще критической точки. Луи продолжал выступать против поведения англичан, которое считал циничным, а Самуэль, скрепя сердце, вынужден был признать, что евреи могут рассчитывать лишь на свои силы и не должны верить свою судьбу в руки Великобритании. Тем не менее, он по-прежнему отказывался вступить в «Хагану».

Он чувствовал, что стареет, и сильно сомневался, будет ли от него польза в этой борьбе. Только один раз в жизни он готов был убить человека — Андрея, друга Дмитрия Соколова, которого он считал убийцей своего отца. Андрей до сих пор являлся ему в кошмарных снах. Он был единственным человеком, которого Самуэль по-настоящему ненавидел, но даже его он не смог убить. А больше он ни к кому не питал такой ненависти — даже к тем людям, что избili и ранили его в тот роковой день Наби-Муса. Поэтому он не сомневался, что не сможет своими руками убить человека.

В то же время, он никак не мог помешать Луи влиять на Игоря, которого тот убедил вступить в «Хагану», как это сделали трое сыновей Мойши и Эвы. Он очень боялся за этих молодых людей — вчерашних подростков, работающих на этой земле с тем же рвением, что и они сами на протяжении многих лет. Однако Мойша и Эва отнеслись к тому, что их дети вступили в эту подпольную организацию, что доставляла англичанам столько хлопот, вполне благосклонно.

— Луи прав, мы должны быть к этому готовы, — убежденно сказал Мойша.

Самуэль так и не смог подружиться ни с Мойшей, ни с Эвой. Ему не в чем было их

упрекнуть, работали они добросовестно и никогда не жаловались, и даже готовы были работать еще больше. Вели они себя тихо, не пытаясь навязывать своего присутствия остальным обитателям Сада Надежды, хотя и Руфь, и Кася неоднократно приглашали их разделить субботнюю трапезу. Но Самуэлю не нравился их чрезмерный национализм, и он очень сердился, когда Мойша заявлял, что эта земля испокон веков принадлежала евреям, и что евреи имеют на нее больше прав, чем кто-либо другой.

— У меня не больше прав жить здесь, чем у Мухаммеда и его семьи, — сердито отвечал Самуэль.

— Но и у них не больше прав, чем у нас, — парировал Мойша.

— Они — палестинцы, — возражал Самуэль. — И они сами, и все их предки родились здесь.

— Это — земля иудеев, — заявляла Эва. — Наши права на эту землю подтверждают история и Библия.

Она была столь же убежденной сионисткой, как и ее муж, а возможно, даже в большей степени, и высказывалась столь же решительно насчет неизбежной конфронтации между арабами и евреями.

— Ты всегда был романтиком, Самуэль, — сказал Мойша. — Нравится тебе это или нет, но рано или поздно нам придется выйти на смертный бой, потому что вопрос встанет только так: либо мы, либо они.

— Что же вы были за большевики? — вмешалась Кася. — Быть социалистом — значит верить, что все люди равны, независимо от расы и вероисповедания. Вы же сами пострадали из-за того, что вы — евреи, а теперь считаете, что это делает вас какими-то особенными. Просто не могу понять...

— Да, главная цель нашей борьбы — нечто большее, чем просто красивая идея... Да и какая идея может быть лучше, нежели идея социализма? Все люди равны, у всех равные права, никто не лучше и не хуже других, и всех объединяет одно священное понятие: равенство... Сколько можно мечтать, Самуэль? Я тебе одно скажу: эта мечта развеялась, как дым. Те, кто остался верен этой идее, стали контрреволюционерами, врагами народа, подлежащими уничтожению. Как видишь, Самуэль, эта мечта обернулась морем крови. А хуже всего то, что сначала я тоже искренне верил в нее, пока меня не пробудили от сна, и когда я очнулся, то понял, в каком кошмаре жил до сих пор, — в словах Мойши звучала настоящая боль.

Самуэль поднялся из-за стола, не желая продолжать этот разговор. Он опасался, что вконец потеряет терпение и выскажет всё вслух: как от души жалеет о том, что пригласил этих людей в Сад Надежды. Если его чем и привлекала идея социализма, то лишь обещанием построить мир, в котором все люди будут равны, и их не будут разделять ни границы, ни вероисповедание. Он приехал в Палестину вовсе не для того, чтобы с кем-то бороться, и уж, тем более, с арабами. Что плохого они ему сделали?

— Потому что они считают нас чужаками, отнявшими их землю, — упирался Мойша.

— Да, они очень обеспокоены тем, что мы покупаем землю, которую арабские крестьяне не желают сами обрабатывать, — сердито ответил Самуэль. — Они обеспокоены собственным будущим. Мы должны заставить их понять, что ничего у них не отнимаем, просто хотим жить с ними в мире.

Мириам, в общем, разделяла его точку зрения, но, в отличие от Самуэля, она не считала, что вооруженное столкновение с арабами так уже неизбежно. Мать ее была родом из

Хеврона, где и продолжала жить по сей день; сама Мириам в детстве дружила с арабскими девочками, рядом с ними она росла, вместе играла и поверяла свои детские тайны. Эти девочки были такими же крестьянскими детьми, как и она сама, и так же любили эту землю.

— Зря ты с ними так себя ведешь, — укорила она однажды Самуэля. — Они просто не знают Палестины. Но со временем узнают ее получше, и все будет в порядке.

— Не думаю, — ответил Самуэль. — Разве ты не заметила, с какой холодностью Мойша относится к Мухаммеду, и как коробит Эву, что Дина, Айша и Сальма запросто приходят в Сад Надежды, словно к себе домой? Всю жизнь я боролся за то, чтобы меня не смешивали с грязью лишь потому, что я — еврей, и теперь никто не сможет меня убедить, будто мы чем-то лучше других, или что у нас больше прав лишь потому, что так написано в какой-то книге, даже если эта книга — Библия. Я приехал в Палестину из-за того, что любил отца, и из любви к нему должен был это сделать; но я приехал не для того, чтобы строить здесь еврейское государство или отнимать у кого-то свое.

— Это моя родина, Самуэль, я здесь родилась, но не считаю, что у меня больше прав на эту землю, чем у других. Я такая же палестинка, как Мухаммед, но и он — палестинец ничуть не в меньшей степени, чем я, — сказала Мириам. — Так что мы вполне можем продолжать жить рядом.

Но Самуэля по-прежнему сильно тревожили даже не столько вспыхивающие время от времени конфликты между арабами и евреями, сколько растущее с каждым днем отчуждение между двумя общинами. Казалось, те и другие были солидарны только в одном: в своей вражде к британцам, поведение которых в равной степени возмущало и тех, и других, несмотря на то, что в последние несколько лет установилось своего рода перемирие благодаря действиям Арабского комитета, созданного умеренными палестинскими арабами.

Между тем, дети Самуэля росли вместе с другими детьми Сада Надежды, и Мириам говорила с ними на сефардском наречии.

— С отцом и бабушкой я говорила по-испански, с матерью — на иврите, а с подругами — по-арабски. Так что Далида и Изекииль могут свободно говорить на трех языках.

— Лучше бы им было изучить английский, он гораздо больше пригодится им в будущем, — заметил Самуэль.

— А я считаю, что это англичане должны выучить наш язык, — ответила Мириам.

— Они ни за что не потрудятся это сделать.

— Вот поэтому им никогда не узнать душу тех народов, которыми они хотят править.

Это случилось в жаркий день августа 1929 года. Кася как всегда велела детям сидеть тихо, пока взрослые отдыхают, прежде чем снова приступить к работе. Бен, сын Марины, отправился в дом Дины — играть с Рами и Вади. Далида играла с Наймой, а Мириам учила Изекиля читать, постоянно напоминая, чтобы он произносил слова как можно тише и не мешал старшим отдыхать.

В эту минуту неожиданно распахнулась дверь, и в комнату влетел Михаил с пылающим от жары лицом; молодой человек выглядел встревоженным и потрясенным.

— Где Самуэль? — резко спросил он у Мириам, забыв даже поздороваться.

— В лаборатории, — ответила она. — Мы не знали, что ты в Иерусалиме. Что случилось?

Михаил ничего не ответил и выбежал из дома, даже не закрыв за собой дверь. Обеспокоенная Мириам последовала за ним.

Самуэль до крайности удивился, увидев искаженное болью лицо Михаила.

Прежде чем он успел спросить, что случилось, молодой человек протянул ему письмо, которое Самуэль тут же прочел.

«Мой дорогой друг!

Я вынужден с прискорбием сообщить о кончине моей дорогой супруги Ирины. Ее смерть оказалась большой неожиданностью, ведь мы считали, что у нее хорошее здоровье. Врачи установили, что причиной смерти был сердечный приступ. Я прошу вас сообщить эту печальную новость месье Самуэлю Цукеру и попросить его как можно скорее прибыть в Париж, чтобы обсудить вопросы наследства, а также новые условия аренды дома, который она снимала у месье Цукера.

С уважением,
ПЬЕР БОВУАР».

С минуту Самуэль и Михаил смотрели друг на друга, словно не веря своим глазам, а затем вдруг бросились друг к другу в объятия, разрыдавшись. Мириам молча смотрела на них, не смея спросить, что происходит, но женское чутье подсказывало ей, что это письмо как-то связано с их прошлым, с тем самым прошлым, где самовластно царила Ирина, о которой ей рассказывал Самуэль, и как-то даже показал старую фотографию этой самой Ирины. Мириам тихонько вышла из лаборатории, оставив их вдвоем. Она понимала, что ей здесь не место, сейчас она им только мешает.

Когда мужчины вернулись в дом, Самуэль объявили Мириам, что собирается ехать в Париж. Он рассказал о кончине Ирины, даже не пытаясь скрывать, какую боль причинила ему смерть этой женщины, которая никогда его не любила.

— Я поеду с тобой, — ответила Мириам, не задумываясь. — Мы все поедem с тобой.

У Самуэля не было ни сил, ни желания с ней спорить. Она считала, что должна быть рядом в это тяжелое для него время — ну что ж, ее право. Хотя он и не считал так уж необходимым ее присутствие, он согласился.

Мириам, не теряя времени, принялась укладывать вещи. Она решила, что возьмет с собой обоих детей, и не успокоилась, пока не снарядила их должным образом для далекого путешествия. Далиде было уже семь лет, а Изекиилю — почти четыре; они были уже достаточно большими, чтобы перенести все неудобства дальней поездки. Кроме того, Мириам надеялась, что они смогут хоть как-то отвлечь отца от печальных мыслей.

Через несколько дней они сели на пароход и отплыли в Марсель. Самуэль уезжал с тяжелым сердцем, зная, что с таким трудом установившееся хрупкое равновесие между арабами и евреями снова вот-вот нарушится. В тот год, когда в Иерусалиме развернулись военные действия, Афдаль, сын Саладина, захватил Стену Плача — самое священное для иудеев место. Это место с давних пор служило яблоком раздора между иудеями и мусульманами, которые тоже считали Стену своей святыней, ибо здесь якобы пророк Мухаммед когда-то привязал своего коня Бураза. Кроме того, возле Стены находилась мечеть Аль-Акса.

И теперь британцы старались не подпускать евреев к Стене, даже запретили им дудеть в шофар (то есть бараний рог) во время их священного праздника Ямим Нораим.

Однако летом 1929 года муфтий Амин аль-Хусейни пошел еще дальше, запретив евреям молиться у Стены Плача. 15 августа группа евреев устроила демонстрацию возле Стены, отстаивая свое право молиться. Некоторые свидетели утверждали, что они выкрикивали

оскорбления в адрес мусульман, а у иных хватило дерзости даже на то, чтобы оскорбить Пророка, что якобы и послужило главной причиной того, что большая группа арабов после молитвы в мечети Аль-Акса напала на молившихся у Стены Плача евреев.

— Что-то у меня на душе неспокойно, — признался Самуэль Мухаммеду.

— Чему быть — того не миновать, — ответил Мухаммед, чье сердце разрывалось.

— Я доверяю тебе, как никому другому, как доверял лишь твоему отцу, моему дорогому другу Ахмеду, поэтому прошу позаботиться о жителях Сада Надежды.

— Даю слово, — заверил Мухаммед, пожимая ему руку.

23 августа, когда Михаил, Самуэль и Мириам с детьми плыли в Марсель, на улицах Иерусалима произошло очередное кровопролитие. Но Самуэль узнал об этом лишь по прибытии во Францию, прочитав в газетах, и поговорив со знакомым евреем в Марселе.

— После молитвы, во время которой муфтий изрядно подогрел верующих своими речами, возбужденная толпа спустилась к Священной скале, рядом с которой находится мечеть Аль-Акса, а потом направилась громить еврейские кварталы Иерусалима — Рамат-Рахель, Бейт-Хакерем, Бейт-Ве-Ган, Санхедрию. Британская полиция вела себя так, будто это не касается; когда же она наконец соизволила вмешаться, было уже поздно: десятки и сотни людей были убиты. Но самое худшее ждало впереди. Спустя несколько дней волна погромов прокатилась и по другим городам, в результате чего в Хевроне и Цфате убили больше шестидесяти человек.

— Но... но почему? — спросил Даниэль со слезами на глазах.

— Думаю, вы знаете это лучше меня. Кажется, арабам не понравилось, что евреи молились у Стены Плача; по-моему, сионисты даже устроили демонстрацию и водрузили на Стене свой флаг. Полагаю, что это переполнило чашу терпения мусульман, а муфтий, как известно, вовсе не миротворец, — объяснил им знакомый Самуэля.

— Но у нас в Хевроне арабы всегда жили в мире с евреями, — недоумевала Мириам. — Мы всегда были хорошими соседями, даже друзьями...

У Мириам задрожали губы. Она подумала о своей старой матери, о своих дядьях... Удалось ли им выжить в этой бойне?

Ей никак не удавалось унять дрожь и сдержать слезы.

— Мы постараемся связаться с Луи и твоим зятем Йосси, — успокаивал ее Самуэль. — Ты сама убедишься, что с твоими родными все в порядке.

Но слова мужа служили ей слабым утешением.

— Этот человек заслуживает смерти, — сердито сказал Михаил.

— Что за человек? — спросил Самуэль, которого сильно встревожила переполняющая Михаила ненависть.

— Этот муфтий, Амин аль-Хусейни. Тот самый, что устроил ужасную резню в день Наби-Муса, а теперь — новое побоище. С ним нужно покончить, иначе он никогда не остановится.

— Как ты можешь так говорить? — ужаснулся Самуэль. — Да, этот человек — сумасшедший фанатик, но неужели ты хочешь быть таким же, как он?

— Я уже не ребенок, Самуэль, и ты не вправе мне указывать, что я могу говорить, а что нет, и уж тем более не можешь запретить мне думать и чувствовать. Этот человек не принесет нам много горя.

По прибытии в Париж самые страшные опасения Мириам подтвердились. Во время теракта были убиты ее мать и оба дяди, а сестра Юдифь погрузилась в полное безмолвие, и теперь ничто не могло вывести ее из этого состояния. В время рокового дня Наби-Муса она потеряла зрение, теперь же погибли ее мать и дядья — погибли при попустительстве соседей, которым она привыкла доверять, как самым близким друзьям. Йосси не знал, что и делать; даже Ясмин, любимая дочь, умоляла мать сказать хоть слово, но так и не дождалась ответа.

Мириам казнила себя за то, что уехала из Палестины и теперь не может даже похоронить мать и утешить в горе сестру Юдифь. Она умоляла Самуэля отпустить ее назад в Палестину, но тот не желал даже слышать об этом.

— Ты все равно не можешь ничем помочь, — ответил он. — Мы вернемся, как только решим все вопросы, ради которых едем в Париж; обещаю, что мы не задержимся там дольше недели.

Однако обещание он не сдержал. Они задержались в Париже на долгих четыре года.

Месье Бовуар встретил их очень доброжелательно. Казалось, он искренне переживает смерть Ирины.

— Она умерла от сердечного приступа, — сказал он. — К сожалению, меня тогда не оказалось рядом. Ирина часто засиживалась в магазине допоздна. Она любила иногда там запереться, чтобы навести порядок или составить букеты, чтобы продать их назавтра с утра. Она так любила свою работу, что, занимаясь ею, даже забывала о времени. Когда я проснулся в тот день, горничная сказала, что мадам не пришла домой ночевать. Я забеспокоился и тут же бросился в магазин. Она лежала на полу, сжимая в руке несколько роз... Врач сказал, что смерть была мгновенной и почти безболезненной.

Слушая эту исповедь, Михаил даже не пытался скрывать своей враждебности к месье Бовуару.

— Но ведь наверняка были какие-то симптомы, вы могли бы заметить, что с ней не все в порядке, — упрекнул его он.

— Она очень много работала и никогда не жаловалась ни на какие недомогания, — возразил месье Бовуар. — Я не собираюсь перед вами оправдываться, но могу заверить, что всегда заботился о жене.

Самуэль поспешил вмешаться, чтобы не допустить ссоры между Михаилом и месье Бовуаром. Ему тоже не нравился этот человек, но именно его Ирина назвала своим мужем, и Самуэль должен был уважать ее волю.

Они договорились встретиться через два дня в доме нотариуса. Месье Бовуар сообщил, что Ирина составила завещание, но его содержание ему неизвестно.

Дом остался таким же, каким Самуэль его помнил. Ирина очень старалась сохранить здесь все как прежде — на случай, если Самуэль или Михаил когда-нибудь вернутся.

— Я даже не представляла, что у тебя есть такой роскошный дом, — сказала Мириам Самуэлю.

— Роскошный? — переспросил Самуэль, пораженный впечатлением, которое произвел дом на жену. — Но дом вовсе не роскошный. Это всего лишь маленький буржуазный домик.

— Но разве это не роскошь — бархатные кресла, столы из красного дерева... и картины... и зеркала... А эти кружевные гардины и бархатные портьеры на окнах? Я никогда не видела ничего подобного.

Даниэль казался столь же ошеломленным.

— Вот уж не знал, что ты так богат, — произнес он с нескрываемым удивлением.

— Не обольщайся, это не дом богача. Вот навестим кое-каких друзей, тогда увидишь, что такое по-настоящему богатый дом.

В назначенный день Самуэль и Михаил отправились в дом нотариуса. Мириам заявила, что ей идти не стоит, она лучше побудет дома с детьми. Стояла жара, и единственное, чего ей хотелось — поскорее вернуться в Палестину, навестить могилу матери и обнять сестру. Она уже жалела, что приехала в Париж, где все было чуждым.

Все свое имущество Ирина завещала Михаилу. Месье Бовуару она не оставила ничего. Кроме того, нотариус вручил Михаилу и Самуэлю письма, которые Ирина передала ему незадолго до того, как составила завещание.

Пьер Бовуар был расстроен и обескуражен, когда услышал, что Ирина ничего ему не оставила: ведь как-никак она была его женой, пусть даже только формальной. А Михаилу казалось, что этого унижения еще мало для мужа Ирины; по его мнению, этот человек заслуживал куда более суровой кары.

Михаил получил в наследство все ее сбережения — а сумма оказалась весьма немаленькой — а также драгоценности, картины, богемский хрусталь и столовое серебро.

Прочитав письмо Ирины, Михаил не смог сдержать слез.

«Мой дорогой Михаил!

Я понимаю, что ты так и не смог ни понять, ни принять того, что я вышла замуж за месье Бовуара. Ты, наверное, считаешь меня эгоисткой, что я думаю лишь о своих удобствах. К сожалению, здесь ты прав. Я сама была бы рада полюбить Самуэля, как мечтала Мари; она думала, что так было бы лучше для всех нас. Но, так уж случилось, что в моей душе никогда не было к нему любви, и я не могу себя за это винить; тем не менее, я всегда была ему верным другом. Всегда ценила его доброту, щедрость, самоотверженность, его талант, и знаю, что настанет день, когда ты сможешь оценить его по достоинству.

Все имущество я оставляю тебе, потому что всегда считала тебя своим сыном, которого мне так хотелось иметь; порой мне казалось, что ты и есть мой сын. Я не знаю, когда и при каких обстоятельствах ты сможешь прочесть это письмо, но когда бы это ни случилось, ты должен знать, что я люблю тебя всем сердцем, и не было в моей жизни ни единого дня, когда бы я не вспомнила о тебе.

Твоя навеки

ИРИНА»

До Самуэля и Мириам донеслись сдавленные рыдания Михаила. Самуэль хотел было броситься к нему, но Мириам непустила.

— Оставь его, — сказала она, когда они вышли из комнаты. — Он должен побыть один. Лучше прочти свое письмо: сдается мне, ты боишься его читать.

«Дорогой Самуэль!

Когда ты прочитаешь это письмо, меня уже не будет, но я не могу покинуть этот мир, не поблагодарив тебя за все, что ты сделал. Я столь многим тебе обязана! Я была обречена на страдания, а ты смог вернуть меня к жизни. Я знаю, что ты любил меня, но если бы ты знал, как я страдала, что могу любить тебя лишь как друга или брата. Ты, наверное, не раз задавался вопросом, чем вызвано подобное отношение к мужчинам.

Я не рассказала об этом даже Мари, и теперь жалею, потому что знаю, что она смогла бы мне помочь, посоветовать, залечить эту рану, которая никогда не переставала

кровоточить. Помнишь, я говорила, что когда-то служила няней в той богатой семье, у Новиковых? Так вот, граф Новиков меня изнасиловал, а когда узнал о последствиях, еще и избил. После этого мне пришлось пережить аборт. Я так и не смогла до конца оправиться после всех этих кошмаров. Надеюсь, теперь ты сможешь меня понять. С тех пор мое сердце навсегда закрылось для мужчин и для любви. Сначала я чувствовала себя грязной и считала, что должна понести наказание за случившееся, а потом моя душа осталась навсегда выжженной. Все, кого я в жизни любила — это ты и Михаил, вы моя семья. Прошу тебя, позаботься о Михаиле. Он очень тебя любит, хотя и не желает этого показывать.

Мой дорогой Самуэль, я надеюсь, что теперь ты сможешь меня понять и простить.

Твоя
ИРИНА»

Он молча стоял, закрыв глаза, чувствуя глубокую боль в груди. Из всех сил он старался сдержать слезы, но в конце концов они все равно прорвались наружу, хлынув потоком.

Эту ночь и Самуэль, и Михаил провели в одиночестве. Оба не желали никого видеть, и ни один из них не нашел в себе достаточно мужества, чтобы выйти из своей комнаты. Мириам все понимала без слов, поэтому попросила детей не шуметь, пока она готовит ужин. Даниэль ей помогал. В эти минуты она чувствовала особенную близость со своим старшим сыном. Оба они были чужими в этом мире кружевных гардин и фотографий в серебряных рамках. Они долго шептались, утешая друг друга. Даниэль признался, что хочет вернуться в Палестину, а Мириам пообещала, что они вернутся туда в самое ближайшее время: ведь после оглашения завещания их в Париже больше ничто не держало..

Однако Самуэль решил иначе.

— Мы сейчас не можем уехать, я должен решить, что нам делать с этим домом; раньше за ним присматривала Мари, потом — Ирина, а сейчас...

Мириам с досады закусил губу. Она уже давно хотела отсюда уехать; Самуэль обещал ей, что они обязательно вернутся домой, и просил задержаться в Париже всего лишь на две недели. Они с Даниэлем чувствовали себя здесь совершенно потерянными. Они совершенно не знали французского языка, а сам город казался таким огромным... Да, спору нет, он очень красив, но оказался совершенно негостеприимным. Она всегда считала, что Иерусалим — большой город; однако в сравнении с Парижем он показался бы не более чем большой деревней.

— Так оставайся, я поеду одна с детьми. И не волнуйся за нас, мой старший сын Даниэль уже взрослый.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, Мириам, я буду беспокоиться.

— Я хочу вернуться в Палестину, — сказала она. — Мне нужно поплакать на могиле матери. Ты должен понять.

— Останься хоть на неделю... Только на одну неделю, я обещаю...

Он попросил жену не только задержаться на неделю, но и сопровождать его на ужин в доме месье Шевалье — аптекаря, в лаборатории которого он работал во время своего прежнего пребывания в Париже, вскоре после смерти Мари.

— Он научил меня всему, что я знаю о фармакологии, и убедил, что химик вполне может быть хорошим фармацевтом. Я не могу его обидеть, отказавшись от приглашения. К тому же они очень хотят познакомиться с тобой, Мириам. Ты — моя жена и должна меня сопровождать.

Мириам удивилась, что Самуэль не разделяет ее горя. Казалось, ему совершенно нет дела до ее боли, которая до сих пор ее мучила, с тех пор как погибли родственники, а Юдифь тяжело заболела. Казалось, уехав из Палестины, Самуэль сжег за собой все мосты. Мириам уже давно хотела вернуться, однако настойчивость Самуэля, с которой он уговаривал ее остаться, заставила ее поверить — возможно, Самуэль понял, что любит ее сильнее, чем считал, и теперь таким образом в этом признается.

— Я попрошу Михаила, чтобы он прогулялся с вами по магазинам, — сказал Самуэль. — Боюсь, что одежда, к которой мы привыкли в Палестине, не слишком подходит для Парижа.

— Мне нравится моя одежда, хотя я понимаю, что она выглядит слишком скромной по сравнению с тем, что носят здешние дамы; но я — это я, и не хочу быть другой, — заявила Мириам.

— Я люблю тебя, Мириам, такой как есть, и прошу быть терпеливой.

— Дети уже вконец измучились, сидя в четырех стенах, им нужен свежий воздух...

— Я уже говорил с консьержкой, и она рекомендовала свою племянницу, она будет помогать по хозяйству и присматривать за детьми. Ее зовут Аньес, и если ты не против, она придет завтра с утра. Меня заверили, что эта девушка — превосходная экономка и няня.

— Дети не понимают по-французски...

— Они могут его выучить...

Михаил не желал понимать, как Самуэль может развлекаться, зная, что Ирины больше нет, и наотрез отказался сопровождать их на ужин.

Мириам по этому случаю купила себе строгое платье из черного шелка, но как ни уговаривал ее Самуэль, категорически отказалась идти в парикмахерскую, чтобы сделать прическу. Она еще оплакивала свою мать, и ей казалось настоящим предательством в такое время переступить порог столь суетного места, как парикмахерская.

Месье Шевалье выглядел постаревшим. После смерти жены, скончавшейся два года назад, его жизнь утратила смысл. Детей у них не было, и они с женой были друг для друга всем. Одиночество стало для него совершенно непереносимым, и, если бы не чувство ответственности перед сотрудниками, он давно бы закрыл лабораторию.

Среди приглашенных был и Давид Перец, сын Бенедикта Перца, торговца и друга дедушки Самуэля, который столько помогал ему в прошлом, сначала — открыв путь в Палестину, а позднее — устроив на работу к месье Шевалье. Самуэль извинился перед Давидом за то, что не смог приехать на похороны его отца. Известие о его смерти дошло до Самуэля лишь в бурные дни Наби-Муса.

Однако его ждал еще один сюрприз, который приготовили месье Шевалье и Давид Перец. Когда Самуэль представлял Мириам своих старых друзей, вдруг донесся женский смех, который показался очень знакомым. Не сдержав любопытства, Самуэль обернулся.

— Катя! — воскликнул он, не веря своим глазам.

— Самуэль! Бог мой, это и в самом деле ты! Ты здесь!

Они горячо обнялись прямо на глазах у остолбеневшей Мириам, даже не заметив, какими взглядами обменялись при этом месье Шевалье и Давид Перец.

Они не в силах были ни оторваться друг от друга, ни сдержать слез радости. Для Самуэля Катя Гольданская была самым лучшим воспоминанием из прошлого; глядя на нее, он видел старого учителя Густава Гольданского, своего друга Константина и потерянную жизнь в Санкт-Петербурге.

— Ты совсем не изменилась, — сказал Самуэль по-русски, не сводя глаз с Кати Гольданской.

— Бессовестный лжец! — ответила она без тени жеманного кокетства. — Как я могла не измениться? Или ты считаешь, что годы прошли мимо, не оставив следов?

Но Самуэль по-прежнему видел в ней ту Катю, какую помнил — элегантную молодую графиню со светлыми шелковистыми локонами и голубыми глазами, ясными и чистыми, с фарфоровой кожей, прелестную, как и в те далекие дни, когда она была ребенком. Возраст пошел ей лишь на пользу, добавив утонченной элегантности. Катя была на несколько лет моложе его — сейчас ей, должно быть, около пятидесяти.

Мириам смотрела на них в полной растерянности. Эта женщина, казалось, сошла с картины, она выглядела совершенно неземным существом. Мириам сразу догадалась, кто она такая. Самуэль много рассказывал ей о Константине и Кате, но она даже не подозревала, что Катя настолько красива. На какой-то миг ей захотелось выбежать прочь из гостиной. Она была всего лишь простолюдинкой... Там, в Иерусалиме, это им не мешало, но здесь, в этой роскошной гостиной... Она ощущала на себе недружелюбные взгляды, какие украдкой бросали на нее дамы, разглядывая слишком скромное платье и небрежно забранные в пучок на затылке волосы.

— А это, должно быть, Мириам? — осведомилась Катя, рассматривая его жену и обнимая ее.

— Лучше говори по-английски, — предупредил Самуэль.

Остаток вечера они провели в воспоминаниях о прошлом и рассказах о нынешней своей жизни, несмотря на то, что каждый имел некоторое представление о жизни другого, ведь Константин и Самуэль все эти годы переписывались. С английского языка они перешли на французский, а с французского — на русский, на родной язык, на котором произнесли первые слова, на котором любили, радовались и горевали.

— Мой брат сейчас в Лондоне. Он очень хочет приехать, но ему нужно заключить очень важную сделку, — объяснила Катя. — Он приедет через несколько дней. Он очень просил тебя задержаться, говорил, что ты не можешь уехать, не повидавшись с ним. К тому же, ты ведь еще не знаком с его женой Верой и сыном Густавом. Да-да, его крестили этим именем, в честь нашего деда.

Когда гости разошлись, Самуэль проводил Катю до дома ее друзей, у которых она гостила, вырвав у нее согласие завтра пообедать вместе.

Встреча с Катей так взволновала его, что он даже не заметил, как неловко чувствуют себя Мириам и Даниэль. Юноша промолчал весь вечер: он ни слова не понимал по-французски и чувствовал себя совершенно чужим в этой среде, где для каждого блюда полагалось пользоваться особой вилкой, а дамы были так сильно надушены, что от ароматов у него кружилась голова.

Вечером он снова начала приставать к Мириам:

— Мама, я хочу вернуться в Палестину!

— Мы нужны Самуэлю, — ответила она. — Вернемся, как только он решит все вопросы. Я тебе обещаю.

Самуэль, со своей стороны, очень нервничал и просил Мириам приложить все усилия, чтобы Катя чувствовала себя в их доме как можно уютнее.

— Она привыкла иметь все самое лучшее, — говорил он. — Надеюсь, племянница

консьержки прилично готовит?

— Не так важно, как она готовит, — заверила его Мириам. — Главное, чтобы мы могли собираться все вместе за одним столом.

Михаил едва помнил Катю, но был рад поговорить с человеком из прошлого — того безмятежного прошлого, где он был счастлив, где был жив его отец.

Катя и Самуэль начали вспоминать разные смешные случаи из детства, когда они вместе играли.

— На самом деле они с Константином часто бросали меня одну в детской, — жаловалась Катя. — И никогда ничего мне не рассказывали. Я была им нужна, только когда надо было отвлечь нашу фройляйн, чтобы они могли осуществить какую-нибудь очередную проказу.

— Вчера ты сказала, что вы переехали жить в Лондон. Почему? — спросил Самуэль.

— Потому что жить в России после революции очень нелегко, — ответила Катя. — У нас есть три совершенно непростительных греха: мы богаты, знатны и наполовину евреи.

— Но ведь революция обещала положить конец розни между людьми. Религия перестанет быть важной... — начал Самуэль, но Катя не дала ему продолжить.

— Это вы с братом так считали, но на самом деле, увы, этого не случилось. Константин не хотел тебя расстраивать, поэтому далеко не все рассказывал в письмах... Мы много страдали, Самуэль, ты даже не представляешь, как мы страдали, а больше всех — бабушка. Казалось, мир вокруг рушится, хотя Константин и пытался нас защитить... Однажды утром к нам в дом явились несколько членов Петербургского Совета. Их послал комиссар по имени Феликс Суров. Они смотрели на нас как на ворье. Нам объявили, что частная собственность упразднена, и наш дом нам больше не принадлежит. Короче говоря, дом разделили между двадцатью другими семьями. Бабушка пыталась возражать... бедняжка! Наш дом внезапно наводнили все эти люди. О, если бы ты их видел, Самуэль! Я не виню их — нет, ни в чем не виню, но как же мы их ненавидели! Я помню, как одна женщина заявила бабушке: «Вот так особнячок! Неплохо живут баре: кругом сплошной шелк и золото!» С этими словами она сбросила со стола на пол бабушкины фарфоровые статуэтки. Потом началось какое-то безумие. Они топтали ногами яйца Фаберже, которые подарил ей дед, срывали со стен картины, заявив, что эта мазня годится лишь на топливо. Бабушка дрожала, как в лихорадке, но сохраняла достоинство.

Кое-кто из слуг попытались заступиться, сказав, что мы всегда к ним хорошо относились, но это лишь разозлило Сурова, который был у них главным. Этот человек делал все, чтобы нас унижить, называл врагами народа и говорил, что мы должны заплатить жизнью за все страдания, которые ему причинили. Веру, жена Константина, трясло.

Она ждала ребенка и очень боялась гнева этого человека. Я попросила брата с ними не спорить. Нам пришлось привыкать к новой жизни, иначе мы бы погибли. Не хочу тебя обманывать, это оказалось совсем непросто. Наша жизнь превратилась в ад. Иван... Ты помнишь Ивана, нашего кучера? Хороший человек, очень преданный нашей семье. Он приютил нас в своей каморке рядом с конюшней. Это он тогда помог вам с Ириной и Михаилом бежать... Так вот, Иван был знаком с этим Суровым, тот был учителем его внуков. Охранка в свое время арестовала его за участие в революционной деятельности, и он выжил лишь чудом. Иван всегда приходил к нам на помощь, когда Феликс Суров нас оскорблял, но тот снова и снова называл нас контрреволюционерами за то, что мы несогласны с его

методами.

Глаза Кати потемнели при воспоминании обо всех этих ужасах. Михаил неотрывно смотрел на нее, еле сдерживая возмущение.

— Хочешь сказать, что те, кто устроил революцию, вели себя, как настоящие подонки? — спросил Самуэль.

Катя помедлила несколько секунд, стараясь подобрать слова, которые могли бы хоть немного смягчить гнев Михаила.

— Я не собираюсь защищать нашего последнего царя, он этого не заслуживает, — сказала она. — Как, впрочем, и его предшественников, которых совершенно не заботило, как живут простые люди; они предпочитали видеть в них своих слуг, а не граждан. Они могли бы вести себя, как их немецкие или британские кузены, но и этого не делали; они не в состоянии были понять, что несправедливость не может длиться вечно. Народ ненавидел царскую семью, ненавидел дворян, ненавидел буржуазию, ненавидел всех тех, кто смотрел на них свысока, пока простые люди едва сводили концы с концами, чтобы прокормить детей.

Катя пристально взглянула на Михаила, прежде чем продолжить.

— Я знаю, что твой отец, Юрий, был революционером, а мой брат и Самуэль сочувствовали социалистам, потому что ни один человек, у которого есть сердце, не сможет терпеть подобной несправедливости. Я сама никогда не имела дела с революционерами, как мой брат, но считала, что Россия нуждается в переменах, я так надеялась, что царь сможет провести реформы, что у нас будет парламент, где станут обсуждать проблемы народа... И ведь не было необходимости придумывать что-то новое, перед глазами была британская модель.

— Я никогда не поверю, что революционеры могли вести себя, как палачи, — не сдавался Михаил.

— После гражданской войны Россия совершенно обескровлена. Красная армия, Белая армия... Именно те, кто делал революцию, и творили потом самые страшные злодеяния. После революции в России творился все тот же кошмар, что и при царе, и даже хуже, — последние слова Катя почти выкрикнула Михаилу в лицо, пронзая его полным ярости взглядом.

— Неужели ты настолько наивна, что всерьез веришь, что эти надменные аристократы, эта каста господ во главе с царской семьей, подмявшая под себя Россию, вдруг начнут делать реверансы перед простым народом и признаются, что на протяжении долгих веков бессовестно его обирала? — повысил голос Михаил. — Ты в самом деле думаешь, что они захотели бы с кем-то делиться властью? Да ни за что на свете. Кому-то надо было начать, и это сделали мы. Такие люди, как мой отец, отдавали свои жизни, чтобы поднять Россию с колен. Стоит ли жить, зная, что до последнего часа останешься рабом?

— Дедушка и бабушка с детства внушали нам, что нужно уважать других, — спокойно ответила Катя. — Они никогда бы не позволили нам с Константином вообразить, будто мы чем-то лучше остальных только потому, что родились в дворянской семье. А бабушка всегда с большим уважением относилась к прислуге.

— Согласен, вы были лучше прочих, — признал Михаил. — Но почему вы должны были иметь какие-то особенные привилегии, пока у других не было ничего? Тебе стоило бы съездить в Палестину и посмотреть, как мы, евреи, там живем. Да и пожить в кибуце тоже

бы не помешало... У нас нет никакой частной собственности, все общее, и никто не вправе что-то решать без согласия остальных. Кухня, еда — все общее, дети растут вместе. И знаешь, кто создал это чудо равенства? Русские евреи — люди, которые думали так же, как мой отец. Да, это нелегко — жить в кибуце, это по силам только лучшим людям, тем, кто действительно верит, что все люди равны, и никто не должен иметь больше других.

— Да равенство — это чудесный сон. Но скажи, Михаил: считают ли русские социалисты в Палестине, что все вокруг должны жить так же, как они? Бросают ли в тюрьмы тех, кто с ними не согласен? Убивают ли тех, кто пытается сопротивляться? Обязательно ли в Палестине быть коммунистом? Так вот, наши революционеры устроили в стране настоящий террор. Они утверждают, что действуют на благо народа, только у самого народа не потрудились спросить, как он хочет жить, — закончила Катя, не собираясь уступать Михаилу.

Самуэль сжал Катину руку и попросил продолжить рассказ.

— Бабушка умерла от сердечного приступа. Она не смогла пережить горя, когда Константин с женой потеряли ребенка. Девочка родилась преждевременно и была очень слабенькой. Вера была больна, молока не было. Мы с Константином делали все возможное, чтобы раздобыть молоко, но нам не всегда удавалось. Мы продали почти все, чтобы достать молока для девочки, но даже будь у нас все деньги мира, нам не всегда удавалось найти молоко. Девочка заболела и умерла на руках у Константина... Вера от горя чуть не лишилась рассудка, она винила себя, что родила на два месяца раньше срока, и за то, что у нее нет молока. Бабушка была просто убита горем. Я благодарю Бога за то, что она умерла во сне; врач сказал, что она совсем не страдала.

С этой минуты Константин решил, что мы должны покинуть Россию. У нас отняли всё: дом в Санкт-Петербурге, летний дом в Ялте... Правда, бабушке удалось сохранить кое-какие драгоценности. Мы передали их Ивану, нашему кучеру, который спрятал их в сарае вместе с несколькими картинами, которые Константин вынул из рам и аккуратно свернул. Мы смогли также спасти документы, подтверждающие наши права на счета в английском и швейцарском банках, которые открыл еще дед. Правда, мы не знали, сколько там денег, но молили Бога, чтобы их оказалось достаточно для того, чтобы начать новую жизнь.

Бабушкины драгоценности очень намгодились: с их помощью мы смогли подкупить таможенников и выехать в Швецию, а оттуда — в Англию. Это был очень нелегкий путь; кому как не тебе это знать, ведь тебе и самому в свое время довелось его совершить. А у нас еще и Вера была больна и не хотела жить после смерти дочки.

Мы переоделись крестьянами, чтобы скрыться от погони, но все равно слишком многие догадывались, кто мы такие. Мы остановились в одной деревушке недалеко от границы. Там мы нарвались на отряд революционеров, которым мы чем-то не понравились. Слава Богу, они не догадались, что мы везем драгоценности: мы их зашили в подол пальто. Видимо, где-то неподалеку располагались части Белой армии, возле границы постоянно шли бои.

Нас собирались отвезти под конвоем обратно в Санкт-Петербург, но, к счастью, той же ночью белые атаковали деревушку, и в суматохе нам удалось бежать... Видел бы ты, как мы бежали сквозь пургу, пока не добрались до леса, где нам удалось спрятаться. Константин подгонял, не давал передохнуть ни минуты. Потом Вера потеряла сознание, и брат взвалил ее на плечи, как мешок, но так и не позволил остановиться. Я плакала, говорила, что нужно передохнуть, оказать помощь Вере. Я боялась, что она умрет... Но он словно не слышал. Все шел и шел, и именно это больше всего меня пугало. Порой он спотыкался, даже падал, роняя

Веру в снег, но тут же снова вставал, взваливал ее на спину и продолжал идти.

Мы провели в лесу несколько дней, дрожа от страха, что красноармейцы могут найти нас в любую минуту... Однако Бог сжалился над нами, и однажды вечером мы встретили охотников, которые оказались дружелюбными. Так мы узнали, что добрались до Швеции.

Мириам и Даниэль не знали русского языка и не понимали, о чем говорит Катя. Она внезапно перешла с английского на этот незнакомый язык, ибо лишь на нем могла передать всю ту боль, которую ей довелось пережить. Потом несколько секунд все молчали, после чего Самуэль и Михаил вновь заговорили — и тоже на русском. Мириам встала и вышла из гостиной. Она поняла, что они с Даниэлем здесь лишние, что воспоминания о прошлом принадлежат лишь тем троим.

Потом, правда, Самуэль рассказал все, что узнал от Кати о бегстве из Санкт-Петербурга в Лондон, где они теперь жили.

Константин с удивлением узнал, что на счетах его деда в швейцарских и английских банках денег оказалось не так уж много, но все же достаточно, чтобы вести достойную жизнь.

Они сняли дом в Кенсингтоне. Не слишком большой, но все трое чувствовали себя там уютно. Они даже смогли нанять прислугу — мать и дочь, одна оказалась превосходной поварихой, а другая — горничной. Вера и Катя отговаривали Константина от этого шага, не желая транжирить деньги, которые могли бы пригодиться, но тот не желал, чтобы жена и сестра сами занимались стряпней и уборкой.

По совету старых друзей Константину удалось удачно вложить деньги, и теперь они жили на проценты с этих вложений.

— Мы живем очень просто, — объясняла Катя. — Но у нас достаточно средств, чтобы ни в чем не нуждаться.

Катя понимала, насколько трудно было Вере приспособиться к новой жизни. Ее родители принадлежали к старинному дворянскому роду, детство и юность она провела при дворе. Однако Вера никогда не жаловалась и приняла перемены с достоинством. Она любила Константина и не представляла себе жизни без него; так же, как и Катя, она прилагала все усилия, чтобы не доставлять ему лишних хлопот.

Как утверждала Катя, Лондон был еще более космополитичен, чем Санкт-Петербург. Так что они там освоились очень быстро и даже были весьма радушно приняты в доме Вериного дяди, женатого на английской аристократке.

Теперь Катя поглощала все время Самуэля. Они вместе обедали, он сопровождал ее в Оперу, они вместе наносили визиты друзьям, таким же русским изгнанникам. Мириам далеко не всегда к ним присоединялась. Она чувствовала себя лишней в их компании; ей казалось, что она становится чужой для Самуэля, и что он тоже становится чужим.

— Завтра приезжает Константин, — сообщил он однажды Мириам. — Я с нетерпением жду встречи. Он тебе понравится. Именно он и есть настоящий аристократ, а вовсе не те щеголи, которых ты видишь вокруг.

И Мириам действительно с первой встречи прониклась к нему симпатией. Константин оказался еще красивее, чем она представляла, а, главное, вел себя с ней, как истинный джентльмен, заставляя ее чувствовать себя настоящей принцессой.

Константин сразу же потребовал, чтобы в присутствии Мириам и Даниэля все говорили только по-английски, и даже отказался отвечать, когда Катя и Самуэль, сами того не замечая, перешли на русский язык.

— Где ваши манеры? — упрекнул Константин. — Вы же видите, Мириам нас не понимает, и, поскольку все мы знаем английский язык, то должны говорить только по-английски.

После его приезда Мириам стала охотнее бывать в домах русских аристократов, бежавших от революции. В обществе Константина она не чувствовала себя чужой. Он всегда был неизменно внимателен к Мириам и относился к ней так сердечно, словно она была его родной сестрой.

Если бы она не любила Самуэля, то, наверное, влюбилась бы в Константина; она гнала прочь эти мысли, поскольку ей очень нравилась Вера, хоть она и удивлялась, как такой блистательный человек, как Константин, мог влюбиться в подобную женщину — слишком хрупкую и, если честно, не такую уж и красивую. Среднего роста, очень худенькая, с каштановыми волосами и карими глазами, Вера едва ли могла бы привлечь внимание, если бы не благородная осанка и шелковое платье.

Мириам очень робела перед ней, остро переживая свое ничтожество, несмотря на то, что Вера всегда вела себя корректно и внимательно, как и ее муж.

Что касается русских дворян, бежавших от русской революции и теперь пытающихся обрести во Франции новую родину, которых Мириам встречала на приемах, то все они, за исключением Константина и Веры, казались ей невыносимо скучными.

Самуэль и Константин представили Мириам князьям и графам, носителям громких фамилий; те держались так, словно по-прежнему вращались при дворе, хотя многие теперь вынуждены были вести куда более скромную жизнь, чем прежде могли себе представить. Многие из этих изгнанников вынуждены были искать работу, чтобы выжить, и лишь эти приемы, на которые они являлись одетыми в лучшие наряды, ненадолго позволяли окунуться в былые времена.

Мириам недоумевала, видя, какие надменные взгляды бросают на нее эти разорившиеся аристократы. Она понимала, что они считают ее вульгарной. Когда ее спрашивали о жизни в Палестине, она начинала рассказывать о Хевроне, о своей крестьянской семье, о тех временах, когда она вместе с другими детьми пасла коз. Она гордилась своей жизнью и ни за что не согласилась бы поменять ее на другую.

— Ты гораздо красивее, чем все эти княгини вместе взятые, — убеждал ее Михаил, который сразу почувствовал инстинктивную неприязнь ко всем друзьям Кати и Константина.

Но несмотря на это, они все равно продолжали посещать приемы, на которые их водил Самуэль. Присутствие Михаила было для Мириам большим утешением. Ее забавляло, когда он начинал страстно восхвалять революцию, раздражая и заводя всех присутствующих. Он говорил, что большевистская революция была необходима, поскольку царь и дворяне оказались неспособны удовлетворить нужды русского народа.

— Мы были рабами, а теперь стали гражданами, — серьезно заявил он. — Вот только для этого понадобилась революция.

Эмигранты по-настоящему недоумевали, как может говорить подобные вещи молодой человек из окружения Гольданских. Напрасно они пытались ему объяснить, что если целью революции действительно была всеобщая свобода и справедливость, как утверждали большевики, то цели своей они не достигли, поскольку народ так и не получил ни того, ни другого.

Прошло уже два месяца со дня их приезда в Париж, и Даниэль все настойчивее

требовал, чтобы мать вернулась в Палестину. Несмотря на свои несомненные успехи во французском языке, Даниэль не видел смысла дальше оставаться в Париже. Он скучал по лаборатории, скучал даже по Натаниэлю, с которым вечно ссорился; старик очень сердился, когда парнишка без спросу брал инвентарь, чтобы попытаться приготовить какое-нибудь новое лекарство собственного изобретения.

Даниэль так настаивал, что в конце концов Мириам снова завела с Самуэлем разговор о возвращении в Палестину.

— Константин, Вера и Катя завтра уезжают в Лондон, да и ты уже привел в порядок свои дела, — сказала она. — Нам пора возвращаться. К тому же у нас почти не остается времени для детей. Ты не заметил, как выросла Далида? Вся одежда стала ей мала, да и Изекиилю, кстати, тоже. Но все же они еще очень малы, и им нужен дом.

— Вы здесь дома, это и ваш дом, — проворчал Самуэль.

— Это твой дом, а не наш.

— Как ты можешь так говорить? — возмутился Самуэль. — Ты — моя жена, Далида и Изекииль — мои дети, и все, что принадлежит мне, принадлежит и вам. Детям намного лучше в Париже, чем там. Ты ведь и сама заметила, как бойко Изекииль и Далида стали говорить по-французски.

— Ты дал мне слово, Самуэль...

— Ты права, но я еще раз прошу тебя набраться терпения. Я тебе этого не говорил, но собираюсь начать совместное дело с Константином.

Мириам замолчала, расстроившись от услышанного.

— Ты ведь знаешь, что во время своего пребывания в Париже я работал в лаборатории месье Шевалье? Так вот, этот славный человек уже очень стар, а детей у него нет. Он решил продать мне свой бизнес. Лаборатория в отличном состоянии, и цену он предлагает очень хорошую. Таким образом, мы вместе с Константином могли бы продавать лекарства за рубеж. У месье Шевалье есть парочка золотых патентов... Ну, что ты об этом скажешь?

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать, — пролепетала Мириам, чувствуя, как спазмы скрутили желудок.

— Почему бы нам не остаться в Париже? — продолжал Самуэль. — Нет, я не хочу сказать, что мы останемся здесь навсегда, но хотя бы на какое-то время. Ты же знаешь, у меня достаточно денег, чтобы мы могли жить, ни в чем не нуждаясь, и если я часть средств вложу в лабораторию... Полагаю, что я мог бы отсылать в Палестину кое-какие медикаменты, изготовленные в лаборатории месье Шевалье.

— Но ведь у тебя уже есть собственная лаборатория в Саду Надежды.

— Мириам, я тебя умоляю! Эта лаборатория — просто сарай, четыре стены да крыша. Мы могли там готовить только простейшие лекарства, хотя иногда твой зять Йосси заказывал что-нибудь позатейливее. А я тебе говорю о настоящей лаборатории. Я не фармацевт, я химик, хотя и посвятил себя фармакологии.. Скажу честно: эту идею мне подал не кто иной, как Константин. Я хотел бы попробовать...

— Даниэль хочет вернуться, — ответила Мириам, изо всех сил стараясь взять себя в руки, чтобы не падать духом.

— Так пусть возвращается; Михаил сказал мне, что уезжает, так что Даниэль вполне может к нему присоединиться.

— Ты забываешь, что он — мой сын.

— Ты права, — признал Самуэль. — В таком случае, ему лучше остаться.

— Даниэлю нечего делать в Париже.

— Ты ошибаешься: если я куплю лабораторию месье Шевалье, Даниэль сможет работать там. Он узнает много всего полезного, это ему очень пригодится, когда мы вернемся в Палестину.

— Ты точно уверен, что когда-нибудь захочешь вернуться? — спросила Мириам, боясь услышать ответ.

— Разумеется, да! — воскликнул он. — Только прошу тебя: позволь попробовать себя в этом бизнесе. Ты даже не представляешь, что это для меня значит: вновь встретиться с Константином и Катей... К тому же, признаюсь тебе: впервые за много лет я почувствовал себя в мире с самим собой. В Палестине мы постоянно заняты, у нас просто нет времени, чтобы хоть на минутку погрузиться в собственные мысли. Прошу тебя, Мириам...

И Мириам сдалась. Она знала, что, как бы она ни настаивала, Самуэль все равно не согласится вернуться в Палестину — во всяком случае, сейчас. Сама она готова была с этим смириться, но ее беспокоил Даниэль. Ее старший сын так и не освоился в Париже; он по-прежнему ощущал себя чужим в этом красивом и величественном городе. Друзей он здесь тоже не нашел, да и французский язык давался ему с большим трудом, не в пример младшим, Далиде и Изекиилю. Михаил, к его чести, делал все, чтобы ему помочь, и при любой возможности брал Даниэля с собой на встречи с друзьями детства. Даниэль чувствовал себя намного свободнее в обществе друзей Михаила, чем с теми людьми, что окружали Самуэля; однако и эти молодые французы тоже оставались для него чужими.

Мириам описала Даниэлю сложившуюся ситуацию, не скрывая при этом, что по-настоящему боится потерять мужа.

— Если мы уедем, оставив его здесь, боюсь даже подумать, к чему это может привести, — призналась Мириам. — Встретив Константина и Катю, Самуэль вернулся в прошлое, и сейчас это для него важнее всего.

— Ты хочешь сказать, что они для него важнее, чем ты и дети?

— Не совсем так... Он нас любит, любит нас всех, и тебя он любит тоже — он ведь уже это доказал. Но сейчас он нуждается в обществе своих друзей, к тому же не хочет упускать такую прекрасную возможность приобрести лабораторию у месье Шевалье. Кстати, он сказал, что ты сможешь там работать, это даст тебе возможность продолжить обучение. Что скажешь?

— Я понимаю, что ты не должна уезжать от Самуэля. Он — твой муж. Но ты должна понять меня и позволить мне вернуться. Мое место — в Палестине. Там дядя и тетя, Юдифь и Йосси, кузина Ясмин. Ведь они — единственные наши родственники, которые остались... ну, после того, как убили бабушку.

С минуту они помолчали, вспомнив о своей утрате. Мириам едва сдерживала слезы; после гибели матери в ее душе до сих пор кровоточила рана.

— Но Йосси не сможет присматривать за тобой, — возразила она наконец. — Ему хватает забот с моей сестрой. Юдифь очень больна, а Ясмин разрывается надвое, помогая отцу и ухаживая за матерью. Ты станешь для них обузой.

— А я и не говорю, что собираюсь жить с ними, хотя и буду навещать при любой возможности. Я вернусь в Сад Надежды и снова буду работать с Натаниэлем. Он уже давно уговаривает меня продолжить учебу и даже советует поступить в колледж. Ты же знаешь, что Кася и Руфь относятся ко мне, как к родному сыну.

— Да, но... Я не хочу с тобой расставаться, — расплакалась Мириам.

Но тут вошел Михаил, прервав разговор. Он очень удивился, увидев слезы на глазах Мириам.

— Что случилось? — спросил он.

Глаза Михаила сверкнули гневом, когда ему всё рассказали.

— Самуэль нигде и никогда не останется навсегда, — заявил он. — У него нет родины. Сейчас ему хорошо здесь, потому что после долгой разлуки он наконец-то воссоединился с Константином и Кате, но рано или поздно наступит время, когда он оставит их, чтобы вернуться в Палестину или уехать куда-нибудь еще. Он всегда говорит одно, а делает другое. Он бросил меня, когда я был ребенком и видел в нем единственную опору в жизни. Так вот, знай, Мириам, если ты решишь вернуться в Палестину, он за тобой не поедет. Если ты любишь его, то ты можешь только остаться с ним в Париже, пока он сам не решит вернуться. Что же касается тебя, Даниэль, то если хочешь, можешь поехать со мной. Из Марселя в Палестину каждую неделю отплывает пароход. Я могу купить для тебя билет.

— Меня удивляет, что ты хочешь вернуться в Палестину. Ты богат... Унаследовал кучу денег. К тому же ты почти что француз, ты здесь учился и мог бы стать лучшим скрипачом в мире... — ответил Даниэль.

— Да... Здесь осталось мое детство, моя юность, друзья и мечты... Я ведь мечтал стать великим музыкантом. Здесь я был счастлив с Ириной и Мари. Но когда Ирина вышла замуж за месье Бовуара, я не смог этого вынести, и поэтому уехал с Самуэлем в Палестину, хотя на самом деле готов был уехать куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Я даже представить себе не мог, что Палестина окажется для меня такой важной. Порой я задаюсь вопросом, какой же смысл в жизни, полной лишений, которую мы там вели. Но сейчас я хочу жить только там, и нигде больше. Я рад был вернуться в этот город, встретиться с друзьями детства, вновь окунуться в атмосферу этого города со всеми его мелкобуржуазными радостями, в которой я вырос. Да, Париж навсегда останется моим городом. Но именно здесь я понял, как много значит для меня Ясмин. Если бы я мог привезти ее сюда, чтобы жить в Париже с ней вместе... Но это невозможно. Сейчас, когда ее мать тяжело больна, Ясмин не может уехать из Палестины. И теперь я окончательно решил, что женюсь на ней.

Они нежно обнялись. Мириам была тронута словами Михаила, ведь она всегда считала его немного замкнутым, даже угрюмым.

— Я рада, что ты станешь моим племянником, — сказала Мириам. — И уверена, что будешь очень счастлив с Ясмин.

В конце концов, с помощью Михаила Даниэлю удалось убедить мать позволить ему вернуться в Палестину. У Мириам не осталось иного выбора; она была вынуждена либо отпустить сына, либо расстаться с Самуэлем, что было бы для нее еще больнее.

Месяцы сливались в годы, и вот уже наступил 1933 год. Миновало четыре года с тех пор, как они покинули Палестину. Жизнь Мириам и Самуэля катилась по накатанной колее, и они, казалось, были вполне счастливы. Самуэль, как и собирался, купил у месье Шевалье лабораторию и теперь вместе с Константином занимался продажей лекарств в Англию и другие страны Европы, что давало им возможность много путешествовать вместе — как прежде, в далекие годы детства и юности. Месье Шевалье оформил патенты на изготовление лекарственных препаратов, и теперь дело приносило огромную прибыль, особенно после окончания Великой войны.

Особенно часто Самуэль ездил в Лондон и оставался там дольше, чем, как считала

Мириам, было необходимо. Она знала, что во время этих поездок большую часть времени он проводит в обществе Кати. Уже не раз она ловила его слишком нежные взгляды, устремленные на эту женщину.

Она видела, что они с Самуэлем уже давно не были парой, превратившись за эти годы в квинтет, с тех пор как к ним присоединились Константин, Вера и Катя.

Конечно, она не чувствовала себя счастливой, в отличие от Самуэля. Единственным утешением для нее служили письма Даниэля, в которых тот уверял, что у него все замечательно, а также двое младших детей, Далида и Изекииль, которые быстро и легко привыкли к парижской жизни. Каждое утро Мириам провожала их в школу, а после обеда Аньес, молодая няня, водила их играть в Люксембургский сад.

Но в то же время, как ни старалась Мириам привлечь внимание Самуэля, он не замечал ее усилий. В конце концов она даже решила последовать советам парикмахерши и остригла волосы, чтобы стать похожей на парижанку, стала одеваться по парижской моде — едва прикрывающие колени юбки, шляпки, перчатки... Самуэль никогда не жалел на нее денег, позволяя тратить, сколько заблагорассудится, но в то же время никогда не давал себе труда обратить внимание на новое платье жены. Мириам все еще не желала признать, что их брак стал просто ширмой, и теперь их связывают лишь Далида и Изекииль. Самуэль любил детей, и лишь при виде их его лицо озарялось нежностью. Потребовалось еще два с лишним года, прежде чем Мириам окончательно признала, что совместной жизни пришел конец.

Мириам никогда не позволяла себе рыться в бумагах Самуэля, но однажды утром она нашла на полу листок бумаги, выпавший из его кармана. Она подняла его и, едва взглянув, сразу узнала округлый почерк Кати.

«Дорогой, мы так по тебе скучаем! Мы не виделись всего три недели, а кажется, что прошла целая вечность. Вера готовится праздновать именины Густава. Можешь себе представить: моему племяннику исполняется десять лет! В следующем году он уезжает в пансион, и Вера хочет, чтобы эти именины он запомнил надолго, но радость его будет неполной, если с нами не будет тебя.

Ждем тебя с нетерпением.

Твоя навеки

КАТЯ»

Мириам не знала, что и подумать. Она боялась потребовать объяснений у Самуэля, не сомневаясь, что назовет это письмо совершенно невинным, скажет, что в нем нет ни единой строчки, которую можно превратно истолковать. Но при этом она была уверена, что это, несомненно, письмо любящей женщины.

Итак, они пригласили Самуэля на именины Густава, однако ни на нее, ни на детей это приглашение не распространилось. Да и неудивительно: Катя никогда не питала особой нежности к Далиде и Изекиилю, как можно было бы ожидать, учитывая, что они дети Самуэля.

Далида унаследовала от Мириам черные волосы и оливковый цвет кожи. Изекииль был похож на Самуэля — правда, волосы у него были каштановые, а черты лица немного напоминали сефардские, это он тоже унаследовал от матери. Но никто из детей даже близко не был похож на Густава, сына Веры и Константина, напоминающего одного из тех ангелочков, которых так любили изображать художники эпохи Возрождения. Густав был таким очаровательным, белокожим, светловолосым и голубоглазым, что невозможно глаз

отвести. Мириам искренне восхищалась этим ребенком, к тому же, несмотря на юный возраст, он обладал поистине безупречными манерами, не в пример Далиде с Изекиилем, которые постоянно дрались и ссорились, а Мириам без конца приходилось им напоминать, что нельзя бегать и кричать, они должны сидеть смирно и держать спину ровно.

Весь день она не могла дождаться, когда Самуэль наконец-то вернется из лаборатории. Но и тогда ей далеко не сразу удалось выяснить отношения: слишком муж выглядел напряженным и обеспокоенным.

— Через пару недель я собираюсь поехать в Германию, но мне совсем не нравится, что происходит в Берлине, — начал он прямо с порога вместо приветствия.

— Ты имеешь в виду нового канцлера? — спросила она.

— Да, этот Гитлер прямо-таки ненавидит евреев.

— Не понимаю, почему президент Пауль фон Гинденбург назначил его канцлером, — ответила Мириам.

— Для устрашения коммунистов. Немецкие политики боятся, что их соотечественники увидят в коммунизме решение всех своих проблем. Ты знаешь, сколько людей сидит без работы? Страна находится на грани разорения. Константин настоял, чтобы мы наладили продажу лекарств немцам, но это не принесло ничего, кроме головной боли. Не скрою, флаги со свастикой вгоняют меня в дрожь... Многие евреи бегут из Германии; другие не хотят уезжать, поскольку считают себя настоящими немцами. Вот только Гитлер не считает их таковыми. Ты даже представить себе не можешь, какие унижения они терпят...

— В таком случае, тебе не стоит туда ехать, ты же еврей. Так что пусть едет Константин.

— Он тоже еврей.

— Согласна, но все же не такой, как мы.

— Как это не такой? Его дед был евреем.

— Но его мать еврейкой не была, так что его можно считать русским. И, насколько я знаю, он никогда не посещал синагогу.

— Мириам, так ведь и я не хожу в синагогу, да и ты бываешь там очень редко. Или ты считаешь, что еврей — лишь тот, кто посещает синагогу?

— Я считаю, что ты не должен ехать в Берлин. Хочешь заработать еще больше денег? У тебя и так их столько, сколько никогда не потратить.

В тот день они, как всегда, ужинали вместе с детьми. Мириам настаивала, чтобы дети ели за общим столом; вспоминая о Густаве, она очень его жалела, зная, что тот вынужден есть в одиночку или в обществе няни. Вера при всей своей доброте была настоящей аристократкой и полагала совершенно невыносимым, чтобы ребенок сидел за столом вместе со взрослыми. Константин не считал это правильным, но он слишком редко бывал дома, чтобы оказывать какое-то влияние на воспитательные методы своей супруги.

Болтовня собственных детей отвлекла ее от мыслей о Густаве. Далида выросла умной и проницательной девочкой, не устававшей задавать вопросы.

Позднее, когда дети уже легли спать, Мириам наконец-то смогла завести с мужем разговор о письме.

— Я оставила для тебя на комодке письмо — должно быть, его принесли вчера вечером или сегодня утром. От Кати.

Самуэль беспокойно заерзал в кресле, но все же не отвел взгляда.

— Да, меня пригласили на именины Густава.

— Забавно, что не пригласили ни детей, ни меня.

Самуэль не сразу нашелся, что ответить; Мириам пристально взглянула на него, и он отвел взгляд.

— Ну, Катя ведь знает, что ты не любишь путешествовать, — ответил он.

— И почему она так решила? Может быть, потому, что ты никогда и не предлагал мне сопровождать тебя во время нескончаемых поездок в Лондон?

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Самуэль.

— Вот уже четыре года, как я живу в Париже, и никак не могу понять, что же я здесь делаю. Когда я сюда приехала, я была твоей женой, но сейчас — всего лишь нянька для твоих детей. Ты просил дать тебе время — я его дала. У тебя теперь есть твоя лаборатория и жизнь, в которой тебя всё устраивает, и в которой для меня нет места. Так что я уезжаю, Самуэль, возвращаюсь в Палестину. Изекииль и Далида едут со мной.

— Но... я тебя не понимаю! — в голосе Самуэля прозвучало раздражение. — Ты хочешь уехать только потому, что Катя не пригласила тебя на именины Густава, и ты обиделась?

— Я хочу уехать, потому что здесь мне нечего делать. Там — могила моей матери, на которой мне так и не довелось поплакать. Там мой сын Даниэль. Там сестра, которая еще не поправилась. Я не смогла побывать на свадьбе своей племянницы Ясмин с Михаилом. Для тебя еще мало причин, по которым я хочу уехать? Тогда я назову тебе еще одну, самую главную: ты не любишь меня, Самуэль — да, я знаю, что ты меня не любишь. Я всего лишь часть обстановки, не более того. Ты меня не любишь. Я тебе не нужна. Сначала, может быть, ты меня и любил, но потом все переменялось. Я знаю, что никогда не смогу привыкнуть к парижской жизни. Я не выношу эти приемы, где так много красивых женщин, перед которыми я так проигрываю, где царит сплошное лицемерие... Все говорят гадости за спиной друг у друга. Мужья изменяют женам с их лучшими подругами, а жены транжирят деньги мужей с первыми встречными проходимцами... И потом, все эти русские эмигранты... Кто бы мог подумать! Иные держатся так, будто по-прежнему живут в Санкт-Петербурге в своих дворцах, среди множества слуг... А я — я всего лишь простолюдинка, Самуэль. Я родилась в Хевроне и все детство пасла коз. Все лето я бегала босиком. Что у меня может быть общего с этими дамами, которые смотрят на меня с жалостью?

— Надеюсь, ты закончила? — спросил Самуэль, едва сдерживая гнев.

— Нет, не закончила. Просто я не знаю, что еще сказать. Я не знаю, влюблен ли ты в Катю, но что она влюблена в тебя — это несомненно. Однако я вижу, какое у тебя становится лицо, когда ты ее видишь. Ты улыбаешься, радуешься... ты относишься к ней с такой нежностью... Вам так хорошо друг с другом... Я устала чувствовать себя третьей лишней. Так что оставляю поле боя за ней.

С этими словами Мириам встала и вышла из гостиной. Эту ночь она провела в комнате для гостей, заперев дверь и не желая отзываться, сколько Самуэль ни стучал. Наутро, отперев дверь, она увидела его на пороге комнаты.

— Ты что же, не пошел в свою лабораторию? — спросила она, стараясь казаться безразличной.

— Ты считаешь, что я могу это сделать — после того, что ты наговорила вчера вечером?

— Никто не любит, когда им говорят правду в глаза.

Самуэль знал, что Мириам права, и ему было больно сознавать, что он не в силах победить свой эгоизм, что не может больше ее любить. Единственной женщиной, которую он по-настоящему любил, была Ирина, хотя порой он и задавался вопросом, любил ли он

реальную женщину или свою мечту. В Мириам ему нравилась надежность, цельность, оптимизм и умение обустроить жизнь в любых условиях, но чтобы влюбиться... Нет, он никогда не был в нее влюблен. Правда она была и в том, что так и не вписалась в парижскую жизнь. И в том, что касалось Кати, которая незаметно овладела его сердцем, Мириам тоже не ошиблась.

Эта худенькая светловолосая девочка, которая в детстве так докучала им с Константином, теперь стала зрелой женщиной и, хотя молодость ее уже миновала, до сих пор трудно было остаться к ней равнодушным. Он не мог не признать, что ее славянская красота и утонченность манер словно возвращали его во времена молодости, когда он восхищался дамами, блиставшими на балах и вечерах в доме Гольданских. И хотя он убеждал себя, что вовсе не любит Катю, но не мог не признать, что его к ней влечет.

— Я хочу попросить тебя дать нам еще один шанс, — сказал он вслух. — Не могу ручаться, получится ли из этого что-нибудь, но считаю, что мы должны хотя бы попытаться.

От этих слов Мириам едва не заплакала, но вовремя вспомнила, что потом никогда не простит себе подобной слабости.

— Я подумал, не поехать ли нам в Испанию, — предложил Самуэль. — Я отвезу тебя в Толедо, и ты наконец увидишь этот город, откуда четыреста лет назад пришлось бежать твоим предкам. Я думаю, Далиде и Изекиилю понравится Толедо, они уже достаточно взрослые, чтобы оценить его красоту.

— В Толедо? Мы поедem в Толедо? — голос Мириам задрожал от волнения.

От такого предложения она никак не могла отказаться. Когда она была совсем маленькой, ее отец много рассказывал ей об их предках, изгнанных из Толедо, которым пришлось оставить свой дом. И отец, и дед с бабушкой так подробно описывали этот город, что ей казалось, будто она знает его, как свои пять пальцев. Кроме того, на протяжении многих поколений ее семья хранила ключ от их старого толедского дома, передавая от отца к сыну, как семейную реликвию. Теперь этот ключ хранился у Юдифи, потому что она была старшей из сестер.

Толедо всегда был частью ее души. Она даже мечтать не смела, что когда-нибудь увидит воочию древнюю столицу Испании. По вине короля и королевы, неумолимых Фердинанда и Изабеллы, ее предкам пришлось покинуть родину. В Салониках — греческом городе, принадлежавшем Османской империи, они нашли новый дом, но никогда не забывали о том, что настоящей их родиной был Сефарад, а настоящий дом стоял в одном из переулков Толедо, возле старой синагоги, неподалеку от того места, где находилась резиденция Самуэля Леви, казначея короля Педро Первого Кастильского.

Когда дед и бабушка, родители отца, рассказывали о Толедо, Мириам вместе с матерью и сестрой слушала, затаив дыхание. А ее мать, еврейская крестьянка из Хеврона, очень гордилась тем, что вышла замуж за человека, чьи предки были родом из древней столицы Сефарада.

Увидев, как обрадовалась Мириам, Самуэль немного успокоился. Он предложил ей поездку в Толедо, потому что тогда ему казалось, что только так сможет удержать Мириам. Потом он вынужден был признать, что идея оказалась не слишком хорошей; поездка в Толедо не помогла ему спасти брак, а лишь продлила агонию.

В середине марта они прибыли в Сан-Себастьян. Было холодно. Весна туда еще не добралась. Дети были в восторге от этого города, но они там пробыли всего лишь пару дней. Самуэль хотел поскорее добраться до Мадрида, где намеревался встретиться с одним

каталонским торговцем, которому собирался продать партию лекарств из своей лаборатории.

Мануэль Кастельс встретил их на Северном вокзале в Мадриде. Самуэль был чрезвычайно благодарен ему за этот знак внимания.

— Здесь неподалеку отель «Ритц», — сказал Мануэль. — Думаю, это лучшее место, где вы можете остановиться. Сегодня вы отдохнете, а завтра займемся делами.

Испанец был уже немолод и одет хоть и строго, но элегантно. Мириам поразились, как певуче он говорил по-французски.

— Вот самое лучшее средство очаровать партнера, — улыбнулся он в ответ на ее похвалу. — Но скажу вам по секрету: я каталонец, моя семья из Серданьи — деревушки неподалеку от французской границы, и в детстве у меня была няня из Перпиньяна.

Мириам удивилась, обнаружив, что, когда слышит испанскую речь, понимает почти все. Этот язык был знаком ей с детства, ведь ее отец — сефард, и старокастильские слова были первыми, которые он услышал от матери. Сам он тоже любил разговаривать с детьми на сефардском языке, и теперь Мириам испытывала настоящую гордость, что понимает почти всё.

— Здесь не так красиво, как в Париже, — заявила Далида, которая, как всегда, во все глаза таращилась вокруг, пока они ехали по Гран-Виа в наемном экипаже. — По-моему, лучше Парижа ничего и на свете нет.

— Как ты можешь так говорить? — откликнулась мать. — Ты же не видела ничего другого.

— Тебе нравится Испания, потому что ты сама испанка, — ответила Далида.

Мириам вздохнула, ничего не сказав. Девочка права, она не чувствует себя чужой в Испании.

Узнав, что Самуэль собирается отвезти семью в Толедо, Мануэль Кастельс любезно предложил для этого собственную машину. Они с радостью согласились, и уже через несколько дней после прибытия в Мадрид выехали по направлению к тому заветному городу, куда Мириам стремилась всей душой: в Толедо, столицу империи. Там они остановились в гостинице неподалеку от кафедрального собора, которую им порекомендовал Кастельс.

— Он еще больше, чем Нотр-Дам, — произнесла Далида, зачарованно глядя на величественный собор, который, казалось, царил над городом.

Самуэль изучал планы города с не меньшим интересом, чем его новый партнер, чтобы легче было потом найти улицу, на которой стоял тот самый дом, где когда-то жили предки Мириам. Он хотел сделать ей сюрприз, приведя ее к самым дверям этого дома.

— Давайте совершим экскурсию по Толедо, — предложила Мириам детям.

Они и впрямь прекрасно провели время, гуляя по Еврейскому кварталу — так назывался район, где в минувшие века жили евреи. Здесь все было пронизано духом старого города. Дети были совершенно очарованы, бродя по лабиринту узеньких улочек, вымощенных брусчаткой. Мириам с волнением оглядывалась вокруг, не переставая говорить.

— Это напоминает Старый город, — заявила Далида.

— Неудивительно, что Толедо напоминает тебе Иерусалим, — ответил Самуэль, польщенный словами дочери. — Между ними действительно немало общего.

— Как жаль, что этого не видит отец! — перебила Мириам. — Он всегда мечтал о Толедо. Он так хорошо знал этот город...

— Так, значит, дедушка и бабушка были в Толедо? — допытывалась Далида.

— Нет, дочка, но они прекрасно знали этот город, ведь о нем столько рассказывали их родители, а тем — их родители, и так, углубляясь все дальше в прошлое, мы дойдем до XV века, когда их предков изгнали из Испании.

— А почему их изгнали? — спросил Изекииль. — Они плохо себя вели?

— Плохо себя вели? Нет, сынок, ничего плохого они не сделали, а изгнали их потому, что они были евреями.

— Но мы тоже евреи, — с беспокойством в глазах взглянул на отца мальчик. — Значит, это плохо?

— Нет, конечно, в этом нет ничего плохого, — поспешил успокоить его Самуэль. — Просто в некоторых местах не любят евреев.

— Но почему? — не отставал Изекииль.

Мириам постаралась объяснить ему как можно понятнее, но Изекииль все равно никак не мог взять в толк, за что же их не любят, и в конце концов совершенно ошеломил всех неожиданным высказыванием:

— Тогда, наверное, нам нужно перестать быть евреями — тогда нас везде полюбят и не будут больше ниоткуда выгонять.

Самуэль обнял Изекииля. В эту минуту он словно увидел самого себя — много лет назад, когда он спорил с отцом, не желая быть евреем и стремясь любой ценой смыть это клеймо, делающее их отверженными.

Они уже довольно долго бродили по городу; дети выглядели усталыми, и Самуэль решил сбавить шаг.

Наконец, они достигли Пласа-дель-Конде, а там уже было рукой подать до того места, где стоял дом, в котором когда-то жили предки Мириам. Самуэль крепче сжал руку жены и потянул ее в сторону старой дубовой двери, украшенной узором из черных, как ночь, гвоздей. Он чувствовал, как дрожит рука Мириам, и по-настоящему расстрогался, увидев слезы на ее глазах.

— Мама, почему ты плачешь? — спросил Изекииль. — Или ты боишься, что нас отсюда выгонят, потому что мы евреи?

Он еще не мог успокоиться после того, как узнал, сколько неприятностей может доставить тот факт, что он — еврей.

Мириам долго и неподвижно стояла перед дверью, поглаживая рукой старое полированное дерево. Самуэль велел детям отступить на шаг, чтобы дать возможность их матери хотя бы на несколько минут остаться наедине со своими предками.

Изекииль и Далида беспрекословно послушались, каким-то чутьем догадавшись, что этот момент был для их матери особенным.

Наконец, она повернулась и молча обняла их.

— Давай постучим? — предложил Самуэль.

— Нет-нет, — поспешила ответить она, не на шутку напуганная подобной смелостью.

Но, несмотря на ее возражения, Самуэль несколько раз ударил в дверь молотком. Через несколько секунд дверь открылась. На пороге стоял пожилой мужчина, во все глаза разглядывая незнакомцев и недоумевающая, кто бы это мог быть. Самуэль, недолго думая, принялся рассказывать, что в этом доме когда-то жили предки его жены, что в ее семье до

сих пор помнят этот адрес и хранят ключ от этой самой двери, передавая его из поколения в поколение, как священную реликвию. Затем он добавил, что им ничего не нужно от нынешних хозяев этого дома, только взглянуть на это место, прежние владельцы вынуждены были покинуть в тот горестный день, когда им пришлось бежать из страны, чтобы найти приют на чужбине.

Он говорил совершенно свободно, почти не запинаясь, и вдруг до него дошло, что он говорит по-французски. Он подумал, что едва ли хозяин дома его понимает — как, впрочем, не понял бы, если бы Самуэль заговорил по-английски. Однако, к величайшему его удивлению, старик ответил на смеси испанского и французского.

Хозяин радушно пригласил их войти, проведя в старую и холодную гостиную с огромным камином, выложенным из камня.

— Меня зовут Хосе Гомес, — представился он. В его усталых глазах светилось любопытство.

Самуэль в ответ назвал себя, а затем представил Мириам и детей. Далида очень вежливо протянула руку старику, а маленькийIZEкииль спрятался от незнакомца за спиной матери.

— Пойду позову жену, — сказал хозяин и вышел из гостиной.

— Как ты мог? — упрекнула Мириам Самуэля, как только они остались одни.

— Разве ты не хотела увидеть дом своих предков? — ответил муж. — Так вот, мы здесь. Это добрый человек, и я думаю, он вовсе не против, что мы захотели посмотреть дом.

Они замолчали, когда в гостиную легким шагом вошла женщина столь же преклонных лет, как и человек, пригласивший их войти. Женщина улыбнулась, и Мириам сразу успокоилась.

— Это моя жена Мария, — представил ее муж.

— Так значит, вы — из семьи Эспиноса, — воскликнула Мария. — Они владели этим домом до своего отъезда. Мои предки тоже были евреями, но они согласились принять крещение и, хотя на их долю тоже выпали великие страдания, все же смогли остаться. Некоторых сожгли на костре: инквизиция так и не поверила, что они полностью отреклись от прежней веры.

Мириам поразились, что эта женщина говорит о том, что происходило пять столетий назад, словно это было вчера.

— Так кто же из вас двоих из семьи Эспиноса? — спросила Мария.

Самуэль жестом указал на Мириам.

— Так значит, это ты — Эспиноса... — протянула старуха. — А знаешь, мы ведь с тобой тезки. Мое имя, Мария — это испанская версия имени Мириам. Ты, наверное, хочешь узнать, как нам достался этот дом? Я расскажу тебе — так, как рассказывал мне дед, а тому — его дед. Видишь ли, изгнанные евреи всегда мечтали вернуться, но в планы испанских королей это не входило. Так что имущество бежавших евреев передали в руки дворян. Но со временем некоторые из новообращенных смогли выкупить имущество своих друзей и соседей. Мои предки были толмачами при толедском дворе. Это были образованные люди, которые оказались весьма полезными кастильским королям. Я знаю, что моя семья выкупила этот дом еще в семнадцатом веке и на протяжении последних столетий жила здесь. Как видишь, этот дом полон воспоминаний, воспоминаний о предках Эспиноса и о наших собственных предках.

С мгновение старуха пристально разглядывала напряженное лицо Мириам.

— Пойдемте со мной, — сказала она наконец. — У нас в подвале хранятся портреты кое-кого из ваших предков. Они, конечно, совсем запылились, но, по крайней мере, будешь знать, как выглядели твои прапрадеды и прапрабабки.

Хосе Гомес запротестовал.

— Послушай, жена, мы столько лет не спускались в подвал. Лестница наверняка прогнила, да и сами картины, поди, давно мыши съели.

Жена, впрочем, не обратила внимания на его слова и настояла, чтобы гости прошли за ней по сумрачным коридорам до двери, на которой чьей-то искусной рукой были вырезаны цветы и стихи из Библии. Изекииль пожаловался, что внутри слишком холодно, но чувствительный щипок Далиды заставил его замолчать. Мария толкнула дверь; та натужно заскрипела.

Подвальная лестница тоже опасно заскрипела, и Самуэль не на шутку забеспокоился, что она обрушится. Не вызывало сомнений, что уже очень давно сюда не ступала нога человека. Влажные стены подвала покрывала плесень, а половицы настолько прогнили, что, казалось, вот-вот рассыпятся в прах.

Мириам поражалась, глядя, с какой легкостью эта женщина передвигается среди шатких стульев, безногих столов и прочей бесполезной рухляди. Наконец, хозяйка вспомнила, где хранятся портреты тех, о ком она говорила.

— Думаю, они вон там, в том сундуке, — сказала она. — Моя мать, должно быть, убрала их туда. Помню, что портреты ей не нравились, и она все ворчала, что они только место в доме занимают.

С помощью Самуэля она открыла сундук и извлекла из него с полдюжины аккуратно свернутых холстов.

Нагруженные этими холстами, Самуэль и Мириам вернулись в гостиную.

— Положите их на этот большой стол — так вам удобнее будет их рассматривать, — посоветовала старуха.

Портреты оказались не слишком большими — всего полметра в длину и столько же в ширину. Казалось, люди, изображенные на этих холстах, пристально смотрят на своих потомков.

— Я не знаю, кто они такие; знаю лишь, что из семьи Эспиноса, — сказала женщина. — Если хотите, можете забрать.

Мириам благодарно улыбнулась. Словно наяву, видела она дивные картины прошлого, благодаря великодушию этих стариков, которые с такой сердечностью приняли их у себя дома и даже отдали Мириам картины, на которых она смогла увидеть лица неведомых прежде предков. К тому же она с удивлением обнаружила, что эти испанцы понимают старокастильский диалект, на котором жители Толедо говорили в те времена, когда ее предков изгнали из Сефарада. Мириам прилагала немало усилий, чтобы Изекииль и Далида тоже выучили этот язык; несмотря на то, что дети упорно сопротивлялись, она все же смогла добиться, чтобы они понимали язык своих предков.

Супруги настояли, чтобы гости разделили с ними обед.

— Мы уже слишком стары, и наша жизнь лишена сюрпризов, так что ваш приход для нас — настоящее приключение, — сказал хозяин дома.

Мария попросила гостей посидеть в гостиной, а сама отправилась на кухню, чтобы приготовить для них что-нибудь особенное.

Хосе Гомес считал себя чистокровным кастильцем и даже слегка подшучивал над

приверженностью супруги к еврейским корням. Он сказал, что по профессии он — врач, и в далекие годы молодости даже побывал в Париже, где у него имелся родственник, служивший в испанском посольстве.

В то время как Мириам заворожено внимала рассказам Марии о сефардских евреях, Самуэль столь же внимательно слушал Хосе, излагавшего причины их изгнания.

Далида и Изекииль совершенно измучились. Они явно скучали. К тому же они едва понимали странный язык, на котором с ними иногда пыталась говорить мать, и тот примитивный французский, на котором объяснялся сеньор Гомес, с трудом подбирая нужные слова и то и дело запинаясь.

Все последующие дни они продолжали знакомиться с Толедо, в сопровождении Гомеса, гордым неожиданно выпавшей ему ролью гостеприимного хозяина. Он даже настоял, чтобы они выехали из гостиницы и поселились в его доме. Мириам с радостью согласилась, хотя Самуэль был не в восторге.

— Что ни говори, но это все же не твой дом; мы будем чувствовать себя неловко.

— Когда я думаю, что здесь жили мои предки, что я происхожу из этой высохшей земли, из этого города, полного тайн...

— Тайн? — переспросил Самуэль. — И где же они, эти тайны? Брось, Мириам, у тебя слишком разыгралось воображение. Прошлое принадлежит прошлому. Я рад, что тебе нравится поездка, но не забывай, что ты палестинка, и с испанцами у тебя не так много общего.

— Я испанка и палестинка! — воскликнула она в гневе.

— Разумеется, а еще турчанка и гречанка, если вспомнить, что твои предки нашли приют в Салониках, — пошутил Самуэль.

— Ты же считаешь себя русским. Так почему же я не могу испытывать подобные чувства, ступая по этой земле?

— Я никогда не позволял ни земле, ни религии оказывать влияние на мою личность. Я просто человек, который хочет жить в мире со всеми, независимо от того, где живет.

Но в душе Самуэля Толедо тоже оставил свой след, как ни старался он это скрыть.

На исходе недели он сказал Мириам, что пора возвращаться в Мадрид, где он собирается подписать договор с Мануэлем Кастельсом. Мириам попросила позволить ей остаться в Толедо вместе с детьми.

— Там мы тебе не нужны, будем только мешать. Так что нам лучше подождать тебя здесь.

— Неужели тебе еще не надоел Толедо? — спросил Самуэль.

— А ты, Самуэль, разве не тоскуешь по Санкт-Петербургу? — спросила Мириам, глядя мужу в глаза.

Он ничего не ответил и согласился, чтобы Мириам и дети остались в Толедо. Пока Самуэль не уехал в Мадрид, Мириам не понимала, насколько свободнее чувствует себя без него.

Далида с Изекиилем, конечно, предпочли бы вернуться в Мадрид вместе с отцом. Здесь им было скучно, их утомляли бесконечные разговоры матери с четой стариков, им надоело целыми днями слоняться по городу, что так величественно раскинулся над рекой, протекающей у его подножия.

А Мириам жаждала узнать как можно больше об этом городе, понять его душу, и Хосе Гомес с женой терпеливо отвечали на все ее вопросы. Старая Мария даже уговорила Мириам

сопровождать ее в собор к мессе.

— Но ведь я иудейка! — возразила Мириам.

— Ну и чем же это тебе мешает посетить такую красивую церемонию, которой христиане почитают Всевышнего? — ответила Мария. — Разве так важно, где мы молимся и как это делаем, если мы все почитаем единого Бога?

— А разве тебе никогда не хотелось вернуться к вере своих предков — к иудаизму? — поинтересовалась Мириам.

— Как я уже говорила, моя семья крестилась вынужденно, потому что не в силах была расстаться с Толедо, но думаю, что в конце концов мы все же стали искренними католиками. Прошлое потому и прошлое, что его больше нет. Я родилась католичкой, католичкой и умру. А с тобой ничего страшного не случится, если ты послушаешь мессу. Сегодня как раз ее служат — тебе понравится церемония.

Хосе Гомес предложил Мириам, пока она будет в соборе, прогуляться вместе с Далидой и Изекиилем. Мириам была благодарна ему за это, понимая, что детям едва ли хочется сидеть несколько часов в соборе, слушая непонятное богослужение, и предпочла не ругаться с ними по этому поводу.

Толедский собор ее просто поразил. Если снаружи он казался огромным и величественным, то внутри был исполнен божественной благодати. Мириам была настолько очарована, что теперь испытывала настоящую благодарность к Марии, которая привела ее сюда.

Но все же намного милее ее сердцу оказалась старая синагога, которая теперь называлась церковью святой Марии-ла-Бланка, и куда Мириам заходила всякий раз, когда шла на прогулку. Здесь она чувствовала себя как дома. Она закрывала глаза и представляла, будто перенеслась в далекое прошлое, на много веков назад. Здесь, в бывшей синагоге, она ощущала себя одной из тех Эспиноса, вернувшейся в этот уголок Сефарада, в старый город, с первой минуты ставший для нее родным.

Иногда она плакала по ночам, вспоминая свою сестру Юдифь. Ах, если бы она могла вместе с ней бродить по Толедо! Но, увы, это невозможно. Юдифь так и не поправилась после рокового Наби-Муса.

К тому же Мириам угнетало, что местные евреи приняли христианство, изменив вере предков, но Мария напомнила ей, что во все времена победители навязывали побежденным свои законы и свою веру.

— Все это в прошлом, — говорила она. — В конце концов, когда-то люди поклонялись языческим идолам, а теперь чтут единого Бога.

Когда через несколько дней вернулся Самуэль, Мириам ощутила в душе пустоту. Она знала, что не может остаться в Толедо, но одна лишь мысль о том, что придется покинуть этот город, наводила необъяснимую тоску. Она знала, что никогда сюда не вернется.

Со слезами на глазах прощалась она с четой Гомесов, заклиная их заботиться о доме, который так много для нее значил.

— После нашей смерти все имущество перейдет к сыну, он работает врачом в Барселоне. И он его продаст. В Барселоне у него своя жизнь, там он женился, там родились его дети. Он лишь изредка приезжает к нам в Толедо, — сказала Мария.

— Но ведь его может купить кто угодно! — запротестовала Мириам, чуть не плача.

— Когда-нибудь все мы умрем, так устроен мир, — ответил Хосе. — А ты не должна

убиваться по этому поводу: ты живешь в другой стране, носишь другую фамилию, и у тебя своя жизнь. Ты при всем желании не сможешь изменить прошлое.

По дороге в Париж Мириам словно не замечала ничего вокруг. Тщетно Самуэль пытался занять ее разговорами — она по-прежнему оставалась безучастной. И уж менее всего ее сейчас волновали беспорядки в Германии. Обычно Мириам очень внимательно слушала, когда он ей что-то рассказывал, высказывала свою точку зрения и давала советы; теперь же она молча смотрела в одну точку, и Самуэль видел, что душа ее пребывает где-то далеко.

Когда они вернулись в Париж, жизнь постепенно вошла в обычную колею — во всяком случае, Самуэлю хотелось так думать. Он по-прежнему целыми днями пропадал в своей лаборатории и снова начал регулярно наведываться в Лондон, чтобы встречаться с Константином. Мириам же сидела дома, присматривала за детьми и много думала, благо, у нее было для этого достаточно времени. Казалось, ей удалось наконец создать тот домашний уют, который так нравился Самуэлю. Но теперь в их жизнь прочно вошла Катя. Даже если бы Самуэль и захотел теперь с ней расстаться, едва ли у него хватило бы на это сил — ведь рядом с Катей он словно возвращался в прошлое и хотя бы ненадолго становился собой прежним.

Но всё же он изо всех сил боролся с самим собой, разрываясь между верностью Мириам и неотразимым обаянием Кати, которому был не в силах противиться. Поэтому он старался не брать с собой Мириам детей во время поездок в Лондон. Но в конце концов Константин все же настоял, чтобы Самуэль их привез.

Константин и его супруга Вера делали все возможное, чтобы Мириам чувствовала себя как дома. Даже Густав, казалось, очень рад был видеть Далиду и Изекииля.

Вера, будучи безупречной хозяйкой дома, очень старалась, чтобы Мириам получила от пребывания в Лондоне как можно больше удовольствия. Они вместе ходили по магазинам, вместе с детьми посещали музеи; принимали участие в пикниках и вечеринках в домах друзей и даже поверяли друг другу маленькие тайны. Однако присутствие Кати по-прежнему угнетало Мириам, нависая над ней, словно черная грозовая туча.

Катя, такая красивая, такая утонченная... Однажды они все вместе отправились в Оперу, и Мириам заметила, как нервничает Самуэль, видя, какие взгляды бросают на Катю мужчины.

«Он ревнует», — подумала она и вдруг поняла, что ее Самуэль никогда и ни к кому не ревновал. Еще бы, ведь как бы она ни старалась, ей никогда не сравниться с Катей.

В последний вечер перед возвращением в Париж Мириам случайно услышала разговор Кати и Веры. Самуэль и Константин отправились на встречу с клиентами, а дети вместе с Густавом играли в детской. Мириам как раз спустилась в библиотеку, чтобы поставить на место книгу, которую брала почитать. Она уже собралась войти, но остановилась у двери, услышав, как Катя произнесла ее имя.

— Право, мне жаль Самуэля: как ему только в голову пришло жениться на этой особе?

— Как ты можешь так говорить? — упрекнула ее Вера. — Мириам — хорошая женщина.

— Я не хочу сказать, что она плохая... — возразила Катя. — Не знаю, как тебе объяснить... Мне она кажется не слишком привлекательной. Ведь должна же она была перенять хоть толику французского шика. Она совершенно не заботится о своем гардеробе, да и стриженные волосы совсем ее не украшают... Хотя, может быть, все палестинки такие...

— А мне она кажется привлекательной, — ответила Вера. — Во всяком случае, в ней есть индивидуальность.

— То же самое говорит и мой брат! Так что не стоит повторять слова Константина, Вера.

— Константину очень нравится Мириам, — сказала Вера.

— Моему брату понравится кто угодно, он ведь у нас такой душка! Он вполне может найти что-то привлекательное даже в такой неказистой особе, как Мириам. Ты никогда не замечала, как неуклюже она ходит на каблуках? А уж когда она начесывает этот свой чуб... Бедняжка, ничто ей не к лицу.

— Ты меня удивляешь, Катя. Ты же никогда не была сплетницей. Хотя я уже поняла, что тебе не нравится Мириам. Но почему?

— Да не то чтобы она мне так уж не нравилась. Просто обидно, что Самуэль связал свою жизнь с такой женщиной. Он заслуживает лучшего.

Вера озадаченно посмотрела на золовку. Она знала, что Катя с детства влюблена в Самуэля и ей давно пора перестать его преследовать, однако не смела сказать об этом вслух. Она не хотела ссориться с Катей, поскольку это могло огорчить Константина.

— Я с этим не согласна, Катя, — произнесла она вслух. — Мириам — женщина больших достоинств, и Самуэлю очень повезло жениться на ней. А теперь — как ты думаешь, не попросить ли подать чаю?

Этим вечером во время ужина Катя превзошла самое себя, стараясь очаровать Самуэля, который выглядел слегка ошеломленным. С болью в сердце Мириам смотрела, какие взгляды бросает Катя на Самуэля, слушала ее серебристый смех. Ей подумалось, что поездка в Толедо была лишь отсрочкой, прощальным подарком. Катя права: ей здесь не место. Ее дом — в Палестине.

Тем не менее, она ничего не сказала Самуэлю, пока они не вернулись в Париж. В день приезда Мириам даже не потрудилась распаковать чемоданы.

— Я уезжаю, Самуэль, — сказала она. — Возвращаюсь в Палестину. Ты не хуже меня знаешь, что здесь мне не место.

Самуэль начал было возражать, уговаривал жену не бросать его, пытался убедить, насколько лучше для Далиды и Изекииля жить в Париже, просил дать ему еще один шанс.

— Я все время только и делаю, Самуэль, что даю тебе шансы, — ответила Мириам. — Мы оба заслуживаем иной жизни, в которой будет любовь, радость и смысл. Так имей ко мне хотя бы уважение, Самуэль, и не пытайся привязать к себе детьми. У меня есть право на собственную жизнь. Я хочу жить, Самуэль. Поэтому возвращаюсь домой вместе с детьми.

Самуэль так и не смог убедить ее изменить решение. При этом в глубине души он чувствовал какое-то постыдное облегчение. Он убеждал себя, что разлука не будет долгой, что скоро он вернется в Иерусалим, или Мириам приедет в Париж, но в душе знал, что обманывает себя. Единственное, в чем он был непреклонен — это в том, чтобы проводить их до Марселя и убедиться, что Мириам и дети благополучно сели на пароход, отплывающий в Иерусалим.

Изекииль и Далида, стоя на палубе, махали ему рукой. Дети плакали, расставаясь с отцом, и Самуэль тоже едва сдерживал слезы. Он искал взглядом Мириам, но она не захотела его видеть и отошла от бортика. В этот миг Самуэль понял, что Мириам исчезла из его жизни и больше никогда не вернется.

12. Палестина, 30-е годы

Изекииль вздохнул. Он словно видел самого себя на палубе того корабля, на котором вернулся в Палестину. Мариан смотрела на него молча, дав время вернуться из прошлого к настоящему. Потом тоже пристально посмотрел на нее и улыбнулся.

— Что ж, я рассказал вам очередную главу этой истории.

— Знаете, что? Я удивлена, что вы говорите о самом себе в третьем лице. Вы говорите «Изекииль», словно это другой человек.

— На самом деле тот Изекииль и есть другой человек. Что могло во мне остаться от того мальчика? А кроме того, мне хотелось бы посмотреть на события со стороны.

— Это невозможно, — возразила Мариан.

— Возможно, возможно. Когда я думаю о том дне, когда мы с Далидой и моей матерью вернулись в Палестину, то вижу двух испуганных детей на палубе корабля, плачущих оттого, что пришлось покинуть землю отца. Меня так трогает эта сцена, но я не чувствую себя ее частью. В общем, — добавил он устало, — теперь ваша очередь продолжать.

Мариан не могла сдержать улыбку, а когда это осознала, то разозлилась на саму себя. Ей хотелось бы сохранять дистанцию с этим человеком, так поступил бы профессионал, не принимая близко к сердцу его рассказ.

— Продолжим в другой раз. Завтра у меня встречи на Западном берегу реки Иордан. Я посету пару еврейских поселений и хочу заглянуть в Рамаллу.

— Так что завтра у меня выходной, — пошутил Изекииль.

— Я договорилась об этих встречах гораздо раньше, — извинилась Мариан.

— Не извиняйтесь, я не прошу вас давать объяснения! Я лишь старик, развлекающийся тем, что рассказывает истории, которые, уж не знаю почему, вас интересуют, хотя не имеют никакого отношения к вашей работе.

Она прикусила губу, ничего не ответив, пока не нашла правильные слова.

— Для меня все ваши рассказы важны, иначе я бы не смогла выполнить свою задачу.

— Думаю, что в семье Зиядов тоже обнаружился болтун вроде меня.

— Зачем вы так говорите? — от заявления Изекииля Мариан почувствовала себя неловко.

— Очевидно ведь — то, что вы мне рассказали, не просто голые факты.

— Ну да, мне помогли понять, что означает для палестинцев потеря домов, земли, будущего. И да, мне повезло найти щедрого рассказчика, открывшего сердце и рассказавшего про всё, что выстрадал.

Они распрощались. Мариан сказала, что позвонит через пару дней, чтобы снова встретиться, «если позволит ваша внучка».

— Ханна чувствует ответственность за меня.

— Вам повезло иметь внуков.

— Вы еще молоды, чтобы их иметь, но всё еще впереди.

Добравшись до отеля, Мариан рухнула на кровать и закрыла глаза. Она чувствовала себя истощенной от стольких эмоций, которые пробудили в ней эти беседы со стариком. Она не хотела ему сопереживать, хотя с каждым днем дистанция между ними всё сокращалась, дистанция, необходимая для того, чтобы она могла выполнить свою миссию.

Ее разбудил звонок телефона. Она удивилась, услышав голос Мишеля, директора ее организации.

— Похоже, ты хочешь, что я тебя уволил, — сказал он вместо приветствия.

— Мишель, я еще не закончила работу.

— Вот как? Ты что, собираешься единолично решить все проблемы Ближнего Востока? Да ладно тебе, Мариан! Тебе просто нужно написать доклад о перемещенных лицах, опросить несколько семей, повидаться с несколькими министрами, и работа завершена.

— Не всё так просто.

— То есть как это? Ты делала это уже много раз, напомню тебе о Бирме, Шри-Ланке, Лагосе...

— Это совсем другое.

— Ничего подобного, и боюсь, что ты слишком во всё это влезла, и это плохо, нам за такое не платят. Я именно об этом первым делом тебя предупредил, когда ты начала у нас работать, но вы, американцы, такие сентиментальные. Ладно, хватит уже трепаться, я хочу, чтобы ты завтра же вернулась, если собранного материала окажется недостаточно, отправлю еще кого-нибудь закончить работу.

— Да что ты такое говоришь! Я сама ее закончу и никому не позволю вмешиваться.

— Пока еще я директор, и только потому, что я тебе сочувствую, приказываю тебе завтра же вернуться в Брюссель, если к вечеру тебя не будет в моем кабинете, ты уволена, мы пошлем израильским властям письмо с заявлением, что ты нас больше не представляешь.

Мариан поняла, что проиграла эту битву и у нее не остается другого выбора, как вернуться в Брюссель. Она позвонила администратору и попросила забронировать ей билет на ближайший рейс в Бельгию. Ей повезло — как раз был один рейс в семь утра, и там оставалось два места.

Когда она вошла в кабинет директора, он не был дружелюбен.

— Ты уже большая девочка для таких глупостей, — сказал он, жестом предложив сесть.

— Ты же знаешь, что я просто хотела всё сделать как следует, а в Палестине это непросто.

— Мариан, я знаю, что для тебя это что-то личное, знаю, что ты не называешь мне причину, но я всё замечаю. Ходят слухи, что ты расходишься с мужем и используешь поездки как способ сбежать от всего. Может, тебе стоит взять отпуск или просто посмотреть проблемам в глаза. Я уже дважды разводился, и знаю, что это непросто. Не заставляй меня жалеть о том, что послал тебя в Палестину, думаю, тамошняя ситуация выбила тебя из колеи, возможно, тебе следовало сделать перерыв после Бирмы. Я же предупреждал, что эта работа требует хладнокровия врача — каждый день они сталкиваются со смертью, а мы с трагедией, но ни они, ни мы не можем принимать это слишком близко к сердцу, иначе не сможем сделать свое дело.

Она выслушала его, как послушная ученица. Мариан не хотела делиться подробностями личной жизни, а тем более рассказывать о том, что уже несколько месяцев как развелась. В конце концов, он видел Фрэнка лишь пару раз. Как только она получила эту работу благодаря связям своего мужа, их брак начал разваливаться, и временное расставание казалось хорошим выходом. Фрэнк остался в Нью-Йорке, а она устроилась в Брюсселе. В итоге они все-таки решили развестись, хотя и поддерживали дружеские отношения. «На самом деле я знала, что Фрэнк навсегда останется там», — подумала она.

Мариан вручила Мишелю упаковку фиников, которую купила в аэропорту, и решила

воспользоваться своим даром убеждения, чтобы он позволил ей вернуться. Час спустя она этого добилась, но при одном условии: шеф потребовал, чтобы она составила письменный отчет. Ей ничего не оставалось, как согласиться.

Дни до возвращения в Палестину показались ей вечностью. Она позвонила Изекиилю чтобы назначить следующую встречу. Мариан отметила его усталый голос и забеспокоилась, услышав, как тяжело он дышит.

Когда она наконец-то приземлилась в Тель-Авиве, то почувствовала облегчение. Она вернулась. Мариан взяла в аренду машину, чтобы вернуться в Иерусалим, в «Американский квартал». Этот отель уже казался ей домом. На следующий день она возобновит беседы с Изекииелем. Прибыв к дому из золотистого камня, она удивилась, что никто не открыл дверь. И встревожилась. Неужели он не хочет ее видеть? Сосед объяснил, что стучать не стоит, у старика ночью был приступ, и его увезли в больницу. Нет, он не знает, что именно произошло.

Она вела машину, не замечая, что превышает скорость. Когда Мариан добралась до больницы, медсестра сказала ей, в какой палате лежит больной. Она даже не дождалась лифта и нетерпеливо поднялась по лестнице, шагая через ступеньку, побежала по коридору, пока не нашла дверь палаты. Она уже собиралась войти, но вздрогнула от голоса Ханны.

— Это вы, Мариан? Что вы здесь делаете?

— Сегодня я должна была встретиться с вашим дедушкой, приехала к вам домой, и мне сказали, что он в больнице. Это серьезно?

— В его возрасте всё серьезно. У него поднялось давление и из-за аллергии воспалились бронхи, я уже вам говорила, что у него больное сердце, он перенес два инфаркта. Проходите, он будет рад вас видеть, думаю, что он по вам скучал.

Мариан и Изекииль пожали друг другу руки, и она заметила, что его рука очень слаба, хотя он и рад ее видеть.

— Ну вот, теперь Ханна может идти по своим делам и не беспокоиться обо мне. Хотя скоро зайдет мой внук Йонас.

Когда они остались одни, он попросил ее придвинуть стул поближе к кровати.

— Так я вас лучше услышу, ведь сейчас ваша очередь рассказывать.

***

Дина помогала Айше складывать простыни, которые потом они прятали в огромные коробки, разбросанные по всей комнате, некоторые уже переполняла одежда и всякие бытовые мелочи.

— Вся моя жизнь — в этих коробках, — произнесла Айша, сдерживая всхлип.

— Не останавливайся, у нас еще много дел, — ответила ей мать, тоже пытаясь не раслакаться.

Обеим расставание давалось нелегко, но они знали, что дальше откладывать нельзя. Юсуф повел себя как любящий муж, но дни его сражений и миссий для Фейсала закончились, и настало время начать семейную жизнь. Он согласился лишь с тем, что дом будет в Иерусалиме, а не на другой стороне реки Иордан, где его ждало куда более безрадостное будущее на службе у Абдаллы.

Но Юсуф знал, что его мать не выносит Айшу, и совместная жизнь превратится в бесконечные жалобы и стычки между двумя женщинами, и потому он решил принять предложение Омара, семья которого по-прежнему была одной из самых известных в

Иерусалиме. Юсуф помогал ему с торговыми сделками в Аммане, где мог рассчитывать на поддержку бывших товарищей по оружию, оставшихся верными эмиру Абдалле. Омар был доволен, что на него работает Юсуф, обладающий такими связями, он был на короткой ноге даже с самим шарифом Хусейном и сражался рядом с его сыном Фейсалом, к сожалению, теперь уже покойным.

Омар чувствовал себя в долгу перед Юсуфом и семьей Айши и всячески им помогал. В конце концов, именно он уговорил Ахмеда Зияда присоединиться к их делу, к борьбе против турков, и Ахмед заплатил за это своей жизнью. Но Мухаммед не хотел на него работать, предпочитая остаться в карьере с Иеремией.

Юсуф купил дом и приличный участок земли в Дейр-Ясине, тихой деревушке, расположенной в пяти километрах к западу от Иерусалима.

Он не дал Айше возможности отказаться. Просто повел посмотреть на новый дом и велел подготовиться к переезду.

— Твой брат был с нами очень щедр, но пришло время иметь собственный дом. Ты будешь жить недалеко от матери, — сказал он в качестве утешения.

И вот теперь они с Диной укладывали в коробки то, что для Айши было всей ее жизнью.

— А где Рами? — спросила Дина. — Он должен помочь нам с этими коробками, мы сами не справимся.

— Он там, с Вади и Беном. Они уже давно вернулись из школы.

Айша гордилась тем, что сын ходит в британскую школу святого Георгия в Шейх-Джарахе, где обучались дети из влиятельных иерусалимских семей. Это Омар убедил их отправить Рами в эту школу, там учились двое его внуков. Поначалу Юсуф отказывался, но Айша убедила его в том, что они не должны отвергать возможность дать сыну лучшее образование.

— Мы не так богаты, как Омар, не живем в одной из вилл в Шейх-Джарахе. Я не хочу, чтобы нашего сына принимали за того, кем он не является, — возражал Юсуф, он не доверял тем влиятельным арабам, которые жили в элегантных кварталах города. Но в конце концов он сдался, ведь какой отец не хочет для сына самого лучшего?

— Ладно, мы закончили, — сказала Дина, сложив в коробку последнюю простыню.

Айша вздохнула и посмотрела в окно.

— Рами, Вади и Бен неразлучны, они будут скучать друг без друга. Вади не просто кузен, он для моих детей как брат, как и Бен. Конечно, Марину я люблю как родную сестру, — сказала Айша, не сдержав слезы.

— Аллах был милостив ко мне и подарил внуков, Рами и Нур дали мне столько радости, как и дети Мухаммеда, Вади и Найма. Ты права, они как родные братья и сестры, и у каждого доброе сердце. Что касается Бена, сына Марины, он тоже для меня как внук.

В 1935 году Рами исполнилось шестнадцать, его сестре Нур — одиннадцать, а Вади и Найме — пятнадцать и двенадцать. Бену только что исполнилось четырнадцать, а Далиде, дочери Мириам и Самуэля — тринадцать. Изекииль был самым младшим — десяти лет. Они все росли вместе в Саду Надежды, делили друг с другом игры и вместе устраивали первые шалости, а теперь, вступив в подростковый возраст, стали больше, чем просто друзьями. Как когда-то влюбились друг в друга Марина и Мухаммед, теперь уже сын Мухаммеда Вади не мог отвести глаз от Далиды, дочери Мириам и Самуэля. Взрослые ничего не говорили по этому поводу, хотя все были встревожены.

Дина считала удачей, что дружба между семьями Сада Надежды так и осталась нерушимой, несмотря на участившиеся стычки между арабами и евреями. Поначалу она не придавала значения тому, что всё больше евреев прибывает на палестинскую землю, и даже журила Мухаммеда за то, что это волновало его, но теперь она не могла отрицать, что их исконные земли всё больше превращаются в еврейские.

«Мы сами виноваты в том, что продали им наши земли», — сетовал Мухаммед. И он был прав. Если бы им не продавали землю, поток иммигрантов в Палестину быстро бы иссяк.

Когда они закрыли последние коробки, женщины в тревоге переглянулись. У Айши уже было двое детей, но для Дины она всегда оставалась малышкой.

Они сели у двери дома, дожидаясь, пока мужчины унесут коробки. На следующий день Айша с детьми переехали в Дейр-Ясин, но в тот вечер Кася устроила большой прощальный ужин. Они с Руфью весь день готовили и пригласили также Хасана с Лейлой, Иеремию и Анастасию. Присутствовал и старый Натаниэль, который со своим помощником Даниэлем, сыном Мириам, продолжал работать в импровизированной лаборатории. Не присутствовал только Йосси.

Он почти не выходил из дома, ухаживая за больными и своей женой Юдьфью. Но пришла его дочь Ясмин с Михаилом. Дина улыбнулась при мысли о том, что Ясмин сделала Михаила мягче. При появлении девушки сердитое выражение его лица тут же менялось. Все веселились, ели и болтали до позднего вечера, как и всегда в подобных случаях. Единственное, что беспокоило Дину, так это присутствие Мойши и Эвы. Эти евреи ей не нравились — они так отличались от ее друзей из Сада Надежды.

Она знала, что Марине они тоже не особо нравятся, она призналась в этом Айше. Но всё же они были поселенцами, которым Самуэль выделил участок в Саду Надежды. Антипатия была взаимной, потому что Мойша и Эва тоже не скрывали свой дискомфорт, когда сталкивались с Диной, Айшей, Сальмой или Мухаммедом. Дину раздражало высокомерие, с которым Мойша обращался с арабами, Кася не раз заставляла его замолчать, когда он заявлял, что Палестина не принадлежит арабам, и однажды евреи будут биться за нее не на жизнь, а на смерть.

Настал вечер, и Марина пришла к Дине домой.

— Ты всех задерживаешь, мама уже нервничает, — сказала она, взяв Айшу за руку.

— Дело в том, что Юсуф и Мухаммед только что прибыли, мы еще не готовы. Рами с вами? — спросила Айша.

— Дети уже давно нам помогают. Заканчивают развешивать на деревьях гирлянды.

Кася и Руфь наготовили всего вдоволь. Еврейские и арабские блюда были расставлены на большом деревянном столе, который много лет назад собственными руками сделали Яков и Ариэль. Мириам приготовила шоколадный мусс, который научилась готовить в Париже.

Михаил присматривал за бараниной, медленно томившейся в печи.

Женщины сидели в доме, наслаждаясь проникающим через окна весенним ветерком, мужчины предпочли сад, где могли курить в свое удовольствие, чтобы Кася не читала им по этому поводу нотаций.

Иеремия принес для всех тонкие ароматизированные сигары, которые купил у египетского торговца.

— Как только мы устроимся, приходите в гости, — сказала женщинам Айша.

— Я приду еще раньше, чтобы тебе помочь. Ты не сможешь обустроить дом одна, —

ответила Марина.

— Мы можем поехать вместе, — предложила Сальма.

— А кто же тогда позаботится о твоих детях? — спросила Дина у невестки.

— Вади и Найма вполне могут обедать вместе с нами, — сказала Кася. — Ведь наш дом всего в двухстах метрах от вашего.

— Пойду попрошу у Иеремии сигару, — сказала Мириам, собираясь выйти в сад.

— Смотри, потом опять будешь кашлять, — упрекнула ее Кася.

— Я знаю. Но мне нравится курить, и я не собираюсь бросать.

С минуту они помолчали. Все здесь любили Мириам и остро переживали ее страдания. Даже Дина, при всей своей преданности Самуэлю, не могла его не упрекать, что он оставил жену и детей.

Вернувшись из Парижа, Мириам объяснила, что Самуэлю пришлось остаться в Европе чтобы уладить какие-то дела; этой же версии она придерживалась и спустя два года, а Самуэль за это время ни разу так и не наведлся в Палестину, даже чтобы повидаться с женой и детьми. Дина не сомневалась, что в жизни Самуэля появилась другая женщина.

Однажды вечером, когда Мириам учила ее готовить свой знаменитый шоколадный мусс, который так любили все дети из Сада Надежды, Дина решилась спросить у нее об этом напрямую. Мириам сначала колебалась, но потом все же честно рассказала о появлении в их жизни Кати и о том, как прочно она обосновалась в настоящем и будущем Самуэля. После этого Мириам попросила мужа дать ей свободу. При этом она не хотела, чтобы ее кто-то жалел, или чтобы дети росли, зная, что отец их бросил. Поэтому она так и держалась за свою легенду, что Самуэля якобы держат в Париже какие-то важные дела, и что купленная им там лаборатория требует его постоянного присутствия.

Она говорила Далиде и Изекиилю, что, когда они подрастут, то поедут в Париж учиться и снова будут жить вместе с отцом, Далида с Изекилем рассказывали об этом Вади, Рами, Найме и Нур, а те, в свою очередь — своим родителям. Дина молча слушала эти байки, не пытаясь ни в чем разубеждать внуков, а сама задавалась вопросом, поймет ли когда-нибудь Самуэль, что уже потерял своих детей.

— Когда-нибудь я попрошу у Мириам такую сигаретку, — заявила Айша.

— Что ты такое говоришь? — испугалась Дина. — Твой муж никогда не допустит, чтобы ты курила, и твой брат тоже.

— Но они же не возражают против того, чтобы Мириам курила, — возразила Айша.

— Правильно, я тоже курю, — напомнила Анастасия. — Правда, не так много, как Мириам, и мой муж не возражает. А мужчинам пора привыкнуть, что не только они могут заниматься приятными вещами.

— Иеремия ни в чем не смог бы тебе отказать, — заметила Руфь.

— А я и не спрашивала у него разрешения курить, просто курю и всё, — ответила Анастасия.

Пока женщины болтали, Мириам курила на пороге, прислушиваясь к разговорам мужчин. Дина отнесла ей гранатовый сок, жестом показав остальным, чтобы не беспокоились.

— Не выношу эти разговоры о том, что когда-нибудь мы перестанем ссориться, — шепнула она Мириам.

— Да, именно так они и говорят. Они разговаривают о Мусе аль-Алами. Юсуф уверяет, что Муса несколько раз встречался с Бен Гурионом. Он услышал это от Омара, и думаю, что

благодаря хорошим связям при дворе эмира Абдаллы.

— Муса аль-Алами — честный и справедливый человек, когда он был главным прокурором Палестины, то был безупречен, — сказала Дина.

Они замолчали, слушая разговор мужчин. Юсуф дымил и осторожно сообщал свои новости.

— Бен Гуриону трудно было выбрать лучшего посредника, чем Муса аль-Алами, тот всегда знал, как оставаться в стороне от политики, и именно поэтому может разговаривать со всеми. Его слушает и муфтий, и руководители Истикляля, такие семьи, как Нашашби, Дажани и Джадиди прислушиваются к его мнению.

— Но к сожалению, не в его власти принимать решения, — прервал его Михаил, — возможно, если бы это зависело от него, то он договорился бы с Бен Гурионом. Но Муса аль-Алами не представляет всех палестинцев, так что не думаю, что его переговоры с нашими представителями к чему-то приведут.

— Такой договор стал бы благом для всех, — заверил Иеремия.

— Зависит от того, о чем договариваться. Ты же слышал Юсуфа, Бен Гурион предлагает создать федерацию стран Ближнего Востока. Даже допускает возможность, что ее частью станет объединенное государство арабов и евреев. Раньше шариф Хусейн уже согласился разрешить евреям селиться в большом арабском государстве, но с тех пор многое изменилось, думаю, что даже слишком, — сказал Мухаммед.

— Что было, то прошло, — снова ступил в разговор Михаил.

— Мусу аль-Алами заботит то же, что и нас — что еврейская иммиграция не прекращается, и они скупают нашу землю, а в особенности его волнует та нищета, в которой живут наши крестьяне, лишённые привычной работы поденщиков. Насколько я знаю, он также сказал Бен Гуриону, что они не придут к согласию, если сионисты будут настаивать на праве скупать земли. Бен Гурион — непростой человек, его трудно убедить в чем-то, что противоречит его представлениям, — заявил Юсуф, наблюдая, как на его слова отреагируют Иеремия, Игорь и Натаниэль — эти люди были его друзьями, но всё же евреями.

— А муфтий? Почему муфтий не принял предложение Бен Гуриона? — поинтересовался Игорь, искоса посматривая на своего сына Бена, залезающего на дерево, и спрашивая себя, почему Марину не беспокоят шалости сына.

— Насколько я знаю, муфтия Хусейна это предложение заинтересовало, хотя он и не доверяет сионистам, да и с какой стати нам раздаривать свои земли? Эта земля наша, — заявил Юсуф.

— Если и те, и другие будут стоять на своем, то мы так и не придем к соглашению, а от этого потеряют все. Поэтому я не понимаю, как содержание переговоров Бен Гуриона и Мусы аль-Алами просочилось в прессу. Об арабском государстве сообщаются самые мелкие детали, тот, кто допустил утечку, хотел исключить малейшую возможность заключения договора, — сказал Михаил.

Дина подумала о Самуэле. Ей хотелось узнать мнение старого друга. Она слушала мужчин и говорила себе, что они неискренни, что хотя и называют себя друзьями, но не разделяют одну и ту же точку зрения, да и не хотят знать мнение другого. Юсуф больше остальных был уверен в собственных словах, как и Михаил, который поддерживал Луи и теперь замолчал. Она знала, что Луи — член партии «Хагана», тайного вооруженного формирования евреев. Никто не говорил ей об этом, она просто знала, она ведь была знакома с Луи с того дня, когда он приехал в Сад Надежды. Очень скоро он вступил в «Ха-

Шомер», стал одним из «стражей», которые защищали первых поселенцев от бандитских набегов. Луи всегда был слишком большим мечтателем, чтобы смириться с жизнью крестьянина. Он вечно переезжал из одного места в другое и называл себя пылким сторонником Бен Гуриона, превратившегося в голос и душу всех приехавших в Палестину евреев.

Она внимательно слушала Михаила. Мириам прикурила еще одну сигару, и также напряженно вслушивалась в мужские разговоры, пытаясь разобрать из их слов, что ждало в будущем.

Михаил сказал, что Бен Гурион также встречался с руководителем Истикляля, но результатов это не принесло.

— Вести переговоры — это важно, мы постоянно должны этим заниматься. Если арабы и евреи приложат усилия, чтобы услышать друг друга, влезут в чужую шкуру, то всё станет гораздо проще, — сказал Игорь.

Все согласились, что Игорь прав, и даже Дина молча кивнула. Все считали Игоря очень разумным молодым человеком. Марина не ошиблась, выйдя за него замуж: он оказался хорошим мужем и отцом, уделявшим много внимания их единственному сыну Бену. Даже Мухаммед признавал достоинства Игоря. Он и сам считал Игоря справедливым человеком, который заботился о своих подчиненных — рабочих-каменотесах. Он легко и быстро завоевал уважение рабочих-арабов, поскольку не делал никакого различия между ними и евреями. Мухаммед, правда, говорил, что Иеремия тоже никогда не позволял себе ничего подобного, но у Игоря справедливость была в крови.

Однако друзьями Мухаммед и Игорь так и не стали. Между ними стояла Марина. Дина была права: Мухаммед и Марина расстались, но никогда не переставали любить друг друга. Марина была верной женой, а Мухаммед питал к Сальме глубокое уважение, однако, ни Игорь, ни Сальма так и не смогли вытеснить из своих сердец прежнюю любовь. Порой, ловя их случайные взгляды, Дина замечала отблеск этого чувства.

Дина облегченно вздохнула, увидев, как Мухаммед зажег спичку и предложил Игорю закурить.

И в эту минуту она вдруг почувствовала, что тоже хочет закурить. Она бы охотно попросила у Мириам одну из ее ароматических сигар, но тут же спросила себя, что бы подумал Ахмед, увидев, что она курит. Оба они принадлежали к другому поколению, росли в другое время, когда в жизни не было места для некоторых укоренившихся позднее привычек. Нет, Ахмед ни за что не допустил бы, чтобы Дина курила — тем более, сейчас, зная, как это шокировало бы Мухаммеда. Дина сердито прогнала от себя эту мысль; что ни говори, она слишком стара для того, чтобы бросать вызов традициям. И уж тем более она не хотела, чтобы курила ее дочь Айша.

Голос Мойши вернул ее к реальности.

— Не думаю, что Бен Гурион настолько наивен, но если он действительно так считает, то серьезно ошибается. Никакого общего государства быть не может, а уж тем более внутри Арабской конфедерации. Мы должны бороться, мы не можем позволить снова себя обмануть, и конечное решение может быть только одно: либо мы, либо вы.

Речи Мойши возмущали всех присутствующих, а Дина его прямо-таки ненавидела. Мойша был единственным евреем, который внушал ей страх. И как они все только терпят его в Саду Надежды? — недоумевала она. Этот человек был здесь чужим; было в нем что-то

такое, что создавало непреодолимую пропасть между ним и остальными ему подобными — такими, как Самуэль, Игорь, Иеремия, покойные Ариэль с Яковом, Луи и даже импульсивный дерзкий Михаил.

— Никто не говорит, что это будет легко, но почему ты считаешь, что это невозможно? Ты утверждаешь, что был большевиком, но разве коммунисты не утверждают, что все люди равны? Мой отец погиб, потому что верил в это. Вот скажи на милость, по какой такой причине арабские и еврейские труженики не могут жить в мире? — Михаил едва сдерживал гнев, в который его всегда вгоняли рассуждения Мойши. Как и остальные, он тоже не любил этого человека.

— Какие причины? — ответил Мойша, тоже повышая голос. — Могу назвать сразу три: разные интересы, различие культур, различие вероисповеданий. Или тебе нужны еще какие-либо причины?

— И ты считаешь, что это дает тебе право уничтожать тех, кто не похож на тебя? — Мухаммед с трудом сдерживал клокочущую в груди ярость. — Ты в самом деле думаешь, что это дает право арабам убивать евреев, а евреям — арабов? Так вот, чтобы тебе было ясно: так считают лишь одни дураки.

— Мухаммед прав, Мойша, — вступил Игорь. — Ты просто дурак, а люди вроде тебя ставят под удар нас всех. Ты так ничего и не понял за те годы, что прожил среди нас. Я думаю, что мама, Кася и Самуэль совершили ошибку, пригласив вас жить в Саду Надежды.

Последние слова Игоря несколько обескуражили Мойшу.

Дина заметила, как дрожит Мириам, она и сама ощущала такую же дрожь.

— Хочешь сказать, что предпочитаешь арабов, а не евреев? — с вызовом спросил Мойша у Игоря.

— Хочу сказать, что люди вроде тебя приносят одни несчастья. Что касается твоего вопроса, то отвечу так: меня учили не судить людей в зависимости от того места, где они родились, ни от того Бога, которому молятся. Я сужу их по тому, что они несут в своем сердце, и мне не нравится то, что я вижу в твоём. Не смей нас оскорблять, иначе тебе придется покинуть Сад Надежды, — тон Игоря был таким твердым, что никто не решился заговорить.

Мойша поднялся, глядя на всех с презрением, и не проронив ни слова, отправился на поиски жены. Эва находилась с остальными женщинами, и он настоял, чтобы они ушли.

После стычки атмосфера стала напряженной. Дина не отдавала себе отчет, что говорит вслух, но все ее слышали.

— И как они только его выносят? Лично я давно бы его отсюда вышвырнула.

— Мама! — от слов Дины Мухаммед подскочил.

— Вот и я так думаю, — поддержала Дину Мириам. — Будь моя воля, Мойши с Эвой уже сегодня бы здесь не было.

Обе вернулись к остальным женщинам и предоставили мужчинам продолжать разговор.

На следующее утро, едва рассвело, появился Луи. Он был за рулем старого грузовика и разбудил всех, непрерывно нажимая на клаксон.

Дина уже встала, собираясь приготовить завтрак. Ей не хотелось, чтобы внуки ушли в школу, не выпив перед выходом по чашке молока.

— Откуда ты взялся, в такую-то рань? — спросила Дина у Луи.

— Решил внести свою лепту в общее дело переезда Айши, — с улыбкой ответил он. —

Этот грузовичок достаточно вместителен, чтобы в него поместились все ее вещи.

— Мы ждали тебя еще вчера вечером, — заметила Дина.

— Я знаю. Увы, вчера я не мог приехать. Был на севере. Но сейчас я здесь, и думаю, что сегодня со своим грузовиком я принесу вам много больше пользы, чем вчера, поедая ваши разносолы и уничтожая выпивку.

Вскоре Айша на этом самом грузовике покидала Сад Надежды, со слезами на глазах прощаясь с его обитателями. Это место навсегда останется для ее настоящим домом — именно Сад Надежды, а вовсе не тот белый дом на окраине Дейр-Ясины, где ей теперь предстояло жить и растить детей. Юсуф по-прежнему любил ее, и она была ему достойной и верной женой; но при этом уже давно перестала обманываться. Она вышла замуж за этого доброго человека, когда была совсем молодой и еще верила в любовь. Но со временем она поняла, что любовь — это что-то совсем иное, нежели те чувства, которые она питала к Юсуфу. Ее отношение к мужу было сродни тому, что связывало Марину и Игоря. Но Марина хотя бы знала, что такое любовь, поскольку испытала ее еще в детстве, когда влюбилась в Мухаммеда.

Ее дружба с Мариной осталась неизменной, несмотря на то, что новые соседки из Дейр-Ясины осуждали ее за то, что она якшается с еврейкой.

А между тем, с каждым днем напряжение между двумя общинами все росло, с обеих сторон накапливалось все больше обид. Соседки никак не могли понять, что Марина всегда была для Айши почти старшей сестрой, что она ее любила, не задаваясь никакими вопросами.

Юсуф с нетерпением ждал возвращения Омара Салема. Он стал его правой рукой, помогал не столько в торговых делах, сколько в ведении политических интриг.

Аллах явно благоволил к Омару и его семерым детям, предпочитавшим держаться подальше от политики. Хотя он больше всего на свете желал, чтобы британцы поскорее убрались из Палестины, это не помешало ему отправить сыновей учиться в самые престижные английские колледжи.

Когда апрельским утром 1936 года Омар Салем вернулся в Иерусалим, у Юсуфа было что ему рассказать. Накануне вечером он случайно встретил одного из лейтенантов муфтия Хусейни, и тот намекнул, что готовится «нечто серьезное».

Вечером 15 апреля группа молодых палестинцев напала на нескольких евреев на дороге из Наблуса в Тулькарм, убив двоих евреев. 19 апреля другая группа арабов а в яффском порту затеяла потасовку с еврейскими грузчиками, после которой осталось шестнадцать погибших.

К тому времени Верховный арабский комитет, включивший в себя представителей большинства палестинских партий, уже вынес решение о всеобщей забастовке, чрезвычайно удивившей как англичан, так и евреев. Однако эта забастовка, по словам муфтия, была только частью механизма, который он собирался запустить. Согласно его плану, британцы должны убедиться, что без арабов они — никто, что, если палестинцы не выйдут на работу, страна окажется парализована. Евреи также должны были пострадать от забастовки, поскольку с ними должны быть прекращены любые производственные и торговые отношения. Так что им тоже придется несладко. Таким образом, и те, и другие убедятся, чья это земля и кто на ней хозяин.

Когда верный Юсуф передал Омару Салему эти новости, то уже знал всё и сам. За два дня до этого его пригласили на ужин вместе с другими знатными гостями, там как раз обсуждался этот вопрос. Омар согласился, что это было необходимо, чтобы

продемонстрировать свою силу, но возмутился убийством евреев в Яффе. До сих пор деятельность «Хаганы» ограничивалась лишь защитой еврейских колоний, а если теперь они захотят ответить ударом на удар? Омар был человеком чести, считавшим, что отношения нужно выяснять на поле боя, и при этом решительно не одобрял бесконтрольного террора.

— Твой шурин Мухаммед должен принять участие в забастовке. С его стороны бы непростительно не уважать решение Верховного арабского комитета.

— Мой шурин — в большей степени патриот, чем любой из вас, — ответил Юсуф, не желая влезать в эти дела.

— Я знаю, что Мухаммед предан нашему делу; да и может ли быть иначе, если вспомнить, что он — сын мученика, моего доброго друга Ахмеда, что ныне пребывает в раю возле престола Аллаха, но все же как он может быть предан своему народу, не желая при этом порвать с еврейскими друзьями? Рано или поздно ему придется выбирать.

— Полагаю, он сделает правильный выбор.

— Твои слова ни о чем мне не говорят, Юсуф, — заметил Омар. — Лучше побереги их для принца, с которым хочешь соблюсти политес.

— Поговори с Мухаммедом, и сам убедишься.

— Хорошо, поговорю. Наши люди не понимают, как это сын мученика может не поддерживать забастовку, и считают его врагом. Слишком много между нами произошло столкновений. Муфтий вообще не терпит инакомыслия, но забастовку поддержали даже его главные соперники — Нашашибби, хотя, как и я, считают, что честнее выяснять отношения на поле боя.

Они обсудили еще несколько вопросов, после чего Омар отпустил Юсуфа.

Оставшись в одиночестве, Омар призадумался. Он доверял Юсуфу, но кто знает, какие мысли бродят в голове его верного помощника?

Саиды, семья Юсуфа, жили на другом берегу реки Иордан, в Аммане, в настоящее время ставшем столицей Абдаллы. Отец Юсуфа был свято предан Хусейну, шерифу Мекки — тому самому, что мечтал создать арабскую империю. Юсуф пошел по стопам отца, сражаясь бок о бок с сыновьями Хусейна, и зарекомендовал себя как отважный воин сначала в войсках Фейсала, а затем Абдаллы. Но теперь Абдалла при полной поддержке британцев правил Трансиорданией, и, разумеется, был вовсе не заинтересован в их уходе. Его брат Фейсал, король Ирака, погиб; старший брат Али потерпел поражение в битве с саудовцами за Мекку. Так что Абдалла мог считать, что ему еще повезло — он смог заполучить собственное королевство, отчасти благодаря собственной хитрости, но прежде всего потому, что это было выгодно англичанам.

Однако в последнее время интересы Абдаллы далеко не всегда совпадали с интересами палестинских арабов, и теперь Омар ломал голову, насколько далеко простирается верность Юсуфа. Он помнил, что Юсуф оказался одним из тех немногих, кто до конца остался верен старику Хусейну, и первым навестил Хусейна в изгнании, в Аммане, а позднее — в Акабе, и даже несколько раз ездил к нему на Кипр, где шариф Мекки жил уже глубоким стариком, которого теперь беспокоили одни лишь заботы его сына Зейда. Юсуф искренне горевал, когда в 1931 году шариф скончался, всеми забытый и не получивший даже малой доли тех почестей, которых заслуживал.

Омар знал, как больно Юсуфу видеть великого предвестника арабского государства в столь жалком состоянии, и осмелился попросить Абдаллу, чтобы тот вернул отца из ссылки на Кипре. Но Абдалла остался непреклонен, поскольку хорошо понимал, что в одном

королевстве не может быть двух королей. Короче говоря, он поступил так же, как когда-то его отец во время своего пребывания в Аммане. В конце концов он все же сменил гнев на милость и позволил отцу вернуться. Шариф изменился до неузнаваемости; от прежнего Хусейна осталась лишь тень. Юсуф едва сдержал слезы, увидев вместо легендарного властителя тяжело больного старика, почти беспомощного после перенесенного инсульта.

— Без шарифа мы бы никогда не избавились от турок, — напоминал он друзьям.

Кое-кто упрекал шарифа за то, что тот овершил большую ошибку, доверившись британцам — иначе говоря, христианам, чтобы с их помощью противостоять своим братьям по вере, верным последователям Аллаха. Однако Омар Салем не принадлежал к числу этих людей. Он был настоящим патриотом и считал, что арабскими государствами должны править арабы. Но в то же время, гораздо больше, чем судьба сирийцев, ливанцев или иракцев его беспокоила собственная судьба и судьба его палестинских братьев. Он не сомневался — да, нисколько не сомневался, что в случае чего Абдалла пойдет на все, лишь бы сохранить свое маленькое королевство, и сердце Юсуфа будет разбито.

В тот день Мухаммед не пошел на работу в карьер. Он просто не мог пойти, как бы ему ни было от этого горько. Вместо этого он отправился в дом Иеремии, чтобы объяснить, почему не выйдет на работу ни сегодня, ни в ближайшее время.

Иеремия молча слушал, тщательно обдумывая каждое слово, прежде, чем ответить.

— Итак, ты собираешься нанести мне удар, — заговорил он наконец. — Но не потому, что считаешь плохим хозяином, который бессовестно эксплуатирует тебя или кого-то еще. Ты признаешь, что я всегда был справедлив, и что тебе не в чем меня упрекнуть. Меня это, конечно, утешает, но не могу понять: чего вы хотите этим добиться? Британцы не согласятся на ваши условия, и мы тоже. Я понимаю ваши опасения, что в страну приезжает все больше и больше евреев, но с другой стороны, куда им еще деваться? Куда, например, деваться немецким евреям, вынужденным бежать от нацизма? Гитлер поставил их вне закона, отнял имущество, лишил возможности работать, учиться, да и просто жить. Вот они и бегут. Многие из них и правда едут сюда и остаются, как в свое время русские евреи, бежавшие от погромов. Так что ни ваша забастовка, ни все ухищрения британцев не смогут помешать еврейской иммиграции. Да, не спорю, Палестина — ваша родина, но при этом и наша родина тоже.

— С каждым днем она становится все менее нашей, — вздохнул Мухаммед.

— Ну что ж, я уважаю твой выбор, но ты должен понять и меня, — ответил Иеремия. — Если твоя забастовка слишком затянется, и ты в ближайшее время не приступишь к работе, придется взять на твое место кого-то другого. Я не могу позволить карьере простаивать. Так что уже сегодня я начну искать других работников, благо сейчас достаточно безработных евреев, которые будут рады взяться за любое дело, лишь бы заработать на жизнь. Да, я и сам знаю, что многие из приехавших немецких евреев совсем недавно были бюргерами; многие из них еще совсем недавно читали лекции в университете, торговали, играли в оркестре... Ты не веришь, что все эти люди смогут таскать камни — но они смогут, вот увидишь. Не беспокойся, очень скоро они научатся управляться с кайлом не хуже, чем играть на скрипке.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Как всегда, они были честны друг с другом. Затем Мухаммед отправился к Игорю, которому, как мастеру, предстояло найти новых каменотесов, которые сменят арабов.

— И к чему все это приведет, Мухаммед? — спросил Игорь.

— Не знаю. Мы просто хотим остановить иммиграцию, хотим, чтобы все наконец

признали, что это наша земля. Британцам легко раздавать то, что им не принадлежит.

— Мы не уедем, Мухаммед, — отпечатал Игорь.

— Я не говорю, что вы должны уехать, — ответил Мухаммед, с трудом сдерживая нарастающий в груди гнев.

— Иеремия прикажет мне нанять других рабочих...

— Я знаю, меня он тоже предупредил. Но есть в этой жизни вещи, которые мы не вправе делать, иначе не предадим себя.

Игорю не осталось ничего другого, как согласиться со словами Мухаммеда.

Спустя несколько дней Дина, вопреки совету сына, отправилась в Сад Надежды. Женщины выглядели подавленными. Кася с плачем бросилась к Дине в объятия.

— С этим надо что-то делать! — воскликнула Дина. — Мы не можем сидеть, сложа руки! Британцы совсем потеряли совесть: заявили в чужую страну и поделили нас на арабов и евреев! Вот увидите, этим дело не кончится...

Обе они стали совсем седыми, а время и работа в поле оставили на их лицах сеть глубоких морщин. Даже если за минувшие годы между ними и возникали размолвки, то настолько незначительные, что никак не могли разрушить их любви и дружбы. Пусть даже Дина была истовой приверженкой Аллаха, а романтическая социалистка Кася вообще не верила в Бога — это не мешало им держаться за руки и смотреть друг другу в глаза. Одна из них родилась в Иерусалиме, другая — в Вильно; одна тщательно прятала волосы под покрывалом и носила длинные мешковатые одеяния, скрывающие фигуру; другая спокойно оголяла руки и ноги, носила брюки и никогда не опускала глаз, разговаривая с незнакомцами. Но все это оказывалось совершенно неважным, когда дело касалось их жизни, где все мерилось лишь одной мерой — любви и дружбы.

Всеобщая забастовка оказалась весьма успешной — и в то же время совершенно бессмысленной. Подавляющее большинство палестинских арабов без колебаний приняли в ней участие, с гордостью наблюдая, как вся страна беспомощно замерла, словно парализованная. Кроме того, забастовка сопровождалась чередой засад и нападений на британцев и евреев, но если первые были растеряны и обескуражены всеми этими событиями, то вторые решительно приняли бой. Порт в Яффе оказался парализован — но еврейская община незамедлительно и с немыслимой скоростью начала строительство деревянного дока в Тель-Авиве, чтобы корабли прибывали прямо туда.

Рабочие места бастующих арабов тут же оказались заняты евреями, вновь прибывшими на поиски Земли Обетованной. За один день тысячи евреев стали каменотесами, кузнецами, матросами...

Но палестинские арабы не остались в одиночестве. Муфтий объявил священную войну, и по его призыву в Палестину хлынули люди из Трансиордании — королевства Абдаллы, из Ирака и Сирии. Британцы не стали медлить с ответом, направив в Палестину новые войска.

— Я должен поговорить с Омаром, — сказал Луи Мухаммеду.

В тот же день Луи появился в Саду Надежды, а когда стемнело, отправился в дом Мухаммеда. Дина обрадовалась его приходу.

Однако Мухаммед отклонил просьбу Луи.

— Даже не знаю, — сказал он. — Боюсь, что сейчас не лучшее время для твоих визитов к Омару. Если об этом кто-нибудь узнает, у тебя могут быть проблемы.

— Но я просто хочу поговорить с ним... Вы хоть понимаете, что происходит? Если

фанатики расценивают дружбу арабов с евреями как измену — что же произойдет, когда забастовка закончится? А она должна закончиться рано или поздно. Я не хотел пробираться к тебе ночью, как презренный вор, и мне нет дела до того, что мое присутствие может оказаться для тебя опасным. Я знаю, что Дину осуждают за дружбу с Касей, Руфью и Мириам... И что Айша постоянно ругается с соседками, защищая Марину.

— Мы, арабы, тоже от этого страдаем, — ответил Мухаммед. — Думаешь, я не понимаю, что нас ждет, когда забастовка закончится? Мы останемся без работы, наши рабочие места уже заняты. Я знаю, что Иеремия уже нанял для работы в карьере группу немецких евреев. Никто из них понятия не имеет о ремесле каменщика, ни один в жизни не держал в руках кайло или молоток, однако их туда взяли, и так все и останется. А мы умрем с голоду.

— А чего же ты хотел? — усмехнулся Луи. — Или ты в самом деле думал, что мы будем сидеть сложа руки? Что мы позволим нашим садам засохнуть на корню, что наши магазины тут же закроются, а предприятия обанкротятся? Неужели вы не понимаете, что муфтий ведет страну к катастрофе? Ему-то наплевать, для него самого ничего не изменится, когда забастовка закончится, ведь он богат. А что будет с другими?

— Не бывает достижений без потерь, — угрюмо ответил Мухаммед.

— Только сумасшедший мог вообразить, что вам под силу одолеть Британскую империю, или что евреи останутся в стороне. Мы и так слишком долго склоняли головы перед царем. Ты знаешь нас, Мухаммед. Знаешь, что мы пришли на землю своих предков. Здесь мы останемся и никому не позволим разрушить созданное. У арабских и еврейских тружеников одни и те же цели; нам нечего делить.

— Ты говоришь, как большевик!

— Я говорю, как твой друг. Так ты поможешь мне встретиться с Омаром Салемом?

— Хорошо, я поговорю об этом с Юсуфом, он собирался зайти завтра вместе с Айшой и детьми.

— Я задержусь на несколько дней в Саду Надежды.

Едва Луи ушел, Дина спросила у сына, когда закончится забастовка.

— Не знаю, мама, не знаю.

— А как же нападения на евреев? — Сальма, кроткая Сальма, верная и преданная супруга, посмотрела на мужа, и он увидел упрек в ее глазах.

— Нападения? — переспросил он, чуть помедлив.

— Я слышала, на рынке арабы опять напали на евреев, когда те шли мимо. А еще они даже разбрасывают гвозди на дороге, чтобы пропороть шины проезжающих еврейских автомобилей.

— Ну, это всего лишь затрудняет сообщение между поселками, — ответил Мухаммед. — Не стоит так беспокоиться.

— А как же убийство двух медсестер из правительственной больницы? — не сдавалась Сальма. — Говорят, это тоже сделали арабы.

— Повторяю, тебе не стоит беспокоиться по этому поводу, — ответил Мухаммед. — Но, если уж на то пошло, почему ты не спросишь, какие бедствия терпит наш народ?

С этими словами он вышел из дома, чтобы на вечерней прохладе спокойно выкурить сигару.

Мухаммед не хотел тревожить своими подозрениями ни жену, ни мать. Ему очень не

нравилось происходящее в последнее время. К его величайшему огорчению, группы арабов все чаще подбирались ночами к полям и садам евреев, поджигали любовно выращенные оливковые деревья, вытравливали посевы. Ему, бесконечно любившему эту землю, было по-настоящему больно видеть сожженные сады и разоренные поля. Если из-за этой забастовки он не сможет вернуться на работу в карьер, то принадлежащий ему участок земли останется единственным средством существования для семьи. Он тяжело вздохнул, с нежностью окинув ряды своих оливковых и фруктовых деревьев. Он бродил по саду, пока не убедился, что мать и жена уже легли спать, не дождавшись его возвращения. Он слишком хорошо знал Дину и понимал, что она только и ждет момента, чтобы поговорить с ним наедине, когда рядом не будет Сальмы.

Наконец, он лег в постель и забылся глубоким сном. Сон всегда помогает успокоиться.

Среди ночи Дина внезапно проснулась и поняла, что ее разбудил запах гари, проникший в дом через открытое окно вместо свежего ночного ветерка. Она бросилась к окну — и на миг замерла, словно громом пораженная, а потом пронзительно закричала. Ее крик перебудил всех в доме. Мухаммед вскочил с постели и вместе с Сальмой бросился в комнату матери. Дина поспешно одевалась.

— Пожар! Сад Надежды горит...

Мухаммед выглянул в окно и вздрогнул. Дом в Саду Надежды был охвачен пламенем и окутан клубами дыма. Он выскочил из дома с криком:

— Марина! Марина!

Дина не решалась взглянуть на Сальму; она и так знала, что глаза невестки мокры от слез.

— Одевайся, нельзя терять ни минуты, — велела Дина невестке. — Мы должны им помочь.

Вади и Найма заворочались в постелях, разбуженные криками.

— Оставайтесь здесь, — велела им Сальма. — А мы пойдем посмотрим, чем можно помочь.

— Пусть Найма остается! — крикнул Вади, бросаясь вслед за отцом. — А я могу помочь, я должен быть там!

Мухаммед наткнулся на Мойшу, который как раз опрокидывал ведро воды на деревья, окружавшие сарай, в котором жили они с семьей. Эва спешила к мужу с другим ведром. Мойша и Мухаммед не сказали друг другу ни слова. Мухаммед помчался дальше, к главному дому. Он не мог ничего разглядеть сквозь завесу дыма, но отчетливо различал голоса. Вот голос Даниэля, Мириам, старого Натаниэля...

— Марина, Марина! — кричал Мухаммед.

Он вошел в густой дым, за которым уже всюду бушевало пламя. Он был уверен, что слышит голос Луи, отдающий какие-то распоряжения, и голос Игоря, зовущий своего сына Бена. Но Марина? Где она? Снова и снова он звал ее, пока, наконец, она не выбежала навстречу из непроглядного дыма. Она невольно прижалась к нему, руки обвились вокруг шеи.

— Мухаммед... О Боже! — прошептала Марина, обнимая его в порыве отчаяния.

— Ты в порядке? С тобой все хорошо? — повторял он, не в силах вымолвить больше ни слова.

— Да, всё хорошо, — ответила она. — Игорем с сыном пытаются потушить огонь... Руфь потеряла сознание от дыма, и мама сейчас с ней.

Они не знали, сколько так простояли, сжимая друг друга в объятиях, пока их не обнаружил Луи.

— Мухаммед, скорее к помпе, мы без тебя не справимся. А ты, Марина, помоги вывести маму и Руфь — кажется, огонь пошел в ту сторону. А потом помоги Мириам, мы до сих пор не нашли Изекииля...

В эту минуту появился Вади, кашляя от дыма. Этот отважный шестнадцатилетний паренек всегда готов был помочь другим.

— Я тоже хочу помогать, — заявил он, но никто не обратил на него внимания. Послышался плач Далиды, она звала брата:

— Изекииль, Изекииль!

Игорь с трудом удерживал Мириам, которая рвалась в огонь в надежде найти сына.

— Где же все-таки он может быть? — спросил Игорь, совершенно измученный.

— Не знаю... сквозь слезы ответила Мириам. — Я держала его за руку, но было слишком дымно, ничего не видно... А потом он вдруг выпустил мою руку, я решила, что он вышел из дома, но... — тут Мириам снова разрыдалась.

— Наверное, остался внутри, — прошептала Марина.

Никто не успел ничего сообразить, когда Вади подхватил с пола одеяло, плеснул на него воды из ведра, набросил на голову и ринулся в горящий дом. Мухаммед хотел было его остановить, но тот уже исчез в дыму и в огне. Марина кинулась следом за Мухаммедом, пытаясь задержать его и не пустить в огонь. В эту минуту как раз подоспели Дина и Сальма. Когда им сообщили, что Вади только что вошел в горящий дом, Сальма так отчаянно зарыдала, что все просто пали духом. Однако, не прошло и трех минут, как Вади вышел, держа на руках какой-то сверток. Все бросились к нему. Вади улыбался, несмотря на ожоги; на руках он держал Изекииля.

— Он лежал возле самой двери. Наверное, споткнулся и ударился головой. Он молчит, у него идет кровь.

Больше Вади не успел ничего сказать, потеряв сознание.

На мгновение все вокруг застыли, в растерянности глядя на них. Изекииль получил несколько ожогов, но гораздо больше пострадал Вади, который, не раздумывая, завернул малыша в свое одеяло, а сам остался беззащитным перед огнем. Но Вади всегда был готов жертвовать собой ради других.

— Не трогайте их! — крикнул Натаниэль, старый аптекарь, опускаясь на колени перед Вади и Изекиилем, лежащими на земле.

Осмотрев их, Натаниэль решил, что обоим необходимо отправить в больницу.

— Вади совсем плохо, — распорядился он. — Даниэль, сбегай в сарай и принеси одеяло, их надо чем-то укрыть. Мы должны как можно скорее доставить их в больницу. И пусть кто-нибудь сходит за Йосси.

Мухаммед поднял на руки Вади, а Мириам — Изекииля. Мальчики застонали от боли.

Хоть Даниэль и старался ехать как можно быстрее, путь до больницы показался им вечностью. Сальма безутешно рыдала, ей вторили Дина и Мириам. Мухаммед все никак не

мог успокоиться, пока не увидел, как Вади и Изекииля укладывают на носилки и уносят внутрь здания больницы в окружении врачей и медсестер.

Мириам велела Даниэлю сбегать за Йосси.

— Скажи дяде, пусть немедленно придет сюда.

Через полчаса появился Йосси в сопровождении Михаила. Ясмин осталась дома с матерью: Юдифь по-прежнему нуждалась в постоянном уходе.

Дежурный врач позволил Йосси зайти в палату, где оказывали помощь Вади и Изекиилю; через час он вышел в сопровождении двух врачей и медсестры, чтобы рассказать родным, как обстоят дела.

— Они выживут, — это было первое, что он сказал он, увидев залитые слезами лица Мириам, Сальмы и Дины.

Один из врачей доложил о состоянии здоровья мальчиков.

— Вади — очень храбрый мальчик. Он даже не закричал, когда мы по живому срезали с него рубашку, отрывая ее от ожогов. У него ожоги первой степени на руках и шее, а также на груди. Лицо, к счастью, пострадало меньше, но все же... Придется выждать несколько часов, пока его состояние стабилизируется. Мы вкололи ему успокоительное, чтобы он уснул. Ему нужно отдохнуть.

— А Изекииль? — спросила Мириам, снедаемая тревогой за сына.

— Вы про малыша? Он пострадал меньше, чем Вади, ожоги незначительны, хотя один, на шее, достаточно серьезный. Мы вкололи ему обезболивающее. На всю ночь они оба останутся под нашим наблюдением; если хотите, можете их увидеть, но очень вас прошу не шуметь. Им необходим покой, это самое главное. А еще им придется на какое-то время остаться здесь. Наши медсестры о них позаботятся.

Однако мольбы Сальмы и Мириам сделали свое дело, и в конце концов им позволили остаться у постели сыновей. Никто и ничто, как они потом уверяли, не заставило бы их покинуть свой пост.

Дина тоже хотела остаться с внуком, но Мухаммед убедил ее вернуться вместе с ним в Сад Надежды.

— Там нуждаются в твоей помощи: кто-то должен приготовить еду и постели, — сказал он. — Поверь, мама, ты сейчас гораздо нужнее в Саду Надежды.

Йосси и Михаил отправились с ними: на пожаре лишние две пары рук никак не помешают.

Как рассказал Даниэль, сначала загорелись окружающие дом деревья, потом горящая ветка упала на крышу лаборатории, а затем огонь перекинулся на другие постройки.

— Сам не знаю, как нам удалось выбраться... Мы все спали, — объяснял Даниэль, еле сдерживая слезы.

Всю ночь они сражались с огнем, от которого к рассвету остались лишь тлеющие угли. Задняя часть дома рухнула; от нее остались одни головешки. И совсем уж печальная участь постигла сад и столь заботливо возделанные поля, погребенные нынче под толстым слоем пепла.

Кася горько плакала. Дело всей ее жизни, плоды стольких трудов теперь обратились в пепел. Ее апельсиновые деревья, помидоры, пряные и лечебные травы, оливы... все это погибло в огне.

— Мама, мы снова все посадим, — утешала ее Марина, но Кася не хотела ничего

слушать.

Игорь и Бен отнесли Руфь в дом Дины. Найма, дочь Мухаммеда и Саймы, обещала за ней присмотреть. Девочке уже исполнилось тринадцать, она была скромной и ответственной.

Кася подошла к Мухаммеду и, глядя ему в глаза, спросила:

— Кто это сделал? Кто до такой степени желает нам зла, чтобы сотворить подобное?

Мухаммед не знал, что и ответить. Ночное происшествие было всего лишь одним из вереницы подобных случаев; лишь часть той подпольной борьбы с евреями, которая в последнее время велась по всей стране. Но возможна ли победа в этой войне? Он не переставал думать о своем сыне. И о Марине... Как бы он смог жить дальше, если бы они погибли? Он знал, что не смог бы этого пережить. Он всегда честно выполнял свой долг; именно поэтому согласился жениться на Сальме, но при этом ни на минуту не переставал любить Марину.

Кася не сводила с него испытующего взгляда, дожидаясь ответа.

— Не знаю, Кася, — сказал он наконец. — Не знаю, кто это сделал, но клянусь, что он за это ответит!

Тут они увидели идущую к ним Марину, и Мухаммед невольно вздрогнул.

— Ты все еще любишь ее, — Кася не ждала от него никакого ответа; она и сама не спрашивала, а лишь подтверждала очевидное.

Кася зорко следила за обоими, чтобы они не вздумали снова обниматься, оскорбив тем самым Игоря, наблюдавшего за ними издали.

— Мы должны начать все сначала, — сказала Марина. — И мы это сделаем, но понадобится ваша помощь. В одиночку нам не справиться.

— Обещаю тебе, что Сад Надежды возродится... — ответил он. — Здесь прошло мое детство и лучшая часть моей жизни.

— Хватит, — прервала их Кася. — На нас все смотрят, не стоит причинять им лишней боли; хватит и того, что случилось.

Когда наступило утро, Дине удалось уговорить погорельцев отправиться к ней домой и немного отдохнуть. Вконец измученные люди не стали отказываться. Пока Дина с помощью Наймы подавала душистый чай и нарезанный ломтями хлеб с козьим сыром, Луи подсчитывал убытки.

— Каркас дома обрушился. Самуэль перестроил его из сарая, а тот и сам по себе был не слишком прочным. Придется отстраивать заново. Сарай, где живет Мойша, совсем обвалился, и лаборатория тоже... На крышу лаборатории что-то упало: то ли факел, то ли просто горящая ветка — точно не знаю...

Дина взглянула на старого Натаниэля, который за ночь, казалось, постарел еще больше. Для него самым большим горем оказалась именно потеря лаборатории, а на постройку новой требовалось немало денег и времени.

— Надо написать Самуэлю, пусть поскорее возвращается, — сказала Дина.

— Ты права, мы обязательно это сделаем. К тому же он должен знать, что произошло с Изекиилем, — в голосе Луи звучала усталость: бессонная ночь, проведенная в борьбе с пожаром, дала о себе знать.

— Дина, Мухаммед... мы в долгу перед вами. Если бы не ваша помощь... — на этих словах Кася невольно расплакалась. — Твой сын Вади — очень храбрый мальчик; если бы не он, Изекииль сейчас был бы мертв... — добавила она, обращаясь к Мухаммеду.

Через три недели Изекииля выписали из больницы, а Вади все еще продолжал сражаться за жизнь. Врачи уверяли, что он поправится, но порой казалось, что надежды нет.

Изекииль помнил лишь, как бросился к выходу, но споткнулся и упал на пол, обо что-то ударившись головой. Больше он ничего не видел и не слышал, как его звали. Он очнулся лишь на минуту, когда Вади вошел в дом, который уже со всех сторон охватил огонь.

Луи нанял бригаду для строительства нового дома. Все работали день и ночь, чтобы как можно скорее возвести крышу над головой. К концу лета они построили два дома, в которых все смогли с комфортом разместиться. Вот только лаборатория по-прежнему лежала в руинах.

— Мне жаль, Натаниэль, но мы должны дождаться Самуэля, — сказал Луи. — А уж он будет решать, что теперь делать.

А между тем, сотни палестинских арабов продолжали гибнуть в стычках с британцами.

Встреча Луи с Омаром закончилась полным фиаско. Луи всегда считал Омара Салема разумным человеком, несмотря на его приверженность муфтию Хусейни, но эта встреча развеяла последние сомнения.

— Мы будем сопротивляться до последнего, пока англичане не выполнят наши требования, — заявил он. — Они должны остановить еврейскую иммиграцию.

— Если что и нужно остановить — так это вооруженные атаки против евреев, — ответил Луи.

Омар лишь пожал плечами. Ему и самому были не по душе подобные меры; ему ничем не мешал ни Сад Надежды, ни Эдисон — другое еврейское поселение неподалеку от Иерусалима, сгоревшее несколько дней назад. Но в то же время он не хотел показывать свое недовольство по этому поводу — во всяком случае, в эту минуту. Он считал, что главное сейчас — доказать англичанам, что, если арабы объединятся, они могут быть весьма серьезной силой, с которой им придется считаться. Так что никак нельзя допустить разлада; в разладе — их погибель.

— А ведь британцы не дремлют, — заметил Луи.

— Думаешь, мы не видим, как их войска высаживаются в Палестине? Вот только, чтобы выиграть эту битву, одних лишь войск недостаточно.

— А они и не рассчитывают только на свои войска. Они рассчитывают на поддержку тех, кого вы считаете своими союзниками.

Истинное значение этой фразы Омар смог понять лишь позднее, когда в октябре 1936 года несколько арабских лидеров обратились к своим «палестинским братьям» с призывом прекратить всеобщую забастовку. Нужно ли говорить, что палестинцы не могли не откликнуться на призыв Сауда Аравийского, Абдаллы Иорданского, короля Ирака, эмира Йемена?

На самом деле это Верховный арабский комитет решил пойти на уступки. Палестинские арабы готовы были и дальше бастовать в ущерб себе и своим семьям, однако арабские лидеры решили принять условия Великобритании, дабы навести в стране хоть какой-то порядок.

— Тебе нужно поговорить с Иеремией, — посоветовала Сальма мужу.

Но у Мухаммеда не хватало духа появиться в карьере. Он знал, что на его место уже взяли Мойшу. Однако проблему решил сам Иеремия, заявившись домой к Мухаммеду в сопровождении Игоря.

— Когда ты собираешься вернуться в карьер? — спросил он после традиционного

обмена любезностями.

Мухаммед промолчал, не зная, что ответить.

— Забастовка кончилась, и в карьере много работы, — сказал Иеремия. — Я говорил с Игорем, он нуждается в твоей помощи.

Дина и Сальма смотрели на него искрящимися глазами, полными благодарности. Позднее Мухаммед признался, как он был удивлен столь великодушным поступком еврея.

— Да, они — наши друзья, но чувствуют себя в долгу перед тобой, — сказала Дина. — Они лишились дома и сада, а ты из-за них чуть не потерял сына.

— Они мне ничего не должны, — ответил Мухаммед.

— Они перед тобой в неоплатном долгу, и шрамы на лице Вади, которые он получил, спасая Изекииля — прямое тому свидетельство. Они всегда будут чувствовать себя в долгу перед тобой и твоими детьми, — сказала Дина.

Вади уже почти поправился; однако полученные ожоги оставили глубокие шрамы на его теле и, хуже того, на лице. Эти отметины ему суждено было носить до конца своих дней.

Изекииль повсюду следовал за ним. Вади стал для него настоящим героем, которому он был обязан жизнью. Теперь Вади был для него самым любимым после Мириам человеком; он любил его даже больше, чем отца и сестру Далиду. За прошедшие годы Самуэль превратился для него в далекое и бесплотное воспоминание.

А сердце Мухаммеда наполнялось глубокой болью, когда он видел шрамы на лице сына. Слезы наворачивались на его глаза, когда он смотрел на лицо Вади, пересеченное вспухшими красными зигзагами. В тот самый день, когда он выглянул в окно и увидел горящий в ночи Сад Надежды, он поклялся, что виновные в этом несчастье не останутся безнаказанными.

Дождавшись, когда мать пригласит в гости своего брата Хасана вместе с женой Лейлой и сыном Халедом, он принялся выпрашивать у дяди, кто устроил поджог. Ему было известно, что дядя не только хорошо знаком с большинством повстанческих лидеров, но и прекрасно осведомлен об их планах.

— Дядя, ты должен сказать мне, кто в ответе за то, что случилось с Вади.

— Ты же знаешь, я и сам сожалею о том, что случилось с Садам Надежды: они — ваши друзья, и наши тоже. Никто не хотел по-настоящему им навредить; это была досадная случайность, что горящая ветка упала на крышу лаборатории... — Хасан смущенно потупился под взглядом племянника. — Они всего-то и хотели — сжечь несколько деревьев; им в голову не приходило, что кто-то всерьез пострадает.

— Мой сын чуть не погиб в огне, — не сдавался Мухаммед.

— Вади — храбрый и надежный мальчик. Он рисковал жизнью, спасая Изекииля, но ты же знаешь, никто не поднял бы руку на членов нашей семьи. Все знают, что ты — сын Ахмеда Зияда, а он был героем, живым примером для молодежи, а также для меня.

— Мой муж никогда не принял бы участия в подобном деле... — вмешалась Дина, не на шутку оскорбленная словами брата. — Никогда не поджег бы тайком чужого сада... Нет, мой муж ни за что бы этого не сделал, и ты, брат, не смей пачкать его имя, утверждая, что он бы одобрил подобное злодеяние!

— Послушай, Дина, что ты в этом понимаешь! Те, что подожгли деревья, не хотели причинить никакого зла, они просто сражаются за свою свободу.

— Сжигая чужие дома и сады? — воскликнула Дина.

— А что мы, по-твоему, должны делать? Спокойно смотреть, как всякие чужаки

отхватывают себе куски нашей земли? Послушай, сестра, если мы не поставим их на место, то скоро у нас вообще ничего не останется, — ответил Хасан.

— Я хочу поговорить с теми, кто это сделал, — снова попросил Мухаммед дядю. — Помоги мне в этом.

— Я тебе этого не позволю... Не могу позволить... Я слишком хорошо тебя знаю: ты жестоко расправишься с ними, а ведь они не хотели ничего плохого... Это был просто несчастный случай...

— Так ты считаешь, что шрамы на лице моего сына — всего лишь результат несчастного случая? — возмутился Мухаммед. — Нет уж, такие способы борьбы — не для меня. Ты потребовал, чтобы я принял участие в этой забастовке и пообещал мне хорошие деньги, чтобы я мог прокормить семью. Я вполне согласен с теми, кто считает, что англичане должны отсюда уйти — так же, как мой отец мечтал, чтобы отсюда ушли турки. Я знаю, за что и против чего я сражаюсь, но знаю также и то, что есть вещи, которых я никогда не сделаю. Вместе с твоими детьми я сражался против турок — с Халедом, здесь присутствующим, и Салахом, пребывающим, как я надеюсь, возле престола Аллаха. Салах погиб как настоящий солдат, сражаясь с другими солдатами. Погибнуть на поле боя — это большая честь, но я никогда не стану сражаться с врагом, поджигая ночью чужие сады и угрожая чьим-то детям. Повторяю, этот способ борьбы — не для меня.

— Кузен прав, — это до сих пор молчавший Халед наконец набрался смелости и решился возразить отцу.

Хасан сердито взглянул на него. Он никому не позволил бы оспаривать свое решение, даже родному сыну.

— Твой кузен сейчас говорит, как отец, а не как солдат, — возразил Хасан. — А что я должен был делать, когда убили моего первенца? Не было ни единого дня, чтобы я не оплакивал твоего брата Салаха, а твоя мать и вовсе почти обезумела от горя. Но посылая вас сражаться под знаменами сыновей шарифа, я знал, что могу вас потерять: война есть война.

— Так значит, у нас война? — с болью в голосе спросил Мухаммед.

— Мы не можем допустить, чтобы евреи основывали здесь новые колонии! — отрезал Хасан.

— Я не стану поддерживать тех, кто нападает на безоружных крестьян! — крикнул Мухаммед. — Ни за что на свете!

— Безоружных? — воскликнул Хасан. — Уж тебе-то должно быть известно, что у них есть оружие. Или ты не знаешь, что твой друг Луи состоит в «Хагане»? У них даже есть собственная армия — пусть они не носят мундиров и не живут в казармах, но в остальном это самая настоящая армия.

Женщины молча слушали, дрожа от страха, что мужчины вот-вот подерутся.

Наконец, Хасан ушел, так и не открыв племяннику, кто повинен в нападении на Сад Надежды.

На следующий день Мухаммед встретил своего кузена Халеда. Какое-то время они шли молча, покуривая египетские сигары, которыми время от времени снабжал Мухаммеда Иеремя.

Халед уважал мнение своего отца, но при этом чувствовал себя обязанным Мухаммеду. Оба сражались бок о бок под знаменами Фейсала. Оба знали, что это такое — смотреть, как люди убивают других и гибнут сами; они видели, как рядом падают их товарищи, сраженные

вражескими пулями, и сами стреляли в людей, защищая собственную жизнь.

— Я не знаю точно, — сказал Халед, — но слышал, что Сад Надежды подожгли два брата, которые живут неподалеку от Иерусалима, в двух километрах от Дамаскских ворот. Знаешь тот дом, возле которого растут два старых фиговых дерева? Эти люди очень преданы муфтию.

— Спасибо, Халед. Теперь я в долгу перед тобой.

— Отец тебя очень любит, но ему не нужны конфликты между арабами, — пояснил Халед. — Достаточно и того, что он согласился принять участие в этой забастовке.

— Я понимаю твоего отца. У него своя правда, у меня — своя. Когда я смотрю на лицо сына, покрытое ожогами, меня охватывает гнев.

— Я не смогу к тебе присоединиться, отец мне этого не простит.

— Я и сам бы не стал просить тебя об этом. В жизни есть вещи, которые нужно делать самому.

Никому, даже Сальме, Мухаммед не рассказал о том, что задумал. Он едва смог дождаться, когда наступит вечер пятницы, и молча стал одеваться, готовясь выйти из дома.

Дина и Сальма поинтересовались, куда он собрался на ночь глядя, и он ответил, что хочет повидаться с одним знакомым.

Укрытый пологом ночи, с ведром бензина в руках он обошел вдоль старой стены, ощущая, как в лицо ему бьет жаркий ветер пустыни, который в эту ночь не на шутку разыгрался. Пройдя несколько километров, он добрался до фермы, о которой говорил Халед. Дом был окружен оливковыми деревьями; рядом, в загоне, мирно паслись несколько коз.

Осторожно, стараясь не шуметь, он обрызгал бензином оливковые деревья. Затем направился к дому и постучал.

Дверь ему открыл пожилой мужчина; Мухаммед заметил, что внутри также находились пожилая женщина и двое юношей, одному из которых было около двадцати, а другому — не больше шестнадцати, как и его сыну Вади.

— Хвала Аллаху, что тебе нужно? — спросил мужчина.

— Чтобы ты вышел из дома, — ответил Мухаммед. — А также твои жена и дети.

— Что ты несешь? — запротестовал хозяин. — Почему это мы должны выходить из дома?

Юноши направились в сторону двери; Мухаммед прочитал на их лицах удивление и вызов.

— Выходите из дома, если хотите жить, — с этими словами Мухаммед поджег кусок ткани, смоченной в бензине, который еще прежде спрятал среди прочей одежды, и бросил горящий сверток в сторону оливковых деревьев. Как по мановению руки, небо вспыхнуло багряным заревом. Деревья тут же занялись огнем.

С угрозами и проклятиями вся семья бросилась прочь из дома, а оба юнца накинулись на Мухаммеда; старший попытался сбить его с ног. Однако это ему не удалось: Мухаммед приставил нож к его горлу, одновременно выхватив из-за пояса старый пистолет. Парень в ужасе застыл, решив, видимо, что оказался в руках сумасшедшего.

— Мне стоило бы убить тебя и твоего брата, — сказал Мухаммед. — Но из уважения к самому себе я не стану этого делать. Я не убиваю беспомощных сопляков. Но вы должны заплатить за содеянное.

Старик замахнулся на него палкой, но Мухаммед увернулся. Женщина громко зарыдала, глядя, как пламя охватывает сад и оливковые деревья, как козы в ужасе мечутся, а языки

пламени неумолимо подбираются к загону.

— На этот раз я вас прощаю, но если вы снова перейдете мне дорогу — клянусь, вы об этом пожалеете.

Он медленно отступал, не поворачиваясь к ним спиной и держа под прицелом. Наконец, он скрылся в тени деревьев, а там уже бросился бежать, пока отчаянные крики о помощи не затихли вдали.

Вернувшись домой, Мухаммед понял, что обрел наконец душевный покой.

Омар Халем был в ярости. Он нервно расхаживал взад-вперед по своему кабинету, куда вызвал для разговора Мухаммеда и Юсуфа.

— Как ты посмел поднять руку на преданную муфтию семью? — повторял он. — Или ты хочешь, чтобы мы начали убивать друг друга?

Юсуф выглядел взволнованным, зато Мухаммед был совершенно спокоен. Он не боялся Омара Салема и не испытывал ни малейшего трепета перед его богатством и могуществом. Когда Омар наконец выплеснул свой гнев, Мухаммед заговорил:

— Мне не нравится подобная тактика: нападать на незащищенных людей. Уж коли мы должны воевать с евреями — давайте открыто бросим им вызов, вместо того, чтобы поджигать дома и угрожать детям.

— Они не успокоятся, пока не захватят всю землю, которая им не принадлежит, — начал было Юсуф.

Но Омар лишь сухо оборвал его, еще больше разозленный словами Мухаммеда.

— Как ты вообще смеешь оспаривать приказы муфтия? Ты! Отец бы тебя стыдился.

Повернувшись к Омару, Мухаммед уставился ему в лицо таким испепеляющим взглядом, что тот невольно отшатнулся.

— Не смей марать имя моего отца: он бы никогда такого не сделал! Ни за что не стал бы поджигать дома и сады. Будь он жив, он рукоплескал бы мне.

— Как ты смеешь думать, что вправе чинить самосуд? Кто ты такой, чтобы судить? — продолжал Омар, задыхаясь от ярости.

— Я не пытаюсь чинить самосуд; я хочу лишь жить в мире с самим собой. Бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись — это умереть или убить. В этом случае я спасал лишь свою честь, поэтому ваши друзья до сих пор живы. Но можешь мне поверить, что всякий раз, когда я вижу ожоги на лице Вади, я горько жалею, что оставил их в живых.

Мухаммед никому бы не признался, что душа у него болит не только за Вади, но и за Марину. Он до сих пор вздрагивал, вспоминая, как бежал к горящему Саду Надежды, сам не свой от ужаса, решив, что Марина погибла в огне. Как он мог простить людей, по чьей вине он едва не потерял тех, кого любил больше всего на свете: сына и Марину?

С этого дня Омар и Мухаммед больше не доверяли друг другу. Омар знал, что Мухаммед всегда будет поступать так, как велит ему совесть, и что он не выполнит приказа, если для этого потребуется пойти против совести; такому человеку Омар никак не мог полностью доверять.

Чуть позже Мухаммеда навестил его зять Юсуф, обеспокоенный случившимся.

— А ведь Омар всегда считал тебя своим другом, — упрекнул он шурина.

— Я тоже считал его своим другом, — ответил Мухаммед. — Или ты полагаешь, что он чем-то лучше меня?

— Ты не можешь выступить против муфтия.

— Я выступаю против того, что считаю бесчестным, — сказал Мухаммед. — Я уважаю муфтия, но не принадлежу ему.

После этого зятя еще долго спорили, но так и не пришли к согласию.

Вскоре после происшествия в дом Мухаммеда явились британские полицейские. Они подозревали, что пожар на ферме неподалеку от Иерусалима был как-то связан с таким же пожаром в Саду Надежды. Кто-то донес, что Мухаммед Зияд, должно быть, хорошо осведомлен об обоих происшествиях. Полиция вызвала его на допрос, но Мухаммед упрямо стоял на своем: мол, понятия не имеет, о чем его спрашивают. Несколько дней его продержали в камере, а затем отпустили, поскольку у не было никаких доказательств, а значит, и оснований держать его в заключении.

Дина решила поспорить с сыном.

— Разве мы мало страдали? — начала она. — Ты же не хочешь, чтобы еще и...

Но он не позволил ей продолжать.

— Мама, я не сделал ничего такого, в чем стал бы раскаиваться. Во всяком случае, позволь мне действовать так, как велит совесть.

— У тебя жена и двое детей, Мухаммед, подумай о них.

— У меня есть долг не только перед ними, но и перед самим собой.

А Сальма не могла даже помыслить о том, чтобы в чем-то упрекнуть мужа, как бы ни страшило ее будущее.

Я хорошо помню те дни, полные страданий и страха; а впереди нас ожидали новые страдания, связанные с возвращением Самуэля.

Однажды Мириам пришла к Дине и сообщила, что Самуэль возвращается в Палестину и сопровождении двоих друзей детства.

— Я собираюсь просить развода, Дина, — сказала она. — И я хочу, чтобы ты узнала об этом первой. Я знаю, как ты уважаешь Самуэля.

— Может быть, тебе лучше подождать и сначала поговорить с ним? Может быть, у вас все еще и наладится...

— За все эти годы Самуэль прислал лишь несколько писем, в которых только подробно описывал, что происходит в Европе и интересовался, что происходит здесь. Ты же знаешь, что он не хотел детей, это я настояла. Разумеется, он их любит, но я не верю, что Изекииль и Далида смогут его удержать. Дело здесь не только в том, что произошло с Изекиилем, но и в том, что Самуэль, как и я, тоже хочет развода. Я в этом уверена.

Дина с большой симпатией относилась к Мириам; она чувствовала в ней родную душу, несмотря на то, что та была намного моложе.

«Подумать только, ведь нам с Самуэлем уже за семьдесят, Мириам едва перевалило за пятьдесят, а выглядит она намного старше, — подумала Дина. — У нее такой печальный взгляд...»

Вскоре Самуэль действительно прибыл — по поручению британского консула, графа Пила, создавшего комиссию по расследованию ситуации в Палестине.

— Когда англичане не знают, что делать, они первым делом создают комиссии по расследованию, — откомментировал Мухаммед

— И что же случилось на этот раз? — в тревоге спросила Дина.

Мухаммед сообщил матери, что Самуэль уже в Иерусалиме.

— Игорь сказал, что Самуэль остановился в гостинице «Царь Давид» и собирается нас

навестить. Хочет познакомить нас с друзьями. И... — запнулся он. — Мне очень жаль, но я должен тебе сказать... Самуэль привез с собой женщину, русскую аристократку...

Дина уже давно подозревала, что причина столь долгого отсутствия Самуэля в другой женщине. Да и сама Мириам на это уже не раз намекала. Дина задавалась вопросом, что будет, если Самуэль привезет с собой эту женщину.

Прошло несколько дней, а о Самуэле не было ни слуху, ни духу. Она так и не решилась сходить в Сад Надежды, чтобы расспросить о нем, а ни Кася, ни ее домочадцы даже не подумали известить ее о прибытии Самуэля. Дина представляла, чего им стоит держать лицо в присутствии «этой женщины», как называл ее Мухаммед.

Наконец, однажды вечером к ней в дом пришла Мириам, заливаясь слезами. Дина не знала, что и сказать, глядя на ее распухшее от слез лицо. Она лишь взяла Мириам за руку и пригласила сестру.

— Самуэль здесь, вот уже четыре дня, как приехал, — начала Мириам. — Он не посмел явиться в Сад Надежды и показаться нам на глаза, а потому попросил моего зятя Йосси, чтобы тот сообщил нам о его приезде. Он хотел знать, как мы его примем, и позволю ли я ему увидеться с детьми. А еще он хочет поговорить с ними наедине. Кася страшно разозлилась. Ее так больно ранило поведение Самуэля... Она отправилась в «Царя Давида» повидаться с ним, а нам ничего не сказала. Так вот, когда она увидела его там с этой женщиной, с Катей... Представляешь, какой это был для нее сюрприз?.. Ведь я... Признаюсь честно, я никому об этом не говорила, но всегда знала, что в жизни Самуэля появилась другая женщина. Константин и Катя всегда много для него значили, они ведь выросли вместе. Катин дед очень помог отцу Самуэля после того погрома... Короче говоря, он привязан к семье Гольданских. И вот в Париже он вновь с ними встретился, и, когда я увидела их вместе, то сразу поняла, что между нами все кончено. Я тебе уже говорила, что он хочет подать на развод, он говорит, что так будет лучше для нас обоих. Честно говоря, я тоже так думаю, но мне так больно — ты даже не представляешь, как больно...

Дина слушала, не перебивая. Она знала, что Мириам необходимо выговориться и она не случайно для своих откровений выбрала именно Дину.

А Мириам тем временем продолжала:

— Дети очень хотят видеть отца — особенно Далида, ведь ей уже пятнадцать, она все понимает. Сколько раз она у меня допытывалась, почему мы не живем вместе... Я попросила Йосси, чтобы он передал Самуэлю: пусть приходит к нам, как-нибудь договоримся. А то дети не могут понять, почему их папа вернулся домой, а живет при этом в гостинице. Но Самуэль извинился и сказал, что не может оставить Константина и Катю, и что будет лучше, если мы все навестим его в «Царе Давиде». Я отказалась идти в гостиницу — почему я должна унижаться? Попросила Игоря и Марину взять детей и пойти с ними вместо меня. Кася даже слышать о нем не хочет, а бедная Руфь почти не выходит из дома: ты же знаешь, в последнее время она неважно себя чувствует. После встречи с отцом Далида вернулась такая счастливая... Она все расписывала, какая красавица эта «тетя Катя», и показывала подарки, которая та привезла ей иIZEKIILYU. Дочка уговаривала меня пригласить их к нам в гости, только боялась, что Кате у нас не понравится. «Она не такая, как мы, — вот что она сказала. — Такая элегантная... Но мы могли бы украсить наш дом цветами, чтобы он стал красивее...» Я притворилась, будто мне нет дела до этой Кати и спросила, видела ли она Густава, сына Константина и Веры. Далида ответила, что Густав не приехал, потому что он

сейчас в пансионе, в Англии, а вот тетя Вера приехала и привезла ей в подарок шелковую блузку.

А сегодня утром я получила записку от Самуэля; он просит о встрече. Говорит, что пока мы не встретимся на «нейтральной территории», он не должен появляться в Саду Надежды. Клянусь, я хотела ему отказать, но знаю, что Далида никогда бы мне этого не простила, поэтому я смирила свою гордость и пошла в «Царя Давида». Самуэль ждал меня в баре, и в первый миг мне показалось, что все по-прежнему и между нами ничего не изменилось. Он обнял меня с таким чувством, что я расплакалась.

Но он не позволил мне обмануться. Сказал, что не вернется в Палестину, что теперь его жизнь в Париже, хотя много времени он проводит в Лондоне по своим «торговым делам», а потом добавил, что мое место — здесь. «Тебе было неуютно в Париже, ты чувствовала себя там чужой, — сказал он. — Ты же не переставала твердить мне об этом. И я тебя понимаю, ведь ты — настоящая палестинка. Но, возможно, дети могли бы часть времени проводить с нами. Кате они нисколько не мешают, она их очень любит». Меня так и подмывало съездить ему по физиономии, однако я сдержалась, только спросила: «Катя? Какое дело этой Кате до наших детей?» Самуэль застыл на месте, а потом сказал: «Ну же, Мириам, давай будем честны друг с другом. Ты же знаешь, насколько Катя важна для меня. Мы столько времени уже вместе... Честно говоря... Я давно уже хотел попросить у тебя развода. Я уже немолод и должен обеспечить Кате статус официальной супруги. Она значительно моложе меня, вы с ней примерно одного возраста, я и хочу, чтобы в день моей смерти она имела право плакать над моей могилой, как моя вдова».

— Как он вообще смеет так говорить? — Дина прямо-таки кипела от возмущения. — Эта женщина околдовала его, он никогда таким не был...

— Я чувствовала себя такой униженной... — всхлипнула Мириам. — Ответила, что и сама давно хотела с ним развестись, что не могу понять, как умудрилась его полюбить и жалею о том, что родила от него детей... Не помню, чего еще я ему наговорила, я была совершенно не в себе. А Самуэль слушал с таким спокойным безразличием, а потом сказал, что ему понятна моя злость, нам уже давно следовало решить этот вопрос, вот только расстояние помешало. Еще он признался, что прошлой зимой подхватил пневмонию и всерьез опасался за свою жизнь. Катя ухаживала за ним, не оставляя ни на минуту, он был чрезвычайно тронут ее заботой. Так или иначе, но мы собираемся разводиться. А еще он спросил, можно ли ему привести Константина и Катю в Сад Надежды, он давно хочет познакомить нас со своими друзьями.

— Ты должна была сказать ему, что нельзя! — возмущенно выкрикнула Дина.

— Я сказала — пусть приводит, если ему это нужно. Не хочу, чтобы Далида меня потом упрекала.

— И в чем она может тебя упрекнуть? — спросила Дина. — Или твоя дочь воображает, что ты должна распахнуть двери дома перед любовницей мужа?

— Это не мой дом, Дина, это дом Самуэля.

— Это уже не дом Самуэля, — возразила Дина. — Дом Самуэля сгорел, а этот мы построили собственными руками.

— Сад Надежды всегда останется его домом, это единственный дом, который он знает.

— Ты не должна принимать эту женщину! — возмущенно воскликнула Дина.

— Я и не собираюсь ее принимать. Она придет завтра вечером, а я отправлюсь в Старый город повидаться с сестрой. А сюда придут Ясмин, Михаил, Иеремия, Анастасия,

Натаниэль, Мойша с Эвой и, разумеется, Луи... Я попросила Касю устроить праздничный ужин, на котором, кстати, ты тоже должна присутствовать. Кася сначала отказывалась, но в конце концов я ее убедила.

— Я тебя не понимаю!

— Если бы ты знала, чего мне это стоило! Но повторяю, я делаю это только ради Далиды. Она любит отца, что совершенно естественно, а сейчас он явился, как настоящий король — нарядный, в костюме, под руку с этой графиней... Когда ты познакомишься с Катей, то сама поймешь, какое впечатление она может произвести на подростка. Эта женщина настолько красива, что кажется просто ненастоящей. Она всегда прекрасно одета, причесана, покрашена; выглядит безукоризненно в любую погоду — в снег, дождь, зной или ветер. Она поистине безупречна. К тому же Далида чувствует, как много значит Катя для Самуэля, и старается завоевать ее симпатию, чтобы быть ближе к отцу.

— Видеть не желаю эту Катю! — ответила Дина, все больше распаляясь.

— И все-таки я прошу тебя прийти завтра в Сад Надежды. Самуэль хочет повидаться с тобой, а также с Айшой и Мухаммедом.

— Я не пойду, — ответила Дина. — Дети пусть идут, если хотят, но моей ноги там не будет. Я лучше пойду вместе с тобой проведать Юдифь.

Однако, как ни старалась Дина избежать встречи с Самуэлем, но все же ей это не удалось. Он появился вечером, когда она уже вернулась домой после встречи с Юдифью. Мириам осталась в доме сестры, дожидаясь возвращения Ясмин и Михаила. Дина зазевалась и не заметила, как Самуэль подошел к самому ее дому. Она молча открыла дверь; некоторое время они смотрели друг на друга, не решаясь сказать ни слова.

— Я скучал по тебе, — произнес он наконец.

— Охотно верю, — ответила Дина. — Особенно учитывая, что ты почти семь лет не показывал носа домой. У тебя было достаточно времени, чтобы соскучиться.

Самуэль был ошеломлен. Вот уж от кого он никак не ожидал проявления враждебности — так это от Дины, которую всегда считал своим лучшим другом.

— Как прошел ужин? — спросила Дина, не скрывая своего недовольства.

— Не сказать, что прекрасно, хотя мы сделали все возможное, чтобы его не испортить. Руфь так и вовсе не хотела выходить из своей комнаты — отговаривалась плохим самочувствием. Потом она все же вышла, нехотя поцеловала меня в щеку, а Кате даже руки не подала. Кася не скрывала своей неприязни к Кате, но вскоре сдалась перед обаянием Константина, как и все остальные. Только Иеремия и Мойша старались держаться с ней любезно. Что касается Анастасии, то ты же ее знаешь: никогда невозможно догадаться, о чем она думает. Натаниэль постарел, совсем сдал. Игорь почти не изменился — все такой же серьезный. Сальма была хороша, как никогда, а Мухаммед — сама обходительность. Думаю, одна лишь Далида по-настоящему радовалась, а малыш Изекииль в упор нас не замечал. А твой внук Вади уже совсем взрослый, как и Бен, сын Марины, и Рами, сын Айши. Все таи выросли! Найма и Нур тоже уже почти взрослые, как и моя Далида. Только по ним и видишь, сколько воды утекло!

Какое-то время они молчали, не зная, что сказать. Потом Дина все-таки предложила ему выпить чаю.

— Не откажусь, хотя предпочту гранатовый сок, — ответил Самуэль.

Она подала ему стакан, стараясь не смотреть в лицо.

— Что случилось, Дина? — спросил Самуэль. — Я пришел поблагодарить тебя за то,

что Вади сделал для Изекииля. Я уже сказал об этом Сальме и Мухаммеду. Им повезло иметь такого сына — храброго и великодушного. Вы должны им гордиться.

— Мы им гордимся, — сухо ответила Дина.

— Жизнь — непростая штука, — задумчиво протянул Самуэль. — Очень жаль, что ты на меня сердишься... Мне бы хотелось, чтобы все сложилось иначе... Хотя понимаю твою солидарность с Мириам.

Дина не знала, что и ответить. Она чувствовала себя по-настоящему неловко. Наконец, она решила посмотреть ему в глаза, в глубине надеясь увидеть того, прежнего Самуэля, что на протяжении стольких лет был другом ее мужа.

— Ты нехорошо поступаешь, — сказала она. — Оставить жену и детей... Что ты за человек после этого, Самуэль?

— Я никогда не пытался казаться лучше, чем есть, но должен признаться, что совершил ошибку, женившись на Мириам, она не заслуживает того, чтобы страдать из-за меня. Я не могу тебя обманывать, ты же знаешь, что я никогда не был в нее влюблен; да, я был к ней привязан, и мы были счастливы, но я никогда по-настоящему ее не любил.

— Но если ты знал об этом и все равно женился, то должен нести ответственность за свой выбор. Или ты думаешь, что раз ты не был в нее влюблен, это снимает с тебя вину? Вот скажи, Самуэль, так ли уж необходимо было привозить сюда эту женщину?

— Я хотел, чтобы Константин и Катя увидели Палестину. Ты не представляешь, что сейчас творится в Европе. Гитлер превратил жизнь немецких евреев в настоящий ад. Все, кто только может, стараются уехать из Германии. Мы с Константином делаем все возможное, чтобы британские власти открыли въезд в Палестину для всех желающих. Здесь они смогут найти дом.

— Это моя земля, Самуэль, земля моих предков, а также моих детей и внуков, — ответила Дина. — Она не может вместить евреев со всего света.

— Мы можем жить вместе, Дина, как жили до сих пор. Если бы ты знала, что творит Гитлер... Он заставляет евреев пришивать на одежду шестиконечные звезды Давида. Запрещает им заниматься торговлей, изгоняет из университетов, конфискует имущество, лишает гражданства...

— Мне очень жаль, что так все случилось. Не могу понять, чего добивается этот Гитлер...

Дина замолчала.

Но тут послышались шаги на дорожке, а затем деликатный стук в дверь. Самуэль открыл ее; на пороге стояла Катя.

Дина была потрясена, увидев эту женщину: она выглядела неземной, будто сошла с какой-то картины.

— Дина, познакомься с Катей, — сказал Самуэль.

Две женщины посмотрели друг на друга: Дина — с опаской, Катя — с безразличием, которое пыталась скрыть под широкой улыбкой.

— Я столько слышала о вас, — произнесла Катя. — Поистине, вы — единственная женщина, которая удостоилась такой глубокой привязанности Самуэля.

— Хотите гранатового сока? — предложила Дина, не зная, что и сказать.

— С удовольствием, — улыбнулась Катя. — Самуэль так расхваливал ваш знаменитый гранатовый сок, что я никак не могу упустить возможности его попробовать.

Разговор перешел на разные пустяки. Дина не желала поддаваться обаянию этой неземной женщины и отвечала ей с тем же показным равнодушием, какое демонстрировала Катя. В этой атмосфере Самуэль чувствовал себя неудобно и не мог дождаться, когда можно будет откланяться и уйти.

— Мы должны вернуться в гостиницу до наступления темноты. Я еще вернусь — повидаться с тобой перед отъездом, — пообещал Самуэль.

Чуть позже Сальма рассказала свекрови, что происходило в Саду Надежды во время ужина.

— Константин и Вера были очень милы и уделили внимание каждому. А вот его сестра, как мне показалась, чувствовала себя не в своей тарелке, — сказала Сальма. — Похоже, она принадлежит к тому типу людей, которые считают нас вульгарными.

— Я ничуть не удивлена, что Самуэль не хочет возвращаться, — ответила Дина. — Едва ли эта Катя смогла бы жить здесь. Ты вот можешь представить, как такая фифа гнется над картофельной грядкой или доит козу? — Дина невольно улыбнулась, представив Катю за подобными занятиями.

— Самуэль ни на шаг от нее не отходит, — продолжала Сальма. — Он кажется...

— Он кажется очень влюбленным, ты это хотела сказать? — закончила Дина.

Сальма смущенно кивнула. Самуэль смотрел на Катю с той же страстью, с какой Мухаммед смотрел на Марину, когда думал, что никто этого не видит. Сальма ощутила очередной укол ревности и печали, вспомнив, что на нее Мухаммед никогда так не смотрел и никогда не посмотрит.

— Далида казалась очень счастливой, а Изекииль, наоборот, выглядел угрюмым и замкнутым. А потом вдруг спросил, скоро ли вернется мама, и Самуэль почувствовал себя неловко. Кася посоветовала ему прогуляться и сказала, что мама пошла проведать Юдифь. А Изекииль стал требовать, чтобы мама и Даниэль поскорее вернулись. «Даниэль — это мой старший брат», — объяснил он Кате и Константину. Хорошо, что Вере, жене Константина, удалось вовремя сменить тему разговора.

— А эта Вера — какая она? — поинтересовалась Дина.

— Очень милая женщина — не такая красивая, как Катя, но тоже благородная дама. Она была так ласкова с детьми Мириам и похвалила Вади за смелость, за то, что спас Изекииля. Мне кажется, малыш догадывается, что между его родителями не все благополучно. Вера пригласила Далиду и Изекииля навестить их в Лондоне. Далида пришла в восторг, а Изекииль спросил, можно ли ему приехать вместе с мамой. Катю это разозлило, а Вера улыбнулась и сказала, что он может приехать, с кем захочет.

— Самуэлю не следовало привозить сюда эту женщину, — повторила вконец возмущенная Дина.

— Мухаммеду пришлось пригласить их всех в гости, но я думаю, что Самуэлю вряд ли хочется повторить сегодняшней вечер, — продолжала Сальма. — Поэтому он пригласил всех наших мужчин на завтрашний ужин в «Царя Давида».

— Мой сын не должен был их приглашать! — заявила Дина. — Я рада, что у Самуэля хватило совести отказаться.

— Но ведь он все же пришел повидаться с тобой. Он был очень расстроен, что ты не пришла на ужин в Сад Надежды.

— А чего он ожидал? Да, он пришел повидаться со мной, но это уже не тот, прежний Самуэль. Эта женщина совершенно его изменила.

— Не вини ее, — сказала Сальма и тут же об этом пожалела.

— А кого же я должна винить? — в гневе спросила Дина.

— Нельзя винить человека за то, что он полюбил не того, кого следовало. Ты сказала, что Самуэль любит Катю, но можно ли его за это осуждать? Мне жаль Мириам, она этого не заслужила, но, в конце концов, она всегда знала, что нельзя требовать от Самуэля больше, чем он может дать.

Дине совершенно не хотелось продолжать этот разговор. Она поняла, что невестка говорила не только о Самуэле, но и о себе самой.

Мухаммед очень волновался и поминутно спрашивал у матери и жены, надлежащим ли образом он одет. Никогда прежде он не переступал порога «Царя Давида» — самого фешенебельного в городе отеля, где останавливался сам король Абдалла, когда бывал в Иерусалиме.

Отель открыли всего несколько лет назад, а теперь в его салонах встречались самые влиятельные люди мира, в том числе египетские принцы и, конечно, знать Иерусалима.

Вернувшийся Луи все подшучивал над Мухаммедом, который вырядился для ужина слишком уж официально.

— Мы же собираемся ужинать с Самуэлем, а не с английской королевой, — говорил он.

Сам же Луи был одет, как обычно — ну, может быть, имел вид чуточку более официальный, чем всегда. Во всяком случае, Дина, увидев его, всплеснула руками:

— Как, ты еще не одет? Вы же опоздаете!

Они прибыли вовремя, но, войдя в ресторан, уже застали там Хасана и Халеда, сидящих за столиком в обществе Самуэля и Константина. Натаниэль, Мойша и Игорь вместе с Иеремией подтянулись чуть позже, а еще через несколько минут пожаловали Михаил и Йосси.

Мухаммед ничего не мог с собой поделаться, поминутно косясь на официантов в красных фесках с поистине княжескими манерами.

— Я благодарен вам за то, что приняли приглашение, — сказал Самуэль. — Я столько времени провел вдали от вас... Все переменялось, ведь так? Да и у вас, я думаю, есть о чем рассказать.

Последним прибыл Юсуф. Мухаммед искренне восхищался самообладанием зятя, глядя, с какой непринужденностью тот держится среди всей этой роскоши.

Юсуф поприветствовал своих знакомых, собравшихся в обеденном зале; среди них были какие-то ливанцы в сопровождении европейки, несколько похожих заговорщиков сирийцев, и даже Рариб аль-Нашашиби, один из влиятельнейших людей города.

— Нашашиби продолжают выступать против Хусейни? — спросил Самуэль.

— Нас всех объединила общая забастовка, — осторожно сказал Юсуф, не желая вдаваться в подробности.

— А теперь, когда она закончилась, между ними снова возникли разногласия, — заключил Самуэль.

Посыпались бесконечные вопросы, на которые Юсуф и Мухаммед едва успевали отвечать. Этот русский оказался поистине ненасытен в своем стремлении понять Палестину. Мухаммед обратил внимание, что Луи старается не вступать в разговор, предпочитая лишь внимательно слушать, что говорят другие. «Должно быть, он и в самом деле по уши увяз в своей «Хагане», — подумал Мухаммед. Луи всегда приезжал и уезжал, никого не спрашивая

и никому не докладываясь, однако с тех пор, как Самуэль решил остаться в Париже, он взял на себя ответственность за благополучие Сада Надежды и добился величайшего уважения всех его обитателей.

— Я знаю графа Пила, — сказал Константин, — это очень разумный человек. Надеюсь, что его комиссия сможет остановить стычки.

— Или обострить их еще больше, — предположил Хасан.

— Я все никак не могу понять: почему арабы и евреи не могут между собой договориться? — спросил Константин.

— Отчего же, могут — при соблюдении некоторых условий. Дело в том, что евреев приехало гораздо больше, чем мы могли предположить. Они скупают наши земли, вытесняя с них крестьян. Единственное, чего мы хотим — чтобы Англия наконец поставила крест на Декларации Бальфура. Какие права у британцев на нашу Палестину? Мы сражались на их стороне в Великой войне в обмен на обещания, которые так и не были выполнены. Они обманули шарифа Хусейна и его сыновей — и Фейсала, и Али бросили на произвол судьбы. Правда, сейчас они признали Абдаллу правителем Трансиордании, потому что им это выгодно, — объяснил Хасан.

— Я сражался на стороне британцев, как и мой шурина Мухаммед, и мой кузен Халед, — вступил в разговор Юсуф. — Мы сражались за нашу великую арабскую родину, которую теперь подмяли под себя евреи. Шариф не возражал против того, чтобы у вас был здесь дом, как не возражал и Фейсал; однако кое-какие условия британцы не выполнили. Так почему мы должны отдавать свою землю?

Юсуф говорил вроде бы от своего имени, но собеседники прекрасно понимали, что его устами сейчас вещает могущественный иерусалимец Омар Салем.

— Ну а ты, Луи — что ты обо всем этом думаешь? — спросил Хасан.

Мужчины испытующе посмотрели на Луи. Все прекрасно знали, что он тесно связан с еврейскими лидерами и особенно предан Бен Гуриону.

— Арабы и евреи должны поделить между собой Палестину, и чем раньше это произойдет, тем лучше, — огласил Луи свой приговор.

— И почему мы должны ее делить? — не сдавался Хасан.

— Потому что и те и другие живут на этой земле.

— Мы жили здесь задолго до того, как заявили вы, спасаясь от произвола своих царей.

— Вы здесь жили? И долго? Прежде эта земля звалась Иудеей, ее населяли и потомки Ханаана, и египтяне, не стоит забывать и о филистимлянах; по ней прошли македонцы, римляне, византийцы, персы, арабы, Аббасиды, Фатимиды, крестоносцы, османы... а теперь еще и британцы. Но именно евреи — плоть и кровь этой земли, и не смей говорить, что ты этого не знаешь, — последние слова Луи отчетливо прозвучали в наступившей тишине.

— Вы могли бы оставаться его плотью и кровью и в составе Арабского государства. Никто вам не мешал, — ответил Юсуф, пристально глядя на Луи.

— У вас свои отношения с англичанами, у нас — свои, — ответил Луи. — Однако и нам, и вам следует уяснить, что выполнение британцами их обещаний будет зависеть исключительно от того, входит ли это в круг их интересов. Так что перевесит та чаша весов, на которой будут лежать их выгоды. А будущее Палестины зависит от того, сможете ли вы договориться с нами.

— Мне неприятно слышать, когда ты говоришь «мы» и «вы», — в словах Самуэля

послышалась печаль. — Когда мы были молоды, то верили, что сможем построить мир, где все будут равны.

На этот раз слово взял Мойша. Наверное, он все же ощущал некоторую неловкость; ведь единственный не чувствовал себя здесь среди друзей.

— Мечты юности разбиваются о повседневную реальность, — изрек он. — Так сказал Маяковский; правда, он говорил о любви, но то же самое можно сказать и в отношении всего остального.

— Реальность будет такой, какую мы сами построим, — ответил Самуэль.

— Реальность такова, что все мы — разные люди; у нас разные интересы, мечты, вера. Вот мы, евреи, верили, что революция откроет нам новую эру, мы перестанем быть людьми второго сорта. Мы сражались бок о бок с остальными, веря, что и они разделяют наши мечты, но едва борьба окончилась, как выяснилось, что они мечтали совсем о другом. Такова реальность, не имеющая ничего общего с мечтой, — подвел итоги Мойша.

— В таком случае, что ты предлагаешь для Палестины? — спросил Константин.

— Я ничего не предлагаю. Просто говорю, что желания арабов идут вразрез с нашими собственными, и рано или поздно настанет день, когда нам придется отстаивать свои интересы в вооруженной борьбе, — в словах Мойши прозвучало мрачное пророчество.

— А ты, я гляжу, только и ждешь, чтобы с кем-нибудь подраться, — отрезал Мухаммед.

— Ты же сам побывал в бою, как и я, — ответил Мойша. — Оба мы знаем, каково это, смотреть, как твои товарищи падают мертвыми один за другим и знать, что следующим можешь пасть ты. Я тоже не сторонник насилия, но без него, к сожалению, не обойтись. Царь ни за что бы не отдал власть, если бы ее у него не вырвали силой. Вы сражались против турок, надеясь создать в будущем арабское государство. По доброй воле турки ни за что ни уступили бы вам ни пяди земли. А сейчас на одни и те же территории претендуют арабы и евреи. Мы хотим вернуть землю предков, ведь здесь остались наши корни — вот чего мы добиваемся. А вы не хотите делить эту землю с нами, считая ее своей, потому что жили здесь несколько столетий... Да и кто знает, кому на самом деле молились твои предки... Однако есть люди, которые будут до смерти стоять на своем — вот ваш муфтий как раз из таких... — окончив свою речь, Мойша выжидающе оглядел слушателей.

— И ты тоже, как я погляжу, — заметил Хасан.

Но тут Константин искусно переменял тему, заговорив о каких-то пустяках.

Прощаясь с Самуэлем, Мухаммед обнял его.

— Я тебя навещу. Нам есть о чем поговорить.

Мухаммед кивнул. В конце концов, он искренне любил и уважал Самуэля. Он был другом его отца, после смерти которого Мухаммед с готовностью принял на свои плечи бремя этой дружбы. Но теперь он, похоже, перестал понимать этого человека; сейчас Самуэль казался ему совсем чужим в своем элегантном костюме, в роскошном отеле, где он жил вместе с женщиной, от красоты которой захватывало дух. Мухаммед вынужден был признать, что своей красотой она затмевала даже Марину, которая обладала врожденной грацией и благородством и казалась ему красивее любой принцессы даже с мотыгой в руках. На какой-то миг он даже позавидовал Самуэлю, решившемуся на то, на что так и не отважился сам Мухаммед: перешагнуть через людские законы, чтобы быть с любимой женщиной. Нет, Мухаммед никогда не смог бы оставить Сальму, Вади и Найму. Чувство долга никогда не позволило бы ему это сделать. Отец ни за что не простил бы ему подобного бесчестья. Но в то же время, Мухаммед никогда не переставал мечтать о Марине.

Дина была не в духе: Мухаммед объявил, что вечером к ним пожалует Самуэль.

— Надеюсь, он придет один? — осведомилась мать. — Эта русская графиня здесь никому не нужна.

— Он — наш друг, и мы всегда ему рады, кого бы он с собой ни привел, — ответил Мухаммед.

К облегчению Дины, Самуэль действительно пришел один. Он дал понять, что пришел исключительно затем, чтобы поговорить с Мухаммедом наедине, поэтому Дина и Сальма вскоре удалились, оставив их вдвоем.

— Я не знаю, как тебя и благодарить за то, что твой сын сделал для Изекииля. Если мой сын сейчас жив — то исключительно благодаря отваге твоего. Мы у тебя в долгу. И я бы хотел, чтобы Вади вместе с Изекиилем поехал учиться в Англию. Там есть отличные пансионы, где обучают всему, чему только можно. Это откроет такие возможности для них обоих!

— Я благодарен тебе за предложение, но я не хочу расставаться с Вади, — сказал Мухаммед.

— Да полно, Мухаммед! Ты же сам видишь, сколько детей из почтенных иерусалимских семей едут в Англию, чтобы получить там образование. Я знаю, ты считаешь британцев врагами; не спорю, у тебя есть причины им не доверять, но это не значит, что ты вправе лишать сына возможности получить хорошее образование. Ты ведь и сам учился в британской школе Сент-Джордж.

— Я не хочу, чтобы сын ехал в страну моих врагов. Неужели ты не видишь, что творят эти англичане?

— Могу сказать, что с арабами они ведут себя не хуже, чем с евреями, — ответил Самуэль.

— Ты ничем мне не обязан, Самуэль.

— Я обязан твоему сыну жизнью моего.

Мухаммед промолчал в ответ; его явно угнетал этот разговор.

— Ну что ж, не буду настаивать, но если ты все же когда-нибудь передумаешь, просто напиши мне об этом.

— Изекииль и Далида поедут с тобой в Лондон?

— Мне бы очень этого хотелось, и я надеюсь убедить Мириам отпустить детей. Но сейчас мы говорим о другом. Я очень встревожился, услышав слова Юсуфа.

— Да, теперь это уже не та Палестина, которую ты знал, Самуэль, — вздохнул Мухаммед. — С каждым днем пропасть, разделяющая арабов и евреев, становится все шире. Если бы ты знал, чего мы наслушались после того, как навестили тебя в «Царе Давиде»! Один из лучших друзей даже обвинил меня в измене.

На этот раз Самуэль надолго замолчал. Казалось, он сомневается, стоит ли дальше это обсуждать.

— Мне не хотелось бы тебя обманывать, Мухаммед, — признался он наконец. — Дело в том, что мы с Константином оказываем активное содействие евреям, желающим покинуть Германию. Мы сотрудничаем с Еврейским агентством, а через него — со здешними лидерами.

— А ты ведь никогда не был сионистом.

— Я и сейчас не сионист, у меня попросту нет родины. Что я могу назвать своей родиной? Польский городок, где родился? Или Россию, родину отца? Или, быть может,

Францию, родину матери? Или Палестину, потому что я — еврей? Я не могу считать родиной эти земли, где погибли близкие.

— Но ведь ты помогаешь своим единоверцам обрести родину в Палестине.

— Я просто помогаю им выжить.

— О, нет, не просто выжить, — возразил Мухаммед. — Если ты сотрудничаешь с Еврейским агентством — стало быть, вместе с ним хочешь сделать Палестину страной евреев, а это значит, что собираешься отнять ее у нас.

— Вот как ты на это смотришь?

— Увы, но это так.

— Ты знаешь мою историю, Мухаммед, — произнес Самуэль. — Ты знаешь, что моя мать, сестра и брат были убиты во время еврейского погрома, а мне пришлось бежать в Санкт-Петербург, где позднее убили моего отца. Я приехал сюда вовсе не в поисках новой родины, а из уважения к памяти отца, который всю жизнь мечтал когда-нибудь приехать сюда вместе со мной.

— Да, возможно, первые русские евреи, что приехали сюда, бежав от царского режима, и не имели других намерений, кроме как жить в мире со всеми, но сейчас вы стремитесь захватить нашу землю.

— Я не стремлюсь к этому, Мухаммед.

— Ты, может быть, и не стремишься, но ты помогаешь тем, кто этого желает.

Больше им нечего было сказать друг другу, поэтому они долго курили в молчании, погруженные в свои мысли. Наконец, Самуэль решился снова заговорить.

— Я хочу попросить тебя об одном одолжении, — сказал он.

— Мухаммед кивнул, давая понять, что внимательно слушает.

— Если все же случится так, что столкновения не удастся избежать... Если произойдет самое худшее... Обещай мне, что защитишь моих детей, если Мириам не позволит им уехать ко мне.

— Я никогда бы не поднял руку на Сад Надежды, — ответил оскорбленный Мухаммед.

— Я это знаю, как знаю от Луи, что ты жестоко наказал тех, кто сжег наш дом, оливковые деревья и лабораторию...

— Что Луи может об этом знать? — бросил Мухаммед. — Для меня это было делом чести.

— Если начнется новая война, ты защитишь моих детей? — повторил Самуэль.

— Мой отец никогда не простил бы мне, если бы я этого не сделал.

— Если рай действительно существует, то мой друг Ахмед, несомненно, пребывает там. Это был лучший из людей, кого я знал.

Самуэль еще не успел покинуть Иерусалим, когда пришел ответ из Великобритании на доклад Пила. Британские аристократы советовали разделить Палестину на две части, в одной из которых будут жить евреи, а в другой — арабы; при этом у каждой будет свое правительство, Иерусалим же останется под контролем Британской империи.

Омар Салем устроил у себя в доме собрание.

— Мы никогда не допустим, чтобы нашу землю рвали на части! — лютовал один из гостей.

— Мы совершили большую ошибку, упустив из виду графа Пила, — сказал Юсуф, что вызвало еще большее возмущение слушателей. — Сионисты с ним заигрывали и прикармливали, а мы это проглядели.

— Вы и вправду считаете, что это могло бы что-то изменить? — поинтересовался Омар. — Что тут еще скажешь? Британцам, как и их эмиссару, прекрасно известны все наши требования, и прежде всего, мы не допустим, чтобы евреи продолжали тысячами ехать сюда и захватывали нашу землю. Сколько можно повторять одно и то же? Разумеется, мы хотим, чтобы и британцы отсюда ушли.

Омар Салем искоса посмотрел на Юсуфа.

— Мало быть правым, — сказал Юсуф. — Нужно еще уметь отстоять свою правоту, и сионистам как раз удалось убедить графа Пила. В то время как наши лидеры не проявили никакого интереса к его программе, евреи сделали все, чтобы ее выполнить.

— Быть может, нам следовало бы рассмотреть то предложение, при котором мы получали семьдесят процентов всех земель, а евреи — всего тридцать? — предположил один из гостей, человек почтенного возраста. — А при известной настойчивости мы могли бы вытребовать себе и больше.

— Мы никак не могли принять это предложение, — ответил Омар, с трудом сдерживая гнев. — Почему мы должны кому-то отдавать нашу землю, пусть даже речь идет о нескольких пядях? А кроме того, граф Пил добивается, чтобы евреям досталась лучшая доля. Побережье, Галилея, Израильская долина — все это им, а что осталось бы нам? Клочок пустыни?

— Да, нам достаются худшие территории — Западная Иордания, Негев, долина Арава. Газа... А хуже всего то, что на эти земли претендует Трансиордания, так что этот раздел поможет создать проблемы подданным Абдаллы.

— Нельзя осуждать эмира Абдаллу за симпатии к британцам, — сказал Юсуф. — В конце концов, его семья боролась за создание великого арабского государства.

— Ну конечно, ты всегда защищаешь этого Абдаллу! — воскликнул Хасан. — Да, мы помогали англичанам в войне с турками, потому что верили, что они позволят нам создать великое государство — и посмотрите, что они оставили семье Хашимитов: сущие крохи! Трансиордания — всего лишь жалкая подачка, милостыня, которую они швырнули Абдалле.

— Юсуф, определись, наконец, кому принадлежит твое сердце: Абдалле или Палестине? — произнес кто-то из гостей, и в его голосе прозвучала несомненная угроза.

Все гости устали на Юсуфа, ожидая ответа.

— Я не стану отвечать на этот вопрос, — заявил Юсуф. — Вы все знаете, что я проливал кровь на поле боя. Да, я всегда был предан семье Хашимитов, служил Хусейну в Мекке, сражался бок о бок с его сыновьями, Фейсалом и Абдаллой. И я прекрасно знаю, что мои враги — британцы, а вовсе не Абдалла.

— Мы и не собираемся драться между собой, — вставил Омар. — Один мой друг сказал, что сионистские лидеры тоже не поддерживают решения графа Пила. Они тоже любят Палестину. Хотя бы в этом они солидарны с нами.

— Но они согласятся, — подал голос Мухаммед, чем поверг в изумление всех гостей Омара. — Пусть неохотно, но согласятся.

— Как ты можешь так говорить? Они никогда на это не согласятся, — заявил его дядя Хасан.

— Согласен, они будут протестовать, обижаться, кричать, что никогда не отдадут Иерусалима, но в конце концов согласятся. Поверь мне, они это сделают, поскольку в конечном счете это им выгодно. Раздел даст им намного больше, чем они могли

рассчитывать. Юсуф прав, они тоже не дураки, — заключил Мухаммед.

Они еще долго спорили. Всех очень беспокоило, сможет ли Англия добиться раздела Палестины.

Омар упрямо стоял на своем.

— Муфтий никогда на это не пойдет, да и знатные палестинцы не позволят себя одурачить.

Затем он повернулся к Мухаммеду.

— Если уж у тебя такие замечательные отношения с вашими еврейскими соседями, ты должен с ними поговорить и выяснить, что они думают по поводу действий правительства. Быть может, твой дядя Хасан прав, и они не согласны на раздел. Не удивлюсь, если твои друзья окажутся столь амбициозными, что не захотят довольствоваться лишь третьей частью Палестины.

Конечно, Омар Салем мог узнать и из других источников, что говорят об этом в еврейской общине, однако привык собирать информацию отовсюду. Он целиком и полностью разделял требования шарифа Хусейна, и при этом считал, что для того, чтобы одолеть противника, необходимо знать все его побуждения. Юсуф прекрасно понимал, что Омар раскинул обширную сеть информаторов, которая накрыла не только всю Палестину, но и Трансиорданию, Сирию и даже Ирак. К своей коллекции сведений он допускал лишь самых преданных муфтию людей, в чьей верности ни минуты не сомневался; это были люди, стремящиеся к одной с ним цели: изгнать британцев и сделать Палестину свободной страной.

На этот раз уже Мухаммед отправился в Сад Надежды на поиски Луи. Он не решил обратиться прямо к Самуэлю, но отважился поговорить с Луи. Он знал, что у палестинских евреев неоднократно возникали разногласия с их зарубежными лидерами, а потому надеялся услышать от Луи, что палестинские евреи не позволят решать свою судьбу и судьбу Палестины каким-то чиновникам Еврейского агентства, сидящим где-нибудь в Лондоне или Цюрихе. В конце концов, Бен Гурион был с этим не согласен, а Луи по-прежнему оставался верным последователем этого человека — пусть несколько грубоватого и угрюмого, но при этом любимого и уважаемого всеми евреями, что прибывали в Палестину из границ более не существующей Российской империи.

Луи, казалось, нисколько не удивился, увидев его здесь в столь поздний час. Они устроились под пологом виноградной лозы и закурили египетские сигары, любимые обоими.

— Что вы думаете о докладе Пила? — напрямую спросил Мухаммед.

Луи долго молчал, важно попыхивая сигарой; казалось, он подбирал слова для ответа. В конце концов, он пожал плечами.

— Прямо скажем, негусто: всего двадцать процентов земли и море головной боли. Вот представь: согласно этому плану, все евреи, живущие сейчас в той зоне, которая должна стать вашей, обязаны будут перебраться на наши двадцать процентов, а араба, живущим в нашей зоне, придется оставить дома, чтобы поселиться на своей земле, пусть даже ее и более семидесяти процентов. Не думаю, что это многим понравится. Что же касается Иерусалима, то скажи начистоту: готов ли ты отдать его британцам?

— В таком случае, что вы намерены делать? — допытывался Мухаммед.

— А вы? — спросил в свою очередь Луи. — Что вы намерены делать? Что говорят по этому поводу Омар Салем и ваши друзья?

— Думаю, ты знаешь ответ.

— Конечно, знаю. Не сомневаюсь, вы посчитали, что Пил в своем докладе оскорбил вас, так что вы решительно настроены против него, но все же... — тут Луи замолчал; взгляд его какое-то время задумчиво блуждал вокруг.

— Ты хочешь, чтобы англичане рвали на куски нашу землю, да еще и указывали, где нам можно жить, а где нельзя? Считаешь, мы можем на это согласиться? — в голосе Мухаммеда отчетливо прозвучал гнев, смешанный с глубокой усталостью.

— Палестина находится под британским Мандатом, нравится нам это или нет; из этого следует, что условия диктуют именно они. Граф Пил принял почти что соломоново решение; помнишь, в Библии сказано: дайте половину одной и половину — другой. К тому же вы получили не половину, а намного больше. Сам посуди, Мухаммед: две тысячи лет назад римляне лишили нас родины, сделали евреев париями. Париями мы и оставались — до последнего времени. Главная цель сионистского движения — помочь евреям обрести место, где они могли бы жить. Таким местом может быть лишь Палестина — земля наших предков. Быть может, эти двадцать процентов земель, которые нам выделили — самое большее, на что мы можем рассчитывать. Это будет наше собственное государство. Пусть маленькое — но наше. В этом вся дилемма.

— А что об этом думает Бен Гурион?

— О, Бен Гурион! Великий мечтатель и великий практик...

Мухаммед не видел смысла спрашивать дальше: он уже и так знал ответ. Евреям тоже не нравилась идея раздела, но, в конечном итоге, они готовы были согласиться на этот вариант. Когда он рассказал о своем разговоре с Луи Юсуфу и Омару Салему. Омар стал настаивать, чтобы Мухаммед поговорил еще и с Самуэлем.

— Ты, помнится, говорил, что Самуэль знаком с графом Пилом, что он оказывает помощь Еврейскому агентству и имеет в британском правительстве крепкие связи; однако не лишним было бы знать, что он сам обовсем этом думает.

Юсуф понимал, что Мухаммеду не слишком удобно обращаться к Самуэлю. Ему, как и самому Юсуфу, были совсем не по душе те перемены, которые оба они наблюдали в душе своего старого друга. Казалось, в нем не осталось ничего от того прежнего Самуэля, что ухаживал за оливковыми деревьями, собирал фрукты, помогал Касе подвязывать помидоры и проводил нескончаемые часы в лаборатории в компании старого Натаниэля. Мухаммед еще помнил, как когда-то давно спросил у него: как это он, законный владелец Сада Надежды, позволяет всем остальным там распоряжаться.

Самуэль тогда лишь рассмеялся в ответ.

— Я вовсе не владелец Сада Надежды. Сад Надежды принадлежит всем, кто в нем живет. Ты же сам понимаешь: есть вещи, в которых Кася разбирается намного лучше меня, а в чем-то гораздо больше понимают Яков или Ариэль. Что уж говорить о Натаниэле, от которого я каждый день узнаю что-то новое: ведь я — всего лишь химик, а он в совершенстве изучил свойства лечебных трав и может творить настоящие чудеса.

Теперь Мухаммед задавался вопросом, много ли осталось от того, прежнего Самуэля в этом блестящем элегантном джентльмене, появившемся под руку с графиней, чья красота сражала наповал каждого, кто ее видел.

Дина не скрывала своей неприязни к Кате; и даже благоразумная Сальма, жена

Мухаммеда, тоже решилась выказать свое недовольство в присутствии этой аристократки, смотревшей на них с превосходством — во всяком случае, Сальме с Диной так показалось. Однако Мухаммед не разделял их предубеждения и понимал, что Самуэль действительно любит Катю, и это чувство намного сильнее, чем та спокойная, хоть и искренняя привязанность, которую он питал к Мириам.

Именно это он и сказал Юсуфу по дороге в отель «Царь Давид», где их ждал Самуэль.

Когда они прибыли, Самуэль в нетерпеливом ожидании расхаживал по открытой террасе с видом на Старый город. В этот вечерний час солнце уже клонилось к закату и приобрело кирпично-красный оттенок древнего обожженного камня. Едва завидев гостей, Самуэль со всех ног бросился к ним.

— Как же ваш муфтий со своими людьми может лобызать руки германскому консулу! — заявил он вместо приветствия.

Мухаммед озадаченно взглянул на Юсуфа. Он не мог взять в толк, что хочет сказать Самуэль, но был уверен, что его зять понимает, о чем идет речь.

Юсуф нервно откашлялся и принялся оглядываться в поисках укромного местечка, где они могли бы спокойно поговорить, не рискуя быть услышанными. Самуэль провел их в дальний угол террасы, где в этот час никого не было.

— А почему бы нам и не иметь хороших отношений с представителями немецкой власти? — спросил Юсуф у Самуэля.

— Разве ты не знаешь, что Гитлер развязал кампанию против евреев? Вы вот жалуетесь, что немецкие евреи сотнями бегут из своей страны и едут сюда. Но заметь, они ведь едут сюда не в поисках Земли Обетованной, они именно бегут. Бегут потому, что в Германии их лишают имущества и не считают полноценными гражданами только потому, что они евреи. Так о чем думает муфтий, похваляясь своей дружбой с Гитлером?

— У нас нет никаких претензий к Германии, — возразил Юсуф. — А вот к Великобритании — есть. Британцы неоднократно нас обманывали. Разве я не рассказывал, как страдаем мы, палестинские арабы? Так почему ты считаешь, что вы, евреи, вправе выбирать себе друзей, исходя лишь из своих интересов и совершенно не учитывая наших?

— Как ты можешь так говорить? Да, британцы с нами не посчитались. Но Гитлер... Этот человек поистине одержим дьяволом...

Мухаммед решил положить конец спору, спросив у Самуэля, что он думает о докладе Пила, и добавив, что Омар Салем тоже очень хочет знать его мнение на этот счет.

— Ты такой же бесхитростный, как и твой отец, — улыбнулся Самуэль. — Луи мне сказал, что ты уже говорил с ним и спрашивал о том же самом, не забыв при этом упомянуть, что Омар Салем интересуется нашим мнением по этому вопросу.

Самуэль не стал лукавить и напускать тумана: он тоже не любил полуправду.

— Конечно, план Пила — совсем не то, чего ожидали здешние лидеры, и он им совсем не нравится; но при этом они считают, что лучше уж раздел, чем совсем ничего. Руководители Еврейского агентства считают это вполне приемлемым решением; а Вейцман так и вовсе считает, что на более мы не можем рассчитывать, и призывает согласиться на раздел.

— Итак, вы готовы на все, лишь бы выжить нас с нашей земли, — в голосе Мухаммеда прозвучало разочарование.

— Выжить вас? Да разве об этом речь? Разве мы не можем мирно жить на этой земле?

Пил предлагает, чтобы нам предоставили лишь двадцать процентов территорий, и ни процентом более. Остальные семьдесят отойдут арабам, это не считая Трансиордании, королевства Абдаллы. Мы никак не можем согласиться на меньшее.

— Ты говоришь, будто у вас есть какие-то права на нашу землю, — Юсуф не скрывал своего раздражения.

— А ты считаешь, что лучше продолжать распри? Каждый день — то погром, то стрельба, то кибуц сожгли... Все это может привести лишь к тому, что арабы и евреи станут непримиримыми врагами.

— Да мы уже враги, Самуэль! Мы уже давно враги, нравится тебе это или нет. Кем еще для нас могут быть те, что пытаются выжить нас собственного дома? Вот представь: если кто-то вдруг заявит к тебе домой и, едва переступив порог, попытается вышвырнуть тебя на улицу — кем ты будешь его считать: другом?

— Разумеется, нет; но это не значит, что я стану нападать на мирных крестьян, убивая женщин и детей.

В конце концов, все так устали от бесконечных упреков, что спор сам собой сошел на нет.

— Сколько времени ты еще здесь пробудешь? — спросил Мухаммед перед уходом.

— Думаю, не слишком долго. Правда, у меня еще есть здесь кое-какие дела. Для Константина наладить связи с Еврейским агентством оказалось труднее, чем для меня, и он настоял, чтобы я сопровождал его на встречи с нашими лидерами в Палестине. Ты знаешь, с ними действительно сложно иметь дело: они столь же бескомпромиссны, как и ты, хотя, в отличие от тебя, все-таки ближе к реальности. В любом случае, они ни желают, чтобы кто-то указывал им, что делать. Они даже критикуют некоторые положения Вейцмана, забывая при этом, скольким мы обязаны этому человеку. Вейцман — реалист и, главное, миротворец. Бен Гурион все-таки более нескгибаем. Уверяю тебя, эти встречи до крайности меня изматывают. Я хочу поскорее вернуться в Лондон, мы и так слишком долго пробыли в Палестине; не стану скрывать, что и Катя тоже хочет поскорее вернуться домой. Ей здесь очень нелегко приходится. Тем более, ты и сам видишь — ей здесь никто не рад. Так что, если Мириам не станет слишком возражать против того, чтобы Изекииль и Далида поехали со мной в Лондон...

До конца жизни не смог забыть Мухаммед этот день 26 сентября 1937 года. И дело было вовсе не в том, что в этот день Льюис Эндрюс, британский комиссар в Галилее, был убит группой арабских патриотов.

В этот день умерла Дина.

Это случилось вскоре после восхода солнца, когда Сальма, обеспокоенная, что свекровь слишком долго не выходит из своей комнаты, решила постучать в ее дверь. Вади и Найма уже ушли в школу, и в доме царила гнетущая тишина. Сальма легонько постучала в дверь, но никто не откликнулся. Сальма встревожилась, что Дина, возможно, заболела, и решила войти в спальню свекрови, где царил мрак.

Дина лежала в постели — неподвижная, с закрытыми глазами. Сальма окликнула ее — и не получила ответа.

Сальма присела к ней на кровать и взяла за руку — пальцы были твердыми и холодными, как лед. Не было сомнений, что Дина мертва. Сальма была настолько потрясена;

что не могла даже плакать, не то что крикнуть. В полной прострации она продолжала сидеть на кровати, сжимая в ладонях холодную руку Дины. Потом тихонько погладила ее по щеке, по волосам и прошептала, что всегда ее любила и всей душой благодарна за то, что та всегда относилась к ней как к родной дочери, а не как к невестке. Наконец, она нашла в себе силы подняться и отправилась на поиски Каси. Она нашла ее в саду — нагнувшись над грядкой, Кася старательно выдирала с корнем сорняки.

— Кася, Дина умерла. Можешь послать кого-нибудь, чтобы известить Мухаммеда?

Потрясенная Кася застыла на месте. Может быть, она ослышалась? Что там сказала Сальма насчет Дины?

Сальма повторила свои горькие слова и тут же поспешно обняла Касю, не сумевшую сдержать рыданий.

Она помогла Касе дойти до дома; в гостиной возле окна сидела Руфь и что-то шила. Этот новый дом не слишком отличался от прежнего, который они когда-то построили своими руками — такой же простой сельский дом без каких-либо излишеств.

Руфь тревожно взглянула на них. Она была тяжело больна и едва могла передвигаться. У нее было больное сердце, и Кася не допускала ее ни до какой тяжелой работы, ей позволяли только шить да иногда помогать на кухне.

Известие о смерти Дины повергло Руфь в такой шок, что Кася не решилась выпустить ее из дома, а вместо этого отправилась в сарай, где спал старый Натаниэль. Разбуженный старик вызвался сам сходить в карьер и передать Мухаммеду печальную весть о том, что его мать умерла во сне.

Последующие дни Мухаммед помнил смутно: боль потери вытеснила все остальные чувства. Он помнил, как Сальма с Наймой, заливаясь слезами, накрыли простыней тело его матери, как их дом наполнился рыданиями: это друзья и соседи пришли проститься с Диной. Но больше всего Мухаммед был благодарен Самуэлю — прежде всего за то, что тот проявил тактичность и пришел без Кати. Присутствие графини было бы совершенно неуместным, да и сама Дина не хотела бы видеть ее на своих похоронах.

Самуэль горько плакал, не стесняясь чужих людей. Вместе с Диной ушла часть его собственной жизни, часть его самого. Мухаммед считал, что если Самуэль кого и любил в жизни, кроме погибших в России родных, то это Ахмеда и Дину. Он сам удивлялся, особенно в детстве, что мужчину и женщину может связывать столь искренняя и чистая дружба, как у Самуэля и Дины. Да и его отец, добрый Ахмед, относился к дружбе своей жены с этим иностранцем так же спокойно, как если бы они были кровными родственниками. А для Айши и Мухаммеда Самуэль всегда был таким же родным, как их собственный дядя Хасан.

Мухаммеда беспокоила его сестра. После смерти матери Айша впала в отчаяние и во всем винила своего мужа: ведь именно из-за устроенного им переезда последние дни матери прошли в разлуке с Айшой.

— Лучше бы нам не переезжать в Дейр-Ясин! — рыдала она в объятиях Марины, которая не могла найти слов, чтобы ее утешить.

Омар Салем и другие знатные иерусалимцы пришли на похороны Дины, чтобы почтить ее память.

— Я разделяю твою горе и скорблю вместе с тобой, — сказал Омар Мухаммеду. — Но ты должен взять себя в руки: наступают трудные времена. После того, как в Галилее убили английского эmissара, британцы словно с цепи сорвались. По всей Палестине идет стрельба, и мы в любую минуту должны быть готовы дать отпор. Муфтий укрылся в Куполе Скалы, но

там ему долго не просидеть, поэтому мы собираемся переправить его в Ливан, откуда он сможет добраться до Багдада.

— Так уж было необходимо убивать этого человека? — спросил Мухаммед, и его вопрос вверх Омара Салема в замешательство.

— О чем ты говоришь? Это война, Мухаммед; пусть тайная, не объявленная, однако война, а на войне люди убивают и гибнут сами. Разве не ты однажды сказал, что порой единственный способ спастись — это убить или умереть? Так вот, ты был прав, именно так мы и поступим, будем убивать и умирать, чтобы спастись.

Мухаммед с вызовом посмотрел на Омара.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Арабы тоже гибнут, и не только от рук британцев, — напомнил он. — Любому, кого заподозрят в подстрекательстве против англичан или в симпатиях к евреям, приходится опасаться за свою жизнь.

Неприятный разговор был прерван появлением Вади. Присутствие сына утешил Мухаммеда — несмотря на юный возраст, Вади обладал такой выдержкой и самообладанием, какими мог бы похвастать далеко не каждый взрослый мужчина.

Настал час последнего прощания с Диной. Мужчины подняли на плечи гроб с ее телом, а женщины должны были оставаться дома, покуда тело усопшей не будет предано земле.

— Прежде чем мы расстанемся, я должен сказать тебе еще одну вещь, — произнес Омар, опустив руку на плечо Мухаммеда.

— Говори.

— Ты должен вести себя осторожнее со своими еврейскими соседями. Ты должен понимать, что в нынешних условиях просто неразумно слишком тесно общаться с этими людьми... Нужно соблюдать осторожность, среди нас есть предатели.

— Ты же знаешь Самуэля и Луи... Знаешь, что я работаю в карьере Иеремии, и что наш мастер — Игорь... А Йосси всегда был нашим врачом, как прежде — его отец, наш добрый Абрам... И Кася была для моей матери почти сестрой, как теперь для меня Марина. И Руфь тоже славная женщина...

— Замолчи! Я и сам все прекрасно понимаю, но такая тесная дружба... Не думаю, что она доведет тебя до добра... Когда-нибудь ты и сам поймешь, что с этим надо кончать.

— Кончать? — воскликнул Мухаммед, едва сдерживая рвавшуюся из груди ярость, вызванную словами Омара. — Почему это я должен с этим кончать?

Ярость его была настолько беспредельной, что, казалось, его совершенно не волновало, что их могут услышать.

— Британцы, евреи... И те, и другие — наши враги, Мухаммед, — ответил Омар. — Либо они, либо мы. Разве ты сам этого не видишь? Или ты нарочно закрываешь на это глаза? Среди моих знакомых тоже были евреи, и в былые времена я с ними дружил, вел торговые дела; иных до сих пор ценю и уважаю, но сейчас речь не о моих чувствах и давнишних привязанностях. Я говорю о том, что евреи при помощи англичан пытаются захватить нашу страну, и именно это делает их врагами. Либо они, либо мы — третьего не дано. А теперь пора похоронить твою мать, и пусть Аллах не покинет ее в раю, ибо она была достойной женщиной.

Иеремиа предложил Мухаммеду пару дней отпуска, чтобы тот смог заняться

похоронами. Позднее Мухаммед не мог толком вспомнить, что происходило в те дни; помнил лишь, что мать все время стояла у него перед глазами. Было невыносимо знать, что он выйдет на кухню и не увидит, как она готовит чай; заглянет в кладовую — и не обнаружит там матери, отмеряющей продукты на день. Весь дом, казалось, умер вместе с Диной.

С помощью дочери Сальма разобрала вещи Дины, большую часть которых спрятала, отобрав кое-что из одежды, чтобы раздать друзьям и родным. Так, любимый Динин платок отдали Касе, а серебряные браслеты — Айше. Айша, со своей стороны, настояла, чтобы Сальма оставила себе несколько колец, которые та надевала по праздникам. Найма и Нур тоже получили кое-какие украшения на память о бабушке. А Мухаммеду достался Коран, который мать берегла, как святыню, потому что получила его из рук своего отца в подарок на свадьбу.

Со временем Мухаммеда жизнь вошла в обычную колею — и в карьере, и дома. Однако, несмотря на все старания Сальмы сделать жизнь приятной, в ее обществе он чувствовал себя одиноким. Он смотрел, как жена хлопчет по хозяйству, а она, замечая, что он за ней наблюдает, одаривала его робкой улыбкой. Ему не в чем было упрекнуть Сальму, она всегда была верной женой и любящей матерью, но он не любил ее, и даже ее красота совершенно его не волновала. Мухаммед казнил себя за это, понимая, что не заслуживает любви такой женщины, как Сальма, которая так и не дала ему счастья.

Любой другой на его месте не уставал бы благодарить Аллаха, пославшего ему такую жену. Хотя бы тот же Игорь... Мухаммед старался гнать прочь подобные мысли, осуждая себя за неуместную ревность, но в глубине души знал, что это так. Уже не однажды он замечал, какими глазами смотрит Игорь на Сальму. В его глазах не было ни дерзости, ни похоти — лишь глубокая задумчивость, как будто, глядя на нее, Игорь видел нечто, недоступное другим. И в те редкие дни, когда они на праздники собирались в их доме или в Саду Надежды, Мухаммед замечал, как внимателен и предупредителен Игорь к его жене, с каким почтением он с ней держится, как следит за тем, полна ли ее тарелка, не опустел ли стакан с гранатовым соком. А Сальма, казалось, даже не подозревала, что кроется за этими знаками внимания.

Однако, как ни коробила Мухаммеда влюбленность Игоря, он понимал, что ему не в чем упрекнуть соседа, ибо тот вел себя хоть и галантно, но при том безупречно. Да и вообще, возможно ли, чтобы Игорь действительно положил глаз на Сальму? Ведь он женат на Марине — на той самой женщине, красивее которой нет на всем белом свете — именно так, во всяком случае, считал Мухаммед. Любовь к Марине сжигала его душу, сводила с ума, не давала покоя ни днем ни ночью; он знал, что и сама она чувствует то же самое, он читал это в ее глазах. Он тяжело вздохнул, пытаясь сбросить морок, и на душе стало совсем тоскливо.

Разговор с Юсуфом не развеял этой тоски.

— Так дальше продолжаться не может, — возмутился Юсуф. — Ты хоть понимаешь, что происходит?

— Разумеется, понимаю, — неохотно ответил Мухаммед. — Англичане посылают наших людей на смерть.

— А также ввели смертную казнь за ношение оружия, — добавил Юсуф.

— Тебя это удивляет? — усмехнулся Мухаммед. — Они твердо намерены здесь остаться, нравится нам это или не нравится.

— Евреи продолжают вооружаться, — заметил Юсуф.

— У них свои счета с англичанами. Но нас они не трогают, лишь пытаются защититься от разбойных нападений. Главная задача «Хаганы» — обеспечить защиту колонистов из кибуцев, но они ни разу не тронули ни одну арабскую деревню.

— Зато об этом позаботились англичане, издав закон, позволяющий сносить дома тех, кого подозревают в причастности к бунту, — голос Юсуфа дрожал от гнева. — Тебе известно, сколько арабов уже лишились крыши над головой?

— Знаешь, что меня больше всего беспокоит, Юсуф? То, что у нас нет достаточно сильного лидера, способного покончить с этими сварами, а также то, что иные из нас считают себя вправе обвинять людей лишь на том основании, что они не поддерживают эти свары. Арабы убивают арабов — вот до чего мы дожили:..

— Они судят предателей — разве это несправедливо? Я вовсе не хочу тебя обидеть, мы об этом уже говорили, но кто-то донес Омару Салему, что ты якобы от нас откололся. Они не понимают, как ты можешь по-прежнему якшаться с евреями и продолжать работать в каменоломне, когда все твои друзья-арабы бастуют,— Юсуф испытал несомненное облегчение, после того как высказал шурину в лицо свои тревоги.

— Многие из тех, кто меня сейчас осуждает, даже пальцем не шевельнули, когда мы сражались с турками, — ответил Мухаммед. — А ты можешь сказать Омару, чтобы передал своим друзьям, что я убью каждого, кто посмеет назвать меня предателем. Но при этом я считаю, что вправе сам выбирать себе друзей, как бы ни возмущались по этому поводу иные мои единоверцы.

— Боюсь, ты ведешь себя неразумно, Мухаммед. Подумай о своей семье: о жене, детях, о сестре и племянниках... Твой дядя Хасан стоит за тебя горой на каждом собрании, и можно лишь догадываться, чего ему это стоит. А недавно твой племянник Халед полез в драку с одним человеком, который заявил, что совершенно не уверен в твоей надежности.

— Полагаю, в ближайшие дни мне захочет нанести визит один из тех трусов, что имеют привычку под покровом ночи нападать на чужие дома. На днях обстреляли дом Рариба аль-Нашашиби, чья семья является одной из знатнейших в Палестине. Так вот, даже он, несомненный патриот, не избежал гнева экстремистов.

— Но ведь он перестал поддерживать муфтия, — возразил Юсуф.

— Разве патриотом может быть только тот, кто поддерживает муфтия? Насколько мне известно, Нашашиби сначала были на стороне восставших, однако им не понравились методы муфтия — как, впрочем, и мне.

— Поэтому ты и не носишь куфию?

— Предпочитаю феску.

— Ту самую, что носят сторонники Нашашиби...

Мухаммед не упустил случая напомнить Юсуфу, что эмир Абдалла не очень-то возражал против раздела Палестины, предложенного Комиссией Пила. Юсуфа до крайности огорчало, что многие арабы считают Абдаллу лакеем британцев. Сам он тоже не был согласен с той политикой, которую вел эмир, но в то же время понимал, что у того не было другого способа удержаться на троне Трансиордании. Эмир прекрасно знал, что без поддержки британцев потеряет свое королевство, так что теперь он вел собственную игру. От великой мечты его отца, шарифа Хусейна, остался жалкий клочок земли, словно в насмешку названный королевством. Уже не говоря о том, что британцы ввели в Трансиорданию войска и ежегодно выдаивали ее казну почти досуха.

— Абдалла не может открыто выступить против британцев, — вступился Юсуф за

эмира.

— Он защищает свои интересы, и приходится признать, что эти интересы далеко не всегда совпадают с нашими, — ответил Мухаммед.

— Мы вместе с хашемитами боремся за великое арабское государство, — напомнил Юсуф. — Ты и сам служил в войсках Фейсала.

— Да, и тем самым невольно открыл ворота британцам.

В пятницу, вернувшись из Купола Скалы, Мухаммед неожиданно застал в своем доме Игоря, который о чем-то непринужденно беседовал с Сальмой. Здесь же были Вади и Найма а также Бен с Изекиилем, но Мухаммед все равно был весьма недоволен, что Игорь посмел войти в его дом во время отсутствия хозяина.

— Я искал Бена с Изекиилем: Марина очень волновалась, что они до сих пор не вернулись. Но я-то знаю, что, когда Бен с Изекиилем исчезают так надолго, искать их следует здесь, — с улыбкой объяснил Игорь, крепко сжимая руку сына.

Мухаммед с подозрением взглянул на Сальму, однако не заметил в лице жены ничего, кроме обычной кроткой безмятежности.

— О чем вы с ним говорили? — спросил он чуть позже.

— О всяких пустяках, — ответила Сальма. — Так, поболтали немного о детских проказах. Мне кажется, Изекииль очень переживает, что Далида уезжает с Самуэлем, и всеми силами старается привлечь внимание, устраивая разные шалости. Игорь рассказал, что Изекииль несколько раз убежал из школы, и Мириам просто не знает, что с ним делать.

В глазах Сальмы промелькнуло что-то вроде любопытства; казалось, она заметила недовольство мужа и тут же попыталась заговорить ему зубы какими-то пустяками.

— Ему не следует приходить, когда меня нет дома, — сказал Мухаммед.

Сальма удивленно посмотрела и прикусила губу, задумавшись над ответом. Наконец, подобрав нужные слова, она решилась высказаться.

— Они же твои друзья, Мухаммед. И всегда радушно принимали тебя в своем доме. Но если тебе это неприятно, я постараюсь пореже с ними встречаться.

— Да нет, не то чтобы неприятно... Просто ему не следует приходить сюда одному.

— Сегодня он в первый раз пришел один, — ответила Сальма, спокойно глядя на мужа. — Но если это повторится, не беспокойся, я его не приму.

— Омар Салем прав, отношения между арабами и евреями с каждым днем становятся все напряженнее, — заметил Мухаммед.

Сальма ничего не ответила.

Дождливым ноябрьским днем Мухаммеда навестил Самуэль. За два дня до этого Иерусалим был потрясен грандиозным терактом, устроенным международной сионистской группировкой под названием «Иргун».

— Я пришел попрощаться, возвращаюсь в Англию, — сказал Самуэль. — Сожалею о том, что произошло в Иерусалиме.

— С чего это ты сожалеешь? Разве не ты кричал громче всех, что арабы не только выступают против англичан, но еще и нападают на еврейские колонии? Ну так теперь ты видишь, что твои друзья ничуть не хуже умеют бросать бомбы в кафе, где мирные безоружные люди собрались поговорить о своих делах.

— Думаешь, я их одобряю? Но могу сказать, что ни Бен Гурион, ни Еврейское агентство не имеют никакого отношения ко всем этим зверствам... Среди нас тоже есть экстремисты, и мне они так же отвратительны, как и ваши. Знаешь, вчера меня познакомили с Юдахом

Магнесом, ректором Еврейского университета; так вот, если и есть на свете человек, с которым я полностью согласен, так это Магнес. Он выступает за единое арабско-еврейское государство с двухпалатным парламентом... Все вместе, все едины, я и сам всегда ратовал именно за это.

— Боюсь, такое просто неосуществимо. Мечтающие об этом заведомо обречены на неудачу. А кроме того, позволь усомниться в том, что Бен Гурион и Еврейское агентство действительно осуждают действия ваших террористов. С какой стати мы должны им верить?

Некоторое время они молча курили. Мухаммед знал, что Самуэль обеспокоен политической обстановкой в стране, но при этом ждет, когда Мухаммед сам о ней заговорит.

— Ты знаешь, сейчас мне особенно не хватает твоей матери, — признался Самуэль. — Она всегда знала, что посоветовать, когда нужно было в чем-то убедить Михаила. Нам с ним трудно друг друга понять. Я надеялся, что женитьба на Ясмин хоть немного смягчит его характер, но, к сожалению, этого не случилось.

— Михаил тебя любит, — заметил Мухаммед, которому стало немного не по себе от этой исповеди.

— То же самое говорила и твоя мать... Я не знаю, вернусь ли я сюда когда-нибудь... Я уже потерял столько друзей — Ахмеда, Ариэля, Якова, Абрама, а теперь еще и твою мать, нашу милую Дину... Она очень много значила для меня, всегда была мне добрым и верным другом. Единственная женщина, которая могла пожурить меня, как ребенка... Даже когда я был далеко, Дина оставалась одной из главных опор в моей жизни.

Мухаммед молча слушал исповедь Самуэля. Вообще-то ему не нужны были никакие слова, он и сам знал все, о чем говорил Самуэль. Но в то же время понимал, что Самуэлю нужно хоть как-то высказать ту бесконечную любовь, которую он питал к Дине. Ему необходимо было выговориться, но кому? Всю жизнь он чувствовал себя одиноким, ибо вся его жизнь была отмечена печатью сиротства. Отец был его небом, мать — землей, и, когда он потерял обоих, он почувствовал, что вся жизнь покатилась кубарем, а сам он как будто завис в безвоздушном пространстве, лишенный тех незримых нитей, что связывали его с миром.

Они простились в уединении сада, среди оливковых деревьев, где в далекие дни молодости Самуэль так любил сидеть вместе с Ахмедом и курить сигары, и где теперь нашел убежище Мухаммед. Они крепко обнялись, еле сдерживая рыдания, как будто знали, что расстаются навсегда.

13. Годы позора

Глаза Изекииля были закрыты, словно он заснул. Мариан разозлилась на себя, что этого не заметила. Она говорила уже больше часа, как обычно не обращаясь ни к Изекииллю, ни к кому-либо еще, просто рассказывала историю, будто для себя, какой он ее запомнила из уст Зиядов. Она поднялась, стараясь не шуметь, но Изекииль открыл глаза и улыбнулся.

— Я не сплю.

— Неважно, я устала и больше не могу говорить. Да и ваше состояние следовало бы учесть.

— Не извиняйтесь, эти беседы приносят пользу нам обоим.

Тут дверь в палату открылась, и вошел молодой человек в военной форме. Это был Йонас, внук Изекииля. Через его плечо был небрежно перекинул автомат, как и в первый раз, когда они виделись. Мариан он показался очень похожим на своего деда — те же серо-голубые глаза.

— Заходи, Йонас. Я тут с Мариан.

Молодой человек приблизился и крепко пожал ей руку.

— Я уже ухожу...

— Не беспокойтесь, можете оставаться, сколько хотите, — сказал ей новоприбывший.

— Не хочу вам мешать. Надеюсь, вы вскоре поправитесь и покинете больницу.

— Думаю, что через пару дней буду дома. А у вас какие планы? — спросил Изекииль.

— Нужно съездить в Амман, но я пробуду там только один день.

— Вы остановились в «Американском квартале»?

— Да.

— Я вам позвоню. Настала моя очередь рассказывать. Думаю, моя история вас заинтересует.

Мариан вышла из больницы с грустным чувством. В глаза Изекииля она увидела отражение смерти.

В отеле она сделала несколько звонков. Ей нужно было договориться о встречах в Аммане и в Рамалле.

Она уже начала задыхаться от постоянного присутствия военных, которые грубо обращались со всеми, кто въезжает или выезжает из Иордании или с территорий, подконтрольных палестинской национальной администрации. Она задавалась вопросом, как здесь до сих пор могут жить и те, и другие, когда между ними столько ненависти и неразрешимых проблем.

На следующее утро она взяла такси и вышла из него у моста Алленби, откуда пошла в Иорданию. Официально Израиль и Иордания поддерживали дипломатические отношения, но все переходящие через границу попадали под подозрение израильтян. Она терпеливо ждала, пока военные пропустили ее к такси, которое прислали за ней с другой стороны границы. Между ними лежало несколько метров ничейной земли. Мариан вспомнились две картинки времен холодной войны: потсдамский мост и пропускной пункт Чарли в Берлине [12]. Когда такси остановилось перед офисом, где у нее была назначена встреча, она почувствовала облегчение при виде молодого Али Зияда, ожидающего ее с улыбкой на лице.

— Как твоя работа в Иерусалиме?

— Думаю, почти вся закончена.

— Тебе так повезло! Когда-нибудь я тоже поеду в Иерусалим.

— Я уже сказала, что могу это устроить...

— Нет, не хочу ехать туда как иностранец, чтобы на меня смотрели с ненавистью и обращались снисходительно. С какой стати мне это терпеть?

— В таком случае... — Мариан замолчала, не осмеливаясь продолжить.

— Что? — спросил Али с любопытством после затянувшейся паузы.

— Они не уйдут, никогда не вернут Иерусалим... Они не уйдут... Они не отступятся, они останутся там... — голос Мариан звучал грустно и безнадежно.

— Они должны вернуть украденное, — ответил Али. — Рано или поздно, но у них нет другого выхода.

Она не ответила, погрузившись в собственные мысли и скользя взглядом по возделанной земле, тянущейся по обеим сторонам асфальтированного шоссе, ведущего в Амман.

Али включил радио, и утренний воздух наполнился мелодией популярной песни. Вскоре они достигли крепости, возле которой ютились сотни убогих домишек. Это был Лагерь Хусейна, где палестинские беженцы дожидались того дня, когда смогут вернуться на родину.

Старик ждал их с нетерпением, стоя в дверях дома, расположенного на узенькой улочке, круто идущей вверх. Он улыбнулся, увидев Мариан вместе с Али, и тут же предложил ей выпить чаю с фисташковыми сладостями.

Мариан думала о том, как приятно ей находиться в этом скромном жилище, сооруженном на скорую руку; о лагере беженцев, покинувших Иерусалим после поражения в Шестидневной войне. Это место должно было стать временным прибежищем. Все его обитатели верили, что вернуться на Родину, но они все еще жили здесь: старики вместе с детьми и внуками — в ожидании того дня, когда соберут свои пожитки, чтобы пересечь реку и оказаться на том берегу Иордана.

Она могла задержаться в этом доме лишь на несколько часов, ибо завтра, на рассвете, ей предстояло выехать в Иерусалим. В Рамалле ее ждала встреча с несколькими членами Фатха. Слушать, слушать и еще раз слушать; слушать как можно больше, чтобы иметь возможность собрать еще несколько кусочков головоломки, которая казалась бесконечной. И, конечно, ей не терпелось снова встретиться с Изекиилем. Бесконечные разговоры со стариком утомляли, но еще больше угнетал тот горький осадок, который оставался на душе после каждого его рассказа. Но она все равно будет слушать, сколько потребуется. Это ее работа.

В больничной палате Изекииля она застала обоих его внуков. Прошло не более двух дней с тех пор, как они виделись в последний раз, но Мариан заметила, как он осунулся за эти дни.

— Скорей бы вернулся папа, уж он-то сможет заставить его есть! У внуки нет над дедом никакой власти, но ведь сын — совершенно другое дело, правда? — в голосе Ханны звучало скорее убеждение, чем вопрос.

Мариан не знала, что ответить, и перевела взгляд на Изекииля.

— Я привезла конфеты из Аммана, — сказала она. — Надеюсь, они вам понравятся, они из фисташек.

— Конфеты из Аммана? — в голосе Йонаса прозвучало недоверие. Он встал и взял коробку в руки, чтобы получше рассмотреть.

Мариан обидело такое поведение молодого человека.

— Можете мне поверить, конфеты не отравлены, — сердито сказала она.

— Не сомневаюсь, — ответил он, немного смутившись. — Вот только я не уверен, стоит ли дедушке их есть.

— Почему же не стоит, — возразила Ханна. — По крайней мере, он съест хоть что-то, — с этими словами она взяла в руки коробку, собираясь показать ее деду.

— Дайте мне одну попробовать, — попросил Йонас.

— Конечно, попробуйте, хотя бы для того, чтобы убедиться, что в них нет ничего вредного, — Мариан все еще была обижена.

— Что за глупости! — возмутилась Ханна. — Разумеется, ничего вредного в них нет. Я уже ела эти конфеты, когда была в Петре. Они мне очень понравились.

— Вы были в Иордании? — удивилась Мариан.

— Ну конечно, была, ведь у нас дипломатическое соглашение с Иорданией, и многие евреи не захотели упустить возможности побывать в Петре. И, раз уж вы не уехали, советуем вам тоже там побывать: это одно из красивейших и удивительнейших мест на Земле. Вы собираетесь вернуться в Амман?

— Думаю, что да...

— Ну что ж, в следующий раз возьмите пару дней отпуска и поезжайте в Петру, а оттуда — в Вади Рам... Ночевка в пустыне, в бедуинском лагере — это незабываемые впечатления, — заверила Ханна.

Когда Ханна и Йонас ушли, Мариан села рядом с Изекиилем.

— Йонас — хороший мальчик, — заметил старик.

— Боюсь, что он меня недолюбливает, — ответила Мариан.

— Просто он смотрит на вас с предубеждением, — объяснил Изекииль. — Вернее, даже не на вас, а на вашу организацию. Он думает, вы снабжаете ее информацией, которая идет во вред Израилю.

— А Ханна? Она тоже так думает?

— Моя внучка совсем другая. Она убежденная пацифистка и настроена против правительства еще больше, чем вы. Она участвует в движении «Мир — сейчас», и в Рамалле у нее много друзей среди защитников прав человека. Янив, ее жених, открыто заявляет о своем нежелании служить в армии. Полагаю, ему приходится нелегко, ведь молодых людей, не желающих служить в армии, осуждают не только сверстники, но и всё общество. Знаете, люди, подобные Ханне и Яниву, принадлежат скорее будущему, чем настоящему.

— Одним словом, если Йонас — сокол, то Ханна — голубка, — заметила Мариан.

— Так и есть. Не думайте, что в Израиле все думают одинаково и слепо повинуются приказам правительства... Хотя в это трудно поверить, есть люди, которые работают во имя мира и думают, что палестинцы и евреи могут жить в мире. Ханна — одна из них.

— Таким же был и Самуэль, ведь так?

— Да, мой отец тоже так считал. Но ему это было проще. Хотя я бы сказал, что внучка больше похожа на мою мать, чем на отца. Она унаследовала ее доброту.

— Хотите чашку чаю? — предложила Мариан. — Думаю, чай хорошо подойдет к этим конфетам.

***

Больше ни Мухаммед, ни я ничего не слышали о Самуэле. Мы получали новости о нем

до начала войны, но потом письма от него и моей сестры Далиды перестали приходить.

Проститься с отцом оказалось непросто. Он позвал меня пообедать в «Царя Давида». Я принял приглашение при одном условии: что там не будет Кати. Он согласился. Тогда мне было двенадцать лет, и я страдал из-за матери. Я понимал, какие усилия мне придется приложить, чтобы не выйти из себя, когда в Саду Надежды появится Самуэль.

Помню, что как-то вечером мы с Далидой спрятались, пока они спорили по поводу отказа матери позволить нам жить в Англии.

— Ты отказываешь им в лучшем будущем, какое их никогда не ждет здесь. Позволь им выучиться в Лондоне, а когда они повзрослеют, то сами решат, где хотят жить. Ты можешь приезжать к ним, когда захочешь, и конечно, они тоже смогут приезжать на каникулы, — настаивал Самуэль.

— Хочешь лишить меня детей? И что мне тогда останется? Самуэль, скажи, что у меня останется?

— Пожалуйста, Мириам, не драматизируй! Далида и Изекииль останутся с нами, я их отец и буду заботиться о них каждую минуту.

— Я не хочу, чтобы мои дети жили в школе-интернате, они намного счастливее здесь.

— Жизнь здесь становится просто невыносимой! Каждый день новые трупы, Мириам, арабы нападают на британцев, те отвечают убийствами других арабов, а мы посередине, стали частью конфликта, а некоторые из наших тоже мстят арабам. Эти люди из «Иргун»... Мне стыдно, что евреи способны совершать такие жестокости.

— Я родилась здесь, Самуэль, здесь и останусь. Я знаю, что ты не считаешь эту землю своей родиной, но для меня она всегда была родной, и для моих детей тоже.

Они не могли даже понять друг друга, не говоря уже о том, чтобы о чем-то договориться, пока однажды вечером не произошло нечто совершенно непредвиденное. В комнату, где они спорили, неожиданно вошла Далида; не было сомнений, что она подслушивала под дверью. Моей сестре в то время было уже шестнадцать, она решительно отстаивала право на собственное мнение. С тех пор как отец вернулся в Палестину, он без конца спорил с мамой, постоянно упрекая ее за то, что она разлучила его с нами, а более всего — за то, что увезла нас из Парижа.

— Я вижу, вы спорите из-за нас, — сказала Далида. — Но, мама, ты ведь даже не спросила у меня, чего я хочу, и Изекииля не спросила тоже.

Мириам рассердилась и велела Далиде выйти из гостиной.

— Ты просто невоспитанная грубиянка! Мы с отцом разговариваем. Как ты смеешь подслушивать чужие разговоры, да еще и перебивать? Сию минуту убирайся отсюда!

— Нет, постой, — остановил Самуэль. — Далида права. Она имеет право на свое мнение, особенно, когда дело касается ее будущего. Ей шестнадцать лет, она уже не ребенок. Изекиилю, правда, только двенадцать, но он тоже имеет право решать за себя сам.

Мама в бессильной ярости посмотрела на Самуэля, уже зная, что проиграла. Далида тем временем втолкнула в гостиную меня.

— Мама, я знаю, чего я хочу, — сказала Далида. — И я решила, что поеду с папой и Катей. Папа прав, там нам будет лучше. А мы сможем приезжать сюда к тебе в гости.

Лицо мамы исказилось болью. Я видел, как она старается взять себя в руки, чтобы не расплакаться. Предательство Далиды лишило ее дара речи. В отчаянии она взглянула на меня — и мне захотелось броситься к ней, обнять, защитить, наорать на отца и сестру, чтобы оба они проваливали отсюда и оставили нас в покое. Но я застыл на месте, не в силах

пошевелиться; слова застряли у меня в горле.

Довольный Самуэль тем временем ласково сжал руку Далиды.

— А ты, Изекииль, что ты собираешься делать? — спросил он у меня. — Поедешь с нами?

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я смог ответить; но мне никогда не забыть, сколько страданий пережила за эти минуты мама.

— Нет, я останусь с мамой, — ответил я наконец.

Нужно ли говорить, какой неожиданностью стал для отца этот мой выбор? Думаю, он не сомневался, что я приму такое же решение, что и сестра. Мама с облегчением взглянула на меня и заплакала.

— Послушай, Мириам! Не пытайся давить на детей. Они вправе сами решать.

Ни сказав больше ни слова, она вышла из комнаты, а я бросился за ней следом. Она сжала меня в объятиях с такой силой, что я едва не задохнулся, шепотом повторяя:

— Спасибо, спасибо... спасибо.

Мне хотелось вернуться обратно в комнату и сказать сестре, что она неблагодарная предательница, и что если она уедет, я никогда больше не стану с ней разговаривать. Но я остался возле мамы, крепко обнимая ее.

Накануне отъезда отец сказал, что хочет со мной поговорить; мы договорились встретиться в «Царе Давиде», при условии, что мне не придется лицезреть Катю.

Вы даже не представляете, каким был «Царь Давид» в те времена! В коридорах этого роскошного отеля вы запросто могли встретить и арабского шейха, и европейского аристократа, и знаменитого артиста. Каждый, кто приезжал в Иерусалим, непременно стремился остановиться в «Царе Давиде».

Отец заказал для нас столик на открытой террасе — достаточно уединенной, чтобы мы могли спокойно пообедать и поговорить. Катю я не видел, зато Константин был там же и держался со мной очень ласково. А впрочем, меня это несколько не удивило: Константин со всеми был дружелюбен и обходителен.

Отец никак не решался завести тот самый разговор, для которого пригласил меня на обед. Казалось, он не решался спросить напрямую, почему я решил остаться в Палестине; я тоже нервничал, понимая, что никакой другой причины для этого приглашения просто не может быть. Когда же молчание стало для меня совершенно невыносимым, я заговорил первым, избавив его от необходимости начинать трудный разговор, после чего изложил свои доводы.

— Я не поеду в Лондон, а останусь с мамой, — сказал я. — Я считаю, что поступлю отвратительно, если брошу ее одну и уеду с тобой. У тебя есть Катя, а у мамы — только мы. К тому же я знаю, что если поеду в Лондон, все равно буду жить не с тобой, а в каком-нибудь пансионе, а этого мне совсем не хочется. И с Катей жить я тоже не хочу, глядя на нее, я каждый раз вспоминал бы о маме.

Отец взглянул на меня с удивлением; думаю, мои слова совершенно его обескуражили.

— Это твое окончательное решение? — спросил он.

— Да, я остаюсь с мамой, и мне совсем не нравится, что Далида уезжает с тобой. Я ей уже сказал, что никогда ее не прощу.

— Ты не прав. Ты имеешь право на выбор, но и твоя сестра имеет такое же право; так не

стоит ее в этом упрекать.

— Я считаю, что мы не должны бросать маму. Она любит нас гораздо сильнее, чем ты, и никогда нас не бросала. Да-да, мама никогда и ни на кого нас не променяет, как ты променял нас на Катю.

Думаю, эти упреки больно ранили Самуэля. Он улыбался, но глаза его подернулись слезами.

— Не осуждай меня, сынок. Поверь, когда вырастешь, ты сможешь меня понять.

— И что же я должен понять: что ты желаешь, чтобы Катя заняла мамино место?

Конечно, я вел себя вызывающе. Но поступок отца причинил мне слишком большую боль, чтобы я заботился о его чувствах. В эту минуту я хотел, чтобы он тоже страдал, как страдал я в ожидании новой разлуки.

— Я люблю твою мать, — ответил он. — И уверяю тебя, что и вы, и она навсегда останетесь в моем сердце. Но есть вещи, которые я не могу объяснить... да и не хочу. Да, Катя очень важна для меня, и я хочу жить с ней. Когда-нибудь тебе и самому придется решать, с кем жить, и, поверь, тебе будет совершенно неважно, что думают по этому поводу остальные.

— Я никогда не расстанусь с мамой.

— Мне очень жаль, что ты не едешь с нами. Хорошее образование в британском колледже тебе бы не повредило; но я знаю, что не вправе тебя принуждать, поэтому не буду настаивать.

Затем он сказал, что после того, как я отказался с ним ехать, ему больше нечего делать в Палестине, и что самое большее через три-четыре дня они покинут Иерусалим и отбудут из Яффы в Марсель, а оттуда — в Париж, прежде чем отправиться в Лондон.

После этого разговора в гостинице мы с ним не виделись. Когда спустя три дня он пришел за Далидой, он не застал меня дома. Я попросил Вади помочь мне спрятаться. Тот настаивал, чтобы я попрощался с отцом и сестрой, но я не хотел их видеть, потому что боялся расплакаться.

Когда, наконец, они уехали, я вернулся домой. Мама закрылась у себя в комнате, и Кася сказала, что ей лучше побыть одной.

— Твоей маме нужно выплакаться: ей нелегко далось расставание с Далидой.

Кася была очень рассержена, как и Руфь, которая даже не захотела выйти из комнаты, чтобы проститься с Самуэлем, сославшись на болезнь. Единственными, кому удавалось держать себя в руках, были Марина и ее сын Бен, а Игорь работал в карьере, что избавило его от процедуры прощания.

Марина обняла меня, пытаясь успокоить, но я вырвался и снова убежал к Вади, спросив у Сальмы, могу ли остаться у них на ужин. Сальма кивнула и вскоре позвала нас с Вади за стол.

Отъезд Далиды нанес глубокую рану всем нам, но мама страдала больше остальных. Думаю, что Мириам восприняла отъезд дочери как настоящее предательство. Сам не знаю, почему, но очень скоро мы перестали даже вспоминать о Далиде, словно ее никогда не существовало. Думаю, мы сделали это для того, чтобы облегчить страдания Мириам. Я отваживался говорить о сестре лишь с Вади, а он утверждал, что тоже никогда не простил бы свою сестру Найму, если бы она поступила как Далида.

В 1938 году Сад Надежды, который едва оправился от потерь, вновь посетила смерть.

Первой ее жертвой пал старый аптекарь Натаниэль, умерший от пневмонии. Порой я

спрашивал себя: быть может, он и сам хотел умереть? Мама и Луи настаивали, чтобы он лег в больницу, но он не послушал.

— Ничего страшного, это всего лишь катар, помноженный на возраст, — попытался он нас успокоить.

Но однажды утром он вдруг начал задыхаться. Луи послал Даниэля за Йосси. Когда пришел дядя, он велел немедленно везти Натаниэля в больницу. Однако было уже слишком поздно что-то предпринимать. Через несколько часов он умер.

Даниэль сильнее всех переживал смерть старого аптекаря.

Он всегда считал Натаниэля своим вторым отцом. После нашей матери он был для Даниэля самым важным человеком в жизни. Последние несколько лет они с Даниэлем часами проводили в лаборатории, где Натаниэль терпеливо учил его всему, чему мой брат был в состоянии обучиться.

С Самуэлем Даниэль никогда не был особенно близок. Он считал отчима едва ли не злодеем, отнявшим у него мать, а когда Мириам произвела на свет Далиду, почувствовал себя совсем одиноким.

Самуэль же, несмотря на то, что всегда был подчеркнуто внимателен к Даниэлю, в глубине души, видимо, тоже не питал к нему особой привязанности. Далида и вовсе не проявляла интереса к старшему брату, который все время пропадал в лаборатории, и матери приходилось отрывать его от работы, чтобы позвать за общий стол на обед или ужин. Что же касается меня, то у нас с ним была слишком большая разница в возрасте, чтобы могли сблизиться. Так что Даниэль чувствовал себя одиноким и всю свою любовь, которая не нашла ответа у домашних, отдал Натаниэлю.

Я до сих пор не могу забыть, как горько он оплакивал смерть аптекаря. Даже мама ничем не могла его утешить.

Незадолго до этого Даниэль поступил в университет, несмотря на то, что был уже взрослым. На этом настоял Натаниэль, убедив его, что, если он хочет стать хорошим фармацевтом, он должен учиться. Кроме того, он настоял на том, чтобы построить новую лабораторию вместо сгоревшей. Эта лаборатория была меньше и скромнее прежней, однако Натаниэля вполне устроила и такая; он чувствовал себя уже слишком старым, чтобы полноценно работать, но все же достаточно крепким, чтобы обучать Даниэля. А самое главное, он хотел, чтобы у Даниэля было место, где он мог бы уединиться.

— Уж не заболел ли наш мальчик? — встревожилась Кася, заметив, что Даниэль почти не ест.

— Даже не знаю, что ему еще сказать, — посетовала Мириам.

— Ему нужно гораздо больше, чем тебе, — убеждала ее Кася. — Ему нужно знать, что он не одинок.

— Но я никогда не оставлю его одного! Я его мать и люблю его до безумия.

— Возможно, но беда в том, что он не чувствует твоей любви. Ты была слишком влюблена в Самуэля и поглощена заботой об Изекииле и Далиде. Думаю, Даниэль ощутил себя ненужным; во всяком случае, ему казалась, что новая семья для тебя важнее.

Слова Каси, конечно, причинили боль, но в глубине души Мириам понимала, что та права.

— И что же я могу сделать?

— Быть рядом, разговаривать с ним, и, самое главное, убедить в том, что он должен закончить учебу.

— Разумеется, он ее закончит! Нам слишком дорого обошлась его учеба в университете, чтобы он захотел его бросить!

Увы, но именно это Даниэль и сделал. Он отказался завершать курс и, ко всеобщему изумлению, заявил матери, что хочет стать раввином.

— Но ты же ничего не хотел знать о нашей вере! — сетовала Мириам, не в силах его понять.

К ее удивлению, Йосси поддержал решение Даниэля. Он отвез его ненадолго в кибуц в Тверии, сказав, что, если по прошествии нескольких месяцев он не изменит своего решения стать раввином, никто не будет против этого возражать.

— Он должен найти свой путь в жизни, причем сам, — сказал Йосси Мириам. — Не стоит подрезать ему крылья, он уже стал мужчиной.

Она с этим согласилась, как ни больно было расставаться с Даниэлем. Эту боль усугубляло чувство вины, что она так и не смогла заставить его понять, как сильно его на самом деле любит.

Я очень тосковал по Даниэлю. Все же он был моим братом, пусть даже мы не были слишком близки, он был частью моей жизни, неотрывной ее частью.

— Боюсь, что я не слишком хороший брат для Даниэля, — однажды признался я Вади.

— Что за ерунда? — возмутился он. — Разумеется, ты хороший брат, почему ты считаешь, что нет?

— Мы с ним почти не разговаривали, я никогда не интересовался его делами, а кроме того... Кася однажды сказала, что ему кажется, будто наша мама нас с Далидой любит больше, чем его.

— Братья не всегда ладят между собой, — возразил Вади. — Вот мы с Наймой постоянно ругаемся, потому что она вечно сует свой нос, куда не следует. Но это не мешает мне ее любить, хотя я никогда и не говорю ей об этом.

— А ты тоже думаешь, что нас с Далидой мама любит больше?

Вади слегка задумался. Я не сомневался, что он скажет правду.

— Нет, — признался он наконец. — Думаю, что нет. Возможно, так было вначале, когда вы только родились. Даниэль тогда был уже взрослым, и твоей маме приходилось уделять вам гораздо больше внимания. А возможно, Даниэля ранило еще и то, что твоя мама вышла замуж за другого, изменив памяти отца.

— Но отец Даниэля умер...

— Да, но... Мне бы тоже не понравилась, если бы моя мать вышла замуж за другого. А тебе?

Я не знал, что и ответить. Я действительно не знал, задело бы меня это или нет, но по-прежнему был зол на отца. Я так и не мог его простить за то, что он бросил нас и увез Далиду.

Я привык советоваться с Вади по любому поводу. Ему уже исполнилось восемнадцать, он был совсем взрослым, а я — всего лишь подростком тринадцати лет, но он был всегда терпелив и заботлив. Ни единому человеку на свете я не доверял так, как Вади; в конце концов, я был обязан ему жизнью.

Зато с Беном, сыном Марины и Игоря, мы цапались по любому поводу. Мы были очень разными, но при этом любили друг друга, ведь мы выросли вместе. Однако Бен был человеком действия, ему нравилось замышлять всевозможные проказы, а я был намного спокойнее. Я любил читать, и учеба давалась мне легко, а вот Бен с трудом переползал из

класса в класс. Учителя жаловались, что он не в состоянии сосредоточиться даже на минуту. Но при полном отсутствии способностей к математике он обладал другим бесспорным талантом.

Ему достаточно было один раз взглянуть на любой механизм, чтобы разобрать его и снова собрать. Он мог отремонтировать что угодно, вплоть до старого двигателя грузовика. А кроме того, он обладал просто потрясающей памятью. Услышав что-то один-единственный раз, он запоминал это навсегда. Подозреваю, что Бену тогда очень нравилась Найма, однако Сальма и Марина делали все, чтобы помешать ему с ней видиться. Марина, всегда такая нежная, не на шутку сердилась, если видела Бена возле изгороди, отделяющей наш сад от сада Мухаммеда и Сальмы.

— Ты что, хочешь скомпрометировать Найму? — возмущалась она.

— Но я хочу всего лишь поговорить с ней! — защищался Бен.

— У нас и так достаточно проблем между арабами и евреями, чтобы еще и подливать масла в огонь. Найме пятнадцать лет, она уже не ребенок, и ей не подобает бегать вместе с тобой.

— Почему это не подобает? — протестовал Бен.

— Потому что это просто неприлично, люди не так поймут. Или тебе нужны лишние проблемы? Ну так вот, мне они не нужны.

Однажды утром по дороге в школу я встретил Игоря, который вместе с Луи нес на руках свою мать. Они отвезли ее в больницу, где она и умерла тем же утром.

Руфь уже давно была больна и не покидала своей комнаты. Она перенесла инсульт, после чего у нее парализовало левую сторону тела. И, хотя мы все ухаживали за ней, большую часть забот взяла на себя Кася, которая относилась к Руфи, как к родной сестре.

До сих пор не могу забыть, как безутешно оплакивал Игорь смерть матери. Тщетно Марина старалась его утешить. А Бен в эти дни, казалось, превратился в невидимку. Смерть бабушки стала для него настоящей трагедией. В последние дни ее жизни Бен, вернувшись из школы, садился на краешек ее постели и рассказывал, что произошло за день. Руфь после инсульта с трудом могла говорить, но глаза ее сияли, когда она смотрела на Бена.

— Совсем мы превратились в старух, — сказала однажды Кася, и мне стало по-настоящему жутко от этих слов. — Сначала — Дина, теперь вот — Руфь, а я буду следующей.

Кася была настоящим оплотом Сада Надежды. Я даже представить себе не мог наш дом без нее; мне казалось, что Сад Надежды еще мог бы прожить без любого из нас, но без Каси — никак.

Я в те дни был еще подростком, однако уже понимал, что в кровавых стычках между арабами и британцами арабы терпят поражения намного чаще. Луи объяснял это тем, что им не хватает дисциплины, и это делает их уязвимыми.

Время от времени Луи по-прежнему куда-то исчезал, хотя и реже, чем раньше. Как-то само собой произошло так, что он занял в доме главенствующее место, которое прежде занимал Самуэль. На втором месте стоял Игорь, который безоговорочно признавал авторитет Луи, как, впрочем, и Мойша.

Впрочем, отношения Луи с Мойшей стали весьма напряженными, с тех пор как тот вступил в Национальную Военную организацию земли Израильской, больше известную как «Иргун» (Иргун Зеваль Леуми). С тех пор они с Луи постоянно спорили, поскольку методы «Хаганы», где Луи состоял почетным членом, сильно отличались от военных и

политических подходов «Иргуна».

— Мы не хотим ни с кем воевать, — не уставал повторять Луи. — Наша цель — защитить свои дома и поселения.

Однако Мойша утверждал, что арабы и британцы — всего лишь две стороны одной медали, и они чинят препятствия приобретающим здесь землю евреям.

— Знаешь что, Мойша? — возражал Луи. — В те времена, когда нас преследовали по всей Европе, а цари устраивали еврейские погромы, единственным местом, где мы могли спокойно жить, оказался Ближний Восток, входивший тогда в состав Османской империи. Так что сами по себе арабы нам не враги; на протяжении веков мы жили рядом с ними; жили, как соседи, не создавая друг другу серьезных проблем.

Но Мойша не желал слушать никаких аргументов.

— Рано или поздно британцы уйдут, и тогда вопрос встанет ребром: либо они, либо мы. Чем раньше это поймут в «Хагане», тем лучше для всех нас.

Кася теперь старалась как можно реже приглашать в гости Мойшу и Эву, чтобы вместе встретить субботу. Она говорила, что ей надоели бесконечные споры, которые все равно ни к чему не приведут.

— Ты же знаешь, что Мойша состоит в «Иргуне», — говорила Кася. — А потому я считаю, что ему вообще нечего делать в нашем доме. Я совсем не одобряю всех этих зверств, и когда вижу его, всякий раз задаюсь вопросом, не принимал ли он в них участия.

Марина была согласна с матерью.

— Да, мы приютили их, когда они приехали сюда, но много лет назад. Теперь они уже давно не те бедные иммигранты без гроша в кармане. Так что вполне могли бы переехать куда-нибудь в другое место. Их дети живут в кибуце в Галилее, так почему бы им не переселиться к детям? Как подумаю, что люди из этой его организации бросали гранаты в кафе в Иерусалиме...

— Но мы же не знаем, участвовал ли в этом Мойша... — заметила Мириам — не слишком, впрочем, уверенно.

— Ты должен поговорить с Мойшей, — уговаривала Кася Луи — Пусть уезжают отсюда.

Надо сказать, что Мириам, моя мать, выступала в роли миротворца. Нет, она вовсе не разделяла взглядов Мойши и Евы, но ей не нравилась сама идея выгнать кого-то из Сада Надежды. Полагаю, в глубине души она думала, что и Самуэль не поддержал бы этой идеи, поскольку для него Сад Надежды всегда был приютом для страждущих.

— Мы должны научиться уважать друг друга, — настаивала Мириам. — В конце концов, Мойша и Эва и так не живут в нашем доме.

— Да, но они живут в двухстах метрах от нас, — ответила Марина.

— Однако мы с ними почти не видимся, — не сдавалась мама.

— А я бы предпочел, чтобы Мойша все время был у меня на глазах. Полагаю, что в «Хагане» не видят от «Иргуна» большого зла, но наши руководители не желают иметь с ними дела, — объяснил Луи.

Мне нравилось слушать разговоры старших — особенно Луи, в котором я, сам того не замечая, стал видеть отца. Именно с ним я делился своими маленькими секретами, а он порой бранил меня за шалости, хотя иной раз сам покрывал мои грешки перед матерью.

Именно тогда я начал по-настоящему жалеть, что Луи мне не отец. Я всегда любил его больше, чем Самуэля, особенно после того, как отец уехал и бросил меня.

Но самым большим несчастьем, случившимся за эти годы, стало отчуждение между нами и семьей Зиядов. Луи требовал, чтобы мы вели себя с ними как можно осторожнее.

— Если они будут слишком часто видеться с нами, их могут посчитать предателями, — объяснял он. — И мне страшно подумать, что тогда произойдет. Если они придут сами — будьте вежливы, но не компрометируйте их своим обществом. Да и ты, Марина, нравится тебе это или нет, не должна так часто бегать в гости к Айше в Дейр-Ясину. Я слышал, как несколько дней назад женщины обсуждали ее поведение, да и кое-кто из мужчин упрекал Юсуфа, что позволяет жене принимать в доме евреев.

— Я не перестану встречаться с Айшой! — возмутилась Марина. — Она мне как сестра. И я не допущу, чтобы какие-то старушечьи сплетни помешали нашей дружбе.

— Но мы не можем допустить, чтобы Айша пострадала из-за этой дружбы. Если вы найдете другой способ видеться — прекрасно, но ты не должна туда ходить.

Игорь почти никогда не вступал в спор с Мариной, но на этот раз согласился с Луи. Он сказал, что Марина с Айшой вполне могут видеться в доме Йосси и Юдифи.

— Никого не удивит, если Айша отправится в дом врача. Йосси пользуется большим уважением у арабов. Многие из них сами являются его пациентами, ведь это лучший врач во всем Иерусалиме.

Марина, пусть и с большой неохотой, согласилась. А я не обратил особого внимания на предупреждение Луи и по-прежнему при любой возможности бегал в дом Мухаммеда, чтобы повидаться с Вади. Конечно, я старался это делать по вечерам, когда сгущались тени, в надежде, что никто меня не заметит. А впрочем, иногда я и вовсе забывал об увещеваниях Луи и вместе с Беном открыто шел в дом Зиядов, и Вади или Найма приглашали нас к себе. Иногда нам навстречу выходила и Сальма; увидев нас издали, она еще с порога махала рукой, приглашая в дом.

Сальма казалась мне очень похожей на маму. Правда, она была моложе, но когда снимала платок, становились видны ее темно-каштановые волосы с медными бликами — совсем как у мамы. Кроме того, я считал Сальму очень красивой, пожалуй, даже красивее Мириам.

Иногда по вечерам Луи и сам бродил вдоль изгороди в надежде встретиться Мухаммеда, чтобы вместе покурить в тени оливковых деревьев, сидя на старой деревянной скамье, сделанной еще Ахмедом Зиядом в те времена, когда Мухаммед был совсем маленьким.

Порой они шептались до самой поздней ночи. Луи никогда не рассказывал, о чем говорит с Мухаммедом, но при этом продолжал настаивать, чтобы мы вели себя как можно осторожнее и не афишировали дружбу с Зиядами, поскольку это может быть чревато серьезными неприятностями и для них, и для нас. Кася в ответ не уставала напоминать, что Дина всегда была ее лучшей подругой, а Айшу она привыкла считать второй дочерью. А вот мама гораздо лучше понимала опасения Луи. Доклад Пила нанес серьезный удар положению арабов и дал некоторые преимущества евреям, что сделало еще глубже и без того катастрофически растущую пропасть между двумя народами. Луи не уставал ломать голову, каким способом можно преодолеть эту пропасть — во всяком случае, в отношении наших друзей.

По совету Игоря, Марина теперь встречалась с Айшой только в доме Йосси и Юдифи. Мы с мамой часто сопровождали ее, так что я часто виделся с тетей Юдифью.

Со временем она превратилась в пассивного и безучастного ко всему человека, потерявшего не только зрение, похоже, она и нас перестала узнавать. Ясмин с трогательной

нежностью заботилась о больной матери и помогала отцу в работе, а Михаил целиком погрузился в политику. Он помогал нелегальным иммигрантам-евреям, которые все прибывали в Палестину, обосноваться здесь навсегда. Им требовался всего лишь кусок земли, на котором они строили временные жилища, вбивая в землю колья и устанавливая палатки.

Не то чтобы британцы так уж стремились способствовать притоку еврейской иммиграции в Палестину, но разгул нацизма в Германии привел к тому, что с каждым днем все больше и больше евреев бежало из страны. Михаилу приходилось непросто: не хватало средств для снаряжения судов, перевозивших беженцев; тем более, что британцы начали не только крейсировать вдоль береговой линии, но и контролировать ее с воздуха, стремясь если не остановить, то хотя бы ограничить столь массовую иммиграцию, поскольку конфликты с арабами им были совершенно не нужны.

Однажды я услышал, как Михаил рассказывает маме, что мой отец участвует в снаряжении кораблей, везущих иммигрантов в Палестину, невзирая на все опасности и неусыпный контроль британских военных кораблей.

— Самуэль и Константин тратят свое состояние на покупку старых кораблей и плату капитанам, способным проскользнуть сквозь британскую блокаду. На днях я ездил на север — встречать группу иммигрантов, прибывших на мальтийском сухогрузе. Видела бы ты эту посудину! Просто удивительно, что она еще как-то держится на плаву.. Мы выгрузили на берег около ста человек. Многие из них больны. Трюм был забит до отказа, жуткая антисанитария... Мы переправили их в Негев. Им будет нелегко приспособиться к сельской жизни: ведь большинство — учителя или торговцы, никогда в жизни не державшие в руках лопату.

— Было время, когда и ты не знал, какой стороной сажать дерево, — с улыбкой ответила Мириам.

— Я тогда был совсем молод, но эти люди... — не уступал Михаил. — К тому же, они говорят только по-немецки; кое-кто из них, правда, знает иврит, но таких совсем мало.

— По крайней мере, здесь их никто не станет преследовать, — заявила моя мать.

— Никто, кроме англичан, но уж лучше попасться англичанам, чем немцам. Если бы ты знала, что рассказывают... Некоторые женщины плачут, вспоминая о том, что им пришлось оставить семьи, дома, могилы своих предков... Несмотря на то, через что им пришлось пройти, они считают себя немцами и не хотят быть никем другим. Здесь они чувствуют себя потерянными. Их превратили в крестьян за одну ночь.

— Самуэль по-прежнему сотрудничает с Еврейским агентством? — спросила мама, которой все же было безразлично, как обстоят дела у мужа.

— Да, они с Константином — одни из самых активных его членов. Должен признать, они делают все возможное, чтобы помочь евреям покинуть Германию; больше того, стремятся оградить свое дело от вмешательства британских властей. По-видимому, они нашли могучего союзника в лице Уинстона Черчилля, одного из тех немногих английских политиков, что не скрывают своей симпатии к евреям.

Моя мать искренне обрадовалась, узнав, что Михаил общается с Самуэлем. Их отношения всегда были непростыми; главным образом, по той причине, что ни один не умел выразить ту привязанность, которую они, несмотря ни на что, питали друг к другу. Мириам знала это, как никто другой: ведь на протяжении стольких лет она постоянно слышала, как Самуэль сокрушался, что Михаил никак не хочет его понять.

Никто из нас ничуть не удивился, когда Михаил вступил в Еврейскую Сельскую полицию, основная задача которой состояла в защите евреев-поселенцев. Таким образом, Михаил участвовал сразу в двух движениях: в официальном с англичанами и неофициальном — с «Хаганой»; при этом оба движения имели одну и ту же цель: защитить евреев от все более частых нападений арабских банд.

Однако вскоре после того, как Пил в своем докладе предложил разделить Палестину на две части — арабскую и еврейскую, британцы дали задний. 9 ноября 1938 года было решено отклонить доклад Комиссии Пила.

Британское правительство было вынуждено признать — несмотря на то, что войска как-то сдерживают вспышки арабских бунтов, ситуация в Палестине грозит выйти из-под контроля.

К этой новости добавилась другая — поистине трагическая, ибо в ту же ночь по Германии прокатилась целая волна ужасных погромов. Эта ночь осталась в памяти людей под именем Ночи разбитых витрин. Еще один шаг, предпринятый нацистами против немецких евреев.

Луи вернулся домой совершенно подавленным. Впервые мы видели его настолько обескураженным.

Спустя несколько дней после того, как мир узнал о зверствах Ночи Разбитых витрин, британцы отказали в визе на въезд в Палестину нескольким сотням тысяч детей из Германии.

— Даже не знаю, чего теперь и ждать, — сказал Луи. — Британцы снова взялись за свое. Они больше не хотят ссориться с арабами и теперь уклоняются от своих обязательств по отношению к нам. А эти бедные дети... Даже не представляю, что теперь с ними будет.

Сам не знаю, почему, но я был уверен, что отец не сидит сложа руки. Разве он не говорил, что является близким другом некоторых английских министров? Разве не ссужал деньги на снаряжение кораблей? Да, Самуэль наверняка что-то предпримет; я был уверен. В памяти всплывали его давние беседы с мамой; я тогда был совсем маленьким, и они были уверены, что я все равно ничего не пойму. Разговоры вертелись вокруг германского нацизма; отец не уставал повторять, какую серьезную опасность он представляет, и как их лидер, Адольф Гитлер, ненавидит евреев, а я все никак не мог понять, за что он их так ненавидит.

Тем временем, мама всеми силами склоняла меня к мысли, что я должен поступить в Еврейский университет в Иерусалиме. Я раздумывал, стать ли врачом, как дядя Йосси, или химиком, как отец, но меня не привлекала ни та, ни другая стезя. На самом деле меня привлекало совсем другое: я был очарован, глядя на Луи и Михаила, которые приезжали и уезжали, когда им заблагорассудится. Их жизнь казалась полной невероятных приключений; я радовался, слушая рассказы, как они обводят вокруг пальца англичан, чтобы помочь нелегальным еврейским иммигрантам проникнуть в страну. Но во всех этих приключениях было нечто, что вгоняло меня в дрожь — мысль о том, что защита еврейских колоний означает войну с арабами.

Я никак не мог считать арабов своими врагами, несмотря даже на то, что именно арабы подожгли Сад Надежды в тот далекий год, когда я чуть не погиб. Ведь мой мир не ограничивался лишь матерью, дядей Йосси и Юдифью, Ясмин и Михаилом и всеми теми, кто жил вместе с нами в Саду Надежды. Я не мог представить свою жизнь без Вади, да и Дина очень много для меня значила, равно как и Айша и ее дети, Рами и Нур. Даже дядя и

тетя Мухаммеда, Хасан и Лейла, как и их сын Халед занимали важное место в моей жизни. Я не видел серьезных различий между арабами и евреями, и всякий раз, когда глядел на шрамы на лице Вади, вспоминал о том, что мы в неоплатном долгу перед ним и его семьей.

Я уже говорил, что смерть стала частой нашей гостьей; так вот, январским утром 1939 года она вновь посетила нас. В это утро Юдифь нашли мертвой в своей постели. Йосси обнаружил ее слишком поздно. Должно быть, она умерла еще ночью, потому что к утру тело уже остыло.

Я помню, как в это утро раздался стук в дверь. Это пришел друг Йосси, чтобы сообщить нам о случившемся. Услышав о смерти сестры, мама словно окаменела: она не могла ни двинуться с места, ни говорить, ни даже плакать. А я, напротив, не смог сдержать слез.

Кася как всегда взяла дело в свои руки. Она велела всем умыться и прилично одеться, а потом отправила Бена в дом Мухаммеда и Сальмы, чтобы сообщить им о смерти Юдифи. Луи не было дома, и за руль грузовика сел Игорь, чтобы довезти нас всех до Старого города.

Дядя Йосси молча плакал у постели Юдифи. Ясмин помогала ему обмывать тело матери и готовить ее в последний путь — в лоно земли, где она родилась.

Никто не спорил о том, где ее похоронить. И Юдифь, и Мириам всегда хотели, чтобы их похоронили в Хевроне. Там спали вечным сном их родители, там же хотели упокоиться и они. Игорь, правда, не считал разумным ехать в Хеврон, справедливо опасаясь нападения одной из тех арабских банд, что рыскали по всей стране. Однако мама была непреклонна. Ее сестра должна лежать в Хевроне, и она сделает для этого все возможное, даже подвергая опасности собственную жизнь.

Йосси не спорил; он был готов к этой поездке, поскольку всегда знал, что Юдифь хочет быть похороненной в Хевроне; он согласился поехать в Хеврон после того, как покончит с делами в Иерусалиме, но при этом настоял на том, чтобы предупредить Луи и Михаила. Нам понадобятся защитники.

Их оказалось не так-то легко отыскать, они вернулись только спустя два дня. Между тем, в доме Йосси уже собрались все друзья и знакомые, чтобы оплакать Юдифь. К моему удивлению, мама не пролила ни единой слезинки. Смерть сестры она переносила с поразительным мужеством, только Кася не на шутку беспокоилась.

— Лучше поплачь, — говорила она маме. — Поплачешь — легче станет.

Но Мириам так и не заплакала все три дня, пока обихаживала гостей, пришедших выразить соболезнования.

Несмотря на все наши опасения, по дороге в Хеврон ничего страшного не произошло. Возможно, у арабов просто не поднялась рука напасть на похоронный кортеж. Так или иначе, мы вполне благополучно добрались до небольшого еврейского кладбища.

Встреча с подругами детства стала для мамы настоящим утешением. Это были арабки примерно маминых лет, и все они искренне оплакивали Юдифь. У меня в голове не укладывалось, что в этом тихом месте несколько лет назад случился ужасный погром, во время которого погибла моя бабушка.

Когда мы вернулись домой, мама расплакалась. Она заперлась в своей комнате, и вскоре оттуда послышались сдавленные рыдания. Кася не позволила мне войти.

— Не трогай ее сейчас, — сказала она. — Ей нужно поплакать, иначе у нее разорвется сердце.

Спустя несколько дней мы навестили Йосси и Ясмин; я поразился, увидев, как постарел за эти дни дядя.

— Как же невыносимо знать, что ее больше нет, — вздохнул Йосси. — Я знаю, что последние несколько лет она была скорее мертва, чем жива, но, по крайней мере, была рядом.

Ясмин не на шутку беспокоилась за отца и, видимо, тоже почти не спала в последние ночи.

— Он просиживает в своем старом кресле ночи напролет, — сетовала она. — Если так и дальше пойдет, он просто заболит.

А тем временем жизнь, равнодушная к человеческим страданиям, текла своим чередом. В феврале 1939 года в Лондоне прошла конференция с участием арабов и евреев. Правительство его величества отказалось послать войска в Палестину, видя замаячившую на горизонте куда более серьезную и страшную опасность: агрессивную экспансионистскую политику Гитлера и нацизма.

В душах палестинских евреев поселилась тревога, во что выльются для них решения, принятые на этой конференции. Ясно было только одно: как объяснил нам Луи, мы не отступим, не сделаем даже шагу назад.

Арабские делегации прибыли на лондонскую конференцию по отдельности: с одной стороны — Джамаль аль-Хусейни, кузен муфтия; с другой стороны — один из самых видных членов семьи Нашашиви, возглавлявший наиболее умеренную фракцию палестинских арабов.

Хусейни разместили в роскошном отеле «Дорчестер», Нашашиви — в столь же роскошном «Карлтоне». Доктор Вейцман и Бен Гурион взяли на себя все расходы.

Михаил был скептически настроен по поводу Вейцмана.

— Слишком уж он англичанин, — говорил он.

Луи тут же напомнил, что именно благодаря Вейцману они получили нечто ценное: декларацию лорда Бальфура, позволившую евреям обрести дом на земле предков, в Палестине.

Новости из Лондона не внушали оптимизма. Самуэль прислал длинное письмо, в котором сообщил, что конференцию проводили два раза: первый раз — для арабов, второй — для евреев-сионистов, поскольку и те, и другие отказались вместе присутствовать на заседании, что, по словам Самуэля, «вызвало раздражение у британского премьера Невилла Чемберлена».

Самуэль также разъяснил, что британцы «скорее склонны искать компромиссы с палестинскими арабами, чем с нами. Несколько дней назад, во время званого обеда в доме банкира, Константин слышал из уст самого Чемберлена, что в случае конфронтации с Германией, евреи поддержат англичан. А разве есть у нас другой выход? Так что боюсь, они начнут делать уступки палестинским арабам в ущерб нам.

В британском правительстве у нас не так много друзей; например, новый министр по делам колоний, Малкольм Макдональд, всячески уклоняется от обсуждения наших проблем. Отсутствие взаимопонимания между Вейцманом и вашим лидером Беном Гурионом тоже не идет нам на пользу. Прибывший в Лондон Бен Гурион не желает идти ни на какие уступки. Боюсь, при всех своих достоинствах, он не слишком гибкий человек. Насколько мы можем судить, Вейцман готов был пойти на снижение количества еврейских иммигрантов, но Бен Гурион упрямо стоит на своем.

Один из участвовавших в переговорах британских дипломатов — кстати, хороший друг Константина — рассказал, что Бен Гурион предложил создать еврейское государство в составе Арабской конфедерации. Как вы можете догадаться, это совсем не понравилось делегации палестинских арабов. Так что боюсь, мы зашли в тупик».

Спустя много лет я прочел в книгах по истории, что Бен Гурион тогда не согласился ограничить приток еврейских иммигрантов в Палестину, ссылаясь на преследования, которым подвергались евреи в Германии. Джамаль аль-Хусейни, со своей стороны, с самого начала расставил все точки над «і», заявив, что британцам следует положить конец еврейской иммиграции в Палестину, а также запретить евреям скупать палестинские земли, но прежде всего, британцы должны провозгласить создание Палестинского государства. Сторонники Нашашби заявили, что евреи, уже живущие в Палестине, вполне могут стать гражданами арабского государства, но Хусейни согласился на это лишь при том условии, чтобы евреи не пытались заводить в стране свои порядки.

Соглашение было невозможно. Даже более, чем невозможно, ибо еще до окончания конференции у британцев уже был новый план решения палестинской проблемы. Этот план, включенный в новую Белую книгу, состоял в том, чтобы министр иностранных дел, лорд Галифакс, в ближайшие десять лет создал новое государство, где доминировать будут арабы. В то же время решили максимально ограничить еврейскую иммиграцию. Этот документ возмутил еврейскую делегацию; евреи дружно поднялись из-за стола и в полном составе покинули конференцию. 17 мая новая Белая книга аннулировала Декларацию Бальфура.

Все эти события мы переживали в большой тревоге и в постоянных обсуждениях. Кася и Марина по-прежнему оставались социалистками и постоянно спорили с Луи, который считал, что евреи непременно должны создать свое государство. Михаил же, ревностный сторонник Бена Гуриона, категорически поддерживал идею собственного государства евреев, пусть и в составе арабской конфедерации.

— Я не хочу никакого еврейского государства, — говорила Марина. — Наша цель — жить в мире с палестинскими арабами, ничего другого нам не надо.

Марина очень страдала от того, что пропасть между двумя народами неотвратимо растет. Даже не столько потому, что в ее сердце по-прежнему жила тщательно скрываемая любовь к Мухаммеду, но прежде всего потому, что родители воспитали в духе социалистических идей, они были в первую очередь интернационалистами и считали, что у арабов и евреев достаточно других проблем, чтобы позволять морочить себе головы национализмом.

Что же касается дяди Йосси и моей мамы, то оба чувствовали себя неловко во время этих споров. Они были коренными палестинцами и хотели оставаться в том же статусе, в котором жили до сих пор. В то же время, их сердце разрывалось: с одной стороны, оба знали, что евреям нужен свой дом — место, где они могли бы спокойно жить; не боясь преследований; с другой стороны, они хорошо понимали недовольство своих арабских друзей хлынувшим в страну потоком еврейских иммигрантов. При этом они не одобряли идею создания исключительно еврейского государства.

Когда в 1939 году началась Вторая Мировая война, решение Бена Гуриона было однозначным: сражаться против Гитлера, как если бы не было никакой Белой книги, и протестовать против Белой книги, как если бы не было никакой войны.

Мы с Беном заявили Луи, что желаем вступить в «Хагану». Официально никакой «Хаганы» не существовало, но при этом все знали о ее существовании, так что нам не было

нужды ходить вокруг да около. Мы слышали достаточно разговоров на протяжении долгих лет, чтобы понять, что Луи и Михаил состоят в этой подпольной организации, призванной защищать поселенцев, а также о ее противостоянии «Иргуну» и группе Штерна — двум другим организациям, которые отличала склонность к насильственным, даже террористическим методам. Вскоре после провозглашения Белой книги «Иргун» заложил бомбу возле Яффских ворот, в результате чего погибли девять палестинских арабов.

Луи хоть и отнесся к нашей просьбе с уважением, но в конечном счете отказал.

— Похвально, что вы хотите помочь, для начала вы могли бы стать нашими связными.

— Мне семнадцать лет! — воскликнул Бен. — В этом возрасте человек уже способен делать что-то более важное.

— Мне — четырнадцать. Я слышал, что в кибуцах к людям нашего возраста никто не относится, как к детям, они вместе со взрослыми принимают участие в обороне, — добавил я, пытаясь убедить Луи.

— Если понадобится, мы поедem в кибуц, и тогда никто не сможет помешать нам сражаться, — сказал Бен.

Кася тоже слушала, хотя мы этого не замечали.

— Да вы с ума сошли! — закричала она. — Можно подумать, нам мало проблем с Мойшей, чтобы еще и вы мотали душу.

— Послушай, Кася, они уже не дети, рано или поздно им придется принимать на себя груз обязанностей.

— Обязанностей? О чем ты говоришь? Арабы нам не враги.

— Зато британцы — враги.

— Так что же, мы должны втягивать в войну детей? — все больше разъярялась Кася.

В эту минуту из оливковой рощи вышли мама и Марина.

— В чем дело? — спросила Марина. — Почему вы так кричите?

Кася рассказала Марине, в чем дело, и она тут же набросилась с упреками на всех нас — на Луи, Бена и меня. Мама, как могла, попыталась ее успокоить.

— Они сейчас в том возрасте, когда хочется приключений, — сказала она. — Поэтому и решили присоединиться к «Хагане». Вот только боюсь, на самом деле они не понимают, что это такое.

— Разумеется, мы все понимаем! — раздраженно-снисходительным тоном перебил ее Бен.

Луи разом пресек все споры, заявив, что ему пора уходить. Однако перед самым уходом он смерил нас с Беном оценивающим взглядом, и мы поняли, что еще не все потеряно.

Как ни удивительно, за шесть лет войны между арабами и евреями установилось нечто вроде перемирия. Сам не знаю: то ли потому, что Белая книга, несмотря на все противоречия, все же оставляла евреям надежду получить свой дом в будущем; то ли потому, что британцы прилагали всё больше усилий, чтобы не пускать в Палестину новых евреев, которые провинились лишь тем, что пытались спастись от злейших врагов: Гитлера и его приспешников.

Несмотря на протесты матерей, мы с Беном стали связными «Хаганы». В 1940 году мы начали доставлять по адресам оружие и сообщения. Думаю, что мама, как и Марина, о многом догадывалась, но ни та, ни другая не подавали виду, что о чем-то знают, поскольку обе доверяли Луи и знали, что он не подвергнет их детей настоящей опасности.

Луи поручил нас заботам Михаила, а мама убедила Касю, что я постоянно отлучаюсь в

дом Йосси, чтобы навещать его и Ясмин.

— Изекииль — такой отзывчивый мальчик. С тех пор как умерла Юдифь, он не упускает случая, чтобы проведать дядю и кузину, — сказала она, полная гордости за меня.

Полагаю, что и моя кузина Ясмин тоже догадывалась, чем на самом деле мы занимаемся, но при этом, как впрочем, и Йосси, ее отец, делала вид, что верит нашим байкам.

Труднее всего для меня оказалось не проговориться Вади, но Луи категорически запретил даже заикаться ему об этом.

— Имей в виду: если что — никакой «Хаганы» не существует, — напоминал он при каждой возможности.

— Но я же своими ушами слышал, как Мухаммед говорил, что ты состоишь в «Хагане», — возразил я однажды.

— Возможно, он и догадывается, но точно ему ничего не известно. Я знаю, как много значит для тебя Вади, ты обязан ему жизнью, но сейчас жизни многих других людей зависят от твоего молчания. Это не твоя тайна, и ты не имеешь права ею распоряжаться.

Я был самому себе противен. Все так и сжималось у меня внутри, когда я разговаривал с Вади, зная, что не могу ничего рассказать о своем деле.

Шрамы на лице Вади постоянно напоминали мне о том, что я обязан ему жизнью, но сам он никогда не вспоминал об этом, а если об этом вспоминал я — отвечал, что не стоит преувеличивать.

Вади решил стать учителем и теперь старательно готовился к этому поприщу. Он получил хорошее образование в школе Сент-Джордж, и так успешно помогал отстающим, что все учителя отметили его особые способности к педагогике. Теперь ему приходилось еще и защищать свою сестру Найму, которая всякий раз вздрагивала, когда мать напоминала отцу, что пора бы уже начать подыскивать для нее мужа. Когда Вади рассказал об этом Бену, у того сразу испортилось настроение. Он по-прежнему был влюблен в Найму, хотя и дал слово родителям, что не позволит себе ничего такого, что могло бы ее скомпрометировать.

Собственно говоря, Марина ничего не имела бы против влюбленности сына, если бы не знала совершенно точно, что это приведет к серьезным проблемам не только с Сальмой, но и с Мухаммедом. И если они с Мухаммедом когда-то проводили вместе все свободное время, и никто ничего плохого в этом не видел, то теперь времена изменились. И если Марина еще могла бы пойти на поводу у сына, то Игорь был непреклонен. Он даже пригрозил Бену, что отправит его к Самуэлю в Англию, если тот не оставит Найму в покое. А впрочем, Бен прекрасно знал, что никто его в Англию не отправит, это совершенно невозможно. Война была в самом разгаре, британцы делали все, чтобы не пускать евреев в Палестину, и не могло быть даже речи о том, чтобы переправить молодого человека в Лондон. Кому он был там нужен? мы ведь были такими незначительными людьми.

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что Найма не была влюблена в Бена столь же безоглядно, как он в нее. Конечно, ей льстило, что Бен так нервничает в ее присутствии и не упускает случая прогуляться вдоль изгороди, разделяющей наши сады, в надежде ее увидеть. Сама она в это время наблюдала за ним из окна и, если бы не строгий надзор матери, побежала бы к нему навстречу. Но я неоднократно имел случай убедиться, что Сальма всегда знает, чем Найма занята и куда смотрит.

Мне было больно видеть, как мирные беседы Игоря и Луи с Зиядами все чаще кончаются ссорами. Я хорошо помню один вечер, когда Марина пригласила в гости Айшу и

ее мужа Юсуфа, к которым присоединились Мухаммед, Сальма, их дядя и тетя Хасан и Лейла, а также все дети. Молодежь всегда была рада случаю встретиться, и меньше всего нам хотелось, чтобы старшие спорили о политике. И вдруг Игорь, всегда такой осторожный и благоразумный, начал упрекать наших друзей в нацистских замашках муфтия.

— Сдается мне, немцы пообещали муфтию, что едва закончат войну в Европе, как тут же займутся «еврейским вопросом» у нас на Востоке, — заявил он, многозначительно взглянув на Мухаммеда.

Тот невольно поежился под взглядом Игоря. Марина напряглась: ее всегда расстраивало, когда муж начинал спорить с Мухаммедом. Однако на этот раз слово взял вовсе не Мухаммед, а его дядя Хасан.

— Многие арабы вполне разделяют неприязнь Гитлера к евреям, но это лишь совпадение, — сказал тот. — Вы должны понимать, насколько обеспокоены палестинцы планами британцев по разделу нашей земли. Мы можем делить ее с вами, но можем ли позволить отнять ее у нас?

— Палестина — земля наших предков, — ответил Игорь. — Мы здесь не чужие.

— Если хотите вернуть прошлое, придется вернуться в начало времен, — возразил Хасан. — Вы прекрасно знаете, что никто в нашей семье не согласен с политикой Хусейни и не боится открыто ему противостоять. Нет ничего хорошего в смене британского тирана на германского, хотя муфтий и полагает, что, если он окажет поддержку Гитлеру, это поможет сохранить Палестину. Кроме того, нам совсем не нравятся расовые теории, которых придерживаются нацисты. Но при всем этом нас все больше и больше беспокоят нескончаемый приток в Палестину евреев и планы британцев по разделу нашей земли.

— Вам должно быть стыдно за своего муфтия, в друзьях у которого ходят нацисты, — Игорь, казалось, не на шутку увлекся спором. — А евреи тем временем страдают от кошмаров, устроенных Гитлером.

— А вам следовало бы прекратить наконец отнимать у нас то, что всегда принадлежало нам, — на этот раз голос Хасана прозвучал далеко не миролюбиво.

— Если он поддерживает Гитлера — значит, поддерживает преступную идею уничтожения евреев, — Игорь упорно не желал сдаваться.

Марина посмотрела на него с тоской, всерьез опасаясь, что дружеская встреча со старыми друзьями превратится в арену жестоких споров, и вечер будет совершенно испорчен. Однако Кася решительно положила этому конец.

— Хватит! — крикнула она. — Игорь, сейчас не время для споров. К нам пришли друзья, я хочу наслаждаться их обществом. Давайте лучше поговорим о былых временах...

Оглядываясь назад, я понимаю, как же, должно быть, страдала мама. Ни она, ни я никогда не упоминали имен отца и Далиды. Мама никогда не вспоминала и о старшем своем сыне, Даниэле. Все остальные тоже молчали о них, щадя наши чувства. Теперь я осознаю, как на самом деле нам их не хватало, и знаю, что мы старались не вспоминать о них лишь потому, что не хотели растревлять своих ран.

Мама никогда и ни на что не жаловалась. Казалось, она находила утешение, работая в поле от рассвета до заката.

Кася тоже отчаянно рвалась в поле, но мама убеждала ее, что она гораздо нужнее дома; ее беспокоил не столько Касин преклонный возраст, сколько то, что в последнее время она стала быстро сдавать; сказать по правде, это тревожило не только маму, но и всех нас.

— Твою мать необходимо показать Йосси, — говорила мама Марине.

— Мириам, ты же знаешь маму, она ни за что не соглашается показаться врачу. Утверждает, что прекрасно себя чувствует.

— Мне не нравится цвет ее лица и эти круги под глазами. Пусть твой муж с ней поговорит.

— Игорь? — удивилась Марина. — Да ты что, Игорь не посмеет ей и слова сказать. Скорее уж она тебя послушает.

Бен тоже понимал, что бабушка тяжело больна. Однажды он признался мне, что его очень беспокоит ее здоровье.

— Прощлой ночью я услышал ее стоны, — сказал он. — Я встал, чтобы спросить, что случилось, и увидел, как ее рвет.

Но сама Кася по-прежнему упорно отказывалась показаться врачу. Сейчас я думаю, что она просто устала от жизни; у нее больше не осталось в этом мире никаких иллюзий, хотя она по-прежнему очень любила Марину и Бена. На протяжении долгих лет Кася боялась, что Марина, чего доброго, разведется с Игорем; но со временем поняла, что хотя ее дочь и не любит мужа, она никогда от него не уйдет. Ее любовь к Мухаммеду не то чтобы совсем угасла, но как будто уснула; Марина знала, что Мухаммед никогда не изменит Сальме. Марина и Мухаммед смирились с неизбежным, предоставив друг другу жить своей жизнью, и это утешало Касю. Что же касается Бена, то она даже не пыталась себя обманывать, понимая, что не так уж внук в ней и нуждается; по крайней мере, не настолько, чтобы всеми силами сражаться с болезнью, лишь бы оставаться рядом с ним.

Когда же Кася все-таки согласилась лечь в больницу, она была уже почти при смерти. Врач поставил роковой диагноз: рак желудка в последней стадии. Он не уставал сетовать, что Кася не обратилась к ним раньше, пока еще можно было чем-то помочь.

— Просто не могу понять, — сказал он Марине, — как она могла выносить такие боли.

Марина горько плакала и во всем винила себя, что не слушала Мириам и до последней минуты не верила в тяжелую болезнь матери, не желала понимать, что отсутствие у Каси аппетита, рвота и крайняя худоба — очевидные симптомы болезни. Когда же врач сказал, что ей необходимо остаться в больнице и времени почти не осталось, Кася решительно воспротивилась.

— Вы же сами говорите, что мне не так долго осталась жить, — сказала она врачу. — Так почему бы вам не дать мне чего-нибудь, чтобы я могла спокойно умереть в своей постели?

— Ради Бога, мама, что ты говоришь! — воскликнула Марина со слезами на глазах. — Конечно, ты поправишься.

Но Кася велела ей замолчать и продолжала просить врача, чтобы ей позволили спокойно умереть в собственной постели.

Врач наотрез отказал. Не то чтобы он надеялся спасти Касину жизнь, но считал, что в больнице за ней хотя бы будет надлежащий уход. Дядя Йосси отозвал его и что-то долго втолковывал. Когда они вернулись, Кася уже знала, что выиграла последнюю битву.

— Ну, если вы так хотите, мы можем отвезти вас домой, — сказал врач. — Но вы должны все время лежать в постели, и нужно регулярно делать обезболивающие уколы. Но имейте в виду: если покинете больницу, я мало что смогу сделать ...

— Если я останусь, вы тоже мало что сможете, — ответила Кася. — Разве что успокоить свою совесть.

Стоял холодный декабрь 1941 года. У меня до сих пор бегут мурашки по коже, когда я

вспоминаю эти последние дни Касиной жизни.

Мама постоянно топила камин в гостиной, а в Касину кровать клала бутылки с горячей водой.

Пока Кася не видела, Марина плакала.

— Если бы я тебя послушалась! — сетовала она в разговорах с моей мамой.

На самом же деле, даже если бы Кася обратилась к врачу несколькими месяцами раньше, это все равно ничего бы не изменило, но Марина не переставала казнить себя, что вовремя не заметила, насколько серьезно больна ее мать.

Я не знаю, что за лекарства кололи Касе, знаю только, что какое-то снотворное.

Умереть не так-то просто. Впервые я это понял, когда наблюдал за агонией Каси.

Однажды ранним утром меня разбудил подозрительный шум; я вышел из спальни и увидел, что в гостиной горит свет, а дверь в комнату Каси открыта.

Ее рвало, она задыхалась, сражаясь за каждый глоток воздуха; ее дыхание было тяжелым и хриплым. Исхудавшее тело Каси сотрясалось в конвульсиях, выгибаясь так, что, казалось, она вот-вот переломится пополам. Крепко сжав руку Марины, она пыталась что-то сказать, но изо рта вырвалось лишь какое-то невнятное бормотание. Бен стоял рядом со мной, дрожа всем телом. Луи помчался за Йосси.

Вытерев рвоту и перестелив кровать, моя мама сделала знак Бену, чтобы он подошел к постели бабушки.

Бен поцеловал ее в лоб и крепко сжал руку.

— Бабушка, я тебя люблю, — прошептал он. — Ты поправишься, вот увидишь!

Последним усилием Кася сжала руки Бена и Марины; затем из ее горла вдруг вырвался пронзительный крик. Это был ее последний вздох. Наконец, он стих. Ее тело и взгляд навеки застыли.

Несколько секунд мы стояли молча, не в силах двинуться с места. Потом Игорь подошел к Марине и попытался ее обнять, а мама обняла Бена. Марина вырвалась и потребовала, чтобы ее оставили наедине с матерью. Игорь воспротивился, но Марина так закричала, что он в испуге вышел из комнаты, увлекая за собой Бена.

Мама закрыла дверь в комнату, и я впервые увидел, какая она хрупкая. До самого прихода Луи, который привел с собой Йосси, она так и не позволила себе заплакать.

Мы долго ждали в гостиной, пока наконец из Касиной спальни не вышла Марина с опухшими от слез глазами.

— Я должна приготовить ее к погребению, — еле выговорила она, почти упав в объятия моей мамы.

— С первыми лучами солнца мама отправила меня в дом Мухаммеда сообщить о смерти Каси. Когда я пришел, он как раз пил чай, прежде чем отправиться в карьер.

— Кася умерла, — сказал я.

Сальма неподвижно стояла, ожидая слов Мухаммеда. А он, казалось, не видел и не слышал ничего вокруг. Он даже не взглянул на меня. Наконец, он поднялся и, закрыв глаза, привалился головой к стене. Ко мне подошел Вади и положил руку на плечо.

— Идите вместе сIZEKIИЛЕМ, мы придем потом, — сказал он отцу.

Мы с Мухаммедом молча направились к нашему дому. Когда мы вошли, тело Каси уже покоилось на чистых простынях, и в комнате пахло лавандой. Мама всегда использовала лаванду для очистки воздуха. Марина стояла на коленях у постели матери, а Игорь варил кофе.

Мухаммед подошел к Марине и молча протянул ей руку. Она встала и в минутном порыве обняла его.

— Мне жаль... Мне так жаль... — повторял Мухаммед срывающимся голосом. — Ты же знаешь, как я любил твою мать.

Марина вдруг отпрянула от него, по-прежнему заливаясь слезами. Мама деликатно обняла Мухаммеда, чтобы хоть как-то сгладить охватившую всех нас неловкость. Игорь молча вышел из дома, а Бен стоял, не сводя глаз со своей матери и Мухаммеда. Я бросился вслед за Игорем с чашкой горячего кофе в руках.

— Вот возьми, сейчас холодно, — сказал я ему, чтобы хоть как-то утешить.

Когда мы вернулись в дом, мама по-прежнему обнимала Мухаммеда; при виде этой картины Игорь почувствовал себя не столь униженным. Мухаммед шагнул навстречу Игорю и заключил его в объятия. Это был быстрый жест, обусловленный ситуацией.

— Кася была для меня второй матерью, — сказал он, утирая слезы ладонью.

Марина достала письмо матери, в которой та изъявляла свою последнюю волю. Письмо было очень коротким; по сути, Кася хотела лишь одного: чтобы ее похоронили под оливами в Саду Надежды.

Мы похоронили ее на следующий день — там, где она завещала. На похороны пришли все Зияды. Здесь были Мухаммед и Сальма со своими детьми Вади и Наймой; пришли также Айша и Юсуф, а с ними — Рами и Нур. Пришли даже Хасан и Лейла с сыном Халедом.

Никто из нас даже не пытался сдерживать слезы. Айша обнимала Марину, а Бен пытался спрятаться за спиной отца. Мне показалось, Игоря огорчает, что Марина ищет утешения в объятиях Айши, а не у его, своего законного мужа. Однако ни единого упрека не сорвалось с его губ.

Сейчас, в старости, когда у меня много свободного времени для раздумий, я вспоминаю те дни и удивляюсь выдержке и терпению Игоря. А еще преклоняюсь перед той беззаветной любовью, которую он питал к Марине.

Луи написал Самуэлю о смерти Каси, но так и не получил ответа.

Вернуться к нормальной жизни оказалось весьма непросто. После отъезда Самуэля и смерти Каси жизнь в Саду Надежды, казалось, утратила смысл. Я догадывался, что мама подумывает о том, чтобы переехать жить в город, предоставив Сад Надежды заботам Марины и Игоря. Я это знал, потому что слышал обрывки ее разговоров с дядей Йосси. Тем не менее, мы никуда не уехали; я уверен, что она решила остаться ради меня, чтобы не лишать меня корней и прошлого.

Бен по-прежнему упорствовал в своем желании поехать в кибуц. Он восхищался ребятами из кибуца — нашими ровесниками, которые готовили себя к борьбе, а иные уже воевали с немцами, казалось, с каждым днем подбирающимися все ближе к Палестине, с англичанами, всеми силами препятствовавшими иммиграции евреев, и с арабскими бандами, все чаще нападавшими на еврейские поселения.

Однажды мама спросила у Луи, что будет, если войска Роммеля вторгнутся в Палестину. Ответ Луи ее обескуражил:

— Мы можем лишь попытаться как-то исправить последствия, именно к этому мы и готовимся. Еврейские лидеры уже приняли необходимые решения. Британцы знают, что им не обойтись без нашей помощи.

Новости из Европы повергли нас в ужас. Мы, конечно, знали, что немцы свозят евреев в концлагеря, но даже в самых кошмарных снах не могли себе представить, что на само деле

представляют собой эти лагеря смерти. Мы знали, что евреев методично истребляют, как знали о трагедии в Варшавском гетто и о том, как травят по всей Европе этих несчастных.

Первое, что сделали люди из Ишува — обратились к британцам с просьбой позволить сражаться на их стороне.

В те времена британцы нам не доверяли, так что лишь немногим удалось добиться, чтобы их отправили на передовую, хотя кое-кого британцы все же определили во вспомогательные батальоны. Впоследствии они, впрочем, переменили свое мнение о нас и даже помогли создать Пальмах — особые войска самой «Хаганы».

В те дни произошли два события, пошатнувшие мою веру в человечество. Первым явился очередной скандал Луи и Михаила с Мойшей. Вернее, не столько сам по себе скандал, сколько его причина.

В тот день мы как раз собрались на традиционный субботний ужин и, хотя в последнее время избегали приглашать к себе Мойшу и Эву, в тот день они ужинали с нами. Ужин готовили мама с Мариной, а за столом, кроме Мойши с Эвой, сидели Игорь, Бен и я. Мы не знали, придет ли Луи, но мы уже привыкли его не ждать.

Все было хорошо, пока не явились Луи и Михаил. Они ворвались в дом, даже не поздоровавшись. Луи посмотрел на Мойшу полным ненависти взглядом, а Михаил, схватив за шиворот, рывком поднял его на ноги.

Все застыли, словно громом пораженные. Никто не мог понять, что происходит. Михаил отшвырнул Мойшу к стене; затем наотмашь ударил его по лицу, после чего пнул ногой в живот, и бедняга согнулся пополам. Эва с истошным криком вскочила из-за стола и бросилась к мужу. Мама с Мариной тоже поднялись и начали допытываться, что случилось, а Игорь попытался встать между Мойшей и Михаилом.

Но Михаил, словно разъяренный медведь, молча оттолкнул Игоря и вновь набросился на Мойшу, продолжая осыпать его полновесными ударами, от которых тот даже не пытался защититься.

— Ради Бога, прекрати! — кричала Эва, обнимая мужа и пытаясь заслонить его своим телом. — Ты с ума сошел!

Михаил резко оттолкнул ее — с такой силой, что она не удержалась на ногах и упала. Потом он дождался, пока Мойша встанет, и снова набросился на него с кулаками. Они дрались так яростно, что, казалось, гостиная превратилась в поле боя.

Мы с Беном застыли на месте, не зная, что делать. Тем временем Луи невозмутимо закурил, равнодушно наблюдая, как Михаил расправляется с Мойшей.

Но тут между ними бросилась моя мать; она не сомневалась, что Михаил не осмелится поднять на нее руку.

— Хватит! — крикнула мама. — Хватит уже! Или ты хочешь его убить?

— Да! Именно это я и собираюсь сделать!

Но мама оттолкнула Михаила и встала у него на пути с выражением грозной решимости на лице.

— В этом доме никто никого не убьет, — твердо сказала она. — Или тебе придется сначала убить меня.

Луи подошел к Михаилу и опустил руку ему на плечо, принуждая сесть.

— Ты уедешь отсюда сегодня же вечером, Мойша, — произнес Луи, и голос его был холоден, как лед. — Уедешь отсюда навсегда.

— Но почему, почему? — повторяла Эва сквозь слезы, держа на коленях голову мужа, чьи волосы слиплись от крови.

— Потому что мы не желаем иметь дела с убийцами, — спокойно ответил Луи.

— Что здесь происходит? — спросил Игорь, совершенно ошеломленный этой сценой кровавой бойни.

— Его друзья из банды Штерна собрались развязать собственную войну, — объяснил Луи, выпуская сигаретный дым. — А значит, подвергнуть опасности всех нас. Если вы и дальше будете совершать диверсии против англичан, а после этого от них скрываться, вам придется скрываться и от нас. И мне совершенно не нравятся ваши методы борьбы, из-за которых гибнут невинные люди.

— Мойша не имеет отношения к группе Штерна! — кричала Эва. — Вы же знаете, он состоит в «Иргуне»!

— И то, и другое — две стороны одной и той же медали, — закричал в ответ Михаил. — Обе организации омерзительны.

— Два дня назад Мойша встречался с одним из людей Авраама Штерна, — добавил Луи. — Причем уже не в первый раз. Не исключено, что твой муж перешел из «Иргуна» в «Лехи», группу Штерна, а ты об этом не знаешь.

— Да ладно вам, — сказал Игорь, которому эта сцена была глубоко неприятна. — В конце концов, поговорить с человеком — еще не значит быть соучастником преступлений.

— Хорошо, тогда давайте напрямую спросим у Мойши, — ответил Луи. — Мойша, скажи, правда ли, что ты вышел из «Иргуна» и вступил в «Лехи»? Отвечай: да или нет?

Марина подала Эве стакан воды для Мойши, но тот смог отхлебнуть лишь несколько глотков.

— Я не вступал в «Лехи», — еле выговорил Мойша дрожащим от боли голосом. — Я по-прежнему в «Иргуне».

— Ну что ж... В таком случае, ответь: о чем ты говорил с тем человеком из «Лехи»?

— Это один из друзей моего старшего сына, — едва смог выговорить Мойша, прежде чем все его тело затряслось в приступе кашля и из угла рта потекла струйка крови.

Эва ошеломленно смотрела на него, и мне стало ясно: что бы ни сделал Мойша, его жена ни о чем не знала.

— Но ведь твой старший сын живет в Хайфе, — напомнил Луи.

— Да, живет, — только и ответил Мойша.

— Значит, твой сын состоит в «Лехи»?

— Этого я не сказал. Но послушайте, разве человек отвечает за поступки друзей? Мой сын познакомился с ним в «Иргуне», а потом этот человек переметнулся к Штерну, вот и все, что мне известно.

— Допустим, но тогда скажи, что тебя с ним связывает?

— Я не имею отношения к «Лехи», — не сдавался Мойша. — Клянусь.

— В таком случае, расскажи, что у тебя за дела с этим человеком, — в голосе Луи зазвучал металл.

Мойша ничего не ответил. Эва с маминой помощью помогла ему встать.

— Уходи, Мойша, и постарайся больше не попадаться нам на глаза, — огласил Луи свой приговор. — И уж поверь, мы будем сотрудничать с британцами и сделаем все, чтобы ваших молодчиков упекли за решетку. Мы не желаем иметь дела ни с террористами, ни с предателями. Так что имей в виду: если не уберешься отсюда до рассвета, я сдам тебя

англичанам.

Когда Эва и Мойша покинули наш дом, все погрузилось в молчание. Марина намочила платок и подала его Михаилу, чтобы тот вытер кровь с лица.

— Ну хоть теперь-то вы можете объяснить, что произошло? — потребовал Игорь.

— Как ты помнишь, когда война закончилась, «Иргун» решил пойти по стопам «Хаганы» и прекратить борьбу с англичанами. Сейчас наш главный враг — Германия. Однако один из лидеров «Иргуна», Абрам Штерн, создал собственную группу и продолжает атаковать англичан. В «Хагане» стало известно, что люди Штерна готовят нападение на британских солдат и мирные жители тоже окажутся под ударом, — объяснил Луи. — Ты понимаешь, что это значит?

— Ты уверен, что не ошибаешься? — Игорь даже покраснел от волнения.

— Нам это известно из разных источников, — ответил Михаил, опередив Луи.

— Это очень серьезное обвинение, — сказал Игорь. — Даже если речь идет о людях из банды Штерна.

— В «Иргуне» даже слышать о них не хотят, — добавил Луи. — Больше того, если банду Штерна арестуют, в «Иргуне» даже не почешутся.

— К тому же «Иргун» — все же военная организация, — сказал Михаил. — Они никогда не утруждали себя долгими размышлениями, но сейчас даже они понимают, что у нас есть куда более серьезные враги, чем британцы.

— До чего же они мне противны! — воскликнул Бен.

— А ты точно уверен, что Мойша — один из них? — спросила мама.

— Он якшается с людьми Штерна, — напомнил Михаил.

— Но они действительно могут быть просто его друзьями или друзьями его сына. В конце концов, до недавнего времени все их друзья состояли в «Иргуне», — в свою очередь напомнила мама.

— Так или иначе, будет лучше, если они отсюда уедут, — сказал Луи, положив тем самым конец спору. — Еврейское агентство и «Хагана» нипочем не простят Штерна и его людей. Мойша знал, чем рискует, когда начал играть в эти игры.

Наверное, никто из нас так и не заснул в ту ночь. Я неустанно вглядывался в окна дома Мойши и Эвы, в которых до самого утра горел свет. Потом я увидел, как они грузят в повозку чемоданы и посуду. Эва плакала, но Мойша, казалось, не замечал ее слез и все покрикивал, чтобы она поторапливалась. К собственному удивлению, я вдруг подумал об отце: что бы он сказал, будь он здесь? Я так и не нашел ответа на этот вопрос.

— Не то чтобы нам будет их не хватать, — услышал я мамин голос. — Мы не так много с ними общались. Но мне отчего-то кажется, будто что-то изменилось, и Сад Надежды больше никогда не станет прежним.

Я обернулся — мама разговаривала с Мариной. Обе выглядели подавленными.

Марина кивнула. Она тоже ощутила ту пустоту, которая поселилась в коммуне, где она выросла, и где мой отец собрал под общей крышей обездоленных незнакомцев, которые потом стали друг другу роднее, чем кровные родственники.

Я не хотел никуда уезжать из Сада Надежды, ведь это был мой дом; но в то же время задавался вопросом, как и мама, что произойдет, если мы останемся здесь.

Мы с Беном обсуждали преступления банды Штерна.

— Я их ненавижу! — сказал Бен. — От всей души желаю, чтобы их поскорее поймали и

повесили. Я знаю, что Еврейское агентство и «Хагана» собираются сотрудничать в этом с британцами.

В конце концов Штерна все же поймали, хоть это оказалось и нелегко. Прежде Абрам Штерн всегда ускользал из рук англичан, но в 1942 году британцам удалось схватить его в одном из убежищ в Тель-Авиве: кто-то сообщил, где он скрывается.

Но прежде чем это произошло, мне довелось пережить новый удар.

В октябре 1941 года Бенито Муссолини со всеми почестями принимал муфтия в своем дворце на Венецианской площади в Риме. Газеты сообщали, что на встрече они пришли к выводу, что евреям не место ни в Палестине, ни в Европе.

Однако Муссолини был не единственным, кто принимал у себя муфтия, как дорогого друга; всего лишь месяц спустя Адольф Гитлер с не меньшими почестями принимал его у себя в Берлине.

Гитлер пообещал муфтию, что рано или поздно уничтожит всех евреев в Европе, а тот пообещал проделать то же самое на Востоке.

Правда, я не знал, что берлинские нацисты далеко не в первый раз принимали у себя муфтия Хусейни. Его закадычным другом стал сам Генрих Гиммлер, зловецкий глава СС. Мало того, муфтий настолько заморочил головы своим приверженцам, что они начали сотнями вступать в ряды немецко-фашистских войск. Его выступления на берлинском радио транслировались по всему Востоку. У Гитлера и муфтия была общая цель: уничтожение евреев — а заодно и британцев.

Когда мы у себя в Палестине узнали о первом визите муфтия в Берлин, я потребовал объяснений у Вади. Мне было очень больно, Ведь Вади был самым дорогим для меня человеком после мамы — а быть может, и наравне с ней.

Тогда мы с ним впервые поссорились. Он попытался объяснить, почему некоторые арабы поддерживают немцев.

— Ты же знаешь, что ни я, ни моя семья не поддерживаем действий муфтия. Мне самому было очень стыдно за него, когда я прочитал в газетах, что он принял сторону Германии. Но ты же не считаешь, что все арабы, которые поддерживают муфтия — нацисты и антисемиты? Они просто патриоты, которые стремятся защитить свою родину и желают, чтобы все британцы, французы — короче говоря, европейцы — убрались отсюда навсегда. Почему, скажем, египтяне должны жить под британским мандатом? Почему мы должны это терпеть? А французы, что оккупировали Сирию и Ливан?

— Допустим, я еще могу понять, что арабы сражаются против англичан; мы, кстати, тоже это делаем, хотя сейчас Бен Гурион призывает к сотрудничеству с ними в войне с Германией. Но одно дело — сражаться против британцев, и совсем другое — воевать на стороне Германии, понимая, как целенаправленно они уничтожают евреев. Ты разве не знаешь, что немцы свозят их в концлагеря и заставляют работать до полного изнеможения, пока они не умрут от голода и непосильной работы? В Европе просто не осталось такого места, где бы евреи не подвергались преследованиям: везде их травят, хватают и отправляют в лагеря.

— Я вовсе не разделяю ненависти муфтия к евреям, как и мой отец, и ты это прекрасно знаешь. Думаю, нет необходимости напоминать, что Омар Салем стал косо смотреть не нас именно потому, что отец не одобряет действий муфтия. Дядя Юсуф говорит, что Омар Салем больше ему не доверяет ему.

— Я знаю, как знаю и то, что у вас из-за этого были с ним проблемы, но все же...

Неужели никто не в силах остановить этого человека?

— Он — муфтий Иерусалима, и его род его древний и влиятельный. Ты и сам знаешь, что многие наши друзья погибли именно потому, что пытались ему противодействовать.

— Хочешь сказать, их убили. Значит, ты все-таки признаешь, как муфтий поступает с теми, кто не разделяет его мнения? Или ты думаешь, я не знаю, что жизнь твоего отца висела на волоске?

— Да уж! — признал он. — Если бы не дядя Юсуф, отца уже не было бы в живых.

— Но в таком случае...

— В таком случае, ты должен понимать, что многие поддерживают муфтия лишь потому, что считают его единственным, кто защищает интересы арабов. Многие из нас не имеют ничего против евреев, они — наши соседи и даже друзья, но при этом мы хотим остановить массовую иммиграцию. Палестина не должна принадлежать евреям; это не значит, что приехавшие раньше не могут здесь жить. Но иммиграции необходимо положить конец. Мы не можем мириться с тем, что англичане стремятся разделить нашу страну и забрать часть земли, чтобы передать ее Еврейскому агентству. По какому праву они пытаются это сделать?

Вади всегда был терпелив со мной и старался подробно все разъяснить, но так и не смог убедить меня в своей правоте. Я тогда был еще очень молод, и смог понять лишь, что кое-кто из моих школьных товарищей примкнул к нацистам, чтобы уничтожать нас, евреев. Разумеется, семья Зиядов не имела к этому никакого отношения, в этом я был совершенно уверен; Мухаммеду, как и самому Вади, было глубоко отвратительно все, так или иначе связанное с нацизмом; он откровенно смеялся над их рассуждениями о превосходстве арийской расы. Но я упорно отказывался понимать, как могли палестинские арабы примкнуть к этим нелюдям, что так стремились стереть нас с лица земли, как бы их ни раздражали хлынувшие в Палестину евреи.

В то время я был еще весьма наивен. Мама внушала мне с детства, что есть две породы людей: хорошие и плохие, и, каковы бы ни были обстоятельства, ничто нам не мешает держаться правильного пути. В конечном счете, никакая, даже самая благородная цель не оправдывает недостойных средств. Мама была в этом поразительно непреклонна. Так что я был уверен, что нет и не может быть никаких оправданий для людей Штерна, а до него — тех, из «Иргуна», которые добивались своих целей, отнимая чужие жизни. Точно так же мне было трудно понять, почему многие арабские националисты — причем, не только у нас в Палестине, но и в Египте, Ираке, Сирии и Ливане — даже не пытаются скрывать свои симпатий к нацизму.

То ли благодаря настойчивости Бена, то ли мама с Мариной решили, что перемены пойдут нам на пользу, но в конце концов они позволили нам на несколько месяцев поехать в кибуц. Предлогом для этой поездки стало наше желание навестить моего брата Даниэля, который жил в этом самом кибуце в Негеве. Вместе с нами поехали Михаил и Ясмин. Ясмин очень любила Даниэля — думаю, даже больше, чем нас с Далидой.

Я до сих пор не могу забыть тех слов, что сказала мне мама в день отъезда.

— Не такой жизни я для тебя хотела. Я хотела, чтобы мы все жили в мире, но, к сожалению, такова уж жизнь, мы сами творим будущее, в том числе и ты. Поэтому я считаю, что ты должен поступать так, как считаешь нужным, чтобы быть уверенным в своем будущем. Я прошу тебя лишь об одном: не питать ненависти к другим. Помни, что ты ничем не лучше и не хуже остальных. Иная вера еще не делает нас чьими-то врагами. Палестина так

и жила — до последнего времени. В пока Европе на протяжении многих веков преследовали евреев, здесь мы жили рядом с мусульманами. Если бы в был хоть какой-то смысл... Я сама не хочу никакого Еврейского государства, но тебе я не вправе указывать, чего ты должен хотеть, а чего не должен.

Лишь спустя годы я смог понять маму. Она была настоящей палестинкой, здесь она родилась и выросла, и многие поколения ее предков жили на этой земле бок о бок с другими палестинцами, от которых ее отличала только религия; эти различия никогда не были для нее проблемой. Она жила в Османской империи, а первый муж погиб, защищая эту империю. Поэтому она ничего не имела против турок, несмотря на все страдания, которые они нам причинили — так же, как и против англичан. Собственно говоря, для моей матери было не так уж важно, кто стоит у власти: турки или англичане. Поэтому она искренне не понимала тех борцов за свободу, которые мечтали создать собственное государство. Она хотела просто жить своей жизнью, любить, мечтать, смотреть, как растут ее дети и спокойно умереть. Все остальное не имело для нее значения.

Мы прибыли в кибуц весной 1942 года. Мой приезд стал для Даниэля настоящим сюрпризом. Брат так изменился, что я не сразу его узнал. Его кожа стала темно-оливковой под палящими лучами солнца, волосы отросли, а сам он теперь излучал чувство покоя. Я не был уверен, что он обрадовался нашему с Беном приезду; быть может, поэтому и предупредил, чтобы мы не рассчитывали на какое-либо поглажки или особые знаки внимания с его стороны. Это обещание он выполнил в точности. Он не делал никаких различий между нами и остальными ребятами, так что никому бы и в голову не пришло, что мы братья. Кроме того, он целыми днями молчал и всеми силами избегал встречаться со мной наедине. Даниэль никогда не чувствовал себя полностью своим в нашей семье, после того как мама сошлась с Самуэлем. Она нисколько не посчиталась с чувствами сына, когда снова вышла замуж, и еще меньше — когда родила новых детей; думаю, он чувствовал себя очень одиноким, когда жил вместе с нами.

Но я гордился тем, что он — мой брат, видя, с каким уважением смотрят на Даниэля остальные члены кибуца.

Теперь я могу признаться, чего мне стоило приспособиться к жизни в этом весьма специфическом сообществе. Разумеется, и в Саду Надежды наша жизнь была лишена какой-либо роскоши, но там у нас, по крайней мере, были отдельные комнаты и право на частную жизнь, куда никто не смел вторгаться. А кроме того, хотя в Саду Надежды и не всех связывало кровное родство, нас связывали узы даже более крепкие.

В кибуце не было начальства, решения принимались сообща, после обсуждения. Принятые решения все должны были выполнять беспрекословно.

Что касается разделения обязанностей, то здесь все оказалось просто: одну неделю нужно было работать на кухне, на следующей неделе — заниматься уборкой, а на третьей — работать в поле; но при этом все, абсолютно все члены кибуца обязаны были посещать занятия по самообороне.

И кто бы мог подумать, что Даниэль окажется таким замечательным тренером по самообороне. Брат обучал нас боевым приемам, которым его самого научили лидеры «Хаганы», отвечающие за боевую подготовку членов кибуца. Кроме того, Даниэль очень метко стрелял, а зарядить пистолет мог с закрытыми глазами. Он пользовался у молодежи большим авторитетом, поскольку был требователен, но при этом надежен и справедлив.

Как я уже говорил, он не давал поглажек ни мне, ни Бену. Спали мы в деревянном

бараке, где стояло в ряд несколько кроватей, которые мы должны были содержать в идеальном порядке. Всю первую неделю в кибуце я помогал на кухне: чистил картошку и убирал общую столовую. Свободные часы я посвящал изучению рукопашного боя. Я и раньше знал, что Даниэль является членом «Хаганы» и «Пальмаха», но даже представить себе не мог, что он окажется таким грозным бойцом. Оказывается, британцы, чье отношение к евреям было поистине непостижимым, помогали готовить кадры для «Пальмаха».

Кибуц находился в районе, где нападения арабских банд случались особенно часто, поэтому нам круглые сутки приходилось быть начеку. Все члены кибуца, и мужчины, и женщины, обязаны были принимать участие в обороне.

Теперь я понимал слова мамы, когда она сказала, что мне будет нетрудно привыкнуть к жизни в кибуце. Мужчины и женщины, основавшие в Палестине первые еврейские колонии, прибыли из России и привезли с собой коммунистические идеи, которые без долгих размышлений пытались воплощать на практике, так что тамошние порядки были для меня не внове. Единственным преимуществом была свобода: никто не следил, куда ты пошел, и не требовал делиться всем. Ты мог остаться в кибуце навсегда, если пришел к выводу, что именно жизнь в коллективе — это то, что тебе в жизни нужно, а мог покинуть его, и никто не стал за это осуждать.

Можно сказать, что кибуц того времени был настоящим социализмом в миниатюре.

При этом он был расположен на краю Негевской пустыни, и получать урожай с этой земли было крайне трудно. Мы выращивали овощи и сажали плодовые деревья, зная, что прежде чем они дадут первые плоды, пройдет несколько лет.

Казалось, Бен чувствовал себя там более счастливым, чем я. Ему нравились уроки самообороны, он всегда первым рвался на любую работу. Что же касается меня, то я давно бы уехал обратно в Иерусалим, если бы не боялся разочаровать Луи, Михаила, маму, Марину и даже Бена; поэтому я не смел и заикнуться о возвращении. Была и другая причина, почему я оставался в кибуце: впервые в жизни я влюбился.

Паула появилась в кибуце спустя месяц после нас с Беном. Мне она сразу понравилась. Отец ее был немцем, а мать — полячкой. Гремучая смесь, надо сказать: слишком уж много у поляков и немцев исторических обид и взаимных претензий.

Отец Паулы был дирижером, а мать играла на виолончели; до войны они играли в одном оркестре, затем поженились, и у них родилась Паула. Они жили в Берлине, но им удалось уехать оттуда раньше, чем начались массовые аресты евреев. Затем они какое-то время жили в Стамбуле, где едва сводили концы с концами.

— Отец давал уроки музыки, — рассказывала Паула. — Этого едва хватало на хлеб.

Через несколько месяцев ее отец пришел к выводу, что его место в Палестине, и они приехали сюда, чтобы обосноваться на этой земле.

— В Стамбуле нам пришлось трудно, но там, по крайней мере, никто не смотрел на нас, как на каких-то чудовищ. Ты даже не представляешь, какой это был позор, когда мне пришлось идти в школу со звездой Давида, нашитой на пальто. В Германии быть евреем вдруг стало позорно. Из всего класса только у двух девочек хватило мужества остаться моими подругами. Они даже приглашали меня в гости, несмотря на возмущение родителей, которые боялись, что их обвинят в дружбе с евреями.

Паула мечтала заниматься музыкой и, если бы не нацисты, продолжала бы брать уроки фортепиано, на котором стала играть едва ли не раньше, чем научилась ходить. Но в Стамбуле у них не было денег, чтобы купить фортепиано, и ей пришлось довольствоваться

уроками игры на виолончели, которые давала ей мать.

— Но мне это не нравится. Надеюсь, что когда-нибудь я снова смогу учиться на фортепиано.

Я не стал ее разубеждать, хотя мне самому казалось немислимым, чтобы в этом забытом Богом углу на краю пустыни когда-нибудь могло появиться пианино. Не говоря уже о том, чтобы в кибуце кто-нибудь решил, что подобная роскошь там вообще нужна. В кибуце каждый грош был на счету, и его обитателям требовалось слишком много более необходимых вещей, чтобы кому-либо пришло в голову купить пианино.

Я замечал, что Пауле, как и мне, трудно найти свое место в кибуце. Она ни на что не жаловалась, но я видел недоумение, а порой и настоящую боль в ее огромных карих глазах. Труднее всего ей оказалось приспособиться к общей жизни в одном бараке вместе с другими девочками, а также необходимости мыть уборную — эту почетную обязанность возложили на нее в первую же неделю пребывания в кибуце. Ко всему прочему, она еще и не знала иврита. Во время жизни в Стамбуле она выучила турецкий, а также с грехом пополам могла объясниться на английском, на котором мы и общались.

Я предложил обучить ее ивриту, а она взамен будет учить меня немецкому. Разумеется, я хотел ей помочь, но прежде всего это послужило поводом постоянно находиться с ней рядом.

Таким образом, поздними вечерами, если никто из нас не уходил в это время в дозор, мы с Паулой давали друг другу уроки.

В то лето 1942 года я получил письмо от Вади, где он сообщил, что собирается поступить в британскую армию. Тогда всюю формировались палестинские батальоны из евреев и арабов, и он тоже решил вступить в борьбу. Прочитав его письмо, я едва смог сдержать слезы.

«Я принял это решение, потому что считаю, что не вправе оставаться в стороне, когда весь мир охвачен войной. Кое-кто из моих друзей считает, что муфтий Амин аль-Хусейни прав, поддерживая отношения с Гитлером, поскольку они думают, что война с Германией ослабит Англию и поможет нам освободиться от английского ига. Я совершенно с ними не согласен. Даже если они правы, и Германия победит в этой войне, мы станем всего лишь частью той новой жуткой империи, о которой мечтает Гитлер.

Отец помог мне разрешить сомнения и принять наконец решение. Ты знаешь, он всегда говорит, что иногда единственный способ спастись — это убить или умереть. И если мне суждено погибнуть, то я буду знать, что отдал жизнь за то, чтобы Гитлер не стал властелином мира. А если суждено убивать — то я сделаю это во имя той же цели.

Сейчас я в Тель-Авиве, прохожу курс молодого бойца, но думаю, это ненадолго. Скорее всего, нас пошлют в Египет.

Береги себя, Изекииль».

Так Вади отправился на войну с Гитлером. После этого я стал еще больше им восхищаться, думая при этом, что, будь я на пару лет постарше, тоже мог бы отправиться на фронт.

Наконец, 2 ноября 1942 года британская армия разгромила немцев в Ливии, в битве при Эль-Аламейне. Эта новость стала для нас настоящим праздником. Было решено приготовить праздничный ужин и устроить вечерний костер с песнями, который предполагалось развести на площадке перед воротами кибуца.

Даниэль похвалил меня за успехи в изучении языков. В то время как Паула по-прежнему

с большим трудом говорила на иврите, мое обучение немецкому языку шло гораздо быстрее.

Иногда я сопровождал Даниэля во время его визитов в арабские деревни, где он покупал продукты и материалы для нужд кибуца. Я, как и Даниэль, разговаривал преимущественно на арабском. С детства я выучился разговаривать сразу на обоих языках, и до сих пор не могу сказать, какой из них мне роднее, хотя, учитывая происхождение, на первом месте должен быть иврит.

Время от времени меня навещала мама. Она приезжала в сопровождении Луи или Михаила, а я очень беспокоился, замечая, что с каждым разом она все больше стареет. В ее волосах мелькало все больше седины, а глаза совсем погасли. Думаю, она надеялась, что я захочу вернуться домой; она была бы счастлива, если бы я в этом признался. Но я был слишком влюблен в Паулу и ни за что на свете не согласился бы с ней расстаться.

Однако после очередного приезда Михаила Бен убедил меня, что пришло время снова поменять жизнь. Это случилось в конце 1943 года, когда мне исполнилось восемнадцать.

— Я собираюсь поступить на службу в британскую армию, — заявил он. — Михаил обещал поспособствовать. Мы договорились, что он мне напишет, и тогда я вернусь в Иерусалим, а оттуда поеду в Тель-Авив. Я хочу воевать в Европе; не желаю оставаться здесь, зная, что миллионы евреев томятся в тюрьмах и лагерях, куда их согнали нацисты...

— Но здесь мы тоже сражаемся, — возразил я. — Представь себе, что будет, если Роммель вторгнется в Палестину...

— Англичане его просто сомнут. Здесь он проиграет.

Мне совсем не хотелось расставаться с Паулой. Больше того, мы с ней уже решили, что поженимся. Мама знала о наших отношениях и несколько не возражала. Она сказала, что все будет так, как я решу, хотя ей бы хотелось, чтобы мы с Паулой жили в Саду Надежды. Но Паула сказала, что наше место — здесь, в кибуце, а мне не хотелось с ней спорить.

Бен со дня на день ждал вестей от Михаила, чтобы поскорее вернуться в Иерусалим и поступить в Британскую армию.

Вслед за ним я тоже начал задумываться: не следует ли и мне сделать то же самое. Мне стало казаться, что оставаясь здесь, я совершаю предательство по отношению к тысячам евреев, что неустанно молятся, чтобы союзные войска одолели Германию.

Тем не менее, именно Паула, сама того не желая, заставила меня принять решение. Однажды ночью, когда мы с ней были в дозоре, она рассказала, как страдала вместе с родителями, глядя, как их друзей увозят в лагерь. Больше они о них никогда не слышали. Именно это обстоятельство заставило ее семью бежать, чтобы их не постигла та же участь.

Внезапно она спросила:

— Ты в самом деле все эти годы ничего не знал об отце и сестре?

Эти слова словно раскаленной иглой пронзили мой мозг. Я вычеркнул Самуэля и Далиду из своей жизни, и все эти годы старался о них даже не вспоминать.

Когда я на следующий день разыскал Бена, он копал канаву.

— Ты поедешь со мной, правда? — спросил он, не глядя на меня.

Мы выросли вместе, были друг другу почти что братьями и знали друг друга настолько хорошо, что с одного взгляда понимали, что творится в голове у другого.

— Ты прав, мы нужны там, чтобы сражаться с немцами. Потом у нас будет достаточно времени, чтобы навести порядок здесь.

Ко времени нашего прибытия в Иерусалим Луи и Михаил уже получили у британцев все необходимые документы, и мы могли ехать на фронт. За время пребывания в кибуце мы

научились обращаться с оружием и освоили некоторые приемы рукопашного боя; англичанам нужны были люди, способные сражаться с оружием в руках. Евреи сражались в английских батальонах в Греции, Эфиопии и Эритрее. Они выполняли задания британского командования в Тунисе, Ливии, на Ближнем Востоке. В военно-воздушных силах британской армии было немало евреев-летчиков; хватало их и в других войсках.

Самым тяжелым для меня оказалось прощание с мамой. Бен признался, что для него тоже, хотя ни Мириам, ни Марина не пролили ни слезинки, лишь умоляя нас постараться вернуться живыми. А вот Игорь не сумел скрыть своей тревоги и, прощаясь с сыном, крепко обнял его и не выпускал, казалось, целую вечность.

Перед отъездом мы зашли проститься в дом семьи Зиядов. Мухаммед снабдил нас кучей добрых советов: ведь он не понаслышке знал, что такое война, и понимал — нет никакой романтики в том, чтобы убить другого или умереть самому, неважно, какими высокими идеями прикрывают страшную правду.

Найма спросила, знаю ли я что-нибудь о ее брате Вади, от которого уже на протяжении нескольких недель не приходило ни весточки.. А Рами, сын Айши и Юсуфа, мой прежний товарищ по играм, взял с меня слово, что я буду себя беречь.

— И ты уж не пропадай, а то я, чего доброго, поеду тебя искать, — сказал он с улыбкой.

Я спросил, почему он не вступит в ряды Союзных войск, как его кузен Вади. Я заметил, как смутил его вопрос. На самом деле очень немногие арабы сражались в Союзных войсках. Муфтий делал все возможное, чтобы лично убедить мусульман вступать в ряды нацистов, неустанно выступая по радио и призывая арабов не оказывать какой-либо помощи Союзникам, которых считал злейшими врагами.

— Ты же знаешь, никто в нашей семье не разделяет политики муфтия, — ответил наконец Рами. — И если я не еду с тобой, то лишь потому, что сам не знаю, нужна ли мне эта война. Хотя Гитлер, признаюсь, мне не нравится. Только сумасшедший может всерьез поверить, что одна раса лучше, а другая — хуже. К тому же, если он решил завоевать Европу, то потом может решить захватить и весь мир. Как знать, не станут ли именно немцы нашими новыми хозяевами? Нет, Изекииль, я не поеду на войну, но искренне надеюсь, что ты вернешься домой и во всех своих сражениях одержишь победу.

Я знал, что настоящая причина его отказа ехать на фронт была совершенно иной: Рами не стал регистрироваться лишь потому, что не хотел компрометировать отца. Омару Салему ничего не стоило избавиться от Юсуфа, если бы его сын решил сражаться на стороне британцев.

Айша плакала, не стесняясь присутствия детей; Рами и Нур даже упрекали ее:

— Мама, не надо плакать. Ты же не хочешь, чтобы Изекииль уезжал расстроенным?

На следующее утро к нам пришли все Зияды, чтобы пожелать мне удачи.

До сих пор помню последние мамины слова, которые она прошептала мне на ухо:

— Если уж едешь в Европу, постарайся разузнать, как там Самуэль и Далида. Столько лет мы ничего о них не слвшали...

Меня удивило, почему она вдруг заговорила о них. Все эти годы мы о них даже не вспоминали, словно их никогда не существовало. Тем не менее, я дал маме слово, что постараюсь узнать.

На Тегеранской конференции Сталин потребовал, чтобы союзники открыли Западный

фронт. Советский Союз из последних сил сражался на Восточном фронте, и Гитлер считал его капитуляцию лишь вопросом времени. Мы с Беном прибыли на фронт, лишь когда союзные войска высадились в Нормандии. Перед этим мы прошли в Тель-Авиве курс молодого бойца, однако было бы откровенной ложью сказать, что мы готовы к войне.

Очень нелегко убить человека, во всяком случае, в первый раз — особенно, когда видишь перед собой его лицо. Прибыв в свой полк 3-ей пехотной дивизии под командованием Монтгомери, я получил назначение в Кан — небольшой городок неподалеку от Нормандии. Этот городок, тем не менее, оказался ключевым пунктом; его атаквали и 21-я танковая дивизия, и 12-я дивизия СС Гитлерюгенда, и 101 батальон СС, и, наконец, Учебная танковая дивизия. Мы оказались буквально зажаты между этими вражескими подразделениями. Это место врезалось в мою память как самое кошмарное место в мире; таковым оно и останется для меня навсегда, ибо именно там я узнал, как это непросто — убить человека, который смотрит тебе прямо в глаза.

Я помню сержанта по фамилии О'Коннор. Солдаты, похоже, его уважали.

— Я же просил солдат, а не сосунков, — сказал он, оглядывая наш взвод. — Невовремя вы прибыли, ребята: сегодня ночью нас атакуют.

Несколько человек нервно засмеялись. Я подумал, что их насмешила решимость, с которой я ответил, что мы всей душой рвемся в бой.

— Ну, думаю, скоро у вас поубавится рвения, — ответил он, снисходительно поглядев на меня.

Когда мы покинули импровизированный штаб, я шепнул идущему рядом со мной Бену:

— Слушай, откуда он знает, что сегодня ночью немцы нас атакуют? Они что, об этом сообщили?

Я не обратил внимания на идущего позади британского офицера; поначалу я даже не заподозрил в нем военного, поскольку одет он был в штатское. Позже я узнал, что он из разведки.

— Он знает, он всегда все знает. Так что будьте готовы, немцы нападут совершенно точно.

Я покраснел, но тут же взял себя в руки, чтобы поприветствовать майора, которого, как я узнал позже, звали Мэтью Уильямс.

— Простите... сэр... — пробормотал я смущенно.

— На позиции, — приказал он. — Сержант сказал, что с наступлением темноты начнется атака, у нас не так много времени.

Двух часа мы просто болтали. Потом подошел один из солдат из нашего взвода.

— Ну и ночка. Сигаретки не найдется?

Бен равнодушно протянул ему сигарету.

— Вы еврей? — спросил солдат, его звали Давид Розен.

Мы с Беном, оскорбленные этим вопросом, с вызовом уставились на него.

— Да, — ответил я. — А в чем дело?

Давид хлопнул меня ладонью по спине. Он едва не сбил меня с ног, поскольку был намного сильнее и выше ростом, но я сразу понял, что этот хлопок выражал дружескую симпатию.

— Я тоже еврей, — признался он. — Поэтому мы и сражаемся лучше остальных. А знаешь, почему? Потому что у нас больше причин сражаться, чем у кого-либо другого. Тысячи евреев, гниющих заживо в лагерях смерти, ждут, пока мы их освободим и поможем

вернуться домой. И мы это сделаем.

Давид понравился мне с первого дня. Я даже как-то признался Бену, что он мне кажется таким же еврей, как и мы. Когда я с ним познакомился, ему было около двадцати пяти лет, и он обладал такой силой, что все просто поражались. Как-то у нас сломался джип, и мы не знали, как убрать его с дороги, Давид вручную откатил его на несколько метров с такой легкостью, словно этот джип ничего не весил. Однако он отличался не только недюжинной силой, но и великолепными мозгами. Он учился в Кембридже на инженера и любил говорить, что решение любой проблемы следует искать в математике.

Давид родился в Мюнхене, но его мать была англичанкой, и он с детства жил в Англии. Он признался, что ему становится стыдно, когда его называют «немцем».

В тот вечер мы вместе курили сигары, которые носили с собой в ранце, и холод немного отступил.

Дождь пропитал землю насквозь, так что даже в окопах и траншеях невозможно было укрыться от холода и сырости.

О'Коннор не ошибся: едва на землю упали сумерки, немцы открыли огонь. Мы ответили им дружными залпами. Несколько часов мир вокруг превратился в нескончаемый гром выстрелов, перемежающийся криками офицеров, отдающих команды.

Сам не знаю, как это могло случиться, но вскоре до меня донесся голос майора Уильямса, он кричал, что немцы идут на штурм наших окопов. На миг я застыл, словно парализованный, не зная, что делать, но тут Бен схватил меня за плечо и велел мне примкнуть штык.

— Пусть нацисты узнают, что такое палестинский штык! — выкрикнул он, чтобы хоть как-то меня подбодрить.

Вскоре я его увидел. Он казался лишь немногим старше меня. Я увидел его холодный взгляд, полный горькой ярости жест и непримиримую решимость во что бы то ни стало меня убить. Он видел меня лишь долю секунды, но и этого достаточно, чтобы убить. Однако мне повезло. На войне выживание — еще и вопрос удачи. Тот солдат внезапно споткнулся, и это дало мне лишнюю секунду времени, чтобы вонзить штык ему в живот. Я видел, как он упал мне под ноги, корчась от боли и стараясь последним усилием достать меня штыком. Я отшвырнул ногой его винтовку и смотрел, как она падает и покрывается грязью. Следующий уже не застал меня врасплох; не теряя времени, я выстрелил в упор, а потом — еще и еще...

Потом я вдруг почувствовал, как кто-то пытается меня оттащить, крича при этом, чтобы я успокоился. Оказалось, что это Давид трясет меня за плечо, стараясь привести в чувство.

— Успокойся, он уже мертв, — повторял он, пока я снова и снова вонзал штык в тело солдата, который продолжал смотреть на меня широко открытыми глазами.

— Мы победили? — спросил я, как если бы речь шла о детской потасовке.

— Думаю, да, ведь мы по-прежнему в окопах. Полковник приказал здесь прибраться, иначе скоро тут нечем будет дышать от трупной вони.

Последующие дни мало чем отличались от первого. Нас атаковали. Мы отражали атаки. Мы убивали их. Они убивали нас. Очень скоро я привык к этой ужасной рутине и перестал об этом задумываться. Я просто убивал, чтобы выжить, постаравшись отключить все пять чувств, которые здесь только мешали.

Примерно через месяц моего пребывания в этом аду майору Уильямсу потребовались добровольцы для выполнения некоего задания «в тылу врага».

— Мне нужны люди, знающие французский и немецкий, — сказал он.

Мы с Давидом вышли вперед. Давид был немцем, но изучал в школе французский язык и знал его довольно хорошо; что касается меня, то я говорил по-французски, как истый парижанин, а благодаря Пауле достаточно бегло научился говорить по-немецки.

— Нам предстоит пробраться на территорию Бельгии и встретиться с одним из членов Сопротивления, которого прячут на ферме. Он обладает важной информацией. Верховному командованию он нужен живым.

Нам объяснили подробности задания. Отправлялось трое — я, Давид Розен и капрал по имени Тони Смит — под началом майора Уильямса. Мы сняли мундиры и переоделись в гражданское. Майор объяснил, что, если нас задержат немцы, то расстреляют как шпионов.

— Те, кто одет в военную форму, еще могут надеяться, что их направят в лагерь для военнопленных, но нам придется выдавать себя за мирных жителей, чтобы не привлекать лишнего внимания. У нас будут только пистолеты и по паре гранат на каждого.

Мы дождались, когда метеослужба сообщила, что ночь предстоит темная и безлунная. Несмотря на то, что мы крепко удерживали линию фронта, майор Уильямс всерьез опасался, что немцы могут вернуться. И он был прав: стычки и перестрелки по-прежнему случались довольно часто.

Я помню, как мы нескончаемо долго ползли по грязи, изо всех сил стараясь не шуметь, чтобы немцы нас не обнаружили. Мы не решались даже поднять головы, пока майор Уильямс не подал условный сигнал. Тогда мы встали и собрались вокруг него.

— Отсюда нам предстоит пройти десять километров, прежде чем прибудем на ферму. Разведка сообщила, что эта ферма сейчас пуста. Там мы будем ждать, пока за нами придут. После этого нам предстоит добираться собственно до места встречи — это еще двадцать километров от той фермы. Там нас будет ждать человек из Сопротивления. Забрав «посылку», мы тронемся в обратный путь. Вопросы есть?

Вопросов не было, и мы молча двинулись через лес, прислушиваясь к каждому шороху. Ночь была темной и безлунной. Густой лес, наш союзник, заботливо укрывал нас от чужого глаза. Тем не менее, я всеми силами старался не шуметь, боясь, что при первом же шорохе немцы нас обнаружат. Мы договорились, что, если немцы нас все же задержат, разговаривать с ними будет Розен. В конце концов, он ведь немец. Отец Смита, правда, тоже был немцем, но его мать была родом из Бата, и сам он тоже родился в Англии и до войны ни разу не покидал ее пределов. Он, правда, хорошо говорил по-немецки, но акцент все же его выдавал.

Первые километры мы прошли без особых происшествий. На ферму прибыли уже в сумерках. Хотя я бы сказал, что ферма — слишком пышное название для этой халупы, у которой не было даже крыши. Уильямс заявил, что нужно отдохнуть, пока не придет проводник, по совместительству — один из связных.

Я так и не смог уснуть, даже не пытался — настолько был возбужден. Мне до смерти хотелось закурить, но я не имел права этого делать. Целый день мы терпеливо ждали. Тони в бинокль разглядел отряд немцев. Мы уже было забеспокоились, что им придет в голову заглянуть на нашу ферму, но они благополучно прошли мимо.

Часы тянулись бесконечно. Мы ждали молча, один лишь Давид Розен осмелился спросить вслух, что будем делать, если никто так и не придет.

Мы прождали еще целый день, и, наконец, с наступлением темноты я услышал

приближающиеся к нам легкие шаги. Была как раз моя очередь нести караул, но я догадывался, что товарищи тоже не спят.

Я держал наготове заряженный пистолет с глушителем, и убрал его лишь тогда, когда увидел этого человека и понял, что он именно тот, кого мы ждали. Это был уже пожилой человек; думаю, за семьдесят. Однако двигался он легко и проворно. По моему требованию он поднял руки и приблизился. Я тщательно обыскал его и спросил, кто он такой. Незнакомец в ответ произнес фразу-пароль:

— Не знаю, пойдет ли снег.

Тогда майор Уильямс выступил из тени и велел незнакомцу подойти ближе.

— Я наткнулся на парочку патрульных недалеко отсюда, — сказал тот. — Они меня не видели, но мы должны соблюдать осторожность. Так вы готовы?

Мы дружно кивнули, желая поскорее выбраться из этого места.

— Нам предстоит пройти пешком несколько десятков километров, — продолжал незнакомец. — А сейчас я должен отдохнуть хотя бы пару часов. Выходим с наступлением темноты: так мы меньше рискуем, что нас обнаружат.

С этими словами он калачиком свернулся в углу и заснул мертвым сном. Мы сидели тихо, боясь его потревожить. Спустя два часа он открыл глаза, и мы отправились в путь.

Мы едва успели спрятаться, когда около четырех часов утра нарвались на немецкий патруль. И едва не попались, уже собираясь покинуть свое укрытие, когда один из солдат отчего-то решил задержаться. Тони наступил на сухую ветку, и треск прозвучал, словно раскат грома. Немец услышал и начал озираться по сторонам, однако мы больше ничем себя не выдали. Майор предупредил, что нужно затаиться и сидеть тихо, и мы не решились покинуть убежище еще много времени после того, как солдат удалился.

Мы прошли уже восемь километров, когда наступил рассвет; к тому времени мы совсем выбились из сил. Проводник сказал майору Уильямсу, что не мешало бы устроить привал, отдохнуть и что-нибудь поесть. Мы присмотрели в лесу укромный уголок, хорошо защищенный от посторонних глаз.

До цели оставалось лишь несколько километров, но проводник решил, что нам следует отдохнуть до следующей ночи. Почти сразу он вновь заснул, а нам осталось лишь охранять его сон: сначала караулили мы с Тони, потом нас сменили майор и Давид.

Когда мы снова собрались в путь, начался дождь, и последние несколько километров стали настоящим кошмаром.

Уже стемнело, когда мы наконец добрались до фермы. Проводник велел спрятаться среди деревьев, а сам отправился на ферму — проверить, все ли в порядке. Мы видели, как он быстрым шагом приближается к дому и толкает входную дверь. Я не помню, много ли прошло времени, пока он вернулся, но эти минуты показались нам вечностью. Наконец, он вышел и приглашающе помахал нам рукой; мы с опаской двинулись к дому.

Хозяевами фермы оказалась супружеская пара, мужчина и женщина средних лет.

— Они из Сопротивления, — пояснил проводник.

Хозяйка угостила нас обедом — супом и тушеным кроликом — и предложила высушить у камина одежду. Ее муж объяснил, что человек, которого мы должны забрать, еще не прибыл.

— И где же он? — поинтересовался майор Уильямс, и в его голосе я отчетливо

расслышал нотки подозрения.

— Не знаю. Нам известно лишь то, что этот человек должен прийти на ферму и его заберут британцы. Больше нам ничего не сказали, и мы не уверены, что хотели бы знать больше. Чем меньше мы знаем, тем лучше для всех; если попадем в руки Гестапо, они заставят развязать языки.

Хотя хозяйка прилагала все усилия, чтобы мы чувствовали себя как дома, все нервничали, обеспокоенные задержкой. Проводник, впрочем, казался спокойным.

— Думаете, так легко добраться сюда из Германии? Могло случиться что угодно. Мы должны ждать два дня, и если «посылку» не доставят, я просто провожу вас обратно.

— А что, если эта «посылка» попала в лапы немцам? — спросил обеспокоенный Смит. — Тогда нам в любую минуту следует ожидать нападения.

— Ну что ж, мы успеем прикончить немало гадов, прежде чем они до нас доберутся, — улыбнулся Давид, не сомневаясь, что эти слова нас утешили.

Однако два дня ждать не пришлось: «посылка» прибыла уже следующим вечером. Я как раз отдыхал в комнате наверху, когда меня вдруг разбудили чьи-то шаги и шепот. Спустившись вниз, я обнаружил в гостиной двоих незнакомых молодых людей и пожилую женщину. Сколько ей могло быть лет? Вероятно, все шестьдесят, точно сказать не могу; помню только, что женщина была в возрасте, довольно полная и малопривлекательная.

Она представилась как фройляйн Аделина. Двое сопровождающих ее молодых людей выглядели еще более измученными, чем женщина, и охотно согласились выпить чашечку чая и съесть кусок пирога.

Майора Уильямса несколько не удивило, что «посылкой» оказалась женщина. А вот я очень удивился, хотя и ничего не сказал, как, впрочем, и Давид Розен, а Тони Смит, не сводил с нее любопытных глаз.

— До утра понедельника меня никто не хватится, — заверила она. — В четверг я сказала в своей конторе, что не слишком хорошо себя чувствую.

— Когда вас начнут искать? — спросил майор Уильямс.

— Думаю, около полудня. Подругу может встревожить мое отсутствие, вероятно, она позвонит мне домой. Я живу одна, так что, если не отвечу, она может предположить самое худшее. Поскольку я живу недалеко от места работы, она вполне может наведаться ко мне домой и, обнаружив, что я не открываю дверь, чего доброго, позовет консьержку, а там...

— Итак, у нас еще несколько часов в запасе, — пробормотал майор.

— А также есть фургон для перевозки скота, который уже ждет, чтобы доставить нас к старой взлетно-посадочной полосе, куда мы должны прибыть к двенадцати часам, — сказал проводник.

— Как вы сюда добрались? — спросил Тони, не замечая осуждающего взгляда майора.

— На машине, разумеется, — ответил один из ребят. — Мы четыре раза меняли машины.

— Чем раньше выедем, тем лучше, — добавил другой.

— Мы недалеко от посадочной полосы, — ответил майор Уильямс. — Если поторопимся, у нас будет достаточно времени, пока небо чистое, — ответил майор Уильямс.

— Нужно рискнуть. Эти люди уже сделали свое дело, — вмешался проводник, кивая на хозяев фермы.

Майор Уильямс не стал спорить. Как только фройляйн Аделина и сопровождающие ее молодые люди поели и немного отогрелись, мы все забрались в старый фургон для

перевозки овец. Животные, возмущенные вторжением, встретили нас недовольным бляньем, но в конце концов нам удалось вполне удобно устроиться среди них.

Я не переставал наблюдать за фройляйн Аделиной. Я не понимал, чем эта женщина так привлекла Тайную службу, и мне очень хотелось расспросить об этом майора Уильямса, но приходилось сдерживать свое любопытство.

По дороге нас обогнала колонна немецких танков. Парнишка, сидевший за рулем нашего фургона, свернул на обочину, они с проводником, тоже сидевшим в кабине, приветливо помахали танкистам руками. Мы все по-прежнему оставались в кузове среди овец, держа наготове пистолеты, готовые в любую минуту открыть стрельбу, понимая при этом, что у нас нет никаких шансов. Но, видимо, Бог был на нашей стороне, поскольку немцам не пришло в голову ни остановить фургон, ни даже спросить, куда он направляется.

Когда мы добрались до старой взлетно-посадочной полосы, нас встретили двое мужчин, ожидающих по радиации сообщения о прибытии самолета, чтобы подать пилоту знак, где его посадить. Думаю, все облегченно вздохнули лишь оказавшись в салоне самолета, когда он поднялся в воздух. А фройляйн Аделина снова меня удивила: в самолете она безмятежно заснула, словно обычная туристка.

Я так никогда и не узнал, кем была эта женщина и где работала, что именно она знала и чем представляла такую ценность для разведслужбы. Как-то я все же спросил об этом майора Уильямса, он ответил, что это меня не касается. Я не стал с ним спорить.

Когда мы вернулись во Францию, прежде чем я вернулся в свой батальон, майор Уильямс сделал мне предложение.

— Вы хотели бы работать со мной? — спросил он. — Сами уже поняли, чем я занимаюсь.

Я ответил, что подумаю.

Работа в тылу врага казалась мне заманчивой, но я не был уверен, что хочу всю войну исполнять какие-то непонятные поручения.

Меня удивило, что майор Уильямс проникся ко мне таким доверием. Мне было всего девятнадцать лет и, хотя за эти месяцы войны я возмужал, мне явно не хватало опыта и подготовки, чтобы встать на стезю разведчика.

— Скажите, майор, — осмелился я спросить, — почему вы хотите, чтобы этим занялся именно я?

— Думаю, вы обладаете всеми необходимыми качествами, — сказал он. — Вы спокойны, уравновешены, не лезете в герои, а просто делаете свою работу; да и внешность у вас самая подходящая: вы не слишком высокий, но и не маленький, не худой и не толстый, у вас каштановые волосы и обычное телосложение, вы превосходно говорите как по-французски, так и по-английски, и по-немецки. Таким образом, вы обладаете одним очень важным качеством, необходимым именно для этой работы: не привлекаете к себе лишнего внимания и сможете оставаться незамеченным.

— Как вы.

— Да, как я.

— Но я не уверен, что хочу провести войну в роли шпиона.

— Полагаю, это уже решено.

— Мне нужно время подумать.

— Время? — спросил он. — Вы говорите о времени? Считаете, оно у нас есть? Это война, и выбор только один: либо мы, либо они. У нас нет времени — ни единой секунды.

Я посмотрел ему прямо в глаза. Мы не мигая глядели друг на друга; думаю, он уже знал, что я отвечу.

— Мы потеряли связь с одним из наших агентов во Франции, — сказал он. — Самолет доставит вас туда. Выясните, что с ним случилось, и возвращайтесь.

— Все так просто? — спросил я, зная, что вопрос вызовет у майора Уильямса новый приступ раздражения.

— Не сомневаюсь, что вы справитесь, — ответил он с усмешкой.

Это было не последнее задание, на которое он меня послал. После этого я принимал участие еще в двух вылазках.

После возвращения из последней вылазки в тыл врага я попросил майора вернуть меня в батальон.

Я стоял перед ним, рапортуя о выполненном задании и, как всегда, тщательно пересказывая все подробности. Он задавал мне все новые и новые вопросы, на которые я столь же подробно отвечал. Наш обычный ритуал.

— Ну что ж, вы вернетесь на фронт, — сказал он вдруг после того, как узнал все, что хотел.

— Сэр, я хочу вступить в Еврейскую бригаду, — попросил я. — Мне известно, что вы набираете добровольцев из различных подразделений.

Услышав мою просьбу, майор задумался.

— Да, наверное, вам будет лучше среди своих, — сказал он наконец.

Через несколько дней меня перевели на север Италии, в местечко Тарвизио, неподалеку от австрийской и югославской границ. Там я и воевал до самого конца войны. Линия фронта проходила через Сербию, где кроме нашей бригады действовали и другие подразделения.

Бен перевелся в Еврейскую бригаду чуть раньше меня, и я очень рад был с ним увидеться, как и с Давидом Розеном.

— В бригаде есть евреи из разных стран, но никого из Палестины, — объяснил Бен.

— Генерал Эрнест Бенджамин — превосходный боец и тоже еврей. Он служил в Королевских инженерных войсках, — добавил Давид.

Многие из тех, кто состоял в нашей бригаде, раньше уже воевали в других британских подразделениях, так что наши новые товарищи не были новичками.

Когда мы с Беном наконец смогли остаться наедине, я рассказал ему о том, что со мной было после того, как майор Уильямс уговорил работать на него.

Бен согласился, что лучший способ борьбы с нацистами — фронт.

— Я не знаю, что нас ждет, но мы уже прошли боевое крещение в Кане, не думаю, что здесь будет хуже, — заверил он меня.

Давид Розен, как всегда, улыбочивый и жизнерадостный, ответил:

— А кроме того, вот-вот начнется весна.

Он был прав, хотя в те первые дни марта 1945 года я и совершенно не задумывался о том, какое сейчас время года.

Наша Еврейская бригада стояла в Мадзано-Альфонсино — чудном местечке, сплошь изрезанном небольшими каналами, среди которых было рассыпано множество ферм, некоторые из которых располагались на ничейной земле.

Вражеская линия была хорошо укреплена. Наш командир рассказал, что немецкие солдаты сражаются под командованием генерала Рейнхарда, опытного военного.

Если Кан показался нам настоящим адом, то это место было ничуть не лучше.

Особенно после взрыва на канале Фоссо-Веккьо, который мы едва успели пересечь. Да нам приходилось остерегаться разбросанных по полям мин и засад, которые устраивали немцы на фермах, при каждом удобном случае поливая нас минометным огнем.

Давид Розен был в нашей группе сапером, и когда он отправлялся на поиски очередной смертоносной бомбы, скрывающейся под землей, у нас с Беном перехватывало дыхание.

Мы убивали, зная, что в любую минуту можем погибнуть сами. В битве под Ладжорджеттой нам пришлось колоть штыками в рукопашной, и единственным способом остаться в живых было убить другого солдата, такого же человека, как ты сам. После каждого боя, после каждой перестрелки я чувствовал тягостную пустоту в желудке и отвращение к самому себе — за то, что во время сражения терял контроль; казалось, вместо меня стреляет и колет штыком совсем другой человек.

— Не забывай, у тебя нет выбора: либо его жизнь, либо твоя, — пытался утешать меня Бен, хотя я знал, что у него самого на сердце кошки скребли после очередного убийства.

Довелось нам сражаться и под Бризигеллой. У нас был приказ захватить оба берега реки Сенио. На одном берегу стояли мы, на другом — немцы. Мы сражались с 4-й парашютной дивизией, которой командовал генерал Генрих Треттнер, а его солдаты были настоящими бойцами.

Генерал Мак-Крири, командующий Восьмой Британской армии, организовал совместную операцию с американцами. Нашей бригаде отдали приказ выбить немцев из Фантагуцци. Если бы все прошло успешно, нам предстояло соединиться с другими подразделениями, и всем вместе двинуться на Болонью.

Американские бомбардировщики без отдыха бомбили окрестности, чтобы облегчить нам путь.

Генералы разрабатывали план боевых действий, водя карандашом по карте, но для солдат, рискующих жизнью, чтобы реализовать этот план, изящные линии нарисованных на карте рек обернулись непроглядной толщей ледяных черных вод, готовых поглотить живьем.

За несколько месяцев боев Давид Розен стал моих лучшим другом, о каком я только мог мечтать. Всегда храбрый, великодушный, готовый прийти на помощь. В минуты самого горького отчаяния именно он делал все, чтобы заставить меня улыбнуться.

— Мне стыдно быть немцем, — признался он однажды.

— Так ты же не немец, ты — еврей, — ответил Бен.

— Я немец, Бен, самый настоящий немец. Я разговариваю, думаю, мечтаю на немецком языке. Я плачу, люблю, смеюсь как немец. И я воевал не только потому что еврей, но и потому, что немец. Я люблю свою страну, и мне безразлична ее жизнь и будущее.

Это заявление глубоко тронуло всех нас. Бен ободряюще похлопал его по спине, а я в растерянности промолчал, не находя слов.

На войне время течет с какой-то непостижимой медлительностью. Ты ни на секунду не перестаешь думать о смерти, ибо сама жизнь вокруг — сплошная непрерывная смерть. Однако рано или поздно наступает момент, когда мысли о смерти перестают тревожить.

Ты осознаешь, что для того здесь и находишься, чтобы убивать или, при ином повороте судьбы, погибнуть самому, и в конце концов, начинаешь действовать, подобно автомату. Там, в Италии, я понял, почему так важна царящая в армии дисциплина. Тебя заранее готовят к беспрекословному повиновению — как раз для того, чтобы ты потом на автомате, не задумываясь, выполнял каждый приказ, каждую команду, даже убийство.

Капитан или сержант отдает приказ «Готовьсь!» — и ты встаешь на караул. При этом

никого не волнует, насколько ты устал и не болит ли у тебя что-нибудь. Ты встаешь на караул, зная, что твой долг — нести службу и повиноваться. Ты знаешь, что никто не спрашивает твоего мнения, и будет лучше, если ты преодолеешь искушение его высказать.

По вечерам мы с Беном частенько вспоминали Вади. Где он теперь? Мы слышали, будто многие палестинские арабы сражаются на севере Африки, и сражаются храбро. В этом я не сомневался. Но душа у меня все равно была не на месте, и дело было не только в том, что иерусалимский муфтий снюхался с Гитлером, а в том, что ему удалось склонить к этому многих достойных людей. Так, например, 13-ю дивизию Ваффен-Гебиргс СС «Хандшар» составляли исключительно мусульмане из разных стран, главным образом, из Хорватии и Боснии.

И вот настал момент, когда боевые действия прекратились. Война издыхала в последних судорогах. Мы получили известие о казни Бенито Муссолини и Клары Петаччи, затем — о самоубийстве Гитлера в его бункере. Фюрер выстрелил себе в рот — исключительно для того, чтобы советские войска, занявшие Берлин, не захватили его живым.

8 мая сдались немецкие войска, которые еще оставались в Италии. Война для нас закончилась, и мы могли в любую минуту вернуться домой, однако мне предстояло выполнить данное маме обещание: выяснить, что случилось с отцом и Далидой.

Давид Розен, со своей стороны, был полон решимости вернуться в Мюнхен.

— Я не знаю, что там найду, — признался он. — Нам с родителями повезло, мы успели вовремя уехать, но там остались многие друзья и родные.

К тому времени мы уже были наслышаны о немецких концлагерях. Советские войска захватили один из таких лагерей смерти и, подобно англичанам и американцам, были потрясены, увидев, до какого состояния довели нацисты несчастных заключенных. Чудом выжившие заключенные выглядели скорее ожившими мертвецами, чем живыми людьми, а в их глазах застыл такой ужас, словно они прошли все круги ада — да так оно, в сущности, и было. Трудно было сказать, смогут ли они снова вернуться к жизни, смогут ли снова любить, чувствовать, мечтать...

Через несколько месяцев я познакомился в Берлине с одним русским солдатом по имени Борис. Мы с ним стали друзьями, и он рассказал во всех подробностях, как ему довелось освободить концлагерь Майданек в Польше, под Люблином.

Но это было потом. А пока мне пришлось сказать Бену, что я вынужден отложить наш план возвращения в Палестину.

— Мы должны как-то помочь выжившим. Не можем же мы бросить их на произвол судьбы, поручив заботам Красного Креста.

Сам он уже решил вступить в «Бриху» — организацию, помогающую выжившим в войне евреям вернуться домой.

Я согласился. Уехать в то время — значило предать всех несчастных, только что освобожденных из ада, ставших настоящей проблемой для победивших в войне государств. Мы остались на день, а потом и еще на один, пока Союзники решали собственные проблемы.

Американцы оказались не готовы к массовой иммиграции евреев, хлынувших в Соединенные Штаты. Британцы, уставшие от конфликтов с арабами, делали все, чтобы не пустить выживших евреев в Палестину. Что же касается Советского Союза, то там евреи тоже были никому не нужны.

Таким образом, политические лидеры, оправившись после перенесенного шока от

увиденного в концлагерях, вновь вернулись к своему обычному прагматизму и прежней политике.

— Они — евреи, а это значит, что их проблемы — и наши проблемы тоже, — говорил мне Бен. — Мы должны помочь добраться до Палестины всем, кто туда стремится.

Прежде чем встрять в это авантюру, я вытребовал разрешение отправиться в Париж. Я надеялся встретить там отца и Далиду. Тогда я думал, что с ними не могло случиться ничего плохого. В крайнем случае, как я считал, они нашли убежище в Лондоне, в доме Гольданских. В конце концов, отец ведь собирался жениться на Кате.

В Париже царила эйфория. Город теперь снова принадлежал парижанам. Британские и американские солдаты тоже приняли активное участие во всеобщем ликовании.

Я направился напрямик к дому отца, но, к величайшему моему удивлению, дверь открыла совершенно незнакомая женщина.

— Что вам угодно? — вежливо спросила пожилая женщина.

— Я ищу Самуэля Цукера. Я — Изекииль Цукер.

Женщина осмотрела меня с головы до пят, и в глазах ее неожиданно мелькнул страх.

— Здесь нет никакого Самуэля Цукера, — отрезала она и попыталась захлопнуть дверь.

— Простите, мадам, но это дом моего отца, это мой дом, — не сдавался я. — Скажите, по крайней мере, кто вы такая и что здесь делаете?

Тут изнутри послышался мужской голос:

— Брижит, кто там пришел?

— Да какой-то тип, — крикнула в ответ женщина. — Утверждает, что это его дом.

Вышел мужчина, который оказался чуть ли не вдвое выше и толще меня, одетый в пропотевшую майку и полурасстегнутые брюки. Я посмотрел на его руки и подумал, что это руки настоящего убийцы.

— Кто вы такой? — спросил он, в голосе прозвучал вызов.

— Полагаю, это вы должны мне объяснить, кто вы такие и что делаете в доме моего отца.

— Это наш дом, и я не собираюсь никому ничего объяснять, — с этими словами мужчина захлопнул дверь.

Я в растерянности остался перед запертой дверью. Я хотел было снова позвонить, но подумал, что от этого чокнутого громилы запросто можно и в нос получить.

Я вспомнил, что в том же доме жил муж Ирины — той самой, о которой мне столько рассказывали отец и Михаил. К сожалению, я не помнил, на каком этаже жили Бовуары.

Я спустился вниз, чтобы посмотреть, не вернулась ли консьержка — я надеялся, что она меня вспомнит. Однако внизу по-прежнему никого не было.

В эту минуту в подъезд вошла какая-то женщина средних лет. Я узнал ее в тот же миг.

— Аньес! — воскликнул я, узнав племянницу старой консьержки, которая присматривала за мной и Далидой в те далекие дни, когда мы жили в Париже.

Возможно, она действительно меня не узнала, но в ее глазах мелькнул испуг.

— Ты не узнаешь меня? Я Изекииль! Сын Самуэля Цукера.

— Бог мой! — воскликнула она. — А ведь и правда! Но вы уже не прежний мальчик, вы стали совсем взрослым... Бог ты мой! О Боже!.. — вроде бы она обрадовалась встрече, но я заметил, как она отступила на шаг, словно хотела, чтобы я поскорее убрался восвояси.

— Аньес, можно подумать, что ты увидела привидение! Скажи, что ты знаешь о моем отце? Почему в нашей квартире живут какие-то чужие люди?

Аньес посмотрела на меня еще более испуганно. Если бы она могла, то немедленно бросилась бы прочь.

— Месье, я ничего не знаю, клянусь вам!

С первого взгляда было понятно, что она лжет; поэтому я крепко схватил ее за руку, чтобы не дать улизнуть.

— А где твоя тетя? По-прежнему служит консьержкой?

— Нет, месье. Теперь консьержка — я. Тетя уже совсем старенькая и вернулась в деревню, в Нормандию.

— Думаю, ты должна знать, что случилось: ведь ты работала в отцовском доме.

Я проследовал за нею в ее каморку, которую она не слишком охотно отперла; там она предложила мне сесть на шаткий стул.

— Я... я всегда хорошо относилась к месье Цукеру. Клянусь! Но потом, когда... Когда началось все это, и быть евреем стало опасно, я перестала у него работать... Вы должны понять, это были нелегкие времена, и те, кто имел дело с евреями, тоже попадали под подозрение...

От этих слов Аньес у мне все сжалось внутри. Я взглянул на нее с таким отвращением, что она по-настоящему испугалась.

— Месье, не сердитесь на меня, но я...

— Скажи, ради Бога, что случилось с отцом? И моя сестра... Ты знаешь что-нибудь о Далиде?

— Я ничего не знаю. Ваш отец и сестра уехали отсюда еще в начале войны. Я не знаю, куда они поехали, они мне не сказали, ведь я всего лишь прислуга... Я ничего о них не знаю... Клянусь!

— А те люди, которые сейчас живут в нашей квартире... Кто они?

— Это одна семья, очень почтенная. Он — полицейский, думаю, занимает высокий пост. У него две дочери.

— А по какому праву они живут в моей квартире?

— Я не знаю толком, что там произошло, месье... Я думаю, что некоторые еврейские дома были конфискованы и... Конечно, теперь они говорят, что если хозяева вернуться и предъявят права на свои дома... Все настолько запуталось, месье; война только-только закончилась, и люди до сих пор не знают, чего ожидать в будущем...

Я с трудом узнал в этой женщине ту девушку, которая нянчила нас с Далидой в детстве. Та, прежняя Аньес была беззаботной девчонкой и водила нас играть в Люксембургский сад, вместе с ней мы исколесили все парижские улицы, она закрывала глаза на наши шалости. Но та Аньес, которую я теперь видел перед собой, была совсем другой. Она оказалась из тех людей, которые думают лишь о собственном благополучии даже в те роковые минуты, когда вокруг рушится мир. Война выжгла в ее душе все, оставив лишь самое худшее.

— А семья Бовуар? — спросил я.

— Хозяин умер в прошлом году; наверное, его дом унаследовали племянники; вы же знаете, что у месье Бовуара не было детей.

— А наша мебель, картины, все наши вещи? Кому они достались?

— Я ничего не знаю, месье, кроме того, что уже рассказала. Прошу вас, уходите, мне не нужны лишние проблемы...

Я вышел из дома, совершенно растерянный, не зная, куда идти, где искать отца и сестру. Что, если их арестовали? Нет, не может этого быть, с какой стати их должны были

арестовать? Ответ напрашивался сам собой: зато, что они евреи; никакой другой причины здесь и не требовалось. С другой стороны, я не мог понять, почему отец и сестра остались в Париже. Ведь они могли найти убежище в Лондоне, в доме Гольданских. Честно говоря, я всегда считал, что они так и поступили; полагаю, что и мама думала так же.

Я сделал все возможное, чтобы получить ответ у французских властей. Я предоставил им имена отца и сестры, и мне пообещали дать ответ через несколько дней. По всей видимости, они не значились в списках пропавших без вести.

Я отправил Бену телеграмму, в которой сообщил, что не могу сейчас присоединиться к ним с Давидом Розеном. В то время они как раз вступили в организацию под названием «Бриха», которая тогда только начинала свою работу, главной целью которой было оказание помощи выжившим евреям.

После этого я отправился в Лондон, не сомневаясь, что Гольданские должны что-то знать о моей семье. Ведь Константин был большим другом и партнером отца, а Катя... очевидно, Катя вышла замуж за отца, как ни горько мне было об этом думать.

Приехав в Лондон, я даже не подумал о том, чтобы остановиться в гостинице, сразу направившись в дом Гольданских.

Лондон произвел на меня куда более удручающее впечатление, чем Париж. Английская столица сильно пострадала от бесконечных бомбежек немецкой авиации, а Париж немцы пощадили: ведь он оказался на оккупированной территории.

Дом Гольданских по-прежнему стоял на месте, хотя одно крыло оказалось разрушенным. Я с трепетом постучал в дверь, молясь про себя, чтобы все были живы. Горничная открыла дверь и попросила подождать в холле, пока она предупредит «миледи». Я приготовился увидеть Катю, которую возненавидел всей душой, с тех пор как она отняла у меня отца. Однако мне навстречу вышла не Катя, а Вера, жена Константина.

— Изекииль! Ты жив! Какое счастье! — воскликнула она.

Вера обняла меня с искренней радостью. Я ответил ей тем же; я с детства был очарован ее добротой. Вера изменилась за эти годы — сильно похудела, истаяв почти до прозрачности, так что можно было прощупать каждую косточку тела; ее волосы теперь стали совершенно белыми.

Мы сидели в комнате, которая прежде была гостиной — небольшой комнате с камином, где прежде собиралась вся семья и принимали гостей. Я с горечью отметил, что с каминной полки исчезли фарфоровые статуэтки, которые в детстве нам строго-настрого запрещалось трогать.

— Скоро приедет мой сын Густав, ты мог бы пообедать с нами, — предложила она. — Боже, какой приятный сюрприз видеть тебя здесь!

Вера стала расспрашивать меня о матери, о том, как мы пережили эту войну. Она даже перекрестилась, когда я рассказал ей, как воевал во Франции, а затем в Италии.

Не знаю почему, но мне показалось, что она задает мне все эти вопросы, чтобы оттянуть момент, когда я сам начну ее расспрашивать.

— А как дела у Константина? — спросил я наконец.

По щеке Веры покатались слезы, и она поспешно вытерла их платком.

— Он погиб. Ты же видел, что случилось с домом. Так вот, в тот день... Еще не рассвело, когда немецкие самолеты начали бомбить Лондон. Нас с Густавом тогда не было дома. Он едва дождался призывного возраста, чтобы записаться в армию. Получил назначение в генеральный штаб. Он попытался возражать, но его убедили, что здесь он сможет принести

больше пользы, потому что знает в совершенстве французский, немецкий и русский языки. А я... Я работала, не покладая рук. Вступила добровольцем в Сестринский корпус. Как будто что-то толкнуло меня пойти в госпиталь. Я едва успела выйти из дома, как завывли сирены воздушной тревоги. Я бросилась в ближайшее убежище, моля Бога, чтобы Константин успел сделать то же самое. Когда я вышла из дома, он был у себя в кабинете — пил чай. А кабинет его находился — ну, ты и сам знаешь, в том самом крыле, которое... которое сейчас... Короче, ты его видел. Бомба попала в соседний дом, но взрыв был такой силы, что наш дом тоже пострадал. Константин погиб во время взрыва; его искалеченное тело извлекли из-под обломков.

На этот раз Вера не смогла сдержать рыданий. Я сел рядом и обнял ее, стараясь утешить.

— Такое горе, Изекииль... — всхлипнула она. — До сих пор не могу оправиться после этой потери. Вот видишь, как оно вышло: мы бежали из России от ужасов войны, а она настигла нас здесь.

— Мне очень жаль, Вера, правда очень жаль. Я... мы с сестрой считали вас с Константином своими дядей и тетей.

— Мы вас тоже очень любили, — ответила Вера.

И вот наступил момент, когда я должен был спросить об отце и Далиде, а также, хотя мне и очень этого не хотелось, о Кате.

— А Катя? — спросил я. — Где она теперь?

Вера взглянула на меня, и я увидел невыразимую тоску в ее огромных серых глазах.

— Я не знаю, Изекииль, я ничего о ней не знаю. Всего три недели, как кончилась война. Густав делает все возможное, чтобы найти Катю и твоего отца, но пока...

Я замер в тревоге, ожидая самого худшего; но потом облегченно перевел дух: оставалась надежда, что оба они находятся неизвестно где, но по крайней мере живы.

— Ты знаешь, где они были во время войны? — спросил я. — Я думал, что здесь, с вами, но ведь это не так?

Вера заломила руки, подбирая слова, которые не причинили бы мне лишней боли.

— Константин настаивал, чтобы твой отец остался в Лондоне, но Самуэль... Ты же знаешь, он всегда был упрямым и сказал, что не станет сидеть сложа руки, глядя, как немцы по всей Европе травят евреев. Самуэль как будто снова пережил тот давний погром. Ты же знаешь, он так до конца и не оправился после гибели матери, сестры и брата. Твой отец говорил, что они участвуют в двух войнах сразу: в войне демократии против нацизма и в борьбе евреев за выживание; и что он готов сражаться сразу на двух фронтах.

— А где сейчас отец, Вера?

— Этого я тоже не знаю, Изекииль. Он решил остаться во Франции, чтобы работать в Сопротивлении, которую составляли французы и испанские республиканцы. Густав расскажет подробнее, он знает больше, чем я. Ты же знаешь, как Константин старался уберечь меня от новой боли, он считал, что я и так настрадаюсь после революции. Меня раздражало, что он относится ко мне, как к ребенку, скрывая от меня все, что только можно, но ничего не могла с этим поделать. Тем не менее, я знала, что твой отец вступил в ряды Сопротивления, и Катя, несмотря на все протесты Константина, решила остаться с ним во Франции. Она тоже работала в Сопротивлении. Мы здесь помогали им, как могли. Уверяю тебя, не было и дня, чтобы Константин не предпринимал чего-либо, чтобы спасти евреев.

— А Далида? Где моя сестра?

— Густав пытается выяснить, что с ней случилось, но здесь тоже слишком много путаницы. Кажется, ее арестовало Гестапо. Далида тоже принимала участие в Сопротивлении, — добавила Вера.

При одном только слове «Гестапо» меня до сих пор охватывает ужас. Я был наслышан об их преступлениях, о невообразимой жестокости, о том, какое наслаждение они получали, пытая заключенных.

Вера поспешила ответить на мои вопросы, стараясь успокоить мою тревогу. К тому времени, когда вернулся Густав, я уже имел довольно четкое представление о том, чем занимались во время войны отец и сестра.

Мы с Густавом пожали друг другу руки, раздумывая, прилично ли нам будет обняться. Мы стали взрослыми, и годы совместно проведенного детства словно растаяли без следа.

Густав всегда казался мне слишком избалованным и изнеженным ребенком, хотя на самом деле его воспитывали намного строже, чем меня. Однако сейчас мы почувствовали себя гораздо ближе друг другу, чем в детстве.

Мы пообедали втроем, вспоминая былые времена. Вера с ностальгией вспоминала о наших детских проказах, и на протяжении всего обеда не желала говорить ни о чем другом, чтобы не нарушить эту хрупкую идиллию. После обеда мы перешли в чайную комнату.

Густав закурил трубку, а мне предложил сигарету, которую я с благодарностью принял.

— Я начал расследование всего пару месяцев назад, и узнать успел не так уж много, — начал он. — Ты хочешь найти отца и сестру, а я хочу найти тетю Катю. Вот так война свела нас с тобой.

Выслушав рассказ Густава, я увидел перед собой совершенно другого Самуэля, которого никогда не знал прежде. Отец повернулся ко мне совершенно неожиданной гранью, и теперь я видел его совсем иначе.

— Самуэль и Катя были в Париже, когда премьер-министр Франции Поль Рено подал в отставку. За два дня до этого, 14 июня 1940 года, совершил предательство маршал Петен, и теперь Франция сгорала от стыда, глядя, как нацистские войска маршируют по Елисейским полям. Если и прежде евреям в Париже жилось несладко, то с этого дня лишь единицы имели шансы выжить.

27 сентября этого злополучного 1940 года правительство Виши устроило перепись еврейского населения Франции. Твой отец решил, что ни он, ни Далида в этой переписи участвовать не будут.

«Они хотят знать, сколько в стране евреев, считая нас по головам, как скотину. Я не позволю нас так унижать», — написал он моему отцу. Не спрашивай, как отец смог письмо получить, потому что я не знаю.

Мне известно лишь, что Самуэль и Далида выехали из дома, где они жили, и сняли другой, поменьше, на тихой улочке Сан-Мишель. Труднее всего оказалось решить вопрос с лабораторией. Он сообщил своему помощнику, что уезжает из Франции и передает ему все полномочия по управлению делами на время своего отсутствия. Однако эта мера мало чем помогла, поскольку правительство Виши под эгидой нацизма решило конфисковать собственность всех евреев. Но твой отец это предвидел; ему удалось сберечь некоторую сумму денег, а также несколько картин и других ценностей, которые он передал Кате на хранение. Да, забыл сказать, Самуэль настоял, чтобы Катя жила отдельно.

— Ты же не совсем еврейка, — сказал он, на что моя тетя ответила:

— У меня по меньшей мере четверть еврейской крови.

Но об этом знали немногие. Все парижские друзья считали их русскими — русскими дворянами, бежавшими из России от революции.

Таким образом, Катя сняла квартиру неподалеку от Монпарнаса, решив во что бы то ни стало остаться во Франции.

3 октября во Франции вышел «Закон о евреях». С этой минуты евреи стали гражданами второго сорта. Да что я говорю — они вообще перестали быть гражданами.

Самуэль начал борьбу в тылу врага вместе с Давидом Перецем, сыном Бенедикта Переца, того старого торговца, который столько помогал ему в прошлом. Давид организовал группу Сопротивления. Мне известно, что это была не единственная во Франции еврейская группа, были и другие: Содружество, Амелот, Общество помощи детям. Некоторые из них сотрудничали с маки: ведь, в конце концов, они имели одну цель.

Я не знаю, где Давид Перец разыскал русского эмигранта, который зарабатывал на жизнь изготовлением поддельных документов. Разумеется, он задавался вопросом, может ли доверять этому русскому — особенно учитывая, что тот приехал в Париж еще до того, как наступил 1917 год, что заставляло подозревать, что он не слишком благожелательно настроен к делу революции. Тем не менее, они решили рискнуть: ведь ни Самуэль, ни Далида не могли оставаться в Париже без новых документов. Самуэлю предстояло встретиться с этим человеком.

Он жил недалеко от Монмартра, в тихом переулке. Дверь открыла какая-то черноволосая женщина с таким грозным взглядом, что душа у него ушла в пятки. Самуэль назвал пароль, и она пригласила его войти, захлопнув за ним дверь со страшным стуком, похожим на выстрел.

Она провела его в комнату без окон, больше похожую на чулан, и предложила сесть. Сама села напротив и принялась задавать вопросы. Она говорила с акцентом, из чего Самуэль сделал вывод, что женщина не француженка. Позже он узнал, что так и есть: женщина оказалась испанкой, и звали ее Хуана.

Во время война в Испании она воевала в ополчении. После того, как у нее на глазах погиб муж на Арагонском фронте, а сама она потеряла еще не родившегося ребенка, Хуана превратилась в настоящую фурию. Других ее родственников — отца и дядю — расстреляли после окончания войны. Но сама она узнала об этом много позже, потому что вынуждена была бежать из Испании; в противном случае оказалась бы в тюрьме, откуда дорога была только одна — в ров, вместе с другими расстрелянными. Хуана не стала дожидаться, пока ее схватят, и бежала во Францию, перейдя границу Каталонии в Серданье — этой дорогой несколько лет спустя стали активно пользоваться борцы с режимом Франко.

В Перпиньяне ее задержали и отправили в концлагерь, но оттуда ей удалось бежать; через несколько дней она добралась до Парижа, где жил ее родственник, который ее и приютил. Этот родственник — какой-то ее троюродный дядя, печатник по профессии — был республиканцем, всегда готовым помочь всем, кто просит о помощи. В свое время он тоже бежал из Испании — в 38 году, еще до окончания войны. Здесь, во Франции, он стал активным бойцом Сопротивления.

При посредничестве своего дяди Хуана познакомилась с Василием. В свое время он бежал из царской России, но после победы Октябрьской революции не захотел вернуться в

Москву, потому что весьма неплохо устроился в Париже, работая печатником в мастерской Педро, дяди Хуаны. Однажды Педро поздно вечером обнаружил Василия в своей мастерской. Оказалось, что русский уже давно изготавливает на заказ фальшивые документы для всех, кто готов за это платить; как правило, преступников. Педро, впрочем, не стал сдавать его полиции, за что русский воспылал к нему поистине собачьей преданностью. Война неразрывно связала этих двоих людей, и теперь они вместе изготавливали документы для деятелей различных политических группировок, у которых имелись проблемы с законом.

Должно быть, ответы Самуэля удовлетворили Хуану, поскольку она в конце концов позволила ему встретиться с Василием.

Самуэль оказался лицом к лицу с человеком среднего роста с блестящими глазами, которые радостно вспыхнули, едва Самуэль обратился к нему по-русски. Они болтали почти целый час, пока их не прервала рассерженная Хуана.

— Послушайте, господа, либо вы будете говорить по-французски, либо вообще молчите, — заявила она, на что Василий ответил улыбкой.

— Итак, вам нужны несколько паспортов, в том числе для вас и дочери, причем желательно вчера, — вернулся он к прежнему разговору. — Но ни я, ни мой компаньон не умеем творить чудеса.

— Но я и не прошу о чуде, а лишь помочь мне спасти жизнь нескольким людям, причем речь идет не только о евреях, но и о французах. Разве вы сами не против нацистов?

— Разумеется. Дядя Хуаны помог мне понять, что деньги — это еще не все, я даже забросил свой прибыльный бизнес и начал работать бесплатно. Хотя думаю, у вас-то есть чем заплатить — не так ли, месье?

Он не ошибся: Самуэль и в самом деле был готов заплатить любые деньги за эти паспорта. Однако Хуана подошла к Василию и, недолго думая, отвесила ему затрещину.

— Не смей так шутить! — произнесла она угрожающим тоном. — Сделаешь все, о чем он попросит, даже если тебе придется работать для этого день и ночь.

— Вот видите, месье, если женщина чего-то захочет, отказать ей невозможно. Она здесь хозяйка.

Позднее, когда Самуэль лучше узнал Василия, он понял, что под циничной маской скрывается настоящий борец за свободу, готовый отдать жизнь за общее дело.

Благодаря новым документам Самуэль превратился в месье Иванова, а Далида — в мадемуазель Иванову, отца и дочь, бежавших из Санкт-Петербурга от советской революции.

Василий их предупредил:

— Видите ли, если вам сделать французские документы, они смогут проверить в старых архивах, существовали ли когда-либо такие люди; но русских иммигрантов не смогут проверить при всем желании. Само собой разумеется; вы должны представляться непримиримыми врагами Сталина и яркими поклонниками Гитлера, которого считаете единственной надеждой на спасение своей родины.

Первый заказ Самуэль сделал на пятьдесят французских паспортов, которые должны были помочь пятидесяти евреям покинуть Францию и добраться до Лиссабона, откуда они могли бы отправиться в Палестину.

Мой отец, Константин, отвечал за непосредственную перевозку людей. Это оказалось непростым делом. Европа находилась в состоянии войны, каждое судно на счету. Раздобыть удалось лишь несколько совсем старых калош, которые едва держались на плаву. Отец использовал все свои связи, чтобы эти люди получили от британских властей разрешение на

въезд в Палестину. В довершение всего, отец начал работать на Британскую разведку, передавая своим друзьям из Адмиралтейства информацию, которую получал от Кати и Самуэля.

За первыми пятьюдесятью паспортами последовали другие. Хуана, Василий и Педро работали, не покладая рук. Эта женщина, казалось, ничего не боялась — быть может, потому, что ей уже нечего было терять, она и так лишилась всего, что составляло смысл ее жизни.

Должен сказать, Изекииль, что твоя сестра, как и моя тетьа, отказалась остаться с нами в Лондоне.

Далида стала связной между нами и другой группой Сопротивления, во главе которой стоял один испанец. Все называли его Армандо, но никто не знал, настоящее ли это имя. Он пользовался большим авторитетом — прежде всего, потому, что оказался поистине неуловимым. Он постоянно ездил из Парижа в Испанию, пересекая границу в районе Бидасоа, а также возле Перпиньяна. Вместе с другими группами Сопротивления он помогал подпольно переправлять людей в Испанию, откуда их путь лежал в Португалию. Причем не только евреев. Армандо сотрудничал с Красным Комитетом, который специализировался на оказании помощи летчикам союзных войск, сбитым над территорией Франции, Бельгии или Голландии.

Иногда Далиде приходилось сопровождать до границы группы беглых евреев. Как правило, группы состояли из четырех или пяти человек, не более, чтобы не вызывать подозрений. Этим людей снабжали фальшивыми документами; согласно легенде, они ехали на юг, чтобы навестить родственников или найти тихое прибежище на время войны. Твоя сестра провожала их до деревни, где их встречали другие члены группы Армандо, чтобы переправить в Испанию.

Я не знаю, сколько рейсов совершила Далида, но несомненно, она спасла много жизней.

Катя тоже внесла свой вклад в общее дело. Статус русской графини открывал перед нею двери в дома самых влиятельных людей в Париже — гнусных предателей, ставших лакеями фашистов.

В конце 1940 года Катя получила повестку из полиции. У нее пытались выяснить, что она делает в Париже, чем занимается и, главное, предана ли она идеям нацизма, а то вдруг она иностранная шпионка?

Сам не знаю, откуда у тети взялась такая выдержка и отвага, но допрос она выдержала блестяще.

— Графиня, сколько времени вы собираетесь пробыть в Париже? — спросил полицейский.

— Ровно столько, сколько вы мне позволите, — ответила она. — Куда я поеду? Разумеется, когда-то я жила в Лондоне, но я не уверена, что сейчас мне там будет так уж уютно, учитывая, что всем знакомым известны мои симпатии к фюреру.

— Так значит, вы...

Но Катя продолжала щебетать, не давая полицейскому вставить и слова.

— Я, месье, только и мечтаю, чтобы фюрер поскорее выиграл эту войну, чтобы мы смогли наконец вернуться в нашу прежнюю, настоящую Россию. Я понимаю, что сейчас ему приходится иметь дело с Советами, поэтому он ведет соответствующую политику, но я молю Бога, чтобы Адольф Гитлер стал императором Европы.

— И вы уютно чувствуете себя в Париже?

— Если вам так хочется знать, месье, скажу откровенно: разумеется, да. Мне пришлось бежать из России — полагаю, этим все сказано.

— А вы случайно не еврейка, мадам?

— Месье! Разве вы не знаете, что задолго до появления фюрера евреи доставляли нам в России немало проблем? Нет, месье, я не еврейка; слава Богу, он уберег меня от такого несчастья.

Кроме того, ни один мужчина не мог устоять перед красотой моей тети. Даже теперь, когда ей было уже больше шестидесяти лет, она, несмотря на все выпавшие на ее долю трудности, сохранила прежнее самообладание и элегантность. Ей не составило большого труда познакомиться с членами правительства Петена. Кроме того, она свела знакомство и с некоторыми чиновниками, которые, считая ее совершенно безобидной, иной раз выбалтывали кое-какие секреты, не ускользающие от чуткого Катиного уха. Таким образом она узнавала о планируемых облавах или о том, что того или иного члена Сопротивления взяли под наблюдение. Правда, Армандо с большой осторожностью использовал полученную от нее информацию; опасаясь, что Катю в любую минуту могут разоблачить и использовать как приманку в расставленной ловушке.

Она свободно разъезжала по Парижу на своем черном «мерседесе», а ее шофером был не кто иной, как один из людей Армандо. Она перевозила оружие, взрывчатку, доставляла письма и деньги, спрятанные в особом тайнике.

Однажды вечером, когда Катя выходила из дома одного из людей Армандо со свертком, внутри которого была взрывчатка, она столкнулась с тем самым офицером полиции, который вызывал ее в отделение для допроса. Его сопровождали офицер СС и несколько жандармов. Они спрашивали документы у всех прохожих и заставляли женщин открывать сумочки. Катю спасла ее невозмутимость, с которой она дружески поприветствовала знакомого полицейского.

— О, месье, как я рада вас видеть! Вы заняты? Если так, не смею вас отвлекать...

Никто из полицейских не осмелился потребовать документы у женщины, так непринужденно разговаривающей с одним из начальников. Тем не менее, один из эсэсовцев все же поинтересовался, что у нее в пакете, и Катя с улыбкой ответила:

— Ну, конечно, бомба, месье. Что же еще там может быть?

Француз рассмеялся удачной шутке, однако немец остался серьезным.

— Позвольте мне представить вас графине Кате Гольданской... Мадам, позвольте представить вам Теодора Даннекера, истинного хозяина Парижа.

— Но ведь это огромная ответственность — владеть таким городом, как Париж! — воскликнула Катя. — Вы должны как следует о нем заботиться, ведь это уникальный город, настоящая жемчужина Третьего Рейха.

Обменявшись с ней несколькими банальными комплиментами, двое мужчин проводили Катю до машины, где она возблагодарила Бога за спасение.

Несмотря на то, что организации принадлежала целая сеть домишек, разбросанных по всему городу, в которых располагались убежища на случай облав, они постоянно оставались настороже. Группа Давида Переца, в которую входили Самуэль с Далидой, Катя и Армандо, особое внимание уделяла вопросам безопасности, только так можно было выжить.

Две группы стали работать вместе благодаря Далиде. Именно она первой познакомилась с Армандо и сумела завоевать его доверие, хоть это и было нелегко. В других

обстоятельствах Далида, быть может, отпрянула бы в ужасе от этого грозного сорокалетнего испанца с большими сильными руками и изборожденным морщинами лицом. Однако она не испугалась обманчиво грозного вида Армандо. Его выдал голос, так не вязавшийся с грубоватой внешностью; голос не деревенского мужлана, а человека образованного.

Они познакомились в доме Василия. Далида пришла туда, чтобы доставить фотографии для фальшивых паспортов, при помощи которых Самуэль пытался спасти одну еврейскую семью. Хуана тут же провела ее в гостиную, где Василий горячо спорил с каким-то типом.

Этот человек стоял спиной и не видел, как она вошла. Хуана не потрудилась его представить, да и сама Далида не желала знать, что делает здесь этот тип. Она молча стояла, слушая их разговор.

— Тебе же было сказано, что документы нужны прямо сегодня!

— Они будут готовы в течение нескольких часов, — спокойно ответил Василий.

— Через несколько часов? А что мне делать сейчас? Ты же знаешь, что я должен выехать из Марсея не позднее, чем через час. Я не могу ждать, и уже поздно искать другого человека, который мог бы выправить мне документы! — возмутился Армандо.

Далида посмотрела на него и сказала:

— Я могу пойти вместо вас.

Армандо удивленно оглянулся; появление этой девушки его лишь больше разозлило.

— А это еще кто такая? — спросил он. — Вы все тут что, с ума посходили? Я же предупреждал, чтобы здесь не было никаких посторонних, когда я прихожу.

Хуана возразила Армандо:

— В моем доме командую я. Сюда не придет никто посторонний, а эта девочка, чтобы ты знал — еврейка и состоит в еврейской сети, и у нее столько же причин не доверять случайным людям, сколько и у тебя.

— Она либо до крайности наивна, либо просто невозможно глупа, если вызывается делать такую работу для незнакомого человека. Сколько тебе лет? — осведомился он, глядя на Далиду сверху вниз.

— Скоро исполнится двадцать, — ответила она спокойно.

— И с какой это стати ты решила сделать работу за меня?

— Потому что вы сами не можете. Вы же говорите, что людям грозит опасность и им очень нужны эти документы.

— Ну а тебе-то какое до этого дело?

— Мне есть дело до всего, что имеет отношение к нацизму.

Хуана улыбнулась. Нельзя сказать, чтобы ее удивила решимость Далиды, ведь она уже знала, что та состоит связной в группе Давида Переца, он тем, кто ее не знал, Далида могла показаться намного храбрее, чем сама себя считала.

— У вас не так много вариантов, — сказала Хуана. — Либо пойдет она, либо пойдешь ты сам, но тогда придется подождать.

— Насколько я знаю...

И тут Далида снова его перебила:

— В том-то и дело, что ты ничего не знаешь. Не знаешь, на что я способна, не знаешь, приду ли я вовремя или заплутаю, не знаешь, как я себя поведу, если меня задержат, что я могу рассказать... А я не могу ничего тебе обещать, кроме того, что я постараюсь вовремя доставить пакет в назначенное место и избежать при этом слезки. Вот и все, что я могу обещать.

Армандо по-настоящему заинтересовался Далидой — девушкой в расцвете своей красоты, но при этом обладающей несвойственной ее возрасту силой духа.

— Согласен.

Армандо ушел из мастерской, полный сомнений, не совершает ли ошибку. Видимо, эта девочка и впрямь заслуживала доверия, если работает в еврейской группе, но ведь он ничего не знал о ней, кроме того, что за нее поручились Хуана, Педро и Василий. Конечно, это являлось своего рода гарантией, но, с другой стороны, какие могут быть гарантии, когда занимаешься подпольной деятельностью?

Далида покинула мастерскую, унося в своей сумочке четыре французских паспорта для четверых испанцев, которые бежали из концлагеря и теперь собирались пополнить ряды Сопротивления.

Она шла достаточно быстро, но все же не настолько, чтобы привлечь ненужное внимание. Ей предстоял долгий путь от Монмартра до Елисейских Полей; именно там находился бар, где ей предстояло встретиться с человеком, которому она собиралась передать документы. Она знала, что нужно поторопиться, чтобы успеть вернуться домой, прежде чем отец начнет волноваться.

Через час она добралась до заветного бара. Она вошла внутрь, не обращая внимания на любопытные взгляды сидящих за столиками мужчин. Далида направилась напрямик к барной стойке и произнесла заветную фразу, которая служила паролем:

— Франсуа прислал меня за хлебом.

Бармен окинул ее растерянным взглядом. Он ждал Армандо, а вместо него пришла какая-то девица.

Он провел ее в подсобку. Стоило Далиде войти на кухню, как какой-то мужчина набросился на нее сзади, сгреб в охапку и приставил к горлу нож. Она замерла в ужасе, ощутив, как ее кожи коснулось холодное стальное лезвие.

Однако она сумела взять себя в руки и произнести несколько слов, которые Армандо заставил ее выучить. Слова казались полной бессмыслицей, но, видимо, эти люди так не считали.

С этого дня Далида стала работать сразу на две организации: на группу Давида Переца и твоего отца и на группу Армандо. Она стала пользоваться настоящим уважением у тех людей, которые, как и она, изображали прожигателей жизни в оккупированном Париже, вводя в заблуждение своим обманчиво-беззаботным видом.

У Армандо был адъютант — высоченный эльзасец, статью напоминающий медведя, которого все называли Раймоном. Он научил Далиду двум вещам: обращаться с рацией, при помощи которой они держали связь с Лондоном, и делать взрывчатку. И то, и другое она освоила в совершенстве.

Передавать сообщения было непросто. Рацию Далида держала у себя в комнате, рискуя, что ее в любой момент могут обнаружить. Раймон предупредил, что время сеанса связи должно быть минимальным, чтобы Гестапо не успело засечь сигнал. Она никогда не забывала вовремя отключить связь, а иногда и сама ее обрывала, чтобы не поставить под удар себя или других членов группы.

Иногда Катя уезжала в Мадрид, а оттуда — в Лиссабон, где встречалась с братом и

передавала ему информацию о расположении нацистских войск в Париже, а также получала запечатанный конверт с инструкциями от Британской разведывательной службы, которые та рассылала своим людям в Париже. При этом Константин при каждом удобном случае пытался уговорить ее вернуться в Лондон, но она всегда отказывалась.

— Я люблю его, Константин, — говорила она. — Неужели ты не понимаешь? Ты веришь, что я могу бросить Самуэля? Да я готова пойти за ним даже в ад, если потребуется.

— Катя, когда-нибудь война закончится, и Самуэль вернется к тебе в Лондон, — отвечал Константин. — Согласись, мы с ним уже староваты для этих шпионских игр. Сам я нисколько не рискую, встречаясь с тобой в Лиссабоне или в Лондоне, чтобы передать тебе очередной пакет; но я не могу уснуть по ночам, зная, как рискуешь ты.

— Ты же знаешь, Константин, что я люблю Самуэля с детства. Я отказывала всем поклонникам, ты помнишь, как сердилась бабушка, что я отказываюсь выходить замуж. Когда мы с ним снова встретились, я уже считала свою жизнь потерянной, и ты знаешь, чем он пожертвовал, чтобы быть со мной. Всем, что имел — женой и сыном. А теперь ты хочешь, чтобы я бросила его в Париже и дожидалась, когда закончится война, пока он там рискует жизнью... Нет, Константин, даже все дивизии Вермахта не смогут нас разлучить.

— Пусть хотя бы Далида уедет в Лондон: там ей будет безопаснее.

— Ты ее не знаешь. Далида уже взрослая и отвечает за себя сама. Самуэль очень обеспокоен, что с каждым днем она все глубже увязает в делах Армандо. Неделю назад она принимала участие в диверсии: взорвали железнодорожные пути недалеко от Парижа. Очевидно, она научилась работать со взрывчаткой. На днях я спросила у нее, не боится ли она, и знаешь, что она ответила? «Мне страшно, что мы можем проиграть войну: что тогда будет с Европой? Вот это действительно страшно».

Густав ненадолго замолчал, и Вера предложила ему чашку чаю. Затем он продолжил свой рассказ.

— Изекииль, ты что-нибудь слышал о Rafle du Vel d'Niv? Во время этой операции 16 июля 1942 года арестовали сотни евреев. Этих несчастных заперли на велодроме — я имею в виду Зимний велодром. Но всего хуже были даже не те страдания, которые они там терпели, а то, что вскоре уже некому было страдать. Многих, впрочем, отправили в Германию, в концентрационные лагеря.

Французы получили приказ от своих немецких хозяев: провести массовые аресты евреев. Приказ они выполнили без вопросов. Это оказалось совсем несложно: все евреи уже давно стояли на учете, так что полиция знала, кого где искать. Утром 16 июля в еврейские дома ворвались тысячи полицейских. Они арестовали более двенадцати тысяч человек, в том числе женщин и детей.

Кое-кому удалось бежать; другим, состоявших в группах Сопротивления, тоже удалось спастись благодаря тому, что за несколько месяцев до этого они, подобно Самуэлю и Далиде, ушли в подполье, оставив дома и семьи.

Кого-то отправили на Велодром; других в Дранси — это лагерь, расположенный к северу от Парижа; третьих — в Питивье и Бон-ля Роланд...

Семьи разлучили: детей отправляли в один лагерь, родителей — в другой. Многих детей отправили в Освенцим, где они в первый же день приезда нашли свою смерть в газовых камерах.

Запомни эти имена, Изекииль; никогда не забывай имена троих офицеров СС, троих убийц: Алоиза Брюннера, Теодора Даннекера и Хайнца Ротке. Алоиз Брюннер впоследствии

стал комендантом лагеря Дранси.

Твоим отцу и сестре удалось выжить, вот только остальным они мало чем могли помочь. Для Самуэля стало навязчивой идеей вывезти из Франции нескольких еврейских детей, которых они прятали у друзей. Вместе с Давидом Перецем они собрали десять человек. Как я уже говорил, мой отец никогда не рассказывал, как Самуэлю удавалось держать с ним связь, но знаю, что Константин получил уведомление, что Самуэль собирается вывезти из Парижа десять детей.

Самуэль попросил отца постараться довести их до Гибралтара или Лиссабона, а уже оттуда переправить в Палестину — или в другое место, где они будут в безопасности. Несмотря на все трудности, отец всегда неукоснительно выполнял инструкции Самуэля. Организовать доставку в Палестину еврейских детей оказалось очень непросто. Ты же знаешь англичан. Да, ты сражался с ними бок о бок и знаешь, какие они бесстрашные солдаты, но не забывай, что для британцев на первом месте всегда их собственные интересы, а потом уже все остальное. Тебе хорошо известно, что уже многие годы они ведут политику сокращения числа евреев, въезжающих в Палестину. Они не желали и не желают новых военных конфликтов и не хотят злить палестинских арабов.

Педро и Василий сделали поддельные документы для этих детей. Они передали их Кате, которая обратилась за помощью к неким монахиням из ордена Сестер Милосердия. Катя слышала, что эти монахини, помимо всего прочего, заботятся о детях-сиротах, и решила, что они смогут помочь. Она пришла в монастырь и попросила разрешения поговорить с настоятельницей, но та оказалась в отлучке, и ее приняла сестра Мари-Мадлен. Этой женщине не было еще и сорока лет, но она уже успела прославиться на всю общину своим скверным характером.

Катя дала волю своему красноречию, напрямую обсудив проблему с сестрой Мари-Мадлен.

— Нашим друзьям удалось спасти десять еврейских детей, — сказала она. — Их родителей забрали в Зимний велодром... Но дети по-прежнему в опасности, и мы должны вывезти их в Испанию, а оттуда — в Лиссабон или Гибралтар. Но мы должны быть уверены, что они смогут перенести путь. Вы сможете на время приютить их здесь?

Сестра Мари-Мадлен что-то неразборчиво проворчала сквозь зубы, пристально посмотрела Кате в глаза и ответила, даже не улыбнувшись:

— Даже не знаю, что сказала бы по этому поводу мать-настоятельница. Ее сейчас нет, она вместе с одной из сестер отправилась навестить один приют для престарелых, недалеко от Парижа. Они вернутся только завтра. Но если вы приведете детей сегодня, настоятельница не сможет отказать им в помощи, ведь они уже будут здесь.

— Но если бы она была здесь, разве смогла бы она отказать им в помощи? — спросила Катя.

— Я вам уже сказала, что нет. Но вы и сами должны понимать, что, согласившись принять у себя этих детей, мы подвергаем опасности остальных — тех, которые уже здесь живут. Что будет с нашими сиротами, если нас арестуют? Лучше скажите, как долго вы предполагаете их здесь продержат?

— Не знаю, сестра. Думаю, не дольше нескольких дней; не знаю, как получится, но мы постараемся как можно скорее избавиться вас от их присутствия.

— Сколько им лет?

— Самому младшему четыре года, старшему — двенадцать.

— Сохрани и помилуй нас Бог!

— Воистину так, сестра.

Вскоре члены тайной организации доставили детей в монастырь. Малышам строго-настрого наказали, чтобы они не смели плакать, однако, несмотря на то, что спасенные дети очень старались держать себя в руках, их выдавали печальные лица и дрожащие губы.

Кое-кто из сестер был до крайности напуган, им вполне хватало забот и с собственными сиротами, но сестра Мари-Мадлен была непреклонна:

— Или вы хотите отречься от Христа, отказывая в помощи этим созданиям? — спросила она. — Да, конечно, это опасно, но к лицу ли нам так дрожать за свое благополучие — нам, невестам Христа, принявшим смерть на кресте?

Вернувшаяся мать-настоятельница устроила сестре Мари-Мадлен хорошую взбучку за то, что та приняла решение, не посоветовавшись в ней, но она была доброй женщиной и искренне сочувствовала несчастным детям.

Сестра Мари-Мадлен смогла убедить настоятельницу, чтобы та позволила ей сопровождать детей до границы. Они должны были ехать поездом — под тем предлогом, что якобы дети больны туберкулезом и теперь, благодаря щедротам графини Кати Гольданской, их везут на юг, к морю, на лечение и отдых. Присутствие монахини должно было добавить этой компании солидности и избавить от ненужных подозрений.

Далида убедила Армандо, что детей должны встретить на границе его люди. Армандо согласился не слишком охотно, не желая подвергать своих людей опасности, но в конце концов сказал, что его люди встретят детей по другую сторону границы. Но по территории Франции малышей должны были сопровождать люди из организации Давида Переца и Самуэля. Решили, что детей повезут в Перпиньян, а оттуда недалеко и до границы, откуда детей отправят в Барселону, где уже все будет готово к их приезду. Самое сложное — это, конечно, пересечь границу: для этого придется воспользоваться тропами контрабандистов.

На следующий день испуганные дети продолжили свое путешествие. Они еще не успели оправиться от пережитого страха, когда их разлучили с родителями, прятали по чужим домам, затем — в монастыре, где какие-то посторонние женщины заставляли их учить наизусть «Отче наш» и «Богородице, дево». Вряд ли из них собирались сделать католиков; просто, как объяснила сестра Мари-Мадлен, если их задержат, дети должны выглядеть добрыми христианами, а значит, знать молитвы.

Было решено, что Самуэль с ними не поедет; присутствие мужчины в группе монахинь неизбежно привлекло бы внимание. Так что Самуэль сдержанно простился с Далидой и Катей, не зная, суждено ли ему увидеть их снова.

Группу возглавляла сестра Мари-Мадлен. Детям достаточно было взглянуть на нее, чтобы умолкнуть. Монахиня обладала той непостижимой внутренней силой, в которой сейчас все нуждались больше, чем когда-либо.

При посадке на поезд их остановила полиция и потребовала предъявить документы. Монахиня стала объяснять одному из полицейских, что дети едут лечиться на курорт благодаря доброте своей благодетельницы, вот этой дамы. Катя улыбнулась легкомысленно-безразличной улыбкой, как будто это и впрямь была совершенно невинная поездка. Далида играла роль компаньонки графини.

Полицейские, казалось, были вполне удовлетворены объяснениями сестры Мари-Мадлен, но затем подошли еще двое мужчин, которые представились сотрудниками Гестапо и потребовали документы у детей и женщин.

— Неужели вы полагаете, что несчастные сироты представляют какую-то опасность для Третьего Рейха? — укорила монахиня гестаповцев.

— Сироты, может быть, и нет, — ответил один из гестаповцев. — А вот изменники представляют для Третьего Рейха серьезную опасность. Вы, сестра, случайно не изменница? — с этими словами агент Гестапо испытующе взглянул на монахиню.

— Я всего лишь слуга Божия, опекающая несчастных больных сирот. Они больны туберкулезом, вот их документы. Мы везем их на юг лечиться, чтобы от них не заразились другие дети в монастыре. Графиня была настолько щедра, что взяла на себя все расходы. Да возблагодарит ее Бог за ее доброту!

Видимо, в этот день Бог и в самом деле решил защитить этих детей — в отличие от тысяч других, которые с его попустительства погибли в газовых камерах. Агент Гестапо разрешил им сесть на поезд.

Катя и Далида поделили между детьми бутерброды.

— Сейчас вам нужно поесть, а потом — сразу спать, — наставляла сестра Мари-Мадлен. — Путь до границы долгий, и вы должны вести себя как можно тише.

Дети слушали ее, онемев от страха. Как ни мало им было известно, они все же понимали, что их жизнь висит на волоске.

Несколько раз поезд останавливали и пассажиров досматривали французская полиция и Гестапо. Они уже прибыли в Перпиньян и собирались покинуть поезд, когда их окружили четверо агентов Гестапо и потребовали предъявить документы. Один подозрительно оглядел Далиду и произнес:

— Что-то воняет еврейским душком.

Далида вздрогнула и протянула свои фальшивые документы.

— Итак, вы русская эмигрантка. Иванова, правильно?

— Да, — ответила Далида.

— Это моя компаньонка, — вставила Катя. — Я графиня Екатерина Гольданская.

— Так значит, фройляйн — ваша компаньонка? Вы можете поручиться, что она не еврейка?

— Разумеется, не еврейка! — Катя держалась с высокомерием истинной аристократки. — Или вы считаете, что я настолько глупа, чтобы взять в услужение еврейку?

Сестра Мари-Мадлен встала рядом с Катей.

— Месье, графиня была настолько добра, что взяла на себя заботы о больных туберкулезом детях. Благодаря ее доброте они смогут отдохнуть и набраться сил вдали от города. Уверяю вас, мадемуазель Иванова никакая не еврейка. Или вы считаете, что мы, добрые христиане, стали бы иметь дело с потомками людей, распявших Христа? Да Боже упаси! Прошу вас, месье, не задерживайте нас. Дети устали, они еще маленькие, им нужно поесть и отдохнуть.

Агенты Гестапо пристально вглядывались в лица молчаливых детей.

В конце концов их все же отпустили. Дети и взрослые продолжили свой путь без спешки, как будто им нечего бояться и нечего скрывать.

Далида решила задать монахине тот самый заветный вопрос, что уже давно не давал ей покоя.

— Сестра, вот вы сказали эсесовцу, что евреев совершенно справедливо преследуют за то, что они распяли Христа. Так значит, вы считаете правильным устраивать погромы и массовые убийства по всей Европе только за то, что когда-то евреи распяли Христа?— голос Далиды звучал спокойно, но монахиня расслышала в нем смятение и гнев.

— Можно подумать, вы не понимаете, почему я так сказала, — ответила она. — Как еще я могла убедить этих людей, что наши дети — не евреи? Очень жаль, если я вас обидела.

— Нет, я не обиделась, — заверила Далида. — Просто это так ужасно, что всему еврейскому народу приходится до сих пор жестоко расплачиваться за смерть Иисуса.

— Я не одобряю всех этих преследований и убийств, совершенных под предлогом мести за Христа. В конце концов, наш Господь и сам был евреем и никогда этого не скрывал — так как же я могу клеймить и проклинать еврейский народ?

— Однажды настанет день, когда Церкви придется попросить у нас прощения, — в словах Далиды прозвучала горечь. Будучи палестинкой, где евреи никогда не подвергались гонениям, она была потрясена, когда узнала, что в Европе достаточно уже родиться евреем, чтобы тебя не считали за человека.

— Ну что ж, если это поможет, я сама готова первой покаяться во всех грехах, которые мы совершили против евреев, — ответила монахиня.

После этих слов женщины надолго замолчали. Старшие дети не упустили ни единого слова из этого разговора, и теперь на их лицах проступило недоумение.

Армандо дал четкие инструкции: прямо от станции повернуть направо, пройти пятьсот метров, а затем кто-нибудь из них должен был произнести фразу-пароль: «Дорога никогда не кончается».

Они успели удалиться от станции где-то на километр, когда рядом затормозил грузовик. Водитель высунул голову в окошко и назвал пароль. Через минуту дети уже сидели в кузове и, хотя едва могли двигаться от усталости, наконец-то почувствовали себя в безопасности.

Они выехали из города, и водитель объяснил, куда идти дальше. Их путь лежал к небольшому дому почти у самой границы, скрытому в леске. Там их уже дожидалась пухленькая женщина небольшого роста; она выглядела очень обеспокоенной.

— Пусть дети поскорее заходят в дом и сидят там тихо, — сказала она. — Здесь мало кто ходит, но все-таки лучше не привлекать лишнего внимания.

Двухэтажный дом оказался довольно скромным. Первый этаж занимала огромная кухня; она же служила гостиной и столовой. Там их встретило уютное потрескивание дров в камине, а также теплое молоко и свежий горячий хлеб, которым угостила хозяйка.

— Этого, конечно, недостаточно, но по крайней мере, сможете заморить червячка, — сказала она.

Ее звали Иветта, и она была замужем за евреем.

— Мой муж умер незадолго до начала войны, — призналась она. — Страшно подумать, что с ним могло бы случиться, будь он жив... Эти люди отправляют евреев в Германию; якобы в трудовые лагеря, однако ходят слухи, что... Нет, лучше я не стану ничего говорить: боюсь, дети испугаются.

У Иветты в Испании было двое детей.

— Если бы вы знали, чего мне стоило убедить их перебраться за границу! Не сказать, что Франко любит евреев, но он хотя бы не их убивает и не заставляет пришивать к одежде звезды Давида. Время от времени я навещаю детей в Испании, но не могу позволить им

вернуться домой.

Уже наступила глубокая ночь, когда за ними приехал другой грузовик. Сидящий за рулем человек назвался Жаном; с ним вместе приехал молодой парень, который представился Франсуа. Они сказали, что повезут детей в Лез-Англь, а оттуда поведут тайными тропами в Пучсерду. Иветте предстояло их сопровождать.

Дети совсем измучились, но так боялись вызвать неудовольствие сестры Мари-Мадлен, что не смели ни плакать, ни жаловаться. Их разместили в кузове с брезентовой крышей, которая должна была защитить их как от дождя, так и от любопытных взглядов.

Жан, не зажигая фар, вел машину по каким-то грязным проселочным дорогам, стараясь не выезжать на шоссе. Поэтому дорога заняла гораздо больше времени, чем они предполагали. Когда они добрались до Лез-Англя, уже почти рассвело.

— Отсюда нам предстоит идти пешком, чтобы пересечь границу, — объяснил Жан. — Предупреждаю, это будет нелегко. Ближайшая к нам деревня — Пучсерда, но мы не можем идти напрямик. Придется идти через горы. Вы уверены, что дети смогут выдержать переход?

Катя устремила взгляд на покрытые снегом горные вершины. Они были по-настоящему прекрасны. Как чудесно было бы скатиться на санках по одному из этих белоснежных склонов!

Сестра Мари-Мадлен снова предупредила детей, чтобы вели себя тихо.

— Мы отправляемся на экскурсию, вам она понравится, — заверила монахиня, а на ее лице читалась безмерная тоска и острая жалость к этим несчастным созданиям.

Далида взяла на руки самого младшего из детей, а сестра Мари-Мадлен — девочку пяти-шести лет. Кате, как, впрочем, и Иветте, не позволили взять на руки ребенка: ей сказали, что она слишком устала, да и возраст у нее далеко не юный: как-никак, уже шестьдесят три года.

Жан шел впереди, по-прежнему требуя хранить молчание. Порой он останавливался, закрывая глаза, словно к чему-то прислушивался, стараясь уловить каждый звук или шорох, рождаемый этими горами. Замыкал шествие Франсуа; время от времени он куда-то исчезал; потом возвращался и о чем-то тихо говорил с Жаном.

— Я знаю эти горы, как свои пять пальцев, — заверила Катю Иветта.

Какая-то девочка споткнулась, упала и заплакала. Далида приказала ей замолчать, после чего наскоро обработала разбитую коленку девочки.

— Вот смотри, сейчас мы послюним эту тряпочку и как следует протрем ранку. Тут же все пройдет, вот увидишь.

— Мы должны идти как можно медленнее, — сказала Катя.

— Мы должны вовремя прибыть к месту назначения, — возразил Жан. — Вашим друзьям по ту сторону гор прекрасно известен график испанских патрулей. Если мы опоздаем хоть на минуту — нас могут обнаружить. Мне очень жаль, но нам нужно идти дальше.

Дети из последних сил карабкались по обледенелым тропам; порой их ноги вязли в снегу, отчего они мерзли еще сильнее и дрожали от холода. Ни у кого из них не было теплой одежды и подходящей обуви. Не было их и у Далиды, и у Кати, и уж, тем более, у сестры Мари-Мадлен; только у мужчин и Иветты была походная одежда и резиновые сапоги, в которых удобно было пробираться через сугробы.

— Дети могут заболеть, — прошептала Катя.

— Но хотя бы останутся живы, — ответила Далида.

Все же им пришлось сделать остановку. Дети совершенно выбились из сил, а самые младшие так просто спали на ходу.

— Позвольте нам отдохнуть хотя бы полчаса, — умоляла сестра. — Дети просто не выдержат!

— Десять минут — и ни секундой больше! — отрезал Жан.

Приказав детям сидеть тихо, он велел Франсуа сходить на разведку.

Тот ушел и вскоре вернулся, не на шутку встревоженный.

— Тут неподалеку целая рота солдат, — сказал он. — Кого-то ищут. Надо уходить. Придется сделать изрядный крюк, поднявшись вон на ту гору, иначе нам с ними не разминуться.

— Детям там не пройти! — возразила Далида.

— Боюсь, другого выбора просто нет. Либо они идут, куда сказано, либо нас всех арестуют. Лично мне совсем не хочется оказаться в одном из этих вагонов для скота, в которых евреев и маки отправляют в германские лагеря.

Остальным ничего не оставалось, как последовать за ними. Катя пообещала детям целый мешок карамелек, если они будут вести себя тихо.

Сколько времени они шли? Катя не помнила; помнила лишь, что все они промочили ноги, а дети дрожали от холода. Кто-то даже начал кашлять. Но четыре женщины упорно тянули их за собой, помогая вставать упавшим, зажимая рты тем, кто пытался заплакать.

Но вот наступила желанная минута, когда Жан с улыбкой повернулся к Кате.

— Мы в Испании.

— Слава Богу! — воскликнула сестра Мари-Мадлен, возводя глаза к небу и шепча молитву.

— Вы уверены? — обеспокоенно спросила Катя.

— Да, мы в Испании, — повторил Жан.

Теперь он наконец позволил им отдохнуть, расположившись под шатром заснеженных ветвей горной ели. Они промокли, вспотели, проголодались, но теперь были в безопасности.

— А где же те люди, что должны нас встретить? — допытывалась сестра Мари-Мадлен.

— Пришлось отклониться от курса, и теперь мы в четырех километрах от места назначения. Так что Франсуа пойдет вперед и проверит, ждут нас или нет. Быть может, нас давно уже никто не ждет: мы слишком задержались.

— Дети совсем выбились из сил, — сказала монахиня. — Они не в силах больше сделать ни шагу.

— Думаю, сестра, мы оторвались от того отряда, но точно я не уверен, — сказал Жан. — Мы в любую минуту можем нарваться на других солдат или жандармов.

— И что же они сделают? Вернут детей во Францию? — разозлилась сестра Мари-Мадлен. — Выдадут их гестаповцам только потому, что они евреи?

— Это война, сестра. Думаете, здесь кого-то волнует судьба каких-то сирот? Ну, спасли вы десяток детишек — Бог вас за это вознаградит; но, если мы нарвемся на солдат, вам останется лишь молить Бога о заступничестве.

— Может, вы не верите в Бога? — спросила монахиня.

— Как вы можете так говорить, сестра? — оскорбилась Катя. — Разумеется, он верит в Бога.

— Нет, сестра, я не верю в Бога, — ответил Жан. — Но это не мешает мне оставаться

порядочным человеком, и вы вполне можете мне доверять. Вы спасаете этих детей по велению Божьему, а я сражаюсь против нацистов, потому что считаю, что все люди равны, независимо от расы и вероисповедания. Каждый из нас действует в соответствии со своими убеждениями. Поэтому, сестра, давайте уважать друг друга: я не стану навязывать вам своих убеждений, а вы не пытайтесь обращать меня в свою веру.

Дети и в самом деле не в силах были сделать больше ни шагу, поэтому Катя, несмотря на возражения Жана, настояла, чтобы им позволили отдохнуть. Уже одно то, что они наконец-то в Испании, обнадеживало. Она, конечно, знала, что Франко — союзник Гитлера, но до сих пор ничего не слышала о том, чтобы Франко преследовал евреев. Поэтому не сомневалась, что, даже если их и задержат, то уж точно не отправят обратно во Францию, зная, какая судьба ждет там бедных детей. Именно так она и сказала Жану.

— Ну, если вы так доверяете франкистам — то вперед, а меня уж увольте, — ответил Жан. — Я анархист, мадам, а в Испании анархистов расстреливают, не разбираясь при этом, испанский ты анархист или французский. Я спасаю вам жизнь, помогая пересечь границу, не более того. Так что если не хотите идти, я ничего не могу поделать.

— Да ладно, Жан, не сердись, — вмешалась Иветта. — У тебя у самого маленькие дети: представь, как бы они карабкались через эти сугробы.

Однако Жан неумолимо тащил их все дальше. Уже стемнело, когда они услышали неподалеку чьи-то шаги. Жан, велев остальным затаиться, отправился выяснить, кто бродит поблизости. Вскоре он вернулся в сопровождении четверых мужчин, одним из которых оказался Франсуа.

— Есть тут домик неподалеку от Пучсерды, — сообщил он. — Там живут мать с дочерью; ее муж был контрабандистом, его арестовали и расстреляли. Там вы сможете отдохнуть, пока не придет грузовик, чтобы отвезти вас в Барселону.

Они простились с Жаном и Франсуа и отдались заботам встретивших их испанцев, которые помогли донести на руках детей, совсем выбившихся из сил. У всех троих за спиной висели винтовки.

Никто не видел, как они вошли в стоящий у подножия горы дом.

Должно быть, Иветта была хорошо знакома с его хозяйкой, поскольку они тут же обменялись горячими поцелуями.

— О Боже, бедные детки! — воскликнула хозяйка.

— Нурия, у тебя не найдется поесть чего-нибудь горячего? — спросила Иветта.

— Прежде всего, им нужно снять все мокрое, мы развесим их одежду сушиться у камина, — ответила Нурия — рыжеволосая женщина с карими глазами, ростом повыше Иветты и столь же решительная.

— Если их раздеть, они замерзнут насмерть, — возразила сестра Мари-Мадлен.

— Они замерзнут насмерть, если их не раздеть. Я постелю на полу матрасы и накрою их одеялами; Иветта, помоги. А пока можно дать им горячего молока, оно вон в том кувшине.

В скором времени сестра Мари-Мадлен вынуждена была признать, что Нурия права. Дети высохли и обогрелись, выпили несколько кружек молока и теперь мирно спали, закутанные в простыни и одеяла

Катя и Далида тоже переоделись в сухую одежду Нурии, но сестра Мари-Мадлен, хоть и не переставала кашлять, отказалась снять промокшую рясу, пытаясь обсохнуть возле камина.

— Считаете, Господь так уж огорчится, если вы ненадолго снимете рясу, пока она не

высохнет? — спросила Нурия.

Монахиня ничего не ответила. У нее болела голова, а в груди разливался жар, не давая вздохнуть.

— Эта женщина больна, — сказала Иветта, обращаясь к Нурии.

В конце концов, Катя убедила ее перебраться в спальню Нурии и переодеться в ночную рубашку, пока ряса высохнет.

— Никто вас не увидит, сестра, обещаю.

— Быть монахиней — значит подчиняться определенным правилам, — ответила она. — Эти обязательства мы приняли добровольно, никто не заставлял. Я понимаю, вам, возможно, кажется абсурдным, что я отказываюсь надеть другую одежду, как это сделали вы с Далидой.

— Я вовсе не осуждаю вас, сестра, просто призываю вас вести себя разумно, — убеждала Нурия. — Пусть ряса высохнет, а вы пока побудете в моей комнате, где вас никто не увидит. Думаю, на это вы вполне можете согласиться.

Нурия сказала, что те трое мужчин, которые помогали им добраться сюда, охраняют дом.

— Мы их не видим, но они не теряют нас из виду и при малейшей опасности тут же придут на помощь, — объяснила она.

— Почему вы работаете в Сопротивлении? — спросила Катя.

— А вы знаете, сколько испанцев состоят в Сопротивлении? — усмехнулась в ответ Нурия. — Сама я в Сопротивлении не состою, но с нетерпением жду, когда Союзники освободят нас от тирании Франко.

Уже наступила ночь, когда в дверь Нурии кто-то осторожно постучал. Она пошла открывать, сунув руку в карман передника, где прятала пистолет.

Это оказался один из тех мужчин, что помогли им добраться до дома Нурии. Он сообщил, что грузовик уже прибыл и ждет, когда погрузят детей. Дети, успевшие поесть и отдохнуть, уже вполне могли продолжать путь. А вот сестра Мари-Мадлен совсем расхворалась. Она вся горела, и охватившая ее дрожь никак не унималась.

— Сестра, вам лучше остаться здесь, — настаивала Катя. — Мы сами довезем детей до Барселоны. Надеюсь, к нашему возвращению вы поправитесь.

Однако монахиня, несмотря на лихорадку, по-прежнему настаивала на том, чтобы сопровождать детей.

— Говорят, Франко очень набожен, и думаю, лучше, если детей будет сопровождать монахиня, — сказала она.

Ее так и не удалось убедить и пришлось помочь ей снова забраться в грузовик.

Путешествие оказалось тяжелым. Их остановила пара патрульных. Водитель объяснил, что везет в обитель Сестер Милосердия Барселоны больную монахиню и нескольких детей-сирот, страдающих туберкулезом. Патрульные опасно покосились на грузовик и велели ехать своей дорогой.

— Нам повезло, — сказала Катя.

— Это не везение, это Господь нас хранит, — убежденно заявила сестра Мари-Мадлен.

— Почему же Господь не всегда хранит тех, кто в этом нуждается? — возразила Далида. — Вы знаете, сколько детей лишились родителей, сколько родителей потеряли детей? Скажите, почему Господь допустил эту войну? Если мы все — его дети, то почему он допускает снова и снова, чтобы нас, его детей, на протяжении веков преследовали только за то, что мы евреи? — повысила голос Далида. Она уже давно перестала верить в

справедливость Божьего суда.

Сестра Мари-Мадлен так и не нашла, что ответить.

Барселона, несмотря на все разрушения гражданской войны, выглядела настоящей королевой. Водитель, казалось, прекрасно знал, куда ехать. Дети выглядели совершенно измученными.

Дом, куда их доставили, находился на бульваре Сан-Хуан. Водитель велел немного подождать, пока он поговорит с хозяйкой. На стук вышла высокая женщина с седыми волосами, убранными в пучок на затылке. Они с водителем перебросились несколькими словами, а затем женщина подошла к грузовику и велела всем выбираться.

— Скорее, скорее, — торопила она.

Когда все проследовали в дом, хозяйка наконец-то представилась. Звали ее Дороти, она была американкой и тоже состояла в этой группе, помогая спасти детей из лап немцев.

— Мы сотрудничаем с Еврейским агентством, — сказала она. — Делаем все, что в наших силах, но, сами понимаете, это лишь капля в море. Но нам будет отрадно знать, что хотя бы эти несчастные дети выживут в войне.

— Куда вы их повезете? — спросила Катя.

— Пока они побудут здесь, — ответила Дороти. — Потом мы по возможности переправим их в Палестину, но с каждым разом это становится все труднее: британцы прилагают все усилия, чтобы ни один корабль с евреями не вошел в палестинские порты. Так что я не могу пока сказать, куда именно их повезут, но даю слово, что они будут в безопасности.

— Я слышала, что в Швейцарии евреев хорошо принимают, — заметила Катя.

— Не беспокойтесь, с уверяю, что им больше ничего не угрожает.

— Как, по-вашему, не может ли так случиться, что Франко понравятся принятые в Германии расистские законы, и он в угоду фюреру депортирует из Испании всех евреев?

— Я не могу ничего гарантировать, но точно знаю, что пока этого не произошло, — успокоила ее Дороти. Мы стараемся соблюдать осторожность; думаю, это главное наше оружие.

— А вы сами? — спросила Далида. — Почему вы помогаете евреям?

— Дорогая, ведь я и сама еврейка. Моя семья родом из Салоников, но дедушка с бабушкой эмигрировали в Соединенные Штаты. Я родилась в Нью-Йорке, но считаю, что при любой возможности должна помогать евреям, попавшим в беду, особенно детям.

— Семья моей матери тоже сефардского происхождения, причем именно из Салоников, — призналась Далида, успокоенная тем, что американка оказалась еврейкой.

Дороти настояла, чтобы сестру Мари-Мадлен осмотрел врач; монахиня дрожала в лихорадке, и пот тек с нее ручьями.

На пару дней им пришлось задержаться в Барселоне, пока монахиня хоть немного не поправится. Дороти показала им город.

— Барселона — очень красивый город, — высказала свое мнение Далида. — Жаль только, что все его жители так печальны.

— А какими еще они могут быть после гражданской войны? Здесь у всех кто-то погиб: у кого-то — отец, у другого — брат или жена, сын, племянник... Но поверьте, еще хуже, чем потерять близких — это знать, что твои родные сами стали убийцами. Особенно в деревушках и маленьких городах, где все друг друга знают. Должно смениться несколько

поколений, прежде чем испанцы смогут себя простить.

И Кате, и Далиде очень понравилась эта американка, потому что она оказалась по-настоящему добрым человеком. Ее муж, американец, служил в одной из правительственных организаций Соединенных Штатов. Дороти не говорила, кем именно, а они так и не спросили.

Сама же Дороти помогала евреям переправиться из Франции в Испанию.

— А вы не боитесь, что вас задержит полиция? — спросила Катя.

— Не думаю, что это случится, — ответила Дороти. — А впрочем, знаете, порой мне кажется, что, как бы Франко ни заигрывал с Гитлером и Муссолини, портить отношения с британцами и американцами он тоже не захочет. Кроме того, изрядное число своих яиц он положил в нашу корзину. Но все же мы не настолько наивны и стараемся зря не нарываться. Я вам уже сказала, что мы действуем с большой осторожностью.

Провернув эту операцию, Катя с Далидой не только спасли детей, но и завербовали сестру Мари-Мадлен в члены группы.

Им удалось убедить Давида и Самуэля, что помощь монахини их группе никак не помешает.

— Катя, не будь столь самоуверенной, — отговаривал ее Самуэль. — На сей раз все прошло благополучно, но почему она и дальше должна участвовать в деле спасения евреев? К тому же наши друзья из Сопротивления не одобряют, если мы посвятим монахиню в свои дела. Они не захотят ставить под угрозу свою жизнь, доверяясь постороннему.

Когда Далида рассказала о Мари-Мадлен Армандо, испанец решительно воспротивился.

— Не стоит доверять нашу жизнь этой монашке, — заявил он.

— Если бы не она, мы бы не смогли спасти этих детей, — возразила Далида.

— Ну что ж, если ты считаешь, что она заслуживает доверия, то пожалуйста. Можешь пользоваться ее услугами на свое усмотрение, но не вздумай раскрывать наши имена. Положим, ты считаешь, что ей можно доверять, но я не обязан так думать.

— Я знаю, что Франко в Испании благоволит к церкви, но здесь ведь Франция, — сказала Далида.

— И хватит об этом, девочка, — оборвал он. — В противном случае...

— И что же в противном случае?

— В противном случае ты отправишься своей дорогой. Я не собираюсь подвергать риску наше дело только потому, что какая-то монахиня решила проявить сочувствие к еврейским детям. Я не занимаюсь спасением евреев, а воюю против фашизма. Я сражаюсь за свободу — и за свободу Франции, но также и за свободу Испании. И если мы выиграем войну, я надеюсь возродить нашу родину.

Далиде стало ясно, что Армандо никогда не примет помощи Мари-Мадлен. В его глазах священники и монахи были союзниками Франко, и он не способен был ничего разглядеть за пределами собственной боли — боли за близких, которых он потерял на войне, и не только на войне.

Она почти ничего не знала об Армандо: в Сопротивлении было не принято рассказывать о личной жизни. Но слышала, что, когда фалангисты ворвались в его деревню, они приказали обрить наголо всех женщин, которых посчитали «красными», а потом расстреляли мужчин, сохранивших верность Республике. Говорили, что его жена была одной из пострадавших. Правда это или нет, Далида не знала, и ни за что на свете не решилась бы об этом спросить.

Она рассказала Самуэлю о своей размолвке с Армандо. К ее удивлению, отец сказал, что испанец прав.

— Я понимаю, что вы с Катей полюбили сестру Мари-Мадлен, но это еще не значит, что Соппротивление может ей доверять. Мы не вправе втягивать посторонних в наше дело и требовать от них больше, чем они могут дать. Эта монахиня нам достаточно помогла, но было бы несправедливо и дальше подвергать ее опасности.

Но Далида не обратила на его слова никакого внимания. Ей нравилось вести богословские беседы с сестрой Мари-Мадлен, которая зачастую оказывалась в полной растерянности перед ее вопросами. Монахиня была не богословом, а просто храброй женщиной, которая старалась честно исполнять Христовы заповеди и помогать людям. Причем не из политических соображений, а просто потому, что считала — те, кто преследует евреев, преследует и самого Христа, а те, кто их убивает, убивает Христа в их лице.

— Ты знаешь, что сестра Мари-Мадлен, при всей ее приверженности католической вере, встала на нашу сторону, — стояла на своем Далида. — Мы все боремся за правое дело, так почему ты считаешь, что ее вера слабее нашей?

Твой отец очень сердился на Далиду. Как ты и сам знаешь, он никогда не отличался особой религиозностью. Он всегда воспринимал иудаизм как тяжелое бремя, как несмываемое клеймо, которое делало его не таким, как все. И никак не мог понять внезапно возникшей у Далиды склонности к католицизму, и уж совсем ему не нравились ее походы в церковь по воскресеньям, где она слушала, как поют монахини во время мессы.

Группа Армандо получила от британцев новое задание — взорвать железнодорожные пути на линии, идущей из Парижа к германской границе.

Армандо попросил Далиду о помощи. Ему нужен был человек, который мог бы доставить взрывчатку к окраинам Парижа. Твоя сестра научилась водить автомобиль, а Армандо было известно, что у Давида Переца есть машина.

Самуэль встретился с Армандо, чтобы обсудить детали предстоящей операции. Твой отец заявил, что Далида окажется в большой опасности, если что-то пойдет не так, и предложил сам сесть за руль машины, везущей взрывчатку.

— Никому не придет в голову заподозрить такого немощного старика, как я, — сказал Самуэль.

— Вам предстоит не только отвезти взрывчатку за сто километров от Парижа, — возразил Армандо. — Вы должны будете помочь ее выгрузить. Далида молода, и от нее будет больше толку, чем от вас; кроме того, она знает, как обращаться со взрывчаткой, а я не уверен, сможете ли вы хотя бы включить таймер.

В конце концов, они все же пришли к соглашению: решили, что Самуэль и Далида поедут вместе.

В назначенный день, уже в сумерках, они выехали из города. По плану Армандо, к месту назначения они должны были прибыть ночью, где и встретиться с ним. Место выбрали глухое, вдали от города и деревень. Армандо решил, что лучше уж рискнуть, действуя в чистом поле, чем привлечь к себе ненужное внимание. Армандо заручился поддержкой одного старика-железнодорожника. Тот указал, где лучше всего установить взрывное устройство. Предполагалось взорвать участок железнодорожного полотна, чтобы блокировать поставки продовольствия и боеприпасов, которые Вермахт получал из Германии.

Самуэль вел машину не торопясь, стараясь не привлечь к себе лишнего внимания. Далида просила пустить ее за руль, но твой отец не позволил, ведь молодая женщина за рулем слишком бросается в глаза, это наверняка не ускользнуло бы от зорких глаз от Отделения СС IVB4, во главе которого в то время стояли Алоиз Брюннер, Теодор Даннекер и Хайнц Ротке, снискавшие заслуженную славу убийц.

В тот день удача оказалась не на их стороне: едва они успели выехать за пределы Парижа, как спустило колесо. А хуже всего то, что это случилось совсем рядом с Дранси — лагерем, куда немцы согнали тысячи евреев.

Пересыльный лагерь располагался неподалеку от трех железнодорожных станций, откуда свозили под конвоем тысячи евреев, которых потом отправляли дальше — в Польшу, в лагерь Освенцим и Собибор.

С дороги были хорошо видны пять дозорных башен лагеря Дранси.

— Даже не знаю, смогу ли я сама поменять колесо, — с сомнением в голосе произнесла Далида, смущенная близостью лагеря. — Боюсь, придется позвать кого-то на помощь.

— Не волнуйся, — ответил Самуэль. — Пусть я старик, но еще помню, как менять колесо. Если ты мне поможешь, мы управимся быстро.

Самуэль как раз снимал спущенное колесо, когда появилась группа солдат со значками СС в петлицах.

Эсесовцы потребовали документы, и один из них стал внимательно изучать бумаги, пока остальные задавали вопросы.

— Куда вы направляетесь?

— На север, к родственникам.

— А именно?

— В одно местечко недалеко от Нормандии, — объяснил Самуэль. — Я уже стар, и в Париже мне тяжело.

— А вы чем занимаетесь? — спросил солдат у Далиды.

— Забочусь об отце и служу компаньонкой у одной пожилой дамы.

Но солдатам, видимо, не понравились ответы, потому что они, грубо оттолкнув от машины Далиду и Самуэля, принялись тщательно ее обыскивать.

Самуэль достал сигарету и закурил с нарочитой небрежностью. Далида молилась про себя, чтобы солдаты не обнаружили тайник, где люди Армандо спрятали динамит.

Она и сама не знала, где именно находится тайник. Армандо сказал, что если их остановят и начнут допрашивать, ей не придется лгать. И вообще, будет лучше, если она не будет знать про тайник: так она в любом случае не сможет его выдать.

Солдаты тщательно обыскали машину, но ничего не нашли. Закончив осмотр, они сказали, что Далида и Самуэль могут поменять колесо и отправляться своей дорогой.

Меняя колесо, Самуэль с Далидой не обменялись ни единым словом. Прошло немало времени, прежде чем они решились заговорить.

К месту встречи они прибыли на два часа позже, чем было условлено. Казалось, их никто не ждал. Самуэль остановил машину.

— Подождем немного; если никто не появится, вернемся в Париж.

— Они думают, что нас арестовали, — заявила Далида. — Армандо не станет ждать ни одной минуты. Когда кто-то не прибывает вовремя, он просто отменяет операцию.

— Мы сделали все возможное, — ответил Самуэль. — По крайней мере, добрались до места назначения.

Они ждали полчаса, но даже мышь не пробежала мимо. К тому же и дождик начал накрапывать.

Самуэль уже завел мотор, собираясь уезжать, когда они вдруг увидели приближающуюся к ним тень. Это оказался старик, который шел, прихрамывая и опираясь на трость. Самуэль и Далида решили подождать, пока он подойдет вплотную к машине.

Незнакомец заглянул в боковое окошко машины с той стороны, где сидела Далида, и произнес условную фразу:

— Не доверяйте погоде, сегодня может пойти дождь.

Далида с такой силой распахнула дверцу, что едва не сбила старика с ног.

— Почему вы опоздали? — спросил он.

— Колесо спустило, а потом нас задержал патруль СС, — ответила Далида.

— Где наши друзья? — допытывался Самуэль.

— Недалеко отсюда. Я как раз собираюсь к ним.

— Мы пойдем с вами, — предложила Далида, в глубине души надеясь, что он откажется.

— Нет, вам не стоит этого видеть, — ответил старик. — Подождите здесь, только выключите фары. Они скоро придут, а если не придут, то я вернусь и вам сообщу.

Они смотрели, как незнакомец исчезает в ночи.

Прошел почти час; они уже потеряли надежду, когда появился Армандо в сопровождении незнакомого мужчины. Незнакомец открыл дверцу машины и разместился на заднем сиденье.

Самуэль с Далидой повторили им то, что уже рассказали железнодорожнику. Армандо, казалось, сомневался, стоит ли закладывать взрывчатку.

— Уже слишком поздно, темно, да и дождь припустил, — объяснял он, не уверенный в правильности принятого решения. — Фитили могут намокнуть.

Однако Раймон, его помощник, с этим не согласился.

— Мы не можем отступить, — возразил он. — Завтра прибывает поезд из Берлина с поставками для войск в Париже. Нельзя этого допустить.

— На улице дождь, — не сдавался Армандо.

— Дождь не помешает взорвать рельсы. Да, это будет труднее, но вполне можно.

Они еще долго спорили, но в конце концов Армандо уступил настояниям француза.

Раймон вышел из машины и подошел к старику, ожидавшему в нескольких метрах от машины. Самуэль с Далидой не слышали их разговор, но вскоре старик ненадолго отошел, а затем вернулся в сопровождении пятерых мужчин и одной женщины, которую представил как свою невестку.

Двое мужчин сняли задние сиденья автомобиля, под которыми обнаружился тайник со взрывчаткой. Они стали выгружать ее прямо на дорогу, а Армандо велел Самуэлю отогнать машину на несколько километров вперед, не зажигая при этом фар.

Далида помогала Армандо выгружать ящики. Она делала это без малейшего страха или сомнения; для нее это была просто работа.

На установку взрывного устройства потребовалось полчаса. Работали в полном молчании, не решаясь передохнуть даже на полминуты, тревожась, что вот-вот наступит рассвет и кто-нибудь их увидит. Когда все заряды были установлены, Армандо дал знак

поджечь фитили.

Когда прогремел взрыв, они находились уже далеко.

Взорвались не все ящики. Несколько фитилей потухло из-за дождя, но все равно значительный участок железной дороги был выведен из строя. Немцам понадобится немало времени на его ремонт.

— А теперь по-быстрому разбегаемся. Встретимся через несколько дней в Париже, — сказал Армандо, прощаясь.

Самуэль слишком устал, чтобы вести машину, и за руль села Далида. Армандо не умел водить машину, а оставаться здесь было слишком опасно: в любую минуту их могли задержать.

— Мы спрячемся на ферме в нескольких километрах отсюда, — сообщил Армандо. — Нас там уже ждут. Хозяевам можно доверять.

— А остальные? — спросила обеспокоенная Далида.

— У всех есть план отступления на случай провала. Они в безопасности.

Ферма принадлежала сыну старого железнодорожника, который в это время находился в Марокко, во французской армии. Его жена — та самая женщина, что помогала выгружать взрывчатку — сказала, что спрятала машину в стоге сена. Она предложила по тарелке горячего супа и проводила в комнату, где они могли отдохнуть.

Два дня они провели на ферме, дожидаясь, пока все утрясется.

Катя с нетерпением ожидала их в Париже. Когда он вернулись, она с большим удовольствием пересказала, что говорят об этом опустошительном взрыве.

Ее пригласили на чай к одному знакомому, имеющему связи среди немецких офицеров. За столом как раз обсуждали, как разозлился губернатор Парижа. Одна дама заверила, что «преступников непременно найдут, достанут из-под земли. Полиция уже арестовала нескольких подозрительных личностей. Конечно, их расстреляют. Просто не понимаю, чего хотят добиться эти люди, которые причиняют нам столько хлопот». Катя ничего не ответила, лишь молча улыбнулась. Далида отправила в Лондон отчет об успешном завершении операции и получила новое задание для Армандо.

Далида проснулась от холода и тяжело вздохнула, подумав о том, что придется выбираться из-под одеяла и спускать ноги на холодный пол. Ее разбудил сухой кашель Самуэля. Надо будет поговорить с Катей, чтобы та выделила несколько франков на дрова, а то печка еле теплая.

Она хорошо знала, что, если отец отказывается покупать дрова — значит, денег у них совсем не осталось.

Им удалось продать за бесценок несколько картин и кое-какие драгоценности, но больше не осталось ничего ценного. Кроме того, большую часть своих денег Самуэль потратил на финансирование операций по оказанию помощи евреям, которые избежали кровавых когтей нацистов.

Она чувствовала себя очень усталой. Ей удалось поспать лишь четыре часа, поскольку накануне пришлось участвовать в другой операции группы Армандо.

Цель операции состояла в том, чтобы взорвать кафе, которое посещали все сотрудники СС, в том числе и ненавистный капитан Алоиз Брюннер. Спротивление приняло решение заложить бомбу именно там.

План Армандо был очень прост. Кто-то должен зайти в кафе, заказать что-то из меню, а затем уединиться в туалете. Там он должен будет оставить взрывчатку и поскорее унести

ноги, зная, что в запасе не более минуты.

— А что будет с гражданскими? — спросила Далида.

Но Раймон лишь посмеялся над муками ее совести.

— Девочка, — сказал он, — там нет гражданских. Только солдаты и сотрудники Гестапо. И не воображай, пожалуйста, что владелец кафе чем-то лучше нацистов. Он даже хуже любого из них, потому что предатель.

Этот ответ показался ей достаточно убедительным, чтобы она приняла в операции самое активное участие. Главная сложность состояла в том, чтобы переправить бомбу из дома одного из членов Сопротивления в это самое кафе. Далиде удалось проделать это без помех, после чего она вернулась домой с нехорошим предчувствием.

Далида заварила себе чаю и выглянула в окно. Уже начинало светать; на улице не было ни души. Она хотела вернуться в постель, но прекрасно знала, что если уж проснулась, то больше уснуть не сможет. Кроме того, ей было чем заняться — скажем, заштопать носки отца или сварить бульон из имеющихся в доме скудных запасов, чтобы согреть его старые кости. Однако ни того, ни другого ей сделать было не суждено.

Самуэль еще спал, когда снаружи послышался нетерпеливый стук в дверь. Он начал поспешно одеваться, недоумевая, кто бы мог появиться в столь ранний час. Он слышал, как Далида открыла дверь, а затем, к величайшему удивлению, он услышал Катин голос.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Далида. — Заходи скорее! Что-нибудь случилось?

— Давида Переца арестовали, — ответила она. — Я узнала об этом еще вчера вечером, но вчера не могла вас предупредить. Я была в гостях, и там как раз обсуждали, что арестован «один из руководителей еврейского Сопротивления». Я не решилась спросить, кто именно, но с этой минуты стала ловить каждое слово, пока кто-то не упомянул имя Переца. Это был один из офицеров СС, он говорил с начальником французской полиции, упрекая его за то, что до сих пор не арестовали всех евреев в Париже. Тот оправдывался, уверяя, что и так делается все возможное, однако, по его словам, «многим евреям удалось скрыться, но, вне всяких сомнений, мы всех скоро найдем и арестуем». Потом они заговорили о Давиде Переце. Его арестовали при попытке спрятать нескольких еврейских девочек, родителей которых отправили в лагерь Руалье. Судя по всему, родители попросили своего друга спрятать девочек; друг согласился, однако его жена очень нервничала и вконец растерялась, когда соседки стали расспрашивать, что это за девочки и откуда взялись. Сначала она сказала, что это дочери ее заболевшей кузины, но в конце концов выболтала правду одной из соседок, и та донесла. Муж едва успел вывести девочек из дома и привести их в дом Давида Переца. Но полиция уже шла по следу и арестовала всех.

— Никто не знает об этом доме Давида Переца, — сказала Далида. — Лишь немногие знают, где он живет.

— Вот и мы так думали. Давид, как и твой отец, ушел из дома и нашел безопасное убежище, но все равно его выследили. Давида и его жену арестовали. Хорошо хоть их дети, как тебе известно, уехали в Испанию.

— Пойду разбужу отца. Он плохо спал, всю ночь кашлял.

— Здесь очень холодно.

— Он не хочет, чтобы я считала его слабым, и старается не подавать виду, что ему холодно, — ответила Далида. — Когда я жалуюсь, что мерзну, начинает рассказывать, какие суровые зимы в Санкт-Петербурге, в сравнении с которыми здешний холод — просто пустяки.

— Насчет Санкт-Петербурга он прав, но здесь.... Никогда я не встречала здесь подобного холода, — поежилась Катя.

Самуэлю не потребовалось много времени, чтобы одеться и выйти в гостиную, где его ждали за чашкой чая Далида и Катя.

— Так что же нам теперь делать? — спросила Далида, когда Катя повторила тревожные новости для Самуэля.

— Немедленно съезжать. Бросайте вещи, сейчас не до них, берем только самое необходимое. Давид в любую минуту может нас выдать, и тогда они придут за нами.

— Как ты можешь так говорить, папа? Давид никогда нас не выдаст.

— Дочка, я и сам знаю, что наш друг будет держаться до последнего, но в Гестапо умеют развязывать языки. Его будут пытаться, пока не сломается, и тогда он заговорит.

— Твой отец прав, — сказала Катя. — Я помогу вам перебраться в другое место. Можете укрыться у меня, хотя бы на несколько дней. Никому не придет в голову искать вас в моем доме.

— Нет, Катя, — ответил Самуэль. — Ты намного полезнее для Сопротивления и британской разведки, занимаясь тем, чем сейчас занимаешься — сбором информации. Далида может оставаться с тобой — в конце концов, ей не впервые придется изображать твою компаньонку, так что никто не удивится, увидев ее в твоём доме; но вот мое присутствие было бы крайне нежелательно, а я не хочу подвергать вас опасности.

— Но тебе в любом случае нужно спрятаться, — настаивала Катя.

В конце концов они договорились, что твоя сестра укроется в доме Кати, а отец еще ненадолго останется, пока не найдут место, где его спрятать.

После этого Далида отправилась к Хуане и Василию в надежде, что они смогут помочь.

Хуана выслушала ее печальный рассказ.

— Если ваш друг Давид заговорит, они перевернут вверх дном весь Париж, чтобы вас найти, — заявил Василий.

— Мы должны где-то спрятать отца, — настаивала Далида.

— Он можете переждать здесь несколько дней, — ответила Хуана.

Василий хотел было возразить, но суровый взгляд испанки заставил его замолчать. Даже Педро, дядя Хуаны, и тоже не осмелился оспаривать решение племянницы.

— Мы все сейчас в опасности, — сказал он. — Это как в домино: если падает одна костяшка, вслед за ней и все остальные. Давиду известно о нашем существовании, мы сделали для него немало документов, и если его заставят говорить...

— Да что же это такое? — закричала на них Хуана. — Что вы хвосты поджали? Можно подумать, мы не знаем, что Гестапо объявило на нас охоту, и что нам грозит, если поймают. В лучшем случае нас просто убьют, в худшем — будут пытаться или отправят в Германию, в какой-нибудь из лагерей. Но, как говорят у нас в Испании, нельзя приготовить омлет, не разбив яиц.

— Так что ты предлагаешь, Хуана? — спросил Василий.

— Думаю, Самуэлю стоит остаться здесь, пока мы не найдем для него более безопасного места. Насчет Далиды тоже нужно предупредить наших людей из Сопротивления. Армандо сейчас нет в Париже, но мы можем сообщить Раймону, а уж он знает, что делать.

— Разумнее всего для вас будет покинуть Францию, — посоветовал Педро.

— Да, это было бы лучше всего, — поддержала его Хуана. — Мы могли бы переправить

вас в Испанию, а оттуда нетрудно добраться до Португалии.

Далида по-настоящему восхищалась Хуаной и ее силой духа; испанка была поистине бесстрашной женщиной. Неудивительно, что Василий в нее влюбился. Гораздо больше Далиду удивляло, что этот громадный детина, почти великан, рядом с Хуаной становился покладистым и кротким, как ребенок.

— А вот насчет тебя у меня другая идея, — обратилась Хуана к Далиде. — Твоя подруга-монахиня могла бы спрятать тебя в своем монастыре. Никому не придет в голову искать тебя там, и не нужно будет подвергать опасности Катю.

— Даже не знаю, возможно ли это... — ответила Далида.

— А ты попробуй, — настаивала Хуана. — Полагаю, это наилучший для тебя выход. Твой отец может пока остаться здесь, но вам все равно придется уехать.

— Но ведь вы и сами в опасности, — напомнила Далида.

— Мы не можем уехать, — ответил Педро. — Слишком много всего пришлось бы вывозить, а это ой как непросто. Так что единственная надежда — что слишком немногие знают, где нас найти.

— Но ведь и Давид входит в число этих немногих, — возразила Далида.

Хуана решительно прервала их разговор.

— Как бы то ни было, наш долг — делать свое дело и соблюдать осторожность.

Кате тоже не казалось удачной идеей спрятать Самуэля в доме Хуаны.

— Если Давида заставят говорить, то первым делом заявятся в этот дом, — сказала она.

— Вот уж где они не смогут меня найти — так это здесь, — устало ответил Самуэль, не переставая кашлять.

— Ты вот говоришь, что подвергаешь меня опасности. А тебе не приходит в голову, что я и без тебя в постоянной опасности?

— Единственное, на что я не согласен — это покинуть Париж, — сказал Самуэль. — Слишком многим я нужен здесь.

— Возможно, действительно настало время нам всем уезжать, — задумчиво протянула Катя. — Константин прав, требуя, чтобы мы уехали в Лондон. Мы и так уже сделали все, что от нас зависело, но если мы сейчас останемся, всем от этого будет только хуже...

— Думаю, будет лучше, если ты вернешься в Лондон и забереешь с собой Далиду, но я останусь здесь, — Самуэль был непреклонен в своем решении.

Катя еще надеялась его убедить.

— Предлагаю решить все по порядку, — сказала она. — Прежде всего, нужно позаботиться о том, чтобы нас не арестовали. Далида проводит тебя в дом Хуаны, а я тем временем повидуюсь с сестрой Мари-Мадлен. Увидимся в монастыре. Если сестра разрешит Далиде остаться у них — проблема решена; если нет — мы вернемся домой.

Хуана не на шутку встревожилась, заметив, какой больной вид у Самуэля. Он весь горел и кашлял. Педро проводил его в свою комнату, чтобы он смог отдохнуть, а Хуана пообещала Далиде, что будет заботиться о нем.

— Он такой же упрямый, как мой покойный отец, — заметила Хуана.

Когда Далида добралась до монастыря, одна из сестер провела ее в трапезную, где сестра Мари-Мадлен о чем-то беседовала с Катей. Она сразу заметила тревогу на лице монахини.

— Я уже сказала Кате, что охотно позволила бы тебе остаться, но я должна спросить разрешения у настоятельницы, а она — просто страшная женщина, — объяснила Мари-

Мадлен.

— Нам неловко подвергать вас такому риску после всего, что вы для нас сделали, — сказала Далида.

Две недели назад Далида привела в монастырь еврейскую семью, чтобы спрятать ее на несколько дней, и монахиня приняла их всех без колебаний, за что потом получила выволочку от настоятельницы, которая напомнила о том, что она своим поведением ставит под удар всю обитель. И теперь добрая женщина разрывалась между страхом и чувством долга, который велел ей помочь ближнему.

— Представьте себе, что сам Христос попросил бы вас о помощи — неужели вы бы отказали ему? — убеждала она настоятельницу. — А ведь Христос был таким же евреем, как и все эти люди — так неужели вы откажете им в помощи? Бог нам этого не простит.

Настоятельница в страхе перекрестилась, ошеломленная рассуждениями монахини. Она и сама рада была бы помочь этим евреям, но при этом дрожала от страха при мысли, что будет со всеми, если люди Гестапо постучат в двери монастыря.

Несколько дней спустя Армандо попросил Далиду помочь найти убежище для одной женщины из Сопротивления, по пятам за которой шли гестаповцы.

Далида попросила сестру Мари-Мадлен спрятать женщину в монастыре, пока Армандо не вывезет ее из Парижа в безопасное место. Монахиня снова согласилась, но на этот раз настоятельница разгневалась не на шутку.

— Вы не имеете право превращать обитель в штаб-квартиру Сопротивления, — заявила она. — Одно дело — помочь несчастным сиротам, и совсем другое — помогать всем подряд.

Однако в конце концов сестре Мари-Мадлен удалось настоять на своем. Настоятельница согласилась принять у себя эту женщину, но предупредила, чтобы монахиня «ни в коем случае» никого больше не приводила в монастырь, не поставив ее в известность.

— Я постараюсь уговорить ее позволить тебе остаться, но если она откажется... Я не смогу ее послушаться, — извинилась монахиня.

Катя и Далида с нетерпением ожидали, когда сестра вернется после разговора с настоятельницей. Ее не было слишком долго, и они уже подготовились к отказу.

Когда сестра Мари-Мадлен вернулась в трапезную, у нее было лицо полководца, который только что выиграл битву, хоть и ценой немалых потерь.

— Можешь остаться здесь на два дня — и ни секундой больше, — сказала она. — К сожалению, это все, что я могу для тебя сделать.

— Это гораздо больше, чем мы надеялись, — с улыбкой ответила Катя.

По крайней мере, у них есть два дня, чтобы подготовить побег в Испанию. Армандо и Раймон должны им помочь.

Катя не знала никого из них, но в Сопротивлении знали о ней и были благодарны за предоставляемую информацию. Что касается Далиды, то в ее распоряжении имелся экстренный способ связи — как раз на такой непредвиденный случай.

Если возникали какие-то непредвиденные трудности, Далида отправлялась в маленькую галантерейную лавку, расположенную неподалеку от Лувра, где заправляла мадам Жозефина — женщина средних лет, красивая, серьезная и ответственная. Далида перебирала катушки ниток и мотки шерсти, каждый раз повторяя одно и то же:

— Просто кошмар, как скачут цены! К сожалению, я забыла деньги, сейчас сбегаю и вернусь.

Это означало, что ей необходимо срочно увидеться с Армандо или Раймоном. Если же она говорила: «Приду завтра», это означало, что она может подождать.

Итак, сказав мадам Жозефине, что она «сбегает и вернется», Далида отправилась бродить по городу.

Все равно раньше, чем через два часа, возвращаться не имело смысла: это было установленное время встречи.

Далида бесцельно бродила по набережной, с тревогой думая, что рация осталась в Катином доме. Но она знала, что не вправе просить сестру Мари-Мадлен позволить принести ее в монастырь. Хватит уже и того, что монахини подвергли себя опасности, согласившись приютить саму Далиду.

Несколько раз у нее появлялось смутное ощущение, будто за ней следят; она пугливо оглядывалась по сторонам, но не замечала ничего подозрительного. Набережная была излюбленным местом для прогулок влюбленных и респектабельных супружеских пар.

Она поминутно смотрела на часы, мечтая поскорее вернуться в галантерейную лавку, где в потайной комнате ее будет ждать Раймон, а возможно, и сам Армандо.

Когда она наконец поднялась по лестнице, ведущей от набережной Сены к площади Конкорд, и направилась в сторону галантерейной лавки, у нее снова возникло ощущение, будто за ней следят. Приглядевшись, она заметила машину, которая очень медленно, почти со скоростью пешехода, двигалась вдоль тротуара. Далида притворилась, будто ничего не замечает, но краем глаза все же заметила, что автомобиль был черным, и в нем сидели трое мужчин. Но вскоре машина пропала из виду, и Далида успокоилась.

Когда она добралась до галантерейной лавки мадам Жозефины, та жестом велела пройти в заднюю комнату, где ждал Раймон.

Далида рассказала ему о случившемся, стараясь не упустить ни единой детали.

— Вы должны немедленно покинуть Париж, — заявил обеспокоенный Раймон.

— Вы сможете нам помочь? Мы не решаемся связаться ни с кем из наших. Боюсь, что большинство из них уже арестованы.

— И вас наверняка тоже ищут.

— И что же нам делать?

— У нас не так много времени, чтобы устроить побег. Скажи, где сейчас рация?

— В доме Кати Гольданской.

— Сомневаюсь, что она в безопасности.

— Но ей доверяют и немцы, и французы-колаборационисты, и мы можем обернуть это себе на пользу.

— Далида, немцы — не идиоты. Уверяю тебя, они уже потянули за ниточку и скоро до нее доберутся.

— Как долго человек может выдержать пытки?

— Ты имеешь в виду месье Давида? Не могу сказать. Есть люди, которые умирают под пытками, не сказав ни слова, а другие ломаются почти сразу... Никто не знает, где предел терпению. И я не могу судить тех, кто, попав в руки Гестапо, не смог молчать. Месье Давид уже немолод; трудно сказать, как долго он сможет выдержать.

Они договорились, что встретятся завтра в это же время и в этом же месте. Раймон заметил, что будет очень трудно донести их с Катей и Самуэлем до границы, так что разумнее будет разделить и ехать поодиночке. Однако Далида отказалась.

— Я не могу бросить отца, а он ни за что не поедет без Кати.

— Не забывай, что вас ищут, — возразил Раймон. — И если вы поедете вместе, то подвергнете себя гораздо большей опасности.

— Я должна сказать одну вещь, — призналась она. — Может быть, это и не так важно, но мне как-то не по себе... Когда я шла сюда, мне показалось, что за мной следят, но я не заметила ничего подозрительного; а потом увидела черную машину, которая очень медленно ехала следом... не знаю, может быть, это просто нервы, но...

Услышав эти слова, Раймон застыл. Он не верил в подобные совпадения; и если ему до сих пор удавалось ускользать из рук Гестапо — то исключительно потому, что он привык доверять своей интуиции.

— Тебя раскрыли! Нужно как можно скорее выбраться отсюда, не то арестуют всех.

Он громко закашлял, и в потайную комнату тут же вбежала мадам Жозефина.

— Нам нужно срочно уходить через подвал, — сказал он, не в силах скрыть волнения.

Мадам Жозефина кивнула; затем, отодвинув в сторону старую швейную машинку, приподняла ковер, под которым обнаружился люк; мадам открыла дверцу, за ней оказалась узкая лестница, ведущая вниз.

— Ты знаешь, куда идти. Поторопитесь! — сказала она, захлопывая крышку люка над их головами.

В первую минуту Далида ничего не могла разглядеть, но вскоре глаза привыкли к темноте. Раймон схватил ее за руку и потащил вниз по лестнице. Она чувствовала, как юбка цепляется за какие-то острые гвозди и скобы, но продолжала спускаться, с трудом сдерживая тошноту, подступившую к горлу от стоявшего в подвале запаха плесени.

— Это общий подвал под двумя домами — этим и соседним, — прошептал Раймон.

Несколько минут они пробирались в темноте; затем Раймон зажег спичку; ее тусклый свет озарил помещение. Далида невольно вскрикнула, когда под ногами прошмыгнула крыса.

— Тихо! — прошипел Раймон, хватая ее за руку и помогая подняться по другой лестнице, еще более шаткой, чем та, что вела в подвал из галантерейной лавки.

Далида не решалась спросить, как они будут отсюда выбираться и что станут делать, когда окажутся на улице. Она была уверена, что Раймон это знает.

Она почувствовала, как он выпустил ее руку, чтобы снова чиркнуть спичкой. Увидела, как он улыбнулся и откинул крышку люка над головой. Выбравшись наверх, они оказались в другом подвале, где ощущался сильный запах вина.

— Это винный погреб, — объяснил Раймон. — Здесь хранятся самые лучшие вина, какие только можно купить. Хозяин этого погреба — один из наших.

Он отвел Далиду в дальний угол, где велел сесть и не шевелиться. Она безропотно подчинилась. Раймон сел рядом.

— Побудем немного здесь. Потом я поднимусь наверх и, если не увижу ничего подозрительного, приду за тобой.

— Но я должна быть в монастыре до наступления темноты. Настоятельница очень строга, а распорядок в монастыре жесткий.

— А кто тебе сказал, что ты вообще пойдешь в монастырь? Первым делом мы должны выяснить, действительно ли за тобой следили, и предупредить Хуану; представь, что нас ждет, если гестаповцы нагрянут в печатную мастерскую и обнаружат там твоего отца!

Они молча сидели рядом, думая каждый о своем. Вдруг наверху послышался шум и чьи-

то шаги. Раймон выхватил из-за пояса пистолет, жестом приказав Далиде не двигаться.

Шаги все приближались, пока, наконец, перед ними не предстал человек огромного роста — еще выше Раймона.

— Я догадывался, что вы можете меня навестить, — сказал он. — Только что в мой погребок вошли двое гестаповцев; притворились обычными клиентами — якобы просто зашли выпить стаканчик вина. А еще я видел, как мимо проехали три или четыре машины, на каких ездят только они.

— Они заходили в лавку? — спросил Раймон.

— Нет, в лавку они не зашли. Думаю, они подозревают, что где-то здесь находится тайное укрытие, принадлежащее Соппротивлению, но пока не знают, где именно. А кто эта девушка? — спросил трактирщик.

— Друг мой, эта девушка — еврейка. Она состоит в еврейской организации и работает вместе с нами. Она знает, как обращаться с взрывчаткой, но прежде всего, она — наша связная. У нее есть рация, по которой мы связываемся с нашими друзьями в Лондоне, — объяснил Раймон.

Верзила кивнул; казалось, он вспомнил, кто такая Далида.

— Мы должны предупредить Хуану, — продолжал Раймон. — Она прячет у себя в доме отца этой девушки.

— Если его там найдут — это будет настоящая катастрофа! — испуганно ахнул верзила. — Как вам такое в голову пришло: прятать еврея в доме Хуаны?

— Это сама Хуана так решила, — ответил Раймон. — Ты же знаешь, ей никто не указ.

— И как только Василий это терпит? Иногда мне кажется, что именно она в этом доме носит брюки.

Раймон пожал плечами. Василий был хорошим печатником, но настоящей душой мастерской была Хуана. Армандо доверял ей больше, чем кому бы то ни было; иной раз даже сам спрашивал у нее совета — видимо, не последнюю роль здесь играло то, что оба были испанцами. Если потребуется убить человека, у Хуаны не дрогнет рука. Испанка была отважнее, чем большинство мужчин.

— Сходи посмотри, как там дела, — сказал он. — Если заметишь что-нибудь подозрительное — скажи, мы тут же уйдем. Я позабочусь о девушке, а ты предупреди Хуану с Армандо.

— Где ты собираешься ее спрятать?

— Если нас никто не видел, то, думаю, она может остаться у тебя в погребе — по крайней мере, на эту ночь, — сказал Раймон громиле. — Думаю, здесь она будет в безопасности.

— Хорошо, но сначала нам нужно отправить в Лондон несколько сообщений. Они уже готовы. Это срочно. Наши друзья спасли пару британских летчиков.

Раймон в ответ покачал головой.

— Сообщения передавала именно эта девушка. И не думаю, что сейчас ей стоит высовываться, это слишком опасно.

— Мы должны рискнуть, — настаивал громиле.

Они с нетерпением ждали возвращения трактирщика. Наконец, он вернулся; его лицо выражало явное облегчение.

— Как будто все спокойно. Я велел своему сыну Клоду и его невесте Адели прогуляться

по улице — они говорят, что ничего подозрительного не заметили. Так что можете спокойно идти, только переоденьтесь.

Раймон сменил пиджак и кепку, а Далида надела пальто и шарф Адели.

Они вышли на улицу и пошли рядом, будто им нечего бояться. Вокруг было тихо, и они успокоились. Раймон не сомневался, что за ними никто не следит.

— Мне, конечно, это не нравится, но боюсь, делать нечего, — признался он. — Ступай в дом Кати, отправь сообщения, а потом возвращайся в монастырь и оставайся там, пока я с тобой не свяжусь. А рацию необходимо забрать из дома графини. Мы не можем ее потерять.

Он проводил ее до Катиного дома. Далида вошла в подъезд и нажала кнопку вызова лифта.

Кати не было дома, но открывшая дверь горничная пригласила Далиду войти. Она прекрасно знала, что хозяйка ни за что бы ей не простила, если бы она не впустила девушку, которая столько раз составляла хозяйке компанию.

Не теряя зря времени, Далида заперлась в Катиной спальне — именно там прятали рацию. В другое время она бы просто отправила пару сообщений и осталась на пару дней в Катином доме дожидаться ответа; но сейчас она не знала, когда сможет вернуться к рации, и поэтому на свой страх и риск передали все сообщения сразу. При этом она сосредоточенно глядела на улицу сквозь шторы, с нетерпением ожидая возвращения Кати. Но когда моя тетя наконец-то вернулась домой, уже настала ночь.

— Как ты задержалась! — воскликнула Далида, обнимая Катю.

— Чует мое сердце — быть беде! — ответила Катя. — Я только что была у мадам Денев — ты знаешь, она держит литературный салон, где бывают крупные французские чиновники и даже немцы. Мне показалось, будто мадам Денев тяготится моим присутствием, да и остальные дамы тоже меня избегают. Возможно, это просто мое воображение... А потом вошел генерал полиции в сопровождении этого ужасного немца, Алоиза Брюннера. Они извинились перед мадам Денев за опоздание, увидели меня и очень удивились. Мой друг-полицейский повернулся ко мне и сказал фразу, смысла которой я не поняла:

— Ну что ж, графиня, надеюсь встретиться с вами сегодня вечером в другом месте, — и отвернулся, прежде чем я успела что-то ответить.

— Это значит, что нас собираются арестовать, — заявила Далида. — Ты же сама говорила, что это вопрос времени.

— Но мне даже в голову не приходило, что меня в чем-то подозревают...

— Нужно забрать отсюда рацию и переправить ее в дом Хуаны, — сказала Далида. — А уж она передаст ее Армандо.

— Сейчас уже поздно... Если за нами действительно следят, а мы в такой неурочный час выйдем из дома... Даже не знаю... Не думаю, что это хорошая идея.

— Но мы должны это сделать. У тебя есть машина?

— Да, есть, хотя я и сказала Григорию, что сегодня он мне не понадобится.

— Просто счастье, что Григорий женат на твоей горничной и оба они — русские и не питают никаких симпатий к немцам. Не думаю, что Григорий так уж рассердится, если ты его вызовешь.

— Девочка, это просто безумие — выносить отсюда рацию.

— Но еще большее безумие — оставлять ее здесь. Мы не можем ее потерять, она необходима Спротивлению.

Катя упрямо стояла на своем, и в конце концов Далиде пришлось уступить. Ей пора было отправляться в монастырь, что сестра Мари-Мадлен спрятала ее, пока за ней не вернутся Армандо или Раймон. Далида решила, что Кате не стоит сопровождать ее в монастырь, и от услуг Григория она тоже отказалась.

— Я буду привлекать меньше внимания, если пойду одна. А ты лучше подумай о том, как спрятать рацию, чтобы ее не смогли найти, даже если решат обыскать дом.

Обе знали, что всё потеряно, и постарались проститься, как в последний раз.

Далида медленно шла, прячась в тени домов, пока не добралась до монастыря, где ее с нетерпением дожидалась сестра Мари-Мадлен. Монахиня встретила ее в садике с видом на улицу, отгороженным решеткой.

— Только прошу тебя, не шуми, — сказала она. — Уже поздно, все спят, и настоятельница думает, что мы тоже спим. Как же я за тебя беспокоилась!

— За мной следили, — призналась Далида. — Подозреваю, что это Гестапо, но думаю, мне удалось оторваться.

— Здесь ты будешь в безопасности.

— Надеюсь. Я не задержусь надолго: всего на один-два дня. Потом за мной придут Армандо или Раймон, и мы уедем в Испанию.

— А дальше?

— В Лондон. Константин, брат Кати, примет нас в своем доме.

На цыпочках, чтобы никого не потревожить, они поднялись в келью, которая служила Далиде спальней.

— Я буду молить Бога, чтобы он тебе помог, — сказала сестра Мари-Мадлен, прежде чем покинуть келью.

Среди ночи Далида проснулась, услышав внизу шум и крики. Вскоре дверь ее кельи распахнулась, вбежала перепуганная сестра Мари-Мадлен и велела немедленно вставать.

— Одевайся! — приказала она, протягивая рясу. — В монастыре гестаповцы — нагрянули с обыском. Настоятельница утверждает, что мы никого не прячем. Одевайся, я помогу тебе бежать. Выйдем через черный ход.

Монахиня помогла Далиде облачиться в рясу. Взявшись за руки, они побежали по коридорам, слыша все ближе топот агентов Гестапо. Они успели добраться до кухни, где увидели сестру-келаря с искаженным от страха лицом. Но они так и не успели ни о чем ее расспросить, потому что как раз в эту минуту чья-то рука ухватила Далиду чуть выше локтя.

— Ну и куда вы так торопитесь? — спросил мужчина, одетый в черную кожаную куртку и широкополую шляпу, под которой трудно было разглядеть лицо. — Или в самом деле думаете, что сможете от нас убежать?

— Кто вы такой? — спросила сестра Мари-Мадлен, глядя в глаза незнакомцу. — Что вы за люди, не имеющие ни толики почтения даже к бедным монахиням?

— Ну надо же, какая добрая самаритянка! Или вы тоже хотите отправиться с нами? Я не возражаю. А предатели — всегда предатели, в какие бы одежды ни рядились.

Гестаповец вывернул Далиде руку, так что девушка пошатнулась.

— А я считал, что христиане ненавидят евреев. Разве не они распяли вашего Христа? А тут, как я погляжу, среди ваших зерен определенно имеются плевелы.

В эту минуту двое гестаповцев втолкнули в кухню настоятельница. Женщина отчаянно старалась держаться с достоинством, но в ее глазах застыл ужас.

— Игра окончена, дамы, — объявил тот, что был за главного. — Теперь вам придется отвечать за то, что прятали в монастыре еврейку.

— Поверьте, месье, здесь нет и не может быть никаких евреек, — убеждала его сестра Мари-Мадлен. — Мы здесь все монахини, католички.

Агент Гестапо шагнул к сестре, остановившись в двух сантиметрах от нее, но она не двинулась с места.

— Ну что ж, если вы так настаиваете, то тоже поедете с нами.

Настоятельница попыталась возражать, но ее лишь оттолкнули, и она чуть не упала, больно ударившись об угол камина. Гестаповцы вышли, уводя с собой Далиду и сестру Мари-Мадлен.

Их усадили в машину, и женщины прижались друг к другу. Всю дорогу монахиня шепотом молилась.

Наконец, их привезли в отделение Гестапо и вытолкнули из машины. Они прошли с гордо поднятыми головами, всеми силами стараясь не показать страха.

Внутри их разлучили и заперли в разные камеры. Далида вздрогнула, увидев грязные холодные стены. Здесь негде было даже сесть, и она стояла, стараясь привыкнуть к темноте и ужасной вони, в которой смешались запахи пота, крови и страха.

В скором времени за ними пришли. Двое агентов, из числа тех, что их арестовали, выволокли женщин из камер и потащили вверх по узкой лестнице, осыпая потоком оскорблений.

Сестру Мари-Мадлен привели в какую-то комнату, где ее дожидался мужчина.

— Садитесь и смотрите, — приказал он. — Хорошенько смотрите, как мы поступаем с евреями и предателями.

В одной из стен помещалось окошко, через которое была видна какая-то комната с единственным стулом. Потом гестаповец ударил Далиду, и она упала на пол. Он закричал на нее, приказывая встать, и девушка с трудом поднялась. Затем ей велели сесть на стул и связали за спиной руки. Вошел другой гестаповец и брезгливо посмотрел на нее. Он обошел вокруг и вдруг ударил, видимо, сломав ей нос. На миг Далида потеряла сознание, а потом поднялась. Кровь стекала у нее из уголка губ. Со связанными руками и она не могла ее вытереть, оставалось лишь глотать собственную кровь.

— Итак вы — дочь Самуэля Цукера. Где скрывается ваш отец?

Далида не ответила. Мужчина подошел вплотную и, окинув пристальным взглядом, ударил снова — на этот раз в правый глаз. Далида потеряла сознание. Она не знала, сколько времени пролежала без чувств. Когда она пришла в себя, по лицу струилась кровь и глаз невыносимо болел.

— Ваши еврейские друзья любезно сообщили, где вас найти, — продолжал гестаповец. — Ах, Давид, добрый друг вашего отца! Все евреи — презренные трусы, готовые продать собственных детей, лишь бы спасти собственную шкуру. Вы, словно крысы, хоронитесь в своих норах, но это не поможет, потому что рано или поздно вы попадетесь в наши ловушки. Да, в скором времени мы сможем сообщить фюреру, что наконец-то очистили Париж от вашего гнусного племени.

С этими словами он снова повернулся к Далиде, которая едва могла видеть одним глазом — другой был уже совершенно залит кровью.

Ее подняли со стула и, так и не развязав рук, подвесили на свисающий с потолка крюк. Один гестаповец ударил ее по голове; другой нанес несколько ударов по телу. Они терзали

ее, пока сами не устали. У нее уже даже кричать не было сил. Боль была настолько невыносимой, что она мечтала умереть. Когда ее наконец перестали избивать и сняли с крюка, Далида рухнула на пол, как мешок. Гестаповец сорвал с нее рясу, оставив обнаженной. Она услышала комментарии относительно своей фигуры, которые должны были еще больше ее унижить.

— Между прочим, ваша подружка-графиня тоже уже здесь, — сообщил гестаповец. — Итак, спрашиваю еще раз: где ваш отец? Если будете хорошей девочкой, возможно, мы позволим вам его увидеть.

И он засмеялся над собственной удачной шуткой. Больше Далида ничего не слышала, потому что снова потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, то услышала, как у нее переговариваются гестаповцы:

— Скорее мертва, чем жива. Лучше бы уж сразу ее прикончить, хоть не придется тратиться на доставку в Германию. Евреев в тамошних лагерях и так хватает, мы с тем же успехом можем истреблять их и здесь.

Эти звери измордовали Далиду до такой степени, что она не могла даже говорить. В таком состоянии они и доставили ее обратно в камеру, где она продолжала терзаться вопросом, в какой лагерь ее отправят, если вообще куда-то отправят. Или, быть может, убьют прямо здесь, в Париже?

Катю арестовали в ту же ночь; от нее тоже ничего не удалось добиться. Как и Далида, она потеряла сознание под пытками. Под конец ее тело превратилось в кусок окровавленной плоти, но она ничего не сказала.

В отделении Гестапо Катю раздели догола и в таком виде заперли в камере, где продержали несколько дней в полной темноте, не давая ни воды, ни пищи.

В темноте Катя слышала крысиный писк. Она не решалась даже сесть, опасаясь укусов. Все эти дни она простояла у стены, почти обезумев в кромешной темноте. Когда ее вызвали на допрос, она почти потеряла рассудок. Но все же сохранила присутствие духа и так и не сказала, где прячется Самуэль. Да, она была на грани безумия, но при этом понимала, что, если станет вести себя, как сумасшедшая, у нее будет шанс остаться в живых. Нормальные люди не относятся серьезно к словам сумасшедших. Хотя, с другой стороны, можно ли считать этих людей нормальными, а Катю — сумасшедшей?

Ее поставили на колени и велели лизать языком сапоги офицера, который ее допрашивал. Катя не стала отказываться; защищенная своим безумием, она даже не поняла, чего от нее хотят. Ее ударили; она упала на пол, а ее все продолжали избивать, пока она не потеряла сознание.

Все это время сестра Мари-Мадлен сидела, привязанная к стулу, глядя в окошко, как в соседней комнате мучают Катю. Больше она не молилась. Она уже знала, что никто не откликнется и не придет на помощь.

Несколько дней ее заставляли смотреть, как пытаются то Далиду, то Катю.

Сама монахиня тоже пострадала от рук этих мерзавцев, хотя и немного иначе: после того, как ей в очередной раз показали, как пытаются Далиду, один из гестаповцев ее изнасиловал. На следующий день они спустились к ней в камеру и снова изнасиловали. В комнату с окошком ее больше не приводили. В конце концов ее все же отпустили.

Настоятельница встретила ее со слезами на глазах, требуя поклясться, что никогда

больше не будет столь безрассудна. Однако сестра Мари-Мадлен ни в чем не поклялась — просто потому, что не могла. Едва закрыв глаза, она ощущала на своем теле мужские руки, чувствовала отвратительный запах пота и вкус чужой слюны на губах.

Да, ее не подвешивали на крюк, словно коровью тушу, и не избивали до потери сознания. Но пытка, которую ей пришлось перенести, была не менее ужасна — она знала, что после изнасилования уже никогда не будет прежней.

Она призналась во всем настоятельнице, принесла покаяние, не уставая спрашивать ответа у Господа, как он мог допустить такое. Но в ответ услышала лишь молчание — то самое, что слышали миллионы евреев, цыган и другие заключенные концлагерей; видимо, Господь решил замолчать навеки.

Но где теперь искать твою сестру? И где искать Катю? Я так и не смог ничего о них узнать, пока был в Париже. Сестре Мари-Мадлен больше ничего не известно. Мне с большим трудом удалось добиться у настоятельницы, чтобы она позволила мне с ней встретиться. Настоятельница убеждала меня, что сестра Мари-Мадлен не станет со мной разговаривать, потому что она вообще ни с кем не говорит, но в конце концов все же проводила меня к ней в келью и оставила нас наедине. Но настоятельница ошиблась: сестра Мари-Мадлен рассказала мне все. Именно от нее я узнал эту историю. Ее голос казался каким-то неживым, словно звучал из другого мира. Казалось, эта женщина лишь телом пребывает здесь, а ее душа давно покинула мир живых. Прежде чем мы расстались, она поставила меня в тупик неожиданным вопросом:

— Почему они оставили меня в живых?

После разговора с сестрой Мари-Мадлен я постарался найти Педро и Василия. Это оказалось нелегко, но в конце концов мне удалось разыскать мастерскую. Педро и сейчас там живет. На меня он смотрел с большим подозрением. Думаю, чувствовал себя виноватым, что ему удалось выжить.

Но в конце концов Педро все же рассказал о тех последних днях, которые твой отец провел в их доме. Он рассказал, что однажды в дом Хуаны явился Раймон с приказом забрать Самуэля.

— Началась очередная облава на евреев, а его ищут, — сказал он.

— А Далида? — спросила Хуана.

— Она должна быть в монастыре, под защитой монахинь. А графиню арестовали. Двое наших отправились к ней домой, чтобы забрать рацию, и увидели, как гестаповцы выводят ее из дома. Я надеюсь, что хотя бы Далида спаслась. Армандо как раз отправился за ней в монастырь... хочется верить, что он не опоздает.

Хуана начала нервно расхаживать по комнате, как всегда делала в минуты напряженных раздумий. Педро и Василий с надеждой смотрели на нее.

— Мы должны вытащить отсюда Самуэля, — наконец сказала она Василию.

— Ах, вот как? И куда же мы его денем? Он горит в лихорадке, непрерывно кашляет. А у тебя, Раймон, все готово для отправки в Испанию?

— Сейчас никто не может покинуть Париж, — ответил тот. — Гестапо держит под наблюдением все дороги, как и люди из Полевой жандармерии. Как я уже сказал, они ищут евреев, как будто мало им было Руалье и Дранси.

— Мы должны показать им, что, сколько бы евреев они ни арестовали, скольких бы членов Сопротивления ни убили, это все равно нас не остановит, — ответила Хуана.

— Сейчас не время что-то предпринимать, — подал голос Педро.

— Как раз самое время, — возразила Хуана с воодушевлением. — Пусть они знают, что нас невозможно сломить. Если бы мы только могли добраться до этого убийцы из СС...

— Забудь об Алоизе Брюннере, — слова Василия прозвучали для Хуаны как приказ.

Она встала прямо перед ним, уперев руки в боки и пронзая его жгучим взглядом.

— Забыть о нем! Нет, я никогда не забуду об этом человеке; во всяком случае, до тех пор, пока мы с ним не покончим или хотя бы не заставим его трепетать от ужаса.

— Не выдумывай, Хуана, у нас сейчас другие проблемы. Прежде всего, нужно вывезти отсюда Самуэля и вернуть рацию. Возможно, графиня ее спрятала или передала кому-то, кому могла доверять. Самуэль хорошо ее знает, так что, возможно, у него есть на этот счет какие-то идеи.

Хуана с большой неохотой допустила Раймона к Самуэлю.

Твой отец лежал в постели в жару и бреду, дрожа в лихорадке.

— Самуэль, это Раймод. Возможно, Далида рассказывала вам о нем. У нас для вас плохие новости. Арестовали графиню Катю Гольданскую и, возможно, вашу дочь тоже, — сказала Хуана, отирая платком пот с его лба.

На Самуэля было страшно смотреть, когда он узнал об аресте Кати и, возможно, Далиды.

— Где они? Куда их увезли? — произнес он хриплым шепотом.

Раймон рассказал о последних событиях, и Самуэль бессильно опустился на кровать. Известие о том, что Катя попала в руки Гестапо, и его дочь, возможно, постигла та же участь, настолько его подкосило, что с ним едва не случился сердечный приступ. Хуана слышала, как часто бьется его сердце. Она попросила Педро принести стакан воды и заставила Самуэля выпить.

— Надо что-то делать, мы не имеем права опускать руки, — сказала она. — Мы должны им помочь. И прежде всего, должны забрать рацию, которую Далида спрятала в доме графини. Как вы думаете, где именно она могла ее спрятать?

Сначала он молчал и сидел, закрыв глаза, его руки дрожали. Наконец, он решился взглянуть Хуане в глаза и сказал:

— Катя доверяет Григорию. Это ее шофер, он женат на ее горничной. Он тоже русский, как и мы. Но вы уверены, что Гестапо не обнаружило рацию?

— Нет, мы не можем быть в этом уверены, — ответил Раймон. — Но, если ее не обнаружили, мы должны знать, где она.

— Я должен отсюда выбраться, — заявил Самуэль.

— Ни в коем случае! — отрезала Хуана.

— Если меня ищут, мне нельзя здесь оставаться. Если меня здесь найдут, арестуют нас всех. Вы должны разобрать печатный станок, — сказал Самуэль. — Выносите его отсюда и спасайтесь!

— Ничего мы выносить не будем, — заявила Хуана таким решительным тоном, что ни у кого язык не повернулся ей возражать; хотя, Педро порывался что-то ответить. — Ну есть у нас печатный станок — и что? Мы этим зарабатываем: печатаем визитные карточки, рекламные проспекты... У нас нет причин это скрывать.

— Как ты думаешь, что с нами сделают, если обнаружат поддельные документы? У нас сейчас больше десятка паспортов, еще не готовых.

— Вот их надо забрать. Необходимо убраться отсюда все, что может нас выдать. Они не

должны узнать, чем мы на самом деле занимаемся. Но мы не можем разобрать станок, это было бы настоящим безумием, — ответила Хуана на все вопросы разом.

Сошлись на том, чтобы вынести из мастерской все готовые документы, но больше ничего не трогать.

— Нас арестуют, — прошептал Василий, когда Раймон ушел.

— Не всех, — ответила она. — Вы с дядей можете уйти, а с Самуэлем останусь я.

— Ты с ума сошла! — ахнул Василий. Случилось именно то, чего он больше всего боялся. Он знал, что, если Хуана на что-то решилась, остановить ее невозможно.

— Я бы сошла с ума, если бы позволила вас арестовать, — заявила Хуана. — И ты, и мой дядя представляют слишком большую ценность для Соппротивления, и ради нашего же блага вы должны спрятаться. А я останусь здесь со старым евреем, пока не вернется Раймон и не скажет, когда и как мы сможем уехать из Парижа. А вы уходите немедленно, нельзя терять времени!

Однако на сей раз Василий не оробел и решился оспорить приказ Хуаны.

— Думаешь, я смогу уйти, зная, что оставляю тебя в опасности? Пусть твой дядя уходит и забирает все документы, но я останусь, а если они заявятся, им придется иметь дело со мной. Разве ты сама не сказала, что мы можем выдать себя за обычных печатников? Так мы и сделаем, только печатников будет двое.

Хуана уже собиралась что-то ответить, но в последнюю секунду передумала; должно быть, поняла, что спорить с Василием бесполезно, и решила применить другую тактику.

— Хорошо, ты останешься здесь. Но я хочу, чтобы сначала ты помог дяде переправить документы в дом Раймона. Потом дядя останется там, а ты вернешься.

— Я не могу оставить тебя одну в такую минуту, — запротестовал Василий.

— Ты что, совсем идиот? И как, по-твоему, мой бедный дядя потащит один всю эту тяжесть?

Потребовалось совсем немного времени, чтобы упаковать фальшивые документы в папки. Затем папки погрузили в два старых мешка, которые уложили поверх остальных вещей.

Прощаясь с дядей, Хуана шепнула ему на ухо, кивая на Василия:

— Не пускай его обратно.

Педро испуганно взглянул на нее; уж он-то знал, на что способна племянница. Но так и не решился ничего возразить.

Когда Хуана и Самуэль остались одни, она проверила, заряжен ли пистолет, который она всегда носила при себе. Потом подошла к спящему Самуэлю и мягко коснулась его плеча.

— Вы можете встать?

— Да.. Думаю, что да...

— Я постараюсь довести вас до границы, но не обещаю, что это получится.

— А как же... Как же ваш друг? Раймон? — растерялся Самуэль. — Разве он не должен за нами прийти?

— Мы не можем терять времени, дожидаясь его. Чует мое сердце, здесь в любую минуту могут появиться гестаповцы. Видите ли, неподалеку отсюда живет одна моя подруга, она тоже испанка, как и я. Она беженка, на войне в Испании потеряла мужа и сумела

добраться сюда вместе с самым младшим из своих детей. Он хороший парень, работает таксистом, и думаю, сможет нам помочь.

— Они состоят в Сопротивлении?

— Нет, не состоят, — ответила Хуана. — Я не хотела ставить их под удар, они уже и так достаточно пострадали, но они ненавидят фашистов и сделают для нас все.

Она помогла ему встать и дойти до ванной комнаты, где он смог умыться. Затем они вышли на улицу, навстречу судьбе. Спустившись по лестнице, они несколько минут стояли перед дверью подъезда, глядя на улицу, однако ничего подозрительного не заметили. Вот женщина ведет за руку ребенка лет четырех или пяти, держа в другой руке сумку с покупками; молодой студент со связкой учебников; пожилая супружеская пара неторопливо шествует под руку... Нет, ничего странного или опасного как будто и в самом деле не было. Наконец, они решились выйти на улицу. Хуана поддерживала Самуэля под руку. Они направились к метро и через несколько минут спустились на станцию «Монпарнас». Хуана пристально вглядывалась в лица пассажиров, отражавшиеся в темных окнах, но по-прежнему не видела ничего подозрительного.

Подруга Хуаны жила на самом верхнем этаже темного узкого дома. Женщину, открывшую дверь, похоже, удивил неожиданный визит.

— Мне бы не хотелось тебя обременять, но ты должна мне помочь спасти человека, — объяснила Хуана растерянной подруге.

— Что я должна сделать?

— Спасибо, Пепа, я всегда знала, что могу на тебя рассчитывать! Если твой сын сможет довезти нас до границы... В Биаррице у нас друзья, они помогут переправить его в Испанию.

— Хайме вот-вот должен вернуться, — ответила та. — Но ему нужно отдохнуть пару часов, прежде чем снова сесть за руль такси.

— Понимаю, что ставлю вас под удар, но не вижу другого способа вывезти из Парижа этого человека.

Тут они услышали, как в замке заскрежетал ключ, и в квартиру вошел молодой человек по имени Хайме. Он был похож на мать: те же темно-каштановые волосы, те же дерзкие глаза, те же невозмутимые манеры.

— Хуана, расскажи ему все сама.

Хайме молча выслушал Хуану, раздумывая, что ответить.

— К десяти часам я должен вернуть машину в гараж, — произнес он наконец. — Правда, могу попросить шефа, чтобы разрешил мне взять ее до завтра, чтобы начать пораньше. Если разрешит, мы поедем прямо сейчас, если же нет — значит, поедем завтра.

Молодой человек отправился в ближайший бар, чтобы позвонить оттуда начальнику; вскоре он вернулся, улыбаясь.

— Все в порядке, можем выезжать хоть сейчас.

Хуана не стала его обманывать, сразу сказав, что их разыскивает Гестапо.

— Если нас схватят, вам тоже не поздоровится, — предупредила она.

Мать и сын переглянулись; этим взглядом они сказали друг другу больше, чем любыми словами. Десять минут спустя машина Хайме уже ожидала возле подъезда. Прощаясь с Пепой, Хуана горячо обняла подругу.

— Спасибо, спасибо... — повторяла она.

— Постарайтесь вести себя осторожнее: ведь он мой единственный сын.

— Я... Надеюсь, он благополучно вернется...

— Даже если не вернется... Я не хочу даже думать об этом, но если такова наша судьба, уж лучше погибнуть за правое дело. Спешите, вам пора. Хайме должен к утру успеть до границы и обратно, а времени не так много.

Они уже выехали из Парижа, когда две машины преградили путь такси Хайме. Хуана сунула руку в карман и сжала рукоять пистолета.

— Поворачивай обратно, — велела она Хайме.

Но было уже поздно: сзади им преградили дорогу две другие черные машины, отрезая путь к отступлению.

Пистолет в руке; четверо окружают машину.

— Мы должны выбраться отсюда, — настаивала Хуана.

— Нас окружили, некуда бежать, — ответил Хайме.

— О, нет, кое-что мы еще можем сделать, — возразила она. — Поверни направо и выезжай на шоссе, мы еще сможем спастись.

— Нет, Хуана, — покачал головой Хайме. — Нас поймают, а если попытаемся бежать — пристрелят.

— Делай, что я сказала! — рявкнула она и, повинувшись ее приказу, машина свернула вправо.

— Ты с ума сошла! — закричал Хайме, когда она перехватила руль.

Гестаповцы открыли огонь; пуля пробила колесо. Хуана выхватила пистолет из кармана пальто и выстрелила через окно. Ее глаза вспыхнули торжеством при виде побелевшего от изумления лица гестаповца. Однако машина, потерявшая управление, все быстрее катилась вниз по склону. Полицейские продолжали стрелять; Хуана снова выстрелила в ответ, но это был последний поступок в ее жизни — в следующую секунду ей в голову попала пуля, убив наповал.

Машина врезалась в дерево; Хайме ударился затылком, потеряв сознание.

Полицейские бросились к ним, крича, чтобы они выходили из машины. Но лишь один Самуэль смог бы им ответить, если бы подобрал слова.

Хуана была мертва; Хайме, похоже, тоже. Полицейские извлекли их тела из машины. Один с остервенением пнул тело Хуаны, словно мстя мертвой женщине за убитого.

Самуэль застыл на месте, словно парализованный; все происходящее казалось ему кошмарным сном. Полицейский ударил его прикладом по голове, и он упал. Потом его затолкали в машину. С тех пор он исчез, его след потерян.

При содействии Педро я смог встретиться с Пепой, матерью Хайме. Я был потрясен, когда увидел эту женщину, которая потеряла всё. Пепа рассказала, что она родом из Гранады, где во время гражданской войны погибли ее муж, двое старших сыновей и остальные родственники. А теперь, в Париже, она потеряла еще и Хайме, последнего оставшегося сына. Хайме рисковал жизнью, чтобы спасти Самуэля, совершенно чужого человека. Я признался Пепе, что восхищен мужеством ее сына. И знаешь, что она ответила? Она сказала:

— Если за свободу приходится умирать, ничего не поделаешь. Он погиб с честью.

Тело Хайме Пепе так и не отдали, и она даже не может поплакать над его могилой.

Что касается твоего отца, спустя несколько дней Педро удалось узнать, что его доставили в отделение Гестапо; возможно, потом отправили в лагерь Дранси, а оттуда, в

вагоне для скота, в Освенцим, Треблинку или Маутхаузен. Но точно мы ничего не знали, и до сих пор не смогли узнать. Ты спросишь, был ли я в Дранси, и я отвечу: да, был. Я уже сказал, что специально ездил в Париж, чтобы разузнать о его судьбе. Но я не смог найти ни одного документа, удостоверяющего, что твой отец действительно побывал в Дранси, поскольку нацисты, прежде чем бежать оттуда, сожгли всю документацию. Когда союзники вошли в Париж, Красный Крест тут же занялся лагерем Дранси. И ни в одном парижском отделении Гестапо также не нашлось никаких сведений о том, что твоего отца, сестру и мою тетю действительно отправили в Дранси.

Рассказ Густава поверг меня в шок. Я не решался прервать его ни единым словом; мне казалось, что его рассказ не имеет никакого отношения ко мне, к моей сестре и отцу. Это была одна из тех ужасных историй, которых я немало слышал за последнее время. Но она не может иметь никакого отношения к нам.

Вера молча плакала, слушая Густава. Она сидела, закрыв лицо руками, и слезы текли меж ее сжатых пальцев.

— С тех пор, как закончилась война, я не переставал их искать, — заверил меня Густав.

— Но ведь кто-то должен что-то знать, — беспомощно возразил я.

— Один мой друг из министерства иностранных дел посоветовал отправиться на континент — в Польшу, Германию... Быть может, мы найдем их следы в каком-либо лагере... Немцы весьма пунктуальны, они всегда все записывали. Как раз завтра я собирался в Берлин.

— Мне будет спокойнее, если вы поедете вместе, — сказала Вера, глядя на нас туманными от слез глазами.

— Хорошо, но прежде... Короче говоря, я должен переговорить кое с кем, — сказал я. — С человеком из разведки; возможно, он сможет посоветовать, где искать.

Хотя, честно говоря, я понятия не имел, где может быть сейчас майор Уильямс.

Я вкратце рассказал, кто это такой, и что я служил под его командованием — не слишком, впрочем, раскрывая подробности.

На следующий день Густав отправился в Адмиралтейство вместе со мной. У него было немало знакомых среди тамошних чиновников, которые рассказали нам, как найти майора Уильямса. Нам повезло: он был в Берлине. Правда, теперь он стал полковником. Мы позвонили ему, и он ответил, что готов немедленно нас принять, так что мы сразу выехали в Берлин.

Полковник Уильямс постарел — или мне просто так показалось? В его каштановых волосах появились седые пряди, а в глазах поселилась печаль.

— Спасибо, что согласились принять меня, полковник, — сказал я, пожимая ему руку.

— Из чистого любопытства, — ответил он. — Моя работа основана на интересе к людям. Когда кто-то говорит, будто бы рад меня видеть, я спрашиваю себя, что ему на самом деле от меня нужно.

Густав в нескольких словах пересказал ему все, что удалось узнать, а я попросил о помощи.

Уильямс молча выслушал нас. Не могу сказать, чтобы история Густава произвела на него впечатление: во время войны подобное происходило сплошь и рядом. Тем не менее, он готов был протянуть нам руку помощи.

— Проклятые немцы обладают, по крайней мере, одним достоинством: они всегда тщательно фиксируют все свои действия. Так что имеются записи о том, кого и когда

доставили в лагерь, кого отправили в газовые камеры... А еще мы нашли документы об ужасных опытах, которые они проводили на людях. Так что, если ваши родственники не погибли в Париже и их отправили в Польшу, Австрию или Германию, мы их найдем. Возможно, это займет какое-то время, так что наберитесь терпения. В российской зоне у меня есть один знакомый, капитан Борис Степанов. Он мог бы посмотреть записи в журналах лагерей, освобожденных Советской армией. Я ему позвоню и договорюсь о встрече, когда он сможет вас принять. Я тоже начну их искать.

— Скажите, сэр, в этих лагерях еще остались люди? — спросил я с опаской.

— Да, остались, — ответил он. — Красный Крест взял на себя заботу об этих несчастных и делает все, чтобы им помочь.

— Я хочу наведаться в Освенцим, Маутхаузен, Треблинку, — попросил я. — Хочу объездить все лагеря, куда их могли отправить.

— Не советую. Да, я понимаю, что вы воевали на фронте и убивали, но, если увидите эти лагеря... Поверьте, это настоящий ад!

— Вы можете помочь нам туда добраться? — настаивал я.

— Да, могу, но не знаю, стоит ли. В этом нет необходимости, мы можем искать вашу семью и из Берлина.

— Прошу вас...

— Сначала вам нужно встретиться с Борисом, а я посмотрю, что можно сделать. А там будет видно.

Прогулки по Берлину оставили у меня странное впечатление. Я вглядывался в лица немцев, пытаюсь рассмотреть на них печать вины. Я видел голодных — истощенных стариков, молодых людей, исхудавших, словно тени, матерей семейств, из последних сил пытавшихся добыть кусок хлеба для своих детей... При других обстоятельствах эти эти лица вызвали бы у меня сочувствие. Но в те минуты... Нет, я не мог им простить, и мне не было дела, виновны или невиновны те люди, что попадались мне на пути. Тогда мне казалось, что все они виновны в том, что мир впал в то безумие, которое довело его до Холокоста.

Многие ли из них были против Гитлера? Многие ли рисковали жизнью, чтобы спасти тысячи других людей от смерти в газовых камерах? Я знаю, многие попытались бы их оправдать, сказать, что эти люди ни о чем не знали, но мне невыносимо было слышать подобные доводы. Не могли они быть настолько слепыми и глухими, чтобы не знать о том, что происходит в двух шагах от дома, чтобы не знать о тех зверствах, которые творили их мужья и сыновья. Все эти женщины с понурыми лицами несколько раньше восторженно приветствовали мерзавцев, убивших шесть миллионов евреев, и лица у них тогда были совсем другими.

— Я не могу здесь оставаться, — признался я Густаву.

Густав был добрее меня; он пытался меня убедить, что многие люди становятся трусами, когда речь идет о выживании, и нельзя требовать, чтобы все без исключения были героями, что основная масса людей сознательно или бессознательно стремится закрыть глаза и уши просто для того, чтобы выжить...

— Нет-нет, я вовсе не требую от них героизма; просто мне не дает покоя один вопрос: как можно жить, зная, что твое личное благополучие стоит на преступлениях? Что ни говори, а ты знаешь не хуже меня, что все эти люди — не такие уж невинные.

Густав по натуре был очень добрым человеком, а потому упорно не желал видеть зла в других. Просто не знаю, что бы я делал без него в те тяжелые дни, когда каждое встречное

лицо казалось мне лицом убийцы.

Полковник Уильямс дал нам пропуска, так что нам не составило проблем проехать на территорию советского сектора в Берлине.

Борис Степанов принял нас в своем кабинете; он сидел за столом с грудой бумаг, за которыми его почти не было видно.

— Итак, вы ищете свою семью, — понимающе произнес он. — Ну что ж, сейчас все кого-то ищут: родителей, детей, сестер, братьев...

Мы рассказали ему все, что нам было известно, показали несколько старых фотографий, и он нас заверил, что обязательно позвонит, как только что-то узнает. Он оказался столь любезен, что даже предложил нам выпить.

Он показался нам хорошим человеком, и я даже почувствовал в нем родственную душу: ведь мы воевали против общего врага.

— Мы были первыми, кто освобождал эти лагеря смерти, — сказал он. — И я тоже побывал в одном из них.

Густав попросил рассказать об увиденном, и он пересказал свои впечатления о лагере Майданек, который находился в Люблине, в Польше.

— Когда нацисты поняли, что проиграли и мы вот-вот захватим лагерь, они попытались его уничтожить; они и в самом деле взорвали один из крематориев, но мы добрались до них гораздо быстрее, и они в спешке бежали, не успев загнать заключенных в газовые камеры.

Борис рассказал нам не только о том, что они обнаружили в Майданеке, но и пересказал впечатления страдальцев, освобожденных из Освенцима.

— Если ад действительно существует, то это он и есть, — сказал Борис, опрокидывая один за другим два стакана водки, словно она могла спасти его от пережитого ужаса. — Мужчины, похожие на мертвецов, поднявшихся из могил... Женщины... Никогда не забуду этих лиц, они до сих пор являются мне в кошмарных снах. Дети... У меня двое детей, и когда я увидел этих детишек, обреченных на смерть, у меня чуть не разорвалось сердце. Как люди могут совершать подобные зверства? На войне сталкиваешься с равным противником, либо ты его убьешь, либо он тебя, здесь хотя бы все ясно, но это... Я всего лишь крестьянин, но клянусь, никакая скотина не способна сотворить то, что делали эти нацисты.

Борис, огромный, как медведь, чуть не плакал, рассказывая нам о картинах того ада, который увидел в лагерях. Он даже перекрестился, хоть и считал себя атеистом; этот жест он перенял в раннем детстве от матери, которая верила, что он помогает отвратить зло.

В те дни многие районы Берлина лежали в руинах, превратившись в груды щебня. Война прошла по всему городу своим железным сапогом. Однако хуже всего были даже не разрушения, а выражение безмерного горя, которое мы видели на лицах встречных берлинцев.

Однажды вечером, когда мы с Густавом прогуливались по Николайфиртель, направляясь в сторону реки Шпрее, к нам подошла совсем юная девушка: видимо, не больше пятнадцати или шестнадцати лет. Она предложила нам себя — это оказалась одна из тех несчастных, у кого не осталось другой возможности заработать на жизнь.

— Как тебя зовут? — спросил Густав.

— Зачем тебе это? — ответила она тусклым и усталым голосом. — Называй как хочешь.

— Почему ты этим занимаешься? — спросил я. — У тебя нет родных?

Она отвернулась, видя, что мы не собираемся воспользоваться ее предложением, а, значит, она не может рассчитывать получить столь необходимые ей деньги. Гордое

молчание было последней границей ее достоинства. Она продавала свое тело, но не собиралась открывать нам свою душу, рассказывая о себе.

Густав протянул руку и вложил ей в ладонь несколько монет.

— Ступай домой, — сказал он. — Надеюсь, этого тебе хватит хотя бы на несколько дней.

Девушка сначала замешкалась, а потом решительно сжала в руке монеты и, слегка поклонившись, снова растворилась в речном тумане.

Эта сцена повергла нас в полное уныние, и мы в очередной раз прокляли Гитлера, отнявшего жизнь у стольких людей — пусть даже эти люди и кажутся внешне живыми, как эта несчастная девочка.

Через несколько дней нас вызвал полковник Уильямс и попросил сопровождать его на встречу с Борисом Степановым.

— У вас есть замечательный предлог, чтобы побывать в советском секторе, — сказал он нам.

Он проводил нас до кабинета Бориса, который нас уже ждал. На столе перед ним стояла бутылка водки.

— Я принес тебе настоящий шотландский виски, — сказал полковник, вручая Борису бутылку.

— Отлично, — ответил тот. — Сначала выпьем твой виски, а когда он кончится, будем пить мою водку.

Ни я, ни Густав не желали спорить с Борисом, но, несмотря на то, что мы еще не забыли, как у нас болели головы на следующий день после первого знакомства, не стали отказываться от водки. Борис выглядел щедрым и непосредственным человеком; казалось, он искренне не понимал, как можно отказываться от такого отличного предложения.

— У меня есть для вас новости, — произнес он после недолгого молчания, во время которого изучал какие-то бумаги. — Скверные новости. В декабре 1943 года Самуэля Цукера доставили в Освенцим и в тот же день отправили в газовую камеру. Он был больным стариком, и нацисты посчитали, что от него все равно не будет никакой пользы. Во Франции он побывал в двух лагерях: сначала в Дранси, через несколько дней его перевезли в Руалье, а оттуда прямым поездом отправили в Освенцим. Его везли вместе с двумя сотнями других евреев в вагоне для скота. Мне очень жаль, Изекииль.

Я не знал, что и сказать. Не мог двинуться с места. Мне необходимо было осмыслить, осознать слова Бориса, примириться с мыслью, что отец погиб в газовой камере после нескольких дней ада, проведенных в вагоне для скота, без еды и питья, где он вынужден был справлять нужду под себя, как и остальные заключенные, и вдыхать невыносимую вонь, чувствуя, как с каждой минутой все более утрачивает человеческий облик.

Я гнал прочь эти ужасные видения, одновременно стараясь хоть как-то свыкнуться с мыслью, что именно такой была судьба моего отца.

Ни Густав, ни полковник Уильямс не сказали ни единого слова — да и что они могли сказать? Голова у меня шла кругом; я все никак не мог примириться с неизбежным, признать, что отец действительно погиб в газовой камере. Я думал о маме: сможет ли она пережить это ужасное известие?

— Не может быть, — сказал я, все еще не в силах поверить.

Борис промолчал. Он посмотрел с серьезным взглядом и протянул стакан виски.

— Выпей, — приказал он, как если бы это было лекарство, которое должно смягчить

мою боль.

Я не стал пить — просто не мог. Мне хотелось кричать во весь голос; в ту минуту я готов был придушить любого, кто попался бы под руку; мне хотелось выбежать на улицу и прокричать встречным немцам, что они убийцы, что все запятнаны кровью невинных, и никогда, никогда не смогут отмыться.

Да, я готов был обрушить на их головы самые страшные проклятия, чтобы грехи их пали на детей и внуков. Но не мог даже пошевелиться.

Рука Густава крепче сжала мое плечо, словно он хотел сказать, что моя боль — и его боль тоже.

— Проклятье! Почему, ну почему именно я должен сообщать вам ужасные новости! — воскликнул Борис, вновь наполняя стакан.

— Не стоит себя винить, Борис, — сказал полковник Уильямс.

— А ведь тем, кто творил эти злодеяния, так и сойдет это с рук, — заявил Борис.

— Знаешь, если есть на свете справедливость, подонки ответят за свои преступления, — ответил Уильямс.

— Друг мой, неужели ты действительно веришь, что все виновные будут наказаны? Ничего подобного, в Нюрнберге судили лишь нескольких нацистов, и на этом дело закончилось. Если на свете и впрямь существует какая-то справедливость, то судить надо всю Германию. У всех руки в крови по локоть! — рявкнул Борис, ударив кулаком по столу.

— Но ведь есть немцы, которые воевали против Гитлера, — напомнил Уильямс.

— Сколько их было, тех немцев? — сердито возразил Борис. — С гулькин нос!

Я молча слушал их, по-прежнему не в силах произнести ни слова, хотя и желал больше всего на свете, чтобы Борис рассказал во всех подробностях, как погиб мой отец. В конце концов, я решился заговорить:

— А вы ведь знаете гораздо больше, чем говорите.

— Нет, больше я ничего не знаю, — ответил он. — Я спрашивал, быть может, после вашего отца остались какие-то вещи, но вы же знаете, у них все отбирали все, что имело хоть какую-то ценность. Только в книге учета я нашел запись о том, что в тот день, когда его привезли, у него вырвали два золотых зуба, а его самого в тот же день... Мне так жаль — клянусь, мне очень жаль...

Я попытался представить себе последние часы жизни отца. Тот миг, когда открылись двери вагона, в котором его везли несколько дней, в темноте и холоде, вместе с другими несчастными, а обращались с ними хуже, чем со скотиной.

Я видел, как он после темного вагона шурится, моргая от яркого света, терзаясь неизвестностью. Я видел его, как наяву, покрытого пылью, в мятом костюме, пропитанным насквозь все той же вонью; видел, как он помогает выбраться из вагона остальным заключенным. Я слышал крики нацистских солдат, которые приказывали им поскорее освободить вагоны, прежде чем построить в шеренгу и сообщить о том, что их ждет. Немного погодя его вместе с другими затолкают в грузовик, чтобы доставить в самое сердце лагеря.

Возможно, среди них были доверчивые души, что пытались убеждать других: «Мы будем много работать, но выживем». Конечно, отец не разделял подобного оптимизма. Если не считать случая с Катей, Самуэль вообще не склонен был поддаваться сердечным порывам и тешить себя иллюзиями. Думаю, Самуэль каждую минуту ждал, что в одном из лагерей от него решат избавиться. Ведь с чего бы нацистам зря кормить бесполезного старика в

возрасте за семьдесят, с бессильными руками и ослабевшим зрением? Какую боль он, должно быть, испытал, когда у него без всякого наркоза вырвали два золотых зуба. Но я не сомневался, что даже на пороге смерти отец старался сохранить достоинство.

Из комнаты, где у него вырвали зубы, его вместе с остальными мужчинами-заключенными, которых эти мерзавцы посчитали бесполезными и негодными, загнали в другое просторное помещение, где всех заставили раздеться. Он не успел даже ощутить стыд, оставшись голым перед таким количеством людей, как всех отправили в следующий большой зал, сказав, что они должны принять душ, чтобы смыть грязь после поезда.

Дверь закрылась, и люди усталились на потолок, где помещались устройства, похожие на обычный душ, вот только полилась из них не чистая вода, а смертоносный газ, вдыхая который они в страшных мучениях расставались с жизнью.

Отец упал рядом с другими трупами, его тело лежало там, пока эти гнусные подонки не сволокли всех, как будто это была обычная падаль, чтобы бросить в печь крематория, где они навсегда исчезли, обратившись в пепел и густой смрадный дым, которым был пронизан весь лагерь.

Так закончил свою жизнь мой отец, Самуэль Цукер, и таким же был конец шести миллионов других евреев. Мне хотелось спросить у Бориса и полковника Уильямса, как можно надеяться, что выжившие евреи когда-нибудь смогут простить Холокост, учитывая масштабы этого бедствия, и, главное, как можно думать, что мы сможем простить палачей?

Но я ничего не сказал, и они мне тоже ничего не сказали, позволив мне молча посидеть, закрыв глаза, перед которыми до сих пор стояла картина гибели моего отца и всех остальных, разделивших его судьбу.

— Вы не могли бы рассказать, что вам известно о Далиде Цукер и Кате Гольданской? — голос полковника Уильямса вернул меня к реальности.

Борис откашлялся и отхлебнул глоток виски. Несколько секунд он молча просматривал бумаги, которые держал в руках; затем выжидающе взглянул на нас, словно раздумывая, стоит ли рассказывать. Наверное, он решил дать мне время прийти в себя, прежде чем я узнаю, что случилось с моей сестрой Далидой. Затем его голубые глаза столь же пристально взглянули на Густава.

— Катю Гольданскую отправили в Германию, в концлагерь Равенсбрюк, — сообщил он. — Дата прибытия — январь 1944 года. Сначала это был женский концлагерь, но потом туда стали привозить и мужчин. Там она умерла.

— В газовой камере? — осмелился спросить Густав.

Мыс Густавом подпрыгнули от неожиданности, когда Борис грохнул кулаком по столу. Удар был такой силы, что стакан с виски упал и разбился. Борис поднялся и начал искать, чем бы вытереть стол. Мы молча наблюдали за ним, не смея произнести ни слова, стараясь осмыслить только что услышанное: Катя умерла, умерла в лагере, здесь, в Германии.

— Если бы эти мерзавцы использовали для убийства одни лишь газовые камеры! Среди них было несколько психопатов, называвших себя врачами, которые проводили чудовищные эксперименты на заключенных, — Борис сделал большой глоток виски, и стакан почти опустел. Похоже, он колебался, стоит ли продолжать рассказ, и Уильямс плеснул ему еще.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил Густав.

— Так вот, эти психопаты специализировались на пересадке костей. Они вырезали кости у одного человека и пересаживали их другому, у которого для этого тоже нужно было вырезать его собственную кость. Они даже не использовали наркоз! — с этими словами

Борис снова ударил кулаком по столу.

— Зачем это? — спросил я. — Ведь евреи — низшая раса.

— Ради Бога, Цукер! — умоляющий возглас полковника Уильямса положил конец излияниям моей душевной боли.

— В Равенсбрюке заключенных также использовали для опытов с патогенами. Их инфицировали... — Борис взял в руки бумагу и принялся читать, с трудом разбирая немецкие слова: — столбняком, а потом посыпали раны землей, опилками, толченым стеклом... И наблюдали, какие лекарства наиболее благотворно действуют на зараженных. Многие жертвы умерли от гангрены.

— А моя тетья — как она умерла? — как ни тихо прозвучал голос Густава, всем было понятно, о чем он спрашивает.

— Ваша тетья... У нее вырезали несколько костей, чтобы пересадить их другой заключенной. Но как их вырезать... Ведь невозможно извлечь кости, не повредив мышцы и нервы... Многие заключенные умирали в страшных мучениях. Вот и она не вынесла... Она умерла от потери крови, и ни один из этих гадов даже не попытался облегчить ее страданий.

Густав закрыл лицо обеими руками. Я знал, каких невероятных усилий ему стоило сдержать слезы, однако он смог загнать их обратно внутрь и посмотреть нам в глаза.

Катя казалась мне настоящей богиней, выточенной из слоновой кости. Я слышал, как Дина однажды сказала, что она так прекрасна, словно ненастоящая. Дина оказалась права: перед Катиной красотой трудно было устоять, хотя эта женщина никогда мне не нравилась. Я так и не простил ей, что она отняла у меня отца, но несмотря на это, я не мог ее ненавидеть.

Еще в Париже гестаповцы надругались над ее прекрасным телом, разрушили ее хрупкую красоту, а когда она превратилась в окровавленный кусок плоти, отправили ее в Равенсбрюк, где садист, одетый в халат врача, довершил дело.

Графиня Катя Гольданская спала в бараке вместе с другими заключенными, в которых, казалось, уже не осталось почти ничего человеческого. Клопы и вши ползали по ее телу, откладывая яйца прямо на коже. А ее волосы? Что они сделали с чудесными волосами цвета белого золота, которые она укладывала в тяжелый узел на затылке? Их обрезали, чтобы ничто не скрывало ее наготы.

Мне трудно было представить ее в полосатых лохмотьях заключенной. Ее кормили вонючей бурдой и заставляли работать круглыми сутками, а охранники при любой возможности били ее по спине палкой. Я представил, как Катя, стиснув зубы, старалась даже в этих лохмотьях держаться с достоинством, даря подругам по несчастью свою чудесную улыбку и ни на минуту не забывая о том, кто она такая. Никто и ничто не заставил бы ее об этом забыть.

И вот настал день, когда ее привели в операционную, где собрались садисты, называющие себя врачами, которые проводили опыты над заключенными. Она послушно делала все, что приказывала ведьма, одетая в форму медсестры. «Раздевайтесь. Ложитесь на стол. Лежите смирно». Она стиснула зубы, когда ее привязали к операционному столу так, что не шелохнешься; вздрогнула, изо всех сил стараясь не закричать, когда нож мясника врезался в ее многострадальную плоть, кромсая нервы, вены, артерии, мышцы, сухожилия. Она кричала, хрипела и в конце концов умерла от потери крови под безразличными взглядами подонков, для которых Катя была чем-то вроде домашней скотины, лишь потому, что еврейка, пусть даже наполовину, даже на треть. В ее жилах текло достаточно еврейской

крови, чтобы не считать ее человеком. Кроме того, она принимала участие в Сопротивлении, и уже поэтому Катя, красавица Катя, должна была умереть.

— А ее тело?.. — голос Густава дрогнул. — Что с ним стало?

— Его сожгли в печи Равенсбрюка, — ответил Борис. — Об этом тоже есть запись в журнале.

Затем Борис вновь повернулся ко мне. Он долго смотрел на меня, стараясь оценить, смогу ли я выслушать известие о том, как погибла моя сестра. Разумеется, это было совершенно невыносимо, но у меня не было другого выбора. Густав сжал кулаки, стараясь сдерживать слезы. Он был так же подавлен, как и я. Оба мы храбро сражались на фронте и не смогли уберечь близких. В эту минуту я впервые по-настоящему осознал, что это такое — быть евреем.

— Далиду Цукер отправили в Освенцим прямо из Парижа. Она не проезжала через лагерь Дранси, ее повезли прямо в Польшу, так что она никак не могла оказаться здесь вместе с вашим отцом.

Я не знаю, почему Борис решил заострить на этом внимание. Разве что-то изменилось бы, если бы они встретились в одном из этих гнусных лагерей? Я задрожал и всеми силами постарался взять себя в руки, чтобы осмыслить ужасные слова, произнесенные мягким голосом Бориса.

— Ваша сестра ненадолго пережила отца и графиню. Ее убили за несколько дней до того, как мы взяли Освенцим. Мне очень жаль.

Я внезапно ощутил прилив такой ярости, что готов был порвать в клочки и Бориса, и полковника, и вообще любого, кто, на свое несчастье, оказался бы рядом. Густав снова положил руку мне на плечо, словно этот мягкий жест мог меня остановить. Но при этом я не мог сдвинуться с места; мое тело словно перестало слушаться команды мозга. Я посмотрел на Бориса и тихо попросил его продолжать.

— Согласно записям, вашу сестру привезли в Освенцим в конце января 1944 года в поезде, битком набитом французскими евреями. По пути в Польшу к поезду прицепили еще несколько вагонов с заключенными из других мест. Когда заключенных привезли в Освенцим, начальник лагеря их рассортировал. Большинство направили на различные работы в лагере, который оказался филиалом ада. Ваша сестра была молодой и сильной, и вместо газовой камеры ее направили на работу.

Освенцим — самый крупный из всех лагерей. Собственно говоря, он состоит из трех лагерей: Освенцима-1, Освенцима-2, больше известного как Освенцим-Биркенау, и Освенцима-3, который чаще называют Освенцим-Моновице.

Ваша сестра находилась в Освенциме-Биркенау, и ей пришлось работать на оружейном заводе, который помещался рядом с лагерем.

Она невыносимо страдала с первого дня, поскольку, несмотря на то, что именно заключенные составляли основную рабочую силу Третьего рейха, охранники СС при любом удобном случае с наслаждением истязали этих несчастных.

А кроме того... да чего уж там, ваша сестра была красивой девушкой, а потому вынуждена была оказывать... определенного рода услуги офицерам СС.

Борис опустил голову, словно стыдясь своих слов. Единым духом он допил виски. Я понимал, что Борис отвернулся, не в силах видеть моего лица, искаженного страданиями, которые он невольно причинил мне своими словами.

Я отвернулся, не в силах вынести полные сострадания взгляды Густава и полковника

Уильямса. Мне была невыносима их жалость.

— Думаю, ваша сестра так и не смогла с этим смириться, и в конце концов ее направили в Освенцим-1, в распоряжение доктора Йозефа Менгеле, оставшегося безраздельным хозяином Освенцима, несмотря на то, что формально командиром лагеря к тому времени стал полковник СС Артур Либехеншель.

— Доктора Менгеле? — спросил я в недоумении.

— Да, Менгеле, садист, царивший в бараке номер десять, там он проводил свои эксперименты. Ему помогали другие врачи и медсестры, такие же кровожадные психопаты. Самыми излюбленными его жертвами были близнецы, карлики, дети... Короче говоря, он стерилизовал вашу сестру — сам Менгеле и двое других «докторов смерти», Карл Клауберг и Хорст Шуман. Они разрабатывали методику, которая позволила бы стерилизовать все «неполноценное» человечество — евреев, умственно отсталых, больных... Они вводили жертвам особые препараты, содержащие, по-видимому, нитрат серебра, йод и другие вещества, которые, помимо кровотечений, вызывали невыносимую боль, от нее многие жертвы умирали. Да, многие умирали, но Менгеле это не слишком беспокоило: ведь в его распоряжении были тысячи двуногих подопытных кроликов, и его совершенно не волновала их судьба. Кажется, он пришел к выводу, что самый простой и дешевый метод стерилизации — облучение. Он применял его на тысячах заключенных, и многие погибли именно от радиации.

Далида Цукер тоже стала жертвой этих экспериментов, но когда ослабела настолько, что стала похожа на привидение и больше не годилась для дьявольских игр, ее отправили в газовую камеру. Ее убийство совпало с приходом наших войск. За несколько дней до этого комендант Освенцима отправил некоторых заключенных в другие лагеря, а тех, кто был болен или слишком истощен, чтобы перенести дорогу, и кто не годился для их целей, отравили газом.

В обеих бутылках не осталось больше ни капли, и Борису нечем было больше облегчить боль, охватившую его, когда пришлось сообщить о смерти наших близких. Уильямс неподвижно застыл в кресле, не смея даже выразить сочувствие.

Все уже было сказано. Мои отец и сестра погибли в газовых камерах. Катя Гольданская умерла от потери крови на операционном столе, когда у нее вырезали кости. Я не хотел больше ничего слышать об этом, и уж тем более не хотел, чтобы меня сочувственно хлопали по спине.

Я поднялся со стула, Густав сделал то же самое. Ему, как и мне, не терпелось выйти на улицу. Нам обоим не хватало воздуха.

— Я вызвал машину, она доставит вас в ваш сектор, — предложил полковник Уильямс, однако мы отклонили его предложение.

— Я могу съездить в Освенцим? — спросил я у Бориса и Уильямса. — Поговорить с теми, кто выжил?

Они посмотрели на меня, раздумывая. В то время Красный Крест уже взял под опеку большую часть лагерей, где еще находились чудом выжившие заключенные, с которыми никто не знал, что делать.

— Не думаю, что это удачная идея, — отозвался полковник Уильямс.

Я пожал лишь плечами в ответ. Меня не интересовало его мнение. Я уже решил ехать в Освенцим — с помощью или без помощи этих людей, как бы они меня ни отговаривали.

— Мы можем это устроить, — сказал Борис.

— Ну так сделайте же это, и поскорее, — попросил я.

Несколько часов мы с Густавом молча бродили по городу. У нас не было сил разговаривать, мы лишь думали о погибших родных. Я — об отце и сестре, он — о тете. Мы оба понимали, что глупо пытаться утешать друг друга.

— Я поеду с тобой в Освенцим, — сказал Густав, когда мы вернулись в гостиницу.

— А я с тобой — в Равенсбрюк, — ответил я.

Проще всего оказалось добраться именно до Равенсбрюка, находящегося всего в девяносто километрах от Берлина, и полковник Уильямс настоял на том, чтобы поехать с нами, «помочь с бюрократией», как он это назвал.

Врач из Красного Креста вызвался сопровождать нас по лагерю, рассказывая шокирующие подробности о состоянии здоровья выживших. Густав пожелал увидеть барак, где Катя провела последние месяцы жизни.

В бараке все еще стоял отчетливый запах нищеты, болезни и отчаяния.

Вдоль стен тянулись деревянные нары; на одних из них спала Катя. На миг мы словно увидели ее на нарах — такую беспомощную, но при этом с такой силой духа, которую не смогли сломить даже нацисты.

Врач рассказал нам о женщине из того же барака, которая выжила, но чувствовала себя совсем скверно.

— Она сошла с ума и несет всякий бред, — предупредил он.

Но мы все равно пожелали увидеть ее, стремясь хоть на миг воссоединиться с Катей — хотя бы через безумие этой женщины.

В лагерьном госпитале до сих пор оставались бывшие заключенные, за которыми ухаживали врачи и медсестры из Красного Креста. Эти несчастные были слишком слабы или слишком безумны, чтобы везти их в другое место. Кроме того, союзные державы так еще до конца и не решили, как поступить с евреями. Они воевали не для того, чтобы спасти нас, а лишь для того, чтобы спастись самим; евреи же просто оказались на пути и, похоже, их судьба мало кого беспокоила.

Медсестра принесла пару стульев и поставила их рядом с кроватью женщины, предупредив, что «она сама не понимает, что несет. Когда ее привезли в Равенсбрюк, она была на четвертом месяце беременности, и у нее извлекли ребенка. Ей не давали ничего, чтобы смягчить боль. Они хотели узнать, сколько она может вытерпеть. Потом ей изрезали грудь. После этого она сошла с ума».

— Вы знали Катю Гольданскую? — спросил Густав.

Женщина взглянула на нас, и в ее глазах мелькнула вспышка внезапного озарения.

— Такая высокая, оттенок волос между золотистым и серебристым, очень яркие синие глаза; ее трудно не заметить, — продолжал Густав.

— Катя... Катя... Катя... — сосредоточенно повторяла женщина, и вдруг, сунув руку под простыни, извлекла оттуда маленький кружевной платочек.

Густав попытался перехватить ее руку, чтобы забрать платок, но она проворно сунула его обратно под простыни.

— Это Катин платок, — прошептал Густав.

Да, несомненно, это был Катин платок — маленький платочек из батиста и кружев. Эта женщина хранила кусочек ткани как драгоценную реликвию.

— Она вытирала... вытирала им мое лицо... — всхлипнула женщина. — Вот так... вот так... — с этими словами она провела платком по лицу и шее.

Мы молча смотрели на нее, боясь, что любое слово может погасить слабую искру сознания, мелькнувшую в глазах этой женщины, которая нашла убежище в своем безумии.

— Она вам о чем-нибудь рассказывала, о ком-то вспоминала? — продолжал расспрашивать Густав.

Она взглянула на него, словно пытаясь вспомнить, где могла его видеть; потом провела рукой по его волосам. Густав не пошевелился, казалось, он превратился в мраморную статую. Потом женщина опустила руку и вдруг запела старинную песню на идише. Затем отвернулась и закрыла глаза, а по ее щекам покатались слезы.

Медсестра велела нам уходить. Бедная женщина больше ничего не смогла бы рассказать, и любые расспросы только добавили бы ей страданий.

— Какое зловещее место, — прошептал Густав.

Да, это было поистине зловещее место. Каким же еще оно могло быть? Ведь здесь томились тысячи женских душ — в этих бараках, в этом госпитале, где монстры, называвшие себя врачами, ставили чудовищные опыты над их телами, пока окончательно не уничтожали души тех, кто стоял в газовых камерах, прижавшись к стенам.

Солдаты освободили лагерь, но не смогли освободить от страданий души тех несчастных, чьи тела нацисты подвергли столь чудовищным мукам.

— Это ужасно... не смею даже подумать, что с ней случилось, — сказал Густав, когда мы уже садились в машину полковника Уильямса, собираясь возвращаться в Берлин.

Всю обратную дорогу мы молчали. Молчание вообще стало между нами обычным делом. Думаю, что он, как и я, мечтал поскорее сбежать из этого места.

Через два дня мы отправились в Освенцим. Борис устроил для нас эту поездку — сейчас, когда Польша находилась под контролем Советов, это стало возможно.

На этот раз Уильямс не смог нас сопровождать, но Борис все же устроил так, чтобы нас не задержали по дороге. Кроме того, он представил нас своему другу, капитану Анатолию Игнатьеву.

— Мы выросли в одной деревне, — сказал он. — Знаем друг друга с детства, хотя он немного постарше. Если вы преподнесете ему бутылку хорошего виски, он будет вам благодарен.

Густаву удалось достать на черном рынке пару бутылок виски, и мы выпили их вместе с капитаном Игнатьевым. В те дни спиртное было для Густава, как, впрочем, и для меня, единственным средством хоть немного расслабиться и приглушить душевную боль.

Капитан Игнатьев встретил нас в Кракове. Он показался нам похожим на Бориса — таким же высоким и крепким. И, кстати, тоже уговаривал выпить, прежде чем ехать в Освенцим.

— Туда мы успеем и завтра, а сегодня лучше отдохнуть, — сказал он. — Я на это согласился только ради Бориса; сказать по правде, меня в дрожь бросает, когда я бываю в этом месте.

Я сказал ему, что мне необходимо разыскать людей, которые, возможно, знали мою сестру.

— Не советую вам этого делать, — коротко сказал он.

Тем не менее, я настоял. Я сделал это ради сестры; мне отчего-то казалось, что это значит увидеться с ней, познать ее страдания, ее отчаяние, мечты и надежды, я был уверен, что Далида так и не сдалась до самого конца. Я всегда восхищался силой ее характера, умением встречать лицом к лицу удары судьбы, не оглядываясь назад и не задумываясь о

последствиях.

Пока мы добирались до лагеря, шел нескончаемый ливень. Когда мы прошли через ворота Освенцима, я почувствовал, как бешено стучит сердце. Я невольно остановился, созерцая необъятный комплекс, основным назначением которого было истребление миллионов людей, главным образом евреев.

Анатолий Игнатьев провел нас по всем трем лагерям, показал каждый их уголок. Показал бараки, где томились заключенные, кухни, лабораторию доктора Менгеле, где он проводил свои опыты, газовые камеры и помещения, куда сваливали мертвые тела, словно туши животных; здесь с мертвых тел сдирали кожу, вырывали золотые зубы, у женщин обрезали волосы, чтобы потом сделать из них шиньоны и другие изделия, и лишь после этого изуродованные трупы отправляли в печи крематориев...

Не помню, сколько часов мы бродили по лагерю смерти, помню только, что несколько раз нам приходилось останавливаться, потому что к горлу подступала тошнота, и меня выворачивало наизнанку. Если Равенсбрюк привел нас в ужас, то при виде Освенцима в наших жилах застыла кровь. Это был настоящий город — маленький город, построенный лишь с одной целью: убивать.

Рельсы железной дороги заканчивались у входа в Освенцим, потому что всех тех, кого сюда привозили, дальше ждала лишь одна судьба: смерть.

— Пойдемте, вы уже достаточно насмотрелись, — торопил меня Анатолий Игнатьев.

Но я не спешил отсюда уходить. Здесь были Далида и мой отец, здесь они страдали, здесь оборвалась их жизнь; я должен был хотя бы увидеть то место, где навсегда остались призраки дорогих мне людей.

И я увидел Далиду. Да, я видел ее — как она, спотыкаясь, бредет через грязь. Я ощутил ее отчаяние, когда ее втолкнули в барак, где ей предстояло жить нескончаемо долгий год. Я пытался уговаривать себя, что хуже тех пыток, что она перенесла в Гестапо, с ней уже ничего не могло случиться. Представлял, как в бараке ее встречают женщины, столь же отчаявшиеся, как она сама, и доходчиво объясняют, что она прибыла сюда лишь затем, чтобы умереть; вопрос лишь в том, на сколько дней или месяцев затянутся эти мучения, а конец все равно один. Я представил, как она внимательно слушает все советы. А потом — садисты-охранники, работа до полного изнеможения и чувство совершенной безнадежности, которое охватывало при мысли, что из этого ужасного места невозможно вырваться.

Далида всегда притягивала к себе людей, как магнит, и вскоре у нее появились подруги, с которыми она делила все тяготы лагерной жизни, и глядя, как они страдают, страдала сама. Она много рассказывала им о Палестине. Я уверен, ей было что рассказать. О Палестина, наша потерянная родина, земля, которая всегда ждет своих детей.

Покинув Освенцим, я понял, что заболел. У меня поднялась температура, заболел живот, мне стало трудно дышать. Я попросил Густава оставить меня одного, чтобы я пришел в себя.

Вернувшись в гостиницу, я рухнул на кровать и заснул мертвым сном. Сам не знаю, как после всего пережитого мне удалось уснуть, но я заснул и вновь провалился в глубины ада, ибо ад, явившийся мне в кошмаре, был ни чем иным, как все тем же Освенцимом.

Наутро меня разбудил Густав, обеспокоенный моим состоянием.

— Мы должны вернуться в Берлин и обратиться к врачу, — сказал он.

— Я никогда и ни за что не обращусь за помощью к немецкому врачу. Никогда.

Густава испугала моя решимость.

— Но...

— Мы евреи, — ответил я. — Неужели ты думаешь, что я могу вручить свою жизнь в руки немцу? Они всё знали и при этом спокойно жили, как будто ничего не случилось; все они виновны в геноциде! И ты хочешь, чтобы я обратился к немецкому врачу, одному из тех, кто кричал «Хайль Гитлер!»?

— Но нельзя же винить в этом всех немцев, — не сдавался Густав.

— Очень даже можно! — возразил я. — Все они виноваты. И никогда, никогда и ни за что на свете я им этого не прощу. Мы не можем их простить — после всего, что они сделали, как ты этого не понимаешь? Холокост — не просто безумие одного человека или небольшой группы, это помешательство целой страны, и вся страна виновата в этих зверствах. Меня выводит из себя, когда кто-то сейчас пытается убедить весь мир, будто бы они ничего об этом не знали.

— Прощу тебя, Изекииль, не думай об этом, иначе ты просто сойдешь с ума!

— Может быть. Но даже если я сойду с ума, даже в своем безумии я не стал бы уничтожать всех немцев. И знаешь, почему? Потому что этот Холокост — не плод фантазии какого-то безумца, а идеально продуманный, организованный и отработанный план. В том, что они творили, нет ни малейшего намека на безумие. Клянусь Богом, Густав, мы не должны их оправдывать, называя безумцами!

Потом позвонил капитан Игнатьев и сообщил, что знает одну женщину, которая была знакома с Далидой. Эта женщина, как и моя сестра, вынуждена была обслуживать солдат из лагерной охраны, подонков-эсэсовцев.

Ее звали Сара Коэн, она была гречанкой из Салоников. Она находилась в лагере Красного Креста.

Я подумал о своей матери. Ее семья переехала в Палестину, после того как покинула Испанию и потом обосновалась в Салониках. Так что мой интерес к этой женщине объяснялся не только тем, что она знала мою сестру, но и еще каким-то неуловимым чувством, которого не смогла бы объяснить даже мама, если бы не помнила о своих греческих корнях.

Оказалось очень непросто получить разрешение поговорить с выжившими узниками концлагерей, которые теперь находились под опекой Красного Креста, но с помощью капитана Игнатьева и Бориса нам удалось добраться до Сары Коэн.

Когда мы наконец добрались до нее, мне уже стало казаться, что я попал в обитель призраков. Сотни изможденных мужчин и женщин, похожих на ожившие скелеты, с потерянным взглядом, теперь пытались вернуться в мир живых. Они бродили по лагерю в сопровождении врача, медсестры или доброго самаритянина, протянувшего руку помощи этим мученикам.

Принявший нас врач представился как Ральф Левинсон; он попросил следовать за ним и велел не говорить ничего такого, что могло бы причинить боль этой женщине.

— Сара Коэн попала в руки доктора Менгеле, и если не погибла, то лишь потому, что приглянулась одному офицеру СС. Но она перенесла столько страданий, что обычному человеку страшно даже вообразить. Ее физическое здоровье на пределе, а уж о психическом состоянии нечего и говорить. Она совсем молода, недавно исполнилось двадцать пять, но она находится на грани между здравомыслием и безумием, однако грань эта настолько тонка, что мы по-настоящему боимся ее потерять.

Следуя за доктором Левинсоном, мы добрались до палаты, где сидели несколько

пациентов, не глядя друг на друга; каждый из них в одиночку старался вырваться из собственного ада, который теперь будет преследовать их до самой смерти.

Сара сидела в самом дальнем углу. Глаза ее были закрыты; казалось, она спит. Левинсон потряс ее за плечо.

— Сара... Сара, эти господа хотят поговорить с тобой... Хотят поговорить о семье твоей подруги Далиды... — голос врача звучал так тихо, что трудно было расслышать.

Мгновение она сидела неподвижно, не подавая признаков жизни; это мгновение показалось мне вечностью. Потом медленно открыла глаза и взглянула мне прямо в лицо. В этот миг я понял, что влюбился в нее — безумно и безоглядно.

Я не помню, сколько времени мы смотрели друг другу в глаза. Я не понимал, смотрит ли она на меня или ищет в моем лице черты Далиды. Помню лишь, что не мог отвести от нее глаз, потому что, несмотря на крайнюю степень истощения, это была самая красивая женщина на свете. Да, ее зеленые глаза потухли — да разве могло быть по-другому? Да, тело ее больше напоминало кучу костей, обтянутых кожей, нежели тело человека; руки огрубели, а светлые волосы потускнели, но при этом ее красота была невероятной. Сам не знаю почему, но в эту минуту я подумал о Кате. До этого мгновения именно Катя казалась мне красивейшей женщиной в мире. Но Катя была поистине земной женщиной — элегантной, полной жизни, а Сара Коэн казалась прозрачным мотыльком со сломанными крыльями.

Густав крепко сжал мою руку, давая понять этим жестом, что тоже переживает за Сару. Врач наблюдал за нами с плохо скрываемой надеждой, что мы так и уйдем несолоно хлебавши. Однако в ту минуту, когда он уже готов был сказать, что нам пора уходить, она вдруг заговорила.

— Изекииль... — шепотом произнесла она мое имя.

— Да, я Изекииль Цукер, брат Далиды.

— Я хочу выбраться отсюда, хочу вернуться домой, — прошептала она.

— Я заберу вас отсюда, не беспокойтесь, — ответил я. — Даю слово, что заберу.

Густав и врач с удивлением посмотрели на меня. В моих словах прозвучала такая решимость, что, думаю, они по-настоящему испугались, смогу ли я выполнить обязательства перед Сарой Коэн, которые я с такой готовностью брал на себя.

— Она рассказывала мне о вас... Она очень жалела, что вас оставила... вас и вашу мать... По ночам, когда мы возвращались после... — Сара снова закрыла глаза, и я понял, что перед ее глазами вновь возникли картины пережитых кошмаров, — ну, вы понимаете... она падала на нары, плакала и шепотом звала маму. Она без конца просила у нее прощения за то, что бросила ее, а я вставала и старалась ее утешить. Говорила ей, что мама, конечно же, давно ее простила. Но Далида не могла себя простить: все корила себя за эгоизм, за то, что оставила Палестину, потому что хотела жить в Париже и в Лондоне, модно одеваться и посещать вечеринки. Она очень любила отца и искренне восхищалась его новой женой — Катя, кажется, так ее звали? Да, она мне говорила, что ее звали Катей.

Она вновь закрыла глаза. Я видел, что она очень устала — видимо, эти воспоминания совершенно ее опустошили.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал врач. — Думаю, эти господа могут прийти завтра...

Но тут она снова открыла глаза и с тоской посмотрела на меня.

— Нет... нет... Я совсем не устала, я хочу с ними говорить... Хочу выбраться отсюда, он обещал, что заберет меня... Я не хочу больше здесь оставаться...

Я сжал ее руку. Она вырвала ее с такой силой, что я даже испугался. Я был озадачен. Казалось, ее пугает любой телесный контакт, но в следующую секунду она сама потянулась ко мне и вдруг заплакала.

— Вам не следовало хватать ее за руку, — упрекнул меня доктор. — Думаю, на сегодня с нее достаточно.

Но тут Сара снова открыла глаза.

— Нет, я хочу с ними говорить, хочу рассказать им все, что они хотят знать. А потом уеду отсюда, — повторяла она снова и снова.

— Наверное, нам и в самом деле лучше прийти завтра? — спросил Густав. — Не хотелось бы ее расстраивать.

— Нет, я расскажу.. Я обо всем расскажу. Когда в Освенцим привезли Далиду, я уже провела там несколько месяцев. Я попала туда в марте 1943 года, когда немцы затолкали нас в этот поезд... До 1943 года мы, евреи из Салоники, надеялись, что выживем... Нас согнали в гетто, выгнали из наших домов, отобрали все ценное, но мы надеялись, что нас хотя бы оставят в живых. Но в феврале пришли те люди...

— Сара, эти господа хотят знать о Далиде, а не о том, как ты попала в Освенцим, — напомнил доктор Левинсон, опасавшийся, что она может заблудиться в своих мрачных воспоминаниях.

— Пусть продолжает, я хочу знать все, — сказал я врачу.

— Не думаю, что это пойдет ей на пользу, — возразил тот.

— Дитер Вислицени и Алоиз Брюннер — так их звали, — продолжала Сара. — С их появлением все стало еще хуже. Теперь мы должны были носить желтые звезды, нашитые на одежду, и не имели права выходить на улицу по вечерам, а также ездить на трамвае и заходить в кафе; евреев исключили из всех профсоюзов и каких бы то ни было организаций... Все дома евреев приказали отметить особым знаком, чтобы их сразу можно было отличить. Поскольку нас запрещалось принимать на работу, мы вынуждены были продавать свои вещи, но в конце концов нам запретили и это. Наконец, настал день, когда люди из СС согнали нас в один район недалеко от вокзала, который огородили колючей проволокой и поставили охрану у выхода, чтобы мы не могли убежать... Эти кварталы сто лет назад построили евреи, бежавшие от царских погромов... Кто бы мог подумать, что островок свободы станет нашей тюрьмой... Над нами издевались, но мы все равно ухитрились как-то выживать. Мы все перетерпели. И вот однажды Брюннер объявил, что нас отправляют в Краков, где мы начнем новую жизнь в поселении, подготовленном специально для евреев.

Никто не хотел ехать. Салоники были нашей второй родиной — родиной, которую обрели наши предки, изгнанные из Испании.

Мой отец был уже стар; мама намного моложе, но после всех лишений она тяжело заболела, и я была отчасти виновата в ее болезни.

У меня был жених, его звали Никос, не еврей, а грек и, соответственно, христианин. Мы собирались вместе бежать, уехать в Стамбул, где могли бы спокойно жить, несмотря на возражения наших семей. Иудеи, христиане — кому какое дело? Мы любили друг друга, и нас совершенно не волновала религия. Когда нас привезли в лагерь, я уже была беременна. Еще одна катастрофа среди прочих бедствий: беременная еврейская девушка, одна, без мужа...

Никос сделал все возможное, чтобы вытащить меня из лагеря, рискуя своей жизнью; ведь он, кроме всего прочего, был еще и членом коммунистической партии Греции. Однако

все его усилия оказались тщетны. Немцы арестовали его и расстреляли. Когда нас посадили в поезд, я была в таком отчаянии, что даже не задумывалась о том, куда нас везут.

Сара снова закрыла глаза. Врач подошел ко мне и прошептал на ухо, убедившись, что она не слышит:

— Она снова бредит; боюсь, что она не сможет рассказать вам о сестре.

Я ответил, что готов выслушать ее до конца, ведь ее история — это история шести миллионов других душ, моей собственной историей.

Она опять открыла глаза, и я заметил, что ей трудно сфокусировать взгляд; когда же ей это наконец удалось, она продолжила:

— Вы даже не представляете, что это такое — чувствовать себя полным ничтожеством. Эсэсовцы не считали нас людьми и, следовательно, мы не заслуживали человеческого отношения. Нам не позволяли выходить из поезда, пока мы не прибыли в Краков и в Освенцим. Представьте себе вагоны, битком набитые людьми, где нет даже закутка для отправления естественных надобностей. Можете себе представить, какая невыносимая вонь там стояла? А мы с каждым днем ощущали, что все больше и больше теряем человеческий облик.

Когда мы прибыли в лагерь, охрана СС нас разлучила. Отца и маму определили в группу пожилых, тех же, кто моложе и сильнее, собрали в другую группу. Я закричала, что не оставлю родителей, и бросилась к ним, но охранник ударил меня прикладом, и я упала на землю с окровавленной головой. Потом подошел другой охранник и ударил меня в живот; я почувствовала, как у меня внутри все обрывается. «Вставай, сука!» — заорал он. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я смогла подняться, потому что знала, что, если тут же не встану, меня просто убьют на месте. Я слышала мамины крики и возмущенный голос отца, который пытался прорваться ко мне. Но охранники избили их тоже. Нас развели по разным баракам. Потом я узнала, что родителей вместе с другими стариками и больными в ту же ночь отправили в газовую камеру.

А я в ту ночь родила двойню. Женщины из барака помогли мне произвести на свет близнецов. Мои дети родились в темноте, которую не в силах был разогнать свет единственной маленькой свечки. Даже не представляю, как им это удалось. Одна заключенная руками разорвала мою плоть, чтобы извлечь близнецов из утробы. Другая в это время зажимала мне рот, чтобы крики не привлекли охранников. «Конечно, здесь не лучшее место для родов, но было бы намного хуже, если бы тебе пришлось рожать в лаборатории доктора Менгеле», — прошептала какая-то девушка примерно моих лет.

Я не помню, сколько времени рожала, помню лишь, как на рассвете мне на руки положили детей. Двух мальчиков, очень красивых, похожих друг на друга, как две капли воды. Я едва могла пошевелиться. Я была совершенно измучена и потеряла много крови, но чувствовала себя живой, мне казалось, что я смогу защитить детей от того зла, которое все больше сгущалось над нашими головами.

Но как соседки по бараку ни старались меня прятать, охранники нас обнаружили. Дети плакали, потому что были голодны, а в моей груди не было ни капли молока. Охранники избили меня, заставили встать, и один отправился доложить начальству. Когда же пришел этот человек... Он посмотрел на меня, как на пустое место, а потом велел охранникам взять моих детей и отнести их к доктору Менгеле. «Для него это будет настоящим подарком», — засмеялся он. Я закричала, попыталась им помешать. Меня снова ударили, и я потеряла сознание. Когда же пришла в себя, то почувствовала на лице зловонное дыхание какого-то

мужчины; казалось, меня вот-вот стошнит.

«Превосходно... прекрасно... она приходит в себя...» — услышала я чей-то голос; каждое слово ударом отдавалось в моей голове. Когда я пришла в себя, то спросила, что сделали с моими детьми, но мужчина лишь отмахнулся, как от назойливой мухи. Я стала настаивать, и тогда медсестра вколола мне что-то в руку, и я снова потеряла сознание.

Если бы не мысли о детях, меня бы уже не было в живых. Я вернулась в этот мир, потому что верила, что смогу их спасти.

Я не знаю, что вытворяли с моим бедным телом, могу лишь сказать, что доктор Менгеле любил ставить на мне эксперименты. Он вводил мне какие-то препараты, осматривал мою матку, стараясь понять, что же такого необычного в моей утробе, что она смогла произвести на свет близнецов.

Я не переставала расспрашивать о детях. Очень долго мне ничего не отвечали, пока наконец какая-то медсестра не заявила: «Это не твои дети, теперь они принадлежат доктору».

Настал день, когда меня вернули обратно в барак. Я едва могла ходить; я не знала, что со мной сделали, но внутри все горело огнем, а кровотечение никак не унималось.

«Если хочешь жить, то должна работать, — сказал один из охранников. — А если окажешься ни к чему не пригодной, то сама знаешь, что тебя ждет».

Но я жила. Я должна была выжить во что бы то ни стало, чтобы спасти детей, где бы они ни были.

Тогда я еще ничего не знала о докторе Менгеле, но потом подруги рассказали о его одержимости близнецами и изуверских опытах над ними.

Не знаю почему, но один из охранников обратил на меня внимание, и я стала проституткой. В этом лагере некоторых женщин заставляли заниматься проституцией, обслуживая охранников. Главным образом, нам приходилось обслуживать солдат, но и офицеры иной раз тоже пользовались нашими услугами.

Если тебе в Освенциме давали кусок мыла и приказывали как следует вымыться, ты уже знала, что тебя ждет. В бараке была еще одна женщина, которую тоже заставляли обслуживать охранников. Она была старше меня и выглядела несколько потрепанной. «Будешь сопротивляться, станет только хуже, — говорила она. — Тебя избьют прикладами, а потом все равно изнасилуют». Но мне казалось немислимым сдаться без боя. Я ненавидела этих людей.

Выбравший меня охранник страшно злился, потому что в первый раз ему пришлось отвести меня в спальню своего начальника. Тот человек даже не взглянул на меня, просто толкнул к стене, сорвал одежду и изнасиловал. Я пыталась сопротивляться, почти теряя сознание от отвращения, а он сжимал мне горло, пока меня не стошнило. Когда он насытился, меня по очереди насиловали двое других — охранник, который меня выбрал, и еще один солдат.

Потом изнасилования стали самым обычным делом. Я не помню, сколько солдат, охранников, офицеров надо мной надругались. Я до сих пор ощущаю, как чужие руки блуждают по моему телу, заставляя чувствовать себя комком грязи, словно я шлюха без души и сердца.

С того первого дня сержант взял привычку насиловать меня первым, а потом отдавал солдатам, и они делали со мной, что хотели.

Спустя несколько недель этот человек начал со мной разговаривать. Вернее, это он

говорил, а я только слушала, ведь что я могла ему сказать? Однажды мне пришло в голову, что, возможно, он что-то знает о моих детях. Когда я спросила его о них, он, похоже, слегка растерялся. Подумать только, я, недочеловек, желаю знать, что случилось с моими детенышами. Не знаю почему, но он пообещал разузнать о судьбе детей.

На следующий день сержант поклялся, что с детьми все в порядке, а доктор Менгеле обращается с ними, как с величайшим в мире сокровищем, что ничего плохого с ними не случится, и если я как следует постараюсь, то когда-нибудь смогу их увидеть.

И я старалась. Да, я старалась. Надежда когда-нибудь увидеть детей значила для меня намного больше, чем желание сохранить достоинство, а тело и вовсе теперь казалось просто вещью.

Каждую ночь я спрашивала у него, когда увижу детей, а он лишь отмахивался, отвечая, чтобы я к нему не приставала и вела себя хорошо.

Он так и не показал мне детей. Да и при всем желании не смог бы этого сделать...

Когда привезли твою сестру Далиду, ее нары оказались рядом с моими. Женщина, которая спала там раньше, как раз умерла от сердечного приступа.

Первым делом она спросила, можно ли отсюда сбежать. Женщины объяснили ей, что это совершенно невозможно, а если она попытается, то ее немедленно убьют. Но она была настолько полна решимости, что через несколько дней я подошла к ней и сказала, что если найду способ отсюда сбежать, возьму ее с собой, но сначала она должна помочь мне вернуть детей.

Я рассказала ей свою историю, а она мне — свою, и мы вместе начали мечтать о побеге. Прошло чуть больше месяца, когда твоей сестре дали кусок мыла и велели как следует вымыться. Она так плакала, а я не знала, как ее утешить...

В ту первую ночь ее изнасиловали полдюжины охранников. Когда на рассвете она вернулась в барак, то едва держалась на ногах, и потеки засохшей крови на ее бедрах напоминали какую-то мрачную картину. Я обняла ее, чтобы она не чувствовала себя одинокой, но с этой ночи душа Далиды словно застыла, как это в свое время случилось и со мной.

Сара закрыла глаза; казалось, она боится вновь заплутать в воспоминаниях. Доктор Левинсон жестом велел нам уходить, но я не мог уйти, не узнав, что же в конце концов случилось с сестрой. Густав уже поднялся, готовый последовать за врачом, а я по-прежнему медлил, дожидаясь, когда Сара снова откроет глаза. Она и в самом деле их открыла, хотя в первую минуту ее взгляд казался потерянным, блуждая по комнате, словно она никак не могла понять, где находится и кто мы такие.

— Если вы устали... — начал я.

— Да, я устала, очень устала, — ответила она. — Но смогу отдохнуть лишь после того, как все расскажу, так что забудьте о моей усталости.

— Спасибо, — сказал я. Это был единственный ответ, который пришел мне в голову.

— После той, первой ночи Далида больше не плакала, — продолжала Сара. — Она запретила себе плакать, потому что не хотела, чтобы эти свиньи видели ее сломленной и униженной. «Они все равно меня убьют, но я хотя бы не доставлю им удовольствия глумиться над моими слезами», — говорила она, стараясь меня поддержать.

Целыми днями мы работали на оружейном заводе. Нас будили еще до рассвета и увозили на завод, где мы работали до самой темноты, а потом привозили назад в барак. Время от времени к нам подходила одна из надзирательниц с куском мыла, и тогда мы

старались отмыться как можно тщательнее, после чего охранники уводили нас в столовую, где насиловали. С нами обращались как с кусками мяса, а мы не делали ничего, чтобы стать чем-то большим. Кое-кто из охранников заставлял нас пить — и мы пили. Иногда они давали нам какую-нибудь еду; я сначала отказывалась, как от любых других привилегий, но потом твоя сестра убедила меня, что мы должны есть. Еда была самой немудреной — черный хлеб, соленые огурцы, лук, но мы старались кое-что припрятать и поделиться с подругами в бараке.

Кое-кто из них... да, кое-кто смотрел на нас с отвращением. Для евреев-заключенных не было никого хуже надзирателей, а мы стали их подстилками. Нас не смели упрекнуть ни единым словом, но их глаза... Не было ни единого дня, чтобы кого-нибудь не отправили в газовую камеру. Нас спасало лишь положение проституток. Своим телом мы заплатили за лишние дни жизни, но, если бы мы могли выбирать, мы предпочли бы умереть, чем обслуживать этих свиней.

Один из сержантов облюбовал Далиду. Он требовал ее к себе каждую ночь и даже платил своим приятелям, чтобы они не претендовали на нее и давали ему возможность проводить с вашей сестрой время до самого рассвета. Далида ненавидела его так же сильно, как остальных; говорила, что он заставляет ее исполнять самые извращенные фантазии. Иногда она возвращалась, вся покрытая синяками, потому что он ее избивал. А еще он привязывал ее к кровати и... Лучше я не буду рассказывать, не надо вам это знать. Сама удивляюсь, как мы все это вынесли...

Не знаю почему, но однажды вашу сестру отвели к доктору Менгеле. Ему нужны были молодые женщины для опытов. Короче, они стерилизовали ее и облучили, но при этом плохо рассчитали время облучения, и в результате она получила сильные ожоги. После этого она больше не могла работать на заводе и не годилась для того, чтобы обслуживать охранников...

Сара разрыдалась. Она смотрела куда-то вдаль, где, несомненно, видела Далиду. Я почувствовал, как подкашиваются ноги.

— Больше я ее не видела. Ее отправили в газовую камеру вместе с другими женщинами, которые оказались ненужными. Я узнала об этом лишь два дня спустя, когда охранник, который приходил ко мне, рассказал, что случилось с Далидой. Он был пьян и гнусно смеялся, но в конце концов я все же смогла у него допытаться, что случилось. «Она там, где очень скоро окажешься и ты, — сказал он. — С каждым днем ты становишься все страшнее, и скоро тебя не захочет ни один мужик». Потом он ударил меня в спину и сбил с ног. Я с трудом встала, ожидая нового удара и понимая, что за этим дело не станет. И, конечно, он ударил снова. Когда я вернулась в барак, то уже знала, что больше никогда не увижу Далиду. После того как нас освободили, я пыталась узнать, что случилось с моими детьми. Доктор... — тут она неотрывно уставилась на меня, — разыскал в архиве их дела. Им в глаза закапывали какое-то средство, пытаясь изменить цвет радужки... После этого дети ослепли... Но этого им было мало. Их пришили друг к другу. Менгеле хотел знать, как функционируют организмы сиамских близнецов... Моих детей замучили до смерти. Они прожили в этом кошмаре несколько месяцев, но в конце концов не выдержали.

В этом месте ее рассказа у меня из глаз брызнули слезы. Я даже не пытался их скрывать, я давно уже перестал стыдиться, что кто-то увидит мои слезы. К тому же Сару совершенно не волновало, что незнакомый мужчина стоит и плачет. Сама она давно уже выплакала все слезы и едва ли могла что-то почувствовать при виде рыданий других.

— Вам пора, — слова врача прозвучали скорее как приказ, чем как предложение.

— Вы обещали забрать меня отсюда, — напомнила Сара.

— И я это сделаю, я не уеду отсюда без вас, — ответил я.

Вместе с врачом мы проследовали в его кабинет. Я был полон решимости во что бы то ни стало забрать Сару.

— Я бы не советовал вам этого делать, — сказал доктор, который, видимо, действительно переживал за меня. — Она больна и душой, и телом. Мы спасли ее из ада, но не уверены, сможет ли она вернуться к нормальной жизни. Кроме того, вам придется оформит слишком много документов, чтобы забрать ее отсюда.

— Да, я знаю, что проблемы евреев еще не закончились; например, никто не знает, что теперь делать с бывшими заключенными концлагерей. Все их жалеют, но при этом не позволяют уехать. Никуда: ни в Соединенные Штаты, ни в Англию, ни во Францию...

— Мистер Цукер, я сам американец, но при этом еврей, — признался доктор Левинсон. — Мои родители из Польши, в конце XIX века они эмигрировали в Соединенные Штаты, и теперь вы сами видите: я, крестьянский сын, стал врачом. В детстве мама рассказывала мне о погромах, о том, каково это — жить, чувствуя себя изгоем. Я никогда не забуду о том, что еврей, и сделаю все возможное, чтобы помочь этим несчастным.

— Помогите мне вывезти Сару, — попросил я.

— Тебе стоит подумать о словах доктора, — вмешался Густав.

На сей раз я по-настоящему рассердился и даже повысил голос, отвечая ему:

— Представь себе, если бы это была Катя или моя сестра, и рядом оказался кто-то, кто мог бы их спасти, вытащить отсюда... Как ты думаешь, что бы сказали по этому поводу Катя с Далидой, если бы они остались в живых? Я должен ей помочь. Мне это нужно, понимаешь?

Я приложил все силы, чтобы разыскать полковника Уильямса. В его берлинской штаб-квартире сообщили, что он уехал в Лондон и вернется не раньше, чем через неделю. Его помощник заверил, что обязательно его разыщет и передаст, что я хочу с ним поговорить. Тогда я попросил телефонистку снова связать меня с Берлином — на этот раз со штабом советских войск.

Капитан Борис Степанов внимательно меня выслушал и, похоже, несколько не удивился, когда я попросил его помочь вывезти Сару Коэн из бывшего лагеря, теперь превращенного в лазарет. Он пообещал поговорить со своим коллегой, капитаном Анатолием Игнатьевым.

— Анатолий уже передал, что вы хотите вывезти из Освенцима ту женщину, подругу вашей сестры, — сказал он. — Ну что ж, не стану вас отговаривать и сделаю, что смогу, но потребуется дня два. Знаете ли, порой легче выиграть целую войну, чем переместить несколько бумажек из одного кабинета в другой.

Никогда прежде я не мог даже представить, что наша дружба с Густавом станет такой тесной. Мы виделись лишь в детстве, и когда встретились теперь, после войны, оказалось, что между нами почти нет ничего общего. Он был истинным аристократом, хотя и не афишировал этого, я же рос в Саду Надежды свободным, как птица, и был весьма далек от каких-либо условностей. Тем не менее, за те дни, что мы провели вместе, разыскивая Катю, Далиду и моего отца, мы прониклись искренней и глубокой привязанностью друг к другу. Пока я обхаживал полковника Уильямса и капитана Степанова, чтобы они помогли мне вывезти Сару, Густав, не говоря ни слова, поставил с ног на голову все министерство иностранных дел, выколотив необходимые рекомендации. Конечно, мы все очень старались,

но я бы сказал, что именно приложенные Густавом усилия в конечном счете решили дело.

Мы привезли Сару в Берлин, а оттуда все вместе отправились в Лондон. Никто из нас троих не имел ни малейшего желания оставаться в Германии. Мне стоило немалых усилий сдерживать свой гнев на немцев. Сара тоже никогда не смогла бы простить им всего, что они сделали с ней и с ее детьми, а Густав был убит горем, узнав о гибели тети, хоть и старался изо всех сил держать себя в руках.

Вера встретила нас со слезами радости. Она очень беспокоилась за сына, ведь она знала Густава лучше, чем кто-либо другой, и понимала, что под маской равнодушия скрывается чувствительный и добрый человек, которого ранят чужие страдания. Если она и удивилась, увидев на пороге своего дома Сару, то не показала виду и приняла ее как лучшую подругу, которую знала много лет. Она предоставила ей гостевую комнату и предложила прогуляться по магазинам, чтобы прикупить кое-что из одежды: ведь у Сары не было почти ничего, даже самого необходимого.

В иные ночи Сара будила нас всех своими пронзительными криками. Она звала своих детей, которых едва успела взять на руки. Вера бросалась в комнату Сары, обнимала и баюкала ее, как ребенка, пока та не успокаивалась. Мы с Густавом топтались у дверей ее комнаты, не решаясь ни войти, ни вымолвить хоть слово. Мы не знали, как ее утешить; казалось, Сара немного успокаивалась лишь в обществе Веры.

— Что ты собираешься делать? — спросила Вера, когда мы остались одни.

— Вернусь в Палестину, — ответил я. — Я должен сообщить маме, что отец и Далида мертвы. Но чувствую, что у меня не повернется рука написать ей об этом. К тому же я хочу вернуться к прежней жизни. Я не смогу жить нигде, кроме Палестины; там моя мама, моя семья, друзья и дом. Каждую ночь я вижу во сне, как открываю окно и смотрю на оливы. Я вырос крестьянином, на лоне природы. Я страдаю, когда на наши деревья нападает саранча, когда долго нет дождя или, напротив, дожди идут слишком долго.

— Когда ты вернешься, то должен учиться, ведь именно этого хотел для тебя отец, — напомнила Вера.

— Возможно, мне удастся поступить в университет и выучиться на агронома, но я не хочу загадывать, — ответил я.

— А Сара?

— Она поедет со мной в Палестину. Густав обещал помочь с разрешением. Британцы ограничили въезд, они не хотят, чтобы все новые и новые беженцы ехали в Палестину, но куда им еще деваться? Я понимаю, Вера, нам нигде не рады, считают головной болью, но что делать тем, кто выжил?

— А ты спрашивал ее? Быть может, она хочет вернуться в Салоники, где у нее, наверное, остались родные?

Нет, я даже не подумал о том, чтобы ее об этом спросить. Я был уверен, что она поедет со мной в Иерусалим и будет жить в Саду Надежды, а когда хоть немного оправится от нанесенных ран, мы поженимся. Но Вера была права: Сара должна сама решить, и я не в праве ей в этом препятствовать.

— К тому же ты должен попытаться вернуть имущество отца во Франции. Ваш дом в Париже, счета в банках, хотя у него есть какие-то его деньги и здесь, в Лондоне. Твой отец составил завещание.

— Да, Густав сказал мне об этом, завтра мы пойдем к нотариусу.

Я знал, что отца никогда особо не интересовали деньги, но при этом он обладал

настоящим талантом их зарабатывать. Не то чтобы он озолотился, но дело, которое он вел на паях с Константином, все же приносило немалый доход. И если Константин позаботился о Вере и Густаве, открыв на их имя счета в банке, то отец сделал то же самое для меня и Далиды. Однако Далида была мертва, так что я остался единственным наследником акций одного из крупнейших банков Сити, а также золота и, что самое удивительное, бриллиантов. Да, оказалось, отец покупал бриллианты и хранил их в сейфе Лондонского банка. Эти драгоценные камни стоили целого состояния, и я мог бы их продать, но Густав объяснил, что «сейчас не самое лучшее время для продажи бриллиантов. Лучше их пока придержать. Если продашь сейчас, то прогадаешь в цене».

Я подписал документы у нотариуса, которого порекомендовал Густав, и вступил в права наследования лондонского имущества; кроме того, нотариус теперь от моего имени обратился к судебным властям Франции. Коллаборационистское правительство реквизирировало отцовскую лабораторию. Нотариус сказал, что вернуть ее будет непросто, но нужно хотя бы попытаться.

Густав поблагодарил меня за доверие. Сам он не переставал меня удивлять. С каждым днем я все больше убеждался, что если кто в этом мире и заслуживает доверия, то это Густав. Он был не только безупречно честен со всеми, но при этом еще и оказался очень светлым и добрым человеком.

Когда мы покинули кабинет нотариуса, Густав выглядел более задумчивым, чем обычно. Я поинтересовался, что случилось.

— Как бы я хотел быть похожим на тебя, вести себя так же, — признался он.

— И что же тебе мешает? — удивился я.

— Прежде всего, воспитание, чувство долга, — ответил он. — Если бы я мог сам выбирать путь, то ушел бы в монастырь, чтобы молиться, думать, мечтать и молчать... Но вместо этого мне придется жениться, завести детей и воспитать их достойными своей фамилии. Кроме того, я не могу оставить маму одну. Да, в России у нас есть какие-то родственники, но я даже помыслить не могу о том, чтобы туда вернуться и жить под железным сапогом Сталина. Нашей семье и так повезло, что им с отцом удалось вовремя бежать. В Лондоне у нее есть друзья, но на самом деле у нее нет никого, кроме меня. Так что я не могу позволить себе столь чудовищного эгоизма: выбрать свой путь и бросить ее одну. Что я буду за человек, если пожертвую собой ради самого родного человека? Думаю, что Господь нас испытывает.

Я ничуть не удивился, узнав, что Густав имеет склонность к религии, но в то же время никак не мог представить его священником или монахом. Я задумался, смог бы я пожертвовать собой ради матери и из чувства долга, как Густав. Но я не вполне понимал, в чем же состоит мой долг; к тому же у мамы оставался еще и Даниэль, так что здесь у меня было преимущество перед Густавом: я не был единственным сыном и мог строить свою жизнь так, как считал нужным, не терзаясь угрызениями совести.

Когда я предложил Саре поехать со мной в Палестину, с ней случился один из тех приступов глубокой отрешенности, которые причиняли мне столько боли. Я знал, что ей требуется время, чтобы все обдумать, поэтому решил пока на нее не давить. А тем временем ко мне прибыл неожиданный гость. Бен, мой дорогой Бен, прислал мне телеграмму, в которой сообщал, что едет в Лондон.

Вера настояла, чтобы он остановился в ее доме, и переживала только из-за того, что в

доме только одна гостевая комната, которую сейчас занимала Сара. Я посмеивался над ее беспокойством: мы с Беном, истинные дети Сада Надежды, выросли в обстановке, где все было общее, все принадлежало каждому, и никто не мог ничего ни купить, ни продать, не посоветовавшись с остальными. А уж после нашего пребывания в кибуце разделить на двоих одну комнату в Верином доме и вовсе было сущими пустяками.

Я поехал встречать его в аэропорт, и мы долго стояли обнявшись. Мы считали себя братьями — не только из-за общего детства, но и потому, что слишком многое пережили вместе, а когда мне впервые пришлось убить человека, Бен был рядом со мной.

Вера и Густав встретили Бена с той же сердечностью, что и меня, и не пожелали даже слышать, чтобы он остановился где-либо еще. А Сара словно не заметила, что в доме появился новый человек. Она казалась полностью погруженной в свои мысли и едва отвечала, когда к ней кто-то обращался.

Вера удивила нас настоящим русским ужином. Даже не представляю, где она все это раздобыла, но на столе оказались соленые огурчики, борщ и блины с семгой. Посреди всего этого великолепия красовалась бутылка водки, которую Вера приберегала для такого случая. Мы наслаждались замечательным ужином, забыв о времени, радуясь уже тому, что живы и точно доживем до завтрашнего дня.

Сара выглядела отрешенной, по-прежнему не замечая нас, но порой я видел в ее глазах вспышку интереса.

Вечером, перед сном, мы с Беном долго разговаривали наедине.

— Они очень хорошие люди, — сказал он про Веру и Густава.

— Да, конечно. Сейчас я и сам это понимаю, но раньше, когда был маленьким, не мог оценить их по достоинству. Для меня они тогда были прежде всего родственниками Кати, и это мешало мне их любить.

— А Сара? Что она значит для тебя?

Я рассказал ему историю Сары, о том, как влюбился в нее с первого взгляда, и сказал, что готов на все, чтобы помочь ей залечить ее душевные раны, которые еще кровоточили.

— Она пыталась выжить, пока считала, что ее дети живы, но, когда узнала, что их убили, ей стало незачем жить, и она сдалась.

— Ты веришь, что она тебя любит? — спросил он скептически.

— Не знаю, — честно ответил я. — Думаю, пока еще нет. Ей необходимо исцелиться, вновь ощутить волю к жизни. Думаю, что наши матери помогут этого добиться.

Да, я всей душой доверял маме и Марине, и знал, что если кто и способен помочь Саре, так это они. Марина обладала той же внутренней силой, которая отличала ее мать, Касю. Бен унаследовал силу ее характера и мудрость своего отца. Игорь был решительным человеком, но никогда не рубил сплеча, предпочитал взвесить все «за» и «против», и лишь после этого принимал решение. А Бен еще в детстве, по примеру своего отца, всегда призывал нас сначала подумать, прежде чем куда-то соваться.

— Сара сможет исцелиться, только если сама этого захочет, — сказал он. — Боюсь, она доставит тебе немало страданий. Ты на самом деле ее не любишь, возможно, думаешь, что любишь, не сомневаюсь, что ты одержим ею... Но ведь ты совсем ее не знаешь. Тем более, если ее действительно стерилизовали в Освенциме, как тебе сказали... Короче, если ты на ней женишься, придется смириться, что у вас никогда не будет детей.

Если бы это сказал кто-то другой, я бы разозлился и ответил, что не его ума это дело, и нечего лезть в мою жизнь; но это сказал Бен, который, как и Вади, был мне роднее брата.

Чуть позже он признался, что больше не вернется в Палестину.

— «Хагана» хочет переправить в Палестину всех выживших узников концлагерей — конечно, если они сами того пожелают. Ты же знаешь, что британцы отказали им в разрешении на въезд, так что нам не остается ничего другого, как действовать в обход закона. Я как раз состою в организации, которая отвечает за покупку кораблей в Европе, а потом на них перевозит выживших узников к нашим берегам. Кстати, почему бы и тебе не остаться здесь, чтобы помогать нам?

Если бы я не встретил Сару, то обеими руками ухватился бы за это предложение, но сейчас моим единственным стремлением было дать ей собственный дом — место, где она сможет залечить свои раны, и я знал, что лучше, чем Сад Надежды, ничего не найдешь.

Бен также рассказал мне новости о семье Зиядов. Вади пережил войну, которую провел в песках Египта и Туниса, а его отец, добрый Мухаммед, остался верен семье Нашашибби, выступив против муфтия.

Я по-настоящему гордился им; особенно радовало меня то, что мы воевали на одной стороне против общего врага.

Я расспрашивал его об Айше и Юсуфе, об их детях, Рами и Нур, а также о Найме дочери Сальмы и Мухаммеда, в которую Бен был влюблен.

— Она вышла замуж, — ответил он, не скрывая печали.

— Но она же еще совсем девочка! — возмутился я.

— Вовсе нет — ей уже двадцать два.

— И... за кого же она вышла замуж? — меня очень интересовало, знаком ли он с мужем Наймы.

— Мы с ним не знакомы, хотя я знаю, что он — старший сын одной из сестер Юсуфа. Его зовут Тарик, и у него есть свое дело, весьма процветающее. У него также есть дома в Аммане и Иерихоне. Недавно у них родился первенец.

— Мне очень жаль, — сказал я.

— Не беспокойся, я всегда знал, что рано или поздно так случится. Нам никогда не позволили бы пожениться.

— Не могу понять, почему.. Неужели сейчас, когда только закончилась война, мы уже стоим на пороге новой, из-за каких-то глупых предрассудков? Что плохого, если еврей женится на мусульманке или христианке? Каждый вправе молиться так, как он хочет, или не молиться вовсе; как сказал пророк Иисус из Назарета: «Богу — богово, а кесарю — кесарево». Я не думаю, что для Бога так уж важно, кто в кого влюбился, и кто на ком женился.

Я был вне себя от ярости. Меня раздражало, что Бен впал в меланхолию, хотя мне всегда казалось, что его чувство к Найме было всего лишь преходящей детской влюбленностью.

— Но у нас впереди новые битвы, которые мы обязаны выиграть, — нехотя ответил Бен. — И очень важно, чтобы выжившие евреи обрели свой дом.

— Если бы Сара была мусульманкой, я ни за что не согласился бы с ней расстаться, как бы на меня ни давили, — настаивал я.

— Но Сара еврейка.

После этого Бен решил переменить тему и стал рассказывать о новостях из дома. Луи по-прежнему ездил между Садам Надежды и штаб-квартирой Бена Гуриона, а дядя Йосси продолжал врачебную практику, хотя у него возникли серьезные проблемы со здоровьем.

Моя кузина Ясмин и ее муж Михаил душой и телом посвятили себя служению «Хагане».

— Ясмин впала в депрессию с тех пор как узнала, что не может иметь детей, — сказал Бен. — Но мама мне написала, будто Михаил уверяет, что для него это совершенно неважно, и он любит ее еще сильнее, чем раньше.

А страшно сожалел, когда Бену настало время возвращаться в Рим, и с нетерпением ожидал, когда британские власти дадут Саре разрешение на въезд в Палестину. Мы устроили настоящий праздник, когда Густав наконец принес нам заветную бумагу.

Вера простилась с нами, заверив, что ее дом всегда открыт для нас, а Густав пообещал, что они непременно навесвят нас в Палестине.

У меня был британский паспорт. После службы в британской армии я испытывал к этому народу двойственное чувство. Я восхищался их мужеством и дисциплиной, но при этом по-прежнему не верил в их добрые намерения. Я прекрасно знал, что для британцев на первом месте всегда собственные интересы, и только потом чьи-то еще, и Палестина для них — не более, чем пешка на шахматной доске геополитики.

Мама встречала меня в порту Хайфы. А с ней — Игорь и Луи. Едва корабль вошел в порт, я различил их на пристани среди других встречающих. Они нетерпеливо расхаживали по пирсу, не в силах справиться с волнением. В своем письме я сообщил лишь о нашем с Сарой приезде, но ничего не сказал о смерти отца и Далиды, так что мама до сих пор не знала, что ее муж и дочь погибли в лагере смерти под названием Освенцим.

Едва я сошел на берег, она бросилась мне навстречу и с такой силой сжала в объятиях, что чуть не сломала ребра. Потом я обнял Луи и Игоря. Луи постарел, его волосы стали совсем седыми, но рука была по-прежнему теплой и крепкой. А Игорь теперь стал еще печальнее, чем я помнил, хотя очень мне обрадовался.

Вдруг я почувствовал, как на плечо легла чья-то рука.

— Вади! — воскликнул я.

Да, это была его рука, рука моего друга, и если от объятий мамы меня охватило волнение, то при виде Вади я не смог сдержать слез. Все вокруг застыли в немом удивлении, глядя, как обнимаются араб и еврей, словно родные братья. По недоумению в их глазах я понял, что Палестина необратимо изменилась, и пропасть между арабами и евреями стала только шире. Но я отогнал прочь горькие мысли, желая насладиться радостью от встречи с моими близкими.

Сара молчала; в эту минуту она казалась еще более хрупкой и неуверенной.

— Мама, это Сара... Я писал тебе о ней...

Мама горячо обняла ее и представила остальным. Мужчины несколько растерялись, видя, как смутилась Сара во время рукопожатия.

— Я гляжу, ты процветаешь, — заметил я, когда Луи сел за руль нового грузовика — более современного, чем тот, который он водил, когда я уезжал.

Марина встретила нас у ворот Сада Надежды вместе с Сальмой и Айшой. Здесь же были и Нур, дочка Айши, однако я не увидел ни Рами, ни Наймы.

Айша и Марина сжали меня в объятиях, а Нур очень стеснялась, никак не решаясь наградить меня робким поцелуем. Она стала очень красивой девушкой и, как мне сказали, собиралась выйти замуж.

Мы с Сарой не были голодны, но не смогли устоять перед роскошным блюдами,

которые наготовили мама с Мариной. Саре больше всего понравился фисташковый торт, приготовленный Сальмой по рецепту нашей милой Дины. Отец всегда восторгался тортом Дины, и я с тоской подумал о той крепкой дружбе, что их связывала.

«Как же они все постарели!» — подумал я, когда чуть позже пришли Мухаммед и Юсуф. Волосы Мухаммеда совсем поседели; Юсуф, как всегда галантный, теперь начал сутулиться, а в его глазах, прежде таких живых, угас былой огонек.

Лишь глубокой ночью, когда все уже разошлось по домам, мама решилась поговорить со мной наедине.

Марина помогала Саре обустроиться, а Луи и Игорь курили, стоя в дверях.

Мама посмотрела на меня в упор, и в ее глазах я прочел заветный вопрос: нашел ли я отца и сестру?

Трудно передать, чего мне стоило взять себя в руки, прежде чем я смог рассказать, что обоих убили нацисты, что Самуэль умер в тот же день, когда его привезли в Освенцим, а Далида... Я плакал, рассказывая, как эти подонки заставили сестру заниматься проституцией; что им было мало растоптать ее душу, надо было еще и надругаться над телом, подвергнув его стерилизации, по методу, разработанному обезумевшим мерзавцем — инного определения доктор Йозеф Менгеле просто не заслуживал. Я также рассказал, как они сражались в рядах Сопротивления, как спасли множество жизней, жизни многих евреев, которые благодаря их мужеству избежали гибели в газовых камерах.

И тут мама задрожала всем телом. Даже не представляю, чего ей стоило дослушать до конца мой рассказ, я не жалел красок, описывая каждую деталь. Она имела право знать правду.

Я обнял ее, пытаюсь сдержать рыдания, но в конце концов мы оба заплакали, не думая о том, что в любую минуту в комнату могут войти Луи или Игорь.

На следующий день за завтраком я рассказал о судьбе Самуэля и Далиды остальным. Я как раз описывал ужасы Освенцима, когда на кухне появилась Сара. Я тут же замолчал. Однако, к моему удивлению, Сара продолжила разговор и стала описывать, как она, Далида и многие другие жили в этом аду.

Марина не выдержала и заплакала. Луи и Игорь, казалось, онемели от ужаса. Дс Палестины, конечно, доходили слухи об ужасах Холокоста, однако ужас возрастал стократ, когда люди слышали рассказы очевидцев, которым посчастливилось выжить. Сара обнажила предплечье, показав выжженный на нем номер.

Мы стояли, обнявшись, и долго плакали, сраженные этой трагедией, безмерным злом, переполнившим мир. Потом Луи вдруг поднялся на ноги и ударил кулаком по столу. Затем посмотрел на нас и сказал:

— Никогда больше! Никогда больше мы, евреи, не позволим преследовать нас, убивать, мучить, относиться к нам хуже, чем к скотине! Никто и ничто больше не заставит нас дрожать от страха, что нас в любую минуту могут выгнать из дома, из нашей страны. Никогда больше этого не будет, потому что теперь у нас есть пусть маленькая, но собственная родина, и теперь все евреи в мире знают, что есть на свете место, где они смогут спокойно жить, растить детей, стареть и умирать. Мы больше не допустим никаких погромов и холокостов. Все эти ужасы закончились навсегда.

Выслушав историю Сары, никто не осмелился возражать против моего желания жениться на ней. Даже если мама и сожалела о том, что у нас не будет детей, она ничего не сказала. Мы выжили, и это для нее было главным. Потому что она просто не перенесла бы

еще одной потери. Ведь она потеряла не только мужа и дочь, но также и Даниэля, своего первенца.

Мама рассказала, что мой брат внезапно почувствовал себя плохо. Он ощущал усталость и упадок сил, старейшины кибуца послали за мамой. Несмотря на все возражения Даниэля, мама и дядя Йосси перевезли его в Иерусалим. Диагноз оказался суровым: лейкемия. Это слово означало смертный приговор. После этого Даниэль прожил всего шесть месяцев.

Мама плакала, рассказывая о страданиях Даниэля, а я казнил себя за то, что даже не потрудился толком узнать его, хотя мы искренне любили друг друга. В иные ночи, стоя на карауле, я думал о своем брате, которого никогда по-настоящему не ценил. Он был в нашей жизни чем-то вроде инородного тела; наверное, он тоже это чувствовал. Он так и не смог примириться с тем, что мама снова вышла замуж, разделив свою жизнь с другим мужчиной, родила от него детей и заставила Даниэля переселиться в новый дом, битком набитый чужими людьми. Думаю, Даниэль почувствовал себя по-настоящему счастливым только в кибуце, где был самым собой, где все его любили и уважали. Наверное, я должен был терзаться вопросом, почему Даниэль умер именно сейчас, когда наконец нашел свое счастье? Но я даже не подумал об этом, потому что сам побывал на краю гибели, и Даниэль стал для меня лишь одной потерей среди многих других.

Я сказал маме, что стану терпеливо ждать, когда Сара будет готова выйти за меня замуж, а тем временем буду учиться в университете и работать в Саду Надежды, как до меня отец. Мама не возражала. Я решил, что стану агрономом. Ничего другого мне не пришло в голову.

14. Первая катастрофа

Изекииль пристально посмотрел на Мариан, и та вздрогнула. Она слушала его так внимательно, что почти не шевелилась. Тени уже давно стали удлиняться — наступил вечер.

— Я устал, — проворчал Изекииль.

— Простите, мне давно уже пора было уйти. Ваши внуки на меня рассердятся и будут правы, я заставляю вас говорить без перерыва... а вы еще не поправились.

— Но мы еще не закончили, хотя осталось немного, ведь так?

Мариан не могла сдержать улыбку. Этот старик был упрямым и твердым как сталь.

— У меня назначены и другие встречи. Если не возражаете, мы могли бы встретиться через два или три дня.

— Хорошо, позвоните мне. Теперь ваша очередь рассказывать. Думаю, ваши друзья палестинцы рассказали вам остальную часть истории.

Она напряглась. Мариан не знала, как понять слова Изекииля. Да, она знала остальную часть истории. Рассказчики не поскупились на детали.

— Я расскажу всё, что знаю. Но сейчас вам нужно отдохнуть, я позвоню. Завтра у меня пара встреч в Рамалле, а также в Вифлееме.

— Я подожду.

Когда она добралась до своего номера в «Американском квартале», ей захотелось позвонить бывшему мужу. В Израиле было восемь вечера, и два часа дня в Нью-Йорке, в это время Фрэнс находился у себя в кабинете.

Он всё еще был ей нужен. Лишь звук его голоса возвращал ей спокойствие. Он всегда выказывал готовность отложить все дела, чтобы решить ее проблемы. А Мариан нужно было лишь выговориться, сказать вслух то, что крутилось в голове.

Секретарша Фрэнка, казалось, даже не узнала ее.

— Мистер Миллер очень занят. Желаете оставить сообщение?

— Это миссис Миллер, — сухо ответила Мариан.

— Ах, миссис Миллер, я вас не узнала... Я посмотрю, может ли мистер Миллер ответить.

Секунду спустя она услышала голос Фрэнка и вздохнула с облегчением.

— Как там твои изыскания? — поинтересовался он.

Мариан рассказала ему о последнем визите в Амман и обо всем, что рассказал ей сегодня Изекииль.

— А ты не думаешь, что пора уже закончить с этой историей? Напиши доклад и возвращайся домой. Ты злоупотребляешь терпением Мишеля, а он, должен тебе напомнить, твой босс.

— Я не могу написать доклад, если не выслушаю обе стороны, — возразила она.

— Мариан, ты ведь со мной говоришь, и мы оба знаем, что для тебя значит эта поездка. Палестина стала твоей навязчивой идеей, и в этом нет ничего хорошего ни для тебя, ни для твоей работы. Возвращайся, Мариан. Если хочешь, можем встретиться в Париже. Я буду там через пару дней.

Она колебалась. Мариан нужно было знать, что он ее поддержит, что она всегда может рассчитывать на его понимание.

— Не могу, Фрэнк, пока еще не могу уехать.

Поговорив с Фрэнком, она позвонила начальнику, поймав его по мобильному.

— Мишель?

— Ну надо же, хорошо хоть ты удостоила меня звонком! Я отправил тебе два письма и оставил четыре сообщения на автоответчике мобильного...

— Прости, я была занята, переезжаю с одного места на другое...

— Мариан, я не смогу тебя покрывать и дальше. Никто не поймет, если ты останешься в Палестине. Слушай, ведь со всеми такое происходило — приезжаешь куда-нибудь, чтобы написать отчет, и не знаешь, как это откликнется... Такое случается, когда мы теряем из вида общую картину. Здесь, в офисе, именно я могу тебе сказать, что твой отчет ни к чему не приведет.

— Полагаю, это тебе сказала Элеонора. Вполне в ее стиле заявить такое про чужую работу, — зло ответила она.

— Когда ты вернешься?

— Я уже почти закончила. Думаю, что вернусь в Брюссель на следующей неделе.

— На следующей неделе! Да ты рехнулась!

— Нет, Мишель, я делаю свою работу, и это непросто, уверяю тебя.

— А я считаю, что просто. Тебе просто нужно констатировать то, что мы уже и так знаем: политика еврейских поселений — это дерьмо. Израильтяне забирают себе и те немногие земли, что остались у палестинцев. Эта политика ведет в тупик. Они приезжают в какое-либо место, строят, отправляют туда поселенцев и считают, что тем самым земля переходит во владение Израиля. Мне продолжать?

— Не все так просто.

— Ах вот как? Надеюсь, что евреи не задурили тебе мозги. Они умеют заниматься пропагандой. А если они смогут привлечь тебя на свою сторону, то всё пропало.

— Я собираюсь быть объективной и действовать как профессионал. И никто не привлечет меня на свою сторону. Я лишь пытаюсь описать действительность и осветить в своем докладе точку зрения обеих сторон. Так ведь и нужно, верно?

— Что нужно, так это сделать работу в отведенное время и не растрчивая деньги спонсоров. Мы не можем себе позволить, чтобы ты оставалась там. Все сроки уже прошли. Кстати, и администрация интересовалась твоим пребыванием в «Американском квартале». Что, в Израиле нет отелей подешевле?

— «Американский квартал» находится в палестинской зоне, там собираются палестинские лидеры и именно там, кстати, останавливаются переговорщики от Европейского Союза во процессе мирных переговоров.

— Ага, только у них-то никто не просит счетов, в отличие от нас. Ладно, Мариан, возвращайся, я больше не буду тебя покрывать. Неделя и ни дня больше, это точно.

Два последующих дня она посвятила запланированным визитам в Рамалле и Вифлееме. Она чувствовала разочарование после разговоров с палестинскими лидерами. Ту же досаду она ощущала и слушая израильских лидеров.

Любой беспристрастный наблюдатель сказал бы, что единственное решение — это совместное существование двух государств. Другого выхода нет.

Она не могла не восхищаться палестинцами. Для этого у нее были веские причины, но главная из них — их твердость и готовность пожертвовать собой, защищая поправленные права. Их не победили, они по-прежнему ждали справедливости.

В дом Изекииля она вернулась лишь через три дня. Ханна, его внучка, приняла ее с широкой улыбкой. Девушка преодолела свое недоверие и вела себя дружелюбно.

— Я оставила еду на случай, если ваш разговор затянется.

— Не стоило так беспокоиться.

— Это всего лишь салат, немного хумуса и тушеная курица, так что это вам не придется ни о чем беспокоиться, только разговаривать.

Когда девушка оставила их вдвоем, Мариан почувствовала на себе изучающий взгляд Изекииля.

— Что ж, теперь ваша очередь, — сказал он.

— Это будет непросто, в конце концов, речь идет о финале истории, которая принадлежит и вам. Там есть события, в которых вы принимали участие.

— Мне очень важно услышать версию Зиядов. Думаю, вы понимаете, какое значение имеет для меня эта семья. Уверен, что вы не отклонитесь от истины ни на йоту. Но истина иногда бывает многоликой.

— Истина — всегда истина, — ответила Мариан, стараясь справиться с дурными предчувствиями.

— Это не так. Истину окружают другие элементы — сущность каждого из нас, наши жизни и события текущего момента. К примеру, Иерусалим — священный город для христиан и мусульман, это истина. Но за много столетий до того, как он стал таковым для тех и других, он также был столицей нашего царства, святым городом для иудеев. А теперь это оспаривают. Моя истина так же осязаема, как и истина Зиядов. Но не будем спорить. Я вас слушаю.

***

Вади Зияд не сомневался, что хочет стать учителем. Он мечтал об этом каждую минуту, пока сражался в песках Египта против Африканского корпуса Роммеля.

Он ненавидел насилие — и, тем не менее, шел в бой с оружием в руках. «Я знаю, за что сражаюсь,» — говорил он себе в минуты отчаяния. Бывали времена, когда ему приходилось повторять это несколько раз, чтобы решиться снова открыть стрельбу.

Он долго не мог прийти в себя, когда впервые увидел трупы таких же солдат, как он сам, только одетых в немецкую форму, и долго не мог избавиться от мысли, что, возможно, некоторые пали от его руки.

Он сам удивлялся, что выжил во всех сражениях и перестрелках, в которых ему довелось участвовать. Он знал, что в любую минуту может погибнуть сам, как сегодня от его руки погиб немецкий солдат. Так он прошел всю войну, ожидая той неотвратимой минуты, когда вражеская пуля пробьет его грудь и отнимет жизнь. Но этого так и не случилось, и теперь он может вернуться в Палестину после теплого прощания с командиром, наградившим его медалью за отвагу.

За время войны он хорошо узнал британцев. Трудно не узнать людей, вместе с которыми рисковал жизнью. Он восхищался их решимостью и отвагой; они знали, чего хотели и за что боролись. «Если бы арабы могли действовать столь же слаженно...», — думал он про себя. Однако, когда он вернулся домой, многие из его друзей стали упрекать его за то, что воевал на стороне британцев, которые, по их мнению, не более чем захватчики, защищающие исключительно свои интересы.

На войне всё было по-другому. Вади ни секунды не колебался, чью сторону выбрать.

Гитлер виделся ему настоящим злодеем. Он ни за что не стал бы рисковать жизнью ради такого человека. Он не сомневался, что истинная цель Гитлера — превратить Палестину в немецкую колонию. И уж конечно Вади не разделял его ненависти к евреям.

Среди друзей Вади было немало евреев. Он вырос рядом с Садам Надежды и питал искреннюю привязанность ко всем его обитателям. С теплой улыбкой вспоминал он Изекииля — мальчика, что всей душой был ему благодарен за спасение жизни. Вади старался никогда не вспоминать о шрамах, оставшихся лице после пожара, но прекрасно знал, какое впечатление они производят на окружающих.

Он не известил отца о своем возвращении. Подходя к дому, он издали увидел, как мать в саду поливает цветы, и улыбнулся. Сальма с нежностью ухаживала за садом, который считала только своим и где, помимо лекарственных трав, разводила много прекрасных цветов. Вади не удивился, когда мать вдруг выпрямилась и, подняв руку к глазам, стала вглядываться вдаль, за горизонт. Сальма еще не видела сына, но уже почувствовала, что он возвращается. Прошло еще несколько минут, пока она наконец его разглядела и бросилась навстречу, повторяя на бегу его имя.

Какой странной была эта встреча! Сколько думал он о матери в те тяжелые дни войны, полные боли, страха, отчаяния, представляя себе эту минуту, когда, вернувшись домой, заключит ее в объятия.

При виде сына мать заплакала от радости, а отец, как мог, старался сдержать слезы. Вади ощутил в душе некоторую пустоту, обнаружив, что сестры Наймы больше нет в доме. Он ничего не сказал об этом отцу, но его расстроило известие о том, что Найму выдали замуж. Неужели нельзя было дождаться его возвращения или хотя бы позволить Найме самой выбрать жениха? Он, конечно, знал, что Тарек — хороший человек, иначе отец ни за что не отдал бы за него Найму, но все же... Ему бы хотелось, чтобы Найма тоже встретила его, ему представилось, как она хлопает в ладоши, с интересом расспрашивая, как он жил и воевал. Но теперь у Наймы была своя семья, и уже родился первый ребенок.

— Она придет, как только узнает, что ты вернулся, — сказал отец, заметив, как огорчен Вади отсутствием Наймы.

— Тарек пылинки с нее сдувает, бережет, словно алмаз, — заверила Сальма.

Чуть позже мать рассказала, что у Наймы и Тарека есть собственный дом, в котором его младшая сестра стала полной хозяйкой. А ведь многим женщинам, живущим в доме свекрови, только и остается, что молча страдать. Далеко не всем так везет, как Сальме, которой посчастливилось найти в Дине не свекровь, а вторую мать.

Свою комнату Вади нашел такой же, какой оставил. Его рубашки по-прежнему лежали стопкой в ящиках комода, а простыни пахли лавандой, которую Сальма своими руками выращивала на грядках.

В первую ночь дома он долго не мог заснуть. Мягкая постель казалась ему непривычной после ночевки на голой земле, под открытым небом. Он привык к этим ночевкам, но пока воевал в Египте, не переставал мечтать о собственной постели.

Вместе с матерью он отправился в Сад Надежды и огорчился отсутствием Изекииля и Бена. Мириам выглядела постаревшей, а Марина исхудала так, что ее трудно было узнать. Тем не менее, обе по-прежнему неустанно работали в саду от рассвета до заката. Игорь как всегда добывал камень в карьере и был так занят, что едва нашел время, чтобы поздороваться с Вади и пожать ему руку. Было очень печально видеть, как в этом опустевшем доме

поселилась гулкая тишина.

Женщины рассказали, что Луи гораздо больше времени проводит в Тель-Авиве, чем в Иерусалиме, а Изекииль и Бен все еще не вернулись домой, хотя прошло уже несколько месяцев, как закончилась война.

Вади решил, что обязательно поможет женщинам ухаживать за садом; только он не был уверен, что найдет для этого время, поскольку уже твердо решил, что начнет работать учителем. Он начал готовиться к этому поприщу еще до войны.

— Юсуф тебе поможет, — заверил Мухаммед.

— Папа, я не хочу быть никому обязанным, — ответил Вади.

— Это твой дядя, он женат на твоей тете Айше. Если он тебе поможет, ты не будешь никому обязанным, — убеждал его Мухаммед.

— Я бы хотел попытаться сам, — возразил Вади. — Я собираюсь навестить своих старых учителей: может, они мне что посоветуют.

Мухаммед кивнул; он гордился целеустремленностью сына. Тем не менее, он все же сказал Юсуфу, что Вади нужна работа. В тот день как раз была пятница. Сальма пригласила их с Айшой на семейный ужин, пригласили также Хасана и Лейлу, их сына Халедом, Найму и Тарека. «Как же все-таки хорошо иметь семью», — думал Мухаммед. Это и в самом деле замечательно, несмотря на все разногласия, что случались у него с Хасаном и Юсуфом. Его уже давно одолевали сомнения. Во время войны Хасан и Юсуф открыто проявляли свою приверженность муфтию. Он даже упрекал их, напоминая, что его сын сражается против немцев.

Вади с радостью вновь встретился с Рами. Старший сын Айши был старше его всего на год, и с детства они были неразлучны. А кухня Нур стала еще красивее, чем в детстве, но осталась такой же скромной и застенчивой.

— Я рада, что ты вернулся так вовремя, — сказала Айша, обнимая племянника. — Как раз к свадьбе Нур.

Нур застенчиво опустила взгляд. До свадьбы оставалось всего несколько дней, и ей полагалось радоваться, однако радости она не чувствовала. Напротив, ее бросало в дрожь при мысли, что придется оставить свой дом и уехать с почти незнакомым человеком на другой берег Иордана. Айша призналась дочери, что и ей в молодости пришлось пережить то же самое. Правда, Айше повезло, ей не пришлось слишком долго жить в доме свекрови. Здесь же был совершенно иной случай. Человек, которого выбрали ей в мужа, имел в самом центре Аммана собственный дом, а кроме того, был одним из самых преданных слуг эмира Абдаллы.

Юсуф убедил Айшу, что Эмад будет для Нур хорошим мужем. Во время войны его отец был соратником Юсуфа. Он был бедуином, и его семья на протяжении веков хранила верность Хашимитам.

Пока Сальма готовила баранину, а Нур и Айша ей помогали, они не переставали обсуждать предстоящую свадьбу. Неподалеку от них отдыхала Лейла. За последние годы она так располнела, что едва могла двигаться; к тому же с возрастом она приобрела привычку засыпать при любой возможности, не обращая внимания на окружающих.

Мужчины тем временем пили гранатовый сок и курили столь любимые Мухаммедом египетские сигареты, которые Вади привез ему в подарок. Как всегда в такие минуты, они говорили о будущем Палестины.

— Я знаю от Омара, что с тех пор как закончилась война, «Хагана» перестала

враждовать с «Иргуном», — рассказывал Юсуф. — Они даже объединили свои силы в борьбе против британцев

— Это хорошо или плохо? — спросил Вади.

— Они пытались убедить британцев помочь европейским евреям, освобожденным из концлагерей, но британцы отказались. Тем не менее, Еврейское агентство не перестает переправлять в Палестину выживших евреев. Кроме того, оно нашло союзника в США — в лице американского президента Гарри Трумана, который надавил на британцев, когда они пытались не пустить в Палестину сто тысяч евреев, — ответил Юсуф племяннику.

— Так ведь Труман — и сам сионист, — произнес Мухаммед, скорее утверждая, чем спрашивая. Его всегда восхищала информированность зятя.

— Говорят, он большой знаток Библии и нисколько не сомневается, что эта земля должна принадлежать евреям, — сказал Юсуф.

— Итак, теперь у нас есть еще одна палестинская комиссия. Одна из тех бесчисленных комиссий, которые так любят создавать европейцы — чтобы решить, что делать с тем, что им не принадлежит, — объяснил Вади Халед. — Британцы согласились на создание этой комиссии, потому что не хотят ссориться с президентом Труманом.

Мухаммед внимательно слушал кузена. Халед был закаленным человеком, как и он сам. Они вместе сражались под знаменами Фейсала в те времена, когда еще верили в возможность единого арабского государства. Мухаммед уважал кузена за верность и мужество, и со временем научился доверять его мнению. Халед старался не вступать в споры с отцом, но Мухаммед прекрасно знал, что его взгляды на ситуацию в Палестине очень отличаются от взглядов его отца Хасана, который всегда был убежденным сторонником муфтия Хусейни, хотя его сын никоим образом не одобрял действий муфтия.

— В любом случае, несмотря на давление со стороны американцев, британцы не собираются облегчать жизнь Еврейскому агентству. Проигрыш Уинстона Черчилля на выборах стал для евреев шагом назад. Нового премьера, лейбориста Клемента Эттли, совершенно не волнуют проблемы евреев, переживших заключение в лагерях. А Эрнест, Бевин, новый министр иностранных дел, на ножах со стариком Вейцманном, — добавил Юсуф.

— Что в очередной раз доказывает: надо думать головой, вместо того чтобы слепо доверять политикам, — рассудил Вади. — Помните, как демонстрировали лейбористы свою поддержку евреев, но это не помешало им изменить мнение и свою политику.

— Ты прав, сынок, — сказал Мухаммед. — Вот поэтому я неустанно твержу то же, что всегда говорил мой отец: мы должны жить так, как велит совесть, и что бы ни случилось, не обманывать самих себя. Вот представьте себе, как себя чувствуют евреи, которые поверили обещаниям лейбористов, что они помогут евреям решить их проблемы, а те их предали.

— Евреев они предали, но у нас другой случай, и нам они, несомненно, помогут, — Хасан торжествующе улыбнулся; не желая принимать очевидного.

— Мы будем полными идиотами, если поверим, что британцы будут нас защищать, если это не входит в круг их интересов, — напомнил Рами. — Боюсь, мы совершаем ту же ошибку, которую в свое время совершили евреи.

— Кузен прав, — добавил Вади. — Наше будущее станет таким, каким мы его построим, но построим сами, не рассчитывая на помощь британцев. Я сражался с ним бок о бок и знаю, что они думают и чувствуют. Несмотря на то, что многие британские офицеры питают к нам симпатию, они все как один подчиняются приказам, и на первом месте у них

всегда интересы Великобритании.

Они ужинали и болтали до поздней ночи, радуясь, что вся семья снова в сборе и в ней появился новый человек — муж Наймы Тарек.

Вади все никак не мог привыкнуть, что сестра стала женой этого человека, который едва прислушивался к беседе. Он не знал, то ли Тарек по натуре настолько безразличен, то ли у него были свои причины так себя вести, но Вади все же хотелось услышать его мнение.

Найма казалась совершенно спокойной. Вади пристально наблюдал за ней, боясь увидеть тоску в ее глазах, но ничего такого не заметил. Его сестра, казалось, была вполне довольна своей семейной жизнью и с нежностью нянчила сына. Маленький Амр был похож на Найму, и это наполняло радостью ее сердце.

— Лучше мы перехватим у них эстафету, — с улыбкой поддержал Рами.

— Ты прав. Смотрю на свою сестру и с трудом представляю ее в роли жены и матери, что есть то есть.

— А я чувствую то же самое, глядя на Нур. Для меня она навсегда останется маленькой девочкой. Но, как видишь, через несколько дней сестра выходит замуж и скоро будет нянчить собственных детей. Наши родители состарились, теперь пришел наш черед позаботиться о будущем.

Рами прав, подумал Вади, посмотрев на отца. Волосы Мухаммеда поседели, в глазах отражалась усталость прошедших лет. Но он не покорился возрасту. Он был всё так же предан своим идеалам и друзьям, невзирая на последствия.

Отец говорил, что трещина между арабами и евреями с каждым днем становится всё глубже.

— Мне хотелось бы вновь встретиться с Беном и Изекиилем, они наши лучшие друзья, — признался Вади.

— Да, мы с тобой — кузены и выросли вместе, но они для нас тоже почти родные. Думаю, Изекииль в конце концов вернется в Иерусалим; насчет Бена — не знаю; думаю, он расстроится, когда увидит, что Найма вышла замуж, — ответил Рами. — Ты же знаешь, он всегда ее любил.

— Ты тоже об этом догадался? — спросил удивленный Вади.

— Нужно быть слепым, чтобы не догадаться об очевидном, — ответил Рами.

— Да, ты прав.

Они надолго замолчали. Ни один не решился сказать вслух, что задолго до того, как Бен влюбился в Найму, они не раз замечали, какими глазами Мухаммед смотрел на Марину и как она смущенно отворачивалась, встречаясь с ним взглядом.

Рами ничего не сказал, понимая, что это больно ранило бы Вади, и тот оценил деликатность кузена. В детстве он не понимал, что значат все эти взгляды, как не понимал и смущения Игоря, мужа Марины, и почему Сальма так натянуто улыбается. Но при этом он ни разу не слышал, чтобы мать хоть словом упрекнула отца. Он вообще не помнил, чтобы родители когда-либо это обсуждали. Тем не менее, когда он вырос, то понял, что эти взгляды были ничем иным, как эхом прежней любви, которой не суждено было осуществиться.

Мухаммед подошел к Вади и Рами. Он явно гордился тем, что они выросли такими разумными.

Юсуф сообщил, что Омар Салем поставил его сына во главе одной из своих компаний, которая занималась торговлей тканями. За годы работы Рами показал себя непревзойденным

руководителем, а со временем его деловые качества лишь возросли.

— Старики всегда скучают, когда молодежь говорит о политике, — заметил Мухаммед.

— Все на свете — политика, отец, — ответил Вади, с любовью глядя на Мухаммеда. —

И война, и мир — не что иное, как две стороны одной медали, именуемой политикой.

Они допоздна засиделись за ужином. Было холодно, как всегда в феврале в Иерусалиме. Февраль 1946 года не был исключением из правила.

Вади решил навестить своих бывших учителей из британской школы Сент-Джордж. Они встретили его с большой теплотой, зная, что во время войны он сражался на их стороне. Вади спросил, где он может найти работу учителя. Один из бывших его наставников, суровый мистер Браун, пообещал рекомендовать его одному монаху-францисканцу, открывшему школу для арабских детей, родители которых не имели средств, чтобы дать детям достойное образование.

— Этот монах — хороший человек, — убежденно заявил мистер Браун. — Хотя, конечно, мечтатель. Его школа существует исключительно благодаря пожертвованиям. Вы частенько можете увидеть его на улицах Старого города с жестянкой на шее, в которую он собирает милостыню для своей школы.

Мухаммед не хотел разочаровывать сына, когда тот получил рекомендательное письмо от мистера Брауна, ведь он так гордился. Сам Мухаммед уже был наслышан о безумном монахе, обосновавшемся в нескольких десятках метров от Дамаскских ворот, где оборудовал под школу старый заброшенный склад. Склад принадлежал Омару Салему, тот любезно согласился предоставить его настырному монаху, который твердо вознамерился обучать бедных детей. Омару Салему совсем не нравилось, что христианин будет обучать мусульманских детей, но монах заверил его, что вовсе не собирается обращать детей в христианство, а хочет лишь научить их читать и писать. В итоге Омар Салем успокоился и согласился уступить ему склад.

— Вот видишь, ты не хотел просить помощи у Омара Салема, а судьба все равно привела тебя к нему, — сказал сыну Мухаммед.

С восходом солнца Вади пришел в школу монаха и с первого взгляда понял, что хочет работать только здесь и больше нигде.

Он застал брата Августина с метлой в руках: монах подметал пол. Ему было не более сорока лет — высокий, худой, но крепкий мужчина. Поприветствовав монаха, Вади протянул ему письмо мистера Брауна, которое брат Августин тут же распечатал и принялся читать.

— Итак, вы хотите работать... — протянул он наконец. — Мне бы хотелось, чтобы вы остались, но дело в том, что это не настоящая школа, а просто место, где учатся читать и писать. Омар Салем подарил нам школьную доску и даже пожертвовал два ковра, чтобы дети могли сидеть на полу. Пожертвований хватает только на тетради и карандаши, так что едва ли вы как учитель можете рассчитывать на то жалованье, какого, безусловно, заслуживаете.

— Я не нуждаюсь в деньгах, — ответил Вади.

— Если б вы знали, каких усилий мне стоит сохранить эту школу, — вздохнул брат Августин. — Да, мне очень нужен хороший учитель, но я не могу себе позволить злоупотреблять вашей добротой. Вы еще молоды, когда-нибудь у вас будут жена и дети, которых вы должны будете содержать, и скажу честно: здесь вы и на хлеб не заработаете.

Но Вади не желал отступать, и монаху в конце концов пришлось согласиться принять его на испытательный срок.

— Хорошо, — сказал он. — Вот вам моя рука, а там решим.

Вскоре начали приходиться дети — в разное время, кому как захотелось. Некоторые из детей не пробыли в школе и часа, другие задержались подольше. Порой раздавались крики матерей, звавших детей домой, и тогда очередной малыш немедленно вставал и, даже не попрощавшись, бежал на зов.

Вади занялся самыми маленькими детишками лет шести-семи, восхищенно наблюдавшими, как пишут старшие. Сами они были еще слишком малы, и брат Августин едва обращал на них внимание, лишь дал каждому бумагу и карандаш, позволив выписывать любые каракули, пока он занимается со старшими.

Прошло довольно много времени, прежде чем Вади удалось обучить малышкой нескольким буквам, хотя они внимали ему с удовольствием.

Ближе к полудню брат Августин разделил между детьми лепешку и головку сыра.

Детям позволили немного отдохнуть, размять ноги и слегка подкрепиться немудреной снедью.

— Здесь поблизости есть пекарня, которую держит один добрый человек; он дает мне иногда пару лепешек для детей. Сегодня нам как раз повезло. А сыр делают монашки. Так что детишки сегодня смогут заморить червячка.

К двум часам пополудни в школе не осталось никого из детей. Брат Августин занялся уборкой: малыши оставили после себя изрядный беспорядок. Вади охотно помог монаху убираться. Когда они закончили, брат Августин посмотрел на него с благодарностью.

— Могу я вернуться завтра? — спросил Вади, затаив дыхание, ожидая ответа.

— Я даже не знаю, как вас благодарить... Мне бы не хотелось злоупотреблять вашей добротой. Вы так молоды...

— Я могу помочь собрать средства для школы, их нужно не так уж много. Сюда приходят только арабские дети?

— Есть несколько христиан, но ни одного еврея. Единственное, чего я хочу — чтобы несчастные дети имели возможность научиться читать и писать. На большее я и не рассчитываю, потому что просто не могу им дать.

Каждый день я открываю эти дверь и жду, когда придут дети. Иногда приходит двадцать человек, иногда — тридцать; бывают дни, когда не набирается и пяти. Все зависит от того, сколько у них дел дома, отпустят ли их родители. Знаете, очень непросто убедить родителей, считающих, что дети в школе лишь зря теряют время. Если они все же отпускают сюда детей, то лишь потому, что это бесплатно.

— А почему вы сами это делаете? — любопытно спросил Вади.

— Я родился в нищей деревушке, затерянной среди бесплодных равнин Кастилии, в Испании. Мой отец был пастухом, едва умевшим читать и писать; мать не умела даже этого. Но при этом она инстинктивно чувствовала, что лишь учеба поможет мне избежать того жалкого существования, которое влачили родители. Мама все мечтала, мечтала вслух. Когда мы с братом были маленькими, она постоянно рассказывала нам чудесные истории. Не знаю, как ей это удалось, но она смогла убедить дону Фульхенсио, деревенского священника, похлопотать за меня, чтобы меня приняли в толедскую семинарию. Мне не было еще и девяти, когда родители простились со мной на пороге отчего дома, вложив мою ручонку в руку священника, который должен был отвезти меня в семинарию. Я плакал навзрыд, не желая никуда ехать, и даже укусил священника за руку. Мама испугалась, что дон Фульхенсио рассердится и не возьмет меня в Толедо. Но вместо этого священник попросил ее поехать вместе с нами, и она согласилась, несмотря на возражения отца.

В дверях семинарии она все пыталась уговорить меня отпустить ее руку, ласково журуя. «Запомни, — говорила она. — То, что я сейчас делаю для тебя, ты будешь делать для других детей в будущем. Ты станешь Божьим человеком, а нет ничего достойнее, чем служить Господу нашему, обучая невежественных. Обещай, что пойдешь по этому пути».

И я обещал ей это, хотя в то время сам еще толком не знал, что значит это обещание. Я вспомнил о нем много лет спустя, возле смертного одра моей матери. «Теперь ты монах, — сказала она. — Сам Господь направил тебя на стезю бедности. Но он не простит, если ты не поможешь другим научиться тому, что знаешь ты сам. Разыщи тех, кто еще не обрел знаний, и помоги им их обрести. Всю жизнь мне было больно, что не умею читать и писать, не могу понять в книге ни единой буквы. Эта боль сжимала мне сердце и заставляла рыдать. Я знаю, что мне уже поздно, ты и сам видишь, как меня изнурила болезнь. Но я знаю, что ты сможешь научить этому других».

Вот так Вади узнал, что монах стремился исполнить обещание, данное своей матери — несчастной женщине, жаждавшей знаний, которые были ей недоступны.

Когда в тот вечер Вади вернулся домой, он чувствовал себя счастливее, чем все последние годы, когда единственной его мыслью было убивать, чтобы не быть убитым.

Сальма внимательно слушала сына. Она не решалась ему сказать, что помощь христианскому монаху — совсем не то, чего она желала бы для своего мальчика. Она считала, что сын достоин большего. С тех пор, как Вади вернулся с войны, они с Мухаммедом не переставали строить планы, какую замечательную карьеру он мог бы сделать. Однако Вади был слишком горд. Он стремился жить честно, по велению совести, и, казалось, этого ему вполне хватало для счастья.

— Быть может, тебе стоит поискать работу в одной из школ Дейр-Ясина, — предложила мать. — Там, где живет твоя тетя Айша, есть две школы: для девочек и для мальчиков. Юсуф может дать тебе рекомендацию. С каждым днем эта деревня все больше процветает и, кстати, она совсем недалеко от нас, к западу от Иерусалима. Так что тебе не придется слишком долго туда добираться.

— Да, конечно, Юсуф мог бы дать мне рекомендацию, но я предпочитаю работу, которую нашел сам. Детям, с которыми я сегодня встретился, нужен учитель. Монах не справится в одиночку.

Сальма не стала возражать, но Мухаммед в скором времени выразил свое недовольство его решением.

— Ты, конечно, можешь помогать этому монаху, но сначала должен найти настоящую работу. Монахи живут за счет пожертвований, но ты — не монах и должен работать. А кроме того, пора подумать о женитьбе и о собственном доме.

— Мне бы хотелось должным образом обустроить этот склад под школу, — сказал Вади. — Дети не должны сидеть на полу.. Думаю, Омар Салем мог бы сделать и больше, чем просто предоставить пустующий склад. У него и его друзей достаточно денег, чтобы помочь беднякам. И детям нужен человек, который бы их обучал и наставлял. Сейчас у нас учатся одни только мальчики, но там достаточно места, чтобы обустроить классную комнату и для девочек. Брат Августин собирает пожертвования, чтобы содержать школу, я буду делать то же самое. Постараюсь убедить всех, кого знаю, жертвовать на школу, дабы послужить доброму делу.

— Это весьма похвально, но ты должен подумать и о себе самом, — настаивал Мухаммед.

— Отец, обещаю, что не стану для тебя обузой. Когда я закончу свои дела в школе, то найду работу, за которую мне будут платить.

— Я не это имею в виду, — ответил Мухаммед. — Аллах всегда был к нам милостив. Этот дом и сад всегда будут твоими. Здесь жил мой отец, а до него — дед и прадед... Многие поколения Зиядов жили на этой земле, и так должно оставаться и впредь. Когда-нибудь ты женишься и приведешь сюда жену, здесь родятся твои дети, а затем — дети твоих детей. Я согласен, наш долг — помогать ближнему, но и перед собой у нас тоже есть долг.

Однако, хотя Вади и преисполнился решимости идти своим путем, его все же опечалило, что приходится перечить отцу.

— Мне самому не так много и нужно, — сказал он. — А если я встречу женщину, на которой захочу жениться, то ей придется умерить свои запросы. И ты знаешь, отец? Я считаю, нам очень повезло, что мы умеем довольствоваться малым, не теряя при этом достоинства.

— Мы не теряли достоинства именно потому, что честно зарабатывали себе на жизнь, — ответил Мухаммед, которому совсем не нравился этот разговор.

— Я буду зарабатывать деньги и учить детей, — сказал Вади. — Обещаю, ты будешь мной гордиться.

Свое обещание Вади сдержал. Каждое утро он появлялся в школе и оставался там до полудня, помогая брату Августину обучать детишек, охваченных жаждой знаний.

— Ты хороший учитель, дети за тобой хвостом ходят, — говорил монах.

— Мне нравится преподавать, и я люблю смотреть, как они чему-то учатся.

— У тебя есть терпение — та самая добродетель, которой я, к сожалению, не могу похвастаться, — признался монах. — Иногда, когда кто-то не слушается, я могу отвесить ему подзатыльник; я и сам понимаю, что не прав, но не знаю, как усмирить гнев.

— Что поделаешь. Все мы когда-то получали подзатыльники от учителей, а дети порой бывают совершенно невыносимыми.

Тем не менее, брат Августин замечал, что Вади ни разу не поднял на детей руку и даже не рассердился, когда кто-то из них, вместо того, чтобы внимательно слушать, начал бегать по классу. Вади был настоящим учителем — от Бога.

Ему также не потребовалось много времени, чтобы найти высокооплачиваемую работу. В этом ему помог опять-таки брат Августин, рассказавший об одной типографии, принадлежащей некоему британцу. Тот как раз искал сотрудника, который умел бы грамотно писать по-английски, а желательно, еще и по-арабски, а если, ко всему прочему, еще и на иврите, так вообще замечательно.

Несмотря на английское происхождение, мистер Мур был коренным иерусалимцем, сыном английского пастора, который пятьдесят лет назад поселился в Иерусалиме вместе с семьей. Отец мистера Мура был настоящим знатоком священных текстов; едва ступив на землю Иерусалима вместе с беременной женой, он понял, что никогда больше не вернется в Великобританию. Здесь родился его сын Фред, который получил истинно английское воспитание, как если бы вырос в самом центре Лондона. Так продолжалось до тех пор, пока Альфреду Муру не исполнилось шестнадцать лет: после этого его стали обучать арабскому и азам иврита.

Его родители состарились и умерли в Иерусалиме, там же были и похоронены в полной убежденности, что, когда настанет Судный день, Господь узнает их среди прочих своих детей.

Для Вади было настоящей загадкой, как монах-католик может водить столь тесную дружбу с англиканцем, которым, несомненно, являлся Мур. Однако с каждым днем он все больше убеждался, что ничего не знает о монахах. Или же просто брат Августин не был обычным монахом. Так или иначе, именно благодаря рекомендации брата Августина Фред Мур взял его на работу в типографию.

Каждую пятницу, посещая мечеть, Вади не уставал благодарить Аллаха за такую удачу. Жалованье его вполне устраивало, а мистера Мура не слишком беспокоило, что Вади приходил в типографию лишь к полудню, лишь бы работа была сделана. В середине рабочего дня Элизабет, супруга Альфреда Мура, предлагала Вади выпить чаю, и он никогда не отказывался.

У четы Муров не было детей.

— Если Бог не пожелал благословить нас детьми — значит, у него были на это свои причины, — говорил по этому поводу мистер Мур.

Тем не менее, миссис Мур всегда старалась помочь брату Августину. Иногда она даже пекла пирожные, чтобы угостить детей из школы. Мистер Мур был человеком сдержанным и не терпел никакой болтовни во время работы; но его супруга была не столь сурова. Однажды она передала Вади объемистый мешок, набитый аспидными досками; Вади пообещал, что занесет их монаху по дороге домой. Ответ миссис Мур его крайне удивил.

— Думаю, тебе лучше отнести их завтра. Кто знает, где сейчас может быть брат Августин?

— Ну, я думаю, что найду его в монастыре францисканцев, — ответил Вади, удивленный ее словами.

— Вот уж там ты его точно не найдешь. Брат Августин не слишком ладит с братьями-францисканцами...

— В таком случае, где же его искать?

Элизабет пожала плечами, словно раздумывая, стоит ли отвечать.

— Не знаю. Вообще-то он может ночевать где угодно... Иногда даже ночует в школе. Он... короче говоря, он не такой монах, как все остальные... Я даже не уверена, по-прежнему ли он монах или давно расстрижен... Неужели тебе ничего о нем не рассказывали?

По удивленному выражению его лица миссис Мур поняла, что Вади ничего не известно о монахе.

— Боюсь, муж рассердится на меня за болтливость... — призналась она. — На самом деле нам не так много известно о брате Августине, мы лишь знаем, что в Испании у него возникли какие-то проблемы, которые заставили его покинуть монастырь, по-видимому, он решил отправиться на Святую Землю, чтобы искупить какие-то грехи. Кое-кто утверждает, что его вообще исключили из ордена.

— Но он носит францисканское облачение.

— Да, носит. Но ты обратил внимание, какая старая и засаленная у него ряса? К тому же такие рясы носят многие кающиеся, и далеко не все они — монахи.

— Но кто-то ведь должен о нем хоть что-то знать...

— Нет, уверяю тебя, никто ничего не знает о брате Августине. Он появился в Иерусалиме несколько лет назад и с тех пор живет подаянием.

— Но... но ведь вы же должны о нем хоть что-то знать...

— Он спас моего мужа. Как-то вечером мой муж допоздна задержался в типографии и возвращался домой почти глубокой ночью. По дороге ему показалось, что за ним следом кто-то идет; он ускорил шаг, но незнакомец догнал его и ударил, потребовав деньги и ценности. У мужа не было с собой ничего ценного; грабитель пришел в ярость и стал его избивать. И вот тут-то откуда ни возьмись появился брат Августин, бросился на этого мерзавца и прогнал его. Затем помог мужу подняться — тот лежал на земле, почти без сознания от полученных ударов. Брат Августин довел его до дома. Можете представить, что я пережила, увидев его в таком состоянии? Монах помог мне уложить его в постель и промыть раны, пока муж стонал от боли. С тех пор мы у него в долгу. Поверьте, мы питаем к нему огромную благодарность. Каковы бы ни были его грехи, мы знаем, что он хороший человек.

Мухаммед и Сальма облегченно вздохнули, узнав, что их сын нашел хорошую работу, и решили, что теперь остается лишь найти ему подходящую жену.

— Жизнь к нам благосклонна, — сказала Сальма мужу как-то вечером, ожидая прихода сына.

— Да, нам повезло. Вади, кажется, нашел свой путь в жизни, а наша Найма, похоже, счастлива с Тарекком. Я все никак не могу привыкнуть к мысли, что дочка теперь стала матерью. Когда я смотрю на нее, то вижу перед собой прежнюю малышку.

Мухаммед взял Сальму за руку и с любовью посмотрел на нее. Всю совместную жизнь он упрекал себя, что не может дать ей той любви, какой она заслуживает. Он был уверен, что Сальма знает о его любви к Марине, но ни единый упрек ни разу не сорвался с ее губ. Нет, он ни разу не пожалел, что женился на ней. Мать не ошиблась, выбрав ему в жены именно эту девушку, и он, несмотря на отсутствие глубоких чувств, все же по-своему любил ее и был с ней счастлив.

Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась. Этой улыбкой она сказала, что тоже счастлива в браке, пусть даже он и не любит ее столь же страстно, как любил Марину. Ни один из них так и не произнес ни единого слова. Да в этом и не было необходимости.

— Пора бы нам уже начать подыскивать жену для Вади, — сказала Сальма мужу.

— Думаю, сначала стоило бы спросить у него самого, — ответил Мухаммед. — Не думаю, что Вади понравится, если мы попытаемся навязать ему жену. Полагаю, он сам хотел бы выбрать.

— Боюсь, ему просто некогда ее искать, он целыми днями пропадает на работе, — возразила Сальма.

— Тем не менее, он должен решить сам, — отпечатал Мухаммед.

Сальма не стала возражать. Она по-настоящему наслаждалась обществом сына и мужа. Никогда прежде она не чувствовала, что они ей так близки.

Мирное течение жизни было прервано приездом Изекииля.

Мириам не смогла преодолеть искушение и отправилась в дом Зиядов, чтобы сообщить о приезде сына.

— Мы едем в Хайфу его встречать, — сообщила она, сгорая от нетерпения.

Недолго думая, Вади заявил, что тоже поедет с ними. Ему тоже не терпелось посмотреть на Изекииля, каким тот стал. Ни один человек не сможет остаться прежним после таких испытаний.

Если Вади и удивился тому, что Изекииль привез с собой Сару, то виду не показал. Даже когда Сальма дала ему понять, что Изекииль влюблен в эту девушку, он не сказал ни

единого слова.

Изекииль при первой же возможности рассказал другу обо всем. Вади терпеливо его выслушал, понимая, что скорбь от потери отца и Далиды неразрывно связана в его душе с болью Сары. Он понимал, что Изекиилю необходимо спасти Сару, ибо так он пытается хотя бы отчасти спасти Самуэля и Далиду, а возможно, и себя самого. Да, Изекииль сражался на фронте, но это не спасло его отца и сестру от смерти в газовых камерах.

— Что ты думаешь о Саре? — спросил Изекииль, помня, что Вади всегда был с ним честен и откровенен.

Вади глубоко задумался, прежде чем ответить. Заглянув Саре в глаза, он увидел в них отражение того ада, который пережила эта молодая женщина. Он сомневался, что Сара когда-либо до конца исцелится. Тем не менее, он старался как можно тщательнее подбирать слова, чтобы не нанести другу новой душевной раны.

Мало-помалу все привыкли к молчаливому присутствию Сары в своей жизни. Она любила бесцельно бродить по округе. Иногда ей встречалась Сальма, которая всегда зазывала ее к себе на чашку чая. Сара обычно соглашалась, молчаливо кивая. Потом она сидела на кухне, потягивая чай, иногда полуприкрыв глаза, иногда косясь в сторону. Сальма никогда не пыталась вывести гостью из раздумий. Она по-прежнему занималась своими делами, но при этом незаметно, но пристально следила за каждым движением Сары. Та какое-то время еще сидела, потом поднималась, благодарила хозяйку за чай и возвращалась в Сад Надежды.

— Меня беспокоит ее молчаливость, — призналась однажды Сальма Вади и Мухаммеду.

— Тому, кто выжил в аду, трудно вновь приспособиться к жизни на земле, — ответил Вади.

— Сынок, я знаю, что война — это ужас, и я с содроганием думаю, что пережила эта девушка, которой... которой пришлось стать проституткой в надежде спасти своих детей, а потом узнать, что все это время их пытали и ставили над ними опыты...

Иногда Сальма вместе с Мириам сопровождала Сару на прогулках. Обычно она присоединялась к ним по пути, и иногда они даже доходили до Старого города, чтобы навестить Йосси и Ясмин. Зять Мириам по-прежнему лечил больных. Михаила часто не было дома. Ни Йосси, ни Ясмин никогда не рассказывали, где он в это время бывает, но Сальме и не нужно было ничего объяснять: она и так знала, что постоянно отсутствие Михаила обусловлено его активной деятельностью в «Хагане».

Генерал Ивлин Баркер выбрал июнь 1946 года, чтобы нанести удар по сионистским организациям, которые бросали вызов британской империи и продолжали привозить в Израиль беженцев, вопреки желаниям британцев.

Ранним утром люди генерала Баркера ворвались в дома сионистских лидеров, подняли их прямо с постели и арестовали. К полудню в городе произвели более сотни арестов.

— Я собираюсь навеститься в Сад Надежды, — сказал Мухаммед жене.

Сальма не посмела ему возражать. Как и ее муж, она весь день не находила себе места, то и дело бросаясь к дверям, слышав любой подозрительный шум. Но все было тихо.

— Я пойду с тобой, — сказала она.

Мухаммед, конечно, предпочел бы пойти один, однако тоже не решился ей отказать, так что в Сад Надежды они пошли вместе. Их удивила запертая дверь и подозрительная тишина, царящая в доме. Мухаммед тихонько постучал в дверь, с нетерпением дожидаясь ответа.

Вскоре из-за двери выглянула Мириам, за спиной у которой виднелось лицо Марины.

— Мы так беспокоились за вас, — признался Мухаммед.

Женщины пригласили их в дом; пока Мириам готовила чай, Марина объяснила ситуацию.

— Вчера вечером пришел Михаил, чтобы предупредить нас... Благодаря ему Игорю удалось бежать. Но мы очень беспокоимся за Луи. Вчера утром он ушел из дома, и с тех пор о нем ни слуху, ни духу.

— Не волнуйтесь, Луи не так-то просто изловить, — ответил Мухаммед, стараясь хоть как-то успокоить женщин.

— А гдеIZEкииль? — спросила Сальма.

— Ушел вместе с Игорем, — в голосе Мириам прозвучала печаль.

— Думаю, Михаил о них позаботится, — заверил Мухаммед, хотя сам не на шутку встревожился.

Большую часть дня они просидели, обсуждая сложившуюся политическую ситуацию. Сара выглядела обеспокоенной. ОтсутствиеIZEкииля ее тревожило; казалось, она ни минуты не могла усидеть на месте, то и дело бегая к дверям: не идет лиIZEкииль?

Когда на город опустились сумерки, в Сад Надежды пришел Вади, которого тоже сильно беспокоили аресты.

— Я встретил Омара Салема, — начал он, — и тот рассказал, что британцы не собираются прекращать эту череду арестов. Генерал Баркер хотел арестовать и Бена Гуриона, да вот не застал его дома; сдается мне, он уехал из Палестины, — в голосе Вади отчетливо прозвучало беспокойство.

— Британцы пойдут на все, лишь бы остановить нелегальную иммиграцию и показать сионистам, кто в Палестине хозяин, — сказал Мухаммед.

Сара, слушая их, все больше нервничала, а потом вдруг громко закричала, выскочила в открытую дверь и принялась метаться по саду, петляя между оливами. Вади бросился за ней, догнал и схватил за плечо, но она так вырывалась, что у него едва хватило сил ее удержать.

— Ничего не случится... поверь мне... IZEкииль вернется, вот увидишь... Я сам поеду его встречать...

Но Сара лишь вопила все громче. Наконец, Марине удалось их догнать; она крепко обняла Сару, стараясь ее успокоить.

— Ну, не плачь, не волнуйся, ничего не случится, — уговаривала она. — Это уже не в первый раз, а мы ведь все живы.

— Нас всех убьют... — вопила Сара. — И их тоже убьют... я знаю... Нас все ненавидят... Нас все хотят убить...

Ни Мириам, ни Марине не удалось бы уговорить Сару вернуться в дом, не приди на помощь Мухаммед, Вади, а главное, Сальма. Как ни странно, но именно рядом с Сальмой Сара смогла успокоиться. Едва Сальма приблизилась к молодой женщине и протянула руки ей навстречу, Сара бросилась в ее объятия, как будто только в них могла найти защиту, а Сальма что-то тихонько шептала ей на ухо и гладила ее по голове, как ребенка.

Когда все наконец вернулись в дом, тревога Мухаммеда и Вади лишь усилилась.

— Надеюсь, что с ними ничего не случится, — пробормотал Мухаммед.

— Аллах этого не допустит, — ответила Сальма. — У меня сердце разрывается, когда гляжу на Сару. Даже не знаю, чем ей помочь...

Они засиделись допоздна, обсуждая сложившуюся обстановку. Омар Салем однозначно

дал понять, что целиком и полностью на стороне британцев, и пообещал, что уж они-то сумеют обуздать сионистов. К этому времени уже успели арестовать больше сотни человек, и все беспокоились, что Игорь и Изекииль могут оказаться среди них.

Они отправились спать, по-прежнему снедаемые тревогой за судьбу друзей.

Мужчины в конце концов задремали, но Сальма так и не смогла сомкнуть глаз. Она заварила себе чаю и долго сидела в кресле-качалке, зашивая рубашку Мухаммеда. Было еще темно, когда из сада до нее донесся тихий шорох. Она выглянула в окно, но в потемках ничего было не разглядеть. Она не решалась ни выйти из дома, ни разбудить мужа или сына. Стараясь не шуметь, она на цыпочках направилась к дверям, прячась в тени.

Она взглянула на часы. Еще только три часа ночи, и, хотя в Иерусалим уже пришла весна, по ночам было еще холодно. Вскоре послышались осторожные шаги в торце дома, со стороны кухни. Сальма сперва не на шутку испугалась, подумав, что какой-то недобрый человек хочет проникнуть в дом. Но тут кто-то окликнул ее по имени. Нет, это невозможно! Этого просто не может быть. Она хотела зажечь свет, но тут до нее снова донесся голос Игоря, звавший ее по имени. Она открыла дверь — на пороге стояли Игорь и Изекииль в сопровождении Михаила. Все трое выглядели совершенно измученными. Без лишних вопросов Сальма провела их в дом.

— Я позову Мухаммеда и Вади, — сказала она.

— Спасибо, Сальма, — ответил Игорь с такой горячностью, что она невольно отвела взгляд и отправилась будить мужа и сына.

При виде гостей Мухаммед облегченно улыбнулся, а Вади бросился обнимать Изекииля. В следующую минуту Мухаммед и Вади потребовали подробно рассказать о случившемся.

— Они скрывались в доме одного нашего друга-раввина, но это не самое безопасное место, поэтому я привел их сюда, — объяснил Михаил.

— Ты правильно сделал, — ответил Мухаммед без тени сомнения. — Никому не придет в голову искать вас здесь.

— Луи тоже в списке генерала Баркера, — продолжал Михаил. — К счастью, несколько дней назад он уехал в Тель-Авив, там ему будет легче спрятаться. По правде говоря, в списке у Баркера мы все, разве что Изекииля там нет; видимо; он не вызвал у них подозрений, ведь до недавнего времени он служил в британской армии.

— Тебя тоже ищут, — сказал Вади, взглянув на Михаила.

— Да, меня тоже ищут, — кивнул в ответ Михаил.

— В таком случае, тебе тоже нужно остаться здесь, — заявил Мухаммед.

— К сожалению, я должен уйти. Уже арестованы тысячи человек, подозреваю, что около трех тысяч, и среди них несколько ключевых фигур из Еврейского агентства, — продолжал Михаил. — Кроме того, во время арестов в руки англичан попали важные документы...

— Если ты выйдешь отсюда, тебя арестуют, — произнесла Сальма, которая как раз в эту минуту вошла в гостиную, держа в руках поднос с чаем.

— Придется рискнуть, — вздохнул Михаил. — У меня нет другого выбора.

Игорь хотел было отправиться вместе с Михаилом, но тот решительно воспротивился.

— Ты все равно ничем сейчас не поможешь, а если тебя арестуют, никому лучше не станет, — ответил он. — Так что Мухаммед спрячет тебя здесь. Что же касается Изекииля... Думаю, ему ничего не грозит, его ведь нет в списке британцев...

— Но у британцев на подозрении все жители Сада Надежды, — возразил Игорь. — Не

забывайте, что они ищут Луи...

— Ну что ж, придется рискнуть. Думаю, с рассветомIZEкииль может вернуться домой, но ты должен остаться здесь, — слова Михаила прозвучали, как приказ, и Игорь, хоть и с большой неохотой, но подчинился.

Мухаммед велел Сальме приготовить для гостей ту комнату, где прежде жила Айша, чтобы они могли отдохнуть. Он предложил остаться и Михаилу, но тот отказался. На дворе все еще стояла ночь, верная его союзница, и Михаил решил не медлить.

— Надеюсь, нет необходимости говорить, что никто не должен знать, что Игорь здесь? — предупредил он перед уходом.

— Никто ничего не узнает, — заверил Вади.

— Вы должны вести себя так, будто ничего не случилось, — наставлял Михаил. — Ходите на работу, занимайтесь обычными делами.

— Не волнуйся, никому не придет в голову искать здесь Игоря.

Михаил успокоился. Если и были на свете люди, которым он мог полностью доверять, то это семья Зиядов. Он знал, что они готовы рисковать жизнью, чтобы защитить Игоря.

Михаил ушел. Сальма провела их в комнату, где прежде жила Айша.

— Вам нужно отдохнуть, — предложила она.

— Не знаю, смогу ли я уснуть, — сказалIZEкииль.

— Хотя бы постарайся, — ответила Сальма. — Ты устал, а завтра предстоит трудный день.

Когда Сальма и Мухаммед удалились в свою спальню, Вади вернулся на кухню, надеясь найти тамIZEкииля. Он слишком хорошо знал своего друга, чтобы поверить, что тот ляжет спать, не поговорив с ним.

Темную кухню освещал лишь слабый свет луны, глядящей в окно.

— Мама права, ты должен постараться уснуть.

IZEкииль подскочил от неожиданности, услышав голос Вади.

— Нелегко чувствовать себя изгнанником в собственной стране, — признался он другу.

— Михаил сказал, что против тебя лично британцы ничего не имеют. — Ты — не лидер Ишува и, насколько я знаю, не состоишь ни в «Хагане», ни в других подобных организациях, которые устраивают нападения на британцев.

Они замолчали, глядя в темноту. Вади знал, чтоIZEкиилю предстоит решить, может ли он ему по-прежнему доверять.

— Если ты меня спросишь, собираюсь ли я сражаться в отрядах еврейской обороны, — решил наконецIZEкииль, — то мой ответ таков: да, собираюсь. Что мне еще остается? В время войны я сражался бок о бок с британскими солдатами, мы вместе рисковали жизнью, вместе убивали. Поэтому я не могу считать их своими врагами — даже сейчас, когда они преследуют евреев в Палестине и не пускают сюда тех несчастных, что выжили в лагерях смерти и могли бы найти здесь дом.

— Ты не можешь остаться в стороне, — ответил Вади.

— Ты прав, я не могу позволить себе такой роскоши, — горько усмехнулсяIZEкииль. — Но в то же время я не могу сражаться против вчерашних товарищей по оружию. Но если мне придется выбирать — а мне уже пришлось это сделать — то я останусь верным моей семье и друзьям. Ты знаешь, мой отец никогда не предполагал, куда его занесет судьба. В детстве я часто слушал их с мамой разговоры. Она всегда знала, что ее родина — Палестина; она и

есть настоящая палестинка, такая же, как любой из вас. Но отец родился в польской деревне, а Польша тогда была частью Российской империи, и его семья погибла во время одного из погромов, после чего он вместе с отцом бежал в Санкт-Петербург, там он и вырос. Его мать была француженкой — еврейкой, разумеется, но при этом француженкой. Прежде чем отправиться в Палестину, он подолгу жил в Париже. Думаю, что, пока он не встретил Катю, здесь он был счастливее, чем где-либо еще.

— Но ведь ты родился здесь, — напомнил Вади.

— Да, я родился здесь, я не приезжий, каким был отец. И ты сам сказал, что у меня нет выбора. Если «Хагана» меня примет, я буду сражаться в ее рядах, но даже если не примет, эта война — моя война. Скажи, Вади, ты веришь, что мы можем жить в мире?

Вади довольно долго молчал, раздумывая, может ли честно ответить на этот вопрос. Наконец, он все же решился.

— Не знаю, Изекииль. Кое-кто из наших лидеров полагает, что евреи мечтают захватить всю Палестину; что они все едут и едут сюда, и в конце концов совсем заполонят нашу землю. Они не доверяют вашим лидерам и не верят в чистоту ваших намерений. И вот попробуй, скажи, что они не правы.

— Я тоже не знаю, Вади, правы они или нет. Я могу говорить лишь за себя, что я сам думаю и чувствую. Лично мне сдается, что хуже уже не будет. И очень хочется верить, что мы вполне сможем разделить Палестину, сможем построить демократическое государство на манер Англии. Ведь мы сможем — да, Вади? Это будет зависеть только от нас.

— Нет, Изекииль, от нас уже ничего не зависит, — вздохнул Вади. — В этом вся и проблема.

— Но в наших силах хотя бы не поддаваться безумию, которым охвачены все вокруг...

Они проговорили до самого рассвета, пока лучи восходящего солнца не осветили их измученные лица. В ту ночь они приняли компромиссное решение: что бы ни случилось, они никогда не поднимут руки друг на друга.

Мухаммед проводил Изекииля до Сада Надежды. Мириам бросилась обнимать сына, а на лице Сары читалось явное облегчение.

— Не волнуйся, — сказал Мухаммед Марине. — Игорь побудет у нас, пока не минует опасность.

Марина от души поблагодарила Мухаммеда. Она всегда знала, что, если будет нужно, он защитит Игоря — даже ценой собственной жизни.

Они договорились, что пока не будут встречаться, чтобы не навлекать подозрений на Зиядов, если их кто-то увидит в компании соседей-евреев. Мириам все еще боялась за Изекииля, но тот ее успокоил:

— Мама, британцы еще не видят во мне врага.

Все же Мухаммеда беспокоило, что Сальма и Игорь останутся наедине, поэтому он отправился за Наймой. Убедить Терека отпустить дочь погостить в родительском доме на несколько дней оказалось совсем не трудно.

— Сальма скучает по дочери и внуку. Если тыпустишь их погостить у нее несколько дней, мать Наймы будет самой счастливой женщиной на свете.

Тарек не стал возражать. Иерихон находился слишком близко от Иерусалима, чтобы всерьез опасаться, что Найма и их сын Амр утомятся в дороге.

Сальма ничего не сказала, когда Мухаммед вернулся домой вместе с дочерью и внуком. Она действительно была очень рада видеть их обоих. Но при этом она сразу поняла, что

Мухаммед привез их для того, чтобы она не оставалась наедине с Игорем. Она не упрекала его за это. Она знала, как муж дорожит своей репутацией, но сейчас никто не должен был знать, что Игорь прячется у них в доме.

А Мухаммеду было очень нелегко дать приют мужу Марины. Не то чтобы он сомневался, стоит ли это делать. Верность дружбе всегда была для него на первом месте; однако, глядя на Игоря, он каждый раз вспоминал, что с этим человеком Марина каждую ночь делит ложе, и это причиняло Мухаммеду настоящую боль.

Однажды вечером в дом Мухаммеда неожиданно появился Луи.

— Игорь может вернуться в Сад Надежды, — с облегчением сообщил он Мухаммеду.

— Ты уверен, что его перестали искать? — спросил Вади.

— Они уже арестовали достаточно народа, — ответил Луи. — К тому же слишком заняты документами, которые забрали у нас и свезли в свою штаб-квартиру.

— Должен признать, у британцев хороший вкус, если они выбрали для своей штаб-квартиры такое место, как «Царь Давид», — усмехнулся Вади.

Несмотря на заверения Луи, Игоря все же арестовали, хотя в тюрьме он провел всего несколько дней. И выпустили его именно благодаря Мухаммеду, который обратился к британским властям. Благодаря связям своего зятя Юсуфа Мухаммед сумел убедить англичан, что задержанный ни в чем не замешан. Мухаммед считал, что обязан помочь Игорю, чтобы хоть немного искупить перед ним ту вину, которую испытывал из-за любви к Марине.

22 июля 1946 года, когда прогремел взрыв, Вади был в школе. Услышав страшный грохот, дети испуганно закричали. Брат Августин велел им сидеть тихо, но они не послушались, продолжая кричать и плакать. Внезапно с соседних улиц донеслись крики боли, ужаса и отчаяния.

— Произошло нечто ужасное, — сказал монах.

— Пойду посмотрю, что там случилось.

— Даже не думай! — остановил его монах. — Мы должны оставаться с детьми, пока не убедимся, что никакой опасности нет.

Долго ждать не пришлось. В скором времени к школе приблизилась группа женщин, пришедших за своими детьми. Все они были до крайности напуганы. Одна из них рассказала, что террористы взорвали отель «Царь Давид».

Брат Августин улыбнулся и махнул рукой Вади, чтобы не принимал слова женщины всерьез. Но Вади встревожился. В отеле «Царь Давид» британцы устроили свою штаб-квартиру, оттуда они правили Палестиной, и Вади даже не смел подумать, что взрыв устроила еврейская организация в отместку за «черную субботу», когда арестовали сотни евреев.

Когда в школе не осталось детей, Вади направился в сторону отеля, находящегося неподалеку.

«Царь Давид» был оцеплен британскими солдатами, не подпускавшими к нему любопытных. Взрыв превратил южное крыло отеля в груды щебня. Позднее Вади узнал, что при взрыве погибло девяносто человек, более сотни получили ранения.

Вади решил, что Омар Салем может оказаться среди раненых, которым оказывали медицинскую помощь, и настоял, чтобы солдаты пропустили его за ограждение.

Омар Салем был контужен, но никаких серьезных травм не получил. Когда прогремел взрыв, он находился в саду; именно это и спасло ему жизнь.

— Где Юсуф?.. — только и смог произнести Омар Салем, увидев склонившегося над ним Вади.

— Он был с тобой? — Вади не на шутку встревожился, представив, что дядя может оказаться под одним из завалов.

— Нет.. нет... я надеялся... Он должен был принести мне документы... Я... я не знаю... но я его не видел.

Вади не знал, что делать: то ли оставаться рядом с Омаром Салемом, то ли бежать разыскивать Юсуфа, медсестра помогла ему принять решение.

— Ступайте лучше искать того человека, а за этого не волнуйтесь, с ним все будет в порядке, — сказала она, указывая на Омара Салема.

Вскоре нашелся и Юсуф, они с Вади бросились друг другу в объятия.

— Мы должны были встретиться с Омаром Салемом, и я опоздал, а когда пришел... — еле выговорил Юсуф, глотая слезы. Он не мог представить, что тот окажется среди мертвых.

Увидев Юсуфа, Омар Салем не смог скрыть волнения.

— Ты спасся! — воскликнул он, обнимая верного помощника. Затем оба ни поспешили убраться как можно дальше от этого места.

Когда они добрались до дома Омара, его жена встретила их в дверях, сама не своя от волнения; она уже слышала про взрыв в отеле и боялась за мужа, поскольку утром тот сообщил, что собирается на деловую встречу в отель.

Теперь бедная женщина стала настаивать, чтобы к Омару позвали врача, но тот наотрез отказался.

В конце концов он все же уступил жене. У него болела голова, и он с трудом разбирал, что ему говорят: видимо, слегка оглох после взрыва.

Юсуф взял дело в свои руки и по просьбе супруги Омара отправился за врачом.

Здесь Вади мало чем мог помочь, поэтому он отправился в типографию Мура, надеясь, что тот что-то знает о случившемся.

Мистер Мур, казалось, растерял всю свою британскую флегматичность. Он нервно вышагивал взад-вперед по комнате с явными признаками внутреннего смятения, пока Элизабет уговаривала мужа успокоиться.

— Мне сказали, что незадолго до взрыва внутрь проникли несколько посторонних, переодетых в униформу сотрудников отеля... По всей видимости, именно они и устроили взрыв... Даже думать не хочется, что люди способны на подобную жестокость! — воскликнул мистер Мур.

— Думаю, мы могли бы помочь, — сказал Вади.

— Сейчас наша главная цель — найти и повесить виновных, — ответил мистер Мур. — Да простит меня Бог, но те, кто способен на подобные зверства, ничего другого не заслуживают.

— Мы очень волнуемся, — призналась Элизабет Мур. — Среди потерпевших могут оказаться наши знакомые.

В этот день нечего было и думать о работе, так что супруги Мур отпустили Вади домой, простившись с ним до завтра.

— Нам еще нужно нанести несколько визитов, — извинилась Элизабет.

Для Вади это стало настоящим облегчением. Ему не терпелось поскорее вернуться домой, чтобы убедиться, что с отцом все в порядке. Конечно, трудно было предположить,

что Мухаммед мог оказаться в полдень в отеле «Царь Давид», где ему совершенно нечего было делать, но все же не мешало проверить и убедиться, что с ним ничего не случилось. Мухаммед также беспокоился за Хасана, старого дядю своего отца, и его сына Халеда. Халед стал процветающим торговцем, и, как любой иерусалимский торговец, частенько назначал встречи в «Царе Давиде», чтобы заключить очередную сделку.

Едва успел Вади открыть садовую калитку, как Сальма бросилась ему навстречу.

— Слава Аллаху! — воскликнула она. — Мы так беспокоились! Твой отец ищет тебя по всему Старому городу.

— Со мной все в порядке, мама, — ответил Вади. — Я был в школе, когда мы слышали взрыв. — А куда пошел отец?

— Сказал, что пойдет в типографию.

— Я только что оттуда. Надеюсь, он успеет застать Муров, прежде чем они уйдут домой, и они скажут отцу, что со мной все в порядке, и я пошел сюда. Я немедленно отправляюсь за ним в типографию...

— Нет, лучше останься и подожди его здесь. Не хватало еще, чтобы вы начали бегать туда-сюда друг за другом!

— А что с дядей Хасаном и Халедом? — спросил Вади, не скрывая беспокойства.

— Хасан в порядке: ты же знаешь, он успел выйти. Но вот Халед... Твой отец тоже за него беспокоится.

Вади рассказал ему, что видел Юсуфа и Омара Салема, и что с ними все в порядке.

— Видимо, сам Аллах их хранит. Скажи, сынок, что там произошло?

— Я знаю только то, что «Царь Давид» обрушился. Мистер Мур рассказал, как удивились солдаты, обнаружив, сколько там было мнимых служащих, и что там даже была перестрелка... Но я не знаю, имеет ли это все какое-то отношение к обрушению отеля.

— А если кто-то и впрямь решил взорвать «Царя Давида»... — Сальма так и не решилась произнести вслух, что думает.

— Вот и я тоже об этом думаю, мама, — вздохнул Вади. — Хотя этот взрыв вполне мог быть и простой случайностью.

— Быть может, кто-то решил единым ударом расправиться с британцами, уничтожив их штаб-квартиру? — Сальма опасливо взглянула на сына, пожалев, что произнесла эти слова.

— Вот и я тоже склоняюсь к этой мысли, — ответил Вади.

Часа через два пришел Мухаммед и с облегчением вздохнул, увидев, что Вади уже дома. Правда, к тому времени Мухаммед уже знал, что с ним все в порядке, поскольку успел заглянуть в типографию до ухода Мистера Мура.

— Я был в доме Омара Салема, там как раз находился Юсуф. Он мне рассказал, что в час дня у них была назначена встреча с неким египетским коммерсантом, и это спасло им жизнь. Если бы они пришли в отель чуть раньше, их бы накрыло взрывом, хотя Омар Салем, в отличие от Юсуфа, всегда ставит часы на несколько минут вперед, так что он вполне мог видеть, как отель рухнул.

— Он жаловался на головную боль и потерю слуха, — напомнил Вади. — Значит, точно был рядом.

— Врач сказал, что потеря слуха — это последствия контузии, — объяснил Мухаммед.

— Теперь он так и останется глухим? — спросила Сальма.

— Не знаю. Врач сказал, что потребуется какое-то время, прежде чем он сможет поставить окончательный диагноз. Но вот кто меня сейчас действительно беспокоит — так

это кузен Халед. Он был рядом с «Царем Давидом», когда отель взорвали. Я обошел все больницы, но нигде ничего не знают о нашем Халед. Омар Салем пообещал, что отправит людей на его поиски. Дядя Хасан уже слишком стар, чтобы от него была польза, а его жена Лейла... Ты ведь и сама знаешь, что такое наша Лейла. Она только и умеет, что рыдать; вот и сейчас льет слезы, не унимаясь. Сальма, я хочу, чтобы ты пошла со мной в дом Хасана: думаю, только ты сможешь помочь успокоить Лейлу. А ты, Вади, беги в Сад Надежды и посмотри, все ли там в порядке.

Марина встретила его радостно и обняла с материнской нежностью.

«А ведь я и вправду мог бы быть ее сыном», — подумал Вади.

Ни Изекииля, ни Игоря не было дома, но Марина не сомневалась, что с обоими все в порядке. Изекииль и Сара еще ранним утром уехали из города: Изекииль решил свозить Сару в кибуц, где он провел юность. Что же касается Игоря, то он весь день находился в карьере и никуда не отлучался.

— Мириам отправилась в Старый город, она очень беспокоилась за своего зятя Йосси и племянницу Ясмин. Ты же знаешь, Ясмин не отходит от отца, а Йосси, хотя в последнее время редко выходит из дома, все же любит иной раз посидеть с друзьями на террасе «Царя Давида», — пояснила Марина. Что же касается Михаила, то он еще на прошлой неделе уехал в Тель-Авив.

— А Луи? — спросил обеспокоенный Вади.

— Ты же сам знаешь, Луи приезжает и уезжает, когда ему вздумается, так что мы никогда не знаем, где он может быть. Но в любом случае, если бы он был в Иерусалиме, то непременно бы заглянул сюда, так что в городе его нет.

Халед обнаружился среди раненых. Его смогли отыскать лишь на следующий день — такая кругом царила неразбериха. Врачи не надеялись на благополучный исход, а Мухаммед проклинал тех мерзавцев, по чьей вине жизнь его кузена оказалась в опасности.

— Они за это поплатятся, — снова и снова повторял Мухаммед, и Сальма невольно вздрагивала при этих словах; она понимала, что муж не успокоится, пока не найдет виновных, погубивших столько жизней.

В последующие дни стало известно, что взрыв «Царя Давида» был делом рук людей из «Иргуна». Они разместили в подвале отеля более трехсот килограммов динамита. В «Иргуне» заверили, что позвонили в отель с предупреждением о том, что там заложена бомба, но никто не ответил на звонок. Так или иначе, взрыв в отеле унес жизни и арабов, и евреев, и англичан.

Несмотря на то, что Еврейское агентство и лично Бен Гурион решительно осудили устроивших взрыв людей, никто не сомневался, что не обошлось без «Хаганы», тайной армии Бена Гуриона, так как в последнее время различий между «Хаганой» и «Иргуном» становилось все меньше, многие члены «Иргуна» вступили в «Хагану», чтобы открыто выступить против британцев.

— Хорошо, допускаю, что не они подложили взрывчатку, но они прекрасно знали о ней, — без тени сомнений заявил Мухаммед. — Они прекрасно знали о делишках своих друзей из «Иргуна». Так что они тоже виновны.

Сальма попросила Вади поговорить с Мухаммедом.

— Если Халед погиб, твой отец захочет отомстить, — сказала она. — Ты должен его остановить.

Вади задавался вопросом, что могло бы удержать отца от мести. Его отец был человеком твердых взглядов, честным и стойким, до последнего вздоха верным тем, кого любил, и считал, что человек, причинивший вред тем, кого он любит, должен заплатить за это жизнью. Вади понимал, что разубедить его бесполезно. В лучшем случае, он мог бы напомнить отцу, что месть по принципу «око за око» — как раз то, что написано в еврейской священной книге.

— Если мужчина не в состоянии защитить своих близких, то что он тогда за мужчина? — ответил Мухаммед. — Как ему можно доверять?

Кто бы мог подумать, что отец и сын окажутся столь разными? Вади унаследовал кроткий и миролюбивый нрав Сальмы. Как и Сальма, он был мечтателем и ненавидел насилие, Мухаммед же был настоящим борцом старой закалки. Даже Айша, его сестра, иногда шутила, что они самые непохожие друг на друга отец и сын.

— Наш отец был не таким, как ты, — сказала как-то Айша. — Он никогда не позволял эмоциям взять над собой верх.

Ко всеобщей радости Халед поправился. Однако пока он лежал в больнице, у его матери Лейлы случился сердечный приступ, после которого она так и не оправилась. Она умерла, а сын и не смог проводить ее в последний путь.

Хасан, казалось, больше не хотел жить. Даже известие о том, что его сын поправляется, не смогло вывести его из уныния. Он прожил со своей Лейлой пятьдесят лет, они вырастили двоих сыновей. Старший, Салах, погиб, мечтая о великом арабском государстве, а другой, Халед, теперь отчаянно сражался за свою жизнь. Хасан мог вынести любые невзгоды, но лишь до тех пор, пока рядом с ним была Лейла, он даже помыслить не мог, что сможет жить и дышать без нее.

Сальма каждый день приходила к нему в дом, чтобы убраться, а также отнести немного еды, которую готовила для Мухаммеда и Вади.

— Меня очень беспокоит твой дядя Хасан, — призналась Сальма Мухаммеду. — Он уже несколько дней не встает с постели.

— Завтра я схожу к нему и попрошу вместе со мной навестить Халеда, — заявил Мухаммед. — Думаю, это его взбодрит.

Когда Халед наконец выписался из больницы, к нему в дом пришла вся семья. Сальма наготовила всевозможных яств, чтобы угощать гостей.

— Наконец-то я смогу выйти замуж! — воскликнула Нур, дочка Айши, едва завидев свою тетю.

— Думаю, тебе не стоит так торопиться, — ответила Айша. — Замужество — дело долгое.

Нур ничего не ответила матери; похоже, она действительно считала себя влюбленной в того молодого человека, которого выбрал для нее отец. Эмад был рослым и сильным, но с ней держался деликатно. Ей действительно хотелось жить с ним. Сколько раз задавалась она вопросом, любила ли когда-нибудь мать отца так, как она любит Эмада. Возможно, со временем мать просто разочаровалась в замужестве; во всяком случае, Нур никогда не видела, чтобы у нее светились глаза, когда она смотрит на отца.

Мухаммеду все же удалось убедить Хасана подняться с постели и выйти из дома, чтобы забрать Халеда из больницы.

— Твой сын очень расстроится, если увидит тебя в таком состоянии, — заметил он. Когда Вади отправился в больницу, чтобы забрать Халеда домой, он не предупредил,

что дома его радостно встретит вся семья, чтобы вместе отпраздновать его выздоровление. Халед был настолько ошеломлен торжественной встречей, что прямо застыл на пороге.

Однако Мухаммед наотрез отказался приглашать на торжество кого-нибудь из Сада Надежды. Как ни пытался Вади его разубедить, Мухаммед оставался непреклонен.

— Как мы теперь можем их приглашать к себе в дом, если еврейская бомба чуть не убила Халеда?

— Но наши друзья не отвечают за поступки других евреев, — возразил Вади.

— Не будь столь наивен, сынок, — ответил Мухаммед. — Ты же сам знаешь, что в последние месяцы все еврейские группировки замешаны в диверсиях против англичан. Да, Бен Гурион осудил взрыв «Царя Давида», но в «Хагане» прекрасно знают, что нечто подобное может повториться в любую минуту. Так что ни мы, ни они не чувствуем себя в безопасности. Должно пройти время.

Время пролетело быстро. Нур вышла замуж за Эмада, и на ее свадьбу пригласили всех обитателей Сада Надежды. На этом настояла Айша, которую не устроило бы, если бы их не пригласили. Марина по-прежнему была для нее почти сестрой. Тем не менее, все чувствовали себя неловко. Друзья жениха недоверчиво косились в сторону евреев, к которым Зияды почему-то относились как к членам семьи.

Сам Омар Салем решительно возражал против присутствия на свадьбе Луи, Игоря Марины, Мириам, ее сына Изекииля и Сары, странной девицы, всегда державшейся особняком. Даже Михаила и Ясмин он не хотел видеть.

Марина рассказала Айше, что Игорь подумывал не идти, но она прямо сказала ему, что «ничто на свете не помешает ей прийти на свадьбу Нур».

Мухаммед хорошо понимал, что Луи пришел на свадьбу не только из любви к Нур. На свадьбе у него будет возможность, не вызывая подозрений, поговорить с Омаром Салемом и другими знатными иерусалимцами. Так что по окончании брачной церемонии Луи подошел к Мухаммеду.

— Мне очень жаль, что с твоим кузенком Халедом случилось такое несчастье, — сказал он.

— Скажи это ему самому, — хмуро бросил Мухаммед. — Он был на волосок от смерти.

— Я скажу ему, но хочу, чтобы ты тоже знал, что «Хагана» не имела никакого отношения к случившемуся.

— Полагаешь, он мне поверит?

— Думаю, поверит.

— А я надеялся, что наша дружба не будет хотя бы омрачена ложью.

— Уверяю тебя, мы не имели никакого отношения к этой диверсии, — повторил Луи. — Поверь, мы ни за что бы не допустили таких жертв. Не забывай, что среди погибших были и евреи.

— Так чего же ты хочешь, Луи? — спросил Мухаммед, который слишком хорошо знал этого человека, по возрасту годящегося ему в отцы.

— Ты же знаешь, я всегда стремился избегать конфликтов между арабами и евреями, — ответил Луи. — Британцы когда-нибудь уйдут, а мы останемся здесь, и нам придется как-то жить вместе.

— И как, по-твоему, это у нас получится, если вы собираетесь организовать собственное государство?

— Я пока не знаю, как именно, но я уверен, что мы сможем построить наше совместное

будущее.

Как и ожидал Луи, к беседе присоединился Омар Салем.

— Британцы требуют, чтобы мы снова приехали в Лондон на переговоры, — заметил Омар Салем, глядя на Луи.

— Да, я знаю, — ответил тот. — Палестина стала для них серьезной проблемой. Они требуют, чтобы мы приняли такое решение, которое устроит всех, и в первую очередь самих британцев.

— И что же это за решение? — осведомился Омар Салем.

— Полагаю, что и арабы, и евреи считают, что британцы должны отсюда уйти. Это первый шаг, который мы должны сделать, чтобы достичь согласия между нами.

— Согласия? О каком согласии может идти речь? Палестина принадлежит нам, здесь имеют право жить лишь те евреи, которые жили здесь всегда; или, на худой конец, те, что приехали первыми. Но я считаю, что необходимо раз и навсегда прекратить приток еврейских иммигрантов.

Луи в ответ лишь пожал плечами. Ни Еврейское агентство, ни «Хагана» не были готовы к тому, чтобы прекратить незаконную иммиграцию в Палестину. Они бросали вызов Британской империи, обходя морские патрули, чтобы провести к берегам Палестины корабли, битком набитые евреями — вчерашними узниками концлагерей, и собирались продолжать свою деятельность.

— Мы хотим только одного: жить в мире с вами, — убеждал Луи.

— А мы хотим быть хозяевами в собственной стране.

— Вам придется смириться с тем, что мы уже здесь, и многие еще приедут. Это земля наших предков.

— Вы собираетесь захватить нашу землю лишь на том основании, что две тысячи лет назад здесь жили евреи?

— Я не сказал — захватить, — возразил Луи. — Я сказал — разделить. Евреи всегда жили в Палестине.

Теперь пришла очередь Омара Салема пожимать плечами. Он ничего не имел против Луи; они, казалось, даже пришли к какому-то компромиссу, пожав друг другу руки. Но если евреи полагают, что после ухода британцев смогут творить в Палестине все, что им заблагорассудится, то они просто не в своем уме. Арабы не уступят и клочка земли. Омар и Луи смотрели друг на друга и видели разделяющую их глубокую пропасть, которая растет с каждым днем и скоро станет непреодолимой. Больше они ничего не сказали друг другу. В конце концов, оба были гостями на свадьбе Нур, и им бы нипочем не простили, если бы спор омрачил свадьбу дочери Айши и Юсуфа.

Не прошло и нескольких дней после свадьбы, как Хасана нашли мертвым в своей постели. Старик умер так же, как и его любимая Лейла: у него остановилось сердце во сне.

Мухаммед искренне оплакивал смерть дяди. Хасан был хорошим человеком. Да и Халед, хоть и поправился, но впал в глубокую депрессию.

— Я думаю уехать в Бейрут или, быть может, в Дамаск, — признался он Мухаммеду.

— Да что ты там забыл? — удивился тот. — Что тебе действительно следует сделать, так это найти себе жену. Твоих родителей печалит, что ты все никак не женишься и не подаришь им внуков.

Некоторое время они молчали. Халед думал о Фадве, своей покойной жене; она скончалась, пытаясь произвести на свет ребенка, который так и умер у нее в утробе. Потеряв

Фадву, Халед, казалось, потерял часть самого себя.

— Согласен, я давно должен был это сделать, — ответил Халед. — Но вышло так, что я до сих пор не встретил ту женщину, с которой хотел бы провести остаток жизни. Если встречу ту, которая сможет пробудить во мне это желание, тогда я подумаю.

— Ты должен жениться, — убеждал его Мухаммед. — Это — твой долг.

— Вот это я отказываюсь понимать, — ответил Халед. — Дорогой кузен, позволь мне объяснить это на твоём личном примере. Вот ты женился на Сальме — лучшей на свете женщине, однако все мы прекрасно знаем, что все эти годы ты не переставал думать о Марине. Я помню, какими вы были в детстве — вы же ни на минуту не расставались, не могли наговориться, поверяли друг другу свои тайны. Когда вы были вместе, то не замечали ничего вокруг. Ну и что — был ты счастлив все эти годы? А Марина? Я даже представить не могу, как вы жили — так близко друг к другу и разделенные непреодолимой стеной.

Как ни любил Мухаммед кузена, ему не понравилось, что тот вторгнулся в самые сокровенные глубины его души. Они с Мариной всегда вели себя достойно и ни разу не позволили ничего такого, чего могли бы стыдиться или скрывать от близких. Это было нелегко для обоих, но оба сумели обуздать чувства и держаться с достоинством.

— Мне жаль, если я причинил тебе боль, — извинился Халед.

— Нет... Не в этом дело... Просто я не люблю обсуждать с кем бы то ни было свои дела, а тем более чувства. Вот ты сказал, что Сальма — лучшая из женщин и что любой мужчина может только мечтать о такой жене. Так вот, уверяю тебя, я ни разу не пожалел, что на ней женился. И ты знаешь, Халед, есть такое понятие, как долг — долго перед семьей, перед друзьями, перед нашими идеалами, перед самим собой, наконец! Если бы мы могли себе позволить жить лишь одними страстями... Я исполнил свой долг, и ничто в мире не заставит меня пожалеть о том, что я произвел на свет двоих таких замечательных детей, как мои Вади и Найма.

— Да, ты счастливый человек.

— Ты не можешь вечно носить траур по Фадве, — упрекнул его Мухаммед.

— Через несколько недель я уезжаю, — сказал Халед. — Присмотришь за моим домом? Я не хочу его продавать, как и не хочу, чтобы он превратился в развалину. Когда-нибудь я надеюсь сюда вернуться.

Мухаммед пообещал, что присмотрит за домом Халеда.

Однажды вечером Изекииль явился в типографию Муров в поисках Вади.

— На следующей неделе приезжает Бен! — оповестил он своего друга.

Вади обрадовался этому известию.

— Мы должны известить Рами, чтобы это отпраздновать, — заявил он.

— Вот потому я и пришел сюда. Марина с Игорем на седьмом небе от счастья, что их сын возвращается. Они не видели его с тех пор, как мы ушли на фронт.

— Вот мы и снова все вместе: Бен, Рами, ты и я, — слова Вади были полны ностальгии.

Друзья вспоминали далекие годы детства, когда Вади и его кузен Рами, сын Айши и Юсуфа, бегали вместе с Беном и Изекиилем. Тогда все четверо были неразлучны.

— Но как изменилось все вокруг... Рами теперь работает в компании Омара Салема, но насколько я знаю, собирается открыть собственное дело; ты учишься в университете; Бен... что там говорить, ты сам рассказывал, что Бен всюду помогает евреям пробираться в Палестину, а я занимаюсь тем, о чем мечтал с детства: учу детей, — произнес Вади.

— Да, сколько времени прошло с тех пор! — вздохнул Изекииль.

— Ты говоришь так, будто мы прожили тысячу лет... А ведь мы еще совсем молоды. Рами всего двадцать семь, Бену — двадцать четыре, мне — двадцать шесть, а ты по-прежнему самый юный из нас, тебе всего двадцать два.

— Но я сражался на войне и сумел выжить, — ответил Изекииль.

— Да, война состарила всех нас до срока, но если позволит Аллах, у нас впереди долгая жизнь.

— Ты знаешь, я очень рад, что Бен приезжает, — признался Изекииль. — Скоро я женюсь.

Вади ничуть не удивило известие о скорой женитьбе Изекииля. Он с самого начала догадался, что тот пришел, чтобы сообщить о скорой свадьбе, но предпочел сделать это подальше от Сада Надежды.

Мистер Мур разрешил Вади уйти пораньше, и двое друзей решили побродить по Старому городу. Они любили гулять вдоль городской стены, от одного сектора к другому.

— Ты женишься на Саре, — Вади не спрашивал, а всего лишь отмечал факт, поскольку не мог представить, что Изекииль захочет жениться на какой-либо другой женщине.

— Да, я наконец решился попросить ее выйти за меня замуж, и она согласилась. С тех пор как я привез ее сюда, ее состояние значительно улучшилось. Иногда она даже смеется... И она очень добра к моей маме.

— Но ведь она не может иметь детей, — напомнил Вади.

— Да, я знаю, и мама предупредила меня, что вполне может случиться, что спустя многие годы мне захочется иметь детей. Я и сам не сомневаюсь, что так оно и будет, но все равно не хочу жениться ни на ком другом, кроме Сары.

— И когда же вы собираетесь пожениться?

Мама попросила дать ей время, чтобы успеть приготовить все для свадьбы. Что до меня, то я хотел бы, чтобы свадьба была как можно скорее, но раньше будущей весны все равно не получится, так что мы поженимся в марте 1947 года. А как насчет тебя? Ты не собираешься жениться?

— Ты совсем как моя мама! — раздраженно воскликнул Вади. — Дня не проходит, чтобы она не сватала мне какую-нибудь дочку очередной своей подруги! Боюсь, что в конце концов она своего добьется, но я все же хотел бы найти себе жену сам.

Они строили планы, чем займутся, когда приедет Бен, и обсуждали последние новости, вроде нападения людей из Лехи и Иргуна на британские части. Жертвами этих нападений пали не только британские солдаты в Палестине. Иргун осмелился даже атаковать британское посольство в Риме.

— Британцы должны уйти, — убежденно заявил Изекииль.

— Ты знаешь, порой я боюсь, что они и вправду это сделают. И тогда не останется никого, кто мог бы встать между нами, если снова запахнет жареным, — ответил Вади.

— Думаю, мы гораздо лучше справимся без участия британцев, — Изекииль, казалось, был непоколебимо убежден в своей правоте.

Вади наивность Изекииля не удивила. Хоть тот сражался на войне и убивал, но сохранял какой-то детский оптимизм. Он отказывался принимать то, что рано или поздно столкновение между арабами и евреями станет неизбежным, если Еврейское агентство и его лидеры не бросят попыток превратить Палестину в родину для евреев.

Он знал, что руководители «Пальмаха» и «Хаганы» пользуются военным опытом

Изекииля, который тот обучал других молодых людей. На самом деле все евреи сотрудничали с обеими оборонительными организациями. Изекииль никогда этого и не скрывал. Так же как и знал, что Бен входит в «Хагану» и посвятил себя помощи евреям, возвращающимся в Палестину.

— Просто свинство, что британцы нас преследуют, — посетовал Изекииль. — А всему остальному миру, похоже, и вовсе нет дела до судьбы евреев. Даже не представляю, что еще должно случиться, чтобы мы наконец смогли жить в мире. Гитлер пытался нас уничтожить, а теперь победившие его государства не знают, что делать с евреями. Вроде бы все нас жалеют, как, мол, страдали эти несчастные во время войны, но никто не хочет давать евреям визы, чтобы они могли покинуть Европу. Подлые лицемеры, иначе не скажешь!

— Вы по-прежнему собираетесь жить в Саду Надежды? — спросил Вади, чтобы переменить тему разговора.

— Да, если Сара захочет. Мне кажется, что ей вполне уютно под опекой мамы и Марины.

Они шли довольно долго и стоили планы на те времена, когда вернется Бен. Потом, дойдя до изгороди, разделяющей два сада, расстались довольными, что провели вместе столько времени.

С Анисой Джалиль Вади познакомился совершенно случайно. Однажды утром, придя в школу, он увидел, как брат Августин строит в шеренгу младших детей.

— Им необходимо сделать прививки, — заявил он.

— А кто будет делать? Мы?

— Нужно отвести их в больницу. Вернее, поведешь их ты, а я останусь здесь со старшими. Когда всем сделают прививки, возвращайтесь сюда.

Вади не возражал, поскольку и сам понимал, как важно сделать детям прививки. А малыши были очень довольны, что у них сегодня не будет никаких уроков, кроме чтения. Что же касается похода в больницу, то он им казался маленьким приключением.

В больнице медсестра сообщила Вади, в каком кабинете будет проходить вакцинация. Дверь в кабинет была приоткрыта; из-за нее доносился голос какой-то женщины, утешавшей сына, который плакал навзрыд: только что ему сделали укол в плечо. Медсестра, стоявшая к Вади спиной, предлагала малышу карамельку. Вади взглянул на нее — и не смог отвести глаз: так красива была эта женщина. Она улыбнулась и пригласила его войти.

— Я от брата Августина, мы считаем, что необходимо сделать прививки детям, — объяснил Вади.

— А, так это те самые дети из школы монаха! Проходите, пожалуйста. Сколько их здесь?

— Сейчас я привел двенадцать детей, завтра приведу остальных.

Увидев медсестру со шприцем в руке, дети громко заревели, упорно не желая давать руку для укола. Тогда медсестра пообещала, что самым храбрым даст карамельку.

— Ну, вот и все, — улыбнулась она, закончив работу, пока Вади утешал самого маленького, который ревел во весь голос.

— Ну что ж... Большое спасибо... Я приду завтра.

Вади хотелось спросить ее имя, но не осмелился. Она показалась решительной и уверенной в себе и выдержала его ошеломленный взгляд.

На следующий день брат Августин хотел было сам отвести на прививку оставшихся малышей, но Вади вызвался пойти с детьми. Больше всего на свете ему хотелось снова

увидеть эту медсестру.

— Хорошо, если ты так хочешь, иди, — согласился брат Августин. — А заодно поблагодари от меня Анису за консультацию офтальмолога для той бедной женщины, что живет неподалеку от нашей школы.

— Анису?

— Да, Анису — ту самую медсестру, что делала прививки детям. Она дорожит своим добрым именем; это очень набожная девушка, вот только слишком уж решительная. Тому, кто захочет на ней жениться, придется иметь это в виду.

Аниса встретила его ослепительной улыбкой, когда он появился на пороге ее кабинета, держа за руку двоих малышей, а позади следовал еще десяток.

Пока она делала прививки, он рассказывал ей о школе и о том, каким благим делом занимается брат Августин.

— А вы давно его знаете? — полюбопытствовал Вади.

— Не так чтобы очень давно, — ответила она. — Однажды он доставил к нам в больницу одного старика с высокой температурой. Он так кашлял, что, казалось, вот-вот задохнется. У него была пневмония и, к сожалению, через несколько недель бедняга умер. С тех пор я стараюсь помочь брату Августину, чем только могу. Иногда он просит сделать укол какой-нибудь женщине, у которой нет денег, чтобы заплатить, или навестить другую больную на дому. Он говорит, что мне будет легче убедить ее обратиться к врачу. Брат Августин — хороший человек, он всегда заботится о других, не делая различия между мусульманами и христианами.

— Я тоже мог бы помочь, если будет нужно, — предложил Вади. — У меня есть машина. Правда, она уже старая, но вполне пригодна для того, чтобы добраться с одного конца города на другой. Так что, если понадобится отвезти куда-нибудь больного, я к вашим услугам.

Вади задавался вопросом, почему монах никогда не просил его помочь больным, и прямо спросил его об этом, когда вернулся в школу.

— Ты уже и так достаточно делаешь, давая уроки детям и ничего за это не получая, — ответил монах. — Я — другое дело, обет обязывает меня помогать страждущим, для этого я и прибыл в Святую Землю, но ты... Ты молод и должен работать, строить свое будущее.

Все же Вади удалось уговорить монаха иногда брать его с собой к больным, если потребуется помощь.

— Ну, если тебе так хочется, ты можешь к восьми часам прийти в больницу и присоединиться к нам, когда закончишь работу в типографии. Нам предстоит перевезти одну женщину в дом ее дочери, которая живет в Вифлееме. Она тяжело больна, но слава Богу, поправляется. Аниса собирается поехать вместе с ней, чтобы объяснить ее родным, как нужно за ней ухаживать и какие лекарства давать.

С этого дня Вади начал сопровождать их во время визитов к больным, когда требовалась его помощь.

— Уж не влюбился ли ты в Анису? — спросил однажды брат Августин.

Вопрос монаха застал Вади врасплох, и он почувствовал, как краснеет. Но он не мог, да и не хотел отрицать очевидного.

— Она хорошая девушка, — убежденно заявил брат Августин.

— Она никогда ничего о себе не рассказывает.

— Да, она очень сдержанная. Живет в Старом городе вместе с родителями. Ее отец —

палестинец, но много лет прожил в Бейруте. Здесь у него небольшая лавка — недалеко от Дамасских ворот. Он торгует одеждой и тканями. А мать Анисы — поистине удивительная женщина, активистка Союза арабских женщин, пламенный борец с колониализмом. Кстати, она и Анисе внушила свои идеи.

Вади стало ясно, что, если он хочет жениться на Анисе, то должен спросить ее напрямую, не станет ли его предложение причиной конфликта между семьями. Он попросил брата Августина о помощи.

— Итак, ты хочешь, чтобы в один прекрасный день я оставил вас наедине и ты мог попросить ее выйти за тебя замуж... — задумчиво протянул тот. — Короче говоря, ты просишь меня выступить в роли Селестины...

— Что еще за Селестина? — Вади никак не мог взять в толк, чем же обеспокоен монах.

— Селестина? Ну, это персонаж одной пьесы, из классики испанского театра. Там эта Селестина была посредницей между влюбленными... Теперь ты просишь меня стать таким же посредником — ну что ж, я им стану. Итак, сегодня ты пойдешь в больницу, а я останусь здесь. Думаю, тебе стоит отправиться вместе с ней в дом одной бедной вдовы, чтобы сделать укол и привезти немного дров.

Аниса, казалось, нисколько не удивилась, увидев, что Вади пришел один.

Не удивилась она и тогда, когда Вади взял ее за руку и попросил выйти за него замуж. Но вот ответила она не сразу.

— Пока еще мы не слишком хорошо знаем друг друга. Я не стану тебя обманывать, ты мне нравишься, но ведь я тебя совсем не знаю...

Он хотел было рассказать ей все о своей жизни, но Аниса ему не позволила.

— Давай сначала получше узнаем друг друга, а потом будем решать, — сказала она. — Но имей в виду, я ничего не могу тебе обещать. Пока еще не могу.

Для Мухаммеда и Сальмы стало настоящим облегчением узнать, что Вади наконец-то влюбился. Они не сомневались, что девушка, о которой он им рассказал, в конце концов согласится выйти за него замуж. Сальма настаивала, чтобы Вади немедленно познакомил их с Анисой, но тот попросил ее набраться терпения.

— Я не хочу на нее давить, — сказал он.

Вернувшись домой, Бен первым делом отправился в дом Зиядов. Марине это не слишком понравилось: сын едва обнял ее, клюнув в щеку, затем поцеловал Мириам и Сару, после чего пошел прямо к соседям. Игорь считал, что будет лучше, если он сходит к ним завтра, но Бен был уже взрослым, к тому же побывал на войне, и отцу теперь было гораздо труднее заставить его слушаться. Бен вместе с Изекиилем отправился в дом Зиядов.

Мухаммед обрадовался: ведь Бен — сын Марины, а значит, почти как родной. Он обнял его и даже улыбнулся, когда подошла Сальма и поцеловала Бена в обе щеки. Никому другому он не позволил бы целоваться со своей женой, но Бен по-прежнему оставался для них тем же ребенком, что лазал через забор, разделяющий их владения, и однажды упал в канаву вместе с Вади и Рами. Мухаммед от души сожалел, что этот славный парнишка не мусульманин, как они. Что тут говорить, он был бы хорошим мужем для Наймы. Мухаммед знал, что его дочь заглядывалась на Бена, но, слава Аллаху, у нее хватило ума выйти замуж за Тарека, и теперь она уже порадовала отца первым внуком. В конце концов, ему было уже под шестьдесят, и он мечтал о внуках. Он надеялся, что Вади скоро женится и у Наймы будут еще дети.

Сальма заметила напряжение в голосе Бена, когда он спросил о Найме, и рассказала ему во всех подробностях, как счастлива Найма с Тареком и какой красавчик маленький Амр.

После его приезда Бен, Вади, Рами и Изекииль вновь стали неразлучны. Они спасались от зимнего холода, купаясь в соленых водах Мертвого моря. Иногда отправлялись в походы в Иудейские горы. Более же всего они любили беседовать за ужином в каком-нибудь ресторанчике Старого города.

— Сара ревнует, — признался Изекииль.

— Аниса тоже говорит, что я стал уделять ей меньше внимания, — заметил Вади.

— А вот мне очень повезло с Шайлой, она только радуется моим встречам с вами, — похвастался Рами.

— Только потому, что мечтает выйти за тебя замуж и не хочет, чтобы ты в ней разочаровался, — пошутил Бен.

Казалось, время не властно над их дружбой. Они выросли вместе, затевали драки и делились секретами, защищали друг друга. Никто не мог бы их разлучить.

Бен признался Вади, что беспокоится за Изекииля.

— Я не уверен, что он действительно любит Сару, причем, вовсе не потому, что считаю, будто Сара недостойна любви.

— Не стоит беспокоиться за Изекииля, он знает, что делает, — ответил Вади. — Кроме того, никому не под силу отговорить его от женитьбы на Саре.

— Она так страдала... Ты знаешь, Вади, я до сих пор удивляюсь, как она вообще выжила в лагере... Если бы ты видел этот кошмар... Когда я впервые побывал в одном из этих лагерей и увидел тамошних заключенных, я решил, что это легион привидений, — голос Бена дрогнул на этих словах.

— Но здесь, в Саду Надежды, Сара понемногу приходит в себя. Когда я увидел ее впервые, то пришел в ужас: она показалась мне сломанной куклой; а теперь она даже смеется, пытается шутить, и видно, что ее радуют самые обычные вещи. Но глаза у нее по-прежнему пустые, и я часто вижу гримасу боли у нее на губах.

— Эти мерзавцы сделали ее проституткой. Мучили ее детей, а потом убили их... Такое ни для кого не проходит бесследно.

— Вопрос в том, чтобы научиться как-то с этим жить, — ответил Вади.

В середине февраля 1947 года Иерусалим потрясла совершенно неожиданная новость. Эрнст Бевин, министр иностранных дел Великобритании, сделал новый шаг, повергший многих в уныние: обратился в Организацию Объединенных Наций с просьбой заняться решением палестинского вопроса.

Мухаммед вместе с Вади отправился в Сад Надежды, чтобы обсудить это с Луи, который как раз в это время оказался в Иерусалиме.

— Это результат провала переговоров. Мы просто идиоты. Нам нужно самим договариваться, как и предлагают британцы, но раз мы отказываемся, Великобритания хочет скинуть со своих плеч эту проблему, — посетовал Мухаммед.

— Не только в этом дело. Думаю, британцы просто устали вести с нами эту изнурительную войну, — объяснил Луи. — Поскольку они утратили власть над Палестиной, все эти дразги их больше не волнуют, ведь они здесь больше не хозяева. Так что теперь это ваша проблема.

— Я так понял, что британцы собираются умыть руки? — спросил Вади.

— Именно так, — подтвердил Луи.

— Но должны же быть и другие причины, — настаивал Мухаммед.

— Думаю, они считают, что перемирие между арабами и евреями в принципе

невозможно, — вмешался Бен. — Предпочитают сбить с рук горячую проблему.

— И теперь они учредят очередную комиссию, в которой будут состоять люди, ничего не знающие о Палестине, зато обожающие всем навязывать свои решения, — посетовал Мухаммед.

— Ты говоришь так, Мухаммед, будто это по нашей вине мы никак не можем договориться, — упрекнул его Луи. — А ведь мы по-прежнему стараемся идти вам навстречу.

— Не похоже, чтобы вы действительно к этому стремились — особенно если вспомнить, чем занимаются ваши люди, — с этими словами Мухаммед многозначительно посмотрел на Бена, давая понять, что полностью в курсе его тайной деятельности.

— А что, по-твоему, мы должны делать? Позволить людям умирать в лагерях беженцев? Не спорю, британские лагеря — совсем не то что нацистские. Там их никто не мучает, их кормят, заботятся о здоровье... но и там они — такие же заключенные. Выжившим просто некуда деваться. Ты думаешь, в Англии их кто-то ждет? Или в Штатах, где им вроде бы сочувствуют, но при этом не слишком охотно предоставляют визы? Мы никому не позволим снова запереть нас в гетто. Поэтому мы вернемся сюда, восстановим свой дом и будем здесь жить, — слова Бена прозвучали столь вдохновенно, что тронули даже Луи.

— Вы не сможете перетащить сюда из Европы всех евреев, — заметил Мухаммед.

— Все, кто захочет сюда приехать, все равно приедут, — в голосе Бена не звучало вызова; лишь констатация факта, что назад дороги нет.

Мухаммед не знал, что Вади и Рами однажды уже помогли Изекиилю и Бену перевезти группу еврейских беженцев, приплывших на одной из тех старых калош, что едва держались на плаву. Это был старый сухогруз, которому давным-давно уже следовало отправиться на покой — последняя надежда для многих людей.

Однажды вечером Бен пришел в дом Вади, чтобы одолжить у него машину. Он даже не стал скрывать, для чего она ему нужна.

— Сегодня на рассвете к берегу причалит судно, на нем около двадцати взрослых и несколько детей. У нас не хватит машин, чтобы перевезти всех. Мне придется одолжить у тебя машину; Изекииль ее поведет, а я поеду на своей.

Вади с готовностью согласился.

— Я поеду с вами. А лучше и Рами с собой возьмем. Кстати, он тоже может взять машину отца.

Разумеется, если бы об этих планах узнали Мухаммед или Юсуф, они устроили сыновьям выволочку. Однако молодые люди готовы были рискнуть ради той нерушимой дружбы, что их связывала.

Первым женился Изекииль. В конце мая состоялась церемония, где он и Сара сочетались браком. Мириам выглядела не слишком довольной этим браком. Не то чтобы ей не нравилась Сара, просто ее огорчало, что этот брак не даст ей внуков.

Сальма рассказала Мухаммеду, как Марина подбадривала Мириам и говорила, что Изекииль и Сара могут усыновить кого-нибудь из тех сирот, чьи родители погибли в лагерях.

— Я не уверена, что Саре понравится идея Марины, — высказала Сальма свое мнение — Я сама не раз замечала, как Сара отворачивается, стоит ей увидеть какого-нибудь ребенка.

Мухаммед и Вади молча слушали Сальму. Они знали, как она переживает за Сару, к которой искренне привязалась.

Несмотря на растущее с каждым днем напряжение между арабами и евреями, свадьба Изекииля не обошлась без Зиядов.

Мириам накрывала свадебный ужин в садике Сада Надежды. Запах жасмина смешивался с ароматом бараньего жаркого, дразня обоняние гостей.

— Что с тобой происходит? — спросил Вади у Изекииля, пока тот накладывал на его тарелку куски баранины.

— Не знаю... — ответил тот. — Я должен быть на седьмом небе от счастья, но почему-то совсем не чувствую себя счастливым.

— Ты боишься. Я тебя понимаю. Тебе предстоит сделать шаг в неизвестное, тем более, что Сара... короче говоря, Сара очень пострадала.

— Вот только смогу ли я сделать ее счастливой?

— Как ты можешь так говорить? Разумеется, да!

— Я и сам не могу понять, почему она вдруг согласилась выйти за меня замуж.

— Ну, я мог бы назвать тебе достаточно причин, но первая из них та, что она любит тебя, и, по-моему, этого более чем достаточно.

— Ты действительно веришь, что она меня любит? — задумчиво спросил Изекииль.

— Если Сара и способна кого-то полюбить, так это тебя, — ответил Вади.

К ним подошел Бен с бокалом вина в руке. Вскоре к ним присоединился и Рами. Мухаммед задумчиво наблюдал за ними издали, но облегченно вздохнул, видя, как они беззаботно смеются, словно вновь стали детьми.

Вади думал об Анисе. Как бы ему хотелось видеть ее здесь! Но он так и не решился пригласить ее на свадьбу друга, поскольку не был уверен, что она согласится прийти.

Аниса не была похожа на тех девушек, которых он знал. Она была очень серьезной, но при этом веселой и дружелюбной, всегда готовой помочь другим. Но прежде всего, очень рассудительной. Она не делала ничего, не подумав перед этим дважды. Вади огорчало, что она до сих пор не решилась принять его предложение руки и сердца. Когда они были вместе, он не сомневался, что скоро она согласится, но стоило им расстаться, как его тут же одолевали сомнения, что она когда-нибудь скажет ему «да».

Рами вывел его из раздумий, хлопнув по плечу.

— Скоро мы отпразднуем нашу свадьбу с Шайлой, а там и твою с Анисой.

— Она пока еще не сказала, что согласна выйти за меня замуж, — напомнил Вади.

— А ты ее больше об этом не спрашивал?

— Нет. Она сказала, что, когда примет решение, скажет мне сама.

— А ты все это время будешь сидеть и ждать?

— Ты не знаешь Анису. Она не любит, когда на нее пытаются давить.

— Так никто и не просит тебя давить. Просто ты должен ей напомнить, что не можешь ждать вечно, пока она что-то решит.

— О да, я готов ждать вечно, — горячо ответил Вади. — Я хочу жениться на ней, и буду ждать сколько нужно, пока она не примет решение.

— Мой отец в последнее время выглядит обеспокоенным, — понизив голос, произнес Рами, чтобы сменить тему.

— Мой тоже, — ответил Вади. — Он считает, что мы, арабы, совершаем ошибку, отказываясь принимать делегатов Организации Объединенных Наций. А еврейские лидеры согласились с ними встретиться и теперь смогут склонить чашу весов на свою сторону.

— Я знаю, — в голосе Рами прозвучало настоящее беспокойство. — Люди из

Еврейского агентства зря времени не теряют; кроме того, решение британцев не пускать в гавани корабли с бывшими заключенными вызвало у делегатов волну сочувствия к несчастным евреям.

— Знаешь, братишка? — признался Вади. — Я порой просто теряюсь, не знаю, что делать. Мне очень жаль людей, переживших нацистский кошмар, и я понимаю, что им действительно нужно где-то жить. Но я также понимаю и то, что Еврейское агентство больше не желает довольствоваться местом в общем доме — единой арабской стране. Они теперь желают иметь собственное государство. Разумеется, они не заявляют об этом во всеуслышание, но все знают, что они мечтают именно об этом.

Слова Вади были лишь предположением, однако никто не сомневался, что он прав.

— Вот и я так же думаю, — ответил Рами. — Я уже говорил об этом моему отцу, а он сказал Омару Салему.

— Омар Салем, безусловно, достойный человек, но он упрям, как и многие наши лидеры. Он не желает понимать, что сейчас борьбу нужно вести другими методами. Мы должны объяснить людям из ООН, чего же мы, арабы, хотим.

— Наша семья обязана Омару Салему. Отец не устает мне об этом напоминать, ведь он многие годы был его правой рукой. А мне Омар Салем поручил заботу о своих плантациях. Но ты прав, он действительно упрям и видит мир таким, каким хочет видеть.

Кузены не переставали обсуждать политику, пока последние гости не покинули Сад Надежды.

В последующие месяцы Мухаммед полагал, что, несмотря на категорический отказ арабов отправить в ООН свою делегацию, их огорчали постоянные нападения на британцев, которые устраивали люди из Иргуна и Лехи. Это была тайная война — пусть не объявленная, но от того не менее кровавая и изнурительная.

Мухаммед заблуждался. Если что и огорчало делегатов, то это необходимость положить конец Британскому мандату в Палестине, хотя именно это они единогласно рекомендовали. Кроме того, делегаты из Уругвая, Чехословакии, Нидерландов, Канады, Перу, Гватемалы и Швеции предложили разделить Палестину, чтобы разрешить проблемы между арабами и евреями. Лишь делегаты из Ирана, Югославии и Индии предложили другое решение: федеративное государство.

Омар Салем устроил совещание у себя в доме. Он был до глубины души возмущен предложением делегатов ООН.

— Мы не можем этого допустить, — объявил он гостям, среди которых были Юсуф, Рами, Мухаммед, Вади и другие уважаемые люди Иерусалима.

— И как мы сможем это остановить? — спросил Рами.

— Твердо стоять на своем. Мы никогда не согласимся, чтобы Палестину разделили надвое и часть отдали евреям. Мы будем стоять насмерть, — в словах Омара Салема прозвучала яростная непримиримость.

— Разумеется, мы будем продолжать бороться и гибнуть в этой борьбе, но чего мы сможем этим добиться?

Вопрос Вади еще больше рассердил Омара Салема и его гостей.

— Как ты смеешь сомневаться в нашей победе! — воскликнул Омар, задыхаясь от гнева.

— Смею, потому что знаю — эта война заведомо проиграна, — ответил Вади. —

Только полный дурак станет в нее ввязываться.

Мухаммед с гордостью посмотрел на сына. Вади был независимым молодым человеком, не привыкшим склоняться ни перед кем. Он всегда уважал чужое мнение, но при этом никогда не путал уважение с подобострастием.

Омар Салем нервно закашлялся, ошеломленный дерзостью Вади. Юсуф обеспокоенно взглянул на племянника. Вади постоянно обнаруживал ту же строптивость, какой обладала его собственная супруга, да и вообще он всегда считал, что Зияды слишком уж горды. Во всяком случае, его Айша была именно такой, и Рами унаследовал от нее эту черту: любой ценой стоять на своем.

— Мой племянник всегда грешил излишним благоразумием, — вмешался Юсуф, чтобы хоть как-то сгладить неловкость.

— Это вовсе не излишнее благоразумие, это обычный здравый смысл, — заступился за кузена Рами, который не был столь ослеплен яростью, как его отец.

Остальные гости тут же вступили в спор, единогласно поддержав хозяина дома. Все дружно заявили, что сделают все возможное, лишь бы не допустить раздела Палестины. Никогда и ни за что они не согласятся на подобное святотатство.

— Какой уважающий себя палестинец станет терпеть, если чужак вломится к нему в дом и начнет заводить там свои порядки? — спросил один из гостей.

— Только трус мог бы с этим смириться, — ответил другой.

Но ни Рами, ни Вади не были трусами, просто не хотели обманываться. Ведь в действительности британцы хотели покинуть Палестину, они были по горло сыты унижениями, которые терпели от еврейских группировок Иргун и Лехи. Несмотря на то, что виновных задержали и повесили, евреи все равно не вдавались. Британцы также не знали, как разрешить тлеющую между арабами и евреями вражду.

Мухаммед первым увидел, как к ним приближается машина Анастасии. После смерти Иеремии она поручила управление карьером Игорю и Мухаммеду. Сама она никогда не вмешивалась в работу и не навевалась в карьер, даже пока муж был жив, так что сегодняшний неожиданный визит всех не на шутку встревожил.

Мухаммед поднялся ей навстречу, но прежде попросил одного из рабочих известить Игоря о ее приезде.

— Рада видеть тебя, Мухаммед, — сказала она.

Он ощущал явную неловкость в ее присутствии. Уже давно Анастасию ничто не связывало с обитателями Сада Надежды, так что и Мухаммед, и его семья очень редко ее видели; даже на свадьбеIZEКИИЛЯ она не была. Но Анастасия оставалась хозяйкой карьера и имела полное право здесь находиться.

Мужчины переглянулись с тревогой и недоверием. Игорь поднялся, чтобы поприветствовать хозяйку.

— Какой сюрприз... — только и смог он вымолвить, сам не свой от смущения. — А я и не знал, что ты собираешься приехать.

Мухаммед и Игорь встречались с Анастасией примерно раз в месяц, чтобы дать ей подробный отчет, как продвигаются дела в карьере. Так что ни у кого из них не возникло сомнений: раз Анастасия появилась в неурочное время — значит, произошло что-то по-настоящему серьезное.

— Я хочу поговорить с вами обоими, наедине, — сказала она и без лишних слов проследовала в небольшой закуток, где устроили кабинет Игоря.

Там она по-хозяйски уселась за стол Игоря и, окинув испытующим взглядом обоих, заговорила о деле. Мухаммеду на миг показалось, что эта женщина — строгая учительница, а сами они — провинившиеся школьники, которых она сурово отчитывает за проказы.

— Я собираюсь продать карьер, — сказала она. — Я уезжаю из Палестины.

Ни Игорь, ни Мухаммед не знали, что и сказать. Они застыли, молча глядя на нее.

— Я уже нашла покупателя, это один из друзей Омара Салема. Он дает очень хорошую цену, но прежде чем заключить сделку, я решила предупредить вас. Так вот, если любой из вас или вы оба, решите выкупить карьер — он ваш. О цене договоримся, она будет вполне приемлемой.

Игорю уже перевалило за шестьдесят: он был несколько старше Мухаммеда. Он ощущал себя по-прежнему сильным и способным работать, вот только не был уверен, имеет ли смысл покупать карьер. Для кого? Его сын Бен уже нашел свой путь, он телом и душой принадлежит «Хагане», и все его помыслы посвящены лишь тому, как организовать подпольную доставку евреев в Палестину. Нет, Бен не станет заниматься карьером. Именно это Игорь и сказал Анастасии.

— Ну а ты, Мухаммед? — спросила она.

— Я должен поговорить с родными... Как тебе известно, мой сын Вади — учитель и сверх того работает в типографии. Что же касается моего племянника Рами, то он вполне доволен, работая на Омара Салема. Так что мне бы хотелось поговорить с сыном и зятем. Ты дашь мне немного времени?

— Два дня. Через два дня я хочу получить ответ, — голос Анастасии был холоден, как лед.

— Ты говоришь, что уезжаешь из Палестины, — решился вставить слово Игорь. — Даже не представляю, куда ты собираешься ехать.

— А тебе и не нужно этого представлять. Я уезжаю в Европу, в Лондон. Моим детям нет дела до этого карьера, как, впрочем, и до меня. Как тебе известно, они живут в кибуце. И теперь все они поглощены устройством нового государства. Но меня это не касается; в конце концов, каждый сам выбирает судьбу, и моей судьбы здесь больше нет. Я устала бороться неизвестно за что. Я чувствую, как жизнь проходит мимо, — призналась она без каких-либо эмоций.

Больше Анастасия не сказала ни слова. Легким кивком она дала понять, что вопрос закрыт.

Они проводили ее до машины. Она не пожелала даже взглянуть на свой, теперь уже почти бывший карьер.

Игорь и Мухаммед не знали, что делать. Они всегда ощущали некоторую неловкость в обществе друг друга. Все эти годы они работали бок о бок, сохраняя при этом определенную дистанцию, и ни один не стремился ее сокращать. Друзьями они так и не стали, и даже на семейных торжествах старались как можно меньше общаться друг с другом. Любовь Мухаммеда к Марине создала между ними непреодолимую пропасть. Игорь молча страдал, зная, что Марина по-прежнему любит Мухаммеда, а Мухаммед сходил с ума от ревности, зная, что Марина каждую ночь делит постель с Игорем.

Слушая рассказ мужа, Сальма сильно встревожилась. Похоже, ее по-настоящему выбило из колеи решение Анастасии продать карьер.

— Я всегда знала, что рано или поздно это случится, — произнесла она наконец.

— Да? — сердито переспросил Мухаммед? — И откуда же ты это знала?

— Она странная женщина. Я всегда чувствовала, что ей нет дела до окружающих. Даже ее собственные дети... Когда они были маленькими, она, конечно, о них заботилась, но тепла в этой заботе не было. Так же она относилась и к Иеремии. Да, я знаю, он очень ее любил и всегда был хорошим мужем, но я сильно сомневаюсь, что Анастасия его любила. Думаю, он ее вполне устраивал, ей было с ним неплохо, но на самом деле ей бы хотелось видеть на его месте совсем другого. Хотя Иеремия был трудолюбивым и честным. Но она его не любила, хотя нельзя не признать, всегда вела себя пристойно.

Мухаммеда по-настоящему удивила такая резкость суждений Сальмы. Хотя и сам он, глядя на отрешенное лицо Анастасии, никогда не мог понять, о чем она думает.

Вади тоже огорчился, увидев, как расстроен отец. Он мог бы сказать ему, что готов взять карьер на себя, что они будут работать плечом к плечу, зная, что теперь карьер принадлежит им. Но он не хотел обманывать ни себя, ни отца: ведь он прекрасно знал, что не хочет провести остаток жизни, таская камни из недр земли.

— Это очень прибыльный бизнес, — настаивал Мухаммед.

— Папа, я буду помогать тебе, чем только смогу, но не проси меня оставить школу. Мне нравится учить детей и нравится работать в типографии.

— Полагаю, Юсуфа это могло бы заинтересовать, — предположила Сальма.

— Хорошо, я с ним поговорю.

Однако Мухаммеду не удалось убедить Юсуфа, что покупка карьера — выгодное капиталовложение.

— Я уже не в том возрасте, чтобы пускаться в подобные авантюры, — заявил он. — Могу одолжить тебе денег, если ты хочешь его купить, но сам заниматься этим карьером я не стану.

— Так тебе и не придется ничем заниматься, — объяснил Мухаммед. — Просто будь моим компаньоном.

— Нет, меня это не интересует, — решительно заявил Юсуф. — Я знаю, Айша будет недовольна, когда узнает, что я тебе отказал, но я считаю, что так будет лучше. Я доверенно лицо Омара Салема и не вижу причин на старости лет ввязываться в бизнес, в котором совершенно не разбираюсь. Но если ты все же решишь не покупать этот карьер, я поговорю с одним человеком, который хочет его купить. Это один из друзей Омара Салема, я хорошо его знаю и не сомневаюсь, что он по достоинству оценит твою работу.

Когда два дня спустя Анастасия приехала снова, Мухаммед и Игорь сообщили, что ни один из них не собирается покупать карьер.

Анастасия ничуть не удивилась.

— Я это предвидела, но считала, что должна дать вам шанс, — сказала она. — Все эти годы вы хорошо и честно трудились. Если кто и заслужил право обладать этим карьером — так это вы. Но если ваших детей он не интересует, то и для вас нет никакого смысла его покупать. Что бы вы стали с ним делать?

Анастасия вручила каждому конверт с деньгами, пожала руки и уехала.

Мухаммеду повезло. Набиль, друг Омара Салема, изучив документацию и поговорив с рабочими из карьера, пришел к выводу, что не найдет никого лучше Мухаммеда на должность управляющего. Что же касается Игоря, то тот Набилю оказался без надобности. На должность мастера он решил поставить собственного сына, чтобы тот наблюдал за

работой каменотесов, добывающих золотой мрамор — священный камень Иерусалима. Игорь простился с товарищами, поблагодарив их за долгие годы работы, проведенные вместе. Кое-кто с ним сердечно простился, другие отнеслись к его уходу с полным равнодушием. Мухаммеду тяжело было смотреть, как уходит Игорь. Он понимал, каково это — потерять работу, которой отдал несколько десятилетий жизни. Все самое лучшее в его жизни было связано с карьерой. После смерти Иеремии Игорь взял на себя управление, и прибыль выросла вдвое. Игорь и Мухаммед на прощание молча пожали друг другу руки.

— И что он теперь собирается делать? — спросила вечером Сальма у мужа.

— Не знаю, я так и не решился у него об этом спросить.

— Я поговорю с Беном, — предложил Вади.

— Да, поговори. Думаю, он тоже переживает за отца.

29 ноября 1947 года все палестинцы, арабы и евреи, собрались у радиоприемников. В этот день в ООН должны были объявить результаты голосования по вопросу раздела Палестины.

Вади позвал Рами и Изекииля, чтобы вместе послушать решение ООН. Рами осторожно сказал, что, наверное, это не слишком удачная идея: собраться вместе именно в этот день; но Вади решительно настоял, заявив, что «если до сих пор ничто не сумело разрушить нашу дружбу, то и сейчас ей ничего не грозит».

Они собрались в маленьком кафе в Старом городе, владельцем которого был палестинец-христианин, друг брата Августина. Сам брат Августин тоже пришел, он сидел за столиком в компании двоих мужчин, которых Вади не знал.

Около полуночи диктор объявил, что сейчас огласят результаты голосования. Сто восемьдесят один делегат, в том числе представители США и Советского Союза, отдали голоса в пользу раздела Палестины, тринадцать проголосовали против, десять воздержались, среди них — делегат от Великобритании. Таким образом, было решено разделить Палестину на две части, а Иерусалим взять под международный контроль.

В кафе повисла гнетущая тишина. Все были ошеломлены. Палестинцы-арабы никак не могли оправиться от удара, услышав, что ООН приняла окончательное и бесповоротное решение о разделе их страны. Евреи же, напротив, никак не могли поверить, что их заветная мечта о возвращении земли предков наконец-то осуществилась.

Изекииль и Бен пребывали на седьмом небе от счастья, едва сдерживая желание обнять друг друга, по-детски кричали от радости. Вади и Рами, напротив, не могли произнести не слова от потрясения. Они, конечно, с самого начала понимали, что именно так все и будет, однако, когда реальность обрушилась на них во всей своей неприглядности, были поистине обескуражены.

— Сегодня начинается будущее, — объявил Бен, глядя на друзей.

— Ваше будущее и наш позор, — только и смог вымолвить Рами.

— Мы оказались бессильны защитить наше дело, — прошептал Вади.

— Но все же это справедливо, — защищался Изекииль.

— Справедливо? — возмутился Вади. — О какой справедливости ты говоришь? Какие-то делегаты, ничего не знающие о Палестине, заявили сюда, провели здесь несколько недель и приняли соломоново решение: разделить Палестину на две части. И где ты здесь видишь справедливость?

— И вы, и мы имеем равные права на эту землю, — не сдавался Изекииль. — Мы должны научиться делить ее друг с другом. До сих пор нам это как-то удавалось. Может

быть, теперь предоставляется новая возможность.

— Вот уж действительно, прекрасная возможность для вас: построить свое государство на нашем берегу, — вмешался Рами.

— Палестина никогда не была государством, — заявил Бен, с трудом сдерживая гнев. — Она была частью Османской империи, а до того никаким государством тоже не была. Так о чем тут говорить, Рами?

— Да, мы уже не в первый раз об этом спорим, — ответил Рами. — Вы утверждаете, что Палестина не принадлежит никому. Две тысячи лет назад она принадлежала евреям, потом сюда пришли римляне, потом их сменили другие захватчики, и так далее, вплоть до турок, а потом Палестина перешла в руки британцев. Но так или иначе, мы всегда жили здесь, и неважно, кто ею правил.

— Мы тоже всегда здесь жили, — напомнил Изекииль.

— Ты знаешь, сколько сейчас в Палестине арабов? — повысил голос Рами. — Так вот я тебе скажу: более миллиона двухсот тысяч душ. А сколько евреев? Всего шестьсот тысяч — это еще если учитывать всех иммигрантов. А пятьдесят лет назад и половины бы не набралось.

— ООН ведет нас к войне, — сказал Вади.

— Но это же просто безумие! — воскликнул Изекииль. — Почему мы не можем мирно разделить нашу землю? Как вы не понимаете, если мы не сумеем этого сделать, если не научимся жить в мире, то просто погибнем? Война — это не выход.

Изекииль, казалось, чувствовал себя виноватым за те слова, которые был вынужден сказать своим друзьям.

— Я просто не представляю, как можно ее избежать. Не сомневаюсь, что ваши лидеры уже вовсю готовятся к войне, чтобы когтями и зубами драться за тот кусок земли, который выделила нам ООН.

— Никакая война не потребуется, если вы поддержите резолюцию, — заметил Бен.

— Ты же знаешь, что мы никак не можем на это согласиться, — Рами, казалось, уже устал от этого спора.

В эту минуту к ним подошел брат Августин, готовясь пресечь назревающий конфликт. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять — между четверьмя друзьями вот-вот вспыхнет ссора.

— Мне очень жаль, Вади, — сказал он, похлопав его по плечу.

— Я знаю, — ответил Вади.

— Я постоянно твержу своим друзьям-арабам, что большой ошибкой с их стороны было пренебрегать дипломатией. Еврейское агентство вело именно дипломатическую войну — и победило. Я не устаю повторять вашим лидерам, что они совершают ошибку, относясь с таким пренебрежением к делегатам ООН, пожелавшим с ними встретиться. Ваши лидеры по-прежнему не желают понимать, что мало быть правыми, нужно еще уметь доказать свою правоту.

Брат Августин выглядел по-настоящему расстроенным.

— Мы не допустим раздела, — заявил Рами.

— Это бесполезно, пути назад нет, — ответил брат Августин. — Евреи получают хороший кусок земли и собственное государство. А для вас будет лучше смириться с

неизбежным.

— Все еще может измениться, — сердито произнес Рами.

— Ничего измениться уже не может, — убежденно заявил брат Августин. — Не в вашей власти отменить резолюцию ООН. Что сделано, то сделано. Так что лучше вам смириться иначе будет только хуже.

— Хуже? — повысил голос Вади. — Хуже для кого? Ты же не хочешь сказать, будто у нас нет иного выбора и мы должны смириться с тем, что нас выгонят с нашей земли? Что будет с арабами, живущими в городах и селениях, которые оказались на территории еврейского государства? Или ты хочешь сказать, что мы должны сами покинуть свои дома и свою землю, где похоронены наши предки? Или ты считаешь, что мы должны отдать свой плащ тому, кто украл у нас рубашку, и подставить левую щеку, когда бьют по правой?

— Можешь мне поверить, я на вашей стороне, — ответил брат Августин. — Однако это не мешает мне смотреть на вещи реально. В ваших силах не допустить войны, которая никому ничего не даст, кроме новых страданий. Развязать войну было бы роковой ошибкой.

В словах брата Августина не прозвучало ни тени надежды.

— В таком случае, позволь нам совершить эту ошибку, — бросил Рами, поднялся и направился к двери.

Вади схватил его за плечо, пытаясь задержать.

— Мы с тобой знали, что так и будет, — напомнил он. — Но мы все равно решили провести этот вечер вместе с Изекиилем и Беном. Поверь, мне сейчас так же тошно, как и тебе, но мы не должны терять голову. Монах прав, наши лидеры отказались отправить в ООН своих делегатов, а евреи сумели их убедить, что правда на их стороне.

Рами снова сел. Бен и Изекииль не двинулись с места, а монах вернулся к своим спутникам. В этот вечер все жители Иерусалима, да что там — всей Палестины — плакали в голос: одни от радости, другие — от горя.

— Американцы нас предали, — объявил Мухаммед, радуясь, что хоть кого-то может обвинить в своем разочаровании. Как и многие другие палестинские арабы, он надеялся, что президент Труман пойдет по стопам прежнего президента, Вильсона, который всегда защищал интересы арабов.

— Мы одиноки, отец, как всегда, — ответил Вади, который едва смог дождаться встречи с отцом, чтобы обсудить с ним голосование ООН. — Американцы, как и британцы, отстаивают свои интересы. Так что не стоит оглядываться на других, ожидая, что кто-то захочет нас защитить. Мы должны защищаться сами.

— Юсуф сейчас в доме Омара Салема. Они нас ждут.

— Уже поздно, отец, — Вади чувствовал себя очень уставшим, а завтра ему предстояло рано вставать, чтобы с самого утра быть в школе.

— Ты сам-то веришь, что кто-нибудь сможет уснуть в эту ночь? — усмехнулся Мухаммед.

— И что мы там будем делать? — спросил Вади. — Болтать и спорить, спорить и болтать... Я уже устал от этих бесконечных споров, которые все равно ни к чему не ведут.

— Если мы не придем, они обидятся.

— Лучше бы ты пошел туда один, не дожидаясь меня. У меня совершенно нет настроения туда идти... Если хочешь, я, конечно, пойду, но не проси меня оставаться там слишком долго. Уже поздно, и что бы там ни решила ООН, завтра утром мне надо быть в

школе.

Мухаммед не стал настаивать и отправился к Омару Салему один; но, вернувшись домой, он нашел Вади по-прежнему сидящим на кухне с чашкой кофе в руке.

— Ты прав, отец, этой ночью никто не спит.

После этой ночи на 29 ноября 1947 года не могло быть и речи о том, чтобы между двумя общинами возродился мир.

Вади уже был в школе, когда пришел брат Августин. Монах выглядел убитым.

— Будет война, — приговорил он, не сводя взгляда с Вади, который в это время писал на доске короткие фразы, чтобы дети их переписали.

— Я знаю, — хмуро ответил Вади.

— Во всем виновато министерство иностранных дел, — вздохнул монах. — Хотя многие британские солдаты на стороне арабов, приказ есть приказ.

Вади молча кивнул, продолжая писать на доске. Дети зашумели, взрослые заразили их беспокойством, царящем в Иерусалиме и во всей Палестине.

— В полдень придет Аниса, — сообщил он. — Вдова, живущая на дороге в Вифлеем, почувствовала себя хуже. Врач говорит, что ей осталось недолго жить, и прописал ей обезболивающие уколы. Делать их будет Аниса. Ты можешь подбросить ее на машине до дома этой вдовы, перед тем как отправишься в типографию мистера Мура?

Аниса появилась позднее, чем ее ждали, что вовсе не улучшило настроения Вади.

— Брат Августин попросил, чтобы я отвез тебя в дом той вдовы из-под Вифлеема, — сказал он сухо.

— Прости, что опоздала, сегодня в больнице было слишком много народу, — извинилась она. — Я говорила с лечащим врачом этой вдовы, и он сказал, что жить ей осталось от силы несколько дней. Бедная женщина!

Когда они добрались до дома вдовы, их встретила соседка.

— У нее страшные боли, — сказала женщина. — И отказывается от еды.

Вади едва смог дождаться, когда Аниса сделает больной укол. Когда они наконец покинули ее дом, Аниса вдруг положила руку ему на плечо, побуждая сбавить шаг, чтобы поговорить.

— Я так же возмущена решением ООН, как и ты, — сказала она. — У нас собираются отнять полстраны, и я сделаю все возможное, чтобы не допустить этого.

— Мы будем сражаться и неизбежно проиграем войну, потому что ООН не намерена отступить. Евреи уже одержали свою главную победу.

— Ты совсем не веришь в наши силы? — спросила она. — Не веришь, что мы сможем победить?

— Аниса, я тебе уже говорил, мы делаем все, что можем, но ООН не пересилишь.

— Почему ты настроен так пессимистично? — спросила она. — Или ты думаешь, что евреи умнее и лучше нас? Конечно, мы сможем их победить.

— Они не лучше нас, но готовы драться за каждую пядь земли — даже ценой собственной жизни. Им нужен собственный дом — пусть небольшой, но свой, место, откуда их никто и никогда не прогонит. Именно такое место они обрели здесь.

— Как ты можешь так говорить? — Аниса была прямо-таки шокирована словами Вади. — Или ты на их стороне?

— Я слишком хорошо знаю евреев. Я вырос бок о бок с еврейскими детьми, они до сих пор — лучшие мои друзья, так что хорошо знаю этих людей, и знаю, что одержать победу в

этой войне будет крайне сложно. Уверяю тебя, я готов бороться до конца, готов отдать жизнь за наше дело, но почему некоторые думают, что сказать правду — значит предать свою родину?

— Я вовсе не хотела сказать ничего такого... — принялась оправдываться Аниса, поняв, что невольно его обидела.

— Ты сказала это же, просто другими словами. И ты далеко не единственная, кто меня в этом винит. Никто не хочет слышать правду, а когда говоришь ее в лицо, тебя называют сумасшедшим или предателем. Но я ни тот, ни другой.

— Я хотела тебе сказать... — чуть запинаясь, произнесла Аниса. — Это я сказал брату Августина, чтобы он попросил тебя поехать сегодня со мной... Я собиралась тебе сказать...

В эту минуту Вади понял, что она наконец согласилась принять его предложение, однако его слова вновь заставили ее задуматься.

— Я ни за что на свете не стану тебя обманывать, Аниса, — твердо сказал он. — Не хочу, чтобы ты считала меня таким, каким я на самом деле никогда не был, и меня не волнует, что обо мне скажут другие. Я всегда говорю, что думаю, всегда буду отстаивать свою правоту, невзирая на последствия, даже если останусь один против всего мира. Но я никогда не стану обманывать себя и вводить в заблуждение других.

Мгновение они молча смотрели друг на друга; потом Аниса вдруг улыбнулась. Вади показалось, будто камень свалился у него с души.

— Я хотела сказать тебе, что согласна выйти за тебя замуж, если ты по-прежнему этого хочешь...

Как можно быть счастливым в эти тревожные дни, когда вся страна готовилась к войне? Именно об этом спрашивал себя Вади каждое утро, прежде чем открыть глаза. И, тем не менее, он был счастлив. Он был счастлив, потому что Аниса наконец согласилась выйти за него замуж. Он был счастлив, потому что работал в школе, куда вложил все свои мечты и амбиции. Он был счастлив, потому что супруги Мур любили его, как родного сына. Он был счастлив, потому что его родители пребывали в добром здравии. Он был счастлив, зная, что Рами счастлив с Шайлой. И, наконец, он был счастлив, потому что его сестра Нур снова ждала ребенка.

Однако, несмотря на все это счастье, он не мог сомкнуть глаз по ночам. Столкновения между арабами и евреями теперь происходили почти непрерывно. Стычки начались на другой же день после голосования, и с каждым днем напряжение все росло. Муфтий Иерусалима из своего каирского изгнания призывал ко всеобщей забастовке. Перестрелки случались почти каждый день. Счет жертв с обеих сторон пошел на десятки.

Мухаммед и Сальма договорились с родителями Анисы и назначили свадебную церемонию на начало года.

Сальму очень беспокоило, что скажут родители Анисы, а также ее родственники и друзья, когда увидят на свадьбе среди гостей евреев. Несмотря на растущее напряжение между двумя общинами, ни Мухаммед, ни Вади даже не раздумывали, стоит ли приглашать на свадьбу обитателей Сада Надежды.

Изекииль был искренне рад за Вади, когда тот наконец-то объявил, что женится, и познакомил всех с Анисой. Между ней и Сарой с первого взгляда словно искра пробежала, такой симпатией они прониклись друг к другу. Вади рассказал Анисе, как страдала Сара в Освенциме, каким ужасным пыткам подвергали нацисты ее детей, пока не замучили их до смерти. Анисаничем не могла ей помочь, но была искренне тронута ее страданиями и с

первого взгляда прониклась глубокой нежностью к молодой сефардке.

Мириам и Марина отнеслись к Анисе с такой сердечностью, что та была поражена. Один лишь Игорь казался ко всему безразличным. С тех пор как он лишился работы в карьере, он стал еще молчаливее. Теперь большую часть времени он проводил в поле, но обрезка оливковых деревьев не делала его счастливее.

Марина испекла пирог с инжиром, чтобы порадовать Анису, а Мириам приготовила кофе и чай. Однако ни Мухаммед, ни Сальма не пошли в Сад Надежды с Вади и Анисой. Мухаммеду было неловко встречаться с Игорем; эта неловкость перешла и на остальных обитателей Сада Надежды. Проведенное в ООН голосование проложило между ними непреодолимую пропасть; в глубине души он это понимал, хоть и не желал себе в этом признаваться.

— Кажется, Сара с Анисой нашли общий язык, — шепнул Вади Изекиилю.

— Я и сам удивляюсь, — признался Изекииль. — Никогда прежде я не видел Сару такой счастливой. Она тараторит без остановки, а ведь это совсем на нее не похоже.

— Ей пойдет только на пользу, если у нее появится подруга ее возраста, — сказал Вади.

Аниса даже не предполагала, что проникнется таким сочувствием к этой еврейской девушке, но в скором времени они с Сарой стали неразлучны. Сара, казалось, доверяла Анисе больше, чем кому-либо другому, и теперь нередко можно было их гуляющими вдвоем, поверяющими друг другу секреты.

Однажды Вади спросил у Анисы, счастлива ли Сара. Она глубоко задумалась, прежде чем ответить.

— Она никогда не будет счастлива, да она на это и не рассчитывает, — ответила Аниса. — Все, чего она хочет — это жить в мире и покое и приносить пользу людям. Именно для этого она и приехала в Палестину, чтобы помогать прибывающим беженцам. Ты посмотри, она изо всех сил учит иврит, хотя еще и не освоила его в совершенстве; она озабочена тем, чтобы у приезжающих не возникло проблем из-за языкового барьера.

— Как думаешь, она любит Изекииля? — задал Вади тот самый вопрос, что тревожил его больше всего.

— Если она и способна кого-то полюбить, то именно Изекииля. Она благодарна ему за спасение и не требует ничего большего.

— Но она его не любит, — заключил Вади.

— Она любила Никоса, отца своих детей. Но теперь жизнь свела ее с Изекиилем, и постарается сделать его счастливым. Быть может, в конце концов она и полюбит его, как любила Никоса. Я знаю, что Изекииль — твой друг, и ты за него переживаешь, но позволь спросить: сам-то Изекииль точно уверен, что любит Сару?

— Разумеется, да! Он вытащил ее из больницы, привез в Палестину, женился на ней. Как ты можешь сомневаться?

— Ну, я считаю, что на самом деле он ее не любит. Причины, по которым соединились эти двое, не имеют ничего общего с любовью. Думаю, что Сара для Изекииля стала последним звеном, связывающим его с отцом и сестрой Далидой, погибшими в Освенциме. Возможно, ему казалось, что, спасая Сару, он в какой-то мере спасает их.

— Ты говоришь ужасные вещи, — Вади был потрясен словами Анисы.

— Оба они слишком много пережили и теперь могут быть вполне счастливы. Они понимают и поддерживают друг друга, и этого уже достаточно.

Омар Салем, как всегда, собрал друзей у себя в доме. Вади всегда чувствовал себя

неуютно на этих собраниях, но Мухаммед настаивал, чтобы он их посещал.

— Мы не можем его обидеть, — говорил Мухаммед. — В конце концов, подумай о дяде Юсуфе и кузене Рами, оба они работают у Омара и от него зависят.

Собственно говоря, только ради Юсуфа и Рами Вади уступил настояниям отца. Сам он не питал симпатии к Омару Салему. Не то чтобы Вади считал его дурным человеком; напротив, он признавал; что Омар — достойный человек и настоящий патриот. Но при этом Вади думал, что Омару попросту наплевать на чье-либо мнение, кроме своего собственного. Омар Салем устраивал эти собрания и приглашал друзей лишь для того, чтобы они подтвердили его решения.

Едва увидев кузена, Рами бросился к нему обниматься. Вади заметил, что тот чем-то обеспокоен.

— Это настоящая катастрофа, — начал с ходу Рами. — Оба народа уже начали разделяться. Арабы покидают города и селения, где жили по соседству с еврейскими семьями. Думаю, им стоило бы остаться и дать отпор.

— Сейчас у нас война, — напомнил Омар Салем.

— Стрелки из Иргуна готовы отнять жизнь у любого, кто имеет отношение к семье Нуссейбех, — сказал один из гостей.

— Ты имеешь в виду то нападение на автобусной остановке вблизи Дамаскских ворот? — уточнил Мухаммед.

— Да. Только в Иерусалиме убиты несколько сотен арабов, — распинался все тот же гость. — Или мы должны вот так спустить сионистам обстрел Храмовой горы?

— Евреям не откажешь в организаторских способностях, — заметил Юсуф. — Они мобилизовали все свои силы.

— Нам помогут наши братья из арабских государств, — слова Омара Салема были встречены громом аплодисментов. — Помогут нам восстановить справедливость.

— Мы неустанно сражаемся с того самого дня, как ООН провозгласила раздел Палестины, — продолжал Юсуф. — Евреи знают, что такое наши солдаты.

— Настоящее благословение — иметь такого муфтия, как Амин аль-Хусейни, — заметил один из гостей, высокий и стройный мужчина приятной наружности.

— А я уже начал беспокоиться, почему это наш дорогой Касим до сих пор ни разу не вознес хвалу муфтию, которого Аллах столь неустанно хранит в его египетском изгнании, — ехидная реплика Вади вызвала волну возмущения среди гостей.

Касим с вызовом посмотрел на Вади.

— Ну конечно, семья Зиядов всегда проявляла нелояльность к муфтию... В чем ты собираешься на этот раз его обвинить, Вади Зияд?

— Этот муфтий умудряется сеять раздор между нами, даже когда его здесь нет, — хмыкнул Вади. — Что до меня, то я не разделяю стратегию муфтия. Кроме того... его поведение в прошлом не вызывает у меня ни малейшего уважения.

— Разумеется, мы уже поняли, что ты предпочитаешь дружить с евреями, — ответил Касим.

Оскорбленный Мухаммед чуть не вскочил, но Вади удержал его за руку.

— Прошу тебя, отец, позволь мне ответить. Я выбираю себе друзей, не думая о том, евреи они или арабы. Я выбираю в друзья тех, про кого могу сказать, что они — достойные люди и настоящие мужчины. Да, у меня есть друзья-евреи, которых я ценю и уважаю так же,

как лучших из вас. И я не только не стыжусь этой дружбы, а почитаю ее за честь. До недавнего времени и у вас было немало друзей-евреев, вы охотно ходили к ним в гости и принимали их у себя. Вы заключали с ними торговые сделки, обращались к еврейским врачам, а евреи, в свою очередь, обращались к нашим. Я так же, как и вы все, считаю предательством решение ООН о разделе Палестины. Но я буду повторять вновь и вновь, пока вы наконец меня не услышите: убивая друг друга, мы ничего не добьемся. И, тем не менее, я буду сражаться, чтобы не допустить, чтобы нас изгнали с этой земли, которая, несмотря на все разделы, была и остается нашей.

Омар Салем, как всегда, молча досадовал, что пригласил Вади. Он не мог не приглашать Зиядов на свои собрания: это было бы для них настоящим оскорблением, но при этом он считал, что сын Мухаммеда — человек ненадежный.

— Наши братья из Арабской армии освобождения помогут одержать победу над евреями, — заявил Касим, снова взглянув на Вади.

— Все эти ливанцы, сирийцы, иракцы... Все они вроде бы сражаются на нашей стороне. Сирийцы, скажем, прислали нам Фавзи аль-Кавукджи — своего героя, которого мы все хорошо знаем. Во время восстания в Хаме он сражался против французов, в 36 году помог организовать восстание в Палестине, в Ираке сражался против британцев; в конце концов, он отказался служить Гитлеру. Я несколько не сомневаюсь в его отваге и в том, сколько он сделал для нашего дела. Но я не доверяю людям, которые когда-либо являлись с Гитлером, хоть муфтию, хоть генералу, хоть даже такому герою, как Фавзи. Было время, когда я старался понять, почему иные из наших лидеров вступили в союз с Гитлером; ответ оказался прост: евреи были их врагами, а значит, враги евреев стали их друзьями. Но ведь это отвратительно.

— Так ты смеешь сомневаться в одном из лучших полководцев, которых мы встречали в жизни? — в голосе Омара Салема отчетливо прозвучал гнев.

Среди гостей снова воцарилось молчание; с каждой минутой гости ощущали все большую неловкость. А Мухаммед никак не мог понять, почему его сыну так нравится провоцировать окружающих. Никогда он больше не будет настаивать, чтобы Вади сопровождал его в дом Омара Салема.

— Я уважаю людей не за участие в выигранных сражениях, а за те идеалы, которые они защищали. Что касается Фавзи аль-Кавукджи, дело не в этом, я просто думаю, что свои проблемы с евреями мы должны решать сами. Вы уверены, что мы победим, потому что наш герой покинул свое золотое убежище в Египте и вернулся в Сирию, а оттуда готовит людей для битвы за Палестину. А вы не спрашивали себя, по каким причинам наши арабские братья не вмешиваются напрямую? Лига арабских стран оскорблена результатом голосования ООН, все входящие в нее страны объявили, что не позволят разделить Палестину, но не отправили войска, а лишь поддержали созыв добровольцев — Арабской армии освобождения.

— Что же касается короля Абдаллы, то все мы знаем, что он тоже не одобряет этого раздела, но, возможно, считает, что это — единственный выход.

Мужчины беспокойно заерзали. Никто не хотел публично критиковать Абдаллу, только не перед людьми, которых нельзя назвать в полном смысле его друзьями. Некоторые втайне его проклинали и даже называли предателем. Они считали, что Абдалла печется только о своих интересах.

Юсуф, похоже, смутился больше всех. Он работал на Омара Салема, но все знали его

привязанность к хашемитам. Его семья жила в Аммане и всегда верой и правдой служила Хусейну, шарифу Мекки, а потом и его сыновьям. Он решил, что уже слишком стар, чтобы соблюдать благоразумие, и потому решил вмешаться.

— Король Абдалла заботится о своих, как и все прочие арабские руководители. Мой племянник Вади говорит правду. Арабские государства считают, что вполне достаточно вооружить добровольцев. Абдалла мудр и прекрасно знает британцев, он не обманывается и понимает, чем закончатся сражения. Но я уверен, что если начнется война, мы можем рассчитывать на иорданцев.

— Раз уж мы заговорили о генералах, то как насчет Исмаила Сафвата? Арабская Лига назначила его руководителем армии Арабского освобождения, не говоря уже про Абделькадера аль-Хусейни, который хоть и член семьи муфтия, но даже юный Вади не может не признать его храбрость, — добавил омар Салем.

— Я это признаю, не имею ничего против Абделькадера аль-Хусейни, он достойный человек, как и другие, из семей Халиди и Даджани, — ответил Вади.

— На сегодняшний день у нас есть прекрасная база — мы контролируем дорогу из Иерусалима в Тель-Авив. Успех в наших руках, — заявил Рами, глядя на Вади.

Омар Салем откашлялся и посмотрел на Юсуфа. Они переглянулись, и Омар Салем заговорил:

— Сегодня вечером я хотел отпраздновать вступление Рами в войска Абделькадера аль-Хусейни. Еще месяц назад он попросил у меня разрешения временно покинуть предприятие, которым он так умело руководит в последние годы. Я дал согласие. Ничто не сделает меня более счастливым, чем осознание того, что наши лучшие люди борются за Палестину. С ними мы добьемся успеха.

Все закивали в ответ.

Вади с горечью посмотрел на кузена. Он узнал обо всем одновременно с остальными, и это его задело.

Мухаммед тоже ничего не знал и осуждающе посмотрел на Юсуфа. Почему муж Айши ничего не сказал ему о решении Рами?

Когда они вышли из дома Омара Салема, Вади высказал кузену свою обиду за отсутствие доверия:

— Почему ты мне раньше этого не сказал?

— Потому что я знал, что ты подумаешь, и не хотел, чтобы ты попытался меня отговорить. Я считаю, что мой долг — бороться, как боролся в прошлом мой отец и твой. Если мы этого не сделаем, то потеряем свою страну. Ты тоже должен ко мне присоединиться.

— Я не боюсь борьбы и снова к ней вернусь. Я уже воевал, — напомнил ему Вади.

— Это была не наша война, — слова Рами привели его кузена в настоящую ярость.

— Нет, наша. Сражаться против Германии — это был единственный достойный выбор. Я всегда буду гордиться, что помог побороть Гитлера.

— Ты должен вступить в армию Абделькадера аль-Хусейни, он с радостью тебя примет. Он знает, как смел твой отец, и что твой дед — герой. Я часто рассказываю ему о тебе.

— Рами, я тоже не согласен с разделом Палестины, и буду бороться до конца, но при этом знаю, что раздел неизбежен. Ты и сам это понимаешь. Ты знаешь их не хуже меня.

— О ком это ты?

— Мы выросли вместе с еврейскими детьми, так что хорошо знаем этих людей. Они не допустят, чтобы их снова выбросили отсюда. Бен мне однажды сказал: «Закончились времена скитаний для евреев; больше мы не допустим, чтобы нас гнали с насиженного места, на этот раз мы вновь обрели родину и, чтобы изгнать нас, придется уничтожить всех поголовно, а это не удалось даже Гитлеру». И с тех пор я не могу забыть этих слов Бена.

— Ну, положим, у него были причины так говорить, — ответил Рами. — Одним словом, у них своя правда, у нас — своя.

— Да, у нас своя правда, — согласился Вади. — Вот только много ли нам от нее толку?

Рами не понравились слова Вади. Если бы их сказал любой другой, он дал бы ему пощечину и назвал бы трусом. Но Вади трусом не был, и это сбивало с толку. Рами решил, что кузен слишком увлечен Анисой и хочет наслаждаться будущим без войн.

— Мы не можем позволить грабить нас, выгонять из домов, изгонять с нашей земли. Разве ты сам не понимаешь, во что выльется этот раздел?

После этих слов кузены молча расстались, думая о сказанном.

Рами не стал настаивать, чтобы Вади повидался с Абделькадером аль-Хусейни.

Шли дни, и Вади спорил с родными, убеждая их посмотреть на происходящее с точки зрения евреев, потому что только зная противника, можно его победить. Он понимал, что плывет против течения, и это не могло продолжаться долго. Изекииль признался ему, что Еврейское агентство поставило целью защитить территорию, отошедшую евреям при разделе, и сам он принимает в этом самое активное участие.

— У нас много погибших, — признался он. — Ваш Абделькадер аль-Хусейни — хороший полководец.

Так оно и было. Вади не мог не признать мужество и ум Абделькадера аль-Хусейни, который покорял всех, кто был с ним знаком. Он получил блестящее образование в Американском университете в Каире и писал стихи. Он был аристократом, история его семьи сплеталась с историей Иерусалима.

Вади с удивлением услышал из уст Абделькадера аль-Хусейни, что его кузен Рами — один из тех, кто охраняет Кастель — деревню, стоящую возле дороги, соединяющей Иерусалим и Тель-Авив. Войска устроили там главную базу.

— Ты прав, это действительно великий человек, — признался Вади кузену, когда они вышли на улицу после беседы.

— Я буду рад, если ты к нам присоединишься, — удовлетворенно произнес Рами.

— Я поговорю с отцом и с Анисой.

— Мне понятны твои сомнения, — сказал Рами, который хорошо знал своего кузена. — Тебе кажется, что, если ты присоединишься к нам, то предашь Бена, Изекииля... всех наших друзей из Сада Надежды.

— Не в этом дело. Во всяком случае, не только в этом.

— Но они-то не сомневаются, сам знаешь — Бен и Изекииль вступили в еврейские силы обороны и будут драться, когда настанет необходимость. Им есть что защищать, и нам тоже. Печально, что нам приходится сражаться друг с другом, что в любой момент твоя пуля может лишить жизни друга. Но не мы выбрали этот путь. Евреи сами не могут жить среди нас, им нужна собственная страна. Либо они, либо мы.

— Такого не должно было случиться. Мы вполне могли бы и дальше жить в мире.

— Ты — просто поэт, Вади, и это тебя погубит.

— Абдекадер аль-Хусейни — тоже поэт, — возразил Вади.

— Но он при этом еще и революционер.

Марине очень хотелось помочь Сальме в подготовке к свадьбе Вади, но та даже ради приличия не предложила ей принять в ней участия. Как и Мухаммед с Игорем, Сальма и Марина всегда старались держаться на расстоянии. Зато Мириам время от времени заглядывала к Зиядам, чтобы поболтать с Сальмой. Женщины нравились друг другу, да и Мухаммед питал глубокою привязанность к Мириам, жене Самуэля, который всегда был Зиядам больше, чем просто другом.

Февраль выдался в Иерусалиме особенно холодным. Несмотря на вялотекущую войну, на свадьбу Вади явились многие знатные люди Иерусалима. Кое-кого из них явно задело присутствие еврейских друзей Мухаммеда. Кроме Мириам, Изекииля и Сары поздравить молодых пришли также Марина, Игорь и Бен. Дажи Луи прибыл из Тель-Авива в сопровождении Михаила и Ясмин, которые несколько месяцев назад перебрались жить в этот истинно еврейский город.

— А ведь мы могли сюда и не добратся, — заметил Луи, глядя на Мухаммеда. — Когда мы проезжали через Кастель, нас обстреляли.

— Владеть Кастелем — значит владеть Иерусалимом, — ответил Мухаммед.

— И сейчас он в наших руках, — сказал Рами, который как раз подошел поприветствовать Луи. Он мог бы сказать, что именно благодаря ему и его людям стало практически невозможно проехать из Тель-Авива в Иерусалим, но сдержался и промолчал. Не стоит предоставлять противнику слишком много информации, как ни горько ему было видеть Луи своим противником.

— Ну что ж, придется это исправить, — ответил Луи, обнимая Рами.

— Каким образом? — спросил Мухаммед у Луи, уже и так зная, о чем пойдет речь.

— Вы должны принять раздел. Британцы уходят 14 мая, и тогда тайная борьба грозит перейти в открытую войну.

— Этот раздел слишком унизителен для арабов, — в словах Мухаммеда прозвучала глубокая печаль.

— Мы не хотим вас унижить; нам просто нужен кусок земли, где мы могли бы жить. Мы вполне можем избежать войны.

— Боюсь, что нет. Нет такого человека, который не готов погибнуть за родную землю. К тому же критерии раздела не учитывают реальную ситуацию в Палестине. Как можно превратить Хайфу в еврейский город? — Мухаммед посмотрел Луису в глаза, надеясь увидеть понимание.

— Наверное, раздел можно было бы сделать и лучше, но что сделано, то сделано, и мы согласились. Это всего лишь клочок земли, мы с болью отказались от тех мест, которые считаем священными, но должны принять и то, что нам выделили.

— Ты понимаешь, что начнется после раздела?

— Я уже стар, Мухаммед, и у меня нет ни малейшего желания с кем-то воевать. Я отдал бы жизнь, чтобы прекратить войну, но также отдал бы ее за то, чтобы избежать раздела.

— В таком случае, не исключено, что ты видишь нас в последний раз.

— Я знал тебя еще ребенком, а твоего отца любил, как старшего брата, — в голосе Луи прозвучало волнение. — Даже не знаю, что бы он сказал, если бы увидел все это... Для многих из нас раздел повлечет разрыв с друзьями.

— Так ведь вашими стараниями провели границы.

— Нам всего-то и был нужен клочок земли, пусть даже совсем маленький. Мы устали

скитаться, нам надоело, что к нам относятся, как к существам низшего сорта, убивают и гонят из домов. Мы просто устали, Мухаммед.

Больше они не об этом не разговаривали. А просто ели баранину с пряностями, приготовленную Сальмой, вспоминали несравненный фисташковый торт, который готовила Дина, мать Мухаммеда, и курили египетские сигары, столь любимые обоими.

На прощание они крепко обнялись; казалось, они знали, что видят друг друга в последний раз.

Им действительно не суждено было больше увидеться. О случившейся трагедии Мухаммед узнал лишь день спустя и долго плакал в одиночестве, как всегда оплакивал тех, кого любил. В тот день к нему в дом пришла Марина в сопровождении Изекииля, чтобы сообщить ужасное известие.

На следующее после свадьбы утро, 15 февраля, Луи, Михаил и Ясмин собирались обратно в Тель-Авив. Ясмин все пыталась уговорить свою тетю Мириам поехать вместе с ними.

— Ты так давно не была в Тель-Авиве! — убеждала ее она. — Он так преобразился, ты его просто не узнаешь. Это же наш город, только наш и ничей больше, и он так отличается от Иерусалима.

— Но ты же родилась здесь, — ответила Мириам. — Тель-Авив, как ни крути — новый город, в отличие от Иерусалима... Лично я не смогла бы жить ни в каком другом месте...

— Иерусалим подавляет, ты этого не поймешь, пока не уедешь отсюда. Мы с Михаилом счастливы, что живем в Тель-Авиве, нам давно уже следовало туда переехать. А тебе перемены пошли бы на пользу. Мне так хочется, чтобы ты поехала с нами. Я скучаю по тебе, тетя.

Однако Луи был категорически против того, чтобы Мириам ехала с ними.

— Ехать с нами — настоящее безумие. Арабы держат шоссе под прицелом. Невозможно проехать по дороге без риска для жизни, нас в любую минуту могут обстрелять. Я сам удивляюсь, каким чудом нам удалось пробиться сюда.

— Мне тоже будет спокойнее, если ты останешься в Иерусалиме, — поддержал его Михаил. — Я не хочу подвергать тебя опасности.

Но Ясмин не желала ничего слушать. Она снова и снова повторяла, не может быть и речи о том, чтобы остаться в Иерусалиме, что она задыхается в этом городе, и продолжала настаивать, чтобы тетя Мириам непременно поехала с ними.

— Если мы смогли пробиться сюда, то сможем и вернуться обратно, — твердила она, не желая слушать никаких доводов.

— Придется сделать большой крюк, — заметил Луи, не скрывая беспокойства. — Вряд ли мы сможем ехать назад той же дорогой. Это было бы настоящим безумием — ехать мимо Каствеля.

Но Ясмин по-прежнему не желала сдаваться, продолжая уговаривать Мириам поехать с ними, каким бы безумием это ни казалось.

Изекииль, видя, что мать колеблется, сам предложил ей сопровождать Ясмин.

— Кузина права, вот уже столько лет ты носа не высывала за пределы Сада Надежды, — пошутил Изекииль. — Тебе необходимо проветриться. Уверю тебя, мама, я вполне могу прожить без тебя несколько дней. Кроме того, с тобой будут Луи и Михаил, и уж они-то проследят, чтобы ничего не случилось.

— А я тоже могу поехать? — ко всеобщему удивлению спросила Сара.

Никогда прежде Сара не выказывала желания куда-то ехать. Казалось, она была вполне счастлива в Саду Надежды. Прошло совсем немного времени, как они с Изекиилем поженились, поэтому все в изумлении замолчали. Одна лишь Ясмин с готовностью согласилась.

— Ну конечно же! — воскликнула она. — Наконец-то ты познакомишься первым в мире еврейским городом! Он тебе понравится. Там мы все дружим и дышим вольным воздухом.

Луи и Михаил в тревоге переглянулись; каждый втайне надеялся, что Изекииль все-таки отговорит Сару ехать с ними. К сожалению, Изекииль так и не решился ее отговаривать; напротив, он сказал матери, что даже Сара хочет ехать в Тель-Авив. Таким образом Мириам удалось убедить.

Однако Луи по-прежнему пытался отговорить друзей от поездки в Тель-Авив.

— Это опасно, нас просто перестреляют.

Но Мириам и Сара заявили, что готовы рискнуть. Обе они пребывали в полном восторге от внезапной идеи отправиться в Тель-Авив. Утром они выехали из дома. Машину вел Михаил. По дороге они собирались присоединиться к группе других путешественников, которые также направлялись в Тель-Авив под охраной людей из «Хаганы». Среди охранников был и Бен.

— Не думаю, что хорошая идея тащить туда жену и мать, — гнул свое Луи. — Хватит уже и того, что нам приходится рисковать жизнью Ясмин, и все из-за этой свадьбы...

Слова Луи встревожили Изекииля, но он привык ему доверять. С детства Луи был для него настоящим героем, и если на свете и был человек, которому он мог бы доверить жизнь Сары и матери, то именно Луи. К тому же он знал, что их будет сопровождать Бен, и это тоже успокаивало.

Уже стемнело, когда в Сад Надежды пришел незнакомец. Марина, находящаяся в это время в саду, увидела его издали и поспешила навстречу. Изекииль еще не вернулся домой, а Игорь проверял счета, когда до него донеслись горестные крики Марины. Игорь бросился к ней и увидел, как незнакомец обнимает рыдающую Марину, стараясь ее успокоить. Игорь с силой оттолкнул его от жены. Незнакомец, казалось, не обратил на это внимания и повторил все то, что только что рассказал Марине.

Около двадцати вооруженных арабов атаковали колонну машин, идущих в Тель-Авив. Одна из пуль пробила колесо машины, которую вел Михаил. Машина свернула с шоссе. Михаил потерял управление, машина дважды перевернулась, врезалась в скалу и загорелась. Все пассажиры погибли. Пассажиры других автомобилей уцелели, хотя двое получили ранения. Людям «Хаганы» удалось отразить нападение, но Бен был тяжело ранен. Его доставили в больницу, и он отчаянно сражался за свою жизнь.

Пока Марина рассказывала Мухаммеду о случившемся, Изекииль молчал. Сальма зарыдала.

Мухаммед не знал, что делать. Еще в ту минуту, когда он увидел идущую к нему Марину, за которой следовал Изекииль, он понял: произошло что-то ужасное, иначе она бы не пришла. И вот он смотрит на ее искаженное болью лицо и слушает, как она с рыданиями, объясняет, что жизнь ее сына Бена висит на волоске, а Изекииль потерял все, что составляло смысл его жизни: мать и жену.

Вади не было дома. После свадьбы они с молодой женой уехали в Хайфу, где жила

бабушка Анисы, слишком старенькая, чтобы приехать на свадьбу. Предполагалось, что они пробудут там четыре или пять дней, и после их отъезда Мухаммед чувствовал себя более одиноким, чем когда-либо. Он горячо обнял Марину и Изекииля, пытаясь найти слова утешения, пока они горько рыдали у него на груди. Ему не давала покоя мысль о том, что, возможно, его племянник Рами был среди тех, кто напал на колонну машин, в которой ехали Мириам и Сара. Война вдруг предстала перед ним во всей своей неприглядной жестокости: ненасытным чудовищем, пожирающим жизни людей. А впрочем, ему, чья жизнь прошла в непрерывных сражениях, это и так было хорошо известно.

Он взглянул на Изекииля, понимая, что в ответе за него. Ведь Мухаммед не мог бросить на произвол судьбы сына Самуэля. Мальчик и так слишком много выстрадал, чтобы на него свалилось теперь еще и это горе. Мухаммед рад был бы сказать ему, что враги Изекииля — его враги, что они вместе сделают все, чтобы отомстить, и не мог. Враги Изекииля были его друзьями; больше того, один из них — его собственный племянник, а вскоре врагом Изекииля станет и Вади, родной сын Мухаммеда.

Сальма и Мухаммед настояли на том, чтобы сопровождать Марину в больницу к Бену. Возле двери в палату неподвижно сидел Игорь в немом ожидании, когда врачи сообщат, что его сын победил смерть.

Игорь поразился, увидев Сальму и Мухаммеда, и с упреком взглянул на Марину, которая позволила Зиядам прийти. Вскоре примчалась Айша и, заливаясь слезами, бросилась к Марине в объятия, и в скором времени обе они рыдали в один голос.

Последующие дни слились в один непрерывный кошмар. Хоронили Луи, Мириам, Сару, Ясмин и Михаила; Изекииль плакал, как потерянный ребенок. Вади успел вернуться на похороны, и никто не осмелился его остановить, когда он подошел к Изекиилю. Правда, кое-кто из друзей Изекииля с ненавистью смотрел на Зияда, не понимая, как его могли допустить на церемонию. Однако ни Мухаммед, ни Вади даже не обратили внимания на полные ненависти взгляды. Никто и ничто не могло помешать им поддержать Изекииля Цукера в этот скорбный час.

— По крайней мере, над могилой матери я хотя бы могу плакать, — прошептал Изекииль. — А от отца и сестры даже могил не осталось, их тела сожгли в печах Освенцима, а пепел развеяли по ветру.

Вади ничем не мог утешить друга, и ему оставалось лишь стискивать зубы в бессильном отчаянии.

После похорон Изекииль попросил оставить его одного. Ему необходимо было прийти в себя, поэтому он вернулся в Сад Надежды, не желая разговаривать даже с Вади.

Игорь и Марина дни и ночи просиживали у постели Бена, который все еще не пришел в сознание. Врачи не стали их обманывать, сразу сказав, что случай безнадежен.

— Даже если он выживет, — говорили они, — то уже никогда не будет прежним.

Бен так и не очнулся. Его похоронили неделю спустя.

Марина резко постарела, не в состоянии вынести гибель сына. Мухаммеду хотелось ее обнять, хотя бы взглядом выразить, какую потерю ощущает он сам. С Игорем они едва перемолвились парой слов и пожали друг другу руки. Айша постоянно находилась возле Марины, не замечая осуждающих взглядов, ведь она была ей почти сестрой, они любили

друг друга с детства.

По окончании траурной церемонии Изекииль подошел к Мухаммеду и попросил его задержаться на минутку.

— Скажи, ты по-прежнему думаешь, что бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись — это умереть или убить? — спросил он.

Мухаммед ощутил, как напряглись все мускулы и нервы. Он мог сказать лишь то, что на самом деле чувствовал. Он обязан так поступить ради Самуэля, ради самого Изекииля.

— Да, я по-прежнему так думаю. Бывают в жизни минуты, когда нет иного выбора, если мы хотим жить, не теряя уважения к себе. Если ты решишь так поступить, я пойму.

Мухаммед задавался вопросом, известно ли Изекиилю и Марине о том, что Рами вместе с другими людьми Аль-Хусейни принимал участие в теракте, главной целью которого было нарушить сообщение между Иерусалимом и Тель-Авивом. Ведь знает об этом Изекииль, он бы мог решить отомстить Рами. Мухаммед вздрагивал от одной мысли, какая участь может ожидать племянника, а также о том, чем это обернется для самого Изекииля.

— Что нам теперь делать, отец? — спросил Вади, когда они вернулись домой.

— Пути назад нет, — ответил Мухаммед, и в словах его прозвучала безмерная горечь.

— Но ведь должен же быть какой-то способ, чтобы не допустить новых страданий, — настаивал Вади.

— У людей вроде нас есть только одна судьба — играть написанную другими роль. Никого не волнует, о чем мы думаем и что чувствуем. Те, кто принимают решения, уже их сделали, и бессмысленно пытаться это изменить. Британцы в очередной раз нас обманули, а ООН пошла у них на поводу. Мы больше ничего не можем сделать, только бороться за свои права, за свои дома и семьи.

Сальма и Аниса молча слушали; они знали, какую безмерную боль испытывают их мужья.

Мухаммед не осмелился подойти к Марине и сказать, как сочувствует ее горю. Он представлял, как она в одиночестве бродит по Саду Надежды, а Игорь с Изекиилем поглощены собственным горем. Сальма тоже не рискнула подойти, опасаясь, что ее сочувствие не пожелают принять. Но Аниса настояла, чтобы Вади отправился повидаться с Изекиилем и сказал ему, что тот может на него рассчитывать.

— Я ведь не могу солгать, а вдруг он скажет, что хочет отомстить за убитых? Должен ли я помочь ему убить Рами? Отец прав, мы уже не можем выбирать.

В ночь на 2 апреля Пальмах, элитное подразделение «Хаганы», напал на Кастель. Люди из Пальмаха выполняли приказ Бена Гуриона и провели операцию под названием «Нахшон», главной целью которой было освободить дорогу, соединяющую Тель-Авив и Иерусалим. Приказ был выполнен.

Рами жаловался на отсутствие людей и средств. Он смог выжить после нападения «Хаганы», но его гордость была неизлечимо ранена.

— Абделькадер аль-Хусейни вернулся из Дамаска с пустыми руками — после безуспешных попыток выпросить у командующих Арабской армией освобождения оружие и людей. Он смог добиться лишь того, что генерал Исмаил Сафват обматерил его, заявив, что либо он освободит Кастель, либо командование отдадут Фавзи аль-Кавуджи.

— Я тебе уже говорил, что и сирийцы, и иракцы, и египтяне имеют собственные интересы, — напомнил Вади.

— Абделькадер аль-Хусейни заявил, что в потере Палестины будут виноваты они.

— Думаешь, потом кто-нибудь вспомнит, что их бездействие мало чем отличалось от измены? — добавил Мухаммед.

— Нужно вернуться в Кастель. Мы не можем позволить евреям захватить арабское поселение. Мы должны отбить его, чего бы это ни стоило. Потому я и приехал — нам нужны люди, пришло тебе время к нам присоединиться, — и Рами пристально взглянул на Вади.

— Вы собираетесь освободить Кастель, но у вас так мало людей и оружия. На что вы надеетесь? — Мухаммед не на шутку испугался за сына и племянника.

— У нас около трехсот человек, и еще к нам присоединились три британца, которые не поддерживают

политику своей страны. Оружия не хватает, но Абделькадер аль-Хусейни все равно решил, что завтра мы атакуем.

— Я пойду с вами, — заявил Вади, и кузен с благодарностью обнял его.

Даже Мухаммед не решился возражать сыну.

Вади простился с Анисой, вкратце объяснив, как собирается поступить. Она не высказала ни единого упрека, потому что гордилась мужем. Потеря Кастеля деморализовала палестинских арабов, вернуть это поселение стало вопросом чести, и потому она не могла оспаривать решение мужа.

Абдекадер аль-Хусейни разъяснил, что его люди атакуют сразу с трех сторон, и каждому отряду назначил командира. Вади и Рами хотели сражаться вместе, но аль-Хусейни определил их в разные отряды.

Атака началась в десять часов вечера седьмого апреля 1948 года. Солдаты аль-Хусейни и люди из «Хаганы» не уступали друг другу в храбрости. Плечо к плечу, рука к руке они боролись с этот стратегический клочок земли. Чаша весов склонялась то на одну, то на другую сторону, то, казалось, побеждают евреи, а через несколько минут — уже арабы.

Уже начало светать, когда удача повернулась лицом к «Хагане». Абделькадер аль-Хусейни и его отряд окружили, сражение было почти проиграно. Но все вдруг изменилось. На помощь силам аль-Хусейни пришло подкрепление из пятисот человек, и вечером восьмого апреля они сумели победить, хотя были на волоске от поражения. Когда наконец-то Кастель оказался в их руках, прохладный весенний воздух наполнился сотнями вздохов облегчения. Они взяли в плен больше пятидесяти членов «Хаганы». Но чудесная победа обернулась кошмаром. На поле битвы остался Абделькадер аль-Хусейни — он погиб. Когда об этом узнали солдаты, они приняли жуткое решение — убить всех пленных и изуродовать их тела.

— Да простит вас Аллах за издевательство над мертвыми, — прошептал Мухаммед, выслушав рассказ Вади об ужасах сражения.

Сальма и Аниса молчали, в ужасе от услышанного.

Мухаммед и Вади присутствовали на похоронах Абделькадера аль-Хусейни, оплакав всех палестинцев. Иерусалим погрузился в безмолвное горе по человеку, которого уважали все. Но боль по погибшему генералу вскоре побледнеет по сравнению с ужасом от той резни, что вот-вот должна была случиться.

Над Палестиной еще не забрезжил рассвет, когда группа мужчин украдкой подобралась к Дейр-Ясину. Айша в этот час разводила очаг, а Юсуф умывался. Рами и его жена Шайла еще спали. Айша благодарила Аллаха, что ее сын вернулся живым после сражения за

Кастель, и ничто не предвещало, что в этот день случится нечто ужасное.

Внезапно до нее донеслись тревожные крики; кричали мужчины, женщины, дети. Айша распахнула дверь и вздрогнула. Она увидела, как какие-то люди бросают гранаты в окна домов и беспорядочно стреляют в стариков и детей, не щадя никого на своем пути.

Вскрикнув от ужаса, Айша захлопнула дверь. На ее крик тут же прибежали Юсуф и Рами.

— Дом Нур горит! — в ужасе закричала Айша, порываясь броситься на помощь дочери и зятю.

Выглянув в окно, Рами тут же понял, что произошло, и велел жене и матери немедленно бежать в Айн-Карим — ближайшую деревню, где расположилось подразделение Арабской армии освобождения. Там постоянно несли караул британские патрули, поэтому Рами и велел своим женщинам бежать туда за помощью, а сам решил дать отпор демонам в людском обличье, безжалостно убивающим детей, женщин и стариков.

Как ни плакала Айша, крича, что никуда не уйдет, пока не узнает, что случилось с Нур, ее муж и сын оказались непреклонны. Женщины выбежали из дома и бросились без оглядки, слыша отчаянные крики соседей. По пути к ним присоединились другие женщины. Айша поскользнулась, упала, сильно ударившись головой, и потеряла сознание. Шайла попыталась ее поднять, но тело Айши безжизненно обмякло. Шайла потащила ее волоком, стараясь, чтобы тело свекрови не слишком билось о камни — и вдруг ощутила острую боль в груди. Она так и не поняла, что же случилось, и старалась не думать об этом, продолжая тащить Айшу. Когда они добрались до Айн-Карима, Шайла едва могла дышать. Ее ноги подогнулись, и она без сил упала на землю.

Брат Августин рассказал Вади, как группа нападавших притащила нескольких выживших в Дейр-Ясине до еврейского квартала Иерусалима. Сначала над ними публично измывались, а потом отпустили на свободу.

В то утро от рук убийц из Иргуна и Лехи погибли целые семьи. Хотя Бен Гурион и «Хагана» осудили резню, о ней так и не смогли забыть.

Мухаммед плакал у постели своей сестры Айши. Медсестра требовала, чтобы он вышел, говорила, что больной нужен покой, но он упорно не хотел оставлять ее одну. Юсуф и Рами были на грани жизни и смерти, Шайла угасала. Нур и ее муж Эмад выжили, но Эмад решил что ни желает ни единой минуты оставаться в Иерусалиме, и несмотря на слезы Нур, увез ее на другой берег реки Иордан. Во владениях Абдаллы они могли чувствовать себя в безопасности.

Сальма и Аниса встретились в вестибюле больницы. Оглянувшись, они увидели решительно идущую к ним Марину. Вади как раз разговаривал с врачами, поэтому разговор с Мариной Аниса решила взять на себя.

— Я хочу видеть Айшу, — сказала Марина. Несмотря на то, что в ее глазах и голосе не было никакой угрозы, Аниса попыталась ее задержать.

— Она без сознания. К ней нельзя, — заявила Аниса. — И вообще, мы бы предпочли, чтобы нас сейчас не трогали. Шайла только что скончалась, Рами и Юсуф при смерти и вряд ли выживут. Я ценю твое участие и рада, что ты стараешься нас поддержать, но сейчас тебе лучше уйти.

— Я не могу уйти, не повидавшись с Айшой, — сказала Марина, толкая дверь в комнату, где умирала ее подруга.

Мухаммед был поражен, увидев ее, но не двинулся с места и был просто не в состоянии

что-то сказать. Марина встала возле постели Айши, молча взяла ее за руку, потом тихонько погладила по лицу.

Когда Аниса вошла в палату, она увидела там Марину и Мухаммеда. Они сидели рядом, не глядя друг на друга, словно их разделяла непреодолимая стена.

Позднее она сказала Вади, что Мухаммеду следовало бы попросить Марину уйти. Однако ответ Вади ее озадачил.

— Думаю, тетя Айша с этим бы не согласилась.

Аниса не могла понять странных взаимоотношений между семьей Зиядов и обитателями Сада Надежды. Не то чтобы она плохо относилась к Мириам или к бедняжке Саре, да и против Марины она ничего не имела, но при этом считала, что в сложившейся ситуации этой дружбе необходимо положить конец. После всего случившегося невозможно делать вид, будто ничего не произошло. «У них есть свои погибшие, у нас — свои, — говорила Вади Аниса. — И хотим мы того или нет, они всегда будут стоять между нами». Тем не менее, у нее сложилось впечатление, что Вади, хоть и не торопится ей возражать, но признавать ее доводы тоже не спешит.

Наступило 13 апреля; пошел уже четвертый день после резни в Дейр-Ясине. В этот день группа палестинских арабов напала на медицинский конвой, состоящий из еврейских врачей и медсестер, которые пытались пробиться в больницу на горе Скопус, на окраине Иерусалима. Из ста двенадцати человек в конвое в живых остались лишь тридцать шесть. Нападавшие вели себя с той же остервенелой жестокостью, как и те, что напали на Дейр-Ясин. Но самое отвратительное — убийцы решили сфотографироваться рядом с телами погибших.

Вади раздал фотографии гостям Омара Салема. Настроение у них упало, поскольку еврейские Силы обороны снова захватили Кастель, не говоря уже о резне в Дейр-Ясине, из-за которой сотни палестинцев решили бросить имущество и бежать, опасаясь той же участи.

— Эти снимки позорят всех нас, — заявил Вади, перебирая фотографии, с которых на него самодовольно взирали мужские лица.

— Нападение на конвой — наш ответ за Дейр-Ясин, — мрачно ответил Омар Салем.

— Могу только догадываться, что они нам устроят в следующий раз! — голос Вади сорвался на крик, от которого все присутствующие едва не оглохли. — И чем мы им ответим? Да продерите же наконец глаза, посмотрите, что творится на улицах Иерусалима! К чему нам убивать их женщин, зная, что в ответ они убьют наших детей? Может, хватит уже?

— Так чего же ты хочешь? — с вызовом спросил Омара Салем.

— Мы должны остановить это безумие, — ответил Вади. — Нужно просто сесть и поговорить начистоту — только мы и они, без всяких посредников. И если уж воевать — так честно, по-мужски, чтобы не страдали женщины и дети.

Эти слова Вади вызвали волну всеобщего негодования.

Тарек, муж Наймы, поднялся ему навстречу.

— Такие злодеяния — неизбежные спутники любой войны, — сказал он. — Мы ничего не можем с этим поделать. Ты же сам был солдатом и знаешь, что бывают ситуации, когда остается только мстить.

— А мне хотелось бы знать, почему стоявшие в Айн-Кариме солдаты так долго тянули

кота за хвост, вместо того чтобы сразу прийти на помощь жителям Дейр-Ясина, — ответ Вади озадачил собеседников.

— Когда мы узнали об этой бойне, было уже поздно, — сказал один из них.

— Мы все скорбим по твоему дяде Юсуфу, — сказал Омар Салем. — Он был нашим другом, и ты сам знаешь, что никому на свете я не доверял так, как ему. Но мы не вправе позволить скорби затмить разум, а тем более, сделать нас слабыми. Мы должны продолжать борьбу, пока не изгоним их с нашей земли.

— Мой дядя мертв, жена Рами тоже.

— Но Аллах оказался милостив к твоей тете Айше, — напомнил Тарек.

— Она уже очнулась и без конца спрашивает про мужа и сына, — ответил Вади.

— Она может ими гордиться; имена этих мучеников навсегда останутся в нашей памяти, — произнес Омар Салем.

— Тетя предпочла бы видеть их живыми.

— Мы собрались здесь, чтобы попытаться предотвратить массовое бегство наших братьев, — напомнил один из приглашенных.

— Мы ничего не сможем сделать, люди напуганы убийством в Дейр-Ясине, — сказал другой.

— В любом случае, все вернутся. Когда закончится британский мандат и англичане уйдут, мы выгоним евреев, мы рассчитываем на обещания Сирии, Египта и Ирака, да и у короля Абдаллы нет другого выбора, кроме как нам помочь, — Омар Салем, похоже, ни в чем не сомневался.

— Посмотрим, — ответил Вади.

Мухаммед молчал, пока выступал его сын. Вообще-то, он и вовсе его не слушал, как и всех остальных. Все ночи напролет он обдумывал план мести. Он уже не был молод, и силы были не те, но все же еще достаточные для задуманного. Он узнал, где живут двое убийц из Дейр-Ясина. И эти двое отплатят за остальных.

Не успел он поделиться планом с Вади, как сын начал его отговаривать. Иногда он задавался вопросом — как у Вади получилось подавить в себе желание отомстить? Он учил его, что иногда нет других способов ответить на оскорбление. Омар Салем прав, когда говорит, что убийство врачей и медсестер — это ответ на резню в Дейр-Ясине. Око за око. Так гласит священная книга евреев. Но Мухаммеда не устраивала коллективная месть. Он не мог спать по ночам, потому что перед ним вставали образы Рами, Шайлы и Юсуфа, требующие отмщения.

В ту ночь он тоже не мог уснуть, даже приняв приготовленную Сальмой микстуру. Он слышал шепот Вади и Анисы, которые, по всей видимости, обсуждали случившийся ужас.

«Мы хотя бы не голодаем», — подумал Мухаммед. С тех пор как арабы перерезали дорогу между Тель-Авивом и Иерусалимом, город оказался в осаде, по крайней мере для евреев, и они уже страдали от голода. Но у Мухаммеда слишком болела душа, чтобы им сочувствовать. Он был солдатом и знал, что война идет рука об руку с голодом и нищетой. Но все же его успокаивала мысль, что в Саду Надежды пока еще есть еда. Это Кася решила выделить часть земли для выращивания овощей, ими они и питались, а Марина продолжала ухаживать за садом.

Едва рассвело, Вади отправился в школу. Он так и не смог уснуть и всю ночь проворочался с боку на бок.

Навстречу ему попался брат Августин с чашкой кофе в руке. Он казался несколько

потерянным, словно мысли его бродили где-то далеко.

— Скоро же ты вернулся, — сказал он. — Хочешь кофе?

— Я так и не смог уснуть в эту ночь, — признался Вади.

— Повсюду идут бои, выстрелы всех перебудили. С каждым днем приходит все меньше детей, родители боятся, что даже здесь небезопасно.

— Что будет, когда британцы уйдут?

— Не знаю, Вади, не знаю. Евреи прочно укрепились на территории, назначенной им ООН, и всячески дают понять, что тоже могут кусаться.

— И даже больше того, занимают места, которые предназначаются нам. Я сказал нашим лидерам, что стоит хотя бы обсудить раздел, но меня никто не слушает, и хотя они не говорят прямо, но в душе считают мои слова предательством.

— А Аниса? Что думает об этом твоя жена?

— Она всей душой мне предана, но она меня не понимает, — ответил Вади. — Она считает, что мы должны продолжать борьбу, и если не сдадимся, то непременно победим.

— Но ведь ты так не думаешь?

— Они, как и мы, считают, что здесь их родина, а это чувства сильнее доводов разума, и потому они будут сражаться. А после того, что они перенесли во время войны, после ужасов концентрационных лагерей, они как никогда убеждены, что должны обрести собственную страну, откуда их никто не выгонит. Если бы ты слышал Сару.. Жена Изекииля выжила в Аушвице, в самом настоящем аду, и она готова умереть в борьбе за свою страну, лишь бы никогда больше не зависеть от чужих прихотей. Она из Салоников. Сара готова убить человека, который бы попытался выгнать ее из Палестины.

— Знаешь, что? Я признаю, ты способен влезть в чужую шкуру и понять их доводы. Противника можно победить, только научившись думать, как он, иначе это самообман.

— Но все же я стану сражаться рядом со своим народом, хотя и не думаю, что из этого что-то получится. Буду драться до самой смерти, потому что раздел — результат несправедливого решения ООН по отношению к арабам. Но боюсь, мы можем потерять всё.

— Такого не будет, вы можете только победить. С чего ты взял, что вы не сможете победить евреев? Сирия, Ирак, Египет, Ливан, Иордания.. Все эти страны не позволят разделу свершиться, — заверил его брат Августин.

— Ошибаешься, брат. Ошибаешься.

С каждым днем сражения становились все более яростными. Евреи и араба боролись за каждый клочок земли, иногда земля переходила из рук в руки на какие-то часы, и всё начиналось сначала.

Однажды вечером Сальма не на шутку испугалась, увидев, что Аниса плачет. Свекровь и невестка сразу понравились друг другу, и совместная жизнь углубила эту привязанность.

— Что случилось? — спросила обеспокоенная Сальма.

— Люди бегут... Многие боятся того, что случится, когда уйдут британцы.

— Я слышала, что некий Ицхак Рабин захватил Шейх-Джаррах. Там живет Омар Салем. Не могу представить, каким униженным он себя чувствует при виде еврейских солдат в своем квартале. Но мой муж сказал, что британская армия их оттуда выгнала, эта часть города снова стала нашей.

В комнату вошел Мухаммед. Аниса уважительно его поприветствовала. Мухаммед ей нравился. Он был заботливым и добрым свекром, но чего-то в его взгляде она не понимала.

— Мы укрепились в Старом городе и не позволим им туда войти. Евреи обороняют

западную часть, но надеюсь, это ненадолго, — объяснил он.

Мухаммед уже несколько дней сражался за Иерусалим. Он не мог оставаться непричастным к битве за город. Британцы пытались установить порядок, но это оказалось невозможным. Что евреи, что арабы отвергали любые попытки солдат генерала Алана Каннингема установить в городе мир.

— У нас осталось мало времени, — пробормотал Мухаммед, оставив женщин вдвоем. Он вышел, сжимая в руках винтовку.

Но Сальма с Анисой не знали, что Мухаммед направился на поиски Вади. Его сын тоже дрался, признав, что настало то время, когда нужно либо умереть, либо убить, чтобы защитить свою землю.

Той ночью Аниса призналась Вади, что беременна, и оба спрашивали себя, какое будущее ждет этого ребенка.

Больше всего они боялись того, что может случиться 14 мая.

— Наша теперешняя жизнь не идет ни в какое сравнение с тем, что может произойти, когда уйдут англичане. Пожалуй, тебе с мамой лучше переехать к Найме и Иерихон. Там вы будете в безопасности.

Но Аниса отвергла предложение Вади, она не собиралась бежать и попросила всех знакомых тоже этого не делать. Она была убеждена, что тем самым они предоставят противнику преимущество.

— Если мы сдадимся, то тем самым освободим землю. Мы должны остаться и защищать свою землю и дома. Я останусь с тобой, и если суждено умереть, то умру, но не сдамся, — заверила она Вади, который лишь восхитился ее храбростью.

Айше не хотелось жить. Ее даже не приободрила весть о том, что Нур и Эмад благополучно добрались до Аммана. Она не переставала оплакивать мужа и сына. Она не любила Юсуфа с той страстью, какой хотелось бы, но все же это был счастливый и ровный брак. Юсуф всегда вел себя как внимательный и заботливый муж. Ей не в чем было его упрекнуть, она винила лишь себя, за то что не любила его, как он того заслуживал.

Но если гибель Юсуфа ее опечалила, что смерть сына она пережить не могла. Не могла смириться с тем, что больше никогда не увидит сына, не возьмет его за руку, не поцелует, не поделится с ним своими тревогами.

При воспоминаниях о Рами у нее сжималось сердце, и боль разливалась по всему телу. Айше незачем было жить дальше. У ее дочери Нур была собственная жизнь, и хотя она тоже страдала из-за смерти отца и брата, но у нее остался муж и дети, ради которых стоило жить. К тому же Нур, всегда молчаливая и сдержанная, обладала внутренней силой, помогающей ей всё преодолеть.

Мухаммед не позволил Айше вернуться обратно в Дейр-Ясин. Он знал, что там она не сможет справиться с горем. К тому же Сальма с радостью приняла ее, и когда 12 мая Айшу выписали из больницы, Мухаммед в сопровождении Анисы и Вади отвез ее к себе домой.

Айша заплакала, видя, как Сальма готовит для нее прежнюю комнату. Аниса убедила Айшу, что ей нужно отдохнуть. Чуть погодя Сальма приготовила для нее чай и предложила кусок фисташкового пирога. За чаем они обсудили события последних дней, хотя Аниса предпочла бы, чтобы Вади и Мухаммед не расстраивали Айшу скверными новостями.

— Мы потеряли Хайфу, — рассказывал Мухаммед. — Тысячи бежали в Ливан, перейдя границу. Другие попытались бежать по морю на рыбацких лодках. Мы были не в силах удержать город, в котором прожили много веков. Будь проклят этот раздел!

— Не могу понять, почему ООН присудила Хайфу евреям, — возмутилась Аниса.

— Этот раздел — настоящее безумие, они ничего не принимают в расчет, арабские это города или еврейские. Евреи оказались сообразительнее, и сразу же пошли в наступление на Хайфу. Теперь нашим приходится покидать свои дома. Кто знает, смогут ли они когда-нибудь вернуться, — сказал Мухаммед.

— Говорят, в Хайфе осталось не более трех-четыре тысяч арабов, — добавил Вади. — А прежде их там жило более семидесяти тысяч.

— Храни нас Аллах! — воскликнула Аниса. — Мы не можем допустить, чтобы нас выгнали из собственного дома!

— Вчера еврейские войска взяли Сафад, сегодня идут бои за Бейсан; они уже захватили монастырь Святого Симеона в Катамоне. В довершение всего, заняли часть Тверии и Акры. — продолжал Вади.

— Мы тоже одержали кое-какие победы, — сказал Мухаммед. — По-прежнему держим под прицелом дорогу в Тель-Авив; наши войска успешно атаквали еврейское поселение Кфар-Эцион. Кроме того, нас поддерживает Арабская Лига.

— Отец, посмотри правде в глаза: мы проиграли войну, — ответил Вади. — Быть может, мы выиграем следующую, которая вот-вот начнется. Да и то вряд ли, ведь до сих пор мы не одержали ни одной серьезной победы.

— Нет ничего хуже изгнания, — рыдала Сальма. — Тысячам семей придется уехать...

Новости привели всех в уныние. Оставалось всего два дня до окончания Британского мандата. Кто знает, что случится тогда?

Всю ночь Сальма прислушивалась к рыданиям Айши, к шепоту Вади с Анисой. Сама она тоже так и не смогла уснуть. Она знала, что Вади, как и Мухаммед, не откажется от борьбы; настало время, когда они не могут позволить себе никаких сомнений и колебаний, как не смогут больше считать евреев друзьями. Теперь остался лишь один выбор: победить или проиграть, и проигрыш в этой войне оборачивался куда более горькими потерями, чем просто потеря жизни.

14 мая Мухаммед запретил женщинам даже нос показывать за порог. Вади, как всегда, еще на рассвете вышел из дома и направился в Старый город; проходя по его улочкам, он с каждой минутой все сильнее тревожился, видя наглухо закрытые двери и окна домов. В школе его встретил брат Августин.

— Что ты здесь делаешь? Сегодня не пришел ни один ученик. Подготовься взяться за оружие. Ты что, не слышишь? Британцы уходят и забирают свои танки и грузовики, а стоит им уйти, как город займут евреи.

— И что ты собираешься делать? — спросил Вади.

— Ничего. Останусь здесь до утра.

Выйдя из школы, Вади направился к улице Короля Георга, по которой как раз в это время маршировали британские войска. Люди молча толпились на тротуарах. Внезапно он ощутил, как чья-то рука легла на его плечо.

— Нужно захватить все населенные пункты, которые были в руках британцев, — прошептал ему на ухо человек, которого он неоднократно встречал в доме Омара Салема.

Вади кивнул. Он будет бороться. У них просто не осталось иного выбора.

Как только британцы оставили город, евреи тут же сделали все, чтобы занять каждую пядь земли, покинутую британскими солдатами. Вади знал, что его отец тоже будет сражаться, что он и сейчас сражается где-то в городе. Лишь к вечеру до него дошло роковое

известие. Весь день Вади сражался до полного изнеможения, а к вечеру вдруг явились какие-то люди и стали что-то кричать. Принесенная ими новость лишила бойцов последних сил.

— Бен Гурион в Тель-Авиве провозгласил создание государства Израиль, — пояснил один из них.

Сначала все пали духом. но потом их переполнили ярость и негодование. Весь день они отражали атаки врага. Но теперь они боролись уже не против кучки евреев, а против целого государства.

Лишь с наступлением темноты Вади смог пробраться к своему дому. Аниса в это время как раз меняла на плече Мухаммеда окровавленную повязку. Вади встревожился, взглянув на побелевшее лицо отца.

— Не волнуйся, пулю я уже извлекла, — успокоила его Аниса.

Он не стал спрашивать, что случилось. Мухаммед тоже воевал, как и он сам, и Аллах пока хранил их обоих.

— Бен Гурион объявил о создании государства Израиль, — сообщил Вади.

— А Трумэн и Сталин его признали, — добавил Мухаммед.

— Итак, мы остались одни, — в голосе Вади прозвучали глубокая усталость и безмерное разочарование. Самые сильные государства бросили их на произвол судьбы...

— Женщины должны уехать, — заявил Мухаммед, едва Аниса закончила бинтовать его плечо.

Айша и Аниса возразили, и даже Сальма, всегда такая благоразумная, их поддержала.

— Вот-вот начнется новая война, и вам нужно перебраться в безопасное место, — объяснил Мухаммед. — Мы не сможем сражаться, зная, что вы в опасности.

— Отец прав, — поддержал его Вади. — Я отвезу вас в Иерихон, к моей сестре Найме, и попрошу ее мужа Тарека, чтобы он при первой возможности переправил вас в Амман. В королевстве Абдаллы вы будете в безопасности.

Сальма поняла, что дальше возражать бесполезно, и на следующий день начала паковать вещи. «Не стоит брать слишком много, — уговаривала она себя. — Мы ведь скоро вернемся».

— Нам помогут, — сказал Мухаммед, глядя на сына.

— Кто? Кто нам поможет, отец? До сих пор мы только и делали, что совершали ошибки, но Омар Салем и его друзья оставались слепыми и глухими и видели лишь то, что им хотелось. Фавзи аль-Кавукджи проиграл эту битву.

— Он великий полководец, — сердито ответил Мухаммед.

— Но до сих пор этого не показал, — ответил Вади, сумев выдержать взгляд отца.

— Ирак, Сирия, Египет, Трансиордания — все они нам помогут. Я знаю, Абдалла поклялся, что не допустит потери Иерусалима, — ответил Мухаммед.

— Но ты знаешь также, что Абдалла не прочь расширить свое королевство. Как думаешь, удовольствуется ли он тем, что дали ему британцы? Человек, под началом которого я сражался, не так давно женился на бедуинке с того берега Иордана. Так вот, он сказал, что Абдалла хочет увеличить свое королевство.

— Этот человек лжет, — произнес вконец расстроенный Мухаммед.

— С чего бы ему лгать? Семья его жены всей душой предана Абдалле, а ее брат принадлежит к кругу самых доверенных людей короля. Оба говорят, что король принял эмиссара Бена Гуриона — ту самую женщину, имя которой иногда мелькает в газетах, Голду Меир. Кроме того, ты же и сам знаешь, что отец Абдаллы, эмир Хусейн-ибн-Али, шариф

Мекки, соглашался с тем, что евреи тоже должны иметь свой дом в составе большого арабского государства.

— Вот именно: в составе большого арабского государства, — подчеркнул Мухаммед. — Но он ни за что бы не позволил евреям создать свое собственное.

— Отец, Абдалла защищает интересы своего королевства, и все остальные страны тоже защищают собственные интересы.

— Даже если и так — ни Абдалла, ни остальные арабские лидеры не вправе бросить нас на произвол судьбы. Это стало бы их позором, им никогда этого не простят. Так что не сомневайся: они нас не бросят.

— И сколько людей они пришлют на подмогу?

Мухаммед печально взглянул на Вади, прежде чем дать ответ.

— Это не имеет значения. Бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись — это умереть или убить. Таков наш долг. Так мы и поступим.

— Хорошо, отец, так и поступим.

Сальма, Айша и Аниса плакали, прощаясь с Мухаммедом, который, несмотря на ранение, решил в ту же ночь вернуться к своим товарищам. Вади тоже, хотя и задавался вопросом, как и когда сможет отвезти женщин в Иерихон. Он не хотел спорить с отцом, и сам считал, что так будет лучше, только не знал, как это сделать.

Ночную тишину прерывали быстрые шаги — кто-то направлялся к дому. Мухаммед взвел курок винтовки, Вади последовал его примеру, велел женщинам спрятаться в другой комнате.

Они слышали стук в дверь и чей-то шепот. Вади с винтовкой в руках открыл дверь и шагнул назад, обнаружив за ней Изекииля и Марину. Но он не пригласил их войти и даже не опустил оружие.

— Убери оружие, — спокойно сказала Марина, мягко отстраняя Вади и проходя в дом.

Мухаммед поднялся ей навстречу, не сводя с нее напряженного взгляда. Женщины, едва услышав голос Марины, тоже вышли. Аниса и Сальма стояли молча, и лишь Айша сделала шаг к подруге.

— Я пришла, чтобы сказать, что вам нечего бояться, — произнесла Марина.

— Мы уезжаем из Иерусалима. Едем к моей племяннице Найме, — ответила Айша голос ее звучал вполне искренне, хотя Аниса смерила ее неодобрительным взглядом.

— Вам не нужно никуда уезжать, никто вас не тронет, — заверила Марина.

— А то, что нас гонят с нашей земли — по-твоему, этого недостаточно? — в голосе Вади прозвучала горькая ирония.

— Это ваш дом и, насколько мне известно, никто не требует, чтобы вы его покидали, — сказал Изекииль, делая шаг навстречу Вади.

— Мы сражались весь день — я и мой отец, — ответил Вади. — И готовы сражаться хоть до конца жизни, лишь бы избежать того, что, видимо, уже неизбежно.

— Израиль уже стал реальностью, — сказал Изекииль. — Вам лучше смириться с этим и понять наконец, что мы вам не враги.

Теперь он стоял прямо напротив Вади, их разделяли всего несколько сантиметров. Оба глядели друг другу прямо в глаза.

— Мы не согласны с разделом и никогда с ним не согласимся, — вставил Мухаммед. — Никто не имеет права отнимать нашу землю.

— Но это также земля наших предков, — возразила Марина. — И мы всегда считали, что вполне можем разделить ее с вами. Разве вы не помните, как мы вместе мечтали построить общее государство? Это еще вполне возможно.

— Ты же сама знаешь, что нет, — возразил Мухаммед. — Так что не пытайся обмануть себя и меня. Ты говоришь так, будто ничего не случилось, как будто не было всех этих лет вражды и ненависти. Ты говоришь как социалистка; так когда-то говорила твоя мать Кася. Но ваши мечты дали свои всходы, и сегодня вы провозгласили свое государство. Мне больше нечего тебе сказать.

Всех потрясло, как Мухаммед разговаривает с Мариной.

— Все могло быть иначе, — ответила Марина. — Жизнь могла повернуться совсем по-другому. Но что вы сделали для того, чтобы она сложилась по-другому? Ничего, ровным счетом ничего, разве что упорно отказывались признать наше право жить здесь. Я приехала сюда совсем маленькой девочкой, когда Палестина была не более чем задворками Османской империи. Ты прав, моя мать была социалисткой, как и Самуэль; она тоже считала, что Палестина станет такой, какой ее захотят видеть арабы и евреи.

— Быть может, твоя мать и Самуэль действительно так думали, но вот ваши лидеры всегда преследовали лишь одну цель: отхватить Палестину себе, — ответил Мухаммед.

— Мы всего лишь искали место, где могли бы жить, — голос Марины прозвучал тихо, словно у нее уже не было сил дальше спорить с Мухаммедом. — И мы хотели вернуть все на круги своя, возвратившись на то место, откуда когда-то ушли наши предки.

— Не стоит ворошить прошлое, в этом нет никакого смысла, — подал голос Вади. — Речь о том, что сегодня Бен Гурион провозгласил государство Израиль.

— Мы пришли не для того, чтобы спорить, — ответил ему Изекииль. — Мы пришли, чтобы сказать, что вам не о чем беспокоиться, вы не должны уезжать, это по-прежнему ваш дом и ваша земля.

— Мы не нуждаемся в вашем разрешении, — заявил Мухаммед. — И вы не вправе указывать, остаться нам или уехать. А теперь я прошу оставить нас одних, нам нужно собрать вещи...

Мухаммед сделал шаг в сторону входной двери, давая понять, что разговор окончен.

— Не уезжай, — попросила Марина, подойдя вплотную к Мухаммеду; тела их почти соприкоснулись. — Ты не можешь уехать...

— Я никуда не уеду, я буду сражаться, — ответил Мухаммед. — Единственное, о чем я молю Аллаха — чтобы мне не пришлось сражаться против Изекииля или против Игоря. Но если мы встретимся на поле боя — я не стану колебаться.

Последние слова Мухаммеда прозвучали как приговор.

— Пожалуйста, уходите, — попросил Вади.

— Вот так просто? — спросил Изекииль.

— Вот так ужасно, — ответил Вади.

На миг Марина закрыла глаза, а когда открыла их снова, ей померещились два корабля, плывущие в тумане слез. Изекииль обнял ее за плечи и повел к двери. Сальма, Аниса и Айша с серьезными лицами молча наблюдали. В конце концов Айша не выдержала, бросилась к Марине и крепко обняла ее.

— Мы обе потеряли своих детей... — повторяла она, рыдая в объятиях Марины.

Мухаммед подошел к сестре и оттолкнул ее от Марины.

— Не может быть, чтобы все так закончилось, — Марина потянулась к Мухаммеду, в ее голосе прозвучала мольба.

— Пожалуйста, уходи, — ответил Мухаммед.

Изекииль крепко стиснул руку Марины и потащил ее к двери. Они вышли из дома, даже не оглянувшись.

Вади запер за ними дверь, а Айша вновь разрыдалась. Сальма и Аниса тщетно пытались ее утешить.

— Что нас теперь ждет? — спросила сквозь слезы Айша у брата и племянника.

Ответил ей Вади.

— Теперь у нас начинается совершенно другая жизнь, и лишь Аллах знает, что будет потом.

В этот вечер Сальма, Айша и Аниса начали упаковывать вещи, дожидаясь, пока Вади найдет способ переправить их в Иерихон.

Всю ночь они провели в одиночестве, вознося молитвы Всевышнему, чтобы Мухаммед и Вади поскорее вернулись домой. Но дни проходили за днями, а женщины так и не знали, что с ними случилось. Время от времени забегала Марина, сообщая кое-какие новости.

Когда она впервые пришла в дом Мухаммеда после того, как он попросил ее уйти и больше не возвращаться, Сальма испугалась, Аниса разозлилась, зато Айша приняла ее с той же сердечностью, что и всегда.

Марина никогда не оставалась в доме дольше нескольких минут — вполне достаточно, чтобы поделиться новостями и убедиться, что со всеми тремя все в порядке, и они ни в чем не нуждаются.

— Что за наглая особа! — бросила Аниса после того, как Марина пришла в первый раз.

Но Айша резко одернула ее, не позволив сказать больше ни слова.

— Не смей ее осуждать, — сказала она. — Марина — моя лучшая подруга, и она приходит сюда лишь потому, что хочет нам помочь.

Сальма постаралась успокоить невестку и золовку.

— Не сомневаюсь, что она хочет как лучше, но думаю, ей стоит оставить нас в покое. Мухаммед однозначно дал понять, что не желает ее здесь видеть.

— Мой брат оскорблен, и у него есть для этого основания, — ответила Айша. — Но Марина никогда не была нашим врагом, и он это знает.

Именно от Марины они узнали, что ООН добилась заключения мира между обеими сторонами, который должен был вступить в силу с 11 июня. В этот день Вади вернулся домой. Он был совершенно измучен, его одежда насквозь пропиталась кровью и пропахла горечью.

Он почти ничего не сказал, лишь велел женщинам собирать вещи.

— Мы уезжаем прямо сейчас, — заявил он. — Вместе с другими семьями, которые бегут отсюда.

— А твой отец, когда он вернется? — спросила встревоженная Сальма.

— Не знаю, мама, быть может, сегодня вечером. Мы сражались в разных местах. Но это даже к лучшему.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю, я просто знаю.

— Мы побеждаем? — спросила Айша.

Вади не хотел ее обманывать. За чашкой чая он подробно объяснил ситуацию.

— Всё плохо. В войсках царит полный хаос. Похоже, лишь Арабский легион Абдаллы знает, что делать, они спасают Иерусалим.

— В таком случае, почему бы тебе не позволить нам остаться? — спросила Аниса.

— Потому что я не уверен, что у нас будет другая возможность уехать. Я не знаю, как долго продлится перемирие.

— Но если мы уедем, нашу землю и имущество захватят евреи, — возразила Аниса.

— Ты права, но, если вы останетесь, окажетесь в опасности.

— Я не хочу уезжать, — вмешалась Айша.

Вади был не в настроении спросить с женщинами и тем более заставлять их что-то делать. Когда появится Мухаммед, он рассердится, увидев их в доме, но Аниса была права — побег просто всё упростит для врага.

Возможно, стоит все-таки их убедить и избежать боли пострашнее — когда они превратятся в изгнанников.

Мухаммед вернулся через два дня после Вади. Его правая нога была зажата в лубки, а закусенные губы почернели от боли.

Сальма тревожно вскрикнула при виде мужа, но тот заверил ее, что не стоит беспокоиться.

— Рана совершенно пустяковая, — бросил он. — Мой час еще не настал.

Он был настолько обессилен, что заснул прямо на стуле. Когда он проснулся, Вади захотел немедленно поговорить с отцом.

Между ними состоялся печальный разговор.

— Полная неразбериха. Египетских и сирийских начальников больше заботит то, чего в войне добьется Абдалла, чем судьба палестинцев, — посетовал Мухаммед.

— Арабский легион закрепился в Западной Иордании, — объяснил Вади отцу.

— Вот поэтому они и не доверяют Абдалле, — ответил Мухаммед. — Они уверены, что он хочет заполучить эти территории для себя.

— Кое-кто из моих боевых товарищей тоже считает, что Абдалла не прочь расширить свое королевство за счет Сирии и Палестины — или хотя бы ее части, — сказал Вади.

— Я сражался с Фейсалом и Абдаллой против турок; тогда мы мечтали о великом арабском государстве, — ответил Мухаммед. Но теперь... Боюсь, что все, чего он хочет — это расширить границы своего королевства.

— Наш отец, как и ты, всегда был предан хашимитам, — сказала Айша, обращаясь к брату.

— Вот именно. Это твой муж Юсуф убедил меня вступить в войска шарифа Хусейна ибн-Али, отца Фесала и Абдаллы. мы боролись за создание большого арабского государства, но британцы нас предали, как и сейчас, своим уходом. Но прошлое остается в прошлом, сестра, а в настоящем мы просто боремся за выживание.

— И что же теперь будет с Иерусалимом? — решила спросить Аниса.

— ООН решила, что он останется под ее управлением, но Абдалла захватил Старый город, а евреи не желают отдавать ни пяди земли, которой владеют.

Отец с сыном согласились в одном — впереди их ждет лишь неопределенность, пока члены Лиги арабских государств, каждый со своими интересами, больше спорят, чем помогают в войне, которая уже стоит на пороге.

Мухаммед отругал сына за то, что не увел женщин в Иерихон, но в конце концов согласился, чтобы они остались дома еще ненадолго, в особенности когда 18 июля заключили новое перемирие, продлившееся до 14 октября, хотя за несколько дней до этого произошли события, которые опять всё изменили. представитель ООН, граф Фольке Бернадот, предложил сместить границы и оставить Иерусалим в руках короля Абдаллы. Это предложение стоило ему жизни. Его застрелил член Лехи, и хотя Бен Гурион осудил преступника, но так и не смог его схватить.

— Мы проиграли войну, — сказал Вади во время одного из своих кратких наездов домой.

Мухаммеду ничего не оставалось, как признать, что сын прав. Войска обороны Израиля наседали на всех фронтах, мало того, они завоевали и территории, которые ООН выделила арабам.

— Этот год назовут годом Накбы [\[13\]](#), главным кошмаром в истории нашего народа, — сказал Мухаммед.

Хотя Айша хотела остаться в доме брата, Нур настояла, чтобы мать поселилась с ней в Аммане. Эмад хорошо устроился, они жили в доме на холме, откуда могли созерцать весь город. У Нур теперь было двое детей, она ожидала третьего. Она была всем довольна, но скучала по матери.

— В молодости я не хотела жить в Аммане, и мой муж Юсуф был столь добр, что согласился поселиться здесь, в доме моих родителей, — рассуждала Айша, собирая вещи вместе с Анисой и Сальмой. — А потом мы построили собственный дом в Дейр-Ясине... И вот я снова возвращаюсь в Амман. От судьбы не уйдешь...

Ее зять Эмад не хотел ждать ни минуты. Его можно было понять: несмотря на то, что перемирие вступило в силу, переезжать с одного места на другое было по-прежнему небезопасно, и он спешил как можно скорее вернуться в Амман.

— Перед отъездом я должна попрощаться с Мариной, — заявила Айша с такой убежденностью, что лишь Мухаммед осмелился ей возразить.

— Тебе нельзя даже близко подходить к Саду Надежды. Все кончено, Айша, ты должна понять, что они нам больше не друзья.

— Неужели ты думаешь, что я могу простить тех, кто убил моего мужа и сына? — воскликнула Айша. — Но Марина здесь ни при чем. Разве ей приходит в голову упрекать меня в гибели своего сына Бена? А Изекииль потерял и мать, нашу добрую Мириам, и жену, но я ни разу не слышала, чтобы он обвинил нас в их гибели. И если мы настолько глупы, что не в состоянии отличить друзей от врагов — значит, грош нам цена.

Сальма и Аниса лишь диву давались, слушая эту грозную отповедь.

— Теперь у нас один выбор: мы или они, — повысил голос Мухаммед.

— Я никогда не перестану любить Марину, она мне как сестра. И я пойду с ней проститься. Я знаю, что мы больше сюда не вернемся и никогда не увидимся.

С этими словами она решительно вышла из дома и направилась в сторону Сада Надежды, петляя среди оливковых и апельсиновых деревьев.

Марина, издали завидев подругу, бросилась к ней навстречу.

— За мной приехал зять, — сказала Айша. — Я уезжаю в Амман.

— Но тебе же никогда там не нравилось, — напомнила Марина. — Ты никогда не хотела там жить.

— Тогда я была совсем молода, и мне было тяжело жить в доме моей свекрови. Бедная женщина старалась мне угодить, но дело было не в ней, а во мне. Я хотела жить с мамой и с вами, хотела жить с моей семьей.

— Если ты уедешь... — Марина так и не решилась договорить начатую фразу.

— Мы больше никогда не увидимся, — закончила за нее Айша. — Да, я знаю. Поэтому и пришла, чтобы проститься с тобой.

Заливаясь слезами, они обнялись. Они вместе росли, поверяли друг другу самые сокровенные тайны, обе потеряли детей, но никогда не винили друг друга в невзгодах, прекрасно понимая, что не в их силах что-либо изменить.

— Ты веришь, что однажды настанет день, когда арабы и евреи смогут жить вместе? — спросила Айша, утирая слезы.

— Только когда станет столько мертвецов, что больше невозможно будет терпеть. Тогда придется начать переговоры.

15 октября вновь начались боевые действия, и Мухаммед с Вади снова простились со своими женами. Они возвращались на войну.

— Но у тебя еще не зажила раненая нога, — прошептала Сальма на ухо Мухаммеду.

Он ничего не ответил. Прошлой ночью его разбудил крик Сальмы, которой привиделся кошмар. Сама не своя от ужаса, она рассказала, что увидела во сне умирающего Мухаммеда, лежащего в луже крови. Как он ее ни успокаивал, Сальма так и не смогла вновь заснуть, и муж крепко обнял ее, словно стараясь защитить от дурных мыслей и снов.

— Когда ты вернешься? — спросила Аниса у Вади.

— Не знаю.

— Меня беспокоит твой отец: он постарел прямо на глазах, — призналась она. — А на твою маму просто больно смотреть, так она переживает.

— Никто не в силах убедить его остаться дома. Он будет сражаться до последней секунды своей жизни. Он хочет умереть только на поле боя.

— Но...

— Тише, Аниса... Не надрывай маме сердце. Ты же помнишь, что говорил отец...

— Да, знаю, сколько раз это слышала... «Бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись – это умереть или убить». И всё же...

— Тише, Аниса, подумай о нашем ребенке, который вот-вот должен появиться на свет. И еще... Если все же возникнут проблемы, не стесняйтесь попросить убежища в Саду Надежды. Изекииль, Марина и Игорь смогут вас защитить.

— О чем ты говоришь? Какое убежище может быть в волчьем логове? Ты же сам сражаешься против евреев, а мне предлагаешь прятаться у них... Я не понимаю тебя, Вади, и твою тетю Айшу я тоже не понимаю...

— Я знаю, тебе трудно это понять, но я знаю, что Изекииль не допустит, чтобы с вами что-то случилось.

— Потому что он обязан тебе жизнью?

— И поэтому тоже.

Абдер Зияд родился раньше положенного срока. Вади в это время был на войне — сражался против израильских войск. Во время родов рядом с Анисой оказалась лишь ее свекровь Сальма.

Роды были долгими и трудными, но Аниса была медсестрой, и благодаря ее знаниям и опыту, свекрови удалось принять новорожденного Абдера.

Когда младенец издал первый крик, обе женщины заплакали от радости.

С тех пор как уехала Айша, Марина не приближалась к их дому. Когда же она решилась навестить соседей, Абдеру уже исполнилось две недели.

— Вам следовало известить меня, — укорила она Сальму.

Сальму задел ее упреком. На протяжении долгих лет она молча страдала, зная, что Мухаммед любит Марину, но сейчас внезапно ощутила в себе достаточно сил, чтобы резко ответить:

— Когда мой внук рождался на свет, в твоём присутствии не было никакой необходимости.

После этих слов Марина окончательно убедилась, что перестала быть в этом доме желанной гостьей, и что, как бы они с Айшой ни противились, но их прежний, такой знакомый мир уходил навсегда.

— Ты права, — ответила Марина. — Я уйду и больше не стану вас беспокоить. Я несколько на вас не в обиде, но не забывайте, что если вам однажды понадобится наша помощь, вы знаете, где нас найти.

Увы, радость от рождения Абдера была омрачена новой болью. Вскоре пришло известие о гибели Мухаммеда. В начале ноября удача вновь повернулась лицом к израильтянам, которые захватили всю Галилею, вынудив сирийскую и ливанскую армии отступить к своим границам. Вади воевал на севере, а его отец — на юге. Они ничего не знали друг о друге, пока однажды в полк Вади не прибыл один из людей Омара Салема. Этот человек принес плохие новости: Мухаммед погиб в одном из сражений с отрядом израильтян недалеко от Негева. Товарищи даже не смогли забрать его тело, которое лежало в луже крови, изрубленное в куски. Но один из его боевых товарищей собрал его личные вещи. Среди этих вещей оказалась фотография женщины, почти насквозь пропитанная кровью из раны возле самого сердца. Вади моментально ее узнал.

Вади вошел в дом с искаженным болью лицом. И мать, и жена сразу поняли: случилось нечто ужасное.

Сальма бросилась к Вади, но Аниса так и не решилась выпустить Абдера из рук и по-прежнему стояла, укачивая младенца.

— Отец погиб.

С губ Сальмы сорвался ужасный крик, который разнесся по всей округе. Испуганный малыш Абдер тоже заплакал. Вади обнял мать, пытаясь ее утешить.

— Он погиб, сражаясь, как всегда и хотел, — сказал он.

— Где... Где это случилось? — еле выговорила Сальма.

— На юге, в пустыне Негев.

Вслед за Вади и Сальмой зарыдала и Аниса; все трое горько оплакивали потерю Мухаммеда. Вади не помнил, сколько прошло времени, прежде чем он взял сына у нее из рук. Маленький Абдер, взбудораженный плачем взрослых, тоже зашелся надрывным криком.

Вади прижал сына к груди и молча поклялся, что никому не позволит причинить ему боль.

— Пообещай, что привезешь сюда тело отца, — попросила Сальма сына.

Вади не знал, сможет ли это сделать. Он, конечно, мог бы попытаться, но не обещал, что у него получится. Испокон веку тела павших бойцов оставались на полях сражений, и уцелевшие товарищи хоронили их там же — хоронили, как могли, не имея возможности совершить все необходимые обряды.

Он ничего не сказал ни матери, ни Анисе, но когда наступила ночь и женщины уснули, Вади крадучись вышел из дома. Полный решимости исполнить свой долг, он быстрым шагом направился в сторону Сада Надежды, не обращая внимания на проливной дождь, сквозь который невозможно было разглядеть дорогу.

В окне гостиной горел свет, и Вади понял, что кто-то из обитателей Сада Надежды уже проснулся.

Он долго стучал в дверь, пока, наконец, та не открылась. На пороге стоял Игорь.

— Я должен поговорить с Мариной, — заявил Вади без лишних слов.

— Думаю, она еще спит, — ответил Игорь. — Что тебе нужно?

— Я должен поговорить с ней, — настаивал он.

Казалось, Игорь колебался, впустить его в дом или оставить мокнуть под дождем.

— Проходи, — сказал он наконец, чуть запинаясь.

Марина предстала перед ним в домашнем халате, с распущенными по плечам волосами. Она сразу поняла по лицу Вади, что он хочет что-то сказать ей наедине.

— Игорь, ты можешь ненадолго оставить нас вдвоем? — попросила Марина.

В глазах Игоря вспыхнула ярость; просьба Марины его унизила. Мгновение он стоял в нерешительности; потом молча вышел из гостиной, даже не взглянув на них.

— Отец погиб, — чуть слышно произнес Вади.

Марина рухнула на колени, закрыв лицо руками и пытаясь заглушить крик. Вади вспомнил, что точно так же кричала Сальма.

Вади подошел к ней и почти силой поднял на ноги, обняв за плечи, словно родную мать.

— Он всегда любил тебя, — произнес он, протягивая ей фотографию с проступившими пятнами крови.

Марина взяла в руки карточку и судорожно схватилась за Вади, чтобы не упасть снова. На фотографии была она в восемнадцать лет. Когда-то давно она действительно подарила эту карточку Мухаммеду, но даже помыслить не могла, что все эти годы он свято ее хранил, пряча от Сальмы и всех близких.

Вади повернулся и решительно направился в сторону двери. Ему больше нечего было сказать. Он уже дал себе слово, что никогда больше ноги его не будет в Саду Надежды.

Однако самое худшее было еще впереди. В апреле 1949 года Израиль подписал перемирие с пятью арабскими государствами, с которыми прежде воевал. Условия этого перемирия включали и пункт относительно Иерусалима. Старый город отходил под власть Абдаллы, а новому государству оставалась западная его часть и анклав, расположенный на горе Скопус.

В тот день, когда было подписано перемирие, Сальма горько рыдала, чего прежде с ней не случалось. Палестины больше не было; ее дом располагался в западной части Иерусалима, которая отныне принадлежала государству Израиль.

У Вади больше не осталось никаких сомнений относительно того, что делать.

— Мы уезжаем, и уезжаем все вместе, — сказал он. — Мы не можем смириться с тем, что стали чужими в собственном доме. Если мы останемся здесь, то станем гражданами Израиля.

Аниса кивнула. Она тоже не хотела жить в стране, которая ей больше не принадлежала. Она до сих пор не могла взять в толк, как это дом, где родился ее сын, вдруг стал принадлежать другой стране. Получалось, что у них отняли не только будущее, но и прошлое.

Они упаковывали багаж с такой тщательностью, словно хотели забрать с собой не только вещи, но и воспоминания, которые не желали оставлять здесь.

Они как раз грузили вещи в старый грузовик Мухаммеда, когда вдруг увидели идущего к ним Изекииля. Вади встал у него на пути.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Я вижу, вы уезжаете, и захотел напоследок повидаться с вами. Это ваш дом, ваш сад, вы не должны все это бросать.

— Быть может, вы и привыкли жить на чужой земле и быть чужаками в собственных домах, но для нас это неприемлемо, — ответил Вади. — Мы вернемся, когда эта земля вновь станет нашей и снова будет называться Палестиной и никак иначе.

— Вади, я обязан тебе жизнью и не могу допустить, чтобы мы расстались врагами.

— Тебе достается все мое имущество, и ты же просишь меня не сердиться?

— Этот дом навсегда останется вашим, и только вашим. Клянусь тебе, ничья нога не ступит на эту землю.

— Уходи, Изекииль, — попросил Вади. — Позволь нам проститься со своим домом.

Изекииль не стал настаивать, развернулся и медленно побрел в сторону Сада Надежды. Он знал, что не в его силах предотвратить разрыв с Зиядами, ведь и он, и Вади были всего лишь пешками в чужой игре, и эта игра неизбежно вела к противостоянию.

15. Вторая катастрофа

Марина посмотрела на прикрывшего глаза Изекииля. Ей показалось, что он заснул, однако она вдруг почувствовала на себе его взгляд.

— Таков конец этой истории, — закончила она. — Что произошло дальше, вы и сами знаете. Теперь вы живете на этой земле, где прежде стоял Сад Надежды, а Зияды по-прежнему ведут в Аммане жизнь изгнанников. Та ночь 14 мая стала настоящим бедствием, поистине катастрофой, которая длится и по сей день.

— Вади Зияд больше ничего вам не рассказал? — спросил Изекииль, глядя на Мариан.

— Разумеется, он рассказал мне намного больше, — ответила Мариан. — Но я думаю, что было бы излишним пересказывать во всех подробностях то, что происходило за последние шестьдесят лет. Тысячи палестинцев заполнили лагеря для беженцев, расположенные в тех местах, что прежде были их родиной. Другие оказались в изгнании; кое-кто из них решил начать новую жизнь, обосновавшись в Европе, Соединенных Штатах, странах Персидского залива... Но ни один все эти годы не терял надежды на возвращение, — Мариан, казалось, с трудом подбирала слова.

— Я понимаю, что они не теряли надежды, — произнес Изекииль. На протяжении двух тысячелетий евреи тоже не уставали повторять: «Следующий год мы встретим в Иерусалиме».

— Значит, вы считаете, что палестинцы восстановят справедливость через две тысячи лет? — на этот раз в голосе Мариан прозвучала горькая ирония.

— Итак, мы остановились на 1948 году, когда власти мира впервые пришли к мысли о том, что единственный выход — раздел страны и образование двух государств. Людям пришлось с этим смириться, — в голосе Изекииля прозвучала печаль; казалось, он говорит сам с собой.

— Думаю, что на самом деле ситуация еще хуже, — ответила Мариан. — Слишком много погибших с обеих сторон.

— Мертвые здесь ни при чем. Это живые с обеих сторон делают все, чтобы помешать принять справедливое решение и достичь наконец желанного мира.

— Невозможно найти справедливое решение, учитывая, что Израиль продолжает нарушать все условия и строит свои поселения в местах, которые, согласно решению ООН, принадлежат палестинцам.

— Об этом вы и собираетесь рассказать в своем докладе?

— Да.

— Я надеюсь, что, помимо мнения на этот счет Вади Зияда, вы учтете и мою точку зрения, которую я неоднократно высказывал в наших беседах. Полагаю, будет очень интересно послушать две параллельные версии истории.

Мариан пожала плечами. Она вдруг почувствовала себе усталой и даже подумала, был ли вообще какой-то смысл в том, чтобы провести столько дней и часов, слушая бесконечные рассуждения этого старика. Однако Вади Зияд настоятельно просил ее об этом, и теперь она задавалась вопросом зачем.

— Ты ничего не потеряешь, если его выслушаешь, — убеждал ее Вади, пока она вела долгие беседы с израильтянином.

Да, конечно, Изекииль Цукер много страдал, но ничуть не больше, чем Вади и многие другие палестинцы, обманутые в своих надеждах.

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали, что произошло с Зиядами, — попросил Изекииль.

— Ну что ж, думаю, вы и сами можете представить, что их жизнь мало чем отличается от жизни многих других беженцев. 1948 год стал годом катастрофы, и мне кажется, прибавить тут больше нечего.

— Нет, Мариан, еще не время ставить последнюю точку. Вы ведь и сами знаете.

— Полагаю, больше не имеет смысла продолжать эти бесконечные рассказы...

— Пожалуйста, продолжайте, осталось совсем немного...

Мариан хотела сказать, что история закончена и говорить больше не о чем, но передумала и неохотно продолжила рассказ.

***

Вади и Аниса добрались до Иерихона, где остановились на некоторое время в доме Наймы. Сестра Вади была бесконечно рада увидеть их живыми.

Тарек, муж Наймы, предложил ему работать вместе с ним.

— Тебе все равно нужно чем-то зарабатывать на жизнь, а мне нужен человек, которому я мог бы доверять, — сказал он Вади. — Твоя сестра будет счастлива, если мы станем работать вместе.

Тем не менее, Вади отклонил щедрое предложение зятя. Он не хотел быть учителем и мечтал при первой возможности вернуться в Иерусалим. Пребывание в Иерихоне было для него лишь остановкой на этом пути, возможностью залечить душевные раны. Он непременно вернется в Иерусалим, вместе с Анисой и сыном. Он не знал, что случилось с братом Августином, но был по-прежнему преисполнен решимости продолжать обучать детей в импровизированной школе, а также вернуться на работу в типографию мистера Мура, если, конечно, тому не пришлось бежать из Старого города.

Он решил поручить Анису заботам сестры, пока не найдет новое жилье; потом он непременно вернется за ней. Вади не хотел, чтобы с Анисой и маленьким Абдером что-то случилось. У него мало что осталось, но все же достаточно, чтобы начать новую жизнь.

— Палестины больше нет, — сетовала Аниса.

И она была права. Палестины больше не существовало; теперь одна ее часть называлась Трансиорданией, а другая — Израилем. Да, границы еще не установились, они продолжали меняться, но надежды на возрождение Палестины больше не было.

Вади удалось снять скромный домик неподалеку от школы брата Августина, всего в сотне метров от Дамаскских ворот, за которыми начинался Старый город. К счастью, брат Августин был жив и не покинул Иерусалима.

В Иерусалиме родились и выросли четверо сыновей Вади и Анисы; там они и жили вплоть до 1967 года, пока израильяне не захватили весь город и не отправили их всех в новую ссылку — на сей раз в Амман.

Зияды были всей душой преданы семье Абдаллы, начиная с тех далеких времен, когда Мухаммед сражался бок о бок с Фейсалом и самим Абдаллой, мечтая о рождении большого арабского государства, и до провозглашения Трансиордании, которая вскоре станет называться Иорданским королевством. Зияды любили их так же беззаветно, как и саму

Палестину. Однако Аниса не разделяла столь безоглядной любви.

— В этой войне победили евреи и Абдалла, — жаловалась она Вади.

— Король Абдалла — самый разумный из всех арабских правителей, — отвечал Вади.

— Он единственный, кто не пытается обманывать своих подданных.

Брат Августин был согласен с Анисой.

— Абдалла построил свое королевство на развалинах Палестины, — говорил он.

— Полно, брат, не злись, — уговаривал его Вади. — Войска короля Абдаллы проявили в этой войне больше мужества, чем все те, кто обещал нас спасти. Кроме того, он отвоевал для арабов Старый город. Благодаря ему Иерусалим — наш.

— Да, Иерусалим — ваш, — отвечал монах, не питавший никакой любви к израильтянам. — Но не забывай, что западная его часть досталась евреям — та часть, где стоял твой дом и сад, где похоронены твои деды и прадеды.

Омар Салем, который тоже выжил в войне, по-прежнему оставался одним из самых влиятельных людей в Иерусалиме. Вади не питал к нему особой приязни, но при этом не мог забыть, что Омар был другом его семьи, и поэтому время от времени принимал приглашения в его дом, чтобы выпить чаю и побеседовать о будущем с другими гостями.

Тем не менее, отчуждение между Вади и Омаром Салемом все нарастало, и главной его причиной был муфтий Хусейни. Вади от всей души презирал Хусейни за его заигрывания с Гитлером во время войны, однако Омар Салем считал, что муфтий всего лишь стремился защитить Палестину от злоумышленников, каковыми были евреи в его глазах. Поэтому для Омара Салема стало настоящим оскорблением, когда король Абдалла назначил новым муфтием Иерусалима шейха Хусам-ад-Дин Яраллаха.

Вади никогда не скрывал своей симпатии к иорданскому королю и не видел ничего плохого в его стремлении сделать палестинцев единой нацией. Поэтому в тот день, когда Абдалла убили, Вади почувствовал, будто потерял члена семьи.

То роковое утро 1951 года пришлось на пятницу, и король решил отправиться в мечеть на Храмовой горе, чтобы помолиться. Его внук Хусейн, ставший впоследствии королем, вспоминал, что в тот день дед, словно предчувствуя судьбу, сказал, что ему бы хотелось погибнуть от выстрела в голову, и чтобы стрелявший остался неизвестным.

Вади в тот день как раз направлялся к мечети Аль-Акса, когда вдруг раздался глухой хлопок выстрела, а затем послышались крики. Он ускорил шаг, но тут иорданские солдаты преградили ему путь. В нескольких метрах впереди на мостовой распростерлось тело короля. Его убийцей оказался портной; какой-то ничтожный портной отнял жизнь у короля. Никто потом не вспомнит его имени, но звали его Мустафа Шукри Ушо.

Но в эти минуты всеобщего замешательства лишь один человек увидел и запомнил убийцу. Хусейн, внук короля.

Это убийство стало настоящим потрясением для Вади — как и для всех тех, кто питал симпатию к семье Хашимитов.

После этого жизнь вошла в привычную колею — вплоть до 1967 года, когда в результате Шестидневной войны разразилась новая катастрофа. Арабские государства вновь попытались возродить прежнюю Палестину — и потерпели неудачу, разбитые наголову армией Израиля. Война длилась шесть дней, и в итоге израильтяне захватили весь Иерусалим.

Евреи и арабы отчаянно сражались друг с другом за каждый дом, за каждую пядь земли. Вади и его сыновья вместе с другими арабами защищали город. Но все напрасно: очередная

война привела лишь к тому, что Израиль получил новые территории, в том числе и Старый город.

Вади Зияду вместе с Анисой и сыновьями пришлось отправиться в новую ссылку; теперь они нашли приют в Аммане.

Найма, сестра Вади, уговаривала их вернуться в Иерихон, но Аниса категорически отказалась.

— Я не хочу быть изгнанницей в собственной стране, — сказала она. — Если мы останемся в Иерихоне, то вынуждены будем подчиняться израильтянам, а они станут указывать, что нам можно, а чего нельзя. Так вот, я предпочитаю жить в таком месте, где никто не назовет меня чужой, где я хотя бы не буду чувствовать себя униженной.

Это были нелегкие годы. Какое-то время они жили в лагере для беженцев, где Вади обрел свое истинное призвание: учить детей. Он помог построить школу и прилагал все усилия, чтобы обеспечить детям хотя бы подобие нормальной жизни.

Они так никогда и не вернулись в Иерусалим. Израиль не дал разрешения. А кроме того, как бы смогли они там жить, чувствуя себя чужими в собственной стране? Для них, как и для большинства палестинцев, все было кончено еще в 1948 году. И это, как я уже сказала, конец истории.

Мариан замолчала. Было видно, что разговор ее утомил, и продолжать не хочется. Ее взгляд рассеянно блуждал по комнате.

— Вы собираетесь вернуться в Амман? — спросил Изекииль, возвращая ее к реальности.

— Да, хочу попрощаться с Зиядами.

— А потом вы вернетесь домой, к своей работе, напишите доклад, который потом опубликуют в газетах. Его несколько часов пообсуждают, а потом все останется по-прежнему.

— Да, все останется по-прежнему. Ваш сын по-прежнему будет проводить политику новых поселений, захватывая потихонечку палестинские земли, а тысячи людей будут взывать к справедливости.

— Вади Зияд рассказывал вам о том, как он жил все эти годы?

Вопрос застал ее врасплох. К чему он клонит?

— Да, конечно.

— Вы не могли бы мне рассказать?

— Не понимаю, почему вы так настаиваете... — сказала она. — Вы же знаете лучше меня, что в 1948 году жизнь палестинцев превратилась в настоящий ад. Не думаю, что имеет смысл продолжать.

— А я вам скажу, что, если уж мы говорили о том, что было до 48 года — то должны узнать о том, что стало дальше; кстати, я полагаю, что именно поэтому вы здесь оказались. В конце концов, никому не интересно все то, о чем мы с вами до сих пор говорили; но в тех событиях, которые произошли в ночь на 14 мая 1948 года, как раз и кроется причина вашего появления.

— К сожалению, я не могу больше задержаться в Израиле ни на один день. Босс требует, чтобы я немедленно возвращалась.

— Значит, вас совершенно не интересует, чем все закончилось?

Мариан беспокойно заерзала. Изекииль заставил ее занервничать.

— Ну что ж, тогда я вам расскажу, что было дальше.

— Думаю, вам будет трудно рассказать мне о том, что произошло с Зиядами, — возразила Мариан.

— Вы ошибаетесь, мне это вовсе не трудно. Точно так же, как Вади Зияд может поведать вам во всех подробностях о том, что в эти годы происходило со мной.

— Не понимаю...

— О, разумеется, не понимаете... Вполне может быть, что вы знаете о Зиядах даже меньше, чем знаю я.

— Вы ошибаетесь, ни Вади Зияд, ни его внуки ничего от меня не скрывали... Поверьте, у них не было для этого никаких причин.

— Я понимаю, что вы устали и хотели бы поскорее закончить. Мне бы тоже этого хотелось. Но все же позвольте рассказать окончание этой истории. Уверен, Вади не будет возражать. С того рокового 1948 года мы оба много страдали, и оба понесли тяжкие утраты: мы потеряли своих детей. А самое грустное — то, что его дети, так же, как и мои, погибли, сражаясь за идеи, в которые свято верили.

— Я уже почти закончила доклад. Полагаю, мне больше нечего добавить. К тому же я устала...

— Не волнуйтесь, у вас будет достаточно времени, чтобы хорошенько обо всем подумать. И думаю, уже сегодня вечером для вас начнется новая жизнь.

— Я вас не понимаю...

— Разумеется, понимаете, только боитесь это признать. Так вот, слушайте дальше...

Я ничего не знал о Вади вплоть до 1972 года. Он не желал ничего обо мне слышать, да и я не искал повода с ним увидеться. Война разлучила нас; мы оказались во враждующих лагерях, и на карту было поставлено много больше, чем жизни нескольких тысяч человек, для которых оказалось чрезвычайно важным обладать этим куском земли.

Израильтяне хорошо понимали, за что борются; знали, что если у них отнимут этот кусок земли, им снова придется вести жизнь вечных скитальцев, вручив свою судьбу в чужие руки. Мы не могли этого допустить. На протяжении веков мы томились в гетто, платили неподъемные налоги тем, кто соизволил принять нас в свои государства, терпели неустанные гонения и клевету и постоянно страдали из-за несправедливой ненависти всех тех, кто обвинял нас в том, что мы распяли Иисуса.

На протяжении скольких поколений детям твердили одно и то же: евреи убили Иисуса! Это на долгие века сделало нас преступниками и париями, а мы на протяжении этих веков делали все, чтобы не возбуждать лишнего гнева всех, кто ненавидел нас уже за то, что мы живем на свете. Мы страдали от погромов в России, Польше, Германии и еще во многих и многих местах... Нас изгнали из Испании, Португалии... На свете не было ни одного места, которое мы могли бы считать своим; все, что у нас было, что давало нам силы все эти годы и века — неистребимое чувство, что есть на свете место, откуда мы все родом, где кроются наши корни, и это место — голые холмы Иудеи и Самарии.

«Следующий год мы встретим в Иерусалиме», — повторяли многие и многие поколения евреев на протяжении веков — до тех пор, пока в один прекрасный день несколько сотен мужчин и женщин решили туда вернуться. Мой отец, Самуэль Цукер, был одним из этих людей. Затем Германия развернула самую страшную программу массового уничтожения евреев — Холокост. Шесть миллионов человек погибли в газовых камерах концлагерей. И мы это допустили. Мы позволили загонять нас в концлагеря, как наши предки на протяжении веков терпели гонения и погромы, позволяли сжигать свои дома и убивать

детей.

Когда палестинские евреи узнали обо всех ужасах, совершенных нацистами во время Второй мировой войны, им стало ясно, что нам нужен собственный дом и что этот дом ждет на земле предков, и нигде больше. Мы поделились своими соображениями с несколькими влиятельными арабскими семьями — такими, как семья Хашимитов, и они, казалось, были готовы пойти нам навстречу — по крайней мере, в этом вопросе. Вы знаете, в чем арабские лидеры на протяжении десятилетий обвиняют иорданскую королевскую семью? В том, что они сохраняли чувство реальности — и в прошлом, и в настоящем, и старались хоть как-то найти с нами общий язык. Этого им так никогда и не простили, несмотря на то, что они храбро сражались за правое дело. Иорданцы — поистине грозные воины.

Я уже говорил, что с того памятного дня 1949 года, когда Вади и Аниса покинули свой дом, мы ничего не знали друг о друге. Я не знал, что Айша умерла в Аммане, а она не знала о смерти Марины и Игоря.

Сказать по правде, Марина ненадолго пережила Мухаммеда. И мне кажется, что душа ее умерла в тот самый вечер, когда Вади принес в Сад Надежды весть о его гибели.

Через несколько дней у Марины случился сердечный приступ. Тогда она поправилась, но ненадолго, и вскоре ее сердце остановилось навсегда. Как Марина не смогла пережить потерю Мухаммеда, так и Игорь не смог перенести потерю Марины. У него случился инсульт, приковавший его к инвалидной коляске.

Таким образом, я внезапно оказался в нашем некогда общем доме почти один, с инвалидом на руках, утратившим смысл жизни и почти беспомощным. Я, конечно, подумывал о том, чтобы поместить его в какую-нибудь клинику, где за ним будет надлежащий уход. Тем не менее, я этого не сделал, понимая, что ни мой отец, ни мать никогда бы мне этого не простили. Мы с Игорем остались последними из тех, вместе с кем отец построил этот дом — в той, прежней жизни, которой не суждено было вернуться. На протяжении нескончаемо долгого года я ухаживал за Игорем, пока однажды утром не обнаружил его в постели, уснувшим вечным сном.

После похорон Игоря я остался совершенно один. В то время я служил в армии. Начальство стало поручать мне различные миссии в странах противников: быть может, потому, что я владел арабским языком так же свободно, как ивритом. Первой из этих миссий была помощь еврейским общинам в Ираке, Сирии, Иране и Египте, они ужасно страдали как вы, несомненно, знаете или, во всяком случае, должны знать. После 48 года на них объявили настоящую охоту: изгоняли из собственных домов, отнимали землю и имущество; многие просто погибли; другие, благодаря нашей помощи, начали новую жизнь в изгнании. Главная же трагедия в том, что большинство из них даже не были сионистами; их предки испокон веков жили в Каире, Багдаде, Дамаске, Тегеране.

Больше мне нечего рассказать о себе самом, так что дальше в моем рассказе речь пойдет о Вади Зияде, чья судьба неразрывно переплелась с моей еще в те далекие времена детства, когда он спас мне жизнь.

Я продал Сад Надежды, но попытался сохранить дом и маленький садик Зиядов. К сожалению, мне это не удалось: то и другое конфисковали.

Я думал о Вади всякий раз, когда кто-то из евреев, которым я помог перебраться в Израиль из отдаленных уголков Ирака, рассказывал мне со слезами на глазах, что это такое — знать, что никогда не сможешь вернуться к родному очагу. Они рассказывали мне о своих домах, садах, угольях, о своих воспоминаниях, а я вспоминал о Вади, понимая, что и он

испытывает те же горькие чувства.

Я женился во второй раз. Я не верил, что смогу после Сары снова полюбить, но потом снова встретил Паулу. Та девочка, которую я когда-то обучал ивриту в кибуце, выучилась на юриста и теперь работала аналитиком в министерстве обороны. Признаюсь, я был удивлен, потому что в те времена, когда мы познакомилась, я не отдавал должного ее уму и упорству.

Мы совершенно случайно встретились в Иерусалиме. Я бесцельно бродил по Старому городу, который всегда очень любил, и вдруг увидел ее. Она была одна, и я решился к ней подойти. Я не разговаривал с ней с того самого дня, когда позвонил в кибуц, чтобы сообщить ей о женитьбе на Саре. Я боялся, что она прогонит меня, но она этого не сделала. Потом мы долго сидели в кафе, рассказывая друг другу о своей жизни. С этого дня мы больше не разлучались. Мы поженились через три месяца и с тех пор жили вместе, пока десять лет назад она не умерла от рака. У нас было трое детей. Старший, Юваль, погиб на войне в 1973 году. Второго, Аарона, вы знаете: это он привез вас ко мне. Это единственный из моих детей, кто остался в живых, поскольку третий мой сын, Гедеон, погиб во время теракта. Он проходил военную службу. Его джип подорвался на mine; вместе с ним погибли еще трое солдат. Ему было всего девятнадцать лет.

Я рассказываю вам об этом, потому что именно благодаря Пауле я смог воссоединиться с Вади.

Вы знаете, просто не можете не знать о том, что не все палестинцы, которые нашли приют в Иордании, были преданы королю Хусейну. Иордания стала плацдармом, с которой палестинские боевики нападали на Израиль; но этого им показалось мало, и в начале семидесятых годов они предприняли попытку свергнуть короля. Противостояние между королем Хусейном и Ясиром Арафатом вылилось в кровавую бойню. Хусейна даже попытались убить.

В семидесятые годы в ООП и других подобных организациях состояло более ста тысяч человек, это было своего рода государство в государстве. Противостояние стало неизбежным, но главный парадокс заключался в том, что некоторые палестинцы сражались на стороне иорданцев. Летом 1971 года Хусейн одержал победу и принялся наводить в стране порядок. Во время разборок погибли двадцать тысяч палестинцев, в том числе и старший сын Вади. Он погиб в 71 году, а два года спустя погиб мой старший сын... Но вернемся к Иордании, к противостоянию между палестинцами и Хусейном, итогом которой стал печально известный Черный Сентябрь.

Я служил в армии, когда летом 1972 года мне сообщили, что со мной хочет встретиться какой-то монах.

— Говорит, что его зовут брат Августин, и что вы его знаете.

Я был поражен. Это был привет из прошлого — того прошлого, что по-прежнему жило где-то в дальнем уголке моей души.

Я с трудом узнал его. За минувшие годы он постарел и исхудал. Мы не пожалели друг другу руки. Мы с ним никогда не были друзьями, и я знал, что он недолюбливает евреев.

— Чего вы хотите? — спросил я.

— У меня для вас сообщение от Вади Зияда.

При этих словах я покрылся холодным потом, но изо всех сил постарался взять себя в руки, чтобы монах не заметил моего замешательства. Я ничего не ответил, предпочитая дожидаться, пока он сам выложит, зачем пришел.

— Дело в том, что Латиф, младший сын Вади, попал в тюрьму — здесь, в Израиле. Он еще совсем молод, но очень отважен. Он пробирался в Иерихон, чтобы потом добраться до Иерусалима, но его задержали.

Я продолжал молчать — даже не потому, что хотел позлить монаха, а просто чтобы выиграть время и все обдумать.

— Так вот, Вади хочет, чтобы вы помогли его освободить. Его сыну всего шестнадцать. Он совсем еще мальчик — храбрый, бесстрашный, но мальчик. Он никому не причинил зла.

— Это вы так утверждаете, — ответил я.

— Можете мне поверить, он вовсе не террорист.

— Даже если и так, — ответил я, очень надеясь, что мой голос прозвучал достаточно равнодушно. — Однако он зачем-то пересек границу и попытался добраться до Иерусалима. Наверное, с каким-то сообщением, скорее всего — инструкциями относительно очередного теракта.

— Палестинцы защищаются, как могут, — возразил монах. — То, что вы называете терроризмом — просто один из способов ведения войны.

— Так вы считаете, что угон самолетов и бомбы в гражданских объектах — всего лишь способ ведения войны? — спросил я, уже не скрывая своего раздражения. — Это самый настоящий терроризм, а люди, которые этим занимаются — худшие из мерзавцев.

— Я пришел не для того, чтобы обсуждать войну, мне поручено доставить вам сообщение; вспомните, вы ведь обязаны жизнью Вади Зияду. Он никогда не напоминал вам об этом, потому что не хотел, чтобы вы чувствовали себя его должником, но сейчас настало время вернуть ему долг. Спасите его сына. Он уже потерял двоих сыновей: один погиб, сражаясь против войск Арафата, а другой — на границе, во время перестрелки с израильтянами. Он не хочет потерять еще и этого мальчика.

Брат Агустин повернулся и быстро зашагал прочь, не дав мне времени ответить.

Я рассказал Пауле о случившемся и попросил ее о помощи.

— Ты должна знать, где держат палестинцев, которых арестовали за нарушение границы, — сказал я.

— Единственное, что я могу сделать — это выяснить, что конкретно натворил этот твой Латиф, — ответила она. — Но тогда мне придется сообщить руководству, чем вызван такой интерес к парню.

— Тогда скажи им правду. Правда — самый кратчайший путь, а я всего лишь хочу знать, в чем его обвиняют. Я должен вернуть долг.

— Не смей меня,IZEKIИЛЬ! Да, Вади спас тебе жизнь, когда ты был ребенком, это весьма похвально, и ты всегда будешь ему за это благодарен, но не должен становиться заложником этой благодарности.

Я не знал, как объяснить Пауле свою позицию, понимая, что она имеет смутное представление о нравах Востока. Я родился в Иерусалиме, вырос среди арабских детей, и мне были хорошо знакомы их обычаи и неписанные законы, один из которых гласит: жизнь за жизнь; это закон столь же свят, как и закон мести: око за око. Но Паула была немкой, она родилась и росла в Берлине, пока ей вместе с родителями не пришлось бежать от нацистской угрозы, и у нее был совершенно другой взгляд на вещи.

— Паула, у меня есть долг, который я должен вернуть, и я прошу тебя мне помочь. Если этот мальчик не совершил никаких преступлений, я должен вернуть его отцу.

— Ты с ума сошел! Это не тебе решать.

В конце концов, Паула все же выяснила обстоятельства дела. Версия брата Августина подтвердилась. Лати́фа действительно задержали в нескольких метрах от реки Иордан, едва он успел пересечь границу. Ничего криминального при нем не нашли. Парень упорно твердил одно и то же: «Я шел в Иерихон, чтобы навестить тетю, только и всего». Разумеется, ему не поверили. Однако знал правду: брат Августин, сам того не желая, проговорился, что Лати́ф не просто шел в Иерихон, а собирался добраться до Иерусалима, куда должен был доставить сообщение для одного из членов ООП в Израиле. И как бы он ни утверждал обратное, я догадывался, что он уже далеко не в первый раз пересекал границу.

Я поговорил со своим армейским начальством насчет Лати́фа и постарался объяснить, что, если мальчик не совершил никаких серьезных преступлений, его нужно отпустить. Однако начальство ответило, что незаконное вторжение в Израиль — уже само по себе преступление, и если он даже не совершил ничего более серьезного, то лишь потому, что его вовремя задержали.

Увы, я не адвокат. У меня диплом агронома, хотя я никогда не работал по специальности, поскольку посвятил свою жизнь военной службе. Я не знал, как быть, но решил сделать все возможное, чтобы вернуть Лати́фа Вади. Паула посоветовала обратиться за помощью к одному молодому, но уже известному адвокату.

— Этот адвокат — настоящий кошмар для Министерства обороны, — сказала она. — Он берется защищать всех палестинцев подряд, независимо от того, что они натворили, и почти всегда добивается оправдания — если, конечно, речь не идет о кровавых преступлениях.

Кабинет Изахи Баха в Тель-Авиве представлял собой просторное помещение с тремя рабочими столами, за которыми, кроме самого Баха, работали еще двое молодых людей. Я объяснил им суть проблемы, и они, не колеблясь ни минуты, заявили, что возьмутся за наше дело.

— Это будет нелегко, но мы должны хотя бы попытаться, — заявил Изахи. — Но хорошо уже то, что его обвиняют всего лишь в незаконном переходе через границу.

— Конечно, но постарайтесь, чтобы его не продержали в тюрьме слишком долго, — я почти умолял этих юнцов, самому старшему из которых не исполнилось еще и тридцати лет.

— Видите ли, нам не хотелось бы вас обманывать, — ответил Изахи. — Вам следует знать, как это происходит. Прежде всего необходимо получить разрешение на свидание. Причем желательно, чтобы меня сопровождал тот монах, чтобы Лати́ф знал, что может мне доверять. Когда мы узнаем, как у него дела и он расскажет нам свою версию случившегося, я начну готовить защиту. Это будет непросто, но все же возможно.

— Мальчик не сделал ничего плохого, — оправдывал его я.

— Чтобы между нами все было ясно, — остановил меня Изахи. — Мы считаем, что Израиль имеет право на существование, но и палестинцы тоже имеют право на собственное государство, и я признаю, что они по-своему правы, делая то... что делают. Не сомневаюсь, что Лати́ф пытался доставить сообщение палестинским боевикам, действующим на территории Израи́ля; однако, если прокурор не сможет этого доказать, его признают невиновным. Никто не может быть признан виновным, если суд не доказал обратного.

— Почему вы защищаете палестинцев? — поинтересовался я.

— Потому что мы не хотим, чтобы Израиль утратил человеческий облик, — ответил Бах. — Ведь это первое, что теряет страна во время войны.

Сам не знаю почему, но я им поверил. Я нашел брата Августина и попросил его

позвонить Изахи Баху.

— Это все, что я могу сделать, — пояснил я.

— Не слишком много. Вади ждет, что вы сможете добиться освобождения его сына.

— Вади не так глуп и должен понимать, что есть вещи, которые от меня не зависят, как бы я ни старался вернуть ему долг. Долг я ему верну — во всяком случае, постараюсь, но нужно действовать последовательно.

Судебный процесс занял шесть месяцев, но в конечном счете Изахи Бах смог добиться даже большего, чем я надеялся. Латифа приговорили к одному году тюремного заключения, а затем высылке в Иорданию. Поскольку восемь месяцев он уже отсидел, то от вождеденной свободы его теперь отделяло только четыре.

Я не был знаком с сыном Вади, поскольку Изахи Бах попросил меня не являться на суд. Я ожидал его у выхода из тюрьмы, которую он покинул в сопровождении Изахи. Он был очень похож на Анису — те же резкие черты лица, миндалевидные глаза, тонкий профиль. Я подошел к нему и протянул руку, но он сделал вид, что не заметил этого жеста, а я не стал настаивать.

— Мы довезем тебя до границы, отец будет ждать на той стороне, — сказал брат Августин.

Когда мы добрались до моста Алленби, парень прыжком выскочил из машины. Ему не терпелось поскорее вернуться к своим. Он не сказал мне ни слова благодарности, даже не взглянул в мою сторону. Не то чтобы я ожидал от него каких-то изъявлений благодарности, но мне хотелось хотя бы увидеть его довольным.

Показав таможенникам документы и перекинувшись несколькими словами с одним из них, после чего солдаты настороженно поглядели на нас и внимательно просмотрели бумаги, Латиф направился по мосту на другой берег Иордана, даже не оглянувшись.

— Не очень-то он вежлив, — заметил я, глядя, как он быстрым шагом удаляется.

— А чего вы хотите? Он всего лишь мальчик, который всю жизнь прожил в лагере для беженцев. Его задержали, допрашивали — не исключено, что даже били, потом держали в тюрьме, так что ему не за что нас благодарить. Поставьте себя на его место.

— На его месте я бы сказал спасибо тем, кто помог меня освободить, — ответил я.

— Ни вам, ни мне он не обязан своей свободой. Мы всего лишь восстановили справедливость.

— И вам, и мне прекрасно известно, что он нес сообщение для активистов в Иерусалиме, — напомнил я.

— Возможно. Но это не доказано. Он мужественно перенес все допросы, не сказал ни слова и пострадал за это.

— Он — будущий террорист, — отрезал я.

— Возможно, но ни вы, ни я не можем утверждать это наверняка. Представьте, что бы вы сами делали, как бы себя вели, если бы оказались на его месте.

— Так или иначе, они должны смириться с тем, что Израиль — это реальность, — сердито ответил я.

— Да, однажды настанет день, когда они вынуждены будут это признать, — согласился Изахи. — А нам, в свою очередь, придется признать, что у них тоже есть свои права.

Да, Изахи Бах порой раздражал меня, но со временем стал одним из лучших друзей.

Спустя два месяца брат Августин вновь появился у меня в кабинете.

— У меня есть для вас сообщение от Вади, — сказал он.

Как и в прошлый раз, я не стал спрашивать, что это за сообщение.

— Он чрезвычайно благодарен вам за все то, что вы сделали для его сына.

— Я должен был это сделать. Так что теперь мы квиты.

— Да, конечно, вы квиты, но на этот раз он хотел бы попросить вас об одном одолжении.

Я напрягся, услышав эти слова. Вторжение Вади в мою жизнь грозило внести в нее смуту. Я заплатил свой долг и не собирался делать никаких одолжений врагу, ведь, нравилось нам это или нет, но теперь мы были врагами.

— Дело в том, что у Вади есть еще один ребенок, о котором ему ничего не известно. У него нет возможности хоть что-то узнать о нем, и он очень надеется, что вы сможете помочь.

— Если задержали кого-то еще из его сыновей, то меня это больше не касается, — ответил я. — Передайте ему, что я должен следить за порядком в стране и не могу допустить, чтобы в ней хозяйничали террористы.

— Никакие они не террористы, — возразил монах. — Но сейчас я имею в виду вовсе не детей Анисы.

Слова брата Августина повергли меня в растерянность. Я не знал, что делать. Даже всерьез подумывал, не отправить ли мне его восвояси, оборвав тем самым тонкую ниточку, что протянулась между мной и Вади после двух десятилетий разлуки. Однако я этого не сделал, и теперь искренне рад, что поступил именно так.

— Несколько лет назад Вади познакомился с одной женщиной. Она была испанкой, врачом, приехала с группой врачей и медсестер — тех добровольцев, что помогали палестинским беженцам, обосновавшимся в Иордании. Вади как раз был одним из тех, кто помогал им обустроиться, и, таким образом, был напрямую связан со всеми организациями, которые занимались поставками еды, медицинской помощью и прочим. Детям требовались прививки и особое питание, у взрослых тоже были свои недуги, они нуждались в медикаментах и врачебных консультациях.

Вади предложил Элоисе осмотреть детей в школе; это ему казалось безопаснее, чем проводить его на территории лагеря. Она согласилась. Так начались их отношения. Потом он признался, что полюбил ее с первого взгляда. «Она показалась мне настоящей принцессой из сказки», — признался он. И он прав. Она и в самом деле похожа на принцессу — голубоглазая блондинка, обманчиво хрупкая. Будь я помоложе и не дай в свое время монашеский обет, я тоже не устоял бы перед ее красотой. Просто удивительно, что Элоиса обратила внимание на Вади. Шрамы, оставленные огнем в тот день, когда он спас вам жизнь, со временем стали резче, еще больше уродуя его лицо. К тому же он было уже далеко не юн. Зато держался с достоинством, и я понимаю, что могла найти в нем эта женщина.

Когда же кончилось лето, и испанские волонтеры вернулись домой, она осталась, решив, что будет продолжать работать в лагере беженцев; она ни на что не рассчитывала, просто старалась им помочь, но прежде всего хотела быть рядом с Вади.

— А Аниса? — спросил я у монаха.

Я хорошо знал Анису и понимал, что она ни за что не согласилась бы отдать мужа другой. Эта женщина обладала сильным характером; она готова была страдать и бороться за свое счастье и скорее умерла бы, чем отступила. Однако время меняет всех, поэтому я с интересом ждал, что скажет монах.

— Аниса видела и слышала лишь то, что хотела, — ответил он. — Она понимала, что не

может соперничать с Элоисой и, если попытается вмешаться, то потеряет Вади навсегда. Мужчине не следует влюбляться после сорока лет, а Вади было уже больше пятидесяти.

Аниса сделала все возможное, чтобы внезапная страсть отца не отразилась на детях. Она повела себя достойно, но не уехала из их дома, куда Вади навещался всё реже.

Никто не удивился, когда Элоиса забеременела. Никто не спрашивал, от кого она ждет ребенка, да в этом и не было необходимости: чрезмерная забота, которую проявлял Вади по отношению к ней, развеяла бы любые сомнения.

При этом никто из них двоих не мог предположить, что Элоиса заболела. Это оказалась пневмония, как сказал врач из Аммана. Элоиса была очень больна, и Вади решил, что должен связаться с ее семьей и объяснить ситуацию.

Из Испании приехала мать Элоисы, чтобы ухаживать за дочерью. Когда она увидела Вади, то не смогла скрыть изумления, что дочь могла влюбиться в этого человека с изуродованным лицом. Думаю, она удивилась еще больше, когда узнала, что он женат.

Элоиса упорно отказывалась возвращаться в Испанию; она хотела, чтобы ребенок родился в Иордании, как можно ближе к Палестине. Но ее мать, донья Мария де лос Анхелес, не желала ничего слушать. Она прямо заявила Вади:

— Вам должно быть известно, что я не одобряю ваших отношений. Очевидно, вы злоупотребили чувствами моей дочери. Она всего лишь девочка, только что закончившая учебу; ее голова полна романтических бредней и мечтаний о помощи ближним. Сознаюсь, это наша с ее отцом вина: мы позволили этим фантазиям зайти слишком далеко, но что сделано, то сделано. У вас есть жена и дети, вы должны вернуться к ним, и если вы действительно любите Элоису, то должны убедить ее вернуться в Испанию, потому что здесь она просто не выживет.

— Но врач сказал, что ее опасно перевозить, — возразил Вади.

Мать Элоисы впала в такую ярость, что ее крики были слышны по всему лагерю.

— Вы просто эгоист! — кричала она. — Ради своей прихоти вы готовы пожертвовать жизнью моей дочери! Разве мало она сделала для всех вас? Я добьюсь того, чтобы любой ценой увезти ее отсюда, и клянусь, вы больше никогда ее не увидите.

Вади, обескураженный криками этой женщины, признался, что у них будет ребенок.

— Да, у моей дочери будет ребенок, и этому крошечному существу здесь не место. Скажите на милость, для чего вам все это нужно?

Элоисе оказалось не под силу противостоять решимости матери, и спустя два дня они сели на самолете в Мадрид. С тех пор Вади ничего не слышал о ней; он даже не знает, родила ли она ребенка, которого они так ждали.

— Хорошо, но какое отношение все это имеет ко мне? — спросил я, пораженный не столько его рассказом, сколько тем, что Вади решил обратиться ко мне за помощью.

— У Вади нет ни денег, ни связей, чтобы разузнать о судьбе Элоисы, а у вас они есть.

— Да он с ума сошел! — воскликнул я. — Передайте ему, что я сожалею о случившемся, но ничем не могу помочь.

— У вас есть деньги, друзья и возможности. Вы могли бы съездить в Мадрид и выяснить, что случилось с Элоисой.

Я взглянул на монаха, подумав, не смеется ли он надо мной. Просьба Вади казалась

настолько нелепой, что я почувствовал себя неловко.

— Итак, вы с Вади решили, что я должен обивать пороги, получая разрешение на поездку в Мадрид, лишь для того, чтобы разыскать какую-то врачиху, которую я знать не знаю, но которая когда-то имела любовную связь с кем-то, кого я знал в детстве, — подвел я итоги. — Разумеется, и армия, и моя жена не станут мне препятствовать. Наверное, Вади в полном отчаянии, если решился попросить меня об этом!

— Он просит вас об этом, потому что только вы можете ему помочь, — ответил монах. — У него больше нет никого, кто мог бы это сделать.

Брат Августин не желал слушать никаких доводов; он, несомненно, считал, что для палестинского беженца, живущего в лагере в Иордании, вполне естественно просить израильского военнослужащего, чтобы тот все бросил и начал распутывать его давнишние амурные делишки.

К тому времени Сад Надежды остался для меня лишь воспоминанием, как и те люди, что окружали меня в детстве и юности. Я сражался во время Второй мировой войны, потом во время войны за независимость, после, в 56 году — в Суэце, позднее, в 67, участвовал в завоевании Иерусалима, так что вся моя жизнь, все стремления были отданы делу становления и процветания Израиля. К тому же я хотел быть счастливым с Паулой и нашими детьми. Я уже выплатил Вади свой долг, когда вытащил из тюрьмы его сына Латифа, хотя и не сомневался при этом, что он был пособником террористов. Я и так уже сделал для него больше, чем следовало, и теперь даже пальцем не шевельну для Вади. Именно это я и сказал монаху.

Вечером я рассказал Пауле о случившемся, чем от души ее повеселил.

— Помнится, этот Вади был твоим лучшим другом, — напомнила она. — Когда мы с тобой познакомились, ты только и говорил, что о нем.

— Да, верно, — согласился я. — Но сейчас мы оказались во враждующих лагерях: он хочет уничтожить Израиль, а я делаю все возможное, чтобы этого не допустить. Так что боюсь, теперь у нас очень мало общего.

— Ну, я на твоём месте не судила бы так прямолинейно. Было время, когда ты сам говорил, что у палестинцев должно быть собственное государство.

— Я и теперь так считаю, но позволь тебе напомнить — арабские лидеры грозятся, что не успокоятся, пока не утопят нас в море. Нет уж, я не стану для него ничего делать; я и так уже сделал достаточно. Больше того, я начинаю жалеть, что помог его сыну Латифу, потому что уверен, что он — чистой воды террорист.

— Этого ты не знаешь.

— Разумеется, именно на этом и строится вся защита Изахи Баха — наличие преступных намерений доказать невозможно; тем не менее, все мы прекрасно знаем, что ни один палестинец не станет нарушать границу только лишь для того, чтобы навестить свою тетушку и кузенов.

— Кто знает...

— Паула, я тебя умоляю... Как ты можешь такое говорить — ты, работающая в Министерстве обороны!

— Именно поэтому я знаю, что необходимо учитывать все версии, даже самые сумасбродные и нелепые. В любом случае, Вади тебя не обманывал.

После этого я долго ничего не знал ни о брате Августине, ни о Вади. К тому времени я потерял своего сына Юваля в войне 73 года. Мы с Паулой были убиты горем; никто не готов

потерять ребенка. Вади в этой войне потерял не только старшего сына, но и следующего, погибшего при нападении палестинцев на взвод израильских солдат, что патрулировал берега реки Иордан.

К тому времени я уже вышел в отставку и начал читать лекции в университете. Я помню слова одного профессора о войне; тогда они проскользнули мимо моего внимания, но теперь я всякий раз вздрагиваю, когда вспоминаю о них. Он тогда сказал:

— У меня трое сыновей, и я знаю, что в любую минуту могу потерять любого из них. Если такое происходит с другими, то почему не может случиться со мной?

Именно это случилось со мной и Паулой: мы потеряли сына.

Юваль был совсем молодым солдатом: ему едва исполнилось двадцать лет — возраст, в котором надлежит учиться, а не бегать с автоматом наперевес.

Отправиться в путешествие предложила Паула.

— Думаю, нам пойдет только на пользу, если мы прокатимся за границу.

Я возразил, сказав, что даже если мы уедем за многие тысячи километров, это все равно не спасет от мыслей о погибшем Ювале. Паула на меня рассердилась.

— Ты что же, думаешь, что я могу забыть сына? Я хочу уехать лишь для того, чтобы не утонуть в своем горе. Мне нужно уехать куда-то, где нет этой бесконечной войны. Только этого я и хочу, и ничего больше.

Наши дети, Аарон и Гедеон, предложили поехать в Мадрид. В свое время я им рассказывал о своей поездке в Испанию вместе с родителями, и теперь они решили, что будет очень здорово, если мы посетим эту страну.

Паула как раз собирала чемодан, когда вдруг вспомнила о просьбе Вади найти женщину по имени Элоиса.

— Теперь, когда мы все равно едем в Мадрид, думаю, мы могли бы попытаться, — предложила Паула.

— Да ни за что на свете! — возмутился я. — Как тебе такое в голову пришло? Думаешь, меня хоть сколько-нибудь волнует, что Вади влюбился в какую-то испанскую докторшу и сделал ей ребенка? У него там своя жизнь, а мы здесь должны жить своей.

Думаю, что я так до конца и не узнал мою Паулу. Она поразила меня еще тогда, когда я узнал, что она работает аналитиком в Министерстве обороны, и не переставала удивлять до конца жизни. Я прямо-таки терялся, глядя, с какой легкостью она решает любой вопрос, не обращая внимания на предрассудки. Она обладала уникальной способностью «влезть в чужую шкуру», как она сама это называла; быть может, благодаря этой способности она и стала таким хорошим аналитиком.

— Думаю, ты сможешь немного отвлечься, если попытаешься выяснить, что случилось с той девушкой, — предложила она.

Я сопротивлялся, как мог, но в конце концов все же уступил и отправился на поиски брата Августина, ничего не сказав об этом Пауле. Я нашел его все в той же старой школе, где он когда-то вместе с Вади обучал детей. Казалось, он нисколько не удивился при виде меня.

— Так что же, вы все-таки решили помочь своему старому другу? — спросил он вместо приветствия.

Меня, конечно, разозлила самоуверенность этого монаха, вообразившего, будто я еду в такую даль исключительно ради Вади. Хотя, с другой стороны, зачем бы еще я к нему

пожаловал?

Я объяснил ему, что собираюсь в Мадрид и, если он расскажет мне подробнее об Элоисе, я постараюсь ее найти, но подчеркнул при этом, что ничего не могу обещать.

Брат Августин сообщил то немногое, что он знал об Элоисе: лишь адрес, на который Вади отправлял письма, а потом они возвращались к нему, так и не вскрытые.

Паула оказалась права: пребывание вдали от Израиля пошло нам на пользу. Мы не переставали вспоминать о Ювале, но, по крайней мере, начали высыпаться по ночам, не слыша рева сирен воздушной тревоги. Не прошло и недели, как Паула напомнила о моем обещании найти Элоису. К тому времени мы успели посетить Толедо, Аранхуэс и Эскориал, а также музей Прадо.

К моему удивлению, Паула отказалась сопровождать меня по адресу, который дал брат Августин.

— Будет лучше, если я немного погуляю и присмотрю подарки для наших мальчиков, — сказала она.

Просто удивительная женщина! Ведь это она убедила меня поискать Элоису и при этом дала понять, что это — мое прошлое и касается только меня.

Тот дом находился в фешенебельном районе Мадрида, недалеко от гостиницы «Палас», где мы остановились.

— Ну как же! Саламанка — лучший в Мадриде район! — воскликнул таксист, когда я назвал ему адрес; я в душе порадовался, что не забыл сефардского наречия — родного языка моей матери, на котором она говорила со мной и Далидой.

Когда же я нашел заветный дом, вежливый швейцар сообщил, что никакая сеньорита Элоиса Рамирес здесь не живет, хотя он сам служит здесь не так давно — всего пару лет.

— А впрочем, погодите, — припомнил он. — Какие-то сеньоры Рамирес действительно живут на пятом этаже, дверь налево.

Я поднялся на лифте на пятый этаж. Я сильно нервничал, подозревая, что в той квартире обнаружатся какие-то совершенно посторонние люди, которые понятия не имеют ни о какой Элоисе — возлюбленной Вади.

Дверь мне открыла горничная, которая действительно заявила, что Элоиса здесь не живет. Сам не знаю почему, но я попросил сообщить о моем приходе хозяйке. Горничная немного поколебалась, но потом все же провела меня в гостиную и попросила подождать. В скором времени передо мной явилась пожилая женщина, опрятно и со вкусом одетая, с седыми волосами, уложенными на затылке в узел.

— Чем могу помочь? — осведомилась она.

— Извините за беспокойство, я ищу Элоису Рамирес.

Она окинула меня беглым взглядом, и я заметил, как в ее глазах мелькнула тень сомнения.

— Прошу прощения, я действительно сеньора Рамирес, но никакая Элоиса здесь не живет, — сказала она.

Я ей не поверил. Не знаю почему, только я не поверил ни одному ее слову.

— Мне известно, что несколько лет назад она была в Иордании — работала там врачом в лагере для беженцев. Потом она заболела, и мать увезла ее обратно в Испанию.

— Кто вы такой? — спросила она, уже не отрицая, что знает Элоису.

— Друг одного ее хорошего друга.

— А с ней вы не знакомы? — в голосе женщины прозвучала ирония.

— Нет, не знаком, — сеньора Рамирес начала меня раздражать.

— Сожалею, но ничем не могу вам помочь, — сказала она. — Здесь нет никакой Элоисы.

В эту минуту отворилась дверь, и в гостиную вбежала очаровательная малышка, которая с детской непосредственностью бросилась к хозяйке и потянула ее за руку.

— Бабушка, пойдем со мной!

Мы с хозяйкой молча смотрели друг на друга; она — с надменным вызовом; я — с торжеством человека, раскрывшего ее обман.

— Простите, мне не хотелось бы вас беспокоить, хотя я не понимаю, зачем Элоиса дала этот адрес... А главное, совершенно не понимаю, почему мы до сих пор не получили от нее никаких вестей.

— Ничего не знаю, — ответила женщина. — Послушайте, я сожалею, что не смогла вам помочь, но сейчас я прошу вас уйти.

До сих пор удивляюсь, как я смог решиться сказать то, что сказал в следующую минуту:

— Итак, эта девочка — дочка Элоисы и Вади Зияда. Вы никак не посмеете этого отрицать, она похожа на своего отца, как две капли воды.

Женщина ахнула и тут же велела девочке выйти:

— Мари-Анхелес, иди-ка поиграй, я сейчас приду.

Девочка беспрекословно послушалась. Мы с хозяйкой остались наедине; я стоял, не смея больше произнести ни слова.

— Чего вы хотите? — спросила она.

— Я всего лишь хочу знать, что стало с Элоисой и ребенком, которого она ждала.

Тут снова открылась дверь, и вошел пожилой мужчина, постарше хозяйки. Они встревоженно переглянулись.

— Поверьте, мне от вас ничего не нужно, — поспешил я их успокоить. — Я вовсе не хочу создавать какие-то проблемы. Даю слово.

— Кто вы такой? — прозвучавшие в его голосе властные нотки при всем желании не позволили бы мне уклониться от ответа.

— Меня зовут Изекииль Цукер, я профессор Иерусалимского университета. Много лет назад мы с Вади Зиядом были большими друзьями. Он просил меня, если я когда-нибудь буду в Мадриде, разузнать, что случилось с Элоисой.

— Еврей дружит с арабом! — возмущенно воскликнул он. — И вы хотите, чтобы я вам поверил?

— Понимаю, в это трудно поверить, но мы действительно были друзьями. Только очень давно, в детстве, еще до войны сорок восьмого года. Вади Зияд хочет всего лишь знать, что случилось с Элоисой и... какова судьба его ребенка.

— Сядьте, — велел мужчина.

— Нам нечего вам сказать, — вставила его супруга, но тот посмотрел на нее таким грозным взглядом, что она замолчала.

— Я вижу, нам не удалось это скрыть, да мы и не должны этого делать. Так вот, послушайте меня хорошенько и передайте вашему другу, чтобы он не смел больше нас беспокоить. Мы и так уже достаточно из-за него натерпелись. Моя дочь умерла по его вине.

Я молчал, не зная, что ответить. Я был потрясен до глубины души, услышав, что

девушка, которую Вади так любил, мертва.

— Она умерла при родах, через несколько недель после того, как мы привезли ее домой. Она была на седьмом месяце беременности; просто чудо, что удалось спасти малышку, — заявила женщина, сверля меня ненавидящим взглядом.

— Мне очень жаль, — только и смог я сказать.

— Мы не желаем ничего слышать об этом человеке, — заявила мать Элоисы. — У него нет никаких прав на девочку.

— Она носит нашу фамилию, — сказал ее супруг.

— Мы так стараемся, чтобы у девочки была нормальная жизнь, чтобы она была счастлива, — продолжала женщина. — Или вы считаете, что мы должны отправить ее в палестинский лагерь к человеку, у которого имеется другая жена и дети? Так вот, мы никогда не согласимся на это. Передайте вашему другу, что если он действительно любил Элоису, то должен оставить в покое ее дочь. Девочка счастлива.

— Но... Когда-нибудь она, возможно, захочет знать, кто ее отец, — сказал я, и тут же пожалел о своих словах.

— С этим как раз проблем не будет, — в голосе матери Элоисы прозвучала торжество. — Мы скажем ей, что ее мать никогда не называла его имени.

— Я надеюсь, что теперь-то ваш друг оставит нас в покое? — спросил мужчина.

— Во всяком случае, я попрошу его об этом, — пообещал я, сильно, впрочем, сомневаясь, что Вади так просто отступится.

Паулу по-настоящему тронула эта история. Я поделился с ней своими сомнениями, стоит ли рассказывать всю правду брату Августину, но она убедила меня, что не мне решать, как будет лучше для девочки. Я с реи согласился и, как только мы вернулись в Иерусалим, рассказал брату Августину обо всем.

— Родители Элоисы — весьма влиятельные люди, — предупредил я. — Вади никак не сможет доказать, что он отец девочки.

В следующий раз я услышал о Вади лишь много лет спустя. К тому времени Израиль уже подписал договор о мире с Иорданией и Египтом, и переговоры между Израилем и ООП шли полным ходом. Однажды ко мне в университет пришел мальчик-араб и вручил письмо от брата Августина, в которой он просил о встрече.

Монах был уже очень стар; он почти ослеп и едва двигался, но при этом, как всегда, был полон энергии.

— Вади очень хочет увидеться с вами, — сказал он. — Сам он не может приехать в Израиль, поскольку израильские власти не дают беженцам разрешение на въезд, но вы ведь можете приехать в Амман.

Меня, прямо скажем, разозлило, что Вади воображает, будто я по-прежнему стану делать все, что он пожелает, как в детстве.

Брат Августин дал мне телефон Вади в Аммане.

— Позвоните ему, когда приедете в Амман, а еще лучше, если вы встретитесь в какой-нибудь гостинице. Будет не слишком удобно, если еврей заявит к нему домой, в лагерь для беженцев.

Вот это уже по-настоящему вывело меня из себя. Насколько я знал, Вади живет напротив крепости, неподалеку от королевского дворца. Еще покойный король Хусейн построил там для беженцев вполне приличные дома. Так что я был уверен, что Вади живет пусть и скромно, но достойно, а монах лишь пытается внушить мне чувство вины, чтобы

заставить плясать под свою дудку; именно это и злило меня больше всего.

И вновь Паула приняла решение. Она была уже тяжело больна, ее заживо пожирал рак, и врачи говорили, что жить ей осталось всего несколько месяцев.

— Ты должен поехать, — сказала она. — Мне очень хочется знать, чем закончится вся эта история, прежде чем я умру.

— Какая история? — растерялся я. — Не понимаю... Не могу представить, что Вади может быть от меня нужно...

— Изекииль, настоящая родина человека — это земля, где прошло его детство, а Вади и его семья — часть твоего детства и твоей родины. Да, жизнь развела вас по разным берегам; оба вы верны своему делу, и он знает это так же, как и ты. Но даже то, что вы сражались по разные стороны баррикад, еще не причина считать его своим врагом. Вы связаны неразрывными узами, и разорвать вы их не сможете, как бы ни старались.

— Я не могу уехать и бросить тебя одну в такую минуту, только лишь потому, что Вади вдруг захотелось меня увидеть.

— Если ты боишься, что со мной что-то случится в твое отсутствие, то я тебе обещаю, все будет в порядке, — ответила Паула, смеясь, как смеялась всегда, когда говорила о важном. — Будь уверен, я не умру, пока не узнаю, как прошла твоя встреча с Вади.

Наш сын Аарон не решился спорить с матерью, но мне он от души высказал свое недовольство по поводу моей поездки в Иорданию.

— Так значит, ты уезжаешь, оставив маму в больнице? А если с тобой там что-нибудь случится?

— Уверю тебя, ничего со мной не случится. В конце концов, многие израильтяне ездят в Петру на экскурсию, так почему я не могу поехать?

И тогда Аарон сказал нечто такое, что причинило мне настоящую боль.

— Ты считаешь, арабам можно доверять? Или ты забыл Юваля и Гедеона?

Вот тут он ошибался. Именно потому, что я не мог забыть о своих погибших сыновьях, я решил, что должен поехать. Моя внучка Ханна заказала мне номер в отеле «Интерконтиненталь».

— Это самый безопасный отель, там останавливаются все дипломаты, — заверила она меня.

Но этим она не ограничилась. Она решила сопровождать меня в Иорданию, прекрасно зная, что ее отец, мой сын Аарон, этого не одобрит.

— Дедушка уже совсем старенький, нужно, чтобы кто-то за ним ухаживал, — сказала она. — Поэтому я еду с ним.

Я с нетерпением ждал Вади в вестибюле отеля «Интерконтиненталь». Вади заверил меня, что прибудет к пяти часам, а было уже десять минут шестого. Я еще не видел его, когда вдруг ощутил его присутствие — сам не знаю, каким образом. Внезапно я увидел старика, стоящего около охранников, он показывал им содержимое своих карманов. Сигары, зажигалка и четки. Наши взгляды встретились, и я бросился ему навстречу. Когда мы приблизились друг к другу на расстояние ладони, то все еще сомневались, как надлежит себя вести. Я протянул ему руку, и он пожал ее; но затем мы обнялись так крепко, что из глаз брызнули слезы.

Мы устроились в укромном уголке и говорили и говорили, многие часы. Рассказывали

друг другу о своей жизни, оплакивали потерю сыновей, вспоминали детство.

— Спасибо, что ты пытался найти Элоису и нашел мою дочь, — сказал он.

— Знаешь что? Я никак не могу понять, как ты влюбился в другую женщину после Анисы... И как Аниса тебя простила?

— Она понимала, что все равно не сможет меня удержать, — ответил Вади. — Я полюбил Элоису с первого взгляда, и понял, что она тоже. Ради нашей любви я готов был снести любые преграды, хотя, не скрою, я очень страдал, зная, что причиняю боль Анисе. Я не стал ее обманывать, признался ей во всем и предоставил самой принимать решение. Она предпочла остаться со мной, но я не мог обещать, что останусь с ней навсегда. Я хотел, чтобы Элоиса была счастлива, и хотя она готова была смириться и принять все как есть, меня это не устраивало. Я бы предпочел, чтобы Аниса подала на развод, но она не хотела, а мне не хватало мужества уйти от нее. У нас было четверо детей, и троих из них мы потеряли. Да, трое наших сыновей стали бойцами, и двое из них погибли на войне с Израилем, а третий — в одной из стычек с иорданскими войсками, к величайшему моему горю, ты ведь знаешь, что наша семья всегда была предана хашимитам.

Он говорил об Элоисе с такой страстью, что, казалось, в эти минуты он видит ее перед собой. А еще он рассказал, что все-таки смог кое-что узнать о своей дочери.

— Не было ни единого дня, чтобы я не вспоминал о дочке Элоисы, но я считаю, что ее дед и бабушка правы. Я действительно мало что могу ей предложить и вряд ли имею право вторгаться в ее жизнь.

После моей поездки в Мадрид, когда я передал добытые сведения брату Августину, Вади попытался разузнать, как протекает жизнь этой девочки, Марии де лос Анхелес де тодос Сантос, как ее нарекли при крещении.

Его отец, дядя, кузены и трое сыновей погибли, сражаясь против Израиля. Я же потерял в этой войне мать, кузину Ясмин, Михаила, двух сыновей... Но мы вспоминали о погибших близких не с упреком, а с осознанием того, как важен для них мир между нами.

Раздел Палестины на два государства действительно был единственным возможным решением; теперь мы оба это понимали. Но при этом Вади сказал мне и другое:

— Поистине трагическая ирония судьбы: нам приходится унижаться перед ворами, чтобы всего лишь получить надежду когда-нибудь вернуться в собственный дом. Потому что, как ни крути, а вы — именно воры, пробрались ночью, чтобы ворваться в наши дома и выгнать нас на улицу, а теперь еще и кричите на весь мир, что мы должны вести с вами переговоры и принимать все ваши требования, если хотим, чтобы нам выделили уголок на земле, которая и так всегда принадлежала нам. И знаешь, Изекииль, что я тебе скажу? Если вы не пойдете нам навстречу, если не признаете наконец, что Палестина должна возродиться, вы ее потеряете — рано или поздно, но потеряете. А знаешь, почему? Потому что никакое оружие, даже самое мощное, не сможет сломить нашего духа, преодолеть нашей решимости восстановить свою страну, ведь каждый камень, брошенный кем-то из наших детей, делает вас слабее. Среди вас больше нет героев, подобных библейскому Давиду, вы остались в одиночестве, и никакие ваши страдания в далеком прошлом не могут оправдать тех страданий, которые вы причиняете нам сейчас. А самое главное, вы уже потеряли свою душу.

Я молча слушал его упреки. А что я мог сделать? Не спорить же с человеком, который потерял все, что имел, и теперь не может даже поплакать над могилами своих близких:

судьба лишила его даже этого. К тому же, слушая его, я невольно чувствовал себя виноватым.

Уже совсем стемнело, когда мы с Вади расстались, примирившись, наконец, с друг другом. Мы не рассчитывали снова увидеться: ведь мы были уже немолоды и не могли знать, что случится завтра. Но после этой встречи он время от времени мне звонит, а иногда звоню ему я. Наши разговоры обычно бывают недолгими и не слишком содержательными, но это настоящее утешение для нас обоих — услышать голос друга.

Когда я рассказал жене о своей встрече с Вади, мне вдруг стало стыдно, что я, участник четырех войн, постыдно проиграл самое важное на свете сражение: не смог отстоять мир.

Мариан не шевелилась, и Изекииль понял, что она едва сдерживает слезы.

— И на этом кончается ваша история, да? — спросила она.

— Вы же сами прекрасно знаете, что на этом история не закончена, — улыбнулся старик. — Разумеется, нет. Разве вы не хотите узнать, что случилось с дочерью Вади?

— Нет... — ответила она чуть дрогнувшим голосом. — Думаю, это не так и важно.

— Эта девочка выросла, так и не узнав, кто ее отец. Дед и бабушка хранили тайну до самого конца. Однако ее дед перед смертью написал письмо, в котором рассказал, кто был отцом внучки. Когда она узнала правду, это стало настоящим шоком. Вдруг оказалось, что до сих пор она жила в мире лжи. Поначалу она не поверила собственным ушам — эта милая девочка, которая всегда вращалась в высшем мадридском обществе, училась в дорогих школах, потом окончила университет и уже почти получила степень магистра. И вот эта девочка начала собственное расследование, желая обрести свою потерянную, как она считала, личность. Она так и не решилась отправиться в Амман на поиски отца, а вместо этого принялась ходить кругами. Прежде всего, она приложила все мыслимые усилия, чтобы познакомиться с палестинскими детьми — девочками и мальчиками, которые учатся в Испании. Но этого ей оказалось мало, и вот в один прекрасный день она отправилась в Рамаллу. Там она познакомилась с неким молодым человеком и... Влюбилась в него? Может, и так, а возможно, решила, что сможет полюбить его в будущем. В любом случае, она посчитала это лучшим способом хоть немного приблизиться к человеку, о существовании которого еще недавно даже не подозревала. Они поженились, и у них родился сын. Однако брак не продлился долго. Она так и не смогла привыкнуть к жизни в Рамалле, не смогла освоиться в обществе, где все было ей чуждо. Тем не менее, она продолжала искать отца — человека, о котором она не знала ничего, кроме имени и того, что он жил в Аммане, в лагере для беженцев. Отца, которого она горько упрекала за то, что он оказался недостаточно настойчив, чтобы забрать ее к себе, принеся эту жертву ради ее благополучия.

И вот она уехала из Рамаллы и вернулась в Мадрид, забрав с собой сына. Отец мальчика поначалу не возражал, однако, едва сыну исполнилось двенадцать, предъявил на него права. Он заявил, что мальчик должен перейти под опеку отца. Она ничего не смогла поделать, закон был на стороне того, кто считался ее мужем; таким образом, отец забрал мальчика, а ей было позволено лишь навещать его время от времени, и после каждой встречи все сильнее становилась горечь новой разлуки.

Ее не было в Рамалле в тот день, когда погиб ее сын. Тогда как раз началась то ли вторая, то ли третья Интифада — я уже не помню, и этот мальчик вместе с другими детьми стал бросаться камнями в солдат, охранявших группу колонистов, которые строили новый поселок. Дети бросали камни изо всей силы; солдаты разозлились и открыли огонь. Пуля оборвала жизнь одного из детей; это был ее сын. Когда она приехала в Рамаллу, то узнала,

что сына уже похоронили. С тех пор она не перестает его оплакивать.

Дочь Вади так и не смогла простить ни своего отца, ни деда с бабушкой, которые скрыли от нее правду, ни своего мужа, который отнял у нее сына, ни Израиль — просто за то, что он существует.

Она так и не научилась прощать, как не научилась никого жалеть, кроме себя. Долгие годы она жила в тоске и с болью, и даже новый брак не помог смириться с потерей сына. Она одержима лишь одной мечтой — мечтой о мести; это стремление оказалось сильнее, чем все остальные чувства, даже воля к жизни. Несколько месяцев назад она встретила наконец со своим отцом. После стольких лет она наконец на это решилась.

И старое сердце Вади наполнилось безмерной любовью, едва он заглянул в ее глаза — глаза Элоисы. Но ей встреча с отцом не принесла облегчения. Перед ее глазами стояло лицо погибшего сына, и этот образ мешал ей увидеть что-то еще. Короче говоря, она тщательнейшим образом разработала план мести; это было непросто, но, так или иначе, теперь ее план близок к завершению. Беда в том, что она искренне верит, будто месть поможет ей обрести покой. Она считает, что должна убить врага, который отнял жизнь ее сына, что должна заставить страдать тех, кто заставил страдать ее. Я не прав, Мариан? Или вы предпочитаете именоваться Марией де лос Анхелес де тодос лос Сантос — именно так, если не ошибаюсь, вас нарекли при крещении? Или вас правильнее называть миссис Миллер — по имени вашего последнего мужа?

Мариан побледнела, ее челюсть задрожала. Рука скользнула в карман куртки, словно что-то нащупывая.

— Когда вы узнали? — прошептала она дрогнувшим голосом.

— В первый же день, когда ты здесь появилась. В тот день мне позвонил Вади, твой отец, и попросил сделать все возможное, чтобы не допустить твоей встречи с Аароном. «Я не хочу новых жертв, — сказал он. — Мы и так достаточно натерпелись. Поверь, будет лучше для всех, если она не увидится с твоим сыном». Его по-настоящему пугала твоя решимость. Он хотел не только уберечь меня от новых страданий, но, прежде всего, спасти тебя от тебя самой. Но я ответил ему, что готов рискнуть, потому что хотел услышать из твоих уст нашу историю, в которой так тесно переплелись судьбы Цукеров и Зиядов; а еще я надеялся, что смогу тебе помочь примириться с собой. К тому же у меня было еще одно преимущество: ведь я точно знал, что Аарона здесь нет, и ты при всем желании не смогла бы с ним сцепиться. Знаешь, ты очень напоминаешь своего деда Мухаммеда... Сама видишь, история Зиядов и Цукеров не закончилась в 1948 году.

Он пристально посмотрел ей в глаза, прежде чем продолжить.

— Я уже стар и очень болен; много ли мне осталось? Твой дедушка Мухаммед, помнится, говорил, что бывают в жизни мгновения, когда единственный способ спастись — это умереть или убить. Так что... Ни о чем не беспокойся: стреляй, я уже мертв.

Повисла напряженная тишина. На миг оба они словно ощутили прикосновение вечности; ни один не двинулся с места. Не слышно было даже их собственного дыхания.

Затем Изекииль медленно поставил чашки на поднос, молча наблюдая, как закипает вода для чая.

Их разделяло лишь несколько метров, и на него вдруг накатила волна страха, смешавшись с запахом ее духов.

Он знал, что именно так пахнет страх. Как знакомо ему это чувство, сколько раз в прошлом ему приходилось преодолевать страх. Но теперь, перед лицом смерти, которую он

готов был встретить, как друга, он вдруг перестал бояться; напротив, был рад поиграть со своим страхом, пока тот не отступит и не уйдет.

Краем глаза он заметил ее быстрое движение. Он знал, что она держит палец на спусковом крючке и в любую секунду готова выстрелить. Тогда он решил повернуться к ней лицом и умереть достойно, глядя прямо в глаза — если только может быть какое-то достоинство в том, что живой человек перестает существовать.

Он увидел в бездонных черных глазах ярость, но видел в них и отчаянную внутреннюю борьбу. Ему было бесконечно жаль ее: если она выстрелит, то погубит свою душу, если же нет — то потом никогда не простит себе этой слабости.

Тот миг, когда их взгляды встретились, показался им вечностью.

— Стреляй, я уже мертв, — повторил он слабым шепотом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Исторические лица

Абд аль-Кадир аль-Хусейни (1907-1948) — палестинский арабский националист, один из создателей Армии Священной Войны. Участник военных событий 1930-х годов, во время британского мандата в Палестине. Командовал нерегулярными палестинскими силами во время арабо-израильской войны 1948 года.

Абдул-Хамид II (1842-1918) — султан Османской империи, смещенный военным мятежом «младотурков». Его сменил брат, Мехмед V.

Абдалла I ибн Хусейн (1882-1951) — первый король Иордании, основатель династии. Сын Хусейна ибн Али, шарифа Мекки и главы династии хашемитов.

Александр II (1818-1881) — российский император, сын Николая I, правил Россией с 1855 по 1881 год.

Александр III (1845-1894) — российский император, сын Александра II, правил Россией с 1881 по 1894 год.

Артур Бальфур (1848-1930) — премьер-министр Великобритании с 1902 по 1905 год, во время правления короля Эдуарда VII, а затем министр иностранных дел. 2 ноября 1917 года подписал представленную бароном Ротшильдом «Декларацию Бальфура, документ, в котором Великобритания объявляла желательным создание еврейского государства в Палестине.

Давид Бен Гурион (1886-1973) — премьер-министр Израиля в 1948-1954 годах, а потом снова с 1955 по 1963. Был одним из главных сторонников создания еврейского государства и 14 мая 1948 года провозгласил независимость Израиля.

Баязид II (1481-1512) — султан Османской империи. Преобразовал внутреннюю политику и ввел новую систему налогообложения, более легкую для подданных. Позволил изгнанным из Испании и других стран Европы евреям селиться на землях империи.

Алоиз Бруннер (1912, исчез в 1996) — гауптштурмфюрер СС, командующий лагерем Дранси, сыгравший весьма активную роль в уничтожении евреев во время Второй мировой войны.

Екатерина II (1729-1796) — супруга царя Петра III и императрица России с 1762 по 1796 год.

Ахмед Кемаль (Кемаль-паша) — один из трех пашей, незаконно удерживающих власть в Османской империи во время Первой мировой войны. Другие два — Энвер-паша и Мехмед-Талаат.

Невилл Чемберлен (1869-1940) — премьер-министр Великобритании с 1937 по 1940 год, во время правления короля Георга IV.

Уинстон Черчилль (1874-1965) — премьер-министр Великобритании с 1940 по 1945 год, во время правления короля Георга IV.

Аллан Каннингем (1887-1983) — британский генерал. Занимал должность последнего британского верховного комиссара в Иерусалиме.

Теодор Даннекер (1913-1945) — офицер СС, играл активную роль в уничтожении евреев во время Второй мировой войны.

Альфред Дрейфус (1859-1935) — французский военный еврейского происхождения, обвиненный в 1894 году в шпионаже и приговоренный к пожизненному заключению. В 1906

году был признан невиновным и вернулся в армию с сохранением всех званий.

Исмаил Энвер, Энвер-паша (1881-1922) — лидер революции младотурков. Один из трех пашей, находящихся у власти в Османской империи во время Первой мировой войны.

Фейсал I ибн Хусейн (1883-1933) — брат Абдаллы I. Был известным членом семьи хашемитов, лидером арабского восстания в 1918-1920 годах и королем Ирака с 1921 по 1933 год.

Амин аль-Хусейни (1897-1974) — главный муфтий Иерусалиса с 1921 по 1948 год. Стал главным союзником Третьего Рейха в исламском мире во время Второй мировой войны.

Теодор Герцль (1860-1904) — журналист и писатель из Австро-Венгерской империи, основатель сионистского движения.

Хусейн ибн Али (1854-1931) — эмир и последний шариф Мекки с 1908-1917 годах. После этого был королем государства Хиджаз (на территории нынешней Саудовской Аравии) до 1924 года. После смещения объявил себя калифом и до смерти жил в изгнании.

Хусейн I (1935-1998) — король Иордании из хашемитской династии, правил страной с 1952 года, после отречения от трона его отца Талала, и до 1998 года.

Владимир Жаботинский (1880-1940) — лидер сионистского движения, писатель, журналист, военный, основатель Еврейского легиона во время Первой мировой войны. Был главным идеологом движения сионистов-ревизионистов.

Томас Эдвард Лоуренс (1888-1935) — британский военный, археолог и писатель, известный под именем Лоуренса Аравийского. Сыграл значительную роль связного во время арабского восстания против власти Османской империи во время Первой мировой войны.

Артур Генри Макмагон (1862-1949) — британский дипломат и колониальный администратор, служивший британским верховным комиссаром в Каире с 1915 по 1917 год. Известен тем, что переписывался с шарифом Хусейном ибн Али. Эта переписка из десяти писем имела целью подготовить арабское восстание против Османской империи во время Первой мировой войны взамен на признание союзниками арабского государства.

Мехмед Талаат, Талаат-паша (1872-1921) — член движения «младотурков». Один из главных руководителей Османской империи вместе с Исмаилом Энвером и Ахмедом Кемалем.

Мехмед V Решад (1844-1918) — султан Османской империи. Взошел на престол в 1909 году, хотя во время правления и не обладал реальной властью, которая перешла к таким политическим фигурам, как Энвер-паша, Талаат-паша и Кемаль-паша. Объявил джихад Британской империи в 1914 году, когда Османская империя вступила в Первую мировую войну.

Йозеф Менгеле (1911-1979) — врач, антрополог и нацистский преступник, называемый «Ангелом смерти». Известен своими экспериментами над заключенными концентрационного лагеря Аушвиц.

Николай II (1868-1918) — сын Александра III и российский император с 1894 по 1917 год.

Уильям Роберт Пил (1867-1937) — британский политик. В 1936-1937 годах был президентом комиссии Пила, которая предложила способ разрешения арабо-израильского конфликта в Палестине.

Шарль-Франсуа-Жорж Пико (1870-1951) — французский дипломат, подписавший совместно с Марком Сайксом соглашения Сайкса-Пико между Великобританией и Францией относительно разделения Османской империи после Первой мировой войны.

Константин Победоносцев (1827-1907) — русский политик и мыслитель. Во время правления Александра III занимался внутренней политикой и имел значительное влияние на сына царя, Николая II.

Рариб аль-Нашашиби (1881-1951) — влиятельная общественная фигура во время власти в Палестине Османской империи, британского мандата и иорданской администрации. Был мэром Иерусалима с 1920 по 1934 год.

Хайнц Ротке (1912-1966) — офицер СС, сыграл активную роль в истреблении евреев по время Второй мировой войны.

Марк Сайкс (1879-1919) — британский аристократ, подписавший договор Сайкса-Пико между Великобританией и Францией о разделе Османской империи после Первой мировой войны.

Хаим Вейцман (1874-1952) — представитель британских сионистов белорусского происхождения, первый президент Израиля с 1949 по 1951 год.

Вудро Вильсон (1856-1924) — президент США с 1913 по 1921 год.

---

notes

Гистадрут — израильский профсоюз. В 1959 году разрешён приём в Гистадрут неевреев.

НКО — некоммерческая организация.

Израильские поселения в Иудее и Самарии (на Западном берегу реки Иордан) и в секторе Газа — это населенные пункты, созданные после 1967 года на территориях, занятых Израилем в ходе Шестидневной войны. Ряд источников считает, что существование израильских поселений на оккупированных территориях противоречит Женевской конвенции.

Штетл — небольшое, как правило, поселение полугородского типа, с преобладающим еврейским населением в Восточной Европе в исторический период до Холокоста. Находились в областях, составлявших с конца XVIII века черту оседлости в Российской империи.

Дело Дрейфуса — судебный процесс в декабре 1894 г. во Франции и последовавший за ним социальный конфликт (1896-1906) по делу о шпионаже в пользу Германской империи офицера французского генерального штаба, еврея родом из Эльзаса (на тот момент территории Германии), капитана Альфреда Дрейфуса, разжалованного военным судом и приговорённого к пожизненной ссылке на основе фальшивых документов и на волне сильных антисемитских настроений в обществе.

Билу — движение, созданное после волны погромов в 1881–1884 годах. Группа студентов из Харькова вместе с группой «Ховевей Сион» основали в Палестине сельскохозяйственный кооператив «Ришон ле Сион».

Купол Скалы, иногда переводят как Купол над Скалой — исламское святилище над камнем основания на Храмовой горе в Иерусалиме, рядом с древнейшей в мире мечетью Аль-Акса.

Кибуц — сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении.

Сфарад — термин, которым на иврите обозначается Испания. Сефарды — субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове из потоков миграции иудеев внутри Римской империи, а затем внутри Халифата. Исторически бытовым языком сефардских евреев служил ладино.

Шариф — почётный титул мусульман, передаваемый по мужской и женской линиям. В доисламской Аравии представитель знатного рода, градоправитель или вождь племени. В мусульманском мире первоначально право на этот титул имели лишь потомки Хасана — внука Мухаммеда, однако позднее «шерифами» — как и сеидами — называли всех потомков Мухаммеда. С X века и по 1916 год в Аравии «шерифом» (точнее — «Великим шерифом») титуловался правитель Хиджаза и Мекки (см. Шериф Мекки). В 1916 году шериф Мекки Хусейн ибн Али аль-Хашими принял титул короля Хиджаза.

Машрик — изначально, по представлениям арабских географов, все восточные земли. С XVI века по начало XX века, в период османского владычества, границы понятия «эль-Машрик» сжались до рубежей османских провинций на Ближнем Востоке.

Потсдамский мост — имеется в виду так называемый «Мост шпионов», в годы холодной войны здесь проходила граница между ГДР и ФРГ, где проводили обмен разведчиками. Чарли — КПШ на границе Западного и Восточного Берлина.

Накба в переводе с арабского означает «потрясение», «катастрофа» или «катаклизм». Ряд арабских источников использует это слово применительно к исходу около 725 000 палестинских арабов вследствие Арабо-израильской войны и Шестидневной войны.